

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР

ЕЖЕГОДНИК
ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
ЛАТВИЙСКОЙ ССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР

ЕЖЕГОДНИК
ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
1961 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР
РИГА 1963

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д-р истор. наук *В. К. ЯЦУНСКИЙ* (отв. редактор),
акад. *С. Д. СКАЗКИН*, член-корр. АН СССР *Х. Х. КРУУС*,
академик АН Латв. ССР *К. Я. СТРАЗДИНЬ*, академик АН Латв. ССР *А. А. ДРИЗУЛ*,
д-р истор. наук *Н. В. УСТЮГОВ*, канд. истор. наук *И. У. БУДОВНИЦ*,
канд. истор. наук *Г. П. СТРОД*, канд. истор. наук *А. М. АНФИМОВ* (отв. секретарь).

«ЕЖЕГОДНИК ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ» ЗА 1961 г.

В «Ежегоднике по аграрной истории Восточной Европы» за 1961 г. публикуются доклады и сообщения, сделанные на четвертой сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории, проведенной в Риге с 6 по 11 сентября 1961 г.

На Рижской сессии было сделано 60 докладов и сообщений, из которых 4 были заслушаны на пленарных заседаниях, а 56 — в четырех секциях, организованных, как это было и ранее, по хронологическому принципу. Для напечатания было представлено 49 докладов и сообщений¹.

Круг научных учреждений, приславших докладчиков² на Рижскую сессию симпозиума, виден из следующей таблицы (для сравнения приводятся данные и по предыдущим сессиям):

Учреждения	Рижская (IV) сессия	Киевская (III) сессия	Московская (II) сессия	Таллинская (I) сессия
	число докладов и сообщений			
Академия наук СССР	12	19	11	4
Академии наук союзных республик	19	23	12	8
Университеты	16	13	9	5
Педагогические институты	12	10	—	—
Прочие учреждения	1	—	1	—
Итого	60	65	33	17

Небольшое уменьшение общего числа докладов на Рижской сессии по сравнению с Киевской сессией объясняется не сокращением числа заявок (их количество увеличилось), а более строгим отбором докла-

¹ В редколлегию «Ежегодника» не были представлены доклады: А. М. Анфилов. К вопросу о степени развития капитализма в крестьянском земледелии Европейской России (конец XIX — начало XX в.); Д. И. Будаев. Итоги изучения выкупных сделок по Смоленской губернии; И. А. Воронков. Состояние сельского хозяйства и положение крестьян шляхетских имений Великой Польши во второй половине XVIII в.; В. И. Корецкий. К вопросу о закрепощении крестьян в России в конце XVI — начале XVII в.; И. А. Литаш. Садоводство и виноградарство в Крыму во второй половине XIX в.; Ю. К. Мадиссон. Классовая борьба вольных шведских крестьян в Эстляндии в XVIII—XIX вв.; Э. С. Паина. Крестьянские прошения и жалобы первой половины XIX в. как исторический источник; М. С. Симонова. Борьба крепостнического и буржуазного течений в правительственном лагере по вопросам аграрной политики в 90-е годы XIX в.; Н. Н. Улащик. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии; В. А. Фигаровский. Крестьянское восстание в России в 1614—1615 гг.; М. А. Ючас. Наемный труд в литовской деревне во второй половине XVIII в.

² Подсчет произведен по числу докладов, а не по количеству докладчиков (некоторые доклады были представлены несколькими авторами).

дов со стороны Организационного комитета. Основанием при отборе служили тезисы, представление которых было для докладчиков обязательным. Невозможность опубликовать все доклады ставит внешний предел экстенсивному росту симпозиума и позволяет усилить внимание к качественной стороне его работы.

На Киевской сессии, где впервые с докладами выступили также преподаватели педагогических институтов, увеличилось и число докладов, представленных университетами. В Рижской сессии преподаватели высшей школы — университетов и педагогических институтов — приняли еще более активное участие, количество же докладов, авторами которых были работники академий наук, сократилось.

Из университетов, как и раньше, основными участниками симпозиума были Московский, Ленинградский и Львовский, которыми было представлено десять докладов; помимо того, докладчиков прислали Латвийский, Тартуский, Томский и Кишиневский университеты. Из числа педагогических институтов, как и на Киевской сессии, выделялись Крымский, Смоленский и Ставропольский, где уже сложились небольшие научные центры по разработке аграрной истории своего края; эти три института выдвинули семь докладчиков. В Рижской сессии приняли участие также преподаватели Минского, Пензенского, Кировского и Курганского институтов, сделавшие пять докладов.

Участники Рижской сессии в своей резолюции выразили сожаление по поводу отсутствия на сессии представителей Института славяноведения АН СССР. Доклады по аграрной истории стран народной демократии были сделаны только работниками Ленинградского и Московского университетов и были посвящены лишь одной стране — Польше.

Активнее включилось в работу симпозиума молодое Сибирское отделение АН СССР: на Киевской сессии им был выдвинут один докладчик, на Рижской их было уже двое. Всего по аграрной истории Сибири было представлено пять докладов¹, между тем как в Киеве — всего один. Организационный комитет считает, что постановка докладов по сибирской тематике не меняет принципиально рамок симпозиума как организации по изучению аграрной истории Восточной Европы, ибо в аграрном отношении Сибирь была продолжением восточных окраин Европейской России. Земледелием в Сибири занимались переселенцы-крестьяне, так что развитие сельского хозяйства находилось там в тесной связи с состоянием земледелия Европейской России, откуда в Сибирь прибывали эти переселенцы. Те особенности аграрного строя, которые отличаются от Европейской России Кавказ, Среднюю Азию и Казахстан, в Сибири отсутствовали.

По своей проблематике Рижская сессия имела много общего с Киевской, но в то же время наметились некоторые переломные моменты. В первую очередь следует отметить усиление внимания к истории развития производительных сил. На Киевской сессии этой проблеме было посвящено 8 докладов (см. введение к «Ежегоднику» за 1960 г.), на Рижской она была подвергнута рассмотрению 14 докладчиками.

На Рижской сессии, как и на Киевской, центральное место на пленарных заседаниях симпозиума занимала проблема капиталистического расслоения земледельческого крестьянства. Е. И. Индова, А. А. Преображенский и Ю. А. Тихонов в своем докладе выдвинули обширную аргументацию как теоретического характера, так и фактического порядка в защиту положения, что начало классового расслоения земледельческого крестьянства, т. е. формирование в деревне предпролетариата и буржуазии, отмечается в России уже в XVII в., что капиталистические отношения зарождаются одновременно и в промышленности, и в земледелии,

¹ Три доклада были сделаны представителями Томского университета и Курганского педагогического института.

только в последнем они не так ярко выражены. Из двадцати выступавших на пленуме мнение докладчиков поддержал полностью один Н. В. Устюгов. Киевский историк И. Г. Рознер утверждал, что капиталистические отношения в сельском хозяйстве России стали возникать еще в XVI в., т. е. на столетие раньше, чем полагали Е. И. Индова, А. А. Преображенский и Ю. А. Тихонов, которые в своем докладе называли точку зрения И. Г. Рознера недостаточно обоснованной. Остальные выступавшие в прениях, в том числе и медиевисты, не поддержали мнения авторов доклада. При выработке повестки дня V сессии симпозиума Организационный комитет признал нецелесообразным продолжать дискуссию по этой проблеме. При особом мнении остался Н. В. Устюгов, считающий, что дискуссия не закончена, а прервана.

Рижская сессия была подготовлена до издания известных постановлений партии и правительства о координации научных исследований, проект же Программы КПСС был опубликован всего лишь примерно за месяц до начала сессии. Естественно, что при подготовке сессии эти исключительно важные документы не могли быть учтены. Но, конечно, участники сессии не могли не откликнуться на эти документы, имеющие столь огромное значение для всей научной работы. Это было сделано на заключительном пленарном заседании, на котором В. К. Яцунский по поручению Организационного комитета подвел итоги работы сессии и остановился на перспективах научной работы в области аграрной истории эпохи феодализма и эпохи капитализма в свете названных документов. В резолюции, принятой на заключительном пленарном заседании, участники симпозиума подчеркнули, что Программа КПСС позволяет правильно оценить возможность изучения аграрной истории и наметить пути улучшения этой работы.

При обсуждении перспектив научной работы по аграрной истории эпохи феодализма и эпохи капитализма было высказано пожелание об установлении научного контакта со специалистами по аграрной истории советского общества и привлечении их к участию в сессиях симпозиума. В резолюции участники сессии поручили Организационному комитету выяснить возможные конкретные формы осуществления этого мероприятия. Исполняя это поручение, Организационный комитет выяснил, что руководство сессий по аграрной истории советского общества считает нецелесообразным сливать их с сессиями симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Обеими сторонами было признано, что наиболее рациональной формой научного контакта является постановка как на сессиях по аграрной истории эпохи феодализма и капитализма, так и на сессиях по аграрной истории советского общества информационных докладов о принципах и ходе научной работы. В осуществление этого соглашения на V сессии симпозиума такой доклад будет поставлен. Бюро Отделения исторических наук АН СССР при утверждении программы V сессии санкционировало это решение.

На заключительном пленарном заседании Рижской сессии симпозиума представитель Академии наук Белорусской ССР пригласил собравшихся провести сессию 1962 г. в Минске. Это предложение было принято с благодарностью.

Итоги Рижской сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы обсуждались Бюро Отделения исторических наук АН СССР, решение которого приводится ниже наряду с резолюцией, принятой участниками сессии.

В организационной работе по проведению сессии и в подготовке «Ежегодника» к печати активное участие принимала И. В. Ледовская. В редактировании части докладов и сообщений третьей секции участвовал Б. Г. Литвак. Редколлегия выражает им благодарность за помощь в работе.

РЕЗОЛЮЦИЯ

IV СЕССИИ МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКОГО СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

6—11 сентября 1961 г. в гор. Риге

1. IV сессия Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы происходила накануне XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза и непосредственно после опубликования проекта Программы КПСС. Этот исторический документ, ставящий перед общественными науками задачу глубже раскрывать закономерности развития человеческого общества, обобщать практику коммунистического строительства, решительно выступать против буржуазной идеологии, против ревизионизма и догматизма, отстаивать чистоту принципов марксизма-ленинизма, позволяет нам глубже оценить значение изучения аграрной истории и наметить пути улучшения этой работы.

2. Участники IV сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы считают, что изучение аграрной истории России и других восточноевропейских стран эпохи феодализма и эпохи капитализма принадлежит к числу актуальных задач марксистско-ленинской исторической науки, так как оно

а) вносит серьезный вклад в раскрытие закономерностей развития человеческого общества и тем самым в познание закономерностей процесса продвижения человечества к социализму и через него — к коммунизму;

б) способствует более глубокому усвоению марксистско-ленинского мировоззрения широкими кругами историков;

в) позволяет выяснить исторические корни союза рабочего класса и крестьянства;

г) может в значительной степени содействовать пониманию современного аграрного развития не только самих стран Восточной Европы, но и других стран, в особенности Азии;

д) вооружает работников общественных наук социалистического лагеря в борьбе с буржуазной идеологией и искажением исторической правды буржуазной наукой, с фальсификацией марксистско-ленинской исторической науки ревизионистами и догматиками.

3. В свете Программы КПСС, а также постановления партии и правительства о координации научных исследований становится особенно очевидной необходимость значительного улучшения работы будущих сессий симпозиума, а сами эти документы вооружают научные организации историков средствами, необходимыми для осуществления данной задачи. Взаимное научное общение историков-аграрников и обмен творческим опытом на четырех сессиях в Таллине, Москве, Киеве и Риге способствуют этому.

Вместе с тем результаты последних сессий показывают, что настало время предпринять коллективные усилия по координации научной работы в области аграрной истории и по преодолению тех недостатков в этой работе, которые были отмечены в резолюциях предыдущих сессий симпозиума и которые оказались характерными и для настоящей сессии.

Участники сессии считают необходимым по возвращении на места обсудить в своих организациях вопросы планирования и координации научной работы в области аграрной истории, обратив, в частности, особое внимание на изучение аграрной истории эпохи империализма, истории урожайности и цен, изучение инвентарей, описей крестьянских хозяйств в помещичьих имениях, уставных грамот и выкупных актов реформы 1861 г., материалов земской статистики.

Участники сессии находят необходимым при обсуждении планов работы на местах наметить, координация каких проблем желательна применительно ко всей территории СССР, лежащей в Восточной Европе и Сибири, и каких — в региональном масштабе.

4. Материалы этих обсуждений на местах надлежит направить в Оргкомитет, с тем чтобы он доложил о них на следующей сессии симпозиума и попытался на их основе наметить план конкретных мероприятий, а также учел их при планировании повестки дня следующей сессии.

Участники сессии считают, что в настоящее время Оргкомитет имеет больше возможностей для изменения формы организации работы сессий симпозиума. До сих пор программы заседаний составлялись почти исключительно из докладов и сообщений, отобранных из числа заявок с мест, и лишь в очень небольшой мере из докладов, специально заказанных Оргкомитетом. Желательно, чтобы в дальнейшем работа сессий строилась по заранее разработанной, наиболее актуальной проблематике.

5. Участники сессии считают крайне желательным установить научный контакт со специалистами по аграрной истории советского общества и привлечь их к работе симпозиума.

Участники сессии просят Оргкомитет разработать конкретные формы осуществления этого мероприятия.

6. Участники сессии выражают сожаление об отсутствии на данной сессии работников Института славяноведения АН СССР и считают желательным привлечение на будущие сессии симпозиума специалистов Института истории АН СССР по истории европейских неславянских стран народной демократии.

7. Участники сессии просят Оргкомитет учесть в дальнейшей работе пожелания секций настоящей сессии.

8. Участники сессии просят Академию наук Латвийской ССР, следуя установившейся уже традиции, издать труды данной сессии в виде «Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы» за 1961 г.

9. Участники сессии с благодарностью принимают предложение Академии наук Белорусской ССР о созыве следующей сессии симпозиума в 1962 г. в Минске.

10. Участники сессии выражают благодарность за заботу об организации настоящей сессии, и в частности за напечатание тезисов докладов, Президиуму Академии наук Латвийской ССР и Институту истории этой Академии в лице его руководителей академика К. Я. Страдина и члена-корреспондента А. А. Дризула. Участники с особой признательностью отмечают плодотворную работу по организации данной сессии члена Оргкомитета от Латвии кандидата исторических наук Г. П. Строда.

Приложение к протоколу
№ 8 от 6 марта 1962 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

БЮРО ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР

об итогах IV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы и перспективах его дальнейшей работы

Бюро отмечает, что за период своей работы симпозиуму удалось сплотить историков-аграрников союзных академий, университетов и пединститутов и создать тем самым активный координирующий центр научной работы в области аграрной истории.

Однако при подготовке IV сессии симпозиума Оргкомитет недостаточно учел рекомендации Бюро по итогам III симпозиума о необходимости избегать как чрезмерной громоздкости и многотемности программы, так и ее чрезмерного сужения.

Бюро Отделения *постановляет*:

1. Признать целесообразным в будущей работе симпозиума уделять большее внимание ведущим проблемам аграрной истории; периодам, более близким к Великой Октябрьской социалистической революции, не игнорируя, конечно, всех остальных исторических эпох; систематическому выявлению и изучению основных источников аграрной истории.

2. Просить Президиум Академии наук Латвийской ССР, по приглашению которого симпозиум был проведен в столице Латвийской ССР Риге, издать, как имеющие значительную научную актуальность, в соответствии с установившейся традицией, труды симпозиума в виде продолжения серии «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы».

3. Принять предложение Президиума АН Белорусской ССР о проведении следующей сессии в Минске.

4. Выразить благодарность за хорошую организацию Рижской сессии Институту истории АН Латвийской ССР и его директору акад. К. Я. Страздиню, заместителю директора чл.-корр. А. А. Дризулу и старшему научному сотруднику этого Института Г. П. Строду за умелую и энергичную работу по организации сессии.

ДОКЛАДЫ
НА ПЛЕНАРНЫХ
ЗАСЕДАНИЯХ

Е. И. Индова, А. А. Преображенский,
Ю. А. Тихонов

**ПРОБЛЕМА КЛАССОВОГО РАССЛОЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА
ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА
В СВЕТЕ ТРУДОВ В. И. ЛЕНИНА
О РАЗВИТИИ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ**

Проблема социальной эволюции крестьянства в период позднего феодализма поставлена в трудах основоположников марксизма. К. Маркс и Ф. Энгельс открыли общие закономерности смены феодального строя капиталистическим. Изучив формы феодальной земельной ренты и ее отличия от капиталистической ренты, изучив процесс отделения производителя от средств производства («так называемое первоначальное накопление») как предысторию капиталистического способа производства¹, они установили, что при вызревании новых отношений изменения в деревне, в положении крестьянства играют решающую роль. Большой творческий вклад в разработку данного вопроса принадлежит В. И. Ленину. В борьбе с народничеством он показал, что разложение крестьянства в пореформенный период носило буржуазный характер, что оно являлось одним из главных факторов развития капитализма. Труды В. И. Ленина не только дают методологические и методические основы для изучения процесса разложения крестьянства в эпоху победившего капитализма, но и позволяют наметить основные направления в исследовании расслоения крестьянства в период позднего феодализма.

В своем исследовании «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин, подводя итоги изучению разложения крестьянства, писал: «В высшей степени поучительно, что чисто теоретический анализ процесса образования земледельческого капитализма указывает на разложение мелких производителей как на важный фактор этого процесса». Опираясь на материал 47-й главы III тома «Капитала» К. Маркса, В. И. Ленин относительно исторических корней «раскрестьянивания» в буржуазной России замечает: «Итак, еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян (здесь имеется в виду переход от отработочной ренты к ренте продуктами. — Е. И., А. П., Ю. Т.), появляются уже зачатки их разложения. Но развиваться эти зачатки могут только при следующей форме ренты, при *денежной ренте*...»².

Нам представляется, что при определении процесса для времени позднего феодализма не следует пользоваться термином «разложение», применяемым В. И. Лениным для пореформенной деревни, во избежание преувеличения явлений. До сих пор в исторической литературе употреблялись различные наименования этого процесса (дифференциация,

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 727.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 142, 143.

социальная дифференциация, капиталистическая дифференциация, капиталистическое расслоение, социальное расслоение, классовое расслоение). Относительно изменений имущественного порядка пользуются понятиями: дифференциация, экономическая дифференциация, хозяйственное неравенство, имущественное неравенство. Настало время говорить о едином понимании сущности процесса, а следовательно — и о единой терминологии. Мы предлагаем ограничиться двумя понятиями: 1) имущественное неравенство, 2) классовое расслоение³.

В отличие от разложения крестьянства после падения крепостничества, под классовым расслоением в буржуазном направлении имеется в виду длительный процесс формирования из рядов крестьянства основных классов будущего капиталистического общества. Такое определение нацеливает на качественные различия в положении деревни; явления же имущественного неравенства им сопутствуют. По нашему мнению, следует отказаться от распространенного ныне термина «социальное расслоение». Некоторые исследователи справедливо указывали в своих выступлениях на предыдущих сессиях симпозиума на бессодержательность определения расслоения как социального, ибо всякое расслоение, распадение класса на новые слои носит, разумеется, социальный характер. Разноречивость в понимании социального расслоения требует замены этого термина другим, более точным. Итак, предлагаемый термин «классовое, или буржуазное, расслоение» подчеркивает не только социальный характер, но и сущность процесса.

Говоря о классовом расслоении русской деревни XVII—XVIII вв., мы не хотим сказать, что до XVII в. в крестьянской среде не происходило никаких социальных процессов. Однако социальная неоднородность крестьянства, наличие в его составе различных групп и слоев вплоть до «нового периода русской истории» определялись самой структурой феодального общества, формами и методами феодальной эксплуатации, особенностями отдельных земель и княжеств, а также другими причинами и не останавливали воспроизводство феодальных отношений. Имущественные и правовые различия наблюдались в крестьянстве на всем протяжении феодально-крепостнической формации. Оно было одним из источников пополнения других сословий и слоев феодального общества (городские ремесленники, купцы, низшие категории светских феодалов, духовенство и т. д.).

По мере развития феодализма, после создания Русского централизованного государства и особенно в связи со вступлением России в «новый период» ее истории, наблюдаются две противоборствующие тенденции.

Одна из них заключается в том, что крестьянство постепенно консолидируется в класс-сословие, происходит сокращение социальных градаций феодального типа, стираются различия правового характера между отдельными группами трудящегося сельского населения. Внешним выражением этих перемен явились соответствующие законодательные акты XVII—XVIII вв., которые утверждали крепостное право, слияние поместной и вотчинной форм землевладения, вводили новые налоговые системы (подворную, затем подушную) и т. п. В качестве более или менее сплоченного класса-сословия феодального общества крестьяне проявили себя в ходе грандиозных крестьянских войн XVII—XVIII вв.

Другая тенденция проявляется в процессе классового расслоения. Классовое расслоение крестьянства означает формирование в среде основного трудящегося класса-сословия феодальной формации двух

³ Авторы настоящего доклада сохранили в данном тексте термин «классовое расслоение», поскольку они употребляли его на Рижской сессии симпозиума. Однако желательнее было бы применять понятие «буржуазное расслоение», как более точно выражающее существо процесса (см. нашу статью в журн. «История СССР», 1962, № 3).

классовых групп, слоев будущего капиталистического общества — пролетариата и нарождающейся буржуазии. Этот процесс происходил в определенный исторический период — в эпоху генезиса капитализма (XVII — первая половина XIX в.) — и находился в зависимости от комплекса изменений в социально-экономическом строе страны (укрепление товарно-денежного хозяйства, формирование всероссийского рынка на базе роста общественного разделения труда, распространение торгово-промышленной деятельности и скупщических операций, складывание крупных купеческих капиталов, начинающих переливаться в производство, возникновение мануфактур, формирование рынка рабочей силы и т. д.). По своему характеру классовое расслоение представляет собой в зародышевой форме буржуазное, капиталистическое разложение крестьянства, о котором писал В. И. Ленин применительно к России второй половины XIX в.

Классовое расслоение крестьянства как процесс рождения будущих классов буржуазного общества следует отличать от его разложения в период, когда капиталистический способ производства становится господствующим и классы капиталистической формации налицо уже и в деревне. Для России этот период относится к пореформенной эпохе: падение крепостного права открыло полосу интенсивного «раскрестьянивания» деревни. Разложение крестьянства в капиталистической формации являлось не чем иным, как распадением этого класса на крестьянскую буржуазию и пролетариат; удельный вес середняка значительно уменьшается, основная доля производства сосредоточивается в руках сельской буржуазии. Процесс же классового расслоения еще не означал ликвидации крестьянства как класса, он лишь постепенно готовил «раскрестьянивание»; характерной чертой для этого периода являлось преобладание средней группы крестьянства сравнительно с его крайними группами. Классовое расслоение протекало в период складывания внутреннего всероссийского рынка, на той стадии, когда товарная форма охватывала главным образом продукты труда, процесс же разложения имел место на стадии формирования рынка для крупного капиталистического производства периода машинной индустрии, когда определяющей стала товарная форма рабочей силы. Наконец, классовое расслоение в России совершалось при господстве крепостничества, при монополии дворянского землевладения и, естественно, не могло проявляться в земледельческом производстве так ярко, как в промышленном. Разложение шло полным ходом и в промыслах, и в самом сельском хозяйстве.

Отмечая различия между классовым расслоением и разложением крестьянства, нельзя, однако, не видеть однотипности этих процессов, протекающих в условиях товарного хозяйства на разных этапах его развития.

С какого же времени в российской крепостной деревне следует усматривать начало процесса классового, или буржуазного, расслоения?

Начальная грань генезиса капитализма в России относится к XVII в.; с этого времени товарное хозяйство постепенно стало приобретать буржуазные черты. Классовое расслоение крестьянства является важнейшим фактором вызревания капиталистических отношений в недрах феодализма. Поскольку наличие процесса классового расслоения крестьянства в первой половине XIX в. не вызывает споров, хронологические рамки доклада ограничены XVII—XVIII вв. Усматривать явления процесса классового расслоения деревни в России ранее XVII в. пока нет достаточных оснований. Таким образом, процесс классового расслоения начинается с первыми шагами развития страны по пути к капитализму.

Процесс классового расслоения относится к тому периоду, когда мелкое крестьянское хозяйство существует в обстановке товарно-де-

нежных отношений; однако крупное капиталистическое производство не является господствующим, оно лишь набирает силы. Этот процесс для русской деревни XVII—XVIII вв. выступал как закономерность ее развития.

Классовое расслоение крестьянства нельзя изучать изолированно от общего хода эволюции всего народного хозяйства. Следует помнить, что поступательное развитие явлений классового расслоения крестьянства определяется не столько социально-экономическими сдвигами в деревне, сколько общим развитием капиталистических отношений в стране⁴. Разработка рассматриваемой темы является чрезвычайно существенной частью изучения большой проблемы генезиса капитализма в России, ибо классовое расслоение характеризует новые производственные отношения, формирующиеся в процессе становления капиталистического способа производства как в городе, так и в деревне.

Принципиальное значение при рассмотрении вопроса о начале генезиса капитализма в России имеет правильное понимание известной ленинской характеристики «нового периода русской истории», начало которого В. И. Ленин датирует примерно XVII в., и сущности «буржуазных связей» той эпохи. В последнее время на страницах научной печати и в выступлениях на сессиях симпозиума по аграрной истории Восточной Европы внимание исследователей не случайно было вновь привлечено именно к этому вопросу. Действительно, какой смысл вкладывал В. И. Ленин в понятия «новый период» и «буржуазные связи»?

Н. Л. Рубинштейн в ряде своих работ высказал мнение, согласно которому перечисленные В. И. Лениным в его характеристике «нового периода» русской истории явления («усиливающийся обмен между областями», «постепенно растущее товарное обращение», «концентрирование небольших местных рынков в один всероссийский рынок» и, наконец, создание «буржуазных связей») вряд ли представляют собой звенья единовременного процесса⁵. С этим положением трудно согласиться. Нам кажется, что речь может идти только о степени зрелости процесса складывания всероссийского рынка на каждом историческом этапе, а не о разновременном появлении факторов, столь тесно связанных между собой, тем более, что из признания наличия «буржуазных связей» в России XVII в. совсем не следует вывод, что это время должно быть отнесено к периоду капитализма. Было бы неверно смешивать период генезиса капитализма и собственно капитализм, который утверждается в России лишь после реформы 1861 г.

Академик С. Д. Сказкин в своем докладе на II сессии симпозиума в 1959 г. утверждал, что В. И. Ленин, употребляя выражения «новый период» и «буржуазные связи», не вкладывал в них «какой-то особый смысл», связанный с указанием на «начало капиталистического периода в истории России»⁶. С высказываниями С. Д. Сказкина выразил согласие В. К. Яцунский⁷.

Однако, по нашему убеждению, предложенное С. Д. Сказкиным толкование ленинского текста не может быть принято. В. И. Ленин в своих трудах многократно связывал проблему внутреннего рынка со

⁴ См. К. Маркс. Капитал, т. III. М. 1949, стр. 812.

⁵ Н. Л. Рубинштейн. Территориальное разделение труда и развитие всероссийского рынка. — Из истории рабочего класса и революционного движения. Памяти Анны Михайловны Панкратовой. Сб. статей. М. 1958, стр. 88—89; его же. О разложении крестьянства и так называемом первоначальном накоплении в России. — «Вопросы истории», 1961, № 8, стр. 79.

⁶ С. Д. Сказкин. К вопросу о генезисе капитализма в сельском хозяйстве Западной Европы. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г. М. 1961, стр. 28—29.

⁷ См. В. К. Яцунский. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России. — Там же, стр. 33.

степенью зрелости товарного хозяйства, в последовательном развитии превращающегося в капиталистическое. «Степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране», — указывал В. И. Ленин⁸.

К истории России XVII в. В. И. Ленин обращался и в другой связи. Так, определяя сущность эволюции государственного строя России, он писал: «Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении». И это направление В. И. Ленин считал «направлением к буржуазной монархии»⁹. Вполне очевидно, что если В. И. Ленин полагал возможным делать заключения об изменениях в государственной надстройке, восходящих к XVII в., то тем более, говоря о «новом периоде», он подразумевал новые явления в базисе феодально-крепостнической России. В работе «К критике экономического романтизма», критикуя Сисмонди, В. И. Ленин писал: «Что же связывает вместе этих крестьян разных местностей? Именно разделение общественного труда и товарное хозяйство, заменившее связи феодальные»¹⁰. Отсюда видно, что выражение «буржуазные связи» употреблено Лениным отнюдь не случайно, а в смысле противопоставления «связям феодальным». Следовательно, мы не можем не относить понятие «буржуазные связи» к новой фазе в развитии общества. На это же с достаточной определенностью указывает употребление В. И. Лениным понятия «капиталисты-купцы» применительно к России примерно с XVII в. и целый ряд его исторических экскурсов в XVII в., когда речь идет о «кустарных» промыслах¹¹.

Анализ ленинской терминологии показывает также, что в своих высказываниях В. И. Ленин пользовался понятиями «буржуазный» и «капиталистический» как равнозначными. В. И. Ленин писал о «буржуазной, капиталистической организации» крестьянского хозяйства в России, подчеркивая тем самым идентичность обоих этих определений. Он употреблял в одинаковом смысле также понятия «буржуазное разложение» и «капиталистическое разложение» на почве развития товарного хозяйства¹².

Каковы наиболее характерные признаки начального этапа генезиса капиталистических отношений в России, падающего на XVII в.? — Резкий рост мелкого товарного производства на посаде и в деревне, в промышленности и в сельском хозяйстве; явное преобладание работы на рынок над работой на заказ в посадских промыслах; падение феодальных категорий ремесла. Укрупнение на базе развития мелкотоварного производства ремесленных мастерских, применение в них наемного труда; возникновение крупной промышленности в форме мануфактуры. Эксплуатация чужого труда в крупных крестьянских хозяйствах, связанных с рынком. Начало складывания рынка рабочей силы для промышленности и транспорта. Переливание средств, накопленных в торговле, в промышленное производство. В области торговли бросается в глаза увеличение размаха скупщических операций на посаде и в деревне; возрастание товарного обращения в Европейской части страны, торговый обмен с Сибирью и установление тесных связей с мировым рынком привели к появлению многих крупных купеческих фамилий, занявших главенствующее положение в межобластной торговле. Процесс складывания всероссийского рынка как бы аккумулировал все новые явления в народном хозяйстве.

Фактический материал по истории России, относящийся к XVII в.,

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 47.

⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 47.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 189.

¹¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 352, 363, 371 и др.

¹² См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 215.

свидетельствует о том, что толща господствующих феодально-крепостнических отношений уже тогда пробивается ростками новых, капиталистических отношений. Однако никто, конечно, не пытается утверждать, что XVII в. — это уже эра капитализма. XVII в. — это время рождения капиталистического строя.

Возникает вопрос: правомерно ли применять методологию и методику ленинских трудов, посвященных в основном пореформенной России, к исследованию социально-экономической истории XVII—XVIII вв. и в какой мере они могут быть для этого применены?

В процессе конкретно-исторического исследования пореформенной экономики России В. И. Ленин установил неразрывную связь крупного производства с мелкобуржуазным крестьянским земледельческим и промысловым хозяйством как связь между высшей и низшей стадиями развития капиталистической формации¹³. В. И. Ленин писал: «... «Фабрика» является... только завершением развития товарной организации всего общественного, следовательно, и крестьянского хозяйства. Крупнобуржуазное производство на «фабрике» — прямое и непосредственное продолжение мелкобуржуазного производства в деревне...». И далее: «... «Фабричная форма» — это не более как *развитое* товарное производство, а развилось оно из того *неразвитого* товарного производства, которое мы имеем в крестьянском и кустарном хозяйстве»¹⁴.

Главный удар по народническим воззрениям В. И. Ленин наносил именно установлением наличия ряда стадий в развитии капиталистических отношений. Особое внимание он уделял начальному этапу, характеризующемуся развитием мелкотоварного производства. Опровергая положение народников о развитии мелкого производства после реформы по некапиталистическому пути, В. И. Ленин указывал: «Распространение мелких заведений в крестьянстве расширяет товарное хозяйство, подготавливает почву для капитализма (создавая мелких хозяйчиков и наемных рабочих), а поглощение мелких заведений мануфактурой и фабрикой есть утилизация крупным капиталом этой подготовленной почвы». И далее он писал: «Совмещение в одной стране в одно время двух этих, по-видимому, противоречивых, процессов на самом деле не заключает в себе никакого противоречия...»¹⁵.

Логически и исторически мелкое товарное производство предшествовало крупному. Следовательно, характеристика мелкотоварного производства, данная В. И. Лениным с позиций марксистской диалектики для периода его сосуществования с крупным, вполне приложима ко времени, когда решительный перевес в сторону мелкого производства несомненен.

Таким образом, вполне правомерно ленинскую характеристику развитых форм капитала, доживших до второй половины XIX в., применять для периода зарождения и становления капиталистических отношений в России — XVII—XVIII вв.

В этой связи крайне важно выяснить, как В. И. Ленин оценивает значение и роль разложения крестьянства. «... Мы имеем пред собой, — писал он, — один живой органический процесс, процесс развития товарного хозяйства и роста капитализма. «Раскрестьянивание» в деревне показывает нам начало этого процесса, зарождение его, его ранние стадии; крупный капитализм в городах показывает нам конец этого процесса, его тенденции»¹⁶. Данной ленинской характеристикой развития капитализма, относящейся ко второй половине XIX в., нужно руководствоваться и при изучении классового расслоения крестьянства как фак-

¹³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 423—424.

¹⁴ Там же, стр. 465.

¹⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 354.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 107.

тора генезиса буржуазных отношений в недрах крепостной России. Эволюция простого товарного хозяйства в буржуазном направлении, протекавшая на протяжении XVII—XVIII вв., проявлялась в деревне в виде начала и становления процесса классового расслоения крестьянства.

Возможно ли при рассмотрении классового расслоения крестьянства ограничиваться только сферой деревни, сельского хозяйства? Такой подход к вопросу был бы ошибочным.

Классовое расслоение непосредственно связано с углублением общественного разделения труда, которое служит основанием товарного хозяйства и капитализма. Социальным результатом общественного разделения труда является также отделение города от деревни, прогрессирующее отвлечение земледельческого населения к промышленной и торговой деятельности. Отделение города от деревни, противоположность между ними и эксплуатацию деревни городом В. И. Ленин называл спутниками развивающегося капитализма¹⁷. Крестьянство, как основной трудящийся класс феодального общества, было важнейшим источником для формирования классов будущей капиталистической формации и в городе, и в деревне.

В период генезиса капитализма общая закономерность отставания земледелия от торговли и промышленности проявлялась наиболее резко, поэтому зарождение новых отношений отчетливее прослеживается в торгово-промышленной деревне.

Как при изучении разложения крестьянства в буржуазной России, так и при изучении классового расслоения в XVII—XVIII вв. нельзя земледельческие занятия населения отделять непреодолимой стеной от торгово-промышленной деятельности. В. И. Ленин установил, что на сохранявшейся еще в пореформенное время «...низшей стадии капитализма промышленник обыкновенно еще почти не дифференцировался от крестьянина. Соединение промысла с земледелием играет весьма важную роль в процессе обострения и углубления крестьянского разложения... соединение промысла с земледелием, — писал он, — упорчивает и развивает капиталистические отношения, распространяя их с промышленности на земледелие и обратно... Отделение промышленности от земледелия идет в связи с разложением крестьянства...»¹⁸.

Бесспорно, что в крепостной деревне обращение крестьян к торгово-промышленным занятиям имело для процесса классового расслоения громадное значение. Эта сфера крестьянской жизни, хотя она и не была свободна от вмешательства помещика и вотчинной администрации, все же подвергалась контролю со стороны крепостника в меньшей степени, чем собственно сельскохозяйственное производство крестьянского двора. Попытки выделения чисто земледельческого крестьянства в условиях докапиталистической деревни не имеют научного основания, ибо «своейственное капиталистическому обществу отделение промышленности от земледелия проявляется на данной стадии еще в самом зачаточном виде...»¹⁹.

Было бы неверно полагать, что в сельском хозяйстве зарождение буржуазных отношений хронологически происходило намного позднее, чем в промышленности. Имеющийся фактический материал свидетельствует, что в земледелии и животноводстве России XVII — начала XVIII в. наблюдались новые явления, характерные не для феодального строя, а для начального этапа капиталистического развития, — эксплуатация наемного труда в земледельческом крестьянском хозяйстве, скупка у крестьян сельскохозяйственных продуктов не только посадскими людьми, но и деревенскими богатеями и т. д.

¹⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 207.

¹⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 327, 328.

¹⁹ Там же, стр. 328.

В XVII—XVIII вв., в период продолжавшегося господства крупной феодальной собственности на землю, при крепостном режиме судить о степени развития капиталистических отношений в крестьянском хозяйстве можно лишь с учетом того, что выделявшиеся из крестьянской среды представители новых, буржуазных слоев зачастую не задерживались в деревне, а постоянно переходили в город. В. И. Ленин, давая отповедь народникам, подчеркивал ошибочность утверждения о слабости деревенской буржуазии. В действительности это явление кажущееся, оно объясняется «...отливом сильных ее элементов, ее вершин, в города... в деревнях это только — «солдаты», а в городах уже сидит «генеральный штаб»...». И далее, продолжая эту мысль, В. И. Ленин писал: «...Кулачество есть проявление капитализма в земледелии, есть господство капитала в его первичных формах, который, с одной стороны, постоянно высачивает... городской, банковский, вообще европейский капитализм...»²⁰. В. И. Ленин прямо указывал, что «...деревенские хозяйственные мужики и скупщики должны быть причислены к представителям капитализма...»²¹.

В дореформенный период скованная условиями жизни крепостной деревни нарождавшаяся буржуазия всемерно старалась вырваться из связывающих ее пут, перейти на посадки. В равной степени и обедневшие слои деревни находили в городах несравненно большее применение своему труду. Во всем этом проявлялся один «из характернейших признаков капиталистического развития», а именно: отвлечение «...населения от земледелия к промышленности, от деревень к городам...»²².

Процесс классового расслоения протекал в условиях формирования внутреннего рынка. «...Процесс разложения крестьянства, — указывал В. И. Ленин, — есть в то же время процесс смены натурального хозяйства товарным...»²³. Многочисленными исследованиями советских историков установлено, что на протяжении XVII—XVIII вв. крестьянское хозяйство все более втягивалось в товарно-денежные отношения, постепенно все более ощутимым становилось значение рынка как регулятора общественного производства. В. И. Ленин при изучении разложения крестьянства уделял товарному производству и рынку исключительное внимание, осуждая народников за недооценку роли мелкотоварного производства в развитии капиталистических отношений. В своих трудах он блестяще доказал, что «...товарное хозяйство и именно оно раскалывает «народ» и «крестьянство» на пролетариат (разоряется, переходят в батраки) и буржуазию (живоглоты), т. е. превращается в капиталистическое хозяйство»²⁴. Отсюда следует, что классовое расслоение крестьянства в XVII—XVIII вв. являлось важнейшим показателем складывания всероссийского рынка. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что в пореформенной России «...разложение крестьянства создает внутренний рынок для капитализма, превращая, с одной стороны, крестьянина в батрака, а, с другой стороны, в мелкого товаропроизводителя, в мелкого буржуа»²⁵.

На начальной стадии процесса крестьянское хозяйство, вступившее на путь товаризации, во многом сохраняло в то же время потребительский характер. При этом необходимо учитывать два момента. Во-первых, особенность товарного производства в земледелии заключается в том, что в данной местности на рынок поступает в основном один продукт, другие отрасли крестьянского хозяйства могут оставаться патриар-

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 352, 354—355.

²¹ Там же, стр. 251.

²² В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 454; ср. там же, стр. 204.

²³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 135.

²⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 212.

²⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 125.

хальными²⁶. Далее, нельзя забывать, что даже к концу XIX в. среднее крестьянство отличалось «... *наименьшим* развитием товарного хозяйства»²⁷. И на протяжении XVII—XVIII вв. наиболее активную роль в процессе развития рыночных отношений играли крайние группы крестьянства. Однако даже при наличии сильных патриархальных черт связи крестьянских хозяйств с рынком прогрессировали.

Степень расслоения во многом зависела и от форм феодальной эксплуатации (ренты). «... Денежные оброки и подати были в свое время важным фактором развития обмена...» — указывал В. И. Ленин²⁸. В специальной литературе установлено, что наиболее рельефно черты наметившегося классового расслоения проявляются в тех районах и феодальных вотчинах, где получила распространение денежная форма ренты.

В феодально-крепостническую эпоху с большой силой действовали факторы, тормозившие социально-экономические сдвиги вообще и классовое расслоение крестьянства в частности. К ним относятся: монополия феодального землевладения, крепостное право во всех его проявлениях, рост оброка, развитие барщины, прикрепление непосредственных производителей к земле, малоземелье в деревне, распространение феодализма в новых районах, самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала и т. д. Совокупность этих причин для отдельных категорий крестьянства, в различных районах страны и в разное время проявлялась с неодинаковой силой. Двойную эксплуатацию крестьянина — «... отчасти со стороны помещика — по «наделу», отчасти со стороны капиталиста — по «заработкам»²⁹ — В. И. Ленин считал обычным состоянием патриархального полукрепостного крестьянства дореформенной России.

Усиление феодальной эксплуатации, наступление помещиков на крестьянское хозяйство приводили нередко к пауперизации крестьян. Пауперизация части крестьян наблюдается на протяжении всей феодальной формации. Возникает вопрос: как изменяется сущность этого процесса в разные исторические периоды? До XVII в. наряду с такими факторами, как внешние и внутренние войны, стихийные бедствия, основной причиной разорения являлась эксплуатация со стороны феодалов и феодального государства. С XVII в. на социально-экономическом положении феодально зависимого населения деревни все усиленнее начинает сказываться развитие товарно-денежных отношений, при которых мало-мощные крестьянские хозяйства по сравнению с зажиточными оказываются в невыгодных условиях. В это же время резко возрастает налоговое бремя и феодальная эксплуатация. Следствием наступления помещиков на крестьянское хозяйство было прогрессирующее малоземелье в крепостной деревне, особенно в районах распространения барщинной системы эксплуатации.

До XVII в. разорившиеся крестьяне почти все без исключения вновь поглощались феодальным хозяйством. Разумеется, и в XVII—XVIII вв. значительная часть пауперов в конечном счете опять попадала в орбиту феодально-крепостнических отношений и исчезала с рынка рабочей силы. Однако вместе с тем в XVII—XVIII вв. для разорявшихся слоев деревенского населения открывались новые возможности существования. Буржуазные отношения в процессе своего становления не только сами вели к разорению крестьянства, но и использовали нищету, создаваемую феодальной системой³⁰.

²⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 307; ср. т. 22, стр. 53.

²⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 148.

²⁸ Там же, стр. 126.

²⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 227.

³⁰ См. там же, стр. 434.

При изучении проблемы классового расслоения крестьянства нельзя отвлекаться от учета порайонных особенностей и специфики положения отдельных категорий крестьянства в период позднего феодализма.

Попытаемся наметить те специфические черты и особенности, которые характерны для состояния производительных сил и производственных отношений русской деревни в изучаемый период.

При исследовании становления капиталистических отношений в деревне XVII—XVIII вв. прежде всего следует иметь в виду особенность рождения капитализма, выявленную К. Марксом. Изучая пореформенную экономику, В. И. Ленин исходил из этой особенности, присущей начальному этапу развития буржуазных связей. Он писал, что «... капитал сначала подчиняет себе производство таким, каким он его находит, и лишь впоследствии преобразует его технически»³¹. На начальной стадии развития капитализма в деревне господствует мелкое, раздробленное крепостное крестьянское хозяйство, базирующееся на примитивной технике, а потому отличающееся крайне низкой производительностью труда³². С другой стороны, производственные отношения нового типа в аграрной стране на первых порах своего развития слабо выражены вследствие того обстоятельства, что «... в земледелие капитализм проникает особенно медленно и среди чрезвычайного разнообразия форм»³³.

Таким образом, изучая зарождение капиталистических отношений в деревне, в первую очередь следует иметь в виду не технический уровень развития производительных сил, а всю совокупность социально-экономических отношений в «новый период русской истории». Внимание исследователей крестьянской жизни в период позднего феодализма должно быть направлено как на количественные показатели новых явлений, так и на качественные сдвиги, хотя они зачастую в это время выражены еще недостаточно четко. «... *Капитал*, — указывал В. И. Ленин, — это известное отношение между людьми, отношение, остающееся таковым же и при большей и при меньшей степени развития сравниваемых категорий»³⁴.

Особенности проникновения капитализма в сельское хозяйство обусловили целый ряд специфических черт экономического строя русской деревни в течение длительного времени.

При изучении классового расслоения наиболее показательной для глубины и размаха процесса является степень распространения наемного труда. В изучаемый нами период, естественно, количественные показатели эксплуатации чужого труда не могли быть значительными. Более того, сама форма найма была усложнена, экспроприация крестьянства еще только делала первые шаги, непосредственные производители эксплуатировались «... поодиночке, приемами полукрепостническими...»³⁵. К тому же в период генезиса капитализма очень большую роль играет семейная кооперация, которая при развитии товарного хозяйства «... является залогом и основанием *капиталистической кооперации*»³⁶.

Для феодально-крепостнической страны характерно наличие в значительных размерах эксплуатации крестьян в форме покупки продукта труда, наряду со все возрастающим применением наемной рабочей силы. При слабо выраженной буржуазной сущности отношений характерно сохранение грубых, крепостнических форм эксплуатации. В. И. Ленин объясняет это тем, что «... капитал, не будучи еще в со-

³¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 417.

³² См. там же, стр. 200—201, 281, 403, 463—464.

³³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 146.

³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 200—201.

³⁵ Там же, стр. 360.

³⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 347.

стоянии прямо подчинить себе рабочего простой покупкой его рабочей силы по ее стоимости, опутывает трудящегося целой сетью ростовщических прижимок, привязывает его к себе кулаческими приемами...»³⁷. Однако В. И. Ленин указывал, что и тогда, когда «...эксплуатация массы производителей мелка, раздроблена, неразвита...», а в силу этого «...опутана средневековыми формами, разными политическими, юридическими и бытовыми привесками, уловками и ухищрениями...», она остается по природе своей капиталистической, хотя ее буржуазная сущность скрыта, осложнена традициями старого, прошлого³⁸. Недаром В. И. Ленин, говоря о средневековых формах эксплуатации, прикрытых «личными отношениями», сравнивает отношения «...господина к его подданному, местного кулака и скупщика к местным крестьянам и кустарям...»³⁹.

В старых формах эксплуатации необходимо вскрывать черты новых производственных отношений. Установлено, что в XVII—XVIII вв. огромную роль играла кабала. В этой связи показательно, что В. И. Ленин определял кабалу «...как первоначальное проявление капитализма в земледелии...»⁴⁰. Именно в сельском хозяйстве, где развитие капиталистических форм идет в наиболее замедленном темпе, ярко проявляется господство кабалы во всех ее видах. В. И. Ленин дал исчерпывающую характеристику кабалы как зависимости производителя, владеющего своим хозяйством, от владельца денег (ростовщика, скупщика). «Следовательно, — заключает он, — сущность ее — чисто капиталистическая, и вся особенность заключается в том, что эта первичная, зародышевая форма капиталистических отношений целиком опутана прежними, крепостническими отношениями...»⁴¹. «С научной же точки зрения это понятие объемлет все те сделки, в которых есть элемент *ростовщичества*... или *крепостничества*...»⁴².

В условиях господства крепостнических отношений развитие капиталистических связей протекало в обстановке двойного гнета, тяготевшего над крестьянством, — помещиков-феодалов и крепостнического государства, с одной стороны, и нарождавшейся буржуазии, с другой.

Существенной особенностью развития сельского хозяйства в период зарождения капиталистических отношений является то, что отрыв непосредственных производителей от средств производства не только совершался медленно, но и процесс этот не приобрел каких-либо законченных форм. Даже о пореформенной эпохе В. И. Ленин писал, что «...до полного отделения производителя от средств производства еще много промежуточных ступеней...»⁴³. Очевидно, в более ранний период экспроприация крестьянства совершалась еще менее заметными шагами. Медленно и своеобразно вырастал рынок рабочей силы, постепенно увеличивался и спрос на нее. Однако такое своеобразие не должно заслонять процесса рождения и развития буржуазных отношений; капитализм на начальной стадии своего развития, «...капитализм простой кооперации и мануфактуры нигде и никогда не был связан с полным отлучением работника от земли, нисколько не переставая, разумеется, от этого быть капитализмом», — писал В. И. Ленин⁴⁴.

Прикрепление крестьян к земле, связь их со своими земельными наделами, которую они не могли разорвать, губительно сказывалась и

³⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 200.

³⁸ Там же, стр. 280—281.

³⁹ Там же, стр. 383.

⁴⁰ Там же, стр. 462.

⁴¹ Там же, стр. 463.

⁴² В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 124.

⁴³ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 445.

⁴⁴ Там же, стр. 193—194.

на положении трудящихся масс, и на общем развитии народного хозяйства. Расцвет в крепостной деревне кабалы и всяких форм личной зависимости во многом определялся привязанностью крестьян к наделам, а это вело к замедленному экономическому развитию страны, к консервации примитивных форм промышленности, земледелия и торговли, задерживало рост внутреннего рынка⁴⁵.

Средневековые формы капитала и в деревне исторически предшествуют более высоким буржуазным формам⁴⁶. «... Торговый и ростовщический капитал есть необходимый момент в развитии капитализма, необходимое колесо в механизме *малоразвитого* капиталистического общества...»⁴⁷. Подчинение производителей капиталу, указывал В.И. Ленин, начинается «... *торговым и ростовщическим капиталом*»⁴⁸.

На почве мелкого раздробленного хозяйства в процессе укрепления его связей с рынком большое значение приобретали торговцы-скупщики. Это не было случайным явлением, — наоборот, в процессе складывания всероссийского рынка развитие скупщических операций выступает как определенная закономерность. «Подобно тому, как нельзя себе представить развитого капитализма без крупного товарно-торгового и денежно-торгового капитала, точно так же немыслима и докапиталистическая деревня без мелких торговцев и скупщиков, являющихся «хозяевами» мелких местных рынков»⁴⁹.

Появлению скупщика В. И. Ленин отводил решающее значение в процессе генезиса капиталистических отношений на стадиях, предшествующих техническому перевороту в промышленности, ибо это означало переход к капиталистической организации производства, к подчинению производителя капиталу⁵⁰. В пореформенной России работа на скупщика выступала как «отсталая форма капитализма»⁵¹, в предшествующий же период она по сравнению с феодальными формами хозяйствования отражала поступательное развитие новых явлений в экономике.

Характерной чертой в развитии торгового капитала России XVII—XVIII вв. являлось его обращение в область производства. Значительная часть купечества и торгующих крестьян средства, накопленные в торговле, вкладывала в винокурение, солеварение, металлургию, текстильную промышленность и т. д., а также в земледелие.

Торговый и ростовщический капитал на заре буржуазной эпохи по степени эксплуатации трудящихся нисколько не уступает индустриальному капитализму в развитом капиталистическом обществе, а присущие ему кабальные отношения усугубляют угнетение крестьянства⁵².

Было бы неверно не видеть противоречивости в результатах деятельности первичных форм капитала. «... Самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала ... *задерживает* разложение крестьянства», — указывал В. И. Ленин⁵³. Подобное развитие, несомненно, имело место и в период позднего феодализма. Однако в условиях генезиса капитализма зажиточное крестьянство, не ограничиваясь торгово-ростовщическими операциями, искало и находило возможности для вложения средств в производство, главным образом, правда, промышленное, а не сельскохозяйственное.

В итоге необходимо еще раз подчеркнуть, что при определении сущности крестьянского хозяйства на начальных стадиях развития буржуаз-

⁴⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 373, 416; т. 3, стр. 137.

⁴⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 445.

⁴⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 409.

⁴⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 418.

⁴⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 333.

⁵⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 407.

⁵¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 402.

⁵² См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 272, 429; т. 4, стр. 53—54.

⁵³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 152.

ных связей в первую очередь важно выявить не только количественные показатели, но и характер складывающихся новых производственных отношений, их тенденцию. На данном этапе новые явления еще не могли быть отчетливо выражены, а многие из них даже были скрыты в старых формах⁵⁴.

Следует ли считать, что с возникновением среди крестьянства противоположных социальных групп рождается и социальная рознь между ними?

С расширением рынка происходило укрупнение части крестьянских хозяйств, что вело к эксплуатации чужого труда, к ограблению массы крестьян предпринимательской верхушкой. Однако в период, когда происходил процесс классового расслоения деревни, противоположность интересов нарождающихся социальных групп была еще развита слабо. В силу экономических условий крестьянского хозяйства (его небольшие размеры, обособленность в системе рыночных отношений и др.), приводивших к раздробленности крестьянства, а также при наличии крепостнического строя и лишь зародышевых форм буржуазного угнетения в XVII—XVIII вв. наблюдалось сравнительно слабое проявление социальной розни в деревне.

Мелкое производство в пореформенной России, — писал В. И. Ленин, — «... уже включает в себя капитализм и присущую ему противоположность классов и столкновения их...»⁵⁵. Однако «... самая противоположность их (т. е. представителей сельской буржуазии. — *Е. И., А. П., Ю. Т.*) интересов интересам труда недостаточно развита...», социальная противоположность «... в деревне находится еще в зачаточном, придавленном состоянии»⁵⁶. Приведенные ленинские положения в известной степени применимы к дореформенному периоду.

В. И. Ленин неоднократно отмечал классовую противоположность различных слоев крепостной деревни. «... Крепостное право стесняло одинаково всех — и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидящего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария-дворового и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу; от него страдали и купец-фабрикант и рабочий, и кустарь и мастерок. Между всеми этими людьми только та связь и была, что все они были враждебны крепостничеству: за пределами этой солидарности начинался самый резкий хозяйственный антагонизм»⁵⁷, позволивший В. И. Ленину говорить о «вековой экономической борьбе антагонистических классов русского общества»⁵⁸. Критикуя легальных марксистов, отражавших в вопросах классовой борьбы взгляды либеральной буржуазии, В. И. Ленин писал, что уже в начальный период проникновения капитализма в земледелие возникал классовый антагонизм. «Этот процесс, — указывал он, — начался еще в средние века...»⁵⁹. В период смены феодализма капиталистической формацией в деревне, как и в городе, классовые противоречия внутри «народа» еще не были развиты; по словам В. И. Ленина, первичная форма господства капитала в земледелии создавала классовую противоположность, но еще не фиксировала ее⁶⁰. Данная проблема должна привлечь пристальное внимание историков-аграрников.

* * *

*

⁵⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 470.

⁵⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 424.

⁵⁶ Там же, стр. 323.

⁵⁷ Там же, стр. 276—277.

⁵⁸ См. там же, стр. 303.

⁵⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 97.

⁶⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 470.

Итак, классовое, буржуазное расслоение крестьянства в период генезиса буржуазных отношений сыграло решающую роль в переходе от феодального к капиталистическому строю. В. И. Ленин называл общинное крестьянство самой глубокой и самой прочной основой капитализма в силу постоянного, хотя и медленного, образования в деревне элементов капитализма. Если после реформы 1861 г. раскол «крестьянства на деревенскую мелкую буржуазию и сельский пролетариат» окончательно решал «вопрос о капитализме», то предыстория этого процесса на протяжении предшествовавших падению крепостного права столетий также во многом определяла особенности генезиса капиталистических отношений в России. Исходя из ленинской концепции развития капитализма в России, мы можем с полным основанием утверждать, что русская деревня XVII—XVIII вв., как промысловая, так и земледельческая, принимала непосредственное участие в процессе генезиса капиталистических отношений в стране. Дореформенная деревня не только испытывала воздействие развивающейся капиталистической промышленности, но и сама была той средой, где происходили социально-экономические сдвиги, характерные для «нового периода русской истории». В силу этого крестьянство выступало как главный источник формирования основных классов будущего буржуазного общества.

Д. Л. Похилевич

МАЛОЗЕМЕЛЬНОЕ И БЕЗЗЕМЕЛЬНОЕ СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В РУССКОМ ВОЕВОДСТВЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В XVI В.

В иностранной и отчасти советской исторической литературе бытует мнение, что в эпоху по крайней мере «классического» феодализма производитель в деревне — крестьянин — это лицо, сидящее на достаточном наделе, на котором оно своим живым и мертвым инвентарем ведет хозяйство, обеспечивающее ему средства к жизни и ренту землевладельцу. Отсюда вытекает весьма слабый интерес к малоимущим и неимущим группам сельского населения.

В настоящее время малоземельное и безземельное население деревни интересует историков преимущественно в плане классовой борьбы или же экономической или классовой дифференциации крестьянства. В наличии в деревне таких групп населения некоторые склонны видеть уже разложение феодального строя и формирование капиталистических отношений в стране¹.

Не отрицая необходимости изучения названной категории сельского населения в плане классовой борьбы крестьянства и его дифференциации, следует, по нашему мнению, обратить соответствующее внимание и на более широкое, всестороннее изучение истории малоземельного и безземельного населения деревни на протяжении всей феодальной эпохи. Это даст возможность более правильно представить себе социальную структуру деревни Восточной Европы в феодальную эпоху, а вместе с тем доставит материал и для решения других социально-экономических проблем, так или иначе связанных с деревней, например о влиянии фольварочно-барщинной системы на крестьянство. Да и вопросы дифференциации крестьянства, его классовой борьбы в феодальную эпоху благодаря изучению низших групп его могут быть поставлены более четко.

Русское воеводство (земли Холмская, Перемышльская, Санокская, Львовская и Галицкая), являвшееся в XVI в. одним из крупнейших воеводств Речи Посполитой, представляло собой весьма пеструю в социально-экономическом отношении территорию (особенно в комплексе с соседними воеводствами). Это дает возможность наблюдать здесь в конце XV и в XVI в. ломку аграрных отношений, наличие малоземельных крестьян как накануне формирования фольварочно-барщинной системы, так и при ее развитии. Выбор XVI в. как периода для изучения продиктован наличием относительно многосторонних и надежных источников (люстрации, инвентари, поборовые реестры), которые для XV в. почти отсутствуют.

Вопрос о времени появления малоземельного и безземельного насе-

¹ См. St. Arnold. *Podłoże gospodarczo-społeczne polskiego odrodzenia. — Odrodzenie w Polsce*, t. I. Warszawa 1955; Н. А. Цаголов. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М. 1956, стр. 54.

ления в странах Западной Европы можно считать решенным. Ряд зарубежных и советских (А. И. Неусыхин² и др.) историков убедительно показали, что экономическое неравенство среди крестьянства можно наблюдать там уже на стадии формирования феодального строя.

Источники и исследования по отечественной истории дают нам основание утверждать, что подобное явление имело место и в Киевской Руси. Рядом с общинами смердов и рабами в деревне существовали и различные категории экономически несостоятельных, зависимых элементов (рядовичи, закупы, изгои и т. п.). Дальнейшее развитие феодальных отношений сопровождалось углублением экономического неравенства (по земле, скоту и т. п.) в лоне общины смердов и выпадением из нее отдельных элементов. Почти одновременно шел встречный процесс образования маломощного крестьянства за счет осаживания на землю рабских и полурабских элементов.

Источники весьма скупо проливают свет на этот процесс вообще и в частности на землях, интересующих нас. Б. Д. Греков считал, что в конце XIII в. во Владимиро-Волынском княжестве закупы-рядовичи и холопские элементы уже исчезали, их осаживали на землю³.

В XV в. бывшие полурабские элементы (койминцы, закупы, челядь, паробки и т. п.) на территории Русского воеводства встречаются редко⁴. Исследователи склонны видеть их потомков в тяглых людях этого времени, сидевших возле двора⁵. В этом они правы. В великом княжестве Литовском «челядь невольную» видим даже в первой половине XVI в. на «месячине», т. е. на полном содержании, и «на бондах», на небольших наделах-«приробках». Когда же ее окончательно посадили на землю (аграрная реформа Боны — Сигизмунда-Августа), то создавали возле господских дворов специальные села «огородников»-загородников, которым, помимо усадьбы-«огорода», давали по 3 (реже — 6) морга (2 га) поля. Больших участков они не в силах были и поднять по вполне понятным причинам (маленькая семья, отсутствие рабочего скота и необходимого инвентаря). Можно думать, что такими же примерно были и держания бывших полурабских элементов в Русском воеводстве в XIV—XV вв.

Освоение в Русском воеводстве новых или пустующих земель госпитями в XIII—XIV вв. и колонизация на «немецком» (во Львовской земле — 169 поселений)⁶ или «волошском» праве (XV—XVI вв.) содействовали значительному расширению культурных площадей и относительно хорошему (лан⁷) обеспечению крестьянских хозяйств землей. Нередко на хозяйство отводилось по пол-лана (с. Мальчиц в 1447 г.; свыше 30 сел Санокского и Перемышльского староств, осаженных на «волошском праве» в 30—50-х годах XVI в., и др.). Рядом с лановыми или 1/2-лановыми хозяйствами кметей создавались также хозяйства солтысов, войтов, князей, крайников и т. п. крестьянских должностных лиц, обеспеченных землей в 2—4 раза лучше⁸. Для того чтобы иметь в своем боль-

² А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М. 1956.

³ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., т. I. М. 1952, стр. 302—310.

⁴ Akta grodzkie i ziemskie, t. XII. Lwów 1887, str. 120, 435, 480 i in.; t. XIV, Lwów 1889, str. 918.

⁵ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., т. I, стр. 302—310; М. С. Грушевський. Історія України-Русі, т. V. Львів 1905, стор. 134, 646—647; М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев 1901, стр. 197—199.

⁶ Б. Д. Греков согласен с И. А. Линниченко, что к середине XV в. «едва ли не половина всех поселений Галицкой Руси находилась «уже на немецком праве», т. е. на оброке» (Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси..., т. I, стр. 311).

⁷ Лан — 20—25 га пахоты + сенокос + общинные выпасы.

⁸ St. Sochaniewicz. Wójtostwa i sołtystwa w ziemi lwowskiej. Lwów 1921, str. 289—290.

шом хозяйстве рабочие руки, они осаживали на небольших кусках своей земли заградников (огородников). Заградники, чаще всего в качестве ремесленников, садились также на отрезках разного размера, оставшихся после отвода наделов кметям⁹.

На размер крестьянских держаний и их пестроту большое влияние оказывали разработки крестьянами, самовольно или с согласия феодала, пустошей и лесов («копанки», «приробки», «лазы» и т. п.). Такими разработками занимались все категории крестьян, но особенно малоземельные, иногда значительно повышавшие благодаря этому свою обеспеченность землей. Так, по исследованию Ю. М. Гроссмана¹⁰, в 1565 г. из 298 хозяйств Лежайского староства дополнительно к своим наделам имели лазы 182, в том числе все хозяйства коморников, 43 % хозяйств заградников и 75 % хозяйств крестьян, имевших по $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{4}$ лана. Последняя группа благодаря разработке нови довела свое фактическое землевладение в среднем до полулана. В XV в. новь осваивалась еще шире. В описи Киевской земли за 1471 г., например, упоминается с. Котельня (Житомирский повет) в 24 двора, целиком населенное «людьми новыми»¹¹.

Большое влияние на размеры крестьянских держаний и их разнообразие оказало разложение большой сложной семьи. Оно сопровождалось разделом единого раньше крупного держания. Так, в с. Врочив (Львовское староство) были дворища, на которых в 1534 г. сидели от 2 до 7 крестьянских хозяйств; в с. Карочинов на одном дворище сидело 17 крестьянских хозяйств, в с. Скнилов — 6 хозяйств и т. д.¹² Это часто влекло за собой возникновение малоземельных хозяйств. Однако этим дело не ограничивалось. Разложение большой семьи сопровождалось нередко выпадением из нее совсем безземельных элементов (бывшие потужники, товарищи, похлебники, сябры и т. п.), которые были вынуждены присаживаться на мелких участках и вести там свое самостоятельное хозяйство. Все это местами приводило в Русском воеводстве в конце XV — первой половине XVI в. к большой неравномерности в земельном обеспечении крестьян как одного села, так и соседних сел.

Источники изредка содержат скудные сведения о конкретном обеспечении землей населения в начале XVI в. Так, в инвентаре Дрогобычского староства за 1508 г. упоминаются наряду с хозяйствами на целых дворищах также хозяйства на $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ и даже $\frac{1}{6}$ части дворища. Инвентарь того же староства за 1525 г. свидетельствует, что население большинства сел сидело на полудворищах, а в селах Деражици и Трускавец — почти исключительно на четвертях дворищ. Подобную же картину можно наблюдать и в Рогатинском старостве. Его инвентарь за 1539 г. показывает, что население ряда подгородных сел сидело на $\frac{1}{4}$ дворища, но 5 сел имели хозяйства по $\frac{1}{2}$ дворища, однако по люстрации 1565 г. все села этого староства имели четвертьлановые хозяйства (лан и дворище для этого времени считаются равновеликими)¹³.

Сходные примеры можно привести и по некоторым другим староствам. Это дает основание думать, что хозяйства на частях дворищ-ланов, в том числе четвертьлановые, уже существовали или стали возникать в конце, а возможно даже во второй половине XV в.

Об экономическом неравенстве крестьян этого времени можно судить и на основании данных описи Киевской земли 1471 г. Эта земля даже в районе Житомира значительно отставала в социально-экономи-

⁹ St. Sochaniewicz. Wójtostwa..., str. 353; Я. Рутковский. Экономическая история Польши. М. 1953, стр. 116.

¹⁰ Ю. М. Гросман. Становище селян Лежайського староства в др. пол. XVI — поч. XVII ст. (рукопись).

¹¹ Архив Юго-Западной России, ч. VII, т. 2. Киев 1903, стр. 5—7.

¹² Жерела до історії України-Руси, т. VII. Львів 1903, стор. 15.

¹³ Жерела..., т. I. Львів 1895, стор. 15.

ческом развитии от Галицкой Руси того времени. Возле княжеского двора Грежаний было село в 14 дворов, в котором жили 5 «людей», 2 «гольтяя», «што земли не держат», и 7 «данников». «Люди», сидящие возле двора, — это посаженная на землю бывшая челядь; они не могли иметь больших наделов. «Данники» тоже не равны; один из них — Павел — «держит две земли данных», а другой — Василь — «пригольтяевел» и не исполняет своих обязанностей¹⁴. Возникновение небольших хозяйств во второй половине XV — начале XVI в. не было результатом отрезки у крестьян земель на фольварки, ибо в это время в королевских имениях фольварки еще отсутствовали, а старые господские запашки, за исключением замковых, были невелики, имелись не всюду и на них работала преимущественно челядь. Это еще было время господства натуральной ренты с элементами отработочной и денежной. Наблюдая подобные явления в Западной Европе, К. Маркс писал о ренте продуктами: «Вместе с этой формой появляются более крупные различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей. По крайней мере является возможность этого и даже возможность того, что этот непосредственный производитель приобретает средства для того чтобы, в свою очередь, прямо эксплуатировать чужой труд»¹⁵. Далее, отмечая, что богатые чиншевые крестьяне эксплуатировали сельских наемных рабочих, Маркс писал, что «... совершенно так же... уже в эпоху феодализма более состоятельные зависимые крестьяне, в свою очередь, держали крепостных»¹⁶.

В XV — первой половине XVI в. в Русском воеводстве наблюдались как явления, характерные для господства натуральной ренты, так и воздействие развития товарно-денежных отношений на хозяйственную жизнь. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, наличие большой семьи с потужниками, с другой, — колонизация на немецком и волошском праве с большим удельным весом денежных платежей в повинностях осадников, с ремесленниками и загородниками, с торгующими хозяйствами солтысов по селам. О развитии товарно-денежных отношений свидетельствует и распад большой семьи. Продукты быстро приобретали рыночную стоимость, ими стали дорожить. Хозяйственный расчет делал невыгодными сложные семьи с потужниками, так же как и содержание рабов на «месячине». В то же время развитие городов, ремесла, найма рабочей силы создавало устойчивые возможности существования малоземельных и даже безземельных людей.

При благоприятных обстоятельствах отдельные богатые крестьяне выкупались на волю, превращались в купцов, переходили в город. Одновременно безземельные (кутники, халупники) приобретали черты постоянных или сезонных наемников, переходящих или оседлых ремесленников и, наконец, бродяг (гультяев), независимо от того, были ли они юридически свободными или крепостными. Некоторым из них удалось осесть в городах в качестве ремесленников, подмастерьев, наемников. Таким образом, при известных благоприятных обстоятельствах дифференциация крестьян в эту эпоху могла временами перерастать в социальную дифференциацию, когда отдельные представители класса крестьян переходили в другие классы-сословия. Однако такая ситуация существовала непродолжительное время. Уже во второй половине XV в. (Польша) и начале XVI в. (Русское воеводство) экономическое развитие страны постепенно переходит в другое русло — развитие фольварочно-барщинной системы, что повлекло за собой ухудшение экономического и правового положения мещан и особенно крестьян.

Организация фольварков и их расширение происходили как за счет

¹⁴ Архив Юго-Западной России, ч. VII, т. 2, стр. 5—7.

¹⁵ К. Маркс. Капитал, т. III. М. 1949, стр. 808—809.

¹⁶ Там же, стр. 812.

крестьянских земель (захваты общинных угодий, части или целых крестьянских наделов и т. д.), так и за счет труда крестьян (работа на фольварке, расчистка нови под фольварк и т. п.). И то, и другое усиливало процесс формирования малоземельного и безземельного, сельского населения. Ведь пустующие наделы и общинные земли прямо или косвенно (аренда, выпас скота и т. п.), как это будет показано на примерах Перемышльского и Санокского староств, были резервуаром, из которого население черпало земельное пополнение для своего хозяйства. Возраставшее при фольварочно-барщинной системе отягощение крестьян повинностями и работой значительно подрывало, а в ряде случаев совершенно лишало их возможности вести разработку нови и таким образом увеличивать свое земельное обеспечение. Наконец, феодал, заинтересованный в получении барщины, часто сам поддерживал дробление крестьянского надела. Он освобождал заградников от всех других повинностей, лишь бы увеличить их барщину.

Что могло происходить в селах в том случае, когда фольварк захватывал крестьянские наделы, можно видеть на примерах сел Гийске, Шегини и др. в Перемышльском старостве. В 1497 г. в с. Гийске было 16 тяглых хозяйств на целых дворищах и два — на полудворищах. В 1553 г. здесь уже было 36 хозяйств, которые, за исключением одного целодворищного, сидели на полуланах; кроме того, в их распоряжении было еще несколько новоразработанных пашен (4—5 ланов). В том же году в селе было еще и 3 заградника. В период 1553—1565 гг. новый державца «скупил крестьян» (т. е. их полевые наделы) для фольварка, а их самих осадил на усадьбах. Люстрация 1565 г. констатирует в с. Гийске только 20 заградников¹⁷, остальные крестьяне, видимо, ушли на новые места. В с. Шегини в эти же годы число наделных крестьян сократилось с 8 до 5, зато количество заградников увеличилось с 11 до 24¹⁸. В с. Туринцы (Львовская земля), сидевшем на «волошском праве», в 1534 г. было 28 хозяйств на 10 дворищах; барщины в селах этого типа не было. Жолкевский, получив это село в держание, перемерил крестьянские земли; часть их он отдал крестьянам в виде надела, часть отвел под новоорганизованный фольварк, а на остатках поселил заградников. В 1565—1570 гг. здесь было 62 тяглых хозяйства на 10 ланах и 26 заградников¹⁹; все они работали на барщине.

Если заградники отсутствуют в скотоводческих селах, по крайней мере в новых, то в бассейне Западного Буга, где фольварочное хозяйство было развито наиболее сильно, их находим в большинстве сел, притом в большом количестве (в Любомльском старостве — 10—18 дворов). В ряде сел Холмской земли²⁰ хозяйства заградников составляли в 60-х годах XVI в. 30—40% всех хозяйств.

В местах наибольшего развития фольварков раньше всего и чаще всего отмечается превращение заградников в полузаградников или даже халупников²¹. Подобное явление в XVI в. можно наблюдать еще в пригородах, но там оно было вызвано другими причинами.

Неизбежным спутником развития фольварочно-барщинной системы было усиление крепостничества (иначе помещику не были бы гарантированы рабочие руки). Оно почти сковало ту относительную возможность передвижения, которой пользовалось феодально зависимое крестьянство в предшествующий период. Излишнее население не могло больше переходить в город или поместья, располагавшие свободной землей. Стала чувствоваться земельная теснота, раньше всего в мелко-

¹⁷ Жерела..., т. II. Львів 1897, стор. 4.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, т. III. Львів 1900, стор. 395—398.

²⁰ Там же, т. III.

²¹ Там же, стор. 5—8, 14 і ін.

шляхетских владениях и позже — в латифундиях и королевщинах. Все это вместе взятое привело к тому, что во второй половине XVI в. даже в королевских имениях Русского воеводства, имевших фольварки, малоземельные и безземельные составляли 24,4%, тогда как в тех же имениях без фольварков их было 13,2%, т. е. почти вдвое меньше. Однако, хотя фольварочно-барщинная система и была весьма важным фактором обезземеливания крестьян, все же она была не единственным и не всегда основным фактором. Так, в Ратненском старостве (Холмская земля) фольварочное хозяйство было развито весьма слабо (на крестьянскую семью приходилась 1 копа фольварочного урожая) и все же количество малоземельных и безземельных составляло 33% (включая имевших $\frac{1}{4}$ лана — 62%); в Стрыйском старостве, где на крестьянскую семью приходилось 2 копы фольварочного урожая, соответствующая цифра была еще выше — 54%. В то же время в Теребовельском старостве при 11 копах фольварочного хлеба на крестьянскую семью малоземельных и безземельных было не более 1%, а имевших лан и более — 98,6%²²; подобная же картина имела место в Снятынском старостве. В этих случаях большую роль сыграли природные условия: Ратненское староство находилось на болотистой территории, Стрыйское — в гористой местности, между тем как последние два староства были степными.

В соседнем с Русским Сандомирском воеводстве, где фольварочно-барщинная система начала развиваться раньше, малоземельные и безземельные в фольварочных селах составляли 19%, а в нефольварочных — 16,1%, т. е. разрыв здесь был значительно меньшим, чем в Русском воеводстве. Привлекает к себе внимание и тот факт, что в чиншевых селах Сандомирского воеводства процент крестьянских семейств, имевших менее $\frac{1}{4}$ лана земли, был в 2,5 раза больше, чем в фольварочных.

Малоземелье захватывало и служебные небарщинные села. Так, в селах Полтва и Замосте (Львовская земля) служки выполняли свои повинности пеши, они были заградниками²³. Можно сказать, что и крепостничество не всегда бывает основным фактором малоземелья и безземелья. В этом отношении разительные примеры дает Англия, где в XIII—XIV вв. полнонадельный крестьянин имел лишь виргату (30 акров, или 12 га). В графствах с несвободным крестьянством имевшие не более 5 акров составляли $\frac{1}{3}$, столько же было крестьян, имевших от 10 до 19 акров, и лишь 21,3% составляли крестьяне, имевшие от 20 до 30 акров²⁴. В местностях со свободным крестьянством картина была еще более разительной: здесь имевшие до 6 акров составляли 53,4%²⁵. Урожай в Англии XIII—XIV вв. были не выше польских в XVI—XVII вв.²⁶

Как уже говорилось, в XVI в. различные части Русского воеводства представляли собой неодинаковые по уровню своего историко-экономического развития территории. Наряду с районами (главным образом по Западному Бугу, Вепру и Сану), в которых уже в конце XV — начале XVI в. отмечалось быстрое развитие фольварочно-барщинной системы и наступление феодалов на крестьян (на крестьянскую семью приходилось около 20 коп фольварочного хлеба), здесь были места (горные районы, бассейн Припяти, Галицкая и отчасти Львовская земля), где в первой половине XVI в. производство и производственные отношения оставались почти такими же, какими они были во второй

²² J. Rutkowski. Statystyka zawodowa ludności wiejskiej w Polsce w drugiej połowie XVI w. Kraków 1918, tabl. № 12.

²³ Жерела..., т. VII, стор. 219; т. III, стор. 374.

²⁴ См. Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М. 1947, стр. 265.

²⁵ Там же, стр. 266.

²⁶ Там же, стр. 290.

половине XV в. (1—4 копы фольварочного хлеба на крестьянскую семью). Рост малоземельного и безземельного населения шел параллельно с развитием товарно-денежных отношений и фольварочно-барщинной системы, отставая, однако, в целом от роста этих групп населения в соседних польских воеводствах (в первой половине XVII в. средний надел в Польше составлял около $\frac{1}{4}$ лана, в Русском воеводстве — $\frac{1}{2}$ лана, в селах города Львова — $\frac{1}{4}$ лана).

Малоземельное население деревни в Русском воеводстве в XVI в. представляли обедневшие крестьяне-кметы, земельное держание которых (надел + новые выработки на пустошах) составляло $\frac{1}{4}$ лана и менее, и загородники, располагавшие полевыми землями такого же размера. К безземельным крестьянам надо отнести загородников, не имевших полевой земли и располагавших только огородом (позднейшие халупники). В литературе к ним относят также не имевших оседлости кутников-коморников, конечно, если они при этом не имели полевой земли.

Основную массу малоземельных и безземельных составляли загородники; кметы становились малоземельными главным образом в результате разделов некогда цельных наделов; кутник был еще фигурой преимущественно городской. Крестьян, имевших от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ лана, относят к промежуточной группе²⁷.

Наибольшее распространение малоземельные и безземельные крестьяне получили на шляхетских землях, наименьшее — на королевских. В Пильчевском повете соседнего с Русским Сандомирского воеводства с 1536 по 1581 г. крестьянский надел в шляхетских имениях уменьшился на 50%, а в королевщинах — лишь на 20%²⁸. На Червонной Руси королевщины составляли 36% всей площади, а в отдельных землях — 80%. В 60—70-х годах XVI в. в Русском воеводстве малоземельных и безземельных (без учета «приробок», «копанок») в королевщинах было 2372 хозяйства из общего количества 15 069 сельских хозяйств, т. е. 15,7%, из них хозяйств крестьян-кметей, имевших менее $\frac{1}{4}$ лана, — 4,9%, загородников и халупников — 10,5%, кутников-коморников — 0,3%.

Представление об обеспечении земель населения в Русском воеводстве и на соседних с ним территориях в 60-х годах XVI в. дает приводимая нами таблица. Она составлена на основании люстраций королевщин (581 село), проведенных в 60-х годах XVI в.²⁹

Воеводства и земли	Количество крестьянских семейств (в %)								всего
	коморники	загородники и халупники	крестьяне, имевшие полевую землю (в ланах)						
			менее 1/4	1/4—1/2	1/2—3/4	3/4—1	более 1		
Червонная Русь	0,8	12,3	5,5	23,7	41,3	3,4	13,0	86,9	100,0
в том числе:									
Белзское в-во	2,8	19,6	2,4	20,6	34,3	0,4	19,9	77,6	100,0
Русское в-во	0,3	10,5						89,2	100,0
в том числе его земли:									
Холмская	0,5	16,7	14,6	13,4	34,6	1,8	18,4	82,8	100,0
Львовская	0,6	12,3	2,4	27,6	48,1	2,3	6,7	87,1	100,0
Перемышльская	0,4	10,0	4,8	30,8	46,1	3,4	4,5	89,6	100,0
Галицкая	0,7	7,8	—	17,8	31,3	—	42,4	91,5	100,0
Санокская	—	7,3	9,0	9,6	41,4	15,7	17,0	92,7	100,0
Подольское в-во	—	0,2						99,8	100,0

²⁷ См. J. Rutkowski. Statystyka..., str. 19; W. Grabski. Historia wsi w Polsce. Warszawa 1929, str. 163.

²⁸ W. Grabski. Historia..., str. 138—139.

²⁹ При составлении таблицы использованы данные двух таблиц Я. Рутковского (см. J. Rutkowski. Statystyka..., str. 62—65).

В таблице учтены независимо от их экономической мощности и количества членов семьи крестьянские семьи (в том числе одинокие кутники), имевшие самостоятельное хозяйство и не находившиеся в срочном найме. В таблице не учтены фольварочные и крестьянские наймиты, бродяги, духовенство и сельская администрация, мельники, корчмари, лесные промышленники и ремесленники, ибо сведения о них и их обеспеченности землей в люстрациях носят случайный и малоинформативный характер. Естественно, что это в известной степени отразилось на общем количестве, а следовательно, и удельном весе как безземельных (поскольку в их числе не показаны наймиты), так и многоземельных крестьян (из последних не учтены сельская администрация, корчмари, мельники). Все же удельный вес малоземельных и безземельных в результате такого учета лишь в весьма незначительной степени отклонился от действительного, чего нельзя сказать об удельном весе группы крестьян, имевших $\frac{3}{4}$ и более лана, ибо сельская администрация, мельники, корчмари и им подобные обычно были хорошо обеспечены землей.

Дворища в таблице приравнены к ланам³⁰, а все ланы считаются равной величины, ибо иначе таблицу просто нельзя было бы составить. Однако если вообще это и отвечало действительности, то в ряде случаев (Стрыйское, Ратненское и другие староства) дворище было безусловно больше лана и такое приравнивание искусственно увеличивает категорию крестьян, имевших $\frac{1}{4}$ и менее лана, поскольку в действительности $\frac{1}{4}$ дворища была часто больше $\frac{1}{4}$ лана.

При составлении таблиц Я. Рутковским дворище делилось на столько частей, сколько упоминалось в нем семейств³¹. В люстрациях дворища выступали как единая повинностная единица (исключение составляли дворища, померенные и официально разделенные), хотя, как правило, на них уже хозяйничало несколько отдельных семей. Все же часто степень хозяйственной самостоятельности таких отдельных семей на дворищах совершенно не ясна. В ряде случаев они вели хозяйство сообща — в полной мере или хотя бы частично.

Деление при составлении таблицы количества дворищ на число семей, констатируемых в них, искусственно увеличивает удельный вес крестьянских семейств, владевших $\frac{1}{4}$ и менее лана. Это хорошо видно на примере Ратненского староства, где имевшие $\frac{1}{4}$ и менее лана, согласно таблицам Рутковского, составляли 62%, в то время как в действительности основная масса населения сидела на дворищах, иногда даже не меренных.

Понятно, что количество хозяйств, учтенных люстрацией, менее количества семейств, сидящих на земле этих хозяйств. Малоземельных крестьян в действительности было меньше, чем показано в таблице, так как оказалось невозможным учесть «приробки», «копанки», «примерки», т. е. поднятую крестьянами новь, сведения о которой в люстрациях даются без конкретных указаний размеров. Необходимо отметить и другое, — что на немеренных и неразделенных дворищах в силу неравных прав их членов на землю также могли находиться замаскированные малоземельные и безземельные элементы. Малоземельные и безземельные были распространены по землям и староствам неравномерно. Так, в Галицкой земле в Теробовельском старостве крестьяне во всех селах сидели на целых дворищах, а в соседнем Рогатинском — лишь на четвертях лана. В Дрогобычском старостве той же земли крестьяне почти поровну сидели на половине и четверти лана, но изредка встречались имевшие по $\frac{1}{6}$ и $\frac{1}{8}$ лана.

При наличии приведенных условий и оговорок сведения об обеспеченности крестьян землей, приведенные в таблице, не могут, ко-

³⁰ См. Жерела..., т. I, стр. 230, 254, 255, 270 и ин.

³¹ J. Rutkowski. Statystyka..., str. 61.

нечно, претендовать на точное отражение действительности, но все же они довольно близки к ней.

Весьма интересные для нас процессы наблюдались в первой половине XVI в. в Перемышльском и Санокском старостах.

В Перемышльском старосте было более 50 сел, делившихся на две почти равные группы — старого заселения и новоколонизованные на Подгорье в первой половине XVI в. В селах первой категории площадь пахотной земли за время с 1497 по 1565 г., т. е. примерно за 70 лет, увеличилась лишь на 5%, а количество крестьянских (кметых) хозяйств — на 25%³² (за время 1553—1565 гг. их число стабилизировалось). Размер крестьянских (кметых) хозяйств мало изменился, — он составлял в среднем $\frac{1}{2}$ лана, немногим менее, чем в конце XV в. Куда же шел прирост населения? Часть нового населения сразу создавала свои хозяйства в виде загород с полевой землей и без нее. Типичным в этом отношении является с. Коровники, где в 1494—1497 гг. было 8 тяглых хозяйств на $7\frac{1}{2}$ дворищах, в 1553 г. 12 полулановых хозяйств и 5 загородников, а в 1565 г. были те же 12 полулановых хозяйств и уже 9 загородников³³. В некоторых случаях, при захвате крестьянских наделов под фольварк, в загорды, как это было показано выше, превращались все крестьянские хозяйства села (с. Гийске) или их большинство (с. Шегини). За время с 1553 по 1565 г., т. е. за 12 лет, количество загородников в 21 старом селе выросло с 66 до 141 (на 113%)³⁴, в то время как в конце XV в. их здесь почти не знали³⁵.

Другая часть населения устремила свою энергию на создание новых сел путем колонизации лежащего неподалеку Подгорья. Новые села устраивались на «волошском праве», т. е. как скотоводческие. Однако в действительности они таковыми стать не смогли, так как и при их основании удельный вес земледелия в них был весьма велик, а позднее оно, без сомнения, стало главенствующим³⁶. Население этих сел имело ровно по пол-лана (полдворища) пахоты (скот пасли в горах), загородников здесь не было совсем³⁷. Но в старых селах «волошского права» они встречались³⁸.

Возникает вопрос: почему население не разрабатывало новь возле своих сел, а уходило на совершенно новые места? Почему крестьяне почти прекратили деление своих наделов и, дойдя до уровня $\frac{1}{2}$ лана, выделяли излишки на загорды? Источники не дают прямых ответов на эти вопросы, и ответить на них можно лишь предположительно.

Первая половина XVI в. — время интенсивного роста фольварочного хозяйства в старых селах. Как свидетельствуют источники, организация в 40—50-х годах XVI в. фольварка за счет «скупки» крестьянского надела не была частым явлением (отмечена в 3—4 селах) и расширение фольварка осуществлялось, видимо, главным образом путем освоения крестьянских пустых наделов и общинных земель (выпасов, выгонов, лугов и т. п.) и годных под пашню земель, расчищенных в лесах трудом крестьян. Такое положение лишало крестьян возможности разрабатывать новь для себя и, очевидно, делало более выгодным создание новых сел на колонизируемых землях.

Экономически сильному элементу колонизация давала возможность получить не $\frac{1}{4}$ лана-дворища или менее (в результате раздела полуланового двора), а $\frac{1}{2}$ лана на новых местах, где к тому же предостав-

³² Жерела . . . , т. II, стор. 8.

³³ Там же, стор. 2.

³⁴ Там же, стор. 8.

³⁵ Там же, стор. 2. — В 1497 г. был один загородник в с. Гийске и несколько — в предместье Перемышля.

³⁶ Жерела . . . , т. II, стор. 9.

³⁷ Исключение составляли изредка хозяйства крестьянских должностных лиц — крайников и князей.

³⁸ Жерела . . . , т. II, стор. 268.

лялась на несколько лет «свобода», «воля» от нормальных повинностей.

Экономически слабый элемент редко мог идти на поднятие целины на новых местах, ибо это требовало не только рабочих рук, но также инвентаря (живого и мертвого) и средств. Он был вынужден оставаться на старых обжитых местах, на маленьких клочках, «прирабатывая» себе немного в окрестностях.

В тех случаях, когда выхода из села на новые места не было, а барщина была невелика, размеры таких «приробок», «копанок» оказывались иногда весьма обширными. В Лежайском старостве, например, «копали» почти все села и все категории населения, однако больше всех — малоземельные. За новоразработанные земли крестьяне платили индивидуально или общиной; в последнем случае этими землями могли пользоваться как сообща, так и раздельно. Крестьяне с. Заройска за дополнительные земли платили в три раза больше, чем за основные³⁹.

Следует иметь в виду, что и колонизация, и новые разработки могли иметь место при наличии больших свободных и годных под культуру пространств. Во владениях мелких шляхтичей это почти исключалось, а крепостное состояние крестьянства препятствовало перераспределению населения.

При изложенных выше обстоятельствах полулановые хозяйства могли держаться довольно долго. Королевская администрация и наиболее образованные помещики того времени (А. Гостомский) считали, что хозяйство, выгодное как для крестьянина, так и для помещика, должно иметь не менее полулана (не считая сенокосов и выгонов). В связи с этим стоит напомнить, что В. И. Ленин считал, что крестьянское хозяйство во второй половине XIX в. для нормального существования должно было иметь 9—10 десятин, т. е. примерно столько же.

Ситуация, подобная зафиксированной в Перемышльском старостве, имела место и в Санокском старостве. Из 54 его сел, учтенных во время люстрации 1565 г., в начале XVI в. существовало лишь 30, остальные были созданы позднее⁴⁰. Устраивая их, администрация не гнушалась ни беглыми, ни преступниками⁴¹.

Несколько иная картина наблюдалась во Львовской земле. В 15 селах Львовского староства за время с 1545 по 1565 г. количество ланов выросло на 8,6%, а хозяйств — на 19%⁴². В последующие годы разрыв увеличился. Этот процесс не всюду шел равномерно. В некоторых селах (Залесье) количество крестьянских ланов даже катастрофически уменьшалось, потому что крестьянские земли отрезались под фольварк. Это все влекло за собой рост числа малоземельных. Все же процесс роста малоземельного населения протекал здесь слабее, чем на западных землях воеводства. За время 1565—1570 гг. количество загородников в Львовском старостве увеличилось только на 5%⁴³.

В ряде случаев крестьяне находили для себя выгодным сидеть на малом наделе с небольшими повинностями, а в случае нужды подсевать на пустошах за сноп или за деньги. Яркой иллюстрацией является с. Батячи (Каменецкое староство Львовской земли). В нем было 109 кметей, все с четвертьлановыми хозяйствами, 36 загородников и 5 коморников, и в то же время здесь видим «немало» пустых пахотных земель, которые население засеивало за сноп⁴⁴. Дело в том, что среди

³⁹ Жерела . . . , т. I, стор. 252.

⁴⁰ Там же, т. III, стор. 2.

⁴¹ Там же, стор. 287.

⁴² Там же, т. VII, стор. 5.

⁴³ Там же, стор. 11.

⁴⁴ Там же, т. III, стор. 318—322.

109 кметей было 69 бортников, которые платили свои повинности медом. Большая часть загородников и все коморники делали то же. Им не интересно было ни увеличивать свои наделы, ни садиться на новые четверти. Скарб их тоже не понуждал к этому, ибо мед ценился очень высоко. В других селах, по всей вероятности, наличие доходных промыслов оказывало такое же действие. Так же старались поступать крестьяне и в случае, если с основного держания требовали тяжелые повинности.

Состояние источников лишает возможности нарисовать более широко картину обеспеченности крестьян землей в частновладельческих имениях. Можно думать, что она была лишь немногим лучше, чем в соседней Малой Польше. Здесь шляхетский фольварк имел обычно около 4 ланов, а тянуло к нему около 5 крестьянских ланов⁴⁵. В староствах и особенно королевских экономиях на 1 фольварочный лан приходилось от 4 до 6 крестьянских. Крайне тяжелым было положение крестьян у шляхты околичной. Разрастаясь в своих родовых гнездах, эта категория шляхты часто оказывалась вынужденной невероятно дробить их, так что во второй половине XVI в. отдельные ее представители владели «частями» в $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{8}$ лана. Такая шляхта обычно сама обрабатывала свою землю, но иногда имела загородников и коморников. Так, в с. Чайковичах на «части» в $\frac{1}{4}$ лана сидело два шляхтича с 2 загородниками и коморником, а на другой «части» в 2 лана — три шляхтича, 3 загородника и 3 коморника⁴⁶. Подобную картину можно наблюдать в с. Ясницах и ряде других сел околичной шляхты, особенно в Холмской земле.

Имеющее место в источниках и литературе деление сельского населения на загородников, халупников и кутников производилось по формальным признакам — размеру земельного надела — и далеко не всегда проливает свет на действительное экономическое и производственное положение населения. Ясно, что одно земледелие не могло кормить его, — наоборот, для многих крестьян оно сделалось подсобным занятием, а основными стали промыслы, ремесло, торговля, работа по найму. В королевщинах Русского воеводства, судя по их люстрации 1564—1565 гг., из 15 069 сельских хозяйств на долю крестьян-овцеводов, пчеловодов и рыбаков приходилось 2993 хозяйства, занимались разными промыслами (корчмари, мельники, рудники, поташники и т. п.) семьи из 536 хозяйств, сельских ремесленников было 121 хозяйство (без учета городков — центров староств, где они и были главным образом сосредоточены и где среди них было много кутников). Всего, таким образом, подобного рода хозяйств было 3650, или 24,3 %. (Данные о наемном труде как основном занятии носят случайный характер и потому не учтены.) В то же время источники не дают основания отнести все 3650 хозяйств к таким, для которых земледелие было подсобным занятием, наоборот, примерно в половине случаев оно было основным занятием⁴⁷. Точно так же все такого рода хозяйства нельзя отнести к малоземельным и безземельным; некоторая часть их принадлежала к хозяйствам, достаточно обеспеченным землей (так, в Теребовельском старостве занятия овцеводством, пчеловодством и рыболовством было основным для 32,2 % крестьянских семейств, а в то же время здесь 98,6 % крестьянских семейств владело ланом и больше⁴⁸). Все же можно думать, что большинство таких хозяйств были малоземельными и беззе-

⁴⁵ A. Wyczański. Studia nad folwarkiem szlacheckim w Polsce w latach 1500—1580. Warszawa 1960, str. 77, 79. — Материалы А. Вычанского ставят под сомнение бытующее в нашей литературе утверждение, что фольварк в Польше имел в среднем 15—20 ланов.

⁴⁶ Źródła dziejowe, t. XVIII, cz. 2. Warszawa 1894, str. 327.

⁴⁷ J. Rutkowski. Statystyka..., str. 54.

⁴⁸ Там же, tabl. Nr. 12.

мельными. Примером могут служить Любомльское и Ратненское староства, где малоземельных и безземельных было 33%, а овцеводство, пчеловодство и рыболовство были основными занятиями для 58—66% крестьянских семейств⁴⁹. С учетом хозяйств «промышленников» процент сельского населения, не добывавшего средств к жизни на своем наделе, значительно возрастет. Земля в XVI в. была основным, но далеко не единственным фактором благополучия крестьянина. Кроме промыслов и заработков, большое значение для крестьянского благосостояния имел рабочий и продуктивный скот. Его выращивали не только для своих нужд, но и для продажи. Угрозу «промышленному» населению нес XVII в., когда выросло народонаселение, а в то же время ухудшение природных условий для одних промыслов (охота, пчеловодство, разработка леса) и развитие городской промышленности как конкурента других сильно подорвали сельские промыслы. Расширение фольварков и усиление эксплуатации крестьян, особенно барщинной, отрицательно отражались на благосостоянии крестьян, оставляя мало времени для занятия подсобными промыслами. Сокращение выпасов и привлечение крестьянского скота для фольварочных работ оказывали пагубное влияние на крестьянское животноводство, нехватка же навоза вела к снижению урожаев.

В условиях феодально-крепостнического строя большое влияние на экономическое положение крестьян оказывали их повинности и правовое положение. Значение, часто решающее, имел процент крестьянского дохода, который присваивали себе землевладелец, государство и церковь. Немалую роль в этом деле играла и форма ренты (чинш или барщина). Свобода или крепостное состояние соответственно облегчали или отягощали экономическое положение крестьянства. Как видим, экономическое положение крестьян определялось в конечном счете многими факторами, как экономическими, так и внеэкономическими, важнейшим из которых все же была обеспеченность землей и ее качество.

Загородники как официальная категория сельского населения, отличная от крестьян-кметей, оформились в XV—XVI вв. при устройстве сел на немецком праве, а также при перемеривании дворищ на ланы⁵⁰. В XVI в. загородников встречаем как в фольварочных, так и в чиншевых селах, в том числе скотоводческих и даже служебных⁵¹. В категорию загородников источники и исследователи очень часто относят сельских ремесленников (ткачей, сапожников, ковалей, портных, слесарей и т. п.)⁵² и промышленников (рудников, будников и т. п.), торговцев, иногда пришлых, в том числе цыган⁵³, пастухов общественных и фольварочных, а также корчмарей⁵⁴ и мельников, т. е. по существу уже не земледельцев. Занятие земледелием имело для многих из них подсобный характер. Поэтому дворы-хозяйства «крестьян» и «загородников» типа попов, корчмарей, мельников и им подобных при анализе действительно крестьянских хозяйств не надо было бы принимать в расчет, — их следовало бы выделять в особую категорию. В. И. Ленин, критикуя земскую статистику, писал: «Заметим, что сравнительно значительное количество купчей земли у несущих объясняется тем, что в эту группу вошли лавочкини, владельцы промышленных заведений и проч. Смешение подобных «крестьян» с землевладельцами составляет обычный недостаток земско-статистических данных»⁵⁵.

⁴⁹ J. Rutkowski. Statystyka..., tabl. № 12.

⁵⁰ Жерела..., т. I, стор. 47.

⁵¹ Там же, стор. 22, 167.

⁵² Там же, т. III, стор. 16, 38, 37; т. I, стор. 273.

⁵³ Там же, т. III, стор. 16, 38, 37.

⁵⁴ Там же, стор. 12.

⁵⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 51, сноска 1.

Халупники встречались в XVI в. в Русском воеводстве еще относительно редко.

Кутники-коморники по своему экономическому и производственному положению представляли собой пеструю картину. Типичные кутники не имели не только земли, но даже своего жилья и занимали комору, или угол, у других крестьян. В отдельных случаях они имели свою или арендованную халупу и даже небольшой огород и мелкий скот. Для крестьянина, у которого жил кутник и которому он помогал в хозяйстве, выгоднее было предоставить кутнику угол и хлев для его скотины, чем содержать челядника⁵⁶. Обычно кутники — это одиночки (парни, девушки) из своей деревни или пришлые, иногда же это бедные родственники хозяина, дети крестьян соседних сел, труд которых оказался лишним в своем хозяйстве, бродячие ремесленники, «промышленники», новоселы, не успевшие обзавестись хозяйством, наконец просто «гулятия», лютые. Состояние кутника обычно было переходным (выходили замуж, приставали в приемы, уходили «в ремесло», добывали кусок земли и т. д.). Жил он за счет заработков у местного населения или фольварка⁵⁷, дополняя часто свой заработок эксплуатацией кусочка земли или общинных выгонов для своего скота, занимаясь промыслом. Кутник — не хозяин и не крестьянин (не в сословном, а в производственном смысле), он и не член крестьянской общины⁵⁸, а потому и не может учитываться в числе крестьянских дворов или хозяйств. В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России» изучает дворы без посева и без рабочего скота, но не включает в разработку данные о населении, не имевшем дворов. Это категория сельского населения, но не хозяйства, хотя в литературе она часто рассматривается и так. Кутника следует учитывать в числе крестьян-хозяев лишь в том случае, когда он арендует землю и ведет на ней свое хозяйство.

Сельское безземельное население, хотя оно и встречалось до развития товарно-денежных отношений и фольварочно-барщинной системы, было в тот период немногочисленным и неустойчивым, ибо при тогдашнем хозяйственном укладе не могло иметь постоянного обеспечения в жизни.

Создать для этой категории населения сколько-нибудь устойчивые и постоянные заработки в деревне и таким образом обеспечить ей самостоятельную жизнь вне большой сложной семьи и города могли лишь развитие торговли и ремесла, фольварков с их промышленными заведениями, рост барщины и наличие торгующих богатых крестьян. Все это убедительно доказывает пример отстававшего в своем развитии Ратненского староства. В его люстрации за 1564 г. нигде даже не упоминается о коморниках в селах, в то время как в городе Ратно их было 43 (кроме маленького чинша — 1 гроша — они платили еще «лаздебное» за право пользования общинными сельскохозяйственными угодьями города). Картина мало изменится, если мы возьмем и всю Червонную Русь. В 581 селе ее королевщин можно насчитать 131 семью кутников-коморников (включая и одиночек), — меньше, чем их было в одном только Львове, даже меньше, чем в городе Холме (220 человек). Таким образом, в середине XVI в. коморник-кутник — фигура преимущественно городская, хотя и пришли кутники в своем большинстве из сел. Коморников нужно рассматривать как обязательное дополнение фольварочно-барщинной системы как в панском, так и в крестьянском хозяйстве. Без

⁵⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 137, таблица.

⁵⁷ См. T. Lubomirski. Starostwo Radeńskie. — «Biblioteka Warszawska», 1855, II, str. 221.

⁵⁸ Состав общины в инвентарях определяется так: «громада — это кмети, заградники, поп, мельник и корчмарь» (ЦГИА УССР во Львове, ф. 15, Санокский городский суд, д. 138, стр. 1221).

них полнонадельный крестьянин не мог бы выполнять 4—6-дневную барщину.

Развитие во второй половине XVI в. и в последующих веках барщинно-крепостнического хозяйства, опиравшегося не только на крестьянский труд, но и на живой и мертвый инвентарь крестьян, в большой степени влияло нивелирующе на крестьянские хозяйства, сдерживая процесс их поляризации. Характерной чертой этого времени является не столько возрастающая дифференциация, сколько обезземеливание и пауперизация всего крестьянства.

Правовое положение малоземельных и безземельных принципиально и практически не отличалось от общекрестьянского. Таково также мнение В. Грабского⁵⁹. Утверждение Т. Корзона, что загородники и паробки были свободны от крепостничества на том основании, что они «свободно могли переходить с одной службы на другую»⁶⁰, можно считать недоразумением. Такой переход имел место до тех пор, пока пан не возражал. Феодально-свободными, и то лишь де-факто и далеко не всегда, были люзные, индивидуальное происхождение которых нередко было покрыто мраком неизвестности, а экономическая значимость для шляхтича часто была равна нулю, а то и отрицательной величине (бродяги, воры, «смутьяны» и т. п.).

В первой половине XVII в. аграрное развитие Червонной Руси шло в том же направлении, что и в XVI в. Естественно, что продолжался рост числа малоземельных и безземельных. По подсчетам Ю. М. Гроссмана, в зависимости от анализируемых источников удельный вес загородников и кутников оказывается равным 30,8—37,6%⁶¹. Я. Рутковский подсчитал, что в 40-х годах XVII в. в Львовской земле загородники, кутники и кмети, имевшие по $\frac{1}{4}$ лана, составляли 33,9%, а в Санокской земле — 30,5% крестьян. Таким образом, за 75 лет эта категория населения выросла в 2—3 раза. В 60-х годах XVII в., по подсчетам Ю. М. Гроссмана и Я. Рутковского, удельный вес загородников, кутников и четвертьланников вырос по разным землям до 42—59%, а в Санокской земле (по Рутковскому) — даже до 75%.

Совершенно ясно, что такое «разбухание» безземельного и малоземельного крестьянства было результатом не нормального развития, а военного разорения 50—60-х годов XVII в. В этом убеждает и тот факт, что во второй половине XVIII в., когда экономическое положение Польши по сравнению с периодом второй половины XVII — первой половины XVIII в. значительно улучшилось, удельный вес интересующей нас категории крестьян снизился и составлял 25—35%, т. е. примерно столько же, сколько и в первой половине XVII в. Это говорит о том, что малоземельное и безземельное население тесно связано в своем развитии с общим экономическим состоянием страны, особенно ее сельского хозяйства. Разорение и застойные явления в сфере сельского хозяйства и аграрных отношений, равно как и развитие торговли, находят свое отражение и в структуре сельского населения.

⁵⁹ W. Grab ski. Historia..., str. 176.

⁶⁰ T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta, t. I. Warszawa 1897, str. 950.

⁶¹ Ю. М. Гроссман. Малоземельные и безземельные крестьяне Русского и Белзского воеводств в XVII в. (рукопись), табл. III и IV.

М. И. К о з и н

РАЗЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА ВИДЗЕМЕ И КУРЗЕМЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Разложение крестьянства — один из основных показателей становления капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Глубокое расслоение прибалтийского крестьянства во второй половине XIX в. отмечалось в дореволюционной буржуазной литературе. На это же указывал В. И. Ленин. Однако конкретный ход этого процесса до настоящего времени в литературе все еще не освещен. Более того, имеются весьма существенные расхождения в социально-экономических характеристиках латышского крестьянства, в особенности 50—60-х годов. Ряд авторов, занимающихся историей латышского крестьянства, считает, что уже с переходом к денежной аренде в латышской деревне образовались классы буржуазного общества — сельская буржуазия и сельский пролетариат. Другие авторы, напротив, рассматривают латышское крестьянство 50—60-х годов как единую массу, в которой дворохозяева и батраки отличались друг от друга лишь степенью бедности, и полагают, что говорить о принадлежности дворохозяев и батраков к разным классам нет никаких оснований.

Наличие столь противоположных точек зрения объясняется как трудностями изучения вопроса (отсутствием достоверных статистических материалов), так и слабой изученностью архивных и иных материалов, которые могли бы восполнить недостатки статистики того времени. Кроме того, некоторые авторы допускают методологическую ошибку, считая, что формирование сельской буржуазии возможно лишь с переходом земли в собственность дворохозяев, и отрицают такую возможность при денежной аренде.

Истории латышского крестьянства в сравнении с историей крестьянства соседних русских губерний присущ ряд существенных особенностей. Эти особенности состоят прежде всего в том, что господствующий класс (помещики) сложился в Латвии из лиц не латышской, а немецкой (в основном) национальности, и, во-вторых, в том, что еще в период развития феодально-крепостнических отношений в Латвии наряду с крестьянами, наделенными землей, образовался значительный слой крестьян, лишенных земли. С течением времени количество безземельных, проживавших у крестьян-дворохозяев и работавших на землях крестьян и одновременно исполнявших барщинные повинности в имениях (мызах), систематически увеличивалось.

Приморское положение Латвии, развитие торговых связей со странами Западной Европы способствовали втягиванию помещичьего хозяйства в товарно-денежные отношения, развитию отраслей помещичьего хозяйства, связанных с рынком (например, винокурения, разработки лесных богатств, льносеяния и пр.). В этих условиях отрицательные стороны крепостничества стали сказываться в Латвии сильнее и раньше,

чем в русских губерниях, что и привело к отмене крепостного права в Латвии уже в 1817—1819 гг.

Имущественное неравенство внутри феодально зависимого крестьянства Латвии как между безземельными и дворохозяевами, так и в среде самих дворохозяев постепенно приобретало черты классового расслоения. В этом отношении весьма показательны, что аграрное законодательство первой половины XIX в. не только ясно различает среди латышских крестьян два основных слоя — дворохозяев и безземельных, но и по-разному относится к ним. Уже в Законе о ливляндских крестьянах 1804 г. была сделана попытка опереться в борьбе против основной массы крестьянства — безземельных — на дворохозяев путем предоставления им некоторых льгот — закрепления за дворохозяевами дворов в наследственное владение, нормирования повинностей в пользу помещиков и предоставления дворохозяевам права эксплуатировать батраков и других безземельных.

Последующие законы, и в особенности Уложение о ливляндских крестьянах 1849 г., расширявшие возможности капиталистической перестройки имения, в некоторой мере улучшали возможности развития и крестьянского хозяйства. Что же касается батраков и бобылей, то эти законы рассматривали их лишь как объект эксплуатации в помещичьем и крестьянском хозяйстве. Иначе говоря, расслоение крестьянства происходило не только в силу естественных причин, в ходе исторического развития, но и закреплялось и усиливалось политикой местного дворянства, законодательством. Недаром генерал-губернатор Альбединский, прибалтийские помещики и официозные остзейские историки признавали, что цель местного аграрного законодательства заключалась в том, чтобы, как писал один из них, «сохранить и усилить сословие, стоявшее между безземельным работником и крупным землевладельцем. Члены его не перестают быть крестьянами, латышами или эстонцами и не являются батраками немцев; они сами господа на своей земле... прилежные хозяева, друзья порядка и законности»¹.

Несмотря на формальную отмену крепостного права, в Латвии (имеются в виду Курземе и Видземе) в течение первой половины XIX в. сохранялись феодальные отношения. Реформой не были затронуты привилегии дворянства, оно продолжало оставаться господствующим классом в экономической и политической жизни. Основной производитель, крестьянство, по-прежнему эксплуатировалось феодальными методами — на барщинных работах. Свобода передвижения крестьян была сильно ограничена; батраков, закрепленных за волостью, волостное правление имело право принудительно распределять между дворохозяевами, их труд оплачивался или выделением небольших земельных участков, или натурой.

И все же отмена крепостного права ускорила разложение устоев феодализма. Наиболее быстро эволюционировало в капиталистическом направлении помещичье хозяйство. Под давлением изменений, происходивших в странах Западной Европы и в России, с которыми сельское хозяйство Прибалтики было тесно связано торговыми отношениями, помещики, стремясь повысить доходность своих имений, вынуждены были изменять направление своего хозяйства. Уже в 30—40-х годах помещичье хозяйство из экстенсивно-зернового, связанного с рынком, превращается в интенсивное. Разведение тонкорунных овец, распространение многополья с травосеянием, широкое распространение картофеля, который перерабатывался в спирт, попытки применения машин и улучшенных сельскохозяйственных орудий — вот то новое, что появилось в помещичьем хозяйстве 30—40-х годов.

Эти новые явления не могли не прийти в столкновение с барщиной

¹ O. Müller. Die livländische Agrargesetzgebung. Riga 1892, S. 37—38.

системой, с экстенсивным крестьянским хозяйством, с которым помещичье хозяйство было тесно связано. Слабосильный тягловый скот, примитивные крестьянские сельскохозяйственные орудия, которыми обрабатывались помещичьи поля, являлись препятствием дальнейшему росту интенсивного помещичьего хозяйства. Поэтому с конца 40-х годов, особенно в Курземе, начинается быстрая замена барщинной аренды денежной, помещики стараются обеспечить имения собственным инвентарем с тягловой силой. Труд батрака, присылаемого барщинным арендатором, заменяется трудом батрака, нанятого и оплачиваемого самим помещиком.

Переход к денежной аренде в основном был завершен уже к концу 50-х годов.

Переход от барщинной аренды к денежной, рост в 50-х годах цен на сельскохозяйственные продукты, а также хорошие урожаи этих лет увеличили возможности накопления и в крестьянском хозяйстве. Некоторое представление об этом дает рост вкладов в основанную еще в 1825 г. в Курземе сберегательную кассу. За десятилетие с 1851 по 1860 г. вклады в кассу возросли с 543 805 до 977 348 руб., причем $\frac{2}{3}$ этих вкладов поступили от сельских жителей. Увеличились также капиталы волостей. Если в 1849 г. в Курземе они составляли 207 422 руб., то в 1860 г. — 821 897 руб., т. е. в течение 10 лет учетверились. Аналогичные явления наблюдались и в Видземе, где за период с 1855 по 1860 г. волостные капиталы возросли с 268 770 до 427 000 руб., а задолженность волостным хлебным магазинам уменьшилась с 100 995 четвертей до 43 713. Эти факты могут свидетельствовать не только о росте благосостояния части сельского населения, но и, что особенно важно, о развитии денежного хозяйства.

В связи с переходом на денежную аренду рациональная система полеводства, которая раньше встречалась только в имениях, стала проникать также и в крестьянские хозяйства. Губернаторские отчеты середины 50-х годов отмечают «распространение между крестьянами перемены плодов и разных хозяйственных улучшений, равно как и постепенно увеличивающегося количества скота»², более «ревностное» ведение крестьянами хозяйства, увеличение ими «материальных средств своих» и т. д.³ Однако развитие крестьянского хозяйства в условиях денежной аренды сдерживалось чрезвычайно высокой и все возрастающей арендной платой, которая, как это признавали в 60-х годах прошлого века некоторые остзейские экономисты, нередко превышала доходы дворохозяев, получаемые непосредственно от арендуемой земли.

Переход к денежной аренде привел к значительным изменениям характера отношений между различными слоями крестьянства, и прежде всего отношений между дворохозяевами и безземельными батраками.

В период барщинной аренды батраки, нанятые дворохозяином, значительную часть времени работали на помещичьей мызе, «внося» своим трудом арендную плату дворохозяину. Тем самым прибавочный продукт, получаемый из труда батраков, доставался помещику. При денежной аренде, когда крестьянское хозяйство по сравнению с предыдущим периодом стало более независимым от помещичьего, и особенно при переходе к выкупу крестьянских усадеб батрак нанимался или в имение, или к крестьянину-дворохозяину. В последнем случае он уже не имел дела с помещиком, а эксплуатировался непосредственно дворохозяином.

Перед дворохозяевами открылись новые возможности благодаря эксплуатации батраков и напряжению собственных сил делать накопления, совершенствовать свое хозяйство. Высокая и все возрастающая

² ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, 1852 г., д. 44, л. 64.

³ Там же, ф. 1291, оп. 6, 1855 г., д. 46, л. 13.

арендная плата, разумеется, крайне суживала возможности накопления в крестьянском хозяйстве. Однако за счет внеземледельческих заработков с участием батраков, благодаря чрезмерной эксплуатации плодородия почвы, расширению посевов льна, использованию многих других источников, позволявших отложить «лишнюю копейку» и не поддававшихся учету со стороны помещика, часть дворохозяев все же накапливала значительные суммы. Процесс накопления шел еще быстрее у корчмарей, мельников, управляющих и арендаторов мыз и подмызков.

Начавшаяся в 60-х годах массовая покупка дворохозяевами усадеб показала, что часть из них обладала значительными денежными средствами, накопленными в период аренды. Официальные лица отмечали, что в первую очередь покупались крупные усадьбы. Это же видно из статистических данных. Если средний размер усадеб, выкупленных в частных имениях Лифляндской губернии до начала XX в., равнялся 49 десятинам, то средний размер усадеб, выкупленных в первой половине 60-х годов (до 1866 г. включительно), составлял 60,7 десятины. В Курляндской губернии разложение крестьянства проявлялось не столько в изменении размеров покупаемых участков, сколько в изменении суммы, уплачивавшейся наличными при заключении купчего контракта. В течение первых шести лет продажи земли в Курляндии (с 1864/65 по 1869/70 г.) каждый покупатель уплачивал наличными в среднем по 480 руб., в последующие же годы — по 335 руб.

Приведенные цифры лишь выявляют общую тенденцию, но не раскрывают ее полностью, так как суммированные данные за каждый год объединяют проданные и мелкие, и крупные участки, а также плательщиков как крупных, так и небольших сумм. Зато материалы по отдельным имениям освещают материальное положение покупателей усадеб и раскрывают цели, которые преследовали разные покупатели, более наглядно. Например, из покупателей проданных в имении Кропе Цесисского уезда в течение 1868 и 1870 гг. 8 усадеб только двое уплатили минимально допустимую сумму (около 15% стоимости усадьбы), остальные 6 покупателей оказались в состоянии уплатить сразу по 1000 и более рублей. При этом один покупатель сразу оплатил всю стоимость усадьбы, внося 2550 руб., а другой, Ян Граудун, купил 2 усадьбы и внес сразу 2158 руб.

Покупка одним дворохозяином двух и более усадеб является ярким проявлением разложения крестьянства. В результате подобных покупок, с одной стороны, прежний арендатор переходит в разряд безземельных, а с другой, — происходит складывание покупателем капитала в капиталистическое производство. К сожалению, местная статистика 60—70-х годов этого явления не отражает. Прибалтийские дворянские статистики фиксировали лишь количество проданных усадеб, но не количество покупателей. Между тем покупка одним дворохозяином двух и более усадеб случалась не столь уж редко и ни в коей степени не представляла собой исключительного явления. Например, некая Наталия Ауске в 1867 г. купила 3 усадьбы в имении Лимбажи и, кроме того, еще одну усадьбу в имении Сигулда; общая покупная цена этих усадеб составила более 11 000 руб., причем наличными при заключении контракта покупательница уплатила 1565 руб.⁴ С. Песман в имении Палсмане купил две усадьбы за 9150 руб., уплатив сразу 1100 руб.⁵ При продаже крестьянских земель в 1867—1868 гг. в имении Сигулда двойные и тройные покупки сделал и ряд других дворохозяев. Ян Соде купил 3 усадьбы за 8010 руб., внося сразу 1155 руб., Ян Капостынь — 2 усадьбы за 7980 руб., внося 1375 руб.⁶ Юрий Крейле — также

⁴ ЦГИА Латв. ССР, ф. 144, оп. 1, д. 103, лл. 31, 43.

⁵ Там же, л. 48.

⁶ Там же, л. 22.

2 усадьбы за 5800 руб., уплатив сразу 1850 руб.⁷ По имеющимся официальным данным, в 1897 г. в Лифляндской губернии было 718 хозяев, владевших в одной волости несколькими усадьбами; им принадлежали 1572 усадьбы, т. е. 6,6% от общего числа проданных усадеб⁸.

О разложении крестьянства говорит также и покупка продаваемых помещиками дворов не прежними арендаторами, а другими лицами. По данным ревизии сенатора Манасеина, в Курляндской губернии за время с 1864 по 1882 г. в чужие руки перешло 20% проданных усадеб (1510 из 7263)⁹. Нередки были случаи совместной покупки одной усадьбы двумя дворохозяевами: из проданных в 1867 г. в имении Сигулда 64 усадеб 8 перешло в руки хозяев, купивших по 2—3 усадьбы, но зато 12 усадеб было куплено двумя покупателями каждая.

Многие десятки латышей, также вышедших в основном из среды зажиточных дворохозяев, служили у помещиков управляющими и брали в аренду дворянские имения и промышленные заведения в имениях и т. д. По данным Егора Сиверса¹⁰, в 1860 г. в четырех латышских уездах Лифляндской губернии сдавалось в аренду 116 имений, из них латыши арендовали 26, т. е. 24%. Среди латышей — арендаторов имений¹¹ следует упомянуть таких, как Заринь, арендатор имений Акенстаке и Море в 2016 дес.; Г. Рушманис, арендовавший имение Пиньки в 1432 дес.; Андерсон, арендатор имения Скулберга в 5000 дес.; Балдынь, арендовавший имение Каугуры в 5007 дес.; И. Апин, арендатор имения Клавкал в 3160 дес.; А. Апин, арендатор имения Лоде в 2000 дес.; Калнынь, арендовавший имение Оли в 1530 дес., и т. д. Это не просто представители новой нарождающейся буржуазии, — это уже в полном смысле слова представители крупной сельской буржуазии, обладающей немалыми капиталами.

Покупка латышскими крестьянами сразу нескольких усадеб, уплата при покупке усадеб крупных сумм наличными, аренда имений — все это говорит о том, что среди латышского крестьянства уже в 60-х годах имелся слой экономически сильных хозяев, вкладывавших деньги в сельскохозяйственное производство.

Продажа помещиками земли по так наз. «добровольным соглашениям», когда от покупателя требовалась уплата при заключении купчего договора значительной суммы наличными, обеспечение необходимого для ведения хозяйства живого и мертвого инвентаря, а продажа земли производилась сравнительно крупными участками, делала покупку ее возможной лишь для небольшой части крестьян и совершенно исключала возможность стать когда-нибудь собственниками земли для безземельных — батраков и бобылей. Между тем, по официальным данным за 1864 г., в сельской местности Лифляндской губернии семьи безземельных составляли 78,5% населения, а семьи дворохозяев — лишь 21,5%, в Курляндской губернии — соответственно, 84 и 16%¹².

Следует поставить вопрос: не привели ли количественные изменения в имущественном положении латышского крестьянства, накапливавшиеся в течение длительного времени, к качественным изменениям, т. е. можно ли рассматривать латышское крестьянство в 60-х годах XIX в. как единый класс? Этот вопрос относится прежде всего к оценке основ-

⁷ ЦГИА Латв. ССР, ф. 144, оп. 1, д. 103, л. 43.

⁸ Материалы для статистики Лифляндской губ., т. 1, вып. 3. Рига 1899, табл. 27.

⁹ Manaseina revizija. Rīgā 1949, 100. lpp.

¹⁰ J. Sivers. Das Buch der Güter Livlands. Riga 1863.

¹¹ Поскольку Е. Сиверс национальности арендаторов не указывает, мы сочли возможным считать латышами лишь тех арендаторов, о латышском происхождении которых ясно говорит их фамилия. Арендаторы, фамилии которых в равной степени встречались как среди немцев, так и среди латышей (Вальтер, Бауман, Нейвальд, Гросвальд и т. п.), нами не учтены.

¹² ЦГИАЛ, ф. 384, д. 27408, л. 10.

ных слоев латышской деревни — дворохозяев и батраков. Думаю, что дворохозяева и батраки 60-х годов представляли собой уже не разные слои феодального крестьянства, а различные классы буржуазного общества, т. е. первые — дворохозяева — представляли собой мелкую, среднюю и отчасти крупную буржуазию, а безземельные — сельскохозяйственный пролетариат. Основным в такой оценке, на мой взгляд, должно быть уяснение разной роли этих категорий крестьянства в сельскохозяйственном производстве. Дворохозяева (разумеется, не все, а ведущие хозяйство на средних и крупных участках) получили возможность присваивать часть прибавочного продукта работавших у них батраков (другую часть они отдавали помещику в виде аренды или выкупных платежей) и расширять свое хозяйство; у батраков же была одна дорога — работать по найму у помещика или у дворохозяина.

В середине 60-х годов и современникам стало ясно, что прибалтийская деревня раскалывается на две части, экономические интересы которых резко расходятся.

Генерал-губернатор Альбединский, характеризуя в 1867 г. положение в прибалтийских губерниях, писал: «Класс крестьян-арендаторов составляет как бы аристократию в отношении несравненно многочисленнейшего класса работников, нанимающихся за известную годовую плату на помещичьих мызах и у крестьян-хозяев. Различие между обоими классами крестьянского населения простирается до того, что даже женитьбы стали совершаться в каждом из них отдельно, ибо крестьянин-арендатор считает для себя унижительным жениться на дочери работника. Замечательно, что оба эти класса стали резко отделяться со введением денежно-оброчных отношений, поставивших арендаторов в более независимое и почетное положение»¹³. Интересно, что Альбединский не только подметил рост благосостояния дворохозяев, но и отметил его источник — эксплуатацию батраков. «Из этого же (т. е. из роста благосостояния дворохозяев. — М. К.) можно заключить, что все остальное население, нанимающееся лишь на работы на помещичьих мызах или у крестьян-хозяев, не только не имеет надлежащей независимости, но и лишено правильного обеспечения»¹⁴.

Происшедшие и продолжавшие происходить в прибалтийской деревне перемены отметил и другой (надо сказать, очень внимательный) современник — жандармский штабс-офицер по Лифляндской губернии полковник Андреянов. В донесении шефу жандармов он писал, что замена барщинной аренды денежной и продажа усадеб «создали теперь новое замечательное явление, проявляющееся с особенной рельефностью в тех околотках, где наиболее уже продано земли крестьянам, где завелись крестьяне-собственники. Образовалась уже и продолжает усиливаться крестьянская аристократия, консерватизмом, надменностью и зажиточностью резко отделяющаяся от бедного класса работников, которые к этой аристократии проникнуты завистью и недоброжелательством»¹⁵.

Разумеется, характеристики Альбединского и Андреянова односторонни. Они умалчивают о том, что не все дворохозяева пробивались в «крестьянскую аристократию», что наряду с накоплением богатства у одних другие не выдерживали высокой арендной платы и конкуренции, разорялись и пополняли собой ряды безземельных. Но тот факт, что сельская буржуазия уже сложилась и продолжала усиливаться, отмечен названными царскими чиновниками совершенно правильно.

Образование нового класса — сельской буржуазии — уже в 60-х годах наложило свой отпечаток на действия волостных правлений. Ис-

¹³ ЦГИАЛ, ф. 1016, оп. 1, д. 970, л. 44.

¹⁴ Там же, д. 963, л. 3.

¹⁵ ЦГИАМ, ф. III отделения, 4-я экзп., 1866 г., д. 139, л. 48.

пользуя права, предоставленные волостным правлениям волостной реформой 1866 г., дворохозяева стремились всячески ограничить права безземельных, создать наиболее выгодные условия их эксплуатации. Не освободившись еще от давления помещиков и продолжая борьбу за расширение своих прав, дворохозяева в то же время всячески стремились лишить батраков даже тех ничтожных прав, которые были предоставлены им полуфеодальным законодательством для прибалтийских губерний. Особенно недовольны были дворохозяева законом 1863 г., который расширял права батраков на передвижение, а стало быть, на выбор занятий. В этом отношении весьма показательны решения некоторых волостных судов, не только восстанавливавшие нормы старого феодального права, но и вводившие новые ограничения прав батраков.

Эту знаменательную метаморфозу в политике дворохозяев в свое время ярко обрисовал П. Стучка. «Телесные наказания, барщина, или, иначе, издельная аренда, и другие ограничения свободы, против которых ранее так настойчиво боролись прогрессивные элементы дворохозяев, — теперь нашли у них поддержку, как только они обратились против батраков. Дворохозяева, эти прежние прогрессисты, боровшиеся за собственную свободу, превратились в реакционеров — против подобных же требований свободы со стороны батраков»¹⁶.

Частично уже происшедший и продолжавший усиливаться раскол латышской деревни привел также и к новым явлениям в крестьянском движении — частичному обособлению борьбы безземельных и дворохозяев.

В течение первой половины 60-х годов крестьянство Видземе и Курземе выступало против помещиков единым фронтом, причем ведущая роль в этой борьбе принадлежала дворохозяевам. Но даже и в этот период дворохозяева боролись преимущественно за наиболее выгодные условия перехода арендных участков в собственность дворохозяев. Интересы безземельных в их требованиях не находили отражения. Передать батракам в собственность те parcelлы, которыми они пользовались в счет оплаты своего труда, — вот тот максимум, до которого поднимались дворохозяева. Поэтому даже в этот период были отдельные случаи, когда батраки выступали с самостоятельными требованиями. Например, представители имений Екабмуйжа, Лиелсесава, Вирцава и Вискальмуйжа Курляндской губернии в прошении от 10 июля 1862 г. на имя Александра II требовали, чтобы их наделили землей подобно русским крестьянам¹⁷.

Дальнейший переход к денежной аренде и в особенности продажа усадеб на условиях, когда собственниками земли могли стать лишь дворохозяева, привели в движение более широкие слои безземельных. В середине 60-х годов депутат дворянства Раутенфельд доносил лифляндской ландратской коллегии, что со второй половины 1866 г. латышское крестьянство охвачено качественно новым движением: «До сих пор притягательным объектом являлись крестьянские усадьбы, к которым тянулся преимущественно класс арендаторов усадеб, масса батраков довольствовалась каким-то миражем. Теперь же объект [притязаний] представляют все наличные земли, крестьянские и мызные, в движение пришла вся масса, движение направлено против земельной собственности, как крупной, так и мелкой»¹⁸.

Борьба батраков за землю встревожила не только помещиков-немцев, но и сельскую латышскую буржуазию. Распространение среди бат-

¹⁶ P. Stučka. Darbs un zeme. Agrārrevolūcija un komunisms. «Spartaks», 1920, 73. lpp.

¹⁷ Latvijas vēstures avoti, V sēj. Dokumenti par tautas atmodas laikmetu. Rīgā 1939, 254.—255. lpp.

¹⁸ Latvijas vēstures avoti, V sēj., 575. lpp.

раков слухов о предстоящем наделении их «подушной землей» вызвало, в частности, отповедь на страницах газеты «Маяс виесис». Обращаясь к батракам, она писала: «Ах, вы шуты!.. Разницу между батраками и хозяевами не надо забывать. Она покоится на столь же прочном основании, как лето и зима, холод и жара, день и ночь»¹⁹. Наступление дворохозяев на батраков нашло на страницах всех латышских буржуазных газет широкое отражение. Эти газеты стали органами коллективного обсуждения методов ведения хозяйства, наиболее выгодных способов эксплуатации батрацкого труда, его оплаты, интенсификации и т. д. В газетах появлялись корреспонденции, в которых дворохозяева жаловались на «вредное» влияние свободы передвижения на условия найма батраков, на требование батраками высокой оплаты своего труда, на их «лень», «непослушание» и «дерзость». Подобного рода настроения среди дворохозяев уже в конце 60-х и начале 70-х годов, не говоря уж о последующем времени, получили столь широкое распространение, что газеты систематически должны были останавливаться на этих вопросах.

Основные усилия латышская буржуазная пресса направила на то, чтобы научить дворохозяина «культурно» эксплуатировать батрака. Газета «Маяс виесис» поместила серию статей, посвященных взаимоотношениям между дворохозяевами и батраками²⁰. В одной из них автор, отмечая жалобы дворохозяев на лень и непослушание батраков, вынужден был признать, что нечеловеческое отношение, тяжелое материальное положение снижают производительность труда батраков, и предлагал ряд мер с целью поднять производительность труда. Этим же вопросом была озабочена и другая газета — «Балтияс вестнесис». Повторяя жалобы дворохозяев на лень и «прочие дурные качества батраков», автор одной из статей «Балтияс вестнесис» отмечал надежды хозяев на то, что «если плеть и порка будут опять введены, то все станет хорошо», но, понимая беспочвенность подобных надежд, стремился убедить своих читателей-дворохозяев в том, что их будущее — в умелом использовании капиталистических методов эксплуатации, а не в возврате к феодальным методам²¹.

Впрочем, эти поучения тонули в массе корреспонденций и писем с мест, которые отражали более грубую линию дворохозяев. Считая оплату батрацкого труда в 70-х годах слишком высокой, они с восторгом вспоминали те времена, когда труд батрака ничего не стоил. Например, газета «Маяс виесис» писала о «прошедших временах», когда хозяева нанимали батраков «из жалости» за одни лишь харчи²². Точно так же и в «Балтияс вестнесис» звучали жалобы по поводу того, что «прошли те времена, когда батраки были настолько дешевы, что с удовольствием (!) работали даже за один хлеб. Теперешняя высокая оплата их — бич для нас, хозяев»²³. Идеалом (с точки зрения найма рабочих) для дворохозяев оставались 60-е годы, когда в результате перехода от барщинной аренды к денежной большое количество батраков оставалось без работы. «Прошли те золотые времена начала 60-х годов, — с сокрушением пишет один из дворохозяев Валмиерского уезда, — когда все дороги были забиты батраками, ищущими себе работы»²⁴.

Приведенные здесь высказывания представляют собой не просто лирические воспоминания, — в них отражаются представления дворохозяев о желательных для них отношениях с батраками. Нетрудно убе-

¹⁹ «Mājas Viesis», 1867, Nr. 28, 221. lpp.

²⁰ «Mājas Viesis», 1873, Nr. 19—22.

²¹ «Baltijas Vēstnesis», 1875, Nr. 7, 51.—52. lpp.

²² «Mājas Viesis», 1873, Nr. 13, 37.—38. lpp.

²³ «Baltijas Vēstnesis», 1873, Nr. 28, 217. lpp.

²⁴ «Baltijas Vēstnesis», 1878, Nr. 8, 62. lpp.

даться, что в понимании дворохозяев «золотые времена» означали абсолютно то же самое, что и в понимании помещиков.

В латышской печати также отмечалась связь раскола деревни с переходом на денежную аренду. Можно назвать целый ряд статей в периодической печати того времени, авторы которых указывали на конец 50-х годов как на время, когда экономические интересы дворохозяев и батраков резко разошлись и когда грань, разделяющая эти два слоя крестьянства, стала вполне определенной. Автор одной из таких статей, опубликованной в 1879 г., например, говорит, что за последние 20 лет в жизни латышской деревни произошли большие изменения. «Раньше хозяин вместе с батраком по чужому приказанию гнул спину, а теперь он господин в своей усадьбе... Образ жизни хозяина, его одежда, пища, животные, лошади и другое имущество совсем отличаются от того, что было раньше»²⁵. Такого же мнения о ходе исторического развития за первые десятилетия второй половины XIX в. придерживалась и другая газета — «Балтияс вестнесис». Отмечая, что при крепостничестве не было особой разницы между хозяином и батраком, а потому возможны были взаимные превращения, газета продолжала: теперь «хозяева-собственники составляют совсем другой класс и отличаются от батраков»²⁶. Как мы уже видели, официальные лица уже в середине 60-х годов отметили новые процессы в латышской деревне, укрепление нового эксплуататорского класса — кулачества. Примерно в то же время эти явления нашли отражение и на страницах латышской печати. Почти в тех же словах, что и генерал-губернатор Альбединский и полковник Андреянов, «Балтияс вестнесис» писал об утвердившемся среди дворохозяев мнении, что они суть нечто высшее по сравнению с остальными крестьянами, и отмечал, что они стремятся создать между собой и батраками пропасть непреодолимых различий²⁷.

По мере усиления раскола деревни в ней углублялись классовые противоречия. Врагом эксплуатируемых безземельных стал не только помещик, но и сельский кулак. «Все чаще встречается батрак, с ненавистью смотрящий на перспективу найма на работу к хозяину. Он предпочитает бежать из деревни», — с грустью констатирует «Балтияс земкопис»²⁸. Дворохозяева понимают, что ненависть батраков в одинаковой степени направлена как против помещиков, так и против них самих. «Число наемных рабочих растет, и вместе с их ростом растет ненависть батраков ко всему, что связано с именем хозяина»²⁹. Перед лицом весьма неприятных фактов латышская печать вынуждена была признать раскол латышей на два класса — хозяев и батраков, интересы которых противоположны.

Итак, раскол латышской деревни к концу 70-х — началу 80-х годов вполне очевиден. Из этого, однако, не следует, что противоречия внутри крестьянства привели к исчезновению противоречий между верхушкой латышской деревни и помещиками. Сословные привилегии, господство помещиков в органах местного самоуправления (ландтагах), необходимость уплаты помещикам высоких выкупных и арендных цен за землю — все это способствовало сохранению противоречий между помещиками и сельской буржуазией.

В заключение необходимо выяснить, в каком соотношении находились различные слои (точнее — классы) в латышской деревне, показать этот раскол в цифрах. Решение этой задачи представляет серьезные трудности, так как статистика второй половины XIX в. пользовалась

²⁵ «Baltijas Zemkopis», 1879, Nr. 16, 123. lpp.

²⁶ «Baltijas Vēstnesis», 1879, Nr. 4, 30.—31. lpp.

²⁷ «Baltijas Vēstnesis», 1870, Nr. 44, 348.—349. lpp.

²⁸ «Baltijas Zemkopis», 1877, Nr. 44, 355. lpp.

²⁹ «Baltijas Zemkopis», 1878, Nr. 29, 113. lpp.

сословными, а не социальными понятиями, смешивая воедино и безземельных, и владеющих землей как лиц «крестьянского сословия».

Согласно приведенным выше данным за 1864 г., в Курляндской губернии семьи дворохозяев составляли в это время 16% от общего числа крестьян, в Лифляндской — 21,5%, а семьи безземельных — соответственно, 84 и 78,5%. Сенатор Манасейн, ревизовавший прибалтийские губернии в начале 80-х годов, в свою очередь попытался определить соотношение обеспеченного землей и безземельного населения. По его подсчетам, в Лифляндской губернии землей было обеспечено 23% и без земли было 77% сельского населения³⁰. Примерно такое же соотношение он устанавливал и для Курляндской губернии.

Все же как данные 1864 г., так и расчеты Манасейна не могут быть признаны точными. Во-первых, в обоих случаях в число безземельных включены также сельские ремесленники, прислуга, сельские торговцы и прочие категории населения, непосредственно не связанные с земледелием³¹. Во-вторых, учтены не все земельные участки, находившиеся в собственности или в аренде у крестьян. В особенности это касается расчета Манасейна, который учел не все парцеллярные владения казенных крестьян (бобыльские участки и участки отставных солдат) и сознательно исключил из числа лиц, пользующихся землей, арендаторов усадеб на мызной земле, поскольку мызная земля по закону находилась в безусловном распоряжении помещиков и, следовательно, по произволу последних могла быть отобрана у крестьян и обращена в хозяйственное пользование самих крестьян.

Произведенные мною разными методами подсчеты по данным местной переписи 1881 г. привели к выводу, что лица, обеспеченные в разной степени землей, составляли в Видземе и Курземе примерно 30—35% занятого в земледелии населения, безземельные — 70—65%³².

Несколько иную картину показывают данные всероссийской переписи населения 1897 г. Этой переписью было установлено, что в сельском хозяйстве Лифляндской губернии (без городов) на исходе XIX в. было занято 653 350 душ³³, а Курляндской — 388 490 душ³⁴. Если считать, что на каждый крестьянский двор, имевший землю, приходилось 6 душ членов семьи³⁵, то земледельческое население, в той или иной степени обеспеченное землей (на правах собственности или аренды), составит: в Лифляндской губернии (49 550 дворов × 6) — 297 300 душ, или 45,4%, а в Курляндской (27 900 дворов × 6) — 167 400 душ, или 42,8%. В таком случае процент безземельного населения в Лифляндской губернии оказывается равным 54,5 и в Курляндской — 57,2³⁶.

³⁰ Manaseina revīzija, 66. lpp.

³¹ Н. Манасейн на основании донесений губернатора считал, что все сельское население Лифляндской губернии составляет 872 535 душ, по данным же местной переписи 1881 г., сельское население губернии составляло 847 932 души, в том числе в земледелии было занято 682 000 душ (Ergebnisse der livländischen Volkszählung, Bd. III, Lief. I. Riga 1884, S. 5).

³² Из этих расчетов мною были исключены все сельские жители, не занятые в сельскохозяйственном производстве, и члены их семей.

³³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., т. XXI. Лифляндская губерния. СПб. 1905, стр. 140 (без Эзельского уезда).

³⁴ Там же, т. XIX. Курляндская губерния. СПб. 1905, стр. 142.

³⁵ По данным переписи 1897 г., на одно семейное хозяйство в уездах без городов в Лифляндской губернии приходилось по 4,7 человека и в Курляндской — по 4,5 человека, не считая посторонних лиц. Поскольку семьи, имевшие землю, обычно были крупнее семей безземельных крестьян, я счел возможным принять, что семья, обеспеченная землей, в среднем насчитывала 6 душ. Такое исчисление, вероятно, несколько преувеличивает процент населения, обеспеченного землей, но не преуменьшает его.

³⁶ Соответствующие расчеты, произведенные на основе данных только о самодеятельном населении, дают иные результаты: процент безземельного сельскохозяйственного населения Лифляндской губернии оказывается равным 66 и Курляндской — 72, поскольку доля самодеятельного населения среди безземельных значительно больше, нежели среди лиц, обеспеченных землей.

Уменьшение к концу XIX в. числа безземельных и относительный рост числа семей с землей объясняется, во-первых, отливом безземельного населения в города и, во-вторых, увеличением числа семей, продолжавших жить в деревне, но порвавших с земледелием. По данным Лифляндского губернского статистического комитета за тот же 1897 г., в волостях проживало 37 000 крестьянских семейств, не занимавшихся земледелием, т. е. почти столько же, сколько и семей дворохозяев³⁷.

Что же представляла собой та часть сельского земледельческого населения Видземе и Курземе, у которой имелась земля (в собственности или арендованная)? В какой степени эти хозяйства были обеспечены землей, рабочим скотом и использовали наемную рабочую силу? Для ответа на эти вопросы у нас есть ряд данных: по Лифляндской губернии — о землевладении и землепользовании за середину 80-х годов, о численности лошадей за 1888 г. и о применении наемной рабочей силы за 1897 г. (по переписи); по Курляндской губернии — о землевладении и землепользовании и о применении наемной рабочей силы за 1897 г. и о распределении лошадей за 1894 г. При этом следует учитывать, что понятие «хозяйство» в этих трех статистических исчислениях отнюдь не совпадает. Так, например, в местных статистических подсчетах о распределении земли учитывались лишь хозяйства, имевшие то или иное количество земли, военно-конская перепись под хозяйством подразумевает более или менее твердую экономическую единицу, поэтому ею учтены и хозяйства батраков, имевших лошадей, и часть безлошадных батрацких хозяйств, перепись же населения 1897 г. под «хозяйством» по сути дела имеет в виду семью. Поэтому как абсолютные

Таблица 1

Распределение крестьянских хозяйств по земельной площади					Распределение крестьянских хозяйств по числу лошадей		
на двор земли	количество дворов				на двор лошадей	количество дворов	
	в частн. имениях	в казенных имениях	итого			в абсол. цифрах	в %
			в абсол. цифрах	в %			
Лифляндская губерния							
До 6 талеров (до 10 дес.)	3 752	4 826	8 578	15,3	Нет 1	2 305 16 158	4,3 30,5
От 6 до 15 талеров (от 10 до 25 дес.)	11 243	1 499	12 742	27,6	2	13 240	24,8
От 15 до 30 талеров (от 25 до 50 дес.)	19 046	3 221	22 267	45,0	3—4	16 523	31,2
Свыше 30 талеров (свыше 50 дес.)	4 553	1 376	5 929	12,1	5 и более	4 806	9,2
Итого	38 594	10 922	49 516	100,0	Итого	53 032	100,0
Курляндская губерния							
До 10 дес.			7 285	26,2	1	1 351	4,5
От 10 до 30 дес.			4 925	17,4	1	8 656	27,4
					2	4 246	13,9
От 30 до 50 дес.			8 495	30,4	3—4	8 622	27,9
Свыше 50 дес.			7 196	26,0	5 и более	8 145	26,3
Итого			27 901	100,0	Итого	31 020	100,0

³⁷ Материалы для статистики Лифляндской губернии, т. 1, вып. 3, табл. 3.

данные, так и соотношения между ними не вполне сопоставимы. Все же целесообразно привести их (табл. 1³⁸).

Данные таблицы 1 убедительно свидетельствуют о том, что в Лифляндской губернии в 80-х годах имелся весьма значительный слой крестьянских хозяйств с земельной площадью 25 и более десятин, составлявших 57,1% общего количества крестьянских хозяйств, имевших землю, причем 12,1% приходилось на долю высшей группы (с земельной площадью более 50 десятин на двор). В то же время процент хозяйств, имевших по 3 и более лошадей, составлял 40,4. Следовательно, по обеспеченности хозяйств землей и лошадьми примерно половина общего количества крестьянских хозяйств Лифляндской губернии может быть отнесена к кулацким хозяйствам. Этот вывод подтверждается и данными об использовании наемной рабочей силы в сельском хозяйстве. По данным переписи населения 1897 г., в уездах (без городов) материковой части Лифляндской губернии насчитывалось 36 565 хозяйств, имевших наемных работников или прислугу в количестве от 1 до 5 человек³⁹. Разумеется, в это число входят и неземледельческие хозяйства, в особенности хозяйства лиц судебной и полицейской службы, пасторов, сельских торговцев и пр. Поэтому для определения числа крестьянских хозяйств, использовавших наемную рабочую силу, я счел нужным уменьшить цифры, установленные переписью, по хозяйствам с 1 работником на 20%, а остальные — на 10%. В результате оказывается, что в числе крестьянских хозяйств Лифляндской губернии хозяйств с одним работником в 1897 г. было 14 736, с 2—3 работниками — 13 012 и с 4—5 работниками — 3320, всего — 31 068 хозяйств, в которых было занято приблизительно 67 000 годовых наемных рабочих обоего пола⁴⁰. Это значит, что 62% общего количества крестьянских дворов, имевших землю, постоянно использовало наемную рабочую силу. Такое же соотношение различных групп крестьян сложилось и в Курляндской губернии. Здесь хозяйства середняков составляли по размерам землевладения и землепользования 17,4%, а по степени обеспеченности лошадьми — 13,9% всех дворов, имевших землю, хозяйства же кулаков по первому показателю составляли 56,4%, а по второму — 54,2%. В то же время, по данным переписи населения 1897 г., обработанным изложенным выше методом, в губернии насчитывалось 6937 хозяйств с одним работником, 8001 хозяйство с 2—3 работниками и 3258 хозяйств с 4—5 работниками, итого 18 196 хозяйств, использовавших наемную рабочую силу, что составляет 64% общего количества крестьянских хозяйств губернии, имевших землю. Тот факт, что процент хозяйств, пользовавшихся в Лифляндской и Курляндской губерниях наемной рабочей силой,

³⁸ При составлении таблицы данные о количестве крестьянских дворов в частных имениях Лифляндской губернии взяты из издания «Материалы к изучению аграрных условий Лифляндской губернии и в особенности положения местных батраков и поденщиков» (Рига 1885, стр. 201), о количестве дворов в казенных имениях — из хранящегося в библиотеке ЦГИА Латв. ССР «Обзора Лифляндской губернии за 1905 г.», стр. 30 (там приводятся данные за 1903 г., более ранних дифференцированных данных о крестьянских дворах в казенных имениях нет). Земельная площадь дворов в источниках в соответствии с давней традицией исчислена в талерах, каждый из которых по таксации соответствовал в среднем 1,67 десятины. Данные о распределении крестьянских хозяйств по земельной площади по Курляндской губернии взяты из хранящегося в библиотеке ЦГИА Латв. ССР «Обзора Курляндской губернии за 1897 г.», стр. 59. В целях хронологического сближения данных о размерах крестьянских хозяйств по земельной площади и о степени обеспеченности их лошадьми сведения о распределении хозяйств по числу лошадей по Лифляндской губернии приводятся по материалам военно-конской переписи 1888 г., по Курляндской губернии — аналогичной переписи 1894 г.

³⁹ Из 1205 хозяйств, имевших свыше 6 работников, подавляющее большинство следует отнести к помещичьим.

⁴⁰ Степень достоверности этих расчетов можно проверить по другому источнику: в том же 1897 г. в июле месяце в крестьянских хозяйствах материковой части Лифляндской губернии было занято 71 610 наемных рабочих мужского пола (Материалы для статистики Лифляндской губернии, т. 1, вып. 3, табл. 30).

выше, чем процент хозяйств, отнесенных к кулацким по данным о землевладении и землепользовании и об обеспеченности лошадьми, свидетельствует о том, что часть средних, а возможно, и бедняцких хозяйств также прибегала к найму рабочей силы.

В итоге классовый состав всего земледельческого населения Лифляндской и Курляндской губерний (в %) может быть выражен цифрами, приводимыми в таблице 2.

Т а б л и ц а 2

Слой крестьянства	Лифляндская губ.	Курляндская губ.
Безземельные (сельский пролетариат)	54,5	57,2
Малоземельные (полупролетариат)	8,0	11,3
Средние крестьяне	11,7	7,3
Кулаки	25,8	24,2

Итак, формирование классов буржуазного общества в латышской деревне происходило гораздо быстрее, чем в русской. Можно считать, что уже в 60-х годах в Латвии (речь идет о Лифляндской и Курляндской губерниях) имелись налицо сельская буржуазия и сельский пролетариат. Однако классовые противоречия внутри самого крестьянства маскировались тогда незавершенностью процесса образования новых классов и борьбой против помещиков. Выкуп дворохозяевами усадеб обострил противоречия между дворохозяевами и батраками, ускорил разделение латышского крестьянства на среднюю и мелкую буржуазию, пролетариат и полупролетариат.

В конце 70-х годов в латышской деревне мы наблюдаем уже четко выраженные капиталистические отношения. Процесс образования классов капиталистического общества к этому времени в основных чертах завершился, что стало вполне очевидно и для современников.

Более быстрое формирование сельской буржуазии и сельского пролетариата в латышской деревне сравнительно с русской объясняется неодинаковым исходным положением для этого процесса. В русской деревне в пореформенный период подавляющее большинство крестьян имело наделы и на их «раскрестьянивание» потребовалось время. В латышской же деревне уже в феодальный период большинство крестьян не имело земли, поэтому формирование латышской сельской буржуазии шло преимущественно за счет дворохозяев, а пролетариата — за счет безземельных феодального времени и частично — размывания слоя дворохозяев. Кроме того, у латышских дворохозяев имелся большой опыт ведения хозяйства с помощью внесемейной рабочей силы — батраков феодального времени. Используя этот опыт, они быстрее смогли приспособиться к новым, капиталистическим, условиям.

Для латышской деревни характерно наличие, во-первых, необычайно высокого процента безземельных, во-вторых, относительно незначительного количества бедных и средних крестьян, которые пользовались землей на правах собственности или аренды, и, в-третьих, весьма сильного слоя средней и отчасти крупной сельской буржуазии, так наз. «серых баронов», в руках которых находились почти все крестьянские земли, рабочий скот и инвентарь.

Именно эти особенности аграрного строя обусловили мощный размах революционного движения в деревне Латвии в период революций 1905—1907 гг. и 1917 г.

Я. П. К р а с т ы н ь

ПОЛОЖЕНИЕ И БОРЬБА КРЕСТЬЯН ЛАТВИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая империалистическая война нанесла народному хозяйству Латвии огромный ущерб. На территории Латвии несколько лет подряд велись военные действия, ее вдоль и поперек исходили полчища войск. В некоторых волостях было разрушено все, что поддавалось разрушению, поля, изборожденные окопами и покрытые проволочными заграждениями, оставались большей частью незасеянными. Сильно уменьшилось население Латвии, как сельское, так и городское. В Риге, например, население сократилось более чем на половину. Крупные промышленные предприятия вместе с рабочими были эвакуированы в глубь России, тень запустения легла на порты Латвии, еще недавно столь оживленные. В результате военных действий в маленькой Латвии было разрушено 78 тыс. (10,5%) и повреждено свыше 104 тыс. (14%) сельских зданий, 25% сельского населения осталось без крова.

На крестьянстве Латвии тяжело отозвались уже первые мобилизации, начавшиеся летом 1914 г., накануне уборки урожая. В армию была призвана наиболее работоспособная часть сельского населения. Но это было лишь начало бедствий: в апреле 1915 г. в пределы Латвии и Литвы вторглась немецкая армия, захватившая летом всю Курземе (Курляндию) и осенью подступившая к Даугавпилсу (Двинску). Из Курземе бежали $\frac{2}{3}$ ее населения (всего около полумиллиона человек), главным образом крестьянская беднота. Часть беженцев — свыше 145 тыс. человек — разместились в Лифляндской губернии, очень многие направились дальше, в глубь России.

Немецкая военная оккупация несла с собой разруху и голод, грабежи и разорение. Оккупанты реквизировали скот, молоко, молочные продукты и хлеб. Реквизиции и грабежи привели сельское хозяйство Курземе, считавшейся до этого наиболее хлебобородной областью Латвии, к полному упадку. Если в 1914 г. посевная площадь в Курляндской губернии составляла 465 тыс. гектаров, то в 1918 г. посевная площадь главных сельскохозяйственных культур — ржи, пшеницы, ячменя, овса, картофеля и гороха — не превышала 165 тыс. гектаров, что составляло 35% посевной площади 1914 г. Сильно сократилось в Курземе за годы войны и количество скота. Если в 1913 г. в губернии было 141 466 лошадей и 349 829 коров, то в 1920 г. в Курземе осталось лишь 96 000 лошадей и 259 000 коров. Оккупанты хищнически вырубали курземские леса. До 30 сентября 1917 г. они срубили для вывоза 314 512 куб. метров казенного леса стоимостью до 4,5 млн. рублей и конфисковали раньше заготовленный лес на 12 685 145 марок¹. Германские империалисты намеревались превратить Курземе в немецкую провинцию путем

¹ М. Skujenieks. Latvija. Zeme un iedzīvotāji. Rīgā 1917, 483.—484. lpp.

поселения в ней около 60 тыс. семей из Германии. Под игом свирепой военной диктатуры, которую всячески поддерживали прибалтийские немецкие бароны, в Курземе замерла вся общественная жизнь. Трудящееся население — крестьяне, рабочие, изнемогая под гнетом оккупантов, с нетерпением ждало дня своего освобождения от ига иностранных интервентов.

Сельское хозяйство неоккупированных районов сильно страдало от военных реквизиций. В начале 1915 г., еще до захвата Курземе немцами, командование царской армии приступило в прифронтовой полосе к реквизиции скота для нужд армии. 7 января она началась в Рижском уезде, а через неделю распространилась на всю Лифляндскую губернию. Намечалось реквизировать 40 000 голов рогатого скота — 21 500 в латышской части Лифляндской губернии и 18 500 — в эстонской. В Курляндии также проводилась реквизиция скота. Во главе реквизиционных комиссий в Лифляндской губернии были поставлены прибалтийские бароны: председателем комиссии, которая работала в латышской части губернии, был назначен барон Кампенгаузен, председателем комиссии, реквизировавшей скот в эстонской части губернии, — барон Верман. Представителей трудящихся крестьян в реквизиционных комиссиях не было.

В Видземе (латышская часть Лифляндской губернии) и Курземе реквизировалось более 1000 голов рогатого скота ежедневно. На семью в 5—6 человек оставляли одну дойную корову, в 5—10 человек — две, свыше 10 — три. В конце марта было намечено начать вторую реквизицию. Платили за реквизируемый скот мало — по 3,5 или же 4 руб. за пуд в живом весе, при этом денег крестьянину не давали, — он получал квитанцию, по которой ему обещали уплатить через несколько месяцев или же по окончании войны.

Реквизиции скота проводились неорганизованно, их тяжесть ложилась на безземельных, имевших по одной и две коровы, и на трудящихся крестьян. Крестьянская беднота многих волостей жаловалась, что помещики и кулаки, имевшие много скота, отдали значительно меньше, чем батраки и мелкие крестьяне. Такому ограблению способствовала сама система проведения реквизиций. Военное командование намечало общее количество реквизируемого скота по губернии, губернатор распределял это количество по уездам, а уездные начальники — по волостям. Количество скота, которое надлежало взять у каждого крестьянина, определяло волостное правление, возглавлявшееся крупными усадьбовладельцами — «серыми баронами», которые, так же как и помещики, стремились отдать поменьше скота или совсем избежать реквизиции. Между тем в инструкциях по реквизиции скота не указывалось на необходимость производить реквизиции в первую очередь у помещиков и крупных усадьбовладельцев и освободить от них семьи, имеющие лишь по одной корове. К тому же при определении поголовья помещичьего скота, не подлежащего реквизиции, исходили не из количества членов семьи помещика, а из количества всех лиц, живущих и работающих в имении, — членов семьи, батраков, помещичьей прислуги. Скот имений и усадьбовладельцев оберегался от реквизиций также под предлогом необходимости сохранения племенного и породистого скота. От реквизиций освобождался и молочный скот хозяйств, снабжающих молоком в крупных населенных пунктах детей, больницы и лазареты. Немало крупных усадьбовладельцев извлекали из этого большие доходы и вместе с тем сохраняли свой скот.

Таким образом, помещики и крупные усадьбовладельцы, интересы которых защищало царское самодержавие, тяжесть реквизиций переложили на плечи сельскохозяйственных рабочих и трудящихся крестьян. Арендатор казенного имения Турлава на каждого батрака, работающего у него, оставил себе по корове, а батракам пришлось сдать своих коров

реквизиционной комиссии. Крестьянин Сарумской волости Якобсон в феврале 1915 г. жаловался, что из своих трех коров он должен отдать одну, тогда как Яна Легздиня, имеющего 8 коров, реквизиция не коснулась совсем². А. Мейстер из Идусской волости в январе 1915 г. умолял вернуть реквизированную у него единственную корову, кормилицу его трех малолетних детей, из которых младшему только 3 месяца, а остальным двум — 3 и 4 года³.

Огромные трудности для крестьян представляла доставка скота на реквизиционные пункты. Из некоторых волостей скот на приемные пункты гнали по 30—60 км, к тому же на этих пунктах скапливалось много скота и крестьянам приходилось ждать своей очереди по нескольку дней.

В мае 1915 г. принудительная реквизиция скота на некоторое время была прекращена. Крестьян призывали добровольно продавать 7% скота. Однако уже в конце июня, с захватом немцами Курземе, снова началась реквизиция скота, сена, кормовой соломы и овса. Военное командование установило при этом определенную норму кормов для содержания нереквизированного скота. Летом 1916 г. принудительные реквизиции скота, фуража и корнеплодов прекратились, но в 1917 г., после умышленной сдачи генералом Корниловым немцам гор. Риги, они опять были возобновлены. С января 1915 по июль 1916 г., как видно по материалам всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., количество скота в латышской части Лифляндской губернии сократилось на 193 535 голов, или на 21%, при этом количество рогатого скота сократилось на 97 356 голов, или на 24,4%, в том числе за счет помещичьего скота — на 9,8%, крестьянского — на 14,6%⁴.

Военные реквизиции, мобилизация трудоспособного мужского населения на фронт, нехватка искусственных удобрений, изношенность сельскохозяйственных орудий и машин сильно отразились на сельском хозяйстве Латвии. Вдобавок к этому лето 1916 г. в Латвии было дождливое, холодное, часть хлеба еще в ноябре не была убрана и прорастала на полях. В результате всего этого урожай в 1916 г. был плохой. Если в 1912—1913 гг. в Видземе собрали в среднем с десятины 89 пудов ржи и по 86 пудов пшеницы и овса, то в 1916 г. ржи собрали только 62 пуда, пшеницы — 72, овса — 47. Сильно сократился валовой сбор хлебов. Если в 1909—1913 гг. он составлял в Видземе в год в среднем 5555 тыс. пудов ржи, 4043 тыс. пудов ячменя и 11 774 тыс. пудов картофеля, то в 1916 г. ржи собрали только 4262 тыс. пудов, ячменя — 2182 тыс. пудов и картофеля — 5008 тыс. пудов⁵. В эстонской части Лифляндской губернии урожай был несколько выше, но и там он значительно снизился. Сильно пострадала от войны и Латгалия (восточный район Латвии, состоявший из трех уездов Витебской губернии — Даугавпилсского, Резекненского и Лудзенского), где располагалась V армия. В 1916 г. урожай в Латгалии был еще ниже видземского: с одной десятины ржи было собрано в среднем только 42 пуда, овса — 47½ пуда, ячменя — 32 и гороха — 35½ пуда⁶. Особенно сократилась урожайность ячменя: с 1909 по 1913 г. в Латгалии в среднем собирали с десятины 42 пуда ячменя, а в 1916 г. — только 32 пуда.

Данные о посевной площади в 1916 г. по Видземе и Латгалии показывают, что доля помещичьих посевов была незначительна. В Видземе она составляла 18,7%, а в Латгалии — 8%, хотя помещики имели больше земли, чем крестьяне. Во время войны помещики в Латвии

² ЦГИА Латв. ССР, ф. 68, оп. 1, д. 214, л. 182.

³ Там же, л. 140.

⁴ Там же, ф. 2753, оп. 1, д. 3127, лл. 37, 38.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 457, оп. 1, д. 1044, лл. 13, 16а, 16б.

⁶ Там же, д. 1032, л. 15.

больше земли отдавали крестьянам в аренду и на обработку исполу. Доходы помещиков от полеводства были незначительными, главные их доходы поступали от хищнической вырубке леса, от сдачи в аренду земли, усадеб, фольварков, от разных промышленных предприятий, от скотоводства и молочного хозяйства.

Война, реквизиции скота, фуража и неурожай значительно ухудшили положение трудящихся крестьян. Запасы продовольствия у них быстро иссякали, цены же на сельскохозяйственные продукты и промышленные товары поднимались как на дрожжах. С августа 1914 г. (т. е. с начала войны) по июнь 1916 г. в Риге средняя оптовая цена на рожь и ржаную муку возросла почти в два раза, на овес, соль и сахарный песок — в два раза, а на пшеничную муку — более чем в два раза. Цена на гречневую крупу, горох и картофель с августа 1914 по декабрь 1916 г. повысилась более чем в $2\frac{1}{2}$ раза, а на ячневую крупу — более чем в три раза. Сильно подорожало мясо, сало и масло: телятина — в $2\frac{1}{2}$ раза, баранина — почти в четыре раза, свинина — почти в пять раз, масло — более чем в пять раз. Цены на дрова повысились в три раза. Цены на зерно и муку в других городах Латвии мало отличались от цен в Риге. Розничные же потребительские цены, с которыми непосредственно сталкивались массы, поднялись еще больше оптовых.

В то время как на фронте во имя защиты отечества и частной собственности погибали миллионы трудящихся, буржуазия и помещики повышали цены на сельскохозяйственные продукты и промышленные товары. Они занимались самой бесстыдной спекуляцией, не считаясь с наступающим в стране голодом. Коса, которую раньше можно было купить за 50—60 коп., в 1916 г. стоила в Видземе 3—4 руб., плуг, за который в 1913 г. платили 5 руб., в 1916 г. стоил 20 руб. В некоторых местах в Видземе в сентябре цена на пуд ржи поднялась до 4 руб., но усадьбовладельцы не торопились продавать хлеб, придерживая его в ожидании еще большего повышения. У усадьбовладельцев, как отмечали местные газеты, накопилось много денег, которыми они заполняли сберегательные кассы.

Уже в 1915 г. в стране и на фронте из-за расстройств железнодорожного транспорта, повышения цен и спекуляции имели место серьезные продовольственные затруднения. В деревне во многих волостях испытывалась острая нужда в сахаре, керосине, спичках, пшеничной муке. Ухудшившееся продовольственное положение на фронте и в тылу, особенно в прифронтовой полосе, растущее недовольство населения дороговизной заставили царское правительство принимать кое-какие меры по урегулированию продовольственного вопроса. Летом 1916 г. созданное в августе 1915 г. в Петрограде Особое совещание по продовольственному делу провело всероссийскую перепись скота и посевов. В октябре делопроизводство уполномоченного Особого совещания по Лифляндской губернии на основе предварительных данных о валовом сборе урожая определило количество ржи, подлежащей ввозу в латышскую часть Лифляндской губернии в течение года, в 5 301 641 пуд, пшеницы — в 2 313 785 пудов, ячменя — в 3 980 053 пуда⁷, что составляло 55% потребности населения Видземе во ржи, 64% — в ячмене и 90% — в пшенице.

Лифляндская губерния с таким крупным городом, как Рига, еще до войны принадлежала к числу потребляющих губерний. Основной отраслью сельского хозяйства здесь было не зерновое хозяйство, а скотоводство и молочное хозяйство, и из хлебобородных губерний России в Видземе завозилось значительное количество хлеба. Однако потребность во ввозе, констатируемая в 1916 г., намного превышала довоен-

⁷ ЦГИАЛ, ф. 457, оп. 1, д. 1044, л. 11.

ный ввоз хлеба. Разработанным планом помесячного ввоза хлеба для одной лишь Риги намечено было ввозить по 220 тыс. пудов ржи, 40 тыс. пудов простой ржаной муки, 26 тыс. пудов пшеничной муки ежемесячно⁸.

Витебская губерния, в которую входили три названных выше латгальских уезда, тоже принадлежала к числу потребляющих губерний. На декабрь 1916 г. в Латгалию было намечено ввезти 288 вагонов хлеба и других продовольственных товаров⁹.

Еще до всероссийской сельскохозяйственной переписи закупкой хлеба в производящих губерниях и продажей его населению занимались городские управы и сельскохозяйственные общества. В Видземе торговые операции с продовольствием широко развернуло Рижское центральное сельскохозяйственное общество, получавшее от правительства ссуды и гарантии займов. Рижское сельскохозяйственное общество было настоящей кулацкой сельскохозяйственной капиталистической организацией, подчинившей себе много местных сельскохозяйственных обществ, молочноконтрольных пунктов, сельских машинных и кредитных товариществ. Располагая значительными денежными средствами, оно занималось не только хлебной торговлей, но и покупкой и продажей скота, сельскохозяйственных орудий. Концентрируя в своих руках оптовую торговлю хлебом и другими продовольственными продуктами, оно сильно повышало цены на сельскохозяйственные товары.

Составление планов завоза хлеба в потребляющие губернии не спасло их от продовольственного кризиса. Железные дороги не справлялись с перевозкой продовольствия и скота в назначенные места. В то же время помещики и кулаки задерживали вывоз хлеба на рынок, стремясь искусственно вздуть цены. В январе 1917 г. командующий V армией обратился к министру земледелия с просьбой немедленно снабдить гор. Двинск (Даугавпилс) мукой, указывая, что город получил только 12% пшеничной и 6% ржаной муки, необходимой для снабжения населения, что обещанные в октябре и ноябре 1916 г. 109 вагонов муки еще не прибыли и что «в силу такого положения городу Двинску и его окрестностям угрожает голод. Грозные признаки заболевания тифом на почве недоедания уже имелись в Двинском уезде»¹⁰. Рижский продовольственный комитет сообщал в мае 1917 г., что из обещанных городу на этот месяц 149 вагонов хлеба к 15 мая прибыло только 2 вагона, причем вагоны, в которых должен был быть доставлен хлеб на март и апрель, также прибыли не все¹¹.

К началу 1917 г. в Риге и других городах Латвии была введена карточная система. По карточкам намечено было распределять население хлеб, сахар, мясо, крупу. Но и это мероприятие не улучшило продовольственного положения. Города не получали требуемого продовольствия, расстроенный железнодорожный транспорт не подвозил нужного количества хлеба, сахара, у магазинов образовывались очереди. Между тем цены на продукты продолжали расти. В то время как цены на продукты и промышленные товары за годы войны поднялись в 5—6 раз, номинальная заработная плата сельского рабочего в общем осталась прежней, довоенной.

Положение городских и сельских рабочих в годы войны в Латвии было крайне тяжелым. На не оккупированной немцами территории Латвии размещались 500-тысячная XII армия и V армия. Трудоспособное мужское население, не мобилизованное в армию, в принудительном порядке заставляли рыть окопы, строить мосты, дороги. Но видземские

⁸ ЦГИАЛ, ф. 457, оп. 1, д. 1044, л. 31.

⁹ Там же, д. 655, лл. 52—53.

¹⁰ Там же, д. 665, л. 97.

¹¹ «Сіра» (орган ЦК СДЛК), № 4, 17 мая 1917 г.

помещики и кулаки не нуждались во время войны в рабочей силе: военное командование часто отпускало для полевых работ солдат, а кроме того, в Видземе было много курземских беженцев, нанимавшихся на работу за плату или работавших у кулаков и помещиков исполу. Заработная плата была низкой. Жены мобилизованных на войну сельскохозяйственных рабочих нередко работали у кулаков и помещиков только за питание.

Неслыханная эксплуатация сельских рабочих и крестьянской бедноты, военные реквизиции сильно обострили классовые противоречия в деревне. К эксплуатации прибавился еще возрастающий налоговый гнет. Царское правительство ввело в России в годы войны новые налоги на сумму свыше миллиарда рублей.

Война усилила классовый антагонизм, пробудила в крестьянских массах интерес к политическим вопросам. Крестьяне перестали верить в успех войны и с нетерпением ждали, когда же эта проклятая война наконец кончится. Партия большевиков, возглавляемая В. И. Лениным, неустанно разоблачала империалистическую войну как грабительскую, захватническую и призывала массы превратить империалистическую войну в гражданскую.

Социал-демократия Латышского края, разделяя взгляды большевистской партии, смело выступила против войны. В условиях жесточайшего террора она вела широкую антивоенную агитацию и пропаганду. Только за первый год войны СДЛК выпустила более 40 воззваний тиражом в полмиллиона экземпляров, в которых призывала бороться против виновников войны в своей стране — царского самодержавия, помещиков и буржуазии¹².

Большевистская антивоенная пропаганда, которую на Рижском фронте вела также Петроградская большевистская организация, оказывала сильное влияние на солдат и трудящиеся массы. В декабре 1916 г. на Рижском фронте уже начались солдатские волнения. 25 декабря первый и второй батальоны 17-го Сибирского полка отказались идти в наступление. К ним присоединился 55-й Сибирский полк. Военно-полевые суды зверски расправлялись с сибиряками: 73 солдата были расстреляны, многих сослали на каторгу.

В конце 1916 г. уже определенно чувствовалось приближение революции. В. И. Ленин еще в 1915 г. в статье «О двух линиях революции» писал: «Теперь мы снова идем к революции. Это все видят. *Сам Хвостов* говорит о настроении крестьян, напоминающем 1905—1906 годы»¹³. 1917 год начался все усиливающимся мощным рабочим движением в промышленных центрах России. 25 февраля (10 марта) рабочее движение в Петрограде приняло форму всеобщей политической забастовки, которая, в свою очередь, переросла в восстание. Днем 26 февраля к восставшим рабочим присоединились солдаты Петроградского гарнизона. 27 февраля революция победила, царское самодержавие перестало существовать. Во главе революции под руководством большевиков шел пролетариат, он вел за собой крестьян, одетых в солдатские шинели.

Победивший пролетариат, исходя из опыта революции 1905—1907 гг., начал создавать Советы рабочих и солдатских депутатов. Однако в Петроградском Совете большинство депутатских мест захватили соглашатели и социал-шовинисты — меньшевики и эсеры, воспользовавшиеся тем, что видные руководители большевистской партии томились в то время в тюрьмах, ссылке, эмиграции, а находившиеся в Петрограде руководили восстанием. Соглашатели сговорились с лидерами буржуазии, и образовалось буржуазное Временное правительство во главе с

¹² История Латвийской ССР, т. II, Рига 1954, стр. 438.

¹³ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 380.

князем Львовым. Рядом с буржуазным правительством существовало другое, хотя еще и слабое, правительство — Совет рабочих и солдатских депутатов — революционная диктатура, опирающаяся непосредственно на массы. Создалось двоевластие — своеобразная особенность Февральской революции.

В Латвии, где свирепствовала военная диктатура, после победы Февральской революции в Петрограде также начался бурный подъем революционного движения. Как и в Петрограде, здесь тоже создалось двоевластие. В Риге и других городах Латвии образовались Советы рабочих и Советы солдатских депутатов, на фронте организовался Совет латышских стрелков. Это были органы диктатуры пролетариата и крестьянства. Вторую местную власть представляли назначенный вместо губернатора комиссар Временного правительства, местные буржуазные организации и шовинистически настроенные военные организации на фронте.

Февральская буржуазно-демократическая революция не освободила крестьян от помещичьего гнета, не улучшила положение рабочих, не дала трудящимся массам землю и мир. Большевики и шедшие за ними латышские социал-демократы развернули терпеливую разъяснительную работу, доказывая массам, что революция еще не закончена, что мир, свободу и землю народ получит только при переходе всей власти к Советам. В. И. Ленин в своих знаменитых Апрельских тезисах, развитых на VII (Апрельской) конференции большевистской партии, дал ясные, четкие установки и лозунги для дальнейшего развития революции, для перехода от первого, буржуазно-демократического этапа революции ко второму ее этапу — социалистическому. Выдвинутый в Апрельских тезисах лозунг «Вся власть Советам!» стал партийным большевистским лозунгом. При сложившейся в то время политической обстановке В. И. Ленин считал возможным переход всей власти к Советам мирным путем.

Тезисы В. И. Ленина и Апрельская конференция выдвинули ряд требований по экономическим вопросам. Они требовали немедленной конфискации помещичьей земли и национализации всей земли, слияния всех банков страны в один общенациональный банк и установления над ним, а также над производством и потреблением контроля со стороны Советов. В. И. Ленин обратил серьезное внимание на крестьянский вопрос, особенно на необходимость привлечения на сторону городского пролетариата сельского пролетариата и деревенской бедноты. Одной из важнейших задач Апрельская конференция считала организацию сельского пролетариата в самостоятельные батрацкие Советы или Советы деревенской бедноты.

19—22 апреля 1917 г. в Москве состоялась XIII конференция Социал-демократии Латышского края и латышских групп РСДРП(б). Конференция прошла в большевистском духе и в своих решениях по вопросам о Временном правительстве, войне, революции и др. исходила из решений VII конференции РСДРП(б). По аграрному вопросу конференция требовала немедленной ликвидации дворянского сословия, конфискации и национализации всей крупной земельной собственности — помещичьей, церковной, монастырской и др. Конференция предлагала следить за тем, чтобы подлежащие конфискации имения и их угодья не были разорены их собственниками или посторонними лицами. Для сельских рабочих конференция требовала создания таких же условий жизни, каких требует городской пролетариат, — 8-часового рабочего дня, запрета ночной работы, избрания самими рабочими инспекции труда, полного социального страхования. В то же время конференция отметила, что сельский пролетариат немедленно должен объединиться с полупролетариатом (издольщиками, мелкими арендаторами, не экс-

плуатирующими чужого труда, и т. д.) в отдельные Советы безземельных крестьян¹⁴.

В Видземе в деревне имелся целый ряд разных категорий безземельных — сельскохозяйственные рабочие, издольщики, мелкие арендаторы, ремесленники, сельская интеллигенция. В годы войны количество безземельных, особенно издольщиков, сильно увеличилось. В Латгалии весьма значительным был слой деревенской бедноты; часто это были безлошадные крестьяне, обрабатывавшие карликовые участки земли, но больше добывавшие себе пропитание работой в разных местах.

Под руководством социал-демократов безземельные стали создавать свои Советы. Большую роль в организации Советов безземельных сыграл созданный ЦК СДЛК и Рижским Советом рабочих депутатов Видземский съезд безземельных, состоявшийся 16—18 апреля в гор. Валмиере. На съезде присутствовало 436 депутатов, а вместе с гостями — около 1000 человек. Принятые Видземским съездом безземельных решения по аграрному вопросу не расходились в основном с решением XIII конференции СДЛК по этому вопросу. Для сельских рабочих съезд безземельных требовал в основном того же, что и партийная конференция. Съезд принял также решение о необходимости организовать в каждой волости Советы безземельных, которые избрали бы своих представителей в уездные Советы.

После Валмиерского съезда безземельных в Видземе широко развернулась организация Советов безземельных. Советы безземельных, объединявшие большинство деревенского населения, сыграли выдающуюся роль в борьбе за переход всей власти в Латвии к Советам. Они помогали безземельным демократизировать волостные органы самоуправления, выбирать вместо старых волостных правлений на демократических началах волостные или распорядительные комитеты, а также волостные продовольственные комитеты, они поддерживали борьбу издольщиков и мелких арендаторов за снижение арендной платы.

Создание Советов безземельных встретило сильное сопротивление со стороны усадьбовладельцев. Они пытались срывать собрания безземельных, а в некоторых местах организовали свои кулацкие советы.

Советы безземельных крестьян в Латвии в 1917 г. были революционными организациями, осуществлявшими союз пролетариата с крестьянством на этапе пролетарской революции, т. е. союз пролетариата с беднейшим крестьянством против буржуазии при нейтрализации середняка, за социалистический переворот. В. И. Ленин в своей работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», напечатанной в сентябре 1917 г., особенно подчеркнул необходимость установить тесный союз пролетариата с крестьянством. Советы безземельных были тесно связаны с городским пролетариатом и его органами, особенно с Рижским Советом рабочих депутатов, ими непосредственно руководили большевики Латвии.

Уже во время весенних полевых работ сельские рабочие Видземе предъявляли помещикам требования повысить заработную плату деньгами и натурой и сократить рабочий день до восьми часов. Так, рабочие имения Дукеры требовали повысить оплату труда мужчин до 300 руб. в год, а женщинам платить 75 коп. в день, в случае болезни выплачивать полную дневную заработную плату. Помещики отказались принять требования рабочих, и начались забастовки. Всего весной и летом рабочие бастовали более чем в 70 имениях Видземе. При поддержке Советов безземельных сельские рабочие заставили многих помещиков пойти на уступки. Но немало было и таких помещиков и арендаторов имений,

¹⁴ Октябрьская революция в Латвии. Документы и материалы. Рига 1957. стр. 39—40.

которые не уступали и даже хотели оставить поля имений необработанными, чтобы голодом задушить разрастающееся революционное движение. У таких помещиков имения конфисковывались уездными исполнительными комитетами и волостными Советами безземельных. Конфискованные имения передавались в ведение специально созданных комитетов или волостных продовольственных комитетов. Так, в Валмиерском уезде еще в июне были конфискованы имения Дукеры, Нурмижи, Каугуры, Катвары и некоторые другие¹⁵. В конфискованных имениях рабочие возобновили работу при повышенной заработной плате и восьмичасовом рабочем дне.

Конфискация имений имела место и в других уездах Видземе, причем она продолжалась и в последующие месяцы. В августе Исполнительный комитет малоземельных и безземельных крестьян Рижского патримониального округа решил взять в свое ведение все земли частных имений вместе с постройками и передать их местным исполнительным или распорядительным комитетам¹⁶. После провокационной сдачи генералом Корниловым Риги (21 августа) случаи конфискации помещичьих имений стали более редкими, но осенью конфискация возобновилась с новой силой.

Конфискация имений осуществлялась в напряженной борьбе с помещиками и их защитниками. Еще 1 мая министр земледелия Шингарев обратился к волостным комитетам и крестьянам с призывом не трогать имения, сохраняя существующий порядок землепользования до Учредительного собрания¹⁷. Временное правительство издавало один приказ за другим с требованием подавлять разрастающееся крестьянское движение. 18 июля министр продовольствия разослал строгий приказ, в котором настаивал на том, чтобы были немедленно приняты «самые энергичные и решительные меры к недопущению и прекращению всяких самовольных незаконных действий со стороны населения» против землевладельцев; за неисполнение приказа министр грозил судом и тюрьмой¹⁸.

Помимо издания разного рода приказов, угрожавших населению арестами и судебной расправой, Временное правительство начало посылать для подавления крестьянского движения карательные экспедиции. В Латвии почти в каждое имение было направлено от 3 до 15 солдат с офицером во главе из несознательных фронтовых частей. Однако после решительных протестов ЦК СДЛК и Рижского Совета рабочих депутатов против этих контрреволюционных действий Временного правительства, напоминавших времена карательных экспедиций 1905—1907 гг., солдаты из помещичьих имений были отозваны.

Сельскохозяйственные рабочие предъявляли требования также усадьбовладельцам, настаивая на повышении заработной платы, введении восьмичасового рабочего дня и улучшении условий труда. В случае отказа усадьбовладельцев удовлетворить эти требования начинались забастовки. Летом 1917 г. забастовочная борьба батраков, работавших у усадьбовладельцев, приняла широкие размеры. В некоторых волостях, например в Бауньской волости Валмиерского уезда, Дрейлинской волости Рижского уезда, Трикатской волости Валкского уезда, в забастовках приняли участие почти все батраки и батрачки. Забастовка в Трикатской волости по своей остроте и размаху занимает в истории борьбы сельскохозяйственного пролетариата Латвии особенно выдающееся место. Начавшись в конце июля, она сопровождалась массовыми демонстрациями и продолжалась около месяца. К забастовке

¹⁵ ЦГИА Латв. ССР, ф. 975, оп. 1, д. 401, лл. 1—3; ф. 406, оп. 2, д. 199, лл. 34, 35.

¹⁶ «Сипа», № 81, 17 августа 1917 г.

¹⁷ ЦГИА Латв. ССР, ф. 1054, оп. 3, д. 334, л. 166.

¹⁸ Октябрьская революция в Латвии. Документы и материалы, стр. 113.

батраков Трикатской волости примкнули и батраки некоторых окрестных волостей. В большинстве случаев забастовки заканчивались победой сельскохозяйственных рабочих.

В борьбу включились также издольщики, требуя, чтобы в будущем землевладелец получал не половину собранного с арендуемых ими участков земли урожая, а третью часть его, причем не натурой, а деньгами. Большевики и Советы безземельных поддерживали эти требования издольщиков.

Большую поддержку безземельным в борьбе с помещиками и сельской буржуазией оказывали латышские стрелки, число которых составляло около 40 тыс. человек. Еще 17 мая съезд Объединенного Совета депутатов латышских стрелковых полков принял большевистскую резолюцию, в которой политика Временного правительства определялась как империалистическая, захватническая и содержалось требование передачи всей власти Советам. Латышские стрелки, решительно перешедшие на сторону революции, помогали безземельным создавать Советы, продовольственные комитеты, организовывать забастовки сельскохозяйственных рабочих.

В Латгалии сельскохозяйственные рабочие вместе с деревенской беднотой также поднялись на борьбу против помещиков и кулаков. Борьбу латгальской бедноты поддерживали сознательные солдаты расположенных в Латгалии частей V армии. В Латгалии не создавались, как в Видземе, Советы безземельных, но там деревенская беднота закрепились во многих крестьянских комитетах. Борьба латгальских крестьян началась уже в марте 1917 г. и проявлялась в разгроме помещичьих имений, захвате помещичьего хлеба, полей имений, порубках леса. В середине марта в Лудзенском уезде крестьяне, поддержанные солдатами, разгромили имение Залесье и забрали помещичий хлеб. 23 апреля крестьяне того же уезда забрали хлеб также в имении помещика Котовича¹⁹. В некоторых местах крестьяне начали самовольно запахивать помещичьи поля, разоружать лесную стражу и рубить лес, арестовывать бывших царских чиновников, урядников и жандармов.

Летом крестьянское движение в Латгалии усилилось. 1 июля лудзенский уездный комиссар телеграфировал витебскому губернскому комиссару, что во всех волостях уезда имеют место «самовольные покосы, увоз сена», рыбная ловля в частновладельческих озерах, самовольная пастьба и рубка казенного и частновладельческого леса, а в некоторых хозяйствах намечен дележ скота²⁰. Осенью в Латгалии участились захваты помещичьих земель, отдельные волостные крестьянские комитеты принимали решения о конфискации помещичьих имений.

Временное правительство требовало возвращения конфискованных имений бывшим владельцам-помещикам, не отпускало таким имениям кредитов и не оказывало им никакой помощи. Между тем многие помещики начали разбазаривать инвентарь имений, продавать скот и хлеб армии, уничтожать посевы, лишь бы они не достались безземельным.

Временное буржуазное правительство не ликвидировало и продовольственный кризис. Объявленная им в марте хлебная монополия последовательно в жизнь не проводилась. Помещики и кулаки не хотели сдавать хлеб заготовительным органам, надеясь на повышение цен в дальнейшем. Увеличившиеся в мае хлебозаготовки в последующие месяцы сильно сократились, а в октябре составили только 27,4 млн. пудов, или 19% месячного планового задания²¹. Подвоз хлеба в города и потребляющие районы, в том числе в Лифляндскую и Витебскую гу-

¹⁹ Lielā Oktobra sociālistiskā revolūcija un ārzemju intervencija Latvijā. Rīgā 1957, 93. lpp.

²⁰ Октябрьская революция в Латвии. Документы и материалы, стр. 104.

²¹ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 2, изд. 4. М. 1956, стр. 669.

бернии, сильно сократился, и в Латвии снова начались военные реквизиции. При этом Временное правительство не реквизировало запасы хлеба, скрытые у помещиков и кулаков, — наоборот, в угоду им в августе твердые заготовительные цены на хлеб и другие продовольственные продукты были повышены в два раза.

Установленная Временным правительством карточная система распределения хлеба и продуктов ограничивала потребление только рабочих. Буржуазия, имевшая достаточно денег, могла свободно покупать продукты на рынке или питаться в ресторанах. Между тем рижские рабочие уже летом 1917 г. получали по карточкам только три фунта хлеба в неделю. Безземельные также очень нуждались в хлебе, но кулаки в некоторых местах не продавали им хлеба даже по высоким рыночным ценам. Для того чтобы в какой-то мере удовлетворить потребности безземельных в хлебе, в ряде волостей волостные продовольственные комитеты самовольно приступили к реквизиции хлеба у кулаков.

Рабочие и трудящиеся крестьяне убедились, что окончательно решить земельный вопрос, облегчить тяжелое продовольственное положение и спасти страну от грозящей катастрофы возможно, только свергнув Временное правительство и передав власть Советам. Они поняли, что, пока власть не перейдет в руки Советов, крестьяне не получат ни земли, ни мира, ни свободы. Осенью 1917 г. быстро назревал революционный кризис, рабочие и трудящиеся крестьяне под руководством большевиков шли к Октябрьской социалистической революции.

ДОКЛАДЫ
И СООБЩЕНИЯ
НА СЕКЦИОННЫХ
ЗАСЕДАНИЯХ

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ПЕРВОЙ СЕКЦИИ

(до середины XVII в.)

А. Д. Горский

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ (IX—XV ВВ.) В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Цель настоящего обзора — подвести некоторые итоги изучению истории земледелия древней Руси в советской исторической науке и попытаться наметить задачи, встающие перед исследователями этой проблемы¹.

Наследие, полученное советской исторической наукой от дореволюционной историографии, в области изучения истории земледелия древней Руси заключается главным образом в известной сумме фактического материала, накопленного буржуазными исследователями, в первичной обработке этого материала и в отдельных полезных выводах по некоторым конкретным вопросам истории древнерусского земледелия. Систематической работы по изучению истории земледелия древней Руси до революции не велось. Подавляющее большинство буржуазных авторов, касавшихся данного вопроса, принижало уровень развития земледелия в древней Руси, а часть историков (В. О. Ключевский, М. В. Довнар-Запольский и др.) отрицала решающую роль земледелия в хозяйстве древней Руси², причем некоторые авторы придерживались такой точки зрения в отношении не только Киевской Руси, но и Руси XIV и даже XV в.³ Эти и ряд других недостатков в изучении буржуазными исследователями истории земледелия древней Руси объясняются в первую очередь ненаучной методологической основой буржуазной историографии, оказавшейся не в состоянии обеспечить глубокое и всестороннее изучение данной проблемы.

Изучение истории земледелия древней Руси в советской исторической науке носит совершенно другой характер. Советские ученые при разработке истории древнерусского земледелия исходят из марксистско-ленинского учения о социально-экономических формациях, об определяющем значении материального производства в развитии общества, о решающей роли в истории трудящихся масс — подлинных творцов ма-

¹ В кратком обзоре, естественно, невозможно проанализировать подробно и всесторонне все работы советских авторов, так или иначе касавшихся истории земледелия древней Руси. Поэтому в задачу данного обзора входит рассмотрение советской историографии древнерусского земледелия главным образом с точки зрения изучения развития производительных сил; этим и определяется в значительной мере отбор рассматриваемых работ.

² Критический разбор ряда дореволюционных работ, освещающих историю земледелия древней Руси, см., например, в книгах: Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. 1953, стр. 37—55; В. И. Довженко. Землеробство древней Руси до середины XIII ст. Київ 1961, стор. 3—8.

³ См., например, М. В. Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства, т. I. Киев 1911, стр. 225, 239—240.

териальных и духовных ценностей, о роли производительных сил и производственных отношений, их органической связи и взаимодействии. Этой методологической базой определяется и то внимание, которое советская наука уделяет истории экономического развития вообще, истории различных отраслей хозяйства, где проявлялась созидательная творческая трудовая деятельность народных масс. Этим определяются также значительные успехи советской науки в практической разработке различных вопросов истории земледелия древней Руси.

В начале послереволюционного периода, когда по существу еще только происходило становление советской исторической науки, только создавались кадры советских специалистов — историков-марксистов, еще не могли появиться какие-либо специальные исследования, по-новому освещающие конкретную историю земледелия древней Руси. В работах же общего характера по истории России, изданных в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции, прослеживаются те же две точки зрения на роль земледелия в «домонгольской Руси», что и в дореволюционной историографии. Так, в работе Н. А. Рожкова «Очерк истории труда в России», как и в дореволюционных работах этого автора, роль земледелия недооценивалась и содержались утверждения о промысловом по преимуществу характере хозяйства древней Руси⁴. Противоположной точки зрения придерживался М. Н. Покровский в нескольких переизданиях написанной еще до революции «Русской истории с древнейших времен», в «Очерке истории русской культуры» (т. I) и в вышедшем первым изданием в 1920 г. «Русской истории в самом сжатом очерке»⁵. Аргументируя свое мнение о ведущей, решающей роли земледелия у восточных славян и в древней Руси, М. Н. Покровский, наряду с данными письменных источников, привлекает некоторый лингвистический материал и данные агротехники; интересно высказываемое им соображение о необходимости объединения усилий значительного коллектива при подсечном земледелии, а также попытка связать изменения в общественных отношениях с развитием техники земледелия. Вместе с тем некоторые положения М. Н. Покровского нуждаются в уточнениях (например, о степени оседлости крестьян при переложной и подсечной системах земледелия, об обеспеченности рабочим скотом), другие являются противоречивыми (например, наряду с признанием ведущей роли земледелия говорится, что установление границ между княжескими владениями было связано с правом охоты).

Большинство работ той поры (т. е. примерно до 30-х годов), авторы которых так или иначе касались вопросов земледелия Руси IX—XV вв., имеют ценность главным образом лишь как сводки фактического материала. Таковы, например, работы И. М. Кулишера и В. Ф. Ржиги (в последней содержатся полезные данные о сельскохозяйственных культурах — злаках, бобовых, огородных и садовых)⁶. Уже в этот период наблюдается некоторое стремление историков привлечь для освещения вопросов, связанных с историей земледелия в древней Руси,

⁴ Н. А. Рожков. Очерк истории труда в России. М.—Л. 1924, стр. 7—9; его же. Натуральное хозяйство и формы землевладения в древней Руси. — Из русской истории. Очерки и статьи, сб. I. Пб. 1923, стр. 4—5 (первое издание вышло в 1906 г.); его же. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики), т. I, изд. 3. Л.—М. 1928, стр. 76—78, 146 (первое издание вышло в 1903—1905 гг. под названием «Обзор русской истории с социологической точки зрения»). Критику этого мнения Н. А. Рожкова см. у Б. Д. Грекова (Киевская Русь, стр. 38—40 и др.).

⁵ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I. Соцэкгиз, 1933, стр. 13, 16, 17, 19, 34; его же. Очерк истории русской культуры, т. I, М.—Л. 1925, стр. 31—36, 41—44 и др.; его же. Русская история в самом сжатом очерке. Партиздат, 1932, стр. 14, 21.

⁶ И. М. Кулишер. История русского народного хозяйства, т. I. М. 1925; В. Ф. Ржига. Очерки из истории быта домонгольской Руси. М. 1929.

кроме данных письменных источников и лингвистики (В. Ф. Ржига), археологический материал⁷. Важно отметить, что в это же время появляются некоторые новые методы изучения различных вопросов истории земледелия — агробиологический анализ остатков культурных растений (например, работы К. А. Фляксбергера⁸), предложенный В. А. Желиговским метод определения механических свойств и коэффициента полезного действия древних топоров, математический принцип для классификации серпов, предложенный А. В. Арциховским⁹.

Важную роль в изучении истории земледелия в нашей стране сыграла вышедшая в 1932 г. работа археолога П. Н. Третьякова¹⁰. В этом труде подробно и конкретно характеризовалась подсечная система земледелия, рассматривались условия перехода к паровой зерновой системе, сравнивалась производительность земледельческого труда при той и другой системах, содержались сведения о почвообрабатывающих орудиях и их эволюции (в частности, высказывалось мнение о происхождении двузубой сохи от «суковатки»). Основываясь на изученном им материале (прежде всего археологическом и этнографическом), П. Н. Третьяков указывает на значение, какое имел переход от подсеки к пашенному земледелию для изменения общественных отношений — для перехода от коллективного труда (общины, рода), которого требовало подсечное земледелие в силу своей большой трудоемкости, к индивидуальному хозяйствованию отдельных семей в результате повышения производительности труда при пашенном земледелии, в конечном счете — к появлению частной собственности, к возникновению классов.

Стремление к более интенсивному использованию археологического материала (в том числе характеризующего развитие земледелия) для освещения с марксистских позиций социальных процессов в древней Руси приблизительно в это же время наблюдается и у других советских археологов¹¹.

Существенным этапом в изучении древнерусского земледелия явилось последнее десятилетие перед Великой Отечественной войной. В этот период появляются работы Б. Д. Грекова, которые в дальнейшем легли в основу его монографии «Киевская Русь»¹², сыгравшей большую роль в марксистской разработке истории восточных славян и Древнерусского государства. Значительно увеличились масштабы и повысился научный уровень археологических исследований, ряд русских и украинских исследователей обратился к разработке тем, посвященных «эво-

⁷ См., например, В. И. Пичета. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии, ч. 1 (до конца XVI века). Минск 1928, стр. 12, 14; Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л. 1930, стр. 93, 240—241, 243 и др.

⁸ К. Фляксбергер. Семена культурных растений VI—VIII века из-под Минска. — «Природа», 1929, № 5, стр. 410—473; см. также его более поздние работы: Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю. — ҚСИИМК, вып. 8, 1940, стр. 117—119; Зерновые хлеба в V, X—XIII веках н. э. на территории Латвийской ССР. — Опыты и исследования по сельскому хозяйству, III. Рига 1941, стр. 259—262 (резюме на русском языке).

⁹ В. А. Желиговский. Ручные ударные орудия и работа ими. — «Вестник металлопромышленности», 1925, № 3—4 (см. также его более позднюю работу «Эволюция топора и находки на Метрострое», Л. 1936); А. В. Арциховский. К методике изучения серпов. — «Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН», т. IV. М. 1928.

¹⁰ П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. — «Известия ГАИМК», т. XIV. М.—Л. 1932.

¹¹ См., например, А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. — «Проблемы истории докапиталистических формаций», 1934, № 11—12.

¹² Б. Д. Греков. Рабство и феодализм в древней Руси. — «Известия ГАИМК», вып. 86. М.—Л. 1934; его же. Феодальные отношения в Киевском государстве, изд. I. М.—Л. 1935 (второе издание вышло в 1937 г., третье — уже под названием «Киевская Русь» — в 1939 г., четвертое — в 1944 г.).

люции славянских земледельческих орудий и сельскохозяйственной техники»¹³.

Все большее место при рассмотрении вопросов истории древнерусского хозяйства, в частности земледелия, в работах историков (например, Б. Д. Грекова, В. В. Мавродина¹⁴) начинают занимать археологические материалы. Итогом плодотворного, типичного для советской науки коллективного метода разработки крупных проблем учеными различных специальностей явилась «История культуры Древней Руси», освещающая различные стороны материальной и духовной культуры Руси до XIII в.¹⁵

Особенно больших успехов в разработке истории сельского хозяйства и промыслов достигла советская историческая наука в послевоенный период, хотя ряд вопросов данной темы еще нуждается в дальнейшем исследовании.

Важным обобщающим трудом по истории сельского хозяйства, и особенно земледелия, эпохи существования Древнерусского государства и начального периода феодальной раздробленности на Руси явилась упоминавшаяся уже книга Б. Д. Грекова «Киевская Русь»¹⁶, в которой автор большое внимание уделяет вопросу о месте земледелия в хозяйстве древней Руси, а также технике сельского хозяйства (соответствующие разделы имелись уже в работе «Рабство и феодализм в древней Руси», в дальнейшем от издания к изданию этой книги наращивалась аргументация и расширялся круг привлекаемых материалов). Б. Д. Греков подвергает фундаментально обоснованной критике теорию о «промысловом» характере древнерусского хозяйства и, привлекая широкий круг письменных источников («Повесть временных лет», «Русскую Правду», акты, свидетельства античных, византийских, арабских авторов и т. д.), значительный материал археологических раскопок в разных частях Восточной Европы, этнографические и лингвистические данные, данные фольклора и другие материалы, доказывает давность существования земледелия в Восточной Европе, его ведущее значение как основной отрасли хозяйства у восточнославянских племен и в древней Руси. Убедительным представляется и предлагаемое Б. Д. Грековым деление территории Древнерусского государства на две большие зоны (север — лесная зона и юг — лесостепь) в зависимости от систем земледелия, основных пашенных орудий и применявшегося рабочего скота. Это деление сейчас признано большинством специалистов. Заслуживает внимания мнение Б. Д. Грекова о появлении уже в период Киевской Руси паровой зерновой системы земледелия с двух- или трехпольным севооборотом.

В работе В. В. Мавродина¹⁷ вопросы истории земледелия также занимают большое место. Широко привлекая данные письменных источников, археологические, лингвистические и другие материалы, В. В. Мавродин приходит в основном к тем же выводам, что и Б. Д. Греков.

Вопросы истории хозяйства Северо-Восточной Руси XIII—XV вв. привлекли к себе внимание участников дискуссии по вопросу об образовании Русского централизованного государства. Значительное место

¹³ См. Б. А. Рыбаков. Место славяно-русской археологии в советской исторической науке. — «Советская археология», 1957, № 4, стр. 58.

¹⁴ См., например, В. В. Мавродин. Очерк истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). Изд. ЛГУ, 1940, стр. 13, 23—24, 26—27, 32—33, 69, 70—71, 73—75 и др.

¹⁵ История культуры Древней Руси, тт. I—II. М.—Л. 1951.

¹⁶ Б. Д. Греков. Киевская Русь. Учпедгиз, М. 1949 (пятое издание); М. 1953 (шестое издание). Эта книга вошла в т. II «Избранных трудов» Б. Д. Грекова.

¹⁷ В. В. Мавродин. Образование Древнерусского государства. Л. 1945, стр. 12—16, 42, 71—72, 115—116, 118, 125—128; см. также переиздание этой книги под названием «Древняя Русь» (Госполитиздат, М. 1946).

в статье П. П. Смирнова, открывшего эту дискуссию, занимает вопрос о земледелии XIV—XV вв. в Северо-Восточной Руси. В статье отмечается значение земледелия как ведущей отрасли хозяйства того времени, рассматриваются вопросы о пашенных орудиях, системах земледелия, об удобрении и т. д. Однако как общая концепция П. П. Смирнова по дискутируемой проблеме, так и освещение им вопросов истории русского земледелия (признание господства подсечного земледелия в Северо-Восточной Руси XII—XIII вв., «изобретение» во времена Ивана Калиты «лемеша», т. е. сохи-косули, и переход к паровой системе земледелия лишь в первой половине XIV в.)¹⁸ вызвали резкие возражения его оппонентов — И. И. Смирнова, В. В. Мавродина, С. В. Юшкова, К. В. Базилевича¹⁹. Правда, вопросы истории земледелия в исследовательском плане как П. П. Смирновым, так и другими участниками дискуссии подробно и всесторонне не рассматривались. В редакционной статье, подводившей итоги дискуссии, в числе вопросов, требующих серьезного специального исследования, называлась, в частности, история сельского хозяйства Руси XIV—XVI вв.²⁰

Некоторое внимание истории древнерусского земледелия уделили и экономисты. Так, С. Г. Струмилин в своей статье «К истории земледельческого труда в России» (в журнале «Вопросы экономики», 1949, № 2) поднял важный вопрос о том, что для определения удельного веса земледелия в хозяйстве необходим учет уровня производительности труда в различные исторические эпохи, при различных системах земледелия. В результате ряда вычислений и сопоставлений, основанных на этнографических и агрономических данных, С. Г. Струмилин приходит к выводу, что в силу большой трудоемкости ни мотыжное, ни подсечное земледелие не могло стать основной отраслью хозяйства, что такой отраслью может стать лишь пашенное земледелие. В статье делается попытка на основании данных так наз. «дополнительных» статей «Русской Правды» определить урожайность различных культур в древней Руси. Несмотря на то, что некоторые подсчеты С. Г. Струмилины нуждаются в уточнениях²¹, поднятые им вопросы заслуживают внимания и изучения.

О развитии народного хозяйства Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. — о заселении новых районов, распространении земледельческой культуры, распространении трехполья, удобрении земли, пашне «наездом», об огородничестве — коротко, но в целом верно говорится в статье А. П. Пьянкова, посвященной выяснению причин образования единого Русского государства²².

Вопросам хозяйства Руси XI—XIII вв. (в основном — земледелия и скотоводства) посвящены две главы книги М. Н. Тихомирова «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.». В этих главах, основанных на письменных источниках с привлечением археологи-

¹⁸ П. П. Смирнов. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. — «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 74, 76, 77.

¹⁹ И. И. Смирнов. О путях исследования Русского централизованного государства. — «Вопросы истории», 1946, № 4; В. В. Мавродин. Несколько замечаний по поводу статьи П. П. Смирнова «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.» — Там же; С. Юшков. К вопросу об образовании Русского государства в XIV—XV вв. — Там же; К. Базилевич. К вопросу об исторических условиях образования Русского государства. — Там же, 1946, № 7.

²⁰ «Вопросы истории», 1946, № 11—12, стр. 9.

²¹ Так, например, при подсчетах для древних эпох нельзя, конечно, исходить из 8-часового рабочего дня (см. А. Корнеев. К истории земледелия в России. — «Вопросы экономики», 1949, № 7, стр. 86); требуют уточнения расчеты урожайности в древней Руси, заниженной С. Г. Струмилиным (см. В. И. Довженок. Об уровне развития земледелия в Киевской Руси. — «История СССР», 1960, № 5, стр. 72—73; его же. Землеробство..., стор. 11—12, 188—189).

²² А. П. Пьянков. К вопросу о причинах образования единого Русского государства. — «Ученые записки Белорусского гос. университета им. В. И. Ленина», вып. 10, серия историческая. Минск 1950.

ческих данных, приводятся сведения о земледельческих культурах и о системах земледелия. Интересны материалы о разнообразии продукции хлебопашества, а также попытка автора определить урожайность зерновых для того времени по данным упомянутых «дополнительных» статей «Русской Правды»²³.

Ряд данных актового материала о развитии земледельческой культуры, об увеличении обрабатываемой площади, о поднятии нови и залежей, о трехполье и т. д. в Северо-Восточной Руси XV в. рассматривается в статье Л. В. Черепнина²⁴. В недавно вышедшей монографии об образовании Русского централизованного государства Л. В. Черепнин на основании изучения актового материала о различных типах поселений показал, как в XIV—XV вв. расширялась площадь пашенного земледелия. Рассматривая «старые» села и деревни как устойчивые очаги парового земледелия с трехпольным севооборотом, он констатирует процесс заселения пустошей и расчистку лесных участков под пашню²⁵ и приходит к выводу, что подъем производительных сил в сельском хозяйстве был достигнут «не столько путем каких-либо существенных изменений его техники (о подобных изменениях никаких данных в нашем распоряжении нет), сколько в результате систематического и упорного многолетнего освоения трудовыми народными массами площади, занятой земледельческими культурами»²⁶. Однако если конкретная картина развития земледелия в XIV—XV вв., нарисованная Л. В. Черепниным, не вызывает возражений, то приведенный вывод хотя и бесспорен, но носит слишком общий характер.

Весьма интересна вышедшая в 1960 г. статья Г. Е. Кочина о земледелии на Руси с конца XIII по конец XV в.²⁷ Г. Е. Кочин отмечает развитие паровой системы земледелия и вытеснение ею огневого подсечного земледелия, широкое распространение со второй четверти XV в. паровой трехпольной системы и господство ее в большинстве земель Северо-Восточной и Северо-Западной Руси во второй половине XV в., что являлось выражением высокого подъема сельского хозяйства в то время на Руси. Работа насыщена фактическим материалом; интересны и убедительны, на наш взгляд, наблюдения автора над изменением типов поселений в связи с развитием земледельческой культуры (появление деревень как основного типа поселений земледельцев) и над развитием трехполья. Для работы Г. Е. Кочина характерно не только широкое привлечение большого материала письменных источников, но и весьма интенсивное (например, для обоснования выводов о развитии трехпольной системы) использование этого материала, попытка его статистической, «географической» и т. п. обработки.

Некоторое внимание земледелию древней Руси уделено в изданном Академией наук СССР коллективном труде — «Очерках истории СССР»²⁸. Однако, при правильном в общих чертах освещении вопроса, материал излагается здесь слишком бегло и может быть существенно дополнен и конкретизирован, а некоторые положения нуждаются в уточ-

²³ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М. 1955, стр. 8—11, 18—19. — Правда, выводы М. Н. Тихомирова по вопросу об урожайности в древней Руси подверглись критике со стороны В. П. Левашовой (о ее работе см. ниже).

²⁴ Л. В. Черепнин. Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в. — «Проблемы источниковедения», т. IV. М. 1955, стр. 335—341.

²⁵ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М. 1960, стр. 160—178.

²⁶ Там же, стр. 163.

²⁷ Г. Е. Кочин. Развитие земледелия на Руси с конца XIII по конец XV в. — Сб. «Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков». М.—Л. 1960, стр. 257—305.

²⁸ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. I и II. М. 1953; Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в. М. 1955.

нениях (например, утверждение о применении уже в XIV—XV вв. сошкосули, о косьбе как способе уборки урожая уже в древней Руси²⁹ и т. д.). Слабо использован в рассматриваемых томах «Очерков» археологический материал.

Из работ историков, довольно подробно освещающих историю земледелия различных районов древней Руси, следует отметить книги Л. В. Даниловой и В. Н. Бернадского о Новгородской земле XIV—XV вв.³⁰ В работе Л. В. Даниловой с привлечением различных источников (летописей, актов и особенно новгородских писцовых книг) рассматриваются вопросы о возделываемых культурах, их соотношении в посевах, о земледельческой технике, системах земледелия и т. д. Л. В. Данилова приходит к важным и, на наш взгляд, правильным выводам о том, что «основную массу хлеба, потребляемого жителями Новгородской земли, давало... местное производство», что основу хозяйства здесь составляли земледелие и связанное с ним скотоводство, что на землях, расположенных вблизи селений, придерживались паро-зерновой системы земледелия с трехпольным севооборотом (что не исключало существования и других, более примитивных систем земледелия — «пашни наездом» и т. д.). Автор останавливается также на огородничестве и садоводстве. Рассмотрение истории земледелия в Новгородской земле ведется в тесной связи с изучением социальных отношений в Новгородской феодальной республике³¹. В. Н. Бернадский также считает земледелие основным занятием населения Новгородской земли, а преобладающей здесь в XV в. системой земледелия — трехполье, хотя и в разной степени в различных районах³².

Своеобразным исключением в послевоенный период явилась вышедшая в 1947 г. книга С. Б. Веселовского³³, в которой решающая роль земледелия по сравнению с промыслами преуменьшалась даже в XIV—XV вв. (в боярских вотчинах). Это положение С. Б. Веселовского (в числе других неверных утверждений) подверглось в свое время справедливой критике в рецензии И. И. Смирнова³⁴.

Большой вклад в изучение истории земледелия древней Руси внесен в послевоенное время советской археологией. Достаточно напомнить многолетние грандиозные по своим масштабам работы Новгородской археологической экспедиции, давшие большой материал для характеристики древнерусского земледелия. Среди прочих материалов этой экспедицией добыты берестяные грамоты, изучение которых вносит весьма существенные дополнения в освещение некоторых вопросов истории земледелия древней Руси. Важные результаты дали раскопки в Москве, Киеве, Чернигове, Рязани, Старой Ладоге, Минске, Гродно и других городах, а также раскопки городищ, селищ и курганов в различных частях территории древней Руси.

В нашу задачу не входит подробная характеристика и критика всей советской археологической литературы, содержащей материал по данной теме. Это — дело специалистов-археологов. Поэтому здесь мы останавливаемся лишь на более или менее обобщающих работах. Полезным

²⁹ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. II, стр. 28—30.

³⁰ Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М. 1955; В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в., ч. I. Л. 1958; его же. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л. 1961.

³¹ Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства..., стр. 20—37, 99—100, 110—111, 115 и др.

³² В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV веке, ч. I, стр. 43—45, 51—53.

³³ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л. 1947, стр. 152—155.

³⁴ И. И. Смирнов. С позиций буржуазной историографии. — «Вопросы истории», 1948, № 10, стр. 117—118.

с этой точки зрения трудом является упоминавшаяся уже «История культуры Древней Руси», где материал по земледелию содержится в главе «Сельское хозяйство и промыслы»³⁵, написанной П. Н. Третьяковым. Эта глава ценна как систематическое, в целом правильное изложение поставленной в ней темы, хотя небольшие размеры главы и обусловили несколько общий характер изложения. Все же выводы П. Н. Третьякова требуют более полного и подробного обоснования и подтверждения. Так, обобщая изложенный в статье материал, он приходит к выводу, что земледелие и скотоводство в древней Руси «в основных чертах достигли в XI—XIII вв. того уровня, который был присущ и последующим столетиям»³⁶. Между тем для такого безоговорочного утверждения не только недостаточно материала, приведенного в статье (например, о системах земледелия, о почвообрабатывающих орудиях), — в ряде случаев предшествующее изложение прямо противоречит этому выводу, ибо П. Н. Третьяков говорит о «низком уровне земледелия»³⁷, о том, что «системой земледелия в Древней Руси являлась, по-видимому, главным образом переложная...»³⁸, о «примитивности» земледельческих орудий, которыми была вооружена масса земледельческого населения³⁹, и т. д. Требуется уточнений утверждение П. Н. Третьякова об уборке зернового хлеба на Руси в X—XIII вв. косой⁴⁰.

Много ценных сведений и наблюдений о земледелии древней Руси содержится в статье В. П. Левашовой⁴¹, основанной на большом археологическом, а также этнографическом и письменном материале. Работа посвящена в основном периоду X—XIII вв., однако в ряде случаев В. П. Левашова выходит за пределы этого времени и рассматривает соответствующие данные и более поздних (XIV—XVI вв.) источников (в том числе миниатюр). В статье собран и обработан обширный археологический материал, позволивший сделать интересные выводы об эволюции орудий обработки почвы, их распространении на территории Руси, их технологических данных. В. П. Левашова приводит сводки археологических находок остатков почвообрабатывающих орудий и культурных растений, относящихся как к территории древней Руси, так и к соседним с ней территориям (нынешних Татарской АССР, Мордовской АССР и т. д.), а также дает технологическую характеристику и рассматривает (с привлечением большого сравнительного материала) эволюцию древнерусских серпов, а также основного орудия подсежного земледелия — топора. Конкретно и подробно рассмотрены в статье и вопросы о земледельческих культурах (включая огородные и садовые), о процессе производства в земледелии, об обработке продуктов земледелия. Весьма полезны приложенные к статье В. П. Левашовой «Карта находок пахотных орудий», «Ретроспективная карта залесенности территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси» и «Почвенная карта территории находок пахотных орудий» (две последние составлены А. А. Потуловым).

Из обобщающих археологических работ следует отметить также большую статью участника археологических раскопок в Новгороде А. В. Кирьянова по истории земледелия в Новгородской земле в

³⁵ История культуры Древней Руси, т. I, стр. 47—77.

³⁶ Там же, стр. 77.

³⁷ Там же, стр. 69.

³⁸ Там же, стр. 62.

³⁹ Там же, стр. 68. — Кстати, вряд ли правильно безоговорочно говорить о «примитивности» тех или иных орудий или форм земледелия в древности. Термин «примитивный» требует обязательного сравнения (примитивный по сравнению с чем — с орудиями более позднего или более раннего времени?).

⁴⁰ История культуры Древней Руси, т. I, стр. 64.

⁴¹ В. П. Левашова. Сельское хозяйство. — Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М. 1956.

X—XV вв.⁴², основанную на значительном археологическом материале, добытом Новгородской археологической экспедицией. А. В. Кирьянов подверг детальному количественному и качественному анализу остатки зерен злаков и других земледельческих культур, обнаруженных при археологических раскопках в Новгороде и Старой Ладоге. При этом дается агрономическая и ботаническая характеристика зерен, на основе анализа остатков сорняков, сопровождающих найденные зерна, определяется, к озимым или яровым культурам относится данный вид злака, обосновывается местное происхождение добытых зерен культурных растений⁴³ и т. д. На основе такого анализа с привлечением письменных источников А. В. Кирьянов приходит к выводам о высоком уровне новгородского земледелия, о широком ассортименте возделываемых культур, об изменениях этого ассортимента и удельного веса различных культур в пределах рассматриваемого периода⁴⁴, о повсеместном распространении паровой системы в Новгородской земле на рубеже X и XI вв. и о господстве трехполья здесь уже в XI—XII вв. А. В. Кирьянов прослеживает эволюцию почвообрабатывающих орудий в этом районе древней Руси от примитивных многозубых сох до более совершенных двурогих сох, получивших распространение на рубеже XIV и XV вв. Ценны наблюдения А. В. Кирьянова и в отношении овощеводства и плодоводства, достигших в Новгородской земле довольно высокого уровня. Достоинством работы является широкое привлечение сравнительного археологического материала, относящегося к другим районам Европейской части СССР (Москва, Гродно, Великие Луки и т. д.) и исследованного А. В. Кирьяновым, а также (как и в работе В. П. Левашовой) большой иллюстративный материал.

В течение продолжительного времени занимается историей земледелия у восточнославянских племен и в эпоху Киевской Руси украинский археолог В. И. Довженок, посвятивший этой проблеме серию статей, завершившуюся изданием в 1961 г. монографии «Землеробство древньої Русі». На этой работе, как на итоговой, мы и остановимся. В ней В. И. Довженок всесторонне (и большей частью достаточно убедительно) освещает различные вопросы данной проблемы, используя обширный археологический материал, сведения письменных источников, этнографические, лингвистические данные, памятники древнерусского изобразительного искусства, результаты агробиологических исследований культурных растений и т. д. В. И. Довженок подробно разбирает многочисленные данные исторических источников, доказывающие огромное значение земледелия в хозяйстве древней Руси, дает характеристику этих источников, особенно подробно — археологических. Интересны его наблюдения над эволюцией почвообрабатывающих орудий. В книге отмечается их разнообразие, подтверждается предложенное Б. Д. Грековым деление территории древней Руси по употреблению основных типов этих орудий на две зоны — лесостепную и лесную. В первой из них эволюция почвообрабатывающих орудий представляется в следующем виде: деревянное рало без наконечника; рало с узким железным наконечником (с первых веков н. э.) как рыхлящее орудие; рало с широкой лопастью и полозом, идущим в почве горизонтально, более эффективное экономически (более широкая борозда, более радикальная борьба с

⁴² А. В. Кирьянов. История земледелия Новгородской земли X—XV вв. — «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), № 65, М. 1959.

⁴³ Там же, стр. 331—333, 339—340.

⁴⁴ Вряд ли справедливы сомнения Г. Е. Кочина относительно местного происхождения зерна из новгородских раскопок, исследованного А. В. Кирьяновым (Г. Е. Кочин. Развитие земледелия на Руси..., стр. 259, прим. 6). Нам представляется, что произведенный А. В. Кирьяновым анализ видового состава сорняков, сопровождавших найденное зерно, убедительно свидетельствует о том, что это зерно — местное, новгородское.

сорняками и т. д.) — со второй половины I тысячелетия н. э.; примерно с IX в. н. э. — деревянный плуг с железным лемехом и череслом, с отвальным приспособлением. Эволюция в лесной зоне представляется в ином виде: однозубое рало (со второй половины I тысячелетия н. э.), далее многозубая, затем двузубая соха. В целом В. И. Довженок присоединяется в отношении эволюции сохи к мнению Д. К. Зеленина. В книге уделяется большое внимание и другим земледельческим орудиям (боронам, ручным почвообрабатывающим, уборочным и др.). Соглашаясь с мнением Б. Д. Грекова о наличии двух зон по эволюции систем земледелия, В. И. Довженок датирует переход от перелого к паровой системе на юге второй половиной I тысячелетия н. э., на севере — периодом не позже IX в.; он считает, что трехполье появилось на Руси еще в домонгольский период. Подробно рассмотрены в книге вопросы об ассортименте культурных растений, а также об огородничестве и садоводстве в Киевской Руси, об обработке продуктов земледелия. Представляются интересные расчеты В. И. Довженка относительно урожайности в Киевской Руси, оказывающейся примерно равной урожайности XVI в. Правда, основанные на тех же «дополнительных» статьях «Русской Правды», т. е., по-видимому, на ростовском материале, эти данные (если они несколько не завышены, хотя за отсутствием более достоверного материала здесь трудно сказать что-либо определенное) носят, очевидно, локальный характер. В. И. Довженок сопоставляет данные о древнерусском земледелии со сведениями того же времени о земледелии в Западной Европе. Это помогает ему обосновать свой общий вывод о достаточно высоком по тем временам уровне земледелия в Киевской Руси. Интересные наблюдения содержатся и в главах, посвященных характеристике крестьянского хозяйства и хозяйства феодальной вотчины (например, о размерах крестьянских хозяйств и поселений и феодальных вотчин, формах ренты в Киевской Руси и т. д.). Самостоятельный интерес представляют приложенные к книге карты находок земледельческих орудий I тысячелетия н. э. и времени Киевской Руси, а также указатель к этим картам, являющийся одновременно и библиографическим указателем археологических находок этих орудий, включающий до 150 номеров (из них около 80 находок почвообрабатывающих орудий, в том числе около 60 находок рабочих частей пашенных орудий — наральников, лемехов, чересел, сошников). То же следует сказать о карте и указателе находок остатков земледельческих культур. Книга богато иллюстрирована, что имеет для освещения данной темы немаловажное значение.

Вместе с тем некоторые положения интересной книги В. И. Довженка вызывают сомнения и даже возражения. Так, слишком высокими представляются результаты подсчетов урожайности, преувеличенной — степень развития торговли. Вызывает возражение трактовка автором некоторых свидетельств источников, например известного места из «Повести временных лет» об обложении данью вятичей Владимиром в 981 г. как уменьшения размеров дани по сравнению со временем Святослава⁴⁵. В «Повести» прямо сказано: «възложи на ня дань от плуга, яко же и отец его имаше»⁴⁶. Однако, несмотря на частные замечания и возражения, число которых можно увеличить, работа В. И. Довженка представляет собой серьезную попытку обобщения и дальнейшего исследования истории земледелия Киевской Руси. Появление этой книги — свидетельство того, что советскими учеными накоплен и обработан значительный материал, позволяющий более широко и глубоко разрабатывать историю древнерусского земледелия.

⁴⁵ В. И. Довженок. Землеробство..., стор. 71.

⁴⁶ Повесть временных лет, ч. I. М.—Л. 1950, стр. 58. — Выделенные нами слова требовали по крайней мере комментария автора.

Советская историческая наука принципиально отличается от дореволюционной не только по содержанию, но и по формам организации работы. Одной из таких форм, являющейся вместе с тем свидетельством внимания советской науки к истории земледелия и вообще сельского хозяйства в нашей стране, является создание в 1950 г. при Институте истории Академии наук СССР Комиссии по истории земледелия СССР (с 1957 г. — Комиссия по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР), объединяющей усилия представителей различных специальностей — историков, археологов, специалистов по растениеводству и др. В изданных сборниках Комиссии для нашей темы представляют интерес статья В. М. Слободина о системах земледелия в СССР до I тысячелетия н. э.⁴⁷, а также статьи М. М. Якубцинера, Ф. Х. Бахтеева, А. И. Мордвинкиной, А. С. Кротова и И. А. Сизова по истории культуры пшеницы, ячменя, овса, гречихи и истории льноводства в СССР⁴⁸. Достоинством этих последних работ является то, что история перечисленных культур изучается для всей территории Советского Союза и на протяжении огромного периода — с первого появления данной культуры на территории СССР до наших дней. Это дает обширный материал для сравнений. Важно также то, что в упомянутых статьях даются агробиологические характеристики этих культурных растений (в том числе найденных при археологических раскопках).

Подведем итоги. В результате работ советских ученых можно считать установленным факт господства во времена Киевской Руси пашенного земледелия с применением достаточно совершенных для той поры почвообрабатывающих орудий. Нашими исследователями выяснен в основном состав и дана характеристика возделывавшихся культурных растений, доказано наличие большого разнообразия этих культур уже в эпоху Киевской Руси (в том числе наличие озимых форм злаков). Установлено наличие двух больших земледельческих зон — лесостепной и лесной, различающихся по типичным для каждой из них первоначальным системам земледелия (перелог и подсека), основным почвообрабатывающим орудиям (рало, плуг — в лесостепи, соха — в лесной зоне), по рабочему скоту (волы и лошади). Это деление на зоны, разумеется, не исключает местных различий внутри каждой из них.

Интересные наблюдения сделаны в отношении развития систем земледелия на Руси в XIV—XV вв. Эти наблюдения, основывающиеся на значительном письменном и археологическом материале, позволяют, в частности, говорить о распространении трехпольной системы в XV в. (и о господстве ее к концу XV — началу XVI в.) в Северо-Восточной Руси и Новгородской земле. Весьма вероятным представляется распространение трехполья в Северо-Восточной Руси уже в начале XV, а может быть, и в XIV в. Некоторые ученые (Б. Д. Греков, В. И. Довженко, для Новгородской земли — А. В. Кирьянов) считают возможным признать наличие трехполья уже и в эпоху Киевской Руси.

Для периода XIV—XV вв. представляются весьма вероятными выводы (А. В. Кирьянова и В. П. Левашовой) о применении в качестве основного почвообрабатывающего орудия в лесной зоне двузубой сохи с полицей (как с коловыми, так и, возможно, с перовыми сошниками), а в некоторых районах, отличавшихся особо благоприятными почвенными и другими условиями, — и плуга.

⁴⁷ В. М. Слободин. К вопросу о развитии и смене систем земледелия (от времени его возникновения на территории СССР до I тысячелетия н. э.). — Материалы по истории земледелия СССР, сб. 1. М. 1952, стр. 9—65.

⁴⁸ М. М. Якубцинер. К истории культуры пшеницы в СССР. — Материалы по истории земледелия СССР, сб. 2. М.—Л. 1956; Ф. Х. Бахтеев. К истории культуры ячменя в СССР. — Там же; И. А. Сизов. К истории льноводства в СССР. — Там же; А. И. Мордвинкина. К истории культуры овса в СССР. — Там же, сб. 4. М. 1960; А. С. Кротов. Из истории возделывания гречихи в СССР. — Там же.

Спорным и требующим дальнейшего изучения является вопрос о происхождении сохи от однозубого рала (Д. К. Зеленин, В. И. Довженко, Г. Г. Громов⁴⁹) или от суковатки, об эволюции ее через многозубую соху к двузубой сохе (П. Н. Третьяков, А. К. Супинский^{49а}, В. П. Левашова).

Важные и, по нашему мнению, убедительные наблюдения сделаны относительно таких земледельческих орудий, как серпы и топоры (работы В. А. Желиговского, В. П. Левашовой). В частности, выяснено, что многие экземпляры серпов времени Киевской Руси по своим рабочим качествам не уступали фабричным серпам XIX—XX вв. Установлен высокий коэффициент полезного действия древнерусских топоров — важнейших орудий подсечного земледелия. Выработана известная классификация топоров и серпов, намечена их эволюция. Работами археолога Б. А. Колчина⁵⁰ выяснено большое, высокое для своего времени мастерство древнерусских кузнецов в изготовлении этих орудий (наличие стального лезвия на железной основе, самозатачивающиеся серпы и т. д.).

К сожалению, значительно меньше разработаны аналогичные вопросы для наиболее важного вида земледельческих орудий — почвообрабатывающих, хотя, на наш взгляд, уже имеющиеся сейчас археологические находки позволяют вплотную приступить к подобной работе. Того, что уже сделано в этом направлении, явно недостаточно: далеко не все находки опубликованы, публикация некоторых из найденных орудий неудовлетворительна (нет указаний размеров, нет рисунков или фото), имеется разноречивость в датировке ряда находок (ср. например, работы В. П. Левашовой и В. И. Довженка). Думается, что нет необходимости доказывать, насколько желательны сплошной учет и всестороннее исследование древнерусских почвообрабатывающих орудий⁵¹.

Больше внимания следует уделить изучению сельскохозяйственного календаря. Как показывают материалы упоминавшейся статьи Г. Е. Кочина, например, некоторые сведения о сроках полевых работ для XIV—XV вв. дают акты, а также летописи. Нужно продолжить попытки изучения и уточнения производительности земледельческого труда и урожайности в древней Руси. Мы почти не касались в настоящем обзоре вопросов обработки земледельческой продукции, ассортимента готовых продуктов земледелия. Изучение этих вопросов также важно для окончательных выводов об уровне земледелия.

Суммируя то новое, что внесено советской наукой в методику изучения уровня развития производительных сил в земледелии древней Руси, следует отметить детальность исследования, которая особенно необходима в связи с рутинным, медленным характером развития феодальной техники (поэтому нужно уделять большое внимание малейшим изменениям, чтобы уловить их и отобрать из них те, которые отражают это развитие); более глубокое и интенсивное изучение письменных источников; широкое и все более расширяющееся привлечение историками археологического материала (если в дореволюционной историографии использование этого материала было исключением, то для советских ученых оно стало правилом), огромное увеличение количества этого материала. Надо также отметить разработку и применение мето-

⁴⁹ Указание на работу Г. Г. Громова см. ниже.

^{49а} Указание на работу А. К. Супинского см. ниже.

⁵⁰ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. — МИА, № 32, М. 1953; его же. Техника обработки металла в Древней Руси. М. 1953; его же. Железообрабатывающая промышленность Новгорода Великого. — МИА, № 65, М. 1959.

⁵¹ В частности, было бы полезно, если это возможно, разработать методы расчетов коэффициентов полезного действия почвообрабатывающих орудий по остаткам их металлических рабочих частей.

дов технологической характеристики, методов металлографического и спектрального анализа остатков сельскохозяйственных орудий, находящихся при археологических раскопках, прежде всего почвообрабатывающих орудий (например, работы В. И. Довженка, В. П. Левашовой, А. В. Кирьянова, Б. А. Колчина), а также серпов (работы А. В. Арциховского, Б. А. Колчина, В. П. Левашовой) и топоров (работы В. А. Желиговского, Б. А. Колчина, В. П. Левашовой); применение статистического метода, агрономического и биологического (точнее — ботанического) анализа при исследовании остатков культурных растений, добытых при археологических раскопках (работы К. А. Фляксбергера, А. В. Кирьянова, М. М. Якубцинера и др.)⁵².

Представляет также интерес работа А. В. Арциховского о возможности использования в качестве исторического источника таких своеобразных древнерусских памятников, как книжные миниатюры⁵³. Миниатюры, изображающих различные земледельческие орудия и средства труда, процесс труда в земледелии и т. д., не так уж мало, но пока они используются для изучения истории земледелия в недостаточной степени.

Надо отметить, что еще мало внимания истории земледелия древней Руси уделяли наши этнографы и филологи. Вместе с тем даже те немногие известные нам этнографические работы, которые опубликованы в последнее время⁵⁴, свидетельствуют о том, что этнографический материал мог бы помочь решению ряда вопросов истории земледелия. Надо надеяться, что издание подготовляемого сейчас «Русского историко-этнографического атласа»⁵⁵ окажет значительную помощь в разработке рассматриваемой темы. Далеко не бесполезными были бы и лингвистические (в частности, топонимические) исследования, направленные на выявление и датировку древнерусского лексического материала, относящегося к земледельческой терминологии.

В большей степени следует при изучении земледелия на территории древней Руси привлекать сравнительный материал по истории земледелия других районов нашей страны (Прибалтики, Среднего Поволжья и т. д.)⁵⁶ и Западной Европы соответствующего периода. Выяснение ряда вопросов истории земледелия Руси IX—XV вв. невозможно без привлечения конкретных материалов и выводов по развитию земледелия в России в последние века существования феодализма.

⁵² Об использовании естественнонаучных методов в археологии, в частности применительно к изучению древнего земледелия, см., например, статью Б. А. Колчина и А. Л. Монгайта «Применение естественнонаучных методов в археологии» («Вопросы истории», 1960, № 3). В этой связи следует упомянуть и статью Ю. Ф. Новикова, посвященную истории пахотных орудий и содержащую полезные сведения о типах и рабочих качествах этих орудий, о влиянии природных условий (в том числе, например, степени влажности климата) на применение различных видов орудий (Ю. Ф. Новиков. Из истории пахотных орудий в России. — «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 1).

⁵³ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М. 1944.

⁵⁴ См., например, А. К. Супинский. К истории земледельческих орудий русского Севера. — «Советская этнография», 1949, № 2; Г. Г. Громов. Подсечно-огневая система земледелия крестьян Новгородской области в XIX—XX вв. — «Вестник Московского университета», историко-филологическая серия, 1958, № 4; А. С. Бежкович, С. К. Жегалова, А. А. Лебедева, С. К. Просвиркина. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. Определитель. М. 1959.

⁵⁵ См. «Советская этнография», 1960, № 6, стр. 149—150.

⁵⁶ Так, большое сходство обнаруживается в отношении развития земледелия Руси и Прибалтики (ср. В. В. Дорошенко. Сельское хозяйство Лифляндии (Видземе) в XIII—XVI веках. — Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. 3. М. 1959; его же. Очерки аграрной истории Латвии в XVI в. Рига 1960).

В. А. Я к у б с к и й

**НЕИМУЩЕЕ СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ
И ПРОБЛЕМА РАБОЧИХ РУК В МАЛОЙ ПОЛЬШЕ
В КОНЦЕ XVI—XVII В.**

Некоторые аспекты названной в заголовке проблемы рассматриваются здесь на материале области, в течение долгого времени игравшей ведущую роль в экономической жизни Польского государства. Из источников, которые относятся к трем воеводствам, составлявшим Малую Польшу, большая часть материалов приходится на долю Краковщины, меньше — на Сандомирское (Сандомирское) воеводство, хуже всего известно прошлое Люблинского воеводства.

До сих пор историкам не удалось точно установить тот рубеж, когда в малопольской деревне произошел переход от чинша к барщине (как не вполне выяснен и сам механизм этого перехода). XVI в. — это время несомненного господства барщинно-крепостнической системы (за исключением гористых южных окраин, где в силу природных условий отработочная рента утвердилась с запозданием лишь в XVII в. и не приобрела такого размаха, как на равнине). Хорошо известно, как эти перемены в аграрном строе отразились на развитии города и промышленности, — конечный итог был трагическим. Начавшийся спад городской жизни и аграризация городов и местечек наблюдались в Малой Польше уже в конце XVI — первой половине XVII в. Однако, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, рост городского населения продолжался и в этот период — вплоть до опустошительных войн середины столетия. Возможность экспорта хлеба стимулировала дальнейший подъем городов, занимавших удобное положение по славным рекам, — Сандомира, Люблина, Велички и др. Рос Новый Сонч — удачливый соперник Кракова в торговле с Венгерским королевством. Несмотря на то что королевский двор давно уже перебрался в Варшаву, население Кракова достигло своего максимума в 40-х годах XVII в., когда Краков вместе с пригородами и близлежащими городами насчитывал около 30 тыс. жителей¹.

Даже беглое ознакомление с материалом приводит к выводу, что в этом росте городов немаловажную роль играл приток населения из деревни. Так, в Бече за 1575—1632 гг. городское право приобрели 649 человек. Четвертую часть их составляли потомки бечских же обывателей (154 человека), относительно 62 человек нет сведений о месте, откуда они пришли, а среди остальных 433 пришельцев 137 человек (32%) были выходцами из деревень Бечского повета, а 30 человек (7%) — уроженцами более отдаленных деревень, расположенных к югу

¹ Kraków. Studia nad rozwojem miasta. Kraków 1957, str. 203—205; cp. St. Herbst. Miasta i mieszczaństwo Renesansu polskiego. — Odrodzenie w Polsce, t. I. Warszawa 1955.

от Вислы и Сана². При справедливости общего тезиса о преграждении панамы дороги в город крестьянам наблюдались случаи отпуска крестьянских детей для обучения ремеслу, поскольку шляхтичу было выгодно, когда его крепостной становился умелым ремесленником. Став мастером, бывший крестьянин, если он не возвращался в деревню, выкупался на волю. В городских книгах Кракова, Нового Сонча, Осьвенцима и Беча, изученных С. Щоткой, зафиксировано в 1572—1794 гг. более 350 случаев освобождения крестьян (ранее отпущенных панамы или бежавших). Истинное число освобождений должно было быть бóльшим — для отпуска крепостного на волю достаточно было выдачи ему помещиком соответствующей грамоты, а заносить эту грамоту в городские книги считалось необязательным. Большинство отпущенных на волю — ремесленники. Отпуск на волю некоторых крепостных не был реликтом чиншевого периода: для последней четверти XVI в. известны лишь отдельные такие случаи, в XVII в. их стало больше, а основная масса их приходится на последнее столетие жизни Речи Посполитой³. Эти факты говорят главным образом о миграции сравнительно-зажиточных крестьян — тех, кому было легче выбиться в люди, приобрести городское право, стать мастером. Однако в рассматриваемое время, как и в предыдущие столетия, из деревни в город шел и другой поток. Если бюргерство пополнялось больше за счет кметей, полнонадельных крестьян, то городской плебс рос за счет малоземельного и безземельного сельского населения.

При этом значение «плебейского» потока (о нем настойчиво говорят публицистика и законодательство того времени) для развития промышленности в XVI—XVII вв., по сравнению с XIV—XV вв., заметно изменилось. Пока цеховой строй прочно стоял на ногах, большой или меньший наплыв деревенской бедноты в город не оказывал сколько-нибудь сильного прямого влияния на ремесло, где основным действующим лицом оставался мастер — собственник средств производства и непосредственный производитель. С проникновением же в некоторые отрасли промышленности начал мануфактуры проблема вербовки рабочей силы из рядов плебса приобрела гораздо бóльшую злободневность, чем раньше. Там, где цеховое ремесло не испытывало давления со стороны мануфактуры, оно терпело урон от растущего — и относительно, и абсолютно — внецехового ремесла, в котором удельный вес плебса также был велик.

Едва ли можно говорить о балансе рабочей силы в промышленности Малой Польши XVI—XVII вв. или, скажем, о причинах торжества крепостной мануфактуры без выяснения того, какие потенциальные запасы рабочей силы таили в себе деревенские низы и насколько малопольская деревня даже в обстановке победившего крепостного права могла обеспечить пополнение рядов промышленного населения.

Переходя к попытке характеристики под этим углом зрения малоземельного и безземельного крестьянства Малой Польши в конце XVI — начале XVII в., необходимо отметить, что литература, имеющая отношение к теме, весьма обширна и в ней царит заметный разнобой при оценке роли бедноты в жизни деревни. Объем статьи заставляет свести к минимуму историографическую часть, ограничившись ссылкой на две работы, вышедшие в 1960—1961 гг. и отражающие современное состоя-

² См. *Materiały do historii miasta Biecza*. Oprac. F. Bujak. Kraków 1914, str. 217—218.

³ S. Szczotka. *Zwalnianie chłopów z poddaństwa w województwie krakowskim w l. 1572—1794*. — «*Czasopismo Prawno-Historyczne*», t. 3. Poznań 1951; cp. J. Bieniarzówna. *Z dawnego Krakowa* Kraków 1957, str. 82—112.

ние вопроса. Статья советского полониста О. Е. Ивановой⁴ и книга польского историка А. Вычанского⁵ резко отличаются одна от другой и по основному направлению исследования, и по материалу, и по методике его обработки; и тем не менее между ними наблюдается известная близость во взглядах на место, занимаемое беднейшим сельским населением в социальной структуре деревни.

В своей монографии, которая без преувеличения может рассматриваться как последнее слово науки по вопросу о шляхетском фольварке XVI в., А. Вычанский утверждает, что такая категория безземельного сельского населения, как коморники, была во второй половине XVI в. «очень немногочисленна»⁶. В подтверждение приведены выкладки, построенные на данных податных реестров. Согласно им, в Краковском и Сандомирском воеводствах в 70-х годах XVI в. на одну деревню в среднем приходилось по 1,5 коморника. Много это или мало? Оценка может быть достаточно субъективной, в особенности если сразу же не заняться выяснением того, преобладали ли там крупные селения или немногочисленные деревушки. Однако целесообразнее прежде всего удостовериться в точности приведенного коэффициента. Приведен он без прямой ссылки, но, судя по всему, взят у А. Павинского⁷, построившего, в свою очередь, расчеты на материале податного реестра 1571 г., дополняя его для тех повоев, где этот реестр не сохранился, данными реестров 1540 и 1569 гг. В том же томе «Польша XVI в. с географическо-статистической точки зрения», в котором А. Павинский напечатал свое историко-статистическое исследование о Малой Польше, им были опубликованы податные реестры Краковского воеводства 1581 г. и большинства повоев Сандомирского воеводства 1577—1583 гг. Еще в конце XIX в. было обнаружено, что обработка этих реестров дает результаты, резко отличающиеся от тех, которыми оперировал А. Павинский в своем исследовании⁸. О том, насколько велико расхождение, можно судить по данным таблицы 1.

Реестры, использованные А. Павинским, имеют плюс — они содержат сводные цифры, чего нет в опубликованных им реестрах 1577—1583 гг. Но есть ли иные, принципиальные мотивы, чтобы предпочесть сведения 1571 г.? Очевидно, нет. Ведь давно уже установлена сравнительная достоверность податных реестров, составленных в правление Стефана Батория (1576—1586), когда правительству — хотя бы неполностью и ненадолго — удалось наладить податную систему.

Вместе с тем допустимо прямое сопоставление данных 1571 и 1581 гг.: их разделяет всего десятилетие, к тому же во внутренней жизни Польского государства относительно спокойное, так что нет причин полагать, что за эти годы облик малопольской деревни мог сколько-нибудь существенно измениться.

Данные о количестве пахотной земли, находившейся во владении у кметей, для 1571 и 1581 гг. примерно одинаковы, что не удивительно, ибо размер запашки — показатель, который в меньшей степени допускает фальсификацию. Что же касается заградников, халупников и коморников, то их удельный вес в реестре 1581 г. заметно выше. Поскольку

⁴ О. Е. Иванова, К вопросу о социальной структуре деревни в Краковском воеводстве в XVI—XVII вв. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г. М. 1961, стр. 101—111.

⁵ А. Wyczański. Studia nad folwarkiem szlacheckim w Polsce w 1500—1580. Warszawa 1960.

⁶ Там же, стр. 127.

⁷ См. Źródła dziejowe, t. XIV: Polska XVI w. pod względem geograficzno-statystycznym, III. Wyd. A. Pawiński. Warszawa 1886, tabl. 6, 10. — У А. Вычанского цифры несколько округлены: должно быть 1,43 коморника на деревню, в том числе на Краковщине — 1,3 и на Сандомирщине — 1,6.

⁸ См. W. Czerkawski. Metoda badania załadnienia Polski w XVI w. — «Sprawozdania z czynności i posiedzeń Akademii Umiejętności», t. II. Kraków 1897, Nr. 2.

Таблица 1

**Социальная структура деревни пяти малопольских поветов
по податным реестрам 1571 и 1578—1581 гг.**

Категории плательщиков	Краковское воеводство						Сандомирское воеводство			
	Лелевский пов.		Шлензский пов.		Ксенжский пов.		Сандомирский пов.		Вислицкий пов.	
	1571 г.	1581 г.	1571 г.	1581 г.	1571 г.	1581 г.	1571 г.	1578 г.	1571 г.	1579 г.
Кметы (дворов)	?	?	?	?	?	?	?	6263	?	3863
Количество ланов у кметей	1359	1289	967	950	1114	1111	2110	2661	1769	1762
Количество ланов у солтысов, корчмарей и т. п.	—	св.55	—	св.15	—	св.36	—	св.50	—	ок.10
Количество ланов загородовой шляхты	—	30	—	1	—	11	—	40	—	26
Загородники (без подразделения) (дворов)	—	—	—	—	—	—	—	584	—	439
Загородники с землей (дворов)	109	195	521	620	80	154	225	1345	429	731
Загородники без земли (дворов)	211	312	256	414	264	416	681	144	404	36
Чиншевики (дворов)	—	26	—	32	—	98	—	—	—	—
Халупники (дворов)	13	4	7	15	36	21	—	20	2	205
Коморники (без подразделения) (дворов)	61	—	436	—	128	—	436	419	900	520
Коморники со скотом (дворов)	—	51	—	527	—	162	—	—	—	—
Коморники без скота (дворов)	—	335	—	430	—	573	—	1458	—	1358
Ремесленники (дворов)	30	66	46	134	59	169	72	477	63	230
Мельники (дворов)	123	—	153	—	121	—	171	—	129	—
Корчмари (дворов)	147	—	89	—	124	—	208	—	202	—
Работники кузниц и стеклоду-вен (дворов)	60	217	—	—	—	—	175	31	2	4
Гуляющие люди	—	1	—	10	—	—	—	6	—	8

Примечание. Данные за 1571 г. приводятся по подсчетам А. Павинского, данные 1578—1581 гг. — на основании соответствующего податного реестра.

не просто менялось соотношение между отдельными категориями, а росло общее количество плательщиков, то это обстоятельство — увеличение малоземельной и безземельной прослойки крестьянства (даже учитывая, что среди загородников и коморников в 1581 г., по-видимому, растворились выделенные в 1571 г. особо мельники и корчмари) — невозможно отнести за счет мошенничества помещиков или составителей реестра. Кстати говоря, мошенничества были несомненно — и в немалом количестве, но нет никаких указаний на то, что в 1581 г. их стало больше, чем в 1571 г., — скорее наоборот.

В податной реестр 1581 г. было внесено больше плательщиков, и это само по себе неплохой аргумент в пользу данного источника. Нередкие в реестрах искажения почти всегда были направлены в одну сторону — в сторону преуменьшения количества облагаемых объектов. Следовательно, нет нужды искать средние величины между данными близких лет, а есть все основания ориентироваться на максимальные данные, как более заслуживающие доверия.

Поэтому кажется более правильным при анализе социальной структуры малопольской деревни во второй половине XVI в. основываться на результатах статистической обработки податных реестров 1581 г. и соседних лет. В таком случае показатель отношения количества коморников к числу деревень сразу меняется. Для Краковского воеводства и Сандомирского и Вислицкого поветов (в совокупности составлявших около трети территории Сандомирского воеводства) он равняется примерно 3,5, более чем вдвое превышая цифру, принятую А. Вычанским.

**Социальная структура деревни Краковского воеводства и двух поватов
Сандомирского воеводства
по податным реестрам 1571—1581 гг.**

Категории плательщиков	Краковское воеводство (19 тыс. кв. км, 2206 деревень)				Сандомирский и Вислицкий поветы Сандомирского воеводства (8,7 тыс. кв. км, 1039 деревень)			
	1571 г.		1581 г.		1571 г.		1578/79 г.	
	кол-во дворов	%	кол-во дворов	%	кол-во дворов	%	кол-во дворов	%
Кметы	(24000)	67,4	(24000)	55,8	(9240)	70,2	10136	55,7
Загородники (без подразделе- ния)	—	—	—	—	—	—	1023	5,6
Загородники с полем	2391	6,7	4900	11,4	654	5,0	2076	11,4
Загородники без поля	2634	7,4	3300	7,6	1085	8,2	180	1,0
Чиншевики	—	—	500	1,1	—	—	—	—
Халупники	382	1,0	100	0,2	2	—	225	1,2
Коморники (без подразделе- ния)	2806	7,8	—	—	1336	10,1	939	5,1
Коморники со скотом	—	—	3000	7,0	—	—	—	—
Коморники без скота	—	—	5200	12,0	—	—	2816	15,5
Ремесленники	646	1,8	1600	3,7	135	1,0	707	3,9
Мельники	1396	3,9	—	—	300	2,3	—	—
Корчмари	1234	3,5	—	—	410	3,1	—	—
Гулящие люди	—	—	15	—	—	—	14	—
Прочие категории — рыбаки, зарембники и др.	св. 74	—	св. 300	—	св. 18	—	св. 50	—

Примечание. В скобках указано примерное количество дворов кметей, подсчитанное на основании размеров запашки. Здесь, как и для большинства данных по Краковскому воеводству за 1581 г., допущено округление.

Куда выразительнее, чем этот коэффициент, показ соотношения коморников и других групп сельского населения (табл. 2).

Как известно, кметы в XVI в. отнюдь не составляли монолитной в имущественном отношении массы. Но реестр не позволяет выделить малоземельное крестьянство из этой обширной и достаточно пестрой по своему составу группы. Правда, можно было бы воспользоваться сведениями люстраций, где размеры наделов указывались. Так, судя по люстрации 1564 г., в 212 деревнях Сандомирского воеводства коморники составляли только 0,1% дворов, халупники и загородники — 12,1%, остальную часть дворов составляли дворы кметей, распределявшиеся следующим образом: с наделом менее $\frac{1}{4}$ лана — 4,7%, от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ лана — 20,4%, от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ лана — 54,6%, от $\frac{3}{4}$ до 1 лана — 0,1%, свыше одного лана — 8,0%⁹. Однако, во-первых, распространять выкладки, основывающиеся на сведениях всего о нескольких сотнях сел, на целые воеводства — рискованно, тем более что люстрация охватывала лишь королевские земли, которые по своему положению все же несколько от-

⁹ J. Rutkowski. Statystyka zawodowa ludności wiejskiej w Polsce w drugiej połowie XVI w. — «Rozprawy wyd. hist.-filozof. Polskiej Akademii Umiejętności», t. LXI, 1918, str. 336—337; cp. W. Jakóbczyk. Uwarstwienie ludności wiejskiej w królewskich zachodnich województw Korony w drugiej połowie XVI w. — «Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych», t. V, 1936, str. 59. — Попутно говоря, сравнение податных реестров с люстрациями убеждает в том, что последние сильно преуменьшали количество коморников. Возможно, именно этим объясняется почти полное отсутствие упоминаний о коморниках (всего 0,3% дворов) в люстрациях Русского воеводства 60—70-х годов XVI в. — обстоятельство, которое привело Д. Л. Похилевича к весьма спорному выводу о том, что в XVI в. кутник-коморник «был еще фигурой преимущественно городской» (см. в настоящем томе «Ежегодника», стр. 31).

личались от шляхетских и церковных владений. Во-вторых, сразу же возникает другая трудность — мы не знаем размеров наделов у загородников¹⁰.

Однако нас в данном случае интересует не выяснение общей имущественной и социальной структуры малопольской деревни (это особая задача, требующая специальных выкладок), а только хотя бы примерное определение удельного веса безземельного крестьянства — основного резерва рабочей силы. Поэтому мы вправе рассматривать две категории сельского населения — загородников, владевших землей, и кметей — суммарно, пренебрегая несомненно существовавшей их взаимопроницаемостью.

Итак, податной реестр 1581 г. позволяет прийти к заключению, что во второй половине XVI в. коморники составляли около $\frac{1}{5}$ всех налогоплательщиков в деревне. Не забывая того, что для многих коморничество было переходным состоянием, а сама эта категория была достаточно текучей и неоднородной, все же едва ли для XVI в. ее можно назвать немногочисленной. А ведь рядом с коморниками стояли загородники, не имевшие пахотных наделов, и халупники, т. е. те же безземельные крестьяне, оказавшиеся лишь на одну ступеньку выше во внутридеревенской иерархии.

Полагаю, что привлечение реестра 1581 г. могло бы внести известные коррективы и в выводы О. Е. Ивановой, касающиеся социальной структуры деревни Краковского воеводства в XVI — начале XVII в. и основанные на материале инвентарей. Это тем более существенно, что при обработке инвентарей 1576—1643 гг. О. Е. Ивановой была получена, на мой взгляд, несколько деформированная картина. Во-первых, для характеристики краковской деревни этой поры было произведено механическое суммирование данных всего шести инвентарей, которые относятся к 18 деревням, расположенным в разных концах воеводства; из шести инвентарей один относится к 1576 г. (1 деревня), один — к 1609 г. (1 деревня), один — к 1624 г. (1 деревня), один — к 1633 г. (4 деревни) и два — к 1643 г. (11 деревень). Во-вторых, загородники включались в группу «крестьян с землей» даже в тех случаях, когда в источнике нет и намека на загородничий надел. Наконец, оценки О. Е. Ивановой не лишены некоторой доли субъективизма. Так, среди прочих примеров ею приводится случай, когда в пяти деревнях в 1643 г. было 65 хозяйств кметей, 19 — загородников, приблизительно 44 — коморников. О. Е. Иванова приходит к выводу, что «группа крестьян с землей, включая сюда и загородников, по численности значительно преобладает над коморниками», хотя и в данном случае источник умалчивает о наличии земли у загородников, а к числу кметей безоговорочно отнесено более десятка зарембников (не говоря уже о неточности подсчетов: судя по инвентарю, в пяти деревнях было не 44 коморника, а больше 45)¹¹. Когда же О. Е. Иванова переходит к анализу податного реестра 1629 г., то результаты также получаются не вполне достоверными, ибо в исходные расчеты вкрались погрешности¹².

¹⁰ Имеющиеся в нашем распоряжении примеры свидетельствуют лишь о большой пестроте наделов у загородников с землей. К примеру, в расположенной около Нового Сонча дер. Жмёнце даже в XVIII в. загородники держали по пол-лана земли (Fr. Bukajak. *Zmłosa, wieś powiatu łimanowskiego*. Kraków 1903, str. 10). Податной реестр Люковской земли 1580 г. содержит случайную помету, что два загородника сидели на $\frac{2}{3}$ влуки (Zródła dziejowe, t. XIV, str. 418).

¹¹ О. Е. Иванова. К вопросу о социальной структуре деревни..., стр. 105—106; *Inwentarze dóbr ziemskich województwa krakowskiego 1576—1700*. Warszawa 1956, str. 45—51.

¹² О. Е. Иванова. К вопросу о социальной структуре деревни..., стр. 106. — Например, в Краковском воеводстве в 1629 г. насчитывалось не 2150 загородников с землей, а 4190 (см. *Rejestr poborowy województwa krakowskiego z r. 1629*. Wrocław 1956, str. LIII).

Сейчас нет необходимости останавливаться на разборе сведений реестра 1629 г. Это было бы целесообразным, если бы позволяло уловить динамику процесса, обнаружить уменьшение или увеличение удельного веса отдельных категорий сельского населения по сравнению с 1581 г. Но податной реестр 1629 г., как и другие реестры первой половины XVII в., во многом обманывает надежды исследователя. Цифровые колебания оказываются зачастую настолько ничтожными, не выходящими за пределы допустимых погрешностей, что заметить какие-либо перемены фактически не удастся¹³. По-видимому, в застойной атмосфере барщинно-крепостнической Речи Посполитой вплоть до шведского «потопа» социально-экономические процессы в малопольской деревне протекали столь замедленно, что до тех пор, пока не проведены специальные изыскания, можно говорить не столько о динамической, сколько о статической картине.

Тем настойчивее ощущается потребность в привлечении дополнительных материалов, которые внесли бы новые штрихи и в количественную, и в качественную характеристику неимущего сельского населения.

Источники показывают, что спрос на рабочую силу, рекрутировавшуюся среди деревенской бедноты, предъявляла сама деревня.

Хотя хозяйства зажиточных крестьян были ограничены в своем развитии непомерным ростом феодальной ренты (главным образом в форме барщины), примеры внутрикрестьянского найма часто фигурируют на страницах документов¹⁴. В решении референдарского суда по тяжбе между лелевским старостой и крестьянами сел Дзибич, Сокольник и Близич в 1595 г., т. е. в пору полного расцвета барщинной системы, подчеркивалось: «Без челяди кметь не может как следует выполнять работу и вести хозяйство»¹⁵. Справедливость этого афоризма как будто подтверждается примером монастырского села Жмёнца (около Нового Сонча), где в конце XVII в. у каждого кметя было в услужении по меньшей мере двое челядников¹⁶. Собственно говоря, рост барщинной эксплуатации в известном смысле даже толкал кметя на использование труда батраков: без этого было трудно совместить обработку и своей, и панской земли.

Наряду с кметями к найму прибегал и фольварк. Этот вопрос предстал в новом свете после выхода монографии А. Бычанского «Исследования о шляхетском фольварке в Польше в 1500—1580 гг.», где убедительно показано, что в среднем, типичном шляхетском фольварке 50—70-х годов XVI в. наемный труд даже преобладал, причем в Малой Польше на его долю приходилось около 60% всех рабочих дней на барском поле. Преобладание «наемных дней», разумеется, не означало, что в фольварке было занято много наемных работников. Среднее количе-

¹³ Пример тому — сравнение данных по 224 деревням Краковского воеводства (Rejestr poborowy województwa krakowskiego z r. 1680. Wrocław 1959, str. XV):

	1581 г.	1629 г.	1653 г.
Загородники с полем	727	740	764
Загородники без поля	498	459	600
Коморники со скотом	545	429	458
Коморники без скота	1041	871	961

¹⁴ См. Materiały do dziejów robocizny w Polsce w XVI w. Wyd. S. Kutrzeba. Kraków 1911, str. 103 i in., где о случаях, когда кметь выходил на барщину вместе со своим работником или посылал его вместо себя, говорится как о повседневном явлении.

¹⁵ Księgi referendarskie, t. I. Wyd. J. T. Baranowski. Warszawa 1910, str. 48. — Податной реестр 1581 г. отметил в этих трех деревнях на 28,5 лана крестьянской земли всего 3 халупников и 8 коморников без скота (Zródła dziejowe, t. XIV, str. 68), что лишний раз свидетельствует о неполноте сведений реестров.

¹⁶ J. Gierowski. Kartka z rodowodu biedoty wiejskiej. Warszawa 1951, str. 79.

ство постоянных работников в фольварке А. Вычанский определяет в 8 человек; сезонный наем в страдную пору давал еще около 350 рабочих дней¹⁷. Но в общей сумме это должно было составить немалое количество батраков, занятых в помещичьем хозяйстве постоянно или временно. Привлечение помещиком собственных крепостных к работе на фольварке за денежное или иное вознаграждение¹⁸ не являлось покупкой рабочей силы в прямом смысле слова. Загородник, халупник, коморник нес повинности в силу своего зависимого положения, получая за труд заведомо меньше, чем при вольном найме. В основе по-прежнему лежало внеэкономическое принуждение в различных его проявлениях, но помещик оказывался вынужденным частично возмещать отнимаемый у крепостного необходимый труд.

О. Е. Иванова обратила внимание на то, что в инвентарях «число коморников указывается приблизительно»¹⁹. Действительно, составитель инвентаря дер. Модлинице (1582 г.), детально перечислив всех кметей и загородников, был не в состоянии точно сказать, сколько в деревне коморников²⁰. Авторы инвентаря ключа (группы деревень) Щижицкого повета — Осечан, Порембы и др. (1643), проявившие максимальную скрупулезность (тем более что инвентарь составлялся в связи с разделом имений между владельцами), не забыли окна, двери и дверные запоры, не говоря уже о точном подсчете дворов кметей и загородников, но, перейдя к коморникам, отступили от правила: в Осечанах «число коморников неопределенно, ибо меняется; однако бывает их больше десятка», в Балине «бывает один коморник», в Тремешне «коморников приблизительно семь», в Порембе «число коморников неопределенно, но бывает их приблизительно восемнадцать», в Лентовне «бывает приблизительно пятьдесят коморников»²¹. Таким же образом в другом инвентаре 1643 г., при мелочном перечислении всего имущества, сведения о коморниках были сопровождаемы осторожным «*circa*» — «приблизительно»: в Токарне коморников «приблизительно 26», в Венцеже — «приблизительно 8», в Скомельной — «приблизительно 27»²².

Бросается в глаза невозмутимое спокойствие составителей инвентарей, повествовавших о неустойчивости количества коморников как о чем-то привычном и неизбежном. По всей вероятности, они хорошо сознавали невозможность удержать на месте обезземеленных крестьян, хотя их уход и задевал интересы пана. Далее. Если верить инвентарю, в Модлинице в 1582 г. было 11 коморниц («но все непостоянные...», одни уходят, другие приходят)²³, податной же реестр 1581 г. отметил там 7 коморников (не имевших скота)²⁴. Может быть, за год в деревне было четыре человека, но напрашивается предположение, что помещик, зная текучесть этой группы сельского населения, при составлении реестра указал ни жний предел колебания (либо назвал прямо заниженную цифру). Еще больше разрыв в данных реестра 1629 г. и инвентарей 1643 г. (правда, и интервал между источниками немалый); так, в Лентовне в 1629 г. подать платили 6 коморников, а в инвентаре 1643 г. фигурировало их «приблизительно пятьдесят»²⁵.

Не приводит ли все это к мысли, что реестры сообщают о коморниках сильно заниженные сведения и, следовательно, реальное соотношение различных групп сельского населения отличалось от показанного

¹⁷ A. Wyczański. *Studia...*, str. 127.

¹⁸ См., например, *Inwentarze...*, str. 44, 68, 69.

¹⁹ О. Е. Иванова. К вопросу о социальной структуре деревни..., стр. 105.

²⁰ *Materiały do dziejów rolnictwa w Polsce w XVI i XVII w.* Wyd. W. Chomętowski. Warszawa 1876, str. 182.

²¹ *Inwentarze...*, str. 45.

²² Там же, str. 52.

²³ *Materiały do dziejów rolnictwa...*, str. 182.

²⁴ *Źródła dziejowe*, t. XIV, str. 28.

²⁵ *Rejestr... z r. 1629*, str. 58; *Inwentarze...*, str. 45.

в таблице 2 — отличалось в сторону заметного увеличения процента безземельных крестьян?²⁶ О том же говорит анализ сведений о гулящих людях.

От коморника или иного бедняка, который в поисках хлеба насущного переходил из селения в селение, — один шаг до «гультия», гулящего человека, старавшегося вновь не попасть в положение крепостного. Податные реестры гулящих людей почти не знают — в 1581 г. на три с лишним тысячи деревень пришлось всего около трех десятков «гультияев» (см. табл. 2). Как правило, не упоминались гулящие люди и в других источниках — в инвентарях и т. п., которые могут быть использованы для статистической обработки. В этом отношении наша статистическая база вступает в противоречие с законодательными актами, которые, очевидно, не случайно уделяли гулящим много внимания. Давно уже у исследователей возник вопрос: зачем было устанавливать для «гультияев» особую податную ставку, если их бывало всего десятков-другой на целое воеводство? Подать же оказывалась непомерно высока: «Гулящие, т. е. гультия, мужчины и женщины, которые не нанимаются на службу на целый год . . ., должны каждый за себя дать по двадцать четыре гроша»²⁷. Объяснение, данное еще А. Павинским, вполне убедительно: таким путем шляхта-и городская верхушка хотели вынудить гулящих людей идти работать на фольварки или в услужение. Эта мера в какой-то степени действовала (и нанявшиеся на длительный срок гулящие на законном основании ускользали от обложения и, следовательно, не вносились в реестры). Присоединяясь к такому объяснению, можно добавить, что если в деревне и оказывался не нанявшийся на работу «гультий», то помещик, припугнув его внесением в реестр и податью, по-видимому, вовсе не торопился осуществлять угрозу. Ведь реестры служили не один год, а гулящий человек, давно покинувший эту деревню, числился бы здесь вплоть до следующего обновления реестра.

Разоряемые крепостные часто покидали поместье. Об этом свидетельствуют прежде всего столь частые в Малой Польше (как и в стране в целом) попытки властей пресечь бегство крестьян. Часть беглых пыталась хотя бы на время вырваться из оков крепостнической эксплуатации, ища прибежища в малообжитых предгорьях или украинских степях, вербовалась в войско и т. п. или же поднималась на борьбу против панов, становясь «збуйниками». Другая часть беглецов пробовала приспособиться к изменившимся условиям, вовлекаясь в отношения найма и втягиваясь в промышленное производство. Многие крестьяне уходили — навсегда или временно — на заработки в другие деревни и фольварки (порой даже за рубеж); наряду с этим случалось, что помещик, заинтересованный в получении оброка, сам отпускал крестьян на заработки. По своему характеру это явление однотипно с местным наймом.

Часть беглых уходила в город. Между населением города и деревни (в особенности пригородной деревни) наблюдалась постоянная диффу-

²⁶ Было бы соблазнительно, основываясь на приведенном выше судебном изречении, на материале инвентарей и пр., по меньшей мере приравнять количество коморников к количеству дворов кметей (предполагая, что наличие среди кметей бедняков, которые не в состоянии были прибегать к найму, уравнивается за счет зажиточных хозяйств, где бывало по несколько работников, и за счет фольварка). Но нельзя забывать, насколько такое предположение было бы шатким. Одновременно следует напомнить еще об одном месте приложения рук малоземельных и безземельных крестьян в деревне — о сельском ремесле, которое в течение XVI—XVII вв. заметно росло вместе с городским партачеством, тесня цеховое производство. Среди сельских ремесленников заградники и коморники составляли значительный процент (H. S a m s o n o w i c z. *Rzemiosło wiejskie w Polsce XIV—XVI w.* Warszawa 1954).

²⁷ *Volumina legum*, t. II. Petersburg 1859, str. 213. — «Гультий», таким образом, должен был платить в три раза больше, чем коморник, у которого был рабочий скот, и в двенадцать раз больше, чем коморник, не имевший скота. Вдобавок гулящие платили не с семейства, а с души, включая женщин.

зия, наиболее активную роль в которой играла беднота. Именно по этой причине составители инвентарей иногда отказывались от точного подсчета числа коморников в деревне. «Вблизи Кракова не может быть точного счета» коморников, уверял инвентарь дер. Модлинице²⁸, а это была деревня, расположенная в миле от столицы, отнюдь не пригород. В целом происходил отлив разоряемых крестьян в города, о чем свидетельствует прежде всего сам факт роста городского населения.

«Ни один гулящий человек не смеет пребывать в городе дольше трех дней . . . , кормясь нищенством; если же его найдут, то закуют в оковы и покарают . . . »²⁹ — гласило принятое в 1574 г. постановление городского совета Кракова. В том же году солодовники и пивовары Казимежа, соседнего с Краковом города, «единодушно постановили поддерживать общее городское право», требовавшее в течение трех дней изгонять из города «тех, что не служат, не занимаются ремеслом, а только бездельничают»³⁰. Издавая подобные постановления, города и цехи отчасти уступали требованиям шляхты, а главное — заботились о том, чтобы попавшие за городские стены бедняки скорее соглашались на предлагаемые им условия. Эти же постановления, наряду с жалобами П. Скарги, М. Фредро и других шляхетских публицистов XVI—XVII вв., наряду с сеймовыми конституциями и постановлениями сеймиков (предписывавшими задерживать и направлять на тяжелые земляные работы «гулящих крестьян», которые в течение трех дней по прибытии в город не найдутся на работу³¹, и т. д.), представляют интерес и как свидетельство наплыва в малопольские города разоренных крестьян.

Если место, занимаемое малоземельным и безземельным сельским населением в социальной структуре деревни Малой Польши в конце XVI — начале XVII в., может быть установлено только гипотетически, то для выяснения того, какой процент беглых коморников или загородников уходил в город, нет даже такой возможности. В лучшем случае цифровые выкладки могут основываться на косвенных данных. Например, в краковские городские книги занесены сведения о 296 крестьянах, бежавших в 1590—1610 гг. из шляхетских имений Краковщины. Почти третья часть их (82 человека, или 27%) была обнаружена в городах. Но среди этих беглецов решительно преобладали кмети, прямых же указаний на коморников нет вовсе³².

Совокупность имеющихся в нашем распоряжении материалов приводит к выводу, что в рассматриваемый период малопольская шляхта была не в состоянии пресечь отлив из деревни части беднейшего населения (равно как и кметей). В некоторых случаях, подчиняясь экономической необходимости, шляхта в какой-то степени санкционировала уход крепостных, вынуждена была в своих фольварках комбинировать использование внеэкономического принуждения с частичной оплатой труда крепостных, без чего становилось невозможным даже простое воспроизводство рабочей силы. Статистически невозможно представить масштабы отлива из деревни, но есть основания полагать, что он принял широкий размах, ставя своими последствиями шляхетское государство перед серьезной проблемой (нехватка крепостных рабочих рук в фольварках, рост городского плебса и массы бродяг).

По-видимому, прав Я. Гурский, утверждая, что в условиях Польши XVI—XVII вв. «крепостническое прикрепление крестьянства при больших резервах неиспользуемой рабочей силы в городах, население

²⁸ Materiały do dziejów rolnictwa . . . , str. 182.

²⁹ Prawa, przywileje i statuta miasta Krakowa. Wyd. F. Piekosiński, t. I. Kraków 1885, Nr. 237, § 6.

³⁰ Там же, Nr. 614, § 4.

³¹ Volumina legum, t. I. Petersburg 1859, str. 177.

³² A. Kielbicka. Czy w dobrach królewskich było chłopom lepiej? — Prace z dziejów Polski feudalnej. Warszawa 1960, str. 447—448 i dodatek.

которых и в тот период составляло значительный процент населения страны, не могло явиться непосредственным тормозом для развития промышленности и торговли в стране. Количество потенциально свободной рабочей силы было достаточно для удовлетворения нужд начальной стадии развития мануфактуры. Сходным образом ситуация выглядела, впрочем, и в течение почти всего XVIII века³³. Присоединяясь к этим словам, следует лишь, может быть, подчеркнуть не столько наличие значительного потенциала рабочей силы в городах, сколько его наличие в стране в целом, пожалуй с преобладанием деревни и полудеревни (т. е. аграрных местечек, городских предместий, где находило себе приют немало выходцев из деревни).

Но на первое место должна быть поставлена не количественная, а качественная характеристика имеющихся ресурсов рабочей силы и возможностей их использования.

Как в деревне, так и в городе бывший крестьянин не обязательно втягивался в производство. Феодальный город предоставлял хотя бы части пауперов и иные возможности для существования (служба при королевском и магнатском дворах, разного рода благотворительность, нищенство и пр.). Все же известная часть недавних землепашцев пополняла ряды поденщиков и чернорабочих в городах, оказывалась в зависимости от цеховых ремесленников и от богатых «партачей», не входивших в цехи, а также от скупщиков, попадала на предприятия мануфактурного типа (соляные копи, железоделательные заводы, бумажные мельницы и пр.)³⁴. При вовлечении пауперов в орбиту цехового и внецехового ремесла, не говоря уже о таких сравнительно крупных предприятиях, как краковские соляные копи и т. п., наблюдались ростки новых производственных отношений. Но этот процесс (сам по себе весьма сложный и противоречивый) не мог еще привести к качественным сдвигам. Так как бродяжничество, наем в услужение и пр. — каналы, которые в странах Западной Европы XVI—XVII вв. были не в состоянии поглотить массу пауперов, — в Польше оказывались в какой-то степени достаточными для этой цели, то ранняя мануфактура с ее изнурительным трудом и низкой заработной платой не могла не испытывать большие затруднения с рабочей силой.

«При обычном ходе дел — говорил о капиталистической эпохе К. Маркс, — рабочего можно предоставить власти «естественных законов производства», т. е. зависимости от капитала, которая создается самими условиями производства, ими гарантируется и увековечивается. Иное видим мы в ту историческую эпоху, когда капиталистическое производство только еще возникало. Нарождающейся буржуазии нужна государственная власть, и она действительно применяет государственную власть, чтобы «регулировать» заработную плату, т. е. принудительно удерживать ее в границах, благоприятствующих выколачиванию прибавочной стоимости, чтобы удлинять рабочий день и таким образом удерживать самого рабочего в нормальной зависимости от капитала. В этом существенный момент так называемого первоначального накопления»³⁵. Если даже нарождающаяся западноевропейская буржуазия не могла обойтись без государственной власти, чтобы принудить пауперов идти на мануфактуру, то не удивительно, что в Польше XVI—XVII вв., и в частности в Малой Польше, разоряемое крестьянство в своей подавляющей массе оказывалось вне сферы притяжения вольнонаемной мануфактуры. Никак не скажешь, чтобы Польское феодальное государство не приме-

³³ J. Górski. *Poglądy merkantylistyczne w polskiej myśli ekonomicznej XVI i XVII w.* Wrocław — Warszawa 1958, str. 197.

³⁴ Многочисленные примеры подобных явлений хорошо известны в литературе (см. *Historia Polski*, t. I, cz. 2. Pod red. H. Łowmiańskiego. Warszawa 1957, где собрана богатая библиография и по истории промышленности Малой Польши).

³⁵ К. Маркс. *Капитал*, т. I. М. 1949, стр. 741.

няло насилия по отношению к разоренным, лишившимся земли и хозяйства крестьянам (см. выше примеры установлений, которые должны были покончить с бродяжничеством). У шляхетских меркантилистов XVII в. — К. Опалинского, М. Фредро — даже появлялась идея собрать, по примеру западноевропейских стран, всех «бегунов и бродяг» в работные дома³⁶. Однако в целом насилие было направлено в интересах не купцов-мануфактуристов, а панов — владельцев фольварков, а также крепостных мануфактур. По всей вероятности, это обстоятельство явилось одним из факторов, которые обусловили столь широкое распространение крепостной мануфактуры.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что использование в Малой Польше имевшихся ресурсов рабочей силы шло еще в русле старой, феодальной экономики. И дело не в том, что было недостаточно рабочей силы (полунисшее безземельное и малоземельное крестьянство было зажато в тиски крепостничества и фольварочно-барщинной системы, не допускавшей его отхода в города)³⁷, а в общей атмосфере крепостной Речи Посполитой XVI—XVII вв., где еще не сложились условия для превращения рабочей силы в товар.

³⁶ J. G ó r s k i. *Poglądy merkantylistyczne...*, str. 196—198.

³⁷ Ср. История Польши, т. I. М. 1954, стр. 310.

Я. Д. И с а е в и ч

ГРОДСКИЕ И ЗЕМСКИЕ АКТЫ — ВАЖНЕЙШИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В XVI—XVIII ВВ.

Важнейшим источником для изучения социально-экономической, политической и культурной истории стран, входивших в XVI—XVIII вв. в состав многонациональной шляхетской Речи Посполитой, являются городские и земские актовые книги. Содержание этих книг настолько богато и разнообразно, что, пожалуй, трудно найти мало-мальски крупную проблему истории Польши, Украины, Белоруссии и Литвы XVI—XVIII вв., при исследовании которой они не могли бы быть полезны. Особенно много материалов в городских и земских книгах так или иначе связано с историей аграрных отношений, с историей крестьянства. Тем не менее до сих пор не было ни одной попытки исследования городских и земских книг как источников по аграрной истории. Впрочем, нет и общей историко-ведческой работы, которая обобщала бы все богатство и разнообразие содержания этих книг. Примечательно, что все исследования, дающие в какой-то степени их характеристику, написаны на материале архивов более или менее ограниченной части Речи Посполитой, а не всего государства. Характерным для этих исследований недостатком, наряду с неполнотой, является неправомерное распространение на всю территорию Речи Посполитой таких особенностей городских и земских актовых книг, которые свойственны им лишь в определенных районах.

Отсутствие обобщающих исследований является одной из причин того, что не было выработано единого научного определения в отношении интересующей нас категории источников. В практике городских и земских канцелярий XVI—XVIII вв. они обычно именовались городскими и земскими актами (*acta castrensia et terrestria*) и книгами. В судах и архивах России в XIX в. применялось наименование «древние актовые книги», к числу которых относили, кроме городских и земских книг, также книги других учреждений — магистратов, органов доменiallyной администрации и юрисдикции и пр. В последнее же время в некоторых архивах СССР вводится наименование «актовые книги городских и земских судов». Это связано со слишком узким пониманием того известного положения, что каждому фонду должен соответствовать определенный фондообразователь (лицо или учреждение). Таким фондообразователем в отношении интересующих нас актов стали считать городские и земские суды. Действительно, актовые книги, о которых говорится в настоящей статье, писались в канцеляриях, существовавших при городских и земских судах. Однако городские канцелярии обслуживали не только городской суд, но и городской уряд (*officium castrense*) и принимали различные не-

судебные записи частноправового и публичноправового характера¹. Как мы увидим ниже, не только в городских, но и в земских актовых книгах имеется множество самых разнообразных документальных материалов несудебного характера. Поэтому название «актовые книги городских и земских судов» не отражает всей полноты содержания этих книг, и соответствующие фонды должны именоваться не фондами судов, а фондами городских (земских) книг (или актов).

Актовые книги городских и земских канцелярий, действовавших на территории Польши, хранятся в Главном архиве древних актов Польской Народной Республики в Варшаве и в воеводских государственных архивах², а книги канцелярий, действовавших на территории Украины, Белоруссии и Литвы, собраны в государственных архивах СССР. В частности, актовые книги Правобережной Украины (бывших Киевского, Брацлавского, Подольского и Волынского воеводств) хранятся ныне в Центральном государственном историческом архиве Украинской ССР в Киеве, куда поступили фонды бывшего Киевского центрального архива. Коллекция сильно пострадала во время Великой Отечественной войны и немецко-фашистской оккупации: из 6027 книг, хранившихся до войны, осталось только 1894. Поэтому надо приветствовать инициативу Киевского архива, возобновившего издание поактовых описей уцелевших книг³. Уже изданы описи 11 кременецких земских книг, охватывающие 1568—1598 гг., и эта кропотливая, но полезная работа продолжается. Материалы книг Киевского архива публиковались в «Архиве Юго-Западной России» и других изданиях документов по истории Украины XVI—XVIII вв.

Книги с территории Галичины (большая часть бывшего Русского воеводства) хранятся в Центральном государственном историческом архиве УССР в Львове (до 6000 томов). Его фонды с XVIII в. размещены в здании бывшего Бернардинского монастыря, поэтому сам архив ранее неофициально именовался Бернардинским архивом (или же Львовским архивом городских и земских актов)⁴. Публикации актов этого архива было посвящено серийное документальное издание «Akta grodzkie i ziemskie» («Городские и земские акты», т. 1—25, 1868—1935). Почти ко всем городским и земским книгам Львовского архива имеются индексы, т. е. алфавитные указатели юридических лиц, выступающих в актах. Они были составлены австрийскими властями в конце XVIII в. с большой затратой труда и средств и не имеют себе аналогии в других собраниях городских и земских актов⁵.

Городские и земские книги с территории современной Литовской ССР хранятся преимущественно в Центральном государственном историческом архиве Литовской ССР в гор. Вильнюсе (фонд древних актов), а книги из канцелярий Белоруссии — в филиале Центрального государ-

¹ O. Balzer. Kancelarie i akta grodzkie w XVIII w. — «Przewodnik Naukowy i Literacki», 1881, str. 912, 1022.

² Советских историков могут интересовать, в частности, книги, хранящиеся в Люблинском воеводском архиве и Государственном архиве гор. Кракова и Краковского воеводства (отдел на Вавеле).

³ Перечень изданных ранее и подготовленных, но сохранившихся лишь в рукописи описей см. в кн.: Кременецкий земский суд. Описи актовых книг, вып. 1. Київ 1959, стор. 209—222.

⁴ О составе этого архива и о его истории см.: О. К а л и т о в с к и й. Акти городські і земські і т. зв. Бернардинський архів у Львові. — Журн. «Зоря» (Львів), ч. 20, 1885; И. А. Л и н н и ч е н к о. Архивы в Галиции. — Журн. «Киевская старина», т. 22, 1888; Б. Б а р в і н с ь к и й. Краєвий архів актів городських і земських у Львові. — В его кн.: Історичні причинки, т. 1. Жовква 1908, стор. 154—167; B. D u d i k. Archive im Königreiche Galizien und Lodomerien. — «Archiv für österreichische Geschichte», Bd. 39, 1868.

⁵ Только в Государственном архиве гор. Кракова и Краковского воеводства имеются индексы для тех книг, которые ранее хранились во Львовском архиве, но позже были переданы в Краков.

ственного исторического архива Белорусской ССР в гор. Гродно⁶. Ряд документов из них опубликован в «Актах, издаваемых Виленскою археографическою комисиєю» и других изданиях. Небольшой фонд из актовых книг, принадлежавших ранее Виленскому центральному архиву, хранится в Центральном государственном архиве древних актов⁷.

Чтобы уяснить значение различных категорий актовых книг как источника по аграрной истории, необходимо учитывать их старую делопроизводственную классификацию. Наиболее распространенными категориями гродских и земских книг были⁸: 1) книги декретов (*libri decretorum*), куда записывались приговоры судов — предварительные (кондемнаты) и окончательные (декреты); 2) книги инскрипций, т. е. записей (*libri inscriptionum*), включающие акты об имущественных сделках, в первую очередь акты об обороте недвижимых имуществ (донации, цессии, квитации и пр.); 3) книги реляций (*libri relationum*), содержащие самые интересные для историка акты — иски, заявления об убытках, записи о судебном-исполнительных действиях (об осмотрах предметов спора и вещественных доказательств, о вводе во владение и пр.). В книгу реляций чаще всего заносились и облаты, т. е. записывались самые разнообразные материалы, представлявшие интерес для шляхты. Впрочем, облаты встречаются и в других категориях книг, а в некоторых канцеляриях они выделены в особые книги облат.

Кроме перечисленных основных категорий книг, встречается и много других, возникавших чаще всего путем выделения отдельных разновидностей актов в особые книги. Не останавливаясь на этом, укажем, что большинство актовых книг велось по двойной делопроизводственной системе. Акты записывались начерно в «протокол» (по сокращенной схеме, без вступительных и заключительных формул), а затем переписывались в «индукту». Таким образом, одни и те же акты мы имеем в «протоколах инскрипций» и «индуктах инскрипций», в «протоколах реляций» и «индуктах реляций» и т. д. Индукты более удобны для пользования, так как велись более тщательно, но надо просматривать и протоколы, поскольку в индукту попадали не все акты. Кроме протоколов и индукт, имеются еще fasciculy копий — связки оригиналов актов, приносившихся в канцелярию для внесения в книги в форме облат, а также исков, жалоб и других документов⁹.

Актовые книги Правобережной Украины и великого княжества Литовского делились несколько иначе, а именно — на декретовые, записовые (куда вносились главным образом инскрипции и облаты) и поточные (соответствующие, по-видимому, книгам реляций)¹⁰. Однако и на Правобережье, по крайней мере в конце XVII и в XVIII в., распространилась охарактеризованная выше «двойная» система делопроизводства (деление книг на протоколы и индукту). Киевские архивисты, составлявшие во второй половине XIX в. описи актовых книг, не учитывали этого, определяя большинство книг этого времени как «записовые и поточные». Такое общее определение мало говорит исследователю. Дело затемняется еще тем, что в ряде случаев в разных архивах применялась различная терминология. Например, у киевских архивистов «актовые книги» —

⁶ В великом княжестве Литовском гродские и земские суды существовали с 1566 г. (см. И. Лаппо. Гродский суд в великом княжестве Литовском. — ЖМНП, ч. 13, 1908; ср. рецензию С. Кутшебы в журн. «Kwartalnik Historyczny», t. 23, 1909, str. 599).

⁷ ЦГАДА, ф. 400, оп. 1.

⁸ С. Wittig. Tractatus de Galicensi tabula provinciali, pars I. Viennae 1819, p. 43—44.

⁹ Различают fasciculy копий, переписанных в книги индукт (*fasciculi copiarum inductarum*), и fasciculy копий, оставшихся непереписанными (*fasciculi copiarum non inductarum*).

¹⁰ В. Романовський. Нариси з архівознавства. — В кн.: Історія архівної справи на Україні та принципи порядкування в архівах. Харків 1927, стор. 39; Акты Виленской комиссии для разбора древних актов, т. 6. Вильна 1872, стр. I—II.

это общее наименование гродских, земских, магистратских, патримониальных и прочих книг актов XVI—XVIII вв., а в вильнюсском архиве актовыми называют книги записей актов об обороте имущества. Такая несогласованность терминологии может быть устранена лишь на основе углубленного изучения всего разнообразия формы и содержания древних актов.

Большим подспорьем в источниковедческом изучении актовых книг должны стать лингвистические исследования, тем более что многие из этих книг являются незаменимым источником по истории украинского и белорусского языков. Правда, в связи с господствовавшей в Речи Посполитой системой национально-религиозного гнета не только в Польше, но и на западноукраинских землях (в Русском и Белзском воеводствах) актовые книги в XV в. велись исключительно на латинском языке, который в XVII—XVIII вв. вытеснялся польским языком. Однако актовые книги великого княжества Литовского и территорий Правобережной Украины, отошедших в 1569 г. от княжества, до конца XVII в. велись на украинском и белорусском языках¹¹. Впрочем, от аналогичных книг польских земель актовые книги Белоруссии и Украины отличаются не только языком, но и тем, что на их содержании отразились институты и нормы украинского и белорусского феодального права, в первую очередь обычного (копный суд, «гонение следа» и др.). Не останавливаясь на этом подробнее, укажем еще, что важную проблему представляет история гродских и земских судов, действовавших в XVIII в. за пределами Речи Посполитой — на Левобережной Украине¹², входившей в состав Российской империи.

Кроме особенностей, обусловленных влиянием обычного права разных народов, не только между воеводствами, но даже между теми или иными канцеляриями имелись и другие существенные различия в отношении делопроизводственных форм и состава документов, вносимых в отдельные категории книг. Однако нельзя отрицать и определенного единства ряда важных особенностей формы и содержания гродских и земских книг по всей территории Речи Посполитой. Поэтому весьма полезно сравнительное изучение гродских и земских актов Польши, Украины, Белоруссии и Литвы за XVI—XVIII вв.

Пожалуй, наиболее многочисленным видом документов из числа встречающихся в актовых книгах являются записи об обороте феодальных имений. Первоначально они должны были вноситься в земские записовые книги. Однако в XVII в. была признана «вечность гродов», т. е. было установлено, что записи в гродских книгах должны иметь такую же постоянную («вечистую») юридическую силу, как и записи в земских книгах. В гродские акты можно было вносить записи круглый год, а в земские акты — только во время сессий («роков») земского суда, и поэтому пользоваться гродскими книгами было удобнее и их роль неустанно возрастала за счет земских актов¹³. Записи об обороте земельных владений (продажа, дарение, переход в наследство и другие формы отчуждения) позволяют исследовать эволюцию структуры феодального землевладения, проследить изменения удельного веса разных типов землевладения и т. д. Не останавливаясь здесь на том, что гродские и

¹¹ Белорусский язык земской книги XVI в., возникшей на литовской языковой территории, исследовал А. К. Антонович (Язык судебной (актовой) книги Каунасского земского суда 1566—1567 гг. Автореферат диссертации. Вильнюс 1961).

¹² Земские и гродские суды старого образца на Левобережной Украине действовали в 1763—1782 гг., причем они были организованы на базе полковых судов (Українська Радянська Енциклопедія, т. 3, стор. 460; т. 5, стор. 268). Об административно-правовом устройстве Левобережной Украины см. В. А. Дядиченко. Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII — початку XVIII ст. Київ 1959; А. Й. Пашук. Організація судів на Україні в другій половині XVII ст. Харків 1961.

¹³ J. Bielecka. Kontrakty lwowskie w latach 1768—1775. Poznań 1948, str. 2.

земские акты вообще являются важнейшим источником для исследований в области исторической географии, надо отметить, что документы об обороте земельных владений дают возможность выполнить историко-географические исследования, дающие незаменимый материал для истории аграрных отношений. Мы имеем в виду в первую очередь описательные и картографические работы о размещении разных типов феодального землевладения, о развитии крупной земельной собственности и пр.¹⁴

Излюбленным тезисом польских шляхетских и буржуазных историков было утверждение, что свидетельства современников об особенно жестоком характере крепостничества в Польше по сравнению со странами Западной и Центральной Европы якобы сильно преувеличены. Одним из основных доказательств этого апологеты польских феодалов считали то, что в Речи Посполитой продажа крестьян была якобы явлением исключительным. Исследования историков-марксистов показывают несостоятельность этих утверждений и свидетельствуют о том, что торговля крестьянами в шляхетской Польше была довольно распространенным явлением. Современный исследователь Я. Дересевич опубликовал большое количество актов отчуждения (продажи, дарения, обмена, отдачи в залог и займы, а также в аренду) крестьян (с землей и без земли), извлеченных из гродских книг реляций и инскрипций Познанского и Калишского воеводств за XVI—XVIII вв.¹⁵ Нет сомнения, что розыски в гродских книгах непольских районов Речи Посполитой позволяют найти много аналогичных материалов, помогающих разоблачать попытки идеализации форм крепостного права в феодальной Польше.

В качестве приложений к актам имущественных сделок и тяжб, а также самостоятельно в гродские и земские книги очень часто вносились инвентари имений¹⁶. По шляхетским имениям большинство инвентарей сохранилось именно в гродских книгах, причем эти инвентари зачастую более достоверны, чем инвентари, составленные администрацией имений для их собственников и сохранившиеся в фондах отдельных имений. Значительная часть инвентарей, содержащихся в гродских и земских книгах, — это визии, т. е. описи, составленные при осмотре имения, как правило, с участием спорящих сторон и представителей гродской (земской) канцелярии. При определении степени достоверности инвентарей следует подходить к ним более дифференцированно, чем это делали многие историки, не учитывавшие целевой установки и метода составления используемых инвентарей. В частности, в разных инвентарях одинаковые термины, отражающие расслоение крестьян, нередко употребляются в различном значении, а с другой стороны, одинаковые социальные прослойки часто выступают под различными наименованиями¹⁷.

В актовые книги записывались также копии люстраций государственных имений, т. е. подробных описаний, составленных королевскими ревизорами (люстраторами). Это особенно важно для советских историков. Польские историки имеют возможность пользоваться централизованной и очень полной коллекцией оригиналов и заверенных копий люстраций (в том числе люстраций с территории Украины, Белоруссии и Литвы), хранящейся в фондах Варшавского главного архива древних

¹⁴ См., например, исследования такого типа, как вышедшие недавно в Польше работы М. Бискупа, А. Томчака, М. Келчевской-Залеской о размещении земельной собственности, об изменениях типа плана деревни и др.

¹⁵ *Transakcje chłopami w Rzeczypospolitej szlacheckiej (w. XVII—XVIII)*. Wyd. J. Deresiewicz. Warszawa 1959.

¹⁶ Характеристику инвентарей как исторического источника см. в работах: И. А. Воронков. Инвентари имений — важный источник по истории польской феодальной деревни. — «Вопросы истории», 1949, № 4, стр. 124—137; J. Leskiewicz. Znaczenie inwentarzy dóbr ziemskich dla badań historii wsi w Polsce w XVIII w. — «Kwartalnik Historyczny», 1953, Nr. 4, str. 353—378.

¹⁷ J. Leskiewicz. Znaczenie inwentarzy dóbr ziemskich..., str. 370—371.

актов¹⁸. Советским же историкам зачастую приходится собирать по крупицам фрагменты люстраций, вносившиеся в актовые книги¹⁹.

Документы тяжб между феодалами, которые велись в гродских и земских судах, содержат разнообразные материалы, характеризующие не только хозяйство феодалов, но также положение и классовую борьбу крестьян²⁰. В связи с тем, что шляхетские крепостные подпадали только патримониальной юрисдикции своих собственников и не могли обращаться в органы государственной власти, документы об их классовой борьбе находятся главным образом именно в составе дел о судебных тяжбах между различными феодалами²¹. Даже материалы об участии шляхетских крестьян западноукраинских земель в освободительной войне украинского народа в 1648 г. по форме являются исками (манифестациями, протестациями) «пострадавших» феодалов против феодалов, бывших собственниками крестьян-повстанцев²². Яркие и правдивые картины жизни и борьбы крестьянства содержатся зачастую в показаниях крестьян, привлекавшихся к участию в судебных процессах между феодалами в качестве свидетелей.

Гродские книги — незаменимый источник по истории классовой борьбы крестьян государственных имений. Наиболее полно в них отражены легальные формы борьбы крестьян против наступления феодальной реакции — жалобы в гродский суд, материалы тяжб в референдарском суде²³, королевские мандаты и охранные грамоты, связанные с антифеодальными выступлениями крестьян²⁴. Во многих из этих книг выступает на первый план положительная роль крестьянской общины (громады) в антифеодальных выступлениях. С материалами судебных тяжб между феодалами, а также между крестьянами и администрацией государственных имений часто связаны и такие документы, как различные реляции возных, описания «обдукции» трупов, осмотра ранений, представленных суду вещественных доказательств. Очень ценны, хотя и требуют особенно критического подхода, реестры убытков от военных действий, бесчинств польско-шляхетского войска, шляхетских «наездов» и разных стихийных бедствий (так наз. реестры škod). Последние, наряду с данными инвентарей, завещаний крестьян и других документов, содержащих описи имущества, являются также важным источником для изучения состояния производительных сил в сельском хозяйстве.

В актовые книги вносились реестры плательщиков государственных налогов (побор, подымное, поголовное и пр.) и документы о деятельности сборщиков налогов. Это связано с тем, что гродские (в некоторой мере и земские) канцелярии обслуживали органы шляхетского

¹⁸ Главным образом в отделе «Люстрации» фонда «Архив скарба коронного».

¹⁹ См., например, Я. С. Мельничук. Відбудова помісного господарства та зміни в аграрних відносинах у Сянській землі в другій половині XVII ст. — В кн.: Питання загальної історії. Львів 1959.

²⁰ См., например, материалы гродских книг Киевского архива, опубликованные в сборнике: Україна перед визвольною війною 1648—1654 рр. Збірка документів (1639—1648 рр.). Київ 1946.

²¹ Различные виды документов гродских книг, содержащих реляции о классовой борьбе шляхетских крестьян, перечисляются в книге В. Урбана (W. Urban. Poddani szlachecy w województwie krakowskim w drugiej połowie XVIII w. i ich opór antyfeudalny. Wrocław — Kraków — Warszawa 1958, str. 8—9).

²² Жерела до історії України-Руси, тт. IV, V. Львів 1904.

²³ О деятельности референдарских судов см.: І. Крип'якевич. Референдарські суди і їх діяльність в українських землях на переломі XVI—XVII вв. — «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. 98. Львів 1910, стор. 175—188; Ю. М. Гроссман. К характеристике референдарского суда в Речи Посполитой. — «Доповіді і повідомлення Львівського університету», вип. 5, ч. 1. Львів 1955.

²⁴ Материалы гродских книг широко использованы в изданной недавно публикации документов судебных тяжб крестьян и жителей местечек Литвы с администрацией государственных имений («Lietuvos valstiečių ir miestelėnų ginčai su dvaru valdytojais», I, II. Vilnius 1959, 1961). См. также Я. Д. Ісаєвич. Публікація документів з історії селян і міщан Литви. — «Український історичний журнал», 1961, № 2.

сеймикового самоуправления воеводств, земель и некоторых поветов, в ведение которых перешла большая часть вопросов налоговой политики и практического сбора налогов²⁵.

Некоторые исследователи истории аграрных отношений до сих пор недостаточно критически относятся к этой категории источников. Остановимся сначала на таком распространенном налоге, как побор (*contributio generalis*). С феодала взималась определенная сумма этого налога в зависимости от количества обрабатываемых ланов земли (лановый налог) и от количества принадлежавших ему малоземельных и безземельных крестьян, ремесленников, а также и других категорий зависимого населения — корчмарей, православного духовенства и пр. Поэтому реестры побора позволяют определить количество обрабатываемой земли, а также исследовать феодальное расслоение крестьян на владельцев наделов (кметей), загородников, коморников (кутников). Однако достоверность каждого отдельного реестра требует особой проверки. Вопрос заключается не только в том, что на протяжении многих лет реестры («тарифы») оставались неизменными и что при составлении их были возможны различные злоупотребления²⁶, но также и в том, что сборщиков налога интересовала общая сумма, требуемая от плательщика, а не соотношение между облагаемыми объектами его собственности. Особенно мало достоверны реестры, составленные после войн середины XVII в. В гродские книги вносилось в эти годы множество присяг (*abjuraty*) об «уничтожении и опустошении» целых сел и деревень. Известный украинский буржуазный историк Томашивский, опубликовавший такие материалы из львовских гродских книг за 1649—1660 гг., писал: «Если принять во внимание характер налоговой системы того времени, безоговорочную обязательность уплаты налогов, то станет ясно, что такие заявления и особенно присяги дают довольно точную картину положения населения»²⁷. Но это неверно. Сплошь и рядом сведения присяг об опустошениях (*desolaciones*) настолько преувеличены, что их ни в коем случае нельзя понимать буквально²⁸. В 1652 г. люблинский сейм обещал шляхтичам, уклонявшимся от уплаты налога и не имевшим квитанций о его размерах, что, если они подтвердят присягой размеры облагаемого имущества, с них будут взимать лишь $\frac{3}{4}$ полагающихся сумм, поскольку «и в имеющих квитанции деревнях находится более ланов, чем указано в квитанциях». Польские исследователи Я. Коляса и К. Шустер на этом основании делают предположение, что данные реестров занижены примерно на одну четверть²⁹. Нам кажется, что пока нет достаточных оснований выводить такое постоянное соотношение между данными реестра и действительным положением дел. Западноукраинские материалы второй половины XVII в. свидетельствуют о большом произволе при составлении реестров. Приведем, например, данные

²⁵ Рассмотрению деятельности Вишенского сеймика шляхты Русского воеводства в области налогообложения населения посвящена монография С. Пиотровского (S. Piórowski. *Uchwały podatkowe sejmiku generalnego wiszeńskiego 1572—1772*. Łwów 1932). К сожалению, Пиотровский использовал с достаточной полнотой лишь один источник — опубликованные в «*Akta grodzkie i ziemskie*» постановления сеймиков. По ряду вопросов его работа является шагом назад по сравнению с исследованием буржуазного историка второй половины XIX в. А. Павинского (A. Pawiński. *Rządy sejmikowe w epoce królów elekcyjnych*. Warszawa 1868).

²⁶ О сокрытии собственниками подлинного размера своих имений см., например, О. Баранович. Залюднення України перед Хмельниччиною. Київ 1931, стор. 11.

²⁷ Жерела..., т. V, стор. VII.

²⁸ Сопоставление данных «присяг» об опустошениях с более объективными источниками проводится на городском материале в статье: Я. Д. Ісаєвич. З історії Дрогобича XVI—XVIII ст. — Наукові записки Інституту суспільних наук АН УРСР, Львів 1961, стор. 6—8. В этой статье приводится, в частности, пример недостаточно критического использования налоговых реестров авторами главы по истории Украины в IV томе «Всемирной истории».

²⁹ Rejestr poborowy województwa lubelskiego. Wrocław 1957, str. XXXI.

Село	Дата инвентаря	Количество ланов во владении кметей		Количество заградников		Количество коморников	
		по инвентарю	по реестру	по инвентарю	по реестру	по инвентарю	по реестру
Устрики	1667	7	1	—	—	—	—
Долишни							
Устрики	1667	7	2	—	—	—	—
Горишни							
Корчина	1667	11	12	58	12	60	22
Лясковка	1668	6	1,5	—	—	18	—
Криве	1670	7,5	1	—	—	—	—
Роги	1666	6,5	4	34	3	—	6

Я. С. Мельничука, сопоставившего реестры побора некоторых сел Санокской земли Русского воеводства за 1669 г. с инвентарями тех же сел за близкие годы³⁰ (первые пять сел в приведенной таблице являются шляхетскими именьями, последнее — королевщиной).

Сомневаться в достоверности использованных для сравнения инвентарей нет оснований. С другой стороны, очевидно, что за 1—3 года, отделяющие время составления реестров от времени составления инвентарей, количество кметских ланов, а также хозяйств заградников и коморников не могло так резко измениться, как это явствовало бы из реестров. Единственный возможный вывод в данном случае — это признать крайнюю недостоверность реестра 1669 г. для исследуемой территории.

Такой же тщательной проверке (на основании лучше изученных и более объективных источников) должны подвергаться в каждом отдельном случае все реестры, используемые для статистических выкладок о расселении деревни, количестве обрабатываемых земель и пр. Еще более осмотрительного подхода требуют реестры подымного налога. Ставка (*simpliciter*) подымного составляла 15 грошей с дыма. Однако на протяжении второй половины XVII в. с каждого дыма собиралось все большее количество ставок (27—30, позже 48—60 и даже более), а одновременно уменьшали количество дымов, насчитывавшихся в отдельных поселениях³¹. Поэтому цифровые величины так наз. редуцированных тарифов подымного конца XVII — начала XVIII в. — это условные фискальные единицы. Для каждого воеводства, земли или ее части³² устанавливалось определенное количество дымов в зависимости от того, какую сумму налога надо было собрать с данной территории³³. Это количество распределялось приблизительно пропорционально между отдельными именьями и селами. Таким путем и получались такие, удивляющие иногда исследователей случаи, когда в деревне оказывается, например, $7\frac{1}{16}$ дыма или менее. Проведенные для сбора подымного коэквации («уравнения», т. е. распределение) применялись также и при сборе натуральных даней для шляхетского войска. Например, в 90-х годах XVII в. в Перемышльской земле с каждого дыма взымали: муки — 8 четвертей 6 четвериков 1 гарнец, соли — более камня, соломы — 783 снопа, овса — 26 четвериков 4 гарнца 30 телег, двух нетелей по 400 фунтов. При этом

³⁰ Я. С. Мельничук. Аграрні відносини в Сянській землі в другій половині XVII ст. (Дисертація.) Львів 1959, стор. 14.

³¹ Об этом см. О. С. Компан. До питання про заселеність України в XVII ст. — «Український історичний журнал», 1961, № 1, стор. 77.

³² В Перемышльской земле Русского воеводства количество дымов определяли отдельно для трех ее частей («партий») — Заднепровской, «между Днестром и Саном» и Засанской.

³³ A. Pawiński. Rządy sejmikowe..., str. 154.

практическими единицами для сборщиков были мелкие части дыма, например «полчетверти шестнадцатки»³⁴.

В гродских книгах находим также материалы о методах сбора налогов, позволяющие более конкретно представить себе распределение выхотой из крестьян феодальной ренты между разными прослойками эксплуататорских классов. Сеймики назначали сборщиков (поборцев), которые публиковали путем внесения в гродские книги универсалы с предписанием оплачивать налоги согласно реестрам³⁵. В эти же книги вносились сеймовые конституции и королевские универсалы о сборе налогов. Помимо «рукавичного», «квитового» и иных легальных форм вознаграждения поборцев, последние, как правило, обеспечивали себе и другие доходы, злоупотребляя своими полномочиями. Кроме поборцев-шляхтичей, в эксплуатации крестьян участвовали городские и деревенские ростовщики, которые в XVI—XVIII вв. все чаще брали на откуп сбор различных налогов. Контракты с откупщиками (на Украине ими были чаще всего арендаторы-корчмари) также очень часто можно встретить на страницах гродских и других актов книг. Вообще акты дают возможность выяснить многие подробности системы феодальной эксплуатации крестьян, отличавшейся запутанностью, пестротой, неравномерностью обложения различных групп и прослоек крестьянства.

Многие из рассмотренных выше типов источников содержат разные нормативные правовые акты государственных властей и отдельных феодалов. Акты нормативного характера вносились в книги также самостоятельно. Королевские универсалы и мандаты, сеймовые конституции и другие публичноправовые акты вносили в гродские книги для того, чтобы довести эти документы до всеобщего сведения. Сами же лица, получавшие у короля или других компетентных властей привилегии и другие нужные им документы, записывали (облятовали) их в акты книги, чтобы иметь потом возможность получать копии в форме заверенных выписок из этих книг³⁶. В акты книги вносились также материалы сеймиков шляхты отдельных воеводств, земель, поветов, которые начиная с последней четверти XVI в. выполняли все больше и больше законодательных и административных функций³⁷. Решения сеймиков (*lauda*), в частности содержащие инструкции депутатам на общегосударственный сейм, не только отражают экономическую и социальную политику шляхты, но содержат также фактические данные о состоянии производительных сил в сельском хозяйстве, о классовой борьбе крестьян и пр.

В связи с тем, что акты книги были доступны для всех шляхтичей, желавших использовать тот или иной документ или придать ему большую юридическую силу³⁸, мы встречаем в книгах частные письма, литературно-публицистические и другие произведения шляхтичей, отражающие их экономические взгляды и политику. Интересные факты, в том числе и по крестьянскому вопросу, зафиксированы в разнообразных, часто пародийно-юмористических, записях сотрудников гродских и земских канцелярий.

Часть охарактеризованных выше типов документов имеется не только в составе гродских и земских книг, но также и в других архивных фондах и собраниях рукописей, некоторые же сохранились только в актовых книгах. Во всяком случае, документы гродских и земских книг

³⁴ ЦГИА УССР во Львове, ф. 13, т. 1075, стр. 729, 1709—1711.

³⁵ Там же, т. 295, стр. 363; ф. 9, т. 337, стр. 258—263 и др.

³⁶ Нередко в гродских книгах находим такие документы из королевской канцелярии, которые не были записаны в книгах Коронной или Литовской метрики.

³⁷ Имеется ряд изданий материалов сеймиков: *Akta grodzkie i ziemskie*, т. 20—25. Lwów 1909—1935 (сеймики Русского воеводства); *Akta sejmikowe województw poznańskiego i kaliskiego*, т. I. Wyd. W. Dworzaczek. Poznań 1957 и др.

³⁸ Это отражено в известной формуле «*acta sunt nemini deneganda*» — «никому не должен быть запрещен доступ к актам». Конечно, при этом имелись в виду только лица, свободные от крепостной зависимости.

необходимы при исследовании всех важнейших вопросов истории аграрных отношений в Речи Посполитой, в том числе таких вопросов, как: а) состояние производительных сил в сельском хозяйстве и материальная культура крестьянства (имущественные сделки, реестры убытков, жалобы о кражах, судебные акты и пр.); б) экономическое состояние помещичьего и крестьянского хозяйства, формы эксплуатации крестьян, социальное расслоение крестьянства (инвентари, налоговые реестры, жалобы крестьян, судебные акты и др.); в) юридическое положение крестьян, деятельность крестьянских громад, т. е. общин (нормативные акты, судебные протоколы, отрывки из документов общинного самоуправления и пр.); г) классовая борьба крестьян, участие крестьян Белоруссии и Украины в борьбе против национального угнетения и экспансии католицизма (протоколы судебных заседаний, материалы следствий, иски, декреты, протестации); д) сведения о духовной культуре крестьян, о формировании элементов антифеодальной идеологии крестьянства (фольклорные материалы, материалы об экономических и политических требованиях крестьян во время восстаний и судебных тяжб и пр.).

Большинство материалов городских и земских книг вышло из среды феодалов и поэтому отражает действительность тенденциозно, в угоду классовым интересам феодалов. Для установления степени достоверности этих материалов целесообразно пользоваться более редкими, но также имеющимися в актовых книгах документальными свидетельствами самих крестьян об их положении и борьбе.

Документы о разнообразных фактах экономической и общественно-политической жизни не отражают в полном объеме всех фактов в соответствующей области. Все же количество тех или иных категорий документов в большей или меньшей степени зависит от действительной частоты отражаемых ими явлений. Поэтому весьма целесообразно более широкое и унифицированное применение статистического метода в исследовании ряда однотипных документов на материале городских и земских книг³⁹.

Городские и земские книги — это источник, все богатство содержания которого используется еще недостаточно. По существу, эти книги — комплекс весьма разнообразных источников. Поэтому необходимо углубленное и дифференцированное изучение разных типов документов, встречающихся в их составе. Вместе с тем необходимо также комплексное исследование общих вопросов делопроизводственной формы и особенностей содержания городских и земских книг. Надо учитывать и опыт архивистов Польской Народной Республики, просмотревших все актовые книги архивов Польши для составления сводной картотеки по истории крестьянства⁴⁰. Назрело также время наладить координацию работы историков разных союзных республик, занимающихся исследованием этого типа источников. Глубокое и всестороннее изучение городских и земских книг — необходимая предпосылка успешного решения важнейших проблем аграрной истории территорий, входивших в XVI—XVIII вв. в состав многонациональной Речи Посполитой.

³⁹ Примером скрупулезной статистической обработки данных, почерпнутых из городских и земских актов, являются работы М. Вонсовича, С. Зигеля и Я. Белецкой (M. Wąsowicz. *Kontrakty lwowskie w latach 1676—1686*. Lwów 1935; S. Siegel. *Kontrakty lwowskie w latach 1717—1724* (в приложении к книге Вонсовича); J. Bielecka. *Kontrakty lwowskie w latach 1768—1775*).

⁴⁰ W. Maciejewska. *Inwentaryzacja materiałów do dziejów wsi w latach 1951—1953 i jej wyniki*. — «Archeion», XXIV, 1955.

А. П. Пьянков

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В XIV—XV ВВ.

Поземельный строй Северо-Восточной Руси неоднократно привлекал к себе внимание советских историков, но исследователи, занимавшиеся этим вопросом, изучали главным образом только формы феодальной собственности XIV—XV вв. и процесс развития феодального землевладения в те времена. Именно в этом плане были написаны монографии С. Б. Веселовского и А. И. Копанева¹. Оба автора обошли при этом сельскую общину и те поземельные отношения, которые складывались внутри нее. Этот вопрос обошел и Б. Д. Греков в своей монографии «Крестьяне на Руси». Мало сказано о сельской общине XIV—XV вв. также в «Очерках истории СССР» и в исследовании Л. В. Черепнина².

Таким образом, советская историография, по существу говоря, не занималась изучением поземельных отношений внутри сельской общины Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. Между тем исследование взаимоотношений крестьян и других категорий зависимого от феодалов населения, возникавших внутри сельской общины на почве землепользования, имеет большое значение для глубокого понимания феодального строя того времени.

Задача настоящей статьи — в какой-то мере восполнить этот пробел в советской исторической науке.

* * *

Сельская община на Руси, существовавшая на всем протяжении феодальной эпохи, складывалась еще в процессе разложения первобытнообщинного строя. В пределах центрального междуречья Волги и Оки возникновение сельской общины надо отнести к середине I тысячелетия н. э.³

В эпоху феодализма последующее развитие сельской общины было обусловлено действием двух факторов — ростом производительных сил в сельском хозяйстве, с одной стороны, и все более возрастающим воздействием укрепляющейся феодальной системы, — с другой.

Развитие производительных сил в сельском хозяйстве Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. нашло свое выражение прежде всего в области земледелия и животноводства. В это время расширялись посевные площади. Получало дальнейшее распространение трехполье; именно тогда оно стало господствующей системой земледелия. Увеличивалось количество разводимого скота. В связи с развитием животноводства крестьяне принимали меры для расширения кормовой базы — осушали заливные луга и вырубали леса для устройства новых покосов. Часть кормов давало земледелие.

Отмечая широкое распространение паровой системы земледелия, следует сказать, что в рассматриваемое время она не была единственной. Наряду с господством трехполья можно даже в XV в. заметить остатки подсечного земледелия. Оно сохранялось в виде лесного перелога не только в некоторых глухих местах Северо-Восточной Руси, но и в более передовых районах центрального междуречья, а именно — на удаленных

¹ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л. 1947; А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л. 1951.

² Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М. 1960.

³ А. П. Пьянков. Разложение первобытно-общинного строя и возникновение феодальных отношений в Северо-Восточной Руси. — «Ученые записки Минского гос. пед. ин-та им. А. М. Горького», вып. IV, 1955, стр. 56—60.

от селений пашенных заимках, удобрение которых затруднялось из-за дальности расстания⁴.

В документах XVI в. довольно часто упоминается «перелог». Так назывались участки земли, на которых переставали производить посев, ибо они уже не давали удовлетворительных урожаев⁵. Иногда подобные участки именовались «травной лядиной»⁶. М. Н. Покровский полагал, что упоминание о перелог свидетельствует о переходе от подсечного хозяйства к переложной системе земледелия⁷. С таким мнением согласиться нельзя, так как между этими системами земледелия не было никакой принципиальной разницы; обе они существовали рядом — одна в лесных районах, другая — на открытых местах. Строго говоря, это была одна подсечно-переложная система земледелия.

На протяжении XIV—XV вв. подсечно-переложная система земледелия в Северо-Восточной Руси по мере дальнейшего распространения трехполья отмирала. Расчистка лесов под пашню все чаще означала расширение площади постоянных полей. Расчищенные от лесной растительности участки забрасывались все реже. Таким образом, лесной перелог, равно как и перелог на открытых местах, становился все более редким явлением.

Обращаясь к исследованию поземельных отношений сельской общины в Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв., необходимо прежде всего отметить, что многовековое существование здесь трехполья и дальнейшее его распространение в рассматриваемое время сказалось на размере тогдашних сел и деревень, а следовательно, и на размере сельских общин. О размере сельских поселений можно судить как по археологическим, так и по документальным материалам. Судя по площади, занимаемой сельскими поселениями, последние в большинстве случаев имели небольшое количество дворов. О том же свидетельствуют размеры курганных могильников, среди которых преобладают группы в 15—20 насыпей⁸. Есть основания думать, что малодворная деревня длительное время была основным типом сельского поселения Северо-Восточной Руси. Предположения, построенные на основе археологических данных, находят себе полное подтверждение в документальном материале, а именно — в сохранившихся фрагментах писцовых книг Северо-Восточной Руси конца XV — начала XVI в. По данным писцовых книг 1490—1491 гг., например, в митрополичьей волости Караш, расположенной в Ростовском уезде, было зарегистрировано 5 сел и 182 деревни, принадлежавших непосредственно митрополичьей кафедре; в этих 187 селениях значилось 446 дворов, что в среднем составляло около 2,4 двора на каждое селение, причем подавляющее количество этих селений имело только по одному двору⁹. Аналогичную картину видим и в соседнем Переяславском уезде, где в волости Великая слобода митрополиту принадлежало 2 села и 52 деревни: в этих селениях было зарегистрировано 227 дворов, что в среднем составляло 4,2 двора на каждое селение¹⁰. Число подобных примеров можно было бы увеличить. К сожалению, однако, отрывки из писцовых книг («выписи») не дают сведений по сплошной территории Северо-Восточной Руси. Тем не менее показания «выписей» можно сопоставить с данными, которые относятся к Новгородской земле. Изучение новгородских писцовых книг не оставляет сомнений, что в Новгородской земле, как и в Северо-Восточной Руси, до XVI в. преобладали не крупные, а мелкие селения¹¹.

Небольшие размеры сельских поселений следует объяснять природными условиями нечерноземной полосы, где были расположены как Северо-Восточная Русь, так и Новгородская земля. Типичные для этих местностей нечерноземные почвы требовали при обработке или применения подсечно-переложной системы земледелия, или удобрения

⁴ О развитии сельского хозяйства в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. см. А. П. Пьянков. К вопросу о причинах образования единого Русского государства. — «Ученые записки Белорусского гос. ун-та им. В. И. Ленина», вып. 10, 1950; А. Д. Горский. Из истории земледелия в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. — Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. 3. М. 1959; его же. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М. 1960; Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М. 1960.

⁵ Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М. 1899, стр. 68, 71, 74—81.

⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСЭИ), т. I. М. 1952, стр. 183.

⁷ М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, ч. I. М.—Л. 1925, стр. 51.

⁸ Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М. 1956, стр. 15—18.

⁹ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков (далее — АФЗХ), ч. I. М. 1951, стр. 33.

¹⁰ Там же, стр. 41.

¹¹ Многочисленные данные о размере новгородских сел и деревень, полученные на основании обработки новгородских писцовых книг, приводятся в приложениях к работе Л. В. Даниловой «Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв.» (М. 1955).

голей навозом. Раннее появление паровой системы земледелия в Северо-Восточной Руси показывает, что подсечно-переложная система земледелия, будучи сопряжена с большими трудностями (расчистка новых участков через сравнительно незначительные промежутки времени, необходимость переселения на места, расположенные ближе к новым пашням, и т. д.), могла существовать только как *дополнение* к более передовой системе земледелия. Паровая система требовала систематического удобрения полей, ибо только при этом условии пахотные угодья могли быть постоянными. Удобрять пашни с наименьшей затратой сил и времени можно было только в небольших селениях, где пашня находилась поблизости от крестьянских дворов. Напротив, в крупных селениях, где было много дворов, неизбежно должно было возникать дальноземелье: некоторые пашенные угодья оказывались вдали от крестьянских дворов, а это неизбежно затрудняло удобрение таких участков. Поэтому крестьяне, испытывавшие недостаток в «околоворных пашнях», чтобы избежать неудобств дальноземелья, должны были покидать прежние селения и устраивать «починки», из которых впоследствии возникали новые деревни. Выселялись на новое место и устраивали «починки» те крестьяне, которые заводили хозяйство заново после выдела из отцовского двора. Могли быть и такие случаи, когда в силу тех или иных причин на новое место из прежнего селения выселялась вся крестьянская семья. Новые селения, вырastaвшие из «починков», в силу тех же причин не могли быть больших размеров.

Подсечно-переложная система земледелия, как известно, требовала для своего применения большого количества земли. При этом ведение подсечного хозяйства благоприятствовало сохранению большой крестьянской семьи — наиболее простой формы кооперации рабочей силы¹². Между тем, огромное большинство источников, отразивших жизнь крестьян Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв., о большой семье ничего не говорит. Только в очень редких случаях в документах XV в. можно встретить ее следы.

Примером может служить показание Фатьяна Кондратова при размежевании земли: «было (в первой половине XV в. — А. П.) ... при нашем отце Кондрате пустошка селишко Судокоское; ино ... ту пустошку купил брат мой Яков Кондратов, да жил есмь ... с своим отцом Кондратом, а делали есмь ту землю за один сподряд»¹³. Иначе говоря, Кондрат и оба его сына, Яков и Фатьян, вели хозяйства сообща — «за один сподряд»; все трое они входили в состав одной большой семьи. Редкое упоминание в изучаемых источниках большой крестьянской семьи — отнюдь не случайность: по мере распространения трехполья остатки подсечного земледелия (в виде лесного перелога) исчезали, а вместе с тем все более редким явлением становилась и большая семья.

Если изучаемые источники в огромном своем большинстве молчат о крестьянской большой семье, то зато в них можно встретить довольно много следов ее разложения.

Многие княжеские грамоты XIV—XV вв. предоставляли феодалам право переселять на свои земли крестьян «незяглых», «неписьменных». Скорее всего это были лица, которые выходили из состава распадавшихся больших семей и подыскивали себе место для устройства особого хозяйства.

Так было, впрочем, далеко не всегда. Часто лица, выделявшиеся из состава большой семьи, не выселялись на новое место, а заводили особые дворы и хозяйство в прежнем селении. В таких случаях члены разделившейся большой семьи стремились иметь одинаковые части — «доли» из состава прежнего общего владения. С этой целью они делили между собой все угодья, которые находились в распоряжении большой семьи до раздела. В ходе подобных разделов возникала так наз. *клиновая*, или *долевая*, деревня¹⁴.

В документах XV—XVI вв. имеется много указаний на долевое владение деревнями, селами и отдельными угодьями. В то время долями в некоторых случаях владели не крестьяне, а феодалы, но нет сомнения в том, что последние различными способами завладели этими землями у первоначальных владельцев — крестьян. Сохранились относящиеся к XV в. 8 купчих грамот игумена Никольского Чухомского монастыря Василия на дворы, дворища и различные угодья — пашни, пожни, огороды, капустники, репища и т. д.¹⁵, рисующие выразительную картину поглощения монастырем-феодалом мелких крестьянских участков в пределах Северо-Двинской земли. До перехода в руки монастыря эти угодья находились в руках окрестных долевых деревень. Игумен Василий скупал у своих соседей-крестьян доли ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ и т. д.) отдельных участков. Картина, которую изображают упомянутые грамоты, представляет собой явление, типичное для многих местностей Северо-Восточной Руси. В этом легко убедиться, подбирая показания источников о долевом владении землей.

¹² П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. — «Изв. ГАИМК», т. XIV, вып. 1. М. 1932, стр. 2—4, 7, 17.

¹³ АСЭИ, т. I, стр. 109.

¹⁴ А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни. М. 1884, стр. 220; ее же. Южная Русь, т. I. СПб. 1905, стр. 418—419; В. Сергеевич. Древности русского права, т. III. СПб. 1911, стр. 387—388; Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси. СПб. 1910, стр. 147.

¹⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л. 1949, № 165, 166, 168, 172—176.

Вот некоторые факты долевого владения землей, относящиеся к различным местностям Северо-Восточной Руси.

В XV в. Насон Ильин имел в числе своих владений, расположенных около реки Шексны, половину «дворища вообщего»¹⁶. «Деревня черная волостная» Оглоблино (в Костромском уезде) до 1465 г. находилась в совместном владении двух братьев — Ивана и Гриди Захарьиных¹⁷. Первый из них от своего имени и от имени своего брата Гриди продал эту деревню Троице-Сергиеву монастырю¹⁸. Деревня Волковская (в Белозерском крае) до 1473 г. делилась на две половины, одна из которых принадлежала некоему Серке, вторая — Тимошке¹⁹. Звенигородская деревня Косовская в 1504 г. находилась в долевом владении Левы Петрушина и его братьев²⁰. В Галицком уезде в 1511 г. упоминаются «два жеребья» деревни Лаптевой²¹. В 1519 г. упоминается «жеребий» тульской деревни Рыбенки²². В порядных XVI в. часто встречаются случаи, когда крестьяне «рядились» с тем или иным землевладельцем и брали у него часть деревни²³.

Приведенные примеры показывают, что в XV—XVI вв. долевое владение было широко распространено в Северо-Восточной Руси.

Совладельцами долевых участков земли первоначально были родственники, но так как каждый владелец доли мог ее отчуждать, то среди совладельцев появлялись посторонние лица. С продажей доли деревни на сторону деревня совладельцев-родичей превращалась в деревню совладельцев-складников.

Складничество, несомненно, существовало в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. Известны случаи его в промыслах, например в солеварении²⁴. Однако складничество было преимущественно поземельным союзом. Источники изучаемой поры не знают терминов «складство» и «складники», но это еще не означает, что в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. не было складников — совладельцев земли. Двинская уставная грамота 1398 г. предусматривает случаи, когда кто-либо «межу перероет или перекосит на одном поле»²⁵. Очевидно, в Московском княжестве конца XIV в., где была составлена упомянутая грамота, поля крестьян-совладельцев делились на доли, а они отделялись одна от другой «межами». От XV в. имеется ряд показаний источников, свидетельствующих о складническом владении землей. В 1397—1427 гг. некий Евсей дал «поженку» в Захарьинском наволоке Кирилло-Белозерскому монастырю²⁶. По всей вероятности, этот наволоок находился в совместном владении нескольких лиц и делился между ними на «доли»; одной из них (она названа «поженкой») и владел упомянутый Евсей. В XV в. некий Федор Судаков продал тому же монастырю на Кабачине наволоке три «закоса» — Ивана Внукова, Пантуса и Митяя²⁷. В первой половине XV в. Мчаров наволоок делился на несколько «жеребьев»; одним из них владел Ивашка Кабачин²⁸. Олексеев наволоок делился на «закосы», одним из которых до 1482 г. владел Микула Пестов²⁹. В 1483 г. Шубацким наволоком сообща владели четыре лица — Наум и Онцифор Негодяевы, Евлахий и Данила Степановы, которые взяли взаймы у Гаврилы Ушакова 12 руб. и заложили ему за эту сумму упомянутый наволоок³⁰. Все названные здесь наволоки были расположены в Белозерском крае. Но складническое владение угодьями можно встретить в XV в. и в других местах Северо-Восточной Руси. Так, например, в 1473—1489 гг. в митрополичьей волости Караш упоминаются «два жеребья» Петровской земли³¹. В Юрьевском уезде в 1472—1473 гг. упоминается «вопщая пожня». Она находилась в совместной собственности Троице-Сергиева монастыря и Никиты Беклемишева. Этой пожней пользовались сообща крестьяне двух сел — монастырского села Кучейского и Беклемишева — Калыманского³². Аналогичный случай

¹⁶ И. М. Катаев и А. К. Кабанов. Описание актов собрания А. С. Уварова. М. 1905, стр. 9.

¹⁷ Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский, т. I. Киев 1860, стр. 35.

¹⁸ Акты, относящиеся до юридического быта древней России (далее — АЮБ), т. I. СПб. 1857, стр. 171.

¹⁹ Акты, собранные Археографической экспедицией Академии наук, т. I. СПб. 1836, стр. 475.

²⁰ Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГД), ч. I. М. 1813, стр. 365.

²¹ Акты XIII—XVI веков, изд. А. И. Юшковым, ч. I. М. 1898, стр. 93.

²² Там же.

²³ Сводный текст крестьянских порядных. СПб. 1910, стр. 9—12.

²⁴ АЮБ, т. I, стр. 441.

²⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 88, стр. 144.

²⁶ АСЭИ, т. II. М. 1958, стр. 26.

²⁷ Там же, стр. 153, 287, 289.

²⁸ Там же, стр. 40.

²⁹ Там же, стр. 286.

³⁰ Там же, стр. 175.

³¹ АФЗХ, ч. I, стр. 28.

³² АСЭИ, т. II, стр. 303.

имел место в начале XVI в. в Звенигородском уезде. Здесь в 1504 г. крестьяне Саввино-Сторожевского монастыря владели сообща с крестьянами княжеской деревни Чижовской Чижовским болотцем, на котором были расположены покосы³³. Таким образом, складническое владение угодьями в некоторых случаях выходило за пределы селения и даже за пределы земельной собственности одного феодала. Складнические союзы в XV—XVI вв. можно встретить в Северо-Восточной Руси и среди бортников. Получая в условное владение деревню, тот или иной бортник брал в нее «товарищей»³⁴.

Дальнейшее распространение трехполья и долевое владение пашней и другими угодьями, а также недостаток мест для пастбы скота — все это приводило к распространению так наз. принудительного севооборота. Для выпаса скота крестьяне стали использовать те участки пашни, где был убранны хлеб, — жниво. В связи с этим каждое поле, подразделявшееся на полосы, или доли, совладельцев, во избежание потрав требовалось одновременно вспахать, засеять, огородить и обжать. В пределах каждого поля общинники должны были высевать однородную культуру, — это делалось для того, чтобы время посева и жатвы совпадало у всех членов общины. Общинные власти, не нарушая владельческих прав общинников на доли пашни в том или ином поле, регламентировали весь ход полевых работ. На примере принудительного севооборота можно видеть активное вмешательство сельской общины в распорядок крестьянских земледельческих работ.

Указание на существование принудительного севооборота имеется в Судебнике 1497 г., а именно — в особой статье «о изгородах». Она предусматривает случай потравы поля скотом из соседнего селения: «А промежи сел и деревень городити изгороды по половинам; а чьею огородою учинится потрава, ино тому платити, чья огорода»³⁵. О потраве посева скотом данного селения ничего не сказано. Это молчание объясняется существованием принудительного севооборота, при котором случаи потравы хотя и могли быть (скот перебирался на поле с посевом через плохую изгородь), но крестьяне данного селения не могли предъявить иск, так как потрава происходила исключительно по их собственной оплошности.

Не следует думать, что принудительный севооборот появился в Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. Принимая во внимание то, что он был теснейшим образом связан с паровой системой земледелия, можно предполагать его существование до XIV в. Вместе с тем совершенно ясно, что в XIV—XV вв. в связи с отмеченными выше обстоятельствами принудительный севооборот получил более широкое распространение.

Сочетание долевого владения землей и принудительного севооборота — явление, характерное для сельской общины XIV—XV вв. Оно показывает, что крестьянское землепользование того времени представляло собой «компромисс м[ежду] общинным и частным з[емле]вл[а]д[е]нием»³⁶. При этом следует иметь в виду, что крестьянское землепользование феодальной эпохи было неразрывно связано с феодальной собственностью на землю: крестьяне владели землями феодалов. Поэтому частное землепользование крестьян феодального общества подвергалось двойному воздействию — во-первых, со стороны сельской общины, во-вторых, со стороны феодалов.

Принудительный севооборот регламентировал хозяйственное использование околодворной пашни, он не позволял крестьянину вести на этой пашне земледельческое хозяйство по собственному усмотрению, но тем не менее он не подрывал частное землевладение крестьян. По мере дальнейшего распространения трехполья крестьяне все более прочно осваивали сельскохозяйственные угодья, и прежде всего пашни. Они передавали их по наследству. Освоение пашни влекло за собой и освоение покосов. С течением времени крестьянская семья начинала рассматривать возделываемые ею участки как такое владение, которым она может распоряжаться по своему усмотрению. В Московском княжестве во второй половине XIV в. случаи продажи земли черными крестьянами были вполне обычным явлением. Продавая свои участки, черные крестьяне сохраняли право их выкупа³⁷.

Крестьяне продавали черные земли и в XV в. Например, московский князь Василий I разрешил митрополиту Фотию купить «в Талше (Владимирский уезд. — А. П.) деревню Яковлевскую волостную», т. е. черную³⁸. Вологодский князь Андрей Васильевич (до 1481 г.) разрешил купить черные земли некоему Злобе Васильеву³⁹. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в том и другом случае князья разрешили продавать черные земли феодалам: в первом случае — митрополиту, во втором — Злобе Васильеву. Очевидно, уже в первой половине XV в. продажа земель черными крестьянами на сторону, т. е. феодалам, могла производиться только с разрешения княжеской власти. Несомненно, это ограничение возникло в связи с тем, что князья

³³ АЮБ, т. II. СПб. 1864, стр. 558.

³⁴ С. В. Бахрушин. Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в. — В его кн.: Научные труды, т. II. М. 1954, стр. 22.

³⁵ Судебник 1497 г., статья 61. — В кн.: Судебники XV—XVI веков. М.—Л. 1952, стр. 27.

³⁶ Ленинский сборник, т. XIX, стр. 31.

³⁷ СГГД, ч. I, стр. 56—57.

³⁸ АФЗХ, ч. I, стр. 200.

³⁹ Акты юридические (далее — АЮ). СПб. 1838, стр. 18

не хотели, чтобы княжеские (черные) земли без их разрешения переходили в руки других феодалов. Что касается сделок о купле-продаже земли между черными крестьянами, то документы XIV—XV вв. не содержат никаких указаний на существование в таких случаях каких-либо ограничений со стороны княжеской власти.

Черные крестьяне в XV в. не только продавали земли, но и закладывали их. В 1448—1470 гг. верейско-белозерский князь Михаил Андреевич разрешил старосте городецкому и крестьянам выкупить у Кирилло-Белозерского монастыря пожни, которые некогда были заложены монастырю Бренком и Семеном Поповым. Эти пожни до заклада монастырю входили в состав черных земель Городецкой волости (Белозерский край). После выкупа «староста и крестьяне» должны были взять их в свое распоряжение — «к волости»⁴⁰.

В XIV—XV вв. отчуждали свои наделы не только черные крестьяне, но и феодально зависимые люди, в том числе даже холопы. В первой трети XV в. около Звенигорода «на Песке» жил холоп местного князя Юрия Дмитриевича (умер в 1434 г.) Харя Лагирь. Лагирь купил себе пустошь Бортеневскую у трех лиц, которые владели ею сообща. Один из совладельцев упомянутой пустоши — некто Жеребило — был «человеком», т. е. холопом, соседнего землевладельца Ивана Владимировича. Несколькими позднее (в 1448—1461 гг.) Харя Лагирь отдал пустошь Бортеневскую «с лесом и пожнями» митрополиту Ионе. Часть этой пустоши (еще до 1434 г.) Харя отдавал «в наем» некоему Степану Кормильчину, который косил на этом участке сено⁴¹. Таким образом, княжеский холоп свободно распоряжался землею. Он купил у складников (совладельцев) пустошь, часть ее потом сдавал в наем, наконец, отдал эту пустошь митрополиту. От самого начала XVI в. известен другой случай, рисующий уже иную картину. Крестьянин Троице-Сергиева монастыря Микула Крутиков, проживая в Галицком уезде, в местности около реки Костромы, продал за 40 алтын монастырскую пожню на Крутом Враге Ивашке Сухоне, но суд в 1504 г. признал эту сделку недействительной⁴².

Сопоставляя оба приведенных случая, можно сказать, что феодалы допускали отчуждение крестьянских наделов на сторону только тогда, когда такие сделки не затрагивали их интересов. Княжеский холоп Харя Лагирь купил пустошь Бортеневскую у трех складников, которые, по всей вероятности, были местными черными крестьянами. Эта сделка не затрагивала землевладельческих прав князя, ибо черные земли считались княжескими землями. Последующая передача упомянутой пустоши митрополиту не оспаривалась на суде, ибо, по-видимому, эта передача была произведена с согласия князя Юрия. Иное положение сложилось с монастырской пожней на Крутом Враге: продажа ее монастырским крестьянином Крутиковым Ивашке Сухоне непосредственно затрагивала интересы феодального собственника — Троице-Сергиева монастыря.

Купля-продажа крестьянских наделов — «долей» была для XIV—XV вв. распространенным явлением. Продавать и закладывать наделы, на которых они вели свое хозяйство, крестьяне и другие категории зависимых людей побуждали различные мотивы. Обычно продажа и заклад «доли» могут служить признаком разорения.

Крестьяне не только продавали земли, но и покупали их. Следовательно, среди них были такие элементы, которые в изучаемое время испытывали земельную нужду. В числе причин, порождавших это явление, надо отметить возрастающую в XIV—XV вв. экономическую неоднородность крестьянства⁴³. Если одни крестьяне разорялись, то другие становились богаче и получали возможность расширять свое хозяйство. Для этого они должны были иметь в своем распоряжении новые участки земли. Кроме того, на протяжении изучаемых столетий в Северо-Восточной Руси в связи с дальнейшим распространением трехполья и отмиранием лесного перелога, как уже отмечалось, имел место распад больших крестьянских семей. Выделявшиеся из состава этих семей новые крестьянские хозяйства не всегда имели возможность обходиться только теми землями, которые были возделаны прежде, еще до раздела большой семьи. Нередко они должны были обзаводиться новыми участками, а для этого или производились новые «заимки» в лесах, где таким путем возникали новые «починки», или приобретались посредством купли уже ранее возделанные угодья.

Говоря о перераспределении земли между крестьянами посредством актов купли и продажи, следует иметь в виду специфику условий XIV—XV вв. Если в период возникновения феодального строя и на первых этапах развития феодальной формации общинные земли крестьян переходили в руки феодалов, то в изучаемое время, когда все земли уже находились в руках феодальных собственников, происходило только перераспределение земли между крестьянами внутри сельской общины. В тех же случаях, когда имело место отчуждение земли за пределы общины, продаваемый крестьянский надел (или его часть) мог оказаться в собственности другого феодала. Таким сделкам феодалы, как правило, стремились противодействовать.

⁴⁰ АСЭИ, т. II, стр. 69.

⁴¹ АФЗХ, ч. I, стр. 97—98.

⁴² АСЭИ, т. I, стр. 572, 575.

⁴³ А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., стр. 259.

Сельская община феодальной эпохи, как отмечал еще Ф. Энгельс, существовала «под господской опекой»⁴⁴. Вполне естественно поэтому, что феодальные отношения, господствовавшие в Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв., оказывали известное воздействие на поземельное устройство сельской общины.

На протяжении XIV—XV вв. наблюдалось заметное усиление феодальной эксплуатации крестьян⁴⁵. Усиление феодальной эксплуатации неизбежно требовало дальнейшего закрепощения крестьян Северо-Восточной Руси. Оно было необходимо, ибо отягощаемые и разоряемые растущей эксплуатацией крестьяне стали обнаруживать все большую подвижность.

О растущей подвижности крестьян изучаемой поры свидетельствуют многочисленные документы. В актах и грамотах XV в. очень часто упоминаются «пустоши», т. е. заброшенные крестьянские дворы, пашни и другие угодья. Пустоши возникали не только как следствие довольно частых тогда эпидемий («моров») и еще более частых военных разорений, но и вследствие того, что крестьяне уходили с насиженных мест от растущих феодальных повинностей.

Запустение сел и деревень приносило феодалам большой ущерб. Отсюда их стремление, чтобы заброшенные и невозделанные земли не пустовали, чтобы на них жили и работали крестьяне. От XIV—XV вв. сохранилось большое количество документов, которые показывают, что феодалы Северо-Восточной Руси в целях привлечения на свои земли крестьян-поселенцев предоставляли им временные льготы и отводили им «пустоши», а местами и совершенно невозделанные земли, часто покрытые лесом.

Возникновение новых селений сопровождалось сокращением площади свободных земель внутри феодальных владений, а это затрудняло выделение земель для новых крестьянских поселенцев. Между тем, интересы класса феодалов требовали, чтобы все зависящие от них крестьяне имели возможность пользоваться землей, ибо наличие земельного надела было непременным условием феодально-крепостнической эксплуатации⁴⁶.

Все это вынуждало господствующий класс вмешиваться в поземельные отношения, складывавшиеся внутри сельской общины. Это вмешательство выразилось в том, что феодалы стали контролировать отводы земель крестьянам. Феодальная администрация в лице приказчиков, посельских и других лиц берет в свои руки распределение между крестьянами пустующих, бесхозяйных участков. Почти от всех десятилетий XV в. сохранились относящиеся к многим местностям Северо-Восточной Руси документы, из которых видно, что вотчинные власти светских и духовных феодалов предоставляли крестьянам на длительное время, а иногда и на короткие сроки земли для заведения хозяйства на новом месте, а в других случаях — сенокосные угодья. Известен ряд документов XV в., свидетельствующих, что земельные угодья черным крестьянам предоставляла княжеско-дворцовая администрация⁴⁷.

От конца XV в. сохранился ряд документов о том, что свободные земли черным крестьянам отводила сельская община — «староста со крестьянами». Вот для примера некоторые показания черных крестьян на суде: «Ту пустошь Кашино дал староста залеской Ондрейко со христианами»⁴⁸; «дал нам... селище Дрочково Аргуновские волости староста и все христиане»⁴⁹; «мне тот лес дала волость, староста со крестьяны»⁵⁰. Вследствие того, что значительная часть невозделанных земель находилась под лесами, сельские общины-волости, производившие «отводы» земель или по указанию вотчинных властей, или более или менее самостоятельно, как это было на черных землях, все чаще стали распоряжаться лесными угодьями. Например, в Белозерском крае уже в середине XV в. черные волости — «староста и крестьяне» (разумеется, не без согласия княжеской власти) распоряжались лесами, которые были расположены на их территории⁵¹.

Контролируя наделение крестьян угодьями, феодалы, весьма возможно, стали регулировать акты купли-продажи земли, производимые феодально зависимыми от них людьми. Такое регулирование вполне понятно, если учесть, что наличие земли у непосредственного производителя было непременным условием его феодальной эксплуатации.

⁴⁴ Ф. Энгельс. Марка. — В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 338.

⁴⁵ См. А. П. Пьянков. Формы феодальной ренты в Северо-Восточной Руси в XIV—XV веках. — «Ученые записки Могилевского гос. пед. ин-та», вып. 1, 1954, стр. 3—30. — Весьма обстоятельно рассмотрены феодальные повинности крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. А. Д. Горским (см. его монографию. «Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.», стр. 162—261).

⁴⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 157—158.

⁴⁷ АСЭИ, т. I, стр. 186, 289, 310, 321, 323, 417, 418, 419, 461, 485, 487, 506, 511, 517, 557.

⁴⁸ Там же, стр. 399.

⁴⁹ АФЗХ, ч. I, стр. 127.

⁵⁰ АЮ, стр. 11.

⁵¹ АСЭИ, т. II, стр. 81.

Регулирование актов купли-продажи земли крестьянами, сидевшими на землях феодалов, было необходимо постому, что в XV в. размер феодальных повинностей зависел от размера крестьянской запашки, т. е. от размера крестьянского землепользования⁵². Что касается черных крестьян, то документы XIV—XV вв. не дают оснований утверждать, что княжеская власть каким-либо образом вмешивалась в акты купли-продажи земли, если они происходили среди этой части крестьянства и если черная земля не попадала в собственность других феодалов.

Появление «отводов» и распространение принудительного севооборота означали некоторое расширение деятельности сельской общины в области регулирования крестьянского землепользования, но при этом следует иметь в виду, что сельская община изучаемой поры уже давно находилась под воздействием господствующего класса феодалов и феодального государства. Ставшее сейчас заметным некоторое расширение функций сельской общины по регулированию крестьянского землепользования, несомненно, было связано с воздействием на общину господствовавшего тогда феодального строя.

Единое ведение хозяйства при распространении паровой системы земледелия вело к прочному освоению крестьянами-общинниками тех земель, которые они обрабатывали, но это не устранило общинного землевладения. Община оставалась, она сохраняла свои права на ту часть земли, которая пока не поступила в распоряжение отдельных ее членов. Более того, община, как это было отмечено выше, стала активно регулировать землепользование своих сочленов, но при этом она не вмешивалась во владельческие права крестьян на освоенные ими земли. Первоначально права сельской общины на землю не были достаточно конкретны. Они выражались в праве общинников-крестьян устраивать заимки под те или иные угодья в пределах общинного земельного фонда. В XIV—XV вв. эти права стали приобретать более конкретное выражение в форме «отводов» и принудительного севооборота.

Впрочем, далее этого участие сельской общины в регулировании крестьянского землепользования пока не пошло. Община Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. не знала переделов земли, она допускала передачу земель по наследству, разрешала крестьянам продавать и закладывать освоенные ими земли.

Сельская община Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. в официальных документах обычно называлась «волостью». Община-волость состояла из целого ряда селений. Центром ее было село, к которому «тянули» многочисленные деревни и починки. Обстоятельное описание некоторых сторон жизни русских волостей-общин XIV—XV вв. в свое время дал Н. П. Павлов-Сильванский в своем труде «Феодализм в удельной Руси».

Община-волость была не только поземельным союзом, но и феодально-административным подразделением сельских местностей. Документы XIV—XV вв. показывают, что волость-община производила раскладку податей и повинностей между крестьянами и несла круговую ответственность за исправное выполнение этих обязанностей. Помимо этого, община с давних пор несла ответственность за совершаемые на ее территории убийства (в случае, когда убийца не был обнаружен). Иначе говоря, княжеская власть, выражая интересы класса феодалов, использовала общину в своих целях как одно из средств для укрепления власти этого класса над крестьянами. По мере того, как феодалы все более усиливали эту власть, все более отчетливо выступала отмеченная сейчас сторона деятельности общины.

Общину использовало не только феодальное государство — в лице княжеской власти, но и отдельные феодалы. Они сохранили общинную организацию крестьянства на своих землях и, как и князья, требовали от общины коллективной ответственности за выполнение тех повинностей, какие обязаны были нести зависимые от них крестьяне.

⁵² АФЗХ, ч. I, стр. 127.

Ю. Г. Алексеев

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ПЕРЕЯСЛАВСКОМ УЕЗДЕ В XV — НАЧАЛЕ XVI В.

История светской феодальной вотчины принадлежит к числу основных проблем аграрной истории средневековья. Одним из путей исследования этой проблемы является путь локального исследования.

Если при «широком» исследовании данное явление прослеживается на возможно более широкой территории, желательно в масштабах всей страны, и в широких хронологических рамках, то при исследовании локальном изучаемое явление рассматривается в узком географическом районе и за более или менее ограниченный отрезок времени. Преимущество локального исследования заключается в том, что ценой такого ограничения поля зрения оно дает возможность рассмотреть изучаемое явление в его естественной исторической среде, проследить разные связи этого явления с другими и, в случае удачи, заметить такие элементы исторического процесса, которые не всегда удается уловить при более широкой постановке вопроса. Являясь клеточкой обширного феодального организма, район, избранный для изучения, обычно отражает основные процессы, происходящие внутри этого организма, отражает во всей их сложности и противоречивости, но в уменьшенном масштабе.

Локальное исследование — это исследование части ради целого, а не части ради части. Оно должно рассматриваться как один из этапов изучения исторической действительности, не могущий заменить другие этапы; его результаты нуждаются в проверке на более широком материале и носят, таким образом, в известном смысле предварительный характер.

Сказанное в полной мере относится и к данной работе. В ней делается попытка подвести краткий итог исследованию истории светской феодальной вотчины XV — начала XVI в. в одном из центральных уездов Северо-Восточной Руси.

Выбор Переяславского уезда для изучения обусловлен относительной многочисленностью относящихся к нему источников, с одной стороны, и его центральным положением — с другой.

От XV в. и начала XVI в. сохранилось не менее 250 актов, касающихся небольшого Переяславского уезда, — гораздо больше, чем имеется актов относительно соседнего, сходного по размерам Дмитровского уезда, и больше, чем падает на долю огромного Костромского. Столь выгодное положение Переяславского уезда в нашей актографии объясняется прежде всего тем, что он был одним из основных центров вотчинных владений Троице-Сергиева монастыря, сохранившего свой основной актовый материал.

Другой благоприятной особенностью изученного уезда является его расположение в самом центре старинного великого княжения Владимирского. Домен потомков великого князя Ярослава Всеволодовича, Переяславский уезд — один из старейших аграрных и феодальных районов Северо-Восточной Руси.

Первая проблема, с которой встречается исследователь при изучении аграрной истории Переяславского уезда, — это проблема источника.

Переяславский уезд освещен источниками крайне неравномерно как в географическом и хронологическом, так и в социальном отношении. В целом можно считать, что степень освещенности источниками того или иного объекта изучения прямо пропорциональна близости этого объекта к владениям или интересам Троице-Сергиева монастыря. Лучшее всего поддаются изучению районы, непосредственно прилегающие к монастырским вотчинам: из феодалов-землевладельцев известны почти только соседи и контрагенты монастыря, а также послухи при сделках. Так, если в Кинельском и Верхдубенском станах и западной части уезда, где были расположены старые троицкие земли, можно насчитать по актам многие десятки вотчин и их владельцев, то по северо-востоку, в Кистье, имен уже меньше, а о вотчинниках в таких станах, как Шуромский, Пневидский, Тошменский, Новосельский и другие, в средней полосе уезда, где троицких вотчин долгое время не было, за весь XV в. не известно буквально ничего.

Для земель по рекам Киржач и Шерна, в районе старой Великой и будущей Александровой слобод, этот недостаток отчасти восполняется актами митрополичьей кафедр, имевшей земли в этих местах. Такая односторонность и фрагментарность материала исключает возможность каких-либо количественных подсчетов и выведения средних цифр в качестве основного метода исследования и увеличивает значение тщательного и по возможности разностороннего изучения каждого объекта.

Из круга вопросов, связанных с историей светских феодалов и их владений, я останавливаюсь на трех проблемах, которые можно условно назвать проблемами мелкой, средней и крупной вотчины.

Мелкое землевладение, стоящее на грани между крестьянской волостью и феодальной вотчиной, не раз рассматривалось в нашей историографии. При этом мелкий землевладелец трактовался то как разбогатевший волошанин, эксплуатирующий свою общину (такова точка зрения М. М. Богословского), то как княжой слуга на земле (см. работы А. С. Лаппо-Данилевского, И. И. Лаппо и С. В. Рождественского), то как обедневший потомок измельчавшего феодального рода (трактровка С. Б. Веселовского). Некоторые исследователи (Н. А. Рожков, отчасти С. Б. Веселовский) отмечали экономическую близость мелкого вотчинника к крестьянину. Приходится, однако, признать, что до настоящего времени в научной литературе освещены только отдельные аспекты этого важного и интересного явления и что до сих пор история мелкой вотчины не изучена в целом и в связи с историей двух основных классов средневекового общества — феодалов и крестьян. Исключение составляют работы С. Б. Веселовского, обратившего на мелкую вотчину особое внимание¹. Однако тот факт, что С. Б. Веселовский не признает черного волостного землевладения важным элементом русской аграрной истории, привело к односторонности его взглядов на происхождение и значение мелкой вотчины.

Таким образом, история мелкой вотчины относится к числу сравнительно слабо разработанных проблем истории нашего средневековья.

Что дают для изучения этой проблемы материалы Переяславского уезда?

Прежде всего на основании этих материалов можно как будто проследить два ряда явлений — мелкого княжого слугу на земле и мелкую вотчину вне двorca.

Землевладение княжого слуги возникло, видимо, в очень древние времена. При всей скудости материалов, к тому же слабо освещающих рассматриваемый вопрос, княжого слугу на переяславских землях можно заметить с самого начала изучаемого периода.

Таким слугой был, например, Исак, живший в начале XV в. на селище Алтынова и тянувший к Ивашову Углу²; в представлении крестьян Бармазовской волости таким был и слуга бронный Василий Родионов, живший на землях Бармазовской волости в середине века³, такими слугами были в конце века и конюх Палка Ворона в районе Бармазова, и дворцовый истопник Антон Гладкой на землях Мишутинской волости⁴.

Общим у всех таких владельцев было: незначительные размеры владения, в значительной степени сближающегося по масштабам с крестьянским; частичное слияние с волостью; в то же время — особое положение в ней, определявшееся службой великому князю.

Отрывок из писцовой книги В. Г. Морозова и З. А. Постника-Сатина (1519 г.)⁵ расширяет представление о мелком землевладении княжого слуги. Холоп великой княгини Митя Лаптев держит деревню Спасское, в которой, кроме господского двора, имеется двор «человека» его и крестьянский двор. Сокольник Курман с сыновьями держат три деревни, с двумя владельческими дворами и одним крестьянским. Сокольник Енин с детьми держит село Воронино с восемью крестьянскими дворами.

Мы видим, таким образом, диапазон размеров владения слуги — от одного крестьянского или холопного двора до настоящего феодального владения. Этот диапазон как бы отражает разные этапы истории княжого слуги — министриала.

В перспективе княжой (царский) дворцовый слуга — настоящий феодал, сын боярский. Во второй половине XVI в. можно наблюдать, например, конного псая Баскакова — выходца из старинных, коренных переяславских вотчинников, с поместным окладом в 150 четвертей⁶. Слияние верхнего слоя министриалов с детьми боярскими — важный момент в истории класса феодалов и феодального землевладения.

Актовый материал сообщает некоторые сведения и о мелкой вотчине вне двorca.

В самом начале XV в. духовная грамота Патрикея Строева рисует тип такого

¹ С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси. М.—Л. 1936, гл. III, стр. 56—68; его же. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л. 1947, гл. IX, стр. 203—216.

² Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков (далее — АФХ), ч. I. М. 1951, № 125.

³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСЭИ), т. I. М. 1952, № 641.

⁴ Подробное см. мою статью в сб. «Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв.» (Л. 1960).

⁵ АФХ, ч. I, № 23.

⁶ С. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии (далее — ОГКЭ), вып. IV. М. 1917, № 1478.

мелкого владельца⁷. Строев, видимо, не богат: в своей духовной он ничего не говорит ни о своих деревнях, ни о «людях». Сделанную незадолго до составления духовной значительную по размерам куплю он всю завещает Троице-Сергиеву монастырю. Наиболее интересная часть духовной — долговые обязательства. Строеву должны семь лиц, и должны они небольшие суммы — от полтины до рубля каждый. Некоторые из должников отрабатывают свой долг — косят искос. Все это позволяет предполагать в должниках Строева закабаленных им крестьян. Втягивание крестьянского труда в хозяйство нарождающейся феодальной вотчины — вот, как мне кажется, наиболее интересное явление, засвидетельствованное духовной Строева. Это явление соответствует первому моменту складывания феодальной вотчины.

История мелких кинельских вотчинников Никиты Камчатого и его потомков отражает другой момент в этом же процессе⁸. Церковь Воскресения, поставленная на вотчинной земле (видимо, в конце XIV в.), стала центром растущего феодального владения. Никита Камчатый, владелец церкви и ее «игумен» (монашествующий священник), и его сын покупают земли у соседей, расширяя свою вотчину путем ряда мелких сделок. В церковь шли и добровольные дары прихожан-соседей — крестьян и мелких вотчинников. В вотчине Камчатых появляется в качестве бытовой фигуры холоп. Так мелкая вотчина, округляясь за счет соседних земель, приобретает черты феодального владения.

Однако история мелкой вотчины далеко не всегда заканчивается превращением ее владельца в настоящего феодала, а ее самой — в привилегированное владение. Внук Никиты Камчатого Ивашко Носов в середине XV в. вынужден был бить со своей вотчиной челом в службу (в холопы) боярину Г. В. Заболотскому. Так мелкая вотчина послужила одним из источников роста крупного боярского землевладения.

В условиях XV в. подобные случаи были, вероятно, частым явлением. Но они не умаляют значения мелкой вотчины в истории аграрных отношений. Так или иначе, приобретая ли сама статус феодального владения или питая собою боярщину и монастырщину, мелкая вотчина делала свое дело: она, так сказать, «перерабатывала» земли нефеодалные (крестьянские, волостные) в земли феодальные и этим способствовала развитию феодальных отношений. Таким образом, проблема мелкой вотчины — это проблема расширения землевладения феодального за счет нефеодального, равно как и расширение личного состава феодалов за счет новых элементов «снизу».

Проблема средней вотчины — это проблема землевладения основного слоя класса феодалов, феодалов типа детей боярских.

В актовом материале XV — начала XVI в. можно найти сведения более чем о 100 фамилиях вотчинных владельцев Переяславского уезда⁹. Подавляющее большинство их относится именно к прослойке средних вотчинников.

В составе этой прослойки можно выделить прежде всего группу старинных крепких владельцев, сохраняющих свои родовые вотчины на протяжении многих поколений. Так, из 100 вотчинных фамилий XV в. по крайней мере 50 известны как вотчинники также в XVI в. Ряд вотчинных фамилий (Редриковы, Скрипицыны, Баскаковы, Клобуковы, Зубовы и др.) сохраняют свои земли и в XVII в. и позднее (как показывают данные писцовых книг XVII в. и материалы генерального межевания XVIII в.). При этом необходимо отметить, что в XV—XVI вв. эти вотчинники сохраняют именно свои родовые земли (Редриковы — в Верхдубенском стану, Баскаковы — в Кинеле, Зубовы и Клобуковы — на реке Молокче и т. д.). Подобные наблюдения приводят к мысли об устойчивости средней феодальной вотчины или, во всяком случае, ее основного ядра.

Владельцы таких старинных вотчин известны в материалах конца XV — начала XVI в. как дети боярские, а представители некоторых фамилий (Клобуковы, Курцовы, Скрипицыны и др.) совершают большую приказную карьеру. Это говорит об устойчивом социально-политическом положении и растущем значении средневотчинного слоя в условиях централизованного государства.

Сказанному соответствует получение старыми вотчинниками поместий — зачастую в районе их старых вотчин. О таких фактах сообщает, например, межевая книга Троице-Сергиева монастыря середины XVI в.¹⁰ Таким образом, превращение вотчинника в вотчинника-помещика — одна из перспектив развития среднего землевладения. Смысл этой перспективы — в вовлечении в орбиту феодального владения крестьянских земель бывших черных волостей. За счет таких волостей шла в первую очередь поместная раздача¹¹.

Наряду с этим можно отметить и отдельные факты социальной деградации сред-

⁷ АСЭИ, т. I, № 11.

⁸ Там же, № 521.

⁹ При оценке всех приводимых ниже цифр необходимо иметь в виду специфику актового материала, о которой говорилось выше.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 254.

¹¹ Там же. — Ср. Акты, скопированные С. Б. Веселовским, хранящиеся в архиве ЛОИИ, № 899 (о раздаче в поместья земель трех станом Московского уезда), а также анализ тверских писцовых книг, проделанный И. И. Лаппо.

них вотчинников и потери ими их владений. Так, в начале XV в. исчезли вотчины Ворониных, Зубачевых и Шараповых¹², перешедшие в руки церковных и светских феодалов. Нет сомнения, что случаи перехода феодальных земель из рук в руки происходили и во второй половине XV в. и позднее, однако, на мой взгляд, такие факты не могут свидетельствовать о каком-либо упадке или распаде феодальной вотчины — прежде всего потому, что новыми хозяевами вотчины являлись, как правило, землевладельцы такого же типа, к которым земля переходила при тех или иных сделках¹³.

Наряду с большим числом средних вотчин (в составе, как правило, селыца с 5—10 деревнями) в Переяславском уезде в XV в. были и крупные боярские вотчины, насчитывавшие много десятков крестьянских дворов.

Когда и как возникли эти вотчины? Прямой ответ на этот вопрос в источниках отсутствует. Можно, однако, предположить, что возникновение большинства боярских вотчин в Переяславском уезде относится к XIV в. и шло параллельно с формированием основных кадров московского боярства¹⁴.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в ряде случаев на прозвищах отразилась топонимика владений.

Так, одна из линий боярского рода Всеволожей получила прозвище Заболотских. Вотчины представителей этой линии прослеживаются в источниках конца XV — начала XVI в. в районе Заболотья, за р. Дубной, тянутся на восток и заходят в Пневичий стан. Когда возникла эта вотчина? Согласно родословцам, первым носителем этого фамильного прозвища был Василий, шестой сын Ивана Меньшого Александровича. Этот Иван Меньшой — младший сын родоначальника, смоленского князя Александра Всеволодовича. Его старшие братья были воеводами в передовом полку на Дону в 1380 г.¹⁵ Отсюда следует, что приблизительное время деятельности Василия Заболотского — конец XIV — начало XV в. Это подтверждается тем, что один из его сыновей, Никита, убит в бою под Белевом (1437 г.)¹⁶, а младший сын Григорий известен как деятель второй трети XV в. (умер в 1473 г.)¹⁷. Именно ко времени Василия Заболотского, т. е. не позднее чем к рубежу XIV—XV вв., относится, вероятно, складывание Заболотской вотчины.

Другой пример. На рубеже Переяславского уезда с Тверским княжеством, в Замытье, в источниках известны обширные вотчины Замытских. Прозвище «Замытский» впервые получает в родословце Иван Владимирович, сын Владимира Ивановича, внук Ивана Акинфовича (род Ратши)¹⁸. Иван Акинфович был активным участником событий начала XIV в., в частности битвы под Переяславлем¹⁹. Внук его Владимир жил, вероятно, в последней трети XIV в., точно так же как и его двоюродные братья Андреевичи — Свибло, Челядня, Остей и др.²⁰ Таким образом, и Замытская вотчина возникла, видимо, не позднее конца XIV в.

Если судить по поздним примерам (первой половины XVI в.), такие вотчины образовывались путем пожалования великим князем значительной части территории уезда. Именно так, во всяком случае, образовалась во второй четверти XVI в. вотчина князей Глинских, которым была пожалована Площевская волость²¹.

По актам XV в. можно проследить и другие моменты в истории боярской вотчины.

Как уже говорилось выше, в середине XV в. мелкий кинельский вотчинник Ивашко Носов, владелец селыца Воскресенского, бил со своей вотчиной челом в службу боярину Г. В. Заболотскому²². Попав на «службу» к боярину, И. Носов получил в держание маленький участок земли, а в его селыце обосновался боярский поселский. Так мелкая вотчина превратилась в боярское владение. Есть основание считать, что новая боярская администрация принимала меры к округлению владения: сохранилась, в частности, купчая поселского Пахома на деревню Скворцово — типичный двухрублевый крестьянский участок, проданный своим «вотчичем»²³.

¹² АСЭИ, т. I, № 15, 16, 81 и др.

¹³ Значительное число сделок такого рода отражено в грамотах Коллегии экономии за первые десятилетия XVI в. и в актах, собранных С. Б. Веселовским, хранящихся в копиях в архиве ЛОИИ.

¹⁴ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, стр. 85.

¹⁵ Временник ОИДР, т. X. М. 1851, стр. 95.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Древняя российская вивлиофика, ч. XX, изд. 2. М. 1791, стр. 2, 3.

¹⁸ Временник ОИДР, т. X, стр. 102, 105.

¹⁹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 184; т. X, стр. 175; т. XXV, стр. 393.

²⁰ Временник ОИДР, т. X, стр. 102. — Эти Андреевичи — бояре Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича.

²¹ Точная дата этого пожалования мне неизвестна, но в 1558/59 г. Площев, как свидетельствует межевая книга этого года, уже было вотчиной князей Глинских (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 254).

²² АСЭИ, т. I, № 521.

²³ Там же, № 288.

Энергичную деятельность по расширению своей вотчины развернул и А. М. Плещеев. Судя по его духовной, он в результате ряда сделок с соседями приобрел населенные земли (деревни), лесные и пастбищные угодья²⁴. Представляет интерес интенсивное освоение Плещеевым его новых земель. Духовная говорит о починках, о «новой» деревне, о пяти деревнях, которые Плещеев «посадил» на купленном у соседа селище.

Расширяя свою территорию, вотчина вступает в борьбу с крестьянской волостью; о подобном конфликте говорит, например, духовная П. М. Плещеева (1510 г.)²⁵. Такое явление вполне закономерно. Волостные крестьянские земли служили резервом роста для крупной вотчины не в меньшей степени, чем для средней и мелкой.

Таким образом, в изучаемый период крупная боярская вотчина растет за счет соседей — мелких феодалов и в конечном счете за счет крестьянских земель. Скупка земель, прием закладников, захват угодий — разные формы этого роста, обусловливаемого политическим значением и экономической мощью боярина. Эта экономическая мощь определяется многолюдными боярскими селами, сильной прослойкой несвободного, холопского элемента²⁶ и многочисленным феодально зависимым крестьянским населением²⁷.

Изучаемые материалы не дают основания говорить о деградации и распаде боярской вотчины в XV — начале XVI в., на что есть указания в литературе²⁸. Ничего не говорят они и о задолженности бояр, являющейся, по мнению некоторых исследователей, бичом служилого светского землевладения и показателем его несостоятельности²⁹. Крупнейший переяславский вотчинник, А. М. Плещеев, имел, судя по его духовной, долги на общую сумму 16 руб., в то же время разные лица были ему должны более 100 руб. При этом надо отметить, что как должники, так и кредиторы А. М. Плещеева — светские люди, вотчинники такого же типа, как он сам, и его собственные родичи³⁰. Ни в какие денежные и вообще имущественные сделки с монастырем (по мнению, укоренившемуся в литературе, — главным кредитором светской вотчины) этот боярин не вступает. То же самое вытекает из духовной П. М. Плещеева³¹. Он землевладелец и деятель меньшего масштаба, чем его старший брат, размах его денежных операций значительно уже: сумма его долгов — около 4 руб., ему должны разные лица 16 руб. Из более поздних документов выясняется, однако, что П. М. Плещеев сделал крупный долг (200 руб.), не отраженный в его духовной³². Кредитором П. М. Плещеева является родич его жены, князь Иван Оболенский-Стригин, такой же крупный вотчинник, как и он сам.

Подобные факты заставляют более осторожно относиться к распространенной теории об экономическом кризисе светской вотчины³³.

Теория С. Б. Веселовского о родовом распаде феодальной вотчины уже подвер-

²⁴ АСЭИ, т. I, № 562, 1491 г.

²⁵ «А что мой луг Выпукова села на Дубне..., а пожаловал меня тем лугом отец мой... и нынеча те луги в суде с великого князя хрестьяны с волостными...» (ОГКЭ, вып. IV, № 944).

²⁶ Ср. духовные грамоты А. М. и П. М. Плещеевых, перечисляющих десятки имен несвободных людей (АСЭИ, т. I, № 562; ОГКЭ, вып. IV, № 944).

²⁷ А. М. Плещеев в четырех своих селах насчитал на крестьянах 120 рублей серебра, дельного и ростового. А ведь это только часть обязательств крестьян.

²⁸ Ср. С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб. 1897; Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, тт. I, II. М. 1952, 1954; С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I.

²⁹ С. В. Рождественский. Служилое землевладение..., стр. 78 и др.

³⁰ АСЭИ, т. I, № 562.

³¹ ОГКЭ, вып. IV, № 944.

³² Там же, № 994.

³³ С. В. Рождественский (Служилое землевладение..., стр. 79—80) в качестве одного из примеров «густой сети долговых обязательств», опутывавших «каждого вотчинника», привел духовную Д. Г. Плещеева (середина XVI в.). Действительно, на первый взгляд Д. Г. Плещеев имеет очень неблагоприятный платежный баланс: сумма его денежных долгов — 179 руб., а ему должны всего 4 руб. Однако более подробное ознакомление с его духовной (АФЗХ, т. II. М. 1956, № 274) заставляет прийти к другим выводам. Кредиторы Плещеева — в первую очередь, его родня и другие светские владельцы; его долги монастырям не превышают 6% общей суммы долга. Д. Г. Плещеев — сам крупный кредитор, залогоприниматель. Принятый им заклад Застолбских (бежецкое селцо Илмово) на сумму в 210 руб. подтверждает, что кредиторами светских вотчинников прежде всего являлись светские же вотчинники. Наличных денег у Плещеева почти столько же, сколько и долгов; продажа боевых коней и доспехов значительно увеличивает его актив. Прощение кабалы менее чем в 4 руб. и хлебных займов крестьян — вещь незначительная по удельному весу; основа экономики вотчины — не в этих долгах, а в труде крестьян вотчины: продукт этого труда, хлеб — целиком в руках хозяина вотчины; половникам ничего не прощается. Таким образом, вотчина Д. Г. Плещеева далека, по-видимому, от упадка и кризиса.

гались критике в научной литературе³⁴. Материалы Переяславского уезда подтверждают, на мой взгляд, соответствующие положения, высказанные И. И. Смирновым при критике теории С. Б. Веселовского. Судя, например, по вотчине Плещеевых, раздел родовой вотчины в условиях XV — начала XVI в. не всегда приводит к ее упадку и не является показателем этого упадка. Действительно, крупная феодальная вотчина этого времени окружена средними и мелкими владениями, землями и угодьями крестьянских волостей. Эти земли и составляют питательную среду для вотчины. Раздел вотчины между наследниками приводит к появлению нескольких владельческих центров вместо одного и, таким образом, может способствовать более интенсивному развитию боярской вотчины за счет окружающих ее более слабых феодальных и нефеодальных организмов.

Несмотря на отдельные случаи конфискации боярских вотчин (Свибла в начале XV в., вотчин кн. Патрикеева в конце его) и на естественное движение земли в родовых и неродовых сделках, крупная вотчина до конца изучаемого периода остается важным фактором аграрной истории и играет существенную роль в основном процессе этой истории — расширении феодальной земельной собственности.

Подводя итоги проделанному, по необходимости схематическому, обзору истории феодальной вотчины в Переяславском уезде XV в., следует отметить прежде всего сложность и многообразие изучаемого объекта. Мелкое, среднее и крупное феодальное землевладение растет, переплетаясь и переливаясь одно в другое; в известной мере они питаются одно за счет другого, но в конечном итоге все вместе наступают на черную волюсть и развиваются именно за ее счет.

Ряд вопросов истории феодальной вотчины остается нерешенным, в том числе и весьма важный вопрос о происхождении основной массы средних землевладельцев — детей боярских и их вотчин. Для решения этих вопросов необходимы дальнейшие исследования материалов — как локальных, так и широких масштабов.

³⁴ См., например, И. И. Смирнов. С позиций буржуазной историографии. — «Вопросы истории», 1948, № 10.

В. В. Д о р о ш е н к о

ДЕЙСТВИЕ «РЕВОЛЮЦИИ ЦЕН» В ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ В XVI В.

Важность изучения проблемы «революции цен» едва ли нуждается в специальном обосновании. Быстрый, хотя и неравномерный рост цен на товары в XVI в., поражавший современников, стал предметом исследования западноевропейской науки со второй половины XIX в. Однако историки стран Средней и Восточной Европы долгое время не уделяли данному вопросу никакого внимания. Одной из причин этого было распространенное вплоть до последнего времени в буржуазной историографии представление, будто «революция цен» являлась уделом лишь западных государств, особенно тех, куда в первую очередь хлынуло серебро из Америки¹.

Первую брешь в указанном представлении пробила хотя и слабая, но для своего времени пионерская работа А. Шелёнского «Деньги и революция цен в XVI—XVII вв. в Польше» (1902 г.). Более поздние исследования, охватившие материал ряда торговых центров Речи Посполитой и выполненные в основном в 1930-х годах учениками львовского историка Ф. Буяка (С. Хошовский, Ю. Пелы, Е. Томашевский и др.), не оставили никакого сомнения в том, что «революция цен» была в сущности общеевропейским явлением. Отмечая определенные достижения в области изучения этой проблемы в марксистской историографии (исследование А. Г. Манькова о движении цен на Руси в XVI в., а в самое последнее время — работы А. Мики и К. Штефана в Чехословакии, Т. Виттмана — в Венгрии, наконец, обобщающие статьи того же С. Хошовского в Польше), не будет излишним вновь подчеркнуть настоящую потребность продолжить эти усилия².

В отношении Восточной Прибалтики значение исследования динамики цен в XVI в. особенно велико, если учитывать, с одной стороны, особое место Ливонии (Латвии и Эстонии) в балтийской торговле и в обеспечении экономической связи русских земель с европейскими государствами, с другой же — отсутствие сколько-нибудь удовлетворительной литературы о местных ценах. Из достойных внимания исследований в этой связи можно назвать разве лишь монографию финского историка Г. Миквица о торговле города Таллина, в которой попутно приводятся данные о движении цен на некоторые товары на протяжении первой половины XVI в.³, а также исследование о «русском рынке» шведа А. Атмана, который изучал цены в Нарве и Таллине в самом конце XVI и начале XVII в.⁴ Все же, как ни важны данные, сообщаемые обоими этими авторами, они слишком отрывочны и не могут служить достаточной базой для уверенного суждения о состоянии рынков, в частности об изменениях конъюнктуры на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты — основные статьи товарной активности мызно-барщинного хозяйства Восточной Прибалтики.

Для того чтобы судить о действии «революции цен» в Прибалтике, следует прежде всего составить возможно более полное и конкретное представление о движении самих цен и их взаимных соотношениях. Всего в местных источниках автору удалось собрать около 4000 записей, содержащих денежную оценку самых различных

¹ См., например, недавнее утверждение Х. Хаусхерра, будто приток серебра и золота из Европы, скажем, в Россию XVI в. не вызывал «заметного повышения цен» вследствие того, что драгоценные металлы уходили здесь в боярские сундуки, т. е. выключались из обращения (H. Hauserr. Wirtschaftsgeschichte der Neuzeit vom Ende des 14. bis zur Höhe des 19. Jahrhunderts. Weimar 1955, S. 81).

² См. также Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1958 г. Таллин 1959, стр. 142 (выступление С. Д. Сказкина).

³ G. Mickwitz. Aus Revaler Handelsbüchern. Zur Technik des Ostseehandels in der ersten Hälfte des XVI. Jahrhunderts. Helsingfors 1938, S. 96—108.

⁴ A. Attman. Den ryska marknaden i 1500: talets baltiska politik. 1558—1595. Lund 1944, bilaga 15 (Varupriser i Narva och Reval, 1583—1611).

материальных ценностей в связи с их куплей или продажей, востребованием причиненных убытков, оценкой статей получаемых феодалом доходов, заменой продуктовых повинностей денежными и т. д. Примерно $\frac{1}{3}$ собранного материала почерпнуто из публикаций. Из них следует назвать прежде всего ливонские акты 1494—1510 гг.⁵, решения местных сословных собраний 1495—1535 гг.⁶, документы Рижской городской кассы (камеральные счета 1514—1516 и 1555—1556 гг.⁷), дающие материал главным образом по первой половине изучаемого столетия. Ко второй половине XVI в. относятся опубликованные хозяйственные счета крупного ливляндского помещика Генриха Тизенхаузена (332 записи о купле-продаже товаров за 1577—1600 гг.)⁸, опись убытков крестьян Рижской городской марки от грабежей польских солдат (более 200 записей за 1587—1589 гг.)⁹ и др. Подавляющая же часть материала о ценах (не менее $\frac{2}{3}$ общего количества записей) собрана в архивах (ЦГИА Латв. ССР, ф. 7363; Рижский городской государственный архив — РГГА, фонды 1, 2 и 19; ЦГАДА, ф. «Литовская метрика»), в собрании фотокопий Института истории АН Латвийской ССР, а также в рукописном фонде Фундаментальной библиотеки АН Латвийской ССР. В числе рукописных источников, которые до сих пор совершенно не использовались в литературе, следует упомянуть в первую очередь хозяйственные записи рижских иезуитов, располагавших тремя небольшими имениями неподалеку от Риги и недвижимостью в самом городе (918 записей за 1592—1600 гг.), счета Рижской городской кассы (410 записей, главным образом за вторую половину XVI в.) и исключительно ценную — ввиду потери оригиналов — коллекцию рижского антиквара конца XVIII — начала XIX в. И.-Х. Бротце (Livonica, XV), хранящуюся в отделе редких книг и рукописей Фундаментальной библиотеки АН Латвийской ССР и содержащую извлечения из городских документов за разное время (около 500 записей XVI в.). Упомянем также большую опись убытков земгальских крестьян от грабежей польских солдат в третьей четверти XVI в. (264 записи) и, наконец, многочисленные — порядка нескольких сот — данные польских ревизий 1582—1599 гг. В своей подавляющей массе собранный материал относится к крупнейшей части территории Латвии — Ливляндии (включавшей также районы южной Эстонии). Хронологически, по сугубо предварительному подсчету, имеющиеся в нашем распоряжении 3923 записи за XVI в. распределяются следующим образом:

480	записей	приходятся	на период	1494—1525	гг.,
208	„	„	„	1526—1550	гг.,
878	„	„	„	1551—1575	гг.,
2357	„	„	„	1576—1600	гг.

Как видно, слабее всего представлена документами вторая четверть XVI в. Это объясняется тем, что источники данного времени публиковались в весьма незначительном количестве, имевшиеся же прежде архивные фонды либо утрачены, либо находятся в Швеции и практически, к сожалению, пока недоступны.

Из разнообразных видов товарной продукции (пока учтено 63 вида товаров) наиболее полно представлены поступавшие на внутренний или же внешний рынки предметы местного, ливляндского производства. Это в первую очередь зерно и продукты его переработки — мука, солод и пиво, частично — водка (936 записей). Затем идут продукты лесного промысла (деготь, зола, строительный лес и дрова); вместе с записями, касающимися строительных материалов (известь, кирпич, черепица), эту группу представляют 747 записей. Следующая группа товаров — это живой скот и продукты животноводства, попадавшие главным образом на внутренний рынок (782 записи). Неожиданно слабо оказались представленными лен и пенька, составлявшие одну из важнейших статей ливляндского экспорта; вместе с хмелем эти товары упомянуты в 159 записях. На продукты бортного и рыболовного промысла приходится 196 записей, на сено — 111 записей. Наконец, импортная продукция (прежде всего соль, сельдь и вино, затем ткани, пряности и металлы) нашла отражение в 992 записях XVI в.

Полная и детальная обработка собранного материала потребует еще много труда и времени. Приводимые здесь выкладки являются результатом предварительного анализа данных о ценах лишь на определенных отрезках XVI в., причем в расчет принимались, по возможности, обычные, т. е. «нормальные», цены на местном (практически наиболее часто — рижском) рынке. Это значит прежде всего, что при подсчете средней цены, скажем, за данное десятилетие сознательно отбрасывались те записи, которые явным образом отражали исключительные обстоятельства — значительный недо-

⁵ Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch, 2. Abteilung, hrsg. v. H. Hildebrand, Ph. Schwarz und L. Arbusow, Bde. I—III. Riga—Moskau 1900—1914.

⁶ Akten und Rezesse der livländischen Ständetage (далее — AR), Bd. III, bearb. v. L. Arbusow. Riga 1910.

⁷ Zwei Kämmerer-Register der Stadt Riga, hrsg. v. A. Bulmerincq. Leipzig 1902.

⁸ Vidzemes saimniecības vēstures avoti 1553.—1618. g., izdevis A. Svābe. Rīgā 1941.

⁹ Vier Bücher der Landvogtei der Stadt Riga, bearb. v. A. Bulmerincq, Bd. I. Riga 1923, S. 310—320.

род, голод и, следовательно, временную дороговизну. Хроника местных событий прямо-таки пестрит упоминаниями о подобных явлениях. Неурожай, нехватка хлеба и прочего продовольствия, высокая смертность населения, временная приостановка экспорта дефицитных продуктов и даже ввоз хлеба из-за границы, попытки властей установить максимум цен и т. п.: явления отмечены, например, для 1498, 1506, 1510, 1524—1527, 1531—1533, 1537, 1542—1546, 1550—1553, 1559—1563, 1571, 1582, 1587—1588 и 1599—1603 гг. В ходе дальнейшей работы автор предполагает систематизировать эти данные и сопоставить их с аналогичными данными о стихийных бедствиях и опустошениях в соседних с Прибалтикой районах¹⁰. Пока пришлось ограничиться исключением записей, относящихся к явно «голодным» годам, т. е. показывающих необычную дороговизну и, по сути дела, затемняющих картину действительного движения цен.

Далее не принимались в расчет те показания документов, где говорится о вырубке за товары, проданные за рубежом: цены на европейском рынке (в Любеке, Амстердаме и т. п.) были, как правило, более высокими и для местного рынка, разумеется, нехарактерными. Расценки продуктов при коммутации (замене деньгами) натуральных крестьянских повинностей, напротив, были почти всегда крайне заниженными: они носили традиционный характер и отражали, видимо, более древний уровень цен. Весьма характерным для местных условий явлением была скупка помещиками продуктов у собственных крепостных с целью их перепродажи на городском рынке; при подобном рода «сделках» крестьянам платили нередко в 2—3 раза меньше обычной стоимости данных продуктов. Таксы оценки доходов владельцев имений, применявшиеся, например, в польских ревизиях XVI в., тоже содержат — за немногими исключениями — более или менее заниженные расценки. Сравнивая же такие таксы, например, с претензиями о возмещении причиненных владельцу убытков (подобные претензии в обстановке феодальных разбоев и военных опустошений возникали довольно часто), легко обнаружить в этих претензиях тенденцию к завышению цен. Там, где она принимала крайние формы, приходилось отбрасывать в сторону также и эти записи. Самого пристального внимания, разумеется, требуют различная сортность того или иного товара, сезонные колебания цен, разница между оптовыми и розничными ценами, как и ряд других важных вопросов, но в данной связи они пока не рассматриваются.

Стремясь дать по возможности более наглядное представление о динамике цен на всем протяжении изучаемого столетия, мы выделяем пять этапов, для каждого из которых указываются, во-первых, встречающиеся в конкретных записях минимальные и максимальные цены, а во-вторых, средняя цена для соответствующего отрезка времени. Цены на некоторые товары (пенька, воск, известь и др.) представлены двумя-тремя группами записей — в соответствии с различными происхождением этих записей. В пределах каждого данного года, если на него приходится много записей, исчислялась «взвешенная» годовая цена (посредством деления общего количества обращавшейся на рынке продукции на общую сумму полученных за нее денег). Средняя же цена для каждого из этапов определялась как среднее арифметическое полученных годовых («взвешенных») цен.

За исходный момент взят уровень цен в конце XV — начале XVI в. Учитывая, с одной стороны, нехватку документальных материалов, с другой же — относительную стабильность цен в этот ранний период, представляется допустимым включение сюда записей 1490—1510 гг. Второй этап, обозначенный «около 1525 г.», по тем же самым мотивам (слабость документации и в общем устойчивые цены) также характеризуется записями за целое двадцатилетие (1515—1535 гг.). Для более позднего времени, когда цены стали расти более круто, исчисление средних цен за целое двадцатилетие сразу не дает, разумеется, сколько-нибудь достоверной картины динамики цен. Поэтому для середины XVI в. и для времени «около 1575 г.» берутся десятилетние средние данные (за 1545—1555 и 1570—1580 гг.). Наконец, для конца XVI в. взяты записи 1590—1600 гг.; военные опустошения, страшные эпидемии, голод и необычайная дороговизна, имевшие место в первые годы XVII в., заставили воздержаться от использования для характеристики этого заключительного этапа записей, относящихся к началу первого десятилетия XVII в.

Приложенные таблицы показывают номинальные цены, выраженные в местной монете — рижских марках или шиллингах. Эта монета, конечно, меняла свое реальное (серебряное) содержание и — соответственно — свой курс по иностранной валюте. Говоря конкретнее, она почти непрерывно ухудшалась. Однако установить степень этого ухудшения для каждого года нельзя, поэтому обычно применяемый в подобных исследованиях метод исчисления цен в граммах серебра здесь практически неприменим. К этой проблеме вернемся ниже, сейчас же отметим наиболее существенное в движении цен, отраженном в таблицах.

Рост цен в XVI в. в целом затронул все группы товаров, хотя темпы и результаты его для разных групп были неодинаковыми. В последней графе таблиц проставлен

¹⁰ Ср. такого рода работы преимущественно на польском материале: A. Walaweńdę. Kronika klasztorów elementarnych w Polsce i w krajach sąsiednich w latach 1550—1586. Łódź 1932; S. Hożowski. Kłaski elementarne w Polsce w latach 1587—1648. — Prace z dziejów Polski feudalnej. Warszawa 1960, str. 453—466.

индекс увеличения номинальных цен за столетие в целом (принимая за 100 уровень на рубеже XV и XVI вв.).

Судя по данным таблицы 1, цены на *продукты зернового хозяйства* — рожь, ячмень, пшеницу и пиво за XVI в. увеличились в Латвии в 5,3—8,8 раза. Этот показатель, базирующийся на большом количестве надежных записей, можно считать близким к действительности. Огромный — если судить по таблице — рост цен на овес и солод (в 13,5 и 12,5 раза), видимо, преувеличен и объясняется ограниченностью имеющихся источников. Возьмем к примеру солод, для которого исходная цена оказывается, по расчетам, равной 20 маркам, конечная же — 251 марке за ласт. На ливонском ландтаге 1513 г. участники его жаловались на голландцев, проникавших в глубь страны и скупавших солод прямо у крестьян по 15—16 марок за ласт¹¹. Эта цена считалась слишком дешевой, в свете чего и средняя цена в 20 марок за ласт представляется неоправданно низкой. И наоборот: слишком завышенной может оказаться средняя цена для конца XVI в. (251 марка), так как она выведена исключительно по записям Рижской городской кассы, имевших в виду «немецкий солод» — возможно, более высокого качества, чем обычный.

Продукты животноводства за рассматриваемый период вздорожали, как видно из таблицы 2, в 6—15 раз. По метрологическим соображениям наибольшего доверия заслуживают свидетельства об увеличении цен на масло (в 10—11 раз), сало (в 13½ раз), мясо (в 11 раз) и жир (в 9—13 раз), которые продавались вполне определенными мерами — бочонками и пудками (лисфунтами). Окорока («Schincken») или туши («Stücke») были, конечно, разной величины, а отсюда вытекает возможность искажения реальной картины нашими данными. То же самое следует сказать о *живом скоте*, иначе трудно объяснить весьма заметную разницу в повышении цен на волов (в 4½—6 раз) и на коров (в 9 раз). Как бы то ни было, животноводческие продукты поднимались в цене более круто, чем хлеб. На первый взгляд это покажется странным, так как этих продуктов вывозилось на Запад мало. Необходимо, однако, учитывать последствия военных опустошений 1558—1582 гг., которые резко всего отражались на состоянии поголовья скота: скот становился редкостью как на мызах, так и в крестьянском хозяйстве, и цена его стремительно шла вверх.

Примерно в таких же масштабах, как и зерно, вздорожали *лен* (в 8 раз) и *пенька* (в 8,7 раза, если учитывать последние годы XVI в.) — важнейшие статьи лифляндского (как, впрочем, и русского) экспорта той поры (табл. 3). На фоне этого роста обращает на себя внимание (табл. 4) определенно скромное повышение цен на *воск* (в 3,8—4,5 раза), спрос на который после реформации, как известно, падал.

Весьма сильно — примерно в такой же степени, как и продукты животноводства (в 8—10 раз и, может быть, даже больше), — вздорожали *товары лесного промысла* — деготь, зола и деревянные заготовки (табл. 5). Все возраставший в XVI в. экспорт «лесных товаров» на zahraniчные рынки, так же как и дававшее о себе знать частичное опустошение местных лесов действовали на цены, как видно, в одинаковом направлении. Рост цен на дрова, вероятно, на деле был меньшим, чем это показано в таблице, тем более что цены 1508—1575 гг. относятся исключительно к Таллину, цены же 1596—1600 гг. — исключительно к Риге (разница в условиях снабжения, а может быть, и в метрологии). *Строительные материалы* — известь и кирпич — вздорожали в 8,6—10,5 раза. Чем объясняется столь значительный рост, сказать трудно. Возможно, тут сказалась повышенная потребность в этих товарах в конце XVI в. — в обстановке частичного хозяйственного восстановления между только что закончившейся Ливонской и надвигавшейся польско-шведской войнами.

Несколько иначе выглядит движение в XVI в. цен на *импортные товары* (табл. 6). Столь значительное вздорожание, какое было отмечено для местных сельскохозяйственных продуктов, наблюдается только в отношении некоторых вин (мальвазия, рейнское — почти в 9 раз). Цены на дорогие ткани и пряности (перец, имбирь, шафран и т. п.) — предметы исключительно феодального потребления — возросли за столетие лишь в 4—6 раз. Даже соль (имеется в виду обычная, а не более дорогая — мелкая, белая соль из Люнебурга и Лиссабона) и сельдь, имевшие массового потребителя, вздорожали только в 5—7 раз. Рост цен на эти товары сдерживался, быть может, улучшениями в технике соляных разработок, а также введением в обиход вместо распространенных прежде дорогих сортов сельди (например, сконенской — Schonesche) более дешевой ольборгской (Aalborgsche) и фламандской сельди. Скромный — в сравнении с ростом цен на остальные товары — рост номинальных цен на железо (в 4—5 раз) тоже объясняется, как можно предполагать, усовершенствованием его производства.

В наших источниках имеются также данные о ценах на другие металлы, предметы военного снаряжения (порох, селитра, оружие), как и на ряд промышленных изделий, ввозившихся в Лифляндию из-за рубежа. Но эти материалы еще ждут обработки. Они могут, конечно, внести в набросанную выше картину кое-что новое.

Как обстояло дело с *реальными ценами*? Дорожали ли товары на деле (в смысле увеличения количества драгоценного металла, отдаваемого за единицу товара), или же рост номинальных цен представлял собой фикцию и обуславливался исключительно

¹¹ AR, Bd. III, Nr. 54, § 41.

Движение цен на

Товары	Единицы оценки	Начало XVI в.			Ок. 1525 г.		
		кол-во записей	крайние цены	средняя цена	кол-во записей	крайние цены	средняя цена
Рожь	Марок за ласт	6	21—30	$24\frac{1}{6}$	6	23—40	$30\frac{1}{3}$
Ячмень	То же	3	$17\frac{1}{3}$ —24	$21\frac{4}{5}$	—	—	—
Овес	То же	5	7—11	$8\frac{3}{5}$	10	10—14	13
Пшеница	То же	2	34—35	$34\frac{1}{2}$	—	—	—
Солод	То же	5	15—30	20	—	—	—
Пиво	То же	14	$15-22\frac{1}{2}$	$18\frac{1}{2}$	13	$18-25\frac{1}{3}$	$19\frac{1}{2}$

Примечание. Ласт ржи = 42 (45) пур (лофа); ласт ячменя = 48 пур;

ухудшением монеты? Занимаясь историей цен XV в., автор определенно пришел к выводу, что огромное возрастание номинальных цен на сельскохозяйственные продукты в Ливонии в общем сводилось на нет столь же значительным (если даже не большим) ухудшением серебряного содержания рижской марки, в частности ее курса по иностранной валюте¹². Но для XVI в. такое предположение не имело бы никаких оснований. Об этом свидетельствует курс рижской марки (в которой выражены все номинальные цены) по довольно устойчивой западноевропейской монете. Данные о ее курсе приводятся в табличке¹³, из которой видно, сколько рижских марок (=36 шиллингов) давали в разное время за рейнский и венгерский гульден и серебряный талер.

Период	За 1 золотой рейнский гульден	За 1 золотой венгерский гульден	За 1 серебряный талер
Около 1500 г.	2 марки	3 марки	?
„ 1525 г.	?	4 марки	?
„ 1550 г.	3 марки 18 шилл.	5 марок 9 шилл.	2 марки 29 шилл.
„ 1575 г.	6 марок 6 шилл.	9 марок 18 шилл.	3 марки 18 шилл.
„ 1600 г.	?	10 марок	5 марок 18 шилл.
Падение курса рижской марки за столетие	Более чем в 3 раза	Примерно в 3 раза	Более чем в 2 раза

Как видно из этих данных, рост дороговизны в Лифляндии обуславливался отнюдь не только и, пожалуй, не столько ухудшением местной монеты, сколько возрастанием спроса на предметы восточноевропейского экспорта. Если учитывать известное (впрочем, небольшое) падение содержания благородных металлов в гульденах и талерах, то окажется, что на протяжении всего изучаемого столетия *реальные цены* выросли на зерно приблизительно в 2—3 раза, на продукты животноводства и скот — в 3 раза, на товары лесного промысла и стройматериалы — тоже в 3 раза, на лен и пеньку — в 2—3 раза. Меньше всего — приблизительно в $1\frac{1}{2}$ —2 раза — увеличились реальные цены на товары лифляндского импорта, обслуживавшего (если не считать соли и сельдей) в основном потребности господствующего класса. Нетрудно понять, что такого рода «ножницы» в ценах, с одной стороны, на продовольствие и сырье, с другой — на промышленные товары и предметы роскоши (явление, свойственное «революции цен» и на Западе) были исключительно выгодны для лифляндских помещиков, экспортировавших излишки продукции своего мызно-барщинного хозяйства.

Большой интерес представляет вопрос, когда революция цен в Восточной При-

¹² См. В. В. Дорошенко. Цены на продукты сельского хозяйства в Ливонии XV века. — «История СССР», 1959, № 2, стр. 158—169.

¹³ Составлена по данным рижских архивов, в частности по материалам коллекции И.-Х. Бротце.

зерно, солод и пиво

Середина XVI в.			Ок. 1575 г.			Конец XVI в.			Индекс повышения цен за столетие
кол-во за- писей	крайние цены	средняя цена	кол-во за- писей	крайние цены	средняя цена	кол-во за- писей	крайние цены	средняя цена	
18	40—90	59	13	63—168	$118\frac{1}{3}$	39	120—357	$214\frac{1}{5}$	881
9	31—77	$50\frac{1}{2}$	5	96—156	$141\frac{1}{2}$	22	82—312	$187\frac{1}{2}$	860
7	21—40	$33\frac{1}{3}$	6	70—120	$92\frac{1}{2}$	21	90—180	$116\frac{1}{2}$	1354
11	50—116	$88\frac{1}{2}$	—	—	—	4	210—336	272	788
1	60	60	3	140—200	$178\frac{1}{3}$	16	135—300	251	1255
5	30—39	33	18	60—156	96	54	60—180	$99\frac{1}{4}$	537

ласт овса = 60 пур. Рижская марка = 36 шиллингов.

балтике начала сказываться по-настоящему. Вся совокупность имеющихся данных указывает на то, что начало революции цен здесь можно датировать приблизительно 30—40-ми годами XVI в. Правда, современники сигнализировали о значительном росте цен даже несколько раньше. К примеру, уже в 1523 г. один из ливонских епископов жаловался на то, что цены на рожь по сравнению с «прошлым временем» возросли вдвое¹⁴. Думается, однако, что под «давними» ценами здесь разумелся уровень цен, имевший место в XV в. (судя по нашим выкладкам, за 1501—1525 гг. цены на хлеб сколько-нибудь существенно не возросли). Зато безусловного доверия заслуживают даже не жалобы — вопли рижского населения по поводу огромного роста цен в связи с невиданным усилением хлебного экспорта, наблюдавшимся особенно с 40-х годов XVI в. С этого времени жалобы на дороговизну, главными виновниками которой считали помещиков-экспортеров и крупных спекулянтов-купцов, становятся особенно частыми¹⁵. Рост цен за период 1501—1550 гг. был, правда, как будто не очень большим (на зерно — в 2—3 раза, на «лесные товары», лен, пеньку — в 3—4 раза, на животноводческие продукты — в 3—5 раз и т. д.), однако нужно учитывать, что монета в этот период была довольно устойчивой. Курс рижской марки по иностранной монете за первую половину XVI в. упал приблизительно лишь в $1\frac{1}{2}$ раза; следовательно, реальные цены возросли тогда довольно существенно, во всяком случае более заметно, чем в течение третьей четверти XVI в., когда значительный рост номинальных цен по существу сводился на нет резким (почти вдвое) падением курса местной монеты.

По сравнению со странами Западной Европы, действие революции цен в Прибалтике было, по-видимому, более замедленным и не столь резким¹⁶. Однако конъюнктура на местных рынках следовала в общем за динамикой цен на Западе, что уже само по себе является указанием на тесную связь с европейскими рынками.

Выигрывали от революции цен главным образом, разумеется, местные феодалы. Недаром горячая «мызного грюндерства» охватила ливонских дворян именно в первой половине XVI в. Производительный потенциал мызно-барщинного хозяйства достиг своей высшей точки около середины XVI в., т. е. в период, когда революция цен вполне захватила и прибалтийские земли. Какого размаха достигал экспорт сельскохозяйственной продукции, показывают случайно сохранившиеся поместные акты 1511—1555 гг.,

¹⁴ AR, Bd. III, Nr. 163 (1523).

¹⁵ См., например, Monumenta Livoniae antiquae, t. IV. Riga — Leipzig 1844, p. 32 (1546); Livonica; XV, p. 174 (1552), p. 205 (1571).

¹⁶ Автор счел необходимым пока воздержаться от детальных сопоставлений рыночной конъюнктуры в Лифляндии и других странах Европы. Дело в том, что в ряде новых работ (статьи французских авторов М. Болана и Ж. Мевре, бельгийского — Ш. Верлиндена, шведской исследовательницы И. Хаммарстрем, появившиеся за самые последние годы) подвергнуты сомнению выводы прежних исследований по истории цен — известных трудов Роджерса, Авенеля, Вибе и др. С принципиальными возражениями против методов статистического подсчета, применявшихся ранее «львовской школой» исследователей истории цен во главе с Ф. Буйаком, недавно — на VIII съезде польских историков — выступил крупный специалист по данному вопросу В. Куля.

Движение цен на продукты

Товары	Единицы оценки	Начало XVI в.			Ок. 1525 г.		
		кол-во записей	крайние цены	средняя цена	кол-во записей	крайние цены	средняя цена
Масло коровье	Марок за бочонок	12	7— 9	$7\frac{3}{5}$	2	$15\frac{1}{4}$ — $16\frac{3}{4}$	16
„ „	Шилл. за пудок	5	16—26	$19\frac{3}{5}$	—	—	—
Сало (Speck, Lardus)	То же	2	—	$14\frac{1}{2}$	—	—	—
Жир (Talg)	То же	2	—	21	—	—	—
Мясо (Fleisch)	Марок за бочонок	2	—	$2\frac{3}{4}$	—	—	—
Окорока (Schinken)	Шилл. за штуку	11	9—36	$21\frac{1}{3}$	—	—	—
Туши воловьи	Марок за штуку	13	3— 6	$4\frac{1}{2}$	—	—	—
Шкуры воловьи	Шилл. за штуку	—	—	—	—	—	—
Шкуры коровьи	То же	1	—	24	—	—	—
Волю	Марок за голову	4	2— 8	5	—	—	—
Коровы	То же	2	—	2	—	—	—

Движение цен на

Товары	Единицы оценки	Начало XVI в.			Ок. 1525 г.		
		кол-во записей	крайние цены	средняя цена	кол-во записей	крайние цены	средняя цена
Лен	Марок за берковец	2	—	$10\frac{1}{3}$	5	16—23	22
Пенька	То же	2	—	$6\frac{3}{4}$	6	8—16	11
Канатные нити (Kabelgarn)	То же	3	6— 9	8	1	—	$16\frac{2}{3}$
Хмель	То же	3	14—15	$\frac{1}{2}$	—	—	—

Примечания. 1. Берковец (шиффунт) = 20 пудков (лисфунтов). 2. Данные

Таблица 2:

ЖИВОТНОВОДСТВА И СКОТ

Середина XVI в.			Ок. 1575 г.			Конец XVI в.			Индекс повышения цен за столетие
кол-во записей	крайние цены	средняя цена	кол-во записей	крайние цены	средняя цена	кол-во записей	крайние цены	средняя цена	
6	23— 45	32	2	90— 94	92	7	72— 80	78	1026
—	—	—	6	180—300	258	12	240—360	300	} 1158—1530.
						5	216—264	227	
2	90—100	95	1	—	100	10	160—240	205	1345
3	72— 90	84	—	—	—	6	180—252	198	} 943—1333.
						21	175—293	217	
2	—	10	1	—	25	3	20— 50	30	1090
—	—	—	6	99—108	$104\frac{1}{3}$	8	108—170	127	596
—	—	—	—	—	—	12	15— 48	$29\frac{1}{4}$	650
2	81— 84	$82\frac{1}{2}$	1	—	203	7	180—276	221	—
—	—	—	—	—	—	2	180—216	198	825
6	8— 28	$13\frac{1}{2}$	3	22— 34	28	9	17— 40	25	} 440— 600.
						67	$13-38\frac{2}{3}$	22	
—	—	—	21	9— 10	10	по реви- зии: 24	—	30	} 900
						по реви- зии: 15— 18	12— 30	18	
							15— 18	—	

Таблица 3

технические культуры

Середина XVI в.			Ок. 1575 г.			Конец XVI в.			Индекс повышения цен за столетие
кол-во записей	крайние цены	средняя цена	кол-во записей	крайние цены	средняя цена	кол-во записей	крайние цены	средняя цена	
5	30—43	35	по ре- визии: 1	50—70	60	4	40—133	83	806
10	15—26	19	2	$30-40\frac{1}{4}$	35	9	30— 40	35	} 518—874
6	30—38	34	—	—	—	5	$40-91\frac{2}{3}$	59	
7	40—65	55	—	—	—	по реви- зии: 5	—	$53\frac{1}{3}$	666
						9	80—160	118	} 466—786
							40—128	70	

о ценах на лен и пеньку до середины XVI в. включительно приводятся по Г. Миквицу.

Движение цен на продукты

Товары	Единицы оценки	Начало XVI в.			Ок. 1525 г.		
		кол-во записей	крайние цены	средняя цена	кол-во записей	крайние цены	средняя цена
Воск	Марок за берковец	9	90—105	$97\frac{2}{3}$	2	100—120	110
		4	80—92	$88\frac{1}{3}$	3	88—120	106
Мед	То же	1	—	$11\frac{1}{2}$	1	—	$20\frac{1}{2}$
Лососи	Шилл. за штуку	6	9—24	20	—	—	—

Примечание. Данные о ценах на воск около 1525 г. и в середине XVI в.

Движение цен на товары лесного

Товары	Единицы оценки	Начало XVI в.			Ок. 1525 г.		
		кол-во записей	крайние цены	средняя цена	кол-во записей	крайние цены	средняя цена
Деготь	Марок за ласт	3	5—10	8	1	—	$5\frac{2}{3}$
Зола	То же	1	—	6	—	—	—
Дубовые заготовки (Wagenschoß)	Марок за «сотню»	1	—	5	—	—	—
Дрова (Holz)	Шилл. за сажень	10	7—13	10	7	9—13	$10\frac{1}{2}$
„	Шилл. за воз	—	—	—	11	$3\frac{1}{2}$ —4	4
Известь	Марок за ласт	2	—	$1\frac{1}{12}$	6	$1-1\frac{1}{4}$	$1\frac{1}{12}$
Кирпич	Марок за 1000 штук	2	$3\frac{1}{3}-7\frac{1}{3}$	$5\frac{1}{4}$	1	—	5

Примечание. Ласт дегтя, золы, извести = 12 бочек.

упоминающие об отправке дворянами в балтийские порты весьма крупных партий зерна (по 10—55 и даже по 100—150 ластов) и других продуктов. Даже в обстановке военных опустошений и временного упадка хозяйства в связи с Ливонской войной (1558—1582 гг.) местные феодалы не изменили взятой прежде ориентации на всемерное расширение крепостнического мызно-барщинного хозяйства — хозяйства насквозь феодального по своей организации и вместе с тем нацеленного на производство больших масс товарной продукции. Один из таких феодалов — Генрих Тизенхаузен-старший — за 1581—1598 гг. отправил на рынок из трех своих мыз около 207 ластов разных хлебов. Гораздо более мелкий владельческий комплекс, принадлежавший рижской

Таблица 4

бортного промысла и рыболовства

Середина XVI в.			Ок. 1575 г.			Конец XVI в.			Индекс повышения цен за столетие
кол-во записей	крайние цены	средняя цена	кол-во записей	крайние цены	средняя цена	кол-во записей	крайние цены	средняя цена	
8	112—224	$149\frac{1}{2}$	2	327—433	380	12	293—400	$371\frac{1}{2}$	380—449
5	104—145	125	—	—	—	29	289—528	$396\frac{2}{3}$	
—	—	—	—	—	—	5	60—153	$92\frac{1}{2}$	804
1	—	63	8	36—144	$95\frac{1}{2}$	10	48—198	119	595

приводятся также по Г. Миквицу (вторая группа записей).

Таблица 5

промысла и строительные материалы

Середина XVI в.			Ок. 1575 г.			Конец XVI в.			Индекс повышения цен за столетие
кол-во записей	крайние цены	средняя цена	кол-во записей	крайние цены	средняя цена	кол-во записей	крайние цены	средняя цена	
1	—	18	8	$27-61\frac{2}{3}$	37	10	$40-91\frac{1}{3}$	65	812
2	20—30	28	—	—	—	1	—	60	1000
3	10—30	$18\frac{2}{3}$	1	—	50	—	—	—	>1000
7	24—54	40	12	72—180	126	9	144—252	200	2000
10	54—111	60	—	—	—	—	—	—	—
37	5—12	$8\frac{1}{2}$	—	—	—	5	9—40	27	> 675
57	9—23	$14\frac{1}{2}$	—	—	—	—	—	—	—
9	$1\frac{1}{2}-6$	$2\frac{1}{2}$	3	$2\frac{1}{2}-7$	5	11	$9-13\frac{1}{2}$	$11\frac{1}{2}$	1045
127	—	$2\frac{1}{4}$	6	6—18	$11\frac{1}{2}$	—	—	—	—
12	2—4	3	—	—	—	—	—	—	—
17	$5-16\frac{2}{3}$	$9\frac{2}{5}$	9	15—28	21	3	31—55	$45\frac{1}{3}$	863

иезуитской коллегии, поставил за 1592—1600 гг. для рынка не менее 72 ластов зерна, не считая пива и водки. Зерно продавалось, как правило, крупным рижским купцам — Г. Вакеру, Р. Горсту, Ф. Ниенштедту и др., которые, в свою очередь, сбывали его на прибывавшие иностранные корабли или же транспортировали на Запад самостоятельно, через своих агентов. Обогащению дворянства способствовало и то, что цены на импортные товары, удовлетворявшие его возросшие потребности в предметах роскоши, повышались не столь круто, как цены на хлеб, лес, лен, коноплю и т. п.

Крупное купечество, связанное с экспортно-импортными операциями, — это вторая социальная группа, выигравшая от революции цен. Следует, однако, иметь в виду,

что дворянство Восточной Прибалтики стремилось — и не безуспешно — установить свою монополию на торговлю сельскохозяйственными продуктами, в принудительном порядке «скупая» по невиданно низким ценам продукцию собственных крепостных и «продавая» им, но уже втридорога, соль и промышленные товары. Борьба между дворянами и купечеством на почве «крестьянской торговли» прослеживается на всем протяжении XVI в., причем с перевесом в пользу дворянства.

Крестьянство, даже его верхушка, с городским рынком, как правило, связывалось

Движение цен на

Товары	Единицы оценки	Начало XVI в.			Ок. 1525 г.		
		кол-во записей	крайние цены	средняя цена	кол-во записей	крайние цены	средняя цена
Соль	Марок за ласт	16	12—45	$27\frac{1}{2}$	4	$26\frac{1}{3}$ —50	42
		по Г. Миквицу: $23\frac{1}{2}$					
Сельдь	То же	8	36—72	45	—	—	—
		по Г. Миквицу: 43			по Г. Миквицу: ок. 50		
Вино: рейнское	Шилл. за штоф	4	$5-6\frac{2}{3}$	6	3	—	8
мальвазия	То же	1	—	8	—	—	—
бастерт	То же	1	—	8	—	—	—
кларет	То же	2	18—20	19	1	—	20
романея	То же	2	—	6	—	—	—
Перец	Шилл. за фунт	10	27—36	31	—	—	—
Имбирь	То же	11	18—48	31	—	—	—
Шафран	Марок за фунт	6	8—10	9	1	—	15
Корица	То же	3	$2\frac{3}{4}$ —3	3	—	—	—
Мускат	То же	3	$1\frac{1}{3}$ — $2\frac{1}{2}$	2	—	—	—
Рис	Марок за пудок	1	—	$2\frac{1}{4}$	—	—	—
Изюм	Шилл. за фунт	3	3—5	4	—	—	—
Сукно английское	Марок за локоть	2	$1\frac{1}{2}$ —2	$1\frac{3}{4}$	—	—	—
Дамаскин (ткань)	То же	1	—	2	—	—	—
Железо	Марок за «бочку»	—	—	—	в 1536—1541 гг.: 10		

через помещика и потому — в отличие от стран к западу от Эльбы — никаких выгод из революции цен, конечно, не извлекало. Более того: поскольку революция цен являлась могучим стимулом к росту мызно-барщинного хозяйства, перемены в рыночной конъюнктуре, имевшие место в XVI в., способствовали дальнейшему усилению крепостничества и приводили со временем (наряду с таким фактором, как военные опустошения) к деградации крестьянского производства.

Т а б л и ц а 6

некоторые импортные товары

Середина XVI в.			Ок. 1575 г.			Конец XVI в.			Индекс повышения цен за столетие
кол-во записей	крайние цены	средняя цена	кол-во записей	крайние цены	средняя цена	кол-во записей	крайние цены	средняя цена	
4	30—40	34	3	120—252	177	9	94—214	151	535—642
по Г. Миквицу:		$28\frac{1}{2}$				13	99—286	148	
13	108—144	118	9	180—264	237	4	188—276	240	545—760
						26	270—408	335	
3	$8\frac{2}{3}$ — $9\frac{1}{2}$	9	8	20—48	26	23	50—55	53	883
—	—	—	—	—	—	20	—	72	900
—	—	—	—	—	—	8	54—72	61	763
1	—	45	—	—	—	1	—	108	568
1	—	16	2	—	54	—	—	—	>900
2	—	45	—	—	—	13	120—216	150	484
2	54—63	58	3	108—180	144	16	45—180	103	332—465
1	—	18	—	—	—	9	45—66	53	589
—	—	—	—	—	—	8	18—20	19	633
—	—	—	—	—	—	11	8—16	12	600
—	—	—	—	—	—	12	5—10	9	400
—	—	—	1	—	24	3	14—24	19	475—600
3	—	3	2	$4\frac{1}{2}$ —6	$5\frac{3}{4}$	2	$6\frac{1}{2}$ — $7\frac{1}{2}$	7	400
1	—	8	—	—	—	3	10—12	11	550
—	—	—	1	—	33	8	29—37	39	>390

Х. М. Л и г и

ЗАКРЕПОЩЕНИЕ КРЕСТЬЯН В ЭСТОНИИ

Проблема закрепощения крестьян является одной из наиболее сложных в истории крестьянства любой страны. Это относится и к Эстонии. Рамки настоящей небольшой статьи позволяют лишь бегло обозреть ход этого процесса, а также изложить некоторые точки зрения, сложившиеся у автора при более широком изучении аграрных отношений в Эстонии в XIII—XVII вв.

Вопрос закрепощения крестьянства в Эстонии рассматривался рядом авторов. При этом процесс становления крепостного права обычно изучался в отношении Ливонии в целом (т. е. территории современных Эстонской и Латвийской ССР), без должного внимания к весьма существенным различиям в ходе этого процесса в тех или иных районах.

Более подробный обзор историографии вопроса потребовал бы значительного места. Здесь отметим только, что завершение закрепощения крестьян в Ливонии датировалось весьма различно: некоторые ученые считали возможным приурочить это явление уже к XIII в., в то время как другие авторы полагали, что крепостное право сложилось лишь в период после Северной войны. Мнения, высказанные по этому вопросу прибалтийско-немецкими авторами, подвергнуты тщательному анализу в исследовании Я. Зутиса¹.

В исторической литературе буржуазной Эстонии по вопросу о возникновении крепостничества в Ливонии была в общих чертах принята (правда, с некоторыми оговорками) точка зрения, выдвинутая в исследовании прибалтийско-немецкого историка А. Транзэ-Розенека². По существу эта точка зрения сводится к теории задолженности, приспособленной к условиям Ливонии.

Отдельные элементы теории Транзэ-Розенека были подвергнуты критике еще буржуазными историками. Так, в качестве одной из причин роста задолженности крестьян приводилась тяжесть феодальных повинностей. Социальную основу теории Транзэ-Розенека раскрыл Я. Зутис. Более подробному пересмотру подверг ее в своем исследовании финский историк В. Нийтемаа³. Он противопоставляет теории Транзэ-Розенека свою концепцию, согласно которой в начале XV в. в Ливонии по отношению к сошным крестьянам восторжествовал принцип наследственного подданства (*Erbunterfängigkeit*). Попытки распространения этого принципа в начале XVI в. также и на лострейберов (бобылей) ни к чему не привели ввиду противодействия городов (в первую очередь Таллина). В. Нийтемаа вполне справедливо указывает, что принцип «человек или долг»⁴ применялся в XV в. не во всех районах Ливонии и что даже там, где этот принцип был в силе, феодалы были заинтересованы не столько в возмещении долга, сколько в возвращении крестьянина.

Наряду с остроумными и несомненно верными наблюдениями концепция Нийтемаа содержит, однако, также некоторые неправильные, на наш взгляд, положения. Так, для обозначения степени зависимости крестьян он прибегает к термину «*Erbunterfängigkeit*», самому по себе неопределенному и не отражающему истинной сущности явления. В. Нийтемаа не усматривает никакой связи между усилением крепостничества и барщиной. Вместе с тем он переоценивает тормозящее воздействие городов на закрепощение крестьян. Точку зрения В. Нийтемаа разделяют некоторые другие буржуазные исследователи истории Прибалтики, например А. Соом⁵. По существу, к ней

¹ Я. Зутис. Очерки по историографии Латвии, ч. I. Прибалтийско-немецкая историография. Рига 1949.

² A. v. Transehe-Roseneck. Die Entstehung der Schollenpflichtigkeit in Livland. — «Mitteilungen aus der livländischen Geschichte», Bd. 23. Riga 1926, S. 485—574.

³ V. Niitemaa. Die undeutsche Frage in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter. Helsinki 1949.

⁴ По этому принципу феодал, в имение которого бежал чужой крестьянин, должен был уплатить его долги или же выдать его самого.

⁵ A. Soom. Der Herrenhof in Estland im 17. Jahrhundert. Lund 1954.

близок также Э. Дунсдорф⁶, утверждающий, что еще в XVII в. все члены крестьянской семьи, кроме дворохозяина, располагали личной свободой и могли переселяться с места на место по собственному усмотрению.

Марксистская трактовка проблемы становления крепостничества дана в обобщающих трудах по истории Эстонской и Латвийской ССР⁷. Попытка проследить этот процесс более подробно сделана нами в кандидатской диссертации, защищенной в 1958 г.⁸ Вопрос об усилении крепостнических отношений в XVI в. на территории Латвии рассматривается в исследовании В. В. Дорошенко⁹. Сравнивая ход закрепощения крестьян на территории Латвии и Эстонии, он справедливо отмечает, что в Эстонии этот процесс протекал в более быстром темпе.

Как известно, процесс становления и развития феодальных отношений развертывался в Эстонии (а также в Латвии) в своеобразных, по сравнению с другими странами Восточной Европы, условиях.

Процесс органической, постепенной феодализации общества, начавшийся на населенной эстонцами и латышами территории в XI—XII вв., был прерван вторжением чужеземных захватчиков в начале XIII в. В Германии и Дании, на родине новых хозяев страны, феодальные отношения созрели уже задолго до этого, и в Ливонии полный переход крестьянства в феодальную зависимость (на что в других странах ушло несколько столетий) произошел в течение непродолжительного времени. Однако дело было не только и даже не столько в быстром протекании процесса, сколько в его обременительности для крестьян. Феодальная эксплуатация уже рано достигла в Ливонии чрезвычайной высокой ступени, а феодальная зависимость крестьянства вылилась в весьма жестокие, чрезвычайно тяжкие для него формы. Завоевание страны в начале XIII в. обусловило и то, что класс феодалов в Эстонии почти поголовно состоял из чужеземцев. С самого начала их взаимоотношения с крестьянами были лишены того оправдания обычным правом и известной патриархальности, под прикрытием которых в течение некоторого времени проходил процесс становления феодальных отношений в других странах. В отличие от других европейских стран, в Эстонии, а также в Латвии отношения личной зависимости крестьян при феодализации не играли существенной роли. Небезынтересно отметить, что такие признаки личной зависимости крестьянина, как брачная или наследственная пошлина, которые обычно (особенно в Западной Европе) считаются характерными для крепостной зависимости, в Эстонии вовсе не наблюдаются.

Как археологические, так и письменные источники показывают, что прослойка несвободных людей существовала в Эстонии еще до немецко-датского завоевания. Из договора, заключенного в 1255 г. между знатью о. Сааремаа и Ливонским орденом о подавлении очередного восстания на острове, вытекает, что к этой прослойке принадлежали не только так наз. дворовые холопы. Так, завоеватели обязуются ни у кого не отнимать его «*haereditas servorum*» — дворы сервов, опустевшие до восстания¹⁰. Несколькими летом назад Я. Зутис высказал предположение, что под *servi* здесь подразумеваются феодально зависимые крестьяне¹¹, как это было и в Западной Европе. То, что под *servi* в ливонских источниках не всегда подразумевались холопы, вытекает, между прочим, и из лихуласского вакенбуха 1518—1544 гг., где этот термин относится к лострейберам¹². Наименование *servi* намекает на то, что зависимость таких крестьян от своих господ, т. е. от знати о. Сааремаа, должна была быть прочной. На это уже указывает и то обстоятельство, что Ордену пришлось признать права этой знати на опустевшие дворы *servi*.

Servi, или дреллы (в грамотах, написанных на нижненемецком наречии, — *drelle*), встречаются в источниках до середины XV в. неоднократно. Теперь речь идет уже о *servi* не эстонской знати, а немецких феодалов. Насколько можно судить по имеющимся источникам (например, по нормам так наз. среднего рыцарского права), у них не было своего хозяйства и их использовали в качестве дворовых холопов.

Большинство дреллов в XIII в. составляли, по-видимому, военнопленные из числа язычников и только что крещеных. Вместе с тем дреллою становился человек, приговоренный судом к смертной казни и за выкуп избавленный кем-нибудь от виселицы. Далее, в состоянии дрелла впадали неплатежеспособные должники¹³.

В начале XV в. в источниках появляются сведения об освобождении дреллов. Валкский (Валгаский) ландтаг 1424 г. ограничил срок пребывания в состоянии дрелла

⁶ E. Dunsdorfs. Der grosse schwedische Kataster in Livland 1681—1710. Stockholm 1950, S. 65.

⁷ История Эстонской ССР, т. I. Таллин 1961; История Латвийской ССР, т. I. Рига 1952.

⁸ H. Ligi. Eesti talurahva olukord ja klassivõitlus Liivi sõja algul (1558—1561). Tallinn 1961.

⁹ В. В. Дорошенко. Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке. Рига 1960.

¹⁰ Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch (далее — LUB), Bd. I. Reval 1853, Nr. 285.

¹¹ История Латвийской ССР. Сокращенный курс. Рига 1955, стр. 26.

¹² H. Ligi. Eesti talurahva olukord..., lk. 101.

¹³ См. Livländische Güterurkunden (далее — LGU), Bd. I. Riga 1908, Nr. 169.

10 годами и предоставил дреллам право выкупа из расчета 1 марки за год службы¹⁴. К середине века упоминания о дреллах совсем исчезают из источников.

Исчезновение дреллов было обусловлено общим социально-экономическим развитием Ливонии, изменениями в положении крестьянства в течение XIII—XIV вв. Уже в ходе завоевания страны крестьянство подверглось обложению феодальными повинностями. Вначале из форм феодальной ренты центральное место занимала продуктовая, в первую очередь зерновая десятина, приносявшая феодалам львиную долю их доходов на протяжении 250—300 лет. В течение этого времени подати зерном значительно возросли: к концу XV в. под видом десятины феодал забирал уже четверть урожая. Еще в XIII в. стали появляться первые мызы немецких феодалов, на полях которых, наряду с трудом дреллов, применялся также и барщинный труд крестьян. Сведения об этом появляются с конца XIII в.¹⁵ Больше всего мыз было в северной части Эстонии, принадлежавшей Дании; раздача земель в лен началась там рано и протекала в очень быстром темпе: уже к середине XIII в. три четверти всех земель перешло в руки вассалов. Наряду с ростом феодальных повинностей расширились феодальные привилегии вассалов. Так наз. право Вальдемара—Эрика от 1315 г. гарантировало вассалам фактически неограниченное право завещания своих ленов. По тому же праву они обладали в отношении своих крестьян не только низшей, но и высшей судебной властью.

Первые сведения об ограничении свободы переселения крестьян относятся еще к периоду, предшествовавшему восстанию Юрьевой ночи (1343—1345 гг.). Поражение восстания Юрьевой ночи подрывало силу сопротивления крестьян натиску феодалов. По крайней мере, источники, относящиеся к концу XIV — началу XV в., отчетливо показывают, что во второй половине XIV в. в правовом положении эстонского крестьянства произошли существенные сдвиги в сторону ухудшения. Так, по хаапсалускому городскому праву конца XIV в. с крестьянина, который «хочет сменить господина и покинуть свой как без ведома господина», следует взимать штраф¹⁶. Отсюда вытекает, что ограничение свободы переселения сошных крестьян здесь не связано с задолженностью. Феодал заинтересован в удержании крестьянина на месте отнюдь не из-за его долгов. В случае потери крестьянина он считает себя вправе требовать компенсации. По крестьянскому праву Сааре-Ляэнского епископства, зафиксированному также на стыке XIV и XV вв., крестьянин мог покинуть свой двор лишь с разрешения господина¹⁷.

Первые сведения о требованиях выдачи беглых крестьян на территории Эстонии относятся к началу XV в. При этом в большинстве случаев эти требования мотивируются не долгами крестьян. Так, из одной грамоты 1415 г.¹⁸ явствует, что вильяндийский комтур требует от гор. Таллина выдачи некоего крестьянина, отец которого проживал в принадлежавшей комтуру дер. Иру. В момент смерти отца крестьянин, о котором идет речь, был еще малолетним ребенком, и родственники, проживавшие в другой местности, взяли его к себе в воспитанники; по прошествии 12 лет он переселился в Иру, где до 1415 г. прожил 9 лет и незадолго перед тем женился. Тот факт, что требование выдачи в данном случае не опирается на наличие долгов или на судебный приговор, вытекает из того, что в грамоте ни о чем таком не упоминается; к тому же этот крестьянин покинул отчий дом в малолетнем возрасте.

Ясность в содержание грамоты вносит ее сопоставление со статьей 10-й так наз. земского полицейского уложения К. Тотта, утвержденного в 1671 г.: «Если... наследственный крестьянин одного господина по бедности или дружбе отдаст своего сына в воспитанники в другое имение, то оный может там оставаться до тех пор, пока не сочетается браком, но, как только он женился, его наследственный господин потребует возвращения его как своего наследственного крепостного вместе со всем заработанным... и если даже оный прожил в качестве воспитанника десять лет или более в чужом имении, его все же нельзя подвести под статью четвертую¹⁹ или шесть ввиду этого потерявшимся или же утраченным в силу давности»²⁰.

Как видно, случай, имевший место в 1415 г., полностью предусматривается процитированной статьей уложения Тотта. Таким образом, уже в конце XIV в. на практике применялся принцип, в законодательном порядке закрепленный лишь почти на три столетия позже.

К началу XV в. относятся еще и некоторые другие сведения о выдаче феодалами друг другу беглых крестьян, что ранее практиковалось лишь по отношению к дреллам.

¹⁴ LUB, Bd. VII. Riga — Moskau 1881, Nr. 206.

¹⁵ LUB, Bd. I, Nr. 490.

¹⁶ Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands, Bd. I. Dorpat 1842, S. 22. — О датировке см. LUB, Bd. IV. Reval 1859, Reg. Nr. 1820.

¹⁷ Die altlivländischen Bauerrechte. Neu herausgegeben von L. Arbusow. — «Mitteilungen aus der livländischen Geschichte», Bd. 23, 1924, S. 88.

¹⁸ P. Johansen. Beiträge zur älteren estnischen Agrargeschichte. — «Beiträge zur Kunde Estlands», Bd. XIV. Reval 1928, S. 20.

¹⁹ По статье 4-й уложения К. Тотта крестьянин, проживший с ведома своего наследственного господина 10 лет во владениях другого феодала, становился наследственным крестьянином последнего.

²⁰ Liefvländische Landes-Ordnungen nebst darzugehörigen Placaten und Stadgen. Riga 1707, S. 23—24.

По соглашению об обмене земель, заключенному в 1411 г. между Орденом и Кяркнаским монастырем, крестьяне, бежавшие из владений одной договаривающейся стороны во владения другой, подлежали выдаче²¹. Выдача беглецов здесь также не связана с долгами.

В то же время сохранились и некоторые сведения о применении в XV в. принципа «человек или долг»²². На территории Латвии он сохранял существенное значение еще и в конце XV в.

Различный подход к вопросу о беглых крестьянах был обусловлен феодальной раздробленностью Ливонии в XIV—XV вв., оказывавшей сильное воздействие на процесс закрепощения крестьянства. Органом, объединяющим страну, не смогла стать и возникшая в 1419 г. общеливонская политическая организация — ландтаги, напоминавшие рейхстаги Священной Римской империи германской нации. Уже на первых ландтагах, например в 1424 г., была предпринята попытка урегулировать вопрос о беглых крестьянах на всей территории Ливонии в целом, но она ни к чему не привела.

Источники не сообщают нам более точных сведений о том, когда в том или ином феодальном полугосударстве Ливонии были впервые сделаны попытки к разрешению вопроса о беглых крестьянах на основе всеобщего соглашения между вассалами, а также о том, когда были заключены первые договоры о выдаче беглых. Впервые такой договор упоминается в письме маазиского фогта к гор. Таллину, содержавшем просьбу об оказании помощи слуге фогта в том случае, если «тот обнаружит в вашем городе кого-нибудь, кто бежал от нас в то время, когда договор был в действии или же позже, — чтобы эти беглецы, будь то мужчина, женщина или дети, были ему выданы»²³. Это показывает, что маазиский фогт рассматривал всех проживавших в фогтстве крестьян как наследственных крепостных, о долгах же в письме нет ни единого слова.

Первое сохранившееся соглашение о выдаче беглых крестьян относится к Тартускому епископству и было заключено в 1458 г. между тартуским епископом, домским капитулом и вассалами епископства²⁴. До сих пор ошибочно полагали, что соглашение это основывается на принципе «человек или долг»²⁵. Фактически же в статье 1-й соглашения говорится о том, что выдаче подлежат все бежавшие от своего господина «крестьянские семьи и сельские жители» (*gesinde und landtlude*). По мнению В. Нийтемаа, здесь имеются в виду лишь сошные крестьяне. Однако под определение *gesinde und landtlude* очень хорошо подходят *все* категории крестьян. Кроме того, нельзя ограничиваться анализом одной или нескольких статей такого документа и оставлять без внимания другие. Между тем, если бы в статье 1-й подразумевались лишь хозяева, сошных дворов, то совершенно непонятным был бы смысл двух других статей соглашения. Так, в статье 11-й его говорилось, что если кто-нибудь из крестьянской семьи, где имелось двое или трое мужчин, ушел в Россию и, вернувшись впоследствии, не поселился у своего наследственного господина (*erfherr*), то феодал, на земле которого этот крестьянин поселился, обязан поставить об этом в известность наследственного господина. В статье предусматривалась возможность соглашения двух феодалов в отношении крестьянина; если же они не пришли бы к соглашению, то беглец подлежал выдаче. Под «соглашением» здесь явно подразумевалась выплата компенсации за потерю крестьянина его бывшему господину. Из статьи 8-й, регулировавшей порядок наемного труда крестьян вне владения «своего» феодала, также вытекает, что она не относилась к хозяевам сошных дворов. Крестьяне могли наниматься батраками лишь из тех дворов, где имелось двое или трое мужчин, и даже в этом случае требовалось разрешение господина. Наследственный господин имел право требовать возвращения крестьянина, нанятого на работу вне имения еще в малолетнем возрасте, как только тот достигнет совершеннолетия. Но в этом случае господин обязан был выплатить работодателю все жалованье крестьянина.

Значительная часть договора 1458 г. посвящена определению порядка выдачи крестьян. Выдача беглецов осуществлялась специальным должностным лицом — гакенрихтером, который приглашал к себе на помощь двух вассалов епископа. Об институте гакенрихтеров в этом документе речь идет впервые, и, учитывая то внимание, которое уделяется ему в соглашении, полагаем, что эта должность была только что введена. Между прочим, такая специальная должность гакенрихтера — специфическое явление Ливонии, коренившееся во внутренней слабости орденских и епископских полугосударств. Институт гакенрихтеров сыграл весьма существенную роль во внедрении крепостничества в Ливонии.

²¹ LGU, Bd. I, Nr. 181.

²² Так, пыльтсамааский фогт в письме к гор. Таллину оправдывал задержание агента одного таллинского торговца тем, что агент этот — его должник и наследственно принадлежащий ему крепостной (*unse schuldenere unde unse erffman*).

²³ LUB, Bd. I, Nr. 457.

²⁴ Akten und Rezesse der livländischen Ständetage (далее — AR), Bd. I. Riga 1907, Nr. 647.

²⁵ A. v. Transehe-Roseneck. Die Entstehung der Schollenpflichtigkeit in Livland, S. 562.

Договор 1458 г. — документ настолько определенный и подробный, что он мог появиться только в результате продолжительного процесса. К тому же он не был первым в Тартуском епископстве. Во вводной части договора он называется «новым», и в самом тексте упоминаются крестьяне, бежавшие в период до заключения старого соглашения. В. Нийтемаа вполне убедительно доказал, что наиболее ранним сроком заключения «старого соглашения» мог быть 1422, а наиболее поздним — 1430 г.²⁶ Судить о содержании этого соглашения нет никакой возможности ввиду отсутствия в источниках точек опоры. Однако представляется, что осуществление выдачи беглых крестьян по старому соглашению наталкивалось в практике на те или иные затруднения, — этим и было, видимо, обусловлено заключение нового соглашения и создание института гакенрихтеров.

Если в Тартуском епископстве закрепощение крестьян было в середине XV в. зафиксировано соглашением, то как же обстояли дела в других районах Эстонии?

К первому десятилетию XVI в. относятся три соглашения по вопросу о беглых крестьянах на территории Эстонии: в 1504 г. соглашение о выдаче беглых крестьян было заключено между феодалами Сааре-Ляэнского епископства, в 1508 г. — между магистром Ордена и сааре-ляэньским епископом; наконец, соглашение 1509 г. распространило свое действие на все владения Ордена в Эстонии²⁷. В заключении всех этих соглашений существенную роль, несомненно, сыграла нехватка рабочих рук вследствие мора 1504 г. (так, например, на землях харью-вируского рыцарства за один год чума унесла в могилу больше половины всего населения²⁸).

Принципы выдачи беглецов в договорах начала XVI в. различны. Договор 1504 г., если можно так выразиться, наиболее либерален в этом отношении. Он предусматривает, что если феодал, к которому крестьянин бежал, в течение четырех недель сообщит о беглеце феодалу, из владений которого крестьянин ушел, то он может оставить этого крестьянина у себя при условии уплаты его долга (альтернатива — «человек или долг»); если же он в течение указанного срока не сообщит о беглеце его бывшему господину, то беглец неоспоримо подлежит выдаче. Договор 1508 г. опирается уже на принцип безоговорочной выдачи всех беглых наследственных крестьян (*erfbur*), при этом термин «наследственный крестьянин» относится как к сошным крестьянам, так и к юксьягам («эйнфуслингам» — «одноногим») и лострейберам. Соглашение 1509 г., как и документ 1504 г., различает случаи, когда о беглеце заявили в течение четырех недель и когда о нем не заявили, однако, в отличие от договора 1504 г., в 1509 г. о долгах крестьянина не говорится. Феодал, к которому крестьянин бежал, может предложить его бывшему господину материальную компенсацию, но если договоренность о ее размерах не будет достигнута, то крестьянин подлежит безоговорочной выдаче. На практике это положение, конечно, означало, что феодал, от которого крестьянин бежал, при желании всегда мог потребовать его возврата. Юксьяги и лострейберы подлежали безоговорочной выдаче, как и сошные крестьяне.

Уже О. Стафенхаген, опубликовавший тексты этих соглашений, высказал предположение, что все они имели общий прототип. Х. Боссе пытался реконструировать содержание этого несохранившегося протодоговора²⁹, но исходил при этом из неверной предпосылки о наибольшей близости к нему самого раннего из трех соглашений — 1504 г. В. Нийтемаа удалось убедительно доказать, что общий прототип всех трех соглашений начала XVI в. относится к 1468 г. и что он основывался на принципе безоговорочной выдачи беглых сошных крестьян³⁰.

Представляется, что утраченный протодоговор по своему содержанию наиболее близок к договору 1509 г., действовавшему в орденских владениях Эстонии. Таким образом, можно сказать, что по крайней мере сошные крестьяне не позже третьей четверти XV в. были прикреплены к земле и в орденских владениях Эстонии.

Несколько иным было положение в третьем феодальном полугодии, существовавшем на территории Эстонии, — Сааре-Ляэньском епископстве. Заключенное там в 1504 г. соглашение о выдаче беглых крестьян было единственным, в основе которого лежала альтернатива «человек или долг». Большую «либеральность» этого соглашения по сравнению с другими В. Нийтемаа пытается объяснить вольнолюбивостью населения и периферийным положением епископства³¹. По нашему мнению, эта точка зрения лишена основания; характер соглашения 1504 г. определялся в первую очередь невысоким уровнем развития мызно-барщинного хозяйства в Сааре-Ляэньском епископстве: еще в середине XVI в. он был здесь ниже, чем в любом другом районе на территории Эстонии³².

²⁶ V. Niitemaa. Die undeutsche Frage..., S. 92.

²⁷ AR, Bd. III. Riga 1910, Nr. 27, 41, 46.

²⁸ LUB, 2. Abt., Bd. II. Riga — Moskau 1905, Nr. 688.

²⁹ H. Bosse. Der livländische Bauer am Ausgang der Ordenszeit. — «Mitteilungen aus der livländischen Geschichte», Bd. 24. Riga 1933, S. 478—482.

³⁰ V. Niitemaa. Die undeutsche Frage..., S. 121—123.

³¹ Там же, S. 135.

³² X. М. Лиги. О развитии мызно-барщинного хозяйства в Эстонии в середине XVI в. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г. М. 1961, стр. 83—93.

Позднейшие соглашения между феодалами исходят из принципа безоговорочной выдачи всех беглых крестьян и, таким образом, не вносят в основной вопрос ничего нового. Так, соглашение между сааре-ляэнеским и курземским епископами и магистром Ордена на ландтаге 1554 г. почти полностью повторяло договор 1508 г.³³

Если феодалам на почве общих классовых интересов было сравнительно легко прийти к соглашению по вопросу о выдаче беглых крестьян, то труднее обстояло дело с городами. В XIV в., когда феодалы только еще приступили к ограничению свободы передвижения крестьян, города могли свободно принимать их. В следующем веке положение изменилось. Мы видели, что уже в 1415 г. от Таллина потребовали выдачи одного крестьянина. Правда, этот крестьянин проживал не в самом городе, а в деревне, принадлежавшей городу. Поэтому нельзя признать правильным сделанный Нийтемаа на основании этого документа вывод, что Таллин уже в начале XV в. признал право феодалов требовать от города выдачи своих крестьян³⁴. Дело в том, что в деревнях, принадлежавших городу, не действовало любекское право, опираясь на которое Таллин на рубеже XV и XVI вв. выступал против претензий феодалов в отношении крестьян, бежавших в город.

В последние десятилетия XV и начале XVI в. на территории Эстонии интенсивно развивалось мызно-барщинное хозяйство. По мере того как удельный вес отработочной ренты увеличивался и ценность рабочей силы крестьянина в глазах феодала возрастала, феодалы начали все более и более настойчиво требовать выдачи крестьян, бежавших в город. Некоторые харью-вирусские вассалы не останавливались даже перед самовольным задержанием беглецов в пределах города. В 90-х годах XV в. поведение городов в отношении беглецов обсуждалось на нескольких ландтагах. Представители Тарту и Риги заявили на ландтаге 1492 г., что они будут выдавать бежавших крестьян под стражей³⁵. Линия поведения Таллина была иной. Вынесенное феодалами на этом ландтаге решение о признании на всей территории Ливонии принципа безоговорочной выдачи натолкнулось на энергичное противодействие Таллина. В последние годы XV в. конфликт по вопросу о беглых крестьянах обострился настолько, что грозил вылиться в вооруженное столкновение между горожанами Таллина и харью-вирусскими вассалами. К 1500 г. все же была достигнута договоренность. Таллин обязался в дальнейшем «воздействовать» на хозяев сошных дворов: беглец помещается в тюрьму, где он содержится на воде и хлебе (между прочим, за счет феодала) до тех пор, пока он «под нажимом такого содержания под стражей не согласится добровольно следовать за своим господином»³⁶. В 1515 г. Таллин согласился расширить категорию «подвергаемых воздействию» беглецов за счет старших сыновей сошных крестьян.

Эти соглашения представляли собой компромисс: феодалам они предоставляли известную гарантию против бегства в Таллин крестьян — хозяев сошных дворов (и частично их сыновей), имевших в глазах феодалов наибольшую ценность. Город же сохранил возможность притока дешевой рабочей силы, так как «воздействие» на младших сыновей сошных крестьян, а также на лострейберов и юксьялгов соглашениями не предусматривалось.

Конфликт по вопросу о выдаче беглых крестьян между Таллином и феодалами продолжался до Ливонской войны. Вплоть до окончания так наз. периода самостоятельности Ливонии сохранялось своеобразное двойственное положение: феодалы в своих взаимоотношениях уже давно исходили из принципа полного закрепощения всех крестьян, но в сношениях с городами феодалам невольно приходилось считаться с интересами городов, нуждавшихся в притоке дешевой рабочей силы. При этом, однако, следует избегать переоценки тормозящего влияния городов на становление крепостничества, а также воздерживаться от скороспелых выводов о правовом положении той или иной группы крестьян на основании соглашений, заключенных между городами и феодалами. Такую ошибку делает В. Нийтемаа, утверждая, будто попытки помещиков рассматривать «мелкодворовых крестьян и безземельных» в качестве наследственных крестьян натолкнулись на столь сильное противодействие городов, что это привело к их провалу³⁷.

Следует отметить, что относительно правового положения упомянутых групп крестьян, в частности лострейберов, в источниках содержатся весьма противоречивые сведения. В соглашениях о выдаче крестьян от 1508 и 1509 гг., как мы видели, недвусмысленно говорилось, что безоговорочной выдаче подлежат также и бежавшие юксьялги и лострейберы. Зато в утраченном договоре 1468 г. о них отдельно речь явно не шла. Надо, однако, полагать, что при желании возможно было потребовать, опираясь на этот договор, а также на договор 1458 г., выдачи малоземельных и безземельных крестьян. Специальное упоминание этих групп крестьян в соглашениях начала XVI в. было обусловлено ростом их ценности в глазах феодала: вследствие мора 1504—1505 гг. многие сошные дворы опустели, и в них можно было поселить

³³ Die altlivländischen Bauerrechte. Neu herausgegeben von L. Arbusow, Anhang 56.

³⁴ V. Niitemaa. Die undeutsche Frage..., S. 95.

³⁵ LUB, 2. Abt., Bd. I. Riga — Moskau 1900, Nr. 779.

³⁶ Там же.

³⁷ V. Niitemaa. Die undeutsche Frage..., S. 152.

юксьялгов и лострейберов. К XVI в. относится множество сведений о дарении лострейберов и юксьялгов, а также об их передаче одним феодалом другому³⁸.

В то же время к этому и даже к более позднему периоду относятся сведения, опровергающие предположение о крепостном состоянии лострейберов. Так, в 1537 г. один из феодалов отверг требование о выдаче бежавших в его владения крестьян на том основании, что они — вольные крестьяне и *husgenoth*³⁹ и не жили на гаках⁴⁰. О свободе передвижения лострейберов свидетельствует и тот факт, что шведские власти называли их *freikerl*, по-эстонски же их именовали *wabbatmees* в дословном переводе оба названия означают «вольный человек».

Эти и некоторые другие сведения показывают, что уже в середине XV в. (и даже раньше) феодалы притязали на право востребования не только ушедших (бежавших) из их имений хозяев сошных дворов, но и членов их семей, юксьялгов, лострейберов и батраков. Однако нередко это право не осуществлялось, и поэтому эти категории крестьян (в частности, лострейберы) на протяжении всего XVI в. на практике пользовались сравнительно значительной свободой передвижения.

Чем же вызывалась такая двойственность? Наиболее ценной группой крестьян в глазах феодалов были сошные крестьяне, точнее — хозяева сошных дворов, от которых они получали львиную долю феодальной ренты. Повинности, возложенные на другие категории крестьян, были относительно невелики, ограничиваясь, например, у лострейберов несколькими днями обязательного участия в толоке. Так как лострейберы являлись безземельными или же имели очень мало земли и инвентаря, к тому же нередко были людьми бессемейными, то их переход из одного феодального владения в другое был делом несложным и имел место довольно часто.

Между прочим, феодалы неоднократно прилагали усилия к ликвидации этой невыгодной, с их точки зрения, группы крестьян. Так, магистр Ордена Плеттенберг издал в 1507 г. постановление, в котором о лострейберах говорилось следующее: «Если какой-нибудь лострейбер не захочет наняться на весь год, то его следует схватить и немедленно сообщить об этом господину, и он должен будет существовать не на доходы от земли, а единственно на свое жалованье»⁴¹. Почти дословно это постановление повторяется в решении ливонского ландтага 1543 г.⁴² Однако, как показывают более поздние источники, попытки провести эти постановления в жизнь ни к чему существенному не привели. Аналогичное стремление к ликвидации прослойки лострейберов феодалы проявляли и в более позднее время (см., например, земское уложение Эрика Уксеншерны от 1645 г.).

Власть феодала над личностью крестьянина с особой отчетливостью выражалась в отчуждении крестьян без земли. Ко второй половине XV в. относится ряд документов об освобождении (*gevrighet*) того или иного крестьянина от власти бывшего господина путем уплаты известной денежной суммы тем феодалом, во владения которого он бежал. Денежные суммы, уплаченные при таком «освобождении», различны и колеблются в пределах 5—100 марок. По мнению известного буржуазного историка П. Иоганзена, такие большие колебания показывают, что размеры выкупа определялись размерами долга крестьянина феодалу, «а не ценностью человека самого по себе»⁴³. Таким образом, дело касается, как будто, лишь возмещения крестьянских долгов.

Однако более подробное изучение таких расписок, касающихся крестьян (*Bauernquittungen*), а также других источников приводит к выводу, что денежные суммы, уплаченные при «освобождении», отнюдь не связаны с долгом и что мы имеем здесь дело с выплатой компенсации наследственному господину крестьянина. Это подтверждается грамотой 1452 г., по которой один феодал (В. Гердесхаген) уплатил другому (Х. Ваккену) за одну крестьянскую семью в качестве отступного 100 марок. Весьма невероятно (что допускается и П. Иоганзен), чтобы долг крестьянской семьи мог достигать такой суммы (она равна цене приблизительно 10 тонн ржи). В большинстве случаев сумма, уплаченная при «освобождении», в 10—20 раз меньше. Так, Яаниский приют гор. Таллина в период с 1447 по 1497 г. «освободил» крестьян от других феодалов в 7 случаях, уплатив за крестьянина в трех случаях по 10 марок, в трех других — по 5, 6 и 7 марок, и лишь в одном случае за крестьянина и его сына приют уплатил 80 марок, но этот последний случай можно не принимать во внимание, так как здесь дело явно касается приговоренных за какое-то преступление к смертной казни, которых приют избавил от виселицы. Итак, за одного крестьянина приют платил феодалу по 10 или 5—7 марок; поскольку весьма трудно предположить, чтобы долг разных крестьян разным феодалам составлял каждый раз именно такую сумму, придется допустить, что скорее всего мы имеем здесь дело с уплатой компен-

³⁸ LGU, Bd. II. Riga 1923, Nr. 156, 190, 464.

³⁹ *Husgenoth* — определенная категория лострейберов, полностью лишенных земли и проживавших у сошных крестьян или юксьялгов.

⁴⁰ *Est- und Livländische Brieflade* (далее — Brfl.), I. Theil, Bd. I. Reval 1856, Nr. 1095.

⁴¹ AR, Bd. III, Nr. 36.

⁴² *Die altlivländischen Bauerrechte*. Neu herausgegeben von L. Arbusow, S. 117.

⁴³ P. J o h a n s e n. Beiträge zur älteren estnischen Agrargeschichte, S. 19.

сации бывшему господину за отказ от всяких претензий на принадлежавшего ему прежде крестьянина, причем в денежном выражении эти претензии отнюдь не должны были равняться действительной ценности крестьянина с точки зрения бывшего господина. Последнему приходилось идти на значительную «скидку», так как возвращение беглеца было сопряжено с трудностями; к тому же не было никакой гарантии, что крестьянин не убежит снова.

С конца XV в. в источниках вместо термина *gevrigheit* все чаще и чаще прибегают к термину *overlathen* (уступать), значительно лучше передающему содержание сделки. Наряду с этим в источниках появляются сведения и о продаже (*verkoop*) крестьян. Необходимо отметить, что этот термин применяется в отношении крестьянина в трех совершенно различных значениях. Во-первых, он встречается в случаях, когда один феодал продает другому какую-нибудь деревню или двор вместе с крестьянами. Такая продажа на положение крестьянина не влияла — он оставался на своем прежнем месте жительства, и лишь повинности приходилось теперь нести в пользу другого феодала. Во-вторых, «продан» означало иногда, что феодал, от которого крестьянин бежал, за известную компенсацию отказывался от своих прав на него в пользу другого феодала. В-третьих, «продан» могло означать и продажу в прямом смысле слова — отдельно от земли и против воли крестьянина. Прибалтийско-немецкие и буржуазные авторы пытались отрицать наличие таких сделок. Однако, хотя лаконичные формулировки расписок, касающихся крестьян (*Bauernquittungen*), часто не позволяют со всей определенностью решить вопрос о том, имеем ли мы дело с «уступкой» или «продажей» в прямом смысле слова, все же источники доставляют явные свидетельства о продаже крестьян без земли. Так, один из феодалов северной Эстонии, Якоб фон дем Левенвольде, считает себя вправе «давать крестьян взаимны, дарить, менять и оставлять своим хорошим друзьям..., а юксылгов и лострейберов переселять в другое место»⁴⁴. Еще более отчетливо наличие случаев продажи крестьян вытекает из другой грамоты, относящейся также к северной Эстонии. Она была составлена в 1544 г. и опубликована уже свыше 100 лет тому назад, но исследователи до сих пор не обращали на нее внимания. По этой грамоте, Клаус Мекес «обещает, дарует и уступает» своему сыну Иоганну в собственность (*zu erb und eigen*) двух крестьян с их женами и с их уже имеющимися и будущими детьми. Особого внимания заслуживают те права, которые Иоганн Мекес в связи с этим приобретает в отношении своих новых наследственных крестьян, а именно — право их «уступать, продавать и отдавать. И если они скроются или убегут, то по этой расписке [он имеет право] требовать их возвращения и вернуть их к себе»⁴⁵. Последняя часть цитаты отчетливо показывает, что в данном случае речь идет о продаже не беглых, а живущих на месте крестьян.

Некоторые сведения, относящиеся к периоду, предшествовавшему Ливонской войне, касаются обмена крестьян на скот, зерно и т. д. Конечно, продажа или обмен крестьян отнюдь не были обычными явлениями. Руссов также отметил, что так поступали «некоторые дворяне»⁴⁶. Массового характера это явление не приобрело и впоследствии. Однако наличие таких фактов неоспоримо свидетельствует о крайне бесправном положении крестьянства и указывает на становление наиболее тяжелых форм крепостничества.

Вполне естественно, что все это предполагало безраздельную полицейскую и судебную власть феодала над крестьянином. Немецко-датские завоеватели начали захватывать судебную власть в свои руки еще в ходе завоевания. Первоначально судебная власть принадлежала единственно лишь ландесгеррам — датскому королю, тартускому и сааре-ляненскому епископам и Ордену, каждому, конечно, на своей территории. На практике судебную власть осуществляли уполномоченные ландесгеррами на то лица совместно с крестьянскими заседателями (так наз. *rechtsfinder*). На территории, которая не была роздана в лен, такая система просуществовала вплоть до Ливонской войны. Иное положение сложилось в частновладельческих имениях. Уступая право непосредственной феодальной эксплуатации крестьян того или иного района своему вассалу, ландесгерр должен был предоставить и предоставлял ему средства к обеспечению такой эксплуатации — полицейскую и судебную власть.

Первоначально вассалы были обременены ограниченной, так наз. низшей судебной властью; если дело шло о вынесении смертного приговора подсудимому, то оно входило в компетенцию ландесгерра. Однако со временем вассалы обрели и высшую судебную власть, хотя мы и не можем ясно определить, когда это случилось в той или иной части страны. В Харью-Виру, во всяком случае, это право принадлежало вассалам по составленному около 1315 г. так наз. праву Вальдемара—Эрика. Несколько позднее право на высшую судебную власть приобрели также вассалы епископств, и, как показывают соглашения о выдаче беглецов начала XVI в., в то время обремененность вассалов Ордена на территории Эстонии высшей судебной властью было обычным явлением.

Таким образом, можно сказать, что корни закрепощения эстонского крестьян-

⁴⁴ Brfl., I. Theil, Bd. I, Nr. 1495.

⁴⁵ Там же, Nr. 1236.

⁴⁶ Balthasar Russow. Chronica der Provintz Lyfflandt. Bart 1584, S. 18.

ства уходят в XIV в. На большей части территории Эстонии принципы крепостничества побеждают в отношении основной массы крестьянства в первой половине XV в. Интенсивное развитие мызно-барщинного хозяйства началось позднее — оно датируется последними десятилетиями XV в. Поэтому может возникнуть вопрос, как же конкретно в отношении Эстонии применить известное высказывание Маркса: «Там, где существовала барщина, она редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины»⁴⁷. Нам представляется, что этот тезис вполне применим и к становлению крепостного состояния в Эстонии. Дело в том, что высказывание К. Маркса, не следует понимать в таком смысле, что крепостное состояние возникает лишь тогда, когда отработочная рента стала безраздельно господствующей формой феодальной ренты. В Эстонии, а также в ряде других стран барщина и крепостное право были взаимно обусловлены. Известное экономическое значение отработочная рента имела на территории Эстонии уже в XIII—XIV вв., победа же мызно-барщинной системы могла в местных условиях осуществиться лишь при наличии очень прочной феодальной зависимости крестьянства. Взаимосвязь и взаимообусловленность крепостного состояния и барщины проявлялись также в том, что там, где удельный вес барщины был выше (в Харту-Виру), принципы крепостничества укоренились раньше и прочнее, а там, где мызно-барщинное хозяйство развивалось медленнее (в Сааре-Ляэнском епископстве), победа крепостничества потребовала более длительного времени.

Во второй половине XVI и начале XVII в., когда Ливония являлась аренной опустошительных войн и на протяжении некоторого времени была разделена между враждующими друг с другом государствами, феодалам было значительно труднее препятствовать бегству крестьян и поэтому крестьяне пользовались на деле значительно большей свободой переселения, чем прежде. Так, ревизия 1624—1627 гг. в южной Эстонии выявила, что почти треть всех крестьян поселилась в чужих имениях⁴⁸. Ярвамааский вакенбух 1564 г. показывает, что в течение одного лишь года свои дворы покинуло 14 крестьян — 1,5% от общего количества крестьян, занесенных в вакенбух⁴⁹.

С превращением всей территории Эстонии в колониальную провинцию Швеции во второй четверти XVII в. складываются предпосылки для окончательного юридического оформления крепостного права. Шведское правительство специальными документами закрепило в законодательном порядке крепостнические отношения, на деле давно уже ставшие господствующими. Эстляндская губерния (северная Эстония) и теперь опередила Лифляндию: в Эстляндии земское уложение Эрика Уксеншерны было введено в действие в 1645 г., тогда как в Лифляндии земское полицейское уложение Тотта вошло в силу в 1671 г.

⁴⁷ К. Маркс. Капитал, т. I. М. 1949, стр. 242.

⁴⁸ Eesti rahva ajalugu, II kd. Tartu 1933, lk. 932.

⁴⁹ ЦГИА Эст. ССР, ф. 1, оп. 2, д. 933.

Ю. М. Гроссман

ФОЛЬВАРКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМЕНИЙ РУССКОГО И БЕЛЗСКОГО ВОЕВОДСТВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

Характер фольварочно-барщинной системы, ее роль и ее значение часто оцениваются по-разному, что в известной степени объясняется недостаточной изученностью самих фольварков. Работ, специально посвященных фольварочному хозяйству, в частности на территории западноукраинских и смежных польских земель, немного¹. Источниками лучше всего освещаются государственные имения. Люстрации (ревизии) королевских (государственных) имений-старост за 1564—1565 и 1570 гг. опубликованы². Они касаются Снятынского, Галицкого, Тереховельского, Рогатинского, Стрыйского, Дрогобычского, Самборского старост, Озиминской волости, Жидачевского староства, жуп Русской земли, Городокского, Львовского, Перемышльского, Лежайского, Захемского, Санюкского, Красноставского, Холмского, Городельского, Грубешовского, Тишовецкого, Грабовецкого, Белзского, Сокальского, Любачевского, Каменецкого, Любомльского и Ратненского староств (всего 28)³. Люстрации охватывают не только деревни, находившиеся непосредственно в старостах, но частично и бывшие в «доживотном» (пожизненном) или каком-либо ином держании у шляхты (табл. I).

В таблице I бросается в глаза, что за очень непродолжительное время число государственных деревень, описанных люстрациями, сократилось с 588 до 321, т. е. на 45,5%. Конечно, целые староста так быстро не исчезали. Люстрации части королевщин 1570 г. не проводились или же, скорее всего, просто не попали в число опубликованных в «Жерелах», что связано с вопросами сохранности и организации хранения источников. Отнюдь не исчезли, например, Самборское староство, Озиминская волость, Лежайское и некоторые другие староста, не представленные в опубликованных люстрациях 1570 г. Такие староста, как Ратненское, Любомльское, не описаны в 1564—1565 гг. и «появляются» в 1570 г. Но даже если взять только те староста, которые описаны в обеих люстрациях, то и тогда можно увидеть, что число деревень в них уменьшилось с 316 до 279, т. е. на 11,7%. Возможно, приведенные числа нуждаются в уточнении. Дело в том, что ревизии подвергались все имения, непосредственно входившие в староста, но не все деревни, формально считавшиеся королевскими, а в действительности находившиеся в руках шляхты, так как шляхтичи держали эти имения на основании разных прав. Иногда, хотя и редко, не ревизовавшиеся раньше королевские имения возвращались в староста, но гораздо чаще случалось обратное, причем имения навсегда уходили из старост и со временем становились полной собственностью шляхты. Во всяком случае, нет сомнений, что приведенные выше числа отражают происходивший процесс уменьшения числа королевских имений и увеличения за их счет шляхетских владений.

В большинстве случаев шляхта захватывала не просто деревни, а определенные хозяйственные единицы — деревню (или деревни) с фольварком. Характерно, что

¹ Содержательный и чрезвычайно интересный обзор польской литературы (особенно марксистской) по аграрной истории написан Ежи Топольским (см. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г. М. 1961, стр. 408—438). Кроме того, недавно вышла очень ценная книга: A. W y c z a ŋ s k i. *Studia nad folwarkiem szlacheckim w Polsce w latach 1500—1580*. Warszawa 1960 (рецензию на нее: А. Мачзак. — «Przegląd Historyczny», 1961, zesz. 2).

² Жерела до історії України-Русі (далее — Жерела), тт. I—III и VII. Львів 1897—1903.

³ В «Жерелах», кроме того, помещены материалы люстраций Хмельницкого, Каменецкого (Подольского) и Скальского старост, не входивших в состав Русского или Белзского воеводств. Люстрация Коломыйского староства касается только гор. Коломы.

Количество государственных деревень и фольварков в Русском и Белзском воеводствах

Владения	В 1564—1565 гг. в 26 старостах			В 1570 г. в 20 старостах		
	деревни	фольварки	количество деревень, приходящихся на один фольварк	деревни	фольварки	количество деревень, приходящихся на один фольварк
В старостах	474	91	5,2	236	55	4,3
В шляхетских «дер- жаниях»	114	51	2,2	85	30	2,8
Всего	588	142	4,1	321	85	3,8
В 18 сопоставимых старостах						
В старостах	217	56	3,9	194	48	4,0
В шляхетских «дер- жаниях»	99	38	2,6	85	30	2,8
Всего	316	94	3,4	279	78	3,6

Примечания.

1. В 1564—1565 гг. не описаны Любомльское и Ратненское староства.

2. Люстрация 1570 г. из вышеперечисленных 28 староств не описывает Самборское староство, Озиминскую волость, Перемышльское, Лежайское, Санокское, Грубешовское, Белзское и Жидачевское староства.

3. Под 18 сопоставимыми староствами имеются в виду Снятынское, Галичское, Тербовельское, Рогатинское, Стрыйское, Дрогобычское, жупы Русской земли, Замехское, Красноставское, Холмское, Городельское, Тишовецкое, Грабовецкое, Сокальское, Любачевское, Каменецкое, Львовское и Городокское.

количество деревень, приходящихся на один фольварк, существенно не меняется. В первой половине таблицы 1, правда, мы видим довольно значительное уменьшение количества деревень, приходящихся на один фольварк в старостах (с 5,2 до 4,3), хотя при этом немного меняется в обратную сторону соотношение в шляхетских владениях (2,2 и 2,8)⁴. Однако в случаях, когда речь идет об одних и тех же старостах, никаких сколько-нибудь заметных изменений в этом соотношении не обнаруживается: в старостах приходилось 3,9 деревни на один фольварк, а через пять лет стало 4,0, в шляхетских «королевских» селах было 2,6, — стало 2,8. Некоторое увеличение числа деревень относительно фольварков объясняется, видимо, наблюдавшейся тогда закладкой новых населенных пунктов.

Таблица 1 показывает, что в шляхетских владениях фольварков было больше: во всех случаях количество деревень, приходящихся на один фольварк, у шляхты меньше. В 1564—1565 гг. в старостах на фольварк приходилось 5,2 деревни, а у шляхты, владевшей королевскими деревнями, — 2,2, в 1570 г. — соответственно, 4,3 и 2,8. Подобную же картину дают 18 сопоставимых староств: в 1564—1565 гг. в старостах на 1 фольварк приходилось 3,9 деревни, а у шляхты — 2,6, в 1570 г. — соответственно, 4,0 и 2,8.

Термин «фольварк» современники понимали довольно широко. Фольварками назывались как крупные сельские хозяйства, главным образом земледельческие, так и совсем маленькие (часто меньше крестьянского) хозяйства; фольварками же назывались и сельские хозяйства мещан. Некоторые фольварки едва были в состоянии обеспечить держателя имени необходимыми продуктами. В Белзском старостве в дер. Роликов (ее держали два шляхтича) было два фольварка, в каждом из них собирали по 60 коп озимых и 30 коп яровых⁵. В Галичском старостве в дер. Долгопотов в фольварке собирали 120 коп овса для скота⁶; этот фольварк имел всего один лан

⁴ В 1570 г. по сравнению с 1564—1565 гг. не описан ряд староств — такие, как Перемышльское, Санокское, Самборское, Озиминская волость. В них было очень много деревень, расположенных в горных районах, где не было фольварков.

⁵ Жерела, т. III, стор. 211—212.

⁶ Там же, т. I, стор. 113.

земли⁷. Подобное положение наблюдалось и в дер. Монастырь Стрыйского староства. Тут засевали овсом одно двориче и собирали 100 коп урожая⁸. В том же старостве в дер. Корчин шляхтич Грицко на «пустом» полудвориче устроил себе фольварочек и, видимо, сам его обрабатывал⁹.

Анонимный автор «Письма шляхтича шляхтичу» (1607 г.) считал, что для крестьянского хозяйства, которое могло бы исправно нести все повинности, в том числе 3-дневную в неделю барщину, необходимо иметь урожай в 100 коп хлеба¹⁰, т. е. примерно лан или двориче. Правда, большинство крестьян имело полулановые наделы. Как видно, и фольварки иногда были размером с крестьянское хозяйство или даже меньше.

Барские фольварки появились, конечно, задолго до XVI в. и, как отмечали многие польские историки, существовали уже в период расцвета европейского феодализма. Считается даже, что в XVI в. новые шляхетские фольварки возникали редко (не считая семейных разделов), так как все фольварки свое происхождение вели из далекого прошлого¹¹. Однако, когда речь идет о развитии фольварочно-барщинного хозяйства в конце XV — первой половине XVII в., мы имеем в виду не просто барское хозяйство, ведущееся для обеспечения непосредственных потребностей феодала, а фольварки, рассчитанные на производство для рынка.

Очень маленькие фольварки встречаются обычно в деревнях, находившихся в руках мелкой шляхты. Отсюда следует, что приведенные выше цифры, свидетельствующие о наличии в государственных имениях, находившихся в шляхетском держании, большого количества фольварков, требуют коррективов, правда, незначительных, так как совсем маленьких фольварков было немного.

Встречаясь хозяйство сравнительно очень большие. Подзамковый фольварк Городельского староства дал в 1565 г. свыше 2300 коп хлеба, Стрелецкий фольварк того же староства — 2500 коп¹², Подмейский фольварк Грубешовского староства — свыше 3000 коп¹³ и т. д. Эти фольварки были в десятки раз крупнее маленьких. Если небольшие фольварки, получавшие 100—200 коп хлеба, располагали 1—2 ланами (т. е. 20—40 га) и меньше, то большие товарные фольварки имели по 20—30 ланов (т. е. 400—600 га) и более пахотной земли.

Главными сельскохозяйственными культурами были рожь, пшеница, ячмень, овес, а также «татарка» (гречиха), просо, горох. Обычным считался урожай сам-5 или даже немного выше. Однако отклонения (не говоря о различной урожайности отдельных культур) бывали большие, что связано не только с климатическими условиями, но прежде всего с качеством почвы и агротехникой. Едва ли в сколько-нибудь значительных размерах использовались удобрения; скота было не так уж много, причем значительную часть года его пасли на многочисленных пастбищах. Основным способом повышения урожайности считался чистый пар.

Фольварочные поля (если не все, то по крайней мере часть их) совместно со всеми полями деревни в зависимости от принятой системы земледелия делились на два или больше полей (конов). При этом в каждом коне общины фольварку принадлежала определенная доля, часто чересполосно с крестьянскими землями¹⁴. Для всей общины был обязательным принудительный севооборот. В дер. Местковичи Самборского староства, где имелся фольварк, было одно поле и огород, за пользование ими крестьяне платили чинш в 1 злотый 6 грошей, но «так как эта пашня лежит между другими пашнями, которые каждый третий год под паром лежат, то также и этот кусок [пашня] пожитку не составляет, поскольку отлогом с другими [вместе] должен лежать; итак, вычтя третью часть из этого чинша, в год постоянно [чинш] составит 24 [гроша]»¹⁵.

Наиболее распространенным было трехполье¹⁶. Например, в Дрогобычском старостве по «обычаю этой местности» «разделяют пашни на три поля»¹⁷. То же было в Перемышльском старостве: тут (дер. Поповце) лан имел в ширину 40 загонов, а «в длину на три поля делят себе поля... кмети, имея в одном поле 8 стай, в другом и третьем так же...»¹⁸. При трехполье поля чередовались так, что одно из них каждый третий год отдыхало (пар). Иногда бывало, что при этом не все три поля были одинакового размера. При севообороте яровые — озимые — пар это не совсем понятно.

⁷ Позднее тут осадил два, по-видимому, полулановых, хозяйства (Жерела, т. VII, стор. 172).

⁸ Жерела, т. VII, стор. 198.

⁹ Там же, т. I, стор. 194.

¹⁰ A. Szelągowski. Rozwój ekonomiczny i społeczny w Polsce do r. 1795, Lwów 1907, str. 71.

¹¹ A. Wyszaiński. Studia..., str. 27—28.

¹² Жерела, т. III, стор. 93.

¹³ Там же, стор. 113.

¹⁴ Ср. A. Wyszaiński. Studia..., str. 150—151.

¹⁵ Жерела, т. I, стор. 252.

¹⁶ Ср. A. Wyszaiński. Studia..., str. 154.

¹⁷ Жерела, т. II, стор. 45; т. I, стор. 198.

¹⁸ Там же, т. II, стор. 98.

Надо полагать, что при наличии достаточного количества земли, всякого рода «примерков» к полям, «пусток», часто засевавшихся фольварком, «лазов» или «копанок» («новин») выравнивать поля за их счет было нетрудно. Из четырех главных культур (рожь, овес, пшеница, ячмень), на которые отводилась львиная доля посевных площадей, рожь и пшеницу сеяли осенью (лишь изредка небольшая часть их сеялась весной — видимо, для замещения погибшей частично озими или «выравнивания» ярового и озимого клиньев), а овес и ячмень — весной. При этом также встречались несоответствия в размерах ярового и озимого клиньев. Выход мог быть найден, видимо, лишь за счет «примерков».

Наряду с трехпольем довольно часто встречались двухполье и перелог. Двухполье люстраторы отметили в деревнях Кулясне¹⁹ Санокского староства, Моранчи²⁰ Перемышльского староства и др. В некоторых местах Дрогобычского староства «есть такой обычай, что только по два поля имеют в каждой деревне — на одном сеют три года и на другом также три года»²¹. Иногда такая примитивная для XVI в. система была результатом нехватки рабочих рук и средств для поднятия нови. Описывая Войтовский фольварк около местечка Соль, люстратор отметил, что этот фольварк имел «два лана поля и обшаров или примерков понемногу, которые делят на два поля — одно лежит под паром, а на другом сеют, однако мог бы его [поле] приделать, кто бы захотел не пожалеть накладу на копание, ибо есть куда [раскапывать]»²². Возможно, речь идет здесь о третьем поле.

В Стрыйском старостве в дер. Монастыр пашню засевали овсом раз в три года, с тем чтобы два года земля лежала под паром²³. В дер. Дворче, или Садки, Львовского староства два года поле засевали, а два года оно лежало под паром; земли тут были хорошие, но не окультуренные («піе паргавні») ²⁴. В Смолинском фольварке Любачевского староства (этот фольварк был запущен — *opuszczone*) «на полях, которые отлогом лежат, сеют яровые...»; тут были плохие «белые» почвы²⁵. В том же старостве в дер. Люблинка в лесах «покопали», кто сколько хотел, земли и сеяли там, пока старые поля лежали отлогом (т. е. не обрабатывались)²⁶. Итак, «лазы», «обшары» или «копанки» крестьяне иногда использовали для того, чтобы дать «отлежаться» своим наделам. При этом они уклонялись от уплаты чинша за «лазы». Впрочем, в данном случае эти «лазы» у них забрали и стали осаживать на них деревню Воля Тарлова²⁷. На шесть лет оставляли поля под залежью и только на седьмой год сеяли за «скопщизну» (т. е. 7-ю копу) и собирали 300 коп хлебов в дер. Чарновица (Снятинского, а затем Галицкого староства)²⁸. Несколькими раньше люстраторы описали тут такую систему, одинаково применявшуюся шляхтичем — держателем села и крестьянами: сеяли три года подряд, пока земля не вырождается, а затем на три года оставляли отлогом²⁹. В Каменском старостве в дубравах были сенокосы, которые иногда вспахивали, а иногда оставляли отлогом³⁰.

Двухпольная и переложная система встречалась в большинстве случаев там, где были очень плохие земли или не хватало рабочих рук и средств, где имелись поля, которые лежали в стороне от основных пахотных земель и которые самому фольварку неудобно было тщательно обрабатывать. Их часто засевали крестьяне за 7-ю копу.

Фольварки — предприятия главным образом земледельческие. В то же время при большинстве фольварков были скотные дворы. Рабочий скот — рабочие волы, лошади — в фольварках имелся редко и в небольшом количестве.

«Обычный рогатый скот», т. е. волы и коровы, содержался для производства молока и мяса. В некоторых фольварках имелись также овцы на шерсть, молочные козы, почти повсюду были свиньи и птица. Скотные дворы держали преимущественно для удовлетворения потребностей старостинской администрации и довольствия челяди — обслуживавшего фольварк наемного персонала. «Пожиток» от коров люстраторы относили на покрытие денежного довольствия челяди. Характерно, что в фольварках было разное количество скота, следовательно, и «пожитка», количество же челяди почти всегда было неизменным. Несмотря на это, весь доход от скота целиком относился на прокорм челяди и не включался в доходы староства. Видно, администрация считала, что скот содержится для собственных нужд хозяйства.

На содержание челяди шла также часть хлеба в натуре. На семенной материал и «victus» (пропитание челяди) всегда выделяли пятую часть хлеба. Фактически эта цифра, — конечно, весьма «средняя». В новом Бабинском фольварке Самборского ста-

¹⁹ Жерела, т. II, стор. 272.

²⁰ Там же, стор. 169—170.

²¹ Там же, т. I, стор. 213.

²² Там же, т. II, стор. 5.

²³ Там же, т. I, стор. 190.

²⁴ Там же, т. III, стор. 411.

²⁵ Там же, стор. 280.

²⁶ Там же, стор. 290.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, т. VII, стор. 164.

²⁹ Там же, т. I, стор. 43.

³⁰ Там же, т. VII, стор. 270.

роста на посев оставляли: пшеницы и ржи — 60 клод, яровой ржи — 10 клод, ячменя — 45 клод, овса — 45 клод, всего 160 клод, кроме того, 1 клоду гречихи, по полкловды гороха и проса, полкловды конопли и совсем немного маку и льну, а всего свыше 162,5 клоды. «Живность», т. е. пропитание, на 7 человек челяди была определена так: ржи — 6,5 клоды, ячменя на крупу и для кур — 2 клоды, пшеницы — $\frac{1}{8}$ клоды, всего $8\frac{5}{8}$ клоды; кроме того, гороху — $\frac{1}{4}$ клоды, гречихи на крупу — $\frac{1}{2}$ клоды и $\frac{1}{4}$ клоды конопляного семени³¹. Если семени и «живность» составляли вместе пятую часть (в данном случае немного меньше — около 18,5%), то «живность» составляла едва 5,6% от одной пятой, иначе — около 1% урожая. В фольварке в Новом Самборе того же староства³² на долю «живности» приходилось уже 2,8% урожая, но при этом в «живность» был включен и расход на содержание мельника и писаря³³. При плохом урожае на «живность» приходилась несколько большая доля урожая³⁴. Большую долю урожая «живность», естественно, составляла в меньших фольварках. В общем на содержание челяди предназначалась небольшая часть из оставляемых 20% урожая³⁵.

Во второй половине XVI в. быстро растет объем барщинных повинностей крестьян. Тем не менее значительное расширение фольварочного хозяйства приводило к тому, что рабочих рук часто не хватало. В Санокском старостве, насчитывавшем 51 деревню, было всего 4 фольварка, производивших 4342 копы (2326 $\frac{1}{4}$ корца) хлеба. Регулярная барщина имела место только в 8 деревнях: в трех — ежедневно с 1 лана. в трех — два дня в неделю, в одной — три дня в неделю и в одной — один день в неделю. Из других деревень 10 были чиншевыми, крестьяне остальных деревень работали в фольварках по 2—4 дня в год. Всего фольварки получали 13 129 дней тяглой барщины от «регулярных» сел и 1248 тяглых дней от других деревень, в основном в жатву, а всего 14 377 дней. Кроме того, 25 загородников работали «пешно», что прикажут. В этом старостве, как видно, объем барщины был немалым (около 6,2 барщинного дня на производство 1 корца), но и тут можно было бы производить больше хлеба, ибо «есть кем работать, потому что много деревень осело»³⁶.

Прямые жалобы на нехватку рабочей силы довольно часты. Такие жалобы поступали из Снятинского и из Львовского староства: здесь много хорошей земли, «но так как деревни, которые побольше и побогаче, будучи наделены привилегиями, не хотят работать больше, чем в соответствии со своими привилегиями, т. е. некоторые по 8 дней, а некоторые также по 14 дней в год, а эти деревни имеют в своем держании [посесси] земли большие и непомерные, поэтому мало есть людей для работы, потому и в фольварках немного родится»³⁷. В Глинянском фольварке того же Львовского староства «не было достаточно людей для обработки полей и для других работ». В результате производство хлеба упало тут с 2000 коп и больше до 800 коп³⁸.

В местечке Тишовец одноименного староства «фольварочные поля, которые из-за недостатка людей и большой [их] бедности фольварк не может обработать, засевают мещане с скопщизны»³⁹. В дер. Угерско Стрыйского староства один лан, на котором раньше был фольварк, отдали крестьянам, только вместо скопщизны они платили за пользование им чинш в сумме 32 злотых⁴⁰. Таким образом, «скопщизна» в известной мере — результат того, что в распоряжении фольварка не было достаточного количества рабочих рук. Встретить же «скопщизну» можно в очень многих местах, в частности во многих селах Галицкого староства⁴¹.

Большой интерес представляет географическое распределение фольварков. Больше всего их было в районах Буга, Сана и других рек, тяготеющих к Балтийскому бассейну. Эти северо-западные районы были наиболее развиты и имели в большинстве случаев хорошие транспортные возможности для сплава хлеба. В 14 староствах, описанных

³¹ Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Archiwum Skarbu Koronnego, t. zw. ML, dział IV, Nr. 22 — Inwentarz starostwa samborskiego 1568, k. 270—273 (микрофильм).

³² Там же, к. 249—250, 254—255.

³³ В Люблинском воеводстве в королевских фольварках (1565 г.) на «victus» шло около 3% ржи и значительно меньше других хлебов (A. Wysz a ń s k i. Studia..., str. 192).

³⁴ В сравнительно небольших фольварках в королевских селах Бонов и Боновская Воля Перемышльского староства, находившихся в пожизненном владении у шляхтича, в 1616 г. на челядь (число ее неизвестно) при плохом урожае было оставлено 11,5% урожая (расчеты сделаны по инвентарю — ЦГИА УССР во Львове, ф. 13, т. 616, стр. 1825—1830).

³⁵ Следует иметь в виду, что в шляхетских имениях на собственные нужды оставалось больше продуктов (A. Wysz a ń s k i. Studia..., str. 190).

³⁶ Жерела, т. II, стор. 301.

³⁷ Там же, т. I, стор. 25; т. III, стор. 384. — Как видно, люстратор считал, что большие крестьянские хозяйства — помеха для увеличения барщины.

³⁸ Жерела, т. III, стор. 385.

³⁹ Там же, т. VII, стор. 296.

⁴⁰ Там же, стор. 196.

⁴¹ Там же, стор. 168, 169 и in.

в люстрациях 1564—1565 гг. и расположенных в этих районах (Перемышльское, Санокское, Лежайское, Белзское, Холмское, Красноставское, Любачевское, Каменецкое, Тишовецкое, Замехское, Городельское, Грубешовское, Грабовецкое, Сокальское), были 272 деревни с 73 фольварками, т. е. на один фольварк приходилось 3,7 деревни. Если же отбросить Перемышльское и Санокское староства (99 деревень с 10 фольварками), большая часть которых находилась в горных районах с многочисленными «валашскими» — скотоводческими деревнями, то получим, что на один фольварк приходилось 2,7 деревни. При этом многие фольварки этой части Русского и Белзского воеводств были крупными или даже очень крупными земельными хозяйствами.

Другая картина открывается в описанных в люстрациях 1564—1565 гг. десяти юго-восточных старостах, расположенных по Днестру, Стрию, Пруту, Серету и другим рекам, тяготеющим к Черноморскому бассейну (Самборское, Рогатинское, Галицкое, Тереховельское, Снятынское, Озимино, Жидачевское, Стрыйское, Дрогобычское, жупы Русской земли). Тут на 251 деревню было 48 фольварков, т. е. на один фольварк приходилось 5,2 деревни. Если даже отбросить очень большое Самборское староство (91 деревня с 7 фольварками), большая часть которого была расположена в горной местности, где в основном занимались скотоводством, то и тогда на один фольварк все же придется 3,9 деревни. При этом тут было мало крупных фольварков. Иначе говоря, в этих районах было значительно меньше фольварков, чем в районах северо-запада. Кроме того, некоторые староства юго-востока были расположены поблизости от рек северного бассейна и хорошо связывались с ними гужевым транспортом — в пределах одного-двух дней пути (от Самбора до Перемышля примерно 50 км). Наконец, такие староства, как Львовское, частично и Городокское, хотя и лежали между двумя названными бассейнами, были, во-первых, расположены весьма близко к северным сплавным рекам, а во-вторых, находились около крупного города, каким был Львов. В этих старостах на 65 деревень был 21 фольварк, т. е. 3,1 деревни на 1 фольварк.

Попробуем определить, сколько на рассматриваемой территории производилось хлеба. В пяти старостах — Городельском, Грубешовском, Красноставском, Холмском и Сокальском — люстраторы указали, чему равна мера хлеба (корец) по отношению к гданьскому лашту (ласту)⁴². Произведя соответствующие вычисления, можно узнать количество собираемого здесь хлеба. Более или менее точно определить содержание корцов по отношению к гданьскому лашту возможно еще в 11 старостах — Белзском, Любачевском, Тишовецком, Любомльском (в 1570 г.), Лежайском, Перемышльском, Замехском, Санокском, а также Дрогобычском, Снятынском и Городокском⁴³. Следовательно, и по этим старостам может быть установлено количество полученного хлеба⁴⁴; исключение составляет Перемышльское староство, так как для него не указан урожай в корцах.

Сведем все эти данные в таблицу 2.

В таблице 2 указан только урожай в копах для «4 хлебов» (рожь, пшеница, овес, ячмень), так как в сообщениях люстраторов об урожае других культур не всегда содержится оценка его в копах, — иногда часть его показана в брогах, стертах, стогах с неизвестным числом коп в них. Поэтому, определяя число коп, приходившихся на 1 лашт, мы делили число коп «4 хлебов» на число лаштов «4 хлебов».

Несмотря на некоторые колебания, связанные с урожайностью, видно, что в первых пяти старостах, где размеры корца точно известны, на один лашт приходилось примерно 28 коп «четырех хлебов». В деревнях этих же старост, бывших в шляхетском держании, это число даже меньше — 26,55 копы на лашт. Хотя данных мало (4 фольварка), этот показатель не вызывает сомнений, так как цифры, касающиеся шляхетских держаний, аналогичны данным по старостинским фольваркам этих старост.

Что касается 10 старост, для которых значение корца выведено косвенным путем, то тут нужны пояснения. В 22 старостинских фольварках северо-запада на один лашт приходилось 25,8 копы «четырех хлебов». Если же исключить три фольварка

⁴² Городельских корцов в гданьском лаште было 19 (Жерела, т. III, стор. 77, 96), грубешовских — тоже 19 (там же, стор. 116), красноставских — 22,5 (там же, стор. 21), холмских — по всей вероятности, 20,9 (там же, стор. 63, 67) и сокальских — 24 (там же, стор. 235).

⁴³ Это удалось сделать, основываясь на указаниях ревизоров о том, что корец такой-то равен или на столько-то больше или меньше корца такого-то, о котором в другом месте сказано, что он равен, больше или меньше корца такого-то и т. д., причем какой-либо из этих образующих цепочку корцов приравнен в известной пропорции к корцу, размер которого известен. Любачевских, белзских, тишовецких, замехских, лежайских, городокских, дрогобычских и перемышльских корцов на один лашт шло приблизительно 26, санокских корцов — 19,5, любомльских — 15, снятынских «мац» — 22,5.

⁴⁴ Кроме охваченных таблицей 2 фольварков (74), в люстрациях упоминаются еще лишь отдельные небольшие фольварки, бывшие в этих старостах, но, поскольку урожай по ним не указан в корцах, они при составлении таблицы во внимание не приняты.

Производство хлеба в 15 старостах Русского и Белзского воеводств (1565 г.)

Староста	Кол-во учтен-ных фольвар-ков	Получено «четырёх хлебов», т. е. ржи, пшеницы, ячменя, овса				Всего хлеба в гданьских лаштах*
		коп	корцов (ме-рами соот-ветствующих старост)	гданьских лаштов	на 1 гдань-ский лашт приходится коп	
1	2	3	4	5	6	7

В 5 старостах с известными по люстрации размерами корцов

Северо-запад

Старостинские фольварки

Городельское	3	5 411	3 352,225	176,43	31,24	189,86
Грубешовское	8	9 782	6 964,95	366,58	26,68	391,34
Красноставское	5	6 223	5 486,125	243,83	25,52	251,91
Холмское	7	5 744	3 930,25	188,05	30,55	196,82
Сокальское	4	2 971,5	2 166,25	90,26	32,92	100,71
Всего	27	30 131,5		1 065,15	28,29	1 130,54
В процентах				94,21		100

Шляхетские держания

Красноставское	2	2 394	2 075,375	92,24	25,95	95,11
Холмское	1	550	380	18,18	30,25	20,72
Грубешовское	1	630	459,4	24,18	26,06	25,55
Всего	4	3 574		134,60	26,55	141,38
В процентах				95,20		100

В 10 старостах с установленными косвенным путем размерами корцов

Северо-запад

Старостинские фольварки

Любачевское	2	660	742,5	28,56	23,11	30,10
Белзское	4	6 333	6 733,65	258,99	24,45	265,11
Тишовецкое	2	1 625	1 618	62,23	26,11	62,98
Замехское	2	1 083	1 055	40,57	26,69	45,58
Лежайское	3	2 258,5	3 978,875	153,03	14,76	158,84
Санокское	4	3 893	2 137**	109,57	35,53	119,29
Любомльское (1570 г.)	5	3 942	1 713,2	114,26	34,50	126,07
Всего	22	19 794,5		767,21	25,80	807,97
В процентах				94,96		100

* Цифры этой графы получены так же, как и цифры графы 5, где показывается производство «четырёх хлебов», в гданьских лаштах: производство хлеба указано люстраторами в корцах, поскольку же значение корцов в данных старостах известно, то нетрудно определить объем произведенного хлеба в гданьских лаштах.

** Люстраторы отмечали неурожай из-за засухи (Жерела, т. II, стор. 301).

1	2	3	4	5	6	7
Шляхетские держания						
Любачевское	4	2 093,5	2 228,75	85,72	24,42	90,91
Белзское	7	4 755	4 375,15	168,28	28,26	173,46
Всего	11	6 848,5		254,00	26,96	264,37
В процентах				96,09		100
Центр						
Старостинские фольварки						
Городокское	5	4 755,5	4 094	157,46	30,20	178,54
В процентах				88,19		100
Юго-восток						
Старостинские фольварки						
Дрогобычское	2	1 456	655*	25,19	57,80	26,52
Снятынское	1	1 220	706,58**	31,40	38,83	37,27
Всего	3	2 676		56,59	47,29	63,79
В процентах				88,71		100
Шляхетские держания						
Любомльское (1570 г.)	1	2 218	1 436,5	55,25	40,14	64,15
Снятынское	1	932	528**	23,47	39,72	23,91
Всего	2	3 150		78,72	40,02	87,56
В процентах				89,90		100
Итого	74	70 930,0		2 513,73	28,22	674,15
В том числе:						
в старост. имениях	57	57 357,5		2 046,41	28,03	2 180,84
в шляхет. держаниях	17	13 572,5		467,32	28,61	493,31
В процентах				94,00		100
В том числе:						
в старост. имениях				93,88		100
в шляхет. держаниях				94,73		100

* Урожай этого года был очень плохой (особенно урожай овса). Люстраторы отмечали, что если бы такой урожай бывал всегда, то не стоило бы держать фольварки, ибо работа не окупилась бы. При хорошем урожае, как указывают ревизоры, собирали 1901 корец, в том числе «четырёх хлебов» — 1805 корцов (Жерела, т. I, стор. 219—220).

** Мера называется «маца». Описывая фольварки шляхетских держаний староства, люстраторы отмечают плохой урожай из-за засухи (Жерела, т. I, стор. 38), что, надо полагать, можно отнести и к старостинским фольваркам.

Лежайского староства, где был исключительно высокий урожай⁴⁵ (всего 14,76 копы давали лашт⁴⁶), то на один лашт придется 28,55 копы. Примерно такая же картина наблюдается в большинстве шляхетских фольварков этого же района, а также в фольварках Городокского староства, расположенного в центральном районе.

⁴⁵ Заметим, что в случае плохого урожая люстраторы обычно делали специальные оговорки. Если же урожай бывал хорошим, даже очень хорошим, оговорок обычно не делалось.

⁴⁶ Кстати, не исключено, что размер лежайского корца определен не совсем точно и несколько занижен.

Сведений по юго-восточному району очень мало. Во всех трех старостинских фольварках ревизоры отметили неурожай, особенно сильный в двух дрогобычских фольварках, поэтому на лашт тут приходилось в среднем 47,29 копы. Из двух шляхетских фольварков в одном люстраторы отметили неурожай, в другом же, сведения о котором относятся к 1570 г., хотя подобной оговорки и нет, картина такая же. Поэтому тут в среднем на лашт приходится 40,02 копы.

Интересно отметить, что в случаях, когда имелись значительные отклонения урожайности в сторону снижения, т. е. число коп «четыре хлеба», приходящихся на один лашт, значительно превышало 27—28, люстраторы почти всегда отмечали неурожай. Так было в упоминавшихся фольварках Дрогобычского и Снятынского староств и в четырех старостинских фольварках Санокского староства (35,53 копы на лашт). Что касается 5 старостинских фольварков Любомльского староства (34,50 копы на лашт) и одного шляхетского фольварка Дрогобычского староства (40,14 копы на лашт), то сведения о них относятся к 1570 г., когда условия могли быть несколько иными. Эти фольварки существовали и в 1564—1565 гг., однако данных за эти годы нет и их пришлось заменить данными за 1570 г.

Когда мы пользовались размерами корцов, установленными косвенным путем, число коп, приходящихся на лашт, оказалось примерно соответствующим числу их, определенному в случае, когда использовались корцы с известными размерами. Это подтверждает, что выведенные значения корцов для 10 староств близки к истинным. Полагаем (если отвлечься от обычных колебаний), что число коп на один лашт во всех районах было приблизительно одинаковым. Если отбросить 5 фольварков юго-востока, где был неурожай, то в среднем на 1 лашт придется 27,37 копы. Видимо, это число, округлив его до 27,4, и можно принять за среднее.

Число коп известно почти во всех фольварках, упоминавшихся в люстрациях. Разделив урожай в копах на среднее число коп, приходящихся на 1 лашт (27,4), узнаем приблизительный объем производства хлеба в фольварках, расположенных в староствах, где величина корца нам неизвестна. Таким же образом можно установить объем производства хлеба в лаштах и в фольварках, расположенных в староствах с известными размерами корцов, но которые раньше не учитывались из-за отсутствия сведений о количестве полученных корцов.

Как видно из таблицы 2, в среднем «четыре хлеба» составляли 94% всех собранных хлебов⁴⁷. Теперь определим общее производство хлеба в тех староствах, где размер корца неизвестен. Соответствующие данные приводятся в таблице 3.

Объединив данные таблицы 2 об общем количестве произведенного в 15 староствах хлеба с аналогичной графой таблицы 3, в которой речь идет об остальных староствах и фольварках, не учтенных ранее, получим общую картину производства хлеба в государственных имениях⁴⁸ (табл. 4).

Выше отмечалось, что размеры фольварков были различными. Таблица 4 дает возможность представить, хотя и очень приблизительно, размеры площади «среднего» фольварка. В самом деле, если «средний» фольварк производил около 30 лаштов хлеба, или (если произвести обратное «превращение» лаштов в копы путем умножения на 27,4) 822 копы, то при условии, что с одного лана собирали более 100 коп⁴⁹, получим площадь среднего фольварка — около 8 ланов. При этом фольварки шляхетских держаний, как правило, бывали меньше. В то время как старостинский «средний» фольварк производил почти 34 лашта и располагал, видимо, 9 ланами земли, «средний» шляхетский фольварк давал лишь 21,36 лашта, т. е. занимал примерно около 5,5 лана⁵⁰.

Как видно из таблицы 4, все фольварки производили 4551 лашт хлеба. Цифра эта является несколько заниженной — по следующим причинам: 1) в некоторых фольварках урожай указан после отчисления десятины (ее брали в поле), точный размер которой неизвестен; 2) сбор хлеба в нескольких фольварках, которые существовали в 1565 г., но о которых данных за этот год нет, показан по сведениям за 1570 г., который, по всем данным, был менее урожайным; 3) данные «Жерел» об урожае по Самборскому староству занижены (это, по всей вероятности, касается и Перемышльского староства, в отношении которого указан объем урожая 1564 г.: в следующем году урожай был намного выше, причем урожай 1565 г. ревизоры наблюдали

⁴⁷ По А. Вычанскому, в шляхетских фольварках на долю «четыре хлеба» приходилось 92% (А. W y c z a ń s k i. *Studia...*, str. 148).

⁴⁸ В таблицу 2 включены данные о 6 фольварках за 1570 г., в таблицу 3 — о 5 фольварках за этот же год. Так пришлось поступить потому, что данных за 1564—1565 гг. по этим фольваркам нет. Сами же фольварки в то время существовали. Этим, между прочим, объясняется расхождение в общем числе фольварков (142 и 153) в таблицах 1 и 4.

⁴⁹ Например, фольварк в королевской деревне Боновской Воле Перемышльского староства, находившейся в пожизненном владении у шляхтича, располагал 2,5 лана земли. В 1616 г. тут всего было собрано 270 коп ржи, пшеницы, ячменя, овса, гречихи. (ЦГИА УССР во Львове, ф. 13, т. 616, стр. 1825—1830). Правда, в этом году урожай был, видимо, ниже среднего.

⁵⁰ А. Вычанский определяет ареал среднего шляхетского частновладельческого фольварка в Малой Польше в 4 лана (А. W y c z a ń s k i. *Studia...*, str. 84).

Таблица 3

Производство хлеба в фольварках староств, где неизвестны величина или количество полученных корцов (1565 г.)

Староства	Число учтенных фольварков	Количество коп «четырёх хлебов»	Количество лаштов «четырёх хлебов»	Общее количество лаштов (при условии что «4 хлеба» составляли 94% урожая)
<i>Северо-запад</i>				
Старостинские фольварки				
Грабовецкое	3	1 100	40,15	42,71
Каменецкое	2	3 385	123,54	131,43
Перемышльское	5	2 190	79,93	85,03
Ратненское (1570 г.)	2	879,5	32,09	34,14
Всего	12	7 554,5	275,71	293,31
Шляхетские держания				
Любачевское	1	1 275	46,53	49,50
Белзское	2	180	6,57	6,99
Красноставское	1	643	23,47	24,97
Всего	4	2 098	76,57	81,46
<i>Центр</i>				
Старостинские фольварки				
Львовское	6	3 716,5	135,64	144,29
Шляхетские держания				
Львовское (в т. ч. за 1570 г.)	13 (3)	5 463 (916)	199,38 (33,43)	212,11 (35,56)
<i>Юго-восток</i>				
Старостинские фольварки				
Стрыйское	1	1 180	43,07	45,82
Жупа Дрогобычская	1	250	9,12	9,70
Жупа Сольская	1	955	34,85	37,07
Жидачевское	2	250	9,12	9,70
Волость Озиминская	3	3 378	123,28	131,15
Самборское	7	6 151	224,49	238,82
Теребовельское	4	2 450	89,42	95,13
Галичское	3	3 524,75	128,65	136,86
Рогатинское	5	3 583,5	130,78	139,13
Всего	27	21 722,25	792,78	843,38
Шляхетские держания				
Жупа Сольская	1	370	13,50	14,36
Волость Озиминская	1	250	9,12	9,70
Теребовельское	8	2 882	105,18	111,89
Галичское	6	4 147,5	151,38	161,05
Снятинское	1	140	5,11	5,44
Всего	17	7 789,5	284,29	302,44
Итого	79	48 343,75	1 764,37	1 876,99
В том числе:				
старостинские фольварки	45	32 993,25	1 204,13	1 280,99
шляхетские держания	34	15 350,5	560,24	596,00

Таблица 4

Производство хлеба в Русском и Белзском воеводствах в королевских старостинских имениях и в королевских имениях, находившихся в шляхетском держании, в 1564—1565 гг. (в гданьских лаштах)

Имена	Число учтенных фольварков	Произведено хлеба	
		всего	на 1 фольварк
Северо-запад			
Старостинские фольварки	61	2 231,82	36,59
Шляхетские держания	19	487,21	25,64
Всего	80	2 719,03	33,99
Центр			
Старостинские фольварки	11	322,83	29,35
Шляхетские держания	13	212,11	16,32
Всего	24	534,94	22,29
Юго-восток			
Старостинские фольварки	30	907,17	30,24
Шляхетские держания	19	390,00	20,53
Всего	49	1 297,17	26,47
Итого	153	4 551,14	29,75
В том числе:			
старостинские фольварки	102	3 461,82	33,94
шляхетские держания	51	1 089,32	21,36

сами); 4) в некоторых фольварках, особенно на юго-востоке, люстраторы отмечали неурожай.

Полученное число можно смело округлить по крайней мере до 4600 лаштов. Оставив, как это обычно делали люстраторы, $\frac{1}{5}$ на посев и собственные нужды, получим 3680 лаштов товарного хлеба. Это немалая величина. Нужно иметь в виду, что королевская администрация и шляхтичи — «держатели» королевских деревень — получали, кроме того, значительное количество хлеба (главным образом овса, ржи, а также пшеницы) в виде даней. Общая масса товарного хлеба в Гданьске в 1579 г. составляла 16 000 лаштов⁵¹. Русское и Белзское воеводства (вместе с Холмской землей) располагали почти четвертью (23%) такого количества товарного хлеба. Мы, конечно, не хотим сказать, что весь этот хлеб шел в Гданьск. Однако очень значительная часть его действительно сплавлялась к Балтике. Висла и ее притоки являлись очень удобными водными путями и превратились в главную торговую дорогу, которой пользовалась и Червоная Русь⁵².

В сплаве по Висле доминирующее место явно принадлежало фольварочной продукции крупного землевладения — королевского, а также духовного и магнатского⁵³. Крупные имения не только обладали большой массой продукции, что делало сбыт более рентабельным, но и осуществляли сплав своими средствами. Поэтому основное место в сплаве принадлежало крупным имениям, хотя совокупное производство многочисленных распыленных частных шляхетских фольварков превосходило производство крупных имений⁵⁴.

Действительно, в северо-западных старостах рассматриваемой территории хлеб, несомненно, предназначался на экспорт через Гданьск⁵⁵. Не случайно сбор хлеба в северо-западных старостах иногда прямо оценивается в лаштах. Фольварки здесь, как видно из таблицы 4, были крупнее: если на северо-западе «в среднем» фольварк производил почти 34 лашта, то на юго-востоке — 26,47 лашта. Не случайно также королевские крестьяне северо-западных и прилегающих к ним старост так настой-

⁵¹ R. Rybarski. Handel i polityka handlowa Polski, str. 26 (цит. по кн.: A. Wyczański. Studia..., str. 198—199).

⁵² A. Szelągowski. Rozwój ekonomiczny..., str. 44.

⁵³ A. Wyczański. Studia..., str. 203.

⁵⁴ Там же, str. 120.

⁵⁵ Жерела, т. III, стор. 63, 67, 225 и ин.

чиво жаловались на крайнюю тяжесть «повозной» повинности, которая сильно возросла: хлеб надо было подвозить к портам.

Однако часть хлеба, главным образом на юге и юго-востоке, продавалась на местном рынке для внутреннего потребления. Около 1580 г. население городов и местечек Польши составляло примерно 22,8% населения страны⁵⁶. Хотя местечки, да и города носили зачастую аграрный характер, они все же частично потребляли покупной хлеб.

Много городов и местечек было, например, в Санокской земле, через которую также проходили важные и очень оживленные сухопутные и речные пути. Хлеб в Санокке, как замечает люстратор, обычно стоил дороже, чем в Перемышле, который лежит ниже по реке. Хотя хлеб из Санока «не спускают в Гданьск, все же и там, в этом краю он хорошо окупается каждый год, ибо города большие, людей в них осело достаточно, а часть [людей] часто приходит со всех сторон...»⁵⁷. Тут шла оживленная торговля и другими сельскохозяйственными продуктами, — например, «некоторые люди» покупали и продавали шерсть⁵⁸.

Потребитель хлеба имелся и в некоторых районах огромной территории Перемышльской, а также Галичской земли. На солеварном промысле, снабжавшем солью многочисленные районы Украины, Белоруссии и Польши (до Торуня, Быдгоща, Киева, Брест-Литовска⁵⁹), было занято очень много людей (в том числе и наемных рабочих), занимавшихся добычей, перевозкой и продажей соли и предъявлявших спрос на хлеб.

Большие города потребляли значительное количество хлеба. Не случайно крестьяне во многих случаях были обязаны возить хлеб именно туда. В Тереховском старостве, например, крестьяне некоторых сел обязаны были повозами до Львова и Галича. Вообще в этом старостве «не очень много на месте хлеба продают, только с накладом и с большим людским трудом возят временами некоторые хлеба во Львов за 18 миль, возят также некоторые в Галич...»⁶⁰. Основная масса хлеба для экспорта купцами приобреталась обычно на ярмарках в маленьких местечках⁶¹, следовательно, в большие города его возили в значительной мере для местного потребления. Какая-то часть хлеба могла продаваться и в других районах для удовлетворения их спроса. Хотя из Красностава выгодно было возить хлеб в Гданьск, но и в самом Красноставе и соседних городах его тоже было выгодно продавать⁶².

Едва ли мы ошибемся, сказав, что большая часть хлеба, производившегося в фольварках Русского и Белзского воеводств, шла на экспорт. Особенно значительную роль в этом отношении играли северо-западные районы, с давнего времени более развитые в экономическом отношении. Ст. Гербст даже высказал предположение, что объем вывоза хлеба зависел главным образом от социально-экономических условий (в данном случае от степени феодальной эксплуатации) и меньше — от выгодных почвенных или транспортных условий⁶³.

Использованные источники относятся к 60-м годам XVI в. и не дают возможности говорить о развитии фольварочно-барщинного хозяйства, хотя кажутся весьма симптоматичными неоднократно встречающиеся замечания люстраторов о том, что земли в данном старостве хорошие, их много и людей много, а следовательно, можно было бы создать больше фольварков; в некоторых же случаях прямо говорится о закладке новых фольварков. Сопоставив люстрации Львовского староства 1565, 1570 и 1617 гг.⁶⁴, можно утверждать, что здесь фольварочное производство выросло примерно в полтора раза. Несомненно возросло производство в Лежайском старостве. А конъюнктура была столь выгодной, что шляхта Русского воеводства еще в первых десятилетиях XVII в. была охвачена экспортной горячкой⁶⁵.

Отработочная рента, теснейшим образом связанная с фольварочным хозяйством, особенно быстро растет именно в последней трети XVI — начале XVII в.⁶⁶ Эти и некоторые другие данные позволяют считать, что во второй половине XVI в. феодальное товарное фольварочное хозяйство развивалось в целом по восходящей линии.

⁵⁶ St. Herb st. Miasta i mieszczaństwo renesansu polskiego. Warszawa 1954, str. 9.

⁵⁷ Жерела, т. II, стр. 230.

⁵⁸ Там же, стр. 305.

⁵⁹ W. Łoziński. Prawem i lewem, t. I. Lwów 1931, str. 139.

⁶⁰ Жерела, т. I, стр. 131, 132.

⁶¹ Cp. A. Wyczański. Studia..., str. 215.

⁶² Жерела, т. III, стр. 21—22.

⁶³ Ст. Гербст. Работы над историческим атласом Польши. — Историческая география («Вопросы географии», сб. 50). М. 1960, стр. 29.

⁶⁴ ЦГИА УССР во Львове, ф. Львовский гродский суд, т. 371, стр. 1240—1274.

⁶⁵ W. Łoziński. Prawem i lewem, t. I, str. 133.

⁶⁶ Ю. М. Гроссман. Развитие отработочной ренты в государственных имениях Русского и Белзского воеводств во второй половине XVI — первой половине XVII в. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г. М. 1961, стр. 94—100.

Н. А. Горская

УРОЖАЙНОСТЬ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII В.

Производительность сельскохозяйственного труда, воплощающая в себе итог деятельности земледельца на всех этапах сельскохозяйственного производства, — один из основных малоизученных вопросов, с которыми сталкивается исследователь сельского хозяйства Русского государства эпохи феодализма. Это объясняется крайней скудостью данных источников вплоть до XV в. включительно.

Прямой показатель производительности труда в земледелии — количество сельскохозяйственной продукции, приходящееся на одного работника. Данных об этом в нашем распоряжении пока нет. Однако важнейшим показателем уровня земледельческого производства является урожайность сельскохозяйственных культур, — разумеется, если источники, имеющиеся в распоряжении исследователя, делают возможным сравнительное порайонное изучение материала. Такие источники имеются для времени начиная с конца XVI в. и территориально охватывают в основном центральную часть Русского государства, т. е. те уезды, большинство которых впоследствии вошло в состав губерний нечерноземного, а отчасти и черноземного центра (таких, как Владимирская, Ярославская, Костромская, Московская, Тверская, Нижегородская, Рязанская, а также Смоленская на западе и Вологодская на севере). Таким образом, речь идет о земледельческом центре, который в XVI в. являлся для Русского государства основным районом зернового хозяйства.

Источниками сведений об урожайности земледельческих культур служат документы хозяйственной отчетности монастырей (Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого, Иосифо-Волоколамского)¹.

До недавнего времени в обобщающих исторических трудах и учебниках использовались данные об урожайности, приводимые в фундаментальном труде Н. А. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» и основанные на отрывочных показаниях лишь актового материала. Естественно, что сведения эти носят довольно случайный характер.

Из числа советских историков интересующего нас вопроса касались К. Н. Щепетов в статье «Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI в.»² (говоря об урожайности, он пользовался данными источников за один лишь 1592 г.) и Г. В. Абрамович, который на основании опубликованных материалов изучал урожайность на землях Кирилло-Белозерского монастыря в первой четверти XVII в.³ Производительность земледельческого труда при феодализме являлась также предметом исследования акад. С. Г. Струмилина в его статье «К истории земледельческого труда»⁴, в которой, однако, он пользовался в основном уже имеющимися в литературе данными.

В данной статье использованы все известные до настоящего времени опубликованные и неопубликованные источники, дающие возможность приступить к систематическому изучению вопроса, а именно — книги посевные, семенные, ужиные и умолотные, книги записей сбора монастырского хлебного оброка перечисленных выше монастырей конца XVI — начала XVII в.⁵ Некоторые дополнительные данные извлечены из актовых источников.

¹ «В средние века, — отмечал К. Маркс, — мы находим ведение книг в сельском хозяйстве только в монастырях» (К. Маркс. Капитал, т. II. М. 1949, стр. 131, прим. 12).

² «Исторические записки», т. 18, 1946.

³ «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1961, № 2.

⁴ «Вопросы экономики», 1949, № 2.

⁵ Неопубликованные книги хранятся в ЦГАДА, Государственном историческом музее (ГИМ), архиве ЛОИИ и Ленинградском областном историческом архиве (ГИАЛО).

Приходо-расходные денежные книги монастырей как источник по социально-экономической истории Русского государства получили в целом яркую и верную характеристику в исторической литературе⁶. Эту характеристику в основном можно отнести и к приходо-расходным хлебным книгам: монастыри были аккуратными хозяевами, стремившимися к возможно более точной фиксации доходов, поступавших к ним в результате реализации права феодальной собственности на землю.

Содержащийся в книгах значительный материал, охватывающий к тому же большую территорию, позволяет провести ряд сопоставлений и прийти к определенным общим выводам. Надо, однако, учитывать, что большинство сведений, сообщаемых нашими источниками, относится к урожайности на собственно монастырской пашне или на пашне монастырских крестьян.

Все выводы исследования сведены в таблицы, и наша задача заключается в том, чтобы их прокомментировать.

Начнем с Белоозера. Имеющиеся у нас материалы дают представление об урожайности всех культур, возделывавшихся на монастырской пашне Кирилло-Белозерского монастыря. Данные эти относятся к самому началу XVII в.

Прежде всего подвергнем анализу сведения об урожайности различных хлебных культур на околмонастырской пашне, которые известны нам в пределах исследуемого периода за ряд лет — с 1604 по 1608 г. Остановимся на урожайности ржи. Таблицы I. 1—6 составлены таким образом, что в первую очередь указывается урожайность «в самах», а в качестве дополнения приводятся данные об урожайности ржи из расчета на десятину площади (высев ржи на 1 десятину равен 2 четвертям)⁷.

Средняя урожайность ржи на околмонастырской пашне составляла почти сам-4 (сам-3,9). Имеющиеся в нашем распоряжении данные об урожайности ржи обнаруживают характерную закономерность — чередование различных по урожайности лет, причем на каждые три года приходится один урожайный (в нашем случае — 1605 г.), один средний (1606 г.) и один со сравнительно низким в данных условиях урожаем (1607 г.); следующий, 1608 г., опять был урожайным (сам-4,73).

Эта закономерность подтверждается и сводными данными об урожайности по отдельным околмонастырским пашням за те же годы (таблицы I. 7—10).

Как уже было отмечено, в наиболее урожайные для ржи годы урожайность ее в Белоозере достигала в среднем сам-4,73 (1608 г.). В некоторых местах урожайность достигала в отдельные урожайные годы сам-5,88 (пустошь Шиляково в 1608 г.), сам-7,13 (Маурино в 1608 г.) и даже сам-8,86 (Подозерье Старое в 1605 г.). Наиболее низкие урожаи имели место в Новом Подозерье в 1606 г. — сам-2,56 и там же в 1607 г. — сам-2,05.

Средняя урожайность овса на той же околмонастырской пашне в период с 1604 по 1608 г. (табл. I. 11) — сам-2,63. И в данном случае мы наблюдаем один урожайный для овса год (1607), один со средней урожайностью (1606) и один — с низкой (1605). Таким образом, 1605 г., бывший урожайным на околмонастырской пашне Кирилло-Белозерского монастыря для ржи, оказался неурожайным для овса, 1606 г. — год средней урожайности и для овса, и для ржи, 1607 г. — неурожайный для ржи, урожайный для овса.

Аналогичную картину показывают сводные данные об урожайности овса за те же годы на отдельных пашнях (таблицы I. 12—14).

Наиболее высокая средняя урожайность овса — сам-3,07 (1604 г.). В отдельных случаях урожайность овса достигает сам-4,19 (Подозерье Старое в 1607 г.), сам-4,88 (домашнее поле в 1604 г.) и даже сам-8 (деревня на Горке в 1604 г.). Наиболее низкая урожайность — сам-1,44 (пустошь Погорелое в 1605 г.), сам-1,31 (Подозерье Старое в том же неурожайном для овса 1605 г.)⁸.

Средняя урожайность ячменя за 5 лет (табл. I. 15) — сам-4,22, т. е. выше, чем у ржи и овса. И здесь мы наблюдаем один средний по урожайности год — 1605 (урожайный для ржи и неурожайный для овса), один год со сравнительно плохой урожайностью — 1606 (для ржи и овса это был год средней урожайности) и один год с высоким урожаем ячменя — 1607 (неурожайный для ржи, урожайный для овса). 1607 г. оказывается урожайным одновременно для обеих наиболее важных яровых культур — и для овса, и для ячменя (неурожайный для озими — ржи).

Для иллюстрации сказанного приводятся сводные данные об урожайности ячменя за те же годы в Подозерье Новое (табл. I. 16).

Показатель наиболее высокого урожая для ячменя (в среднем) равняется сам-5,12 (1607 г.). На отдельных пашнях урожайность достигает сам-5,21 (пустошь

⁶ См., например, М. Н. Тихомиров. Монастырь-вотчинник XVI в. — «Исторические записки», т. 3, 1938; А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.—Л. 1951, стр. 14—22; А. А. Зимин. К истории восстания Болотникова. — «Исторические записки», т. 24, 1947.

⁷ Урожайность в «самах» является основным показателем во всех наших расчетах — в силу того, что весовое значение четверти для изучаемого периода было неодинаково в разных районах и до сих пор исследователями точно не определено.

⁸ Несмотря на более низкую урожайность овса по сравнению с рожью, в рассматриваемом районе посевы овса значительно преобладали, что возможно лишь при натуральном характере хозяйства.

Погорелое, 1606 г.), сам-6,5 (дер. Маурино, 1606 г.) и даже сам-7,33 (там же в 1607 г.). Урожайность ячменя, более низкая, чем сам-3, — явление очень редкое, за все 5 лет зафиксировано только четыре таких случая для отдельных околмонастырских пашен.

Таким образом, урожаи ячменя значительно выше и устойчивее урожаев ржи и овса.

Средняя урожайность пшеницы (табл. I. 17) за 5 лет равна сам-2,78. 1606 г. был для пшеницы урожайным, 1607 г. — средним и 1605 г. (как и для овса, в противоположность ржи) — неурожайным.

Сводные данные для отдельной пашни — на пустоши Погорелое приводятся в таблице I. 18.

Наиболее высокий средний показатель урожайности для пшеницы здесь сам-3,58 (1604 г.). На отдельных пашнях урожай достигал сам-4,4 (пустошь Погорелое, дер. Маурино в 1606 г.) и сам-4,66 (Подозерье Старое, 1608 г.).

Следует отметить неустойчивость урожаев пшеницы на отдельных пашнях в пределах одного года. Так, в благополучном для пшеницы 1606 г. наряду с урожаями в сам-4,4, снятыми на пустоши Погорелое и в Маурине, в Подозерье Новом был снят урожай, еле-еле оправдавший посев, — сам-1,12.

Очень скудные сведения об урожайности гороха. Мы приводим их целиком (таблицы I. 19—20). Урожай гороха отличаются для одной и той же местности крайней неустойчивостью, причем в отдельные годы они могут быть значительными (в нашем случае сам-5).

Таковы сведения об урожайности различных хлебных культур непосредственно на околмонастырской пашне.

В нашем распоряжении имеется ряд данных об урожайности тех же культур на монастырской пашне Кирилло-Белозерского монастыря по ряду сел монастырской вотчины, расположенных в районе Белоозера (к сожалению, только за один 1605 г.). Поскольку данные эти не охватывают всех монастырских сел, где имела монастырская запашка, средняя урожайность, определяемая на основании этих данных, не дает полной картины. Однако ряд выводов на основании этих свидетельств сделать можно.

Рассмотрим по порядку данные об урожайности всех возделывавшихся в Белоозере хлебных культур (таблицы I. 21—24).

Данные таблицы I. 21 позволяют предположить, что урожайность ржи на монастырских пашнях, не находившихся непосредственно около монастыря, была ниже, чем на околмонастырской пашне (на последней средняя урожайность ржи в 1605 г. равнялась сам-4,04). Пашни, подвергавшиеся постоянному контролю со стороны монастырских властей, получали лучший уход и в тех случаях, когда их обрабатывали монастырские детеныши, и тогда, когда их обрабатывали монастырские крестьяне. Здесь выше было качество обработки почвы, земля обильнее и регулярнее удобрялась.

Такой же вывод следует из рассмотрения данных об урожайности других культур на удаленных от монастыря пашнях. Для околмонастырской пашни показатель средней урожайности ячменя в 1605 г. (табл. I. 15) равен сам-4,19, имеющиеся же у нас неполные данные по ряду сел дают цифру в сам-3,79 (табл. I. 22), т. е. несколько меньшую. Однако следует обратить внимание на то, что на имеющиеся у нас семь случаев урожайность ячменя лишь один раз оказывается ниже сам-3, а в одном случае (с. Семеновское) приближается даже к сам-7, что еще раз указывает на обычную для ячменя сравнительно хорошую урожайность и большую его неприхотливость.

Овес на удаленных от монастыря пашнях также давал меньшие урожаи, чем на околмонастырской пашне. В неурожайный для овса 1605 г. средняя урожайность его на околмонастырской пашне составила сам-1,77 (табл. I. 11), а в указанных селах — сам-1,6 (табл. I. 23).

Некоторое исключение представляют данные об урожайности пшеницы по ряду сел (табл. I. 24). Средняя урожайность пшеницы в указанных в таблице пяти селах — сам-2,76, т. е. выше, чем средняя урожайность в 1605 г. на околмонастырской пашне (сам-1,88). Этот факт, как и приводимая таблица, еще раз подтверждает неустойчивость урожаев пшеницы в пределах одного года на различных пашнях — мы видим, что урожай колебался от сам-1,75 (с. Рукино) до сам-6 (с. Семеновское).

Общее соотношение урожайности по всем культурам (1605 г.) на околмонастырской пашне, с одной стороны, и на монастырской пашне в ряде сел, с другой, — представлено в таблице I. 25.

Сказанное выше об урожайности различных хлебных культур на околмонастырской пашне Кирилло-Белозерского монастыря можно суммировать следующим образом: в пределах рассматриваемых трех лет (1605—1607 гг.), которые следует считать обычными (для них не характерны бедственные неурожаи и особо высокие урожаи), налицо некоторая закономерность в чередовании больших или меньших урожаев различных культур, создающая в целом определенное равновесие результатов земледельческого производства. Наглядно это представлено в таблице I. 26. Для 1605 г. характерен хороший урожай ржи и средний — ячменя, с одной стороны, и плохой урожай овса, с другой. В 1606 г. обе главные зерновые культуры — рожь и овес — дают средний урожай. Наконец, в 1607 г. сравнительно плохой урожай ржи уравнивается сравнительно хорошими урожаями овса и ячменя.

Перейдем к рассмотрению урожайности в районе Вологды, сведения о которой сохранились в материалах Спасо-Прилуцкого монастыря. Данные эти говорят об урожае лишь на монастырском поле за ряд лет, главным образом самого начала XVII в.

Начнем со ржи (табл. II.1). Кроме данных за 1605—1607 гг., здесь в нашем распоряжении имеются также данные за неурожайные 1601 и 1603 гг. Средняя урожайность за приведенные 5 лет, включая и неурожайные годы, равна сам-4,28. Для 1605—1607 гг. средняя урожайность еще выше — сам-5,14, — значительно выше, чем за те же годы в Белоозере (сам-3,66).

Наиболее урожайным для ржи является 1605 г. (сам-6,86), для 1606 г. характерна средняя урожайность ржи (сам-5,32), 1607 г. был для ржи неурожайным (сам-3,29). Такое же чередование, как мы видели, наблюдалось для околмонастырской пашни Кирилло-Белозерского монастыря.

Что касается овса (табл. II.2), то средняя его урожайность, включая 1601—1603 гг., равна сам-3,33, для 1605—1607 гг. она еще выше — сам-3,75 (на околмонастырской пашне Кирилло-Белозерского монастыря она равна в эти годы сам-2,46).

Хороший урожай овса был в 1607 г. В 1606 г. урожай был средний, а в 1605 г. — сравнительно низкий⁹.

Урожайность ячменя за те же годы представлена в таблице II.3. Средняя урожайность ячменя (без 1607 г.) равна сам-5,18 (в Белоозере — сам-4,22), если же исключить неурожайные годы, она повысится до сам-6,45. 1605 г. был здесь урожайным и для ячменя, в 1606 г. урожай был несколько худшим, а за 1607 г. данные отсутствуют.

Средняя урожайность пшеницы (табл. II.4) здесь значительно выше, чем в Белоозере. Для 1605—1607 гг. она равна сам-5,57 (в Белоозере — сам-2,58). Наиболее урожайный для пшеницы в пределах рассматриваемых лет — 1607 г., наименее урожайный — 1606 г.

Общее соотношение урожайности всех основных культур на околмонастырской пашне в Белоозере (Кирилло-Белозерский монастырь) и на монастырском поле Спасо-Прилуцкого монастыря за 1605—1607 гг. представлено в таблице III. При одинаковом почти качестве земли урожан на монастырской пашне Спасо-Прилуцкого монастыря были значительно более высокими, что обуславливалось, вероятно, более широким применением в качестве пашенного орудия плуга с последующим систематическим боронованием, в связи с чем повышалось качество обработки почвы¹⁰.

Сведений об урожайности на крестьянской пашне по рассмотренным выше двум районам — Белозерскому и Вологодскому — в нашем распоряжении нет. Однако есть все основания предполагать, что урожайность на крестьянской пашне была не меньше, чем лучшая урожайность на монастырской пашне в данном районе и для соответствующих культур. В некоторых случаях она могла быть даже более высокой: крестьянин, вооруженный усовершенствованной сохой и использующий органические удобрения, в силу своей прямой заинтересованности старался, несомненно, как можно лучше обработать свою землю.

Сведения об урожайности в Костромском уезде содержит грамота Коллегии экономии¹¹, касающаяся уборки хлеба в одном костромском поместье в 1595 г. (урожай 1594 г.). Хлеб был возделан и собран крестьянами (табл. IV).

Урожайность ржи очень невысока — сам-1,79 (возможно, здесь сказано то, что хлеб очень долго оставался необмолоченным — до 1 января 1595 г. определенно, а может быть и дольше, ибо распоряжения относительно обмолаченного хлеба помещены уже 26 мая). Урожай овса оказался хорошим (сам-4,13), пшеница (сам-6) и ячмень (сам-11,5) дали высокие урожаи (с малой площади).

Особый интерес представляют сведения по Ярославскому уезду, которые содержатся в правой грамоте, выданной Спасскому Ярославскому монастырю в 1543 г.¹² Здесь приводятся данные об урожайности зерновых культур на крестьянской пашне у двух монастырских крестьян дер. Черемных с. Еремеецкого и одного монастырского крестьянина дер. Полцево (табл. V).

Очень высокая урожайность ржи (сам-8 и сам-10) и овса (сам-5) может вызвать сомнение в правильности сообщаемых грамотой сведений, тем более что документ представляет собой иск крестьян на пограбленные у них «поля с хлебом» и поэтому в нем возможны преувеличения. Однако само собой понятно, что крестьянин мог преувеличить цифру снятого с его поля урожая лишь в пределах реально возможного, иначе суд не принял бы его заявления во внимание. За реальность приведенных дан-

⁹ В 1601 и 1603 гг. урожай был плохой, в 1601 г. весь овес (как и рожь) вымерз.

¹⁰ Н. А. Горская. Земледельческие орудия в центральной части Русского государства второй половины XVI — начала XVII века. — Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. 3. М. 1959, стр. 147—149.

¹¹ ЦГАДА, ф. ГКЭ, Костромской у., № 5129 — Книга записная земельным дачам патриаршим детям боярским, л. 20.

¹² Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. II. СПб. 1895, стр. 195—210 (эти сведения относятся к середине XVI в., однако в силу их уникальности мы позволили себе привести их здесь).

них говорят и умеренные цифры урожайности ячменя и пшеницы. Таким образом, вполне возможно, что в Ярославском уезде, «стране достаточно плодородной», по словам Герберштейна¹³, в отдельные особо благоприятные годы урожайность основных культур — ржи и овса — могла достигать высокого уровня, что, конечно, не было правилом.

Об урожайности хлебных культур в районе Владимирско-Суздальского ополья можно судить по данным о монастырской пашне в с. Обобурове Иосифо-Волоколамского монастыря, помещенным в ужинно-умолотных книгах этого монастыря за 1592, 1594, 1599 и 1604 гг. (табл. VI. 1). К сожалению, приводимые сведения разрознены во времени и не дают возможности представить себе картину урожайности за несколько подряд идущих лет.

Средняя урожайность ржи за упомянутые четыре года — сам-3,31 (возможно, она была несколько выше): на эти годы приходилось два средних урожая ржи (1592 и 1604 гг.), один сравнительно хороший (1594 г.) и один плохой (1599 г.).

В нашем распоряжении имеются данные об урожайности в с. Обобурове за те же годы не только ржи, но также овса, жита (ячменя), пшеницы, гороха и гречихи, т. е. всех возделывавшихся там культур (табл. VI. 2). В неурожайные годы, как видно из таблицы, урожайность в этом плодородном районе падала до очень низкого уровня: в 1599 г. овес еле оправдал высев, обычно хорошо родящее жито дало урожай ниже сам-2, пшеница только оправдала высев, не уродилась и рожь. Однако сбор ржи в неурожайный год все-таки не опускался здесь ниже, чем сам-2.

Остальные рассматриваемые годы можно охарактеризовать по урожайности как средние. В 1592 г. средний урожай ржи уравнивался сравнительно хорошими урожаями всех яровых культур, для 1594 г. характерен хороший урожай ржи и средние урожаи овса, ячменя, пшеницы и гороха, в 1604 г. овес и ячмень дали сравнительно хорошие урожаи, рожь, пшеница, горох — средние.

Обращают на себя внимание высокие урожаи гороха, достигавшие сам-9,5 (1594 г.) и даже сам-16 (1592 г.). В неурожайный год показатель для гороха опускался до сам-2,75.

Урожайность гречихи известна нам только для 1592 и 1599 гг. и равняется примерно сам-3.

Сведения об урожайности в собственно центральных уездах Русского государства (за те же 1592, 1594, 1599 и 1604 гг.) находим в тех же ужинно-умолотных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря для всех его вотчин, которые были расположены в уездах Волоцком, Тверском, Старицком, Рузском, Дмитровском и Московском.

Два из названных уездов (Рузский и Дмитровский) отличались крайне плохими почвенными условиями¹⁴. В них были расположены три из шести монастырских приказов — приказ Спасских Заволоцких сел и приказ Успенских сел в Рузском уезде (наиболее крупные по количеству сел и размеру посева приказы) и приказ Бужаровских сел в Дмитровском уезде. Остальные приказы располагались следующим образом: приказ Отчищевских (подмонастырских) сел — в Волоцком уезде, приказ Балашковских сел — в Тверском, приказ Луковниковских сел — в Старицком.

Данные об урожайности по всем селам указанных вотчин за упомянутые выше годы¹⁵ могут быть сведены в общую таблицу, отражающую среднюю урожайность различных хлебных культур в целом по шести приказам монастырской вотчины, без сел Обобурова и Вейна (табл. VII. 2)¹⁶.

Как можно убедиться, урожайность в общем была низкой. Особенно выделяются 1594 и 1599 гг.: в 1594 г. ни рожь, ни овес не дали даже сам-2, в 1599 г. урожайность ржи была несколько выше — сам-2,6. Лучший по сравнению с другими 1604 г. дает показатель для ржи около сам-3, а для овса — сам-2,14. Самый высокий показатель для хорошо родящего ячменя здесь лишь сам-4,85 (1592 г.).

Урожайность всех культур в расположенных в центральных уездах вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря значительно хуже, чем на пашне того же монастыря в с. Обобурове (Владими́ро-Суздальское ополье). Для сравнения может служить таблица, показывающая соотношение урожайности основных культур в с. Обобурове, с одной стороны, и средних показателей урожайности по всем шести приказам, — с другой (табл. VII. 3). Данные приводятся по 1592 г. — относительно (по сравнению с 1594 и 1599 гг.) благополучному для урожая на монастырских пашнях.

На урожайности зерновых культур во владениях Иосифо-Волоколамского монастыря, расположенных в центральных уездах, несомненно отражалось плохое качество почвы.

Сравнительно лучшие средние урожаи в обычных условиях (не в неурожайные

¹³ С. Герберштейн. Записки о московских делах. СПб. 1908, стр. 125.

¹⁴ См. Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М. 1899, стр. 36.

¹⁵ Примером погодных подсчетов может служить таблица с показателями урожайности ржи за 1592 г. (табл. VII. 1).

¹⁶ См. архив ЛОИИ, ф. Иосифо-Волокол. мон-ря, д. 1032, лл. 1—437 (1594 г.); ЦГАДА, ф. Иосифо-Волокол. мон-ря (№ 1192), оп. 1, д. 405, лл. 2—305 (1592 г.); оп. 2, д. 9, лл. 1—12; д. 14, лл. 1—317.

годы) наблюдаются в приказе Отчищевских сел — т. е. опять-таки в селах, расположенных ближе к монастырю, — так наз. «подмонастырных» селах. Так, в 1592 г. при средней урожайности овса, равной сам-2, средний показатель для сел этого приказа равен сам-3,01, а средняя урожайность жита равна здесь сам-6,2, тогда как для всех шести приказов средний показатель — лишь сам-4,85. Наконец, урожай гороха, снятый в приказе Отчищевских сел в 1592 г., равнялся сам-6,24, тогда как средняя урожайность гороха в этом году была сам-3,83, а в приказе Спасских сел опускалась до сам-2,8. Даже в неурожайном 1594 г., при средней урожайности овса сам-1,31, показатель для Отчищевских сел был несколько выше — сам-1,48, а урожайность жита равнялась сам-4,27 при среднем урожае в сам-3,47. Урожайность пшеницы в 1594 г. была здесь сам-1,9 при средней урожайности в сам-1,37. В 1604 г. урожайность ржи в Отчищевском приказе была сам-2,47 при средней урожайности сам-2,22. Урожайность овса в селах этого приказа была сам-2,75 при средней урожайности сам-2,14 (в приказе Луковниковских сел урожайность овса опустилась в этом году до сам-1,73). Намного лучше, чем в других приказах, в 1604 г. в Отчищевском приказе был и урожай гороха — сам-5,12 при среднем урожае в сам-3,66. Приведенные примеры еще раз подчеркивают влияние на величину урожая лучшей обработки земли, которую получали пашни, находившиеся под непосредственным наблюдением монастыря.

Сравнительно лучшие средние показатели урожайности ржи за рассматриваемые четыре года были в Отчищевском (Волоцкий уезд) и Бужаровском (Дмитровский уезд) приказах — сам-2,52 и сам-2,74, наиболее низкие — в Луковниковском приказе (Старицкий уезд) — сам-1,92. Наиболее высокая средняя урожайность овса (сам-2,17), а также жита (сам-4,59) имела место в Отчищевском приказе. Наиболее низкой урожайностью овса (сам-1,44) выделяются Бужаровский приказ (Дмитровский уезд), жита — приказы Спасских и Успенских сел (Рузский уезд). Самый высокий средний показатель за четыре года для пшеницы приходится на Успенский приказ — сам-1,92, наиболее низкий (сам-1,21) — на Спасский приказ. В Отчищевском и Балашиховском (Тверской уезд) приказах отмечается наиболее высокая средняя урожайность гороха (сам-4,43); наиболее низкая урожайность имела место в приказе Спасских сел (сам-2,78) и в приказе Успенских сел (сам-2,88).

Таким образом, в приказах, находившихся в уездах с наиболее плохими почвенными условиями, наблюдались более низкие урожаи важнейших яровых культур — овса и жита, а также гороха. Несколько слабее почвенные условия отражались на ржи, сравнительно хороший урожай которой отмечен в приказе Бужаровских сел (Дмитровский уезд). Это, видимо, объясняется тем, что озимь сеялась по свежееудобренной земле, тогда как ярь стояла в севообороте на втором месте.

Село Ангелово в Московском уезде по показателям урожайности всех культур принципиально не отличалось от основной массы владений Иосифо-Волоколамского монастыря. Исключение составил лишь урожай ржи 1594 г., который был здесь значительно выше, чем в других монастырских селах, и равнялся почти сам-4 при среднем урожае по остальным селам монастыря сам-1,92 (вспомним, что урожай ржи в с. Обобурове был равен в 1594 г. сам-4,5). Очевидно, низкий урожай ржи в основной части владений монастыря был обусловлен какими-то сугубо местными климатическими условиями данного года¹⁷.

В нашем распоряжении имеются также сведения об урожайности хлебов в с. Вейна Козельского уезда (табл. VIII), которое Иосифо-Волоколамский монастырь получил в 1590 г. по царской жалованной и данной грамоте «для хлеба». Урожайность на монастырской пашне в с. Вейна была значительно лучше, чем в других монастырских вотчинах, включая и с. Обобурово. Даже в неурожайный 1594 г. показатель для ржи здесь приближался к сам-4, а для овса превышал сам-2. В благополучные годы урожайность ржи в с. Вейна приближалась к сам-5 (1604 г.) и даже к сам-6 (1592 г.). Урожай овса были несколько ниже. Обращают на себя внимание хорошие (за исключением 1592 г.) урожаи пшеницы, а также гороха. Данные о гречихе еще раз подтверждают неустойчивость ее урожая: поднимаясь в отдельные годы до сам-8,7 (1594 г.), в другие годы урожай ее опускается до сам-1,77 (1604 г.).

Село Вейна — единственное место из рассмотренных нами, где сеялось просо (правда, на малой площади). Урожай его здесь были обычно очень большими — сам-21,62 и сам-25 в 1599 и 1594 гг. и даже сам-75 в 1592 г.¹⁸

¹⁷ Обычный умолот из сотницы ржи равнялся во всех центральных владениях монастыря 1,5, иногда 2 четвертям. В неурожайный для ржи 1594 г. умолот из сотницы составил 0,75 четверти, а наиболее низкий — лишь 0,25 четверти. Средний умолот из сотницы овса был равен 1,5—2 четвертям, жита — 1,5 четверти. Очень низким был умолот из сотницы пшеницы — от 0,3 до 0,75 четверти.

¹⁸ Источником указана в отношении проса норма высева — 0,25 четверти на 1,5 десятины (архив ЛОИИ, ф. Иосифо-Волокол. мон-ря, д. 1032, л. 99); таким образом, на десятину высевалось около 0,16 четверти. В 1592 г. было засеяно 0,5 десятины и высеяно, следовательно, 0,08 четверти, а снято 6 четвертей проса (ЦГАДА, ф. 1192, оп. 1, д. 405, л. 201). Характерно, что урожай 1594 г. (сам-25) был снят с подсеки;

Таким образом, урожайность в с. Вейна полностью подтверждает характеристику этого района как места «хлебного». Особенно интересен факт хорошей урожайности более ценных культур — пшеницы, гречихи и проса¹⁹.

На основании изложенного можно сделать ряд выводов. Производительность земледельческого труда при производстве хлеба находится в тесной взаимосвязи с агрикультурой, поскольку, «... хотя плодородие и является объективным свойством почвы, экономически оно все же постоянно подразумевает известное отношение — отношение к данному уровню развития земледельческой химии и механики, а потому и изменяется вместе с этим уровнем развития»²⁰. В целом уровень агротехнической базы земледелия в изучаемый период, довольно высокий для феодального общества с типичным для него господством натурального хозяйства и медленным развитием сельскохозяйственной техники, обуславливал определенную высоту производительности труда в зерновом хозяйстве, важным показателем которой является урожайность зерновых культур.

Наилучшие урожаи всех хлебных культур, по имеющимся данным, прослеживаются в Козельском уезде (Городецкий стан, с. Вейна Иосифо-Волоколамского монастыря): для ржи — сам-4,5, для овса — сам-3, для ячменя — около сам-5, для пшеницы — сам-5, для гороха — сам-4—8, для гречихи — сам-4—8. Сравнительно хорошими были урожаи в Ярославском уезде, во Владимирском и Юрьевском уездах (Владимирское ополье), а также, судя по данным о хозяйстве Спасо-Прилуцкого монастыря, в районе Вологды: урожаи ржи достигали здесь сам-5, а овса — примерно сам-4, ячменя — сам-5,5 (средняя урожайность для ржи — выше сам-4, для овса — выше сам-3, а для ячменя — выше сам-5). Это, видимо, в значительной степени можно отнести за счет качества обработки земли, применения довольно совершенного для того времени по своей конструкции плуга с последующим боронованием и внесения в землю органических удобрений. Наихудшие урожаи имели место, судя по материалам Иосифо-Волоколамского монастыря, в ряде центральных уездов (Волоцком, Тверском, Старицком, Рязком, Дмитровском): для ржи — от сам-2,98 до сам-1,92, для овса — от сам-2,14 до сам-1,31, для ячменя — от сам-4,85 до сам-2,69. Урожайность на пашнях Кирилло-Белозерского монастыря была более высокой (средняя урожайность ржи — сам-3,5—4, овса — сам-2,5, ячменя — сам-4 и выше).

В целом на исследуемой территории, насколько позволяют судить источники, максимальные урожаи не превышали обычно для ржи сам-4—5, для овса — сам-3. Несомненно более высокой была урожайность ячменя — сам-4—5. Как исключение, в отдельные особо благоприятные годы урожайность ржи могла достигать сам-10, а овса — сам-5.

Уровень урожайности зерновых культур даже в условиях господства ручного труда несомненно зависел прежде всего от уровня агротехники и агрикультуры. Только этим можно объяснить, во-первых, разницу в урожайности на «околомонастырских» землях Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого монастырей (в последнем, где урожаи были выше, употреблялся плуг), во-вторых, более высокие урожаи на землях Кирилло-Белозерского по сравнению с урожаями на землях Иосифо-Волоколамского монастыря. Предположить, что почвенно-климатические условия во владениях Кирилло-Белозерского монастыря были более благоприятны, нет никаких оснований. В то же время есть сведения о том, что количество скота, принадлежавшего этому монастырю, обеспечивало регулярное удобрение его земель. Кроме того, земля здесь тщательно обрабатывалась — ее, видимо, пахали дважды²¹. Наконец, об этом же свидетельствует разница в урожайности на «околомонастырских» и отдаленных пашнях Кирилло-Белозерского монастыря.

Несмотря на наличие большой разницы в урожайности отдельных культур для одной и той же территории, мы ни в одном районе не наблюдаем, даже при явно лучшей урожайности одних культур по сравнению с другими, никаких изменений в соотношении площадей посевов под культурами. Подобное положение может иметь место лишь в условиях полного господства натурального хозяйства.

Наконец, исследование данных об урожайности зерновых культур в изучаемых районах в 90-х годах XVI в. и начале XVII в. убеждает, что на всей рассматриваемой территории в этот период уровень производительности труда в зерновом хозяйстве был устойчивым. Это свидетельствует о том, что оно в целом развивалось нормально. Конкретное исследование сельскохозяйственного производства не дает никаких осно-

можно предположить (особенно если учесть незначительность засеянной в этом году просом площади), что и высокий урожай 1592 г. также был результатом посева на подсеке.

¹⁹ В 1590 г. в с. Вейна было 516 четвертей доброй земли и 16 четвертей перелога в одном поле (Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков, ч. II. М. 1956, № 385).

²⁰ К. Маркс. Капитал, т. III. М. 1949, стр. 664.

²¹ Н. А. Горская. Земледельческие орудия в центральной части Русского государства..., стр. 144, 161.

ваний говорить о появлении в XVI в. каких-либо признаков разложения феодальной системы хозяйства.

В заключение необходимо отметить, что хронологический отрезок, подвергнутый исследованию, отнюдь нельзя считать благополучным для развития сельского хозяйства. Несомненно, что в более спокойные десятилетия все отмеченные явления должны вырисовываться еще более отчетливо.

ТАБЛИЦЫ

1. БЕЛООЗЕРО

1. Урожайность ржи на околмонастырской пашне в 1604 г. (высев 1603 г.)²²

Место	Высев	Умолот	Урожайность в «самах»	В посеве дес.	Урожайность на дес. (четв.)
	четв.				
Старое Подозерье	7,5	33,5	4,47	3,75	8,93

2. Урожайность ржи на околмонастырской пашне в 1605 г. (высев 1604 г.)²³

Место	Высев	Умолот	Урожайность в «самах»	В посеве дес.	Урожайность на дес. (четв.)
	четв.				
Монастырское поле (Троповское)	41	139	3,39	20,5	6,78
Новое Подозерье	45	165,5	3,68	22,5	7,35
Старое Подозерье	7	62	8,86	3,5	17,7
Пустошь Погорелое	32,5	139,5	4,29	16,25	8,52
Всего	125,5	506	4,04	62,75	8,09

3. Урожайность ржи на околмонастырской пашне в 1606 г. (высев 1605 г.)²⁴

Место	Высев	Умолот	Урожайность в «самах»	В посеве дес.	Урожайность на дес. (четв.)
	четв.				
Поле за конюшней	38	172,75	4,54	19	9,09
Старое Подозерье	12	51,25	4,27	6	8,54
Новое Подозерье	37,75	96,75	2,56	18,87	5,12
Пустошь Погорелое	27	112,62	4,17	13,5	8,34
Всего	114,75	433,37	3,77	57,37	7,55

²² См. Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в., т. I, вып. 2. СПб. 1910. стб. DXXXIX—DXLII.

²³ Там же, стб. DLII; архив ЛОИИ, собр. Н. Никольского, отд. 2, д. 61.

²⁴ Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь..., т. I, вып. 2, стб. DX—DXII.

**4. Урожайность ржи на околмонастырской пашне в 1607 г.
(высев 1606 г.)²⁵**

Место	Высев	Умолот	Урожайность в «самах»	В посеве дес.	Урожайность на дес. (четв.)
	четв.				
Монастырское поле за житницами (Домаш- нее поле)	41,25	144,25	3,5	20,62	6,99
Новое Подозерье, Ко- ровья дер.	45,25	93	2,05	22,62	4,11
Старое Подозерье	7,37	33,87	4,59	3,68	9,2
Пустошь Погорелое	32,5	101,5	3,12	16,25	6,25
Маурино	16,25	79	4,86	8,12	9,72
Всего	142,62	451,62	3,16	71,29	6,33

**5. Урожайность ржи на околмонастырской пашне в 1608 г.
(высев 1607 г.)²⁶**

Место	Высев	Умолот	Урожайность в «самах»	В посеве дес.	Урожайность на дес. (четв.)
	четв.				
Троповское поле	74	336	4,54	37	9,08
Старое Подозерье	9,5	72,25	7,6	4,75	15,2
Новое Подозерье, Ко- ровья дер.	40	146	3,65	20	7,35
Пустошь Погорелое	31,5	120	3,8	15,75	7,61
Маурино	23	164	7,13	11,5	14,26
Пустошь Шиляково	4,25	25	5,88	2,12	11,79
Всего	182,25	683,25	4,73	91,12	9,47

**6. Средняя урожайность ржи на околмонастырской пашне
в 1605—1608 гг.²⁷**

Оценка урожайности	1605 г.	1606 г.	1607 г.	1608 г.	В среднем
В «самах»	4,04	3,77	3,16	4,73	3,9
На десятину (четв.)	8,09	7,55	6,33	9,47	7,86

7. Урожайность ржи в Старом Подозерье за 1604—1608 гг.

Оценка урожайности	1604 г.	1605 г.	1606 г.	1607 г.	1608 г.
В «самах»	4,47	8,86	4,27	4,59	7,6
На десятину (четв.)	8,93	17,7	8,54	9,2	15,2

8. Урожайность ржи в Новом Подозерье (Коровья дер.) за 1605—1608 гг.

Оценка урожайности	1605 г.	1606 г.	1607 г.	1608 г.
В «самах»	3,68	2,56	2,05	3,65
На десятину (четв.)	7,35	5,12	4,11	7,35

²⁵ ГИАЛО, ф. Кир.-Белоз. мон-ря, оп. 1, д. 684.

²⁶ Там же, д. 686.

²⁷ Таблицы I. 6—10 составлены на основании предыдущих.

9. Урожайность ржи на пустоши Погорелое за 1605—1608 гг.

Оценка урожайности	1605 г.	1606 г.	1607 г.	1608 г.
В «самах»	4,29	4,17	3,12	3,8
На десятину (четв.)	8,52	8,34	6,25	7,61

10. Урожайность ржи в Маурине за 1607—1608 гг.

Оценка урожайности	1607 г.	1608 г.
В «самах»	4,86	7,13
На десятину (четв.)	9,72	14,26

**11. Средняя урожайность овса на околмонастырской пашне
в 1604—1608 гг.²⁸**

Оценка урожайности	1604 г.	1605 г.	1606 г.	1607 г.	1608 г.	В среднем
В «самах»	3,07	1,77	2,67	2,93	2,72	2,63
На десятину (четв.)	9,21	10,62	8,01	8,79	8,16	7,89

**12. Урожайность овса в Старом Подозерье
за 1604—1608 гг.²⁹**

Оценка урожайности	1604 г.	1605 г.	1606 г.	1607 г.	1608 г.
В «самах»	2,78	1,31	3,94	4,19	1,54
На десятину (четв.)	8,48	3,94	12	12,59	4,62

**13. Урожайность овса в Новом Подозерье (Коровья дер.)
за 1604—1608 гг.**

Оценка урожайности	1604 г.	1605 г.	1606 г.	1607 г.	1608 г.
В «самах»	3,16	1,58	2,35	2,95	1,87
На десятину (четв.)	9,49	4,74	7,09	8,09	5,62

14. Урожайность овса на пустоши Погорелое за 1604—1608 гг.

Оценка урожайности	1604 г.	1605 г.	1606 г.	1607 г.	1608 г.
В «самах»	2,73	1,44	2,5	3,13	3,7
На десятину (четв.)	8,18	4,33	7,5	9,39	11,1

²⁸ Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь..., т. I, вып. 2, стб. DX—DXII, DXXXIX—DXLII, DLII и сл.; архив ЛОИИ, собр. Н. Никольского, отд. 2, д. 61; ГИАЛО, ф. Кир.-Белоз. мон-ря, оп. 1, дела 684, 686.

²⁹ Таблицы 12—14 составлены на основании источников, указанных в сноске 28.

**15. Средняя урожайность ячменя на околмонастырской пашне
в 1604—1608 гг.³⁰**

Оценка урожайности	1604 г.	1605 г.	1606 г.	1607 г.	1608 г.	В среднем
В «самах»	3,3	4,19	4,04	5,12	4,47	4,22
На десятину (четв.)	6,6	8,38	8,08	10,24	8,94	8,44

**16. Урожайность ячменя на монастырской пашне в Новом Подозерье
за 1604—1608 гг.**

Оценка урожайности	1604 г.	1605 г.	1606 г.	1607 г.	1608 г.	В среднем
В «самах»	4,5	4,33	3,28	5,15	4,21	4,29
На десятину (четв.)	9	8,66	6,5	10,25	8,42	8,57

17. Средняя урожайность пшеницы за 1604—1608 гг.

Оценка урожайности	1604 г.	1605 г.	1606 г.	1607 г.	1608 г.	В среднем
В «самах»	3,58	1,88	3,05	2,8	2,62	2,78
На десятину (четв.)	5,38	2,82	4,55	4,21	3,93	4,15

18. Урожайность пшеницы на пустоши Погорелое за 1605—1608 гг.

Оценка урожайности	1605 г.	1606 г.	1607 г.	1608 г.	В среднем
В «самах»	2,2	4,4	3,5	2,33	3,11
На десятину (четв.)	3,3	6,6	5,26	3,5	4,66

19. Урожайность гороха на околмонастырской пашне в 1605 г.³¹

Место	Высев	Умолот	Урожайность в «самах»	В посеве дес.	Урожайность на дес. (четв.)
	четв.				
Монастырское поле (Троповское)	0,75	3,75	5	0,5	7,5

20. Урожайность гороха на пустоши Погорелое в 1606—1607 гг.³²

Годы	Высев	Умолот	Урожайность в «самах»	В посеве дес.	Урожайность на дес. (четв.)
	четв.				
1606	1	5,	5	0,66	7,5
1607	1	2,5	2,5	0,66	3,8
В среднем	2	7,5	3,75	1,33	5,64

³⁰ Таблицы 15—18 составлены на основании источников, указанных в сноске 28; см. также Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь..., т. I, вып. 2, стб. DV и сл.

³¹ Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь..., т. I, вып. 2, стб. DV и сл., DLII и сл.; архив ЛОИИ, собр. Н. Никольского, отд. 2, д. 61.

³² Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь..., т. I, вып. 2, стб. DX—DXII; ГИАЛО, ф. Кир.-Белоз. мон-ря, оп. 1, д. 684.

**21. Урожайность ржи на монастырской пашне по ряду сел монастырской вотчины
в 1605 г. (высев 1604 г.)³³**

Место (село)	Высев	Умолот	Урожайность в «самах»	В посеве дес.	Урожайность на дес. (четв.)
	четв.				
Сизма	68,5	187,5	2,73	34,25	5,45
Романова Слободка	123	232	1,88	61,5	3,76
Новая Ерга	23	63	2,73	11,5	5,46
Рукино	56,5	71,5	1,26	28,25	2,54
Волочек Словенский	37	131	3,54	18,5	7,08
Троецкое	19	42	2,21	9,5	4,42
Семеновское	128	177,5	1,4	64	2,8
Всего	455	904,5	1,99	227,5	3,98

22. Урожайность ячменя по ряду сел монастырской вотчины в 1605 г.³⁴

Место (село)	Высев	Умолот	Урожайность в «самах»	В посеве дес.	Урожайность на дес. (четв.)
	четв.				
Сизма	25	86	3,44	12,5	6,88
Романова Слободка	56	202	3,6	28	6,12
Новая Ерга	8,5	38,5	4,53	4,25	9,05
Рукино	20	49	2,45	10	4,9
Волочек Словенский	9	29	3,22	4,5	6,44
Троецкое	14	72	5,14	7	10,28
Семеновское	9	61	6,77	4,5	13,55
Всего	141,5	537,5	3,79	70,75	7,59

23. Урожайность овса по ряду сел монастырской вотчины в 1605 г. (высев 1605 г.)³⁵

Место (село)	Высев	Умолот	Урожайность в «самах»	В посеве дес.	Урожайность на дес. (четв.)
	четв.				
Сизма	152	221	1,45	50,66	4,35
Волочек Словенский	64,5	71,5	1,1	21,5	3,3
Семеновское	216	399	1,84	72	5,52
Всего	432,5	691,5	1,6	144,16	4,79

24. Урожайность пшеницы по ряду сел монастырской вотчины в 1605 г. (высев 1605 г.)³⁶

Место (село)	Высев	Умолот	Урожайность в «самах»	В посеве дес.	Урожайность на дес. (четв.)
	четв.				
Сизма	3	8	2,66	2	4
Романова Слободка	5	15	3	3,33	4,5
Рукино	8	14	1,75	5,33	2,62
Волочек Словенский	3,5	13,5	3,86	2,33	5,79
Семеновское	1	6	6	0,66	9
Всего	20,5	56,5	2,76	13,65	4,13

³³ См. Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь..., т. I, вып. 2, стб. DIII—DVI, DXLVII—DLI; архив ЛОИИ, собр. Н. Никольского, отд. 2, д. 61.

³⁴ Архив ЛОИИ, собр. Н. Никольского, отд. 2, д. 61; Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь..., т. I, вып. 2, стб. DXLII—DLI.

³⁵ Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь..., т. I, вып. 2, стб. DIII—DVI, DXLVII—DLI; архив ЛОИИ, собр. Н. Никольского, отд. 2, д. 61.

³⁶ Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь..., т. I, вып. 2, стб. DIII—DVI, DXLVII—DLI; архив ЛОИИ, собр. Н. Никольского, отд. 2, д. 61.

25. Общее соотношение урожайности по всем культурам (1605 г.) на околмонастырской пашне и на монастырской пашне в ряде сел³⁷

Место	Урожайность (в «самах»)			
	ржи	ячменя	овса	пшеницы
Монастырская пашня в ряде сел	1,99	3,79	1,6	2,76
Околмонастырская пашня	4,04	4,19	1,77	1,88

26. Чередование урожайности основных культур в 1605—1607 гг.³⁸

Год	Урожайность (в «самах»)			
	ржи	овса	ячменя	пшеницы
1605	4,6	1,77	4,19	1,88
1606	3,77	2,67	4,04	3,05
1607	3,16	2,93	5,12	2,8

II. РАЙОН ВОЛОГДЫ

1. Урожайность ржи на монастырском поле за ряд лет с 1601 по 1607 г.³⁹

Годы	Высев	Умолот	Урожайность в «самах»	В посеве дес.	Урожайность на дес. (четв.)
	четв.				
1601	110	398	3,62	55	7,24
1603	115	(зяблый) 250	2,17	57,5	4,34
1605	(1604 г.) 122	837	6,86	61	13,72
1606	123	655	5,32	61,5	10,64
1607	126	415	3,29	63	6,58
Всего	596	2555	4,28	298	8,57

2. Урожайность овса на монастырском поле за ряд лет с 1601 по 1607 г.⁴⁰

Годы	Высев	Умолот	Урожайность в «самах»	В посеве дес.	Урожайность на дес. (четв.)
	четв.				
1601	252	652	2,59	84	7,77
1603	330	(зяблый) 927	2,81	110	8,43
1605	(1604 г.) 216	950	2,39	72	13,17
1606	354	1 100	3,1	118	9,3
1607	271	1 112	4,1	90,33	12,3
Всего	1423	4741	3,33	474,33	9,99

³⁷ Таблица составлена на основании предыдущих.

³⁸ Жирным шрифтом выделены более урожайные для той или иной культуры годы, курсивом — средние по урожайности, обыкновенным шрифтом обозначены годы низкой урожайности.

³⁹ Архив ЛОИИ, ф. Спасо-Прил. мон-ря, д. 21, лл. 3 об. — 4 об., 8 об. — 13 об.; д. 25, лл. 1—9 об., 14 об. — 21; д. 35, лл. 2—9, 15—23; д. 39, лл. 2, 4; д. 41, лл. 2 об. — 9.

⁴⁰ ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 201, лл. 1, 3 и об.; архив ЛОИИ, ф. Спасо-Прил. мон-ря, д. 21, лл. 3 об. — 4 об., 8 об. — 13 об.; д. 25, лл. 1—9 об., 14 об. — 21; д. 39, лл. 2, 4; д. 35, лл. 2—9, 15—23; д. 41, лл. 2 об. — 9.

3. Урожайность ячменя на монастырском поле за ряд лет с 1601 по 1606 г.⁴¹

Годы	Высев	Умолот	Урожайность в «самах»	В посеве дес.	Урожайность на дес. (четв.)
	четв.				
1601	45	290	6,44	22,5	12,88
1603	53	(зяблый) 125	2,36	26,5	4,72
1605	(1604 г.) 35	247	7,06	17,5	14,12
1606	38	224	5,9	19	10,18
Всего	171	886	5,18	85,5	10,36

4. Урожайность пшеницы на монастырском поле в период с 1598 по 1607 г.⁴²

Годы	Высев	Умолот	Урожайность в «самах»	В посеве дес.	Урожайность на дес. (четв.)
	четв.				
1598	12	29	2,41	8	3,62
1603	22 (1604 г.)	38	1,79	14,66	2,59
1605		101,5	5,07	13,33	7,61
1606		91	4,33	14	6,5
1607		147	7,35	13,33	11,03
Всего	95	406,5	4,28	63,32	6,42

III. СООТНОШЕНИЕ УРОЖАЙНОСТИ ОСНОВНЫХ КУЛЬТУР НА ОКОЛОМОНАСТЫРСКОЙ ПАШНЕ В БЕЛООЗЕРЕ (КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ) И НА МОНАСТЫРСКОМ ПОЛЕ СПАСО-ПРИЛУЦКОГО МОНАСТЫРЯ ЗА 1605—1607 гг.⁴³

Место	Урожайность (в «самах»)			
	ржи	овса	ячменя	пшеницы
Околомонастырская пашня Кирилло-Белозерского монастыря	3,66	2,46	4,45	2,58
Монастырское поле Спасо-Прилуцкого монастыря	5,14	3,75	6,45	5,57

IV. КОСТРОМСКОЙ УЕЗД

Урожайность основных культур в 1594 г. (помещичья пашня)⁴⁴

Рожь			Овес			Ячмень			Пшеница		
вы- сев	умо- лот	урожай- ность в «са- мах»	вы- сев	умо- лот	урожай- ность в «са- мах»	вы- сев	умо- лот	урожай- ность в «са- мах»	вы- сев	умо- лот	урожай- ность в «са- мах»
четв.			четв.			четв.			четв.		
14	25	1,79	15	62	4,13	1	11,5	11,5	0,5	3	6

⁴¹ ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 201, лл. 1, 3 и об.; архив ЛОИИ, ф. Спасо-Прил. мон-ря, д. 21, лл. 3 об. — 4 об., 8 об. — 13 об.; д. 25, лл. 1—9 об., 14 об. — 21; д. 35, лл. 2—9, 15—23; д. 39, лл. 2, 4; д. 41, лл. 2 об. — 9.

⁴² ГИМ, ОПИ, ф. 61, д. 201, л. 3 и об.; архив ЛОИИ, ф. Спасо-Прил. мон-ря, д. 25, лл. 1—9 об., 14 об. — 21; д. 39, лл. 2, 4; д. 41, лл. 2 об. — 9.

⁴³ Таблица составлена на основании предыдущих.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. ГКЭ, Костромской у., № 5129 — Книга записная земельным дачам патриаршим детям боярским, л. 20.

V. ЯРОСЛАВСКИЙ УЕЗД

Урожайность основных культур в 1543 г. (крестьянская пашня)⁴⁵

Место	Рожь			Овес			Ячмень			Пшеница		
	вы- сев ⁴⁶	умо- лот	урожа- и- ность в «самах»	вы- сев	умо- лот	урожа- и- ность в «самах»	вы- сев	умо- лот	урожа- и- ность в «самах»	вы- сев	умо- лот	урожа- и- ность в «самах»
	четв.			четв.			четв.			четв.		
У Ивана	3,5	30	8,57	14	70	5	1	4,5	4,5	0,5	1	2
У Мити	3,5	35	10	15	72	4,8	1	5,5	5,5	0,5	1,5	3
У Тараса	5	50	10	24	125	5,21	2	30	15	1	5	5

VI. ВЛАДИМИРСКО-СУЗДАЛЬСКОЕ ОПОЛЬЕ

1. Урожайность ржи в с. Обобурове за ряд лет с 1592 по 1604 г.⁴⁷

Годы	Высев ⁴⁸	Умолот	Урожай- ность в «самах»	В посе- ве дес.	Урожай- ность на дес. (четв.)	Умолот из сотницы (четв.)		
	четв.					лучшей ржи	средней ржи	худшей ржи
1592	50	161	3,22	25	6,44	—	1,75	—
1594	49,5	223	4,5	24,75	9	—	2	—
1599	50	115	2,3	25	4,6	—	2	—
1604	55,75	181	3,24	27,87	6,48	—	2	—
В сред- нем	205,25	680	3,31	102,62	6,62			

2. Урожайность основных культур за ряд лет с 1592 по 1604 г.⁴⁹

Год	Урожайность в «самах»				
	ржи	овса	жита	пшеницы	гороха
1592	3,22	3,38	5	2,75	16
1594	4,5	2,3	4,41	2	9,5
1599	2,3	1,17	1,75	1	2,75
1604	3,24	3,39	5,5	2,08	5,86

⁴⁵ Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. II, стр. 195—210.

⁴⁶ В документе указано количество четвертей, на которых произведен высев; зная норму высева на 1 десятину (ржи — 2 четверти, овса — 4 четверти, пшеницы и ячменя — по 2 четверти), можно установить количество высеянного зерна.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 1192, оп. 2, 9, 14; оп. 1, 405; архив ЛОИИ, ф. Иосифо-Волокол. монарх, д. 1032.

⁴⁸ Высев ржи 1591 г. принимается за равный высеву 1592 г., высев 1593 г. — высеvu 1594 г., высев 1598 г. — высеvu 1599 г., высев 1603 г. — высеvu 1604 г.

⁴⁹ Таблица составлена на основании тех же источников, что и предыдущая. Жирным шрифтом выделены более урожайные для той или иной культуры годы, курсивом — средние по урожайности, обыкновенным шрифтом обозначены годы низкой урожайности.

ВІІ. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ УЕЗДЫ (ВОЛОЦКИЙ, ТВЕРСКОЙ, СТАРИЦКИЙ, РУЗСКИЙ, ДМИТРОВСКИЙ И МОСКОВСКИЙ)

1. Урожайность ржи на монастырской старой пашне и на новых роспах по всей монастырской вотчине в 1592 г.⁵⁰ (за исключением сел Обоурово и Вейна)

Место (село)	Высев	Умолот	Урожай- ность в «самах»	В посеве десятин	Урожай- сть на дес. (четв.)	Умолот из сотницы (четв.)		
	четв.					лучшей ржи	средней ржи	худшей ржи
1	2	3	4	5	6	7	8	9

Приказ старца Нифонта Голодного (Отчищевских сел) — Волоцкий уезд

Отчищево	146	415	2,84	73	5,61	1,5	1	0,25
Крюково	33	17	—	—	—	1,18	1	—
Буйгород	101	313	3,09	50,5	6,19	1,5	1	0,25
Быково	33	88	2,66	16,5	5,33	1,25	1,16	—
Ильицыно	110	354	3,21	55	6,43	1,5	1	0,25
Новое	—	—	—	—	—	1,5	—	—
Всего	423	1187	2,8	195	5,58	—	—	—

Приказ старца Антония Окулова (Балашковских сел) — Тверской уезд

Балашково	166	528	3,18	83	6,36	1,5	1,25	—
Раменка	95	190	2	47,5	4	1,5	1	—
Грызново	94	342	3,63	47	7,27	1,5	1,25	—
Елинархово	29	84	2,89	14,5	5,79	1,5	—	—
Турово	196	437	2,23	98	4,46	1,12	1	0,5
Всего	580	1581	2,72	290	5,45	—	—	—

Приказ старца Иякова Соколова (Луковниковских сел) — Старицкий уезд

Луковниково	180	419,5	2,33	90	4,66	1	0,88	0,75
Неверово	56	218	3,9	28	7,78	1,5	1,25	—
Козьмодемьянское	75	145	1,93	37,5	3,86	—	1	—
Фаустова Гора	62	137	2,2	31	4,42	1,5	1,25	—
Всего	373	919,5	2,46	186,5	4,94	—	—	—

Приказ старца Макария Ржевского (Спасских Заволоцких сел) — Рузский уезд

Ракитино	73	241,5	3,3	36,5	6,61	2	1,5	—
Курьяново	77	79,25	2,34	38,5	4,65	1	0,75	—
Гаврино	57	89	1,56	28,5	3,12	1	0,75	—
Зубово	80	249,5	3,11	40	6,23	1,25	1	—
Ивановское	80	220	2,75	40	5,5	1,75	1,5	—
Спасское	95	290,75	3,06	41,5	6,12	1,75	1,5	1,25
Судниково	70	220,5	3,15	35	6,3	1,75	1,5	—
Сафатово	30	124	4,13	15	8,26	—	1,5	—
Всего	562	1614,5	2,87	275	5,74	—	—	—

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 1192, оп. 1, д. 405.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Приказ старца Васьяна Темкина (Успенских сел) — Рузский уезд</i>								
Белково	70	110	1,57	35	3,14	—	1	0,25
Успенское	72	187,5	2,604	36	5,208	—	1,25	—
Балабаново	64	185	2,89	32	5,78	1,5	1,25	—
Распутино	37	111,75	3,02	18,5	6,04	1,5	1,25	—
Кондратово	82	285	3,47	41	6,95	—	1,5	—
Лествицино	60	90	1,5	30	3	1	0,5	—
Ворсино	45	139,5	3,1	22,5	6,2	—	1,25	—
Шестаково	138	193,5	1,45	66,5	2,9	—	1,5	—
Иевлево	70	150	2,14	35	4,28	—	1,25	—
Всего	633	1452,25	2,29	316,5	4,58	—	—	—
<i>Приказ старца Феодосия (Бужаровских сел) — Дмитровский уезд</i>								
Бужарово	160	556,25	3,47	80	6,95	1,5	1,25	1
Реткино	41	181,25	4,42	20,5	8,84	1,5	1,25	1
Горбово	27	108,75	4,03	13,5	8,06	1,5	1,25	1
Савельево	35	131	3,74	17,5	7,48	1,5	1,25	1
Молочкино	51	176,25	3,46	25,5	6,92	1,5	1,25	1
Малюцино	59	93	1,58	29,5	3,16	1,25	0,75	0,5
Бели	66	196,25	2,97	33	5,94	1,5	1,25	1
Ангелово (Москов- ский у.)	?	331,25	—	—	—	1,75 2	1,5 1,75	—
						(на пустоши Немчинове)		
Всего	439	1442,75 без с. Ангелово	3,29	219,5	—	—	—	—
Итого по всей мо- настырской вот- чине	3010	8528,25	2,83	1482,5	5,66	—	—	—

2. Средняя урожайность основных культур за ряд лет с 1592 по 1604 г.⁵¹

Год	Урожайность в «самах»					
	ржи	овса	жита	пшеницы	гороха	гречихи
1592	2,83	2	4,85	0,96	3,83	1,35
1594	1,92	1,31	3,47	1,37	2,64	1,99
1599	2,6	1,67	2,69	1,35	3,57	2,2
1604	2,98	2,14	3,91	2,57	3,66	0,81

3. Сравнительная таблица урожайности в центральных уездах и в Владимирско-Суздальском ополье в 1592 г.⁵²

Место	Урожайность в «самах»				
	ржи	овса	жита	пшеницы	гороха
Село Обобурово	3,22	3,38	5	2,75	16
Средняя урожайность по 6 приказам	2,83	2	4,85	0,96	3,83

⁵¹ Таблица составлена на основании источников, указанных в сноске 47.

⁵² Таблица составлена на основании предыдущих.

VIII. КОЗЕЛЬСКИЙ УЕЗД

Урожайность на монастырской пашне в с. Вейна⁵³

Год	Урожайность в «самах»						
	ржи	овса	жита	пшеницы	гороха	гречихи	проса
1592	5,85	3,34	5,4	1,69	8,33	1,9	75
1594	3,83	2,14	4,65	6,04	4,77	8,7	25
1599	4,26	3,15	4,58	4,75	7,25	4,7	21,62
1604	4,82	2,58	4,95	6,12	6,22	1,77	3

⁵³ См. ЦГАДА, ф. 1192, оп. 2, д. 9, 14; оп. 1, д. 405; архив ЛОИИ, ф. Иосифо-Волокол. мон-ря, д. 1032.

И. Д. Бойко

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ УКРАИНЫ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Специальных исследований, посвященных производительным силам Украины XVI — первой половины XVII в., пока не имеется. Лишь отдельные вопросы этой большой проблемы в какой-то мере освещались в работах ряда историков и экономистов¹. Однако на основании этих работ нельзя сделать обобщений о состоянии и уровне производительных сил на Украине указанного периода в целом, и в сельском хозяйстве Украины в частности.

Предлагаемая статья является первой попыткой такого исследования, причем автор ограничивается только земледельческим и скотоводческим хозяйством, помещичьим и крестьянским.

Основной отраслью народного хозяйства Украины в XVI — первой половине XVII в. являлось земледелие. Лишь в южных предгорных районах Русского воеводства, в юго-восточных районах Побужья (Брацлавщины) и Приднепровья (Киевщины и Переяславщины) до начала XVII в. главными отраслями народного хозяйства являлись скотоводство и промыслы, так как систематические татарские вторжения в эти районы не позволяли успешно заниматься земледелием.

Уровень производительных сил в земледелии на Украине в XVI — первой половине XVII в. можно установить комплексным выяснением ряда вопросов: 1) о количестве крестьянского населения и исторически сложившемся опыте ведения им сельского хозяйства; 2) об уровне развития земледельческих орудий; 3) о количестве и качестве тягловой рабочей силы; 4) об урожайности и др. В небольшой статье нельзя, конечно, дать исчерпывающий ответ на эти вопросы, но все же мы считаем полезным поделиться добытыми наблюдениями, позволяющими воссоздать общую картину состояния производительных сил в сельском хозяйстве Украины описываемого времени.

Переходя к вопросу о количестве крестьянского населения на Украине того времени, необходимо прежде всего отметить, что Украина являлась преимущественно сельскохозяйственной страной и основная масса ее населения занималась земледелием. По подсчетам А. И. Барановича² и Е. С. Компан³, в первой половине XVII в. на Украине жило от 4 до 5 млн. человек. Такое количество населения, при высоком проценте занимающихся сельским хозяйством (около 90%), способно было обеспечить в основном необходимой рабочей силой эту отрасль народного хозяйства.

В отношении земледельческой техники можно считать, что господствующим орудием вспашки земли являлся деревянный плуг с железным лемехом. Наряду с плугом употреблялась в земледельческом хозяйстве и соха (особенно в районах, где преобладают песчаные почвы), но она играла второстепенную роль. Не исчезла из хозяйственного обихода и мотыга, однако она являлась уже пережитком.

О массовом применении плуга в земледелии говорят многочисленные документы. Так, в 1552 г. 12 сел Луцкого ключа (Вольнь) должны были выставять для Гнидав-

¹ См. П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. М. 1952; Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 1—2. М. 1952—1954; История УССР, ч. I. Киев 1956; К. Г. Гуслистый. Нариси з історії України, вип. III. Київ 1941; І. Крип'якевич. Богдан Хмельницький. Київ 1954; А. И. Баранович. Украина накануне освободительной войны середины XVII в. М. 1959; М. С. Грушевський. Історія України-Руси, т. VI. Київ—Львів 1907; А. Яблоновский в ряде томов «Zródła dziejowe», а также в его «Pisma», t. III—IV (Warszawa 1911); А. Ярошевич. Нариси економічного життя на Україні, вип. VII. Київ 1927; Я. Рутковский. Экономическая история Польши. М. 1953, и др.

² А. И. Баранович. Население предстепной Украины в XVI в. — «Исторические записки», т. 32, 1950, стр. 209—211.

³ О. С. Компан. До питання про заселення України в XVII ст. — «Український історичний журнал», 1960, № 1, стор. 76.

ского двора 80 плугов⁴. В первой четверти XVII в. 13 сел (209 дворов) Звягельской волости (Волянь), принадлежавшие магнату Острожскому, пахали последнему 69 шестиволовыми плугами⁵.

Помимо плуга и сохи, для обработки земли применялось также рало с железными наконечниками (наральниками) на зубьях и без них, деревянные бороны, иногда с железными зубьями («крючками»).

Уборка хлеба производилась серпом и косой. Н. А. Горская отметила наличие в рассматриваемый период в центральных районах России импортированных из входивших в состав Литвы земель «кос-литовок»⁶, которые были более высокого качества, чем местные косы-горбуши.

Обмолот хлеба как в крестьянском, так и в помещичьем хозяйстве производился цепами. Однако в помещичьих хозяйствах встречались уже и молотильные катки⁷.

Основной системой полеводства на Украине было трехполье. В юго-восточных степных районах распространенным явлением была неурегулированная переложная система. В северных полесских районах встречалась и подсека.

Важным явлением в развитии производительных сил в земледелии является удобрение земли навозом. С развитием фольварочного хозяйства феодалы уделяли удобрению земли навозом все большее внимание. Об этом свидетельствует Статут великого княжества Литовского в редакции 1529 г.⁸ Во многих инвентарях содержится указания на то, что вывозка навоза из панских хозяйств Украины являлась обязательной частью крестьянских повинностей. Но отдельные феодалы не удовлетворялись этим, а требовали, чтобы крестьяне вывозили на фольварочные поля и навоз из своих хозяйств. Феодал Корнякт (Русское воеводство), например, требовал от каждого крестьянского двора вывозить на его поле по одной колоде навоза⁹. Земля удобрялась не только навозом, но и золой, полученной от сжигания дерева, что отмечал еще Гваньини¹⁰.

На Украине возделывались те же культуры, что и в России. Соотношение культур в помещичьем хозяйстве определялось качеством почвы, характером хозяйства (наличием товарного скота, винокурения и проч.), его связями с рынком. В крестьянском хозяйстве соотношение культур определялось главным образом качеством почвы, а также количеством едоков в семье: чем больше была семья, тем большая часть земли отводилась под рожь.

Основной тягловой силой в земледельческом хозяйстве на Украине были волы, вспомогательной — лошади. Количество голов рабочего скота в хозяйстве, составлявшее единицу тягла, было различным в зависимости от конкретных условий каждого района — размера земельного надела, качества почвы, характера помещичьего хозяйства, состояния связей района с внутренним и внешним рынками и др. В XVI в. типичной тягловой единицей при полном наделе (около 20 га) считалось от 6 до 8 волов. В первой половине XVII в. такая единица удерживалась только в юго-восточных районах, да и то с большими отклонениями во многих владениях в сторону уменьшения. Что же касается Русского воеводства, то здесь крестьянские дворы с полным наделом являлись уже редким исключением, типичным было полулановое (около 10½ га) хозяйство, которому соответствовала упряжка из четырех волов, а нередко из двух волов и одной лошади. Для Воляни типичным в это время являлось полулановое хозяйство с упряжкой в четыре вола.

Изменения в количестве тягла в крестьянских дворах, имевшие место в первой половине XVII в., являлись прямым следствием обезземеления крестьян в связи с организацией панских фольварков. При наделе в ½ лана крестьянин не мог содержать 6 или 8 волов и вынужден был переходить к двухпарной воловой упряжке, а нередко даже к одной паре волов и одной лошади. При таком положении крестьяне были вынуждены прибегать к супряге. В известной степени сокращению количества голов рабочего скота в крестьянском хозяйстве способствовало и увеличение распаханности почвы.

Условием существования и развития помещичьего хозяйства было крестьянское хозяйство. Помещичью землю обрабатывал крестьянин своим инвентарем. Собственные волы и плуги в помещичьих хозяйствах встречались, но, как правило, феодал обзаводился своим инвентарем только в том случае, если для выполнения всех хозяйственных работ в фольварке не хватало крестьянского инвентаря. Это имело место главным образом в южных и восточных районах, граничащих со степью. В центральных районах

⁴ Архив Юго-Западной России (далее — АЮЗР), ч. VII, т. I. Киев 1886, стр. 183.

⁵ ЦГИА УССР в Киеве, актовая книга № 131.

⁶ Н. А. Горская. Земледельческие орудия в центральной части Русского государства второй половины XVI — начала XVII века. — Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. 3. М. 1959, стр. 161.

⁷ Воссоединение Украины с Россией. Сб. документов, т. I. М. 1953, № 224, стр. 364.

⁸ Литовский статут 1529 г., разд. IX, § 20 (см. Временник Императ. Московского общества истории и древностей российских, 1854).

⁹ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 749, оп. I, д. 57.

¹⁰ См. П. Г. Клепатский. Очерки по истории Киевской земли. Одесса 1912, стр. 455.

Украины во многих помещичьих дворах имелись рабочие вола, предназначавшиеся в большинстве случаев для наделения безынвентарных крестьян.

Наряду с состоянием земельных орудий, количеством и качеством тягловой рабочей силы важнейшим показателем состояния и уровня производительных сил в земледелии является урожайность. Нужно отметить, что этот показатель изучен меньше всего. Частичные данные об урожайности приводятся в «*Źródła dziejowe*»: Яблоневский считал, что с 1 морга ($\frac{2}{3}$ га) собирали 6 коп озимого хлеба. На наш взгляд, эта цифра в основном соответствует действительности.

Для того чтобы делать более или менее достоверные расчеты по урожайности, нужно прийти к определенному мнению относительно размера копы, т. е. количества снопов в ней и объема снопа у перевязи. Мы считаем, что правильнее всего будет принимать в расчет на Украине такую копу, о какой говорится в инвентарных правилах Киевского губернского комитета от 1848 г. для правобережных украинских губерний¹¹. Согласно этим правилам, копа состояла из 60 снопов (традиционная копа, существовавшая на Украине длительное время); сноп в объеме возле перевязи должен был иметь от 5 до 6 четвертей, т. е. сноп был большой. Есть основание считать, что именно таким был сноп и в XVI—XVII вв., о чем свидетельствуют нормы обмолота снопов на человеко-день в это время и нормы обмолота по инвентарным правилам.

По данным Ю. М. Гроссмана, в Скниловском фольварке (Львовское староство) в 1627 г. одна копа ржи давала львовскую полумерку, или $\frac{1}{8}$ колоды, зерна. Урожайность в ряде фольварков в Русском воеводстве за 1616—1617 гг., по Ю. М. Гроссману, равнялась примерно сам-5¹².

Вопрос об урожайности на Украине в XVI—XVII вв. поднят и в работе А. И. Барановича¹³. К сожалению, А. И. Баранович оперирует данными лишь Овручского (Полесского) и Житомирского (Западного) староств Киевского воеводства, к тому же на примерах ограниченного количества хозяйств. По его данным, в 1622 г. в пяти фольварках Овручского староства урожайность была следующей: гороха — сам-4—5, пшеницы — сам-5, ячменя — сам-4, ржи — сам-3,6, овса — сам-2,5. Однако в отдельных фольварках, как указывает Баранович, люстраторы констатировали и другие цифры урожайности: в Островском фольварке урожайность овса составляла сам-5,5, в Гошовском фольварке урожай ячменя — сам-3, ржи — сам-2,5, овса — сам-1,25. В Житомирском старостве, по сведениям люстраторов, урожайность гороха была сам-7,6, ячменя — сам-7, пшеницы — сам-5,2, ржи — сам-4, овса — сам-2. Все эти цифры, приведенные А. И. Барановичем, нельзя признать за средние даже для указанных районов. Урожайность овса здесь явно занижена, а ячменя и гороха — завышена.

Приведем некоторые данные об урожайности в разных районах Украины на основании главным образом архивных и частично — опубликованных источников. В 1568 г. люстраторы фольварков Стрыйского староства на юге Галичины отметили, что копа пшеницы и копа проса дали в среднем по 2 полумерки; ржи, ячменя, овса и гречихи они считали по 3 полумерки на копу, а гороха — по $1\frac{1}{2}$ полумерки¹⁴. Если полумерку принять за 3 пуда, то, следовательно, копа пшеницы и проса давала 6 пудов, ржи, овса, ячменя и гречихи — по 9 пудов, гороха — по $4\frac{1}{2}$ пуда. Если считать, что в среднем с гектара снимали 8 коп пшеницы и копа давала 6 пудов, как отметили ревизоры, то при высеве на гектар 10 пудов урожайность пшеницы составит сам-4,8. Урожайность ржи и яровых, кроме гороха, при аналогичном расчете составит сам-7,2. Однако поскольку в действительности урожайность этих культур была значительно выше, то следует исходить из другого расчета, а именно брать не 8 коп с гектара, как в случае с пшеницей и просом, а по меньшей мере по 10 коп, и тогда урожайность окажется равной сам-9. Видимо, так оно и было.

Примерно такая же картина наблюдается и в соседнем Самборском старостве. В 1564 г. при высеве 50 колов пшеницы урожай ее составил 1200 коп¹⁵. Если принять колоду за 24 пуда¹⁶, а средний урожай с копы считать равным 6 пудам, то будем иметь урожайность сам-6. Что с копы получали в среднем около 6 пудов зерна, можно подкрепить и другим расчетом: 50 колодами могли засеять 120 га (по 10 пудов на 1 га), а снято было при этом, как отмечено, 1200 коп, т. е. на 1 га уродилось 10 коп; при таком среднем урожае копа давала около 6 пудов зерна, так что урожайность ржи должна была составлять сам-6. Но ревизоры, видимо, усомнились в верности показаний администрации и в конце инвентаря записали, что рожь, ячмень, овес

¹¹ Киевский областной государственный исторический архив, ф. 11, оп. 1, ч. 1, д. 2, л. 21.

¹² Ю. М. Гроссман. Экономическое положение королевских крестьян Русского и Белзского воеводств в первой половине XVII в. (рукопись кандидатской диссертации).

¹³ А. И. Баранович. Украина накануне освободительной войны середины XVII в.

¹⁴ Archiwum Główny Aktów Dawnych w Warszawie (далее — AGAD), Metryka litewska (ML), dział IV, B, Nr. 122, k. 6.

¹⁵ Там же, к. 188—259.

¹⁶ Там же.

и гречиха дали по 9 пудов с копы, а это значит, что урожайность этих культур была около сам-9, что вполне возможно, если принять во внимание хорошее качество почвы в самборских фольварках.

В Дрогобычском фольварке в том же году высев 1 колоды пшеницы дал урожая 8,6 колоды, т. е. урожайность составляла сам-8,6. Ревизоры объяснили высокую урожайность тем обстоятельством, что пшеница была посеяна «по первому навозе»¹⁷.

В 5 фольварках Городокского староства средняя урожайность ржи в 1569 г. составляла, по определению того времени, сам-5, урожайность пшеницы была несколько ниже, зато урожайность овса, занимавшего большую площадь, была выше урожайности ржи¹⁸.

В фольварках Белзского староства в 1628 г. с 1 копы ржи намолот составил 2 корца, т. е. около 12 пудов. Такой намолот бывает, как правило, при урожайности сам-10.

Как видим, данные по многим фольварочным хозяйствам свидетельствуют об урожайности сам-6 и выше.

Обратимся к показателям урожайности на Волини. В Ляховецком ключе (ключ охватывал около 30 сел) в 1624 г. урожайность ржи, по данным управляющего, составляла сам-4,6, в 1626 г. — сам-3,3, в 1628 г. — сам-3,2¹⁹. Можно предполагать, что такой — минимальный — уровень урожайности в селениях ключа был следствием разорения их в эти годы татарами. Но все же есть основание считать, что фактическая урожайность была выше показанной управляющим: ревизия вскрыла, что в 1625 г. он утаил два стога ржи и в 1626 и 1627 гг. — по четыре стога²⁰, а ведь в четырех стогах могло быть минимум 120 копен хлеба.

В с. Романовка (владение Острожского в районе Староконстантинова) при высеве 30 мер ржи урожай составил 700 коп, в с. Глинники при высеве 24 мац было получено 600 коп ржи²¹. По этим данным урожайность можно определить в сам-5,8²².

В северной части Волини, где почва была хуже, чем в центральной ее части, в 8 староствах Ковельского староства, согласно инвентарю от 1590 г., урожайность ржи составляла в среднем сам-3,75, пшеницы — сам-5, ячменя — сам-4,3, овса — сам-5²³.

Значительно выше была урожайность в средней и южной частях Киевского воеводства — в Киевском и Житомирском староствах. В одном из документов Житомирского гродского суда от 1645 г. приводятся следующие цифры о количестве высеянного зерна и возможном урожае: ржи было высеяно на Иванковском поле 20 мер, что могло дать урожая 700 коп, пшеницы высели 8 мер (урожай мог составить 200 коп), овса — 16 мер (могли дать 300 коп) и ячменя — 6 мер (могли дать 100 коп)²⁴. Здесь, видимо, имеется в виду большая мера — в 24 пуда, так как на одну меру посева ржи приходилось 35 коп урожая. Принимая при расчете, что одной мерой можно засеять 2,4 га, получим, что урожай с 1 га составлял около 14½ коп. Если считать, что с копы получали по 6 пудов зерна, то в расчете на гектар урожай будет 87 пудов, следовательно, урожайность будет равняться сам-8,7. Если же допустить, что намолот с копы был не 6, а 8 пудов (это будет законным при урожае 14½ коп с 1 га), то урожайность ржи повысится до сам-11,6, пшеницы (при намолоте с копы 6 пудов) — до сам-11, овса (при том же намолоте) — до сам-4,8, ячменя (при том же намолоте) — приблизительно до сам-4,2. Правда, не исключено, что в судебном документе возможный урожай был несколько преувеличен.

В арендованном шляхтичем Серпутовским имении Чернорудка (Житомирский повет) при высеве 30 мер ржи урожай составил 800 коп, при высеве 10 мер пшеницы — 400 коп²⁵. Если принять намолот с копы равным 6 пудам, то и тогда урожайность ржи достигнет сам-6,6, пшеницы — сам-10. Но приписка, что копы пшеницы состояли из «незвичайно великих снопов», позволяет считать, что с копы намолачивалось не менее 8 пудов; тогда урожайность пшеницы окажется равной сам-13,3.

Приведенные данные об урожаях во многих фольварках различных районов Украины в разные годы второй половины XVI — первой половины XVII в. дают, как нам представляется, основание считать, что средняя урожайность на Украине была не ниже сам-6, а во многих хозяйствах и выше. Правда, рассматривая данные об урожаях в отдельных хозяйствах, необходимо помнить, что в те времена часто случались засухи и посевы нередко уничтожались саранчой²⁶.

¹⁷ AGAD, ML, dział IV, B, Nr. 122, k. 511.

¹⁸ Библиотека АН УССР во Львове, отдел рукописей, № 4924, л. 25.

¹⁹ ЦГИА УССР во Львове, ф. 181, оп. 2, д. 234.

²⁰ Там же.

²¹ ЦГИА УССР в Киеве, акт. книга № 131, стр. 271.

²² Мы здесь предполагаем, что мера ржи в Романовке равнялась маце, т. е. 24 пудам, как и в Глинниках.

²³ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 1, оп. 2, д. 5935.

²⁴ Там же, д. 3.

²⁵ Там же, акт. книга № 17.

²⁶ См. АЮЗР, ч. VII, т. II. Киев 1890, люстрация подольских староств; А. И. Банович. Украина накануне освободительной войны середины XVII в., стр. 130;

Для выяснения уровня производительных сил в земледелии Украины в исследуемый период необходимо установить также общие размеры ежегодной продукции зерна и технических культур по Украине в целом, определить количество этой продукции на душу населения. Имеющиеся источники не позволяют решить эту задачу во всей ее полноте. Однако они дают основание утверждать, что общий объем продукции зерна и технических культур в значительной мере превышал потребление ее населением внутри страны, что позволяло часть ее сбывать на внешних рынках. О том, какое количество хлеба вывозилось с Украины на внешние рынки, точных данных не имеется.

Архивные и опубликованные документы свидетельствуют о большом объеме продукции многих земледельческих имений и о сбыте ее на внутреннем и внешнем рынках. В 6 фольварках Самборского староства в 1566 г. хранилось свыше 16 000 коп хлеба (не считая конопля, льна, мака), в том числе 3700 коп пшеницы²⁷, т. е. всего около 96 000 пудов. В Грубешовском старостве в 1616 г. имелось в наличии хлеба 14 300 коп, или около 85 000 пудов²⁸. В 1566 г. Самборское староство имело 7 фольварков, в шести из них было собрано 16 600 коп, т. е. около 98 500 пудов разного хлеба²⁹. В имении Вчорайше (Киевский повет) в 1608 г. было награблено 11 000 коп разного хлеба, т. е. около 66 000 пудов³⁰. В Котельницком имении Ружинской в 1611 г. было уничтожено во время наезда 10 000 коп хлеба, т. е. около 60 000 пудов³¹. В 5 фольварках, принадлежавших гор. Городку (Русское воеводство), в 1616 г. было собрано 5746 коп разного хлеба, или около 35 500 пудов³². Большое количество хлеба получало от своих 9 фольварков Грубешовское староство: в 1616 г. было собрано 14 240 коп, или 85 440 пудов³³. В Ляховецком ключе (на Волыни) в 1624—1628 гг. было получено свыше 93 000 пудов хлеба. В имении Львовской епископии в 1645 г. было собрано до 64 000 пудов зерна³⁴. В с. Кривое Житомирского повета, принадлежавшем Ю. Чечелю из Новоселицы, во время наезда в 1645 г. было награблено 4170 коп, т. е. около 25 000 пудов. Количество коп в скирдах в этом селе в 1645 г. показано следующее: в 8 скирдах ржи — 880 коп, в 4 скирдах пшеницы — 370 коп, в 3 скирдах ячменя — 390 коп, в 5 скирдах гороха — 750 коп, в 4 скирдах овса — 480 коп, в 4 скирдах проса — 600 коп³⁵. Огромное количество хлеба имелось во владениях крупнейшего украинского магната Острожского. Только в его старокопстантиновских имениях на Волыни (они охватывали свыше 180 поселений) из урожая 1610—1614 гг. (главным образом 1614 г.) находилось в копах и закромах около полумиллиона пудов разного хлеба³⁶.

О значительных излишках хлебной продукции в помещичьих владениях, особенно после создания фольварочных хозяйств, свидетельствует также переработка огромного количества зерна на водку и пиво. Винокурни и пивоварни существовали почти во всех больших и средних помещичьих владениях. По данным А. Яблоновского, на Волыни в 1569 г. было 86 винокурен³⁷. Обычно водочные и пивоваренные предприятия были на два-три котла, но некоторые из них были для своего времени весьма немалыми. Так, например, Иванковский завод (Киевский повет) имел шесть котлов водочных и один пивной. Во время наезда на Иванковское имение в нем были захвачены три бочки водки, по 1000 кварт каждая³⁸. Во время наезда в 1608 г. на имение Вчорайше (на Киевщине) в нем было забрано 3000 кварт «оковитой» (очищенной) водки стоимостью в 1500 злотых и 4000 кварт простой водки стоимостью в 400 злотых³⁹. Во время наезда Доминика Заславского (1646 г.) на имение Коховской Пятка (на Волыни) в нем было захвачено 12 котлов⁴⁰. В упоминавшемся уже имении Кривое было захвачено 3600 кварт водки.

Узость внутреннего рынка для сбыта земледельческой продукции фольварков, невыгодность сбыта на внешних рынках из-за удаленности многих районов от речных торговых путей понуждали феодалов параллельно с земледельческим развивать и животноводческое хозяйство, частично птицеводство. Земледельческое и животноводческое

см. также «Львовскую летопись» («Науковий збірник Галицько-Руської Матиці». Львів 1867, вип. I—IV), а также «Острожський летописец» («Історический архив», т. VII. М. 1951).

²⁷ AGAD, ML, dział IV, B, Nr. 13, k. 22.

²⁸ AGAD, Lustracy i rewizji dóbr królewskich (LRDK), dział XVIII, ks. 5, Nr. 47.

²⁹ Гос. публичная библиотека АН УССР в Киеве, отдел рукописей, II, № 1365—1430, копия.

³⁰ AGAD, ML, dział IV, B, Nr. 22.

³¹ А. Ярошевич. Нариси економічного життя..., вип. VII, стор. 90.

³² AGAD, LRDK, dział XVIII, ks. 5, Nr. 47.

³³ Там же.

³⁴ Сб. документов «Русское воеводство перед освободительной войной украинского народа 1648—1654 гг.», док. № 102. (Издательский портфель Архивного управления УССР.)

³⁵ ЦГИА УССР в Киеве, акт. книга № 17.

³⁶ Библиотека АН УССР во Львове, отдел рукописей, № 39.

³⁷ Pisma A. Jabłonowskiego, t. IV, str. 148.

³⁸ Україна перед визвольною війною 1648—1654 рр. Збірка документів (1639—1648 рр.). Київ 1946, стор. 68—69.

³⁹ ЦГИА УССР в Киеве, акт. книга № 5, стр. 336—339.

⁴⁰ Там же, акт. книга № 17, акт № 308. —

хозяйство выгодно дополняли одно другое. Дешевый хлеб, использованный на откорм рогатого скота, лошадей и свиней, давал хороший доход. В то же время животноводческое хозяйство доставляло навоз, которым удобрялась земля под посевы.

Вот некоторые факты о животноводческом хозяйстве. В 17 фольварках упомянутых уже староконстантиновских владений Острожского в 1615 г. было: лошадей — 365, рабочих волов — 164, быков — 148, коров и телок — 386, телят — 61, свиней — 254, поросят (показаны не во всех фольварках) — 176, овец — 843, верблюдов — 14. В инвентаре записаны еще 824 головы разной птицы⁴¹. Кроме того, в Степанском ключе Острожскому принадлежало: разного рогатого скота — 1125 голов (из них рабочих волов — 61), свиней — 274, овец — 236, коз — 156, птицы — 853. Ежегодно Острожский получал от подданных в виде ренты: яловиц, баранов и вепрей — по 71, каплунов и гусей — по 567. На кухню Острожского, по данным инвентаря, ежегодно шло 104 головы коров и волов. Следовательно, он мог сбывать на рынке большое количество скота. В фольварочном хозяйстве с. Топорище Житомирского повета в 1584 г. значилось: рогатого скота (в том числе и телят) — 131 голова, овец — 380, свиней (в том числе и поросят) — 570, лошадей — 40, гусей и кур — 250⁴².

Наряду с откормом рогатого скота и овец на мясо, в отдельных владениях развивалось и молочное хозяйство. В Каменецком фольварке (Подолье) в 1564 г. за надоенное от 40 коров и 250 овец молоко был выручен 131 злотый⁴³. В 8 небольших фольварках Ковельского староства в 1556 г. были 572 головы скота, в том числе 120 дойных коров⁴⁴. В имении упомянутой уже Львовской епископии были 222 коровы, причем 33 из них являлись «породистыми». Кроме того, в хозяйстве были еще 122 яловицы и быка, а также 92 теленка⁴⁵. В имении Пятка (Волинь) в 1646 г. животноводческое хозяйство насчитывало 100 дойных коров, 800 дойных овец, 206 свиней⁴⁶. В этом имении во время наезда было захвачено 470 разных шкур и 2000 рун шерсти⁴⁷.

В с. Кривое в 1645 г. насчитывалось 85 волов и быков, 55 коров, 50 голов молодого рогатого скота, 80 лошадей, 600 овец-маток, 100 баранов и коз, 172 головы старых свиней⁴⁸. Во владении Вчорайше (Киевщина) в 1608 г. во время наезда было захвачено 100 дойных коров, 60 яловиц, 40 волов, 100 голов мелкого скота, 300 овец, 250 свиней. Весь скот и свиньи были оценены в 3000 злотых. Кроме того, было захвачено 60 коп сыра стоимостью в 300 коп грошей и 15 полубочек масла стоимостью в 750 польских злотых⁴⁹.

Приведенные данные не оставляют, по нашему мнению, сомнения в том, что мы имеем дело с товарным животноводческим хозяйством, мясным и молочным.

О товарном характере животноводческих хозяйств феодалов Украины свидетельствуют и другого рода источники. В 1630 г. киевский воевода Януш Тышкевич отправил в Ярослав (Галицкий) 200 волов, как сказано в документе, «власные его милости, не скупованные»⁵⁰. В 1640 г. из киевских имений Суходольского было отправлено в Ярослав 200 волов «власных... оных доморослых в маестности их и фольварках его милости выкормленных, другие с поволошщины з тых маестностей его милости приспособленных»; шляхтич Ю. Ойзринский погнал в Ярослав с Киевщины 120 волов. В том же году киевский епископ Соколовский из фастовских и бобинских имений отправил 304 волов и 235 яловиц в Польшу, «где бы мог продать». Тогда же один шляхтич послал из киевских имений 100 волов, которые «вбрано, а не скуповано, збожем и сеном власным его милости зимоване»⁵¹. В 1644 г. магнат Конецпольский погнал из Корсунщины (южная часть Киевщины) на западные рынки 300 волов. В 1646 г. из Житомирского повета было отправлено шляхтичами на западные рынки: Суходольскими — 220 волов, Быковским — 150, Сушанским — 105, Пересецким — 120, двумя Стрибиями — 225 волов⁵².

Крупнейшие ярмарки, где сбывались волы и лошади, находились в Русском воеводстве и в Польше. Среди них выделялись ярмарки перемышльская, ярославская, львовская и др. В то же время с Левобережной Украины много скота и лошадей отправлялось и на русские рынки⁵³.

⁴¹ Библиотека АН УССР во Львове, отдел рукописей, № 39.

⁴² *Zródła dziejowe*, t. XXII. Warszawa 1897, str. 268.

⁴³ АЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 186—190.

⁴⁴ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 1, оп. 1, д. 5935, л. 45.

⁴⁵ Сб. документов «Русское воеводство перед освободительной войной 1648—1654 гг.», док. № 102.

⁴⁶ ЦГИА УССР в Киеве, акт. книга № 17, акт № 308.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, ф. 11, оп. 1, кн. 5, стр. 336—339.

⁴⁹ Там же, акт. книга № 15, стр. 1156—1157.

⁵⁰ Свидетельские показания о том, что гурты были «власные» (т. е. собственные), «не скупованные», выкормленные в имении феодала, не всегда, конечно, соответствовали действительности. Они давались под присягой потому, что шляхтичи имели право беспощадно возводить на внешние рынки продукцию только из собственных имений, а не купленную.

⁵¹ ЦГИА УССР в Киеве, акт. книга № 15, стр. 694—695, 1335—1336, 987.

⁵² I. Кривий, ф. 1, кн. 5, стр. 120.

⁵³ См. Историчне значення воз'єднання України з Росією. Київ 1954, стор. 47:

О товарности животноводческих хозяйств феодалов свидетельствуют также конские заводы, имевшиеся в больших владениях. Так, в фольварке Острожского Суше-нича отмечено 157 жеребцов, в с. Воронковцы — 51, в с. Западницы — 26, в местечке Васильев — 34, в Староконстантиновском фольварке — 108 жеребцов⁵⁴. В имении луцкого епископа Красенского имелся конский завод (1571 г.), состоявший из 70 голов лошадей⁵⁵. В имении Медыка (Русское воеводство) в 1570 г. числилось 40 жеребцов⁵⁶. В имении Смолева шляхтича Ив. Борзобогатого во время наезда были захвачены 53 кобылы с жеребятами и 30 жеребцов⁵⁷. В Ямпольском княжеском ключе (видимо, Радзивиллов) в 1637 г. числилось 960 голов лошадей и 10 верблюдов⁵⁸. Конские заводы имелись также в Козловском и Купловском фольварках (оба в Русском воеводстве), в Юсовецком имении (Подолье) и др.

Здесь приведены примеры относительно высокого уровня производительных сил в хозяйствах феодалов, главным образом в крупных и средних помещичьих владениях. Были ли объективные условия для поднятия помещичьих хозяйств на еще более высокий уровень? Безусловно, были. К этим условиям прежде всего относятся хорошая, пригодная для земледелия почва, благоприятные климатические условия, обеспеченность выпасами и водопоями для ведения выпасного животноводства. Однако экономический и общественный строй Польши и Украины того времени создавал огромные препятствия для развития производительных сил. Отметим некоторые из них.

В первой половине XVII в. на Украине сложилось крупное землевладение. В Киевском воеводстве в 1640 г. 27 магнатам принадлежало 68% крестьянских дворов, 117 средних владельцев держали 26% дворов и 242 мелких владельца — лишь 6% дворов⁵⁹. Еще больший процент владений принадлежал магнатам на Волыни и в Подолье⁶⁰. В связи с этим следует иметь в виду указание В. И. Ленина о крупном землевладении в России в начале XX в. — указание о том, что латифундии не могут обрабатываться инвентарем владельца и наемными рабочими: «В значительной степени неизбежной является, при таком положении дела, старая барщинная система, то есть существование мелкой культуры, мелкого хозяйства на крупных латифундиях, обработка помещичьей земли инвентарем мелкого крестьянина»⁶¹. Между тем, В. И. Ленин, как известно, неоднократно подчеркивал примитивность крестьянского инвентаря, не позволявшего интенсивно развивать производительные силы в земледелии. Это в полной мере относится и к XVII в.

Специфической особенностью экономической жизни Польши и Украины того времени было также то, что очень многие феодалы, нуждаясь в деньгах, отдавали свои имения в залог или в аренду лицам шляхетского и нешляхетского звания, с предоставлением арендаторам права бесконтрольного хозяйничанья по своему усмотрению. Арендаторы же с целью извлечения из имения максимальных доходов за период аренды приводили его хозяйство к глубокому истощению, а иногда и к полному разрушению. Немногим лучше обстояло дело и в государственных имениях, сданных шляхтичам во временное пользование на различных условиях.

* * *

Производительные силы в крестьянском хозяйстве труднее поддаются изучению, чем в помещичьем, так как налоговые списки, инвентари и ревизии не фиксировали, как правило, ни размеров высева в крестьянском хозяйстве, ни размеров урожая. Одни документы отмечали лишь норму земельного надела, другие — обеспеченность крестьянских дворов тягловой рабочей силой, иногда обеспеченность скотом вообще и наличие промыслов. Реже встречаются инвентари, в которых фиксировался и надел, и обеспеченность скотом. О количестве высеянного на крестьянских нивах зерна и об урожае, действительном или возможном, имеются данные в другой группе документов — главным образом в судебных актах. Но эти документы значительно менее надежны, чем инвентари. Как правило, в них содержатся завышенные данные о возможном урожае или о количестве уничтоженного хлеба.

Крестьянское хозяйство было натуральным. Основное количество вырабатывавшегося крестьянами хлеба удовлетворяло потребность в нем самого крестьянства.

Говоря о производительных силах в крестьянском хозяйстве, необходимо иметь в виду как средних крестьян (имевших надел около 10½ га), так и, особенно, зажиточную верхушку крестьянства. В различных районах эта последняя группа составляла от 10 до 30% дворов, а в отдельных селах — и более. Эта часть крестьянства имела значительные хлебные и мясные излишки, которые она сбывала на ближних рынках.

⁵⁴ Библиотека АН УССР во Львове, отдел рукописей, № 39, инвентарь.

⁵⁵ Гос. публичная библиотека АН УССР в Киеве, отдел рукописей, II, № 1365—1430.

⁵⁶ AGAD, Archiwum Skarba Koronnego, IV, Nr. 36.

⁵⁷ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 25, кн. 2035, л. 167.

⁵⁸ Государственный архив Минской области, ф. 694, № 1495.

⁵⁹ См. I. Кр и п'я к е в и ч. Богдан Хмельницький, стор. 18—19.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 58.

Среди верхушки крестьянства особенно выделялись своей зажиточностью войты, «князья», осадники, атаманы, тиуны, а также не принадлежавшие к классу шляхетства «бояры». Как правило, крестьянин-боярин владел двумя волоками, но нередко встречаются боярские дворы, имевшие по 3—4 волоки, а отдельные дворы имели от 5 до 10 волок. Сколько было всех боярских дворов на Украине, установить невозможно. Можно лишь отметить, что в окраинных районах их было значительно больше, чем в центральных.

Ниже всего уровень производительных сил в крестьянском хозяйстве был, по-видимому, в Русском воеводстве, особенно в северо-западных его районах, где в первой половине XVII в. во многих местностях надел был уже менее полулана. Такой надел не обеспечивал крестьянскую семью хлебом. Эти хозяйства не могли держать и много скота. В полулановом хозяйстве вырабатывался прибавочный продукт, но он был очень ограниченным. Часть его все же поступала на рынок, о чем свидетельствуют документы. Однако добиться расширенного воспроизводства в таком хозяйстве было очень трудно, тем более в Русском воеводстве, где существовала самая высокая норма эксплуатации крестьянина, который работал на феодала 5—6 дней в неделю за неполный надел. Исключения составляли скотоводческие хозяйства в юго-западной, предгорной части воеводства.

На более высоком уровне находились производительные силы в крестьянском хозяйстве Волынского воеводства, особенно в центральных и южных его районах. Здесь основной нормой надела было $\frac{1}{2}$ лана на двор, причем крестьяне, сидевшие на таком наделе, как правило, работали на барщине 2—3 дня в неделю и обязаны были вносить небольшую денежную и натуральную ренту. Но нередким явлением были здесь и дворы с полным наделом⁶². Нужно, впрочем, оговориться, что полный надел не всегда был показателем зажиточности крестьянского двора. При низком качестве почвы, недостаточной обеспеченности скотом и рабочими руками лановое хозяйство могло стоять на уровне полуланового.

По сравнению с Русским воеводством на Волыни было больше крестьянских хозяйств, осуществлявших расширенное воспроизводство и имевших излишки хлебных и мясных продуктов, часть которых они сбывали на рынке.

Значительное количество зажиточных крестьян встречается на Подолье и в Побужье (бассейн Южного Буга). Однако, на наш взгляд, производительные силы в крестьянском хозяйстве Подолья и Брацлавщины интенсивнее всего развивались в скотоводческой области, а не в земледельческой (такое положение имело место и в соседней Молдавии). Нормальное ведение здесь земледельческого хозяйства было невозможно из-за частых вторжений татарских орд. Этот район нуждался в привозном хлебе, и на Подолье привозился хлеб даже с Киевщины. При тогдашней обстановке крестьянам на Подолье, а особенно на Брацлавщине было выгоднее заниматься скотоводством, и они им и занимались, о чем свидетельствует основной вид ренты в этом районе — рента продуктами, выражавшаяся главным образом в так наз. поволовшине, бараньей и свиной дани. Все же нужно отметить, что к началу XVII в. в северной части Подолья земледелие уже утвердилось прочно и, видимо, являлось здесь основной отраслью крестьянского хозяйства. В ряде сел к этому времени имелся уже большой процент крестьянских дворов, владевших полным наделом земли⁶³.

В Киевском воеводстве в конце XVI — первой половине XVII в., как свидетельствуют источники, производительные силы в крестьянском хозяйстве развивались интенсивнее, чем в западных областях Украины. Показателем их роста является прежде всего мощный процесс колонизации этой области сельским населением из западных областей, бежавшим от феодалов, и мещанским элементом, мигрировавшим относительно свободно. Показателем развития производительных сил здесь является также быстрый рост городов и местечек и интенсивно возраставшее разделение труда между городом и селом.

Говоря о производительных силах на Киевщине в крестьянском и в помещичьем хозяйстве, нужно учесть, что эта область охватывала огромную территорию по обе стороны среднего течения Днепра и состояла из нескольких районов, резко отличавшихся друг от друга как по уровню, так и по характеру производительных сил. Первое место занимали Житомирский повет и Киевское староство, где сравнительно с другими районами земледелие было более развито. Татарские набеги и внутрифеодальные раздоры ослабляли хозяйственное развитие области. Отрицательно сказывалось и отсутствие значительных местных рынков для сбыта сельскохозяйственной продукции; в то же время связи с внешними рынками затруднялись отсутствием удобных водных путей. Но крепостной гнет был здесь несравненно слабее, чем в западных областях, и, следовательно, крестьянин имел больше возможностей создавать в своем хозяйстве не только необходимый, но и прибавочный продукт. Поэтому-то здесь и встречаются исключительно зажиточные по тому времени крестьянские дворы. Например, крестьяне

⁶² См. об этом И. Д. Бойко. К вопросу о расслоении украинского крестьянства во второй половине XVI — первой половине XVII в. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1960 г. Киев 1962.

⁶³ См. там же.

с. Колодяжное Житомирского повета в результате наезда на это село Януша Острожского потеряли хлеба: от 90 до 200 коп — 9 дворов, от 200 до 400 коп — тоже 9 дворов, от 400 до 700 коп — 4 двора, свыше 1000 коп — 1 двор⁶⁴. Часть крестьянских дворов на Киевщине была хорошо обеспечена рабочим и прочим скотом. Во время наезда шляхтичей Серховецких на с. Великие Старосельцы (1643 г.) у крестьян было отнято: у Мартина — 6 волов стоимостью в 120 злотых и кляча, купленная за 40 злотых; у Макара — 5 волов стоимостью в 130 злотых и кляча ценой в 40 злотых; у Карпа — 3 лошади ценой в 100 злотых и 3 вола, стоившие 90 злотых; у Прохора — 2 лошади ценой в 70 злотых и 4 вола стоимостью в 98 злотых; у Ильи — 3 лошади, стоившие 115 злотых, и 5 волов стоимостью в 130 злотых. Ограблено было еще несколько дворов, причем из каждого было уведено от одного до трех волов или лошадей⁶⁵.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что экономический уровень крестьянской верхушки на Украине в XVI — первой половине XVII в. был относительно высоким. Будучи в основном натуральным, удовлетворяя потребности семьи в хлебе, мясе, молоке, овощах, шерсти и пеньке, зажиточное крестьянское хозяйство в то же время с каждым десятилетием расширяло связи с рынком.

Значительно ниже был экономический уровень крестьянских дворов с половинным наделом, т. е. с наделом размером около 10½ га. Эта часть крестьянства в среднем составляла в различных районах страны от 30 до 50%, т. е. представляла основную массу сельскохозяйственных производителей. Документы свидетельствуют, что и эти хозяйства имели связи с рынком. Продавая сельскохозяйственные продукты, крестьянин со средним наделом, в свою очередь, покупал скот, «железа плуговые», некоторые виды одежды, например жупаны и армяки суконные, кожухи, сапоги, предметы домашнего обихода.

Приведенные данные позволяют сделать некоторые выводы. Как нам представляется, утверждение ряда польских историков о том, что земледельческие фольварки в Польше уже с конца XVI в. переживали регресс, нельзя относить ко всей Украине в целом. Оно может быть в какой-то степени верным лишь в отношении средних и северо-западных районов Русского воеводства, где много крестьянских дворов имело надел менее полулана. В остальных областях основной фигурой сельского хозяйства являлся полулановый крестьянин. При всей своей скудости производительные силы такого хозяйства обеспечивали воспроизводство рабочей силы крестьянства и его инвентаря, создавая тем самым основу для развития фольварков.

Что же касается зажиточной крестьянской верхушки, то в отдельных дворах этой группы осуществлялось расширенное воспроизводство на основе надельной нормы земли, увеличения земельной площади путем аренды, а также путем разработки пустошей, организации промыслов и путем частичного применения как в земледельческом хозяйстве, так и на промыслах наемной рабочей силы. Однако поступательный ход развития производительных сил в крестьянском хозяйстве встречал на своем пути огромные препятствия вследствие дальнейшего наступления на крестьянство феодалов, выразившегося во многих районах в урезывании нормы крестьянского земельного надела и повсеместно в увеличении нормы эксплуатации крестьянства. Эти факторы являлись основной причиной обострения классовых противоречий между феодалами и крестьянством, которые вызвали в конце XVI и в первой половине XVII в. ряд крупных крестьянских восстаний, переросших в освободительную войну середины XVII в.

⁶⁴ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 11, оп. 1, кн. 1, лл. 228—229.

⁶⁵ Украина перед визвольною війною 1648—1654 рр., № 13, стр. 32.

Е. И. Чернышов

ТАТАРСКАЯ ДЕРЕВНЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI И XVII В.

Задачей статьи является характеристика татарской деревни второй половины XVI и XVII в. с точки зрения ее экономики, расслоения крестьянства и степени внедрения товарного производства, которое в центральных частях России было уже господствующим. Исследований по этому вопросу совсем не имеется¹, но есть очень ценные публикации источников².

Эти публикации документов, а также неопубликованные писцовые и переписные книги интересующего нас периода дают основание глубже изучить татарскую деревню. Для этой цели нами проанализированы данные писцовых, переписных и дозорных книг по Казанскому и Свияжскому уездам 1565—1567, 1602—1603, 1617—1619, 1646, 1685 и 1686 гг.³

Еще до завоевания Казанского ханства русские помещики считали его территорию «подрайской землицей». Публицист XVI в. Иван Пересветов прямо высказывал стремления русских помещиков скорее овладеть этими богатыми угодьями. Хорошо известен отзыв казанского летописца о природных богатствах Казанского ханства⁴. Другой знаток края и один из завоевателей Казани, князь Андрей Курбский, так описывает центральную часть Казанского ханства: «В земле той поля великие и зело преизобильные и гобзующие на всякие плоды; тако же и дворы княжат их и вельможей зело прекрасны и воистину удивления достойны и села часты; хлебов всяких такое множество, воистину вере ко исповеданию неподобно, аки бы на подобие множества звезд небесных; тако ж и скотов различных стад бесчисленные множества»⁵.

В течение 5 лет со времени завоевания Казани царским войскам удалось в результате многочисленных походов в глубь страны закрепить господство русского правительства в Камско-Волжском крае. Началось освоение земель бывшего Казанского ханства; во вновь присоединенный к России край направились многие русские крестьяне и посадские, купцы, помещики и вотчинники. Это бурное вторжение русского помещичье-вотчинного землевладения не могло не вызвать сильных изменений в татарском землепользовании, которые граничили с сильнейшим экономическим кризисом

¹ Г. Перетяткович в своих трудах уделял внимание колонизации и хозяйству русских помещиков; И. М. Покровский в работе «Казанский архиерейский дом» (Казань 1906) интересовался монастырскими владениями; книга Н. А. Фирсова «Положение инородцев Северо-восточной России в Московском государстве» (Казань 1866) написана на основе Полного собрания законов, без привлечения писцовых книг. В советские годы лишь Ш. Ф. Мухамедьяров изучал сельское хозяйство татар, но только в период Казанского ханства. Этому вопросу посвящены его диссертация «Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства», его статьи «К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV и XVI веках» (Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. 3. М. 1959), «Земельные правоотношения в Казанском ханстве» (Казань 1958). В «Известиях Казанского филиала Академии наук СССР» (1957, № 2) опубликована статья Ш. Ф. Мухамедьярова «Малоизвестная писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг.», но и она носит характер археографической заметки, имеющей целью подчеркнуть некоторые факты периода самостоятельности Казанского ханства.

² Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний. Казань 1859; С. Мельников. Список с писцовой книги по гор. Казани с уездом 1565—1567 гг. Казань 1887; Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда. Казань 1909; История Татарии в документах и материалах. М. 1937; Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск 1940—1952.

³ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 643, 848, 642, 153, 645, 6468 и 6447.

⁴ «Место пренарочито и красно вельми и скоропачитно и пчелисто и всякими земными семяны родимо и овощами преизобильно, и зверисто и рыбно и всякого угодия много...» (Казанская история. М.—Л. 1954, стр. 47).

⁵ Русская историческая библиотека, т. XXXI. СПб. 1914, стб. 190—191.

татарского сельского хозяйства как результатом социально-экономического и политического переворота в Камско-Волжском крае.

Из писцовых книг Дм. Кикина 1565—1567 гг. по Казанскому и Свияжскому уездам видно, что во владение русских помещиков и вотчинников перешло более 206 сел и деревень и 60 пустошей, до 1552 г. обрабатывавшихся татарами. На помещичьих землях, не считая дворцовых и ясачных, в это время проживало несколько более 1600 душ крестьян. В 60-х годах помещики ощущали громадную нехватку рабочих рук, так как земледельцы хотя и прибывали, но на помещичьих землях селились в последнюю очередь. Большинство крестьянского населения устраивалось на государевых и дворцовых землях, а также в монастырских вотчинах, ибо тут они обладали большей хозяйственной свободой, чем на землях помещичьих. Населенность крестьянского двора была незначительной: в Казанском уезде у 196 помещиков было 878 крестьянских дворов, в которых жило 1063 души. Выходит, что на каждого помещика в среднем приходилось $4\frac{1}{2}$ двора, а во дворе не было в среднем и полутора душ крестьян. В дальнейшем, в связи с прибытием новых масс русских крестьян, населенность дворов увеличилась, и в 1646 г. в Свияжском уезде на крестьянский двор приходилось уже в среднем почти 3,5 души, а на бобыльский — 2,64 души. Таким образом, мы могли констатировать весьма значительный рост населения. За первое столетие русского владения краем увеличилось и число помещиков; так, в Свияжском уезде в 1646 г. было 119 помещиков вместо 34 в 1565 г. Правда, на долю 64% всех помещиков приходилось 546 душ крестьян и 90 душ бобыльских, во всех их имениях был 171 двор крестьян и 37 дворов бобылей, т. е. на каждого помещика приходилось 2,72 двора, а на двор — немногим более 3 душ крестьян и бобылей. Это была самая малообеспеченная крестьянами группа помещиков. Если же взять другую группу помещиков, из которых каждый имел свыше 41 двора, то в эту группу попадает семь помещиков с 738 душами крестьян и бобылей (более 105 душ на каждого помещика).

Хозяйство помещиков все в большей степени становилось товарным. Если в XVI в. товарную продукцию давало луговоеводство и лесоводство, то в XVII в. товарами становятся и хлебопашество, и некоторые промышленные сельские производства, как поташное, кожевенное, винокуренное и ткацкое. Имея в своем распоряжении десятки тысяч пудов сена, помещики обращали его в товар, обладая значительной пашней и крепостными, помещики продавали хлеб купцам-скупщикам, а монастырские власти обзаводились даже грузовыми судами и сбывали хлеб вниз по Волге. Зажиточная часть государственных, дворцовых и монастырских крестьян тоже была вовлечена в товарно-денежные отношения, хотя, конечно, и в весьма ограниченном размере по сравнению с помещиками. Обширный Казанский край в XVII в. был заметным производителем товарного хлеба и фуража, причем потребителями этих товаров были не только отдаленные области, но и местное бобыльское население в деревнях и посадское в многочисленных городах. Казанский край представлял собой значительный местный рынок, органически вошедший в систему всероссийского рынка.

В городах Камско-Волжского края, и особенно в Казани, в XVII в. наблюдается заметное развитие мелкотоварного производства. Переписная книга по гор. Казани 1646 г. поименно указывает 299 наемных работников, тогда как крепостных указано лишь 158. Свободный труд в мелкотоварном производстве использовался почти в два раза больше крепостного⁶. Рядом с мастерскими в XVII в. возникли и небольшие мануфактуры — кожевенные, кирпичные, медеплавильные, мельничные, питейные, «зеленые» и селитряные, хотя, правда, на некоторых из них, особенно военного характера, использовался крепостной труд.

Развитие производительных сил требовало свободы хозяйственной инициативы, ломки крепостнических порядков, политика же правительства была направлена на усиление и распространение крепостничества. Эти противоречия в экономике и политике привели к усилению классовой борьбы в городе и деревне.

Прежде чем перейти к характеристике татарской деревни того времени, остановимся на одном существенном вопросе, который поставил Ш. Ф. Мухамедьяров в статье «Малоизвестная писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг.», где он отметил, что в книге очень часто упоминаются чуваш. Статья отмечает 802 двора чувашей в 73 селениях Казанского уезда. В течение второй половины XVI и всего XVII в. в писцовых и переписных книгах рядом со служилыми татарами действительно упоминается «ясачная чуваша». Получается, что татары были только служилые, а чуваш — только ясачные. Хотя такое деление заведомо весьма сомнительно, но это мало смущало исследователей, причем один из них, П. В. Денисов, считает, что жившие в Казанском уезде чуваш в XVI и XVII вв. были ассимилированы татарами и омусульманились. В доказательство этого он ссылается на документ — грамоту 1612 г. на угодыя в починке Трюк-Тямти по Зюрейской дороге. Эта грамота была дана на ясак «чувашину абызу Кучкею Мереткозину, а от него перешла к сыну его служилому татарину Досмаметку». Так примитивно П. В. Денисов объясняет отатаривание чувашей Казанского уезда⁷. Мы с такой постановкой вопроса согласиться не можем — прежде всего

⁶ Крепостной труд применялся в 11 мастерских, крепостной и наемный — в 22 мастерских и только наемный — в 71 мастерской.

⁷ П. В. Денисов. Религиозные верования чуваш. Чебоксары 1959, стр. 83.

потому, что в писцовых книгах XVI в. по левому берегу Волги по соседству с татарскими упоминаются марийские волости, а не чувашские; во-вторых, в начале XVII в. татары в Казанском уезде не могли быть в меньшинстве среди чувашского населения; в-третьих, некоторые места писцовой книги позволяют считать, что служилые татары называли чувашами ясачных татар. Так, в писцовой книге Свяжского уезда Д. Кикина 1565 г. говорится, что в дер. Большой Новой Хозяшеве «жили в войну казаки и чуваша казанские люди... и те казаки — служилые и чуваша — ясачные люди»⁸. В писцовой книге Болтина 1602 г. по Казанскому уезду читаем: «В той же деревне (Большой Елге) служилой татарин чуваша Ия Микеев, оклад его 9 руб.». Эти записи вполне ясно показывают, что под «чувашами» имелись в виду ясачные татары, причем служилый татарин Ия Микеев был раньше ясачным, поэтому он и обозначался словом «чуваша». Даже в первой половине XVIII в. в документах встречается выражение «из чуваш новокрещен ясачный татарин». Словом «татарин» здесь обозначается национальность; этот татарин принял православие, а раньше, как ясачника, его именовали «чувашей». В дозорной книге № 153 указываются понятия «чуваша» дер. Нурмы и Кобек, но межа учинена «от татарского прясла дер. Кебеч на дуб». Следовательно, понятыми были ясачники из татарских деревень — не чуваша, а татары⁹.

Все это приводит к заключению, что под словом «чуваша» надо разумеать ясачных татар. Нет никакого сомнения, что ясачных татар называли «чувашами» служилые татары, со слов которых писцы и называли ясачных татар чувашами. Все это позволяет нам в дальнейшем изложении «чуваш» Казанского и Свяжского уездов считать ясачными татарами.

* * *

Татарская деревня второй половины XVI в. весьма слабо отражена в исторических источниках. Писцовые и межевые книги Борисова и Кикина по Казанскому и Свяжскому уездам перечисляют некоторые татарские деревни, которые граничили с землями русских помещиков, и это дает основание отметить, что служилые татары в Свяжском уезде в 1565—1568 гг. имели поместья лишь в 15 деревнях — Албабе, Товулине, Моллине и др. Ясачных татарских деревень в Свяжском уезде указано значительно больше (25 селений), но это только те, земли которых были смежны с землями русских помещиков, — Большое и Малое Итаяково, Малое Хозяшево, Бузаева и др.

⁸ Но в книге Свяжского уезда упоминаются и чуваша по национальности — курмышские, чебоксарские и цивильские чуваша.

⁹ Н. А. Фирсов. Иностранцы. — «Ученые записки Казанского ун-та», 1870, стр. 342—343.

В документах XVII в., но только второй половины, прямо говорится, что в тех же селениях, где по книгам Д. Кикина или И. Болтина указаны чуваша, на самом деле жили ясачные татары. Так, в отводных книгах Ивана Елизарова 1674 г. указывается, что «ясачные татаровя» дер. Селик-Кабан («Столбища тож») писали в челобитной, что «преж до сего жили в той деревне деды и отцы их за казанскими митрополитами во крестьянах» (Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I, ч. 2. Саранск 1950, стр. 137—139).

Во второй половине XVII в. «ясачная чуваша» заменяется более точным обозначением «ясачная татаровя». Так, в межевых книгах Гр. Соковнина 1674 г. говорится: «Били челом Арские дороги дер. Бурнаковы ясачные татаровя Ляйлячко Байчорин с товарищи на вотяков той же дороги дер. Тулья», хотя тут же употребляет и старое название: «а в распросе вотяк Ильбахтка Тавгилдин против челобитья ясачные чуваша дер. Бурнаковы». В ввозной грамоте 146 (1638) г. жители дер. Бурнаковой названы чувашами, которых надо считать татарами (там же, стр. 144—147). В дозорных и межевых книгах 1675 г. Ив. Протопопова по дер. Ачасыр и Ураспугиной Свяжского уезда читаем, что били челом «ясачные татаровя тех деревень, где они живут от Казанского взятая прадеды и деды и отцы их в ясаке». А между тем в писцовых книгах Ив. Франзбекова 1648 и 1649 гг. в дер. Ачасыр записаны ясачные татары, а в дер. Ураспугиной — «чувашские ясачники», причем несколько ниже отмечается, что покосами владели «исстари ясачная татара дер. Ачасыр и Ураспугиной» (там же, стр. 155—157).

Ясачные татары дер. Ачей Зюрейской дороги схоронили в 1673 г. «мертвых чувашу 3 человек» и «учинили татарские мазары». Зачем же было устраивать татарские мазары, если чуваша не татары? Этот случай тоже доказывает, что «чуваша» не кто иные, как ясачные татары (там же, стр. 134—135).

В отводных книгах Василия Еремеева 1642—1643 г. поместная земля противопоставляется чувашской, т. е. ясачной, а через несколько строк указывается, что речь идет о земле поместной, а не ясачной: «А та земля исстари поместная, а не чувашская..., те сенные покосы — гари поместные, а не ясачные» (там же, стр. 14—15). Следовательно, чувашская земля и есть ясачная, бывшая у ясачных татар. На стр. 18 того же сборника документов дер. Ащерма называется татарской, а несколькими строками ниже говорится о «чуваше дер. Ащермы»; ясно, что в татарской деревне Ащерме жили ясачные татары.

В Казанском уезде упоминается 13 селений со служилыми татарами и 28 селений с ясачными татарами, земельные угодья которых были смежны с землями русских помещиков. Из 13 селений со служилыми татарами в 8 селениях жили и ясачные. Много селений было пустых, а еще больше не попало в описи.

Национальное угнетение и классовые взаимоотношения, имевшие место в Камско-Волжском крае во второй половине XVI в., мало содействовали укреплению хозяйства татарского населения — этому мешала передача татарских земель русским помещикам и служилым татарам, число которых за вторую половину XVI в. сильно возросло. Укреплению татарского хозяйства не способствовала и система налогового обложения, а также слишком большой объем натуральных повинностей тяглого населения, увеличиваемый к тому же злоупотреблениями воевод, приказных и стряпчих, требовавших «многие посулы», результатом чего были продолжительные волнения тяглого населения.

Самыми привилегированными из татарских помещиков были принявшие православие и состоявшие на военной или административной службе. В числе других такими были два брата Мансур и Иван Товарищевы. Их общее хозяйство по размерам своим было больше среднего, но еще не крупное. Мансур имел оклад в 225 четей, а Иван — в 200 четей пашни¹⁰.

В этом феодальном хозяйстве мы наблюдаем частично признаки товарного производства: об этом говорит не только денежный оброк, но и значительное луговое хозяйство, дававшее до 30 тыс. пудов сена, которое частью реализовалось на рынке. Вполне возможно, что вследствие недостатка крестьян и часть пашни сдавалась в аренду за денежный оброк или за часть урожая. Значительно меньше было хозяйств шести других служилых татар — Отая, Яныша, Ямая, Шарапа и Дружны детей Федора Нармацкого и Семена сына Дмитрия Нармацкого. В дер. Бурты и в пустоши Кармачи у них было 115 четей пашни, 120 — перелоса, 30 десятин зарослей и дуба, 500 копен сена и 5 кв. верст леса. В их распоряжении было лишь 3 крестьянских двора, обслуживавших 6 помещичьих дворов. Земля же обрабатывалась скорее всего арендаторами или исполщиками, поскольку доходы от нее Нармацкие собирали¹¹. В дер. Кильдешевой, расположенной неподалеку от дер. Бурты, были поместные земли других Нармацких — Хотена и Мизина.

Некоторые служилые новокрещенные татары имели совсем незначительные поместья. Так, Улан Тимерев Износков в дер. Смолдеяровой на р. Чирпе имел всего 10 четей пашни в поле, 50 четей перелога, 400 копен отхожего сена на р. Каме и 2 кв. версты леса. Это был помещик, только что начавший свою хозяйственную деятельность, так как до половины оклада ему еще нужно было отвести 131 четь. Крестьян в распоряжении Улана не было совсем, и это побуждало его привлекать посторонних лиц за часть урожая или за денежный оброк¹².

Писцовая книга по Казанскому уезду Д. Кикина указывает, что земли служилых татар были в 12 деревнях — Ички-Казани, Молнине, Юскокче, Малой Тебек-Кози, Сенгиле, Бачаге, Енгильдеевской и др.; размеры этих владений не отмечены. К поместным отнесены земли 12 толмачей в дер. Сенклеря и 4 толмачей в дер. Мал. Бимери, расположенных вблизи р. Сулы. Ясачники-татары отмечены в 28 деревнях; они были объединены в сельские общины, возглавляемые старостами¹³.

Как известно, в распоряжение русских помещиков переходили не только запустевшие татарские деревни, но и деревни, населенные татарами. Так, Степ. Мих. Койсаров с детьми Иваном и Суслом, кроме дер. Сабуголь, где было 4 двора русских крестьян, имел еще дер. Ковали с 8 дворами татар, из них 5 дворов ясачных и 3 двора из служилых. Эти татары эксплуатировали 10 четей пашни в поле, 30 четей перелога в поле, 30 десятин зарослей в поле, 400 копен сена и 1½ кв. версты леса. Их земля у угодьями

¹⁰ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 643, лл. 370—371, 374. — В поместьях Товарищевых было 169 четей доброй пашни, 74 — перелога, 6 десятин зарослей, дубрав, 3240 копен сена, 30 десятин леса пашенного и 13¾ кв. версты непашенного. В распоряжении помещиков были оз. Шалбы, оз. Круглое, 3 глушицы на р. Каме и 2 мельницы (одна — на «большое колесо», а другая — «меленка-колотовка»). Некоторое время у них были еще 3 пустоши и дер. Кайбищева, но от этих земель они вскоре отказались, так как не хотели «стеречи Ногайскую и Крымскую сторону» на Анатышском перевозе. Земельные угодья братьев были расположены в 10 местах и обслуживались 32 душами крестьян, жившими в 29 дворах, из которых 2 двора было беспашенных крестьян и 7 дворов — полонянничных. Нет сомнения, что в хозяйстве чувствовался значительный недостаток крестьян, так как 32 душ, конечно, не хватало для того, чтобы обработать 169 четей в одном поле, скосить более 3000 копен сена и обслужить две мельницы, из которых одна была большая. Система эксплуатации хозяйства была преимущественно барщинной, а частично оброчной: в дер. Тура полоняники за обработку 41 чети в поле пашни и сена на 250 копен, за эксплуатацию «меленки-колотовки» и лесных угодий в 2 кв. версты платили оброчных 2 рубля с гривною, или по 10 алтын с человека.

¹¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 643, л. 177.

¹² Там же, л. 179.

¹³ Там же, лл. 263, 291, 315, 374—375, 429, 451. — Земельные угодья в писцовой книге не описаны.

отведена была С. Кайсарову, который договорился с татарами получать с них ежегодно 1½ рубля без гривны. Татары крепостными не стали, но татарская земля стала помещичьей. Писцовая книга умалчивает, имела ли здесь место феодальная аренда или оброк, но это не было барщиной. Заметим еще, что дворы служилых татар ничем не отличались от ясачных, а в конце описания все дворы названы «чувашскими» (т. е. ясачными).

У помещика Б. И. Чепеслина в дер. Ксаире было 2 полоняника, видимо, из татар, так как они называются еще «новокрещенными». У помещиков Онучиных в с. Сокур-Кадыш жили крестьяне-новокрещенные — «чуваши» (т. е. татарские ясачники) и «русак», которые родились в полону, 5 дворов». У них было 70 четей пашни, 146 — перелога, 15 десятин зарослей, 300 копен сена и 9 кв. верст леса и за р. Мешей 300 копен, но косил их сын боярский Дм. Малышев¹⁴. В то же время 2 двора «новокрещенов» помещика Шубина в с. Елани запустели, так как татары не хотели считать себя крепостными. Та же картина имела место в с. Елани у помещиков Бобаниных: «В том же селе жили новокрещены Емельян Чемылов да Федор да два Ивана, и те новокрещены из того села порозошлись жити в новокрещенские села и деревни и по пустым местам самовольно», чтобы не стать крепостными¹⁵. То же можно сказать и про «новокрещенов» помещиков Ивана Пояркова-Квашнина в дер. Новые Меньшие Естачи¹⁶.

С появлением помещиков из русских служилых людей целые татарские деревни переселялись на другое место за пределами помещичьих земель. Так поступили татары-ясачники во главе со старостой Кучуком Атлеутовым в дер. Большой Темерлик, переселившись вниз по р. Каме в дер. Меньшой Темерлик. Нет сомнения, что переселение было вызвано боязнью закрепощения. Но большей частью татары, зная, что помещикам могут понадобиться их рабочие руки, уживались и рядом с ними, как это было в случае, когда в дер. Салман явились помещики Маматов и Якшин, а татары жили неподалеку в дер. Долгой.

Писцовая книга Казанского уезда отмечает, что некоторые помещики незаконно отмежевывали татарские земли. Писцовая книга Д. Кикина отмечает спорную землю в дер. Айше, захваченную помещиком у татар по ложному сообщению приказчика Аф. Глядкова. За счет тех же аишенских татар поживился помещик М. Т. Барсуков в дер. Чюразиной. Помещик Ф. В. Игумнищев завладел землей татарской деревни Малые Нурмы¹⁷. Спорная земля так и оставалась в руках помещиков.

Больше всего сведений о татарских крестьянах писцовая книга Д. Кикина по Казанскому уезду дает в той части, которая касается архиерейских и монастырских владений. Некоторые деревни и села были населены русскими крестьянами, другие — татарами (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Селение	Татары			Полоня-ники	Пашни, четей		Заросли и дубравы, дес.	Сена, копен	Лес пашен-ный, дес.	Лес, кв. верст	Примечание
	служи-лые	ясач-ные	новокре-щенные		добрый	пере-лога					
Архиерейские владения											
Смоилево Займище	3	9	—	—	26	4	—	300	50	9	Мельница 3 двора пустых
Починок Елшейков	7	14	—	—	12	40	30	400	100		
Караишево	10	3	—	—	33	75	20	750	40		
Каракчей-Кабан	—	—	1	7	40	305	40	600	—		
Селик-Кабан	13	7	—	—	110	20	30	650	—		
Владения Спасского монастыря											
Сельцо Куюк	—	2	2	—	102	4	20	250	—	2	15 дворов рус-ских
Самсырово	6	—	—	—	8	4	10	50	—	—	
Всего	39	65	3	7	331	452	150	3000	190	11	

¹⁴ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 643, л. 358.

¹⁵ Там же, л. 298.

¹⁶ Там же, л. 359.

¹⁷ Там же, лл. 266, 292, 314—315.

В с. Караишево на один двор приходилось 2,6 чети пашни в одном поле. Если не считать перелога и зарослей, как доходных статей, то сена приходилось на один двор почти 58 копен; наличие мельницы приводило к экономии некоторых средств. Все же нельзя сказать, чтобы материально крестьяне были достаточно обеспечены.

Дер. Селик-Кабан имела 20 дворов, на каждый из них падало 5,5 чети пашни в одном поле, но сена на двор приходилось 32,5 копны. В селе Каракчей-Кабан на двор приходилось 5 четей в одном поле и по 75 копен сена, в сельце Куюк — 5,3 чети в одном поле, но сена только 13 копен.

Остальные селения как будто только что начали свою хозяйственную деятельность. Такое положение наблюдается в Смоиловом Займище и в починке Елшейкове. Тут не может быть даже сомнения в том, что угодий у них пока было недостаточно, чтобы обеспечить продовольственные нужды.

Татарские крестьяне в архиерейских деревнях, да и русские крестьяне тоже, обязаны были всякими повинностями; только в починке Елшейкове служилые татары в это время не пахали на архиерея, так как жили «на льготе». Зато бывшие служилые с 14 дворов платили ясак «в оброку место» по полуполтине со двора, всего 3,5 руб. Ясачные татары с 33 дворов давали ясак «в оброку место медом с четвертей по торговой цене»; всего за мед с них собиралось деньгами 8 руб. 50 алтын 2 деньги. А кабанские и караншевские ясачники совместно с тарлашевскими платили ясак медом — 27 батманов, или «40 пуд с полупудом». Таким образом, татары на монастырских землях были оброчниками и ясачниками, обрабатывали землю на себя и барщины не знали, а следовательно, на них не отражался крепостнический гнет, который испытывали русские крестьяне-барщинники.

Довольно значительные средства монастыри получали с рыбных ловель. Так, с Серного песку за лето поступало 30 руб., с «вешних оханов» — 22 руб., с частиков, с приволок, со связок, «с крыг и судов, с больших и малых, и с разных ловель» поступало 24,5 руб. Правда, деньги за рыбные ловли шли не только с татар, но и с русских крестьян других деревень, которые арендовали архиерейские воды¹⁸.

Из этого краткого обзора видно, что служилые татары, которые были на военной или административной службе, озабочивались крупными поместьями, привлекали на свои земли русских крестьян и татар, стремились создать товарное хозяйство. Всего этого они добивались путем принятия христианства, хотя бы номинально. В то же время крестьяне-татары из бывших служилых становились ясачниками на помещичьих землях. Стремлению помещиков закрепить их они настойчиво сопротивлялись. Их материальное благосостояние в 60-х годах XVI в. было ниже среднего.

Что касается татарской деревни в начале XVII в., то на основании анализа писцовой книги И. Болтина 1602—1603 гг. по Казанскому уезду мы можем говорить о татарских помещиках и ясачниках. Среди служилых татар была незначительная по количеству прослойка вотчинников-крепостников, имевших значительные земельные площади с большим количеством различных угодий и незначительным числом крепостных и дворовых людей и бобылей, которые были не в состоянии освоить и обработать для помещика имеющиеся угодья, вследствие чего помещикам приходилось обращаться к татарам-ясачникам, обрабатывавшим вотчинные земли как арендаторы за оброк или часть урожая. Таковы служилые Багим Яушев, Ишей Сююндюков, Бокшанда Нурушев, Камай и Петр Смиленевы. Из них за Б. Яушевым и Б. Нурушевым числились значительные заслуги (по-видимому, их отцов и дедов) перед царским правительством, и благодаря этому им удалось сохранить за собой некоторые привилегии, уходявшие своими корнями во времена Казанского ханства: и тот и другой вотчинник собирал в свою пользу ясак с населения целой волости (первый — с волости Терся, второй — с марийской волости Нали Кукмор). Все эти помещики и вотчинники были крепостниками, причем их крепостные были плохо обеспечены земельными угодьями, чтобы большую часть своего времени они могли отдавать барщине и выполнению всяких «изделий» на помещика.

Но эти барщинные хозяйства служилых татар нельзя назвать натуральными и замкнутыми: они уже были втянуты в товарно-денежные отношения и в рыночные связи, насколько это было возможно в то время. Писцовая книга доказывает это с полной очевидностью и убедительностью: феодальная аренда земель, откупная система, сдача в оброк различных угодий и предприятий — бортных ухажав, бобровых гонсов, перевозов, рыбных ловель, мельниц — непременно за деньги, производство товарного хлеба и фуража, не говоря уже о преобладании денежных налогов над натуральными сборами, — вот перечень тех признаков, которые очень характерны для товарного производства на рынок и которые прослеживаются в названных барщинных хозяйствах.

Вовлечению хозяйства служилых татар в общероссийское товарно-денежное производство и обращение косвенно содействовала и национальная политика царизма, выразившаяся в ликвидации традиций Казанского ханства, где ясачники находились в полном распоряжении феодалов: после присоединения ханства татары-ясачники вышли из подчинения татарским феодалам и были переведены в подчинение Русскому государству и государевой казне. Это мероприятие сильно подорвало хозяйство

¹⁸ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 643, лл. 392—403.

татарских служилых людей, а впоследствии заставило их позаботиться о заселении своих латифундий новым составом крестьян и бобылей на общем основании с русскими помещиками. А так как ясачные татары предпочитали оставаться «государевыми» и не стремились поступать к служилым, то последним пришлось искать пути к договорному соглашению с ясачниками, без применения внеэкономического принуждения.

В упомянутой выше группе крупных помещиков-татар Ст. Конокозин, имевший 102 чети пашни и 1400 копен сена, владел лишь одним крестьянским и одним людским двором. У кн. Тетингея Муралева, имевшего 167 четей пашни и 1500 копен сена, был всего один дворовый человек. А 6 помещиков не имели ни дворовых, ни крепостных крестьян, между тем как угодий у них было довольно много. Всего писцовая книга отмечает 16 семей крупных помещиков-татар.

Средняя группа помещиков состояла из 35 семей. Оклады их редко превышали 8 руб. Если у них было мало пашни, то зато много было сена (500—700 копен и больше). Перелога и зарослей у этих помещиков числилось очень мало, а общее количество пашни доходило до 85 четей в поле. Крепостных крестьян у них почти не было, дворовых было 2 человека и 1 бобыль. Скорее всего, как у Кадыша Яушева, на их землях «пашут ясачные». Как у крупных, так и у средних помещиков в большом количестве имелись такие угодья и предприятия, как бортные и бобровые ухажан, перевозки, перевесья и рыбные ловли, мельницы, кабаки.

Следующая группа помещиков состояла из 83 семей. У этих служилых татар и пашни было меньше, а лугов — почти вдвое меньше, чем у средних помещиков. Значительно меньше у этой группы было и таких угодий и предприятий, как бортные ухажан, бобровые гоны и рыбные ловли, перевозки, кабаки и пр. Тем не менее, нельзя еще сказать, чтобы они были недостаточно обеспечены угодьями. Размер пашни у них составлял 5—8 десятин, у большинства — от 2 до 5 четей при небольшом количестве перелога и зарослей. Такой пашни обычно хватало лишь для обеспечения своих собственных нужд, товарную продукцию давало только сено (у некоторых было до 400 копен). И у этих помещиков господствовало трехполье. Большинство служилых этой группы — «приборные», их оклад редко превышал 3—6 руб. в год. Хотя жеребьи этой группы и не самые малые, но они не всегда обеспечивали «государеву службу». Из 83 семей только три имели 1—2 крепостных, у всех остальных не было ни дворовых, ни крестьян, но, как это было у вдовы Чуреевой из дер. Чюваш, пахали ясачники «сверх своих жеребьев».

Наконец, в последней группе тоже было 83 помещика. У большинства из них пашни насчитывалось от 7 до 12 четей в поле, а сена — от 100 до 1500 копен. Бывали случаи, когда служилые татары брали луга «из найму» у русских помещиков. В 122 (1614) г., например, Чембулат Емяшев «наймовал» луга на 200 копен на р. Нурме в дер. Кудашево, Зюрейской дороги, у помещиков Гр. Дедюлина и Дм. Берсенева¹⁹. Из 83 семей семь владели мельницами-мутовками, да и то «вопче» с ясачниками; только С. Арезепов имел 2 мельницы. Кабаков у всей группы было только 3, бортных ухажан — всего один. В писцовой книге неоднократно имеются указания на то, что эти угодья недостаточны для служилых татар, вследствие чего они переселяются в другие деревни.

Так как подавляющее большинство служилых татар были «по прибору», т. е. из ясачников, то очень часто случалось, что у служилых оставался «ясачный жеребий», с которого только не взымался ясак, но этот жеребий уходил из ясачной общины и становился поместьем. Вследствие этого ясачники в случаях «прибора» части ясачников на государеву службу теряли довольно много своей общинной земли.

Таким образом, писцовая книга И. Болтина вскрывает хозяйственную мощь различных групп служилых татар, их социально-экономические взаимоотношения с ясачниками; книга содержит убедительный материал об антикрепостнических тенденциях среди татар и о степени товарности их хозяйств. Крепостническая прослойка у служилых татар количественно была совершенно незначительной²⁰.

Что касается татар-ясачников Казанского уезда, то, судя по писцовой книге И. Болтина 1602—1603 гг., основным их занятием было земледелие. Самым распространенным среди них был пашенный жеребий размером от 6 до 10 (24% ясачников)

¹⁹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 153, лл. 155—162.

²⁰ Среди материалов, опубликованных в «Истории Татарии в документах и материалах», имеется завешание служилого татарина из с. Ишер от 1603 г. (стр. 23), характеризующее одну сторону хозяйства, обычно скрытую в писцовых материалах. Иван Келибердеев завещал внуку дом и хозяйство, холопа Анцо и 5 руб. денег; другого холопа, Ертя, он отказал жене и дочери Ирине, а холопа Теребердея с женой и детьми отпустил на свободу. Другая дочь, Ульмеса, получила одного холопа, а сын Чашкулу — 2 руб. деньгами. Затем завешание перечисляет всех должников, с которых надо было собрать довольно крупную сумму в 27 руб. Долги должна была собрать жена и из них дать внуку Кузьме 10 руб., а остальные беречь для дочери Ирины. Всего помещик кредитовал 9 человек, но в завещании подчеркивал, чтобы кредитованных не казнить, так как это было запрещено законом. Денежные отношения в документе подчеркнуты довольно ярко, но они не выходили за пределы феодального хозяйства.

и от 10 до 15 четей (35,8%) в поле. Обеспечивающим существование жеребьем для того времени необходимо считать от 10 до 20 четей в поле. Таковым в Казанском уезде обладали 56% ясачников. «Голодный» жеребий (до 6 четей в поле) имели 13,6% ясачников, а вообще недостаточный — 38%. Имущая прослойка, имевшая от 20 до 30 четей в поле, была весьма немногочисленной (6%).

Луговые угодья, как и пашня, распределялись неравномерно. Самым распространенным был жеребий от 100 до 200 копен сена на один двор, такой жеребий имели 47,3% ясачников; от 200 до 300 копен на 1 двор имели 22,6%, от 300 до 400 копен — 6,6%, а свыше 400 копен — 1,9% ясачников. Не обеспеченных сеном было 21,6% ясачников — они имели меньше 100 копен на 1 двор. Писцовая книга И. Болтина очень редко отмечает за ясачниками прочие угодья и предприятия (бортные, рыбные и др.). Таким образом, в начале XVII в. имущественная дифференциация ясачников-татар была выражена очень резко.

В писцовой книге И. Болтина лучше, чем в каком-либо другом документе этого времени, освещается положение татарских ясачников, но все же перечень ясачников нельзя считать полным, так как оброчные книги с луговых угодий упоминают свыше 30 ясачных деревень, в которых И. Болтин не был. Следовательно, всего в Казанском уезде упоминается свыше 110 селений ясачных татар. Тем не менее и этим количество ясачных татарских деревень не исчерпывается.

В начале XVII в. в писцовой книге в 13 селениях Ногайской дороги записано 177 ясачных дворов, по Зюрейской дороге в 19 селениях — 143 двора, по Арской дороге в 16 селениях — 135 дворов и в 25 деревнях Алатской и Галицкой дорог — 345 ясачных дворов. Это позволяет заметить, что населенность деревень по Ногайской, Алатской и Галицкой дорогам почти вдвое выше, чем в деревнях по Зюрейской и Арской дорогам. Объясняется это тем обстоятельством, что в селениях Арской и Зюрейской дорог было значительно больше служилых татар, да и плодородные земли Ногайской дороги привлекали к себе больше населения; кроме того, необходимо учитывать и то, что царские карательные отряды в XVI в., особенно в 1564—1566, 1582—1584 гг., активнее действовали именно в селениях по Арской и Зюрейской дорогам. В той же писцовой книге отражено обострение земельных отношений ясачников не только с русскими, но и с татарскими помещиками. Сведения оброчных книг по луговым угодьям²¹ дополняют данные И. Болтина сведениями об отдельных лицах, пользовавшихся за оброк сеном с казенных лугов. Когда Янбарис Яушев платит оброка 1½ руб. за 300 копен сена, или Бутыш Шигаев берет за денежный оброк 350 копен сена за р. Камой против Берсута, или Уразбахта Чюреев арендует на р. Шошме 300 копен сена, то мы с уверенностью можем считать таких ясачников куда более зажиточными, чем те, которые с арендованных казенных лугов получали по 20, 30, 40 копен сена. Если эти последние восполняли сеном с казенных лугов нехватку фуража в своем хозяйстве, то крупные арендаторы либо были связаны с рынком, либо имели собственные гурты скота.

Писцовая книга И. Болтина не фиксирует за ясачниками тех доходов, которые они имели, обслуживая помещичьи угодья, — доходов, не подлежавших никакому обложению. Тем не менее такие доходы реально существовали, являясь результатом договора со служилым помещиком, обычно заключавшегося всей сельской общиной или артелью, как это бывало на рыбных ловлях, где ясачники платили только «третью рыбу», а две брали себе. Только единичные ясачники могли быть закабалены помещиком при невыполнении долговых обязательств, но и подобная кабала преследовалась законом, исходившим из интересов государственного фиска.

В документах зафиксированы случаи столкновений помещиков и ясачных татар. Дозорная книга Посника Белокурова 1618 г. констатирует насильственный захват ясачной татарской земли в дер. Кугурчиной по Ногайской дороге: помещики С. Аристов и В. Землянов «ворвались на их землю с людьми, с крестьяны и с самопалы и саблями, вспахали землю насильством и посеяли»²². А в дер. Именкеске, где поселился служилый литвин Михайло Вербицкий, у него потравили весь хлеб, так как он получил опальное поместье Ишея Илчибекова, уже бывшее в эксплуатации ясачников²³.

Так выглядит татарская деревня в первые два десятилетия XVII в.

Переписная книга 1646 г. по Свияжскому уезду фиксирует 498 служилых татар-помещиков, из которых крепостных имели лишь 120 помещиков (24,1%). Кроме того, у многих помещиков жили бобыли и «соседи». Всего служилые татары имели поместья в 136 селениях Свияжского уезда. Особенностью этого времени было наличие у служилых татар значительного количества русских крепостных; встречалась и крепостная мордва²⁴. На земле помещиков Акугулова и Кибеева жила «ясачная чебоксарская чуваша», а на земле в деревнях Лаща Болтаева и Юзюкова — «циvilьская ясачная чуваша», но эту «чувашу» нельзя признать крепостной — скорее всего служилые помещики сдавали землю ясачным чувашам в долгосрочную аренду. В по-

²¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 153.

²² Там же, лл. 163—169.

²³ Там же, лл. 183—189.

²⁴ Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I, ч. 2, стр. 34—35, 40—41.

чинке Иванаева на р. Черемшане у служилого татарина Ивана Баубекова было два крестьянских двора — один русский, другой татарский, 3 двора бобыльских (во всех дворах 15 душ мужского пола) и 5 дворов пустых, так как один крестьянин бежал, а остальные четыре татарина «вышли в казаки». Таким образом, выход в казаки означал переход на положение служилых людей, которых помещик не мог задерживать у себя, так как служилый татарин не располагал ими так, как русский помещик своими крепостными.

Следовательно, в середине XVII в. в Свияжском уезде дворов крестьян и бобылей в поместьях служилых татар стало значительно больше, но крепостное право на них не распространилось так, как на крестьян русских помещиков. Для служилых татар характерны больше феодально-арендные отношения, чем крепостнические. А так как подавляющее большинство служилых татар совсем не имело крестьян и бобылей, то это в классовой борьбе того времени больше сближало их с антикрепостническими элементами.

То же самое наблюдается в Казанском уезде в 1646 г.²⁵ Здесь было всего 619 дворов служилых татар-помещиков, из них 449 помещиков (72,3%) не имели крестьян и бобылей, а остальные 170 помещиков имели 575 дворов крестьян с 1672 душами мужского пола. Кроме того, у этих помещиков были бобыли, дворовые, задворные люди, «соседи» и наймиты. Наймитов упомянуто всего 25 душ, но важно отметить их появление в деревне у служилых татар. Бобылей указано 48 дворов, дворовых — 58 дворов, задворных — 34 двора и «соседей» — 37 душ. Как видим, преобладали крестьяне, но из них далеко не всех можно назвать крепостными. Даже у старинного крепостника Кадрека мурзы, сына князя Камая Смиленева, в дер. Чалны из 6 крестьянских дворов было два двора мордовских, один «черемисин» и один «ясачный черемисин», который платил в государеву казну полный ясак, а помещику — полуполтину за год. У него же бобыль Баймурзо Емаев был «черемисин». У служилого татарина Толбая Ишеева в дер. Инсе жил дворовый Антуганко с братом Барсубкой, «и тот же Барсубка платит в государеву казну пол-ясака, а живет своим двором»²⁶. За Иштереком Семенеевым в дер. Ярыкло числилось 74 двора крестьян, из которых 18 дворов «написаны на пол-ясака», а 2 двора — на полный ясак. В дер. Ардяш под Сарапулом у служилого татарина Богдана Исенева сына Яушева были «написаны на ясаки» 5 дворов и 13 душ крестьян. После этого понятно, что служилый татарин довольно хладнокровно относился к стремлению его крестьян считаться ясачниками, а не помещичьими крестьянами, поскольку их ясачное положение не лишало помещика возможности пользоваться их трудом на договорных началах.

Сложившееся в середине XVII в. положение, при котором подавляющее количество служилых татар не имело крестьян, определяло политику самодержавия, направленную на превращение в конечном счете служилых в ясачников. И служилые, и ясачные татары давление крепостного права больше ощущали со стороны государства, чем в отношениях между собой.

По сравнению с началом века в середине XVII в. количество служилых татар сильно возросло, однако очень многие из них имели поместья, но не имели ни крестьян, ни дворовых людей. В начале XVII в. мы констатировали в Казанском уезде группу помещиков в 50 человек, имевших крупные и средние поместья, а в половине XVII в. таких помещиков стало меньше, так что из 170 помещиков едва можно насчитать 25 человек с более или менее значительными поместьями. Крупнейшими землевладельцами были князья Яушевы, Асановы, Яникеевы, Хозяшевы, Смиленевы и некоторые другие²⁷. Большинство же служилых татар владело угодьями, но в их распоряжении были один-два крестьянских двора или два-три дворовых человека, обслуживавших помещика, но не обрабатывавших землю. Следовательно, в середине XVII в. еще более резко определилась общая тенденция в сторону уравнивания татарских помещиков с ясачниками или государственными крестьянами. Так, служилый татарин Урукчей Утешев «живет за Богданом мурзою Яушевым, наймуща пашенные земли, а не верстан де за бедностью». Другой пример: в дер. Мозяр служилый татарин Утегей Ямаматов с двумя братьями «живет в закладе у ясачника Коробайки в дер. Каратман». В дер. Хозяшевой по Зюрейской дороге четверо служилых татар, имея дворовых людей, соседей и даже наймитов, жили на земле Московова, который, видимо, купил жеребих своих трех товарищей или взял их в аренду. Таким образом, поместная система развивалась вширь, но глубоко не проникала, почти уравнивая мелкопоместных татар с крестьянами. Внеэкономическое принуждение тоже мало давало себя чувствовать. Так, в дер. Алан у служилого Ижбулатова записаны бобыль с «соседом», которые ему не принадлежали.

Один из ярких примеров захвата земель ясачных татар служилыми татарами представлен в «отдельных книгах» Еф. Скрипицина 1643 г. В починке Сердя по Алатской дороге служилый татарин Кебек Сабакаев с братьями завладел ясачной землей, заставив уехать из деревни ясачных татар Агишка Кудайбахтеева, Палатка Няникова

²⁵ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 6445.

²⁶ Там же, л. 537.

²⁷ Подробно о хозяйстве Хозяшевых см. в кн.: История Татарин в документах и материалах, стр. 196—198.

и Атычка. Такая же участь готовилась для Чеменя Чапаева, но его челобитной о проверке владельческих прав Сабакеевых, видимо, неожиданно был дан ход и в результате произведенного сыска захват земли был предотвращен²⁸.

Сведения о татарской деревне конца XVII в. дает писцовая и переписная книга казанского стольника И. И. Кайсарова 1685 г.²⁹, но эти сведения очень бедны. Касаясь лишь Зюрейской дороги, книга описывает только поместья и вотчины русских помещиков; служилых татар она совершенно не касается, а ясачные татары представлены только по одному с Черемыш. Эта книга пестрит сведениями о том, что ясачная татарская земля в большом количестве переходила во владение русских помещиков, а татарские ясачники должны были переселяться в другие места. Так было, например, в дер. Енасалы и Русской Черемышевой.

Татары-ясачники дер. Татарской Черемышевой платили ясака 27 алтын 4 деньги и 20 пудов хлеба. Но во всей деревне не было ни одного ясачника, с которого взимался бы полный ясак: 7 хозяйств из 13 были полуясачники, два хозяйства платили по $\frac{1}{4}$ ясака и одно хозяйство — $\frac{1}{8}$ ясака; только один ясачник платил $\frac{3}{4}$ ясака и два ясачника — по $\frac{5}{8}$ ясака. На ясак пашни приходилось в трех полях 24 чети и лугов 8 десятин. Ряд ясачников имел до 200 бортовых деревьев, 5 ясачников «гоняли подводки». Не в пример 1603 г. в ясачной деревне исчезли перелог и заросли — трехполье господствовало на всей пашне. Количество ясачников с начала века увеличилось на 8 дворов, но лугов стало несколько меньше. Рентабельным нельзя назвать уже хозяйство полуясачника, с тем большим основанием надо считать нерентабельными более мелкие хозяйства. В общем хозяйства ясачников в конце XVII в. в большинстве своем были экономически несостоятельными. Это было вызвано тем, что ясачники потеряли много земли в пользу служилых татар и русских помещиков.

Писцовая и перечневая книга Свияжского уезда 1686 г. стольника Г. А. Суворова³⁰ дает описание 28 хозяйств служилых татар с. Архангельского, в прошлом дер. Татарское Бурнашево. Менее половины хозяйств — 11 имели от одного до трех дворов крестьян, а у прочих были только пашня и луга. Угодья этих хозяйств настолько измельчали, что их владельцев трудно отнести даже к средним помещикам: все они были на пути превращения в тяглое население. В том же селе жили и русские ясачники: крестьян — 180 душ и бобылей — 42 души, но все это население платило лишь $\frac{7}{16}$ ясака, так как пашни было только 84 чети в поле и сена — 168 копен (на один ясак приходилось 12 четей пашни в поле и 40 копен сена). На четверти ясака было 6 дворов, на осьмухе — 30 дворов, $\frac{1}{12}$ долю ясака платили 6 дворов и $\frac{1}{16}$ долю ясака — 11 дворов. Ни одного крепкого хозяйства в окружении помещичьих земель! Мы видим, таким образом, что у русских ясачников дифференциация обозначилась еще глубже, чем у татарских.

²⁸ Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I, ч. 2, стр. 24—26.

²⁹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 645.

³⁰ Там же.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ВТОРОЙ СЕКЦИИ (середина XVII—конец XVIII в.)

В. А. Романовский

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ФЕОДАЛИЗМА НА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ В XVII—XVIII ВВ.

Социально-экономические отношения эпохи феодализма давно занимали историков Украины. Этим вопросам посвящено значительное число научных исследований — как в дореволюционное время, так и в советский период. К сожалению, не всегда вопросы, посвященные этой тематике, излагались достаточно полно, и выводы, к которым приходили исследователи, иногда требуют дополнений и поправок. Целью настоящей работы являются дополнения к тому, что сделано советскими учеными, и постановка некоторых вопросов, от разрешения которых зависит правильное понимание некоторых процессов и событий в истории нашей Родины.

Для истории социально-экономических отношений на Левобережной Украине после 1648 г. основным вопросом является история создания феодального землевладения, история борьбы за землю между феодалами и непосредственными производителями материальных благ, ее особенности, этапы и конечные результаты. Процессу закрепощения крестьян уделялось много внимания, но не все стороны этого процесса достаточно освещены. До сих пор остается неясным характер отношений различных категорий крестьян (посполитых ранговых маенностей, маенностей ратушных, свободно-войсковых, попавших во владение старшины по гетманским универсалам, и т. д.) к феодалам. ²⁾Невыясненным остается вопрос о развитии феодальной ренты.

У советских историков можно наблюдать стремление определить феодальное сельское хозяйство прежде всего как зерновое, основанное на развитии барской запашки. Отсюда делался вывод, что уже со второй половины XVII в. украинские феодалы считали главной своей хозяйственной задачей организацию крупного барщинного хозяйства.

Историки много спорили о том, в какой степени старые феодальные порядки на Левобережной Украине были ликвидированы освободительной борьбой украинского народа под предводительством Богдана Хмельницкого. После капитального исследования В. А. Мякотина, изучившего громадный архивный материал, не может быть никакого сомнения в том, что крепостнические порядки на Украине и после Богдана Хмельницкого не только сохранились, но и продолжали быстро развиваться¹. Однако перемены в социальной структуре все же были весьма значительными, и для большого количества украинского населения крепостнический гнет был сильно ослаблен, а для некоторой его части — и совершенно ликвидирован.

В универсалах на пожалования имений иногда указывалось, что села и деревни даются вместе с живущими в них жителями, которые

¹ В. А. Мякотин. Очерки социальной истории Малороссии. Восстание Б. Хмельницкого и его последствия. — «Русское богатство», 1912, № 8—11; 1913, № 9—12.

должны и новым владельцам отдавать «звыкное послушенство» так же, как они это делали при прежних владельцах. Отсюда делался вывод, что «звыкное послушенство» крестьян и в новых владениях вполне соответствовало старым польским порядкам. Естественно было бы обратиться к изучению этих старых порядков. Но вопрос осложнялся малочисленностью источников, дающих возможность изучить историю заселения и хозяйства Левобережья в первой половине XVII в. Между украинскими и польскими историками возник спор о цивилизаторской роли польских феодалов, принесший научные плоды: выяснены были главные этапы заселения, направления колонизационных потоков, роль народных масс и те условия, в которых происходило заселение и освоение украинских степей. Стало ясно, что основная тяжесть труда и борьбы по освоению и обороне этих земель падала на украинские народные массы, двигавшиеся в степи с запада и северо-запада. Крупные же феодалы, польско-литовские и русские, хотя и принимали участие в заселении края, но роль их оставалась второстепенной. Часто они получали королевские жалованные грамоты на земли, называвшиеся в грамотах «пустыми», в действительности же бывшие уже заселенными, освоенными и укрепленными.

Главное, что выяснено нами в результате изучения истории заселения левобережных украинских земель, — это некоторые данные о хозяйстве поселенцев и феодальных латифундий в первой половине XVII в. Эти данные очень неполны и скудны, но все же достаточны для того, чтобы судить об уровне хозяйственного развития Левобережья в этот период. Можно констатировать, что в чернигово-северских землях и южнее, в бассейнах рек Сулы, Псла и Ворсклы (позднейшая Полтавщина), начало складываться и быстро расти крупное магнатское хозяйство с десятками городов и замков, с сотнями сел и деревень. Во-вторых, не подлежит сомнению, что феодальная эксплуатация подвластного земледельческого населения, а также и городских ремесленников была здесь значительно слабее, чем в западных областях Украины, поэтому по мере продвижения с запада на восток уменьшалась и тяжесть повинностей феодально зависимых людей. Как правило, мы совершенно не встречаем в документах Левобережья сведений о барщине, хотя и не сомневаемся, что со стороны крупных феодалов или арендаторов их имелись попытки ввести барщину. Отсутствие отработочной ренты на Левобережье в первой половине XVII в. объясняется условиями хозяйства в этих областях. Если в западноукраинских воеводствах Речи Посполитой, населенных украинскими крестьянами, наблюдался непрерывный рост барщины, позволяющий констатировать установление настоящего крепостного права, то это объясняется торговыми связями этих областей с местными и zahraniчными рынками, куда поступал хлеб и продукты лесного хозяйства — зола, поташ, дубовая клепка, мед, воск, пенька, лен, сало, деготь, смола, зерно и проч. Западноукраинские земли были связаны речными путями с Гданьском, Кенигсбергом и другими балтийскими портами. Достаточно ознакомиться с актовыми книгами Центрального архива древних актов в Киеве, чтобы убедиться в довольно широких торговых связях Волыни и Киевщины с zahraniчными рынками. Контракты на поставку поташа, золы и прочих лесных товаров фиксируются в этих книгах целыми десятками. Левобережные же латифундии хотя и могли, преодолевая большие трудности, поставлять свои товары за границу, но это не обеспечивало им достаточной прибыли в связи с дороговизной фрахта и трудностями транспорта.

Внимательное изучение исторических источников дает полное основание для вывода, что украинский феодал на Левобережье главный доход получал не от своего сельского хозяйства, т. е. не от барской запашки, а от других статей, среди которых на первое место следует поставить продажу водки, выкуриваемой в своих винокурнях. Хлеб для

выкуривания спирта феодалу давала натуральная рента в виде чинша, осенщины, осыла, а также других натуральных сборов. Большое количество хлеба поступало с мельниц, где крестьяне феодальных маетностей обязаны были молоть свое зерно, поэтому новопоселенные слободы и ранговые маетности, не обязанные феодалу отработками на его пашне, все же приносили ему значительный доход. Даже в начале XVIII в., получив по гетманским универсалам или царским жалованным грамотам богатые маетности, украинские старшины не спешили заводить собственное хозяйство. Так поступил Галаган, получив громадные маетности от царя. То же видим в имениях Полуботка, Марковича, Апостола и других. Даже в Румянцевской описи имеются указания, притом весьма многочисленные, на то, что в частновладельческих имениях находятся только дворы для приезда, а не постоянные хозяйственные центры.

Таким образом, самый термин «звычайное послушество» вовсе не обозначает барщину. Сохранившиеся арендные контракты 1643 и 1647 гг. убедительно свидетельствуют об этом.

Вопрос о складывании крупных земельных владений на Левобережной Украине требует более тщательного изучения. По традиции, ведущей свое начало от буржуазной историографии, и советские историки не выделяют различных этапов в истории украинского землевладения. А между тем различия между этими этапами были весьма существенными. В первые годы после освободительной войны старшинская верхушка пыталась восстановить старые, довоенные порядки и формы владения. Однако эта попытка потерпела полное крушение. Затем наступил длительный период смут и борьбы отдельных старшинских группировок. В этой борьбе, явственно обозначались неоднократные и грозные для старшины антифеодальные протесты масс. Все это замедлило рост феодального землевладения, и число старшинских маетностей значительно увеличивается лишь с конца 70-х годов XVII в. Этот процесс роста находился в тесной связи с общим состоянием хозяйства на Украине, в первую очередь с малой товарностью сельского хозяйства. Складывание крупных владельческих имений проходило в острой борьбе за землю с мелкими непосредственными производителями сельскохозяйственных благ. Здесь большую роль сыграли те формы землевладения, какие истари сохранялись на Левобережье, — сябринная и общинная. Эти формы подвергались довольно тщательному изучению еще дореволюционными историками, но изучалась их юридическая сторона, экономическая же сущность оставалась нераскрытой. Историки выделяли две основных группы владения — временную «до ласки войсковой» и прочную форму владения («вечную, зуполную»). В действительности же на Левобережье до конца XVII в. юридически существовала одна единая форма феодального владения — временная, условная, несмотря на гетманские универсалы и царские жалованные грамоты, по которым имения передавались в постоянное наследственное владение. Только с начала XVIII в. землевладение по царским грамотам приобретает большую устойчивость и прочность, все же остальные виды владений по-прежнему остаются условными.

Самый процесс складывания земельных владений был сложным и противоречивым. В Польше и на украинских землях как на правом, так и на левом берегу Днепра до освободительной войны сложилась феодальная собственность двух видов — наследственная, которая была преобладающей и по своему объему крупной, и условная, передаваемая служилым людям за военную службу «на ленном праве», т. е. переходящая по наследству только по мужской линии. Но на юге возникла и новая форма владения, основанная на исконном праве общинного или сябринного владения. Тысячи вольных казаков, о которых люстраторы первых десятилетий XVII в. сообщали, что они не подчиняются никакой власти и пользуются землей по праву заимки, принесли с собой

те формы владения землей, которые им были хорошо знакомы на старинных украинских землях Волыни, Киевщины, Полесья. В первой половине XVII в. польская центральная власть и феодалы, захватывавшие по королевским грамотам громадные пространства украинских земель, не могли регламентировать земельные порядки, и общинные порядки просуществовали еще полтора-два столетия. Вместе с тем условия тревожной пограничной жизни требовали организации военной защиты границ, и королевское правительство не только терпело казацкие поселения на юге, но в чернигово-северских землях само попыталось организовать казацкие отряды, предоставляя им за службу земельные участки, по 4 волюки на коня. Были организованы казацкие сотни — Стародубская, Мглинская, Трубчевская, Почепская и др. Каждая сотня получала знамя, военную организацию, казаки освобождены были от платежа податей и несения других повинностей. При решении вопроса о развитии землевладения, и в частности мелкого, все эти факты нельзя игнорировать. Казацкие земельные владения на Северщине сохранялись в неприкосновенности не только до конца XVII в., но и в течение всего XVIII в. Возникла даже земельная мера — «чвѣртка», т. е. четвертая часть земельного казацкого надела, равная в среднем 22 га. Эта чвѣртка существовала как земельная мера весьма длительное время — до самого XIX в.²

После 1648 г. магнатское землевладение на Украине реально перестало существовать, а с 1654 г. феодальные латифундии исчезли на Украине и юридически, и фактически. Однако среди украинских старшин было много православной шляхты, стремившейся упрочить свое положение, приобрести значительные земельные имущества. Эти владения украинских феодалов не были похожи на маестности старых мелких шляхтичей, перешедших на службу в казацкие войска. Это были большие города со многими селами и деревнями. Как известно, Богдан Хмельницкий получил сначала от польского короля Чигиринское староство, а затем от русского царя, кроме этого староства, еще и город Гадяч с уездом. Сподвижники Хмельницкого также получили ряд городов и местечек Левобережной Украины. Подобный захват городов и местечек был явлением глубоко реакционным. Он означал возвращение к частновладельческим городам и находился в противоречии с общим прогрессивным ходом развития. В Русском государстве частновладельческие города и беломестные слободы были ликвидированы уже с 1649 г. Это был важный прогрессивный шаг в развитии городской жизни, он укреплял положение центрального правительства, служил сплочению русских областей в единое экономическое целое. Захват же украинскими феодалами в свои руки городов и местечек ослаблял развитие городской жизни и вызывал возмущение народной массы.

Украинская шляхетская верхушка, стремясь к восстановлению старых польских порядков, вообще мыслила категориями прошлого. Еще когда велись переговоры о воссоединении Украины, к боярину Бутурлину пришли представители шляхты и предъявили ему росписи старостинских и судейских должностей по Киевскому и другим воеводствам, которые они распределили между собой. Боярин указал им, что это они «учинили негораздо» — без государева указа и ведома гетмана, и шляхтичам пришлось отступить. Но мысль о восстановлении в полной мере старых порядков не покидала умы старшин-шляхтичей. Правда, им все время приходилось оглядываться на основную массу казачества, которая отрицательно относилась к превращению казацких старшин в землевладельцев-феодалов. Но восстановить старые земельные латифундии было невозможно и по другим, более глубоким причинам. До 1648 г. феодалы на Украине не только имели на своей стороне феодальный закон, кото-

² ЦГАДА, Литовская метрика, Книга записей, № 101, л. 215 и след.

рый гарантировал им монопольное владение землей, но и обладали хорошо организованным аппаратом классового господства, военной силой и, кроме того, жили в крепких замках, в укрепленных городах, служивших надежной защитой их власти. Теперь все это ушло из рук феодалов, и хотя некоторые из них, как Выговские, Золотаренки и др., получили во владение хорошо укрепленные города, но вооруженной силы никто из них не имел. Они командовали казацким войском, порою настроенным к ним враждебно, поэтому все царские жалованные грамоты и гетманские универсалы, какими бы формулировками они ни пользовались, в значительной мере оставались пустыми словами. Это хорошо понимал Богдан Хмельницкий, очень скупно раздававший универсалы на маетности. По довольно точным подсчетам, при Хмельницком монастырям было роздано 80 владений, шляхта получила около 50, а старшины различных рангов — только 20 маетностей. Столь незначительное число розданных маетностей объяснялось реальной хозяйственной обстановкой. Доходы с пожалованных имений ограничивались чиншевыми платежами, доходом от мельниц и продажи спирта, и гетманское правительство предпочитало (да, вероятно, и сами старшины с этим соглашались) передавать старшинам такие маетности, где главный доход поступал от мельниц и шинков.

Украинские историки мало обращали внимания на типы и формы хозяйства, установившиеся на Левобережной Украине в середине XVII в. Во всяком случае, организация фольварков в течение многих десятилетий здесь была совершенно невозможна. Обширные маетности, которые стали создаваться к концу XVII и в первой четверти XVIII в., вовсе не были крупными организованными хозяйствами. По существу они представляли собой простую сумму мелких крестьянских хозяйств и не имели предприятий, организованных по типу крупных отраслевых единиц, связанных общей согласованной системой хозяйственной эксплуатации (полеводство, скотоводство и проч.).

Больше внимания необходимо уделить формам землевладения в Стародубском и Черниговском полках, причем нужно глубже изучить их не с формально-юридической, а с экономической точки зрения, так как для советского историка гораздо важнее изучение не различных юридических формул, определяющих характер владения маетностями («зуполное владение», «до ласки войсковой» и т. д.), а отношения землевладельца к непосредственному производителю сельскохозяйственных благ. В этом отношении изучение сябринного и в особенности общинного землевладения представляет серьезный интерес, ибо оно способствует не только пониманию путей и сущности роста феодальных владений, но и объяснению относительно медленного развития барщинной крепостнической системы хозяйства на Левобережной Украине в XVII и начале XVIII в.

Вернемся к вопросу о развитии феодальных владений украинской старшины. Мы видели, что на первом этапе создания крупных владений стремления этой старшины не увенчались успехом. Поэтому в последние десятилетия украинские феодалы старались получать доходы не от барщинного труда, а от мельниц, шинков и в виде натуральных доходов от своих подданных. Это не значит, что украинские феодалы недооценивали возможности приобретения имений в собственность. Дело заключалось в том, что обстановка, как внешнеполитическая, так и внутренняя, и весьма незначительные возможности сбыта хлебных продуктов в натуральном виде не способствовали появлению у старшины стимула к организации крупных феодальных хозяйств. Постоянные волнения крестьян и казаков, боровшихся за свою землю и за то, чтобы самим пользоваться плодами своего труда, многократно нарушали планы феодалов овладеть имениями. К тому же с конца 60-х годов XVII в. украинские старшины встретили новые затруднения в захвате земельных бо-

гатств: у них появился сильный соперник, стремившийся получить земельные пожалования, — русский помещик.

Следует заметить, что освободительная война украинского народа с самых первых месяцев своего возникновения встретила широкий отклик среди русского крепостного крестьянства, переживавшего в центральных областях России период усиления эксплуатации и установления крепостного права. Русские крестьяне массами бежали на Украину, и русские помещики сразу же почувствовали большую опасность, которой чреваты были эти побегі для их хозяйства. Вопрос о выдаче русских беглых крестьян, укрывшихся на Украине, как известно, ставился еще при Богдане Хмельницком. В апреле 1656 г. к гетману был прислан боярин Лопухин, которому в числе других важных вопросов поручено было также выяснить вопрос о выдаче беглых крестьян. Лопухин сообщил Богдану Хмельницкому о жалобах русских помещиков на побегі их крестьян на Украину и потребовал от гетмана выдачи беглецов и категорического запрещения принимать их вновь. На это Хмельницкий отвечал, что из украинских городов многие казаки уходят в пределы Русского государства, «на то от нас заказа нет, так как у нас люди вольные»³. С требованием о выдаче русских беглых крестьян царское правительство неоднократно обращалось и к преемникам Хмельницкого, в частности к Ивану Выговскому и Ивану Брюховецкому⁴. Но это было только страстное пожелание русских помещиков удержать за собой своих крепостных. Гетман и старшина не могли удовлетворить его, потому что выдача беглых привела бы к народным волнениям, а время было военное, — как выразился сам гетман, «неприятель стоял над шеями». Бегство на Украину продолжалось. Когда началась крестьянская война под предводительством Степана Разина, тяга русских крестьян на Украину сделалась еще большей угрозой помещичьему благополучию.

Однако русские помещики стремились не только к возврату своих крестьян, бежавших на Украину, но и к захвату украинских земель в качестве вотчин и поместий.

Прошло лишь около десяти лет с момента воссоединения Украины с Россией, а воеводы, назначенные в украинские города, уже успели приобрести значительные земельные имущества. Так, например, в переписных книгах Кирилла Осиповича Хлопова за новгород-северским воеводой Исаем Максимовичем Квашниным записано два села в Новгород-Северном уезде — Шатрищи и Ивоть со 158 тяглыми дворами за батуринским воеводой Тимофеем Дмитриевичем Клокачевым — с. Веревки (71 двор), за стародубским воеводой кн. Игнатием Григорьевичем Волконским — дер. Борщова (99 дворов), за черниговским воеводой Андреем Васильевичем Толстым — два села и деревня (всего 65 дворов); даже стрелецкий голова Алексей Подтопник успел приобрести два села и деревню (26 дворов).

Позже, в 1668 г., когда по Украине прокатилось восстание, царское правительство предприняло расследование об этих захватах и потребовало объяснения от воевод, владевших маетностями. Киевский воевода боярин Петр Васильевич Шереметев должен был сообщить в Москву, «по какому указу русские воеводы владеют маетностями и сколько каких доходов и с которого числа взяли». Таких же объяснений потребовали и от стародубского воеводы кн. Волконского и новгород-северского воеводы Квашнина. Последний сообщил, что прежние воеводы «теми селы и крестьяны и всякими угоды не влаживали и никаких доходов

³ ЦГАДА, Столбцы Сибирского приказа, № 1467, л. 147.

⁴ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. IV. СПб. 1863, стр. 96; Д. Н. Бантыш-Каменский. Источники малороссийской истории, ч. I. М. 1858, стр. 132.

не имывали», а переписчик К. Хлопов «де те селы за ними написал, мстя ему недружбу»⁵. Однако это своеобразное «объяснение» не выдерживает критики: несколькими строками ниже тот же Квашнин поясняет, что в 1663 г. «дал ему те селы на пропитание, видя его скудость, Ивашка Брюховецкой» и он начал владеть ими с 1 января 1666 г.⁶

Конечно, десятки сел и деревень, захваченных русскими воеводами, на общем фоне украинской деревни представляли собой небольшую величину. Но эти земельные приобретения были первыми ласточками возможных в будущем захватов, и начались они в гетманство Брюховецкого.

В такой сложной обстановке украинским феодалам и предстояло создавать свои земельные богатства. Конечно, маестности, пожалованные гетманом, приносили доход, иногда весьма значительный; немалый доход давала и служба; в карман сотников, полковников и судей поступали судебные пошлины. Но при всем этом необходимо было организовывать и свое хозяйство. Простейшей формой организации было устройство слободы, т. е. создание с разрешения гетмана нового поселения на приобретенной в собственность или в пользование войсковой земле. Наиболее удобной для этой цели была земля, купленная или у псполитых, считавшихся после 1648 г. собственниками земли, которую они обрабатывали, или у сябров, или у общины. О сябринном владении много писали И. В. Лучицкий и В. А. Мякотин⁷, но, поскольку они уделяли основное внимание юридической стороне форм землевладения, упуская из виду их классовую сущность, мы позволим себе задержаться на выяснении некоторых деталей этой важной проблемы.

В основном выяснена сущность сябринной формы владения, состоящей в том, что первоначальные владельцы имели равные доли в общем владении, а в следующих поколениях наследники владели частями этих первоначальных долей, уже не равными по величине. Неравенство вызывалось разным числом наследников, имевшихся у каждого первоначального владельца. В дальнейшем происходило все большее дробление этих частей. Сябринный союз вначале был родовым. Потом он стал пополняться посторонними членами по приглашению и с общего согласия сябров. Новых членов принимали на доли тех сябров, которые приглашали их к себе и которым требовалась дополнительная рабочая сила. Это могли быть зятья или отдаленные родственники, могли быть и совершенно посторонние лица, покупавшие доли владения у отдельных сябров. Следует помнить, что продажа долей владения происходила обязательно с согласия всех членов сябринного союза. Преимущественное право покупки принадлежало только членам этого союза. Лишь в случае отказа сябров купить землю у своего сочлена последний мог продать свою долю постороннему лицу. Такого было обычное право, признававшееся и тогдашними судьями. Естественно, что члены союза оказывали помощь друг другу, защищали границы своих земельных участков. Феодалу нелегко было овладеть угодьями сябринного союза, интересы которого защищал и обычай, и суд, хотя последний и состоял из тех же старшин-феодалов. В XVIII в. положение стало меняться. Сябринные союзы стали испытывать как внутренний нажим со стороны своих членов, стремившихся выделить доли своего владения, так и сильный напор со стороны крепнувших и экономически усиливавшихся феодалов и стали постепенно слабеть и распадаться. Феодалы разных рангов, купив у сябра долю владения, становились полноправными членами

⁵ ЦГАДА, Кн. Малоросс. приказа, № 2, лл. 259, 262—263 об.

⁶ Там же, л. 263 об.

⁷ И. В. Лучицкий. Сябры и сябринное землевладение в Малороссии. — «Северный вестник», 1889, № 1, 2; его же. Крестьянская поземельная собственность. Киев 1896; В. А. Мякотин. Очерки социальной истории Малороссии.

союза. Это значило, что без разрешения такого влиятельного и экономически сильного сочлена ни один клочок земли не мог быть продан кем-либо из сябров на сторону. Постепенно вся сябринная земля попадала в руки этого «сябра»-феодала.

Второй широко распространенной формой владения было общинное владение землей. На юге Левобережной Украины оно было преимущественной формой землевладения и продолжало существовать в XVII и XVIII вв.

Интересна история разработки вопроса об общинном землевладении на Украине. Впервые этот вопрос был поставлен и документально аргументирован И. В. Лучицким, который на основании Румянцевской описи, хранившейся тогда в библиотеке Киевского университета, доказал существование общинного землевладения на Украине⁸. Ответом на работу И. В. Лучицкого была статья Д. И. Багалея «Займанщина в Левобережной Украине в XVII и XVIII ст.»⁹. Смысл возражений Багалея Лучицкому сводился к тому, что на Украине были «общие» земли, но не были общины с уравнительными периодическими переделами, круговой порукой и проч. Между тем периодические переделы, уравнительное землепользование — вовсе не обязательные признаки общины. Различные формы общинного устройства и быта зависели от общеисторических условий, в которых община возникала и развивалась. В тех странах, где община возникла не на основе развитого рабства, роль сельской общины была особенно значительной, так как феодализм развивался здесь на базе подчинения и закрепощения свободной общины.

Какой же была украинская община? Была ли она жизнеспособным хозяйственным организмом, распоряжалась ли она земельными угодьями, покупала ли и продавала их, вела ли борьбу с нарушителями ее интересов или быстро прекратила свое эфемерное существование, как только прошли бурные времена военной грозы 1648—1654 гг.?

Ответы на все эти вопросы отчасти уже даны в трудах И. В. Лучицкого и М. М. Ковалевского¹⁰. Еще больше данных об общине содержится в неопубликованных материалах, хранящихся в архивных фондах УССР.

Вопрос о роли общины в процессе хозяйственного освоения целинных земель всего юга Левобережной Украины нельзя решить без учета жизнедеятельности украинской общины.

Если взглянуть на географическую карту расположения полковых территорий, то сразу бросится в глаза, что распространение частновладельческих имений шло с севера на юг. Земельные имущества приобретались феодалами прежде всего в северных полках — Стародубском, Черниговском и отчасти Нежинском, да и заселены и хозяйственно освоены раньше всего были именно эти северные территории. Центральные полки — Лубенский, Переяславский и Прилуцкий стали осваиваться феодальными владельцами лишь с конца XVII в., хотя заселены были еще в конце XVI в. такими колонизаторами, как кн. Иеремия Вишневецкий, кн. Константин Острожский и др. На этот факт обратили внимание еще дореволюционные историки, но объясняли они его чисто внешними причинами, например близостью Запорожской Сечи, хотя это об-

⁸ И. В. Лучицкий. Общинное землевладение в Малороссии. — «Устои», 1882, № 7; его же. Следы общинного землевладения в Левобережной Украине XVIII века. — «Отечественные записки», 1882, № 1; его же. Малороссийская сельская община и сельское духовенство в XVIII в. — «Земский обзор», 1883, № 6; его же. Займанщина и формы заимочного владения в Малороссии. — «Юридический вестник», 1890, т. IV, кн. 3.

⁹ Д. И. Багалея. Займанщина в Левобережной Украине в XVII и XVIII ст. — «Киевская старина», декабрь 1883 г.

¹⁰ М. М. Ковалевский. Труд, как источник права собственности на землю в Малороссии и на Украине. — «Юридический вестник», 1892, т. XI, кн. 1—2.

стоятельство, игравшее, конечно, некоторую роль, никак не было главной причиной слабого освоения феодалами территорий центральных полков. Главной причиной медленного роста частновладельческих имений на юге было широкое распространение общинного владения землей, которое в XVII и в начале XVIII в. феодалам не так-то легко было осилить.

После освободительной войны 1648—1654 гг. на юге (да и не только на юге) оказалось много никем не занятой земли. Как казаки, так и посполитые (и отдельные лица, и группы родственников или товарищей) стали широко пользоваться правом заимки. Общины владели пахотной землей и прочими угодьями на началах заимочного, захватного пользования. Право заимки вплоть до конца XVIII в. и даже позже было общепризнанным на Гетманщине, и заимка была основой законного владения как посполитых (крестьян и мещан), так и казаков и старшины. Вся земля считалась собственностью Войска Запорожского.

Земельный фонд, поступивший в пользование населения после 1648 г., составил из бывших панских латифундий и из никем еще не занятых и не освоенных степных и лесных просторов. Земли эти часто назывались «вольными», «общественными», «свободными», «громадскими», «общеобывательскими», «мирскими». На юге таких земель было больше, но в документах есть достаточно указаний на существование подобных общинных владений и на севере.

Общинное землевладение было широко распространено на Левобережной Украине. Еще во второй половине XVIII в. существовали села, жители которых пользовались пахотными и сенокосными угодьями только на вольных общинных землях, а личной собственной земли не имели. Село, а часто несколько селений составляли общину, куда входили как посполитые (крестьяне), так и казаки, которые совместно распоряжались землей — уступали ее в пользование посторонним лицам, иногда продавали ее, разрешали членам своей общины строить мельницы, сооружать плотины, иногда дарили общинные земли нужным им или заслуженным лицам, чужим или своим, устанавливали порядок пользования угодьями, запрещали присваивать части общинной земли. Нет надобности приводить большое количество примеров, характеризующих общинные порядки на Украине. Они хорошо известны из литературы, хотя бы из уже упомянутых работ И. В. Лучицкого. Например, в Миргородском полку у жителей с. Голтвы существовал такой обычай: «Хотя кто целиною и поднимает поле, затим оно поля не должен сводити вовся, но, когда выпашет три года и знову зацелеет, другою от сожителей их, хто ни будь, пахать волен»¹¹. Этот пример очень ясно показывает пределы распоряжения общинной землей со стороны членов общины.

В архивах сохранилось немалое количество дел о жестокой борьбе общины за свои права и свою землю. Борьба эта иногда принимала острые формы, сопровождалась драками, вооруженными столкновениями, арестами, суровыми телесными наказаниями и т. п. Бывали и случаи убийства наиболее агрессивных феодалов. Если во второй половине XVIII в. такие острые столкновения оканчивались часто победой старшин-захватчиков, то в XVII в., при наличии более крепкой общинной организации, которая охватывала как посполитых крестьян, так и — на равных правах — казаков того же села, община могла оказывать и действительно оказывала сильное сопротивление всем покушавшимся на ее права, так что даже классовый суд феодалов и сам гетман обычно должны были считаться с правами и желаниями общины. Естественно, что феодалы, как светские, так и духовные, не всегда решались нару-

¹¹ И. В. Лучицкий. Займанщина и формы заимочного владения в Малороссии, стр. 418.

шать права общины, предпочитая мирно вклиниваться в общинные владения, покупать или получать в дар части общинных земель, чтобы в дальнейшем расширять свои владения за счет вольной степи и общемирской собственности. Как правило, такой собственник, купивший клочок общественной земли, получал право голоса при решении мирских дел, что очень помогало ему расширять свои владения.

Очень удобной формой хозяйственного освоения было небольшое поселение на праве личной собственности, какое устраивал старшина-феодал или казак и мещанин или вообще предприимчивый человек того времени. Такой формой владения был хутор, который и стал истинным зародышем крепостного хозяйства.

Хутор как форма поселения известен в Южной Руси и в Белоруссии с давних времен — это первичная форма поселений в лесных и степных просторах, еще не освоенных прочной колонизацией¹². Но левобережные хутора возникали в другой обстановке и получили иное значение. Еще в середине XVII в. в переписных книгах 1666 г. было зафиксировано значительное количество хуторов. Так, около одного лишь гор. Остра находился 31 хутор. Все эти хутора носили характерные названия, обозначавшие принадлежность определенному лицу: Коптева хутор, хутор Котова, Новикова, Скрыпкина и т. д. На некоторых хуторах отмечены хозяева, называвшиеся по хутору: например, на хуторе Упырёва жили в трех дворах хуторяне Упыри и там же в нескольких дворах — их родственники (приимы)¹³. Происхождение этих хуторов неясно. Несомненно только, что это были личные владения. В селах и деревнях переписчик всегда отмечал войта — общественную власть. На хуторах мы войтов не видим. Главным лицом там был хозяин — владелец хутора. В конце XVII и в начале XVIII в. хутора росли, как грибы после дождя. Например, в Прилуцком полку во второй половине XVIII в. по официальной ведомости показано 404 хутора, тогда как сел считалось всего 104, деревень — 23, а слобод — только 12. В других полках, в особенности южных, хуторов также насчитывались сотни. Хутора были, конечно, разные: казачьи хутора были невелики, с небольшим числом дворов, с небогатыми хозяйственными постройками и т. д., у крупных же феодалов хутора были богатые и приближались по типу к фольваркам прежнего времени. Но каков бы ни был хутор, он всегда принадлежал владельцу на праве личной собственности, основан был на купленной или подаренной земле, отгорожен от общинной или сябринной земли заметной межей¹⁴.

При изучении хуторского хозяйства мы не встречаем данных, которые свидетельствовали бы об организации сколько-нибудь значительного зернового производства; наоборот, по отношению к хуторам такого хорошего хозяина, каким был известный мемуарист генеральный подскарбий Яков Маркович, мы находим многочисленные известия о покупке зерна на стороне для собственного винокурения. Много раз записывает Маркович в своем дневнике, сколько денег он давал на покупку зерна. Хуторское хозяйство испытывало постоянную нужду в рабочих руках. Часто Маркович для уборки хлеба, сенокосения устраивал «толоку», т. е. приглашал на работу крестьян окрестных сел за плату или за угощение. Ежегодно Маркович заранее, за полгода и даже больше, раздавал деньги косарям, с тем чтобы они позднее отработали полученные авансы¹⁵.

¹² Ф. И. Леонтович. Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1896, № 4, стр. 205 и след.

¹³ Переписні книги 1666 року. Приготував до друку і зредагував В. О. Романовський. Київ 1933, стор. 354—359.

¹⁴ М. Судиненко. Материалы для отечественной истории, т. I. Киев 1852, стр. 244—246 и др.

¹⁵ Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717—1767), ч. I. Киев 1893, записи за 1727—1729 гг.

Хуторское население представляло собой неоднородную массу. Здесь были крестьяне, сидевшие на оброке (чиншевики), были тяглые крестьяне, обязанные барщиной, были подсосудки, пешие и сидевшие на земле, но были и получившие от хозяина ссуду, за которую они давали феодалу обязательство находиться у него в вечном подданстве. Многие из свободных посполитых, не имевших возможности выплатить занятую ссуду, попадали в особую зависимость от феодала. Наконец, на хуторах проживали и купленные у русских помещиков крепостные крестьяне. Часто это были беглые крестьяне, которых помещик отыскал и собирался уже возвращать в свое поместье. Украинские феодалы покупали таких беглых крестьян по купчей крепости и на законном основании селили у себя на хуторах.

Таковы те важнейшие вопросы, которые стоят перед историками Советской Украины, изучающими социально-экономические проблемы периода позднего феодализма.

Э. Э. Эпик

ПОДЪЕМ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНИИ В ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ (1700—1710 ГГ.)

Историку приходится мириться с тем, что состояние источников не позволяет в равной мере проследить все этапы антифеодальной борьбы крестьянства. В отношении некоторых наиболее ранних этапов крестьянского движения источники содержат весьма скудные, отрывочные сведения, часто отсутствует возможность сопоставления источников. Применение статистики с целью установления размаха и характера крестьянского движения в таких случаях невозможно.

В характере и количестве источников по истории Эстонии, с точки зрения изучения антифеодальной борьбы крестьянства, существенные изменения наступили в XVII в. Это было связано с развитием бюрократического аппарата Шведского государства, под верховной властью которого находилась тогда Эстония. В XVII в., особенно в конце его, разрастается ведомственная переписка местной администрации Эстляндии и Лифляндии. Для изучения крестьянского движения в Эстонии деловая переписка местных административных органов, созданных шведским правительством в конце XVI и в XVII в., является источником первостепенной важности¹. Не менее существенным является также то, что в связи с проведенной во второй четверти XVII в. в Эстляндии и Лифляндии судебной реформой все уголовные дела крестьян, которые до этого решались помещиками, были переданы в компетенцию территориальных судов. Предусмотренный этой же реформой порядок судопроизводства (жалобы истца и объяснения ответчика следовало подавать в письменном виде, требовалось систематическое и подробное ведение протокола и т. д.) также самым выгодным образом, с точки зрения историка, отразился на состоянии источников².

Таким образом, в течение XVII в. значительно расширяется база источников, проливающих свет на классовую борьбу крестьянства в Эстонии. Период, которому посвящена настоящая статья, представляет поэтому особый интерес как один из наиболее ранних этапов крестьянской борьбы в Эстляндии и Лифляндии, при изучении которого историк может уже основываться на широкой базе источников и применить в известной мере статистический метод.

¹ Основным источником этого типа являются хранящиеся в фондах генерал-губернаторов Эстляндии (ЦГИА ЭССР, ф. 1) и Лифляндии (там же, ф. 278; ЦГИА Латв. ССР, ф. 7349) входящие письма (суплики) и отпуска (концепты).

² Из судебных фондов для данной темы наибольший интерес представляют фонды Таллинского бурггерихта (ЦГИА ЭССР, ф. 2), Тартуского, Пярнуского и Сааремаского ландгерихтов (там же, ф. 914, 915 и 968), Лифляндского гофгерихта (ЦГИА Латв. ССР, ф. 109).

В советской исторической литературе, главным образом в послевоенный период, появился ряд работ, освещающих классовую борьбу и вообще активную деятельность народных масс в России, на Украине, в Белоруссии и Литве в период Северной войны. Специально этим вопросом занимался В. Е. Шутой, опубликовавший на эту тему ряд статей³ и две книги⁴. В большей или меньшей мере эта тема освещалась в работах, посвященных в основном либо военной истории этого периода⁵, либо истории крестьянства⁶. Сравнительно много внимания уделено ей также в крупных обобщающих трудах⁷.

Восточная Прибалтика, которая являлась театром военных действий в течение 11 лет (1700—1710 гг.), в отношении крестьянского движения этого периода подробнее изучена пока лишь частично — исследована главным образом территория с эстонским населением (Эстляндия и северная часть Лифляндии). Изучение вопроса существенно продвинулось вперед за последние годы. Значительным вкладом в изучение вопроса является коллективная работа, выполненная эстонскими историками по выявлению документов для сборника «Из истории эстонского народа в годы Северной войны»⁸. Крестьянскому движению на территории Эстонии в период Северной войны посвящены также специальные исследования⁹.

Канун Северной войны в Эстляндии и Лифляндии был насыщен важными переменами в социально-экономической и политической жизни. Основным событием, наложившим свою печать на все остальные явления жизни, было проведение здесь шведским правительством редукции имений, в результате которой значительная часть дворянских имений перешла во владение государства.

В связи с тем, что отныне часть крестьян Эстляндии и Лифляндии превратилась из частновладельческих в коронных, шведскому королю Карлу XI пришлось заняться и «крестьянским вопросом» в этих провинциях. Были изданы инструкции, регламенты и плакаты, регулирующие отношения коронных крестьян с арендаторами. Повинности их были записаны в вакенбухах.

Эстонское и латышское крестьянство, однако, в результате редукции ничего не выгадало. Швеция была кровно заинтересована в полном сохранении барщинно-крепостнической системы хозяйства в коронных имениях, так как Эстляндия и Лифляндия являлись районом интенсивного зернового производства, «хлебным амбаром» Шведского государства. Поэтому так наз. «защита крестьянства», осуществленная здесь

³ См. В. Е. Шутой. Классовая борьба в период народной войны на Украине в 1708—1709 гг. — «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1949, № 4; его же. Народная война на Украине против шведских захватчиков в 1708—1709 гг. — «Вопросы истории», 1949, № 7; его же. Измена Мазепы. — «Исторические записки», т. 31, 1950.

⁴ В. Е. Шутой. Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708—1709 рр. Київ 1951; его же. Борьба народных масс против нашествия армии Карла XI. М. 1958.

⁵ Б. С. Тельпуховский. Северная война (1700—1721). Полководческая деятельность Петра I. М. 1946; Е. В. Тарле. Северная война и шведское нашествие на Россию. М. 1958.

⁶ Д. Л. Похилевич. Крестьяне Слоимщины в XVI—XVIII вв. — «Ученые записки Львовского гос. ун-та», серия историческая, вып. IV, 1949; его же. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов 1957.

⁷ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М. 1954; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М. 1957.

⁸ Eesti rahva ajalooost Põhjasõja aastail (1700—1721). Valimik dokumente. Tallinn 1960.

⁹ E. Õpik. Eesti talurahva «Rootsi-truudusest» Põhjasõja ajal. — Eesti ühendamisest Venemaaga ja selle ajaloolisest tähtsusest. Lühiaurimus. Tallinn 1960; его же. Talurahva mõisavastane võitlus Eestis Põhjasõja esimesel poolel (1700—1710) (в печати).

шведским правительством, не внесла никаких принципиальных изменений ни в экономическое, ни в правовое положение крестьян. По ряду соображений Карл XI стал отдавать редуцированные имения в аренду бывшим их владельцам¹⁰. Таким образом, в результате редукции крестьяне не избавились от своих прежних помещиков, которые в качестве арендаторов норовили повысить крестьянские повинности и в тех случаях, когда помещик обычно воздержался бы от разорения своих крестьян.

Правомерным явлением в период редукции было то, что среди крестьян широко распространились иллюзии наивного монархизма. Стали ходить слухи о воле. На видное место выдвинулась такая форма крестьянского движения, как подача жалоб на помещиков и арендаторов. Но по мере того, как крестьяне убеждались в тщетности своих надежд, учащались выступления и нелегального характера. Отказ крестьян от несения повинностей стал наиболее типичной формой классовой борьбы, особенно распространившейся во время крестьянских волнений в Эстляндии в 1695 г.

В 1695—1697 гг. в Эстляндии и Лифляндии свирепствовал голод, постигший население в связи с длительным неурожаем. За эти годы погибло около 20% населения эстонской территории, главным образом беднейшие крестьяне¹¹. Голодные годы, в свою очередь, ударили по иллюзиям наивного монархизма. Карл XI, правда, умер в 1697 г., однако эстонские крестьяне уже успели разочароваться в нем: в голодные годы он им ничем не помог, а наоборот, давал распоряжения о вывозе хлеба в Швецию и в Финляндию¹². На наследника его, Карла XII, эстонское крестьянство уже не возлагало прежних надежд — вера в «доброе короля» сменялась теперь недоверием и враждебностью по отношению к шведской власти. Последние годы XVII в. были годами глухого брожения, переходившего в отдельные вспышки крестьянских выступлений (например, убийство лифляндского дворянина О.-Д. Врангеля крестьянами мызы Тыйквере в 1698 г.).

В такой обстановке обострившихся классовых противоречий, глухого брожения и краха крестьянских надежд на милость короля и началась в Эстляндии и Лифляндии Северная война. В нее эстонские крестьяне вступили в качестве шведских подданных, а из нее они вышли подданными Русского государства.

Войны в эпоху феодализма всегда сопровождались обострением классовых противоречий между крестьянством и помещиками, стимулировали обычно подъем крестьянского движения. Непосредственной причиной этого были военные налоги, рекрутские наборы и тому подобные повинности, обременявшие население во время войны. В связи с этим особенно ошутимым становился и крепостнический гнет, которому крестьяне теперь оказывали усиленное сопротивление. Наряду с такими причинами в периоды войн всегда немалую роль играет и психологический фактор, способствующий активизации широких народных масс, — во всякую междоусобицу и войну командные позиции господствующего класса и государственной власти становятся менее прочными, что и придает крестьянству смелости и активности для более решительных выступлений.

Оба эти фактора оказали в период Северной войны влияние и на крестьянское движение в Эстонии.

В годы Северной войны шведский военно-колониальный гнет в Эстляндии и Лифляндии принял жесточайшие формы. Немногочисленному

¹⁰ Об арендной политике Карла XI см. A. Isberg. Karl XI och den livländska adeln 1684—1695. Lund 1953, s. 74—90.

¹¹ O. Liiv. Die grosse Hungersnot in Estland 1695—1697. Tartu 1938, S. 124.

¹² Там же, S. 115.

населению этих провинций пришлось нести тяжкое бремя снабжения шведской армии. Швеция максимально использовала и живые резервы своих колониальных провинций — в Эстляндии и Лифляндии из года в год проводились вербовки, наборы в ландмилицию и в ополчения, что, в свою очередь, приводило к острой нехватке рабочих рук в сельском хозяйстве, сокращению посевных площадей и периодическому голоду среди крестьянского населения¹³.

В условиях тяжелой барщинно-крепостнической эксплуатации такие явления вызывали прежде всего обострение конфликта крестьянина с помещиком. Наряду с этим непосильные тяготы по снабжению шведской армии усугубляли враждебность крестьянских масс к шведским властям и армии. Как известно, именно бремя снабжения армии Карла XII было основным фактором, поднявшим на народную войну население Украины, Белоруссии, Литвы и Польши. Сопротивлялось шведскому военно-колониальному гнету и эстонское крестьянство.

В Эстонии, где уже в канун Северной войны было налицо обострение классовой борьбы крестьянства, с началом войны произошел дальнейший и крутой подъем крестьянского движения.

В течение рассматриваемых здесь 11 лет крестьянские выступления на территории Эстонии зарегистрированы в 151 мызе, что составляет около 14% общей численности всех мыз на этой территории. В Эстляндии крестьянскими выступлениями было охвачено 106 мыз, что составляет приблизительно 19%, а в Северной Лифляндии вместе с островам Сааремаа — 45 мыз, т. е. около 8% общей численности мыз.

В качестве выступлений учтены следующие формы борьбы: 1) коллективный отказ от несения повинностей, как владельческих, так и государственных, т. е. в данном случае обычно военных; 2) нападение крестьян на мызных надсмотрщиков, управляющих, арендаторов и помещиков (в том числе и убийства); 3) нападение крестьян на шведских солдат и офицеров (также и случаи убийства их); 4) коллективный захват крестьянами помещичьего имущества; 5) случаи, когда крестьяне брали или пытались брать в плен управляющих, арендаторов и пасторов. Подача крестьянами жалоб на арендаторов и помещиков в качестве выступления тут не учитывается.

Следует иметь в виду, что источники данного периода во многих случаях не позволяют более или менее точно установить число крестьян, принимавших участие в каждом конкретном выступлении. Поэтому при подсчете невозможно было учесть этот критерий размаха движения. Кроме того, и подсчет количества выступлений остается до известной степени относительно и не охватывает, конечно, всех случаев. Следует еще добавить, что по Эстляндии источники позволяют сделать несколько более полный подсчет, чем по Северной Лифляндии.

Крестьянские выступления этого периода по условиям их возникновения и характеру можно разделить на два основных типа.

К первому типу следует отнести прежде всего отказ крестьян от выполнения повинностей — как владельческих, так и государственных. Отказ от выполнения повинностей, в особенности барщины, — вообще самый распространенный вид антифеодальной борьбы крестьянства в районах с наиболее интенсивными формами феодальной эксплуатации, ибо он естественно вытекает из самой сути барщинно-крепостнической эксплуатации. В условиях, когда помещичьи поля составляли основной источник дохода помещиков, отказ от выполнения барщины, несомненно, являлся весьма эффективным способом давления на помещика. В период Северной войны крестьяне таким способом нередко доводили мыз-

¹³ Э. Эпик. О шведских военных повинностях эстонского крестьянства в годы Северной войны. Резюме. — «Известия АН ЭССР», серия общественных наук, 1960, № 4.

ные хозяйства до полного упадка. Невыполнение барщины было по помещикам значительно сильнее, нежели недоимки по оброку. Последние можно было взыскать и позже, зато потери барщинных рабочих дней грозили невозмещаемыми убытками. Крестьяне, отказавшиеся от несения владельческих повинностей, обычно прекращали также поставлять продовольствие, фураж и обмундирование для шведской армии, отказывались исполнять гужевую повинность. В этом типе выступлений, таким образом, тесно переплетается борьба крестьян против феодальной и против военно-колониальной эксплуатации — так же тесно, как были связаны между собой оба эти вида эксплуатации.

Отказ крестьян от выполнения всевозможных повинностей неизбежно приводил к столкновению крестьян с мызными служащими, а также и со шведскими солдатами и офицерами, высланными для умирения крестьян или сбора провианта.

Крестьяне повсеместно сопротивлялись и различного рода наборам в шведскую армию. Это явление также можно истолковать как отказ от несения повинностей, в данном случае военных. Столкновения крестьян со шведскими вербовщиками, возникавшие на этой почве, представляют собой особую характерную группу крестьянских выступлений. В таких случаях крестьяне обычно выступали сообща, собираясь большими группами — иногда даже по 100 человек. Они нападали на вербовщиков и освобождали вновь завербованных солдат или пойманных дезертиров. В таких столкновениях вербовщиков нередко избивали или даже убивали.

Наряду с перечисленными формами крестьянских выступлений первого типа, имевшими место и в довоенный период (в том числе столкновениями с вербовщиками), во время Северной войны происходили крестьянские выступления второго типа, связанные со специфическими условиями военного времени. Как правило, они возникали в районах военных действий, где был нарушен нормальный ход социально-экономической жизни. В таких районах помещики, арендаторы и управляющие обычно бежали из имений и укрывались в городах. На месте же ослаблялась и сводилась на нет деятельность шведских административных, полицейских и судебных органов. Кроме того, близость войск противника давала крестьянам повод надеяться, что помещики и шведские власти и впредь не доберутся до них. В силу таких обстоятельств крестьянские выступления в районах военных действий приобретали наиболее активный характер. К такого рода выступлениям прежде всего относятся коллективное присвоение крестьянами помещичьего имущества. Нападая большими отрядами на мызы (в таких нападениях иногда совместно участвовали крестьяне нескольких мыз), крестьяне взламывали помещичьи амбары и винокурни, делили между собой помещичий хлеб, водку, скот. (Поджог помещичьих усадеб, однако, для Эстонии в это время, в отличие от России и Украины, не был характерным.)

Наряду с этой формой выступлений, перераставших обычно в крестьянские волнения, т. е. одновременно охватывавших целый ряд мыз в каком-нибудь районе, к типу крестьянских выступлений, характерных для районов «военной неразберихи», относятся и другие, весьма разнообразные проявления классовой борьбы крестьянства. Крестьяне Лифляндии, например, в такой обстановке несколько раз нападали на мызы во время помещичьих свадеб, брали в плен или убивали молодоженов и гостей. В некоторых случаях крестьяне брали в плен арендаторов, управляющих и пасторов, передавая их русским. С другой стороны, они делали то же самое с управляющими и арендаторами, но по отношению к другой из воюющих сторон — приводили их в шведские суды, заявляя, что это якобы русские «шпионы» или «комиссары». В ходе судебного разбирательства выяснялась обычно неосновательность таких обвинений. Поэтому не остается сомнений в том, что и в таких случаях, как

правило, имела место не «прошведская» или «прорусская» ориентация крестьян, а акты антифеодальной борьбы. В выступлениях второго типа, в отличие от первого, отказ крестьян от несения повинностей и столкновения на этой почве не были характерными формами борьбы. Это объясняется тем, что нормальные функции мызного и крестьянского хозяйства в районах военных действий были нарушены, в связи с чем от крестьян местами либо совсем не требовали повинностей, либо они были уменьшены.

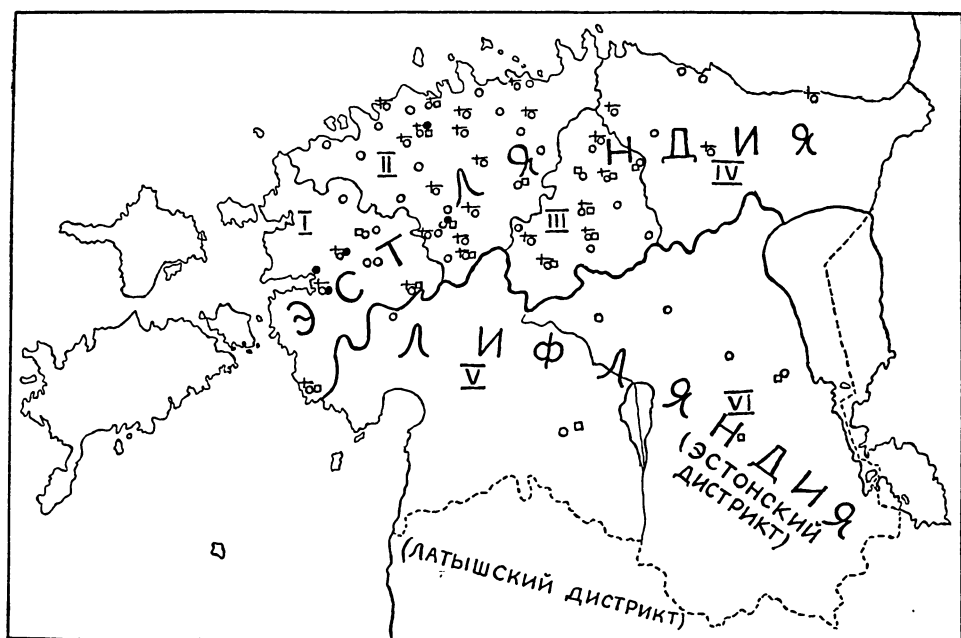
Для первого года войны характерны прежде всего сильные волнения типа «военных беспорядков», которые вспыхнули дважды: в Лифляндии в феврале 1700 г., когда сюда вторглись войска Августа II, и в Эстляндии — осенью, при вступлении в войну России. Упомянутый уже психологический фактор, активизирующий крестьян в военных условиях, в данном случае, очевидно, наиболее эффективно действовал именно тогда, когда война начиналась, — характерно, что в последующие годы войны подобного рода волнения ни разу не приобретают на материке такого размаха, как в 1700 г. Не менее характерно и то, что сильные волнения этого типа позже, в 1710 г., вспыхнули на острове Сааремаа, не затронутом военными действиями вплоть до этого года.

Борьба крестьян в виде отказов от несения повинностей в 1700 г. была распространена преимущественно в Эстляндии. В известной мере это связано, очевидно, с тем, что осенью этого года Эстляндии пришлось нести почти все бремя снабжения армии Карла XII. При сравнительной немногочисленности выступлений в виде отказов (19) они носили все же упорный характер — в пяти случаях для подавления их понадобилось применение военной силы.

В 1701 г. в Эстонии вспыхнули крестьянские волнения, поводом для которых было создание ландмилиции из эстляндских и лифляндских крестьян. Это было новой военной повинностью — крестьяне должны были с каждых полутора гаков дать и за свой счет обмундировать солдата ландмилиции. Пользуясь этим как предлогом, крестьяне стали отказываться от выполнения как владельческих, так и военных повинностей. Волнения охватили главным образом Эстляндию. Причиной этого было, очевидно, опять-таки то обстоятельство, что с октября по декабрь 1700 г. Эстляндии пришлось нести основное бремя военных повинностей. Следует, однако, отметить, что и в конце XVII в. крестьянских выступлений в Эстляндии было больше, чем в Лифляндии, и в 1701 г. ряд выступлений охватил те же мызы, что и в 90-е годы XVII в. Таким образом, мы имеем здесь, по-видимому, дело и с известной традицией. В 1701 г. крестьянские выступления зафиксированы в мызах, составлявших 59% эстляндских мыз, охваченных выступлениями в первую половину Северной войны. Военные отряды для усмирения крестьян были высланы в этом году в 27 имений, которые составляли приблизительно 46% общего числа очагов выступлений 1701 г.

Волнения 1701 г. распространялись далеко не равномерно. Восточная часть Эстляндии — Вируский уезд оставался сравнительно спокойным. Так случилось, по-видимому, потому, что этот район в наибольшей степени пострадал от военных действий и крестьянские повинности в связи с этим были смягчены.

Сильнее всего волнениями был охвачен Харьуский уезд — из 59 выступлений, имевших место в 1701 г. в Эстляндии, более половины (30) приходится на этот уезд. Между тем число мыз в Харьуском уезде составляло лишь одну треть общей численности мыз Эстляндии. Таким образом, по концентрации крестьянских волнений в 1701 г. этот уезд стоял на первом месте в Эстляндии; волнениями была охвачена приблизительно $\frac{1}{6}$ всех мыз его. Так как в данном случае непосредственным толчком для волнений послужили новые военные повинности, то и концентрации волнений в определенных районах могли, по-видимому, спо-

Картограмма 1. Крестьянское движение на территории Эстонии в 1701 г.

Условные обозначения:

- — отказ от несения повинностей.
- — столкновения с помещиками, арендаторами, управляющими и надсмотрщиками.
- — столкновения с шведскими офицерами и солдатами.
- ✝ — применение военной силы для подавления крестьянских выступлений.

I — Ляэненский уезд; II — Харьюский уезд; III — Ярваский уезд; IV — Вирусский уезд; V — Пярнуский уезд; VI — Тартуский уезд.

собствовать местные особенности в распределении повинностей. Имеются некоторые данные, говорящие в пользу именно такого объяснения.

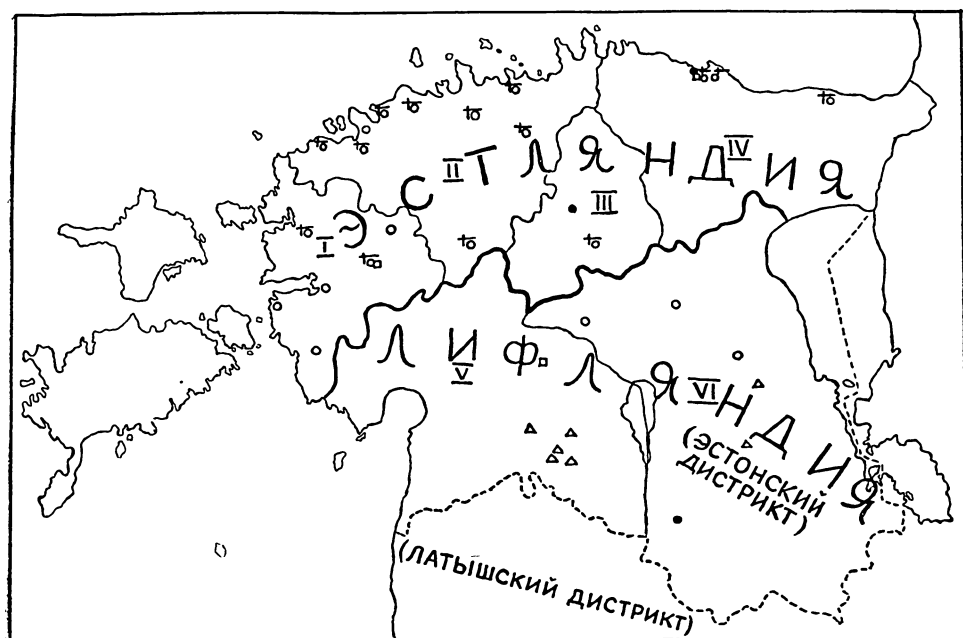
В Харьюском уезде на крестьянском гаке, который являлся единицей обложения владельческими повинностями, высевалось в среднем меньше, чем во всех других уездах Эстляндии¹⁴. С точки зрения обложения государственными налогами такое обстоятельство, как правило, не должно было иметь значения, так как расчеты по обложению государственными налогами производились на основе единого ревизионного гака, обычно не совпадавшего с крестьянским гаком. Однако в некоторых случаях военные повинности взимались, очевидно, не с ревизионного, а с крестьянского гака. Сохранилось письмо одного арендатора из Харьюского уезда к генерал-губернатору, в котором автор обращает внимание на это обстоятельство, причем считает, что именно оно и послужило причиной неповиновения крестьян арендованного им имения¹⁵. Однако такое предположение требует еще тщательной проверки.

Другим наиболее «беспокойным» уездом явился в 1701 г. Ярваский. Здесь были охвачены волнениями 13 мыз, т. е. приблизительно $\frac{1}{7}$ часть всех мыз уезда. Судя по целому ряду сообщений арендаторов, в этом уезде, чаще чем в других районах, имели место злоупотребления при наборе крестьян в ландмилицию, что именно и являлось толчком для некоторой части выступлений.

В 1702 г. количество выступлений в Эстляндии по сравнению с предыдущим годом резко сократилось (в 1701 г. — 59 выступлений, в

¹⁴ A. Soom. Der Herrenhof in Estland im 17. Jahrhundert. Lund 1954, S. 184.

¹⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 1, оп. 2, д. 622, лл. 118, 119.

Картограмма 2. Крестьянское движение на территории Эстонии в 1702 г.

Условные обозначения те же, что на картограмме 1. Треугольниками обозначены случаи, когда крестьяне сообща захватывали помещичье имущество.

1702 г. — 20), а распространение выступлений по всей территории Эстонии было значительно равномернее, чем в 1701 г. В большей степени ими была охвачена теперь и Северная Лифляндия.

В Эстляндии в этом году продолжались такого же типа волнения, как и в 1701 г., — отказ от несения повинностей под предлогом службы в ландмилиции. Следует обратить внимание на то, что если судить о силе волнений в 1702 г. только по количеству выступлений, то покажется, что произошел весьма существенный спад крестьянского движения и что 1702 г. в Эстляндии можно приравнять к 1700 г. (в 1700 г. — 19 выступлений, в 1702 г. — 20). На самом деле это не совсем так.

Бросается в глаза, что в 1702 г. в большинстве случаев для подавления волнений была применена военная сила. Мызы, в которых проводились военные экзекуции, составляли 70% числа мыз, охваченных в этом году волнениями, тогда как в 1700 г. войска посылались лишь в 26% волновавшихся мыз, в 1701 г. — в 46% (рис. 1). Это весьма характерный факт, говорящий о том, что, хотя общее число выступлений и сократилось, борьба в этом году носила чрезвычайно упорный и острый характер. К тому же выводу мы придем, если сравним список мыз, охваченных волнениями в 1701 г., с соответствующим списком 1702 г. Выясняется, что несколько более половины (11 из 20) мыз, где в 1702 г. происходили волнения, выступали уже и в 1701 г. Это говорит о том, что в 1702 г. мы имеем дело прежде всего с упорным продолжением волнений 1701 г.

Оживление крестьянского движения в Лифляндии в 1702 г. связано с активизацией военной деятельности русской армии в этом районе. Успешные для русских сражения под Эрествере (Эрестфер) в конце 1701 г. и Хуммули (Гуммельсгоф) в июле 1702 г. создали обстановку, в которой могли вновь вспыхнуть того типа волнения, при которых крестьяне сообща захватывали помещичье имущество. Характерно, что и на сей раз эти волнения приняли большой размах именно

в таком районе, где военные действия развернулись впервые (левобережье реки Вьяйке-Эмайги, являвшейся границей Тартуского и Пярнуского уездов). Наряду с такими волнениями, происходившими в районах военных действий, в этом году в Лифляндии имели также место некоторые выступления того же самого типа, что и в Эстляндии, — отказ от несения повинностей.

Для последующих 8 лет — с 1703 по 1710 г. — удалось точно установить 60 мыз, в которых имели место крестьянские выступления (из них в Эстляндии — 37, в Северной Лифляндии и на острове Сааремаа — 23). По поводу этой статистики необходимо оговориться, что по сравнению с подсчетом за первые три года войны она, пожалуй, может считаться значительно менее точной. Из-за перемен в военной обстановке (захват русскими войсками Тарту и Нарвы в 1704 г.) и разрухи, вызванной затянувшейся войной, сведения о крестьянских выступлениях в этот период поступали в канцелярию генерал-губернатора и в судебные инстанции менее систематично, так что значительная часть выступлений в эти годы, вероятно, вообще не нашла отражения в источниках.

Волнения, начавшиеся в связи с созданием ландмилиции и распространившиеся на ряд уездов, к началу 1703 г. были в основном подавлены. Для подавления их потребовалась значительная помощь военной силы. И в последующие годы наиболее характерной формой выступлений в Эстляндии оставался отказ от выполнения повинностей. В Северной Лифляндии, половина которой находилась теперь под контролем русских войск, преобладали различные формы выступлений типа «военных беспорядков». Впервые упоминается в это время о крестьянском движении и на острове Сааремаа. В 1703 г. здесь зафиксирован случай убийства крестьянином целой семьи помещика. В 1710 г. на Сааремаа произошли волнения, во время которых крестьяне коллективно захватывали помещичье имущество. Затем по всему острову крестьяне отказывались от выполнения повинностей. Но об этом имеются лишь общие сведения.

Начиная с 1703 г. увеличивается значение такой формы борьбы, как столкновение крестьян со шведскими солдатами и офицерами, что свидетельствует об увеличении в крестьянском движении удельного веса борьбы против военно-колониального гнета. В первые годы войны среди крестьян еще были сравнительно широко распространены надежды на то, что в связи с тем, что на крестьян возложены военные повинности, король смягчит им владельческие повинности. Именно такие иллюзии сыграли, например, немалую роль в волнениях 1701—1702 гг. Однако со временем — особенно после подавления этих волнений — крестьянам пришлось расстаться с подобными надеждами, на смену им пришла ненависть, которая и находила выражение в столкновениях со шведскими солдатами и офицерами.

Волнения на острове Сааремаа в 1710 г. были последней сильной вспышкой крестьянского движения в Эстонии в период Северной войны. Во вторую половину войны (с 1711 по 1721 г.), когда вся территория Эстонии фактически уже принадлежала России, антифеодальная борьба крестьянства в силу ряда обстоятельств принимает более

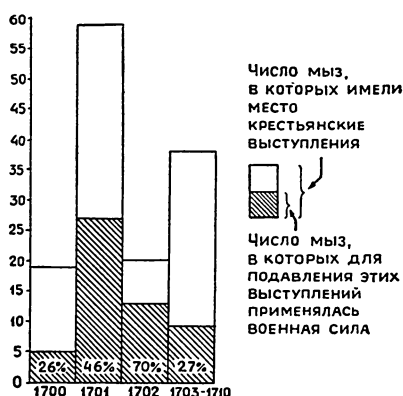

Рис. 1. Применение военной силы для подавления крестьянских выступлений в Эстляндии в 1700—1710 гг.

скрытый, пассивный характер, основной формой ее становится бегство, имеют место лишь единичные выступления более активного характера¹⁶.

Соотношение различных форм борьбы крестьян в течение рассмотренных здесь 11 лет (см. рис. 2) говорит о том, что в период Северной войны, как и прежде, основной формой борьбы остался отказ от несения повинностей. Однако эта форма преобладала лишь в Эстляндии, в то время как Лифляндия, являясь ареной наиболее активных военных действий, отличалась большим удельным весом специфически «военных» форм классовой борьбы.

При изучении крестьянского движения военного времени обычно в большей или меньшей мере возникает вопрос о том, как относилось крестьянство к воюющим сторонам, насколько лояльно оно было по отношению к своему воюющему правительству.

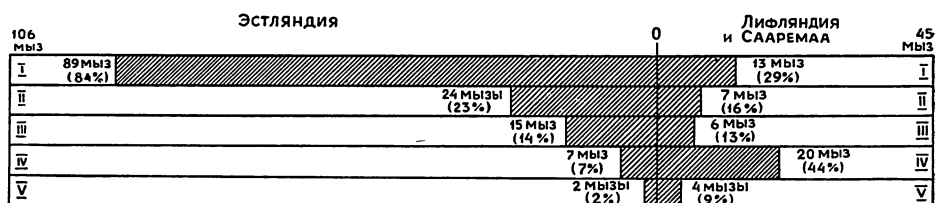

Рис. 2. Соотношение различных форм классовой борьбы в крестьянском движении 1700—1710 гг.

I — отказ от несения повинностей; II — столкновения с помещиками, арендаторами, управляющими и надсмотрщиками; III — столкновения с шведскими офицерами и солдатами; IV — коллективный захват помещичьего имущества; V — захват в плен арендаторов, управляющих и пасторов (в том числе неудавшиеся попытки).

В тех случаях, когда в одной мызе борьба проявлялась в нескольких формах, каждая из них учитывалась отдельно в соответствующей графе схемы. Поэтому число подсчитанных здесь выступлений превышает общее число зарегистрированных очагов выступлений (151).

Вопрос об отношении крестьянства к государственной власти в феодальном обществе в марксистской исторической науке в методологическом отношении разработан подробно. Исходя из классовой сущности феодальной государственной власти, марксисты-историки считают, что антифеодальная борьба крестьянства в целом всегда направлена как против класса феодалов, так и против государственной власти, воплощающей и укрепляющей власть феодалов. В то же время для крестьян, как мы знаем, характерен наивный монархизм, «царистская» идеология. Поэтому некоторые этапы антифеодальной борьбы крестьянства или отдельные ее эпизоды характеризуются субъективными стремлениями крестьян заручиться в этой борьбе поддержкой государственной власти. Но в определенных условиях, а именно — при возникновении опасности чужеземного нашествия, крестьянство может выступать в защиту общенациональных интересов, принимать активное участие в борьбе против внешнего врага, оказывая в этом деле всяческую поддержку не только государственной власти, но и классу феодалов. В период Северной войны примером этого может служить борьба украинского и белорусского народов против нашествия войск Карла XII. Крестьяне России в годы Северной войны, правда, упорно боролись против военно-феодальной эксплуатации, отказываясь, в частности, снабжать провиантом царскую армию, сопротивляясь рекрутским наборам¹⁷, но, несмотря на это, в момент серьезной угрозы иноземного нашествия рус-

¹⁶ Eesti rahva ajaloost Põhjasõja aastail (1700—1721). Valimik dokumente, lk. 22, 327—339.

¹⁷ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в., стр. 274—276.

ский народ в Северной войне проявил готовность храбро сражаться с захватчиками. Отношение крестьянства к вопросу о «внешней опасности» может, однако, быть и иным. В известных случаях отсутствуют условия для возникновения такого рода патриотизма, крестьяне могут либо относиться к исходу войны безразлично, либо желать поражения той государственной власти, под управлением которой они находятся.

Вопрос об отношении эстонского крестьянства к шведской власти и к проблеме «внешней опасности» во время Северной войны довольно сложен. Для того чтобы разобраться в нем, нужно обратить внимание не только на объективную сущность шведской политики в отношении эстонского крестьянства накануне Северной войны и в военные годы, но и на субъективное отражение этой политики в сознании крестьянства, где она отчасти преломлялась через призму наивного монархизма. Кроме того, следует учесть и ряд других факторов, оказывавших влияние на положение и идеологию крестьянства в Эстляндии и Лифляндии. Остановимся на важнейших из них.

Та часть Восточной Прибалтики, которая в XVII в. находилась под властью Швеции в качестве двух ее провинций — Эстляндии и Лифляндии, отличалась несколько своеобразной общественно-национальной структурой. Коренное население этих провинций — эстонцы и латыши, как известно, находилось на низшей ступени социальной лестницы, принадлежало к классу крестьянства. Местное дворянство, а также и бюргерство в городах было немецкой и отчасти шведской национальности. Над этим многонациональным сплавом возвышалась шведская государственная власть. Такая разнородность структуры общества в национальном отношении сохранялась в Восточной Прибалтике и в последующие столетия, когда здесь утвердилась русская государственная власть. Это оказало немалое влияние на все проявления общественного движения, в том числе и на крестьянское движение, вплоть до XX в. В части интересующего нас вопроса это обстоятельство также имеет известное значение: при наличии такого рода национального конгломерата в Эстонии отсутствовали условия для возникновения общенародных движений.

Между тем для прибалтийско-немецких помещиков пребывание под шведской верховной властью было не более как сделкой с иноземным покровителем. И в том случае, если бы эта сделка не оправдала себя, они готовы были заключить такую же сделку с любым другим покровителем. В сознании коренного населения шведский король также являлся в некоторой степени чужеземным покровителем — правда, таким, на помощь которого они надеялись в борьбе против помещичьего угнетения. Однако при крушении подобных надежд для проявления лояльности по отношению к такому чужеземному королю не оставалось больше почвы.

Социальная пропасть, разделявшая крепостное крестьянство и помещиков, усугублялась в Эстонии, таким образом, национальными противоречиями. Не представляя собой единого народа, помещики, горожане и крестьяне даже в случае наличия реальной внешней опасности не смогли бы проявить склонности к временному объединению для борьбы в такой степени, как это было, например, на Украине, в Белоруссии и в Литве, где борьба крестьян против шведского нашествия влилась в общий поток народной войны.

Немалое значение в данной связи имеет, конечно, и то обстоятельство, что чрезвычайно жестокий крепостнический гнет, имевший место в Эстляндии и Лифляндии, наложил, в свою очередь, отпечаток на характер крестьянского движения. В таких условиях преодолеть раздробленность выступлений оказывалось, естественно, гораздо труднее, чем там, где крестьяне в большей мере располагали личной свободой.

Материалы о крестьянском движении в Эстонии в период Северной

войны говорят о том, что для эстонского крестьянства, собственно говоря, проблемы «внешней опасности» не существовало. Крестьянину здесь нечего было защищать, нечего терять. Лифляндские крестьяне с самого начала войны стали оказывать помощь саксонским войскам и открыто выражать свои надежды на избавление от шведской власти. В военные годы враждебность крестьян по отношению к этой власти возрастала, они чаще стали нападать на шведских солдат и офицеров, а часть из них стала активно помогать русской армии, указывая дороги, добывая информацию и т. п. В то же время значительная масса крестьян проявляла пассивность, безразличие к исходу войны, не отдавая явного предпочтения ни шведам, ни русским, уходила в леса и просто выжидала исхода событий.

Причины поддержки, оказываемой крестьянами военным противникам Швеции — сначала саксонским, а позже русским войскам, следует, конечно, искать не в каких-либо предвзятых симпатиях или сознательной внешнеполитической ориентации крестьянства. Такие акты «предательства», как их называли шведские власти, возникали стихийно и проявлялись в ряде единичных случаев. Крестьяне руководствовались при этом в основном тем же стремлением, которое составляло двигатель антифеодальной борьбы в целом, — они стремились избавиться от помещичьего ига. Характерно, что в крестьянских выступлениях типа «военных беспорядков» крестьяне в ряде случаев действовали против помещиков, арендаторов и пр. совместно с русскими войсками. В коронном имении Ыйзу (Лифляндия), например, крестьяне присоединились к русским войскам и вместе с ними подожгли помещичью усадьбу. Подобного рода случаев, когда крестьяне в своей антифеодальной борьбе опирались на военного противника Швеции, можно привести немало. Конечно же, крестьяне надеялись, что военный противник Швеции, если она проиграет войну, наряду с избавлением от ненавистных военных повинностей обеспечит им впредь также более надежную защиту от помещиков.

На основании всего изложенного можно утверждать, что крестьянское движение в Эстляндии и Лифляндии, расшатывая шведский тыл во время Северной войны, являлось звеном в той общей борьбе, которую вели против армии Карла XII русский, украинский, белорусский, литовский, польский, ижорский и карельский народы.

Необходимо, однако, еще раз подчеркнуть, что сопротивление эстонских и латышских крестьян шведской военно-колониальной эксплуатации все же существенно отличалось от той борьбы, которую в это время вели народы, территории которых оказались оккупированными шведскими войсками в ходе Северной войны. В отличие от Украины, Белоруссии и Литвы в Эстляндии и Лифляндии борьба крестьянства против шведской власти не приняла размаха народной войны, она осталась в пределах стихийных, разрозненных выступлений. Одной из причин этого являлся, естественно, тот факт, что в Восточной Прибалтике шведская власть укоренилась уже давно и прочно и здесь гораздо легче было, чем на вновь оккупированных территориях, подавить любое сопротивление еще до того, как оно могло разрастись в общую борьбу. С другой стороны, в этих провинциях, в силу особенностей национальной структуры общества и чрезвычайно жестокого крепостнического гнета, отсутствовали и условия для возникновения общенародных движений.

А. Л. Шапиро

РАЗВИТИЕ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КРЕПОСТНИЧЕСТВО В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

Решительно отвергая теории самобытности русского исторического процесса, В. И. Ленин в то же время отмечал его особенности. В статье «Сущность «аграрного вопроса в России»», написанной в 1912 г., как и в других работах, он указывал, что в стране «уже упрочилось и неуклонно развивается столь же капиталистическое устройство земледелия», как на Западе. «Но чисто капиталистические отношения придавлены еще у нас в *громадных* размерах отношениями *крепостническими*»¹.

Крепостнические отношения развивались и получили наибольшее распространение в России в то самое время, когда в наиболее передовых странах Западной Европы они уже отошли или отходили в прошлое. В этом прежде всего проявлялась социально-экономическая отсталость России XVII—XVIII вв. по сравнению с Англией, Голландией или Францией. Происходившее в это время складывание всероссийского национального рынка наталкивалось в условиях развивающейся крепостнической системы на самые серьезные препятствия.

Сторонники вульгарной теории экономического материализма полагали, что развитие товарного обращения и товарного производства автоматически и без обострения классовой борьбы переводило вотчинное и государственное хозяйство России на рельсы капитализма. П. Б. Струве считал, что переход от старых общественных порядков к новым нельзя объяснить только тем, что «такой переход полезен известным классам общества». По его мнению, старые общественные порядки исчезают «в силу своей собственной экономической и общекультурной несостоятельности»². В построениях экономических материалистов развитие капитализма шло без существенного противодействия со стороны господствующего класса старого, феодального общества и без противодействия со стороны старого, феодального государства. Более того, именно феодальное дворянство и феодальное государство рассматривались экономическими материалистами, когда они говорили о созревании капиталистических отношений, как главные носители прогресса, а прогрессивная роль угнетенных классов и их борьбы с эксплуататорами всячески затушевывалась.

Советские историки, опираясь на труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, подвергли глубокой критике концепцию экономических материалистов, и в частности их представления о бесконфликтном процессе созревания капитализма. Нет ни одного советского историка, который отрицал бы противоречия между нарождающимися капиталисти-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 57.

² П. Б. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, вып. 1. СПб. 1894, стр. 282.

ческими отношениями и старой, крепостнической системой и не признавал бы тормозящей роли крепостничества в предреформенные десятилетия. Применительно к XVII и к первой половине XVIII в. наши историки тоже говорят о крепостничестве как о тормозе на пути экономического развития страны, формирования всероссийского национального рынка. Однако иногда об этом говорится слишком глухо и в общих словах, причем далеко не всегда принимается во внимание то обстоятельство, что очень многое в крепостнических отношениях данного времени было не пережитком прошлого, а явлением новым и развивающимся. XVII — первая половина XVIII в. — это период распространения крепостного хозяйства вширь и вглубь. Понятно, что препятствия, которые появлялись в процессе втягивания крестьянского хозяйства в рыночные связи, и барьеры, возникавшие на пути развития буржуазных отношений в деревне, в эту пору не уменьшались, а увеличивались. Можно даже сказать, что процесс все большего втягивания крестьянского хозяйства в рыночные связи протекал в первой половине XVIII в. в более сложных, а в некотором отношении и в менее благоприятных условиях, чем в XVII в.

И в XVII, и в первой половине XVIII в. условия мало благоприятствовали накоплению богатства в крестьянском хозяйстве. Разбогатевшие крестьяне часто становились объектом грабежа со стороны «собственного» барина. Один из наблюдателей русской жизни начала XVIII в., Вебер, писал: «точно так же, как цари искони имели власть захватывать по своему усмотрению (*nach befindenen Umständen*) имущество своих бояр, так и эти последние придерживаются несправедливого мнения, что они обладают равным правом по отношению к своим крестьянам. Отсюда следует, что у крестьянина подавлены всякое прилежание и всякое стремление к приобретению и что он из недоверия к своему дворянину погребает под кучей навоза и не может ни на что употребить кое-как тайно приобретенные небольшие деньги»³.

Для иллюстрации этого положения можно привести целый ряд известных или ставших недавно известными показательных фактов.

В инструкции приказчикам с. Рождественского (Соликамского уезда) барон Н. Г. Строганов в 1725 г. писал: «ежели которые крестьяне пашенных земель и сенных покосов не имеют, а желают содержать пашню, и о том они просить будут, а у других ежели за удовольствием пашенные земли и сенные покосы имеютца и лежат впусте, и вам бы у таковых *не токмо росчисные, но хотя бы оные и купленные земли и покосы и чертежи и заимки были, отбирая*, отдавать неимущим (подчеркнуто мною. — А. Ш.), смотря кому что надлежит, и селить их на тех местах, дабы они со временем могли быть подлинные пахотные крестьяне, а не гуляки»⁴. Как видим, даже купленные крестьянами земли могли быть легко отобраны вотчинной администрацией.

В 1700 г. князь П. М. Долгоруков потребовал, чтобы богатый крестьянин его суздальской вотчины Мыт Гаврило Шеин дал ему «на перехватку 300 рублей». Шеину приказано было сказать, чтобы он «того в оскорбление себе не ставил», потому что в 1701 г. деньги будут ему возвращены. Так как Шеин не выражал особенной готовности ссужать своего помещика, Долгоруков приказал управителю взять у него деньги «безо всякой ево одговорки»⁵. Вся операция довольно мало походила на обычную ссуду не только потому, что Шеину не обещали никаких процентов, но и потому, что деньги были «заняты» принудительно.

³ Weber. Das veränderte Russland. Frankfurt und Leipzig 1744, S. 83.

⁴ Н. В. Устюгов. Инструкция вотчинному приказчику первой четверти XVIII в. — «Исторический архив», IV. М.—Л. 1949, стр. 170.

⁵ Рукописное отделение Государственной биб-ки СССР им. В. И. Ленина, собр. И. Д. Беляева, № 1642 по описи Викторовой, д. 8, л. 1; д. 9, л. 1.

В других случаях помещики и приказчики просто грабили богатых крестьян. В этом отношении очень интересно дело крестьянина Сидора Евдокимова из новгородского Великого села, принадлежавшего помещику Алексею Лихареву. Евдокимов был богатым крестьянином. На допросе, который с него снимали в 1709 г. в Новгороде, он сообщил, что 15 лет тому назад помещик Лихарев, «уведав ево Сидоров торг и богатство», взял у него насильно 50 руб. денег, «судно-водовик» ценой в 15 руб. и лошадь ценой в 10 руб.; самого Евдокимова помещик сковал и заточил в тюрьму. «Не стерпя налог и мучения», Евдокимов сбежал из тюрьмы и, захватив жену, ушел за польский рубеж. На этом его столкновения с помещиком не прекратились, так как из-за рубежа он вернулся «для выбору долговых своих денег». Здесь барину удалось захватить своего беглого, заковать его в железа и снова заточить в тюрьму. Под давлением угроз (помещик собирался приковать Евдокимова к стене) заключенный вызвал из-за рубежа жену и дал обещание вернуться на свой прежний участок «во крестьянство». Этого обещания Евдокимов не исполнил, и, когда жена его прибыла к помещику, сам он снова находился в Польше. Во время перевозки из одной тюрьмы в другую он ушел в лес, разломал там свои «железа» и скрылся за рубеж, захватив с собою брата. В итоге прелести помещичьей тюрьмы пришлось испытать жене Евдокимова. К моменту допроса она сидела в заточении уже целых три года. В эти годы Евдокимов «жил и трудился» в Польше в Кунинской обители вместе с «наставниками общего жития» Феодосием Васильевым и Захарием Ларионовым. В Россию Евдокимов вернулся в связи с изданием царского указа о выводе из Польши «совещателей общего жития». Вернувшись, Евдокимов вместе с «наставниками» записался за князя Меншикова. Но вскоре он в третий раз попадает в руки своего старого владельца, который его всячески истязает, избивает дубиной и отнимает 50 руб. Но на этот раз Лихарев просчитался, так как восстановил против себя всесильного князя. Лихареву пришлось вернуть Евдокимова да еще заплатить ему за увечье⁶. Но такой исход дела объясняется лишь высоким положением нового покровителя Евдокимова.

В других случаях грабеж феодальными владельцами и приказчиками богатых крестьян обходился без всяких последствий для насильников.

В 1735 г. крестьяне с. Смородина Курского Знаменского монастыря жаловались на своего архимандрита, который, «презрев ее и.в. указы и духовные права» и «забыв страх божий», «чинит неподобные дела», обирает крестьян и издевается над ними⁷. После попытки крестьян пожаловаться архимандрит и его кум — курский воевода забрали в город «что ни лутчих крестьян» и семерых из них заморили голодом. Арестом наиболее богатых («лутчих») крестьян архимандрит воспользовался, чтобы захватить их имущество. У внука заморенного голодом крестьянина Степана Лоскотова было взято денег 50 руб., 40 ульев пчел на 80 руб., 2 кобылицы на 100 руб., 6 дойных коров на 18 руб., 20 копен ржи на 20 руб., 40 копен овса на 10 руб., 30 копен гречихи на 30 руб., — итого денег и движимого имущества на 308 руб., да еще двор. У Павла Лоскотова было забрано 10 ульев на 20 руб., воз ржи

⁶ Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ), ф. Меншикова, карт. 11, № 222д, лл. 282—299.

⁷ В деле довольно подробно описаны «неподобные дела» архимандрита, который построил себе недалеко от монастыря «забавные светлицы и другие потешные покои» и устраивал в них «забавные банкеты», пьянствовал, развратничал и ел в пост мясное. В монастыре архимандрит завел медведя и 8 волков, которым отдавал на съедение крестьянских гусей, свиней, баранов. Он заставлял крестьян строить в монастыре новые покои и собирал с них «необычайно» всякие поборы.

с кобылой, с хомутом и с телегою — на 10 руб., хлеба на 50 руб. и двор. Ограблены были и другие «лутчие» крестьяне⁸.

Управители имений и приказчики часто грабили крестьян еще энергичнее, чем сами вотчинники, ибо они распоряжались вотчинами временно и превращение крестьянского хозяйства в неплатежеспособное их мало заботило. Поэтому помещики грозили своим приказчикам всякими карами, если они будут обирать крестьян в свою пользу.

Разорить богатого крестьянина значило зарезать курицу, которая несет золотые яйца. Эту простую истину не могли не понимать помещики. Но, постоянно испытывая нужду в деньгах, большинство из них становилось на путь непомерного обложения и разорения богатых крестьян, не успевших укрыть «кое-как тайно приобретенные деньги». Даже Шереметевы, в вотчинах которых выросло наибольшее количество «капиталистских» крестьян, прибегали иногда к таким методам правящей верхушки, которые разоряли вместе со скудными и богатых крестьян.

Многочисленные известные нам случаи экспроприации крестьян, в том числе и зажиточных, свидетельствуют об огромных трудностях, какие встречало на своем пути крестьянское накопление в XVIII в. Они являются хорошей иллюстрацией к положению К. Маркса о том, что в эпоху феодализма «рента является границей прибыли»⁹.

Некоторые сравнительно зажиточные люди искали иногда защиты у таких сильных феодалов, как А. Д. Меншиков, и добровольно вступали в число их крепостных. Так, в курскую вотчину А. Д. Меншикова Ивановское в 1701 г. явилась вдова Прасковья Антонова из посадских людей гор. Болхова. Она «привела с собой» две лошади и «для торгового промыслу» 100 руб. денег, на которые построила себе двор «да в рядках лавку». Другой посадский человек из Болхова прибыл в Ивановское в 1705 г., имея две лошади и 100 руб. «от торгового промыслу». В крепостные к Меншикову записался и церковный дьячок Федосей Павлов, заведя в Ивановском два казана с медными трубами и харчевню¹⁰.

Очевидно, болховские посадские люди добровольно пошли в крепостную зависимость к сильному феодалу Меншикову не потому, что не могли оценить преимущества некрепостного состояния по сравнению с крепостным. Оставаясь посадскими людьми, они были беззащитны и подвергались угрозе полного разорения. Крепостная зависимость от сильного феодала давала им, видимо, несколько больший простор для хозяйственной деятельности и обеспечивала им несколько большую безопасность, чем пребывание в числе посадских.

Добровольное закрепощение говорит о крайне неблагоприятных в первой половине XVIII в. условиях для хозяйственной деятельности посадских людей. На ранних стадиях феодализма свободные люди часто закладывались за сильных феодалов в поисках их защиты и покровительства. Закладничество способствовало развитию феодальной зависимости и феодальной эксплуатации. Но оно никак не было тем типом общественных связей, под защитой которых могло развиваться буржуазное предпринимательство. Это последнее нуждалось не в усилении, а в ослаблении феодальной зависимости и в замене покровительства отдельных феодалов покровительством государства. То, что еще в первой половине XVIII в. посадские люди вынуждены были иногда искать покровительства сильного феодала, говорит о крайне неудовлет-

⁸ ЦГИАЛ, ф. канцелярий Синода, 1736 г., № 17, лл. 4—6.

⁹ К. Маркс. Капитал, т. III. М. 1949, стр. 811.

¹⁰ Архив ЛОИИ, ф. 84, л. 43, лл. 64—65. — Подворная опись с. Ивановского в настоящее время обрабатывается и сводится в таблицы студенткой ЛГУ Л. И. Петровой.

ворительных условиях для накопления не только в деревне, но и в городе.

Необеспеченность и неустойчивость крестьянского имущества и крестьянских накоплений становились тем более серьезным тормозом развития производительных сил, чем большую роль эти накопления играли в экономической жизни. Это отлично понимал И. Т. Посошков. Чтобы развивалось крестьянское хозяйство и росло «крестьянское богатство», которое есть «богатство царственное», Посошков требовал регламентировать и ограничить повинности. «А о крестьянх, писал он, мнится мне лутче так учинить: егда кой крестьянин пожиток свой сполна помещику своему заплатит, то уже бы никакой помещик сверх уреченного числа ни малого чего не требовал с него и не чем бы таковых не теснил... И от такова порятка, кои разумные крестьяне, могут себе и хорошие пожитки нажить»¹¹.

Но мысль Посошкова не нашла отклика в правящей феодально-помещичьей среде в 1720-е годы, а равно и в следующие десятилетия.

В 1765 г. вопрос был, как известно, поставлен уже самой Екатериной II, предложившей через Вольное экономическое общество провести конкурс на лучшее сочинение о том, «в чем состоит собственность земледельца, в земле ли его, которую он обрабатывает, или в движимости, и какое он право на то или другое для пользы общенародной иметь может». При этом Екатерина повторяла вслед за теоретиками буржуазного хозяйства и права, что «всякий человек имеет более попечения о своем собственном, нежели о том, чего опасаться может, что другой у него отнимет»¹².

Нельзя, конечно, объяснять постановку этого вопроса только присущим Екатерине II стремлением прикрыть крепостническую политику либеральной фразеологией, только ее фарисейством. В условиях возрастающей роли крестьянского предпринимательства необеспеченность собственности и накоплений крепостных превратилась в значительно большее препятствие на пути развития производительных сил, чем это было когда-либо раньше. И представители господствующего класса стали искать путей к смягчению этого противоречия. При этом прежде всего они заботились о том, чтобы не пострадал помещик и не сократились его доходы. Однако правительство Екатерины II не нашло нужного ему решения этого противоречия, и оно, как и другие противоречия крепостнической системы, продолжало обостряться.

Важнейшей особенностью складывания национального рынка в России и других странах Восточной Европы являлось то, что ему сопутствовало развитие самой примитивной формы феодальной ренты. Отработочная рента не исчезала в России по мере развития рыночных отношений. Она лишь изменила свою форму, обслуживая не только потребительские нужды землевладельца и его двора, но и рыночный спрос на предметы сельского хозяйства. В нашей литературе прочно установилось мнение, что там, где барщина распространялась в XVIII — первой половине XIX в. вширь и вглубь, она была все в большей степени рассчитана на производство товарной продукции. В какой-то степени то же самое следует сказать и о расширении барской запашки в XVII в.

Но это отнюдь не значит, что барщинная система хозяйства стала в XVII—XVIII или в первой половине XIX в. более прогрессивной системой феодального хозяйства, чем оброчная. Советские историки отвергли утверждение П. Б. Струве о том, что барщинное хозяйство, рассчитанное на рыночный сбыт своей продукции, было воротами в

¹¹ И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. Под ред. Б. Б. Кафенгауза. М. 1951, стр. 179.

¹² В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I. СПб. 1888, стр. 46—47.

капитализм. Когда П. Б. Струве писал, что «барщинное хозяйство было выше оброчного в силу общих и известных преимуществ крупного хозяйства над мелкими»¹³, он не учитывал коренных различий между капиталистическим и феодальным хозяйством. Крупное капиталистическое предприятие действительно обладает рядом преимуществ по сравнению с мелким и побивает его в конкурентной борьбе. Но крупное барщинное хозяйство, основанное на применении крепостного труда и на обработке земли скотом и инвентарем крестьян, по сравнению с мелким крестьянским хозяйством не обладает преимуществами.

В отписных книгах, которые составлялись при конфискации петровским правительством вотчин и поместий, редко упоминается сельскохозяйственный инвентарь, принадлежавший феодалу. Во многих имениях на барском дворе не оказывалось и рабочего скота. Очевидно, обработка барского поля производилась в этих имениях исключительно скотом и инвентарем крепостных крестьян. Но и в тех случаях, когда помещик давал крестьянину для работы на барщине своих лошадей, дело существенным образом не менялось. Хорошие, дорогие лошади, которые стояли иногда на помещичьих конюшенных дворах, не предназначались для работы на пашне, использовавшиеся же на пашне барские лошади мало чем отличались от крестьянских. Мы пока не имеем никаких сведений о том, чтобы у помещика первой половины XVIII в. был какой-либо отличный от крестьянского улучшенный сельскохозяйственный инвентарь.

Из наказа, данного в 1719 г. князем А. М. Черкасским приказчику с. Маркова Московского уезда, и из некоторых других инструкций мы узнаем, что барская пашня делилась иногда на участки и каждый из этих участков закреплялся для посева, ухода и уборки за определенным крестьянским хозяйством (причем размеры закрепленных участков менялись в зависимости от тяглоспособности двора)¹⁴. Как бы ни была велика барская запашка, она представляла собой при таких обстоятельствах простую сумму обработанных мелкими хозяевами клочков земли. О каких же преимуществах крупного барщинного хозяйства можно говорить? Их не было и тогда, когда обработка барской земли велась мелкими хозяевами-крестьянами сообща («згоном»).

В дошедших до нас инструкциях управляющим большое внимание уделяется повышению производительности барского хозяйства. Но рекомендуемые при этом меры, как правило, ничем не отличались от мер, фактически проводившихся крестьянами на своих участках. В инструкциях отмечалась необходимость вывозить на поля навоз (часто при этом говорится об удобрении только особенно истощенных, выпавших земель). Инструкции предписывали глубже пахать и тщательно бороновать землю, хорошо заделывать семена, сеять лучшим зерном и в «удобные времена», пропалывать заросшие участки. Но все эти и другие упоминаемые в инструкциях агрономические мероприятия проводились крестьянами на своих участках без специальных указаний со стороны барина. А в их осуществлении на барском поле крестьяне не были заинтересованы. Поэтому лейтмотивом инструкций являлось требование неуклонного наблюдения за качеством сельскохозяйственных работ и наказаний за нерадивость, допущенную при их выполнении.

Из инструкций следует, что в агрономическом отношении феодалы первой половины XVIII в. считали для себя образцом крестьянское хо-

¹³ П. Б. Струве. Крепостное хозяйство. Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М. 1913, стр. 98.

¹⁴ И. Ф. Петровская. Наказы вотчинным приказчикам первой четверти XVIII века. — «Исторический архив», т. VIII. М. 1953, стр. 264; С. И. Волков. Инструкция управителям дворцовых волостей 1731 г. — «Исторический архив», т. VI. М.—Л. 1951, стр. 175.

зайство, а не наоборот. Так, администрация дворцовых вотчин заботилась о том, чтобы качество обработки десятинной пашни не уступало качеству обработки крестьянской пашни. В инструкции управителям дворцовых волостей от 1731 г. мы находим требование освидетельствовать «на государевой десятинной пашне... против крестьянских собственных посевов всход сходен ли, и ежели по осмотру явятся отсевные, или реткосевные или худосевные десятины, о том тебе са старостами и целовальниками и з гуменными и с посторонними лутчими людьми изследовать, чего ради так учинилось»¹⁵. Качество обработки крестьянами собственной пашни должно было служить для барской пашни образцом, и при этом часто образцом недостижимым не только на дворцовой, но и на помещичьей и на церковной земле. Так, А. А. Виниус в 1709 г. сетовал, что в его подмосковных вотчинах редко удавалось рано посеять яровые. Происходило это, по утверждению Виниуса, «от крестьянской лености: спят и завтракают долго, а на работу ходят мало пред полуднем, оттого в те дни, когда на меня работают, их работа останавливается на долгие дни»¹⁶.

Более низкая производительность труда крестьян на барской, чем на своей земле, отмеченная исследователями для второй половины XVIII в.¹⁷, была типична и для более раннего времени. В качестве примера можно привести уже упомянутую инструкцию Н. Г. Строганова от 1725 г. В ней говорилось, что на жатву надлежит посылать «баб всех, не обходя ни которой, и жать згоном». При этом устанавливалась норма: одну десятину барских посевов должны за день сжать 20 баб или 15 мужчин¹⁸.

Очень высоких трудовых затрат требовала и работа на барщине в подмосковном имении А. А. Виниуса. В 1709 г. для обработки 30 десятин в яровом поле и соответствующего количества десятин в озимом он требовал четырехдневной барщины 20 дворов.

Увеличение барской запашки за счет крестьянской означало не только развитие менее прогрессивных форм хозяйства и распространение более низкой производительности труда за счет сравнительно более прогрессивных форм хозяйства и более высокой производительности труда. Там, где барская запашка и объем работы на барщине возрастали, приходило в упадок и самое крестьянское хозяйство. Хорошо известно, что одним из важнейших проявлений кризиса крепостнической системы в предреформенное время было сокращение крестьянских земельных наделов и времени, которое у барщинных крестьян оставалось для работы на своей наделной земле. В инструкциях управляющим, данных в первой половине XVIII в., мы также встречаем требование А. М. Черкасского убирать барский хлеб и сено «прежде крестьянского» или требование А. А. Виниуса — «на себя работать им (крестьянам. — А. Ш.) в неделе два дни: пяток и субботу»¹⁹.

Связанное с развитием всероссийского национального рынка и ростом рыночного спроса на продукты сельского хозяйства увеличение барщины не могло задушить экономическую инициативу крестьян, не могло остановить процесса имущественного накопления у крестьянской верхушки. Не могло оно предотвратить и возникновение в предреформенный период капиталистического производства даже в среде крестьян районов с наибольшим распространением барщины. Но барщин-

¹⁵ С. И. Волков. Инструкция управителям дворцовых волостей 1731 г., стр. 175.

¹⁶ А. И. Андреев. Наказ вотчинника крестьянам 1709 г. — «Исторический архив», т. VIII, 1953, стр. 273—274.

¹⁷ Г. Н. Бибииков. Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в. — «Исторические записки», т. 4, 1938, стр. 81.

¹⁸ Н. В. Устюгов. Инструкция вотчинному приказчику..., стр. 176.

¹⁹ А. И. Андреев. Наказ вотчинника крестьянам 1709 г., стр. 265, 274.

ные отношения тормозили экономическое развитие крестьянского хозяйства и резко обостряли противоречия в деревне и в стране в целом.

В связи с переходом от повытной к повенечной системе обложения крестьян владельческими повинностями в XVIII в. увеличилась заинтересованность помещика в уравнивании крестьянских наделов. Повенечная система обложения предполагала более уравнительное наделение земель, чем старая повытная система. Если вытное тягло XVII в. и соответствующий ему надел определялись «семьянистостью и прожиточностью», то в XVIII в. наблюдается постепенный переход к обложению, при котором тягло и надел определялись только составом семьи. Я не хочу утверждать, что в XVIII в. крестьянское землевладение было более уравнительным, чем в XVII в. Богатые крестьяне находили способы к увеличению своих наделных и ненаделных участков. Изменение системы переделов в сторону их большей уравнительности не могло приостановить выделения богатой крестьянской верхушки и разорения и даже отказа от земледельческого хозяйства некоторой части крестьян в XVIII в. Но это изменение системы обложения создавало новые трудности для накопления у зажиточных крестьян и для развития сельского хозяйства. Проведенный феодалами в своих интересах переход к повенечной системе обложения усилил регламентацию крестьянской хозяйственной деятельности и способствовал обострению противоречий крепостничества.

То же самое следует сказать о других мерах, проведенных вотчинной администрацией и помещичьим государством в первой половине XVIII в. Я уже писал об усилении вотчинной и правительственной регламентации крестьянской торговли, отходов, передвижений, найма на работу и приема в свое хозяйство наемных работников²⁰. Сейчас я только дополню приведенные факты некоторыми другими, почерпнутыми из вновь опубликованных исследований и документов.

В работах А. Г. Манькова о развитии крепостного права в России второй половины XVII в. приведено немало сведений о борьбе феодалов и феодального государства с побегами крестьян и о препятствиях, которые ставились при этом развитию отходничества и найма крестьян на работу в городе и деревне²¹.

Согласно статье 32 главы XI Уложения 1649 г., крестьянам и бобылям разрешалось «у всяких чинов людей» «наймываться в работу по записям и без записей повольно». В 80-е годы XVII в. дворяне выражали решительное недовольство этой статьей Уложения. Они жаловались на то, что многие крестьяне устраивались в бегах на работу без покормежных памятей, без поручных записей и без регистрации найма. А перечисляя людей, которые нанимали беглых, дворяне называли не только вотчинников и помещиков, посадских людей, представителей духовенства, стрельцов, казаков и ямщиков, но и крестьян и бобылей всех категорий (дворцовых и черных волостей, монастырских и частновладельческих). Из дворянских челобитных 1680—1690-х годов, приведенных в работе А. Г. Манькова, следует, во-первых, что за наймом нередко скрывалась смена крепостными крестьянами одного владельца другим,

²⁰ А. Л. Шапиро. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время. — «Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. М. Н. Покровского», т. V. Л. 1940, стр. 49 и след.; его же. Крестьянская торговля и крестьянские подряды в петровское время. — «Исторические записки», т. 27, 1948, стр. 224 и след.; его же. Из истории крестьянских промыслов и крестьянской мануфактуры в России XVIII в. — «Исторические записки», т. 31, 1950, стр. 150 и след.

²¹ А. Г. Маньков. Крестьянский вопрос в Палате об Уложении 1700 г. — Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. М.—Л. 1960, стр. 7—79; его же. Борьба посада с феодалами во второй половине XVII в. — «Исторические записки», т. 64, 1959, стр. 217 и след.; его же. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.—Л. 1962.

во-вторых, что работа крепостных крестьян по найму в городе и в деревне имела в XVII в. некоторое распространение. Из них следует, наконец, что, отходя из вотчины на заработки, крепостные крестьяне ускользали нередко из-под контроля вотчинных властей и переставали выполнять владельческие и государственные повинности.

Обеспокоенные этими обстоятельствами дворяне добивались отмены статьи 32 главы XI Уложения и категорического запрещения найма крестьян, не имевших покормежных писем от своих владельцев. А. Г. Маньков справедливо отметил, что правительство чрезвычайно чутко прислушивалось к этим требованиям дворян и быстро на них реагировало. В кратком докладе нет возможности упомянуть все изданные правительством в период двоецарствия Петра и Ивана и в период единодержавия Петра I законы, регламентировавшие крестьянские передвижения и наем на работу. Достаточно ограничиться «плакатом» 1724 г. о сборе подушных денег, который в известной мере подводил итог этому законодательству. «Плакат» требовал, чтобы в случае отхода в пределах своего уезда и не далее 30 верст от дома крестьяне имели письменные отпуски «за руками помещиков их, а в небытность помещика за руками прикащиков их и приходского священника». Для получения разрешения на отход в другой уезд крестьянин должен был явиться с отпускным письмом от помещика или приказчика к земскому комиссару и получить у него «пропускное письмо» за полковой печатью. «Плакат» запрещал давать отходникам отпуск более чем на три года и отпускать крестьян с женами и детьми. В покормежных письмах надлежало фиксировать срок возвращения отходника. «Плакат» устанавливал строжайшую ответственность за нарушение этих правил и особенно за предоставление работы или даже ночлега тем, у кого не в порядке или просрочены покормежные письма.

При разработке статей, регулировавших передвижение крестьян, составители «плаката» несомненно руководствовались практикой, сложившейся в вотчинах. Вотчинники уже в XVII в. воспрещали иногда всякий отход крестьян без покормежных писем и ограничивали его определенным сроком. Совершенно запретить временные отлучки из вотчины по торговым делам или для заработка оброчных денег владельцы крестьян уже в XVII в. не могли. Они, конечно, понимали, что в ряде случаев отпуск крестьянина на заработки за пределы вотчины был для них выгоднее, чем его принудительная задержка. Но им нужно было поставить отходника в такие условия, при которых ему трудно было бы уйти из-под их власти и утаить свои доходы. Поэтому они все сильнее регламентировали крестьянские передвижения. Так, князь А. М. Черкасский предписал в 1719 г. приказчику с. Маркова Московского уезда отпускать крестьян «для торговых промыслов» в дальние места не больше чем на год, а «для прокормления работою своею» — тоже не более чем на год, притом только «в ближние места»; отправляющийся в отход должен был представить поручителей²².

Серьезные затруднения А. М. Черкасский создавал для крестьян, желавших нанять пришлого работника. Он требовал, чтобы к крестьянам в работники «из дальних мест ни под каким образом незнаемых и с отпускными не принимать», и разрешал принимать только тех, кого ближние помещики отпускают «с кормежными письмами и дадут письма за своими или прикащиков их за руками, в которых написано будет именно, что он отпустил крепостного своего во оное село именно для работы»²³.

В наказе Д. А. Шепелева, данном в 1718 г. приказчику сельца Глинки (расположенного на Тульской большой дороге недалеко от уезд-

²² И. Ф. Петровская. Наказы вотчинным приказчикам..., стр. 252.

²³ Там же, стр. 250—251.

ного города Михайлова), предписывалось: «крестьяном объявить, которые похотят для своей домовной и крестьянской работы держать наймитов, и им о том сказывать на мирском сходе, а потом каждому брать поручные записи до сроков. И в тех записях отписывать имянно, которого кто города и уезду, села и деревни и от которого помещика человек или крестьянин и есть ли какое письмо. Бude объявит которой наймит помещиково какое письмо, и такие у оных письма отбирать и хранить для спору. А сроки в тех записях по договору писать имянно»²⁴.

Займствованные составителями «плаката» 1724 г. из вотчинной практики нормы регламентации крестьянских отходов и найма, в свою очередь, легли в основу соответствующих статей позднейших инструкций вотчинным властям. Запрещение принимать работников без покормежных писем, «з женами пришлох, хотя б кто имел и покормежные письма», требование регистрации покормежных писем у управителей и требование к управителям, чтобы пришлое наймиты «работники или строшние» не задерживались у крестьян-наимателей долее указанных в их «покормежных» сроков, мы находим и в инструкции Н. Г. Строганова от 1725 г., и в инструкции управителям дворцовых имений 1731 г., и в других подобных документах²⁵.

Статьи «плаката» 1724 г., регулировавшие передвижения крестьян, оставались действующим руководством для правительственных учреждений и вотчинной администрации в течение очень длительного периода. В инструкции управляющему Коростинской дворцовой волостью, относящейся к 1758 г., мы находим все то же требование, которое фигурировало в инструкциях второй половины 1720-х и начала 1730-х годов: с крестьянами, просившими разрешения на отход, «поступать в силу выданного в 1724 году плаката»²⁶.

Сопоставление «плаката» 1724 г. с Уложением 1649 г. и анализ инструкций управляющим именьями заставляет нас сделать вывод о том, что условия, которые феодальная администрация вотчин и феодальное государство создавали для отхода крестьян и для найма крестьянами наемных работников, были в первой половине XVIII в. более трудными, чем в XVII в. Значит ли это, что отход и наем крестьян на работу в первой половине XVIII в. сократились? Для подобного утверждения у нас нет никаких оснований. Наоборот, развитие всероссийского национального рынка, строительство новых мануфактур, быстрый рост Петербурга и некоторых других городов, строительство Балтийского и Азовского флотов и каналов, рост оборотов внешней торговли не могли не содействовать развитию крестьянского отхода и найма крестьянами работников в свое хозяйство. Но рогадки, которые ставили помещики и помещичье государство, задерживали процесс экономического развития и обостряли противоречия крепостнической системы.

Складывание всероссийского национального рынка в условиях господства крепостнических отношений вызывало к жизни различные хозяйственные явления. В XVII—XVIII вв. встречались крепостные торговцы, которых барин разорял дотла, и другие, которых помещик же защищал от насилий чиновников; крепостные предприниматели, которые не могли развернуть хозяйственную деятельность из-за мертвящей помещичьей регламентации, и крепостные предприниматели, пользовавшиеся покровительством помещика и покупавшие на его имя работников; крестьяне, отход которых на заработки был крайне затруднен, и крестьяне, которых помещики сами гнали на заработки. Помещик-крепостник по-разному приспособлял свое хозяйство к новым рыночным отношениям, но это не приводило к какому-либо ослаблению крепостни-

²⁴ И. Ф. Петровская. Наказы вотчинным приказчикам..., стр. 232.

²⁵ Н. В. Устюгов. Инструкция вотчинному приказчику..., стр. 161.

²⁶ Архив ЛОИИ, коллекция 115, № 318, л. 17 об.

ческих форм эксплуатации и к сглаживанию крепостнических противоречий. Наоборот, развитие рыночных отношений в XVII — первой половине XVIII в. побуждало помещиков и помещичье государство усиливать крепостническую регламентацию крестьянской жизни и хозяйственной деятельности, а это резко обостряло противоречия в русской деревне и в стране в целом.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ НАДЕЛ И ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН В МАГНАТСКИХ ВЛАДЕНИЯХ БЕЛОРУССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

До настоящего времени в исторической науке нет специальных исследований по вопросам о земельном наделе и повинностях крестьян в магнатских владениях Белоруссии во второй половине XVIII в. Внимание историков привлекали главным образом королевские владения — экономии и староства. К. Кернажицкий изучал состояние крестьянского хозяйства и форм феодальной ренты в Бобруйском и некоторых других староствах Белоруссии¹. Королевские экономии в великом княжестве Литовском исследовал С. Косцялковский². В более широком плане написаны работы Д. Л. Похилевича, а также польских историков Я. Рутковского, Г. Ловмянского, А. Жабко-Потоповича³. Однако и Д. Л. Похилевич в своих трудах, представляющих большой вклад в историю аграрных отношений в Белоруссии, рассматривает преимущественно материалы о крестьянах в королевских экономиях и староствах. Некоторые авторы статей (М. В. Довнар-Запольский, Е. П. Шлосберг, В. М. Горцев) не разграничивают королевских и частных владений⁴.

Несомненно, основные черты социально-экономического развития для всех видов феодальных владений были общими. Однако положение крестьян в них было неодинаковым — в силу различий в хозяйственных возможностях, общественном положении, политической роли владельцев. В королевских владениях крепостная зависимость была слабее,

¹ К. Кернажицкі. Аграрная рэформа ў Бабруйскім старостве і эканамічнае становішча яго насельніцтва з XVII да паловы XIX ст. Мінск 1931; яго же. Гаспадарка старостваў на Беларусі і эканамічны стан іх насельніцтва ў другой палове XVIII ст. — Доследы і матэрыялы па вывучэнні гісторыі, серыя II, вып. 2. Мінск 1928; яго же. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі. Мінск 1935; яго же. Брожскі ключ 1639—1810. — Працы клясы гісторыі, т. III. Мінск 1929.

² Sł. Kościłkowski. Ze studiów nad dziejami ekonomii królewskich na Litwie. Wilno 1914.

³ Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов 1957; яго же. Белоруссия. — Очерки истории СССР. Период феодализма. XVIII в. Вторая половина. М. 1956; яго же. W sprawie kryzysu i upadku gospodarki obszarnej Rzeczypospolitej w drugiej połowie XVII i pierwszej połowie XVIII w. — «Kwartalnik Historyczny», 1958, Nr. 3, str. 742—769; J. Rutkowski. Historia gospodarcza Polski, t. I. Warszawa 1953; яго же. Studia z dziejów wsi polskiej XVI—XVIII w. Warszawa 1956; H. Łowmiański. Rys historyczny województwa nowogrodzkiego. Wilno 1935; A. Zabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w wieku XVIII na tle ewolucji stosunków w rolnictwie. Warszawa 1929.

⁴ М. В. Доўнар-Запольскі. Соцыяльна-эканамічная структура Літоўска-Беларускае дзяржавы ў XVI—XVIII ст. — «Гістарычна-археалёгічны зборнік», № 1. Менск 1927; Е. П. Шлосберг. К вопросу изменения феодальной ренты в Белоруссии XVII—XVIII вв. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1958 г. Таллин 1959; В. М. Горцаў. Аб эканамічным становішчы беларускага сялянства ў складзе Рэчы Паспалітай. — «Весці АН БССР. Серыя грамадзкіх навук», 1958, № 3.

чем в частных (существовал референдарский суд, королевскими комиссарами производились ревизии); в них был значительно выше удельный вес денежной ренты, взимался прямой военный налог (гиберна)⁵. В целом для того, чтобы получить представление о положении крестьянства в Белоруссии в рассматриваемый период, наиболее важно дать характеристику его положения в частных владениях, особенно во владениях светских магнатов, в которых проживала весьма значительная часть крестьянства⁶. Эти обстоятельства указывают на необходимость отдельного исследования положения и повинностей крестьян в магнатских владениях.

Автор настоящей работы ставит перед собой задачи, во-первых, проследить, в какой степени проявляются в социально-экономическом развитии крестьянства в магнатских владениях те закономерности, которые были вскрыты историками преимущественно по материалам королевских экономий и староств; во-вторых, на основании материалов магнатских владений исследовать такие явления и процессы, которые до настоящего времени не получили должного освещения в исторической науке (к числу этих явлений относится прежде всего вопрос об изменениях в положении феодально зависимых групп — бояр и земян, о связи этих изменений с развитием товарно-денежных отношений в деревне). Третьей проблемой, по которой дается новая трактовка, является вопрос о так наз. «приемных» землях в составе крестьянского хозяйства.

Главное внимание автора сосредоточено на положении тяглых крестьян, так как во второй половине XVIII в. они составляли большинство крестьянства в магнатских владениях. Ввиду широты темы не представилось возможным подробно остановиться на вопросах о наделе и повинностях чиншевых крестьян; пришлось совсем не затрагивать некоторые категории сельского населения — крепостных ремесленников, должностных лиц сельской администрации, огородников. По той же причине ряд вопросов, широко освещенных в литературе, здесь рассмотрен лишь бегло. Более подробно излагается весьма важная и мало разработанная проблема имущественного расслоения деревни.

Настоящая статья основана главным образом на материалах инвентарей феодальных владений Радзивиллов, Сапег и некоторых других крупных феодалов. Для исследования отобрано по нескольку владений из каждого географического района Белоруссии. Это дает некоторое основание для общих выводов по данному виду владений. Большая часть изученных инвентарей взята из архивов и вводится в научный оборот впервые. В первую очередь изучались инвентари за разные годы по одному владению. Таких владений оказалось 13; по каждому из них найдены 2—3 сопоставимых инвентаря. При отборе и изучении инвентарей были учтены замечания, которые высказали по поводу этой категории документов И. А. Воронков и Я. Лескевич⁷. Использовались также приходо-расходные книги и другие материалы. Всего изучены материалы по 70 владениям.

⁵ Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы..., стр. 109, 116, 156, 166, 168; М. В. Доўнар-Запольскі. Соцыяльна-эканамічная структура..., стар. 14; К. Кернажыцкі. Гаспадарка старостваў..., стар. 81—82; J. Rutkowski. Studia z dziejów wsi polskiej, str. 165; Historia Polski, t. II, cz. 1. Warszawa 1958, str. 118—119; O. Hedemann. Historia powiatu brasławskiego. Wilno 1930, str. 89.

⁶ Н. Н. Улащик. Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Рецензия. — «Вопросы истории», 1960, № 3; J. Rutkowski. Historia gospodarcza Polski, str. 200; Historia Polski, t. II, cz. 1, str. 114; O. Hedemann. Historia powiatu brasławskiego, str. 66; ЦГИА Лит. ССР, ф. ДА, дела 11587, 11588, 11592.

⁷ И. А. Воронков. Инвентари имений — важный источник по изучению польской феодальной деревни. — «Вопросы истории», 1959, № 4; J. Leskiewicz. Znaczenie inwentarzy dóbr ziemskich dla badań historii wsi w Polsce w XVIII w. — «Kwartalnik Historyczny», 1953, Nr. 4, str. 363—378.

Вторая половина XVIII в. в истории Белоруссии представляет собой период господства фольварочно-барщинной системы и крепостничества. Основную массу населения волостей, входивших в состав магнатских владений, составляли крепостные крестьяне⁸.

Одним из важнейших вопросов при изучении положения крестьянства является вопрос о крестьянском землепользовании. Будучи сам прикреплен к земле, крестьянин пользовался земельным наделом, составлявшим собственность феодала. В этом проявляется характерная черта барщинного хозяйства, на которую указывает В. И. Ленин⁹.

Во второй половине XVIII в. произошло заметное ущемление фактической возможности крестьян распоряжаться своей землей и хозяйством. Крестьянам запрещается «продавать, отдавать в залог или аренду» без согласия магната земли и сенокосы, «как это прежде бывало», запрещается им и продажа рабочего скота¹⁰. Ограничения эти, несомненно, связаны с дальнейшим развитием фольварочного хозяйства и усилением барщинной эксплуатации.

За крестьянами сохранялась лишь возможность пожизненного пользования и беспрепятственной передачи земельного надела сыновьям. Феодал мог, конечно, отнять землю у крестьянина и дать ее другому, но это практиковалось редко. Переход надела от отца к сыну легко прослеживается по фамилиям и именам крестьян и их сыновей, которые названы в тексте инвентарей¹¹.

В рассматриваемый период тяглые крестьяне Белоруссии пользовались, наряду с основным наделом, дополнительными участками земли — так наз. «приемными» или «боковыми». Наличие такого явления уже отмечалось в советской исторической литературе¹². Однако при подсчетах среднего крестьянского землепользования большинство исследователей ограничивается данными с тяглых участках¹³. Д. Л. Похилевич считает, что в связи с неравномерностью распространения приемных земель «в настоящее время возможно установить обеспечение крестьян только основными «оседлыми» волоками»¹⁴. М. В. Довнар-Запольский наличие приемных участков и их размеры считает случайными моментами¹⁵.

На наш взгляд, вопрос о приемных землях при исчислении площади крестьянского хозяйства следует пересмотреть. В рассматриваемый период приемные земли в магнатских владениях обнаруживаются не от случая к случаю, а почти повсеместно¹⁶. Общая площадь этих земель действительно различна, но и здесь дело не в случае: приемных земель меньше там, где фольварк особенно активно ведет наступление на крестьянское хозяйство¹⁷.

⁸ Государственный архив Минской области (далее — ГАМО), ф. 694, оп. 2, д. 3606, лл. 2—28; д. 4713, лл. 1—10; д. 4710, лл. 2—28; д. 7165, лл. 1—20.

⁹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 157—158.

¹⁰ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 3606, л. 32; д. 4653, л. 42; д. 5920, л. 19; Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией (далее — АВАК), т. XXXV. Вильно 1910. стр. 496.

¹¹ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 8420, л. 10; д. 8424, л. 47; д. 8426, л. 19; д. 8435, л. 12 об.; д. 4653, л. 40 об.; д. 4665, л. 15; д. 2255, лл. 4—20.

¹² Приемные земли появились у крестьян в середине XVII в. Раздача крестьянам дополнительных участков на более льготных условиях имела целью введение в хозяйственный оборот опустевших пахотных земель (Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы..., стр. 133).

¹³ Е. П. Шлосберг. К вопросу изменения феодальной ренты..., стр. 118—119; К. Кернажыцкі. Гаспадарка старостваў на Беларусі..., стар. 67.

¹⁴ Д. Л. Похилевич. Белоруссия, стр. 618.

¹⁵ М. В. Доўнар-Запольскі. Соцыяльна-эканомічная структура..., стар. 25.

¹⁶ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 2255, лл. 19 об. — 20; д. 4665, лл. 13 об. — 14; д. 4710, лл. 4—6.

¹⁷ Там же, д. 3606, лл. 6—25; д. 4653, лл. 4—40 об.

Если проследить за приемными землями по спискам отдельных хозяйств, то окажется, что в 70—90-х годах XVIII в. приемные участки крестьян преимущественно равны по площади их основным (тяглым, иногда свободным) наделам, а в некоторых случаях даже больше их¹⁸. Путем сопоставления записей за разные годы можно легко установить, что крестьяне в основном сохраняли свои приемные участки на протяжении десятиков лет, иногда увеличивая их, передавали вместе с основной частью надела своим сыновьям¹⁹. Таким образом, приемная земля фактически закреплялась за крестьянином, постепенно сливалась с основной частью надела.

По размерам и характеру повинностей также наметилось сближение тяглых и приемных земель²⁰.

При таких обстоятельствах было бы неправильным в статистическом анализе оставлять приемные земли вне крестьянского надела, поскольку вся земля, как основная часть надела, так и приемная, составляла в руках крестьянина единый хозяйственный комплекс. Инвентари магнатских владений дают полную возможность объединить цифровые данные по обоим видам крестьянских земель и определить действительную величину крестьянского хозяйства. Такой порядок группировки материала осуществлен в настоящем исследовании.

Каково же было среднее обеспечение земель крестьянского хозяйства? М. В. Довнар-Запольский утверждает, что в среднем площадь крестьянской пахоты составляла «немногим более, чем полуволоку, т. е. 11,7 десятины»²¹. К этой цифре приближаются данные Д. Л. Похилевича, исчислявшего средний надел в центральной и западной частях Белоруссии в $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ волоки²². В магнатских владениях во второй половине XVIII в. наиболее распространенным был полуволочный надел, состоявший из $\frac{1}{4}$ тяглой и $\frac{1}{4}$ приемной волоки²³.

Вторым важным вопросом является обеспечение крестьян рабочим скотом. Составленная по ряду владений и деревень таблица (табл. 1) отражает различия между географическими районами²⁴.

Больше рабочего скота было у крестьян восточной, северной и южной Белоруссии. Здесь встречаются средние цифры 3,1 лошади, 2,4 лошади, 2,6 вола на одно хозяйство. Низкие нормы обеспечения (0,4 вола и 0,2 лошади) отмечаются в малоземельных и задавленных фольварком деревнях некоторых владений на западе²⁵. В среднем на одно хозяйство во всех рассмотренных владениях приходится более одной и менее двух

¹⁸ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 7165, лл. 18—19; д. 2255, лл. 18—19; д. 4665, лл. 13—14.

¹⁹ Там же, д. 4653, л. 40 об.; д. 4665, лл. 13 об. — 14.

²⁰ Там же, д. 8424, л. 82; д. 4652, л. 11 об.; д. 4696, л. 5 об.; д. 4207, лл. 25 об., 32 об.; д. 9411, лл. 12 об., 13; д. 9010, лл. 6—12; д. 9014, лл. 158—160.

²¹ М. В. До́внар-За́польскі. Соцыяльна-эканомічная структура..., стар. 24 (автор не указывает источника).

²² Д. Л. Похилевич. Белоруссия, стр. 617—618 (если считать, что в данном случае названа только тяглая часть надела).

²³ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 9411, лл. 42—43; д. 7165, лл. 3, 18; д. 4207, л. 10; д. 2255, л. 4; д. 3676, лл. 83—127; д. 8424, лл. 1—85; д. 4652, лл. 5—11.

²⁴ Таблицы 1 и 2 составлены на основании инвентарей, хранящихся в ГАМО, ф. 694, оп. 2, дела 9374, 9411, 3606, 8424, 8435, 8437, 4713, 4710, 4652, 4665, 5920, 7165, 9010, 9014, 4207; оп. 7, дела 220, 221; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, дела 306, 309; ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 8, дела 998, 1201, а также на основании инвентарей, опубликованных в АВАК, т. XXXV, стр. 25—28, 61—63, 85—88, 153—154, и в сборнике «Белоруссия в эпоху феодализма», т. II (Минск 1960, стр. 210—223). Инвентари владений Сморгонь и Тимковичи подготовлены к публикации Е. П. Шлоссбергом, П. Г. Козловским, Е. Л. Бравер. Данные по указанным деревням почти полностью соответствуют данным по владениям, взятым в целом, в состав которых входили эти деревни.

²⁵ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 9374, лл. 42—43; д. 3606, лл. 10—14 об. — Низкое обеспечение скотом во владении Уречье в 1774 г. было вызвано эпизоотией (там же, д. 9014, л. 165).

Обеспечение крестьянских хозяйств рабочим скотом

Год	Владение	Деревня	Среднее число го- лов на хо- зяйство		Процент хозяйства				
			волов	лоша- дей	без рабо- чего скота	неполная упряжка	одна упряжка	1,5—2,5 упряжки	3 и более упряжек
<i>Запад (Брестское воеводство, Слонимский и зап. часть Новогрудского повета, Ошмянский повет)</i>									
1749	Чернавчицы	Деменичи	0,4	0,2	61	23	16	—	—
1791	”	”	1,1	0,2	26	32	26	16	—
1727	Чешейковщина	Кривичи	1,4	0,8	30	12	12	23	23
1767	”	”	1,2	1,2	13	23	4	23	37
1757	Кореличи	Заполье	0,5	0,3	40	24	25	10	1
1723	Сморгонь	Клиденяты	1,1	0,7	30	—	—	60	10
1788	”	”	1,5	0,8	10	—	14	76	—

Центр (Минское воеводство и вост. часть Новогрудского повета, Слуцкое княжество)

1730	Малево	Яскевичи	1,6	0,5	19	15	34	21	11
1791	"	"	1,8	0,9	—	12	42	26	20
1730	Моствиловичи	Ганевичи	0,9	0,7	22	6	53	13	6
1790	"	"	1,7	0,8	21	5	32	26	16
1794	Негорелое	5 тяглых деревень	1,9	0,8	3	3	26	59	9
1713	Тимковичи	Лешна	1,2	0,6	10	27	25	26	12
1761	"	"	1,1	0,8	9	10	34	36	11
1778	"	"	1,0	0,8	11	23	29	25	12
1762	Раевка	Раевка	1,5	0,3	15	30	33	15	7
1780	"	"	2,5	0,1	—	—	46	54	—
1774	Уречье	Языль	0,5	0,2	55	24	18	3	—
1785	"	"	1,2	0,1	26	20	42	12	—

Север, восток, юг (Полоцкое, Витебское, Мстиславское воеводства, Речицкий и Пинский поветы)

1766	Менница	Нет данных	—	—	—	—	—	—	—
1757	Путылово	Шучин	—	2,4	—	—	8	46	46
1760	Соболевка	Нет данных	—	—	—	—	—	—	—
1760	Мелешковичи	Бельнюки	—	3,1	—	—	12	29	59
1708	Глуск	Нет данных	—	—	—	—	—	—	—
1727	"	Хвостовичи	1,1	0,2	40	10	25	25	—
1756	"	"	1,7	0,3	21	7	52	17	3
1794	Ляхва	Любань	2,6	0,3	6	24	38	32	—

упряжек²⁶. Следует отметить, что в таблице учтен только рабочий скот, принадлежавший самим крестьянам, без розданного им в пользование господского скота²⁷.

Из сопоставления численности рабочего скота в отдельных деревнях за длительный период явствует, что во второй половине XVIII в., по сравнению с первой его половиной, количество рабочего скота в крестьянских хозяйствах большинства магнатских владений увеличивалось²⁸. Рост поголовья рабочего скота говорит об определенном разви-

²⁶ Упряжкой считаются 2 вола или одна лошадь (см. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 114; также в инвентарях — ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 8, д. 1199, лл. 1—28).

²⁷ Во второй половине XVIII в. в магнатских владениях такие раздачи встречаются сравнительно редко (ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 2255, л. 9).

²⁸ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 4652, л. 11; д. 4653, л. 40 об.; д. 4665, лл. 13 об. — 14; д. 4713, лл. 4—5 об.; д. 4710, лл. 7 об. — 8; д. 7165, лл. 3, 18.

тии сельского хозяйства в XVIII в. после сильнейшего разорения, которому оно подверглось в начале столетия.

В свете приведенных данных нельзя согласиться с Е. П. Шлоссбергом, утверждавшим, что обеспечение крестьян рабочим скотом прогрессивно уменьшалось и к концу XVIII в. сократилось до одного вола на крестьянское хозяйство²⁹.

Следует отметить, что увеличение количества рабочего скота у крестьян во второй половине XVIII в., как это обнаружил И. А. Воронков, прослеживается и по материалам инвентарей Польши³⁰.

Большой научный интерес представляет вопрос об имущественных различиях среди крестьян. Об этих различиях в белорусской деревне второй половины XVIII в. говорят Д. Л. Похилевич³¹ и М. В. Довнар-Запольский³². К. Кернажицкий на обширном статистическом материале анализирует углубление имущественного неравенства среди крестьян в старостах Белоруссии, усматривая в этом процессе начало социальной дифференциации крестьянства³³. Другую позицию занимает Е. П. Шлоссберг, который считает, что развитие белорусского крестьянства в XVI—XVIII вв. идет в направлении нивелировки и что уже «в первой половине XVIII в.» крестьяне «сливаются в одну массу, для которой характерно пользование $\frac{1}{4}$ волоки тяглой земли на двор»³⁴.

Материалы магнатских владений свидетельствуют о больших различиях в обеспечении земель отдельных хозяйств³⁵. При этом по одним владениям можно проследить углубление имущественных различий на протяжении второй половины XVIII в., а в других наблюдается стабилизация надела средних размеров³⁶.

Таким образом, мы видим не одну, а две тенденции в развитии крестьянского землепользования. Барщинная система способствовала нивелировке, так как феодал был заинтересован в наличии среднеобеспеченного крестьянина, способного нести тягло. Однако экономическое развитие деревни (рост производительных сил, товаризация хозяйства) приводило к увеличению числа обедневших крестьян и формированию небольшой группы весьма зажиточных. Чтобы разрешить вопрос о том, какая из этих двух тенденций преобладала в магнатских владениях во второй половине XVIII в., нельзя ограничиваться исследованием площади надела. Необходимо обратиться к данным об обеспечении крестьян скотом — рабочим и нерабочим, о работе крестьян по найму и о применении наемного труда в крестьянском хозяйстве. Таблица 1 содержит сведения о больших различиях в количестве рабочего скота у крестьян. Число крестьянских хозяйств, не имевших рабочего скота,

²⁹ Е. П. Шлоссберг. К вопросу изменения феодальной ренты..., стр. 120: «К концу XVIII в. ... нормальным владением крестьянского хозяйства был 1 вол и реже 2 вола».

³⁰ И. А. Воронков. Инвентари имений..., стр. 130.

³¹ Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы..., стр. 129; его же. Белоруссия, стр. 618. — Первая из этих работ касается более раннего периода.

³² М. В. Доўнар-Запольскі. Соцыяльна-эканомічная структура..., стар. 27—28.

³³ К. Кернажыцкі. Аграрная рэформа..., стар. 136, 143, 145, 191—192; его же. Гаспадарка старостаў..., стар. 56; его же. Гаспадарка прыгоннікаў..., стар. 45.

³⁴ Е. П. Шлоссберг. К вопросу изменения феодальной ренты..., стр. 120—126.

³⁵ Так, в 1761 г. в дер. Лешна владения Тимковичи Новогрудского повета, насчитывавшей 101 хозяйство, имелось 12 хозяйств, пользовавшихся наделами по $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{6}$ волоки; 6 хозяйств располагали $\frac{3}{4}$ волоки, целой волокой и более, т. е. каждый крестьянин этой второй группы был в 6—8 раз лучше обеспечен землей, чем его бедный сосед (ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 8435, лл. 13 об. — 15).

³⁶ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 9010, лл. 5—6; д. 9014, лл. 157—158; д. 4713, лл. 4—5; д. 4710, лл. 7—8; д. 7165, лл. 3, 18.

доходило в некоторых владениях до 40%. Вместе с тем почти повсеместно встречались хозяйства, располагавшие 3 и более упряжками.

Насколько велики были имущественные контрасты, можно убедиться из следующего сопоставления. В дер. Яскевичи владения Малево (50 хозяйств), сравнительно хорошо обеспеченной землей и скотом (в среднем по 0,7 волоки, 0,9 лошади и 1,8 вола, т. е. 1,8 упряжки, на хозяйство), в 1791 г. было 6 маломощных тяглых хозяйств, не имевших полной упряжки (т. е. с одним волом). На каждое такое хозяйство приходилось в среднем по 0,3 коровы, 0,8 головы молодняка рогатого скота, 1,8 овцы и 0,7 свиньи и по 0,5 волоки земли. В двух хозяйствах жилые дома и постройки были в плохом состоянии. В той же деревне 7 тяглых хозяйств, обладавших 3 и более упряжками, имели в среднем на хозяйство по 0,75 волоки земли, 2 лошади, 2,1 вола, 1,4 коровы, 1,6 головы молодняка крупного рогатого скота, 6,4 овцы, 4,4 свиньи. Все дома и хозяйственные постройки крестьян этой группы охарактеризованы как хорошие³⁷.

Во второй половине XVIII в. в магнатских владениях все чаще появляются «коморники» и «кутники», не имеющие своего дома, а также безземельные крестьяне, сохранившие дом, но потерявшие усадьбу («халупники»)³⁸. Наряду с ними встречаются отдельные тяглые крестьяне, пользующиеся одной-двумя волоками земли и имеющие большое количество продуктивного скота³⁹. Выделение таких крупных хозяйств на одном полюсе деревни и наличие на другом полюсе разорившихся крестьян, которые не могли обеспечить себе пропитание в своем хозяйстве, создавало предпосылки для применения наемного труда.

Как ни скупы источники в отношении крестьянского хозяйства, все же в них можно обнаружить некоторые сведения о работе крестьян по найму и о применении зажиточными крестьянами наемного труда. Инвентари второй половины XVIII в. называют членов крестьянских семей, которые не работают в своем хозяйстве, а где-то «служат». В большинстве владений число таких лиц невелико — по 3—4 человека на деревню, насчитывающую несколько десятков хозяйств⁴⁰. Однако имеются и такие владения, в которых количество крестьян, оставивших свое хозяйство для заработка, весьма значительно. Так, в деревнях графства Чернавчицкого Брестского воеводства в 1791 г. работало по найму и находилось за пределами своих хозяйств от 8 до 9% всего взрослого населения обоего пола⁴¹. Где же работали эти крестьяне? Как видно из источников, часть их служила в фольварках⁴². Такой наем встречался уже в первой половине XVIII в. Но с середины XVIII в. выступает новое явление, не наблюдавшееся ранее в изученных владениях: наряду с данными о найме в фольварке появляются сведения о наемном труде обедневших крестьян у зажиточных односельчан и уходе из своей де-

³⁷ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 4710, лл. 6—8. — В число зажиточных хозяйств не включались неразделенные хозяйства, насчитывавшие по 3 и более женатых братьев.

³⁸ См. Чернавчицы за 1791 г. (ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 9411, лл. 12—14 об.), Лахву (там же, д. 4207, лл. 10—11), Кореличи (там же, д. 3606, лл. 10—14), Уречье (там же, д. 9010, лл. 5—6; д. 9014, лл. 157—158).

³⁹ Данило Довшка, тяглый крестьянин из дер. Нарейшевичи владения Моствиловичи, в 1760 г., имея $\frac{1}{4}$ тяглой волоки, принял еще $\frac{1}{2}$ волоки на месте и целую волоку в другой деревне; у него были 2 лошади и 4 вола. В том же владении в дер. Моствиловичи Малые Яков Ильюшевич имел 1,25 волоки земли, 3 лошадей, 4 волов (ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 4653, лл. 38—40).

⁴⁰ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 4665, лл. 5—9, 13—15; д. 2255, лл. 3 об., 6—7, 10—12, 15—16; д. 4710, л. 8.

⁴¹ В дер. Деменичи 18 человек из 232 работоспособных, в дер. Воля — 15 из 154 (ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 9411, лл. 12 об. — 23).

⁴² ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 8438, лл. 3—8; д. 6682, лл. 1—5; д. 4995, лл. 1—26; J. Rutkowski. Historia gospodarstwa Polski, str. 87—89; A. Zabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie..., str. 95—107.

ревни для работы по найму «на стороне»⁴³. К концу века в некоторых владениях этот вид найма становится преобладающим⁴⁴.

Надо полагать, что крестьяне, ушедшие из деревни на заработки, могли найти себе работу на лесосплаве, в поташных будах и на других неземледельческих работах, обусловленных предпринимательской деятельностью части феодалов, а также в качестве рабочей силы у купечества, что связано с некоторым ростом торговли во второй половине XVIII в.

В источниках по магнатским владениям отмечается работа по найму так наз. «паробков» и «девок» в крестьянских хозяйствах в 90-е годы XVIII в.⁴⁵ Крестьяне, пользовавшиеся наемным трудом, представляли собой наиболее зажиточную группу тяглых⁴⁶. Наличие наемной рабочей силы в крестьянских хозяйствах подтверждается также уставами некоторых владений. Во владении Станиславово Лидского повета в 1787 г. требовалось, чтобы на толоку выходила вся семья крестьянина, «за исключением нанятой челяди»⁴⁷. Аналогичная запись имеется в уставе владения Сморгонь Ошмянского повета за 1788 г.: здесь воспрещается привлекать к толоке «наемников и челядь, находящуюся у крестьян»⁴⁸.

Таким образом, имущественные различия среди крестьян магнатских владений во второй половине XVIII в. углублялись. В результате этого процесса часть крестьянских хозяйств приобретала товарный характер. Отрывочные сведения о связи с рынком крестьянских хозяйств в магнатских владениях встречаются в источниках⁴⁹. Надо полагать, что существовала определенная связь между углублением имущественных различий среди крестьянства и некоторым оживлением городов Белоруссии, наметившимся во второй половине XVIII в.⁵⁰ В целом тенденция к расслоению преобладала над тенденцией к нивелировке.

Для основной массы крестьянства отмеченные выше явления представляли лишь имущественную, а не социальную дифференциацию. Однако введение в уставы предписаний о наемниках в крестьянских хозяйствах говорит о том, что такой наем перестал быть случайным, спорадическим явлением. Видимо, в районах наиболее широкого распространения найма появились крестьянские хозяйства, систематически пользовавшиеся наемным трудом, вступившие на путь, который вел к складыванию классовых различий.

Во второй половине XVIII в. произошли существенные изменения в повинностях крестьян в магнатских владениях. Почти повсеместный рост фольварочной запашки вызвал увеличение объема отработочных повинностей. Еженедельная барщина, являвшаяся основной повинно-

⁴³ В дер. Дохторовичи Копыльского владения кн. Радзивиллов, насчитывавшей 41 хозяйство, в 1744 г. было 7 человек, которые где-либо «служили». Из них 1 работал на мануфактуре, 1 — казачком в господском дворе, 2 — неизвестно где и 3 нанимались в этой же деревне (ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 3676, л. 57).

⁴⁴ В дер. Деменичи владения Чернавчицы в 1791 г. из 18 человек, работавших по найму, только 1 служил в господском дворе, 8 человек работало у крестьян «в той же деревне», а 9 — на стороне. В дер. Воля того же владения из 15 наемников 12 служило на стороне, а 3 — в деревне (ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 9411, лл. 12 об. — 14, 21 об. — 23).

⁴⁵ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 4665, лл. 5—9, 13—15; д. 2255, лл. 3 об., 6—7, 10—12, 15—16.

⁴⁶ В дер. Коростычи владения Чернавчицы в 1791 г. из 39 тяглых хозяйств 11, т. е. 28% общего числа, нанимали «паробков» и «девок». На их долю приходилось 35% всей пахотной крестьянской земли этой деревни, 63% лошадей, 45% волов, 46% быков, 39% коров, 41% молодняка, 40% овец, 35% свиней, 65% ульев пчел (ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 9411, л. 17).

⁴⁷ АВАК, т. XXXV, стр. 510.

⁴⁸ ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 8, д. 1201, л. 20.

⁴⁹ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 4207, л. 29 об.

⁵⁰ История БССР, т. I, изд. 2. Минск 1961, стр. 206, 209.

стью тяглых крестьян, доходила обычно до 12—16 дней в неделю с во-
локи тяглой земли. Если сопоставить эти цифры с данными за первую
половину XVIII в. (8—10 дней в неделю), то окажется, что барщина
в магнатских владениях выросла примерно в полтора раза.

Ниже приводится таблица 2, в которой исчислена годовая барщина,
выполнявшаяся в магнатских владениях с полуволочного крестьянского
хозяйства (в его состав входила $\frac{1}{4}$ волок тяглой и $\frac{1}{4}$ волок прием-
ной земли). Поскольку еженедельная барщина дополнялась чрезвычай-
ными работами на господском поле всех трудоспособных членов кре-
стьянской семьи («гвалты», «толока»), к числу барщинных дней прибав-
лено число дней толоки.

Т а б л и ц а 2

Барщина и толока с полуволочного крестьянского хозяйства (0,25 волок
тяглой и 0,25 — приемной земли)

Год	Владение	Дней бар- щины	Год	Владение	Дней бар- щины
<i>Запад</i>			<i>Север, восток, юг</i>		
1749	Чернавчицы (с земли)	Нет дан- ных	1766	Менница (с земли)	126
1791	„ „	260	1757	Путилово „	150
1727	Чешейковщина „	208	1760	Соболевка (с дыма)	163
1767	„ „	199	1760	Мелешковичи	138
1757	Кореличи „	195	1708	Глуск (с земли)	89
1723	Сморгонь „	141	1727	„ (с дыма)	171
1788	„ „	149	1756	„ „	159
			1794	Ляхва (с земли)	163
<i>Центр</i>			<i>Центр</i>		
1730	Малево (с земли)	158	1713	Тимковичи (с земли)	130
1791	„ „	194	1761	„ „	195
1730	Моствиловичи „	162	1762	Раевка „	122
1790	„ „	193	1780	„ „	133
1794	Негорелое „	132	1774	Уречье (с дыма)	122
			1785	„ „	122

Как видно из таблицы 2, наиболее высокая барщина была на
юго-западе Белоруссии, в районах наибольшей господской запашки.
В некоторых владениях этой зоны барщина почти полностью поглощала
труд одного работника крестьянской семьи. Между тем, отработочные
повинности тяглых крестьян не ограничивались работой на господском
поле. Они отбывали сторожевую повинность (т. е. дежурили пооче-
редно на господском дворе и в фольварках, выполняя там текущие мел-
кие работы), несли ночную охрану, тяжелую подводную повинность,
отбывали «шарварки» на ремонте дорог, мельниц и плотин и выполняли
ряд других работ, которые все более умножались к концу XVIII в. По-
винности эти встречались как в магнатских владениях, так и в ста-
роствах⁵¹.

Здесь необходимо остановиться на трех новых явлениях, выступаю-
щих во второй половине XVIII в. Это, во-первых, рост отработочной по-
винности, осуществляемый не столько путем прямого увеличения ежене-
дельной барщины, сколько за счет увеличения объема толоки и допол-

⁵¹ В. М. Горцаў. Аб эканамічным становішчы беларускага сялянства..., стар.
70—76; Е. П. Шлоссберг. К вопросу изменения феодальной ренты..., стр. 111.

нительных работ⁵². При этом некоторые из дополнительных повинностей распространялись на приемную часть надела. Во-вторых, все чаще еженедельная барщина, исчислявшаяся в зависимости от размеров тяглой части земельного надела, заменяется барщиной с дыма, т. е. одинаковой с каждого крестьянского хозяйства⁵³.

Указанные изменения превращали повинности крестьян из поземельных в личные и являлись одним из средств усиления барщинной эксплуатации. Магнаты стремились полнее использовать рабочую силу крестьян, особенно тех, у кого было мало тяглой, но много приемной земли. При этом иногда облегчалось положение крупных хозяйств, пользовавшихся большими участками тяглой земли, так как их отработочные повинности оказывались равными повинностям малоземельных крестьян.

Третье новое явление — это видоизменение барщины по характеру выполняемой работы. Оно явилось результатом предпринимательской деятельности, развившейся в магнатских владениях Белоруссии в середине XVIII в.⁵⁴

Рост барщины не приводил к уменьшению денежных платежей. Правда, хотя чинш во второй половине XVIII в. по сравнению с первой половиной столетия несколько вырос в номинальном выражении, это повышение было поглощено снижением курса денег и ростом цен⁵⁵. Однако в течение XVIII в., и особенно во второй его половине, увеличилось число других денежных платежей, взимавшихся с крестьян под различными предлогами⁵⁶. Кроме того, натуральный оброк в магнатских владениях, так же как и в староставах, почти полностью был заменен денежным эквивалентом⁵⁷. Эти обстоятельства говорят о дальнейшем развитии товарно-денежных отношений и указывают на необходимость рыночных связей для крестьянского хозяйства.

Положение чиншевых крестьян в магнатских владениях изменялось в том же направлении, что и положение тяглых. В ряде владений с 50-х до 90-х годов XVIII в. реальная величина чинша оставалась стабильной⁵⁸, однако на чиншевых крестьян возлагались гвалты (толоки) и дополнительные работы. Количество отработочных повинностей, выполняемых чиншевыми крестьянами, все время возрастало. Это приближало их к тяглым крестьянам⁵⁹. В ряде магнатских владений в 60—80-х годах XVIII в. был осуществлен насильственным путем перевод чиншевых крестьян в тяглые⁶⁰. Количество чиншевых крестьян уменьшалось, и к концу века прежних чиншевых оставалось немного. На чинше находились преимущественно ремесленники и лица, не занимавшиеся сельскохозяйственным трудом как основной деятельностью, а также отдельные маломощные крестьяне, не имевшие возможности отбывать бар-

⁵² ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 4710, л. 9 об.; д. 4713, л. 6; д. 4652, л. 12; д. 4665, л. 22 об.; д. 8435, лл. 14—15; АВАК, т. XXXV, стр. 425.

⁵³ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 9014, лл. 160—161; д. 3676, лл. 83—127; оп. 7, д. 220, л. 23; д. 221, л. 36; АВАК, т. XXXV, стр. 85—88, 158.

⁵⁴ Е. М. Карпачев. О социально-экономической сущности вотчинной мануфактуры. — «Вопросы истории», 1957, № 8; см. также ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 3606, лл. 14—15, 30 об.; д. 2255, лл. 8, 21; д. 9010, лл. 5—6; д. 4207, л. 22.

⁵⁵ О курсе денег см. Н. Горбачевский. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского. Вильно 1874, стр. 145—146.

⁵⁶ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 8435, лл. 14—15; д. 568, л. 50.

⁵⁷ Там же, д. 4207, л. 20; д. 9010, лл. 13—14 об.; К. Кернажыцкі. Гаспадарка старостаў..., стар. 81; Е. П. Шлоссберг. К вопросу изменения феодальной ренты..., стр. 125.

⁵⁸ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 4652, л. 6 об.; д. 4653, л. 41; д. 4665, л. 12 об.

⁵⁹ В Несвижском княжестве чиншевики работали на гвалтах не 40 дней, как тяглые, а 84 дня в году (ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 2255, л. 20 об.).

⁶⁰ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 9014, лл. 160—160 об.; д. 7165, лл. 3—18; АВАК, т. XXXV, стр. 474—477.

щину⁶¹. Чиншевые крестьяне в большей степени, чем тяглые, были связаны с рынком. Имущественное расслоение у них выступает весьма отчетливо⁶².

Особо необходимо остановиться на боярах и землянах. До настоящего времени в исторической литературе нет четкой характеристики этих групп сельского населения Белоруссии, особенно землян, в XVII—XVIII вв. М. В. Довнар-Запольский считает, что в экономическом отношении хозяйство бояр и землян было крестьянским. Различие между боярами, землянами и крестьянами сводилось, по его мнению, к правовому положению; при этом землян он отождествляет со шляхтой⁶³. К этой позиции приближается Е. П. Шлосберг. Отмечая (на наш взгляд, совершенно правильно), что бояре и земляне принадлежали к числу непосредственных производителей, он почему-то относит к крестьянам только первых⁶⁴. К. Кернажицкий, напротив, отчетливо отграничивает в староствах Белоруссии землян и бояр от шляхты⁶⁵.

На наш взгляд, историки, рассматривающие землян в XVII—XVIII вв. в качестве однородной группы, допускают ошибку. Источники дают возможность различить по крайней мере три группы землян. Во-первых, землянами именовались иногда феодалы, притом не только мелкие, но и средние. В архивных документах XVII в. земляне выступают часто как наследственные владельцы или держатели крупных фольварков⁶⁶. В магнатских владениях Белоруссии во второй половине XVIII в. мы уже не встречаемся с такими землянами, но находим здесь категорию «свободных» землян, проживавших на земле магната, уплачивая за нее денежный чинш (никаких других повинностей они не выполняли). Наконец, в магнатских владениях были многочисленные земляне, занимавшие промежуточное положение между феодалами и крепостными крестьянами. В магнатских владениях Белоруссии во второй половине XVII и вплоть до 70-х годов XVIII в. они, как правило, вели хозяйство, существенно не превышавшее по площади и количеству скота зажиточное хозяйство тяглых крестьян, платили денежный чинш (поконщину), несли военную, а иногда и курьерскую службу и выполняли другие феодальные повинности. Такое же приблизительно положение занимали и бояре. Если в первой половине XVII в. повинности бояр отличались от землянских, то с конца указанного столетия, а особенно на протяжении XVIII в. они становятся одинаковыми⁶⁷. Одновременно исчезает и различие в названиях этих групп: в тексте инвентарей одни и те же лица именуются и боярами, и землянами. Слияние бояр и землян во второй половине XVIII в. проследил в староствах К. Кернажицкий⁶⁸.

⁶¹ Слабые хозяйства на чинше были, например, в дер. Раевка одноименного владения в 1760 г. (ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 7165, л. 3). Чиншевики с неземледельческими занятиями отмечены в дер. Погорелое Несвижского княжества («па wicipach chodzi») (там же, д. 2255, лл. 5 об. — 6), в дер. Деменичи владения Чернавчицы (там же, д. 9411, лл. 12 об. — 14).

⁶² В дер. Юшевичи владения Диямполь Несвижского княжества на 40 хозяйств приходилось в 1793 г. 10 чиншевых. Из них одно хозяйство с 3 упряжками скота пользовалось полной волокой; в нем были 2 коровы, нетель, 3 овцы, 2 свиньи. Три чиншевых хозяйства совсем не имели рабочего скота. На каждое из них приходилось по 1 корове, 0,3 нетели, 1 овце, 0,3 свиньи, земли — по 1/4 волоки (ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 2255, л. 3 об.).

⁶³ М. В. Доўнар-Запольскі. Соцыяльна-эканомічная структура..., стар. 15—17, 30—31.

⁶⁴ Е. П. Шлосберг. К вопросу изменения феодальной ренты..., стр. 113—123.

⁶⁵ К. Кернажыцкі. Гаспадарка старстваў..., стар. 35—39.

⁶⁶ Белорусский государственный историко-краеведческий музей, фонд графа Слизня, документы владений Девятковичи и Одинцовщина Слонимского повета 50-х годов XVII в.

⁶⁷ АВАК, т. XXXV, стр. 364—365; ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 8, д. 1191, лл. 1—13; ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 8420, л. 29 и об.

⁶⁸ К. Кернажыцкі. Гаспадарка старстваў..., стар. 33—43.

Были ли земляне, которые, проживая в магнатских владениях, несли феодальные повинности, в своей основной массе шляхтой? Источники не допускают такой трактовки. Как видно из документов, земляне эти вместе с крестьянами подлежали патримониальному суду магната, причем право судить их магнаты передавали своим экономам⁶⁹. Права и обязанности землян основывались в этих владениях не на королевской привилегии, а на грамоте землевладельца. При отсутствии хорошей лошади и оружия, необходимых для несения военной службы своему феодалу, земляне теряли «земьянство». Решение об этом выносил магнат. Землян, которые, чтобы избежать привлечения к выполнению подводной и других конных повинностей, держали волов вместо лошадей, феодалы переводили в «тяглых крестьян, отбывавших барщину»⁷⁰. О. Гедеман, вслед за Кутшебой, поясняет, что земляне Браславского повета не могли быть шляхтой, — они не принимали участия в сеймике⁷¹. Естественно, что все описанные выше обстоятельства несовместимы с принадлежностью к шляхетскому сословию.

Вместе с тем иногда на землях магнатов на положении землян селилась мелкая шляхта. Так, в графстве Чернавчицком возле Бреста в 1791 г. встречаем в застенках «земьян-шляхту» в количестве 120 хозяйств на 70 волоках. Из уровня обеспечения их землей видно, что в экономическом отношении это — крестьянские хозяйства⁷².

Приведенные материалы дают основание считать, что в XVIII в. земляне-бояре в магнатских владениях были феодально зависимой группой населения, не имели в своем большинстве прав шляхетства, составляли верхушку крестьян. Эти бояре-земляне не были в рассматриваемый период замкнутой группой. В то время как обедневшие бояре и земляне опускались до положения тяглых, зажиточные крестьяне стремились продвинуться в ряды бояр и землян. Источники содержат ряд примеров таких переходов — как в индивидуальном порядке, так и целыми поселками⁷³.

По мнению Е. П. Шлоссберга, на протяжении второй половины XVII — первой половины XVIII в. положение бояр и землян ухудшалось, землепользование их сокращалось, обременение повинностями возрастало⁷⁴. С таким мнением об одностороннем процессе деградации землян-бояр согласиться нельзя. Цифровые данные, содержащиеся в инвентарях, говорят о том, что на протяжении XVIII в. боярско-землянский земельный фонд в некоторых магнатских владениях не уменьшался, а возрастал; обеспечение бояр-землян землей и скотом также не уменьша-

⁶⁹ ГАМО, ф. 694, оп. 4, д. 84, л. 28—28 об.; оп. 2, д. 3606, л. 32.

⁷⁰ АВАК, т. XXXV, стр. 484.

⁷¹ О. H e d e m a n n. Historia powiatu braslawskiego, str. 83. — Следует отметить, что инвентари различают шляхту и землян также терминологически (ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 8435, лл. 21—23; ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 8, д. 1191, лл. 8—9, 12).

⁷² ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 9374, л. 53; д. 9411, лл. 42—43. — Можно согласиться с А. Зайончковским, что в подобных случаях сословная принадлежность не совпадает с классовой (см. А. Z a j a c z k o w s k i. Socjologiczne przesłanki badań nad dziejami szlachty polskiej. — «Kwartalnik Historyczny», 1961, Nr. 1, str. 138—152).

⁷³ Во владении Сморгонь в дер. Грицковщина в 1689 г. проживал Алексей Коровой с сыном Михаилом, имевший 0,5 волоки тяглой земли, с которой отбывал барщину. Дополнительно он принял 1,25 волоки на чинш и занял 1 волоку пустоши. В 1723 г. в Грицковщине было 3 бояр, в их числе на 2 волоках земли вел хозяйство боярин Михаил Коровой. В том же владении в 1723 г. в дер. Шелудьки значился тяглый крестьянин Мартин Костюк с сыном Юрко, имевший 0,5 волоки. В 1775 г. Мартин Костюшко с сыном Юрко проживал на том же полуволочном наделе, но уже как боярин. Его соседом в 1723 г. был тяглый Ильюк Коробко с сыном Лукьяном, имевший 0,5 волоки тяглой и 0,5 — приемной земли. В 1755 г. боярин Лукаш Коробко ведет хозяйство на полной волоке. В том же владении в 1788 г. была переведена в «боярство» целая деревня — Мицкевичи (ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, оп. 8, д. 998, л. 12; д. 1189, лл. 14, 16; д. 1201, л. 14 об.; ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 8263, л. 16 об.).

⁷⁴ Е. П. Ш л о с с б е р г. К вопросу изменения феодальной ренты..., стр. 113, 123.

лось⁷⁵. Стало быть, свои экономические позиции бояре сохраняли, и в этом отношении в рассмотренных нами владениях деградации не было. Что же касается их правового положения, определяемого в значительной мере характером выполняемых повинностей, то здесь необходимо различать периоды до и после 70-х годов XVIII в.

В период феодальной анархии, во второй половине XVII и в течение первых двух третей XVIII в., магнаты нуждались в боярах-земьян как в вооруженной силе, использовали их в своих расправах⁷⁶, а поэтому сохраняли за ними положение военно-служилых людей и вблизи своих главных резиденций (например, Несвижа) способствовали количественному росту этой прослойки. Однако уже в этот период магнаты не поддерживали землян и бояр в отдаленных владениях⁷⁷. Начиная с 70-х годов XVIII в. необходимость в военных услугах бояр-земьян отпадает повсеместно, и магнаты заменяют военную службу землян денежным чиншом и подводной повинностью⁷⁸. Из военно-служилых людей бояре-земьяне постепенно превращаются в чиншевых крестьян. При этом бояре-земьяне в основном сохраняли, как уже отмечалось, прежнее имущественное положение⁷⁹. Как плательщики высокого денежного чинша⁸⁰, бояре-земьяне в большей степени, чем тяглые крестьяне, были связаны с рынком⁸¹. В их среде активно протекало имущественное расслоение. Зажиточные земляне имели по волоке земли, по 5—6 лошадей, по 8 коров⁸². Они применяли наемную рабочую силу⁸³.

Поскольку бояре-земьяне в конце XVIII в. составляли весьма значительную часть сельского населения магнатских владений⁸⁴, товарищизация их хозяйства оказывала большое влияние на ускорение развития товарно-денежных отношений во всей белорусской деревне.

Крестьяне магнатских владений в Белоруссии на протяжении второй половины XVIII в. вели упорную антифеодальную борьбу против своих угнетателей. Рассмотрение этой большой и важной проблемы требует самостоятельного исследования.

Изученные материалы дают возможность сделать следующие выводы.

При определении размеров крестьянского землепользования в магнатских владениях Белоруссии во второй половине XVIII в. все земли, на которых крестьянин вел свое хозяйство, как тяглые, так и прием-

⁷⁵ В 1749 г. в дер. Бильдейки владения Чернавчицы на 1 боярина приходилось в среднем 0,41 волоки земли, 1 лошадь, 0,7 вола, в 1791 г. — 0,68 волоки, 1,4 лошади, 1,2 вола, 0,6 быка, 1,3 коровы, 1,5 головы молодняка, 6,6 овцы, 2,2 свиньи (ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 9374, лл. 7 об., 8; д. 9411, лл. 26 об. — 27).

⁷⁶ Источники содержат сведения об участии землян в предпринятых магнатами наездах на владения соседних феодалов (ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 8435, л. 21; оп. 7, д. 854, л. 52; АВАК, т. XXXV, стр. 484).

⁷⁷ В Глушке бояре исчезают уже к 1756 г. (ГАМО, ф. 694, оп. 7, д. 221).

⁷⁸ АВАК, т. XXXV, стр. 484; ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 4710, л. 9 об.; д. 7165, лл. 31—32.

⁷⁹ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 7165, лл. 4 об., 19; д. 9374, лл. 26—27; д. 9411, лл. 7—8.

⁸⁰ По 80 злотых с волоки (АВАК, т. XXXV, стр. 424—434; ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 7165, л. 21).

⁸¹ Е. П. Шлоссберг. К вопросу изменения феодальной ренты..., стр. 123.

⁸² АВАК, т. XXXV, стр. 341 (дер. Анкуды владения Рутки Ошмянского повета).

⁸³ В дер. Задворье владения Чернавчицы в 1791 г. из 6 бояр 3 пользовались наемной рабочей силой. На каждое из этих хозяйств приходилось в среднем земли по 1 волоке, лошадей — по 2, волов и быков — по 2,3, коров — по 2, молодняка лошадей и крупного рогатого скота — по 2,7 головы, овец — по 7 голов, свиней — по 2,7 (ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 9411, лл. 8 об. — 9).

⁸⁴ В 39 владениях кн. Доминика Радзивилла (кроме Слуцкого княжества и части Несвижского, по которым нет полных данных) в 1791 г. на общее число 5450 сельских дымов приходилось 1820 дымов бояр-земьян (33,4%) (ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 3377, лл. 1—17). Во владении Негорелое Минского воеводства в 1794 г. из общего числа 275 хозяйств землянскими и боярскими были 215, т. е. 78,2% (ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 5920, лл. 7 об. — 21).

ные, должны рассматриваться как единый хозяйственный комплекс. Средняя площадь крестьянского надела в магнатских владениях составляла в этот период около полуволоки, среднее обеспечение рабочим скотом — от одной до двух упряжек на хозяйство. На протяжении XVIII в. численность рабочего скота у крестьян в магнатских владениях возрастала.

Среди тяглых крестьян в магнатских владениях, несмотря на нивелирующее влияние барщинной системы, наблюдается во второй половине XVIII в. довольно активный процесс имущественного расслоения, обусловленный экономическим развитием. В некоторых местах отдельные крестьянские хозяйства, систематически применяя наемный труд, становятся на путь, ведущий в дальнейшем к классовому расслоению деревни.

Во второй половине XVIII в. в магнатских владениях Белоруссии в связи с увеличением фольварочной запашки увеличивались отработочные повинности тяглых крестьян. Чиншевые крестьяне также обременялись отработочными повинностями и в ряде мест переводились на положение тяглых. Чинш сохранялся на прежнем уровне, но денежная рента росла за счет введения новых платежей и перевода натурального оброка на деньги.

Бояре и земяне в магнатских владениях Белоруссии в XVIII в. составляли верхушку крестьянства. В период феодальной анархии они выполняли обязанности военно-служилых людей; с 70-х годов XVIII в. началось постепенное превращение бояр-земян в чиншевых крестьян. При этом они в основном сохраняли прежнее имущественное положение и, будучи связаны с рынком, оказывали существенное влияние на ускорение дальнейшего развития товарно-денежных отношений в деревне⁸⁵.

⁸⁵ Во время подготовки статьи к печати была опубликована работа Д. Л. Похилевича «Крестьяне-слуги в Великом княжестве Литовском в XVII—XVIII веках» (сб. «Средние века», вып. XXI. М. 1962, стр. 141—169), основные выводы которой относительно положения земян и бояр близки по содержанию к выводам нашей статьи.

А. Н. К о п ы л о в

О ХАРАКТЕРЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ ЕНИСЕЙСКОГО УЕЗДА В XVII в.

В результате исследований последних лет достигнуты серьезные успехи в изучении истории земледелия и крестьянства Сибири XVII в. Выявлены основные этапы развития и районы распространения сибирского земледелия, изучена роль русской крестьянской колонизации в его создании, подвергнуты анализу итоги земледельческого освоения Сибири русским народом в XVII в. и т. д.¹

Вместе с тем имеется еще немало слабо освещенных вопросов, решение которых может содействовать правильной разработке истории распространения русского феодализма вширь и проблемы генезиса капитализма в сельском хозяйстве. К таким вопросам относятся, в частности, влияние естественно-исторических условий на характер земледельческой колонизации Сибири, особенности формирования в Сибири крестьянской семьи — основной производственной ячейки феодального общества, наем в сельском хозяйстве Сибири². Рассмотрение названных вопросов на материалах Енисей-

¹ См. В. И. Шунков. К истории развития земледелия в Западной Сибири (XVII — нач. XVIII вв.). — «Исторические записки», т. 11, 1941; его же. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв. М.—Л. 1946; его же. Географическое размещение сибирского земледелия в XVII в. — «Вопросы географии», № 20, 1950, стр. 203—238; его же. О феодальном строе сибирской деревни в XVII в. — «Вопросы истории», 1952, № 6; его же. Меры сыпучих тел в Сибири XVII в. — Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей. М. 1952, стр. 166—167; его же. Опыт в сельском хозяйстве Сибири XVII в. — Материалы по истории земледелия, сб. 1. М. 1952, стр. 226—245; его же. География хлебных цен Сибири XVII в. — «Вопросы географии», № 31, 1953, стр. 169—205; его же. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М. 1956; его же. К вопросу о характере хлебооборота Сибири в XVII в. — Вопросы социально-экономической истории и историко-ведения периода феодализма в России. Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М. 1961, стр. 79—82; В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. I. Иркутск 1949; его же. Земледелие Северного Предбайкалья в XVII—XVIII вв. — Материалы по истории земледелия СССР, сб. 1, стр. 279—302; Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илим в XVII в. Якутск 1956; З. Я. Бояршинова. Население Томского уезда в первой половине XVII в. — «Труды Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева», т. 112, серия историко-филологическая, 1950; ее же. К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII в. — Материалы по истории земледелия СССР, сб. 1, стр. 246—278; Г. В. Трухин. Выход русских в район Томи в начале XVII в. — «Ученые записки Томского пед. института», т. 5, 1948, стр. 50—70; его же. Начало освоения русскими Кузнецкого и Енисейского краев в первой половине XVII в. — Там же, т. 7, 1949, стр. 94—107; О. И. Кашик. Из истории социально-экономического развития Иркутского и Нерчинского уездов в конце XVII — начале XVIII века. Автореферат диссерт. Иркутск 1952; А. Н. Копылов. Енисейский земледельческий район в середине XVII в. и его значение для снабжения Восточной Сибири хлебом. — «Труды Московского гос. историко-архивного института», т. 10, 1957, стр. 115—134.

² Ценные наблюдения и выводы о составе крестьянских семей в Енисейском уезде в XVII в. имеются в статье В. А. Александрова, что облегчает задачу автору настоящей работы (см. В. А. Александров. Черты семейного строя у русского населения Енисейского края XVII — начала XVIII в. — Сибирский этнографический сборник, III. М.—Л. 1961, стр. 3—26; см. также В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 265—270).

ского уезда, сыгравшего видную роль в земледельческом освоении Сибири в XVII в., предвещает в этой связи несомненный научный интерес.

Русская колонизация Сибири в конце XVI и в XVII в. охватила преимущественно районы лесной, лесотундровой и частично лесостепной полосы, не коснувшись плодородных земель южной части Сибири. Причины этого явления подробно изучены С. В. Бахрушиным и В. И. Шунковым³.

Землепроходцы, вступившие во второе десятилетие XVII в. в район среднего течения Енисея⁴, не встретили у местных жителей земледелия. Более того, его организация здесь натолкнулась на большие трудности, чем в Западной Сибири⁵. Если русское земледелие в Верхотурско-Тобольском районе закладывалось при наличии тягловой силы (лошадей), некоторого опыта по возделыванию хлебов у местных жителей (тобольских татар) и опиралось на постоянный приток крестьянского населения из Поморья, то при организации енисейского земледелия такого сочетания благоприятных условий не было.

Первым русским земледельцам на Енисее приходилось поднимать целину и приспособлять свои земледельческие навыки к новым, более суровым условиям резко континентального климата Восточной Сибири, с его большими колебаниями температур и коротким летом, при отсутствии в новом районе опыта по возделыванию хлебов, тягловой силы и орудий земледельческого труда⁶.

Воеводы жаловались, что «в Енисейском... остроге... пашня распахиивается вновь», что «земля... добре тяжела..., а мяжкие... земли нет», что посевы гибнут от частых наводнений и ранних заморозков⁷. Неурожайными были иногда несколько лет подряд. В 1641 г. енисейские крестьяне писали в своем коллективном челобитье на имя царя: «И грех ради наших хлеб 7 лет не родится, а в иные годы и семена не родятся»⁸.

Волна крестьянских переселенцев, устремлявшихся в Сибирь из Поморья, растекалась по Верхотурско-Тобольскому району. В Енисейск и далее проникали лишь бесхозяйные смельчаки, поскольку Верхотурско-Тобольский и Енисейский районы земледелия разделялись большими пространствами «беспашенных мест», единственными же средствами сообщения были: летом — речной путь по Оби — Кети — Маковскому волоку, зимой — лыжи и нарты. В новом, необжитом районе пришлые люди крестьянскому и посадскому тяглу предпочитали пушной промысел, работу по найму или поступление на службу. Даже во второй половине XVII в., когда условия для занятий хлебопашеством в уже сложившемся районе земледелия стали более благоприятными, пришлое население далеко не сразу оседало на землю. Переписные книги Енисейского уезда 1685—1687 гг. свидетельствуют о том, что основная масса пришлого люда в это время попадала в крестьянское или посадское тягло через 5—10 лет после прибытия в Сибирь, а значительная часть из них до определения в тягло занималась промыслами и работой по найму от 15 до 25 лет⁹.

Очевидно, что первоначально развитие земледелия в Енисейском уезде было сильно затруднено. Между тем, настоятельная необходимость в обеспечении отрядов правительственных войск продовольствием требовала неотложных мер по организации хлебного производства. Поэтому инициативу по заведению здесь пашни взяло в свои руки правительство.

Разумеется, изложенные обстоятельства оказали влияние на характер формирования основной группы земледельческого населения уезда — государевых пашенных крестьян. Эта группа, как и в Западной Сибири, составлялась в основном тремя изведенными способами — путем набора из «охочих людей», поселения на государеву пашню ссыльных людей и перевода крестьян из других частей страны. Однако здесь имелись свои существенные особенности.

³ С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. — В его кн.: Научные труды, т. III, ч. I. М. 1955; В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири.

⁴ Первое русское поселение в Енисейском уезде — Маковский острожек — появилось в 1618 г., а в 1619 г. основан Енисейский острог.

⁵ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 110, 297 и др.

⁶ Орудия земледельческого труда на Енисей привозили из Европейской части Русского государства или из Западной Сибири, в связи с чем цена их сильно возрастала, а лошадей доставляли воеводские власти из Томска и частично из расположенной южнее Енисейска «Тюлькиной земли» (район кочевий качинцев и аринов — хакасов), так как «землицы блиско Енисейсково острогу... безлошадны» (ЦГАДА, Столбцы (Стб.) Сибирского приказа (СП), № 1674, лл. 7—8; № 12, лл. 134, 377). При устройстве на государеву пашню первым енисейским крестьянам полагалось выдавать по две казенных лошади, но в 1626 г. у 24 крестьян (из 27) было по одной лошади, «да и те худы», а у троих лошадей совсем не было. «А своих лошадей у пашенных крестьян нет ни единой лошади, а купити им на себя лошадей в Енисейском остроге негде, да и купити не на што, людишки бедные и всем нужны», — писал воевода Андрей Леонтьевич Ошанин (там же, № 12, л. 131).

⁷ ЦГАДА, Стб. СП, № 12, л. 130; № 1674, лл. 7, 8; № 532, лл. 35—36 и др.

⁸ Там же, № 113, л. 34.

⁹ Там же, Книги (Кн.) СП, № 942, лл. 1—336.

Исследуя крестьянскую колонизацию Верхотурско-Тобольского района, В. И. Шунков пришел к выводу, что в Западной Сибири пашня была заведена руками добровольных поселенцев, попытки же внедрения земледелия с помощью принудительных мер — ссылки на пашню и перевода крестьян — не дали нужного результата и фактически оказались бесплодными¹⁰. Этот правильный для Западной Сибири вывод был принят Ф. Г. Сафроновым при оценке результатов крестьянской колонизации Ленско-Илимского края, хотя, по нашему мнению, материал, приведенный в его содержательном исследовании, дает основания для несколько иных выводов по данному вопросу¹¹.

В. И. Шунков в своей обобщающей работе по истории сибирского земледелия обратил внимание исследователей на необходимость учета специфики земледельческого освоения Восточной Сибири и подчеркнул прогрессирующее возрастание роли ссылки в формировании крестьянского населения по мере удаления на восток¹². Настало время уточнить оценку роли насильственных мер правительства по заведению в XVII в. пашни в Восточной Сибири.

Первыми земледельцами в Енисейском уезде были 20 человек ссыльных людей, присланных из Тобольска в 1621 г. в ответ на просьбу сына боярского Максима Трубочанинова — строителя Енисейского острога¹³. За десятилетие с 1621 по 1630 г. (табл. 1) на енисейскую пашню было устроено 62 человека, в том числе 30 ссыльных, 23 крестьянина-переведенца и 9 человек «охочих людей» (7 «прибрано» в Тобольске и 2 — в Енисейске).

Т а б л и ц а 1

Комплектование состава енисейских государевых крестьян в 1621—1630 гг.¹⁴

Источник комплектования	Количество новых тягловцев (по годам)						Итого за 1621—1630 гг.
	1621	1626	1627	1628	1629	1630	
Вольные гулящие люди («прибор охочих людей»)	—	7	—	—	—	2	9
Ссыльные	20	—	10	—	—	—	30
Крестьяне-переведенцы	—	—	—	10	13	—	23

Первые енисейские хлебопашцы состояли в подавляющей массе из лиц, насильственно посаженных на пашню. Ссылка и перевод были основными источниками пополнения состава енисейских крестьян и в следующем десятилетии. Крупные партии «московских опальных людей» и тобольских крестьян-переведенцев были присланы в 1632, 1633, 1634 гг.¹⁵ В 1641 г. енисейские крестьяне жаловались: «Люди мы бедные, ссыльные, одинокие»¹⁶, а воеводы сетовали, что многим из ссыльных людей «пашня не за обычай», и просили прислать не ссыльных одиноких людей, а «заводных...», семьянистых и прожиточных» крестьян. Характерно, что ни енисейские, ни тобольские воеводы, ни центральные власти в этот период не рассчитывали на вольную крестьянскую колонизацию Енисейского уезда. В приказных пометах на отписках енисейских воевод этого периода отсутствует обычная для более позднего времени формула о наборе крестьян на государеву пашню «из всяких охочих вольных гулящих и промышленных людей». Вместо этого тобольским воеводам предписывалось: «Да и пашенных крестьян откуда будет пригож, ис которого города, послати в прибавку в Енисейский острог»¹⁷.

Так продолжалось до середины 1640-х годов, когда в источниках и характере формирования крестьянского населения Енисейского уезда наступил перелом. Ссыльно-переводной элемент стал быстро уступать место вольному и во второй половине века совсем отошел на задний план. Из 30 человек, поселенных на енисейскую пашню в 1648—1649 гг., ссыльными были только 6¹⁸, а за период с 1650 по 1671 г. источники

¹⁰ В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири, стр. 21.

¹¹ Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация..., стр. 44—56; см. рецензию А. Н. Копылова в журнале «История СССР», 1957, № 2, стр. 171—172.

¹² В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 110, 113—121, 297—298.

¹³ А. И. Андреев. Примечание 17 к кн. Г. Ф. Миллера «История Сибири», т. I. М.—Л. 1937, стр. 561—562; ЦГАДА, Стб. СП, № 12, л. 137.

¹⁴ ЦГАДА, Стб. СП, № 12, лл. 130—137; № 158, лл. 78—79; Кн. СП, № 18, лл. 571 об. — 577; № 28, л. 358.

¹⁵ Там же, Стб. СП, № 1673, лл. 84—85; № 94; Кн. СП, № 41.

¹⁶ Там же, Стб. СП, № 113, ч. I, л. 33.

¹⁷ Там же, № 12, л. 130 об.

¹⁸ Там же, № 307, лл. 1—6; № 381, ч. 3, лл. 801—802.

отмечают лишь два случая применения насильственных методов поселения. Вся остальная масса новых крестьян была набрана по их челобитьям из «вольных гулящих людей» (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Комплектование состава енисейских государевых крестьян в 1650—1671 гг.¹⁹

Источники комплектования	Количество новых тяглов (по годам)								Итого
	1650	1651—1652	1653	1655	1656	1657	1661—1663	1667—1671	
Вольные гулящие люди	14	22	10	1	10	1	11	65	125
Ссылные	27	—	—	—	—	—	—	—	} 57
Крестьяне-переведенцы	—	—	—	—	—	—	—	30	

Пополнение состава енисейских государевых крестьян в последующие десятилетия XVII в. осуществлялось преимущественно за счет вольных поселенцев²⁰. Частные случаи поселения на пашню ссылных людей теперь уже не оказывали существенного влияния на дальнейшее развитие енисейского земледелия.

В то же время поток ссылных людей на сибирскую пашню и крестьян-переведенцев из уездов Тобольского разряда не прекращался и не уменьшался на протяжении всего века. Но шел он теперь далее на восток, в новые районы, земледельческое освоение которых начиналось, — в Нижний Братский, Балаганский, Иркутский, Нерчинский остроги Енисейского разряда и в Илимский и Якутский уезды Якутского разряда.

Изложенный материал свидетельствует о наличии в крестьянской колонизации Енисейского уезда в XVII в. двух этапов, отличных один от другого по источникам и характеру формирования состава государевых крестьян. Если на первом этапе (20-е — середина 40-х годов XVII в.) формирование этой группы населения осуществлялось путем насильственных мероприятий правительства по переводу крестьян из Западной Сибири и поселения на пашню ссылных, то на втором этапе, начавшемся с середины 1640-х годов, главным источником пополнения енисейского крестьянства стал набор на государеву пашню добровольцев из «всяких охочих людей».

В чем же причины этих изменений? Может быть, принудительные меры по заведению енисейской пашни оказались тщетными и поэтому правительство отказалось от них? Или отпала надобность в развитии здесь земледелия? Нет. Как раз к середине 40-х годов XVII в. местная пашня обеспечила потребности Енисейского уезда в хлебе и начала давать излишки его для снабжения районов Восточной Сибири. По далеко не полной «рописи», посланной в 1646 г. якутскими воеводами Василием Никитичем Пушкиным и Кириллом Осиповичем Супоневым в Москву, в середине 1640-х годов в Енисейском уезде было 108 крестьянских и 33 посадских хозяйства, занимавшихся земледелием²¹. Как свидетельствуют таможенные книги, торгово-промысловое население Восточной Сибири к этому времени перенесло центр тяжести хлебно-продовольственных закупок с рынков Тюмени и Тобольска в Енисейск, а енисейским воеводам грамотой 1646 г. было предписано покупать ежегодно в Енисейске и уезде по 3000 и более пудов хлеба для снабжения ленских служилых людей²². Во второй половине века правительство стало ставить перед енисейской пашней все более широкие задачи по обеспечению хлебом Восточной Сибири — Якутска, Илимска, Даурских острогов, Красноярска, Мангазеи²³. Следовательно, причины имевших место в середине 1640-х годов изменений в источниках и характере крестьянской колонизации Енисейского уезда находятся в иной плоскости. На первом этапе, в 20—40-е годы, когда закладывалась основа земледелия в новом «непашенном» районе (поднималась целина, накапливался местный опыт обработки земли, создавался рынок тягловой силы, орудий сельскохозяйственного производства), состав енисейских крестьян формировался преимущественно путем насильственного поселения на пашню ссылных людей и крестьян-переведенцев. Уже в этот период енисейское земледелие достигло известных успехов — образовался местный хлебный рынок, были обеспечены внутренние потребности уезда в хлебе и появились излишки хлеба, которые шли на снабжение «беспашенных» городов Сибири. Позднее, когда в уезде был создан необходимый минимум условий для занятий

¹⁹ ЦГАДА, Стб. СП, № 381, ч. 3, лл. 801—806; № 403, лл. 39, 429; № 471, л. 485; № 488, л. 55; № 493, ч. 2, л. 222; № 831, л. 177; Кн. СП, № 367, л. 693; № 481, л. 61; № 527, л. 150.

²⁰ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 122.

²¹ ЦГАДА, Стб. СП, № 274, лл. 381—388.

²² Там же, Кн. СП, № 198, лл. 1—477; Стб. СП, № 335, ч. 3, лл. 15—16; № 344, ч. 2, лл. 347—350; см. также В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 154—157; А. Н. Копылов. Енисейский земледельческий район..., стр. 127, 132.

²³ А. Н. Копылов. Енисейский земледельческий район..., стр. 132—134.

пришлого населения земледелием, правительство стало широко использовать инициативу вольных переселенцев. Поэтому интенсивное расширение и укрепление енисейского земледелия во второй половине XVII в. осуществлялось уже преимущественно за счет набора государевых крестьян из «всяких охочих людей». В это время Енисейский земледельческий район превратился во вторую (после Верхотурско-Тобольского района) житницу Сибири²⁴.

Деятельность правительства по принудительному заведению пашни и вольная крестьянская колонизация, эти два диаметрально противоположных по побудительным причинам явления, в своеобразных условиях русского освоения Восточной Сибири в XVII в. являли собой диалектическое единство в решении вопроса о создании здесь русского земледелия. И если насильственные мероприятия правительства имели важное значение на первом этапе организации земледелия, то крестьянская инициатива развивала и делала устойчивыми первые его достижения.

* *

*

Известно, что успехи сельскохозяйственного производства в феодальном обществе в немалой степени зависели от размеров крестьянских семей. Эта основная производственная ячейка феодального общества, как правило, была крупной, что соответствовало уровню развития производительных сил и необходимости выполнять комплекс разнообразных повинностей. Семьи первых енисейских хлебопашцев в этом отношении не были типичными, ибо процесс их формирования, в отличие от Европейской части Русского государства, протекал в чрезвычайно сжатый исторический срок, при резком недостатке женского населения, притоке извне преимущественно одиноких мужчин, в условиях развитого феодализма и зарождения и развития элементов буржуазных отношений в процессе складывания всероссийского рынка.

Первые земледельцы в Енисейском уезде были большей частью одинокими людьми. В 1626 г. в уезде было 27 человек государевых крестьян, и только 7 из них имели жен. Воевода А. Л. Ошанин по этому поводу писал в Приказ Казанского дворца: «А у которых пашенных крестьян жен нет, и те..., пришед с твоей государевы пашни, хлебы пекут и варят, толкут и мелют сами... А без жен пашенным крестьянам быти не уметь, а в Енисейском остроге гулящих женок нет, женитца им не на ком, а ис Тобольска им гулящих женок не присылают, на ком женитца»²⁵. Не случайно поэтому в Енисейске довольно широкое распространение получило поверстание в одно тягло двух холостых мужчин²⁶. Острота женского вопроса, наличие большого количества холостых и одиноких крестьян, особенно в первый период развития земледелия и освоения нового района, — явление, типичное не только для Енисейского, но и для других уездов Восточной Сибири в XVII в.

Недостаток женского населения в уезде восполнялся главным образом путем присылки из России жен и семей людей, поверстанных в крестьянское тягло, частично за счет женитбы на «ссылных гулящих женках» и на местных туземных женщинах²⁷. Во второй половине XVII в. правительство стало чаще практиковать ссылку с семьями. Однако все это не могло решить вопроса до тех пор, пока основным источником увеличения населения не стало естественное воспроизводство его внутри уезда²⁸.

На протяжении XVII в. вместе с развитием енисейского земледелия интенсивно шел процесс укрупнения крестьянских семей. Если в 1646 г. 38,9% крестьянских хозяйств имели по 1 взрослому мужчине (42 хозяйства из 108, в том числе 6 хозяйств одиночек), 31,5% — по двое мужчин, 29,6% — по 3 и более, то к 1673 г. процент хозяйств с одним мужчиной понизился до 29, с двумя — до 20, а процент многосемейных хозяйств увеличился до 51. При этом некоторые семьи имели уже по 6—8 и даже по 10 мужчин (табл. 3). Зажиточная часть енисейских крестьян (с запашкой по 9 и более десятин в двух полях) имела к этому времени еще более высокий процент многосемейных (88,3%). Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что пополнение состава енисейских крестьян и в это время продолжало идти преимущественно за счет одиноких людей. Среди малосемейных и одиноких крестьян в 1673 г. 23% (27 человек из 116) приходилось как раз на крестьян, поселенных в 1672—1673 гг.

Два параллельных процесса — разрастание старых крестьянских семей и пополнение состава новых тяглецов за счет одиноких гулящих или ссылных людей — наряду с другими причинами способствовали ускорению поляризации енисейской деревни.

²⁴ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, ч. 1, очерки IV—VII; А. Н. Копылов. Енисейский земледельческий район...

²⁵ ЦГАДА, Стб. СП, № 12, лл. 131—132.

²⁶ Там же, Кн. СП, № 527, лл. 141—144 и т. д.

²⁷ Там же, Стб. СП, № 344, лл. 533—537; № 471, ч. 1, л. 148; Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II. М.—Л. 1941, стр. 517; Дополнения к Актам историческим, т. III. СПб. 1848, № 62, стр. 223—224.

²⁸ К аналогичным выводам пришел В. А. Александров (Черты семейного строя у русского населения Енисейского края..., стр. 3—26).

Таблица 3

Группировка хозяйств енисейских государевых крестьян по количеству взрослых мужчин²⁹

Год	Характер показателя	Количество мужчин в хозяйстве									Всего
		1	2	3	4	5	6	7	8	10	
		Количество хозяйств									

а) Все хозяйства

1646	В абсолютных цифрах	42	34	17	9	3	2	1	—	—	108
	В процентах	38,9	31,5	29,6							100
1673	В абсолютных цифрах	116	79	115	46	26	12	4	1	1	400
	В процентах	29	20	51							100

б) Хозяйства с запашкой по 9 и более десятин в двух полях

1673	В абсолютных цифрах	5	4	25	13	16	9	3	1	1	77
	В процентах	6,5	5,2	88,3							100

Разумеется, семейный строй крестьянства отражает лишь одну из сторон проблемы рабочей силы и социальных отношений в енисейской деревне. При изучении этой проблемы нельзя пройти мимо другой ее важной стороны — использования в земледелии посторонней рабочей силы. Этот вопрос в той или иной мере привлекает внимание всех историков сибирского земледелия, и надо отметить, что наши сибиреведы, как и исследователи истории крестьянства Европейской части Русского государства, придерживаются по нему различных точек зрения. Наиболее наглядно эти расхождения выражают Ф. Г. Сафронов и В. Н. Шерстобоев, кстати говоря, изучающие одни и те же районы. Если Ф. Г. Сафронов считает, что наем, имевший место в земледелии различных категорий ленско-илимского крестьянства, «это не капиталистический вольный наем, а феодальный кабальный»³⁰, то В. Н. Шерстобоев приходит к диаметрально противоположному выводу. Он считает, что в результате применения наемного и несвободного труда в крестьянском хозяйстве Илимского воеводства «происходило формирование буржуазных отношений в крестьянстве, процесс, который в условиях образующегося хлебного рынка неизбежно подвел зажиточные крестьянские дворы к открытым воротам, откуда начинался путь превращения их в кулацкие хозяйства»³¹.

Высказывания обоих авторов требуют критического подхода ввиду излишней категоричности суждений, исключающей наличие явлений иного порядка. Вместе с тем, по нашему мнению, точка зрения В. Н. Шерстобоева ближе к истине, правильнее отражает действительное положение вещей, так как она отмечает то общее новое, что было присуще социальным отношениям в русской деревне в конце XVII—XVIII в., и особенность сибирской деревни — более широкое применение найма с целью производства товарного хлеба.

В. И. Шунков в связи с рассмотрением вопроса о сущности социального строя сибирской деревни в XVII в. уделил внимание и найму. Отмечая распространенность этого явления в Сибири в XVII в. и частое употребление источниками терминов «наем», «наемные работники», он ориентировал историков сибирского земледелия на осторожный подход к фактам о привлечении в земледелии рабочей силы по найму, поскольку наемный работник зачастую ставился нанимателем в один ряд с несвободным, а в хозяйствах служилых людей и монастырей нанявшийся в работники человек нередко попадал в феодальную зависимость³².

К сожалению, В. И. Шунков пока не рассмотрел вопрос о применении наемного труда в крестьянских и посадских земледельческих хозяйствах. Между тем, наибольший интерес с точки зрения изучения сущности явлений зарождения элементов новых отношений и борьбы нового со старым представляет изучение найма именно в посадских и крестьянских хозяйствах, ибо новые явления нефеодального порядка возникали в первую очередь в посадской и крестьянской среде. Мимо фактов широкого распро-

²⁹ ЦГАДА, Стб. СП, № 274, лл. 381—388; Кн. СП, № 580, лл. 1—363.

³⁰ Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация..., стр. 127.

³¹ В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. I, стр. 296.

³² В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 375—382.

странения найма в сибирской деревне XVII в. пройти нельзя, поэтому нам остается либо доказать, что это — явление феодального порядка, либо согласиться с тем, что в рамках феодальной формации имели место развитие элементов новых, капиталистических отношений и борьба нового со старыми отношениями и общественными взглядами на юридические нормы этих отношений.

Использование посторонней рабочей силы на сельскохозяйственных работах енисейскими крестьянами, посадскими, служилыми людьми и монастырями — широко распространенное в XVII в. явление. В упоминавшейся уже росписи енисейских государевых крестьян и посадских людей 1646 г. отмечалось, что 7 крестьян (из 108) и 10 посадских (из 33) пахали свои пашни с помощью наймитов и половников, причем у 6 крестьян и 9 посадских отмечены только наймиты, у одного посадского — 3 половника и у одного крестьянина — половники и наймиты. Против фамилии Кирилла Соловья (дер. Усть-Тунгусская) имеется примечание: «ссылный разбойник, увечен... пашет наймиты», против фамилии Ивана Бороды (дер. Подгородская) — «одинок, увечен... пашет половники и наймиты». В данном случае крестьяне пользовались скорее всего наймом по нужде. Менее вероятно, что только по нужде пользовался наймом Федор Татарин (деревня «за Енисеем на острове»), против фамилии которого также поставлено «одинок, пашет наймиты», ибо здесь имеется и другое примечание: «завожен», кроме того Федор Татарин имел 8 лошадей. Что касается остальных 14 крестьян и посадских людей, пользовавшихся трудом наймитов и половников, то против фамилии каждого из них есть примечание «завожен». Каждый из них имел значительное количество лошадей, причем у Кузмы Максимова было 14 лошадей, у Ивана Федорова — 18, а у Саввы Зыряна — 24.

Приведенный пример указывает на две формы использования в енисейском земледелии посторонней рабочей силы — наем и половничество. Кроме этого, в уезде существовало захребетничество³³ и холопство, причем источники свидетельствуют, что холопы были не только у служилых людей и в монастырях, но и у отдельных богатых крестьян. Так, дозор 1680 г. обнаружил «дворовых людей» ясырного происхождения (т. е. бывших пленных) у Е. И. Машукова, оброчного крестьянина из Новой Тасеевской слободы, и у К. О. Скоробогатого, пашенного крестьянина из дер. Подпорожной³⁴. Однако в крестьянской среде холопство большого распространения не получило. При широте форм эксплуатации посторонней рабочей силы в земледелии Енисейского уезда наиболее распространенным, в том числе в хозяйствах служилых людей (не говоря уже о крестьянах и посадских людях), был наем срочных и поденных работников по порядной записи. Даже монастыри, эти своеобразные бастионы феодализма в Сибири, пользовались наемным трудом. Источники всякий раз отличают «наемных работников» Енисейских Спасского, Рождественского и Мангазейского Троицкого монастырей от феодально зависимых «их монастырских работников»³⁵.

О широте применения найма в земледелии Енисейского уезда свидетельствует отписка 1648 г. воеводы Ф. П. Полибина, в которой он ставит в известность руководство Сибирского приказа, что хлеб у многих енисейских жителей (служилых, посадских и крестьян) стоит на полях «за дождями и за безлюдством», так как «промышленные и гулящие люди, которые в Енисейском остроге и в деревнях наперед сего жили и всякую работу наймующись работали, от томского сына боярского от Петра Сабанского разбежались»³⁶. Наем рабочей силы в земледелии был распространен и в соседних уездах. Материалы, приведенные в исследованиях В. Н. Шерстобоева, В. И. Шункова и Ф. Г. Сафронова, а также записи илимской таможи 1640—60-х годов о взимании у гулящих и промышленных людей пошлин с хлеба, «выробленного у крестьян», свидетельствуют о значительных масштабах найма в земледелии Илимского уезда³⁷. Аналогичные сведения имеются о найме в земледелии Томского уезда. Томские служилые люди в 1631 г. в коллективном челобитье писали, что ввиду частых разъездов по служебным делам они сами не могут обрабатывать земли, которые получают вместо денежного и хлебного жалованья, и обрабатывают их силами наем-

³³ В 1648 г. воевода Федор Потапович Полибин поселил в посад и на пашню большую партию лиц, ранее живших в уезде у крестьян и посадских людей в качестве половников и захребетников (ЦГАДА, Стб. СП, № 307, л. 4).

³⁴ ЦГАДА, Кн. СП, № 619, лл. 534 об. — 535, 500 об.

³⁵ Переписные книги 1685—1687 гг. зафиксировали в Усолье Троицкого монастыря посеянного наемными работными людьми в 194 (1685/86) г. 29,5 десятины озимого и 10 десятин ярового хлеба, в 195 (1686/87) г. — 27 десятин озимой ржи; у Спасского монастыря наемными работными людьми было посеяно в 194 г. в Усолье и в дер. Подкаменной 35,5 десятины ржи, 7,5 десятины яровых хлебов, в 195 г. — 33 десятины озимых (ЦГАДА, Кн. СП, № 942, лл. 39—40, 56—57, 59).

³⁶ П. Сабанский производил в 1647—1648 гг. сыск с целью насильственного определения гулящих людей в крестьянское и посадское тягло (ЦГАДА, Стб. СП, № 289, лл. 109—110).

³⁷ В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. I, стр. 229—296; В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 377; Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация..., стр. 125—128; архив ЛОИИ, Якутские акты, картон 8, стб. 3, лл. 83—86.

ных работников. «А наймем мы, холопи твои..., на свои пашнишки пахать прихожих гулящих людей полетно по десяти и по 12 и по 13 рублей человеку на лето. А на день мы наймем работника хлеб жать или сена косить или греть по пяти и по шти алтын человеку. А с хлебом и с харчем ставитца нам, холопам твоим, по полуполтине и по десяти алтын человеку на день»³⁸. Кстати говоря, в данном случае совершенно определенно говорится о купле-продаже свободной рабочей силы, с четкой регламентацией оплаты труда сезонных и поденных работников. Любопытна в этом отношении и жалоба промышленного человека Антона Иванова на иркутского крестьянина дер. Кудинской Фадея Титова о невыполнении последних условий трудового договора. А. Иванов пишет: «В прошлом, государь, 188 г. нанял он, Фадей, меня, сироту, к себе в срок робить всякую работу с светлого христово воскресенья по 189 год до Покрова пресвятыя богородицы. А ряжено было за ту работу дать ко мне, сироте, 55 пуд муки ржаной, да 3 рубля с полтиною денег, да переды красные чарошные, да голенища сапожные брацкие». Далее А. Иванов жалуется, что получил он «тово найму» только 11,5 пуда муки, 35 алтын денег, переды и голенища, а остальные 2 рубля 15 алтын и 43,5 пуда муки Ф. Титов не отдает³⁹.

Основным резервуаром, из которого черпались наймиты, половники и захребетники, была армия русских гулящих и промышленных людей, которых в Енисейске ежегодно регистрировалось не менее 1000 человек⁴⁰. При наличии 983 дворов деревенских жителей в уезде в 1688 г.⁴¹ и не более 1500 дворов к началу XVIII в.⁴² это количество гулящих и промышленных людей представляло собой внушительный резерв рабочей силы. Зимой основная масса их занималась пушным промыслом, а летом многие занимались на сельскохозяйственные работы. Так, весной 1645 г. 84 мангазейских промышленника ушли из Нижней Тунгуски вместо Мангазеи в Енисейск, мотивируя свой уход стремлением «деревенской работой» обеспечить себя на следующий промысловый сезон⁴³.

В качестве наемных работников выступали также не устроенные в тягло ссыльные, местные ясачные люди и разорившиеся крестьяне. Когда в 1646 г. воевода Федор Уваров стал готовить к отправке на Лену 28 семей ссыльных «черкас», последние подали коллективное челобитье с просьбой разрешить им везти с собой хлеб, который они заработали «на 2 года и больши», живя у енисейских жителей «в найме многое время»⁴⁴. Посадский человек Иван Тихонов Жилин, государев крестьянин Шиш Машуков и казачий десятник Яков Михалев в 1670 г. в своих деревнях по р. Тасеевой держали в найме работников из ясачных людей⁴⁵. В 1684 г. енисейские власти обнаружили, что 16 енисейских крестьян переселились вверх по Ангаре на ясачные земли. Вдали от властей они вели тайно торговлю с ясачными людьми, на хлеб и вино скупая пушнину, «и в наймах они, пашенные крестьяне, у себя ясачных людей держат»⁴⁶. В 1690 г. при сборе поворотных денег с 25 человек енисейских крестьян деньги взяты не были по той причине, что они своих дворов не имеют, «скитаются меж двор и кормятся работою»⁴⁷.

Для значительной части гулящих и промышленных людей, прибывавших в Енисейский уезд, наем становился основным занятием на многие годы. Выше в другой связи уже отмечалось, что до устройства в посадское или крестьянское тягло большинство русских пришельцев занималось промыслами и работой по найму от 5 до 25 лет. Так, из переписи 1685—1687 гг., зафиксировавшей в Зырянской слободе один посадский и 5 крестьянских дворов, явствует, что посадский человек Федор Карпов был выходцем из Тобольска (сын посадского же), в Енисейск он пришел в 1655 г., более 10 лет жил в «гулящих», «кормясь работой», а между 1667 и 1673 гг. был поверстан в посад; из крестьян двое оказались потомственными енисейцами (один из них — крестьянский сын, второй — пасынок служилого человека, поверстанный в крестьянское тягло после смерти отца), в трех остальных дворах жили выходцы из Поморья. Бывший крестьянский половник Устюжского уезда Степан Башарин пришел в Енисейск между 1646 и 1650 гг. и поселился на пашню в 1655 г., бывший крестьянин Сольвычегодского уезда Петр Сидоров Бебяков пришел в Енисейск в 1655 г. и поселился на пашню в 1672 г., а Мирон Григорьев — бывший крестьянин Пинежского уезда, придя в Енисейск между 1647 и 1650 гг., поселился на пашню лишь 20 с лиш-

³⁸ ЦГАДА, Стб. СП, № 112, лл. 414—416.

³⁹ ЦГАДА, Иркутская приказная изба, оп. 1, 1680 г., стб. № 8, л. 9.

⁴⁰ В середине века их численность колебалась между 1500 и 2000 человек, то же — в 1670-х годах (ЦГАДА, Стб. СП, № 429, л. 8; № 488, лл. 9, 15; № 493, ч. 2, л. 233; В. А. Александров. Черты семейного строя у русского населения Енисейского края..., стр. 15).

⁴¹ ЦГАДА, Стб. СП, № 1067, лл. 96—99.

⁴² В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 143—144.

⁴³ ЦГАДА, Стб. СП, № 143, лл. 272—275.

⁴⁴ Там же, № 274, лл. 403—406.

⁴⁵ Там же, № 831, лл. 87—90.

⁴⁶ Там же, № 913, лл. 159—162.

⁴⁷ Там же, № 1098, л. 252.

ним лет спустя, в 1672 г. До поселения на пашне все трое кормились промыслами и работой по найму⁴⁸.

Следует заметить, что, при широком распространении найма в земледелии Енисейского уезда, в качестве продавцов рабочей силы на протяжении всего XVII в. выступали главным образом гулящие и промышленные люди, т. е. лица, покинувшие Европейскую часть государства в силу утраты средств производства или в поисках облегчения от феодального гнета. Однако к концу века уже само енисейское крестьянство стало выделять из своей среды людей, лишенных средств производства, скитающихся «меж двор» и кормящихся работою по найму.

Для прибывших в Сибирь на жительство нетяглых или беглых людей типичен путь через работу по найму к крестьянскому (посадскому) тяглу. В случае найма на работу в монастырь для незакрепощенного человека наем часто становился непосредственной ступенью к потере личной свободы. Так, Алексей Фролов Ветряной, крестьянин дер. Подкаменной Енисейского Спасского монастыря, при переписи 1685—1687 гг. сообщил о себе следующее: родом он сын тобольского служилого человека, после смерти отца остался мал и при воеводе Афанасии Федоровиче Пашкове в начале 50-х годов пришел в Енисейск; здесь 2 года «жил в сроке» в Спасском монастыре, затем «после сроку жил в коровниках», а в 1683 г. «дался в монастырь во крестьяне»⁴⁹.

Таким образом, можно сказать, что Сибирь являла собой своеобразный котел, в котором в известной мере происходило воспроизводство феодальных отношений путем перемешивания массы свободных рабочих рук, выталкиваемых из Европейской части Русского государства в результате развития товарно-денежных отношений и классовой борьбы.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на те несомненно новые явления раннекапиталистического порядка, которые несло с собой постоянное наличие большой армии свободных рабочих рук, широкое применение найма в сельскохозяйственном производстве, особенно сезонного и поденного найма с фиксированной оплатой труда, устойчивость этих явлений во времени и пространстве. Все это способствовало росту товарного производства в земледелии, накладывало существенный отпечаток на развитие аграрных отношений и подготавливало базу для развития капитализма. Не учитывать этой сибирской специфики тоже нельзя.

Несомненно, что дальнейшее более детальное и углубленное изучение вопроса о найме в сельском хозяйстве Сибири XVII—XVIII вв. будет способствовать выяснению своеобразия развития аграрных отношений в Сибири.

⁴⁸ ЦГАДА, Кн. СП, № 942, лл. 73—76.

⁴⁹ Там же, л. 60.

А. П. Г р и ц к е в и ч

МЕСТНЫЙ РЫНОК СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОДУКТОВ В СЛУЦКОМ КНЯЖЕСТВЕ В БЕЛОРУССИИ В КОНЦЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII В.

Вопрос о состоянии и развитии местного рынка Белоруссии в феодальную эпоху, и в частности в XVII—XVIII вв., до сего времени недостаточно разработан. Буржуазная историография, занимавшаяся главным образом политической историей, вообще не уделяла ему внимания. Только в работе С. Кутшебы¹ сделано несколько беглых замечаний о состоянии местного рынка Речи Посполитой.

Советские историки Белоруссии рассматривают решение этого вопроса как одну из своих первоочередных задач. Ими было опубликовано несколько работ², в которых приведены отдельные данные, высказаны суждения об уровне и характере развития местного рынка Белоруссии. Однако главное внимание в этих работах уделено концу XVI — первой половине XVII в., более поздний период затрагивается лишь в статье М. В. Довнар-Запольского и III главе «Истории Минска».

Основной трудностью при разработке вопроса остается крайняя бедность источников, фрагментарность имеющихся данных.

В нашем распоряжении имеются новые, еще не опубликованные документы, которые дают возможность более глубоко рассмотреть особенности местного рынка, в частности рынка сельскохозяйственных продуктов, в конце XVII — начале XVIII в. в одном из районов Белоруссии — Слуцком княжестве. Эти документы были обнаружены в архивах Минска, Гродно и Вильнюса.

Среди изученных документов ценным источником является книга регистрации

¹ С. Кутшеба. Очерк истории общественно-государственного строя Польши. СПб. 1907, стр. 138.

² М. В. Доўнар-Запольскі. Соцыяльна-эканомічная структура Літоўска-Беларускае дзяржавы ў XVI—XVIII стагоддзях. — «Гістарычна-археалагічны зборнік», № 1. Менск 1927, стар. 54; Д. Л. Похилевич. Из истории аграрных отношений в западных воеводствах Великого княжества Литовского в XVI и первой половине XVII века. — «Средние века», вып. VI. М. 1955, стр. 152—154, 174; Л. С. Абецедарский. Торговые связи Белоруссии с Русским государством. (Вторая половина XVI — первая половина XVII в.) — «Ученые записки Белорусского гос. ун-та», вып. 36. Вопросы истории БССР. Минск 1957, стр. 16—18, 22, 31, 32, 36, 38, 39; А. М. Карпачев. III глава «Истории Минска». Минск 1957, стр. 62; З. Ю. Копыцкий. II глава «Истории Минска». Минск 1957, стр. 36, 38; З. Ю. Копыцкий. Из истории общественно-политической жизни городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII вв. — «Труды Института истории АН БССР», вып. 3. Минск 1958, стр. 17; З. Ю. Копыцкий. О ремесленном производстве в городах Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. — «История СССР», 1959, № 3, стр. 120, 123—124, 128; З. Ю. Капыскі. Гандлёвыя сувязі гарадоў Беларусі з гарадамі Польшчы ў канцы XVI — першай палавіне XVII стагоддзя. — «Весці Акадэміі навук Беларускай ССР», серыя грамадскіх навук, 1961, № 2, стар. 81, 85, 86, 87, 89; С. О. Щербак. Шляхетський наступ на міста Західної Білорусії в першій половині XVII ст. і криза цехового ремесла. — «Навукові записки Львівського державного ун-ту ім. Івана Франка», т. XLIII. Серія історична, вип. 6, 1957, стор. 92, 93, 103, 107, 108, 110, 111; С. О. Щербак. Торгівля західнобілоруських міст (друга половина XVI — перша половина XVII ст.). — Питання історії СРСР. Львівський державний ун-т ім. Івана Франка, Львів 1958, стор. 120—124, 139—140; В. И. Мелешко. О торговле и торговых связях Могилева в XVII в. — «Труды Института истории АН БССР», вып. 3. Минск 1958, стр. 54—55.

сбора налога с торгового оборота («лиценты») и расхода собранных сумм в городе Слуцке за 1698 г.³ Сбор «лиценты» производился комендантом Слуцка, а собранные деньги шли на содержание гарнизона и оборону города. «Лицента» взималась за ввозимое и продаваемое в городе зерно, скот, рыбу, кожи и другие сельскохозяйственные продукты, а также с продажи лесоматериалов, различных напитков (кроме водки), за взвешивание на рынке⁴. Данные о сборе «лиценты» позволяют судить о характере торговли и ассортименте сельскохозяйственных продуктов, привозившихся на слуцкий рынок в конце XVII в. В книге сбора «лиценты» отмечалось, откуда приезжал торговец, а это дает возможность определить географические границы территории, экономически связанной с местным рынком. Данные книги сбора «лиценты» позволяют также установить характер крестьянской торговли, так как крестьяне (в отличие от мещан) названы в книге только по именам. Вместе с тем в силу того, что «лицента» не взималась с таких продуктов сельского хозяйства, как молоко и другие молочные продукты, домашняя птица и дичь, грибы, нельзя полностью определить степень участия крестьян в торговле пищевыми продуктами на слуцком рынке. Поскольку же сохранилась лишь книга сбора «лиценты» за 1698 г., то невозможно также рассмотреть динамику торговли на этом рынке.

Большой интерес представляет инвентарное описание города Слуцка 1728 г., содержащее ценные данные о ремесленных, торговых, а также и сельскохозяйственных занятиях населения, степени зажиточности городских жителей, количестве домов⁵. Для освещения рассматриваемого вопроса представляет интерес и актовый материал, относящийся к Слуцку и Слуцкому княжеству, хранящийся в основном в Государственном архиве Минской области — в фонде «Радзивиллы, князья» (ф. 694).

Используемый нами материал в значительной мере расширяет источниковедческую базу для исследования данного вопроса и позволяет сделать некоторые выводы.

В рассматриваемый период Слуцкое княжество являлось административно-территориальной единицей⁶ (и, нужно сказать, уникальной в великом княжестве Литовском), входившей в состав Новогрудского повета и сохранившей в структуре своей административной, судебной и военной организации некоторые черты бывшего удельного владения.

С конца XIV в. Слуцкое княжество принадлежало князьям Олельковичам. В 1612 г. оно перешло к князьям Радзивиллам, с 1695 по 1744 г. находилось во владении курфюрстов Пфальца (Нейбургской линии династии Виттельсбахов), а затем вновь перешло к Радзивиллам. В 1791 г. постановлением Четырехлетнего сейма оно было преобразовано в Слуцоречский повет, территория которого через два года вместе со всей центральной частью Белоруссии была воссоединена с Россией.

Еще в первой половине XVI в. вся территория княжества находилась во владении слуцких князей. Постепенно часть земель была продана или уступлена во временное пользование разным владельцам. На рубеже XVII и XVIII вв. примерно три четверти территории княжества с 7510 «дымами» из 10 140 во всем княжестве (или 74,1%) представляли собой одно из крупнейших магнатских владений в Белоруссии. Кроме того, еще 1040 «дымов» (или 10,2%) были заложены, хотя формально принадлежали владелице Слуцкого княжества⁷. В дальнейшем процесс передачи части княжеских имений «в заставу» и продажи их продолжался.

Численность населения княжества в конце XVII в., по нашим подсчетам, составляла 60—65 тыс. человек.

Территория Слуцкого княжества была разделена на 23 волости, одно княжество (Копыльское) и 25 отдельных мелких фольварков⁸. Административное деление княжества было приспособлено к господствующей фольварочно-барщинной системе. Так, обычно в центре волости находился господский двор, куда собирались денежный и натуральный оброки и где распределялась барщинная работа. Господский двор являлся местопребыванием старосты и подстаросты⁹, которые были не только управителями княжеского имения, но и представляли собой верхушку княжеской админи-

³ Государственный архив Минской области (ГАМО), ф. 694, оп. 7, д. 419 — *Registrier von Einnahme und Ausgabe Der Licente D: Stadt Slucko: Laut übergebenen Instruclarz deß 1698 Jahres*, лл. 1—79.

⁴ ГАМО, ф. 694, оп. 4, д. 1618, л. 32.

⁵ Центральный государственный исторический архив БССР (ЦГИА БССР) в Гродно, ф. 1374, оп. 1, д. 5, лл. 1—40.

⁶ Слуцкое княжество занимало территорию нынешних Слуцкого, Копыльского, Старобинского, Любанского и Стародорожского районов Минской области, Петриковского и Октябрьского районов Гомельской области, а также часть территории Клецкого и Узденского районов Минской области, Лунинецкого и Ганцевичского районов Брестской области, Светлогорского, Копаткевичского, Калинковичского, Житковичского и Туровского районов Гомельской области и Глусского района Могилевской области (карта великого княжества Литовского, изданная в 1749 г. в Нюрнберге, хранится в картографическом отделе библиотеки АН Литовской ССР, К-лит. 726).

⁷ Минская старина, вып. 4 (Тройчанский архив). Минск 1913, № 314, стр. 131—132.

⁸ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 7426, лл. 4—8; д. 7446, лл. 237—238.

⁹ Там же, оп. 7, д. 947, лл. 2, 34, 37, 38, 39; д. 418, лл. 2, 3.

страции в волости. В каждой волости насчитывалось от 10 до 25 (иногда больше) сел и деревень, не считая деревень, расположенных на территории волостей, но принадлежавших другим владельцам, а также сел и деревень, населенных земьями, боярами и другими военно-служилыми людьми. Деревни, заселенные земьями и боярами, объединялись в «тракты» (Иванский¹⁰, Старчицкий¹¹ и др.). Иванский «тракт», например, состоял из 4 деревень и 8 «застенок»¹². Количество пахотной земли в волостях колебалось от 29 до 200 и более тяглых волок (не считая чиншевых волок)¹³.

Частновладельческий город Слуцк был не только административным, но и хозяйственным центром этой большой латифундии. К нему тяготел весь прилегающий район. В слуцкий провиантский магазин из фольварков свозилось большое количество зерна, мяса, рыбы и других сельскохозяйственных и пищевых продуктов¹⁴, часть которых (в основном зерно) отправлялась на княжеских «витинах» (судах) через пристань Песочное вниз по Неману в Кroleвец (Кенигсберг) для продажи и вывоза в Западную Европу¹⁵. Часть собранных сельскохозяйственных и пищевых продуктов получали натурой солдаты слуцкого гарнизона¹⁶. Можно предполагать, что торговля на местном рынке для слуцких князей не представляла интереса.

Слуцк являлся в XVII и XVIII вв. одним из крупных ремесленно-торговых центров Белоруссии. В отличие от экономики других белорусских городов экономика Слуцка в этот период не находилась в состоянии упадка. Население его насчитывало в начале XVIII в. 6—7 тыс. человек¹⁷. Большинство городского населения, по данным инвентаря Слуцка 1728 г., составляли ремесленники (874 чел.), лица, связанные с торговлей (353 чел.), и члены их семей, наемные работники (59 чел.) с семьями¹⁸. Кроме них, в городе жили солдаты и офицеры гарнизона, шляхта, духовенство, лица, служившие в княжеском замке и административных учреждениях княжества.

Данные о ремесленном производстве в Слуцке позволяют говорить о своеобразной специализации ремесла. В это время Слуцк был одним из центров кожевенного производства в Белоруссии. Некоторые виды ремесла основывались на обработке сельскохозяйственного сырья и изготовлении из него определенных товаров. Так, в 1728 г. в кожевенном производстве было занято 342 ремесленника 9 профессий (скорянки, сапожники, сафьянники и др.); прядением, ткачеством, изготовлением предметов одежды занимались 207 ремесленников 14 профессий (прядильщицы, ткачи, беловшейки, портные, чулочники, позументчики и др.); в производстве предметов хозяйственного обихода было занято 69 ремесленников 15 профессий; изготовлением пищевых продуктов занималось 106 ремесленников 10 профессий. Всего в городе этими видами ремесла занимались 724 ремесленника 48 профессий. Этими же ремеслами занималась и часть наемных работников. Кроме того, в транспортном промысле было занято 24 человека¹⁹.

Такой крупный ремесленно-торговый и административный центр, каким был Слуцк, потреблял много сельскохозяйственных продуктов. О покупке ремесленниками города зерна свидетельствует запись в актовой книге слуцкого магистрата за 1654—1660 гг. о том, чтобы торговцы «торгов зерна и других предметов не делали и цен не повышали, пока мещане ремесленники для своей потребы не купят...»²⁰. В январе 1711 г. литовский гетман Поей, беря Слуцк, как крепость Речи Посполитой, под свою протекцию, выдал жителям его грамоту, в которой отмечалось, что слуцкие мещане «живут торговлей и ремеслами и, не имея пахотных угодий, должны покупать хлеб»²¹.

¹⁰ ГАМО, ф. 694, оп. 7, д. 947, лл. 40—48.

¹¹ Там же, д. 699, л. 3.

¹² Там же, д. 947, лл. 40—48.

¹³ Там же, оп. 2, д. 7446, л. 237. — Насколько велико было количество земли в отдельных волостях у земьян и бояр, можно судить на примере Иванской волости: из общего количества 625½ волок пахотной земли на долю земьян и бояр Иванского «тракта» приходилось 280 волок (там же, оп. 7, д. 947, лл. 40—49), или 44,8% всей пахотной земли волости, а на долю выбранцев (военно-служилых крестьян, проживавших в 6 деревнях вблизи Слуцка и получивших землю «в вечность» от князей за свою службу в слуцком гарнизоне) — 124 волоки (там же, лл. 33—39, 49), или 19,8%. Таким образом, на долю чиншевых и тяглых крестьян приходилась 221½ волока пахотной земли волости, или 35,4%, в том числе на долю тяглых крестьян — 200,9 тяглой волоки (там же, оп. 2, д. 7446, л. 237), или 32,2% всей пахотной земли Иванской волости. В Копыльском княжестве были всего лишь 84⁵/₂₄ тяглой волоки земли, т. е. меньше, чем в некоторых волостях (там же).

¹⁴ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 7426, л. 20.

¹⁵ Минская старина, вып. 4, № 497, стр. 189.

¹⁶ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 7391, лл. 5, 6.

¹⁷ А. П. Грицкевич. Слуцк. Исторический очерк. Минск 1960, стр. 16. — В конце XVII в. (1689 г.) в Слуцке было 8,5—9 тыс. жителей (Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Arch. Radziwiłłowskie, dział XXV, Nr. 3835/1, Rewizja miasta Slucka 1689 г., стр. 1—136 (подсчет наш)).

¹⁸ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1374, оп. 1, д. 5, лл. 4—40 (подсчет наш).

¹⁹ То же.

²⁰ Lauda albo uchwały do obrony, porządku y ozdoby miasta Slucka (Рукописный отдел биб-ки АН Лит. ССР, ERS-889, стр. 40).

²¹ Минская старина, вып. 4, № 281, стр. 122—123.

Таблица 1

Количество скота и сельскохозяйственных продуктов, проданных на слущком рынке в 1698 г. (по месяцам)

Объекты	Единицы измерения	2												Всего за год
		Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	
1		3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Коровы (на мясо)	Голова	74	61	48	35	70	132	146	130	261	174	122	86	1339
Коровы (для хозяйства)	"	—	—	—	—	—	35	10	—	—	—	—	—	45
Быки	"	98	81	69	44	50	21	19	46	63	31	48	27	597
Бычки	"	33	23	16	14	19	34	19	45	66	46	43	37	395
Волы	"	2	8	3	9	2	11	2	—	8	4	3	4	56
Телята	"	30	68	43	54	77	142	68	29	38	50	58	85	742
Овцы	"	20	8	8	2	3	156	317	120	92	200	114	75	1115
Ягнята	"	1	2	—	—	—	2	3	—	3	2	7	3	23
Свиньи	"	5	20	1	6	15	26	3	10	15	28	6	5	140
Поросята	"	11	50	13	4	13	12	40	3	9	11	11	15	192
Козы	"	—	—	—	—	3	70	44	27	22	4	3	—	173
Козлята	"	—	—	—	—	—	11	123	6	—	—	—	—	140
Лошади	"	1	2	—	1	—	6	5	1	—	1	1	—	18
Сало	Камень	$29\frac{1}{2}$	$65\frac{1}{2}$	$93\frac{1}{2}$	47	$59\frac{1}{2}$	$17\frac{1}{2}$	$3\frac{1}{2}$	$27\frac{1}{2}$	39	58	108	$38\frac{1}{2}$	587
Сельдь	Бочка	6	19	$12\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	—	—	—	—	—	—	4	9	52
Свежая рыба большая	Воз	$5\frac{1}{6}$	3	$2\frac{1}{4}$	$3\frac{3}{4}$	—	—	—	—	—	—	—	$3\frac{3}{4}$	$14\frac{11}{12}$
Свежая рыба средняя	"	$3\frac{1}{2}$	$2\frac{2}{3}$	$2\frac{3}{4}$	$4\frac{1}{4}$	—	—	—	—	—	—	—	$3\frac{3}{4}$	$11\frac{11}{12}$

Свежая рыба малая	23 $\frac{2}{3}$	12 $\frac{1}{2}$	5 $\frac{1}{2}$	1 $\frac{1}{2}$	4	2 $\frac{2}{3}$	3	4 $\frac{4}{9}$	2 $\frac{2}{9}$	1 $\frac{2}{3}$	2 $\frac{2}{9}$	2 $\frac{2}{9}$	3 $\frac{2}{3}$	8 $\frac{2}{9}$	2 $\frac{2}{3}$
Соленая рыба	1	1	2	22 $\frac{3}{5}$	3	45	10 $\frac{1}{3}$	3 $\frac{1}{3}$	10 $\frac{2}{5}$	2	23 $\frac{1}{2}$	1	22	19	167 $\frac{1}{6}$
Вяленая рыба малая	22	67	58 $\frac{1}{2}$	1 $\frac{1}{2}$	55	11 $\frac{1}{2}$	10	98	104,3	20	42 $\frac{1}{2}$	1	33	27	548,8
Растительное масло	1500	640	3865	1899	375	390	555	210	300	645	240	240	10859	240	10859
Мед	256 $\frac{1}{2}$	119	129	89 $\frac{1}{4}$	106 $\frac{1}{2}$	52 $\frac{1}{2}$	63	42 $\frac{1}{2}$	210 $\frac{1}{3}$	1	228	176 $\frac{1}{4}$	232 $\frac{2}{3}$	1705 $\frac{1}{2}$	1705 $\frac{1}{2}$
Воск	3 $\frac{7}{8}$	—	—	—	—	17	10	23 $\frac{3}{4}$	5	43	—	—	4 $\frac{3}{4}$	107 $\frac{3}{8}$	107 $\frac{3}{8}$
Юфть	462	238 $\frac{1}{2}$	348	284	282 $\frac{1}{2}$	138	303 $\frac{1}{2}$	245	340 $\frac{3}{4}$	3	235 $\frac{1}{2}$	1	298 $\frac{1}{2}$	210 $\frac{1}{2}$	3386 $\frac{3}{4}$
Табак	177	858	240	34	12 $\frac{1}{2}$	1	6 $\frac{1}{2}$	71 $\frac{1}{2}$	84	31	52	81 $\frac{1}{2}$	121	1769	1769
Хмель	82	102 $\frac{3}{4}$	6	2	2	2	4 $\frac{1}{2}$	10 $\frac{1}{2}$	5	50	110	125	530 $\frac{1}{4}$	184 $\frac{1}{2}$	530 $\frac{1}{4}$
Сливы	13	49	78 $\frac{1}{2}$	21 $\frac{1}{2}$	1	20 $\frac{1}{2}$	—	2	—	—	—	—	—	—	184 $\frac{1}{2}$
Соль	43	50	53	38	27	46	27	17	17	26	39 $\frac{1}{2}$	136	519 $\frac{1}{2}$	651,45	519 $\frac{1}{2}$
Белая соль	95,5	96,5	72,75	30	28,25	46,7	61,05	105,05	46,65	35,5	33,5	—	—	—	651,45
Шерсть	—	—	8 $\frac{1}{2}$	16 $\frac{1}{2}$	—	—	—	—	14	4 $\frac{1}{2}$	—	—	—	—	43 $\frac{1}{2}$
Лен	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	26 $\frac{1}{2}$	38	64 $\frac{1}{2}$

Примечания.

1. В количество проданных продуктов не включалось мясо, продававшееся в мясных лавках.
2. Камень литовский = 40 литовских фунтов = 14 кг 966,4 г.
3. Бочка сельди по весу составляла 1 камень (ГАМО, ф. 694, оп. 7, д. 419, лл. 73, 79).
4. Воз рыбы в Слуцке в конце XVII в. равнялся 9 «троткам» (там же, лл. 4, 10, 79).
5. Бочка соленой рыбы равнялась 1 $\frac{1}{2}$ малым кадам (там же, л. 22), или 3 «троткам» (там же, л. 23).
6. Белая соль измерялась «штучками»; 6550 «штучек» составляли 1 воз белой соли (там же, л. 47).

В то же время жители города имели небольшие участки пахотной земли за городом. По данным инвентаря 1728 г., общая площадь пахотных полей и фольварков жителей Слуцка составляла 12 волок $8\frac{1}{2}$ моргов (или 262,5 га), причем 80% этого земельного фонда принадлежало членам городского магистрата, богатым купцам, офицерам гарнизона и женскому православному монастырю²². Незначительность размеров полей горожан объясняется тем, что в свое время слущкие князья передали городу из своих владений, окружавших Слуцк со всех сторон, небольшой земельный фонд, а возможность аренды жителями Слуцка княжеской земли отсутствовала (князья не считали, по-видимому, выгодной для себя сдачу земли в аренду горожанам). Естественно, что для удовлетворения своих потребностей в продуктах сельского хозяйства жителям Слуцка было явно недостаточно этих земельных участков. Урожай зерна с них, например, шел в основном на личное потребление и удовлетворял потребности в хлебе примерно лишь 275 человек (по нашим подсчетам)²³. Таким образом, Слуцк постоянно нуждался в большом количестве сельскохозяйственных продуктов как для питания населения, так и для сырья ремесленникам.

В результате исторически складывавшихся постоянных экономических взаимоотношений между городом и деревней, в Слуцком княжестве существовал в этот период местный рынок. Данные книги сбора «лиценты» показывают, что Слуцк являлся центром местного рынка, охватывавшего не только территорию Слуцкого княжества, но и близлежащие местности в радиусе 50—140 км. С развитием товарного производства расширялось городское ремесло и все более вовлекалось в обмен натуральное крестьянское хозяйство. Обмен «...соединяет людей, заставляя их вступать в сношения между собой при посредстве рынка»²⁴.

Крестьянин нуждался в деньгах для уплаты государственных податей и чинша помещику, а также для закупки некоторых изделий для своего хозяйства. Все это, несмотря на господство фольварочно-барщинной системы, заставляло крестьянина реализовывать часть продуктов своего хозяйства на рынке. Характеризуя роль крестьянских денежных повинностей в деле развития товарного хозяйства, В. И. Ленин указывал, что они «... в свое время были важным фактором развития обмена...»²⁵.

В то же время развитие товарно-денежных отношений создавало возможность более полного удовлетворения потребностей феодалов в самых разнообразных изделиях ремесла и предметах роскоши. А это увеличивало расходы феодалов. Поэтому в местном рынке были заинтересованы не только горожане и крестьяне, но в какой-то степени и феодалы, особенно средне- и мелкопоместные. Шляхта Слуцкого княжества не имела возможности конкурировать со слущкими князьями на внешнем рынке, так как не могла экспортировать большое количество зерна. Поэтому средне- и мелкопоместный феодал сбывал часть сельскохозяйственных продуктов, в основном зерно и скот, на местном рынке.

Данные источников позволяют судить о характере торговли на слущком рынке. В городе широко была развита рыночная и лавочная торговля. Всего в Слуцке, по данным инвентаря 1728 г., насчитывалось 83 лавки, 39 лавочек, 20 сапожных и 16 гончарных ларьков (в них торговали сами ремесленники), а также лавки мясников и мелких торговцев, торговавших крупами (сведения о количестве которых отсутствуют)²⁶. В городе устраивались две ярмарки в год.

Оживленная торговля на рынке велась, как правило, во все дни недели, за исключением субботы и воскресенья (хотя иногда торговля велась и в эти дни). На слущком рынке в большом количестве продавались зерно, мясо, сало, растительное масло, рыба и скот, а также хмель, мед, воск, сырье — кожи, юфть, шерсть и другие продукты. На основании книги регистрации сбора «лиценты» нами собраны данные о количестве скота и сельскохозяйственных продуктов, проданных на слущком рынке в течение каждого месяца 1698 г. (табл. 1).

Как видно из таблицы 1, объем торговли скотом и сельскохозяйственными продуктами на слущком рынке был значительным. В общей сложности за год было продано 3174 головы крупного рогатого скота, а всего 4975 голов скота. Характерны сезонные колебания в количестве продаваемого скота и продуктов сельского хозяйства. Так, за летние и осенние месяцы было продано 1010 коров, или 73% количества всех проданных за год коров, причем больше всего коров (по сравнению с другими месяцами) было продано в сентябре и октябре, т. е. в период, когда исчезает возможность содержать скот на подножном корму. Количество овец, проданных летом и осенью,

²² ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1374, оп. 1, д. 5, лл. 38—39.

²³ Д. Л. Похилевич считает (на основании польских сельскохозяйственных инструкций), что средний урожай с гектара в XVI в. составлял 40 пудов (из них 10 пудов оставлялось на посев) (Д. Л. По х и л е в и ч. Из истории аграрных отношений в западных воеводствах Великого княжества Литовского в XVI и первой половине XVII в., стр. 155). Эти цифры можно принять и для XVII в. Таким образом, в условиях трехпольной системы урожай с пахотной земли жителей Слуцка составлял в год 7000 пудов, из них на потребление шло 5250 пудов зерна.

²⁴ В. И. Л е н и н. Соч., т. 2, стр. 198.

²⁵ В. И. Л е н и н. Соч., т. 3, стр. 548.

²⁶ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1374, оп. 1, д. 5, лл. 2—6, 19, 28.

составляло 999 голов (89,6%), бычков — 253 (64%), свиной — 88 (62,8%). Необходимо отметить, что на случком рынке продавали не только скот на мясо, но и продукты скотоводства (кожи) как сырье для ремесленников. Кроме того, за год на рынке было продано большое количество юфти — 3386 $\frac{3}{4}$ камня (или 50 687,5 кг). Это еще раз подтверждает зависимость кожевенного промысла в Слуцке от поступления на рынок соответствующих сельскохозяйственных продуктов.

Были сезонные колебания и в продаже других сельскохозяйственных и пищевых продуктов. Так, сало и свежую рыбу больше продавали в зимние месяцы, что объясняется удобством хранения и перевозки этих скоропортящихся продуктов именно в зимнее время.

Данные книги сбора «лиценты» дают возможность проследить количество поступавшего на рынок зерна в течение всего года. Правда, в этой книге не указано количество продававшегося зерна, но о его продаже можно косвенно судить по сумме «лиценты» с зерна: за продажу случкого корца²⁷ ржи взималась «лицента» в 6 грошей, за продажу случкого корца пшеницы — в 10 грошей²⁸. Количество продававшегося зерна также варьировало в разные дни, недели и месяцы. Так, в январе зерна было продано почти вчетверо больше, чем в июле. В зимние месяцы было продано около половины годового количества проданного на рынке зерна, а за два весенних месяца — апрель и май — менее 6% годового количества проданного зерна. Данные о продаже зерна позволяют сделать вывод, что основным поставщиком хлеба на рынок было не крестьянское, а помещичье хозяйство. Изо дня в день, из недели в неделю в Слуцк поступало зерно в таком большом количестве, какого не могло выбросить на рынок крестьянское хозяйство. Кроме того, феодал опережал крестьянина в уборке хлеба и, следовательно, мог быстрее оперировать товарным зерном.

За весь 1698 г. «лицента» с продажи зерна составила 2080 злотых 2 $\frac{1}{2}$ гроша²⁹. В пересчете на рожь (как наиболее распространенный хлеб) можно подсчитать количество проданного в Слуцке зерна по месяцам и за год в целом. Последнее количество составляет 10 400 $\frac{5}{12}$ случкого корца, или 2 633 847 кг (табл. 2). Принимая за годовую норму потребления на 1 человека (на конец XIX в.) 19 пудов³⁰ (311,229 кг) зерна, можно подсчитать количество городского населения, потреблявшего продаваемый на рынке хлеб, — 8465 человек. Если же учесть, что на корм скоту в расчете на 1 человека в год шло 7 $\frac{1}{2}$ пудов³¹ (122,854 кг) зерна, то предыдущая цифра уменьшится до 6070 жителей. А если принять официальный показатель (минимальную норму) потребления хлеба в России в конце XVIII — начале XIX в., приводимый К. В. Сивковым³², — 2 четверти³³ (зерном) на душу населения обоего пола, или 293,874 кг, то количество городского населения Слуцка, потреблявшего продаваемый на рынке хлеб, составит 8965 человек (если же отбросить зерно, шедшее на корм скоту в расчете на 1 человека в год, — 6325 человек). Как видим, разница в цифрах невелика. Поскольку же население Слуцка насчитывало 6—7 тыс. человек и жители имели небольшой земельный фонд, урожай зерна с которого удовлетворял потребности в хлебе лишь весьма незначительной части горожан, то можно считать, что зерно, продававшееся на рынке, в подавляющей массе шло для продажи городскому населению, а не на экспорт³⁴.

На торги в Слуцк из окрестных сел и деревень приезжали крестьяне, привозившие сельскохозяйственные продукты. По данным книги сбора «лиценты», особенно часто в город ездили крестьяне из сел и деревень в радиусе до 50—70 км от Слуцка. Ассортимент и количество товаров, продававшихся крестьянами на случком рынке, по сравнению с основной массой продававшегося скота и сельскохозяйственных продуктов были небольшими (табл. 3).

²⁷ По сеймовой конституции 1677 г. все местные меры сыпучих тел на территории великого княжества Литовского должны были быть пропорциональны общегосударственной мере — виленской бочке, состоявшей из 72 гарнцев (Volumina legum, t. V. Petersburg 1860, str. 260). Слуцкий корец равнялся $\frac{8}{9}$ виленской бочки и состоял из 64 гарнцев. Гарнец зерна равнялся виленскому цеховому гарнцу (ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 3676, л. 116), т. е. составлял 5,653 л. Вес зерна ржи в литре — 700 г. Таким образом, случкий корец ржи весил 253,244 кг. Слуцкий корец пшеницы весил 303,8932 кг (вес зерна пшеницы в литре — 840 г).

²⁸ ГАМО, ф. 694, оп. 7, д. 419, л. 78.

²⁹ Там же, лл. 2—78 (подсчет наш).

³⁰ Л. Н. Маресс. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве. — Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Под ред. А. И. Чупрова и А. С. Посникова, т. I. СПб. 1897, стр. 14.

³¹ Там же, стр. 16.

³² К. В. Сивков. Некоторые итоги зернового производства в Европейской России на рубеже XVIII—XIX вв. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1958 г. Таллин 1959, стр. 26.

³³ 1 четверть ржи = 2,0991 гектолитра (146,937 кг).

³⁴ Необходимо отметить, что солдаты случкого гарнизона получали зерно натурой из княжеского провиантгауза. На рынке не продавалось также, по-видимому, зерно, шедшее на изготовление водки, так как оно поступало из княжеских имений (исключительным правом изготовления водки пользовалась княжеская казна).

Таблица 2

Сумма сбора «лиценты» с продаваемого на слущком рынке зерна (по месяцам и за весь 1698 г.) и количество зерна в пересчете на рожь³⁵

Месяцы	Сумма сбора «лиценты»	Количество проданного зерна (в пересчете на рожь)		В % к общегодовой сумме
		в слущких корцах	в кг	
Январь	488 зл. 14 гр.	2442 ¹ / ₃	618 507	23,5
Февраль	285 зл. 25 гр.	1429 ¹ / ₆	361 928	13,7
Март	328 зл. 13 гр.	1642 ¹ / ₆	415 869	15,8
Апрель	50 зл. 23 гр.	253 ⁵ / ₆	64 282	2,4
Май	73 зл. 21 гр.	368 ¹ / ₂	93 321	3,5
Июнь	122 зл. 26 гр.	614 ¹ / ₃	155 576	5,9
Июль	130 зл. 4 гр.	650 ² / ₃	164 778	6,3
Август	112 зл. 28 гр.	564 ² / ₃	142 999	5,4
Сентябрь	128 зл. 1 гр.	640 ¹ / ₆	162 119	6,2
Октябрь	162 зл. 14 гр.	812 ¹ / ₃	205 719	7,8
Ноябрь	68 зл. 14 гр.	342 ¹ / ₃	86 694	3,3
Декабрь	127 зл. 29 ¹ / ₂ гр.	639 ¹¹ / ₁₂	162 055	6,2
З а г о д	2080 зл. 2 ¹ / ₂ гр.	10400 ⁵ / ₁₂	2 633 847	100

Таблица 3

Ассортимент и количество скота и сельскохозяйственных продуктов, проданных крестьянами на слущком рынке в 1698 г.³⁶

Объект	Единица измерения	Количество скота и продуктов		Удельный вес крестьянской торговли в %
		проданных крестьянами	общее за год	
Коровы	Голова	5	1339	0,4
Быки	„	2	597	0,3
Бычки	„	4	395	1,0
Волы	„	39	56	69,6
Телята	„	4	742	0,6
Овцы	„	2	1115	0,2
Свиньи	„	28	140	20,0
Козы	„	5	173	2,9
Лошадн	„	4	18	22,2
		7	11	
Свежая рыба большая	Воз	4 ¹² / ₁₂	14 ¹² / ₁₂	30,7
Свежая рыба средняя	„	2 ² / ₃	11 ¹¹ / ₁₂	22,4
Свежая рыба малая	„	50 ¹ / ₂	66 ² / ₃	75,7
Соленая рыба	Бочка	83	167 ¹ / ₆	49,7
Вяленая рыба малая	«Троска»	215	548,8	39,5
Мед	Камень	7 ¹ / ₂	1705 ¹ / ₂	0,4
Соль	Бочка	5	519 ¹ / ₂	1,0
Белая соль	Тысяча «штучек»	65,1	651,45	10,0

³⁵ ГАМО, ф. 694, оп. 7, д. 419, лл. 2—78 (подсчет наш). — Сводные данные, приведенные в книге сбора «лиценты», ошибочны (несколько занижены). Так, общая сумма «лиценты» с продажи зерна за год составляет по книге 2034 злотых 27¹/₂ грошей (там же, л. 78). Занижена сумма «лиценты» и за ряд месяцев.

³⁶ ГАМО, ф. 694, оп. 7, д. 419, лл. 2—78 (подсчет наш).

Из данных таблицы 3 видно, что крестьяне непосредственно продавали на городском рынке лишь значительное количество рыбы. Удельный вес крестьянской торговли скотом и пищевыми продуктами был невелик. Это объясняется тем, что крестьяне в силу своего экономического положения не могли выбрасывать на рынок большое количество продуктов и конкурировать с феодалами. Кроме того, в ряде случаев, в частности при сдаче в аренду отдельных имений, крестьянская торговля ограничивалась, а на некоторые продукты крестьянского хозяйства — запрещалась. В таких случаях, как это отмечает Е. П. Шлосберг на примере имения Погост (в Слуцком княжестве), которое было сдано в аренду на три года — с 1686 по 1689 г., крестьяне были обязаны часть продуктов своего хозяйства продавать арендатору по пониженным ценам³⁷. А так как крестьянину нужны были деньги для уплаты государственных податей, чинша и покупки некоторых изделий ремесла, то ему приходилось использовать любую возможность для продажи каких-нибудь товаров. Поэтому при наличии многочисленных рек удельный вес крестьянской торговли рыбой и был сравнительно большим.

Говоря о крестьянской торговле, необходимо учитывать, что значительная часть ее находилась в руках скупщиков-мещан. Тем не менее развитие товарно-денежных отношений вызывало появление имущественных различий среди крестьян. В некоторых селах и деревнях Слуцкого княжества выделились отдельные скупщики-крестьяне, специализировавшиеся на торговле сельскохозяйственными товарами или даже одним видом товара (рыба, соль). Так, на торговле свежей и вяленой рыбой специализировались Хведор из Доманович (60 км к югу от Слуцка), Яцка из Завшиц³⁸ (25 км к юго-западу от Слуцка), Давид, Яцка и Патап из Осова³⁹ (50 км к востоку от Слуцка), Марка из Старчиц⁴⁰. Свежая, вяленая и соленая рыба доставлялась на городской рынок Киреем, Гарасимом и Алексеем из Скочишина⁴¹ (60 км к югу от Слуцка). На торговле белой солью специализировался Гарасим из Старчиц⁴². Характерно, что скупщики-крестьяне привозили свои товары на слуцкий рынок регулярно.

Большую роль в торговле сельскохозяйственными продуктами играли в этот период скупщики-мещане, в основном жители Слуцка. Они регулярно, из недели в неделю, из месяца в месяц продавали в городе большие партии сельскохозяйственных продуктов, сырья, скота и рыбы, скупая все это в окрестных селах и деревнях. Скупщики покупали эти товары у помещиков, бояр и земян⁴³ и у крестьян. На долю отдельных скупщиков-мещан приходилось весьма значительное количество продаваемых сельскохозяйственных товаров. Среди этих скупщиков специализация торговли была выражена наиболее ярко. Так, более половины общего количества скота за год было продано на рынке десятью слуцкими мещанами (табл. 4), причем один из них — Ян Леошович — продал за год 500 голов скота (более 10% общего количества). Эта группа мещан-скупщиков занимала по сути дела монопольное положение в продаже овец, ягнят, коз и козлят. Характерно, что скототорговцы даже специализировались на продаже отдельных видов скота. Так, Стефан Утка специализировался на продаже телят и овец, Ян Леошович — овец и коров, Яков Жеребин — овец и телят. Правда, иногда они продавали другой скот, рыбу, сало, соль⁴⁴, но эти объекты занимали в их торговой деятельности лишь подчиненное место.

В торговле на слуцком рынке принимали участие и мещане-скупщики из Копыля и местечек Слуцкого княжества — Вызны, Грозова, Старых Дорог (50 км от Слуцка), Романова, Старобина, Любани (40 км от Слуцка) и др. Они торговали рыбой, солью, белой солью, мясом, скотом. Часть сельскохозяйственных продуктов привозилась из более отдаленных сел, местечек и городов — Ляховичей, Мира, Турова (115 км от Слуцка), Глуска, Давид-Городка (120 км), Кольна (110 км) и др. — и даже дальних городов Белоруссии — Быхова (190 км от Слуцка), Могилева (215 км), Бреста (290 км), Ружан (190 км), Кобрина (245 км)⁴⁵. Так местные рынки были связаны друг с другом. Предметами ввоза из отдаленных сел и местечек для продажи были белая соль, хмель, рыба, скот, растительное масло, мед, а из дальних городов Белоруссии — большие партии растительного масла (из Быхова и Могилева), юфть (из Бреста и Кобрина), рыба, воск и табак (из Ружан).

Среди торговцев, продававших сельскохозяйственные продукты на слуцком рынке, были и лица, занимавшиеся ремеслом. Они совмещали ремесленную деятельность с торговлей, но последняя играла для них вспомогательную роль. Всего продажей сельскохозяйственных продуктов на рынке занималось в течение 1698 г. 22 ремесленника —

³⁷ Е. П. Шлосберг. К вопросу об изменении феодальной ренты в Белоруссии XVII—XVIII веков (по данным инвентарей феодальных владений). — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1958 г., стр. 122.

³⁸ ГАМО, ф. 694, оп. 7, д. 419, лл. 2, 5, 6, 17, 21, 26, 33, 71 и др.

³⁹ Там же, лл. 8, 10, 11, 22, 26, 31, 32, 40, 41 и др.

⁴⁰ Там же, лл. 4, 37, 38, 55, 58, 59, 76.

⁴¹ Там же, лл. 2, 4, 5, 7, 10, 12, 14, 15, 21, 27, 30—32, 41, 45, 58, 62, 65, 76.

⁴² Там же, лл. 16, 47.

⁴³ Там же, д. 699, лл. 117—118; ф. 737, оп. 1, д. 1, л. 610.

⁴⁴ Там же, ф. 694, оп. 7, д. 419, лл. 9, 20, 27, 45, 62, 68.

⁴⁵ Там же, лл. 2—76.

Таблица 4

Торговля скотом на слущком рынке в 1698 г. группы мещан-скототорговцев⁴⁶

Торговцы	Коровы	Быки	Бычки	Волы	Телята	Овцы	Ягнята	Свины	Поросята	Козы	Козлята	Всего скота (голов)	В % к общему числу скота, проданного на рынке за год
Ян Леошович	115	29	37	—	33	216	—	6	9	28	27	500	10,1
Демьян Кунцевич	102	16	26	—	59	111	4	3	1	17	20	359	7,2
Яков Кардашевич	78	46	26	2	9	111	—	4	6	11	60	353	7,1
Артем Жеребин	89	36	24	1	29	69	6	—	1	27	—	282	5,7
Яков Жеребин	30	18	18	—	40	79	1	6	1	6	—	199	4,0
Стефан Луцкевич	46	15	9	—	28	57	2	1	1	10	4	173	3,5
Алексей Сыде-рович	90	17	17	—	18	25	—	1	2	—	—	170	3,4
Стефан Утка	11	2	10	—	81	44	2	2	2	12	—	166	3,3
Даниэль Криштоф	56	29	14	—	22	29	—	—	1	9	3	163	3,2
Григорий Максимович	32	2	8	—	27	61	—	2	1	9	—	142	2,9
Всего продано этой группой за год	649	210	189	3	346	802	15	25	25	129	114	2507	50,4
Общее количество скота, проданного за год на рынке	1339	597	395	56	742	1115	23	140	192	173	140	4975	100,0
Удельный вес торговли этой группы мещан (в %)	48,0	35,2	47,8	5,4	46,4	71,9	65,2	17,9	13,0	74,6	81,4	—	50,4

3 мельника, 2 крахмальника, 2 мясника, скорняк, сафьянник, 2 портных, позументщик, кузнец, 3 золотых дел мастера, селитренник, бондарь, мыловар, возчик, 2 цирюльника. Предметами их торговли были мед, соль, белая соль, свежая, соленая и вяленая рыба, сало, скот. Среди них также наблюдалась известная специализация. Так, золотых дел мастер Эфраим продал 22 камня меду, мыловар Михайла — 8½ камней сала, портной Клим продавал рыбу и свиней, крахмальник Мартин — вяленую и соленую рыбу и белую соль (более пяти возов). Всего ремесленниками, торговавшими на рынке, было продано 64 головы крупного рогатого скота, 14 овец, 7 коз, 3 свиньи и 5 поросят⁴⁷. Некоторые из этих ремесленников после продажи своих ремесленных изделий феодалам и крестьянам в селах и деревнях привозили оттуда в город на рынок сельскохозяйственные продукты.

Ремесленники ряда профессий изготавливали изделия, предназначенные не только для продажи в городе, но и для крестьян, а также для тех военно-служилых категорий сельского населения, которые по своему положению были близки к крестьянству, т. е. земян и бояр, обязанных служить в конных военных формированиях слущких князей, а также выбранцев, обязанных исполнять пешую воинскую службу в особой «выбранецкой хоронгви» слущкого гарнизона⁴⁸. Вся эта немалочисленная группа сельского населения должна была снаряжаться за свой счет, покупая оружие, обмундирование и другие предметы военного снаряжения и имея от князей данные «в вечность» определенные участки земли, обусловленные военной службой. Поэтому некоторые виды ремесла в Слущке развивались в зависимости от потребностей части сельского населения в разных предметах, связанных с военной службой (наряду с этим ре-

⁴⁶ ГАМО, ф. 694, оп. 7, д. 419, лл. 2—76 (подсчет наш).

⁴⁷ Там же, лл. 6—75.

⁴⁸ Там же, д. 417, лл. 26, 27.

месленники, разумеется, работали для удовлетворения потребностей всего гарнизона крепости в целом, для которого князь распределял среди них крупные заказы)⁴⁹.

Крестьяне покупали на рынке обувь, шорные изделия, седла, одежду, ткани⁵⁰, шапки (в городе было 7 магерников, выделявавших шапки-магерки для крестьян), предметы хозяйственного обихода, посуду, сельскохозяйственный инвентарь⁵¹. Количество товаров, изготовлявшихся служкими ремесленниками, превышало потребности жителей города, так что эти товары предназначались и для продажи крестьянам.

Аналогичные данные о производстве ремесленных изделий для продажи крестьянам и об ассортименте этой продукции приводит Я. Д. Исаевич по материалам украинского города Дрогобыча в XVI—XVIII вв.⁵²

Приведенные данные позволяют сделать следующие выводы.

В рассматриваемый период Слуцкое княжество являлось административно-территориальной единицей с известным хозяйственным единством. Примерно три четверти территории княжества представляли собой одно из крупнейших магнатских владений в Белоруссии.

В связи с довольно большим количеством городского населения в центре княжества — Слуцке — был большой спрос на сельскохозяйственные продукты и сырье. Город в основном удовлетворял свои потребности в хлебе за счет продававшегося на рынке зерна. Данные о ремесленном производстве в Слуцке позволяют говорить о специализации ремесла этого города. Слуцк являлся одним из крупных центров кожевенного производства в Белоруссии.

Некоторые виды ремесла в Слуцке развивались в зависимости от потребностей военно-служилых категорий сельского населения в разных предметах, связанных с военной службой.

В связи со специализацией ремесла специализируется и торговля сельскохозяйственными продуктами и сырьем. На рынке продаются большие партии сырья для ремесленников, а также скота.

Частновладельческий город Слуцк был центром местного рынка радиусом в 50—140 км. Развитие ремесла в городе способствовало вовлечению в обмен как фольварка, так и крестьянского хозяйства. Крестьяне покупали на рынке различные изделия ремесла.

Развитие товарно-денежных отношений углубляло рост имущественного неравенства крестьян. В некоторых селах и деревнях выделились отдельные скупщики-крестьяне. Однако фольварочно-барщинная система хозяйства задерживала развитие связей крестьянина с рынком, суживала его торговую деятельность.

Большой удельный вес в торговле сельскохозяйственными продуктами приходился на долю скупщиков-мещан, особенно жителей Слуцка, скупавших в фольварках феодалов, у земян и бояр, а также у крестьян значительные партии сельскохозяйственных продуктов и скота.

Местный рынок в Слуцком княжестве имел постоянные связи с местными рынками других районов Белоруссии, свидетельствующие о расширении внутреннего рынка.

Несмотря на господство фольварочно-барщинной системы, деревня втягивалась в товарно-денежные отношения с городом, а это постепенно вело к установлению постоянных связей Слуцка с окрестными селами и деревнями и укреплению сформировавшегося местного рынка в этом районе Белоруссии.

⁴⁹ ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 7395, лл. 134—139; д. 9790, лл. 165—167; д. 10728, лл. 137, 138; д. 10746, л. 104.

⁵⁰ Там же, ф. 737, оп. 1, д. 1, л. 291.

⁵¹ Список предметов дается на основании перечня профессий жителей Слуцка в инвентаре 1728 г. (ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1374, оп. 1, д. 5, лл. 4—40).

⁵² Я. Д. Исаевич. Город Дрогобыч в XVI—XVIII вв. Автореферат диссерт. Львов 1960, стр. 6, 8.

Д. М. Драгнев

АГРАРНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО К. МАВРОКОРДАТА И ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ МОЛДАВСКИХ КРЕСТЬЯН В СЕРЕДИНЕ XVIII В.

В середине XVIII в. в аграрных отношениях в Молдавии происходит ряд изменений, нашедших свое отражение в законодательстве. Некоторые из изданных тогда актов вызвали в исторической литературе обширную полемику и получили противоречивую оценку. В частности, до сих пор не выяснено до конца существо аграрного законодательства господаря Константина Маврокордата (правил в 1733—1735, 1741—1743, 1748—1749 и 1769 гг.), касавшегося положения крепостных крестьян («вечинов»), хотя этот вопрос и привлекал внимание многих историков, занимавшихся социальной историей Молдавии периода феодализма.

Дворянские и буржуазные историки, русские и румынские, рассматривали аграрное законодательство середины XVIII в. вне связи с развитием аграрных отношений в Молдавии. Они считали, что в принятом на «Великом собрании» в Яссах 6 апреля 1749 г. Уложении была «торжественно провозглашена» отмена крепостного права в Молдавии и бывшие крепостные стали с тех пор лично свободными людьми¹.

Тем не менее уже некоторые историки XIX в., учитывая современное им положение молдавских крестьян, сложившееся после издания Уложения 1749 г., приходили к выводу, что это законодательство не освободило крестьян, поскольку они оставались в тяжелой зависимости от феодалов-землевладельцев. Румынский революционный демократ Н. Бэлческу писал, что акт К. Маврокордата, «который объявил его (крестьянина. — Д. Д.) свободным, ничего не изменил в положении вещей», поскольку крестьяне не получили земли, а за пользование землей феодала были обязаны страбатывать 24-дневную барщину в году и вносить десятину со всех продуктов². «Крепостничество, — писал Н. Бэлческу, — будучи прямым следствием барщины, выражалось в непосредственной зависимости бедного крестьянина от своего хозяина... С сохранением барщины свобода крестьян делалась иллюзорной³. Антикрестьянским, «лживым» законодательством считали Уложение 1749 г. С. Палаузов, Э. Реньо, Г. Точилеску⁴ и др. Они отрицали вообще какие-либо изменения в правовом положении молдавских крестьян в связи с этим актом.

Вопрос о сущности аграрного законодательства середины XVIII в. был также поднят в работах современных румынских историков. Так, акад. А. Оцета в работе, посвященной «второму изданию крепостничества» в Молдавии и Валахии, отмечает, что К. Маврокордат «освободил «вечинов» в том смысле, что сделал их лично свободными, но без земли⁵. Об отмене вечинства в Молдавии К. Маврокордатом писали также Д. Миок, Х. Кирка и Шт. Штефэнеску в статье об эволюции феодальной ренты в Валахии и Молдавии с XV по XVIII в.⁶ Однако специальной работы об аграрном законодательстве в Молдавии в современной румынской историографии нет.

¹ А. Артемьев. Списки населенных мест Российской империи. Бессарабская область. СПб. 1861, стр. XXX; В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII в. и в первой половине XIX в., т. I. СПб. 1888, стр. 544; Z. Arbure. Basarabia în secolul XIX. Bucuresti 1898, p. 130; A. Papadopol-Kalimah. Desrobirea țăranilor în Moldova. — «Convorbiri literare» (Bucuresti), 1887, № 1—2; N. Iorga. Istoria Românilor, vol. VII. Bucuresti 1938, p. 149; C. Ciurescu. Istoria Românilor, vol. III, part. I. Bucuresti 1944, p. 264; I. Minea. «Reforma» lui Constantin Mavrocordat. Iasi 1927, и др.

² N. Bălcescu. Scrieri istorice, ed. II. Craiova, f. a., p. 126—127.

³ Там же, p. 127—128.

⁴ С. Палаузов. Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. СПб. 1859, стр. 142; E. Regnault. Histoire politique et sociale des Principautés Danubiennes. Paris 1855, p. 298; Gr. G. Tocilescu. Manual de istoria Românilor. Bucuresti 1900, p. 410.

⁵ A. Otetea. Trecerea de la feudalism la capitalism în Moldova si Tara Românească. — Studii si materiale de istorie medie, vol. IV. Bucuresti 1960, p. 339.

⁶ D. Mioc, H. Chirca et St. Ștefănescu. L'évolution de la rente féodale en Valachie et Moldavie. — Nouvelles études d'histoire, II. Bucarest 1960, p. 229.

В молдавской советской историографии исследуемый вопрос был затронут в курсе «Истории Молдавии» (автор главы — Н. В. Березняков) и в монографии Я. С. Гросула⁷. Не останавливаясь на разборе законодательства 1749 г., данные авторы уделили большее внимание его последствиям, подчеркивая при этом разницу между фактическим и юридическим положением крестьян.

Специальному рассмотрению аграрное законодательство К. Маврокордата было подвергнуто в недавно вышедшей статье Ф. А. Грекула⁸. В противовес мнению названных выше историков он утверждает, что и после издания Уложения оставалось в силе наименование крепостных «вечины», что они продолжали быть «фактически и юридически крепостными людьми, прикрепленными к земле и лично зависимыми от светских и духовных феодалов-землевладельцев»⁹. Ф. А. Грекул не рассматривает Уложение 1749 г. в связи с эволюцией аграрных отношений в Молдавии, не сравнивает фактическое и юридическое положение крестьян до и после этого законодательства. А между тем, законодательство К. Маврокордата вытекает из общей цепи развития аграрных отношений в Молдавии, и наша задача состоит в том, чтобы установить его место в этой цепи, ибо изолированное изучение его может привести к неверным выводам.

Рассмотрим причины, вызвавшие издание данного Уложения. Некоторые из них уже отмечались историками¹⁰, которые главной причиной издания Уложения 1749 г. считали значительное уменьшение к середине XVIII в. числа налогоплательщиков в Молдавии, а следовательно, и дохода казны господаря. Так, Г. Точилеску писал: «Этот акт о раскрепощении был простой фискальной мерой, которая повысила доход господаря»¹¹. В специальной монографии буржуазного историка И. Минья Уложение 1749 г. было объявлено плодом просвещенного абсолютизма К. Маврокордата, якобы заботившегося о благосостоянии крестьян¹². Современные румынские историки А. Оцетя, Д. Миок, Х. Кирка и Шт. Штефăнеску обратили внимание на решающую роль классовой борьбы в принятии Уложения 1749 г.¹³ Содержащиеся в этом акте положения, по мнению А. Оцетя, «были не простым фискальным мероприятием, как утверждалось прежде, а завоеванием крепостного крестьянства»¹⁴.

Менее изучены экономические предпосылки рассматриваемого законодательства. В историографии отмечался определенный рост производительных сил в Молдавии в середине XVIII в., развитие товарно-денежных отношений, рост некоторых городов¹⁵. Важным фактором, определившим характер аграрного законодательства середины XVIII в. в Молдавии, был и некоторый рост производства товаров сельского хозяйства на рынок. Так, наряду с данными о вывозе главной статьи молдавского экспорта — скота¹⁶, в середине XVIII в. встречается все больше сведений об экспорте зерна¹⁷. Встречаются также данные о поставках зерна на внутренние рынки страны¹⁸.

Однако производству зерна для рынка мешали носившие грабительский характер

⁷ История Молдавии, т. I. Кишинев 1951, стр. 279; Я. С. Гросул. Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.). Кишинев 1956, стр. 144.

⁸ Ф. А. Грекул. О «реформе» 1749 г. в Молдавии. — «История СССР», 1961, № 1.

⁹ Там же, стр. 74.

¹⁰ Gr. G. Tocilescu. Manual de istoria..., p. 404; R. Rosetti. Pămîntul, sătenii și stăpînii în Moldova. București 1907, p. 375—376; Gh. Papu. Cercetări asupra stării țăranilor în veacurile trecute, vol. I. București 1910, p. 308; N. Iorga. Cercetări istorice cu privire la viața agrară a Romînilor. București 1908, p. 33—37, и др.

¹¹ Gr. G. Tocilescu. Manual de istoria..., p. 110.

¹² I. Minea. «Reforma»..., p. 52—56.

¹³ A. Otetea. Trecerea de la feudalism..., p. 338; D. Mioc, H. Chirca et St. Ștefănescu. L'évolution de la rente..., p. 229.

¹⁴ A. Otetea. Trecerea de la feudalism..., p. 338.

¹⁵ Там же, p. 326—328; N. Corivan. Contribuții la obligațiile țăranilor din Moldova în prima jumătate a secolului al XVIII-lea. — «Studii și cercetări științifice», an. VIII, fasc. I. Iași 1957, p. 65; его же. Formele de aservire a țăranimii moldovene în sec. al XVII și începutul sec. al XVIII-lea. — «Studii și cercetări...», an. VII, fasc. I, 1956, p. 76; История Молдавии, т. I, стр. 258—268; И. А. Котенко, Н. А. Мохов, П. В. Советов. О тенденции роста народонаселения Молдавии в эпоху феодализма. — «Ученые записки ИИЯЛ МФ АН СССР», т. 6. Кишинев 1957, стр. 63—64.

¹⁶ См. Н. А. Мохов. К вопросу о соотношении земледелия и скотоводства в экономике Молдавии XIV—XVIII вв. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1960 г. Киев 1962, стр. 95—106.

¹⁷ Boscovich. Giornale di un viaggio da Costantinopoli in Polonia. — Uricarul, vol. XXIV, ed. II. Iași 1895, p. 289; S. Papacoste. Contribuție la problema relațiilor agrare în Tara Românească în prima jumătate a veacului al XVIII-lea. — Studii și materiale de istorie medie, vol. III. București 1959, p. 240; G. Georgescu-Buzău. Descompunerea feudalismului și începuturile capitalismului în Tara Românească și Moldova. București 1949, p. 8.

¹⁸ N. Iorga. Istoria comerțului românesc, vol. II. București 1925, p. 25.

обязательные поставки его в Турцию. Зерно, принудительно поставляемое Порте, оплачивалось всегда по пониженной цене¹⁹. Упадок сельскохозяйственных районов вокруг Константинополя, а также прекращение в это время ввоза хлеба в Турцию из Египта²⁰ привели к росту обязательных поставок зерна Дунайскими княжествами для Порты, причем, помимо обеспечения Константинополя, княжества в первой половине XVIII в. были обязаны поставлять зерно для турецких гарнизонов в Очакове, Белграде и др.²¹ От своевременной поставки зерна зависела судьба господаря, которого Порта в любой момент могла сместить с престола. В связи с этим господарь принимал чрезвычайные меры: при закупке зерна для Порты на внутреннем рынке к турецким ценам за счет государственной казны давались надбавки²², а иногда господарь прибегал к закупкам зерна в соседних странах²³.

Рост спроса на зерно на внутренних рынках заставлял иногда господаря издавать распоряжения, устанавливавшие льготы для продавцов «пшеницы, ячменя, ржи, проса и различной муки»²⁴ на базарах в Яссах и других городах.

Следовательно, необходимость увеличения количества зерна, доставлявшегося на внутренние и внешние рынки, и даже в какой-то мере острая нужда господарей в зерне для поставки Порте заставляли их принимать меры по производству большего количества зерна в стране, а законодательство господарей должно было соответствовать интересам крупных производителей зерна.

К XVIII в. происходят значительные изменения в составе господствующего класса. Во время своего второго правления в Молдавии (1741—1743 гг.) К. Маврокордат уравнил мелких служилых людей (каларашей, дорабанов, хынсарей и др.) с податным крестьянством, ликвидировав тем самым последние остатки военных сил страны²⁵. После этого служилые люди встречаются лишь в составе незначительных полицейских сил.

Не остается без изменения и боярская прослойка. В литературе уже обращалось внимание на разорение местного, молдавского потомственного боярства. К первой половине XVIII в. потомки прежних «великих бояр» перешли в основном в сословие низших представителей господствующего класса — «мазылов»²⁶. Молдавский летописец конца XVII — начала XVIII в. Ник. Костин замечает по этому поводу: «С тех пор угасли почти все боярские роды»²⁷. Их место начинает занимать поднимающееся новое боярство — местное, но главным образом — пришлое, более предприимчивое, добивавшееся высоких государственных постов и расширения земельных владений путем покупки земли у разорившихся представителей старой знати и у свободных крестьян. Владения боярских родов Стурдза, Балш, Кантакузино, Русет (Росетти) и др. уже не были разбросаны по всей стране, подобно владениям большей части крупных бояр XVII в., а составляли компактные земельные массивы. Села, включенные в такие массивы, «насиленно перемещались и группировались вокруг барской усадьбы (куртя), которая давала название всему комплексу»²⁸. Это явление, начавшееся в первой половине XVIII в., получило большее развитие к концу его и в начале XIX в.²⁹

При возросшей роли земледелия в сельском хозяйстве страны естественным было стремление крупных бояр к увеличению повинностей крестьян, связанных, как явствует из закона от 1 января 1766 г., в значительной мере с земельными работами³⁰. Все это говорит в пользу того, что землевладельцы были заинтересованы в увеличении производства зерна.

Составленные из земельных участков, приобретенных у представителей разорившейся знати, от которой разбежалась большая часть крепостных крестьян³¹, а также

¹⁹ M. Alexandrescu-Dersca. Contribution à l'étude de l'approvisionnement en blé de Constantinople au XVIII-e siècle. — *Studia et acta orientalia*, I. Bucarest 1958.

²⁰ P. Masson. Le commerce français dans le Levant au XVIII-e siècle. Paris 1911, p. 313.

²¹ S. Papacostea. Contributie la problema ..., p. 338.

²² N. Iorga. Studii si documente, vol. VI. Bucuresti 1904, p. 332.

²³ M. Alexandrescu-Dersca. Contribution a l'étude ..., p. 21; S. Papacostea. Contributie la problema ..., p. 239.

²⁴ N. Iorga. Studii si documente, vol. VI, p. 229.

²⁵ См. П. В. Советов. Условное землевладение в Молдавии XVI—XVIII вв. и его отличие от других стран Восточной Европы. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1958 г. Таллин 1959, стр. 128—140; A. D. Xenopol. Istoria Romînilor din Dacia Trăiană, vol. IX. Bucuresti, f. a., p. 76—80.

²⁶ R. Rosetti. Pămîntul, sătenii ..., p. 245—251; I. Minea. «Reforma» ..., p. 87—94; C. Giurescu. Studii de istorie socială. Bucuresti 1943, p. 235—242.

²⁷ M. Kogălniceanu. Cronicile Romîniei, vol. II. Bucuresti 1872, p. 23.

²⁸ R. Rosetti. Pămîntul, sătenii ..., p. 307—312.

²⁹ Там же, p. 311; A. Otetea. Trecerea de la feudalism ..., p. 350—352.

³⁰ Acte si legiuiri, vol. I. Bucuresti 1907, p. 28.

³¹ О постоянных тяжбах по поводу бегства крепостных от мазылов в начале XVIII в. см. В. П. Коробан, Е. М. Руссев. Летописец Ион Некулче. Кишинев 1958, стр. 96; I. Minea. «Reforma» ..., p. 109—111.

из участков свободных крестьян, где совсем не было крепостных, земельные владения новых бояр испытывали недостаток рабочих рук. Отсюда и вытекали аграрные мероприятия правительства, целью которых было привлечение крестьян в эти владения³².

Итак, одним из мотивов, определивших издание Уложения 1749 г. и все аграрное законодательство XVIII в., являлась необходимость обеспечения крупных землевладельцев рабочими руками. Другой причиной «реформ» господарей было стремление прекратить массовое бегство крестьян из-за тяжелых налогов, жестоких методов их взыскания и бесчисленных притеснений со стороны бояр. До нас дошла так наз. «Книга приказов» господаря К. Маврокордата за 1741—1742 гг., из которой видно, что ежемесячно из каждого уезда убегало от 20 до 60 человек³³, в результате чего бояре оставались вообще без рабочих рук, а государство — без налогоплательщиков.

Для понимания существа мероприятий, предусмотренных Уложением 1749 г., необходимо рассмотреть положение молдавских крестьян в конце XVII — середине XVIII в. и их классовую борьбу, послужившую непосредственным толчком к изданию исследуемых законов.

Документы конца XVII — первой половины XVIII в. содержат сведения о феодально зависимых и о свободных крестьянах — мелких земельных собственниках³⁴. Феодально зависимое сельское население состояло из крепостных крестьян — «вечин»³⁵, лично зависимых от землевладельцев и лишенных права перехода, и «латурашей» — безземельных крестьян, имевших право перехода. Особняком стоит категория холопов-цыган, рабское положение которых почти не менялось на протяжении всего средневековья. Уложение 1749 г. также не предусматривало для них никаких изменений.

Прежде чем перейти к характеристике положения категорий крестьян, которых касалось Уложение 1749 г., необходимо выяснить сущность некоторых терминов.

Много путаницы происходит от неправильного понимания термина «царанин». Г. Пану, И. Перец, И. Шлаен и др.³⁶ полагают, что под этим названием выступала до 1749 г. категория феодально зависимых крестьян, имевших право перехода. По мнению Н. В. Беззязкова, этот термин появился только после 1749 г. для обозначения бывших вечин³⁷. Однако Ф. А. Грекул указал на существование термина «царанин» и до 1749 г.³⁷, но он доказывал, что этим термином обозначали только крепостных крестьян³⁸. А между тем, из многих документов видно, что до 1749 г. термин «царанин» имел более широкое значение. Царанами являлись и крепостные крестьяне (вечины), и крестьяне, имевшие право перехода (латураши), и свободные крестьяне — мелкие земельные собственники³⁹. Этим термином обозначалось все податное крестьянское

³² Вопросам регламентации барщины, возврата беглых или привлечению крестьян в монастырские вотчины были посвящены законы К. Маврокордата от 12 января 1742 г., 1743 г., а также закон от 15 января 1744 г. и др. (*Acte si legiuri*, vol. I, p. 17—21).

³³ N. Iorga. *Studii si documente*, vol. VI, p. 209—451.

³⁴ В литературе эта категория известна под названием «резеши», хотя этот термин имел более широкий смысл (см. П. Г. Дмитриев. Речесемителе популяций дин Молдова ын аний 1772 ши 1774. — В кн.: *Вековая дружба. Кишинев 1961*, стр. 250).

³⁵ Gh. Pănu. *Cercetări asupra stării ...*, vol. I, p. 143—151; I. Peretz. *Curs de istoria dreptului român*, vol. IV. Bucuresti 1931, p. 192; И. Шлаен. Категории молдавских крестьян в XVII в. — «Ученые записки КГПИ», т. IV. Кишинев 1955, стр. 89—91, и др.

³⁶ История Молдавии, т. I, стр. 280.

³⁷ Ф. А. Грекул. О «реформе» 1749 г. в Молдавии, стр. 73, 76.

³⁸ Там же, стр. 80.

³⁹ Так, в грамоте от 25 июня 1669 г. находим «царан, которые будут латурашами» (A. V. Sava. *Documente privitoare la tirgul si tinutul Lăpșnei*. Bucuresti 1937, p. 111). В документе 1733 г. сказано: «бывшие в селе царане записались в калараша, и никто не остался царанином» (T. Balan. *Documente bucovinene*, vol. IV. Cernăuți 1938, p. 112—113). А ведь известно, что крепостные не имели права записываться в служилое состояние. Далее в документе указывается, что господарь разрешил владельцу села «собрать некоторых царан — или чужих людей, или вечин» (там же, p. 113). Здесь понятие «царанин» оказывается шире понятия «вечин». В межевой записи от 1765 г. указывается на произведенное боярами межевание в селе, принадлежащем «резешам-царанам из Негоешты» (Uricarul, vol. XIV, ed. II. Iasi 1889, p. 374—379). О более широком смысле термина «царанин» см. также документы от 5 ноября 1730 г. (*Surete si izvoade*, vol. V. Iasi 1908, p. 44), 15 апреля 1732 г. (Biblioteca Centrală de Stat, Bucuresti — BCS, fil. N. Bălcescu, f. Georges, pach. CCLXXXVI, dos. 12, doc. 32), 1742 г. (N. Iorga. *Studii si documente*, vol. VI, p. 365). (Большинство документов, оригиналы которых хранятся в архивах Румынской Народной Республики, были нам любезно предоставлены П. В. Советовым, за что считаем своим долгом выразить ему благодарность.)

сословие страны, которое платило государству «даждия цэрэньяскэ»⁴⁰, в отличие от бояр, вовсе освобожденных от налогов, или от служилых сословий, плативших более легкую «даждия курэньяскэ», «даждия мазыляскэ»⁴¹ и др.

В тексте закона 1749 г. речь идет о крестьянах-вечинах и латурашах. Необходимо уточнить их положение. Известно, что вечины были в Молдавии наиболее многочисленной категорией крестьян. В литературе уже были показаны пути превращения в вечинов ранее свободных крестьян или феодально зависимых крестьян, имевших право перехода. Отмечено также ухудшение в конце XVII — первой половине XVIII в. положения вечинов, которых феодалы низводили до состояния холопов-цыган⁴². Об этом идет речь и в самом тексте закона 1749 г.⁴³ В документах даже появляется формулировка «чтобы были те вечины ему рабами»⁴⁴. Хотя по обычаю женщины не считались крепостными, все же к концу XVII в. и этот обычай стал нарушаться: упоминаются случаи продажи вечинов «с их женами и с их детьми»⁴⁵.

В литературе до сих пор не установлена величина барщины, которую выполняли вечины в пользу феодалов. Очевидно, она не была регламентирована⁴⁶. Однако ее пределом служил обычай, о чем говорят документы о тяжбах крестьян с землевладельцами — нарушителями обычая⁴⁷. Так, в 1742 г. жители с. Балцаташты жаловались на боярина И. Кантакузино, который угнетал их барщиной сверх обычая. Господарь постановил, что, когда вечины «увидят, что от них требуют больше, чем у других бояр, сверх обычая, пускай придут ко мне с письмами»⁴⁸. Только в редких случаях барщина регламентировалась. Так, в грамоте от 24 июля 1670 г. для вечинов с. Чорбешты, принадлежавшего Бырновскому монастырю, была установлена ежегодная 24-дневная барщина⁴⁹.

Стремление феодалов к низведению вечинов до положения рабов-холопов вызвало реакцию крепостных, выражавшуюся в усилении классовой борьбы⁵⁰.

Новым фактором в классовой борьбе крестьян этого времени было значительно распространившееся стремление к выходу из состояния вечинов. Это стремление нашло выражение в бесконечных судебных тяжбах некогда свободных крестьян, разными путями попавших в категорию вечинов и добивавшихся перехода на положение латурашей. Если требование вечинов не удовлетворяли (а это случалось чаще всего), то они с приходом нового господара возобновляли тяжбу. Так, в 1660 г. жители с. Костешты возобновили тяжбу перед господарским судом, требуя освобождения их из крепостного состояния. В грамоте указывалось, что вечины судились по этому поводу и при других господах. Однако и на этот раз они проиграли процесс⁵¹.

⁴⁰ В 1712 г. господарь Ник. Маврокордат писал, что при предыдущем господае Михаиле Раковиче «ни мазылы, ни другие служилые не обособлялись и не различались от царан» (Uricarul, vol. V, ed. I. Iasi 1862, p. 248). Это не означало, что служилые сословия смешивались с крепостными, — это значило лишь, что они «платили, как царане» (там же), т. е. платили крестьянский налог. То же самое читаем и в документе от 30 июля 1728 г., где господарь Гр. Гика, определяя государственные повинности различных категорий служилых людей, отмечает, что, если кто-либо из них скроет количество скота, которым он владеет, «его имя будет вычеркнуто из моего установленного помплования и он и весь его род навсегда останутся царанами» (Uricarul, vol. I, ed. II. Iasi 1873, p. 52—53). Из документа яствует, что этот служилый человек не переводится в крепостные, а лишается определенных привилегий и прикрепляется к податному крестьянству. В одном более раннем документе, от 1680 г., господарь Дука велит сборщикам податей «не трогать, как царанина», господарева слугу Михалаки (Surete si izvoade, vol. XXII. Iasi 1929, p. 35). В другой грамоте, от 4 февраля 1742 г., господарь К. Маврокордат приказывает, чтобы Василия Кракалю и некоторых других «сняли с дажде (т. е. чтобы они не платили «даждия цэрэньяскэ». — Д. Д.) ... и ввели в категорию служилых, и с царой (т. е. царанами. — Д. Д.) чтобы не были» (N. Iorga. Studii si documente, vol. VI, p. 277—278). Следовательно, не быть царанином означало не платить «даждия цэрэньяскэ», а термином «царанин» обозначали всех крестьян, плативших крестьянский налог. Термины «цэрэний тоць», «цара» в смысле всего податного крестьянства довольно часто употреблены в «Книге приказов» К. Маврокордата за 1741—1742 гг. (N. Iorga. Studii si documente, vol. VI, p. 209—451).

⁴¹ Surete si izvoade, vol. VIII. Iasi 1913, p. 900; N. Iorga. Studii si documente, vol. VI, p. 340, 385.

⁴² N. Corivan. Formele de aservire ..., p. 79—87; A. Otetea. Trecerea de la feudalism ..., p. 232—236.

⁴³ Acte si legiuri, vol. I, p. 22—23.

⁴⁴ Academia RPR, pach. DCXCVI, doc. 1; Uricarul, vol. XVII, ed. II. Iasi 1891, p. 196.

⁴⁵ Arhivele Statului, Iasi (далее — ASI), dos. CCCXXXIX/2, p. 772.

⁴⁶ Д. Кантемир. Описание Молдовы. Кишинэу 1957, п. 171.

⁴⁷ Обычаем считался определенный, установившийся за период жизни нескольких поколений комплекс работ, подлежащих выполнению в хозяйстве феодалов.

⁴⁸ N. Iorga. Studii si documente, vol. VI, p. 338.

⁴⁹ Uricarul, vol. V, p. 233—234.

⁵⁰ N. Corivan. Formele de aservire ..., p. 86—92.

⁵¹ Arhivele Statului, Bucuresti (далее — ASB), M-reia Soveja, № 656, f. 62 v.

Другой, весьма распространенной формой классовой борьбы крестьян было их бегство. Об этом свидетельствуют многочисленные господарские приказы о сыске беглых. В конце XVII — начале XVIII в. запустение целых селений становится обычным явлением⁵². Особенно массовым было бегство крестьян за рубеж — в Валахию, на Украину⁵³ и др. К середине XVIII в. бегство крестьян достигло еще большего размаха. Так, к августу 1742 г. в стране числилось 4568 беглых налогоплательщиков, а между 1743 и 1753 гг. численность налогоплательщиков в Молдавии снизилась с 50 тыс. до 18 тыс. человек⁵⁴.

Широко распространяются в изучаемое время и такие формы классовой борьбы, как отказ от выполнения повинностей, поджоги имущества феодалов, гайдучество и др.⁵⁵

Увеличение числа побегов крестьян, а в связи с этим и угроза запустения целых районов страны, обострение других форм классовой борьбы заставили господаря пойти на чрезвычайные меры. 25 марта 1742 г. К. Маврокордат отдал распоряжение, чтобы вечины, «бежавшие раньше нашего господствования» в Хотинскую раю, могли свободно возвращаться. При этом они на несколько месяцев освобождались от налогов, и, кроме того, «те, которые были раньше вечинами, не будут больше зависеть от своих прежних владельцев, и никто не снимет их с того места, где они поселятся»⁵⁶. Более важное значение имеет указание, содержащееся в акте К. Маврокордата от 12 января 1742 г., что поселившиеся на монастырской земле вновь прибывшие чужие люди, «как бы много их ни приходило... чтобы никогда не становились вечинами». В 1743 г. это постановление повторяется и в отношении боярских имений, причем указывается, что впредь вечинами остаются «лишь те, кто был ими раньше»⁵⁷. Этим распоряжением подрывались корни дальнейшего развития института вечинства.

Перечисленные мероприятия свидетельствуют о том, что классовая борьба крестьян заставляла господствующие классы принимать более радикальные меры для привлечения крестьян в хозяйства феодалов и увеличения числа налогоплательщиков. Последовавшее вскоре Уложение 1749 г., отменившее вообще название «вечины», не было чем-то неожиданным. Оно узаконило то, что происходило в жизни, — уравнивание положения вечинов и латурашей. Остановимся на положении последних.

Известно, что в конце XVII в. в Молдавии начал устанавливаться обычай, что любой безземельный крестьянин, просидевший на земле феодала более 12—20 лет, должен стать вечином⁵⁸, т. е. терять право перехода. Однако, несмотря на этот обычай, во второй половине XVII в. встречаются феодально зависимые крестьяне, имевшие право перехода. Так, в 1663 г. господарь Евстратий Дабижа разрешил людям с. Ганешты уйти, куда они пожелают, но только после уплаты всех налогов⁵⁹. Феодально зависимые крестьяне, не являющиеся вечинами, встречаются и во многих других документах⁶⁰.

Как же сохранялись латураши—крестьяне, имевшие право перехода, — при отмеченном выше обычае закрепощать безземельных крестьян? Очевидно, они должны были иметь значительную питательную почву. Действительно, на протяжении всего XVII в. происходит массовая экспроприация крестьян — мелких земельных собственников. Феодалы отбирали земли крестьян, проникая в свободное село путем принудительных скупок, обмана и т. д.⁶¹ Лишенные земли крестьяне становились чаще всего латурашами. Кроме того, в число латурашей попадали также разорившиеся мелкие служилые люди⁶². На положение латурашей переходили и освобожденные своими владельцами вечины⁶³.

К середине XVIII в. наблюдается значительное увеличение численности латурашей. Это было связано, во-первых, с ликвидацией К. Маврокордатом сословия мел-

⁵² ЦГАДА, ф. 1299, оп. 1, д. 244, лл. 356—373; Surete si izvoade, vol. V, p. 181.

⁵³ Е. М. Руссев. Молдавия. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М. 1955, стр. 721.

⁵⁴ А. С. C a m a r i a n o - C i o r a n. Rapoartele inedite ale capuchehaielelor lui C. Mavrocor-dat. — «Studii» (revistă de istorie), 1961, № 4, p. 964.

⁵⁵ N. I o r g a. Studii si documente, vol. VI, p. 336, 345—346; Academia RPR, Ms. 237, f. 181 v.; Surete si izvoade, vol. VIII, p. 72—73; см. X. L i s k e. Cudzoziemcy w Polsce. Lwów 1876, а также материалы «Книги приказов» К. Маврокордата за 1741—1942 гг. (N. I o r g a. Studii si documente, vol. VI, 209—451).

⁵⁶ N. I o r g a. Studii si documente, vol. VI, p. 347.

⁵⁷ Acte si legiuri, vol. I, p. 18.

⁵⁸ M. K o g a l n i c e a n u. Cronicele României, vol. II, p. 41; R. R o s e t t i. Pămîntul, sătenii ..., p. 264.

⁵⁹ N. I o r g a. Studii si documente, vol. VI, p. 84.

⁶⁰ См. грамоты от 30 апреля 1657 г. (N. I o r g a. Studii si documente, vol. VI, p. 142), от 1663 г. (A. V. S a v a. Documente ... Lăpusnei, p. 111), от 21 июля 1678 г. (T. B u l a t. Documentele mănăstirii Văratec. Chisinau 1939, p. 23—24).

⁶¹ История Молдавии, т. I, стр. 179—180; И. Шлаен. Категории молдавских крестьян в XVII в., стр. 87—88.

⁶² П. В. Советов. Условное землевладение в Молдавии..., стр. 135.

⁶³ См. документы от 1655 г. (ASL, dos. CCCXXXIX/1, p. 297), от 1701 г. (BCS, fil. N. Bălcescu, f. Georges, pach. CCCLXXI, dos. 11, doc. 5) и др.

ких служилых людей (каларашей, доробанов и др.). Многочисленные безземельные служилые люди оставались на землях феодалов и превращались в латурашей. Латурашами становились также возвратившиеся из-за границы беглые крестьяне⁶⁴. Чаще происходят в это время случаи освобождения вечинов их владельцами и превращения этих бывших вечинов в латурашей⁶⁵. К увеличению численности латурашей привели и законы К. Маврокордата от 1742 и 1743 гг., запрещающие превращать в крепостных вновь поселявшихся на землях феодалов чужих людей⁶⁶.

Увеличение числа латурашей с 40-х годов XVIII в. нашло свое отражение и в актовом материале. В этих источниках встречаются свидетельства властей о том, что те или иные феодально зависимые крестьяне не являются вечинами, судебные тяжбы латурашей с землевладельцами, стремящимися превратить их в крепостных, разрешения на переселение латурашей в другие села⁶⁷, соглашения о замене барщины деньгами, а также частные соглашения латурашей с землевладельцами о размерах барщины⁶⁸. Доказательством увеличения числа латурашей является появление в рассматриваемый период специальных законодательных актов, касающихся этих крестьян. Так, в акте К. Маврокордата от 12 января 1742 г. устанавливалась 12-дневная барщина в году для латурашей монастырских вотчин. Это установление было повторено в законах от 1743 г. и 15 января 1744 г.⁶⁹ Регламентация барщины латурашей в монастырских вотчинах в соответствии с этими законами нашла свое отражение и в актовом материале⁷⁰. В документах этого времени содержится также сведения об ограничении законодательным путем барщины латурашей в боярских вотчинах 6 днями в году, хотя соответствующий акт до нас не дошел⁷¹.

Разница между количеством барщинных дней, которые должны были отрабатывать латураши в боярских и монастырских вотчинах, а особенно различие между юридическим положением вечинов и латурашей постоянно давали повод для бегства крестьян во владения, где барщина была меньше. Фискальной реформой 1741—1742 гг. К. Маврокордат попытался приостановить бегство крестьян из-за тяжелого налогового гнета. Нивелировкой правового положения различных категорий феодально зависимых крестьян центральная власть стремилась устранить другой фактор, вызывавший бегство крестьян. Предоставление же им ограниченного права перехода позволяло крупным землевладельцам привлекать больше рабочих рук на свои, чаще всего недавно сколоченные, округленные земельные массивы.

В этих условиях 6 апреля 1749 г. в Яссах, в монастыре Трех святителей, состоялось «Великое собрание» Молдавии, на котором в ответ на запрос господаря о правовом положении вечинов было установлено: «вечины не рабы, и ими не владеют, как рабами, потому что рабами являются только цыгане, которые вместе с женами и детьми служат во все дни своим хозяевам. Что касается вечинов, то служит только один человек мужского пола, сколько бы сыновей ни было в семье. Они служат, как и латураши, а женщины не служат и не подчинены, как рабы, потому что вечин — это сельский сосед — житель без земли. Он ограничен только тем, что не имеет права уйти из села, согласно приказу господаря и Вистерии (казначейства) и согласно правилам, которые приказывают, чтобы селянин не имел права уйти из села. А если он уйдет, то будет возвращен назад. Это установление было сохраняемо древними господарями, как это видно из их хрисовов: когда судились два села из-за какого-либо селянина, то, установив, где он был коренным жителем, туда его и отправляли»⁷². Далее в Уложении описывались злоупотребления землевладельцев, которые низводили вечинов до положения холопов-цыган, и постановлялось: «чтобы впредь никто не имел над селянином такой власти, поскольку подобное не полагается. А когда будет продана какая-либо вотчина, то людей чтобы не продавали, а чтобы они, как обычные жители сел, оставались в них, исполняя службу, которая будет по обычной норме — 24 дня для каждого человека в селе, на какую бы работу его ни поставили, и десятину чтобы отдавал... от имения»⁷³.

О решении «Великого собрания» от 6 апреля 1749 г. мы знаем и из изложения

⁶⁴ N. Iorga. Studii si documente, vol. VI, p. 347.

⁶⁵ См. документы от 1705 г. (BCS, fil. N. Bălcescu, f. Kogălniceanu, pach. XLVIII, dos. 9, doc. 22), от 1709 г. (ASB, Ms. 628, f. 90 v.), от 8 октября 1734 г. (N. Iorga. Studii si documente, vol. V. Bucuresti 1903, p. 164).

⁶⁶ Acte si legiuri, vol. I, p. 18.

⁶⁷ N. Iorga. Studii si documente, vol. VI, p. 211, 348; Uricarul, vol. II, ed. II. Iasi 1873, p. 247—249; Academia RPR, Ms. 237, f. 302.

⁶⁸ ASB, M-rea Sf. Sava-Iasi, pach. XXXIV, doc. 41; N. Iorga. Studii si documente, vol. VI, p. 230.

⁶⁹ Acte si legiuri, vol. I, p. 18—21.

⁷⁰ См. документы от 22 сентября 1741 г. (ASB, M-rea Sf. Sava-Iasi, pach. XXIV, doc. 41), от 24 апреля 1742 г. (ASB, M-rea Barnovschi, pach. I, doc. 30), от 24 июля 1742 г. (Academia RPR, Ms. 13, f. 67), от 14 августа 1742 г. (N. Iorga. Studii si documente, vol. VI, p. 99) и др.

⁷¹ N. Corivan. Formele de aservire..., p. 83.

⁷² Acte si legiuri, vol. I, p. 22.

⁷³ Там же.

летописца-современника «псевдо»-Енаке Когыльничану, описавшего события за 1733—1774 гг. У летописца находим слова, которых нет в акте: «Тогда господарь приказал, чтобы вечинов впредь не было, а жители за то, что сидят в боярских селах и кормятся там, чтобы отрабатывали по 24 дня барщины в году — летом и зимой — или чтобы уплатили по два лея с дома и работали по 12 дней в году летом и зимой»⁷⁴.

Многие историки, хотя они и знали о том, что решение «Великого собрания» от 6 апреля 1749 г. дошло до нас в двух изложениях, не сравнивали их. Они лишь утверждали, что на этом соборе было отменено крепостное право⁷⁵. Другие же, не находя в дошедшем до нас тексте прямого указания на отмену вечинства, излагали решение собора только по летописцу, у которого подобные указания имеются⁷⁶.

На противоречие между двумя изложениями содержания решения «Великого собрания» от 6 апреля 1749 г. не обратил внимания и Ф. А. Грекул, который, анализируя дошедший до нас акт, доказывал, что и после издания этого закона молдавские крестьяне, «будучи фактически и юридически крепостными людьми, прикрепленными к земле и лично зависимыми от светских и духовных феодалов-землевладельцев, продолжали оставаться таковыми»⁷⁷.

Р. Росетти отметил противоречие между дошедшим до нас актом, где об отмене вечинства ничего не говорится, и современными источниками, в которых после 1749 г. термин «вечин» постепенно выходит из употребления⁷⁸. Пытаясь разрешить это противоречие, некоторые авторы выражали мнение, что Уложение отменяло институт вечинства косвенным путем, давая такую формулировку сущности вечинства, что вечины фактически приравнивались к латурашам⁷⁹. Было высказано также предположение, что, хотя в самом тексте Уложения не говорилось об «освобождении» вечинов, все же борьба крестьян заставила бояр трактовать акт 1749 г. именно в таком смысле⁸⁰.

Ни один из исследователей, занимавшихся анализом данного источника, не обратил внимания на то, что акт 1749 г. дошел до нас в поврежденном виде, с лакуной. Никто не попытался сопоставить этот документ с другими. Между тем, такое сопоставление возможно, так как последующие законодательные акты XVIII и XIX вв. многократно ссылались на Уложение 1749 г. Это говорит о большом его влиянии на юридическое оформление положений крестьян.

Ссылки на Уложение 1749 г. находим и в других документах. Так, в обращении великих бояр к господарю Григорию Гике от 3 июня 1765 г. по поводу неповиновения жителей села Радашаны Слатинскому монастырю говорилось: «...а его величеством Константином Маврокордатом отменено вечинство и поэтому игумен... не облагал их больше как вечинов... и они жили, как жители других сел»⁸¹. В более ранней грамоте (1761 г.) говорится о послушниках монастыря Бисерикань, освобожденных от «вечинства»⁸². В решении молдавского Дивана от 1775 г. было записано: «В дни правления счастливого быть упомянутым Константином Маврокордата было решено господарским приказом, чтобы впредь никто из жителей Молдавии не был вечином, а чтобы все имели вольную свободу («волника слобозение»), как это и полагается»⁸³. Следовательно, современные источники позволяют нам восстановить пункт об отмене названия «вечины» в Уложении 1749 г.

Характерно, что после 1749 г. термин «вечин» в Молдавии встречается лишь изредка на протяжении лет десяти, после чего совершенно исчезает из актового материала. Это еще раз доказывает, что в полном тексте закона 1749 г. был пункт об отмене названия «вечины», и мы имеем еще один довод за то, что летописец правильно излагает текст документа.

Проведение нового закона в жизнь проходило в условиях острой борьбы. Часть боярства встретила Уложение 1749 г. враждебно и не желала его выполнять⁸⁴. Со своей стороны, крестьяне также не были удовлетворены новым положением. Во всяком случае, своей упорной борьбой они не дали феодалам удержать их в прежнем состоянии.

⁷⁴ M. Kogălniceanu. *Cronicele României*, vol. III. Bucuresti 1903, p. 214.

⁷⁵ A. Papadopol-Kalimah. *Desrobirea țăranilor...*, p. 105—123; D. Onciul. *Din istoria României*. Bucuresti 1913, p. 91—92 и др.

⁷⁶ Gh. Panu. *Cercetări asupra stării...*, p. 309—312; I. Minea. «Reforma»..., p. 126—130.

⁷⁷ Ф. А. Грекул. О «реформе» 1749 г. в Молдавии, стр. 74.

⁷⁸ R. Rosetti. *Pămintul, sătenii...*, p. 375—376.

⁷⁹ I. Filitti. *Proprietatea solului în Principatele Române pînă la 1864*. Bucuresti 1935, p. 222—223; A. Otetea. *Trecerea de la feudalism...*, p. 237.

⁸⁰ C. C. Giurescu. *Istoria Românilor*, vol. III, part. I, p. 264; A. Otetea. *Trecerea de la feudalism...*, p. 237.

⁸¹ Uricalur, vol. X, ed. II. Iasi 1888, p. 134. — То же самое повторено в грамоте от 2 декабря 1767 г. (там же, p. 197).

⁸² ASB, M-rea Bisericanî, pach. X, doc. 19.

⁸³ Acte si legiuri, vol. I, p. 33.

⁸⁴ См. I. Minea. «Reforma»..., p. 40.

В решении Дивана от 1775 г. сказано: «впоследствии со временем было вычеркнуто название вечинство и те, что именовались вечинами, остались в таком же положении, что и другие жители. Некоторые же из них начали вообще не выполнять положенную в году службу землевладельцам; а некоторые из владельцев заставляли их работать сверх установления»⁸⁵.

Однако, помимо самого факта отмены названия «вечины», важно также определить, как изменилось правовое положение крестьян после 1749 г.

В дошедшей до нас части текста Уложения отменялось прикрепление крестьянина к личности феодала. Остается выяснить, как обстояло дело в отношении его прикрепления к земле. Отмена названия «вечины», а следовательно, и прикрепления крестьян к личности феодала привела к слиянию вечинов и латурашей, которые в документах после 1749 г. все фигурируют под названием «люди, поселенные на владельческой вотчине» («оамень шезэтор пе моший стэпынешть»)⁸⁶. Ранее так именовались в отдельных случаях лишь латураши.

Известно, что фискальная реформа К. Маврокордата, проведенная в Молдавии в 1741—1742 гг., помимо прочего предусматривала, чтобы ни один налогоплательщик «отныне не переходил из одного села в другое»⁸⁷. Списки жителей («табла»), составленные во всех селах, передавались в Вистерию (казначейство), и согласно им раскладывались подати. После этого постановления крестьянин-латураш, который ранее, расплатившись с землевладельцем и внеся государственные налоги, мог перейти в другое село, теперь для такого перехода должен был получить специальное разрешение властей⁸⁸.

Это постановление, сохранявшее силу на протяжении всего XVIII в. и начала XIX в., распространялось на всех крестьян и значительно затрудняло их переход, а в некоторых случаях делало его невозможным. Крестьянин, даже расплатившийся с землевладельцем, не подлежал возврату лишь в том случае, если он имел разрешение властей на уход в новое место или во время переписи успевал записаться там.

Право перехода молдавских крестьян на другое место во второй половине XVIII в. при наличии соответствующего разрешения властей засвидетельствовано, по нашему мнению, в материалах переписи населения Молдавии от 1774 г. Так, например, при проведении переписи жителей с. Фламында указывалось, что туда пришли и некоторые люди из с. Владень «и поселились согласно разрешению Дивана»⁸⁹. В ордере фельдмаршала П. А. Румянцева от 10 января 1771 г. главе русской администрации в Дунайских княжествах Римскому-Корсакову указывалось, что «свободный переход с места на место поселен долженствует остаться по силе прежних о том установлений», причем чтобы впредь «поселянин, желающий оставить свое жилище, дал знать о том помещику, землей которого он пользуется, а помещик, ежели на нем никаких законных претензий не имеет, обязан дать ему свидетельство, по которому уже исправник... даст ему оное... для свободного проезда»⁹⁰.

Существовавшее уже до 1812 г. право перехода молдавских крестьян нашло свое подтверждение в Уставе по управлению Бессарабской областью 1818 г., где указывалось, что «царане сохраняют право перехода с земель одного владельца на землю другого»⁹¹. Еще в рапорте бессарабского губернатора С. Д. Стурдзы от 1812 г. на имя главнокомандующего Молдавской армией П. В. Чичагова содержалось мнение, что не следует «возрождать» в Бессарабии «людей, подлежащих крепостному владению», поскольку «коренные жители, которые, предпочитая во всяком случае свободное состояние, конечно, тогда более имеют побуждение к побегам за границу»⁹². Мнение С. Д. Стурдзы было принято царским правительством и нашло отражение в «Записке, служащей полномочному наместнику руководством к образованию Бессарабской области», утвержденной Александром I⁹³.

Все изложенное позволяет нам не согласиться с мнением Ф. А. Грекула о том, что «Органический регламент» 1831—1832 гг. «впервые после «Уложения» 1646 г. предоставил крестьянам право (хотя и очень ограниченное) перехода от одного владельца к другому»⁹⁴. В «Органическом регламенте» лишь подтверждалось существовавшее и до его издания ограниченное право перехода крестьян.

Во второй половине XVIII в. молдавские крестьяне, выполняя обременительную барщину и другие феодальные повинности, фактически обычно не имели возможности покинуть свое село, но формально у них было ограниченное право перехода. Сохра-

⁸⁵ Acte si legiuri, vol. I, p. 33.

⁸⁶ См., например, грамоты от 17 января 1750 г. (ASB, M-rea Doljesti, pach. X, doc. 29), от 3 июля 1765 г. (ЦГАДА, ф. 1299, оп. 1, д. 3016, л. 280) и др.

⁸⁷ N. I o r g a. Studii si documente, vol. VI, p. 217.

⁸⁸ См. там же, p. 348.

⁸⁹ ЦГАДА, ф. 293, оп. 1, д. 187, л. 229 об.

⁹⁰ Там же, д. 105, лл. 288—289.

⁹¹ ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. т. 15, 1810—1828 гг., д. 3, л. 265; Я. С. Гросул. Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.), стр. 134.

⁹² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 21, лл. 1, 3.

⁹³ ЦГИАЛ, ф. 1308, оп. 1, 1816 г., д. 2, л. 19.

⁹⁴ Ф. А. Г р е к у л. О «реформе» 1749 г. в Молдавии, стр. 92.

нение барщины приводило к развитию крепостнических отношений, которые в Молдавии развивались «фактически, а не юридически...»⁹⁵.

Поскольку «реформы» середины XVIII в. не устранили те причины, которые их вызвали, а антифеодальное крестьянское движение продолжало нарастать, внося тревогу в среду феодалов и дезорганизацию в их хозяйства, центральная власть во второй половине XVIII в. продолжала издавать законодательные акты (в 1756, 1766, 1768, 1777, 1785, 1794 гг.), преследовавшие в основном те же цели, что и предшествовавшее им законодательство.

⁹⁵ К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1949, стр. 243.

М. М. Г р о м ы к о

КРЕСТЬЯНЕ ЦЕРКОВНЫХ ВОТЧИН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 40—60-Х ГОДАХ XVIII В.

В Сибири монастырское землевладение не получило такого распространения, как в центральных и западных районах страны. Оно формировалось здесь поздно, в условиях определившейся тенденции правительства к ограничению церковной собственности. Кроме того, в Сибири правительство боролось против частного землевладения вообще. Тем не менее в начале XVIII в. в Западной Сибири было около 30 монастырей, земельные и другие владения которых сложились теми же путями, что и в Европейской части России, — через государевы пожалования, вклады, покупку, захваты¹.

Изменения в характере хозяйства и развитие форм феодальной эксплуатации в церковных вотчинах остаются одним из наименее изученных участков аграрной истории России периода позднего феодализма. Изучение данных проблем на сибирском материале должно внести свою лепту в заполнение этого пробела. Исследование хозяйства и положения монастырских крестьян² позволяет особенно наглядно опровергнуть мнение об отсутствии в Сибири феодальной эксплуатации и церковного гнета и показать единство процесса развития феодальной формации.

С другой стороны, заслуживает внимания определенная специфика условий возникновения и развития церковной феодальной собственности в Сибири по сравнению с центральными районами России, вызванная особенностями процесса феодализации на окраинах страны, который происходил в связи с развитием феодализма вишьрь в условиях довольно развитых уже товарно-денежных отношений.

Для рассмотрения указанных проблем надлежит обратиться прежде всего к территории Западной Сибири, где размещалось подавляющее большинство сибирских монастырей. При решении отдельных вопросов территориальные рамки расширяются за счет использования материалов уральских и приенисейских монастырей, входивших в состав Тобольской епархии. Выбор хронологических границ исследования определялся тем, что в период 40—60-х годов XVIII в., завершившийся волной выступлений монастырских крестьян и секуляризацией церковных имуществ, изменения в социально-экономической жизни церковных вотчин и связанные с этими изменениями противоречия достигли наибольшей степени.

Подавляющую часть привлекаемых в настоящей работе материалов составили документы фонда Тобольского Знаменского монастыря³ — одного из крупнейших вотчинников Сибири. В другом фонде — Тобольской духовной консистории⁴ — содержатся ценные данные о Тобольском митрополичьем доме и сведения по многим монастырям епархии, которые позволяют распространить некоторые выводы на все церковные вотчины Западной Сибири.

В рассматриваемый период процесс формирования церковного землевладения в Сибири продолжался, но в скромных размерах — ввиду отсутствия правительственных пожалований и крупных дарений. На фоне мелких дарений, передач «в поминовение», приобретений за долги⁵ основным средством расширения владений для церковных феодалов становится захват земель государственных крестьян. Пускаются в ход все имеющиеся в арсенале монастырских крючкотворов средства, чтобы объявить монастырскими смежные земли, которыми десятилетиями владели пашенные крестьяне. В источ-

¹ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М. 1956, стр. 371 и др.

² Термин «монастырские крестьяне» мы употребляем применительно к крестьянам всех видов церковных владений.

³ Государственный архив Тюменской области в Тобольске (далее — ГАТот), ф. 70.

⁴ Там же, ф. 156.

⁵ Там же, ф. 70, оп. 1, д. 10, лл. 32—37.

никах не раз встречаются просьбы государственных крестьян разрешить им сжаты хлеб на землях, которыми они владели в течение многих лет и которые теперь объявлены монастырскими⁶.

В некоторых случаях захват земель пашенных крестьян монастырями принимал особенно беззастенчивые формы и происходил в столь широких размерах, что разорялись целые деревни. Так было с дер. Долгово Тобольского подгородного дистрикта, земли которой примыкали к владениям Тобольского Знаменского монастыря. Всего монастырь силой захватил у этой деревни 432 десятины разных земель⁷. В результате долговские крестьяне в 1758 г. были недоимщиками по государеву оброку за 1749 г.⁸ Этот случай был в 50-х годах не единственным⁹. Местные власти всецело поддерживали монастырь.

Иначе дело обстояло в тех случаях, когда владения монастыря непосредственно примыкали к территории, приписанной к Колывано-Воскресенским императорским заводам. Кузнецкий Христорождественский монастырь, возникший в 1648 г., набрал к XVIII в. около 70 тыс. десятин всякого рода земель (включая пастбища, сенные покосы и пр.), но к моменту секуляризации имел всего одну деревню, в которой жило 211 крестьян. На пустующих землях селились государственные крестьяне и «владели ими для монастыря безданно и беспошлинно». Все жалобы монастыря по этому поводу оставались втуне, так как Кузнецкая воеводская канцелярия и не помышляла вступать в распри с Кабинетом его императорского величества, в ведении которого находились заводы и который приписывал к заводам и рудникам всех селившихся в Кузнецком уезде крестьян¹⁰.

Но большинство монастырей продолжало пополнять состав своих крестьян. В Сибири удельный вес монастырских крестьян был значительно меньше, чем в стране в целом, но больше, чем можно было бы ожидать, исходя из условий, создаваемых государством. Согласно данным третьей ревизии, в Сибири насчитывалась 14 291 душа церковных крестьян мужского пола¹¹. Некоторые монастыри Западной Сибири превышали по числу принадлежавших им крестьян средний уровень, установленный В. И. Семеvским для церковных вотчин России XVIII в. (1445 душ мужского пола). Крупным вотчинником был Тобольский митрополичий дом. В 1762 г. в Усть-Ницинской, Тавдинской и Покровской слободах и селе Воскресенском, принадлежавших митрополичьему дому, насчитывались 3592 души мужского пола¹², по сравнению с 1719 г. число крепостных этого феодала увеличилось почти в два раза¹³. Долматов Успенский монастырь имел в период второй ревизии 2152 податные души, Тобольский Знаменский — 2140, Кондинский Троицкий — 766, Невьянский Богоявленский — 657, Верхотурский Николаевский — 543, Троицкий Рафаилов — 524, Тюменский Троицкий — 516 податных душ¹⁴.

Данные ревизий, на которых основываются почти все встречающиеся в литературе цифры, отражающие количество монастырских крестьян как по всей Сибири, так и по отдельным монастырям, по-видимому, сильно занижены. Накапливая свои земельные владения в условиях запретов и ограничений, сибирские монастыри имели все основания умалчивать о некоторых своих землях и, соответственно, об обрабатывающих их крестьянах.

О росте числа монастырских крестьян в 40—60-х годах XVIII в. свидетельствует не только сопоставление данных второй и третьей ревизий, но и показания хозяйственной документации отдельных монастырей.

Тобольский Знаменский монастырь в середине XVII в. имел 153 крестьян, не считая «детенышей» и «вкладчиков». К 1720 г. их число выросло до 792 душ мужского пола¹⁵. После второй ревизии (1744 г.) вплоть до 1762 г. монастырь вносил в казну

⁶ ГАТОН, ф. 70, оп. 1, д. 4, лл. 36 и об., 57—58.

⁷ Там же, лл. 27 об. — 30 об.

⁸ Там же, лл. 31—34.

⁹ Там же, лл. 60—72, 76—88.

¹⁰ ЦГАДА, ф. Кузнецкой воеводской канцелярии, № 517, оп. 1, ч. 1, д. 681; Д. Н. Беликов. Старинные монастыри Томского края. Томск 1898, стр. 192—194.

¹¹ Мнение К. П. Михайлова (см. его работу «Крепостничество в Сибири» в «Сибирском сборнике», СПб. 1886, кн. 1) об уменьшении числа монастырских крестьян в Сибири в период от второй до третьей ревизии опровергается новыми подсчетами В. М. Кабузана и С. М. Троицкого, по данным которых количество сибирских церковных крестьян менялось следующим образом: в период первой ревизии (1719 г.) — 7775 душ мужского пола, второй (1744 г.) — 11 604, третьей (1762 г.) — 14 291 душа мужского пола. В то же время удельный вес их в составе всего русского населения края за этот период уменьшился, составив, соответственно, 4,59, 3,72, 3,64% (см. В. М. Кабузан и С. М. Троицкий. Движение населения в Сибири в XVIII в., табл. 5. — В кн.: Сибирь XVII—XVIII вв., вып. 1. Новосибирск 1962).

¹² ГАТОН, ф. 156, 1762 г., д. 26, л. 50 и об.

¹³ В 1719 г. оно, по подсчетам В. И. Шункова, составляло 2131 душу мужского пола. Наши данные за 1762 г. не охватывают большое село Преображенское, поэтому следует полагать, что действительная разница была еще больше.

¹⁴ Д. Н. Беликов. Старинные монастыри Томского края.

¹⁵ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 370.

оклад за 2140 душ¹⁶. Между тем хозяйственная документация (в частности, реестры по выдаче ссуд на семена, по отводу пашни, по разделу лугов и др.) отражает приток после второй ревизии новых крестьян. Так, в 1746 г. на землях монастыря в Вагайской вотчине было поселено сразу 60 «нововыведенных» крестьян, выходцев с Ишима¹⁷. Указания на «новопоселенных» крестьян в хозяйственных реестрах Вагайской вотчины встречаются и в 50-х годах¹⁸.

Для приобретения зависимых крестьян монастыри широко пользовались правом закрепощения свободного человека, женившегося на дочери беглого монастырского крестьянина. В условиях Сибири побegi монастырских крестьян были делом обычным. Монастыри, со своей стороны, проявляли необыкновенную настойчивость и упорство в отыскании и возвращении беглых, не жалея на это средств и пуская в ход все свое влияние. Специальные агенты монастырей выслеживали беглецов спустя много лет после побега, когда они давно уже числились в другом месте в новом юридическом положении (государственными крестьянами, ямщиками и пр.) и иногда были даже зафиксированы там очередной ревизией. При этом монастырь закрепощал породнившихся с беглыми за этот период свободных людей, так как требуемые с этих лиц «выводные деньги» — 50 или 25 руб. — были для крестьянского хозяйства огромной суммой.

В 1746 г. было разыскано 47 семей беглых крестьян Тобольского Знаменского монастыря. При возврате монастырь почти удвоил их число за счет породнившихся с ними лиц¹⁹.

В некоторых случаях источником пополнения рядов монастырских крепостных служили государственные крестьяне, работавшие в монастырском хозяйстве временно, по найму. В 1732 г. Томский Алексеевский монастырь жаловался, что казна требует с него подушную подать за многих государственных крестьян, которые работали в монастыре по найму. В ответ на жалобу тобольский митрополит разъяснил, что если с монастыря взимается подушный оклад за лишних крестьян, то эти крестьяне должны принадлежать монастырю, если только они не помещичьи; прикрепление их к монастырю легко может оформить томский воевода²⁰.

Церковные феодалы стремились к максимальному закрепощению крестьян. Факты розыска и возврата монастырских крестьян показывают, что они находились не только в поземельной, но и в личной зависимости от монастыря. Монастырский крестьянин не мог получить паспорт без ведома духовных властей²¹. В условиях Сибири крестьяне церковных вотчин были так же закрепощены, испытывая все три формы феодальной зависимости — поземельную, личную и судебную, как и в Европейской части России²².

В церковных вотчинах Западной Сибири наряду с монастырскими крестьянами существовали две другие группы феодально зависимых непосредственных производителей — «дворцовые работники» и монастырские бобыли. Обе группы были немногочисленны, но заслуживают внимания в силу специфики своего положения.

Крупные монастыри имели по несколько «дворцов»²³ — хозяйственных центров отдельно расположенных владений. При таком «дворце» была контора — «казенная келья», амбары, конюшни, скотные дворы, сушило, ледовня, «челяденная изба», кузница, иногда мельница, кожевня, пивоварня²⁴. Люди, обслуживавшие все это, назывались дворцовыми работниками. Они не имели земли, собственного хозяйства, двора. Часть из них участвовала в сельскохозяйственных работах, обрабатывая запашку монастыря его лошадьми и инвентарем. Но по мере сокращения барской запашки данная функция дворцовых работников исчезает, а появившийся в связи с этим избыток их монастыри ликвидируют, превращая дворцовых работников в монастырских крестьян²⁵.

Дворцовые работники получали жалованье натурой. Их «хлебное отсыпное жалование» составляло в Вагайской вотчине в 1746 г. 8 четвертей в год каждому работнику-мужчине²⁶. Монастырь собирал с дворцовых работников подушный оклад и вносил его в казну²⁷. По-видимому, положение сибирских монастырских дворцовых работников было аналогично положению помещичьих дворовых.

В документах Тобольского Знаменского монастыря неоднократно упоминаются

¹⁶ ГАТот, ф. 70, оп. 1, д. 18, л. 32.

¹⁷ Там же, д. 3, лл. 40—49 об.

¹⁸ Там же, д. 8, лл. 17—22 об.

¹⁹ Там же, д. 3, лл. 1 об. — 6, 8—14, 19—24.

²⁰ Д. Н. Б е л и к о в. Старинные монастыри Томского края, стр. 20.

²¹ ГАТот, ф. 156, 1762 г., д. 146, л. 7.

²² Там же, д. 26, л. 36 об.; д. 146, л. 6.

²³ Определение сибирского термина «дворец» (см. В. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М. 1956, стр. 423): заимка, хутор, дача, усадебка особняком, монастырское хозяйственное заведение для земледелия и скотоводства, ферма.

²⁴ ГАТот, ф. 70, оп. 1, д. 3, лл. 76—102 об.; д. 10, лл. 52—56.

²⁵ Там же, д. 3, лл. 23—67.

²⁶ Там же, лл. 73—74 об.

²⁷ Там же, л. 7.

бобыли. Эта своеобразная, с очень нечетко выраженными особенностями, категория феодально зависимого населения России не только «перебралась» и в Сибирь, но сохранилась там и в середине XVIII в.

В «Книге записной продажи лошадей» 1746 г. упоминаются 13 монастырских бобылей²⁸. О некоторых из них сказано, что это монастырский бобыль «городовой» или «тобольский». Один из них купил у монастыря трех лошадей, трое — по две лошади, остальные — по одной. О наличии заметного количества бобылей Тобольского Знаменского монастыря именно в Тобольске и подгородном дистрикте свидетельствует также то, что два реестра (1755 и 1756 гг.) не ходивших на исповедь и к причастию лиц, живущих в городе и пригороде, названы ведомостями крестьян и бобылей монастыря²⁹. Среди 60 крестьян, водворенных на земли монастыря в 1746 г., относительно двоих указывалось, что они бобыли³⁰. Один из них имел 3 десятины пахотной земли и тем не менее «желает быть в бобылях», другой имел только $\frac{1}{3}$ десятины. Оба не нуждались в ссуде на семена, которую получили многие из переселенцев.

Эти единичные случаи не дают, разумеется, оснований для каких-либо общих выводов о сибирских бобылях. Но они позволяют отметить наличие этой категории в церковной вотчине Западной Сибири в 40-х и 50-х годах и обратить внимание на возможность обеспеченности некоторых из бобылей лошадьми и пашней.

* *

*

Вся монастырская земля, пригодная для земледелия, делилась на собственно монастырскую запашку и землю, находившуюся в пользовании крестьянских хозяйств. В рассматриваемый период (40-е — начало 60-х годов) прослеживается тенденция к сокращению монастырской запашки и расширению территории крестьянских держаний. Как мы уже отмечали, на «казенную» пахотную землю нередко сажали дворцовых работников. Их «освобождали» от дворцовых работ и определяли «во крестьянство».

Тобольский Знаменский монастырь в 1746 г. сильно сократил собственную запашку. На Николаевской заимке монастыря все 66 десятин монастырской запашки были поделены между семью дворцовыми работниками. Документы начала 60-х годов подтверждают, что крестьянам была отдана вся пахотная земля Николаевской вотчины (448 десятин)³¹. В сельце Иакимовском в 1746 г. под крестьянские держания было роздано 35 десятин монастырской запашки³². В самом большом владении Тобольского Знаменского монастыря — Вагайской вотчине — весной 1746 г. были посажены на землю 28 дворцовых работников³³. К моменту секуляризации в Вагайской вотчине, насчитывавшей полторы тысячи десятин фактически засеваемой пашни, было только 45 десятин собственной монастырской запашки³⁴.

Собственная запашка монастыря обрабатывалась в XVIII в. трудом монастырских крестьян, дворцовых работников и нанимаемых на срок государственных крестьян. Последняя категория — наемные работники — приобретает в собственном хозяйстве монастыря значительный вес. В описи имущества Тобольского Знаменского монастыря, составленной в момент секуляризации в 1764 г., подчеркивалось, что 45 десятин его запашки засеяны «наемными строшными, а не монастырскими крестьянами»³⁵.

Основной доход монастырю давали и основную экономическую нагрузку несли крестьянские хозяйства. В 1757 г. к Вагайской вотчине принадлежало 30 деревень, очень различных по количеству населения (от 3 до 38 венцов), насчитывавших все вместе 367 венцов³⁶. В Николаевскую вотчину входили 4 деревни, имевшие 111 хозяйств³⁷. Кроме этих двух вотчин, монастырь владел пятью подгородными деревнями с 38 хозяйствами³⁸.

На 111 хозяйств Николаевской вотчины в 1761 г. приходилось 448 десятин реального посева — ярового и озимого³⁹, т. е. в среднем по 4 десятины посева или по 6 десятин фактически используемой земли (с включением пара). Сопоставим эти цифры с аналогичными данными предшествующего века. В XVII в. средняя запашка на крестьянский двор в деревнях Тобольского Знаменского монастыря составляла примерно 1,6 десятины в поле, т. е. всей пахотной земли на двор приходилось до 5 десятин (по

²⁸ ГАТГОТ, ф. 70, оп. 1, д. 3, лл. 104 и об., 106, 118, 120, 121 об. — 122 об., 124—126 об.

²⁹ Там же, д. 9, лл. 80—87 об., 89—92 об.

³⁰ Там же, д. 3, лл. 45, 47.

³¹ Там же, лл. 59—62 об.; д. 18, лл. 1 об. — 10, 23—24.

³² Там же, д. 3, лл. 64—67.

³³ Там же, лл. 23—55 об.

³⁴ Там же, д. 20, л. 50.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, д. 8, лл. 2—42 об. (реестр без подписи, по-видимому, неполный).

³⁷ Там же, д. 18, лл. 1 об. — 10.

³⁸ Там же, лл. 11—16.

³⁹ Там же.

другим сибирским монастырям запашка на один двор была в XVII в. еще меньше)⁴⁰. Следовательно, средняя наделенность монастырских крестьян пахотной землей в XVIII в. возросла. Довольно высокой она представляется и при сопоставлении с современными ей средними размерами наделов крестьянства в других районах⁴¹.

Т а б л и ц а 1

Обеспеченность земель крестьян Николаевской вотчины
Тобольского Знаменского монастыря (1761 г.)⁴²

Размер засеваемой пашни (без пара) на хозяйство (в дес.)	Число хозяйств	В % к общему количеству хозяйств	Средняя обеспеченность земель (в дес.)	Площадь земли соответств. группы ко всей засеваемой площади
Свыше 8	11	10	10,7	26,2
4—8	35	31	5,4	42,2
2—4	42	38	2,8	25,8
1—2	20	18	1,2	5,5
Менее 1	3	3	0,5	0,3
Итого	111	100		100,0

У большей части (59%) крестьян засеваемая пашня была меньше среднего показателя наделенности землей (4 десятины). Зато наиболее зажиточные хозяйства, составлявшие 10% от общего числа хозяйств, владели 26% всей засеваемой площади. Крестьянин Назар Зятков из дер. Черной заседал 11 десятин рожью, свыше десятины — яровыми культурами, десятину — горохом, 37 сажень — коноплей и льном. Свыше 13 десятин заседал также Ярофей Перевалов из дер. Шашевой, свыше 12 десятин — Михаил Шашев из дер. Черной⁴³. Следовательно, пашни некоторых из зажиточных крестьян (с учетом пара) составляли около 20 десятин.

Складывались своеобразные формы приобретения зажиточными крестьянами земли у монастыря. В случае смерти, побега или перевода кого-либо из монастырских крестьян такой обеспеченный крестьянин обращался к архимандриту с просьбой разрешить ему взять себе все имущество бывшего монастырского крестьянина — «как дворовое ево строение, так и скот и весь его пожиток, пахотную землю и сённые покосы». При этом он обязывался платить за прежнего хозяина, а если нужно, и за его сына «в казну государеву подушных деньги» до тех пор, пока из этих взносов не составит сумма, соответствующая цене всего имущества бывшего монастырского крестьянина⁴⁴. Кроме того, новый владелец платил монастырю за пользование землей оброк-пятину⁴⁵. Если первое обязательство явно носило характер платы в сделке купли-продажи, то второе — феодальная рента — определяло условный характер приобретения.

Опираясь на свои материальные возможности, зажиточные монастырские крестьяне добивались значительной степени самостоятельности в ведении хозяйства. В Томском Алексеевском монастыре богатые крестьяне умудрялись тайком от монастыря добывать в воеводской канцелярии (видимо, благодаря щедрым взяткам) паспорта и оставаться в самовольном отъезде по два-три года, занимаясь на стороне торговлей⁴⁶.

Вычисленный по данным Николаевской вотчины средний уровень обеспеченности монастырских крестьян землей подтверждается и материалами о крестьянах, вновь поселяемых на землях Тобольского Знаменского монастыря. В 1746 г. шестидесяти крестьянам, «нововыведенным с Ишиму», было выделено в Вагайской вотчине $356\frac{1}{8}$ десятины пашни⁴⁷, т. е. в среднем по 6 десятин на человека. При этом по 15 десятин получили 3 человека, по 12 — 2, по 9 — 11, по 6 — 18, по $4\frac{1}{2}$ — 6, по 3 — 17, по полторы — 1, по трети десятины — 2 человека. Более половины из этих крестьян (34 человека) нуждались в получении от монастыря ссуды на семена. О каждом из получавших ссуду в реестре сказано: «не богат, а пашню пахать может». Однако лишь некоторые из них, согласно более поздним пометкам в реестре, смогли рассчитаться к 1749 г. за четверть ячменя и четверть овса, взятые на семена. Крестьянин, имевший 9 десятин пашни (по 3 десятины в поле), рассчитался в 1749 г. (неполностью) за взятые в 1746 г. семена перевозками леса и пр. на своем и монастырском полях. Итак, в условиях эксплуатации монастырем и такой сравнительно крупный надел, как 9 де-

⁴⁰ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 384.

⁴¹ Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М. 1957, стр. 434—443.

⁴² ГАТот, ф. 70, оп. 1, д. 18, лл. 1 об. — 10.

⁴³ Там же, лл. 4 об. — 9.

⁴⁴ Там же, д. 9, л. 74.

⁴⁵ Там же, д. 4, л. 56 и об.

⁴⁶ Д. Н. Беликов. Старинные монастыри Томского края, стр. 73—74.

⁴⁷ ГАТот, ф. 70, оп. 1, д. 3, лл. 44—49 об.

сятин пашни, не обеспечивал устойчивости в хозяйстве крестьянина. Ссуды на семена были вынуждены брать у монастыря не только переселенцы, но и некоторые из старожилов⁴⁸.

Размеры крестьянской пашни в трех полях, нашедшие отражение в рассмотренных материалах, колеблются от $\frac{1}{3}$ до 20 десятин. При минимальных размерах пашни хозяйство само по себе явно не могло обеспечить даже очень низкий уровень существования, при максимальных — несомненно требовало привлечения чужих рабочих рук. Но обе эти полярные группы были немногочисленны. Большинство крестьян пользовалось наделами средних, достаточных размеров. Однако в силу размера и характера феодальной ренты положение средней массы монастырского крестьянства не соответствовало сравнительно высокому уровню обеспеченности земель.

* * *

Повинности монастырских крестьян Западной Сибири выражались во всех трех формах феодальной ренты, переплетавшихся самым причудливым образом. Сочетание в социально-экономических отношениях продолжавшегося процесса феодализации, с одной стороны, и элементов, разлагавших феодальные отношения, с другой, способствовало крайней пестроте в системе повинностей. Сложность и запутанность системы повинностей создавала благоприятные условия для повышения монастырями размеров ренты.

Основной, самой тяжелой и упорно сохраняемой церковными феодалами формой ренты, взимавшейся с монастырских крестьян, была пятина, «пятый сноп». «Пятинный хлеб» упоминается в качестве важнейшей крестьянской повинности в документах Тобольского митрополичьего дома⁴⁹. В реестре повинностей крестьян Тобольского Знаменского монастыря эта форма оброка обозначалась так: «И пятой сноп всякого хлеба давать»⁵⁰. Основной повинностью пятина была и в Томском Алексеевском монастыре⁵¹, и в Тюменском Троицком⁵².

Можно с большой долей уверенности утверждать, что пятина взималась во всех церковных вотчинах Западной Сибири. В указе Тобольской духовной консистории от 1762 г. (в связи с отменой первой секуляризации) говорилось, что за пользование землями и угодьями «получаемо было с них, крестьян, которые пашут как в дом митрополитанский, так и в монастыри, из давних лет от всякого хлеба точно пятая часть»⁵³. Утверждение о прошлом и будущем сборе пятины в этом указе носит явно всеобщий характер и не сопровождается никакими оговорками. Неполный список объектов, в которые был разослан указ, включает 19 монастырей⁵⁴.

Пятина взималась со всех видов зерновых⁵⁵. Пятинный хлеб крестьяне сами молотили, отвозили на мельницу, а после помола — в монастырские житницы. В таблице 2 указаны размеры пятины, которую получил в 1761 г. Тобольский Знаменский монастырь с подгородных деревень, насчитывавших всего 38 мелких (не больше двух десятин пашни) хозяйств⁵⁶.

Т а б л и ц а 2

**Пятина, полученная в 1761 г. Тобольским Знаменским монастырем
с подгородных деревень**

Культуры	Площадь посева	Количество взятых в пятину снопов	Объем пятины в зерне после молотбы
Ячмень	22 дес. 70 саж.	861 копна 4 снопа	26 четв. 7 пуд.
Рожь	18 „ 40 „	142 копны 1 сноп	9 „ 6 „
Овес	14 „ 25 „	535 копен 3 снопа	46 „ 3 „
Ярица	5 „ 75 „	55 „ 3 „	3 „ 4 „
Пшеница	2 „ 50 „	86 „ 4 „	1 „ 7 „
Всего	63 дес. 80 саж.	1681 копна 3 снопа	88 четв. 3 пуда

⁴⁸ ГАТГОТ, ф. 70, оп. 1, д. 3, л. 43 и об.

⁴⁹ Там же, ф. 156, 1762 г., д. 26, лл. 56, 58, 59.

⁵⁰ Там же, ф. 70, оп. 1, д. 4, лл. 49—50.

⁵¹ Д. Н. Б е л и к о в. Старинные монастыри Томского края, стр. 55.

⁵² В. И. С е м е в с к и й. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. II. СПб. 1901, стр. 206, прим. 5.

⁵³ ГАТГОТ, ф. 156, 1762 г., д. 146, л. 6.

⁵⁴ Там же, л. 10.

⁵⁵ Там же, ф. 70, оп. 1, д. 3, лл. 76—102 об.; д. 10, лл. 62—64 и др.

⁵⁶ Там же, д. 18, лл. 11—16.

В предшествующем году с этих хозяйств было собрано 2470 копен 5 снопов пшеницы⁵⁷, т. е. в полтора раза больше.

Колебания в уровне пшеницы определялись прежде всего разницей в урожаях. Но, кроме того, объем всего сбора колебался из-за недоимок. Как видно из приведенных в таблице 2 данных, в среднем с одного мелкого хозяйства, владевшего пашней в полторы десятины, взималось 19—27 пудов зерна. Неудивительно, что некоторые монастырские крестьяне годами не могли уплатить недоимки по «пятому снопу»⁵⁸.

Кроме пшеницы, крестьяне исполняли ряд мелких натуральных повинностей: с венца они поставляли по сажени дров. березовых, по полсажени сосновых, по четверти пуда лыка, по три «скалы» бересты, по 20 яиц, с десяти венцов — сани⁵⁹.

Отработочная рента монастырских крестьян отличалась крайней неопределенностью, что усугубляло тяжесть ее для крестьян и оставляло простор для злоупотреблений со стороны феодалов.

Крестьяне Вагайской вотчины Тобольского Знаменского монастыря в начале 50-х годов должны были с каждого венца жать монастырского хлеба по 40 яровых или 20 ржаных суслонов; на все лето (с 1 апреля по 1 октября) давать монастырю для различных работ по 10 человек (попеременно через неделю); выполнять по одному дню отработки на различных работах — жатве, косьбе, перевозке навоза (крестьяне просили заменить их повинностью ставить по 20 копен сена с венца на ближайших к месту жительства крестьянина монастырских лугах); в год выставлять с венца по 2 подводы на перевозку хлеба; возить навоз со скотных дворов на монастырскую пашню (по 2 кв. сажени); делать с венца по две четверти ядрицы⁶⁰; ходить на мельничные починки, рубить и доставлять лес на монастырское строительство⁶¹.

Разница в повинностях между деревнями даже одной вотчины открывала для церковного феодала один из путей повышения ренты. Поэтому исходившие от монастырских крестьян документы проникнуты стремлением фиксировать ренту, помешать ее росту⁶².

На землях монастырей, владевших в Западной Сибири особенно обширными лугами, существенное место среди повинностей занимали отработки по уборке сена. В 1763 г. крестьяне дер. Иштанской Томского Алексеевского монастыря убирали по 170 копен сена с тягла⁶³.

Крестьяне Красноярского Введенского монастыря должны были снять с монастырской пашни по четверти хлеба. Кроме того, во время молотбы они должны были выставлять на монастырские работы пять человек от села, меняя их поочередно. На починки и постройки посылалось по 10 и 6 человек, на перевозки и другие работы — по 4 человека в разные месяцы. Каждый человек должен был накосить 20 копен монастырского сена. Дров крестьяне поставляли по 1 сажени с тягла⁶⁴.

Неопределенность размера отработочных повинностей церковные феодалы старались возвести в принцип крестьянского обложения. Красноярский Введенский монастырь в 1762 г. в ответ на официальный запрос об объеме крестьянских работ заявил, что не может дать точных сведений, так как «точно на сколько человек положить по сколько каждому дней бывает невозможно...»⁶⁵.

Растягивающийся уровень отработочной ренты в сочетании с пятиной делал существование крестьян на монастырских землях невыносимым, несмотря на сравнительную обеспеченность землей. Не мог защитить их и обычай, который, как известно, играл в феодальном обществе существенную роль, умеряя в какой-то мере аппетит феодала. Сибирские церковные феодалы беззастенчиво вводили отработки в совершенно новых областях хозяйства. Поэтому сокращение или даже полное исчезновение господской запашки вовсе не означало исчезновения барщины.

Крестьяне Тобольского митрополичьего дома выполняли целый ряд тяжелых отработочных повинностей, не связанных с пашней. Хлеб из господских житниц они в больших количествах не только перемалывали в муку, но и обрабатывали в крупу и толокно. Барщинники строили барки и дощаники для сплава хлеба, заготавливали дрова для соборной и других церквей, семинарии и домовых покоев и лес для строительства. А строительство митрополичьих домов вел немалое, в разных местах, в том числе даже в Ирбите, причем сами постройки тоже возводились руками крепостных. Сверх всего этого митрополичьи слободы должны были давать по 5 или 10 (в зависимости от численности жителей) меняющихся поочередно людей в услужение в митрополичьих домах. Большое место среди повинностей занимала поставка подвод для самых разнообразных перевозок, в том числе шлифовального и мельничного оборудования и пр.⁶⁶ Тобольский

⁵⁷ ГАТот, ф. 70, оп. 1, д. 18, лл. 11—16.

⁵⁸ Там же, д. 3, л. 33.

⁵⁹ Там же, д. 4, лл. 49—50.

⁶⁰ Ядрица — неперемолотая крупа, очищенная только от лузги (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М. 1955, стр. 673).

⁶¹ ГАТот, ф. 70, оп. 1, д. 4, лл. 49—50.

⁶² Там же.

⁶³ Д. Н. Беликов. Старинные монастыри Томского края, стр. 58.

⁶⁴ ГАТот, ф. 156, 1762 г., д. 146, л. 24 и сб.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, д. 26, лл. 10, 48, 56, 58, 69.

митрополичий дом ввел также отработки крестьян на своих пильной и стекольной «фабриках»⁶⁷. Этот перечень составлен только из основных отработочных повинностей, без учета многих мелких. В большом митрополичьем хозяйстве, связанном с рынком, труд крепостных крестьян использовался на самых разнообразных работах, в том числе и таких, которые возникали в связи с товарным характером хозяйства.

Сложная картина натуральных и отработочных повинностей еще более осложняется к 60-м годам частичной коммутацией ренты. Некоторые натуральные платежи могли быть заменены денежными, при этом монастыри опять-таки стремились повысить уровень ренты. Поставка 20 копен сена могла быть заменена в 60-х годах платежом от 2 до 5 руб., поставка полутора сажень дров, двух бревен, двух кадей угля, 10 фунтов лыка и 3 «скал» бересты — 72 копейками и т. п.⁶⁸ Проследить по источникам соотношение замененных денежной рентой повинностей и сохраняющихся натуральных не представляется возможным, но можно с уверенностью сказать, что, пока сохранялась пятина, роль такой частичной коммутации была незначительной.

Сверх указанных повинностей монастыри выжимали еще из крестьян значительные суммы за пользование мельницами⁶⁹. Доход монастырей от мельниц в силу принудительного характера пользования ими носил чисто феодальный характер, являясь косвенной формой ренты.

Ко всем поборам с монастырских крестьян следует прибавить подушный оклад в размере 70 коп., который монастырь собирал с крестьян и вносил в казну⁷⁰.

Для многих монастырских крестьян, особенно для тех, которые поселились на монастырских землях сравнительно недавно, выполнение всех разнообразных видов ренты сочеталось с выплатами и отработками за полученные от монастыря ссуды — семена, лошадей, сельскохозяйственные орудия. Например, за взятую на семена четверть ячменя крестьянин должен был со своим конем проработать в монастырском хозяйстве 8 дней⁷¹. Работа на монастырском коне, засчитывавшаяся всего по 4 коп. за день, за эту же четверть ячменя растягивалась на 20 дней⁷². Кабальные отработки выполняли не только переселенцы, но и бедняки-старожилы, вынужденные прибегать к займу.

Чтобы при всей этой пестроте повинностей и поборов выявить уровень феодальной ренты крестьян церковных вотчин Западной Сибири в величинах, которые позволили бы сопоставить ее с рентой в других районах России или других категорий крестьян, попытаемся (разумеется, очень приблизительно) выразить основные отработочные и натуральные повинности в деньгах.

Пятинный хлеб с одного венца при средней обеспеченности земель, т. е. площади посева в 4 десятины, при урожае в сам-4, норме высева 1 четверть на десятину ржи и 2 четверти на десятину яровых, составлял 4 четверти 6 пудов. По ценам, отраженным в монастырских документах⁷³, этот хлеб стоил 3 руб. 32,5 коп. Другие мелкие натуральные повинности легко выразить в деньгах довольно точно, так как практиковалась замена их денежной рентой. Эти повинности составляли с венца в среднем 80 коп. Следовательно, всего натуральный оброк с хозяйства средней обеспеченности составлял 4 руб. 12,5 коп.

Сложнее обстоит дело с отработочной рентой. В силу нечеткости ее норм и большой степени произвольности денежное выражение ее может быть только очень приблизительным. Отводя на перечисляемые крестьянами Тобольского Знаменского монастыря отработки ориентировочно по 11 дней пеших работ (жатва, разные летние работы, косьба, выделка ядрицы) и 4 дня конных (пахота, перевозки) с венца и считая пеший день по 5 коп. и конный — по 10 коп., получаем 95 коп. Несмотря на большую неточность подсчетов, преобладание натуральной ренты над отработочной не вызывает сомнения.

К сумме обоих видов повинностей, поскольку мы их относим к венцу, а не к душе (такой принцип применяется в реестрах), следует прибавить подушный оклад по меньшей мере в двойном размере (с учетом одного ребенка мужского пола), и тогда мы получим 6 руб. 47 коп. как среднее денежное выражение феодальной ренты с одного хозяйства, без учета мирских поборов, помольных денег и некоторых других косвенных платежей.

При первой попытке секуляризации в 1762 г. во всех церковных вотчинах взамен всех других видов повинностей (при сохранении подушного оклада) был введен рублевый оброк. В августе 1762 г., когда права духовенства реставрировались, на усмотрение архиереев было предоставлено сохранить рублевый оклад или вернуться к прежним повинностям. Церковники решили этот вопрос остроумно: они оставили и то, и другое.

Тобольская духовная консистория прежде всего провозгласила сохранение

⁶⁷ ГАТот, ф. 156, 1762 г., д. 26, л. 56.

⁶⁸ В. И. Семеновский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. II, стр. 206.

⁶⁹ ГАТот, ф. 70, оп. 1, д. 3, лл. 51—53; д. 20, лл. 51, 70—75 об. и др.

⁷⁰ Там же, л. 7; д. 9, л. 63 и об.; д. 18, лл. 32, 36.

⁷¹ Там же, д. 3, л. 45.

⁷² Там же, л. 25.

⁷³ Там же, л. 45; д. 20, л. 75 об.

пятины⁷⁴, что же касается отработочных повинностей и рублевого оклада, то о них указ консистории еще говорил, как о взаимоисключающих вещах. Но ответы монастырей явно свидетельствуют о том, что, закрепляя рублевый денежный оброк, они стремились сохранить отработки в прежнем виде. Настоятель Красноярского Введенского монастыря, перечислив длинный ряд отработочных повинностей, которые крестьяне исполняли прежде и будут исполнять впредь, заявлял, как о вещи само собой разумеющейся: «А с нынешнего 1763 году с наличных крестьян рублевых денег и впредь собирать повсягодно надлежит...»⁷⁵. В 1764 г. выколачивал из своих крестьян недоимки по рублевому окладу за 1762 и 1763 гг. Тобольский Знаменский монастырь⁷⁶.

Отмена первой секуляризации резко ухудшила положение сибирских монастырских крестьян. Неудивительно, что на головы зарвавшихся церковников обрушилась новая волна восстаний. Упорная борьба крестьян церковных вотчин Сибири против феодальной эксплуатации, против системы смешанных повинностей является лучшим свидетельством их истинного положения. Как показали исследования Н. В. Горбаня⁷⁷, такая борьба шла в Тобольской епархии в течение всего XVIII в., но особенно обострилась она в начале 60-х годов. Монастырские крестьяне требовали установления рублевого оклада, т. е. фиксированной денежной ренты сравнительно небольшого размера, и отмены всех других видов повинностей. Они стихийно осуществляли эту программу⁷⁸. Борьба продолжалась вплоть до окончательной секуляризации церковного землевладения.

Подведем некоторые итоги. Сложившееся в Сибири в XVII в. церковное землевладение в XVIII в. продолжает разрастаться; хотя и замедленными темпами. Основным методом приобретения новых земель монастырями становятся захваты их у государственных крестьян. Растет число монастырских крестьян, которые из всех групп сибирских крестьян подвергаются феодальной эксплуатации в наибольшей степени; они испытывают поземельную, личную и судебную зависимость от феодала, т. е. являются крепостными.

Из среды монастырских крестьян выделяются, с одной стороны, недостаточно обеспеченные землей бедняки, с другой, — зажиточные крестьяне. Последние добиваются известной хозяйственной самостоятельности. Но обе эти группы немногочисленны. Основная масса монастырских крестьян обладает пашнями средних размеров. Однако высокий уровень феодальной эксплуатации и тяжелые формы ее сводят на нет сравнительно хорошую обеспеченность сибирских монастырских крестьян землей. Феодальную ренту они платят во всех трех формах. Основной повинностью является тяжелый натуральный оброк — пятина. Виды отработочной ренты очень многообразны и крайне неопределенны по размерам, и это служит источником повышения уровня феодальной ренты. Даже сокращение в некоторых вотчинах монастырской запашки не приводит к исчезновению отработочной формы ренты, так как вводятся новые ее виды, не связанные с пашней. Причина этого явления заключается, по-видимому, в крайней узости рынка рабочих рук в условиях Сибири. Несмотря на развитие товарно-денежных отношений, феодал стремится сохранить подневольный труд.

Денежная рента взимается в форме подушного оклада и некоторых коммутированных мелких натуральных повинностей. Рублевый оброк вводится только в связи с первой попыткой секуляризации в 1762 г. Стремление церковных феодалов сочетать его с пятиной и отработками наталкивается на ожесточенное сопротивление крестьян.

⁷⁴ ГАТОН, ф. 156, 1762 г., д. 146, лл. 4, 6.

⁷⁵ Там же, л. 24 об.

⁷⁶ Там же, ф. 70, оп. 1, д. 20, лл. 70—75 об.

⁷⁷ Н. В. Горбань. Крестьянство Западной Сибири в крестьянской войне 1773—1774 гг. — «Вопросы истории», 1952, № 11, стр. 125—126; его же. Движения крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII в. — «Ученые записки Омского пед. института», вып. 4, 1930.

⁷⁸ ГАТОН, ф. 156, 1762 г., д. 26.

В. Ф. Инкин

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ БОРЬБЫ КОРОЛЕВСКИХ КРЕСТЬЯН В ГАЛИЧИНЕ В XVIII В.

Антифеодальная борьба крестьян Галичины XVIII в. изучена еще в недостаточной степени. Если движение опрышков привлекало внимание не только марксистской¹, но и буржуазной² историографии, всячески его фальсифицировавшей, то повседневная борьба крестьян против феодального гнета, непрерывно бурлившая в западноукраинской деревне на всей территории Русского воеводства в разнообразных формах и проявлениях, остается до сих пор не освещенной в литературе. Большой интерес в изучении этого вопроса для отдельных периодов истории представляют появившиеся в последнее время исследования советских авторов, а также работы историков-марксистов Польской Народной Республики³.

В данной работе делается попытка показать на базе архивных источников классовую борьбу крестьян огромной (120 сел) Самборской экономики в течение XVIII в. (до 1772 г.).

Феодальная эксплуатация крестьян Самборской экономики достигла в XVIII в. предельного уровня. Невзирая на высокий удельный вес денежных платежей в составе феодальной ренты, крестьяне были обязаны выполнять чрезвычайно обременительные отработочные повинности — еженедельную барщину в приднестровских «ключах» и годичную барщину на войтов в горных «краинах», сидевших на волошском праве, а особенно казенные («скарбовые») повинности по обслуживанию соляных варниц — «жуп»⁴.

Одной из особенностей крестьянских движений в Подгорье являлось то, что крестьянская община, обнаружившая тут особую живучесть (до середины XVIII в. здесь прослеживается институт «гонения следа»), всегда являлась действенным фактором в борьбе, несмотря на сложные социальные отношения и противоречия внутри нее, которые в XVIII в. проявлялись уже довольно четко. Простейшие организационные формы, обеспечивавшиеся общиной, и опыт коллективных действий облегчали крестьянам борьбу с феодалами.

Община проявляла свою действенность прежде всего в коллективном характере всех выступлений крестьян, начиная с жалоб и кончая наиболее острыми формами борьбы. Обычно совместные действия крестьян обсуждались на сходках всей «громады» (общины). Часто такого рода коллективные действия возглавлялись общинной старшиной («урядом»), избранной по воле общины. Так, неповиновением крестьян

¹ В. Грабовецкий. Народный герой Олекса Довбуш. Львів 1957; Е. М. Косачевская. Народные мстители — галицкие опрышки. — «Вестник Ленинградского ун-та», 1948, № 3; Е. Дракохруст. Опрышки. — В сб.: Из истории крестьянства в XVI—XVIII вв. М. 1955.

² A. Bielowski. Pokucie. — Dodatek miesięczny do «Czasu», t. VI. Kraków 1857, str. 703—734; A. Prochaska. Samorząd województwa Ruskiego w walce z opryszkami. Kraków 1907; Ю. Целевич. Опришки. — Руська історична бібліотека, т. 19. Львів 1897; В. Гнатюк. Народні оповідання про опришків. — Етнографічний збірник, т. 26. Львів 1910.

³ Cz. Wycech. Z dziejów chłopskich walk o społeczne wyzwolenie. Warszawa 1949; St. Sreniowski. Zbiegostwo chłopów w dawnej Polsce. Warszawa 1948; Materiały do powstania Kostki Napierskiego. Wrocław 1951; Ф. И. Стеблій. Борьба крестьян Восточной Галичины против феодального гнета в первой половине XIX в. Киев 1960; Е. М. Косачевская. Антифеодальная борьба украинского крестьянства Восточной Галиции в первой половине XIX в. — Из истории СССР («Ученые записки Ленингр. гос. ун-та», № 270), 1959, стр. 145—181.

⁴ В. Ф. Инкин. Крестьяне Самборской экономики в середине XVIII в. (40—60-е годы). Автореферат диссертации. Львов 1955. — «Ключи» и «краины» — административные единицы, объединявшие от 5 до 20 сел.

с. Спрыня шляхте руководил присяжный, пользовавшийся доверием общины и избиравшийся на эту должность вопреки воле администрации в течение 20 лет⁵. Столь же сплоченно выступала община и в том случае, когда старшинская верхушка оказывалась подкупленной шляхтой. Не случайно администрация и ее агентура в урядах старалась подорвать эту сплоченность, расколоть общину; та же община с. Спрыня говорила, что их старшие, «подобрав себе прихвостней, заставляют их бегать в замок со сплетнями и ложь выдавать за правду... таким образом стремятся они посеять среди людей рознь»⁶. Выражением самодетельного начала в общине были «самовольные громадские сходки», т. е. сходки без ведома администрации. В особо острых случаях община созывалась на сходку звоном церковного колокола⁷.

Одним из проявлений антифеодального протеста королевских крестьян Самборщины были многочисленные коллективные жалобы в Самборский замковый суд либо жалобы, подававшиеся на имя короля в специальный Референдарский суд. Если учитывать контрпретензии крестьян по искам и изложение крестьянских жалоб в рескриптах Скарбовой комиссии, в ведении которой находились королевские имения, и в «декретах» замкового суда, то только за 1740—1760 гг. в актах Самборской экономии насчитываются 272 жалобы общин⁸. По своей направленности основная их масса (56,6%) обращена против шляхты; 26,9% жалоб направлено против представителей промежуточных прослоек феодального общества (вольники, солтысы, мельники, попы, корчмари и др.), и 16,5% жалоб свидетельствуют о нарастании социальных противоречий внутри общины (чаще всего это противоречие между «громадским урядом» и общиной в целом). По содержанию на первом месте стоят жалобы на притеснения ростовщическими процентами по долгам (24,6%), далее шли жалобы на притеснения в повинностях и платежах (23,9%), на захват общинных земель и потравы (16,9%), на притеснения «пропинациями», т. е. феодальными монополиями (12,5%), на уклонение от различного рода платежей и перекладывание их на общину со стороны общинной старшины и привилегированных держателей или арендаторов земли (9,6%), на различного рода насилия, издевательства, побои, увечья, убийства (12,5%). Ярко выступает антишляхетский, антифеодальный характер жалоб, а одновременно и остроты положения крестьян Самборской экономии,отягощенных высокими долгами шляхте.

Крестьяне жаловались на непосильность барщины («от воскресенья до воскресенья», так что они «не имели времени для своей собственной работы», причем они «теряют коней во время господских поездок»), на произвол и жестокость шляхты⁹. В отдельных случаях коллективные жалобы писались от имени населения целых ключей и «краин»¹⁰. Если не помогала самборская администрация, крестьяне посылали ходоков в Перемышльский гродский суд либо в Референдарский — в Варшаву¹¹. «Жалобные и плачливые кверимонии» и «покорные суплики», адресованные королю, отражали наивный монархизм крестьян и не выходили, как правило, за рамки формально понимаемой феодальной «законности», отстаивая «старину» от дальнейшего феодального наступления. Однако жалобы, как легальная форма борьбы, безусловно, отражали сопротивление крестьян феодалам.

Жалобы на сельские «уряды» свидетельствовали о значительном обострении социальных противоречий, характерном для внутренней обстановки в сельской общине XVIII в. Члены громадского уряда постоянно рекрутировались из определенного круга хозяев, из которого беднейшие исключались уже в силу положений о выборах, продиктованных казной и требовавших, чтобы должностные лица не были ни слишком бедными, ни слишком богатыми¹². Практически же только зажиточные хозяева обладали всеми условиями, необходимыми для вхождения в состав старшины. Число лиц в общине, на которых падал выбор, было ограниченным, поэтому большим влиянием пользовались и экс-урядники, которые вместе с действующим «урядом» составляли своеобразную корпорацию. Поэтому крестьяне обычно жалуются одновременно и на состоящих в должности, и на прошлых войтов и присяжных. Так, Торчиновичская община в 1765 г. жаловалась на состоявшего в должности, прошлогодного и бывшего за два года перед тем общинных войтов, прошлогодного подвойтего, двух настоящих и шесть бывших присяжных, которые, «сговорившись между собою», чинили людям притеснения¹³. Подобным же образом в 1746 г. Нагуевичская община обвиняла «прошлого,

⁵ Рукописный отдел Научной библиотеки Львовского государственного университета им. Ив. Франко (далее — НБ ЛьвГУ), д. 528, № 287.

⁶ Там же.

⁷ Там же, д. 533, № 130.

⁸ Там же, д. 508, № 505, 591, 598, 602, 974; д. 521, № 83, 87, 91, 154, 172, 175, 214, 228, 229, 238 и др.

⁹ Там же, д. 546, № 26; д. 547, № 525; д. 564, № 23, 98; ЦГИА УССР во Львове, ф. 159, д. 755, лл. 29—30, 45—46.

¹⁰ ЦГИА УССР во Львове, ф. 159, д. 755, лл. 45—46; НБ ЛьвГУ, д. 565, № 5, 30, 41; д. 548, № 449.

¹¹ ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, д. 755, л. 29; д. 763, л. 17.

¹² НБ ЛьвГУ, д. 538, л. 204; д. 524, № 51, 399; д. 528, № 287; д. 533, № 54; д. 547, № 457; д. 572, № 21.

¹³ Там же, д. 531, № 253.

настоящего и давнего лентвойтов», «прошлого и настоящего писаря» и 12 человек присяжных¹⁴. Дорожевские урядники, «занимая не один раз громадские должности, обманывали громаду»¹⁵. Нередко видим «уряд» в окружении целой шайки приспешников, которые терроризировали общину¹⁶. Опираясь на богатеев, некоторые урядники оставались на своем посту по 10, 15 и 20 лет, всячески притесняя общину¹⁷. Все это свидетельствовало о том, что громадские выборные должности часто становились в XVIII в. монополией зажиточной верхушки.

Администрация и шляхта использовали внутренние противоречия в общине в своих целях, превращая сельские уряды в свою агентуру по выкачиванию платежей и повинностей и ограблению населения¹⁸. В некоторых случаях, судя по жалобам общин, присяжные и общинные войты беспощадно гоняли односельчан на казенные и барщинные работы, не считаясь ни с какими нормами¹⁹. Сельские урядники часто не пропускали жалоб крестьян в Скарб, зато сами пользовались заступничеством администрации и шляхты²⁰. Община Спрыни рассказывала, что, если кто-нибудь хочет пожаловаться, тому члены «уряда» угрожают увеличением повинностей²¹.

Лейтмотивом всех жалоб, направленных против урядов, являлось «притеснение убогих». Торчиновичский уряд «всю громаду села обращает в ничто, подати с убогих сдирают, а зажиточным либо тем, кто в громаде был старшим, спускают и освобождают их»²². В общине с. Волчье «богатый свою четверть вспашет сполна, бедный же и третьей части не засеет, к податям же привлекают их заровно»²³. Перекаldывание податей на «убогих людей» — обычное явление²⁴.

Обычным мотивом жалоб на общинную старшину были также присвоение общественных сумм, захват общинных земель, грабеж под видом экзекуций и конфискации, пьянство в общинной корчме за счет общины²⁵.

Социальные противоречия разлагали общину. Однако она все же в течение всего XVIII в. оставалась действенным фактором антифеодальной борьбы.

Более высокой ступенью активности сопротивления крестьян были массовые побег, не прекращавшиеся в течение всего XVIII в. и достигавшие размеров, катастрофических для феодального хозяйства всей Перемышльской земли²⁶. В 1739 г., например, шляхта Перемышльской земли заявляла, что в результате различных стихийных бедствий, ухудшивших положение крестьян, от нее «ушло прочь 100 000 подданства за каких-нибудь два месяца в глубь Украины и в Валахию с женами, детьми, волами... и весь край ввергнут в мерзость запустения (*abominabilem desolationem*) настолько, что в некоторых деревнях едва осталась крыша, под которой мерцает свет, под которой ночует нищета»²⁷. Возможно, шляхта, добиваясь уменьшения государственных повинностей, несколько сгущала здесь краски, но конкретные данные по Самборской экономике подтверждают грандиозность этого движения. На 1720 г. администрацией Самборской экономики только на Покутье и в Подолье было выявлено и взято на учет около тысячи беглых королевских крестьян²⁸. В решении Вишенского сеймика от 1733 г. указывалось, что из экономики сбежало свыше 2 тыс. «подданных»²⁹. Еще больше ухудшилось положение в 1744 г.: «...более 6000 хлопов ушло на Подолье и на Украину, обезлюдившие села зарастают лесом»³⁰.

Заявления шляхты и администрации по этому поводу подтверждаются инвентарями и реестрами. В течение XVIII в. постоянно можно насчитать от 10 до 20 сел, о которых говорится: «запустело полностью» или «все ушли в Венгрию» (Закарпатье) или на Подолье³¹. Одних лишь «пустых халуп», по реестру 1768 г., в шести горных «краинах» насчитывалось 328³².

¹⁴ НБ ЛьвГУ, д. 524, № 51.

¹⁵ Там же, д. 525, № 524.

¹⁶ Там же, д. 528, № 287.

¹⁷ Там же, д. 538, л. 162; д. 523, № 62; д. 572, № 22.

¹⁸ Там же, д. 522, № 38.

¹⁹ Там же, д. 525, № 1057; д. 547, № 337; д. 548, № 19.

²⁰ Там же, д. 522, № 38; д. 525, № 1057; д. 547, № 337; д. 572, № 22.

²¹ Там же, д. 528, № 287.

²² Там же, д. 531, № 253.

²³ Там же, д. 521, № 15.

²⁴ Там же, д. 524, № 51, 399; д. 528, № 287; д. 572, № 22.

²⁵ Там же, д. 511, № 72; д. 522, № 764; д. 525, № 984; д. 528, № 287; д. 531, № 223, 343; д. 533, № 4; д. 548, № 19 и др.

²⁶ Akta grodzkie i ziemskie z archiwum t. zw. Bernardyńskiego we Lwowie (далее — AGZ), t. XXII. Lwów 1914, Nr. 231, § 3; Nr. 277, § 4.

²⁷ AGZ, t. XXIII. Lwów 1928, Nr. 599; t. XXV, Lwów 1935, Nr. 356, § 14.

²⁸ ЦГИА УССР во Львове, ф. 5, т. 217, стр. 1204.

²⁹ AGZ, t. XXIII, Nr. 11, § 22.

³⁰ Там же, Nr. 230, § 6.

³¹ Słownik geograficzny królestwa Polskiego, t. IV. Warszawa 1884, str. 859; НБ ЛьвГУ, д. 538, лл. 209—211; д. 630, лл. 64, 65; д. 537, № 289; д. 547, № 186; д. 564, № 98; ЦГИА УССР во Львове, ф. 13, т. 627, стр. 1767.

³² НБ ЛьвГУ, д. 528, лл. 1—111.

Обычными направлениями крестьянских побегов были Закарпатье («Венгрия») и Молдавия, но главным образом — опустошенное турками и татарами Подолье, где шляхта широко практиковала «слободы». Нередко, высидев «волю», крестьяне возвращались назад. Бежали крестьяне также в города на заработки, причем порой им удавалось вступить там в цех³³. Наконец, шляхта прямо указывала, что крестьяне бежали к опрышкам³⁴. Партизанские отряды опрышков постоянно пополнялись из этого непрерывного потока.

Крестьяне проявляли сочувствие и солидарность в отношении беглецов, содействуя им в выезде и помогая в дороге³⁵. Можно привести множество фактов, когда частновладельческие и королевские крестьяне, невзирая на устрашающие меры шляхты, прятали у себя целые семьи беглецов³⁶. Беглецы находили поддержку и со стороны целых общин. Так, община с. Нанчолка в 1735 г. предоставила убежище беглым семьям из соседней Тысовицы³⁷. Община с. Березницы «выпроводила в разное время подданных из с. Корнелевичи и прятала их у себя в Березнице с их женами, детьми и всем скарбом»; когда за беглецами была выслана погоня, община «никоим образом» не хотела их выдать³⁸. Подобным же образом действовали общины сел Бабина, Росохач, Бутля и др.³⁹ Нередко крестьяне в борьбе с феодалами сознательно прибегали к угрозе оставить село всей общиной, если их положение не будет облегчено⁴⁰. Среди причин побегов крестьян наряду со стихийными бедствиями, на которые администрация ссылалась часто в целях самооправдания, на первом месте фигурирует разорение в результате долгов и грабительской политики шляхты.

Активное сопротивление крестьян эксплуататорам находило свое выражение в неповиновении, в непризнании и невыполнении повинностей и платежей, что нередко сопровождалось вооруженным отпором экзекуциям. Так, в 1758 г. общины Тершовского ключа (сел Тершов и Завадка) на бесконтрольное хозяйничанье пожизненного держателя сел ключа реагировали подачей жалоб, прекращением работ и побегам (Завадка опустела полностью, из Тершова ушло 30 человек)⁴¹. Действия крестьян этого ключа охарактеризованы Референдарским судом как «заговор неповиновения»⁴². В том же году администрация Самборской экономии оказалась перед фактом отказа общин Бронницы и Нижнего Лужка от барщины на Дублянском и Прусском фольварках. Управляющий этого ключа Ольшевский жаловался: «В исполнении барщины нет никакого повиновения, что хотя и когда хотят, то выходят и отбывают...». За 1752—1755 гг. общины не отработали 1117 дней, а за 1755—1758 гг. — 1989 дней; положение не изменилось и в 1761 г.⁴³ Держатель Медыничского ключа доносил в 1730 г., что общины сел Горущко, Летня, Билич и других «противятся исполнению барщины, не подчиняются, но во всем бунтуют, ... не убирают хлеб...»⁴⁴. Подобное же неповиновение проявила община с. Торчиновичи⁴⁵.

Проведенная в 1692 г. унификация войтовских повинностей сопровождалась повышением их бремени для большинства горных общин. Поэтому в «краинах» борьба крестьян против феодального наступления велась на основе непризнания «декрета» 1692 г. и отстаивания «старых прав и обычаев». Общины сел Бутля и Высоцкое, не признавая декрета 1692 г., подтвержденного в 1730 г., ссылались на более ранний декрет 1656 г. и отказывались выполнять повинности. Держатель войтовства не раз прибегал к содействию экзекуторов и «земских пахолков», чтобы заставить крестьян работать. Борьба здесь прослеживается до 1756 г.⁴⁶ На почве непризнания того же декрета длительное время происходила борьба общин сел Стрельбичи и Сушица. Чтобы принудить крестьян к повиновению, стрельбичский войт Н. Добринецкий даже узурпировал право суда, донимал крестьян штрафами, запирали их в «карцер», но ничто не помогало. Неповиновение крестьян не удавалось сломить в течение более чем полувека — вплоть до 1765 г., когда эти общины сумели, наконец, доказать, что декрет 1692 г. на них не распространяется⁴⁷.

Попытка войтов сел Нагуевичи и Спрыня самовольно увеличить бремя повинностей крестьян с помощью фальсифицированных «документов» в результате реши-

³³ ЦГИА УССР во Львове, ф. 5, т. 217, стр. 1203.

³⁴ AGZ, t. XXII, № 193, § 19; НБ ЛьвГУ, д. 564, № 108; д. 565, № 65.

³⁵ См. Cz. Wysech. Z dziejów..., str. 76.

³⁶ НБ ЛьвГУ, д. 509, № 23; д. 525, № 22, 42; д. 547, № 121.

³⁷ Там же, д. 528, № 263.

³⁸ Там же, д. 511, № 41.

³⁹ Там же, д. 528, № 142, 123; д. 537, № 314; ЦГИА УССР во Львове, ф. 159, № 754, лл. 2—3.

⁴⁰ НБ ЛьвГУ, д. 546, № 19; ЦГИА УССР во Львове, ф. 159, № 766 (605), л. 227.

⁴¹ НБ ЛьвГУ, д. 546, № 26; д. 564, № 98; № 23, л. 52.

⁴² Там же, д. 546, № 26.

⁴³ Там же, № 18; д. 565, № 45.

⁴⁴ Там же, д. 523, № 29; д. 524, № 502; д. 525, № 620.

⁴⁵ Там же, д. 522, № 771; д. 568, № 828; д. 572, № 527.

⁴⁶ Там же, д. 547, № 863.

⁴⁷ Там же, д. 509, № 108; д. 525, № 1148, 221; д. 531, № 285; д. 564, № 114; д. 566, № 45, 109, 110, и др.; ЦГИА УССР во Львове, ф. 159, № 766 (605), л. 227.

тельного сопротивления общин потерпела неудачу. С 1708 по 1761 г., наряду с невыходом крестьян на шарварки и толоки, в этих селах отмечено множество острых столкновений со шляхтой с применением физической силы⁴⁸. В 1737 г. вышла из повиновения войтам община Спрыни. Игнорируя войтовскую власть и юрисдикцию, она собирала «самовольные сходки». Общину возглавлял присяжный. Когда посессор потребовал от присяжного созыва людей к войтовскому двору для разверстки оброков, присяжный отвечал: «Не підемо і ні в чим ся повинувати не будемо». Тогда войт сам поехал с подвой по дворам собирать овес и кур, но община «цепами и палками» прогнала его⁴⁹.

Весьма часты были также случаи отказа от исполнения казенных работ. Общины Спрыни в 1734 г. и Воли Коблянської в 1731 г. отказывались выполнять распоряжение администрации о доставке леса для нужд замка⁵⁰. Крестьяне сел Ленина и Ясеница Зворышкая в 30-х годах отказывались возить казенную соль и дрова, при этом ленинчане избили высланных для их усмирения стражников⁵¹. В 1748 г. крестьяне с. Головецкое, отказываясь возить дрова в Старосельскую жупу, укрывали своих лошадей в соседних селах и угрожали расправой эзекуторам⁵². В 1758 г. серьезные волнения на почве чрезмерной обремененности крестьян казенными работами охватили всю Самборскую экономию. Смерть ненавистного крестьянам администратора графа Држевецкого вызвала слухи о том, что его вдова будет отстранена от посессии. Началось массовое движение неповиновения администрации, даже «некоторые беспорядки», вызвавшие панику властей⁵³. Таким образом, неповиновение и отказ крестьян от выполнения повинностей нередко сопровождалось коллективным отпором вооруженным эзекуциям. Поражает затяжной характер конкретных конфликтов, возникавших на этой почве, и исключительная стойкость крестьян. Во всех случаях крестьяне действовали коллективно, всей «громадой».

В различных формах проявлялся активный протест крестьян против питейной и мельничной монополий. Особенно дожимали крестьян «пропои», носившие принудительный характер и подрывавшие крестьянское хозяйство. Прежде всего крестьяне прибегали к массовому бойкоту войтовских и казенных корчем и мельниц⁵⁴, но нередко они громили корчмы или поджигали их⁵⁵. В 1744 г. община с. Головецкое организовала ночной налет на войтовскую «аренду»; к судебной ответственности было привлечено 19 человек⁵⁶. Община с. Улуч в 1749 г. изгнала арендатора казенной корчмы и пыталась сжечь ее; при этом она игнорировала распоряжения двора и не выполняла повинностей⁵⁷. В разное время были сожжены казенные корчмы в Домбровице, Морозовичах, Дорожеве (дважды), Ваневичах, войтовская корчма в Лукавице⁵⁸.

Распространенным явлением был также поджог войтовских и шляхетских дворов в качестве акта классовой мести возмущенных крестьян. В 1706 г. в с. Волчье «громада среди дня сожгла» войтовский двор⁵⁹. В 1759 г. в с. Подбуж войтовство «со всеми постройками, двором и утварью было обращено в пепел»⁶⁰. В 1746 г. в Нижнем Лужке община пыталась поджечь двор своих кредиторов шляхтичей Ольшевских⁶¹.

В борьбе против шляхетского землевладения, а также отстаивая свои права на землю от шляхетских захватов, общины широко применяли такие формы борьбы, как перепахивание межей, сгон шляхты со спорных земель, захват шляхетского скота на потравах, вывоз урожая хлеба и сена с захваченных шляхтой участков, порубки леса, захват земли и т. д. Община с. Чуква в начале XVIII в. отобрала у войта лес и луг, снесла хаты войтовских заградников, порубила пограничные вербы и тыны⁶². Община Днестрика Головецкого в 1736 г. не допустила к посессии нового войта и захватила войтовские земли⁶³. Общины сел Волчье и Розлуч самочинно пересмотрели границы

⁴⁸ ЦГИА УССР во Львове, ф. 159, № 766 (605), лл. 207—208; НБ ЛьвГУ, д. 525, № 520, 748; д. 527, № 15; д. 537, № 250, 239; д. 547, № 1522; д. 565, № 5, 15; д. 566, № 37; д. 568, № 929.

⁴⁹ НБ ЛьвГУ д. 528, № 287.

⁵⁰ Там же, д. 509, № 89; д. 511, № 12, 89.

⁵¹ Там же, д. 529, № 150.

⁵² Там же, д. 524, № 329; см. также д. 524, № 204; д. 531, № 292; д. 547, № 244.

⁵³ Там же, д. 564, л. 27; д. 569, № 187.

⁵⁴ Там же, д. 511, № 57, д. 522, № 342; д. 525, № 472, 704; д. 531, № 120, 343; д. 540, № 28; д. 568, № 929 и др.

⁵⁵ Там же, д. 525, № 476, 902; д. 528, № 244; д. 531, № 59.

⁵⁶ Там же, д. 547, № 1250; см. также д. 522, № 106; д. 524, № 489; д. 525, № 164.

⁵⁷ Там же, д. 524, № 888.

⁵⁸ Там же, д. 511, № 42; д. 524, № 888, 1053; д. 525, № 452; д. 542, № 349.

⁵⁹ Там же, д. 537, № 300.

⁶⁰ Там же, д. 525, № 748; д. 564, № 58.

⁶¹ ЦГИА УССР во Львове, ф. 159, № 751, лл. 267—268; НБ ЛьвГУ, д. 546, № 74.

⁶² НБ ЛьвГУ, д. 548, № 301.

⁶³ Там же, д. 528, № 284.

войтовских земель и переселили в общину войтовских подсадков⁶⁴. Община с. Стрелки захватила на войтовском поле 38 коп ржи⁶⁵.

Сплоченно отстаивали свои земельные права общины и от посягательств шляхты из соседних имений, которая систематически вела наступление на «королевщину», захватывая пахотные земли и угодья. Крестьяне действовали как фактические хозяева земли, которую обрабатывали. Не ограничиваясь пассивной обороной, крестьяне нередко переходили в наступление против ненавистной «шляхетчины», стараясь держать ее на расстоянии⁶⁶. Нередко дело доходило до вооруженных столкновений при участии десятков и сотен людей. Владелец с. Бояры Котовский жаловался на общины сел Литыня, Грушова и Тынов, которые косили его луга и захватывали земли. Часто из этих общин собиралось до тысячи людей, «чинили всяческие насилия в имениях Бояры и Ролева, били и убивали шляхетских людей». В декабре 1765 г. вся община Литыни, несколько сот человек, пользуясь распутицей, мешавшей Котовскому принять какие-либо меры, с фурами и «различным оружием» захватила спорный луг, перевязала 6 человек сторожей и забрала готовое сено. В другой раз, когда слуга Котовского, изловив в лесу парня из Литыни, хотел забрать у него топор, на шум сбежалась вся община и прогнала шляхетских людей, отняв при этом у одного из шляхтичей саблю⁶⁷. Крестьяне Медыничского ключа вынудили подобными действиями соседних помещиков Корытко апеллировать к коронному сейму⁶⁸. Общины всего ключа, поголовно все жители, дважды, в 1729 и 1758 гг., совершали вооруженные нашествия на имения Корытко. Последнее из этих нашествий было вызвано тем, что четверо медыничских крестьян были схвачены слугами помещиков Корытко в лесу на порубке, избиты и под стражей препровождены в Люблинский гродский суд. Вооружившись кто чем мог, крестьяне всех общин собрались вместе и направились к с. Тершакову, имению Казимира Корытко. С ружейными выстрелами они вступили в село, разгромили фольварк и держали его в своих руках в течение трех дней. Затем, захватив заложников, крестьяне держали их под стражей несколько недель, требуя освобождения своих товарищей⁶⁹.

Острые конфликты постоянно происходили также на границе между общиной Дорожева и имением шляхтича Винницкого. Община неоднократно забирала с потрав его скот и коней, а в 1761 г., изловив самого пана, обезоружила его и, заведя в корчму, избила. Позже община подобным же образом наказала и сыновей Винницкого⁷⁰.

Для королевских крестьян характерен взгляд на обрабатываемую ими землю как на свою собственность, — они не признавали права администрации распоряжаться ресурсами экономики. Так, крестьяне сел Грушова и Дорожева вступили в бой и не дали людям Стефана Корытко, одного из владельцев местечка Волоши, вывозить из королевских лесов бревна, несмотря на «ассигнацию» (разрешение) замка. Когда же Корытко лично появился на территории экономики, крестьяне, рассматривая его как вора, избили и сутки продержали под стражей, требуя от него подписки не жаловаться администрации⁷¹. Таким образом крестьяне отстаивали земельные границы и ресурсы «королевщины» от шляхетской экспансии и хищнического разбазаривания их шляхтой.

Обращая на себя внимание частые случаи физической расправы крестьян со шляхтой. Крестьяне с. Билич ранили шляхтича Топольницкого саблей в голову⁷². Крестьяне с. Зарайско в 1734 г. отняли у шляхтича-кредитора саблю и организовали «с саблями и стрельбой» нападение на его двор⁷³. В с. Бронница подвергся нападению со стороны крестьян шляхтик Кропивницкий; крестьяне были вооружены топорами и кольями⁷⁴. Крестьяне с. Озимина расправились с управляющим своего кредитора Тымовским. Отняв у него ружье, они затащили его в корчму, избили и грозились утопить⁷⁵. Аналогичные случаи, сопровождавшиеся разоружением шляхты, отмечены в селах Нижний Лужок, Свидник, Грушова⁷⁶. Заслуживает внимания тот факт, что крестьяне выступают часто хорошо вооруженными. Они действуют не только топорами, кольями и т. п., но также саблями и огнестрельным оружием, отобранными у шляхты.

Среди массовых вооруженных выступлений крестьян Самборщины некоторые выделяются своей остротой, массовостью и длительностью, — это настоящие крестьянские восстания. Такое восстание имело место в с. Хашев против посессора войтовства Малвинского. Борьба продолжалась с 1764 по 1767 г. Сразу же после вступления Мал-

⁶⁴ НБ ЛьвГУ, д. 511, № 130; д. 569, № 285.

⁶⁵ Там же, д. 511, № 118; д. 525, № 756, 888, 1146; д. 537, № 13, 64, 143; д. 542, № 7, 8; д. 548, № 78, 301 и др.; ЦГИА УССР во Львове, ф. 13, т. 625, № 2285—2287 и др.

⁶⁶ ЦГИА УССР во Львове, ф. 13, т. 624, стр. 188—189.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ AGZ, t. XXII, Nr. 267, § 61.

⁶⁹ ЦГИА УССР во Львове, ф. 159, № 758, лл. 34—37.

⁷⁰ Там же, № 751, лл. 100—110, 115—117, 128—132.

⁷¹ Там же, лл. 111—114.

⁷² НБ ЛьвГУ, д. 537, № 201.

⁷³ Там же, д. 512, № 25.

⁷⁴ Там же, д. 522, № 1036.

⁷⁵ Там же, д. 525, № 359.

⁷⁶ Там же, д. 528, № 243, 247; ЦГИА УССР во Львове, ф. 159, № 751, л. 229.

винского в посессию община организовала ночной налет на войтовство, разгромив двор и избив шляхту. Крестьяне, вооруженные «косами, топорами и кольями», пытались поджечь усадьбу, изгнали из корчмы войтовского арендатора, забрали скот, уничтожили дворовые посеы. Весной 1765 г., когда Малвинский предпринял новую попытку занять войтовство, община организовала новое нападение и сожгла фольварк со всеми постройками, зерном и скотом. До 1767 г. крестьяне оставались хозяевами в деревне, полностью распоряжаясь войтовскими землями. По словам Малвинского, никто из его людей не осмеливался появляться в Хашеве. Решительные действия крестьян привели в замешательство администрацию, которая, не имея средств расправиться с восставшими, советовала Малвинскому обратиться за помощью в Варшаву⁷⁷.

Почти 7 лет продолжалось движение крестьян с. Волчье против засилья шляхты. На двух «привилегированных» ланах — «князьском» (войтовском) и вольничьем — сидело свыше двух десятков человек шляхты — посессоров, их родни, «дворян» и слуг. В середине мая 1765 г. по неосмотрительности посессора вольничтва Антония Яворского, который жег лядину, в селе вспыхнул пожар, распространившийся на крестьянские дворы. Крестьяне, «не столько видя в нем виновника пожара, сколько из озлобления», напали на вольничий двор и разделили панское имущество между собой. Нападения повторялись 19 мая, 31 июня и 20 сентября. Крестьяне заняли вольничье поле, забрали весь хлеб, разобрали уцелевшие постройки и заборы, вырубili сад и повсюду с оружием преследовали шляхту. Среди зачинщиков восстания Яворские называли Гр. Глушко, Ивана, Павла и Стефана Мазуровых, Андрея и Ивана Сурожей и др. В нападениях приняло участие 150 человек, т. е. вся община. Не найдя поддержки со стороны оказавшейся бессильной администрации⁷⁸, Яворские, изгнанные из села, искали помощи в городском суде — в Перемышле. Община через подосланных крестьян предупреждала их, чтобы они не только не строились в селе, но даже не появлялись в нем, «так как будем... жечь столько раз, сколько они сожгли наших хат, и наверное не пощадим их жизни». В 1766 г. община Волчьего и заодно администрация, проявившая бездеятельность, были вызваны в ассессорский суд⁷⁹.

Но уже в 1770 г. события развернулись с новой силой. Поводом для них послужили взаимные грабительские «наезды» шляхты — посессоров войтовства, сопровождавшиеся бесчинствами и убийствами людей⁸⁰. Изгнав сначала Григория и Александра Яворских с войтовства, община начала собираться у вольничьего двора. Кто-то крикнул: «Бегите к Верхней церкви, и пусть звонят набат!» В обеих церквях ударили в колокола. Выставив стражу у вольничтва, восставшие двинулись к двору Глоговских и стали требовать: «Выезжайте, панове, так как мы не хотим иметь много панов!» Затем таким же образом был выдворен из своего дома управитель Глоговского Ян Путятицкий. При этом крестьяне реквизировали у шляхты оружие — 5 фузей и три пистолета. Волнения крестьян продолжались здесь до 1772 г.⁸¹ Уверенные в своей правоте, крестьяне говорили: «Мы ничего не боимся, с нами не справиться и 100 пахолкам [слугам], только давайте держаться стойко»⁸². Известная организованность и исключительная стойкость восставших объясняются главным образом наличием крестьянской общины. В источниках имеются указания на аналогичные выступления в с. Волошинова Воля в 1780 г., в с. Мыта в 1736 г., в Тершове и Завадке в 1758 г., в с. Борыня в 1696 г.⁸³

Имеющиеся материалы дают основание говорить о большой остроте классового антагонизма в селах Самборской экономики в XVIII в. В течение столетия, по неполным данным, зарегистрировано 44 случая неповиновения и неисполнения повинностей, из них 13 сопровождалось вооруженным отпором шляхте и экзекуторам; 45 случаев земельных пограничных конфликтов, из которых 11 сопровождалось вооруженными столкновениями общин со шляхтой; 23 случая физической расправы и покушений на жизнь шляхты; 14 случаев бойкота войтовских и казенных корчем и мельниц; 13 поджогов корчем и шляхетских дворов; 10 случаев разоружения шляхты; 9 организованных нападений на корчмы и войтовства; 7 массовых вооруженных восстаний против шляхты. Всего известно свыше 50 выступлений крестьян с оружием в руках. Во времени все эти выступления распределялись следующим образом: на 30-е годы приходится 20,7% всех выступлений, из них половина — вооруженные; на 40-е годы — 15,5%, из них большая половина — вооруженные; на 50-е годы — 24,1%, однако вооруженных среди них было мало — менее 1/3 общего числа; на 60-е годы приходится 27% всех выступлений, из коих свыше 2/3 — вооруженные. Борьба не прекращалась, обостряясь, усиливаясь и принимая все более и более «активные» формы, в течение всего XVIII в.

⁷⁷ ЦГИА УССР во Львове, ф. 13, т. 627, стр. 1723; ф. 159, № 756, лл. 46—49.

⁷⁸ Там же, ф. 13, т. 625, стр. 690—692; ф. 159, № 759, л. 191.

⁷⁹ Там же, ф. 159, № 759, л. 195.

⁸⁰ Księgi referendarii koronnej z drugiej połowy XVIII wieku, t. I. Warszawa 1955, str. 37, 180—181.

⁸¹ Там же, стр. 42, 48—49.

⁸² ЦГИА УССР во Львове, ф. 159, № 759, л. 195.

⁸³ НБ ЛьвГУ, д. 509, № 77; д. 533, № 130; д. 546, № 26; д. 547, № 169; д. 564, № 23, 98; д. 572, № 59; AGZ, t. XXII, Nr. 100, § 16.

Подсчеты эти очень условны. Следует, в частности, учесть неодинаковую сохранность актовых книг (плохо сохранились книги за 30—40-е годы, еще хуже — книги начала века). Поскольку 30—40-е годы были периодом наибольшего распространения крестьянских побегов и очень частого применения крестьянами оружия в борьбе, можно предполагать, что на эти годы приходится значительное обострение антифеодальной борьбы. В этом отношении выделяются также 60-е годы. Эти периоды совпадают с кульминационными моментами в развитии крестьянского движения в украинских землях, находившихся под властью Речи Посполитой, — активностью опрышков во главе с Олексой Довбушем и разгаром движения гайдамаков. Социальные противоречия внутри общины заглушались антифеодальным протестом всего крестьянства, но, как представляется, игнорировать их в XVIII в. уже нельзя. Поскольку зажиточная верхушка в деревне была еще сравнительно немногочисленной, самостоятельное начало общины в антифеодальных выступлениях не утратило своей силы, хотя активность ее, по-видимому, снижалась. Об этом косвенно говорят такие факты, как прекращение «гонения следа» примерно в середине XVIII в. и сокращение общинной задолженности при одновременном росте индивидуальных долгов отдельных крестьянских дворов⁸⁴.

⁸⁴ В. Ф. Инкин. Крестьяне Самборской экономии в середине XVIII в. (40—60-е годы), стр. 7, 11.

Л. В. М и л о в

О РОЛИ ПЕРЕЛОЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ В РУССКОМ ЗЕМЛЕДЕЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

Вопрос об изучении элементов переложной системы в земледелии России во второй половине XVIII в. в данной статье ставится прежде всего как вопрос источниковедческий, ибо он принадлежит к числу проблем, сложность изучения которых большей частью обусловливается скудостью источниковедческой базы.

Слабая разработка этого вопроса объясняется также важным обстоятельством историографического порядка — стремлением большинства авторов трактовать сведения о наличии в XVIII в. перелога и залежи лишь как факты, свидетельствующие о сохранении пережитков примитивной переложной системы земледелия, характерной для ранних этапов развития общества. Подобная трактовка, естественно, не стимулировала интерес исследователей к изучению этого якобы исчезающего явления.

Для решения вопроса о степени распространения перелога и залежи в русском земледелии второй половины XVIII в. прежде всего необходима тщательная источниковедческая критика имеющихся материалов, поскольку трудно надеяться на возможность открытия какого-то нового фундаментального источника, который представил бы в наше распоряжение исчерпывающий материал по этой проблеме.

Со времени В. И. Семевского наиболее важным источником, дающим сводную характеристику сельскохозяйственным угодьям в рассматриваемый период, считаются Экономические примечания к Генеральному межеванию. В этом источнике говорится о пашенных угодьях при традиционном упоминании о трехполье. Таким образом, судя по его данным, перелог и залежь во второй половине XVIII в. из земледелия как будто исчезают.

Однако в нашей литературе никто не изучал принцип классификации угодий в Экономических примечаниях, в то время как классификация эта явилась, по существу, переворотом в традиционных для России принципах описания земель и поставила немало затруднений перед теми, кто ее претворял в жизнь.

В самом деле, ведь вся предшествующая система писцовых описаний XVI—XVII вв. непременно включала в себя элемент хозяйственной оценки угодий с точки зрения системы земледелия («пашня паханая», «перелог», «пашня лесом поросла», «лес пашенный» и т. п.). Напротив, Экономические примечания дают совершенно иную классификацию угодий: «пашня», «сенокос», «лес», «неудобная земля» и земля «под поселением». Переход к такой классификации угодий был вызван, очевидно, развитием экономикогеографических знаний как в России, так и на Западе. Принцип составления ее неизвестен¹. Точнее сказать, мы не знаем, включает ли эта классификация земель какой-либо элемент хозяйственного определения вида тех или иных угодий, как это было в XVI—XVII вв. Если этот элемент в ней присутствует, тогда явления перелога или залежи ко второй половине XVIII в. исчезают (что, впрочем, противоречит другим свидетельствам). Если же этот элемент отсутствует, то встает важнейший вопрос о подходе составителей Экономических примечаний к залежным землям и перелугу, иначе говоря, вопрос о том, в какую рубрику зачисляли эти земли при межевании — в «пашню», «сенокос» или «лес».

Таким образом, огромный материал Экономических примечаний должен быть подвергнут изучению с точки зрения соответствия бытовавших в тот период в сельском хозяйстве России систем земледелия той классификации земель, которая принята в Экономических примечаниях. Это большой и длительный труд, который, конечно, не под силу одному исследователю, но который заслуживает самого серьезного внимания.

¹ См. Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М. 1957, стр. 326.

Источниковедческий анализ Экономических примечаний приводит к ряду интересных наблюдений в области изучения принципа классификации угодий. Оказывается, что отсутствие переложных земель в числе угодий, упоминаемых в этом источнике, вовсе не означает их исчезновения из земледельческой практики во второй половине XVIII в. Просто землемеры зачисляли их в другие угодья, причем принципы этих перегруппировок были отнюдь не единными.

Интереснейшие материалы, сохранившиеся в ЦГАДА, позволяют проследить начальный этап этой большой и сложной работы. Дело в том, что принцип классификации угодий, которого придерживались составители ряда первых пробных экземпляров Экономических примечаний, резко отличался от принципов, на которых основывалась вся последующая практика Генерального межевания. Это прежде всего относится к Экономическим примечаниям по Ружскому, Волоколамскому, Можайскому, Клинскому и Звенигородскому уездам Московской провинции (конец 60-х — начало 70-х годов XVIII в.)². В них, наряду с типичными для Экономических примечаний видами угодий, упоминаются и такие угодья, как «пашенный лес» и «перелог». При этом следует подчеркнуть, что подобная классификация в пробных экземплярах Экономических примечаний не была простой данью традиции писцово-практики XVI—XVII вв., — это было отражением реальных явлений в земледельческой практике.

Касаясь существа вопроса, т. е. степени распространения перелога и его элементов, необходимо заметить, что переложные земли в упомянутых районах — не редкость. Это обстоятельство может свидетельствовать о довольно широком распространении элементов перелога в земледелии центра России во второй половине XVIII в. и позволяет оценить по достоинству известия такого источника, как топографические описания. Недаром в описании по Тверской губернии за 1783—1784 гг. утверждалось, что «в лесистых уездах леса расчищаются ежегодно *в немалом количестве* (курсив наш. — Л. М.). Нововычищенная земля... теряет после 3 или 4 хлебов свою плодородную силу и требует удобрения навозом. Почему обыватели, употребляя неисчетные на расчистку труды, большею частию потом запускают оную под лес»³. Это наблюдение относится по крайней мере к десяти уездам Тверской губернии⁴, причем далеко не везде пашни запускались под лес: в Вышневолоцком уезде, например, они отводились под сенокос⁵. Данные Экономических примечаний позволяют говорить о переложных землях и на Смоленщине, причем отнюдь не как о каком-то пережитке, а как о довольно распространенном явлении. Так, например, по Гжатскому уезду перелог отмечен в 73 населенных дачах из 104⁶. При дальнейшей переделке Экономических примечаний по новой классификации переложные земли (будь то «пашенный лес» или «перелог»), как правило, зачислялись в рубрику «лес». Это подтверждается сопоставлением пробных черновиков с Примечаниями, утвержденными Сенатом в 1773 г. Вот ряд примеров по Ружскому уезду⁷:

Пробные черновики

Название селения	Пашня	Лес строевой	Лес дровяной	Лес пашенный	Сенокос	Неудобной земли	Итого
Сельцо Трохосво	81 дес. 2398 саж.	—	—	3 дес. 1952 саж.	5 дес. 1300 саж.	6 дес. 1115 саж.	104 дес. 957 саж.
Село Покровское	676 дес. 198 саж.	250 дес. 122 саж.	124 дес. 2200 саж.	95 дес. 791 саж.	112 дес. 1680 саж.	93 дес. 936 саж.	1396 дес. 2073 саж.
Сельцо Дьяково	50 дес. 550 саж.	—	31 дес. 173 саж.	17 дес. 465 саж.	60 дес. 1200 саж.	10 дес. 1011 саж.	171 дес. 560 саж.
Село Брынково	962 дес. 1153 саж.	90 дес.	208 дес. 234 саж.	268 дес. 1200 саж.	154 дес. 1680 саж.	32 дес. 126 саж.	1840 дес. 474 саж.

² ЦГАДА, ф. 1320, оп. 7, дела 1842, 2322, 2407, 2035, 2207.

³ Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783—1784 гг. Тверь 1873, стр. 5.

⁴ Там же, стр. 37, 66, 74, 94, 106, 120, 129, 157 и др.

⁵ Там же, стр. 94.

⁶ ЦГАДА, Меж. архив, Экономич. прим. по Смоленской губ., д. 35.

⁷ ЦГАДА, ф. 1320, оп. 7, д. 1842, лл. 5 об.—6, 18 об.—19, 7 об.—8, 25 об.—26; ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 3, д. 18859, ч. 1, № 375, 501.

Примечания 1773 г.

Название селения	Пашня	Лес дровяной	Сенокос	Неудобной земли	Итого
Сельцо Трохово	81 дес. 2398 саж.	3 дес. 1952 саж.	5 дес. 1300 саж.	6 дес. 1115 саж.	104 дес. 957 саж.
Село Покровское	676 дес. 198 саж.	470 дес. 713 саж. (включая строевой)	112 дес. 1680 саж.	80 дес. 2156 саж.	1384 дес. 893 саж.
Сельцо Дьяконово	50 дес. 550 саж.	48 дес. 638 саж.	60 дес. 1200 саж.	10 дес. 1011 саж.	171 дес. 560 саж.
Село Брынково	1207 дес. 1740 саж.	495 дес. 1290 саж.	96 дес. 658 саж.	133 дес. 1907 саж.	1970 дес. 15 саж.

Количество подобных примеров легко увеличить, так как аналогичным положение было буквально по каждой даче уезда. При этом не следует думать, что переложные земли в виде «пашенного леса» при переделке Примечаний причислялись к «лесу» механически, что это, следовательно, чисто канцелярская работа. Такое предположение отпадает, как только мы сопоставим и изучим цифры, относящиеся к соответствующим угодьям. Большинство цифр о количестве населения и о размерах отдельных угодий при переделке остались без изменений, однако довольно часто встречаются дачи, где в силу тех или иных причин попутно с перераспределением переложных земель была выполнена дополнительная работа по переименованию дач. В приведенной таблице такие изменения можно видеть по даче села Брынково. Иначе говоря, вся работа по изменению принципа классификации угодий производилась в полевых условиях.

Из анализа и сопоставления пробных черновиков и утвержденного варианта Экономических примечаний выявляется еще одно немаловажное обстоятельство. Отнюдь не всегда угодья, отнесенные прежде к «пашенному лесу», переводились в рубрику «лес». Встречаются случаи (их, правда, меньше), когда «пашенный лес» попадал в рубрику «сенной покос». Так, например, по Можайскому уезду в даче сельца Опарина по черновикам числилось 135 десятин 2107 сажень «пашенного леса» при отсутствии строевого и дровяного леса и сенокоса, в Кратком же примечании 1782 г. находим «сенокос» в размере тех же 135 десятин 2107 сажень при отсутствии леса⁸. Этот факт подтверждает, что название «пашенный лес» строго соответствовало действительности, т. е. это была большей частью мелкая лесная поросль или кустарник, типичные для переложных земель⁹. В даче сельца Опарина эта поросль была, очевидно, настолько мелкой или редкой, что ее решили квалифицировать как сенокос. В пользу мысли, что термин «пашенный лес» строго соответствовал действительности, свидетельствует и то обстоятельство, что в пробном Примечании этот тип угодий выделен наряду со «строевым лесом» и в особенности наряду с «дровяным».

Изучение источников наводит на мысль, что, во всяком случае в XVIII в., между терминами «пашенный лес», с одной стороны, и «перелог», с другой, вероятно, не было существенных различий¹⁰. Так, в частности, Примечание к Генеральному плану Гжатского уезда 1781 г. строго придерживается термина «перелог», хотя в 80-х годах XVIII в. при создании так наз. краткого варианта Примечаний эти переложные земли зачислялись в равной мере как в «лес», так и в «сенокос»¹¹. Приведем ряд примеров (см. таблицу на стр. 282)¹².

Как в даче дер. Клячина, так и в даче сельца Звездунова «перелог» объединяется со строевым и дровяным лесом, точно так же в вышеприведенных примерах поступали с «пашенным лесом». Вместе с тем в Примечании по Гжатскому уезду часто встречается «перелог, по которому сенной покос». При изменении в классификации угодий этот вид перелога всегда попадает в графу «сенокос». Так, в пустоши Глухова по Примечанию 1781 г. было 40 десятин «перелогу, по которому сенной покос», а по Крат-

⁸ ЦГАДА, Меж. архив, Экономич. прим. по Московской губ., д. 40, дача 98; ф. 1320, оп. 7, д. 2407, дача 43.

⁹ К сожалению, в литературе нередко встречается представление о переложной земле как о земле, непременно поросшей большим, чуть ли не строевым лесом. Между тем источники свидетельствуют как раз об обратном — оказывается, что переложные земли — это земли, поросшие либо кустарником, либо мелкой лесной порослью.

¹⁰ В какой-то мере это относится к терминам «перелог» и «залежь» для безлесных районов.

¹¹ См. Л. В. Милова. О вариантах «Экономических примечаний» второй половины XVIII в. — «История СССР», 1957, № 2.

¹² ЦГАДА, Меж. архив, Экономич. прим. по Смоленской губ., дела 35 и 32.

Примечание 1781 г.		Краткое примечание	
№ 70, дер. Клячина			
Пашня	162 дес. 1860 саж.	Пашня	162 дес. 1860 саж.
Перелог	672 дес. 1016 саж.	—	—
Сенокос	130 дес. 990 саж.	Сенокос	130 дес. 990 саж.
Строевой лес	250 дес. 120 саж.	Лес	1154 дес. 2156 саж.
Дровяной лес	232 дес. 1020 саж.	—	—
Итого	1786 дес. 1788 саж.	Итого	1786 дес. 1788 саж.

<i>№ 75, селцо Звездунovo</i>					
Пашня	70 дес.	1200 саж.	Пашня	70 дес.	1200 саж.
Перелог	42 дес.	1020 саж.	—	—	—
Сенокос	25 дес.	1480 саж.	Сенокос	25 дес.	1480 саж.
Строевой лес	24 дес.	30 саж.	Строевой лес	66 дес.	1050 саж.
Итого	172 дес.	1464 саж.	Итого	172 дес.	1464 саж.

кому примечанию стало 40 десятин «сенного покоса»¹³. Точно так же в селце Дровнино с 25 деревнями в первом случае были 6762 десятины «перелогу, по которому сенной покос», а во втором случае стало столько же десятин «сенного покосу»¹⁴ и т. п. Стоит подчеркнуть, что землемеры отличали переложные земли, «по которым сенной покос», от лесных зарослей с сенокосом, которые они зачисляли в «лес»¹⁵.

Таким образом, нетрудно заметить, что несмотря на разницу в терминах («пашенный лес», «перелог») в обеих группах примеров имеются в виду одни и те же типичные переложные земли, поросшие травой, мелкой лесной порослью или кустарником.

В данном источнике возможность обнаружить явления перелога ограничивается лишь несколькими пробными экземплярами Экономических примечаний по Московской губернии, но на их основе мы вправе сделать источниковедческий вывод принципиального характера: Экономические примечания к Генеральному межеванию скрыли от взора исследователя такое немаловажное для русского земледелия XVIII в. явление, каким является применение переложной системы и ее элементов. Выявить и изучить это явление можно лишь в результате весьма кропотливой работы по критике этого источника.

Очень сложно, в частности, обстоит дело с Экономическими примечаниями по черноземным и степным губерниям. Если до сих пор мы имели в основном дело с перелогом, который зачислялся либо в лес, либо в сенокос, то по этим губерниям вообще трудно определить, в какую графу занесены переложные или залежные земли, существование которых не подвергается сомнению. В литературе встречаются утверждения, подкрепленные фактами, что подобные земли включались в число пашенных угодий¹⁶. Однако источники дают пока слишком мало материала для того, чтобы это утверждение могло перерасти в обобщающий вывод. Все же в подготовительных материалах к Примечаниям есть некоторые новые факты на этот счет.

Прежде всего несколько слов о терминологии этих материалов. Очень большой фактический материал о названиях самых различных видов угодий дают так наз. межевые книги, которые составлялись землемерами. Их терминология шире и разнообразнее терминологии собственно Экономических примечаний. Но даже в межевых книгах, в частности по Харьковской и Орловской губерниям, совершенно не употребляются термины «перелог» или «залежь». Землемеры называют из основных угодий лишь «лес», «мелкую лесную поросль», «кустарник», «сенные покосы» и «пашенную землю». Если учесть, что в описании хода межи землемеры должны были в качестве постоянных ориентиров опираться лишь на постоянные угодья, отсутствие среди названных угодий перелога или залежи в конце концов станет понятным: это отнюдь не постоянные угодья, ибо они в той или иной степени все время вовлекаются в пашню. Именно по-

¹³ ЦГАДА, Меж. архив, Экономич. прим. по Смоленской губ., д. 32, дача 78; д. 35, дача 78.

¹⁴ Там же, д. 32, дача 96; д. 35, дача 96.

¹⁵ Там же, д. 32, дачи 97, 98, 160, 240, 241 и др.; д. 35, дачи 97, 98, 160, 240, 241 и т. п.

¹⁶ И. Д. Ковальченко. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства.) М. 1959, стр. 30, 33.

этому вполне вероятно, что под «пашенной землей» землемеры имели в виду как поля трехпольного севооборота, так и переложную землю.

Эту мысль подтверждает сравнение терминологии землемеров с терминологией поверенных при межевании крестьян. Так, в частности, в «сказке» поверенных слободы Алешны Ахтырского уезда Харьковской губернии «о полюбовном разводе и утверждении межи» встречаются следующие угодья: «... и малая часть леса и вокруг *пахотное поле переложное* (курсив наш. — Л. М.) и сенокосы з рощею дубовою»¹⁷. Таким образом, в межевой документации, составленной крестьянами, употребляется термин «перелог», а между тем в межевой книге, составленной на ту же самую дачу слободы Алешны землемерами, есть лишь «сенокосы» и «пашенная земля». Разумеется, нет термина «перелог» и в Экономическом примечании на эту дачу. Вполне допустимо, что землемеры включили перелог в пашенную землю, поскольку сами крестьяне характеризовали его как одно из «пахотных полей».

Над этим вопросом заставляют задуматься и некоторые другие факты, встречающиеся, в частности, в материалах межевой документации по малоосвоенным районам Воронежской губернии. В некоторых межевых книгах Землянского, Острогожского, Калитвенского и Коротоякского уездов к пашне причислялась целинная земля, или так наз. «степь, к хлебопашеству способная». Так, например, в межевой книге по слободе Белогорье Калитвенского уезда в итоге значится: «по нынешней мере состоит пашенной земли и степи, к хлебопашеству способной, 33 638 дес. 1631 саж., лесу строевого и дровяного 2708 дес., сенных покосов 1680 дес.» и т. п.¹⁸ Подобных примеров можно привести немало. На первый взгляд может, конечно, показаться, что такая практика является результатом недобросовестности, спешки и т. д., но это не так. Ведь размежевание по угодьям в районе, который во второй половине XVIII в. осваивался бурными темпами, было вовсе не столь простым делом. Не случайно поэтому при составлении готовых томов Экономических примечаний (что могло иметь место спустя 4—5 лет) правильность размежевания по угодьям вновь проверялась, и в обоих наших примерах пашенная земля в Примечаниях уже отделена от целины¹⁹.

Вместе с тем факты подобной практики землемеров должны насторожить, ибо исследователи отнюдь не гарантированы от того, что в итоге размежевания немалая часть целинных земель, а тем более земель переложных не попала в число пашенных угодий. Так, например, в межевой книге дер. Козынки Коротоякского уезда значится: «по нынешней мере состоит пашенной земли и степи, к хлебопашеству способной, 126 дес. 558 саж.»²⁰, в готовых же Примечаниях к пашне отнесена уже 251 десятина 2291 сажень. Ясно, что в «пашню» включена здесь не только распаханная земля, тем более что в Козынке было всего лишь 20 душ мужского пола²¹.

С другой стороны, запущенные переложные земли в черноземных и степных уездах могли быть и под сенокосными угодьями. Так, в обстоятельном описании А. Шафонского по Черниговскому наместничеству говорится о широко распространенном обычае, когда «по обыкновению по прошествии нескольких лет пахатные поля оставляются на некоторые годы под сенокос, а сенокосные обращаются в хлебопашество»²². В описании Харьковского наместничества подчеркивается, что из-за наличия перелогов «на украинских полях не бывает сплошного всех загонов засева, но на всех трех полях видим между хлебами облоговые (т. е. переложные. — Л. М.) полосы, дабы получить хорошее сено и пастбище»²³.

Таким образом, по отношению к южным районам трудности состоят не столько в принципиальном доказательстве существования переложных и залежных земель, сколько в том, что источники не обеспечивают возможности выявления реальных размеров переложных земель.

Из изложенного вполне ясно, что в ходе Генерального межевания и составления Экономических примечаний была проведена огромная и сложная работа по классификации угодий. При этом переложные и залежные земли постигла самая различная судьба. В Примечаниях по преимущественно нечерноземным губерниям переложные земли включались в состав лесных или сенокосных угодий, что же касается южных губерний, то в некоторых из них, наряду с зачислением в сенокосы, переложные земли были, очевидно, отнесены к пашенным угодьям.

Кроме того, необходимо отметить, что даже из столь краткого обзора фактического материала вполне отчетливо вырисовывается широкое распространение перелога в земледелии второй половины XVIII в. При этом переложные земли не появляются в виде отдельных островков, как какой-то пережиток прошлого, — в некоторых районах, особенно центра, а частично также запада и юга, такого рода земли встречаются почти повсеместно.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 1351, оп. 1, д. 962, л. 5.

¹⁸ Там же, д. 957, лл. 58 об.—59; д. 955, л. 75.

¹⁹ Там же, Меж. архив, Экономич. прим. по Воронежской губ., д. 86.

²⁰ Там же, ф. 1305, оп. 1, д. 600, л. 29 и об.

²¹ Там же, Меж. архив, Экономич. прим. по Воронежской губ., д. 93, дача 14.

²² А. Шафонский. Черниговского наместничества топографическое описание, 1786. Киев 1851, стр. 149.

²³ Топографическое описание Харьковского наместничества. М. 1788, стр. 75.

Несколько слов, в порядке предварительной постановки вопроса, о сущности явлений перелога в земледелии второй половины XVIII в. Как уже говорилось, одной из причин недооценки и даже замалчивания в исторической литературе фактов распространения перелога в земледелии XVIII в. послужила трактовка этого явления как пережитка примитивной переложной системы земледелия, характерной для ранних этапов развития общества. Действительно, в источниках есть свидетельства о применении во многих лесистых районах нечерноземной полосы, не говоря уже о черноземных районах, настоящей переложной системы земледелия. Но в таких случаях речь идет чаще всего о всякого рода лесных нивах и заимках, на которых крестьянин, ввиду известной их выгодности, применял так наз. отсталые приемы земледелия. В громадном же большинстве случаев наличие переложных земель связано с явлениями, весьма далекими от переложной системы в собственном смысле этого слова. При этом в качестве решающих здесь могут быть выделены два момента.

Первым из них является то обстоятельство, что в изучаемый период соотношение площади переложных и распаханых земель не имеет ничего общего с соотношением этих земель при типичной переложной системе земледелия, когда перелог по крайней мере в четыре-пять раз должен превышать по площади распаханые земли. Во второй половине XVIII в. такое соотношение, характерное для переложной системы, встречается лишь на пустошных землях, отхожих пашнях, да и то не везде²⁴. В огромном большинстве случаев по Экономическим примечаниям можно констатировать существование переложных земель, которые составляют всего-навсего 20—40% от размера распаханной пашни, т. е. вместо $\frac{4}{5}$ общей площади перелог составляет здесь примерно лишь $\frac{1}{5}$ часть. Так, в частности, по Гжатскому уезду в Новоошешинской волости, где было 87 селений, пашни числилось 21 407 десятин, а перелога — 11 549 десятин (50% от площади пашни), в даче села Савина со 107 селениями пашни было 71 216 десятин, а перелога — 21 827 десятин (менее 30%), в дер. Ильичина с 3 деревнями пашни было 1787 десятин, а перелога — 672 десятины (30%) и т. п. По Можайскому уезду в целом перелога («пашенного леса») было 138 тыс. десятин при 175 тыс. десятин пашенных угодий²⁵. Увеличивать число примеров нет смысла, так как такое соотношение встречается в подавляющем большинстве дач.

Помимо материала по центру страны, можно привести яркие факты по другим районам, притом из источников иного типа, в частности из так наз. «офицерских описей». По 82 селениям Вобловницкой волости Слободского уезда (3389 душ мужского пола), входившим в вотчину Хлыновского Трифонова монастыря, перелог или запущенная пашня составляли 47% от распаханной земли (2272 четверти)²⁶. В Кырчанской вотчине Хлыновского уезда (2280 душ мужского пола) перелог составлял всего 20% от распаханной земли (667 четвертей)²⁷.

Таким образом, исследователь стоит перед фактами, исключающими возможность ведения переложной системы ввиду необычно малой доли переложных земель.

Вторым моментом, убеждающим нас в том, что наличие во второй половине XVIII в. массивов переложных земель вовсе не означает существования при этом переложной системы земледелия, является применение на землях, вышедших из-под перелога и периодически забрасывавшихся в перелог, трехпольных севооборотов паровой системы земледелия.

Обратимся к фактам, которых достаточно как в источниках, так и в литературе. Можно начать с уже упомянутых материалов Трифонова монастыря, где переложные земли исчисляются по трем полям. Следует оговориться, что в данном случае намеренно взяты материалы «офицерских описей», не опирающихся на писцовые книги, «трехпольная» классификация которых послужила в свое время предметом спора. Материалы по вотчинам Трифонова монастыря за отсутствием данных писцовых книг собирались у крестьян и сопровождалась следующей формулировкой: «А счисление у крестьян бывает по одному севу хлеба, ржи, и не каждой год у всех генерально в той деревне пашенной земли на 30, да сверх того за неурожаем хлеба состоит в пусте на 11, — итого на 41 четверть в поле, а в дву по тому ж»²⁸. Предельно ясная формулировка источника, свободного от писцовой терминологии, которая носит иногда прямо-таки загадочный характер, делает вполне очевидным, что здесь забрасываются именно выпашанные поля парового трехполья.

²⁴ Например, по Экономическому примечанию Гжатского уезда, в даче 209 пашни было 15 десятин, перелога — 40 десятин; в даче 260 пашни — 12 десятин, перелога — 46 десятин (ЦГАДА, Меж. архив, Экономич. прим. по Смоленской губ., д. 35). Здесь, хотя и с большой натяжкой, можно предположить наличие переложной системы с периодом запуска земель в 10—15 лет.

²⁵ ЦГАДА, Меж. архив, Экономич. прим. по Смоленской губ., д. 35, дачи 1, 14, 70; ф. 1320, оп. 7, д. 2407, лл. 353—354.

²⁶ Там же, ф. 280, оп. 3, д. 690/710, ч. 1, лл. 35—321.

²⁷ Там же, лл. 452 об.—660.

²⁸ Там же, л. 35 и сл.

Вероятно, так обстояло дело и во многих центральных районах. В Темниковском уезде Тамбовской губернии было, например, в обычае, расчищая из-под леса пашни и луга, «оставлять прежние за выпашкою»²⁹. Такой же обычай описан у А. Т. Болотова для Калужской губернии, когда дальние земли, обрабатывавшиеся по трехпольному севообороту, после ряда лет забрасывались в перелог³⁰. Крестьяне Семеновского уезда, по свидетельству В. И. Даля, «искони приняли за правило пахотные полосы... оставлять попеременно после непродолжительной распашки под залежь на 6—8 и даже до 10 лет»³¹.

Важно подчеркнуть, что забрасывание земель, обрабатывавшихся в режиме трехполья, происходило и в южных черноземных землях (где, между прочим, заметное распространение имела и собственно переложная система земледелия). Так, в описании по Харьковскому наместничеству подчеркивается наличие «на украинских полях» переложных («облоговых») полос «на всех трех полях»³².

Таким образом, во второй половине XVIII в. процент переложных земель по отношению к пашне в большинстве случаев слишком мал для того, чтобы могла существовать переложная система земледелия. К тому же эти земли в период их использования обрабатывались по трехпольному севообороту. Следовательно, скорее всего мы имеем дело лишь с элементами переложной системы, которые неразрывно сочетаются с трехпольем. Иначе говоря, перед нами своего рода комбинированная система, сочетающая в себе достоинства как переложной, так и трехпольной системы³³.

Между прочим, подобные явления имели место как в более ранние, так и в более поздние хронологические периоды. По отношению к концу XV — началу XVI в. это отмечено в работе А. М. Гневушева, который обращает внимание на распространение в новгородских землях так наз. «лядинной» системы земледелия, предусматривавшей 3—4 трехпольных севооборота с последующим запуском под лес (1 — ячмень, 2 — овес, 3 — пар, 4 — рожь, 5 — овес, 6 — пар, 7 — рожь, 8 — овес, 9 — пар, с 10-го или позже — запуск в перелог)³⁴. По отношению к XIX в. сходные явления исследованы в работе А. С. Ермолова³⁵. На фундаментальный труд этого буржуазного ученого опирались в свое время такие крупные историки, как Н. А. Рожков, Ю. В. Готье, И. Н. Миклашевский, А. М. Гневушев и др. А. С. Ермолов отмечает распространение в XIX в. так наз. лесопольной системы земледелия, сочетающей паровое трехполье с запуском пашни под лес, причем лес определенный, содействующий плодородию (ольшаник, ельник, березняк)³⁶. Такого рода системы земледелия в XIX в. находили распространение и в Западной Европе (Франция, Германия, скандинавские страны и др.)³⁷.

Важность и значение подобных явлений в земледелии XVIII в. могут быть оценены должным образом лишь при уяснении значения и сущности парового трехполья, которые в литературе не всегда находят верное отражение. Во многих работах, посвященных феодальному периоду, трехпольный севооборот представляется чуть ли не как самая совершенная система земледелия, хотя трехпольный севооборот был далеко не совершенным и внутренние противоречия в трехполье общеизвестны. Трехпольный севооборот — важнейшее средство длительного, но отнюдь не вечного поддержания плодородия почвы (а именно таким его часто склонны считать).

Чистый трехпольный севооборот неизбежно сопровождается нарушением структуры почвы, ведущим к ее полному истощению. Органические удобрения (главным образом, навоз), конечно, служат при трехполье важным средством повышения плодородия почвы. Но источники свидетельствуют о практически ничтожной в рассматриваемый период роли навозного удобрения — даже в помещичьем хозяйстве (лишь в очень немногих районах со значительным развитием скотоводства, каким был, например, район Архангельска, обилие удобрения играло важную роль в повышении плодородия почвы). При таком положении дел трехпольное паровое земледелие неизбежно должно было вести и вело к истощению почвы. На лесных почвах такое истощение наступало за каких-нибудь два десятка лет. Так, в частности, на «новоросчист-

²⁹ Топографическое описание Тамбовской губернии. — Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы, ч. 6. СПб. 1790, стр. 400.

³⁰ «Труды ВЭО», ч. XI. СПб. 1769, стр. 93.

³¹ Государственный архив Горьковской области, ф. 2, оп. 4, д. 5076, лл. 1—3 (цит. по диссертации А. В. Седова «Удельные крестьяне Нижегородской губернии (1797—1863 гг.)», Горький 1953 (рукопись), стр. 132).

³² Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 75.

³³ Подобные факты в земледелии, на наш взгляд, возможны лишь при относительно высоком уровне производительных сил.

³⁴ А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве, т. I, ч. 1. Киев 1915, стр. 215.

³⁵ А. С. Ермолов. Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и севообороты, изд. 2. СПб. 1891.

³⁶ Там же, стр. 92—112 и др.

³⁷ Там же, стр. 62.

ных» после ревизии 1744 г. починках Хлыновского уезда уже к 1764 г. от 30 до 60% участков земли были истощены, лежали «в пусте»³⁸.

Если примерно до конца XVIII в. истощения почв в широком масштабе не наблюдается, то объяснение этому, на наш взгляд, следует искать в том, что при большом разнообразии почв (особенно в нечерноземных районах), вероятнее всего, находили широкое распространение различного рода комбинированные системы земледелия, сочетавшие трехпольный севооборот с периодическим забрасыванием пашни в перелог. Дело даже не в том, что в русском земледелии существовали какие-то особые, до сих пор неизученные системы земледелия³⁹, — в конечном счете речь должна идти о более или менее периодическом «обновлении» основного массива земель, обрабатывавшегося по трехпольному севообороту⁴⁰. В одних случаях к этому «обновлению» вела истощенность земель, в других — их засоренность. Быть может, было бы правильнее говорить просто об ином понимании парового трехполья, включая сюда не только собственно трехпольный севооборот, но и резервы переложных земель.

Все изложенное здесь может помочь объяснить то большое расхождение размеров пашенных угодий по Экономическим примечаниям и площади посевов по губернаторским отчетам, которое вызвало в литературе полемику⁴¹.

В своей интересной и глубокой работе о сельском хозяйстве Н. Л. Рубинштейн склонен видеть в этом расхождении свидетельство того, что повсеместно не использовалась вся площадь пахотных угодий⁴². Однако считать неиспользованной, иначе говоря, пустующей столь значительную часть земель (по данным Н. Л. Рубинштейна, 30—60% всех пашенных угодий) — это значит отрицать наличие такого широко известного для рассматриваемого периода явления, как малоземелье, проявившееся в острой борьбе крестьян за землю, в крестьянской колонизации южных районов и т. п.⁴³ В отношении ряда районов Н. Л. Рубинштейн допускает возможность того, что пашня не использовалась целиком из-за сокращения посевов в связи с «переходом крестьян от хлебопашества к промышленно-промысловой деятельности и ростом отходничества»⁴⁴. Но с такой постановкой вопроса нельзя согласиться, ибо сокращение посевов в Центрально-промышленном и Северо-Западном районах на 45—48%, т. е. почти наполовину, нельзя объяснить даже самыми бурными темпами отрыва крестьянства от земледелия⁴⁵. В полном противоречии с подобным объяснением находится, кстати, другой раздел книги Н. Л. Рубинштейна, где, изучая изменение площади посевов в конце XVIII — начале XIX в., он указывает на тенденцию роста этой площади по тем же Центрально-

³⁸ Так, в Курчумской волости Хлыновского уезда на освоенных после второй ревизии (1744 г.) землях при населении 207 душ мужского пола были 873 четверти пашни, обрабатываемой по паровой трехпольной системе, и 456 четвертей пашни, лежащей «в пусте за неурожаем» (ЦГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 690/710, ч. 1, лл. 325 об.—394 об.).

³⁹ Ведь о какой-либо системе, особенно для нечерноземных районов, большей частью трудно и говорить, ибо последовательному применению определенной системы мешает изобилие участков пашни разного качества, т. е. неравнозначных по срокам возможной эксплуатации, и расположение этих участков в самых различных местах. Кроме того, как справедливо отмечает А. С. Ермолов, лесопольная система не часто развивалась до уровня системы в собственном смысле этого слова, большей частью, «запуская участок вследствие его истощения, хозяин не спрашивает себя, на сколько времени он его запускает; расчищая участок из-под леса — не знает, обычно и не интересуется тем, как давно этот участок запущен» (А. С. Ермолов. Организация полевого хозяйства, стр. 112). Этим обстоятельством можно, пожалуй, в значительной мере объяснить отсутствие в источниках свидетельств именно о такого рода системе земледелия.

⁴⁰ Наблюдения такого порядка изложены в работе В. В. Дорошенко, который, отмечая быструю истощаемость почв в Латвии и недостаток навоза в XVI в., пишет о вытекающей отсюда необходимости «давать истощенным за многие годы участкам более длительный отдых, нежели, например, при обычном трехполье» (В. В. Дорошенко. Очерки аграрной истории Латвии в XVI в. Рига 1960, стр. 111). В другом месте он прямо говорит о периодическом «обновлении» «главного земельного массива, который использовался в режиме трехполья» (там же, стр. 118).

⁴¹ См. Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.; И. Д. Ковальченко. Динамика уровня земледельческого производства в России в первой половине XIX в. — «История СССР», 1959, № 1; В. К. Яцунский. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России. — Ежегодник по аграрной истории стран Восточной Европы 1959 г. М. 1961.

⁴² Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в., стр. 231—240.

⁴³ См. об этом рецензию Н. М. Дружинина на книгу Н. Л. Рубинштейна («История СССР», 1958, № 3, стр. 237).

⁴⁴ Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в., стр. 233.

⁴⁵ Там же, стр. 209—210 (таблица).

промышленному и Северо-Западному районам⁴⁶. Следовательно, установленный Н. Л. Рубинштейном факт громадной разницы между площадью пашенных угодий и площадью посевов остается у него необъясненным.

Одной из причин, объясняющих это явление, можно считать показанный выше сложный состав пашенных угодий, зафиксированных в Экономических примечаниях. Принцип классификации угодий в Экономических примечаниях не был единым для всей страны, в силу чего в ряде районов в состав пашенных угодий, как мы видели, иногда могли включаться переложные земли. Уместно заметить, что составители этого громадного и сложного описания, носящего в основном статистический характер, зачисляя порой в состав пашенных угодий не только одну распаханную землю, были по-своему правы. Исходя в конечном счете из соображений налогового-финансовой политики, землемеры, собирая сведения о пашне, могли учитывать и систему земледелия. Ведь примерно так же поступали и писцы XVI—XVII вв., выделявшие не только пашню, но и перелог как важнейшие факторы, отражавшие реальное состояние хозяйства и его возможности. Таким образом, вполне вероятно, что встречающийся в Экономических примечаниях сложный состав данных о пашенных угодьях был закономерным явлением.

Заклучая в себе объяснение разницы в размерах посевов и пашни, факт наличия переложных земель в составе пашенных угодий приобретает важное значение, и вопрос этот должен быть подвергнут дальнейшему тщательному изучению. Такое объяснение вполне увязывается и с данной выше оценкой переложных земель как важнейшего, в конечном счете, элемента в самом трехполье. Н. Л. Рубинштейн пишет о пустующей, неиспользуемой пашенной земле, но не видит основную причину того, почему она не использовалась, — истощенность почвы. Более того, забрасываемые истощенные пашенные земли в итоге являются (и это непосредственно вытекает из изложенных выше взглядов на роль переложных земель) не чем иным, как необходимым средством поддержания режима трехполья, и именно поэтому их нельзя называть «пустующими». Из-за того, что такие земли существовали, и нарастали явления острого малоземелья, крестьянской борьбы за землю, крестьянской колонизации и т. п.

В соответствии с изложенными соображениями может несколько иначе выглядеть и проблема так наз. «кризиса трехполья». Вряд ли будет правильным сводить причину падения плодородия почв в первой половине XIX в. только к сокращению луговых угодий, уменьшению поголовья скота и, следовательно, количества основного удобрения, — ибо в таком случае остается слишком много неясностей. В самом деле, если подходить к названной проблеме лишь с точки зрения нарушения пропорциональности в соотношении угодий, то мы увидим, что в громадном большинстве губерний эти пропорции были глубоко нарушены еще в конце XVIII в. Об этом свидетельствуют данные приводимой ниже таблички, где указывается количество десятин сенокосов, приходившихся в соответствующих губерниях на 100 десятин пашни⁴⁷:

Архангельская	197,4	Тульская	10,9
Вологодская	50,9	Рязанская	16,9
Олонецкая	30,4	Орловская	15,2
Петербургская	32,2	Тамбовская	77,4
Новгородская	19,8	Курская	25,8
Псковская	15,1	Воронежская	133,5
Смоленская	11,9	Казанская	25,3
Витебская	7,0	Пензенская	28,9
Могилевская	9,8	Симбирская	60,8
Московская	25,5	Харьковская	76,2
Владимирская	23,1	Екатеринославская	325,1
Нижегородская	15,2	Саратовская	258,4
Костромская	20,3	Оренбургская	203,1
Ярославская	19,6	Вятская	18,6
Тверская	16,7	Пермская	65,1
Калужская	12,4		

Из каких бы норм соотношения угодий мы ни исходили, — из максимальных (на единицу пашни — три единицы луга) или минимальных (1:1), — в любом случае мы видим, что в большинстве центрально-черноземных губерний, не говоря уже о нечерноземных, эти нормы⁴⁸ были полностью нарушены уже в конце XVIII в. Тем не менее

⁴⁶ Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России..., стр. 330—332.

⁴⁷ Данные взяты из статьи И. Д. Ковальченко «К истории скотоводства в Европейской России в первой половине XIX в.» (в кн.: Материалы по истории крестьянства и сельского хозяйства СССР, вып. 4. М. 1960), где использованы в подсчетах данные Экономических примечаний, поскольку цифры К. И. Арсеньева неточны.

⁴⁸ Они фигурируют в экономических и агрономических работах XIX в. (см., например, А. Советов. О системах земледелия. СПб. 1867, стр. 169—181; Обзор действий департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельскохозяйственной промышленности в России в течение 10 лет, с 1844 по 1854 г. СПб. 1855, стр. XXVIII).

общеизвестные явления так наз. «кризиса трехполья» со всей силой проявляются гораздо позже, и, таким образом, аргументы о роли соотношения угодий ничего не доказывают.

Кроме того, сводя причину падения плодородия почв лишь к сокращению луговых угодий, мы оставляем необъясненными явления падения урожайности в тех центрально-черноземных губерниях, где удобрение навозом не практиковалось.

Следовательно, корни так наз. «кризиса трехполья» нужно искать в иных явлениях. В свете всего сказанного относительно поддержания жизнеспособности трехполья большей частью за счет постоянного вовлечения в оборот резерва пашенных земель в виде перелогов и залежей — истоки этого кризиса становятся очевидными. С исчезновением в конце XVIII — начале XIX в. резерва этих земель исчезают главные источники восстановления структуры пашни и ее плодородия, что и проявилось ярко спустя 30—40 лет. Корни кризиса являются глубоко социальными и заключаются в интенсивном расширении помещичьей запашки начиная со второй половины XVIII в. Последующее расширение барской запашки в XIX в. за счет луговых земель и сенокосов углубило этот кризис, сделало его более сложным и острым. В конечном счете «кризис трехполья» является неотъемлемой частью процесса разложения и кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства.

О. Е. И в а н о в а

К ВОПРОСУ О КРЕСТЬЯНСКОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ ФЕОДАЛЬНОЙ ПОЛЬШИ (XVI — СЕРЕДИНА XVIII В.)

При изучении истории аграрных отношений и положения крестьянства в феодальный период важнейшее значение имеют вопросы феодального производства и феодальных производственных отношений. Для выяснения этих проблем необходимо учитывать характер феодальной собственности на землю. При этом вопросам крестьянского землевладения должно быть уделено большое внимание, так как основу феодального производства составляло крестьянское хозяйство.

Несмотря на точные указания классиков марксизма-ленинизма о том, что при изучении формы собственности следует прежде всего выяснить ее экономическую сущность, что в феодальный период производители материальных благ лишены основного средства производства — земли, среди историков в наше время нет единого понимания проблемы отношения крестьян к земле.

При неправильной оценке сущности крестьянского землевладения не может быть решен вопрос об изменениях феодальной ренты, выяснено положение социальных групп в производстве, вскрыты социальные противоречия, а следовательно, не может быть правильно оценена классовая борьба.

В данной небольшой по объему статье делается попытка дать историографическую справку об исследованиях польских историков по данному вопросу и конкретно рассмотреть вопрос об уменьшении крестьянского землевладения в Речи Посполитой в период с XVI до середины XVIII в. в условиях барщинно-фольварочной системы.

Наличие закупного права на землю, на основе которого крестьянин наследственно владел землей и мог с согласия пана продавать и обменивать ее, хорошо известно историкам Польши. Эту форму крестьянского землевладения рассматривает достаточно подробно Я. Барановский. Он считал крестьянина, сидящего на «закупном» праве, собственником земли, не отрицая при этом необходимости дачи паном разрешения на все крестьянские сделки с землей¹. К точке зрения Барановского примыкают И. Рафач, Б. Уляновский, К. Гринвасер и др. Более глубоко вопрос о крестьянском землевладении в XV в. осветил Я. Рутковский, который в работе «К вопросу о земельной реформе в Польше в XVIII в.» попытался дать представление о типах крестьянских хозяйств разных категорий².

В последние годы вопрос об отношении крестьян к земле был снова выдвинут в монографических исследованиях польских историков-марксистов. Большое место заняло освещение рассматриваемой проблемы и в ряде статей, также являющихся результатом серьезных исследований. Л. Житкович, Б. Барановский, Е. Топольский, Ц. Бобинская и ряд других историков, выясняя характер крестьянского землевладения, основываются на указании К. Маркса о том, что крестьянин является только возделывателем земли, «неоплаченный прибавочный труд которого непосредственно идет к собственнику земли»³. Противоположную точку зрения защищает К. Ожеховский в статье «Проблема крестьянской подчиненной собственности на землю в феодальный период»⁴. Он определяет право крестьян на землю как подчиненную собственность, находя в этом праве три основных атрибута собственности — владение, пользование, распоряжение. Уточняя свое понимание зависимой собственности крестьян на землю, Ожеховский определяет этот вид собственности «как особую, характерную для феодальной эпохи форму прав крестьянина на землю, при которой крестьянин имел право распоряжаться землей с ведома и согласия пана, в особенности же имел право частич-

¹ J. Baranowski. *Wież i folwark*. Warszawa 1914.

² J. Rutkowski. *Zagadnienie reformy rolnej w Polsce w XVIII w. na tle reform, przeprowadzanych we wsiach miasta Poznania*. Poznań 1925.

³ К. Маркс. *Капитал*, т. III. М. 1949, стр. 815.

⁴ «Kwartalnik Historyczny», 1959, Nr. 2, str. 480.

ного отчуждения хозяйства и изменения способа использования своих земель, входящих в его хозяйство»⁵.

К. Ожеховский настаивает на том, что в определении крестьянской зависимой собственности нет места для фактора личного характера, каким была крепостная зависимость крестьянина. Он считает ошибочным положение Е. Топольского и Ц. Бобинской, которые не признают зависимой собственности крестьян при наличии крепостничества и повинностей в пользу пана⁶. Ожеховский полагает, что «правоспособность крестьян не могла быть ограничена каким-либо способом или совсем не существовать в условиях феодальной зависимости»⁷, хотя сам не может не отметить, что в условиях барщинно-фольварочной системы «место крестьянской зависимой собственности, которая господствовала при чиншевой системе, занимают иные формы крестьянских прав, значительно менее выгодные для крестьянина»⁸. Но эта оговорка не меняет сути основного положения Ожеховского.

К. Ожеховский не видит связи между феодальной собственностью пана и повинностями крестьян. Сгон крестьян с земли не нарушает, по его мнению, прав собственности крестьянина на землю. Ожеховский считает, что сгон крестьян феодальным собственником «имеет свою основу не в праве собственности феодала на землю, но в принадлежащей феодалу публично-правовой власти». Эту мысль он подчеркивает особо, придавая ей, очевидно, большое значение⁹.

Несмотря на большое уважение к К. Ожеховскому как к исследователю проблем аграрной истории, с вышеуказанными положениями его позволю себе не согласиться.

Как же складывалась историческая действительность в Польше того времени? Феодалы законодательным путем утверждали свое монопольное право на землю. Уже в XIV в., как показывает статья ХСІХ Вислицкого статута, кметы сидели на господской земле и имели лишь право пользования выделенным им участком. Если же связь с феодалом порывалась, то земля и крестьянская усадьба оставались без какого-либо вознаграждения в собственности феодала¹⁰. Петрковский статут 1496 г. лишил крестьян и горожан права собственности на землю¹¹. Крестьяне не имели права распоряжаться даже землей, которую они, выкорчевав лес, сделали пригодной для обработки.

Известно, что постановления Петрковского статута по отношению к горожанам не были реализованы и потребовались дополнительные подтверждения статута (см. Петрковскую конституцию 1538 г.¹²). По отношению же к крестьянам постановления статута имели законную силу. Конституция 1543 г. устанавливала для всей короны охрану шляхетской земельной собственности¹³. В Уставе на волюки 1557 г., по мнению Д. Л. Похилевича, чрезвычайно четко сформулирован вопрос о крестьянском землевладении. В статье 29-м Устава записано: «А где помера пойдет, маю мерити всякий кгрунт, купленный и заставный, кгдаж кмет и вся его маетность наша естъ»¹⁴. Но уже до 1557 г. «и государственное и доменальное законодательство, а также житейская практика великого княжества Литовского... права крестьян свободно (разрядка Д. Л. Похилевича. — О. И.), без ведома господина, распоряжаться своими отчинами не признавали»¹⁵.

Автор работы о польском гражданском праве Т. Островский считает юридически оформленным отсутствие каких-либо прав крестьян на землю в период барщинно-фольварочной системы: «Крепостные, сидящие на земле и отбывающие барщину, не только сами, но и с потомством своим являются собственностью помещика, поэтому помещик может свободно и по закону их дарить, продавать, переводить на другую землю или [переселять] в другое село»¹⁶.

Продажа крестьян без земли, наиболее полно отражая их бесправное положение, также подтверждает отсутствие у них прав на землю. Характерно, что проживавшие в Польше иностранцы, наблюдая положение польского крестьянства, не высказывали никаких сомнений в отношении отсутствия у крестьян права собственности на землю. Так, Фульвио Руджери, папский нунций в Польше, писал в 1565 г.: «Крестьяне, обрабатывающие землю, являются подданными своих панов, которые имеют над ними право жизни и смерти, без какой-либо апелляции в высший суд. Собственности земель-

⁵ «Kwartalnik Historyczny», 1959, Nr. 2, str. 481.

⁶ Там же, str. 483.

⁷ Там же, str. 483—484.

⁸ Там же, str. 491.

⁹ Там же, str. 485—486.

¹⁰ R. Hube. Prawo polskie w XIV w. Warszawa 1881, str. 36.

¹¹ Volumina legum, t. I. Petersburg 1859, p. 36.

¹² Там же, str. 526.

¹³ Там же, str. 282—283.

¹⁴ См. Д. Л. Похилевич. Изменение правового положения крестьян Великого княжества Литовского в XVI веке. — «Наукові записки Львівського державного університету ім. Івана Франка», т. XXV. Серія історична, вип. 5. Львів—Харків 1953, стор. 151.

¹⁵ Там же, стор. 157.

¹⁶ T. Ostrowski. Prawo ciwilne albo szczególne narodu Polskiego. Warszawa 1784, str. 42.

ной не имеют, исключая некоторые духовные поместья, должны работать несколько дней в неделю на пана за небольшой участок земли, назначенный им в пользование, оставшееся время обращают на обработку этого участка. Крестьяне не могут без позволения пана переселиться в другую деревню, так как прикреплены к своему наделу»¹⁷.

Польские феодалы хорошо знали, что земля является их собственностью. Это понимание своих прав на землю нашло яркое отражение в ответе настоятеля Могильского монастыря на жалобу крестьян, в которой претензии крестьян на право дарения ими земли «признавались достойными смеха». Настоятель категорически утверждал, что «крестьяне, все вообще и каждый в отдельности, ни одного загона своей собственной земли не имеют»¹⁸. Продажа крестьян без земли, наиболее полно отражая бесправное положение крестьян, также подтверждает отсутствие у них каких-либо прав на землю¹⁹.

С вопросом о праве крестьян на землю связана и проблема обеспеченности крестьян землей. Ценные исследования польских историков о проблемах истории польской деревни и ряд документов — реестры налогов, инвентари, люстрации, визитации, инструкции управляющим, судебные книги, высказывания публицистов и др. — позволяют поставить вопрос об изменении размеров крестьянских наделов и о влиянии этого процесса на крестьянское хозяйство.

По мере роста помещичьих фольварков происходит перестройка сельского хозяйства, основанная на расширении панской запашки и непрерывном росте эксплуатации крестьян. Эта перестройка постепенно приводит к упадку крестьянского хозяйства, одной из причин которого было сокращение крестьянских наделов.

Статистическая обработка данных о размерах крестьянских пахотных полей очень трудна. Новейшими исследованиями польских историков (С. Среневский, Л. Житкович, В. Урбан, Е. Топольский и др.) доказано, что лан является только весьма условной единицей измерения и не отражает точно величину надела. Размеры надела, для определения которых употреблялись термины «лан», «влука», «морг», «загон», «прент», «локоть», «жребий», «стая», в различных областях Польши были различны — в зависимости от тех условий, в которых они складывались.

Все же процесс сокращения крестьянских наделов в период с XVI до середины XVIII в. можно проследить достаточно четко. При этом следует учитывать, что изменения аграрного строя в разных частях государства совершались неравномерно и неодновременно. На это правильно указал Я. Рутковский²⁰. Так, например, быстрее эти изменения происходили в юго-западных районах Краковского воеводства, позже их можно наблюдать в Серадзско-Ленчицком воеводстве и горных областях Малой Польши.

Уменьшение кметовского землевладения в рассматриваемый период признается всеми историками аграрных отношений в Польше. Однако вплоть до настоящего времени все еще ведется дискуссия о том, когда начался этот процесс в связи с агрессивной фольваркой, и о степени сокращения наделов.

А. Вычанский в своей ценной работе о фольварке XVI в. допускает, «что шляхетский фольварк не проявлял сперва непосредственной экспансии по отношению к крестьянскому землевладению, но осуществлял ее посредственно, путем захвата более пригодных для обработки земель... и путем увеличения крестьянских повинностей, и таким образом тормозил развитие крестьянского хозяйства, чтобы потом, после 60-х годов XVI в., непосредственно угрожать крестьянским владениям»²¹.

В. Русинский, исследуя вопрос о генезисе фольварка, приходит к выводу о том, что сгон крестьян с земли практиковался помещиками в Польше «только в исключительных случаях, а большей частью у крестьян отбиралась лишь часть земли»²².

Иную концепцию защищают Е. Тшизна и А. Кеблицкая, которые допускают массовый сгон крестьян и в XVI, и в XVII в. Выступая на VIII съезде польских историков, А. Кеблицкая, пользуясь материалом краковских, бечских и новосонских судебных книг, привела ряд примеров, подтверждающих сгон крестьян с земли в Краковском воеводстве, отметив, что для периода с 1543 по 1610 г. она обнаружила более 800 указаний о сгоне крестьян с земли. А. Кеблицкая права, говоря, что землю отбирали у различных категорий крестьян (кметей, заградников, корчмарей, мельников, солтысов) и так поступали не только собственники земли, но и арендаторы-держатели²³.

¹⁷ Relacje nuncjuszów apostolskich i innych osób w Polsce, t. I. Berlin—Poznań 1864, str. 128—130.

¹⁸ J. Leskiewiczowa. Dobra Osieckie w okresie gospodarki folwaroczno-pańszczyźnianej XVI—XIX w. Wrocław 1957, str. 143—144.

¹⁹ См. J. Дересiewicz. Transakcje chłopami w Rzeczypospolitej szlacheckiej. Warszawa 1959.

²⁰ J. Rutkowski. Historia gospodarcza Polski. Poznań 1947, str. 128.

²¹ А. Вучаński. Studia nad folwarkiem szlacheckim w Polsce w latach 1500—1580. Warszawa 1960, str. 50.

²² W. Русиński. Drogi rozwojowe folwarku pańszczyźnianego. — «Przegląd Historyczny», 1956, zesz. 4, str. 268.

²³ А. Кеблика. — VIII powszechny zjazd historyków polskich. Warszawa 1960, str. 186—187.

Однако, признавая массовый характер сгона крестьян, А. Кеблицкая не считает, что крестьяне всегда лишались своих наделов полностью: «В некоторых деревнях для фольварка забирали все крестьянские земли, в других — половину или третью их часть»²⁴.

Изученный нами материал краковских, бечских и новосончских судебных книг²⁵ убедительно показывает, что уже с середины XVI в. в Малой Польше размеры земли, находившейся во владении крестьян, сокращались. Совершенно отчетливо выявляется при этом агрессивная роль барщинного фольварка, так как земля забирается у крестьян или для вновь организуемого поместья, или для расширения старого. Однако в названных судебных книгах очень редко упоминается о полном сгоне крестьян, подавляющее количество сведений указывает на захват у крестьян только определенной (хотя и довольно значительной) части земли (следует отметить, что содержащиеся в судебных книгах сведения о захвате крестьянской земли и присоединении ее к фольварку не отличаются необходимой точностью, так что размеры отчуждаемой земли не всегда поддаются определению). Помещик не мог полностью лишить крестьян их наделов, так как крестьянская земля была основой существования крестьянина и его семьи и давала помещику возможность эксплуатировать рабочую силу крестьянина, его орудия труда и необходимый для обработки панских полей скот. Этими соображениями и определялась двойственная политика феодалов по отношению к крестьянским наделам: феодалы забирали у крестьян землю, наделы крестьян непрерывно уменьшались, но часть земли крестьянам обязательно оставлялась, ибо иначе помещик не мог бы обеспечить себя рабочими руками.

Эту политику шляхты, которую она практиковала уже в XVI в., отражают не только судебные книги, но и ряд других документов. Интересны данные люстраций Люблинского воеводства 1565 г. Люстраторы не выясняли размеры крестьянских наделов, которые были неоднородны, их интересовало только общее количество крестьянской земли. Но и эти данные показывают, что уже во второй половине XVI в. наделы значительной части крестьян не превышали половины лана, в отдельных же деревнях размеры крестьянской земли были совсем небольшими. Так, в дер. Едланка 23 крестьянина сидели на 9,5 лана²⁶, в дер. Дроздовка 7 крестьян — на 2,25 лана²⁷ и т. д. В целом в 12 из 27 королевских деревень Люблинского воеводства большую часть крестьян можно зачислить в категорию малоземельных, в деревне же Олышанка кметей нет вообще, там констатированы только 14 загородников с наделами по 6 стай²⁸. Дважды люстраторы упоминают о захвате крестьянской земли для фольварка²⁹.

К сожалению, до сих пор опубликована только люстрация 1565 г. по Люблинскому воедству, что не дает возможности сравнить ее данные с данными предшествующего периода, но тенденция к сокращению наделов очевидна. Возможность сравнить данные, относящиеся к первой половине XVI в. и к концу столетия, дают инвентари поместий и доходов епископства Влоцлавского от 1534 г.³⁰ и инвентарь столовых поместий этого же епископства от 1598 г.³¹ В 1534 г. в 16 деревнях епископства в Серадзском воеводстве имелось 245 крестьянских хозяйств, а в 1598 г. число хозяйств выросло до 362, общее же количество ланов сократилось со 193,5 до 176,5. Кметей с лановым наделом в 1534 г. было 50%, в 1598 г. — 6,6%, кметей, сидевших на половине лана, в 1534 г. было 48,8%, в 1598 г. — 76,2%. Малоземельных крестьян в 1534 г. по инвентарю не числилось, а в 1598 г. эта группа крестьян составляла 17,1%³². В 15 деревнях Сандомирского (Сандомирского) воеводства (Перковенский ключ) в 1534 г. около 3% крестьян имели наделы более одного лана, 52% — по 1 лану и 45% — по 1/2 лана³³. В 1598 г. крестьян с наделами более одного лана нет, число крестьян с лановым наделом сократилось до 30,1%, а сидевших на половине лана — увеличилось до 67,3%³⁴. Конечно, отмечая сокращение крестьянских наделов, следует учитывать демографический фактор: несомненно, земельные наделы уменьшались и в связи с ростом крестьянского населения и семейными разделами. Но основной причиной этого явления было увеличение размеров панских владений и числа фольварков.

²⁴ A. Keblicka. — VIII powszechny zjazd historyków polskich, str. 183.

²⁵ Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (далее — AGAD), Cartensia Cracoviensia, tt. 67, 68, 70—72, 75; Cartensia Becensia, tt. 12—14, 17, 19, 21, 22, 24, 25, 27, 29, 31, 33; Cartensia Sandecensia, tt. 16, 70.

²⁶ Lustracja województwa Lubelskiego 1565 r. Wrocław 1959, str. 58.

²⁷ Там же, str. 59.

²⁸ Там же, str. 31, 59—84.

²⁹ Там же, str. 34, 83. — В дер. Тишмениче у крестьян на фольварк было отнято много обработанной земли.

³⁰ Inwentarze dóbr i dochodów biskupstwa wrocławskiego z roku 1534 (далее — Inw. d. i doch. bisk. W. z r. 1534). Wyd. B. Ulanowski. — Archiwum Komisji Historycznej Akademii Umiejętności, t. X. Kraków 1916.

³¹ Inwentarze dóbr stolowych z roku 1598 (далее — Inw. d. st. z r. 1598), t. 36. Wyd. L. Żytkowicz. Toruń 1950.

³² См. Inw. d. i doch. bisk. W. z r. 1534; Inw. d. st. z r. 1598.

³³ Inw. d. i doch. bisk. W. z r. 1534, str. 60—92.

³⁴ Inw. d. st. z r. 1598.

Сравнительные данные об изменениях в крестьянском землевладении приводит в своей статье «Общественно-экономические изменения в мазовецкой деревне на основе реестров налогов» Ирена Гейштор³⁵. Она отмечает сокращение числа крестьянских ланов в 70—80-е годы XVI в. в сравнении с первой половиной столетия. Это было характерно для Плоцкого и Равского воеводств, для Вышогрудской, Закрочимской и Цехановской земель³⁶. Мазовия в XVI в. представляла собой область, покрытую лесами. Помещики охотно раздавали крестьянам земли для выкорчевывания леса и даже предоставляли им льготные годы, освобождая временно от несения повинностей. Но по существу в такой практике были скрыты агрессивные тенденции помещика, так как после того, как земля была крестьянами окультурена, она часто отбиралась у них для расширения поместного хозяйства.

В целом в XVI в. наблюдается сокращение площади земли, находившейся во владении крестьян. Этот процесс отчетливее обнаруживается во второй половине века, когда развитие барщинно-фольварочной системы достигает больших масштабов. По данным А. Павинского, только с 1571 по 1590 г. в Великой Польше кметовская земля уменьшилась на 15%, а в Малой Польше с 1576 по 1581 г. — с 27 193 до 26 256 ланов³⁷. Характерно, что источники указывают на сокращение крестьянского землевладения как в частновладельческих и королевских землях, так и во владениях духовенства.

Следует отметить, что и в XVI в. есть территории, где крестьяне сохраняли еще крупные наделы — от 2 до 4 ланов. Такие наделы имели крестьяне в Цехоцинском ключе (Плоцкое воеводство). Встречались они и в некоторых других областях Польши, но сравнительно редко.

О настулении феодалов на крестьянское землевладение в XVI в. свидетельствуют также жалобы крестьян и постановления референдарских судов. Так, например, в ответ на жалобу крестьян всех деревень Суражского староства о том, что в связи с образованием нового фольварка многих кметей незаконно переселяют на другие земли, суд признал эту жалобу незаконной, так как «дозволено нам всегда для улучшения поместий наших фольварки учреждать». Суд подтвердил право старосты переселять крестьян, земли которых были взяты под фольварк, на пустые земли, освободив крестьян лишь на некоторое время от повинностей³⁸. Жаловались крестьяне и на неправильное измерение их земель³⁹, а также на захват у них лугов и пастбищ⁴⁰. В постановлениях референдарских судов отражено также стремление крестьян расширить свои наделы путем самовольной обработки пустошей, что, однако, вызывало недовольство феодалов, так как с этих земель крестьяне не хотели нести повинностей. Так, в одном из декретов 1596 г. указывалось: «что касается нововыкопанных земель..., то они должны быть вымерены и в дальнейшем крестьяне не должны копать землю и присоединять ее к своим наделам без разрешения держателя земли»⁴¹. Жаловались крестьяне и на захват земли. Иногда эти захваты по своим размерам были весьма значительны. Так, воевода сандомирский путем нового обмера земли отнял у крестьян 33 влуки⁴². Вопрос о крестьянском землевладении нашел свое отражение и в экономической и публицистической литературе XVI в. «Хороший хозяин» Гостомский, написавший пособие о ведении поместного хозяйства, в котором большее внимание уделил рецептам по эксплуатации крестьян, чем технике хозяйства, все же понимал, что нормальный крестьянский надел должен быть не меньше половины влуки⁴³. Представитель прогрессивной общественной мысли А. Ф. Моджевский, наблюдавший, как в XVI в. сокращались крестьянские наделы и росли фольварки, защищал право крестьян наследственно пользоваться землей, выступая против панских захватов крестьянской земли⁴⁴.

Процесс сокращения крестьянского землевладения, который наблюдался в XVI в., продолжался и в XVII в. Крестьяне все в большей степени начинают ощущать отрицательное влияние малоземелья на свое хозяйство.

Данные судебных книг по Бечкому староству свидетельствуют об усилении экспансии фольварка по отношению к крестьянской земле. Значительно чаще встречаются указания на захват у ряда деревень всей земли⁴⁵. Этот процесс наблюдался и в Люблинском воеводстве⁴⁶ и в других областях Речи Посполитой.

В Новотаргском старостве в первой половине XVII в., по инвентарю 1838 г., были

³⁵ «Przegląd Historyczny», 1956, Nr. 2, str. 195.

³⁶ Там же, str. 244—246.

³⁷ Źródła dziejowe, t. XII—XV: Polska XVI w. pod względem geograficzno-statystycznym, I—IV. Wyd. A. Pawiński. Warszawa 1883, 1886.

³⁸ J. Baranowski. Księgi referendarskie, t. I. Warszawa 1910, str. 14.

³⁹ Там же, str. 39, 40, 42, 43 i in.

⁴⁰ Там же, str. 53, 94, 97, 106, 116, 123 i in.

⁴¹ Там же, str. 58.

⁴² Там же, str. 72, 73, 78.

⁴³ A. Gostomski. Notaty gospodarcze, t. III. Kraków 1856, str. 138.

⁴⁴ A. Modrzewski. O naprawie Rzeczypospolitej. Warszawa 1953, str. 192.

⁴⁵ AGAD, Cartensia Becensia, tt. 34, 35, 38, 39, 168, 171, 173, 176, 179, 184, 186—189, 194, 208.

⁴⁶ К сожалению, по Люблинскому воеводству автор располагает меньшим количеством сведений.

32 деревни. Число кметей в этих деревнях составляло 425 (74%), заградников — 130, халупников — 21. Хотя в инвентаре не указываются размеры наделов, все же эти данные показывают, что малоземельные крестьяне составляли более четверти (26%) всего крестьянского населения староства.

Во владениях наиболее богатого феодального собственника в Великой Польше С. Пишемского были 41 деревня и 44 фольварка. В этих деревнях жило 414 кметей (крестьян с наделом), 92 заградника, 59 халупников, 3 коморника, т. е. малоземельные (заградники, халупники и коморники) составляли около 27% всего крестьянства⁴⁷.

Интересные данные о крестьянском землевладении заключены в реестре налогов Санокской земли 1640 г.⁴⁸ В реестре имеются сведения и о королевских, и о духовных и шляхетских землях, но так как в нем не указаны наделы крестьян, то на его основе можно представить только соотношение общего количества земли, находившейся во владении кметей и малоземельных крестьян. Это соотношение показывает следующая таблица:

Владения	Кол-во крестьян	Кол-во земли в ланах	Кол-во пустошей в %	В среднем на каждого крестьянина земли в ланах	% малоземельных и безземельных крестьян
Королевские	1443	801	14,2	0,4	19,1
Духовные	686	287	1,6	0,4	21,4
Шляхетские	3809	1415	5,3	0,34	32
Всего	5968	2503	8,1	0,38	27,6

На основании данных таблицы можно сделать вывод о том, что процент малоземельного крестьянства был достаточно велик. Особенно это характерно для шляхетских поместий, где крестьяне сильнее ощущали сокращение общей обеспеченности земель. К сожалению, по данному источнику невозможно выяснить, как изменялись размеры наделов кметей.

Материалы инвентарей Краковского воеводства за период 1657—1677 гг. показывают, что в 46 деревнях было зарегистрировано 415 кметей, 399 заградников, 228 халупников и 44 коморника⁴⁹. Число заградников почти равняется числу кметей, превышая в 9 раз число коморников. А. Корнковский и Хр. Пишерембский в Краковском воеводстве имели 11 деревень, где заградники составляли уже почти 50%. Таким образом, судя по материалам Малой Польши, общая обеспеченность крестьян землей сократилась, крестьяне часто сидели на загородах и небольших наделах и находились на грани самостоятельного существования. Шляхта в XVII в. продолжала свою двойственную политику по отношению к крестьянам, уменьшая их наделы, но не отрывая полностью крестьян от средств производства.

События второй половины XVII в. принесли крестьянам неисчислимые бедствия. Документы свидетельствуют о том, что военные поборы, постой солдат, грабежи шляхетского войска разорили многие крестьянские хозяйства. Если в первой половине XVII в., несмотря на рост удельного веса категории заградников, еще была устойчивой группа крестьян, наделы которых обычно составляли от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ лана⁵⁰, то во второй половине XVII в. величина посевных площадей как в крестьянских, так и в фольварочных хозяйствах значительно сократилась и усилилось торможение развития производительных сил, которое осуществлялось барщиной-фольварочной системой уже с XVI в. Исследователи еще не установили размера опустошений, вызванных войнами и их неизбежными спутниками — эпидемиями и голодовками. Но известно, что, как только это становилось возможным, начиналось восстановление помещичьих и крестьянских хозяйств. Восстановление панского хозяйства и в Малой, и в Великой Польше осуществлялось большей частью путем усиления барщинной эксплуатации. К тому же шляхта воспользовалась обнищанием крестьянских хозяйств, чтобы захватить брошенные разоренными крестьянами земли. Все же без крестьян с землей барщинный фольварк не мог существовать, и помещики были вынуждены оказывать своим поданным помощь, давая им ссуды, скот, зерно для посева, однако в целом обеспеченность крестьян землей во второй половине XVII в. падает. Конечно, не везде процесс восстановления шел одинаковыми темпами и путями.

Мы располагаем данными, относящимися только к Санокской земле. Данные санокских судебных книг указывают на уменьшение количества безземельных крестьян до

⁴⁷ Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu kaliskiego. Wrocław 1955, str. 106—117.

⁴⁸ ЦГИА УССР во Львове, Акта grodzkie Sanockie, t. 314, str. 177—212; Rejestr poborowy ziemi Sanockiej.

⁴⁹ Inwentarze dóbr ziemskich województwa krakowskiego 1576—1700 r. Warszawa 1956, Nr. 9—44.

⁵⁰ Об этом можно судить по количеству скота у кметей — судя по инвентарям Краковского воеводства, они имели от 2 волов (четвертьланики) до 4 (полуланики).

20%, при продолжающемся сокращении числа крестьян с наделами в один и в пол-лана⁵¹. Однако по воеводствам Малой и Великой Польши процесс сокращения удельного веса малоземельного крестьянства во второй половине XVII в. проследить не удалось, так как мы не располагаем достаточным количеством необходимого материала источников. Но нам представляется правильным мнение С. Сренёвского, отмечающего в целом обнищание деревни во второй половине XVII в., отрыв крестьянина от рынка, натурализацию крестьянского хозяйства⁵². Таковы общие итоги по XVII в., которые требуют дополнительного исследования по отдельным областям Польши.

В XVIII в. Речь Посполитая снова переживает период войн и стихийных бедствий, что необходимо учитывать при изучении крестьянского землевладения в первой половине XVIII в. Но все источники — инвентари, судебные книги и др. указывают на то, что жизнь польской деревни по-прежнему определялась феодальной практикой помещиков, которая наносила крестьянскому хозяйству огромный ущерб. Судебные книги XVIII в. по Люблинскому воеводству отражают захватническую земельную политику панов⁵³.

По Краковскому воеводству инвентари XVIII в. не опубликованы. Поэтому приходится пользоваться данными польских историков. В. Урбан, сравнивая сведения инвентарей XVII и XVIII вв. (1695 и 1752 гг.), относящиеся к с. Венковице, отмечает исчезновение кметей, рост числа заградников и отсутствие упоминаний о коморниках. В дер. Выглезово за период 1696—1784 гг. сократилось число кметей с полным наделом, исчезли халупники, сидевшие на чинше, и мельник с землей, но увеличилось число заградников и появились два кмета на половине надела. В с. Канары с 1693 по 1780 г. число кметей уменьшилось с 9 до 6, а число заградников увеличилось с 13 до 24; о чиншевых крестьянах и коморниках сведений нет⁵⁴. На основании исследования 91 инвентаря сел Краковского воеводства В. Урбан приходит к выводу, что в период 1750—1795 гг. большинство населения в шляхетских селах данного воеводства составляли заградники.

Изучение 153 инвентарей Калишского воеводства XVIII в. показало, что в 59 селах жили только заградники и халупники, кметей там не было совсем. Кроме того, 8 сел стояли совсем пустыми: в некоторых «все кмети умерли», в других — сбежали «без всякой видимой причины, хотя им помогали», в третьих — «поля не засеяны, хворостом поросли»⁵⁵.

Убедительны также данные Е. Топольского, которые он приводит по материалам Гнезненского архиепископства. По его сведениям, в 1511—1512 гг. крестьяне обрабатывали 3643,5 лана, в 1685 г. (год, когда, по мнению Топольского, уже закончился процесс восстановления хозяйства) — 2268 ланов, а в 1785 г. — 3021 лан, т. е. даже в конце XVIII в., в период экономического подъема в Польше и развития капиталистических отношений, обеспеченность крестьян землей не достигла уровня начала XVI в.⁵⁶

О том, что в XVIII в. помещики продолжали захватывать у крестьян землю, свидетельствуют многочисленные крестьянские жалобы. В одних только опубликованных материалах XVIII в. о жалобах крестьян на захват земель, лугов и пастбищ упомянуто 55 раз⁵⁷. Таким образом, в XVIII в. помещики продолжали вести наступление на крестьянское землевладение. Размеры крестьянской земли сокращались, что наряду с другими факторами приводило к разорению крестьян. Крестьянин отрывался от рынка, так как выйти на рынок мог только зажиточный крестьянин, а кмети, имевшие полу- и четвертьлановые наделы, могли лишь прокормить себя и свою семью. Заградники, а тем более другие категории малоземельного крестьянства совсем не могли участвовать в торговле. Так барщинно-фольварочная система, политика шляхты по отношению к крестьянству вообще и к крестьянскому землевладению в частности подрывали хозяйство основных производителей — крестьян, а вместе с тем и экономику помещичьего хозяйства, постепенно вели к упадку городов и городской промышленности, к подрыву экономики страны в целом.

⁵¹ ЦГИА УССР во Львове, Akta grodzkie Sanockie, t. 180, str. 565—590.

⁵² S. Sreniowski. Wieś polska w połowie XVII w. Warszawa 1957, str. 31—33.

⁵³ AGAD, Lubelskie archiwum, oblata Nr. 21347, k. 236, 1703 r.; Nr. 198/21356, k. 401, 1711 r.; Nr. 21384/225, k. 324—325, 1721 r. i in.

⁵⁴ W. Urban. Poddani szlacheccy w województwie krakowskim w drugiej połowie XVIII w. i ich opór antyfeudalny. Wrocław—Kraków—Warszawa 1958, str. 24.

⁵⁵ Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu kaliskiego, str. 600, 657, 659, 712, 717 i in.

⁵⁶ J. Topolski. Gospodarstwo wiejskie w dobrach arcybiskupstwa gnieźnieńskiego od XVI do połowy XVIII w. Poznań 1958, str. 104, 105, 108.

⁵⁷ Suppliki chłopskie XVII w. Warszawa 1959, Nr. 75, 81, 84, 87, 89, 90—95, 101, 102, 123, 137, 140, 172, 177, 179, 204, 212, 263, 265, 266, 267 i in.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ТРЕТЬЕЙ СЕКЦИИ (конец XVIII — первая половина XIX в.)

Г. П. С т р о д

НАЧАЛО ПРИМЕНЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ МАШИН В ЛАТВИИ (КОНЕЦ XVIII В. — НАЧАЛО 60-Х ГОДОВ XIX В.)

Важным этапом в развитии сельского хозяйства в период разложения феодализма был переход от примитивной рутинной техники феодально-крепостнического периода к капиталистической технике, к применению наемной рабочей силы и сельскохозяйственных машин. Без глубокого изучения этого этапа нельзя определить степень развития капитализма в сельском хозяйстве. Тем не менее начало применения сельскохозяйственных машин в Латвии до сих пор оказывалось вне поля зрения историков.

Применение машин в сельском хозяйстве Латвии было обусловлено развитием элементов капитализма в недрах барщинного хозяйства и экономической необходимостью — потребностью в быстром и широком производстве сельскохозяйственных товаров, главным образом зерна, — для рынка Западной Европы и водки и мяса — для внутренних губерний России и Петербурга. Помещики старались достигнуть этой цели путем совершенствования технического оснащения сельского хозяйства, сохраняя барщинный труд и крепостничество¹. Непосредственные торговые связи с передовыми капиталистическими странами того времени, особенно с Англией, где в последней трети XVIII и в первой четверти XIX в. произошел промышленный переворот, оказали значительное влияние на характер и темпы производства и применения сельскохозяйственных машин в Латвии.

В условиях барщинного натурального хозяйства, когда все сельскохозяйственные работы производились и орудия труда изготовлялись руками крепостных крестьян, большинство помещиков Видземе (Лифляндии) и Курземе (Курляндии) в рассматриваемый период считало выгодным эксплуатировать дешевый ручной труд барщинников. Исключение составлял обмолот хлебов, так как ручной обмолот, затягивавшийся до весны, задерживал реализацию хлеба на рынке². В целях ускорения обмолота хлеба, что должно было обеспечить своевременную доставку его в порты до закрытия сезона навигации и получение более высоких цен, уже во второй половине XVII в. на водяной мельнице в имении Падуре в Курземском герцогстве была построена молотильная машина, обмолачивавшая в риге сушеный хлеб при помощи нескольких десятков цепей, вращавшихся вокруг центральной оси³. Попытки изго-

¹ П. И. Лященко. Очерки аграрной эволюции России, т. I. Л. 1925, стр. 131.

² «Abhandlungen der liefländischen gemeinnützigen ökonomischen Societät», 3. Bd., 1805, S. 172—173.

³ F. Amelung. Salamo Gubert, der Vater der livländischen Landbauwissenschaft. — «Baltische Monatsschrift», 1884, S. 725; J. Juškevičs. Hercoga Jēkaba laikmets Kurzēmē. Rīgā 1931, 494. lpp.

готовить и применить подобного рода конные молотилки в имениях Видземе и Курземе наблюдались даже во второй половине XVIII и в первой половине XIX в., однако вследствие своей малой продуктивности они не получили широкого распространения⁴. В 1797 г., несмотря на таможенные трудности, из Англии были привезены первые шесть так наз. шотландских железных конных молотилок конструкции Эндруса Мейкла. С этого времени начался период изготовления и применения молотилок такого типа в Латвии⁵. Конные молотилки или их модели ввозились и из Южной Германии и Швеции. Наряду с этим приглашались иностранные механики. По сравнению с молотью цепами конные молотилки повышали производительность труда более чем вдвое⁶.

В некоторых имениях Видземе и Курземе наряду с конными молотилками в конце XVIII и начале XIX в. применялись первые опытные веялки, построенные по принципу подбрасывания зерна⁷. В связи со специализацией мызного хозяйства на производстве зерна и ухудшением кормовой базы, в некоторых имениях в это же время началось применение ручных соломорезок⁸.

Начало применения импортных молотилок и соломорезок побудило купца 3-й гильдии Федота Грязнова приступить на своей основанной в Риге около 1790 г. капиталистической литейной мануфактуре, специализировавшейся в основном на производстве чугунных котлов, к изготовлению этих сельскохозяйственных машин. В 1804 г. на «заводе» Грязнова были изготовлены 4 молотилки и 5 соломорезок весом в 200 пудов⁹.

Попытки отдельных помещиков Курземе в начале XIX в. во избежание потерь зерна при ручном посеве применять иностранные конные рядовые сеялки в результате неразработанности почвы (камни, пни, корни деревьев, кустов и т. п.) и технической неполноценности этих сеялок не давали положительных результатов¹⁰. Поэтому вместо рядовых сеялок в некоторых имениях Курземе и Видземе применялись конные разбросные сеялки.

Промышленность России была не в состоянии обеспечить сельское хозяйство машинами¹¹, поэтому царское правительство вынуждено было 15 июня 1806 г. отменить таможенные сборы на ввозимые сельскохозяй-

⁴ J. B. Fischer. *Liefländisches Landwirthschaftsbuch*. Halle 1753, S. 62; ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 3, лл. 29—30, 32—33; д. 13, лл. 5, 9, 10; «*Livländische Jahrbücher der Landwirthschaft*», Bd. VII, H. 1, 1832, S. 93—105.

⁵ «*Abhandlungen...*», 1. Bd., 1802, S. 15—16; ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 14, лл. 10—27; H. F. Duilio. *Die kurländische Landwirthschaft*, I. Mitau 1804, S. 560; ср. P. Leser. *Entstehung und Verbreitung des Pfluges*. Münster 1931, S. 564.

⁶ В риге обмолачивали цепами 2½ воза сушеного хлеба в час (см. Гаспарен. *Земледельческая механика, или применение механики к сельским работам*. СПб. 1852, стр. 247; П. Левис. *О молотильной машине в Риге нового устройства*. — «Труды ВЭО», т. 72, 1821, стр. 178).

⁷ «*Abhandlungen...*», 2. Bd., 1. Stück, 1802, S. IX, XX. — Описания этих машин в конце XVIII в. были присланы на конкурс в Вольное экономическое общество (ЦГИАЛ, ф. 91, оп. 1, д. 359, л. 229).

⁸ *Verhandlungen der livländischen gemeinnützigen und ökonomischen Societät i. d. J. 1796—1798*. Riga 1799, S. 11, 22—23. — В некоторых курземских имениях начали применять глиномешалки («*Abhandlungen...*», 3. Bd., 1805, S. 175—176).

⁹ J. Jenšs. *Kapitalistiskā manufaktūra Vidzemē XVIII gadsimta beigās un XIX gadsimta sākumā*. Rīgā 1951, 12.—13. lpp.; J. Jenšs. *No Latvijas rūpniecības attīstības vēstures 18. gs. beigās — 1860. g.* — *Vēstures problēmas*, V. Rīgā 1962, 196, 297. lpp.

¹⁰ *Umständige Beschreibung einer neuen leicht zu verfertigten Säemaschine...* Mitau 1803; W. Ch. Friebe. *Grundsätze zu einer theoretischen und praktischen Verbesserung der Landwirthschaft in Liefland*, IV. Riga 1808, S. 151—152.

¹¹ В 1802 г. в Вильно была основана небольшая фабрика Х. Вильсона для изготовления сельскохозяйственных машин (ЦГИА Латв. ССР, ф. 214, оп. 1, д. 941, л. 349; Л. Б. Кафенгауз. *Развитие русского сельскохозяйственного машиностроения*. Харьков 1910, стр. 4).

ственные орудия и машины, «к сокращению труда служащие»¹². Это способствовало ввозу сельскохозяйственных машин. Однако отсутствие фабрик и мастерских, которые производили бы ремонт железных и чугунных машин, неспособность барщинной тягловой силы приводить машины в движение, их дороговизна, отсутствие механиков, способных руководить их эксплуатацией, и сопротивление барщинных крестьян внедрению машин, повышавших интенсивность их эксплуатации, — все это делало невозможным применение иностранной сельскохозяйственной техники, приспособленной для капиталистического сельского хозяйства¹³. В условиях Латвии в конце XVIII и начале XIX в. сельскохозяйственные машины имели не производственное, а только опытное значение.

Помещики объясняли невозможность применения иностранных сельскохозяйственных машин в основном «неприспособленностью западноевропейских машин к местным условиям». Поэтому многие помещики отказывались от импорта сельскохозяйственных машин и организовывали изготовление дешевых, в основном деревянных, сельскохозяйственных машин в своих имениях.

В условиях натурального хозяйства, когда все сельскохозяйственные орудия производились руками крепостных крестьян¹⁴, мызное хозяйство в имениях немецких помещиков еще в начале XIX в. по своему характеру почти ничем не отличалось от крестьянского¹⁵. Некоторые специалисты сельского хозяйства предлагали помещикам обучать крестьян изготовлению новых сельскохозяйственных орудий¹⁶, что дало бы возможность без капиталовложений приобрести новую сельскохозяйственную технику. Но для организации такого обучения требовались специалисты, которых не было среди барщинных крестьян. Поэтому производство сельскохозяйственной техники на местах оказалось очень сложным делом. Помещики в начале XIX в. заставляли мельников, кузнецов, плотников изготовлять дешевые «улучшенные» сельскохозяйственные машины, главным образом из дерева¹⁷, приспособленные к местным условиям. В имениях Триката, Яунпилс, Ница и др. были созданы мызные столярно-механические мастерские, где по заказу помещиков изготовлялись сельскохозяйственные машины и орудия труда¹⁸. Под руководством Лифляндского общепольного и экономического общества, объявлявшего в этих целях специальные конкурсы, широко изготовлялись дешевые, в основном деревянные, молотилки разных конструкций («цепные молотилки», «ездные молотилки» и конные молотилки по принципу Э. Мейкла)¹⁹. Но эти «барщинные молотилки» были весьма мало эффективны, при пользовании ими часто напрасно тратилось рабочее время, и барщинные крестьяне сопротивлялись применению таких машин.

¹² ЦГИАЛ, ф. 3, оп. 1, д. 1259, лл. 1, 3, 11—13, 58; Обзор действий департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных страстей сельской промышленности в России в течение 10 лет, с 1844 по 1854 год, I. СПб. 1855, стр. LX; О. Турчинович. История сельского хозяйства России от времен исторических до 1850 г. СПб. 1854, стр. 49.

¹³ «Livländische Jahrbücher der Landwirthschaft», Neue Reihenfolge, Bd. I, H. 2, 1838, S. 1—3; [A. Hueck.] Darstellung der landwirthschaftlichen Verhältnisse in Esth-, Liv- und Curland. Leipzig 1845, S. 245; ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 52, л. 6.

¹⁴ Jauna labu ziņu un padomu grāmata..., 4. izd. Tērbatā 1817, 3.—4. lpp.

¹⁵ J. Ch. Petri. Neuestes Gemälde von Lief- und Ehtland unter Katharina II und Alexander I in historischer, statistischer, politischer und merkantilischer Hinsicht, I. Leipzig 1809, S. 170.

¹⁶ H. F. Dullio. Die kurländische Landwirthschaft, I, S. 134—135.

¹⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 14, лл. 10—27.

¹⁸ «Livländische Jahrbücher der Landwirthschaft», Neue Reihenfolge, Bd. V, H. 3, 1842, S. 572; ЦГИА Латв. ССР, ф. 214, оп. 3, д. 138, л. 67; ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 33, лл. 39—40.

¹⁹ «Livländische Jahrbücher der Landwirthschaft», Bd. VII, H. 1, 1832, S. 93—105; «Труды ВЭО», т. 72, 1821, стр. 159—178; ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 37, лл. 17а, 18; д. 50, л. 16; д. 52, лл. 2—6, 20—21, 61—65, 67; д. 54, лл. 30—31; д. 210, лл. 1—2.

Применение дешевого барщинного труда, определявшее техническую отсталость и рутинное состояние техники сельского хозяйства, было одним из важнейших моментов, препятствовавших внедрению машин в мызном хозяйстве. Именно поэтому конструирование и применение «барщинных» сельскохозяйственных машин были обречены на неудачу. Сельскохозяйственные машины не могли быть совмещены с феодально-барщинным строем, для широкого распространения их нужны были коренные изменения в общественных отношениях.

Дальнейшее развитие производства и применения сельскохозяйственных машин связано с началом промышленного переворота в Латвии в 30—40-х годах XIX в., особенно с развитием металлообрабатывающей промышленности в Риге. Если в 1834 г. в латышской части Лифляндской губернии (в том числе в Риге) были два металлообрабатывающих предприятия с 17 рабочими, то в 1853 г. таких предприятий было уже восемь, причем на них было занято 336 рабочих (6,5% от общего числа рабочих), давших продукцию стоимостью 140 150 рублей (4,9% валовой продукции промышленности)²⁰.

В 1833 г. в Риге начал работу чугунолитейный и машиностроительный завод Вермана, в 1846 г. — завод сельскохозяйственных машин Г. Геккера, в 1852 г. — машиностроительный завод П.-Г. Розенкранца. В 1859 г. при текстильной-фабрике А. Тило в Засулауксе (Рига) было организовано отделение по ремонту сельскохозяйственных машин, в котором изготовлялись и новые машины. В этом же году начал работу завод Г. Клапмейера²¹. Все эти предприятия частично специализировались на производстве сельскохозяйственных машин. Так, на фабрике Вермана изготовлялись железные молотилки разных образцов, соломорезки, картофелерезки, сеялки²². Машины делались обычно по чертежам западноевропейских конструкторов²³. На фабрике Геккера, например, изготовлялись молотилки типа «Ransomes»²⁴.

Поскольку в статистических материалах имеются лишь данные об общей продукции фабрик в рублях за год²⁵, нет возможности определить количество изготовлявшихся на этих предприятиях сельскохозяйственных машин. Во второй половине 50-х годов, в связи с началом широкого строительства железных дорог, рижские заводы не получали достаточного количества качественного железа, что вместе с конкуренцией западноевропейских предприятий отрицательно сказалось на развитии сельскохозяйственного машиностроения в Риге²⁶.

После неудачной попытки видземских и курземских помещиков повысить продуктивность барщинного труда путем формальной отмены крепостной зависимости в 1817—1819 гг. и введения так наз. «свободных договоров», а также с ростом хлебных цен и отменой барщины, в 40—50-х годах ясно наметилась тенденция к широкому внедрению сельскохозяйственных машин. Наибольшее применение в имениях Курземе и Видземе получили в это время конные молотильные машины²⁷ — как местного фабричного производства, так и импортированные из-за гра-

²⁰ J. Jēņšs. No Latvijas rūpniecības attīstības vēstures 18. gs. beigās — 1860. g., 292.—293., 298. lpp.

²¹ Там же, 239.—242. lpp.

²² «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland», 1833, Nr. 41.

²³ Verzeichniss der sämtlichen vorhandenen literarischen Werke der Eisengiesserei von Wöhrmann und Sohn auf Mühlenhof bei Riga (Сектор рукописей и редкой книги Фундаментальной библиотеки АН Латв. ССР, рукопись № 329).

²⁴ ЦГИАЛ, ф. 398, д. 4012, л. 47.

²⁵ ЦГИА Латв. ССР, ф. 107, оп. 7, д. 2, л. 6.

²⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 2399, оп. 1, д. 154, лл. 12—14.

²⁷ J. G. K o h l. Die deutsch-russischen Ostseeprovinzen, I. Dresden—Leipzig 1841, S. 384—389.

ницы²⁸. В Курляндской губернии были популярны и широко применялись молотилки производства московской фабрики братьев Бутенопов²⁹. В Лифляндской губернии в 1863 г. работало уже 217 конных молотилок (в 23% имений), а в Курляндской — 186 (в 29,2% имений), что составляло, соответственно, 70 и 85% всех применявшихся в этих губерниях молотильных машин³⁰. По насыщенности молотильными машинами Лифляндская губерния в начале 60-х годов приблизилась к передовым капиталистическим странам. Эти машины, сделанные в основном из металла, давали высокое число оборотов в минуту, в результате чего стало возможным обмолачивать хлеб без сушки в риге. Это привело к значительной экономии топлива и в 2—3 и более раз повысило производительность труда³¹. Но для приведения машин в движение были необходимы 4—6 сильных мызных лошадей. Попытки использования конных молотилок в имениях, где сохранялось барщинное хозяйство, часто терпели неудачу, так как изнуренные лошади барщинных крестьян не могли привести их в движение³². К тому же барщинники ломали машины, считая их причиной усиления эксплуатации.

В 40—50-х годах XIX в. в некоторых имениях Курземе и Видземе применялись также разбросные и рядовые сеялки (особенно типа «Garrett»). Один рабочий с лошадью на разбросной сеялке мог засеять в день 8—9,25 га, а на рядовой сеялке, которую тянули две лошади, — 5—6,25 га³³, т. е. лишь на 1—2 га больше, чем при ручной работе. Вследствие малопродуктивности и дороговизны сеялки на пороге капитализма встречались еще редко — господствовал ручной сев³⁴.

Самыми непопулярными сельскохозяйственными машинами были уборочные машины, так как применение косы для уборки сена и местами для уборки хлебов считалось достаточно продуктивным, а кроме того, поля и луга нередко были полны камней, пней, кочек, что иногда делало использование уборочных машин невозможным. В-третьих, до 50-х годов XIX в. даже в Западной Европе не была известна ни одна технически совершенная дешевая машина для уборки зерновых и сена. В результате всего этого интерес курземских и видземских помещиков к уборочным машинам, который проявился с 20-х годов XIX в., долгое время не возрастал и помещики на уборочных работах предпочитали использовать дешевый ручной труд барщинных крестьян³⁵. Только в 40—50-х годах вместе с переходом от барщины к использованию наемной рабочей силы помещики стали обращать на уборочные машины, признававшиеся ранее негодными, значительно больше внимания³⁶. Первые жнейки («лобо-

²⁸ «Ransomes», «Garrett», «Union-Königsberg» и др. («Das Inland», 1847, Nr. 27; 1848, Nr. 3; «Kurländische landwirthschaftliche Mittheilungen», 1848, Nr. 5, S. 18; 1847, Nr. 1, S. 10—18; ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 235, прот. № 1964, 1971).

²⁹ «Kurländische landwirthschaftliche Mittheilungen», 1853, Nr. 1; «Livländische Jahrbücher der Landwirthschaft», Neue Reihenfolge, Bd. XII, H. 1, 1852, S. 14—15; ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 176, л. 24.

³⁰ Fr. Jung-Stilling. Material zu einer allgemeinen Statistik Livlands und Oesels. Riga 1864, S. 220—223; Statistisches Jahrbuch für das Gouvernement Kurland für 1863. Mitau 1863, S. 13.

³¹ ЦГИАЛ, ф. 398, д. 4012, лл. 47—48. — Если при молотьбе цепами один рабочий за час вымолачивал около 10 кг зерна, то при молотьбе конной молотилкой — около 40 кг.

³² «Kurländische landwirthschaftliche Mittheilungen», 1847, Nr. 1, S. 10—12.

³³ «Kurländische landwirthschaftliche Mittheilungen», 1859, S. 308—311; 1860, Anhang, S. 78; «Latviešu Avīzes», Nr. 22; «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland», 1859, Nr. 10.

³⁴ Ф. Веймарн. Лифляндская губерния. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба.) СПб. 1864, стр. 362—363.

³⁵ На фабриках Геккера и Вермана в Риге еще в 1851 г. уборочные машины не изготовлялись (ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 242, лл. 1—25).

³⁶ «Kurländische landwirthschaftliche Mittheilungen», 1860, S. 78; 1861, S. 10—16; «Livländische Jahrbücher der Landwirthschaft», Neue Reihenfolge, Bd. XIV, H. 4, 1861, S. 11.

грейки») конструкции Маккормика были куплены в начале 50-х годов баронами Бруйнингком и Крюденером³⁷. В конце 50-х годов жнейки применялись, например, в имении Межотне³⁸.

Наряду с молотильными машинами в 40—50-х годах широко распространились ручные веялки фабричного производства, построенные по принципу создания воздушной тяги. С помощью этих веялок в течение часа можно было очистить значительное количество хлеба — около 7 пур (пура — местная мера сыпучих тел, равная примерно 3 пудам)³⁹.

С усилением производства льна для рынка, в особенности в годы первого капиталистического кризиса перепроизводства в сельском хозяйстве Западной Европы, когда цены на хлеб и водку значительно понизились, видземские помещики в целях ускорения обработки льна начали интересоваться льномоялками⁴⁰. Первые более или менее усовершенствованные конные льномоялки в Видземе были изготовлены в начале 30-х годов XIX в. под руководством бельгийского инструктора льноводства ван Стенкисте. Эти машины значительно повысили производительность труда по сравнению с ручной льномоялкой, заменяя 40 и даже 65 барщинных крестьян. В начале 60-х годов в Лифляндской губернии, особенно в тех имениях, которые специализировались на производстве льна для рынка, работали 74 льномоялки.

В 40—50-х годах начали распространяться механические льнотеребилки, при помощи которых один рабочий за день теребил 18—25 фунтов льна, т. е. в 2—3 раза больше, чем вручную⁴¹.

В связи с развитием в Видземе и Курземе специализации на молочном животноводстве в 40—50-х годах в имениях получили широкое распространение соломорезки, картофелерезки, картофелемойки, свеклосечки и др. Одна картофелекопалка заменяла ручной труд 20 женщин. В 1863 г. в имениях Видземе была уже 241 соломорезка⁴².

Спрос на сельскохозяйственные машины опередил их местное производство, поэтому в 40—50-х годах в Риге были основаны заграничными фирмами магазины, которые торговали сельскохозяйственными машинами⁴³. Особенно сильно возрос спрос на сельскохозяйственные машины накануне осуществления в России крестьянской реформы, в результате которой ожидалось значительное повышение заработной платы сельскохозяйственных рабочих. Так как этот спрос не мог быть удовлетворен местным производством машин, то с 1856 г. начался значительный импорт иностранных сельскохозяйственных машин в Россию, который в последующие годы нарастал быстрыми темпами⁴⁴.

³⁷ «Kurländische landwirthschaftliche Mittheilungen», 1845, S. 174—175; 1849, S. 3—5, 7, 9; 1856, S. 174; 1857, S. 148—149, 174—175; ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 302, л. 26; ЦГИА Латв. ССР, ф. 214, оп. 1, д. 939, лл. 1—3, 5; ср. А. Бажанов. Опыты земледелия вольнонаемным трудом, изд. 2. СПб. 1861, стр. 113—119.

³⁸ ЦГИА Латв. ССР, ф. 214, оп. 1, д. 939, л. 3.

³⁹ «Kurländische landwirthschaftliche Mittheilungen», 1853, Nr. 1—2; ЦГИА Латв. ССР, ф. 214, оп. 1, д. 939, лл. 3—5. — Такие веялки применялись и в некоторых имениях экономически более отсталой восточной части Латвии — Латгалии, входившей в состав Витебской губернии (ЦГИА Белор. ССР, ф. 1628, оп. 1, д. 256, лл. 527, 529).

⁴⁰ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 45, л. 23; д. 49, л. 23; «Livländische Jahrbücher der Landwirthschaft», Bd. II, H. 4, 1827, S. 401—402; Исследование о состоянии льняной промышленности в России, ч. I. СПб. 1847, стр. 22.

⁴¹ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 260, лл. 4—6; «Livländische Jahrbücher der Landwirthschaft», Neue Reihenfolge, Bd. I, H. 1, 1837, S. 458; Bd. III, H. 2, 1840, S. 126—127.

⁴² Fr. Jung-Stilling. Material zu einer allgemeinen Statistik Livlands und Oesels, S. 220—223; «Kurländische landwirthschaftliche Mittheilungen», 1857, Nr. 10.

⁴³ ЦГИА Латв. ССР, ф. 214, оп. 1, д. 941, лл. 349—350. — Дрезденский предприниматель Гаусвальд в 1849 г. даже предложил организовать в Риге акционерное общество для производства сельскохозяйственных машин (ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 211, лл. 5—9).

⁴⁴ Л. Б. Кафенгауз. Развитие русского сельскохозяйственного машиностроения, стр. 4—6.

Вопреки утверждениям немецкой дворянской историографии, будто технический прогресс сельского хозяйства в Латвии всецело является результатом усилий немецких помещиков, исторические факты свидетельствуют о широком участии в этой работе представителей непривилегированных слоев населения, в числе которых было немало лиц латышской национальности⁴⁵. Сохранились, например, сведения о том, что ремесленник из города Цесиса Арнольд Каугерт сконструировал и изготовил конную жнейку («лобогрейку»), которая своим пилообразным ножом в течение трех часов скашивала до 1 га хлебов, заменяя труд 16—25 барщинных крестьян. Решением департамента экономики Государственного совета от 12 февраля 1848 г. А. Каугерту была предоставлена первая в России десятилетняя привилегия на производство жнеек⁴⁶. Машинный мастер Г. Ринг в середине 40-х годов сконструировал и изготовил льномялку, которая приводилась в движение лошадиной силой и заменяла ручной труд 65 барщинных крестьян. Он конструировал также молотилки⁴⁷. Помимо Г. Ринга конструированием и изготовлением молотильных машин занимался видземский мельник Денкс⁴⁸. Однако все изобретения этих выходцев из народа в условиях, господствовавших в изнывавшей под гнетом самодержавия Российской империи, не могли получить широкого применения.

В первой половине XIX в. сельскохозяйственные машины строились без научного обоснования и научных расчетов, единственно на основании опыта⁴⁹. Часто эти машины покупались помещиками, не сведущими в конкретных вопросах сельского хозяйства, причем нередко они, руководствуясь лишь рекламой той или иной машины, приобретали машины, неприменимые в условиях Прибалтики или же испорченные. Появление и пропаганда многих несовершенных типов сельскохозяйственных машин (например, молотилок) не только не способствовали развитию сельскохозяйственной техники, но еще и препятствовали выбору более совершенных образцов. Это, в свою очередь, привело к сохранению у помещиков-крепостников убеждения, что использование дешевого труда барщинных крестьян, применявших допотопные сельскохозяйственные орудия, значительно выгоднее, чем использование квалифицированной рабочей силы, работающей с дорогами, но малопродуктивным сельскохозяйственными машинами⁵⁰.

Развитие машин-двигателей сильно отставало от применения рабочих машин, а это также мешало прогрессу сельскохозяйственной техники. Поэтому понятно, что в 50-х годах, с началом применения паровых двигателей в сельском хозяйстве, в истории этой техники в Латвии начался новый период. Паровые двигатели в промышленности Латвии применялись единично уже с конца второго десятилетия XIX в., а в более широких масштабах — начиная с 30-х годов⁵¹, причем в это время они уже изготовлялись на фабрике Вермана. Однако передвижной паровой двигатель для сельскохозяйственных работ еще не был сконструирован. Только в 1851 г. на всемирной выставке в Лондоне были

⁴⁵ H. Strods. *Latviešu amatnieki — labības pļāvēju konstruktori XIX gs. pirmajā pusē*. — «Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis», 1955, Nr. 3, 133.—142. lpp.

⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 398, д. 3376, лл. 71—72, 74—80.

⁴⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 235, лл. 86—87; д. 260, лл. 4—6; ЦГИАЛ, ф. 91, оп. 1, д. 357, л. 346; д. 367, л. 349.

⁴⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 210, лл. 17, 42.

⁴⁹ Сельскохозяйственная энциклопедия, изд. 3, т. III. М. 1953, стр. 206.

⁵⁰ «Рука человеческая все-таки остается совершеннейшим в свете орудием» (ЦГИАЛ, ф. 384, д. 27408 — Соображения о бездомных крестьянах 1865 г., л. 48).

⁵¹ В 1847 г. паровые двигатели имелись уже на 14 рижских фабриках. На этих фабриках работало 62,8% рабочих и производилось 45,9% промышленной продукции латышской части Лифляндской губернии (J. J e n š s. *No Latvijas rūpniecības attīstības vēstures...*, 273. lpp.).

выставлены локомобили, пригодные для использования в сельском хозяйстве⁵². В Латвии первые локомобили появились приблизительно в это же время. В 1856 г. при помощи паровых двигателей осуществлялась молотба в имениях Залямуйжа и Колерты, в 1857 г. — в имениях Иецава, Вецауце, Скрунда, Земите, Лубэзере и Гайли⁵³. Применение паровых двигателей значительно повысило продуктивность молотбы и дало возможность привести в движение сложные молотилки.

В 1861 г. в Курземе в сельском хозяйстве работал 31, в 1863 г. в Видземе — 29 паровых двигателей⁵⁴. В 1863 г. в Видземе силой пара приводилось в движение 5,9% сельскохозяйственных машин⁵⁵. Это была уже довольно значительная цифра, но все же сельскохозяйственные машины и в помещичьем хозяйстве еще занимали подчиненную роль по сравнению со старыми рутинными орудиями труда. Таким образом, применение машинной техники в сельском хозяйстве уже в период становления капитализма значительно отставало от применения машинной техники в промышленности.

Поскольку, при развитии капитализма в сельском хозяйстве Латвии по прусскому пути, носителем элементов капитализма явилось помещичье хозяйство, оно же начало и применение сельскохозяйственных машин. Значительный перелом в ходе постепенного превращения феодальных латифундий в хозяйства юнкерского типа произошел в 40—50-х годах. До тех пор применение сельскохозяйственных машин носило эпизодический характер, машины не заменяли барщинного труда и существовали наряду с ним, в 40-х же и 50-х годах, с отменой барщины и переходом к использованию вольнонаемного труда, сельскохозяйственные машины в мызном хозяйстве стали вытеснять ручной барщинный труд, в основном в обработке хлебов после уборки. В конце 50-х годов сельскохозяйственные машины применялись в большей части крупных имений⁵⁶.

Возможность применения машин была одним из важных преимуществ крупного сельскохозяйственного производства. Применение сельскохозяйственных машин не только увеличивало количество, но и повышало качество сельскохозяйственных работ в имениях и давало возможность при значительно меньшем объеме труда производить больше товаров для рынка. В свою очередь, использование машин способствовало развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве, вытесне-

⁵² V. Funk. Landwirtschaftsgeschichte. Berlin 1902, S. 55.

⁵³ «Latviešu Avīzes», 1858, Nr. 22; «Kurländische landwirthschaftliche Mittheilungen», 1857, S. 51.

⁵⁴ A. Heyking. Statistische Studien über die ländlichen Zustände Kurlands. Mitau 1862, S. 36—37; Fr. Jung-Stilling. Material zu einer allgemeinen Statistik Livlands und Oesels, S. 220—223.

⁵⁵ Приведем данные о двигательной силе сельскохозяйственных машин в Видземе в 1863 г. (вычислено по Fr. Jung-Stilling. Material zu einer allgemeinen Statistik Livlands und Oesels, S. 220—223; указан процент машин, которые приводились в движение соответствующими двигателями):

Вид машин	Двигательная сила			
	пар	вода	лошади	люди
Молотилки	11,05	10,50	66,30	12,15
Соломорежки	2,86	1,43	20,71	75,0
Льномялки	3,80	3,80	20,70	71,70
Итого	5,91	5,24	35,90	52,95

⁵⁶ ЦГИА Латв. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 329, л. 35.

нию среднего крестьянства и образованию сельской буржуазии и сельского пролетариата⁵⁷.

Начало капиталистической специализации сельского хозяйства уже в 40—50-х годах XIX в. значительно повлияло на темпы и географию распространения сельскохозяйственных машин в Латвии. Машины для посева, уборки, молотбы и очистки хлебов больше применялись в районах распространения товарного зерноводства — особенно на юго-западе и в центральной части Курляндской губернии, машины для подготовки кормов распространились в основном в районах становления торгового скотоводства, машины для обработки льна — в основном в льноводческих районах южной и восточной части Видземе. Колебания цен на продукцию земледелия, начало капиталистической специализации сельского хозяйства Латвии на товарном мясо-молочном животноводстве способствовали применению машин в подготовке кормов, хотя и тормозили внедрение их в других отраслях сельского хозяйства.

Уже в первой половине XIX в. сельскохозяйственные машины применялись только в том случае, если машина по сравнению с ручным трудом давала значительные доходы. Для облегчения труда машины не применялись. Так, разбросные сеялки, повышающие производительность труда приблизительно в два раза по сравнению с ручным трудом, помещики отвергали, так как посев 1 га вручную обходился дешевле посева машиной. Сенокосилки помещики считали коммерчески выгодными в том случае, если они в день скашивали 6—7 га, а жнейки — при производительности около 9 га в день. Поскольку же в середине XIX в. сенокосилки скашивали в день не более 4—5 га, помещики считали их убыточными и, как указывалось выше, применяли редко. Доходными машинами считались картофелекопалки, соломорезки, железные молотилки, картофеле- и свеклорезки и некоторые другие⁵⁸.

Таким образом, капиталистическая ограниченность применения машин уже в самом начале тормозила их использование. Упомянутые сельскохозяйственные машины, как уже указывалось, применялись только в мызных хозяйствах Курземе и Видземе. Крестьянские массы, тянувшие лямку непосильного труда на барщине, до 40—50-х годов употребляли исключительно старые, дедовских образцов орудия сельского хозяйства, изготавливаемые своими руками и типичные для феодальной эпохи. Только в 40—50-х годах, с отменой барщины и переходом к денежной аренде, а особенно в 50—60-х годах, с началом продажи помещицей и казенной земли зажиточным крестьянам, началось применение более простых и дешевых сельскохозяйственных машин и в крестьянских хозяйствах Латвии (за исключением Латгалии).

Первыми сельскохозяйственными машинами, которые применялись в хозяйстве зажиточных крестьян в 50—60-х годах, были ручные веялки и ручные льномялки. Для приобретения более крупных сельскохозяйственных машин даже у зажиточных крестьян не было средств, а кроме того, сельскохозяйственные машины могли применяться только в крупных хозяйствах. Поэтому уже в 50-х годах наблюдаются первые попытки создания буржуазной кооперации в целях расширения производства и совместной покупки и использования крестьянами сельскохозяйственных машин, особенно молотилок⁵⁹. Машины начали концентрироваться в руках кулацкой прослойки⁶⁰. Уже в 1863 г. в хозяйствах зажиточных крестьян Лифляндской губернии применялось 13 конных моло-

⁵⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 192—194.

⁵⁸ Ср. G. Fischer. Die soziale Bedeutung der Maschinen. Leipzig 1902, S. 9, 14—17, 35—38.

⁵⁹ «Latviešu Avīzes», 1854, Nr. 16; 1858, Nr. 22; «Mājas Viesis», 1860, Nr. 21; 1863, Nr. 16.

⁶⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 64.

тилок, 18 соломорезок, 8 льномялок и 34 разные другие сельскохозяйственные машины⁶¹.

Однако в целом сельскохозяйственные машины еще до второй половины XIX в. в крестьянском хозяйстве Латвии были редкостью. При этом в хозяйствах середняков и бедняков и в период капитализма продолжала безоговорочно господствовать примитивная сельскохозяйственная техника и ручной труд.

⁶¹ Fr. Jung-Stilling. Material zu einer allgemeinen Statistik Livlands und Oesels, S. 219.

Ю. Ю. К а х к

О ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЙ В ЭСТОНИИ В XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В 1930 г. Х. Круус своей книгой о крестьянских волнениях 1840-х годов в Южной Эстонии¹ положил начало монографическому исследованию антифеодальной борьбы эстонского крестьянства. Особенно значительные успехи в этой области достигнуты в годы Советской власти².

В результате подробного изучения вопроса, благодаря наличию монографических исследований, осуществленных на основе материалов местных архивов, вырисовывается общая картина крестьянского движения в Эстонии более чем за полтора столетия (1700—1865 гг.). В этой общей картине, правда, имеются два больших «белых пятна» — вторая четверть XVIII в. и вторая четверть XIX в. (не считая уже изученных 1840-х годов по Южной Эстонии и 1750—1783 гг. по Северной Эстонии). Установлено, что в XVIII в. и в первой половине XIX в. антифеодальные выступления крестьян охватили свыше 800 имений, и выявлено шесть мощных волн крестьянского движения (1700—1710, 1783—1784, 1797—1807, 1817—1823, 1840-е годы и 1858—1864 гг.).

Не следует упускать из виду то обстоятельство, что работа, проведенная по изучению истории крестьянского движения в Эстонии, — это лишь составная часть широкой исследовательской работы по изучению истории антифеодальной борьбы народных масс в масштабе всего Советского Союза. Теперь уже миновали те времена, когда исследователи, ограничиваясь при изучении истории крестьянского движения лишь материалами центральных архивов, вполне справедливо опасались, что за пределами круга их знаний лежит еще очень много фактов, относящихся к антифеодальной борьбе крестьянства.

В результате кропотливой работы, проведенной историками как в центральных, так и в местных архивах, наши представления об истории крестьянского движения не только уточняются, но и в некоторой степени изменяются, ибо и сильные, и слабые стороны этого движения начинают вырисовываться более отчетливо. Вместе с тем сейчас продолжается большая работа по сбору материалов и изучению социального положения крестьянства, в частности по установлению размеров крестьян-

¹ H. Kruus. Talurahva käärimine Lõuna-Eestis XIX sajandi 40-ndail aastail. Tartu 1930.

² J. Zutis. Latvija klaušu saimniecības sairšanas periodā un Kauguru nemieri 1802. gadā. Rīgā 1953; M. Štepermanis. Zemnieku nemieri Vidzemē 1750.—1784. Rīgā 1956; J. Kahk. 1858. aasta talurahvarahutused Eestis — Mahtsa sõda. Tallinn 1958; Eesti rahva ajaloo Põhjasõja aastail 1700—1721. Valimik dokumente. Tallinn 1960. (В настоящем кратком историческом обзоре отмечены лишь те работы, которые расширяют наши знания по исследуемому вопросу и дают точную картину распределения крестьянских волнений.)

ских повинностей. По инициативе Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства, и в частности В. К. Яцунского, во многих центрах подвергнуты исследованию уставные грамоты, украинские и белорусские историки изучают инвентари, эстонские историки — вакенбухи.

Следовательно, сбор точных сведений об антифеодальной классовой борьбе и социальном положении крестьянства развернулся широким фронтом. В связи с этим вполне правомерно поставить вопрос о новых задачах и новых проблемах в нашей исследовательской работе.

Одной из таких проблем можно считать вопрос о территориальной распространенности крестьянской антифеодальной борьбы. Вопрос о том, почему в некоторых местностях крестьянские волнения³ распространялись, а в других — нет, всегда интересовал историков-марксистов. Исследователи чаще всего полагают, что волнения имели место преимущественно в тех районах и уездах, где преобладала барщина и где помещичьи хозяйства наиболее тесно были связаны с рынком. К такому выводу приходит, например, Г. Т. Рябков на основе анализа крестьянского движения в Смоленской губернии в годы революционной ситуации середины XIX в.⁴ Однако остается еще неразрешенным вопрос о том, что же определяло распространение волнений внутри такого района. Некоторые историки отмечают, что при распространении волнений наряду с указанными «материальными факторами» имеют значение и такие «идеологические факторы», как, например, наличие традиций антифеодальной борьбы⁵. Следовательно, еще нельзя сказать, что мы сумели раскрыть действующую здесь «механику» и ответить на вопрос о том, какие именно моменты определяли распространение антифеодальных выступлений крестьян.

То обстоятельство, что антифеодальная борьба крестьянства продолжается на протяжении всего периода феодализма, с нарастающей силой расшатывая крепостнический строй, определяется такими материальными, не зависящими от воли людей факторами, как характер существующего способа производства, положение отдельных классов в обществе и т. д. Это те «условия жизни, которые различные поколения застают в наличии...», определенные материальные, не зависящие от произвола людей границы, предпосылки и условия⁶, в рамках которых протекает общественная деятельность людей. «Объективные условия вынуждают крестьянство на решительную борьбу против помещичьего землевладения, против помещичьей власти и тесно связанной с нею всей старой государственной власти вообще...», — писал В. И. Ленин⁷. Однако при этом нельзя забывать, что в рамках известных условий общественной деятельности людей явления и факторы надстроечного порядка имеют некоторую свободу действий. Антифеодальная борьба крепостного крестьянства прямо вырастает из структуры феодального общества, но то, кому из представителей помещичьего класса конкретно достаются удары, наносимые этой борьбой, может отчасти определяться и факторами надстроечного порядка.

³ Полностью присоединяюсь к определению понятия «крестьянские волнения», предложенному на Киевской сессии Н. Н. Лещенко: крестьянские волнения — это антифеодальное коллективное выступление крестьян, которое нарушало существующий общественный порядок выходом за рамки существующих правовых норм.

⁴ Г. Т. Рябков. Массовое движение в Смоленской губернии в первый период революционной ситуации. — В кн.: Революционная ситуация 1859—1861 гг. М. 1960, стр. 153; ср. Г. Т. Рябков. Крестьянское движение в Смоленской губернии в период разложения крепостничества (конец XVIII — первая половина XIX в.). Смоленск 1957, стр. 59.

⁵ Н. Н. Лещенко. Крестьянское движение на Украине в связи с проведением реформы 1861 года (60-е годы XIX ст.). Киев 1959, стр. 186.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 3, стр. 37, 24.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 421.

При внимательном ознакомлении с картами распространения крестьянских волнений в Эстонии в XVIII в. и в первой половине XIX в. можно заметить, что имелись районы, где волнений не было. Но если вспомнить, что крестьянские волнения имели место в имениях (мызах), и проверить, насколько густой была сеть этих имений в тех или иных местностях, то становится очевидным, что волнений не бывало в малонаселенных болотистых и лесистых районах, где мыз было очень мало. Следовательно, визуальная картина распространенности волнений поверхностного наблюдателя легко может обмануть. Чтобы получить достоверное представление о распространенности и интенсивности крестьянского движения в различных местностях, рассматриваемую территорию нужно разделить на районы, на которые приходилось бы приблизительно одинаковое количество мыз. При таком «районировании» Эстонии мы старались, однако, по возможности не допускать отступлений от таких исторически сложившихся границ, как границы приходов и уездов, и поэтому количество мыз в разных районах оказалось не совсем одинаковым.

В приводимой здесь таблице 1 содержатся данные о количестве мыз в Эстонии, охваченных крестьянскими волнениями. Данные эти относятся к различным этапам крестьянского движения. В первый период Северной войны (1700—1710 гг.) эстонские крестьяне на слухи о вторжении или на сам факт вторжения войск, на грабительские налоги и наборы солдат отвечали массовыми выступлениями против помещиков и шведских властей. В 1750—1782 гг. крестьяне выступали против усиления феодального гнета (данные имеются только о Южной Эстонии). В 1783 г. в Эстляндии и Лифляндии был введен общегосударственный налог — подушная подать, и лифляндские крестьяне восприняли это как сигнал к борьбе за освобождение из-под власти помещиков, считая, что уплата подушной подати означает подчинение одному лишь царю. На рубеже XVIII и XIX вв. (в 1797—1807 гг.) отмечался новый подъем крестьянских волнений. Волнениями крестьяне ответили и на реформы 1816 и 1819 гг., принесшие им лишь формальное освобождение. Имеются также данные о том, в скольких мызах Эстляндской губернии (Северной Эстонии) крестьяне выступили против своих помещиков в конце первой четверти XIX в. В 1840-х годах к вспышке крестьянских волнений привели слухи о том, что переселение в южные края или переход в «царскую веру» несут избавление от власти помещиков. В таблице приводятся цифровые данные о мызах, где количество крестьян, перешедших в «царскую веру», составляло свыше 20%. Поводом для новых крестьянских волнений послужило обнародование крестьянского закона весной 1858 г. В самом конце 1850-х и в начале 1860-х годов по всей Эстонии распространились так наз. переселенческое движение и петиционная кампания, также представлявшие собой своеобразные формы борьбы крестьянства против крепостнической эксплуатации со стороны класса помещиков.

Здесь следует предостеречь от возможных злоупотреблений данными таблицы. Нельзя сопоставлять как однозначные величины такие выступления крестьян, при которых они ограничивались простым заявлением о своем желании перейти в «царскую веру» или переселиться в чужие края, с выступлениями, при которых крестьяне переставали отбывать повинности помещику, не подчинялись местным властям. В различных исторических условиях антифеодальные выступления протекали в разных формах и имели различное значение. Но для выяснения интенсивности крестьянского движения в один и тот же период в различных местностях приведенными выше цифровыми данными можно пользоваться.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что, по существу, наблюдаются крестьянские волнения двух типов: во-первых, сугубо ло-

Количество мыз, охваченных крестьянским движением в Эстонии в XVIII и первой половине XIX в.

№№ п/п	Выделенные районы (названия приходов)	Общее кол-во мыз	Годы										Итого
			1700—1710	1750—1782	1783—1794	1797—1807	1816—1817	1820—1825	1819—1827	1840—1847	1858	1860—1865	
1	Рейги, Эммасте, Кяйна, Пюхалепа, Ридала, Лихула, Карузе, Ханила, Михкли, Варбла, Вормси	55	5	—	—	1	1	—	1	—	8	19	35
2	Ноароотси, Ляэне-Нигула, Мартна, Ристи, Харью-Мадизе	54	6	—	—	2	1	—	2	—	1	15	28
3	Кулламаа, Мярьямаа, Вигала	53	6	—	—	—	1	—	1	—	2	8	18
4	Кейла (половина), Нисси, Хагери	50	8	—	—	—	3	—	—	—	5	10	26
5	Рапла, Юуру, Козе	53	18	—	—	15	1	—	2	—	19	14	69
6	Кейла (половина), Юри, Йыэляхтме, Харью-Яани, Куусалу	50	16	—	—	3	1	—	—	—	5	23	48
7	Тюри, Пайде-Анна, Пээтри, Козру	52	7	—	—	6	—	—	1	—	4	26	44
8	Ярва-Мадизе, Амбла, Кадрина	53	8	—	—	4	1	—	—	—	9	23	45
9	Ярва-Яани, Вайке-Марья, Симуна	52	3	—	—	3	—	—	—	—	11	22	39
10	Хальяла, Раквере, Виру-Нигула, Виру-Яагупи	57	10	—	—	3	2	—	2	—	9	27	53
11	Люганузе, Ййзаку, Йыхви, Вайвара	57	4	—	—	3	1	—	4	—	4	34	50
12	Ямая, Ансекюла, Кихельконна, Кярла, Каарма, Пюха	63	1	—	—	2	—	8	—	6	—	—	17
13	Мустьяла, Карья, Вальяла, Пейде, Муху	66	3	—	—	—	—	3	—	28	—	—	34
14	Тыстамаа, Аудру, Пярну, Пярну-Яагупи, Вяндра, Тори, Хяэдемээсте	49	8	3	5	3	—	1	—	25	—	—	45
15	Саарде, Халлисте, Каркси	52	3	—	6	7	—	5	—	1	—	6	28
16	Пыльтсамаа, Пилиствере, Сууре-Яани, Кольга-Яани, Вильянди, Пайсту, Тарвасту, Хельме	46	13	2	9	3	—	8	—	15	—	17	67
17	Лайузе, Торма, Курси, Паламузе, Экси, Марья-Магдалэна, Кодавере, Ранну, Пухья	62	6	1	4	2	—	7	—	6	—	1	28
18	Нью, Тарту, Камбья, Вынну	58	6	—	14	8	—	4	—	5	—	4	35
19	Рыngu, Отепя, Сангасте, Карула, Харгла	56	2	1	13	2	—	4	—	20	—	6	66
20	Канепи, Пыльва, Ряпина, Вастселийна, Рыуге	65	2	11	12	1	—	12	—	7	—	1	46

кальные выступления крестьян того или иного имени, вызванные какими-либо конкретными, местными причинами (насилие со стороны помещика, неудовлетворительный исход судебного дела и т. д.); во-вторых, широко распространившиеся антифеодальные выступления крестьян, при которых поводом для выступления служат уже какие-либо общие явления (обнародование нового крестьянского закона, слухи о воле и т. п.) или же пример или призыв крестьян соседних мыз. Для большей ясности было бы целесообразно волнения первого типа именовать коллективными антифеодальными выступлениями крестьян, а о волнениях говорить лишь тогда, когда мы уже действительно имеем дело не с отдельными, сугубо локальными вспышками недовольства крестьян, а с широко распространившимися среди них волнениями⁸.

Следует отметить, что именно так воспринимались события и самими их участниками, как свидетельствуют об этом «всеподданнейшие» отчеты III отделения и корпуса жандармов, опубликованные Е. А. Морховцом. В этих отчетах, где весьма откровенно передаются плоды размышлений высокопоставленных царских сановников над причинами, характером и значением крестьянского движения, достаточно ясно прослеживается выделение двух типов волнений. В одних случаях, как отмечено в отчете за 1839 г., «причины неповиновения заключались главнейше в жестоком обращении помещиков и обременении излишними работами и налогами...», а в других случаях, как это, например, зафиксировано в отчете за 1858 г. относительно крестьян пензенского помещика Полянского, они выступали «без всяких побудительных причин со стороны конторского управления, движимые только слухами о свободе...»⁹. Шеф жандармов А. Х. Бенкендорф в отчете за 1839 г. признавал, что «при каждом новом царствовании, при каждом важном событии при дворе или в делах государства издревле и обыкновенно пробегает в народе весть о предстоящей перемене во внутреннем управлении и возбуждается мысль о свободе крестьян; вследствие этого происходят и в прошедшем году происходили в разных местах беспорядки, ропот, неудовольствия, которые угрожают хотя отдаленную, но страшную опасностью»¹⁰. Отметим, что в 1839 г. Бенкендорф пришел к такому заключению уже вторично — подобные же рассуждения содержались в отчете за 1827 г.¹¹

Вполне понятно, что власти при своих расследованиях пытались скрыть факты «притеснения» крестьян, и поэтому включение в рассматриваемые отчеты сведений об антифеодальных выступлениях без указания их конкретной причины или повода можно отчасти объяснить нежеланием местных властей увидеть или обнаружить эти причины. Но все же результаты проведенных историками исследований подтверждают, что во время массовых волнений крестьяне часто выступали и без всякого побуждения к тому каким-либо конкретным поступком со стороны их помещика. Об этом говорят, например, данные о крестьянском движении в Смоленской губернии в первой половине XIX в.: там на 49 лет, в течение которых имели место отдельные вспышки недовольства крестьян, поводом для которых служили акты насилия или издевательства, приходятся 73 выступления, или 24%, а на 12 лет, в течение которых наблюдались широкие крестьянские волнения, пришлось 234 выступления, или 76%¹². Оба указанных типа крестьянских волнений от-

⁸ И во время антифеодальных выступлений, и во время волнений имеют место восстания, отличительной чертой которых является вооруженное столкновение с местными властями или с воинскими частями, посланными для защиты помещиков.

⁹ Крестьянское движение 1827—1869. Подготовил к печати Е. А. Морховец, вып. 1. М. 1931, стр. 30, 17.

¹⁰ Там же, стр. 31.

¹¹ Там же, стр. 9.

¹² См. Г. Т. Рябков. Крестьянское движение в Смоленской губернии...

мечены и в работах И. А. Гуржия, изучавшего крестьянское движение на Украине в первой половине XIX в. Кроме тех единичных выступлений, которым, как правило, предшествовала подача крестьянами жалоб, он указывает на массовые крестьянские волнения в 80-х годах XVIII в. и волнения, имевшие место в 1796—1797, 1820—1826, 1830—1831, 1847—1848, 1855—1856 и 1859—1861 гг., когда общим поводом для выступления крестьян служило вступление на престол нового монарха, слухи о воле и т. п.¹³ И. Д. Ковальченко, проанализировав крестьянское движение в Рязанской и Тамбовской губерниях в первой половине XIX в., в свою очередь, также различает волнения, возникшие из-за «усиления эксплуатации и гнета», и волнения, «поводом к которым послужили слухи об освобождении крестьян»¹⁴.

Нам уже приходилось обращать внимание на то, что при распространении крестьянских волнений (или, точнее говоря, волнений второго типа) этнические границы не являлись сколько-нибудь значительной помехой¹⁵. В 1797 г. волнения, охватившие Псковскую и Петербургскую губернии, быстро распространились в Лифляндии и в Эстляндии. Если волнения вспыхивали среди латышских крестьян, то они очень легко перебрасывались и в эстонские уезды Лифляндии. Такое явление наблюдалось в начале Северной войны, в 1784 г., в 1820—1823 гг. и в 1840-е годы. Но зато из Лифляндской губернии волнения распространялись далее на север, на территорию Эстляндии, лишь в том случае, если там для них имелся и свой повод (например, если было издано новое крестьянское положение). Это очень ярко свидетельствует о том, насколько распространение крестьянских волнений зависело от повода, вызвавшего их.

Во время крестьянских волнений наблюдалась картина, ярко отражавшая стихийность и раздробленность крестьянского движения. Волнения распространялись по всей территории не с одинаковой силой, — имелись районы, охваченные ими в сильной степени, и районы, охваченные ими слабо. Однако при этом и внутри первых районов в выступлениях участвовали крестьяне не всех имений.

Как видно из таблицы 1, районы, где антифеодалная борьба крестьянства носила более мощный характер, «перемещались», т. е. крестьянские волнения и выступления отличались в один период наибольшей силой в одном, а в другой период — в другом районе. Наиболее отчетливо это проявляется в Южной Эстонии.

Естественнее всего предположить, что крестьянские волнения возникали и распространялись в тех местах, где крестьянам жилось хуже и где их повинности были самыми тяжелыми. Какие данные мы имеем по этому вопросу по Эстонии?

В связи с реформой 1804 г. в Эстонии для каждой мызы были составлены вакенбухи, в которых было точно зафиксировано экономическое состояние отдельных крестьянских хуторов (указано, сколько в них имеется работоспособных людей и рабочего скота; данные о высевах по хуторам весьма недостоверны), а также установлено, сколько каждый хутор должен отрабатывать барщинных дней в год и платить натуральных податей. Останавливаться здесь на характеристике этих источников и на вопросе об их достоверности мы не имеем возможности, но все же следует отметить, что вакенбухов сохранилось очень мало и что

¹³ И. О. Гуржий. Борьба селян і робітників України проти феодално-кріпосницького гніту (з 80-х років XVIII ст. до 1861 р.). Київ 1959, стор. 50, 93, 109—110.

¹⁴ И. Д. Ковальченко. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства.) М. 1959, стр. 248, 251.

¹⁵ Ю. Ю. Кахк. Некоторые общие проблемы истории классовой борьбы частновладельческих крестьян в период разложения и кризиса феодальной формации. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1958 г. Таллин 1959, стр. 73—74.

Число барщинных дней на одну упряжку шестидневного крестьянского двора

Кол-во барщинных дней	Приходы уезда Харьюмаа			Приходы уезда Ярвамаа			Мярьямаа
	Харью-Яани	Козе	Рапла	Амбла	Тюри	Пайде	
100					Локута 93		
125			Райккюла 112		Колу 116		
150	Раа-зику 127		Вахакынну 127 Валту 134 Алу-Рапла 140 Рийдаку 142 Кехтна 145 Ярваканьди 145 Сикельди 146 Кеава 146	Роосна-Алику 137 Янеда 138	Пийуметса 145		Ваймыйза 144
		Тухла 147					
175			Хагуди 150 Охекатку 150 Охукатсу 150 Леллевере 152 Кодида 154 Куузику 154 Кодасуу 155 Кабала 160 Пюхату 163	Лехтсе 153 Ярвайыз 160 Тапа 166	Рёа 150 Лаупа 150 Вяэтса 151 Тюри-Алику 151 Сяревере 160	Мяо 151 Мюнди 153	Мыйзамаа 170
200				Прууна-Тохисоо 180 Линнапя 181 Рака 199	Тори 175 Мяэкюла 195		Люманду 180
225				Кярвете 214			Вана-и Ууэ-Касты 200
250				Тамсалу 228 Куру 230	Вахасту 235		
275				Сайакопли 255 Ныммкюла 272			
300					Ойзу 276		

даже в маленькой Эстляндии есть целые районы, по которым вакенбухи отсутствуют.

Чтобы получить возможно более точное представление о действительном положении крестьян, нельзя ограничиваться просто данными о том, сколько барщинных дней в год крестьяне отрабатывали. Положение крестьян определялось двумя противоположно действующими факторами — во-первых, их обеспеченностью рабочей силой и, во-вто-

в год в разных мызах Эстляндской губернии в начале XIX в.

Приходы уезда Ляэнемаа									
Мартна	Карузе	Ханила	Ридала	Кулла- маа	Михкли	Лихула	Вигала	Пюхалепа	Ляэне- Нигу- ла
					Кебаласте 114				
	Роотси 125		Паю 133				Ядиве- ре 130		
Сууре- Рыуде 150	Матса- лу 151 Тууди 170	Ууз-Вербла 151 Вана-Вербла 160	Кийде- ва 155						
Хаэска 187	Ватла 190 Сааст- на 190	Вайсте 180 Виртсу 181		Майд- ла 177				Сааремый- за 190	
Вайке- Рыуде 200						Лихула 208			Харду 200
		Мыйзакюла 300							

рых, экономическим нажимом со стороны помещика. Были имения, в которых от крестьянина номинально требовалось очень много барщинных дней, но при хорошем обеспечении его двора рабочей силой положение его было относительно сносным. С другой стороны, были имения, в которых алчный помещик требовал от крестьян барщину, явно несо-размерную с их экономическими возможностями. Поэтому для реше-ния вопроса о действительном положении крестьян пришлось привлечь

так наз. взвешенные данные о крестьянских повинностях, полученные по формуле

$$x = \frac{a}{b + \frac{a-b}{2}},$$

где

a — количество барщинных дней, отрабатываемых полулаковым (или «шестидневым») хутором в год;

б — количество рабочих упряжек (упряжка — это работоспособный мужчина и лошадь или пара волов);

в — количество работоспособных мужчин на хуторе.

Как правило, все однотипные (например, полулаковые) хутора той или иной мызы должны были отработать в год одинаковое количество барщинных дней. В качестве цифр, обозначающих количество мужчин и упряжек, были взяты наиболее часто встречающиеся типичные цифры. Считая мужчину, оставшегося после подстановки данных о всех упряжках в приведенную формулу, за половину тягла, мы просто учли практику XVII—XIX вв., когда барщинный день, исполненный с упряжкой, приблизительно приравнивался к двум барщинным дням, исполненным без упряжки. Для упрощения расчетов мы всегда обращались лишь к полулаковым, или шестидневым, хуторам. Если упряжек было больше, чем работоспособных мужчин, мы просто делили количество барщинных дней на количество мужчин.

При обработке имеющихся данных указанным способом выясняется, как это видно из таблицы 2, что даже в таких маленьких районах, как церковный приход, в котором насчитывались, как правило, один или два десятка мыз, крестьяне были обложены барщиной по-разному — в одних местах их повинности были более тяжелыми, а в других, находившихся совсем рядом, — более легкими. Несмотря на это, на более обширной территории крайности уравнивались, и мы отчетливо видим, что по всей губернии барщинные повинности крестьян были относительно одинаковыми. При этом примеры типичных средних повинностей имеются всюду, но вместе с тем всюду встречаются и крайности — сравнительно легкие или тяжелые повинности, однако сплошных районов с тяжелыми или же легкими повинностями нет.

Во время крестьянских волнений конца XVIII и начала XIX в. наиболее активно крестьяне действовали в приходах 5-го района (см. выделенные нами районы в табл. 1) и значительно менее активно — в 7-м районе. Если сравнить барщинные повинности крестьян в приходах Рапла (5-й район) и Тюри (7-й район), по которым сохранилось много вакенбухов, получается, что эти повинности были в общем одинаковыми и колебались в пределах 125—200 барщинных дней на тягло (см. табл. 2). А если сравнить барщинные повинности в мызах 5-го района и 8-го района, в котором волнения тоже были очень слабыми, и при этом найти (по формуле

$$M_o = l + \frac{f_2}{f_2 + f_1} h)$$

моду цифр, обозначающих тяжесть барщины (см. табл. 2), то получается, что в «спокойном» 8-м районе она была несколько выше, чем в 5-м. Мы сделали попытку установить размер барщинных повинностей крестьян и в отдельных охваченных крестьянскими волнениями имениях (следует отметить, что вакенбухи именно тех мыз, где имели место волнения, сохранились, к сожалению, лишь в редких случаях). При этом выяснилось, что, например, крестьянские волнения 1805 г. охватили как мызы, где повинности крестьян были сравнительно тяжелыми (мыза Кодасуу в приходе Рапла), так и мызы, где повинности были средними

(Кехтна в приходе Рапла) или даже сравнительно легкими (Роосна-Аллику в приходе Амбла). Следовательно, анализ материалов как по выделенным микрорайонам, так и по отдельным мызам показывает, что распространение крестьянских волнений никак нельзя объяснять только одним фактором — абсолютной или относительной тяжестью барщинных повинностей крестьян.

На Таллинской сессии симпозиума И. Д. Ковальченко очень четко сформулировал мысль о том, что самыми энергичными борцами против крепостничества были не только наиболее угнетенные барщинные крестьяне, но что иногда против помещиков довольно решительно выступали оброчные крестьяне, связанные с промышленной и торговой деятельностью, которых оковы крепостничества сковывали по рукам и ногам¹⁶. Однако следует отметить, что в данном случае поиски объяснения и в этом направлении ни к чему не привели. От первой четверти XIX в. сохранились собранные рижским врачом О. Гуном данные о том, в каких приходах Южной Эстонии развивались наиболее интенсивно крестьянская торговля и промыслы¹⁷, но эти приходы не совпадают с теми, в которых в 1820-х годах разразились самые сильные крестьянские волнения. От 1850-х годов до нас дошли сведения о том, в каких приходах Северной Эстонии получила самое широкое распространение денежная аренда¹⁸, но и в этом случае названные приходы далеко не полностью совпадают с приходами, сильнее всего охваченными крестьянскими волнениями в 1858 г., и почти совсем не совпадают с приходами, шедшими во главе переселенческого движения 1860-х годов.

Нельзя ли найти ответ на поставленный вопрос в материалах о самом крестьянском движении?

Прежде всего следует отметить, что с точки зрения исследователя материал, накопившийся в результате антифеодальной борьбы крестьян, имеет очень большой недостаток: когда имели место отдельные выступления крестьян или волнения бывали относительно слабыми или же только еще начинались, власти проявляли к вопросу о причинах крестьянских выступлений усиленный интерес, но стоило только волнениям распространиться, как власти начинали интересоваться лишь конкретными «провинностями» тех или иных крестьян с целью их наказания. Поэтому в первом случае в нашем распоряжении сравнительно много материалов о конкретном положении в охваченных волнениями мызах, а во втором случае таких материалов нет. Все же, при учете слабых сторон сохранившихся источников и критическом отношении к ним, в них можно обнаружить материалы, проливающие свет на интересующие нас вопросы.

До сих пор удалось проанализировать лишь крестьянские волнения 1797 г., 1803—1807 гг. и 1858 г.

По 1797 г., когда крестьянское движение в Эстонии было сравнительно слабым, имеются относительно полные данные о волнениях в 7 мызах (о волнениях в двух мызах сохранились лишь скудные сведения). При этом в двух случаях, по сохранившимся сведениям, крестьян подтолкнули на выступление царившее по всей стране тревожное настроение и слухи о каких-то переменах, а в пяти случаях крестьяне, кроме того, жаловались еще на невыносимо тяжелое положение в «своем» имении. В имении Ранну Лифляндской губернии крестьяне выступили после того, как их жалобы на чрезмерно тяжелую барщину не привели к положительному для них результату¹⁹. Во время волнений в Харгла крестьяне жаловались, что «от них требуют больше барщины,

¹⁶ Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1958 г., стр. 149.

¹⁷ ЦГИА Латв. ССР, ф. 214, дела 186—189, 192.

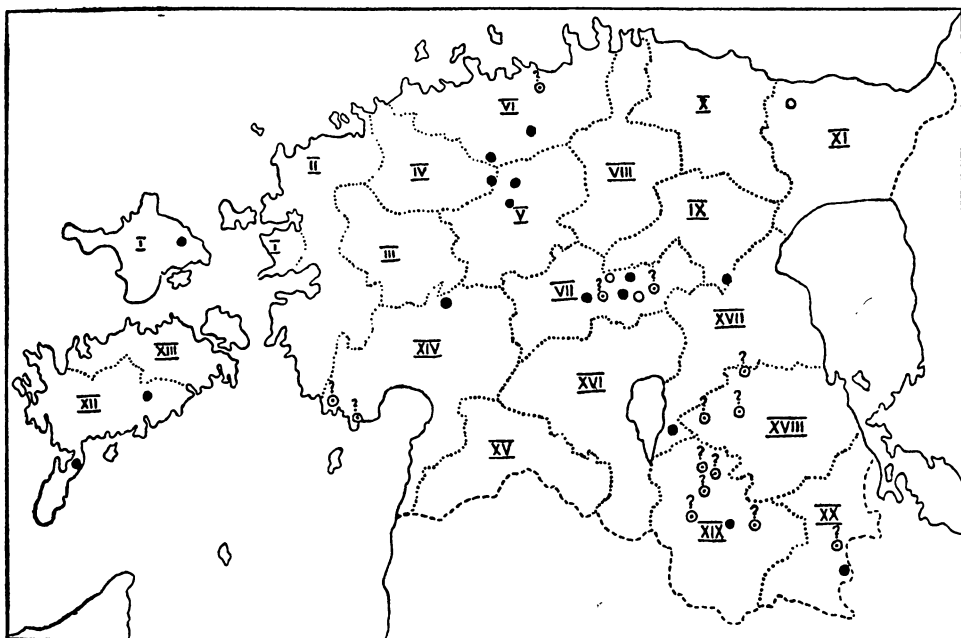
¹⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. 1, дела 1356—1366, 1394—1409; оп. А6, д. 100.

¹⁹ Е. П. Трифилев. Очерки по истории крепостного права в России. Царствование императора Павла Первого. Харьков 1904, стр. 276.

чем от крестьян в других мызах губернии...»²⁰. В Таммику был чрезвычайно строгий надсмотрщик (кубьяс), который к тому же незадолго до того увеличил барщинные повинности бобылей²¹. В Куйметса барщинники еще за год до волнений протестовали против слишком тяжелых уроков на барщине, а в Кыльяла крестьяне как раз накануне волнений подали жалобу на своего жестокого помещика²².

Такая же картина наблюдалась и в 1803 г., когда крестьянские волнения в Лифляндии только что развернулись: волнения вспыхивали в тех имениях, где крестьяне во время выступления жаловались на свое чрезвычайно тяжелое положение (пять случаев из шести; о трех других случаях не сохранилось достаточных данных). Любопытно отметить, что в одном случае крестьяне ощутили всю тяжесть своего положения лишь потому, что владелец соседней мызы сократил повинности своих крестьян²³.

В 1804 г., когда так наз. ревизионные комиссии начали в Лифлян-

Картограмма 1. Крестьянские волнения в Эстонии в 1797—1804 гг.

Условные знаки к картограммам 1—3:

- — мызы, в которых крестьяне во время антифеодального выступления жаловались на свое тяжелое положение.
- — мызы, в которых во время крестьянских выступлений этого не наблюдалось.
- — мызы, о волнениях в которых сохранилось мало данных.
- — мызы, в которых имели место восстания.
- — мызы, в которых волнения начались по призыву или по примеру крестьян соседней мызы. (Если имеются данные о том, откуда исходил призыв, то стрелка начинается у этой мызы.)
- — помощь, оказанная соседними крестьянами восставшим. (В приведенном примере из мызы А крестьяне поспешили на помощь по призыву восставших, из мызы Б они пришли им на помощь по собственной инициативе.)

дии практическую работу по осуществлению нового закона о крестьянах, крестьянские волнения вспыхнули повсюду. О каких-либо конкретных требованиях или жалобах крестьян на своих помещиков во время этих волнений данных не сохранилось.

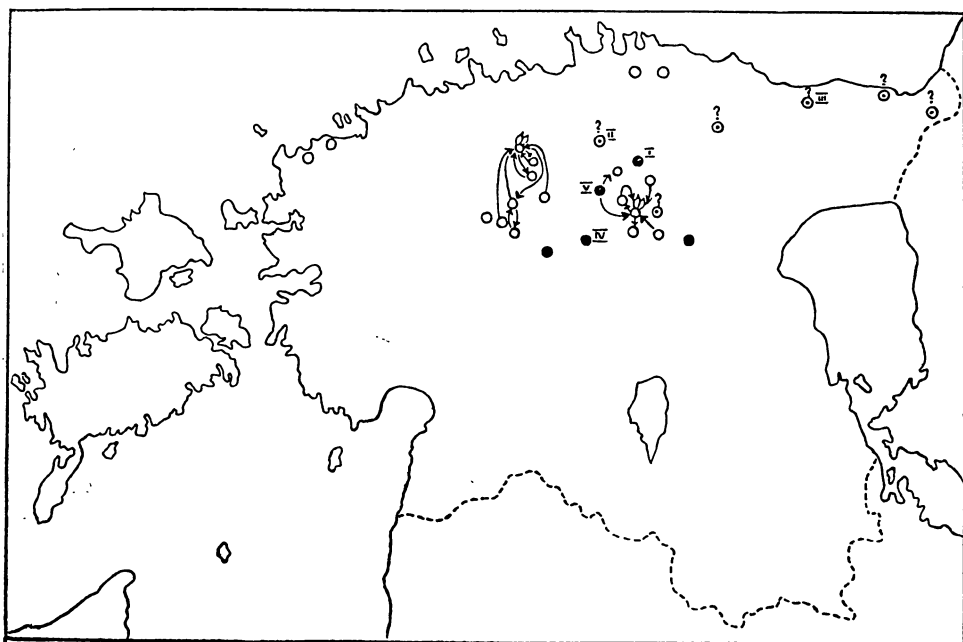
²⁰ ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. А1, д. 51, л. 24.

²¹ Там же, ф. 861, оп. 1, д. 1734, л. 4; д. 1735, л. 4.

²² Там же, ф. 968, оп. 1, д. 1896, лл. 5—23.

²³ Там же, ф. 854, оп. 1, д. 1244, лл. 1—3, 5, 8—9.

Когда в 1805 г. волнения охватили и Северную Эстонию, то они и там вначале происходили в имениях, где у крестьян были основания для жалоб на свое чрезвычайно тяжелое положение (это отмечено в двух случаях; о трех других случаях сохранилось слишком мало данных). Но по мере усиления волнений картина изменилась. Крестьяне мызы Оргметса выступили после того, как побывавший у них крестьянин из Сейдла, где волнения начались раньше, призвал их следовать примеру сейдласцев²⁴. Барщинники имения Карину говорили: «Мы... никогда не будем молотить помещичий хлеб ночью..., так как на других мызах, в Сейдла, Роосна и повсюду в окрестности, хлеб теперь мо-

Картограмма 2. Крестьянские волнения в Эстонии в 1805—1807 гг.
Римскими цифрами обозначены мызы, в которых в 1805 г. начались первые волнения.

лотят днем»²⁵. Каринуские крестьяне, в свою очередь, послали ходока в соседнее имение Орина, и там барщинники также прекратили молотьбу помещичьего хлеба²⁶. Когда в Козе-Ууэмыза для усмирения восставших крестьян прибыла воинская команда, то по призыву крестьянских ходоков к ним на помощь пришли крестьяне семи соседних мыз. На кульминационный период приходятся волнения в 14 имениях; из них в 12 крестьяне выступили по призыву ходоков из соседней мызы (в 8 случаях) или же поспешили на выручку соседям сами, без «специального приглашения». В сохранившихся материалах о последнем этапе волнений 1805 г. также нет данных о том, чтобы выступившие крестьяне жаловались на свое чрезвычайно тяжелое положение.

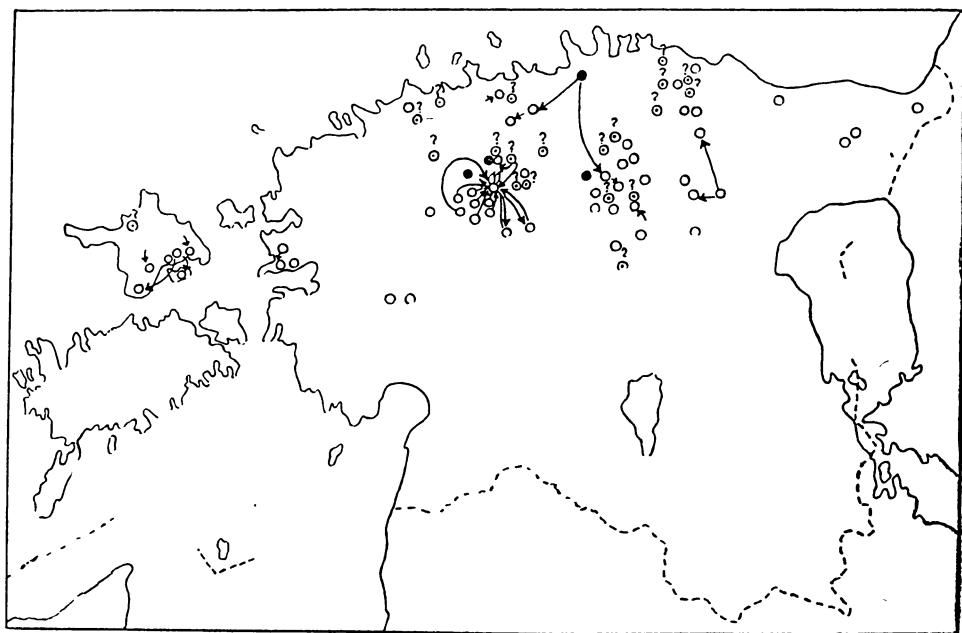
О начале крестьянских волнений 1858 г. сохранилось весьма мало конкретных данных (в частности, о положении крестьян в имениях, охваченных волнениями). Уже в 20-х числах мая, когда волнения быстро распространялись в центральной части Эстляндской губернии, крестьян отдельных мыз побуждало к выступлению не только их собственное тя-

²⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. А3, д. АП 75, лл. 282—283.

²⁵ Там же, ф. 862, оп. 1, д. 2981, л. 112.

²⁶ Там же, лл. 44—45, 85, 88.

желое положение, но и ободряющий пример соседей. 24 мая дворохозяева мызы Таммику, обращаясь к местному гакенрихтеру с жалобой на свое положение и указывая, что их заставляют выходить на дополнительную барщину, прежде чем они успевают засеять собственные поля, в заключение жалобы заявляли, что до них «дошел слух, что на многих мызах крестьяне уже не исполняют дополнительную барщину»²⁷. В Махтра, ставшей впоследствии центром событий первого этапа волнений, обстановка осложнилась задолго до начала волнений, — еще в 1856 г. здешний помещик сделал попытку резко увеличить повинности крестьян, и на этой основе возник судебный конфликт²⁸. Однако по прибытии в

Картохема 3. Крестьянские волнения в Эстонии в 1858 г.

Махтра карательных войск на помощь восставшим по призыву ходоков поспешили барщинники и дворохозяева 11 соседних мыз. На втором этапе волнений также были случаи, когда волнения в одном имении служили поводом для выступления крестьян в других. На острове Хийу, например, крестьяне имения Ваэмла направили своих ходоков в Эммасте и Кассари, и барщинники этих имений, следуя примеру ваэмласцев, также выступили против своего помещика²⁹. Центром событий второго этапа волнений стало имение Кольга на северном побережье Эстонии, где положение крестьян еще за несколько лет до этого, с переходом имения в руки нового арендатора Ферзена, резко ухудшилось³⁰. Но волнения кольгаских крестьян дали толчок для выступления крестьян в Ания и Курисоо, выступление курисооских крестьян, в свою очередь, послужило примером для крестьян в Рава, а в Пенинги крестьяне поднялись, возмущенные тем, что местные власти учинили жестокую расправу над ходоками из Ания³¹.

Мы рассмотрели волнения, при возникновении которых первосте-

²⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 7, д. 523/70, лл. 27—28.

²⁸ J. Kahek. 1858. aasta talurahvarahutused Eestis..., lk. 124—125.

²⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 29, оп. 7, д. 525, лл. 165—166, 200.

³⁰ Там же, ф. 29, оп. 7, д. 525/7011, л. 123.

³¹ Там же, ф. 905, оп. 1, д. 7, лл. 56—57, 61, 76; ф. 29, оп. 7, д. 525, лл. 145, 148.

пенное значение всегда имел какой-нибудь общий повод — вступление на престол царя, обнародование нового крестьянского закона или другое подобное явление. О том, какую роль играл именно общий повод, весьма красноречиво свидетельствуют следующие данные. В 1802 г. волнения в Южной Эстонии начались в имении Адавере. Вожак адаверских крестьян Кима Тоомас, говоря на суде 9 декабря 1802 г. о положении крестьян этого имения, рассказал, что свыше 30 лет назад помещик потребовал вместо полутора дней отбывать в неделю три дня ординарной барщины и что после этого количество барщинных дней продолжало увеличиваться³². В 1805 г. первые волнения в Северной Эстонии вспыхнули в имении Роосна, где за 8 лет до того помещик увеличил размеры барщины³³. Итак, положение адаверских крестьян ухудшалось на протяжении 30 лет, но выступили они лишь в 1802 г., когда распространились слухи о новом законе. Барщинные крестьяне имения Роосна также терпели усиление эксплуатации в течение 8 лет и выступили лишь в 1805 г.

Все же сложившееся в отдельных имениях конкретное положение оказывало влияние на территориальное распространение волнений. Крестьяне подчас сравнивали размеры своих повинностей с размерами их в соседних имениях. Так, крестьяне мызы Вастселийна снарядили в 1803 г. специальных ходоков, которые должны были выяснить, каковы крестьянские повинности в соседних имениях³⁴. Среди крестьян Козе-Ууэмыйза в 1805 г. распространился слух о том, что в Германии хлеб молотят не ночью, а днем³⁵. Крестьяне имения Селли заявили в том же году своему помещику, что, поскольку во всех соседних имениях повинности крестьян были сокращены, то это необходимо сделать и у них³⁶. Но на этом и кончаются сохранившиеся данные конца XVIII и первой четверти XIX в. о том, чтобы крестьяне занимались подобными «сравнительными исследованиями». К тому же не следует забывать, что сравнение тяжести повинностей в различных имениях — задача не из легких: крестьян принуждали к исполнению повинностей различными способами, их экономическое положение было различно и т. д. Прежде всего крестьян интересовали дела в своей волости. Их повинности могли быть и более легкими, чем у соседей, но они все же чувствовали себя притесненными, если в недавнем или даже в далеком прошлом в этой области произошли какие-либо изменения — были увеличены повинности, урезаны крестьянские земли, назначен новый жестокий кубьяс и т. п.

В начале волнений и в ходе более слабых волнений проявлялся только этот фактор. Но когда они развертывались с большой силой и критическая точка уже была достигнута, то возникала своеобразная цепная реакция: волнения в одном имении вызывали волнения в соседних, причем мы нередко встречаемся и с фактами некоторой подготовленности действий (крестьяне высылают к соседям ходоков с призывом к борьбе). И только на этой стадии наблюдалась концентрация крестьянского движения в одном районе, опасная для правящих классов. Как видно из таблицы 1, в 1805 и в 1858 гг. наиболее сильные волнения имели место в одном и том же районе. В обоих случаях здесь происходили крестьянские восстания, причем в 1805 г. крестьяне семи, а в 1858 г. — 11 мыз поднялись на борьбу по призыву крестьянских ходоков одного имения (в первом случае — Козе-Ууэмыйза, во втором — Махтра). Если бы ходоки не были посланы, то крестьяне этих мыз в волнениях не участвовали бы и данный район не выделялся бы так сильно среди других районов. В том, что в 1858 г. вспыхнуло относи-

³² ЦГИА ЭССР, ф. 915, оп. 1, д. 2249, л. 3.

³³ Там же, ф. 854, оп. АЗ, д. АП 75, л. 307; ф. 29, оп. 11, д. 43, лл. 12, 146.

³⁴ ЦГИА Латв. ССР, ф. 214, оп. 2, д. 316, л. 144.

³⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 861, оп. 1, д. 1700, л. 234.

³⁶ Там же, ф. 854, оп. АЗ, д. АП 75, лл. 401—402.

тельно подготовленное восстание в том же районе, что и в 1805 г., известную роль сыграли и традиции классовой борьбы крестьянства. Имеются данные о том, что в 1858 г. харьюские крестьяне помнили еще события 1805 г. и первоначально даже ждали, что призыв к борьбе опять будет исходить из Козе-Ууэмыйза³⁷.

В Южной Эстонии в 1860-х годах по силе антифеодальной борьбы выделяется район Вильяндиского уезда, так как там крестьяне с помощью национальной интеллигенции, выраставшей из крестьянской среды, проводили подготовку так наз. петиционной кампании. Все это отчетливо говорит о том, что к преодолению раздробленности сил, свойственной стихийному крестьянскому движению, мог привести фактор подготовленности действий. Но само крестьянство было способно предпринимать в этом направлении лишь отдельные и слабые попытки. Как указывал В. И. Ленин, сознательность, объединенность и планомерность в крестьянское движение нужно было внести извне: «...организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев *только* руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»³⁸.

Таким образом, в результате проделанной работы мы можем утверждать, что к вопросу о том, почему и где распространяются крестьянские волнения, нельзя подходить упрощенчески. Крестьяне воспринимали свое положение субъективно, их интересовало не столько то, каким было их положение по сравнению с положением соседей, сколько то, каким оно было (или каким оно стало) по сравнению с их собственным положением в прежнее время. Поэтому нет ничего удивительного в том, если параллельное статистическое изучение данных о положении крестьян и об интенсивности их классовой борьбы подчас приводит к выводу о том, что борьба крестьян не всегда разворачивалась с особенной силой там, где их повинности и положение бывали наиболее тяжелыми. Мы считаем, что распространение крестьянских волнений определялось факторами двух категорий — во-первых (прежде всего на начальном этапе волнений), факторами, связанными с материальным положением крестьян, и, во-вторых, проявлявшимися в ходе событий факторами, вытекавшими из самого крестьянского движения. Эти два стихийно действовавших фактора и обуславливали в основном концентрацию и распространение крестьянских волнений.

В заключение хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что Эстония — это, по существу, микрорайон (по территории она составляла примерно 0,9% Европейской части царской России), где, как мы видели, положение крестьян было приблизительно одинаковым. Вполне возможно, что в том случае, когда мы будем иметь дело с более обширной территорией, где положение крестьян в тех или иных районах резко различалось, то окажется, что крестьянские волнения были сильнее в тех районах, где повинности крестьян были относительно наиболее тяжелыми. Этот и другие интересные вопросы, которые встают перед нами в связи с накоплением новых материалов, будут, безусловно, выяснены в ходе дальнейших исследований.

³⁷ J. K a h k. 1858. aasta talurahvarahutused Eestis ..., lk. 121.

³⁸ В. И. Л е н и н. Соч., т. 25, стр. 181.

А. З. Барабой

НАЕМНЫЙ ТРУД В ПОМЕЩИЧЬИХ ИМЕНИЯХ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

При осуществлении инвентарной реформы 1847—1848 гг. киевский генерал-губернатор Д. Г. Бибииков и министр внутренних дел Николая I Л. А. Перовский исходили из так наз. «системы третьяка»: они считали оптимальным при крепостнических отношениях такое положение, когда крестьяне обрабатывают в пользу помещика половину того количества земли, которую обрабатывают для себя (т. е. когда непосредственно помещику поступает урожай с трети засеваемой площади). По мнению этих «реформаторов», ярых крепостников, такое соотношение размеров помещичьей и крестьянской запашек, полностью соответствуя интересам помещиков, должно было содействовать восстановлению патриархальных крепостнических отношений между помещиками и крестьянами, приостановить разорение крестьян и в то же время усилить приверженность правобережного украинского крестьянства к русскому царю, лишив польское помещичье-шляхетское национально-освободительное движение какой бы то ни было широкой базы на Правобережье¹.

Однако уже к началу 40-х годов XIX в., в период подготовки инвентарной реформы, в весьма многих помещичьих имениях Правобережной Украины это оптимальное соотношение помещичьей и крестьянской запашек было нарушено в пользу первой. Что же касается периода 1848—1860 гг., когда действовали инвентарные правила, то в это время нарушение соотношения в общем и целом продолжало нарастать.

В 1822 г. в Чигиринском старостве, находившемся во владении графа Гурьева, экономией было высеяно 500 четвертей озимого и 50 четвертей ярового хлеба, а крестьянами — соответственно, 3000 и 500, т. е. отношение крестьянских посевов к помещичьим превышало 6 : 1. В позднейшие годы столь благоприятного для крестьян соотношения запашек не было ни в одном барщинном имении Правобережья (а таковыми были почти все здешние имения). В самом же Чигиринском уезде четверть века спустя, в 1846 г., на крестьянских полях высевалось 34 тыс. четвертей, на помещичьих — 27 тыс., т. е. соотношение запашек равнялось только 11 : 9. Таким образом, удельный вес крестьянской запашки в этом уезде не только уменьшился в пять раз по сравнению с 1822 г., но и был почти в два раза меньше уровня, принятого крепостниками за оптимальный².

В селении Вульшка Киевского уезда в первой половине 40-х годов экономией высевалось 225 четвертей хлеба, крестьянами — 237³. В се-

¹ См. Государственный архив Киевской области (далее — ГАКиО), ф. 4, оп. 1, д. 2.

² Там же, ф. 1, оп. 2, д. 7476, лл. 12—13; ф. 36, оп. 1, д. 154.

³ Там же, ф. 4, оп. 99, д. 259.

лении Липовый Рог Черкасского уезда экономия высевала 255 четвертей, крестьяне же — только 223 четверти⁴. В Кирилловском имении Звенигородского уезда экономия помещика Энгельгардта высевала 3505 четвертей, а крестьяне — 3400 четвертей⁵. В Тальновском имении Нарышкиных в Уманском уезде экономия высевала 7377 четвертей, а крестьяне — только 6584 четверти⁶. По всему Сквирскому уезду Киевской губернии помещицы экономии в 1841 г. высели 16 800 четвертей, а помещицы крестьяне — 28 000 четвертей, по Радомышльскому уезду — соответственно, 11 623 и 19 703 четверти, по Звенигородскому уезду — 16 144 и 25 215 четвертей, по Богуславскому (впоследствии Каневскому) уезду — 17 767 и 23 007 четвертей, по Киевскому уезду — 15 889 и 20 567 четвертей, по Махновскому (впоследствии Бердичевскому) уезду — 17 925 и 19 694 четверти, по Липовецкому уезду — 19 580 и 21 110 четвертей⁷. Следовательно, в большинстве уездов Киевской губернии к 1841 г. соотношение крестьянских и помещичьих посевов было значительно меньшим, чем 2 : 1.

По Уманскому уезду Киевской губернии в нашем распоряжении есть данные о посевах за 1836, 1844 и 1849 гг. На помещичьих полях в эти годы было высеяно 39 894, 48 270 и 50 930 четвертей, на крестьянских — 48 270, 44 392 и 43 793 четверти⁸. Соотношение между крестьянскими и помещичьими посевами вместо «оптимального» 2 : 1 в 1836 г. составляло 23 : 19, а в 1849 г. — уже только 7 : 9.

По Киевской губернии в целом крестьянские посевы в 1841 г. составляли 554 тыс. четвертей, а помещицы — 459 тыс., в 1860 г. — соответственно, 609 тыс. и 596 тыс. четвертей⁹, т. е. соотношение между ними уменьшилось с 6 : 5 до 19 : 18. В отдельных имениях рост помещичьей запашки и вытекающее из него уменьшение крестьянской запашки были в 1850-е годы еще более разительными. Так, в селах Гавриловка и Фелициановка Киевского уезда, принадлежавших помещице Сенчиковской, около 1850 г. экономией высевалось обычно 45 четвертей ржи, 26 четвертей 32 гарнца овса, 6 гарнцев проса, 40 гарнцев пеньки и 40 четвертей картофеля, а в 1860 г. было высеяно 95 четвертей 32 гарнца ржи, 53 четверти овса, 15 гарнцев проса, 1 четверть 4 гарнца пеньки и 150 четвертей картофеля¹⁰. Помещичьи посевы увеличились здесь в 2—3 раза.

В Волынской губернии, по донесению губернатора, в 1844 г. в «весьма многих имениях» крестьянские земли превышали размеры помещичьей только на $\frac{1}{3}$, а в 42 имениях в пользовании помещиков было «гораздо более» земли, чем у крестьян¹¹. Так, в одном небольшом имении Житомирского уезда крестьяне имели в своем пользовании 17 десятин пахотной и 26 десятин сенокосной земли, а помещик пользовался 27 десятинами пахотной и 44 десятинами сенокосной земли. Крестьяне с. Волицы Староконстантиновского уезда имели 612 десятин пахотной и 204 десятины сенокосной земли, а помещик пользовался 817 десятинами пахотной и 370 десятинами сенокосной. Крестьяне с. Кобыли имели в своем пользовании 512 десятин пахотной и 152 десятины сенокосной, а помещик — 1198 десятин пахотной и 175 десятин сенокосной, т. е. вдвое больше, чем крестьяне. Крестьяне с. Бискупичи обрабатывали 147 десятин пахотной и 37 — сенокосной земли, а их помещик — 473 десятины пахотной и 90 десятин сенокосной, т. е. втрое больше, чем кре-

⁴ ГАКиО, ф. 1, оп. 2, д. 316.

⁵ ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 457, дела 42, 48.

⁶ Там же, ф. 11, оп. 4, дела 18, 19.

⁷ Там же, ф. 1, оп. 2, д. 9461.

⁸ Там же, ф. 14, оп. 1, д. 5.

⁹ ГАКиО, ф. 2, д. 16420; ЦГИАЛ, ф. 1781, оп. 6, д. 74.

¹⁰ ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 1, д. 9547.

¹¹ Там же, оп. 457, д. 1.

стьяне¹². По всей Волынской губернии крестьянские посевы в 1842 г. составляли 757 тыс. четвертей, помещичьи — 542 тыс. четвертей, а в 1859 г. — соответственно, 530 тыс. и 496 тыс. четвертей¹³. В 1842 г. соотношение крестьянских и помещичьих посевов было равно 10 : 7, а в 1859 г. — почти 1 : 1; если помещичьи посевы уменьшились на 8,5%, то крестьянские сократились в 1859 г. по сравнению с 1842 г. на 30%.

В Подольской губернии в 1845 г. крестьянская запашка была значительно меньше помещичьей в подавляющем большинстве имений. Так, в с. Кривое Озеро Балтского уезда экономия высеяла 751 четверть хлеба, а крестьяне — только 198¹⁴. В с. Марьяновка Винницкого уезда (21 ревизская душа) экономия высеяла 43 четверти, а крестьяне — 25¹⁵. В с. Бебехи Летичевского уезда экономия высеяла 379 четвертей хлеба, а крестьяне — 239½ четверти¹⁶. В с. Баламутовка Проскуровского уезда посев экономии составлял 580 четвертей, а крестьянский — 351, в с. Андриевке Ямпольского уезда — соответственно, 320 и 275 четвертей, в с. Сорокотяжинцы Брацлавского уезда — 400 и 320 четвертей¹⁷. В с. Козлов Могилевского уезда экономия высеяла 125 четвертей, крестьяне — 110, в с. Каменка Ольгопольского уезда — соответственно, 723 и 710 четвертей¹⁸. В с. Адамовка Балтского уезда экономией были высеяны 264 четверти, а крестьянами — 137, т. е. почти вдвое меньше¹⁹. У нас есть полные данные о размерах помещичьих и крестьянских посевов в Подольской губернии за 1806—1815 и 1842—1860 гг. В течение десятилетия 1806—1815 гг. крестьяне высевали ежегодно в среднем 564 тыс. четвертей, а помещики — 331 тыс., в 1842—1860 гг. соответствующие цифры составляли 518 тыс. и 661 тыс. четвертей. При этом в 1860 г. помещичий клин составлял 810 тыс., а крестьянский — только 437 тыс. четвертей²⁰. Таким образом, если в начале XIX в. соотношение крестьянских и помещичьих посевов составляло в среднем 17 : 10, то в 40—50-х годах оно уже равнялось 4 : 5, а в 1860 г. — 11 : 20.

Увеличение помещичьей запашки, имевшее место в течение первой половины XIX в., и в особенности в 40-е и 50-е годы, происходило главным образом за счет превращения тяглых крестьянских хозяйств в пешие, уменьшения крестьянских наделов и ликвидации свертых крестьянских хозяйств. Очень показательно в этом отношении с. Подвысокое Уманского уезда, принадлежавшее графам Потоцким. В 1802 г. в пользовании крестьян этого села было 2867 десятин полевой земли, в 1854 г. — только 1479 десятин, т. е. за полстолетия площадь крестьянского землепользования уменьшилась вдвое. Сверхтяглые хозяйства были упразднены, а число тяглых уменьшилось почти втрое. Размер пешего надела Потоцкие сохранили при этом неизменным: как в начале, так и в середине столетия он составлял 5,5 десятины. Зато надел тяглого крестьянина был уменьшен с 20 до 11 десятин, а потройные хозяйства с их наделами в 30 десятин и поединковые с наделом в 10,5 десятины исчезли совсем: первые были низведены до тяглых, а вторые — большею частью до пеших²¹.

¹² ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 457, д. 1.

¹³ Там же, оп. 1, д. 5969; ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 6, д. 61. — За 1860 г. у нас данных нет.

¹⁴ Гос. публичная биб-ка УССР в Киеве (далее — КГПБ), Рукописный отдел, ф. VI, № 943—947.

¹⁵ Там же, № 966—969.

¹⁶ Там же, № 620—622.

¹⁷ Там же, № 3421—3517.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, № 6569.

²⁰ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, дела 57, 60, 61, 66, 74, 92; оп. 5, дела 78, 111, 140; оп. 6, дела 80, 66, 115; оп. 1, дела 105, 106.

²¹ ГАКиО, ф. 280, оп. 162 (дополнит.), д. 328; ф. 4, оп. 99, д. 1717. — Процесс резкого уменьшения числа тяглых хозяйств в помещичьих имениях Киевской и Подоль-

Резкое сокращение числа тяглых крестьянских хозяйств при почти непрерывном расширении помещичьих посевов побуждало помещиков обзаводиться собственным рабочим скотом и инвентарем. Усилившаяся связь помещичьих экономий с рынком, требовавшая от помещиков и их управляющих большей хозяйственной оперативности и быстроты в обработке полей и вывозке хлеба, также делала собственный рабочий скот и инвентарь все более необходимыми. В свою очередь, регламентирование по инвентарным правилам барщины тяглых крестьян тремя днями в неделю тоже вынуждало помещиков-крепостников задумываться о приобретении некоторого количества живого и мертвого инвентаря²².

Крупные помещики раньше других стали обзаводиться рабочим скотом, плугами, ралами, боронами, возами. Они же первые приобретали молотильные, веяльные и другие машины. И если еще в 1837 г. васильковский исправник писал, что некоторые, и то весьма немногие, помещики имели и сохраняли земледельческие орудия и машины «более на показ, нежели для употребления»²³, то в 40-е и особенно в 50-е годы в крупных поместьях Правобережья довольно широко применялись железные плуги, молотилки и веялки. Многие среднепоместные и даже мелкие помещики имели своих волов, плуги, бороны, возы.

Приведем несколько фактов. Мелкий помещик с. Марьяновка Винницкого уезда Подольской губернии (всего 21 ревизская душа) имел в 1845 г. плуг, 4 бороны и 6 рабочих волов; владелец части с. Пеньковка того же уезда (16 ревизских душ) имел плуг, 3 бороны и 6 волов²⁴. Среднепоместный владделец с. Деремезное Васильковского уезда Киевской губернии (163 ревизские души) еще в 1832 г. не имел собственного рабочего скота, а в 1848 г. у него было 70 рабочих волов²⁵. В Кирилловском имении у помещика Энгельгардта в 1845 г. было 73 плуга, 80 борон и по меньшей мере 438 волов²⁶. В Ставищенском имении Браницких (Таращанский уезд Киевской губернии) на 12 фольварков в 1841 г. имелось помещичьего рабочего скота 688 волов и 139 лошадей²⁷. В Устимовском ключе (Васильковский уезд Киевской губернии) Браницких был 441 помещичий вол и 270 лошадей²⁸. В Бужанском имении Потоцкой, где помещичья запашка в виде редкого исключения была почти вдвое меньше крестьянской, экономия имела 350 волов и 60 рабочих лошадей²⁹. Помещик Млодецкий, владевший четырьмя крупными имениями в Киевской и Волынской губерниях, в 1840 г. вспахивал всю свою землю собственными плугами и тяглом; с 1842 г. помещичьими плугами и волами обрабатывалась даже земля пеших крестьян Млодецкого, которых обязали за каждый день пахоты обрабатывать помещику в самое горячее время по три дня пеших³⁰.

В Цигиринском уезде в 1846 г. для вспахивания всей экономической

ской губерний прослежен нами в 1848—1861 гг. в статьях «Обезземелення поміщиками кріпосних селян Подільської губернії і посилення експлуатації їх в період між «інвентарною» і «селянською» реформами» («Наукові записки Інституту історії АН УРСР», № 12. Київ 1958, стор. 83—108) и «Обезземеливание помещиками крестьян Киевской и Подольской губерний накануне и в период революционной ситуации 1859—1861 гг.» (Революционная ситуация 1859—1861 гг. в России. М. 1960, стр. 29—48).

²² См. ГАКиО, ф. 442, оп. 457, д. 12 (донесение могилевского исправника киевскому генерал-губернатору от 12 мая 1848 г.).

²³ ГАКиО, ф. 804, оп. 3, д. 1.

²⁴ КГПБ, Рукописный отдел, ф. VI, № 966—969, 302—304.

²⁵ ГАКиО, ф. 4, оп. 99, д. 116.

²⁶ ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 457, дела 42, 58.

²⁷ О. Степанишина. Господарство графів Браницьких на Київщині і реформа 1861 р. в їх маєтках. — Студії з історії України, т. III. Київ 1930, стор. 224.

²⁸ Там же.

²⁹ ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 457, д. 58.

³⁰ Там же, оп. 348, дела 716, 881.

и крестьянской земли и для своза хлеба с полей употреблялось 4960 экономических волов и 5334 крестьянских³¹. Ясно, что в обработке помещичьих полей во всем уезде решающую роль уже играл помещичий рабочий скот.

В Верховском имении Потоцких (Ольгопольский уезд Подольской губернии) в 1801 г. был 41 рабочий вол, в 1814 г. — уже 56; в Юзефовском имении Потоцких же (Балтский уезд Подольской губернии) в 1818 г. было 33 помещичьих вола и 5 плугов, а в 1845 г. — 66 волов и 44 рабочие лошади, 10 плугов, 30 рал, 20 борон и 4 телеги³². В Богуславском старостве (41 село и одно местечко) Киевской губернии в 1795 г. у помещиков было 62 вола и 11 лошадей, в 1852 г. — 300 железных плугов, 900 рал, 300 борон с железными зубьями и по меньшей мере 1800 волов³³.

Рабочим скотом обзаводились также арендаторы имений. Так, арендатор с. Великая Волнянка Таращанского уезда Киевской губернии владел 50 волами, арендатор с. Комаровка Кременецкого уезда Волынской губернии имел 70 волов, арендатор Буйволовецкого фольварка Брацлавского уезда Подольской губернии приобрел в 1853—1854 гг. 36 волов, 15 быков и 9 рабочих лошадей и т. д.³⁴

Дошедшие до нас инвентари и статистические описания Правобережной Украины начала 40-х и конца 50-х годов убеждают в том, что подавляющее большинство крупных и средних поместий, часть небольших и даже мелких имели экономический рабочий скот и инвентарь.

* *
*

Наличие у помещиков собственного скота требовало и постоянных работников по уходу за ним. Для летних полевых работ со скотом, производившихся ежедневно, особенно при почти неуклонном возрастании размеров помещичьей запашки, также нужны были постоянные работники — погоньчи. При существовавшей на Правобережной Украине трехдневной барщине невозможно было создать кадры постоянных работников, не выходя за пределы «нормальных» крепостнических отношений, не прибегая к найму. Постоянные работники или работницы требовались и для ухода за нерабочим рогатым скотом и за овцами, которыми также обзаводились в первой половине XIX в. на Правобережной Украине многие крупные и средние помещики.

В 40-х и 50-х годах обычная крестьянская барщина сплошь и рядом не могла покрыть полностью потребности экономии в рабочей силе. Помещикам приходилось частично нанимать людей на сезонные и еще больше — на поденные работы, также и для уборки хлеба и сенокосения. Необходимость в дополнительном к барщине найме людей на помещичьи полевые работы, как уже отмечалось, стала особенно настоятельной с введением инвентарных правил, регламентировавших размеры барщины и в определенной степени сдерживавших рост феодальной эксплуатации крестьян. В этой связи весьма интересные подсчеты, произведенные в «Статистическом описании Киевской губернии»: общее количество человеко-дней, которые отрабатывались крестьянами на помещиков, до введения инвентарных правил достигало по губернии более 67 млн. в год³⁵, по инвентарным же правилам должно было состав-

³¹ ГАКиО, ф. 36, оп. 1, д. 154.

³² ЦГИА УССР, ф. 49, оп. 1, дела 524, 527; оп. 2, д. 723.

³³ О. Степанишина. Господарство графів Браницьких ..., стор. 134.

³⁴ ЦГИА УССР, ф. 442 (секр. политич. часть), 1855 г., д. 114; оп. 457, д. 32; ф. 49, оп. 1, д. 519.

³⁵ Статистическое описание Киевской губернии, т. II. СПб. 1852, стр. 369. — Достоверность этой цифры несколько сомнительна, но иной в нашем распоряжении пока нет.

лять только 36 млн.³⁶ Очевидно, что помещики нуждались в дополнительной работе крестьян, которой они могли добиться частично путем систематического нарушения инвентарных правил, закабаления крестьян внесением причитающихся с них налогов, обработки — в виде «благоденяния» — пеших крестьянских наделов экономическими плугами и иными «запомагами», а частично — путем найма.

Автор «Статистического описания» полагал, что 36 млн. человеко-дней барщины достаточно для удовлетворения всех потребностей помещичьих хозяйств Киевской губернии. Однако для того, чтобы все работы, требовавшие до 1848 г. 67 млн. человеко-дней, можно было выполнить в 1848 г. и позже в 36 млн. дней, необходимо было поднять производительность труда крепостного крестьянина вдвое, помещики же должны были бы научиться, притом в предельно короткий срок, использовать рабочую силу крестьян бережно и эффективно, а это, конечно, было невозможно. В 50-е годы, особенно во второй их половине, помещичья запашка в большинстве имений особенно быстро увеличивалась. Наем помещиками сезонных и особенно поденных работников по свободному или полусвободному соглашению был неизбежностью. Распространение таких трудоемких культур, как картофель и сахарная свекла, также вело к более широкому применению наемного труда.

Обратимся к фактам. В 1844 г. в части с. Мошурово (Липовецкий уезд Киевской губернии) из 164 трудоспособных крестьян 62 (37,8%) находились на экономической службе, т. е. были постоянными работниками помещика; они получали определенное содержание деньгами и продуктами. Из 167 трудоспособных женщин на экономической службе были 58, из 472 нетрудоспособных душ обоого пола — 52³⁷. Во второй части того же села на экономической службе находилось уже 42,4% общего числа трудоспособных крестьян и 23,2% крестьянок и 8,8% всех нетрудоспособных³⁸. В с. Романовка Уманского уезда на экономической службе было 16 трудоспособных мужчин и 12 женщин и 23 нетрудоспособных из 120 трудоспособных мужчин и 114 женщин и 303 нетрудоспособных обоого пола³⁹. В с. Хижня того же уезда на постоянной экономической службе находились 30 трудоспособных крестьян, или 9% общего их числа, в с. Белашки — 24 трудоспособных крестьянина (9,5% их числа), 20 трудоспособных женщин и 41 несовершеннолетний⁴⁰.

В крупном Ильинецком имении графа Плятера в Липовецком уезде, по сообщению предводителя дворянства, пшеницу крестьяне молотили не в порядке барщины, а за плату по 10 коп. серебром с копы; батраки при волах получали по 15 руб., а вологоны — по 9 руб. серебром в год⁴¹. В м. Тальное, по данным инвентаря за 1844 г., было 12 постоянных экономических работников («паробков при фольварке»), а уборка и обработка урожая производились частично по вольному найму за третий или четвертый сноп или за 15 коп. с копы⁴². В селах Шельпаховка и Ухожая Уманского уезда огородники и бобыли отработывали барщину по одному дню в неделю, «в остальное время употребляются к уборке хлеба за четвертую часть»⁴³. В с. Малая Чернявка Сквирского уезда, по сообщению инвентаря за 1844 г., «мальчики при скоте помещичьем, как-то: рогатом скоте, лошадях, овцах, получают по 3 руб. серебром, одея-

³⁶ За сто лет, т. II. Киев 1926, стр. 108—110.

³⁷ ГАКиО, ф. 11, д. 20. — В описаниях некоторых сел, в том числе и с. Мошурово, подростки до 17 лет включались в число нетрудоспособных. Очевидно, указанные 52 человека были подростками.

³⁸ ГАКиО, ф. 11, оп. 3, д. 10.

³⁹ Там же, д. 9.

⁴⁰ Там же, оп. 1, ч. 3, д. 12; оп. 3, д. 1.

⁴¹ ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 435, д. 80.

⁴² ГАКиО, ф. 11, оп. 1, дела 18, 19.

⁴³ Там же, ф. 41, оп. 4, д. 1.

ние и корм господский; крестьяне и крестьянки в полных летах, если они служат у помещика, получают плату, увольняются от барщины, а землю, ими занимаемую, обрабатывают для себя»⁴⁴. О с. Липовый Рог Черкасского уезда инвентарь сообщал глухо: «экономическая прислуга получает жалованье»⁴⁵. В с. Яновка Радомышльского уезда при наличии 194 ревизских душ 8 трудоспособных мужчин находилось на экономических должностях и получало по 15 руб. с провизией⁴⁶. В с. Андрушки Черкасского уезда, по сообщению инвентаря за 1844 г., полурабочим — подросткам-погонычам господских волов и лошадей при вспашке полей и посеве экономия платила ординарию — по две четверти хлеба и жалованья по 4 руб. серебром⁴⁷. В Кошеватском имении Тарашанского уезда, состоявшем из 13 сел, в 1844 г. обработка земли и уборка урожая производилась «барщиной и наймом людей» (разрядка наша. — А. Б.)⁴⁸.

В Чигиринском уезде, по сообщению исправника от 10 июля 1853 г., крестьяне (местные и из соседних имений) в свободные от барщины дни в летнее время работали на плантациях сахарных заводов — пололи свеклу за 15 коп. серебром в день, убирали сено, получая в день от 20 до 30 коп. с продовольствием⁴⁹. В Липовецком уезде, как доносил исправник в 1852 г., крепостные крестьяне, помимо занятий хлебопашеством в собственном хозяйстве, работали по найму у помещиков; «знающие строительную часть» зарабатывали по 25 коп. в сутки, на молотье крестьяне получали 15—17½ коп., а уборку производили за четвертый сноп⁵⁰. Винницкий исправник доносил генерал-губернатору в 1848 г., что помещичьи крестьяне занимаются хлебопашеством и чумачеством «и сверх того занимаются у частных лиц (т. е. у помещиков по найму. — А. Б.) молотьбою хлеба, паханием земли»⁵¹.

В Кирилловском имении помещика Энгельгардта (Звенигородский уезд) постоянными работниками при господском скоте и плугах работали 504 трудоспособных крестьянина из 1764, т. е. более 28%, и кроме того еще 346 женщин и 132 полурабочих⁵². В Бужанском имении С. Потоцкой, состоявшем из 16 сел (Звенигородский уезд), пахотная земля помещицы обрабатывалась «барщиной с помощью экономического скота и содержащимися в имении на сей предмет наемными паробками»⁵³. В Богуславском старостве, насчитывавшем 41 село, в 1795 г. было 43 экономических работника, в том числе 19 паробков, 10 пастухов и 9 пасечников; в с. Кирсановка Ямпольского уезда Подольской губернии в 1822 г. было 7 паробков и 4 погоныча⁵⁴. В Летичевском и Каменецком ключах Подольской губернии в 1811 г. было 132 экономических служителя, в том числе 57 паробков, 18 погонычей, 6 пасечников, 4 телятника, 15 лесников⁵⁵.

В Балтском уезде в с. Емиловка в 1809 г. не было экономических постоянных работников, а в 1840 г. их насчитывалось 40 (27,8% всех трудоспособных крестьян). В с. Чаусовое в 1809 г. также не было экономических служителей из крестьян, а в 1840 г. их было 18 (24,3% общего числа трудоспособных крестьян). В с. Липовенькое в 1835 г. было

⁴⁴ ГАКиО, ф. 11, оп. 1, ч. 3, д. 22.

⁴⁵ Там же, ф. 4, оп. 99, д. 316.

⁴⁶ Там же, д. 1227.

⁴⁷ ЦГИА УССР, ф. 49, оп. 1, д. 566.

⁴⁸ ГАКиО, ф. 11, оп. 99, д. 1472.

⁴⁹ ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 457, д. 71.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, дела 42, 58.

⁵³ Там же, д. 58.

⁵⁴ Там же, ф. 216, оп. 1, д. 2; ф. 256, оп. 1, д. 2265.

⁵⁵ КГПБ, Рукописный отдел, ф. 14, д. 607.

11 постоянных экономических служителей из крестьян (свыше 8% общего числа трудоспособных крестьян села)⁵⁶.

В с. Кочубеевка Каменецкого уезда в 1844 г. обработка земли производилась барщинниками и помещичьими слугами и экономическим скотом⁵⁷. В с. Кривое Озеро Балтского уезда экономия имела инвентарь «с упряжным скотом и нанятыми к тому людьми»⁵⁸. То же было в селах Сембоды и Плотва, в котором экономия платила паробку 8 руб. и ординарию, а погоньчу — 3 руб. 75 коп. и ординарию⁵⁹. В с. Капитанка этого уезда тягловая барщина для помещичьей запашки не употреблялась совсем, так как фольварк имел собственные «свои плуги, рала, бороны, волы и лошади»; 38 трудоспособных крестьян (четвертая часть их) были постоянными экономическими работниками⁶⁰. В с. Орлова Балтского уезда экономическими служителями были 27% всех трудоспособных крестьян⁶¹. В с. Барсуки помещичья земля «обрабатывалась экономическими снарядами, упряжным скотом и нанятыми к тому людьми, уборка же сена и хлеба — барщиной, а при хороших урожаях, если барщины мало, то отдается за сноп, частью же дополняется вольнонаемными людьми по условию за деньги»⁶². Точно так же описывал инвентарь хозяйство с. Адамовка; в с. Нападовка Винницкого уезда часть экономической прислуги имела «халупы со всеми угодиями и нужною для их хозяйства землею»⁶³. В Буйволовецком фольварке Брацлавского уезда в 1859 г. было 26 паробков и 15 погоньчей, т. е. 41 постоянный экономический служитель из крестьян⁶⁴.

В 1840 г. Тульчинское генеральное экономическое управление графа Потоцкого предписывало экономическому правлению Тростянецкого ключа «платить наличными рабочим около буряков» по золотому (т. е. по 15 коп.) за тяглый день, по 20 грошей (т. е. по 10 коп.) за пеший день, «а детям, которые употребляются до млынка, по 12 грошей наличными»⁶⁵. Кассовая книга Немировского имения графа Б. Потоцкого в Брацлавском уезде зафиксировала выплату в 1824 г. людям, находившимся «в услуге дворской и огородовой», 1710 злотых. Если считать, что каждому служителю в среднем выплачивалось 40 злотых (6 руб.) в год, то выходит, что в 1824 г. в этом имении было 43 служителя (включая дворовых). В 1850 г. в Немировском имении было уже 97 служителей, а в 1856 г. — 98⁶⁶.

Особенно показателен быстрый рост числа постоянных экономических служителей из крестьян в имениях графов Браницких. В Ксаверовском ключе Васильковского уезда за период с 1850 по 1860 г. число экономических служителей увеличилось на 25%, причем возросло число паробков, работавших с лошадьми и волами, количество же прочей челяди не изменилось. В Устимовском ключе этого же уезда в 1840 г. работало 120 экономических служителей, в 1851 г. — 239, а в 1861 г. — 320, так что за 20 лет число экономических служителей в этом имении увеличилось почти втрое⁶⁷.

Таким образом, к концу крепостной эпохи почти во всех крупных и средних помещичьих имениях Правобережной Украины и в некоторой части мелких наряду с барщиной применялся наемный труд экономиче-

⁵⁶ ЦГИА УССР, ф. 49, оп. 1, дела 511, 590, 617, 642.

⁵⁷ ГАКиО, ф. 241, д. 20.

⁵⁸ КГПБ, Рукописный отдел, ф. VI, № 943—947.

⁵⁹ ГАКиО, ф. 241, дела 72, 84.

⁶⁰ КГПБ, Рукописный отдел, ф. VI, № 3—5.

⁶¹ Там же, № 6—8.

⁶² Там же, № 36—38.

⁶³ Там же, № 65—69, 329—332.

⁶⁴ ЦГИА УССР, ф. 258, оп. 1, д. 16.

⁶⁵ Там же, ф. 49, оп. 2, д. 239.

⁶⁶ Там же, д. 493.

⁶⁷ О. Степанишина. Господарство графів Браницьких ..., стор. 135.

ских служителей (постоянных — годовых или полугодовых), обслуживавших помещичий скот, частично работавших с этим скотом и инвентарем на полях помещика. Явление это в зародыше наблюдалось в крупных имениях уже в конце XVIII в. и распространялось в течение 1800—1860 гг., особенно же в 40-е и 50-е годы.

Нарастал также удельный вес поденной работы по найму с оплатой деньгами или натурой (обычно «четвертый сноп») и на уборке хлеба и сена, а в 40-е и 50-е годы — еще на обработке и копке свеклы, картофеля. Однако решающую роль наемный труд (главным образом поденная работа) играл в это время только в производстве свеклы, в производстве же хлебов, основной продукции помещичьих имений Правобережья, до самого 1861 г. главную роль играла подневольная феодальная работа крестьян — барщина.

* *

*

Из каких источников формировался контингент постоянных, сезонных и поденных наемных работников помещичьего хозяйства?

Поденные наемные работники сплошь рекрутировались из крепостных крестьян. Прежде всего поденщиками оказывались огородники и бобыли, не имевшие в своем пользовании полевой (а то и усадебной) земли, которые по обычному местному феодальному праву, а затем и по инвентарным правилам отработывали в неделю один день барщины или того менее. Довольно часто и пешие крестьяне, имевшие небольшие посевы, жали и молотили помещичий хлеб, косили сено, обрабатывали свекловичные и картофельные посадки за 15—25 коп. в день или за третий, четвертый или пятый сноп.

Несколько сложнее обстояло дело с постоянными — годовыми или полугодовыми — экономическими служителями. Небольшая их часть набиралась среди мещан, отставных и бессрочноотпускных солдат, государственных крестьян, т. е. среди юридически незакрепощенных социальных групп. Из представителей этих групп чаще всего встречались среди экономических служителей отставные и бессрочноотпускные солдаты: подавляющее большинство их нуждалось в заработке, не знало ремесел и, в отличие от мещан и государственных крестьян, проживало в помещичьих селах. Губернаторы трех юго-западных губерний в своих ежегодных «всепоподданнейших» отчетах сообщали, что «большая часть отставных и бессрочноотпускных солдат снискивают себе пропитание, нанимаясь в услужение по договору с помещиками и другими частными лицами к исполнению разных обязанностей»⁶⁸. Но этот контингент во всех трех губерниях Правобережной Украины был невелик. Так, в Киевской губернии, где бывших солдат проживало больше, чем в двух других губерниях, в 1852 г. их насчитывалось лишь 7593 человека⁶⁹, а в 1857 г., после окончания Крымской войны, — 13 694⁷⁰. Большинство из них были людьми среднего и даже пожилого возраста. Основную массу постоянных экономических служителей помещика составляли его крепостные крестьяне и крестьянки.

В течение первых двух-трех десятилетий XIX в. помещик, по своему усмотрению беря в экономические служители члена крестьянского двора или его главу, не лишал его земельного надела и обычно назначал ему мизерную денежную плату — от 3 до 6 руб. за полугодовую и от 6 до 12 руб. за годовую работу. Первое время основным источником существования экономического служителя и его семьи оставалось его хозяй-

⁶⁸ См. ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 457, д. 62а.

⁶⁹ Там же, л. 18.

⁷⁰ ГАКиО, ф. 804, оп. 2, д. 27, л. 91.

ство; мизерная плата, получаемая им, носила характер только дополнительного поощрения крепостного в целях поднятия производительности его принудительного труда. Но постепенно в условиях роста производства на рынок помещик увеличивал служителям денежное и продовольственное содержание, и значение полевого надела как натуральной заработной платы уменьшалось.

В 30-е и 40-е годы помещики стали уменьшать полевые наделы экономических служителей и назначать им большее продуктовое содержание — ординарию и большую денежную плату. Все чаще помещики отбирали у них полевой надел или брали в экономические служители только огородников, не имевших таких наделов, с тем чтобы собственное хозяйство не отвлекало их. Граф Плятер, владелец Ильинецкого имения в Липовецком уезде, в 1842—1848 гг. платил батракам при волах по 15 руб. в год и ординарию, а вологонам — по 9 руб. и ординарию⁷¹. В Кирилловском имении помещика Энгельгардта в Звенигородском уезде в 1848 г. «все экономические служители (982 чел.), состоя на содержании владельца, получали денежное вознаграждение, а некоторые даже наделены пахотною землею и в отработывании барщины, равно жатве хлебов, кошени, молотье не участвовали»⁷². Ясно, что значительная часть, можно уверенно сказать — большинство (в противоположность «некоторым»), энгельгардтовских экономических служителей уже была обезземелена и единственным источником их существования была заработная плата в денежной и продовольственной форме, которую они получали от помещика. Инвентарь с. Яновка Радомышльского уезда за 1844 г. сообщал, что находящиеся на экономических должностях получали по 15 руб. с провизией, полевыми наделами они уже не пользовались⁷³. В Богуславском и Владиславском имениях графов Браницких паробки получали в 50-е годы уже 24 руб. в год и 9 четвертей (более 70 пудов) хлеба и засевали только десятину панского поля⁷⁴.

Таким образом, в помещичьих имениях Правобережной Украины еще до реформы 1861 г. при преобладании барщины стало распространяться применение наемного труда, причем практиковался не только принудительный наем собственных крепостных владельца имения, но и вольный наем работников со стороны. В этом отношении можно констатировать сходство между Правобережной и Степной Украиной и отличие обеих от внутренних губерний России, где наемный труд в имениях почти не применялся.

Применение еще до реформы 1861 г. наемной рабочей силы в дополнение к барщинному труду облегчило помещикам Правобережной и Степной Украины переход к капиталистическому ведению хозяйства после падения крепостного права.

⁷¹ ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 435, д. 80, л. 14.

⁷² Там же, оп. 457, дела 42, 58.

⁷³ ГАКиО, ф. 11, оп. 99, д. 967.

⁷⁴ О. Степанишина. Господарство графів Браницьких..., стор. 136.

В. И. Непокоев

ПЕРЕСТРОЙКА НЕКОТОРЫХ ПОМЕЩИЧЬИХ ХОЗЯЙСТВ ЛИТВЫ ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX В.

Во второй трети XIX в. барщинная система хозяйства России вступила в стадию непрерывно нарастающего кризиса. Этот процесс в различных частях страны протекал неравномерно.

Большой остроты кризис барщинной системы хозяйства, развивавшийся на базе резко прогрессирующего разложения феодально-крепостнической системы и формирования капиталистического уклада, достиг в Литве¹.

Помещичье землевладение занимало в Литве в рассматриваемый период господствующее положение. Сведения о его размерах приводятся в таблице 1², данные которой свидетельствуют о значительной противоречивости этих сведений.

Таблица 1

Размеры помещичьего землевладения Литвы (в дес.)

Губернии	Данные губернских инвентарных комитетов (1847—1848 гг.)	Данные Редакционных комиссий (1860 г.)	Данные «Статистики поземельной собственности и населенных мест Европейской России» (1877—1878 гг.)
Виленская	2 458 319	2 399 019	2 192 748
Ковенская	1 893 466	2;462 827	2 274 280

Сравнение приведенных данных показывает, что инвентарный комитет Ковенской губернии значительно занижил размеры помещичьего землевладения, и подтверждает предположение о его уменьшении к 1877—1878 гг. в связи с переходом после 1861 г. части дворянской земли в руки других сословий³.

Если взять за основу данные Редакционных комиссий, то получается, что помещичье землевладение охватывало к началу реформы 1861 г. в Виленской губернии до 63% и в Ковенской — до 64% всех земель.

Для характеристики помещичьего хозяйства необходимо знать, какие земли входили в состав помещичьих владений. Для середины вто-

¹ В статье автор использует данные, характеризующие основную часть Литвы, включенную в состав Виленской и Ковенской губерний.

² ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1848 г., д. 2093, лл. 59—82, 115—150; Приложение к трудам Редакционных комиссий (сведения о помещичьих имениях), т. VI. СПб. 1860, стр. 2—3, 4—5, 10—13; Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России, вып. V. СПб. 1882, стр. 11, 33.

³ См. П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М. 1958, стр. 431.

Распределение помещичьих земель в Виленской

Общая площадь земли в губернии	Земля, принадлежащая дворянам (потомственным и личным)	Усадебная земля		Пахотная земля	
		общая площадь	дворянская	общая площадь	дворянская
3 828 802	2 579 501	108 067	80 463	1 104 735	628 108

Категории землевладельцев

Губернии	общее количество	Количество				
		в том				
		многоземельных				всего
		до 100 душ м. п.	до 500 душ м. п.	более 500 душ м. п.	абс. число	
Виленская	2470	781	179	22	982	39,8
Ковенская	3161	697	165	28	890	28,1
Всего	5631	1478	344	50	1872	33,2

рой трети XIX в. эти сведения, хотя и далеко не полные, могут дать инвентари⁴. Подсчет инвентарных данных нами еще не закончен. Для Виленской губернии обобщающие сведения по этому вопросу содержатся в ведомостях Статистического комитета за 1855 г. (табл. 2)⁵.

Из данных таблицы 2 следует, что в руках дворянства Виленской губернии находилось до 80% усадебных земель, около 57% пахотных, свыше 70% лугов, пастбищ и леса. Следовательно, дворянские имения играли в сельскохозяйственном производстве ведущую роль.

Основная часть помещичьей земли и крепостного крестьянства в Литве находилась в руках крупных собственников, но большинство среди помещиков составляли владельцы небольших имений.

Инвентарные комитеты в своих «Обозрениях положения помещичьих имений» делят помещичьи имения по количеству земли на три группы (табл. 3)⁶.

Из таблицы 3 видно, что многоземельные имения составляли в

⁴ Инвентари содержат сведения об общем количестве земли в имениях с подразделением ее на фольварочную и надельную по угодьям (усадебная, пахотная, сенокосная и под лесом, иногда отдельно указываются выгоны). Но далеко не во всех инвентарях эти сведения исчерпывающие.

⁵ ЦГИА Лит. ССР, ф. 388, 1854 г., д. 130, лл. 1—4; д. 131, лл. 1—4.

⁶ Там же, ф. 378, 1848 г., д. 2093, лл. 59—82, 115—150. — Приведенные в таблице данные являются весьма относительными. В «Обозрениях» отмечалось, что «для разделения имений на многоземельные и малоземельные нет положительных данных», так как «многие помещики, не имея геометрических планов, в инвентарях, представляемых по требованию начальства в губернский инвентарный комитет, не показывая общего пространства своих имений, обозначали только отведенные крестьянам участки земли по мере посева и уборке трав». Дифференцируя малоземельные имения и имения мелкопоместных владельцев, авторы «Обозрений» включали в последнюю категорию имения с особенно незначительными размерами земельных владений и ограниченным числом крепостных (до 20), к тому же полностью лишенных земли (здесь «крестьяне не имеют поземельных наделов»).

Таблица 2

губернии по угодьям в 1855 г. (в дес.)

Сенокосная и пастбищная земля		Неудобная и неопределенная земля		Земля под лесом	
общая площадь	дворянская	общая площадь	дворянская	общая площадь	дворянская
371 374*	562 586	386 049	160 281**	1 439 289	1 011 745
408 923			106 307		

* В числителе указана сенокосная, в знаменателе — пастбищная земля.

** В числителе указана неудобная, в знаменателе — неопределенная земля.

Таблица 3

в Литве в 1848 г.

помещичьих имений						
числе						
малоземельных					имений мелкопоместных владельцев	
до 100 душ м. п.	до 500 душ м. п.	более 500 душ м. п.	всего		абс. число	%
			абс. число	%		
905	270	37	1212	49,0	276	11,2
805	207	25	1037	32,8	1234	39,1
1710	477	62	2249	40,0	1510	26,8

Литве до $\frac{1}{3}$ помещичьих имений. В их число были включены самые различные по размерам имения. Из 1547 помещиков, числившихся к концу 50-х годов в Ковенской губернии, более 150 (10%) имели свыше 3 тыс. десятин земли каждый, в их числе группа магнатов — 51 помещик (3,3%) имела до 1200 тыс. десятин, или до 50% всей помещичьей земли в губернии⁷. Наряду с этим до 40% имений принадлежало здесь мелкопоместным владельцам.

Крупным помещикам принадлежало в Литве и большинство крепостных (табл. 4)⁸.

Таблица 4

Распределение крепостных крестьян между помещиками в Литве в середине XIX в.

Губернии	Общее число помещиков, влад. крепостными и земель*	В том числе владельцы									
		до 20 душ м. п.		от 21 до 100 душ м. п.		от 101 до 500 душ м. п.		от 501 до 1000 душ м. п.		свыше 1000 душ м. п.	
		помещиков	у них крепостных	помещиков	у них крепостных	помещиков	у них крепостных	помещиков	у них крепостных	помещиков	у них крепостных
Виленская	2078	764	6440	892	41 948	367	73 410	30	19 860	25	54 110
Ковенская	1542	567	4997	655	35 351	269	25 458	29	19 474	22	62 715

* В Виленской губернии, кроме того, числилось 18 безземельных дворян, владевших 50 крепостными мужского пола, и в Ковенской — 5, у которых было 20 крепостных.

⁷ Д. Афанасьев. Ковенская губерния. (Материалы для географии и статистики России.) СПб. 1861, стр. 585—589.⁸ А. Тройницкий. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб. 1861, стр. 45, 49.

В Виленской губернии владельцы более чем тысячи крепостных составляли 1,2% всех помещиков и им принадлежало около 28% крестьян. В Ковенской губернии удельный вес таких помещиков был больше (1,4%) и владели они 36% крестьян. Вместе с помещиками, владевшими от 501 до 1000 крепостных, эта группа составляла в обеих губерниях 2,9% всех помещиков (106 человек) и имела 42,1% крепостных, т. е. почти половину их. В то же время в обеих губерниях насчитывалось 1331 (36,8% всех помещиков) мелкопоместных владельцев (имевших до 20 крепостных мужского пола), которым принадлежало только 11 437 крепостных (3,1% их общего числа).

Просмотр инвентарей показал, однако, что для зачисления помещиков в ту или иную группу нельзя опираться только на данные 10-й переписи, а необходимо учитывать размеры их земельных владений, которые при одинаковом числе крепостных были крайне различны⁹. Например, в имениях Коцяновичи и Медины Виленского уезда насчитывалось по 90 ревизских душ, но в первом имелось 1036 десятин земли, а во втором — 800. В имении Буйвидзишки при 236 ревизских душах было 2007 десятин земли, в то время как в имении Большие Солечники при том же количестве крепостных (235 душ) имелось 4829 десятин и запашка была почти вдвое больше. В имении Верки (356 ревизских душ) была 3391 десятина, а в имении Червонный Двор (334 души) — 5950 десятин земли¹⁰.

Состав помещичьих владений оказывал большое влияние на размеры надела и формы эксплуатации крестьян, а также на характер помещичьего хозяйства и способ управления имениями. Крупные помещики обычно сдавали часть своих владений в аренду, нанимали управляющих, первыми переводили крестьян на оброк, большинство же мелких и средних помещиков сами хозяйничали в имениях, придерживаясь барщинного способа эксплуатации крестьян. Крестьяне мелкопоместных владельцев были полностью обезземелены. Данные инвентарных комитетов о характере управления помещичьих имений приводятся в таблице 5.

Таблица 5

Характер управления помещичьих имений в Литве в 1848 г.

Губернии	Количество имений				всего
	в опеке*	в аренде	в управлении наемных лиц	в распоряжении самих помещиков	
Виленская	341	440	214	1816	2470
Ковенская	217	377	117	2450**	3161

* В Виленской губернии эти имения в общий итог не входят, так как включены соответственно в последующие три группы, в Ковенской же губернии они выделены особо.

** В «Обзрении» Ковенского инвентарного комитета в этой графе указано 1216 имений. Поскольку имения мелкопоместных владельцев (1234) там не учтены, мы относим их к данной группе.

Если исключить имения мелкопоместных владельцев (276 в Виленской и 1234 в Ковенской губернии), которыми помещики обычно распоряжались сами, то арендные имения в обеих губерниях составят 20%, в управлении наемных лиц (управляющих) находилось в Виленской губернии до 10%, в Ковенской — до 6% имений.

⁹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1846 г., дела 2125—2131, 2141—2147.

¹⁰ Там же, д. 2125, ч. I.

Арендаторами имений, в основном на короткий срок (год—два), являлась беспоместная шляхта, которая жестоко тиранила крестьян, углубляя кризис крепостничества¹¹. В одной из записок 1847 г., касающейся аренды помещичьих имений, указывается, что «содержание имений в аренде составляет род промышленности по большей части бедных беспоместных дворян. Имение за известную плату поступает к временному владельцу в полное его распоряжение. Все действия его направлены к вырубке как можно более доходов, участь бедного крестьянина отдается совершенно на произвол арендатора, нисколько не заботящегося об устройстве крестьянского хозяйства»¹².

В ходе выработки инвентарных правил и их пересмотра помещики Литвы настойчиво отстаивали право сдавать имения в аренду.

Характерной чертой социально-экономического развития Литвы было нараставшее дробление помещичьего землевладения. Придавая этому процессу политическое значение, власти в первые же годы после подавления восстания 1830—1831 гг. поставили вопрос о майоратах¹³, который, однако, не получил практического решения.

Данные о продаже помещичьих земель в Литве в 50-х годах приводятся в таблице 6¹⁴.

Таблица 6

Продажа помещичьих земель в Литве в период
с 1 января 1854 по 1 января 1859 г.

Губернии	Заселенные крестьянами земли				Незаселенные земли		
	всего куп- чих сде- лок	продано			всего куп- чих сде- лок	продано	
		земли (дес.)	крепост- ных м. п.	на общую сумму (руб.)		земли (дес.)	на общую сумму (руб.)
Виленская	198	183 566	15 458	2 469 476	277	18 378	221 406
Ковенская	150	197 163	16 161	3 512 372	455	18 600	405 581
Всего	348	380 729	31 619	5 981 848	732	36 938	626 987

Данные таблицы 6 показывают, что всего лишь за 5 лет в 50-х годах в Литве в продажу поступило до 9% всех заселенных и незаселенных помещичьих земель. В Ковенской губернии те и другие земли ценились намного выше, чем в Виленской. Заселенные земли продавались обычно более крупными участками (100—1000 десятин), а незаселенные — мелкими (5—30 десятин). Наиболее дробные участки продавались в Ковенской губернии. Меняя владельцев, заселенные земли оставались в руках дворянства, незаселенные в значительной степени становились капиталистической собственностью. В 1855 г. в Виленской губернии земли купцов (537 десятин), мещан (1687 десятин) и крестьян (80 044 десятины) составляли более 3% всех частновладельческих земель.

Помещичьи владения в Литве составляли сложный хозяйственный комплекс. «Каждое помещичье имение, — писал помещик Свенцянского уезда Гелинг, — состоит здесь из господского хозяйства с двором или фольварком, окруженным полями, совершенно отдельными от крестьянских; из местечек, деревень и застенков, населенных не только крестьянами, но и людьми свободного состояния и даже шляхтой»¹⁵.

¹¹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1846 г., д. 2039, лл. 1—4.

¹² Там же, 1847 г., д. 2298, лл. 1—4.

¹³ См. записку «Каким образом положить преграду дробной делимости дворянской собственности и вообще возвысить сие сословие» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, Политический отдел (ПО), 1832 г., д. 19, лл. 32—46).

¹⁴ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1858 г., д. 1143, ч. V, лл. 88—107, 249—256.

¹⁵ К. Гелинг. Об устройстве крестьян и помещичьих имений в литовских губерниях. — «Журнал землевладельцев», 1858, № 4, стр. 129.

Соответствующие данные инвентарных комитетов приводятся в таблице 7¹⁶.

Таблица 7 показывает, что «вольные» люди в помещичьих владениях составляли в Виленской губернии до 5% и Ковенской — до 30% от числа крепостных. Данные о составе крестьянских дворов и бобылей, как признавали сами инвентарные комитеты, отмечались крайней неточностью.

Помещики Литвы в большинстве случаев имели большую фольварочную запашку, рост которой во второй трети XIX в. отражал эволюцию помещичьих хозяйств по пути капитализма. «Буржуазное развитие, — писал В. И. Ленин, — может идти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными, постепенно заменяющие крепостнические приемы эксплуатации буржуазными, — оно может идти также, имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма «нарост» крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства»¹⁷.

Таблица 7

Состав помещичьих владений в Литве в конце 40-х годов

Губернии	Крепостных	«Вольных» людей	Помещичьих дворов и фольварков	Мстечек	Деревень	Застенков	Крестьянских дворов		Бобылей		Дворовых людей	
	муж. пола						всего	в т. ч. дворов огородников	муж.	жен.	муж.	жен.
Виленская	204 279	10 632	2896	122	6469	862	48 068	1649	693	887	9973	8028
Ковенская	173 741	48 082	Нет сведений				39 251	2260	1434*		7275	5770

* Объединено число семейных и одиноких бобылей.

Борьба за различные пути буржуазного развития составляла объективное содержание обостряющегося антагонизма между помещиками и крестьянами.

Для характеристики соотношения земель, занятых под помещичьим хозяйством и находящихся в наделе у крестьян, исходными являются данные упомянутых выше «Обзрений положения помещичьих имений», составленных инвентарными комитетами (1847—1848 гг.). Сводка этих данных приводится в таблице 8.

Просмотр инвентарей показал, что «в содержании у посторонних лиц» находились не фольварочные земли, а наделные земли той части крестьян, которая в момент составления инвентарей по той или иной причине была обезземелена. Так, в инвентаре имения Антецесарка Виленской губернии указывалось, что, кроме 120 десятин земли, находившейся фактически в наделе у крестьян, там имелись три пустоши (60 десятин), арендованные шляхтой. Между тем общий итог крестьянской наделной земли определялся в 180 десятин. И так во всех инвентарях. В Ковенской губернии помещики включали крестьянские «пустоши» в состав фольварочных земель, обеспечив себе в дальнейшем возможность распоряжаться ими по своему усмотрению¹⁸.

¹⁶ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1848 г., д. 2093, лл. 59—82, 115—150; К. Гелинг. Инвентари и инвентарные комитеты западных губерний. — «Журнал землевладельцев», 1858, № 8, стр. 45.

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 216.

¹⁸ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1864 г., д. 2176, л. 29.

Распределение земли (в дес.) между помещичьим хозяйством и крестьянским наделом в Литве в конце 40-х годов

Губернии	Помещичья земля			Распределение пахотной и сенокосной земли			
	общая площадь	пахотная и сенокосная	пастбищная	под помещичьим хозяйством	в наделе у крестьян	в содержании у посторонних лиц	под общественной запашкой
Виленская	2 458 139	1 549 522	137 120	585 998	880 871	62 215	20 438
Ковенская	1 893 466	1 252 666	150 000	464 738	787 928	—*	—

* Земли, находившиеся «в содержании у посторонних лиц», объединены с землями помещичьих хозяйств. Объясняя это положение, Ковенский инвентарный комитет писал: «Количество пахотной земли под господскими запашками и в содержании у посторонних не разделено потому, что, согласно инвентарному положению, оставшиеся от надела крестьянские земли, в одном году не находящиеся в пользовании самих владельцев, обрабатываются как крестьянами, так и наемными людьми. Иногда же часть их отдается в содержание посторонним лицам, и поэтому количество таковой земли непостоянно».

В итоге к наделным крестьянским землям (пахотным и сенокосным) в Виленской губернии следует отнести не 880 871, а 943 086 десятин (более 60%)¹⁹. Однако фактически в момент составления инвентарей из 1 549 522 десятин пахотных и сенокосных земель под крестьянским хозяйством была занята только 880 871 десятина (57%), под помещичьим хозяйством — 585 998 десятин (38%) и 82 653 десятины (5%) находились в аренде и под общественной запашкой. В Ковенской губернии из 1 252 666 десятин пахотных и сенокосных земель крестьянские наделные земли составляли 787 928 десятин (более 60%), а под помещичьим хозяйством находилось 464 738 десятин (ок. 40%), в состав которых вошли и арендные крестьянские «пустоши».

В связи с развитием капиталистического уклада помещики Литвы провели в 50-х годах массовое обезземеливание крестьян, принявшее особенно большие размеры в предреформенные годы. В 1860 г. в помещичьих фольварках Ковенской губернии только под озимыми и яровыми было более 43% всей посевной площади имений²⁰.

Под действием благоприятных условий внутреннего и внешнего рынков во второй трети XIX в. помещичьи хозяйства Литвы полностью утратили натуральный характер.

Внутренний рынок расширялся за счет городского и местечкового населения и нарастающего расслоения крестьянства. Значительную роль в росте товарного оборота играло и нахождение в Литве большого числа войск. На 1857 г. в Виленской и Ковенской губерниях городское население составляло 150 377 человек (8%). В Ковенской губернии с 1844 по 1860 г. оно выросло с 52 066 до 65 003 человек. Помимо постоянного населения, в городах находилось много временных жителей (в 1858 г. в Вильне их насчитывалось 16 тыс. человек). В многочисленных местечках (в обеих губерниях — 273) шла оживленная торговля, в которой предметы потребления занимали ведущее место. В донесениях предводителей дворянства систематически отмечалось, что население покупало хлеб частью у «соседских помещиков, а вообще на торгах в уездных городах и в приходских местечках». В неурожайные годы хлеб закупался большими партиями в Белоруссии.

¹⁹ Н. Н. Улащик, опираясь на неполные данные, считает, что, по инвентарям, в наделе у крестьян Виленской губернии было всего 822 187 десятин земли (удобной и неудобной) (Н. Н. Улащик. О количестве земли, полученной крестьянами Белоруссии и Литвы при отмене крепостного права. — «История СССР», 1961, № 6, стр. 122).

²⁰ Памятная книжка Ковенской губернии за 1861 год, отд. II, стр. 55.

Неограниченные возможности, особенно для Ковенской губернии, создавал внешний рынок, открывающийся через балтийские порты, с которыми Литва была связана водными и сухопутными путями. В отчетах губернаторов неоднократно отмечалось, что в Литве «по близости за границы сбыт произведений земли весьма удобен и выгоден»²¹. Иностранные купцы закупали хлеб и внутри Ковенской губернии. Кроме того, в Литве существовали купеческие конторы (в Ковенской губернии их было 7), которые вели интенсивную внешнюю торговлю.

Помещики поставляли на внутренний и внешний рынок значительную часть продукции своего сельскохозяйственного производства. В «Обзрении положения помещичьих имений» указывалось, что в Виленской губернии «вообще помещичьи имения сбывают лес и произведения земли, частью за границу, а частью в ближайшие уезды соседских губерний и на внутренних рынках и базарах». Относительно Ковенской губернии отмечалось, что «близость портовых городов Риги, Либавы и прусского Мемеля, протяжение судоходных рек Немана, Вилии и частью Невьяжи, Таурогенского и Ковенского шоссе представляют важные удобства к сбыту сельских произведений по довольно выгодным ценам, преимущественно при существовании заграничной торговли»²².

Основную роль в товарной продукции помещичьих имений играли хлеб, лен, продукты животноводства и лес²³. Главным предметом торговли являлся хлеб, который, по донесениям предводителей дворянства, «большими партиями» вывозили за границу. В зависимости от урожая только за пределы Литвы ежегодно вывозилось от 6 до 10% собираемого хлеба и от 10 до 15% картофеля.

По данным 1853 г., из Ковенской губернии ежегодно вывозилось свыше 200 тыс. четвертей хлеба (в основном пшеница, рожь и овес) на сумму 1,5 млн. рублей (некоторая часть этого хлеба шла, видимо, транзитом из Белоруссии)²⁴. Вывоз хлеба за границу особенно возрос в годы Крымской войны. В рапорте полицейского чиновника местечка Грождь ковенскому губернатору от 31 января 1854 г. сообщалось, что через таможенную следуют «большие транспорты в Пруссию разного рода хлеба, даже из других губерний, а преимущественно вывозится рожь и овес. Подобной значительной вывозки за границу хлеба ни в одном году не практиковалось. Помещики, которые имели запас хлеба от нескольких лет, ныне сбывают его. Рижские купцы (чего никогда не было), не ожидая навигации, запасы хлеба и льна гужем вывозят через Полангенскую таможенную в прусский город Мемель, хотя вывозка эта влечет за собой значительные издержки»²⁵.

Большая часть помещичьего хлеба и картофеля перерабатывалась на вино, что давало помещикам большой доход и отходы, шедшие на корм товарному скоту. В Виленской губернии на винокурение употреблялось хлеба больше, чем шло на посев²⁶, в Ковенской — несколько меньше²⁷ (табл. 9).

Особую роль в товарной продукции помещичьих имений играл лен, на долю которого приходилось от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ яровых посевов. В ряде случаев даже оброчные платежи крестьян заменялись льном и часть крестьянских полей засеивалась им для фольварка. Лен считался «главным

²¹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1856 г., д. 333, л. 3.

²² Там же, 1848 г., д. 2093, лл. 63, 120.

²³ А. М и х н е в и ч. Сельское хозяйство Ковенской губернии. — Памятная книжка Ковенской губернии за 1861 год, отд. II, стр. 22—53.

²⁴ Ковенская губерния за время 1843—1893 гг. Ковна 1893, стр. 281.

²⁵ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1854 г., д. 139, л. 2.

²⁶ Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. IX, ч. 2. СПб. 1848, стр. 26.

²⁷ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1857 г., дела 332, 333; «Журнал Министерства внутренних дел», сентябрь 1857 г., приложение, вед. № 11.

Расход хлеба на вино в Литве по данным 1856 г. (в четвертях)

Губернии	Посеяно			Собрано			Расход на винокурение		
	на фольварочной запашке								
	озимого	ярового	карто- феля	озимого	ярового	карто- феля	озимого	ярового	карто- феля
Виленская	107 865	112 312	74 808	327 046	316 451	241 714	129 488	136 044	106 794
Ковенская	113 620	157 843	83 035	568 100	631 372	373 657	80 200	122 350	61 765

источником дохода как самим имениям, так и крестьянам»²⁸. Это объяснялось высокими ценами на лен. Только из четырех уездов Ковенской губернии в 1835 г. в портовые города у Балтийского моря (Ригу, Лиепая, Кенигсберг, Мемель) было вывезено 50 тыс. берковцев (берковец равен 10 пудам, или 163,8 кг) льна²⁹. В 1858 г. в одну лишь Ригу из Ковенской губернии поступило 648 026 пудов льна (64 802 берковца), из которых на Поневежский уезд приходилось 102 тыс., на Новоалександровский — 160 тыс., на Вилкомирский — 159 380, на Ковенский — 110 тыс., на Тельшевский — 54 тыс., на Россиенский — 42 646 и на Шавельский — 20 тыс. пудов³⁰.

По ценам второй трети XIX в., которые колебались от 30 до 75 руб. за берковец льна, десятина земли, засеянная льном, давала помещикам (при урожае 1,5 берковца с десятины) от 45 руб. до 112 руб. 50 коп. серебром (помимо дохода от продажи льняного семени), что значительно превышало доход, приносимый зерновыми и бобовыми культурами³¹. Рост посевов льна влек за собой увеличение объема барщинных работ крестьян и сильно истощал землю.

Товарный характер в помещичьих имениях приобрело и скотоводство, а также и все подсобные отрасли хозяйства — садоводство, огородничество, рыболовство и др. В целом ряде имений Литвы имелись фермы улучшенных пород рогатого скота, тонкорунных овец и племенных лошадей. В 1853 г. из Ковенской и Виленской губерний было вывезено свыше 10 тыс. пудов шерсти на сумму до 200 тыс. руб. серебром и только из Виленской губернии — до 15 тыс. пудов сала на сумму свыше 60 тыс. руб. серебром³². Большое значение продукты животноводства имели на внутреннем рынке.

Во второй трети XIX в. непрерывно возрастала продажа помещиками леса, который, по свидетельству современника, скупался лесопромышленниками «у помещиков целыми дачами»³³. За счет массовой продажи лесов помещики пытались найти выход из углубляющегося кризиса барщинной системы хозяйства. В 1853 г. из Ковенской губернии было вывезено товарного и строевого леса на 1 млн. руб. серебром³⁴. В Виленской губернии леса ежегодно продавалось почти на 200 тыс.

²⁸ См. «Обозрение положения помещичьих имений Ковенской губернии» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, д. 2093).

²⁹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1835 г., д. 1548, л. 7.

³⁰ Филиал ЦГИА Лит. ССР в Каунасе, фонд канцелярии ковенского гражданского губернатора, 1859 г., д. 22008.

³¹ А. Михневич. Сельское хозяйство Ковенской губернии, стр. 40; Филиал ЦГИА Лит. ССР в Каунасе, фонд канцелярии ковенского гражданского губернатора, 1859 г., д. 22008.

³² Ковенская губерния за время 1843—1893 гг., стр. 281.

³³ А. Киркар. Очерки городов Виленской губернии. — Памятная книжка Виленской губернии на 1852 г., ч. II, стр. 194.

³⁴ Ковенская губерния за время 1843—1893 гг., стр. 281; А. Михневич. Сельское хозяйство Ковенской губернии, стр. 46.

руб. серебром³⁵. Заготовка и вывозка леса к рекам проводились за счет усиления крепостной эксплуатации крестьян сверх установленных инвентарями норм.

Крепостнические отношения создавали непреодолимые препятствия для роста товарности помещичьих хозяйств и доходов с помещичьих имений в целом. Расширенное воспроизводство в сельском хозяйстве не осуществлялось. Неурожай, массовый падеж скота и эпидемии во второй половине XIX в. приобрели хронический характер. Крестьянские хозяйства разорялись. Губернские инвентарные комитеты мучительно искали путей, как добиться такого положения, когда крестьяне, «приложив более труда к обработке земель, будут стремиться к улучшению своего хозяйства и обратятся к занятиям промыслами, торговлей и тем самым, увеличив доходы своих владельцев, предоставят им возможность освободиться от долгов, обременяющих их имения». По данным инвентарных комитетов, за помещичьими имениями Виленской и Ковенской губерний на 1848 г. числилось долгов на сумму 7 млн. руб. (табл. 10)³⁶.

Т а б л и ц а 10

Задолженность помещичьих имений Литвы в 1848 г.

Губернии	Заложено		Общая сумма долга (руб. сер.)	В том числе				
	имений	в них крестьян		банковских долгов	податей и повинностей	за пособия в продовольствии	винокурной пош-лины	прочие казенные взыскания
Виленская	267	42 470	3 775 307	2 614 793	274 246	709 109	110 784	66 373
Ковенская	313	65 919	3 181 561	2 053 445	376 352	57 261	93 948	600 554
Всего	580	108 389	6 956 868	4 668 238	650 598	766 370	204 732	666 927

В среднем на одного крепостного мужского пола в Виленской губернии приходилось по 18 руб. 48 коп. серебром помещичьего долга и в Ковенской — по 14 руб. 34 коп. Общая задолженность помещичьих имений в обеих губерниях почти на 2,5 млн. руб. серебром превышала оценочную сумму годовых инвентарных повинностей крестьян (4 492 902 руб. серебром).

В счет погашения долгов помещиков заселенные и незаселенные помещичьи земли продавались с публичных торгов (табл. 11)³⁷.

Т а б л и ц а 11

Продажа помещичьей земли в Литве за долги в период с 1 января 1854 по 1 января 1859 г.

Губернии	Заселенные земли			Незаселенные земли	
	десятин	на них крепостных м. п.	на общую сумму (руб.)	десятин	на общую сумму (руб.)
Виленская	16 346	1120	240 074	—	—
Ковенская	24 884	1762	458 092	608	12 109
Всего	41 230	2882	698 166	608	12 109

³⁵ П. Семенов. Географическо-статистический словарь Российской империи, т. I. СПб. 1863, стр. 456.

³⁶ См. «Обозрения положения помещичьих имений Ковенской губернии» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, д. 2093).

³⁷ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1860 г., д. 1143, ч. I, лл. 102—103, 248.

Наиболее ярким проявлением кризиса крепостнической системы в целом являлось беспрерывно нараставшее в Литве во второй трети XIX в. крестьянское движение³⁸.

В ходе введения обязательных инвентарей ставился вопрос о преодолении кризиса барщинной системы. Ковенский инвентарный комитет писал, что, по мнению предводителей дворянства, «весьма полезно было бы заведение ипотеки³⁹, то есть оценки имений с приведением в известность лежащих на них казенных и частных долгов и учреждением конторы Государственного банка, по примеру существующих в городе Киеве и Харькове, для ссуды денег под залог не только действительной гипотечной стоимости имений, но и сырых произведений»⁴⁰. Но подобная система кредита так и не была создана.

Большинство помещиков Литвы, чтобы выйти из кризиса, продолжало, не считаясь с установленными инвентарными нормами, увеличивать объем барщинных повинностей крестьян. Но это имело свой предел и влекло за собой дальнейшее углубление кризиса крепостничества, резко проявлявшегося в нарастающем упадке как помещичьего, так и крестьянского хозяйства.

Ища выхода из создавшегося положения, некоторые помещики — владельцы наиболее крупных имений стали переходить от отработочной ренты к денежной. Данные инвентарных комитетов о соотношении между барщиной и оброком в литовской деревне на 1848 г. приводятся в таблице 12⁴¹.

Таблица 12

Барщинные и оброчные повинности крестьян в Литве в конце 40-х годов

Губернии	Крестьянские дворы			Оценка годовых инвентарных повинностей (руб. сер.)	
	всего	в том числе		барщинные	оброчные
		барщинные	оброчные		
Виленская	48 068	46 120	1948	1 644 626	65 720
Ковенская	39 251	33 683*	5568	1 996 571	411 162

* Инвентарный комитет дает сведения только о 36 991 дворе тяглых крестьян, в числе которых было 31 423 барщинных и 5568 оброчных дворов. В нашей сводке в состав барщинных включены также 2260 дворов огородников.

Как следует из данных таблицы, около 1850 г. оброчные крестьяне в Виленской губернии составляли всего около 4%, а в Ковенской — свыше 15%. Примерно в тех же пределах находилось и соотношение оброка и барщины, выраженное в деньгах (в Ковенской губернии сумма оброчных повинностей составляла 17% общей суммы повинностей).

Вследствие разницы в условиях, обеспечивавших развитие рыночных связей, оброчные отношения в восточной и западной частях Литвы развивались неравномерно. К концу 1850-х годов в Виленской губернии на оброке состояло 7,5%, а в Ковенской — 28% мужского населения крепостной деревни⁴². По уездам эта разница была еще более значитель-

³⁸ См. В. Неупокоев. Крестьянские волнения в помещичьей деревне Литвы накануне объявления рескрипта от 20 ноября 1857 года (1832—1857 гг.). — «Ученые записки Вильнюсского госуниверситета», серия общественных наук, т. 1, 1954, стр. 113—159.

³⁹ Система кредита, в случае неуплаты долга дающая кредитору право на недвижимое имущество должника.

⁴⁰ См. «Обозрение положения помещичьих имений Ковенской губернии» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, д. 2093).

⁴¹ См. «Обозрения положения помещичьих имений» по Виленской и Ковенской губерниям.

⁴² Процент выведен по неполным данным (в Виленской губернии учтены 128 658 вместо фактически числившихся 135 798 крепостных мужского пола, в Ковенской — 164 065 вместо 171 565).

ной. Если в Троцком уезде Виленской губернии оброчные крестьяне составляли 0,8%, то в Тельшевском уезде Ковенской губернии на оброке числилось 97% мужского населения помещичьей деревни⁴³.

Смена форм крепостной эксплуатации ускорила формирование капиталистического уклада в земледелии.

Переход на денежную ренту сопровождался коренной перестройкой фольварочных хозяйств и значительным обезземеливанием крестьян. Уже в начале 1830-х годов в Литве началось создание так наз. «батрачных хозяйств», которые в своем развитии претерпели значительную эволюцию. На начальной стадии ее помещики превращали обземеленных и лишенных всего личного имущества крестьян в фольварочных батраков на условиях «месячины». Одним из первых такое хозяйство создал помещик Карлович, который «уничтожил в имении своем крестьянские дворы, имущество крестьян забрал, перевел людей в господский двор с назначением им продовольствия и одежды и обратил их в батраков и парабков». Пример Карловича имел последователей. В том же документе говорится, что «помещик Карп в числе других помещиков завел у себя батрачье хозяйство, подобное Карловичу»⁴⁴. Такое же хозяйство было создано помещиком Ганом в имении Пренцталь в Поневежском уезде.

Батраки-«месячники» жили в ужасных условиях: их размещали в сараях, иногда для них строили специальные бараки, а чаще всего их поселяли в опустевших крестьянских дворах. В имении Пренцталь 42 дворовых батрака (30 мужчин и 12 женщин) размещались в трех домах. Работая круглую неделю, батраки «изнурялись жестокими наказаниями» и получали полуголодное содержание. Помещик Ган выдавал всем своим батракам на недельное пропитание одну пурю ячменя на крупу, 496 фунтов ячменной муки на хлеб и скудную приправу. Всего этого едва хватало на четыре дня.

Отражая вырождение феодальной зависимости в фактическое рабство, «месячина» не оправдала все же расчетов помещиков. Поскольку у них отсутствовала материальная заинтересованность, «месячники» работали плохо, портили хозяйственный инвентарь и оказывали активное сопротивление помещикам, требуя возвратить их в прежние хозяйства. Так, по жалобам крестьян Сенат рассмотрел дело о помещике Карловиче и подверг его имение опеке. Помещик Ган в 1849 г. вынужден был в результате активного сопротивления батраков отказаться от «месячины» и разместить своих батраков по крестьянским хозяйствам.

Потерпела крах и система фольварочного хозяйства, подобная созданной в 1832 г. в одном из крупнейших имений Ковенской губернии — Иоганишкеле помещиком Евстафием Карпием, крестьяне которого по духовному завещанию прежнего владельца в 1810 г. были зачислены в состав «вольных» людей.

Уничтожая целые деревни и захватывая у обезземеленных крестьян все имущество, Карпий создал целый ряд новых фольварков. В одной из жалоб (подписанной 135 крестьянами) крепостные сообщали, что Карпий, «забирая в свою пользу хозяйский скот, хлеб, лошадей и все хозяйственное обезвечение, построил на их обитательствах 35 новых фольварков»⁴⁵. Для обеспечения фольварков рабочей силой крестьян в имении Иоганишкеле разделили на четыре категории. Первую составляли «полные домохозяева»; они оставались на своих наделах на прежних условиях и в зависимости от размеров участков платили оброк от 4 до 30 руб. серебром и обрабатывали в фольварках от 1 до 1½ десятин земли, кроме того участвовали «поголовно» в вывозке навоза, уборке

⁴³ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1858 г., д. 1143, ч. I, лл. 326, 343.

⁴⁴ Там же, 1840 г., д. 156, ч. III, лл. 214—227.

⁴⁵ Там же, ч. II, лл. 42—43.

сена и хлеба, а также в молотье, отбывали подводную повинность в Ригу, возили в фольварки булыжный и известковый камень и исполняли другие дополнительные повинности. Ко второй категории были отнесены бывшие «полные домохозяева», наделы которых были урезаны на $\frac{1}{4}$ и которые получили название «опекунов»; помимо обработки урочных участков в фольварках, они обязаны были отбывать в неделю от 4 до 6 дней барщины пешей и с упряжкой, а ранее уплачивавшийся ими оброк (до 17 руб. серебром) отменялся. Третью категорию составляли «полухозяева», у которых была отрезана половина надела; obroka они также не платили и, помимо обработки участков, отбывали от 2 до 3 дней барщины в неделю. Четвертую категорию представляли «колонисты», безземельные крестьяне, получившие отрезанную у «опекунов» $\frac{1}{4}$ надела и поселенные в одном с ними доме; «колонист» отбывал в неделю 3 дня пешей барщины. Крестьяне второй и третьей категорий являлись фактически батраками с наделом. На лето им из фольварков выдавался рабочий скот, которым они обрабатывали «свою и господскую землю»; на зиму скот забирался на господский двор.

Созданная Карпием система большого фольварочного хозяйства послужила одной из причин резкого усиления борьбы крестьян имения за волю и землю, которая продолжалась в течение десятилетий, то затухая, то обостряясь. Наибольшую активность в этой борьбе проявляли крестьяне-«опекуны» и «колонисты». Как указывалось в актах комиссий, неоднократно выезжавших в имение Иоганишкеле, первые жаловались на поселение в их домах иногда «по два семейств колонистов» и даже посторонних «вольных» крестьян, а вторые — на то, что в счет погашения податей «скудный урожай у них отбирается во двор» и они не способны «даже прокормить свое семейство». Значительная часть «колонистов» впоследствии попала в положение «бездомных и даже нищих»⁴⁶.

В 1858 г. наследник имения Иоганишкеле Фелициан Карпий отказался от созданной его отцом системы и произвел новую перестройку фольварочного хозяйства. Из 1060 хозяйств крестьян различных категорий (с полным, трехчетвертным и половинным наделом) в имении осталось всего 294 хозяйства с наделами от 20 до 30 десятин земли, из них 280 входились на полном obroke (около 5 руб. с десятины пашни или от 1 руб. 60 коп. до 2 руб. 15 коп. серебром с десятины всех угодий) и 14 — на барщине в фольварках, отданных в аренду. Кроме того, сохранилось 78 «четвертных дворов» (с наделом до 5 десятин). Остальные крестьянские хозяйства были уничтожены. Все фольварки, кроме двух, работы в которых производились с помощью «наемных» семейных и одиноких батраков, были отданы в аренду.

Переход некоторых фольварочных хозяйств Литвы на так наз. «наемнорабочее положение» начался еще во второй половине 1830-х годов⁴⁷. В этом процессе отразилась нарастающая тенденция к замене крепостнических приемов эксплуатации буржуазными. Вербуй батраков из числа безземельного крепостного крестьянства и «вольных» людей, помещики стремились вызвать у них некоторую экономическую заинтересованность в труде. Навязываемые батракам условия облекались при этом в форму «свободного» договора.

Содержание «наемного» фольварочного батрака (одинокого) об-

⁴⁶ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1840 г., д. 156, ч. III, лл. 214—227.

⁴⁷ См. Е. Петерсон. Об особенностях, условиях и последствиях перевода барщинных хозяйств на наемнорабочее положение в некоторых поместьях Ковенской губернии. — «Журнал Министерства государственных имуществ», 1860, № 3, отд. II, стр. 135—203; Особенности хозяйственного устройства в западных губерниях. — Там же, стр. 204—213.

ходило помещику несколько дороже, чем эксплуатация безземельного крепостного крестьянина (табл. 13).

Таблица 13

Оплата батраков по данным Ковенского инвентарного комитета (на 1848 г.)

Категория батраков	Денежная плата (руб. сер.)	
	при обеспечении продовольствием и одеждой	без обеспечения одеждой
Крепостные (без договора)	6—11	10—15
Находящиеся на «наемнорабочем положении» (по договору)	8—12	12—16

Расходы помещиков на оплату труда фольварочных батраков, находившихся на «наемнорабочем положении», не ограничивались приведенными в таблице. В имении Юрбург (Россиенский уезд), фольварочное хозяйство которого в 1856—1857 гг. перешло на использование труда таких батраков, одинокие батраки получали 20 руб. серебром деньгами, натуральное обеспечение на общую сумму в 52 руб. 09 коп. серебром в год, клочок земли (400 кв. сажень) под огород и корм для одной коровы. Вместе с помещением содержание батрака оценивалось в 100 руб. серебром. При этом помимо работы в течение шести дней в неделю батраки обязаны были по очереди обслуживать в праздничные дни фольварочный скот и выставлять летом на 60 дней по взрослому помощнику («антернику»), которому помещик выплачивал всего 5 коп. в день (по данным инвентарного комитета, средняя годовая оценка рабочего дня наемных поденных рабочих была от 15 до 20 коп. серебром). Наем помощника поглощал более половины годового денежного заработка батрака.

Большинство помещиков предпочитало иметь в фольварках семейных батраков, которые, по их мнению, «крепче держатся своих мест». И здесь условия были самые разнообразные. Почти в полную зависимость от натурального снабжения были поставлены батраки в имении Дубовая-Помушь (Поневежский уезд). Наряду с клочком земли (800 кв. саж.) и покосом в лесу им еженедельно выдавался хлеб в зерне (по гарнцу на день для каждого работника). Денежная плата предусматривалась только за работу сверх «уроков». В среднем содержание батрака обходилось в 93 руб.

Более сложные условия существовали в имении Тауроген (Россиенский уезд), где семейный батрак получал 0,5 десятины огородной земли, иногда дополнявшейся $\frac{1}{12}$ десятины для посева льна, корм для одной коровы и одной свиньи, 25 руб. серебром деньгами в год и хлеб в зерне (около 9,5 четверти). Все это оценивалось в 114 руб. 75 коп. Батрак обязывался содержать за свой счет весь год работника или работницу (не моложе 18 лет), которые должны были в течение семи летних месяцев (с апреля по октябрь) отработать в фольварке 165 дней за плату по 10 коп. в день. Таким образом, не только содержание, но и половина оплаты (по нормам инвентарного комитета) второго работника возлагалась на основных батраков, жены которых к тому же обязывались по очереди доить фольварочный скот.

В им. Рот-Понемунь (Поневежский уезд) главный упор делался на обеспечение батраков за счет увеличения отводимого им клочка земли. Семейные батраки получали здесь $\frac{1}{6}$ десятины под усадьбу и $2\frac{1}{3}$ десятины под пашню, обрабатываемую фольварочным инвентарем и рабочим скотом. Кроме того, им выдавалось по 50 пудов сена, 120 пудов ржи, 130 гарнцев ячменя и 30 гарнцев гороха, соль и по 10 руб. сереб-

ром в год. Батраки должны были работать по 6 дней в неделю, а их жены — на уборке во время сенокоса и жатвы.

В некоторых случаях фольварочным батракам отводилось до 5 десятин пашни (без парового поля) и покос на 50—75 пудов сена. Им разрешалось держать 1—2 лошади и 1—2 коровы. За это батраки должны были работать в фольварке по три дня в неделю (без лошадей), а жены их — выходить по требованию помещика на полевые работы за плату по 15 коп. в день.

Помещики и фольварочная администрация жестоко тиранили батраков. Для них вводилась специальная система штрафов. Так, за невыход на работу с батрака взыскивали до 50 коп. серебром. Помещики заставляли батраков, помимо основной работы, бесплатно обмолачивать по ночам в ригах весь хлеб и отбирали участки, приведенные усилиями батрака в хорошее состояние, и заменяли их истощенной или запущенной землей.

Ведя активную борьбу против помещичьего произвола и нищенского существования под постоянным контролем фольварочной администрации, батраки решительно протестовали против создания помещиками «новых фольварков в тех местах, где прежде были усадьбы крестьянские», и требовали вернуть их «на хозяйства». На это власти обычно отвечали, что помещики имеют «полное право в собственном своем имении учреждать фольварки по своему усмотрению»⁴⁸.

В крестьянских волнениях фольварочные батраки и другие категории обезземеленного крестьянства играли обычно наиболее активную роль.

Помещики Литвы, а вслед за ними царские чиновники (Е. Петерсон, Д. Афанасьев) утверждали, что «если при установлении денежного оброка с крепостным крестьянином и при заключении условий с крепостным батраком свобода договариваться не была подавлена помещичьей властью, если эти крепостные люди не были понуждены страхом к изъявлению согласия на предложенные им условия, то эти новые отношения следует признать большим приближением к состоянию полной свободы»⁴⁹. Но это было не так. Условия добровольного найма не соблюдались даже в отношении «вольных» людей. «Наемнорабочее положение» в большинстве случаев представляло собой видоизмененную барщину с элементами «месячины», сочетавшуюся в ряде случаев с буржуазными приемами эксплуатации.

Некоторые помещики вообще отказывались использовать в фольварках крепостных и ввозили батраков из Восточной Пруссии.

Граф Чапский еще в 1833 г. просил разрешить ему ввезти из Пруссии в имение Кейданы (4780 десятин земли и 534 крепостных обоего пола) «до 300 с лишком немецких семейств»⁵⁰.

В 1859 г. помещик Кербедза привез в свое имение Троупе (Вилкомирский уезд) 7 семейных батраков и двух работниц из Восточной Пруссии. По договору, заключенному на три года, семейный батрак получал квартиру и отопление, $\frac{1}{2}$ десятины пашни, лесного покоса на 37 пудов сена для корма одной корове, деньгами в год 13 руб. 80 коп., 167,5 гарнца ржи, $83\frac{3}{4}$ гарнца ячменя, 33,5 гарнца гороху и $8\frac{3}{4}$ гарнца пшеницы, 6 гарнцев соли. Для обработки земли батраку предоставлялся инвентарь и рабочий скот. Оформление документов и оплату обратной дороги в Пруссию по окончании договора брал на себя помещик. Батраки должны были работать по 4 дня и пасти одну ночь в неделю фольварочных лошадей, а их жены — обрабатывать летом по 15 дней. За

⁴⁸ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1846 г., д. 987, лл. 6—10.

⁴⁹ См. Е. Петерсон. Об особенностях, условиях и последствиях перевода барщинных хозяйств ..., стр. 147; Д. Афанасьев. Ковенская губерния, стр. 416.

⁵⁰ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1833 г., д. 20, л. 7.

работы сверх договора помещик обязывался уплачивать: летом за мужской день — 25 коп., за женский — 15, зимой — соответственно, 18 и 12 коп. серебром. Батраки несли перед помещиком ответственность всем своим имуществом и содержанием. За каждый мелкий проступок они подвергались штрафу в 15 коп.

После реформы 19 февраля 1861 г., когда помещики стали постепенно переводить фольварки на капиталистические основы, приток иностранных батраков в Литву и Белоруссию резко усилился. В одном из донесений (от 26 октября 1861 г.) сообщалось, что «многие помещики здешнего края переселяют в большом числе поселян католического исповедания из Познани и Галиции (прежних провинций Польши), так что некоторые из них перевезли от 30 до 100 семейств». Власти придавали этому процессу политическое значение. Но помещики заявляли, что в лице иностранных батраков они получают «опытных хлебопашцев для улучшения сельского хозяйства».

В Ковенской и Гродненской губерниях было много прусских батраков, «прибывших по найму их помещиками в хозяйственные и земледельческие работы» еще до реформы. Договоры с ними заключались обычно на 6 лет⁵¹.

Прусские батраки работали более производительно и стояли в стороне от классовой борьбы. Но не они, а местное безземельное крестьянство составляло основную рабочую силу послереформенных помещичьих латифундий.

Применение «наемного» батрацкого труда в фольварках давало положительный экономический эффект. На смену трехполью приходила многопольная система, поля лучше удобрялись и обрабатывались, применялись сложные сельскохозяйственные машины (плуги, жатки, молотилки, веялки, соломорезки и др.). По подсчетам Е. Петерсона, производительность труда в таких хозяйствах увеличилась на 40—60%, а урожайность повысилась на 20—25%.

И все же на использование батрацкого труда переходили лишь немногие помещики западной части Литвы (Ковенская губерния). Для этого необходимы были наличные средства, высокая степень развития рыночных отношений и определенная товарность имения.

Даже в западной части Литвы фольварочная система с применением «наемных» батраков встречала весьма значительные возражения со стороны большинства помещиков. Так, Р. Тизенгауз заявлял: «все уже убедились, что фольварочное батрачье хозяйство не дает хороших последствий», и настаивал на переходе к аренде, основанной на «вольном» договоре. В обстановке неизбежного падения крепостничества Тизенгауз развивал мысли В. Страйновского, который еще в начале XIX в. писал: «После увольнения крестьян от подданства следует с ними, как с людьми уже свободными, каждому помещику сделать договор»⁵².

В 1853 г. Тизенгауз перевел всех крестьян в своем имении Рокишки (свыше 8 тыс. крепостных и 40 600 десятин земли) на оброк с заключением контрактов на 12 лет под взаимным или круговым ручательством хозяев. При этом «неисправные» в отбывании баршинных дней или во взносе податей и других платежей крестьяне лишались хозяйства, передававшегося на оброк другому лицу, в том числе и вольным арендаторам. Средний надел на каждое хозяйство составлял 20 десятин пашни и 10 десятин покоса, а средняя норма оброка — 40—50 руб. Имелись и половинные участки. Существовавшие в имении 15 фольварков Тизенгауз не уничтожил, а сдал в аренду на новом основании — без

⁵¹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 64, см. договор, л. 72.

⁵² В. Страйновский. Об условиях помещиков с крестьянами. Вильно 1809, стр. 151—190.

барщинного труда, с обязанностью обзавестись инвентарем и производить все работы вольнонаемными людьми.

Не только в арендных фольварках, но и во многих помещичьих хозяйствах Литвы работали наемные сезонные рабочие из числа оброчных крепостных, государственных крестьян и различных категорий незакрепощенного крестьянства. До середины 1840-х годов число таких поденщиков было незначительно. В 1848 г. Ковенский инвентарный комитет отмечал: «наймы поденных рабочих к полевым работам редко встречаются, особенно с рабочим скотом», а при найме таковых «пешим вольнонаемным дается от нанимаемого собственный рабочий скот». В 1850-х годах число поденщиков, в том числе и в помещичьих имениях, резко возросло. Решающее влияние на расширение рынка рабочей силы оказал перевод государственных крестьян на оброк (с 1845 г.) и дальнейшее развитие денежной ренты в помещичьей деревне, сопровождавшееся нарастающим обезземеливанием крестьян. В отчетах Виленской палаты государственных имуществ непрерывно отмечалось, что беднота работает на сплаве леса, на строительстве дорог и «у помещиков и фермерных содержателей». Данные, характеризующие ход этого процесса в предреформенные годы, приведены в таблице 14⁵³.

Т а б л и ц а 14

Работа государственных крестьян в Виленской губернии по найму

Годы	Всего работало крестьян		Общий заработок (руб. сер.)	Из этой суммы внесено на погашение податей и сборов
	на фермах	на земляных работах и сплаве		
1854	17 220	2113	66 210	19 898
1855	18 944	694	35 840	11 898
1856	17 821	1419	38 740	14 523
1857	5 473	1782	60 145	16 524
1860	4 875	316	220 000*	Не указано

* В эту сумму не вошел заработок 316 человек, занятых сплавом.

Из данных таблицы видно, что после окончания Крымской войны число сезонных рабочих сократилось, но общая сумма их заработка резко возросла. В 1860 г. средняя плата работнику за шесть летних месяцев составляла 45 руб. серебром.

Некоторые арендаторы помещичьих фольварков заключали с оброчными крепостными и «вольными» людьми договоры на обработку своих полей. Так, арендатор фольварка Лукшты (имения Рокишки Р. Тизенгауза) платил оброчным крестьянам по 22 руб. 50 коп. в год за весь цикл полевых работ (за исключением обмолота хлеба) на одной десятине в каждом поле при трехпольной системе. Наблюдавший работу этих крестьян Е. Петерсон замечает, что они «выезжали в поле целыми семьями и производили работы так дружно и скоро, как в лучших сельских округах Германии»⁵⁴. Несмотря на предельно низкую оплату, материальная заинтересованность при вольном найме обеспечивала высокую производительность труда.

Применение батрацкого труда и попытки превратить крестьян в кабальных арендаторов составляли главную тенденцию в эволюции помещичьих хозяйств по пути капиталистического развития.

⁵³ ЦГИА Лит. ССР, ф. 525, 1845 г., д. 311, л. 51; 1846 г., д. 346, л. 55; 1847 г., д. 378, л. 62; 1848 г., д. 411, л. 63; 1849 г., д. 440, л. 61; 1850 г., д. 474, л. 58; 1854 г., д. 619, л. 58, и др.

⁵⁴ См. Е. Петерсон. Об особенностях, условиях и последствиях перевода барщинных хозяйств ..., стр. 178.

* *
*

Перестройка некоторых помещичьих хозяйств Литвы во второй трети XIX в. отражала углубляющееся разложение и кризис барщинной системы хозяйства, свидетельствуя о попытках помещиков найти в рамках старых отношений выход из того тупика, в который зашла крепостническая система.

Неудача этих попыток заставила помещиков Литвы искать решение вопроса в личном «освобождении» крестьян без земли, позволявшем создавать капиталистические латифундии и сохранять кабального арендатора, обязанного отбывать фактически ту же барщину.

И. А. Лейна саре

РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ОРУДИЙ ТРУДА В ЛАТВИИ В ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ БАРШИННОГО ХОЗЯЙСТВА (КОНЕЦ XVIII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Одной из важнейших проблем истории земледелия является вопрос о развитии земледельческих орудий. Советские историки в своих опубликованных до сих пор исследованиях о развитии производительных сил в земледелии уделили этому вопросу определенное место¹. Развитию земледельческих орудий в период разложения барщинного хозяйства в Литве и Белоруссии специальную статью посвятил Н. Н. Улащик. Однако следует отметить, что, приводя весьма обширный и интересный фактический материал о земледельческих орудиях рассматриваемого периода в Литве и Белоруссии, он в недостаточной степени связывает их с существовавшими производственными отношениями и системой земледелия². В связи с этим остаются несколько в тени обстоятельства, заставлявшие апологетов крепостнического уклада столь положительно отзываться о сохе, и не совсем понятно, почему в условиях барщинного хозяйства невозможно было перейти к новым орудиям труда.

В своем кратком сообщении мы попытаемся осветить развитие земледельческих орудий в Латвии в период разложения барщинного хозяйства и показать факторы, препятствовавшие в этот период переходу в земледелии к новым орудиям труда.

В продолжение периода феодализма земледельческие орудия в Латвии, как и в других странах Европы, отличались сравнительной консервативностью, неизменностью своей формы. Крепостные крестьяне как свои, так и барские поля вспахивали сохой, бороновали деревянной бороной, хлеба скашивали серпом, полукосой и длинной косой, молотили цепом и лошаадьми, а провеивали, пропуская через сито, с помощью совка и вил. Существование всех этих примитивных орудий труда определялось феодальным способом производства и наличием весьма слабого спроса на рынке.

Положение несколько изменилось в XVIII в., когда Прибалтика была включена в состав Российской империи. Расширение внутреннего и внешнего рынка России оказало соответствующее влияние и на развитие феодального сельского хозяйства в Латвии. Теперь и прибалтийские помещики почувствовали необходимость увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. В этих целях они стали интенсивно расширять барскую запашку за счет крестьянской земли, подсек и пастбищ. Однако сокращение площади пастбищ привело к ухудшению и так уже весьма не блестящего состояния животноводства, в результате чего значительная часть пашни оказалась лишенной необходимых удобрений.

Плохо удобренные и обработанные поля давали обычно низкие урожаи. По данным Г. Яннау, во второй половине XVIII в. в Видземе (Лифляндии) урожай в среднем не превышал сам-3—5³. На таком же уровне урожай держался и в Латгалии. В Курземе (Курляндии) он был несколько выше — сам-4—9. Но и эти низкие урожаи не удавалось снимать ежегодно, ибо как в Видземе, так и в Курземе и Земгале часто

¹ В. В. Дорошенко. Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке. Рига 1960; H. Strods. Zemkopības sistēmu attīstība Latvijā. Rīgā 1957; Н. Н. Улащик. Орудия производства и системы земледелия в помещичьем хозяйстве Литвы и Западной Белоруссии в период разложения феодально-крепостнического строя. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г. М. 1961, стр. 173—185; И. Д. Бойко. О производительных силах в сельском хозяйстве Украины в XVI — первой половине XVII в. — Четвертая сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в г. Риге. Тезисы докладов и сообщений. Рига 1961, стр. 51; А. А. Преображенский. О производительных силах в сельском хозяйстве Урала XVII — начала XVIII в. — Там же, стр. 94.

² Н. Н. Улащик. Орудия производства и системы земледелия ..., стр. 173—175.

³ [H. Jannau.] Geschichte der Sklaverei und Charakter der Bauern in Lief- und Ehstland: Riga 1786, S. 309; см. также Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М. 1957, стр. 335, 446, 454.

случались неурожаи. Так, в Курземе общий недород имел место в 1784, 1785, 1794, 1795, 1799, 1800, в Видземе — в 1798—1800 гг.

Поднятие урожайности зерновых явилось важнейшей проблемой, вставшей в центре внимания помещиков не только Латвии, но и всей России, поскольку низкие урожаи были явлением, характерным в общем для всей империи. Для того чтобы повысить плодородие полей, необходимо было: 1) увеличить поголовье скота, обеспечив его как летом, так и зимой достаточным количеством кормов; 2) внести изменения в севооборот; 3) внедрить глубокую пахоту и тщательную обработку пашни, поскольку, как известно, хорошо удобренное, но плохо обработанное поле все равно не дает хорошего урожая. Распространенная в Латвии соха проникала в почву на очень небольшую глубину (5—12 см)⁴ и плохо переворачивала пласт дерна, поэтому такая соха для глубокой пахоты не годилась. Это начали понимать и помещики, следившие за сельскохозяйственной литературой. Но, с другой стороны, в условиях феодального хозяйства труд крестьян и изготовленные ими орудия труда помещикам ничего не стоили, тогда как для приобретения новых, рациональных орудий нужны были значительные денежные суммы, а главное — иные условия производства. Немецкий железный плуг в начале XIX в. стоил в 8—10 раз дороже сохи, английский же плуг — даже в 25—30 раз дороже⁵. Поэтому идеолог помещиков В. Фрибе в статье, посланной в 1804 г. на конкурс, объявленный Вольным экономическим обществом и посвященный сравнительным опытам по пахоте сохой, а также английским, немецким и другими плугами, делал вывод, что для почв северных губерний России, в том числе и Латвии, лучше всего подходит соха⁶. Избегая «лишних» расходов, помещики не спешили обзаводиться дорогими иностранными орудиями, крестьянам же едва хватало средств для приобретения предметов первой необходимости (например, соли). Объясняя свое нежелание вкладывать средства в новые орудия труда, помещики ссылались на то, что, мол, вороватому рабу-крепостному нельзя доверить, например, пароконную борону с железными зубьями, хотя с ее помощью поле и можно было обработать быстрее, чем деревянной бороной, которую тащила одна лошададка⁷.

В результате всего этого во второй половине XVIII в. в Латвии в рамках крепостнического барщинного хозяйства начались поиски таких усовершенствований в земледелии, которые не были бы связаны с капиталовложениями, соответствовали бы барщинному укладу хозяйства и не требовали бы приобретения новых орудий труда. Выход из трудного положения, сложившегося в земледелии, помещики стремились найти не в усовершенствовании орудий труда, а в лучшем удобрении полей. Начались усиленные поиски заменителя органических удобрений, применение которого не было бы связано с большими расходами. В дискуссии 70—90-х годов XVIII в., нашедшей отражение на страницах «Трудов Вольного экономического общества», лучшим видом удобрения для условий северной и центральной части России было признано выжигание подсек, сжигание кубышей. К этому взгляду присоединились лифляндские авторы И. Фишер⁸ и А. Гупель. Полемика по вопросу о преимуществах использования подсеки и сжигания кубышей на территории Латвии отразилась во второй части работы Гупеля «Topographische Nachrichten». В 1789 г. Гупель послал в Вольное экономическое общество особую статью «О делании пашенной земли плодородною посредством огня»⁹.

Выжигание подсек и использование золы на удобрение широко практиковались в Видземе во второй половине XVIII и начале XIX в. в связи с наличием обширных лесных и поросших кустарником площадей. Подсечное хозяйство имело место и в Латгалии, однако в меньших размерах, чем в Видземе. При наличии благоприятных условий погоды подсека в первый год давала несравненно больший урожай, чем обычное поле, — сам-9—12, а иногда даже сам-20¹⁰. Барон Бруйнингк еще в 1849 г. отмечал, что под-

⁴ A. W. Hupel. Topographische Nachrichten von Lief- und Ehstland, II. Riga 1777, S. 278; H. F. Dull'o. Die kurländische Landwirthschaft, I. Mitau 1804, S. 349; J. G. Büttn'er. Ansichten und Vorschläge über die Landwirthschaft für das Gouvernement Kurland, I. Mitau 1823, S. 142.

⁵ W. Ch. Friebe. Grundsätze zu einer theoretischen und praktischen Verbesserung der Landwirthschaft in Liefland, IV. Riga 1808, S. 41.

⁶ W. Ch. Friebe. Welche Pflüge sind auf einerlei Boden u. dergl., wenn mit denselben vergleichende Versuche angestellt werden, für den Ackerbau in Russland und in den verschiedenen Gegenden dieses Reichs die vorzüglichsten? — «Oekonomisches Repertorium für Liefland», 6. Bd., 2. Stück, 1810, S. 515—572. (Напечатано на русском языке в «Трудах ВЭО», ч. LX. СПб. 1808, стр. 238—325.)

⁷ [A. Hueck.] Darstellung der landwirthschaftlichen Verhältnisse in Esth-, Liv- und Curland. Leipzig 1845, S. 106.

⁸ J. B. Fischer. Liefländisches Landwirthschaftsbuch, auf die Erdgegend von Lief-, Est- und Curland eingerichtet. Halle 1753, S. 3—5. — Тульский помещик В. Левшин в 1772 г. перевел книгу Фишера на русский язык (ЦГИАЛ, ф. 91, оп. 1, д. 400, лл. 1—204).

⁹ A. W. Hupel. Topographische Nachrichten..., II, S. 288; Гупель. О делании пашенной земли плодородною посредством огня. — «Труды ВЭО», ч. XXXIX, изд. 2. СПб. 1825, стр. 44—58.

¹⁰ ЦГИА Латв. ССР, ф. 6810, оп. 1, д. 2, лл. 207, 238; A. W. Hupel. Topographische Nachrichten..., II, S. 283, 286.

сечное хозяйство на поросшей кустарником земле в Видземе при существующих производственных отношениях было главной опорой трехпольной системы¹¹. Выжигание же подсека, в свою очередь, определило тот факт, что в Видземе соха и борона-суковатка сохранялись более продолжительное время, чем в Курземе и Земгале, ибо они лучше были приспособлены для обработки засоренной пнями и остатками древесных корней видземской подсеки. Недаром даже в 1836 г. владелец имения Валтайки Каттерфельд, пропагандируя изобретенный Дейхманом большой железный плуг, подчеркивал, что он подходит и для вспашки подсеки¹².

В Курземе попытки добиться повышения урожайности зерновых путем лучшего удобрения полей отмечаются уже в XVII в. Они связаны с политикой меркантилизма, проводившейся герцогом Яковом, и экспортом хлеба. Герцог Яков рекомендовал удобрять поля в имениях своего домена путем их затопления, т. е. временного (на 2—3 года) превращения нив в пруды¹³. Во второй половине XVIII и в начале XIX в. подобный способ удобрения барских полей стал применяться весьма широко. На нивах, оставлявшихся на несколько лет под водой, накапливался слой ила, который потом, при обработке поля, перемешивался с почвой¹⁴. Для удобрения почвы в Курземе применялась довольно часто также зола, которую получали путем сжигания травы, жнивья, корней и хвороста.

В некоторых имениях в Латвии для удобрения полей использовались также гипс, мергель и известь. Однако применяли их вслепую, без изучения химических свойств почвы, и поэтому результаты иногда оказывались совсем не такими, каких ожидал помещик.

Попытки усовершенствования трехпольной системы проявлялись также в стремлении добиться лучшего разрыхления почвы. Для этого крепостных крестьян заставляли несколько раз вспахивать сохой и бороновать суковаткой один и тот же участок поля. Чтобы обеспечить кормаи скот, постепенно стали сеять клевер, вводить занятые пары (где высевались вики и горох), сажать картофель.

Развитие земледелия в начале XIX в., тем не менее, показывало, что путем применения привычного метода — несоразмерного расширения полей имения, которые невозможно было как следует удобрить даже при использовании золы и ила, добиться устойчивых урожаев нельзя: в начале XIX в. урожай в Видземе мало отличался от урожаев второй половины XVIII в. Нивы были истощены, и один неурожайный год следовал за другим. Недород имел место в Видземе в 1802, 1804 гг., а в 1806—1809 гг. неурожай привели к общему голоду. Частичные неурожай были и в 1811, 1817, 1821, 1822 гг. На низкие урожаи в связи с плохим удобрением полей жаловались помещики и пасторы Курземе и Земгале. Так, некий пастор из окрестностей Екабпилса в 1819 г. отмечал, что лишь в немногих имениях удобрялась хотя бы половина полей под ози-мыми, чаще же случалось так, что треть полей в течение 10—15 лет не удобрялась совсем. Поскольку же земля малопродородна, то достаточно уже незначительного ухудшения условий погоды, чтобы случился недород. Яровые часто страдали от засухи, если же погода стояла хорошая, то урожай тоже не превышал сам-6—7. «Однако за последние семь лет, — писал пастор, — у нас было лишь два урожайных года...»¹⁵. Естественно, что прежде всего от неурожав и голодовок страдали крестьяне, а не помещики.

В первые годы XIX в. в Курземе все определеннее высказывалась мысль, что для получения устойчивых урожаев необходимо укрепить животноводство и перейти к многопольному хозяйству с посевами клевера¹⁶. Однако помещики не стремились заменить примитивные орудия новыми, рациональными, ибо это требовало вложения крупных денежных средств, а кроме того, загнанные крестьянские лошади не годились для работы с новыми орудиями. Использованию новых плугов препятствовало также то, что поля были усеяны валунами, часто на них имелись остатки корней, пни. «Исходя из этого, — писал в 1808 г. В. Фрибе, — мы легко можем убедиться, что трудно, даже невозможно повсюду ввести заграничные плуги — также и в том случае, если бы они, в сравнении со здешними сохами, отличались определенными преимуществами»¹⁷. Поэтому он предлагал подумать лучше об усовершенствовании сохи, причем главное внимание рекомендовал обратить на выковку такого отвала, чтобы земля не могла

¹¹ Bruiningk. Einige Bemerkungen über die Buschländer in Livland, in Veranlassung einer öffentlich ausgesprochenen Rüge ihrer entschiedenen Schädlichkeit. — «Livländische Jahrbücher der Landwirtschaft», Neue Reihenfolge, Bd. II, 3. Heft, 1839, S. 31.

¹² J. F. Katterfeld. Ueber drei höchst wichtige Instrumente für den Ackerbau. — «Livländische Jahrbücher der Landwirtschaft», Bd. X, 4. Stück, 1837, S. 397—398.

¹³ A. S v ā b e. Kurzemes hercoga Jēkaba lauksaimniecības likumi. — «Latvijas Vēstures Institūta Zinātns», 1937, Nr. 3, 383.—384. lpp.

¹⁴ H. F. Dullō. Die kurländische Landwirtschaft, I, S. 528—546; А. Орановский. Курляндская губерния. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба.) СПб. 1862, стр. 237—238.

¹⁵ ЦГИА Латв. ССР, ф. 6810, оп. 1, д. 62, лл. 36—37.

¹⁶ H. F. Dullō. Die kurländische Landwirtschaft, I, S. 1—30, 112—113.

¹⁷ W. Friebе. Grundsätze zu einer theoretischen und praktischen Verbesserung der Landwirtschaft in Liefland, IV, S. 42.

пересыпаться через его края (подобные уширенные отвалы в 1808 г. применялись в нескольких имениях Видземе и Курземе). Кроме того, Фрибе предлагал изготавливать для сох широкие лемехи-сошники с острыми краями, чтобы легче было перерезать корни сорных растений¹⁸.

Пастор из Кабиле Г. Дулло тоже предлагал усовершенствовать сошники сохи. Он полагал, что каждая соха должна иметь две пары сошников, которые можно было бы менять по мере надобности. Обычные сошники годились бы для рыхления почвы, для вспашки же поля в первый раз (чтобы облегчить переворачивание дерна) надо выковать такие сошники, чтобы внутренние края их располагались ближе один к другому, для чего края эти следует сделать более толстыми¹⁹.

Управляющий курземским имением Мурмуйжа в 1811 г. также утверждал, что более подходящего для слабых крестьянских лошадей орудия, чем соха, нельзя и желать, но нужно устранить некоторые ее недостатки. Для того чтобы песок не просыпался между обоими сошниками, мурмуйжский управляющий заставлял крестьян прикреплять к сошникам подвижную железную поперечную пластинку. Кроме того, он велел приделывать к сохе железную полосу, которой на заросших пыреем полях можно было протолкнуть корни сорняков между концами сошников. В целях увеличения глубины вспашки и лучшего разрыхления почвы мурмуйжский управляющий сконструировал особый однолемешный плуг, сходный с английским плугом типа «miner», которым пахали так же, как сохой²⁰.

В начале 1819 г. ландрат граф Л. Меллин обратился в Лифляндское общепольное и экономическое общество с пожеланием, чтобы в Видземе было запрещено применение широко распространенных здесь борон-суковаток, поскольку их каждый год приходится изготавливать заново, а это ведет к уничтожению лесов. Суковатку, писал Л. Меллин, можно заменить эстонской коленчатой бороной. Поскольку же крестьяне не захотят сразу отказаться от суковатки, он предлагал взимать с них штраф в размере 1 рубля медными деньгами за каждую суковатку. Однако общество в своем ответе от 30 января 1819 г. указало, что запрещать применение суковатки в Видземе нецелесообразно, так как она хорошо приспособлена для подсек, где остается много корней, и для засоренных валунами полей²¹.

Изменения необходимы были и в технике обмолота, поскольку хлеб, собранный с увеличившихся барских полей, уже нельзя было высушить в старых ригах и обмолотить цепами и лошадьми. В целях ускорения сушки зерна предпринимались попытки расширить риги и усовершенствовать печи в них. Чтобы добиться быстрее обмолота зерна, помещики старались придумать такую машину или орудие, которое мог бы изготовить сам барщинник. Таким орудием оказался молотильный каток. Рекомендую его помещикам, В. Фрибе в 1809 г. отмечал: «Если какая-либо машина и вымалачивает из колоса все зерна до последнего, сразу же очищает зерно и т. д., то изготовление ее стоит дорого и она имеет столь сложную конструкцию, что рядовой ремесленник не в состоянии устранить случайное повреждение или ошибку. Так это бывает особенно с хваленной так называемой английской и еще чаще — с шотландской молотилкой, которые встречаются и в некоторых имениях Видземе»²². В заключение Фрибе еще раз подчеркивает, что даже в том случае, если при работе молотилки соблюдаются все меры предосторожности, она все же слишком дорога для мелкого помещика, не говоря уже о крестьянине. Поэтому, говорит Фрибе, лучше обратить свой взор к молотильному катку, в котором заложены большие возможности: он дешевле и легко может быть изготовлен самими крестьянами.

Однако, как и всякое нововведение, молотильный каток также не получил сразу всеобщего признания. Если первые испытания катка оказывались успешными, его продолжали использовать, но случалось и так, что после первой же неудачи каток бросали. В целях пропаганды нового орудия Зиверс в 1809 г. рекомендовал шире популяризировать преимущества молотильного катка, делая упор на том, сколько рабочих рук позволяет сэкономить его применение, сколько зерна можно обмолотить за определенный промежуток времени и т. д.²³ В имениях, где применялся молотильный каток, крестьяне и местные ремесленники (латыши и немцы) старались всячески его усовершенствовать. Помещик Блумен в 1809 г. отмечал, что крестьяне охотно молотят катком

¹⁸ W. Friebe. Grundsätze zu einer theoretischen und praktischen Verbesserung der Landwirtschaft in Liefland, IV, S. 46.

¹⁹ H. F. Dullö. Die kurländische Landwirtschaft, I, S. 141—142.

²⁰ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 35, л. 25. — О плуге типа «miner» см. A. Thaeer. Einleitung zur Kenntniss der englischen Landwirtschaft und ihrer neueren praktischen und theoretischen Fortschritte in Rücksicht auf Vervollkommnung deutscher Landwirtschaft, Bd. II, 1. Abt. Hannover 1801, S. 22.

²¹ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 48, лл. 14, 17, 18.

²² Friebe. Beschreibung und Abbildung der Veronesischen Dreschwalze. — «Oekonomisches Repertorium für Liefland», 3. Bd., 1. Stück, 1809, S. 69—86.

²³ Sivers. Nachträge über die Veronesische Dreschwalze. — «Oekonomisches Repertorium für Liefland», 3. Bd., 3. Stück, 1809, S. 332—335; P. Sivers. Bitte an alle diejenigen, welche Versuche mit der Dreschwalze anstellen und diese öffentlich bekannt machen wollen. — «Oekonomisches Repertorium für Liefland», 4. Bd., 3. Stück, 1809, S. 733—736.

и сами его совершенствуют²⁴. Так, в имении Валтайки крестьяне вместо катка с планками изготовили и употребляли каток со втулками, который лучше разрыхлял слой немолоченного хлеба и в связи с этим позднее стал широко применяться во многих имениях Латвии (в крестьянских хозяйствах он стал употребляться с середины XIX в.)²⁵.

Применение молотильного катка позволяло ускорить обмолот хлебов, сократить число необходимых для этого лошадей (при помощи катка и одной лошади можно было обмолотить столько же, сколько 4—5 лошадьми без катка, причем слой немолоченного хлеба мог быть вдвое или даже втрое толще), однако число работников, которые нужны были для переворачивания слоя и провенания, фактически не уменьшалось. Владелец имения Пастенде Ган в 1843 г., советуя уже применять молотилки, отмечал, что «при молотье с помощью катка имеет место большой выигрыш за счет лошадиной, но не человеческой силы...»²⁶.

Снижение цен на зерно на внутреннем и внешнем рынке в 20-годах XIX в. заставляло помещиков в Латвии обратиться к животноводству, в котором они увидели новый источник доходов. Развитие же животноводства требовало укрепления кормовой базы и, в связи с этим, перехода к посевам клевера, вики и т. п. трав в многопольном хозяйстве.

Однако, переходя в 20—30-х годах XIX в. к широкому посеву клевера под озимые, помещики столкнулись с непредвиденными трудностями: крестьяне-барщинники своими сохами и боронами-суковатками не были в состоянии разрыхлить поля, где рос многолетний клевер. Отсутствие рациональных орудий помещики пытались возместить тем, что заставляли крестьян снова и снова перепашивать поле, недостаточно разрыхленное сохой, укладывать тяжести на суковатку, чтобы она лучше рыхлила почву, и бороновать поле несколько раз. Таким образом, барщинные повинности увеличивались, эксплуатация крестьян усиливалась, работа становилась все тяжелее и интенсивнее. И все же помещики не были удовлетворены и без устали жаловались на недостаток рабочей силы. При этом некоторые помещики начали понимать, что одним лишь увеличением объема барщины нельзя добиться подъема сельского хозяйства. Некий видземский помещик писал уже в конце XVIII в.: «В странах, где наибольшие тяготы в хозяйстве ложатся на плечи людей, а не на силу и скорость лошадей и усовершенствованные орудия, всегда будет испытываться нехватка людей...»²⁷.

В связи с этим в 30—40-х годах попытки усовершенствования примитивных сельскохозяйственных орудий продолжались. В течение первых десятилетий XIX в. постепенно изменялся севооборот на барских полях, но на крестьянских почти все оставалось по-старому. Между тем при барщинной системе хозяйства обработка барских полей зависит от крестьянского инвентаря, поэтому и на полях имений по-прежнему применялась примитивная техника. В 40-х годах в журнале «Kurländische landwirthschaftliche Mittheilungen» не раз указывалось, что «вплоть до сегодняшнего дня заграничные плуги нашли в нашей провинции небольшое распространение и сомнительно, чтобы их применяли более широко, пока существует барщина»²⁸, поэтому, мол, единственной возможностью остается усовершенствование существующих орудий труда, с тем чтобы устранить их недостаток.

Стараясь усовершенствовать соху, управляющий имением Эзере И. Йонсон предложил прикрепить к сошнику нож шириной в $2\frac{1}{2}$ —3 дюйма с выгнутым кверху внешним краем; этот нож разрезал дерн и твердую почву. В результате такого изменения конструкции сохи сошники оказывались более широкими, поэтому в середине их оставалось отверстие, для того чтобы вложить отвал²⁹. Подобного рода лемехи использовались в Эзере начиная с 1830 г.; относительно их применения в других имениях сведений нет.

Обычная соха имела узкий отвал (шириной в 4 пальца), который не переворачивал дерна. Чтобы устранить этот недостаток, Э. Лепевич (из имения Эдоле) рекомендовал изготавливать отвал длиной 20 см и шириной 15 см³⁰. Это было важное усовершенствование, так как широкий отвал при пахоте лучше переворачивал дерн, и поэтому оно распространилось довольно широко.

Таким образом были исчерпаны все возможности усовершенствования сохи, но

²⁴ B l u h m e n. Neue Bestätigung von der Wirksamkeit der Veronesischen Dreschwalze. — «Oekonomisches Repertorium für Liefland», 4. Bd., 2. Stück, 1809, S. 599.

²⁵ J. F. K a t t e r f e l d. Ueber drei höchst wichtige Instrumente für den Ackerbau, S. 412.

²⁶ H a h n. Dreschmaschine in Postenden. — «Landwirthschaftliche Mittheilungen für das Kurländische Gouvernement», 1843, Nr. 6, S. 41.

²⁷ Anmerkungen über einige Gegenstände der nordischen Landwirthschaft, sonderlich in Hinsicht auf Lief- und Ehistland. — «Nordische Miscellaneen» (Riga), 5. und 6. Stück, 1782, S. 284.

²⁸ J. J o h n s o n. Beschreibung und Abbildung einiger inländischer landwirthschaftlicher Geräte. — «Landwirthschaftliche Mittheilungen für das Kurländische Gouvernement», 1842, Nr. 3, S. 22.

²⁹ Там же.

³⁰ E. D. L e p p e w i t s c h. Verbesserte Pflugstürzen (nach dem Provinzialismus auch Wehrstauen genannt) an unseren kurländischen Hakenpflügen. — «Kurländische landwirthschaftliche Mittheilungen», 1849, Nr. 3, S. 20.

главные задачи — обеспечить глубокую вспашку и полное перевертывание дерна — так и не были решены.

Использование в ходе работы перечисленных улучшенных орудий труда не давало все же возможности решить задачу быстрой уборки урожая без потерь. Дальнейшее развитие земледелия неотвратимо диктовало необходимость перехода к новым, интенсивным орудиям труда, в первую очередь к плугу. Старая соха, без которой никак нельзя было обойтись в период крепостничества, с переходом к многопольному хозяйству утратила свое значение.

Переход к железному плугу сыграл революционизирующую роль не только в сельском хозяйстве, но и в аграрных отношениях в Латвии. Барщинный уклад, при котором поля имения обрабатывали примитивными орудиями крестьяне, экспроприированные «освободительными» законами 1817 и 1819 гг., к новой технике не был приспособлен. Он должен был сойти со сцены и уступить место новому укладу хозяйства, основанному на капиталистических отношениях. Конечно, это происходило постепенно, так как помещики-крепостники с неохотой расставались со своими прежними правами и привычным укладом.

Первые железные плуги в Курземе появились в 1833 г. в казенном имении Вирцава. В это же время в одном из фольварков этого имения был осуществлен переход к многопольному хозяйству с посевами трав³¹.

Несколькими годами позже у пастора И. Каттерфельда в Валтайки поселился ганноверский экономист Дейхман, в результате длительного изучения немецких, английских и голландских плугов создавший новый вариант плуга, который он по просьбе Каттерфельда изготовил для его имения. Пастор в целях пропаганды нового плуга написал о нем специальную статью в «Livländische Jahrbücher der Landwirthschaft», в которой подчеркнул широкие возможности употребления и хорошие качества плуга Дейхмана: плуг этот, который стоил 20 рублей, могут тащить две крестьянские лошади, за четыре часа он вспахивает одно пурное место (треть десятины) викоового жнивья, причем срезает и полностью переворачивает пласт почвы толщиной до 5 дюймов и шириной в 10—15 дюймов. Каттерфельд отмечал, что, если бы лошади были сильнее, работа шла бы еще быстрее. Плуги конструкции Дейхмана по приказу Каттерфельда изготовляли ремесленники его имения³². В одном своем письме пастор в 1837 г. указывал, что изготовление плуга обходится дорого в связи с высоким вознаграждением (50 коп. в день), выплачиваемым ремесленникам, от которых требуется весьма аккуратная работа³³. До 1836 г. плуги Дейхмана приобрели злекский пастор И. Бюттнер и владелец имения Орданга Шредер. Между прочим, Шредер понимал, что для успешного перехода к рациональному хозяйству необходим переход от барщинного труда к труду наемных сельскохозяйственных рабочих, так как барщинник не может справиться с новой техникой; поэтому крестьян, оказавшихся не в состоянии выполнять барщину, он превращал в батраков имения. Плуг Дейхмана приобрел также ряд помещиков из Эстонии, причем владелец имения Конгота даже прислал в Валтайки своего батрака, чтобы тот научился пахать новым плугом³⁴. Однако в конечном счете плуг Дейхмана не удовлетворил требований помещиков. В Лифляндское общепольное и экономическое общество вскоре стали поступать жалобы на то, что этот плуг недостаточно перевертывает дерн, а лошади при работе сильно устают³⁵.

В 1837 г. большой железный плуг был испытан в Яунпилсе. В имении Ница с переходом на использование наемного труда в 1845 г. стал применяться вариант брабантского плуга, усовершенствованный в Хознгеймском высшем сельскохозяйственном училище³⁶. Управляющий имением Ница Пандер, оценивая применение плугов в 40-х годах, указывал, что «их введение столкнулось у помещиков, которые хотели их ввести, с обусловленными барщинным хозяйством отношениями и их использовали только местами, причем с помещичьими лошадьми»³⁷.

Тяжесть новых плугов затрудняла их использование, и даже батраки в имениях неохотно пахали ими. Вместе с тем встал вопрос о вознаграждении батраков, поскольку для такой ответственной и интенсивной работы, как пахота железным плугом, прежнее вознаграждение оказалось слишком низким. Пандер, говоря об опыте использования в имении Ница плуга хознгеймского типа, отмечает, что он смог заставить батраков имения пахать новым плугом лишь после того, как обещал первому батраку за неделю пахоты рубль чаевых, а также 30 копеек серебром за каждого работника, которого он обучит обращению с плугом.

В 1847 г. в имении Ница стал применяться более легкий плуг хознгеймского типа. Чтобы способствовать его использованию, имение вначале одалживало его батракам

³¹ W. W o r m s. Ueber die Wirthschaftsumänderung von Kāshof und deren Resultate. — «Kurländische landwirthschaftliche Mittheilungen», 1845, Nr. 10, S. 73.

³² J. F. Katterfeld. Ueber drei höchst wichtige Instrumente für den Ackerbau, S. 387—405.

³³ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 79, лл. 26—27.

³⁴ Там же, лл. 66—86.

³⁵ Там же, лл. 109—110.

³⁶ P a n d e r. Ueber einige ausländische Pflüge. — «Kurländische landwirthschaftliche Mittheilungen», 1857, Nr. 13, S. 98.

³⁷ Там же, S. 97—98.

для обработки земли в их хозяйствах. Постепенно спрос на новый плуг рос. Однако, поскольку он стоил 13—15 рублей, то в крестьянских хозяйствах широкого применения в это время еще не нашел.

В 40-х годах XIX в. плуги хознгеймского типа были известны и в Видземе. Все же, как указывает секретарь Лифляндского общепольного и экономического общества К. Хен, из-за засоренности полей валунами эти плуги здесь применялись редко³⁸.

Положение изменилось, когда в самой Латвии были созданы предприятия, которые в середине XIX в. начали в сравнительно большом количестве производить плуги, более приспособленные к местным условиям. В то же время для рыхления почвы после вспашки начали использовать железные бороны, культиваторы и специальные катки.

Новые, более рациональные орудия нужны были и для своевременной уборки расширившихся посевов трав и зерновых. В этой связи помещик Грюневальд для своих имений Койка и Лайметс (в эстонской части Лифляндской губернии) и барон Вольф из Лизума выписали из Штирии (Австрия) косы для уборки зерновых, превосходившие по своим размерам косы, применявшиеся в Латвии и Эстонии³⁹. Тот же К. Хен в 1850 г. описывал штирийскую косу следующим образом: «Коса эта значительно больше обычной нашей длинной косы, но меньше североамериканской косы, которую я видел под Петербургом в сельскохозяйственной школе для удельных крестьян. К косовищу прикреплены грабли, как это имеет место у кос, обычных для Малороссии и части Курской, Тульской, Калужской и Орловской губерний, и коса эта хорошо приспособлена для скашивания озимых»⁴⁰. Для того чтобы косить этой большой косой, нужны были новые трудовые навыки. Поэтому Грюневальд предлагал присылать в его имения крестьян, которые научились бы здесь работе штирийской косой. Из сообщения Лифляндского общепольного и экономического общества департаменту земледелия от 1846 г. следует, что ряд помещиков действительно послал в Койку своих батраков⁴¹. Все же кажется, что из-за своей большой величины и тяжести штирийская коса в Латвии применялась мало.

Из всего сказанного вытекает, что вплоть до начала XIX в. рост товарного производства в феодальном сельском хозяйстве происходил главным образом путем расширения барской запашки и совершенствования трехпольной системы. Поскольку же это не дало ожидаемых результатов, то в начале XIX в. стали искать выход в переходе к новому севообороту. Однако это, в свою очередь, требовало применения новых орудий труда и наличия других производственных отношений. А так как имения не располагали достаточными свободными капиталами для перехода к интенсивному земледелию, то основное внимание было уделено совершенствованию старых примитивных земледельческих орудий, а также поискам таких новых орудий, которые без особого труда мог бы изготовить крестьянин или сельский ремесленник. Во всем этом проявлялось нежелание помещиков отказаться от барщинной системы. Повышения производительности труда они добивались путем максимальной эксплуатации крестьян. На каждый рубль дохода помещика крестьянину приходилось затрачивать рабочую силу и время, которые оценивались в несколько рублей.

Таким образом, период со второй половины XVIII до 40-х годов XIX в. характеризуется поисками неиспользованных возможностей и резервов в рамках барщинного хозяйства. На данном этапе применение импортных земледельческих орудий⁴² происходило большей частью в порядке опыта в тех имениях, где вместо барщинных батраков работали мызные батраки. Кроме того, для новых железных плугов требовалось больше тягловой силы, чем для старых, поэтому данные имения вынуждены были обзаводиться рабочими лошадьми.

Состояние сельского хозяйства в Латвии в 30—40-е годы XIX в. доказывало, что исчерпан предел улучшения земледельческих орудий труда эпохи феодализма и что старые орудия не были приспособлены для перехода к многопольной системе земледелия. Чрезмерная эксплуатация привела к обострению классовой борьбы, проявившейся в крестьянских волнениях. Феодально-крепостнические отношения превратились в тормоз дальнейшего развития сельского хозяйства.

Неизбежные в таких условиях перемены не заставили себя ждать особенно долго. Уже в 50-х годах главенствующее место в сельском хозяйстве начали занимать новые, капиталистические отношения, что вело к значительному расширению сферы применения в земледелии рациональных орудий и машин.

³⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 1185, оп. 1, д. 176, л. 19.

³⁹ Там же, д. 223, л. 92.

⁴⁰ Там же, д. 223, л. 92.

⁴¹ Там же, д. 161, л. 37.

⁴² О внедрении машин в сельском хозяйстве Латвии в XIX в. см. в статье Г. П. Строда «Начало применения сельскохозяйственных машин в Латвии (конец XVIII в. — начало 60-х годов XIX в.)», публикуемой в настоящем томе «Ежегодника».

С. А. Секиринский

ИЗ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

История крестьянской колонизации Таврической губернии является лишь частью более крупного вопроса — истории заселения Новороссийского края. В свою очередь, история заселения Новороссии — это только часть истории колонизации окраинных районов Российской империи.

В. И. Ленин указывал, что «колонизационный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны»¹. Следовательно, историю заселения Таврической губернии следует рассматривать в связи со всеми особенностями аграрных отношений в царской России.

История заселения Новороссийского края освещалась в работах ряда дореволюционных историков, а также в трудах советских исследователей². Задачей данной работы является освещение истории крестьянской колонизации Таврической губернии в первой половине XIX в.³

Для изучения крестьянской колонизации Тавриды автором были использованы фонды Государственного архива Крымской области (ГАКРО), «Камеральное описание Крыма» И. А. Игельстрома, записки путешественников и ученых конца XVIII — первой половины XIX в.⁴, журналы первой половины XIX в. и другие источники.

В результате войн России с Турцией в конце XVIII в. из-под власти Османской империи были освобождены Крым и южные украинские земли, что сыграло большую положительную роль в развитии производительных сил всей России.

В состав Таврической области, впоследствии Таврической губернии, кроме Крыма, входили степь к северу от Перекопа и до 1820 г. — полуостров Тамань. По занимаемой территории губерния превосходила Данию, Голландию, Швейцарию.

Вопрос о численности населения бывшего Крымского ханства решался в исторической литературе по-разному. Татарский буржуазный националист Озенбашлы утверж-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 65.

² А. Скальковский. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1730—1823, ч. 1, 2. Одесса 1836, 1838; его же. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. 1, 2. Одесса 1850, 1853; Ц. К. Щербальский. Потемкин и заселение Новороссийского края. М. 1868; Д. И. Багалей. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его на пути культуры. Исторический этюд. Киев 1889; Г. Писаревский. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М. 1909; Н. Державин. Болгарские колонии Новороссийского края. — «Известия Таврической ученой архивной комиссии» (далее — ИТУАК), 1909, № 41; И. Медведев. Таврида. Л. 1956; М. Максименко. Крестьянское движение в Таврической губернии накануне и после отмены крепостного права. Симферополь 1957; Е. И. Индов. Крепостное хозяйство в начале XIX в. М. 1955; Е. И. Дружинина. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М. 1959.

³ История заселения Таврии в конце XVIII в. частично рассмотрена в нашей статье «К вопросу о заселении Крыма в конце XVIII века» («Известия Крымского пед. института им. М. В. Фрунзе», т. XXIII. Симферополь 1957, стр. 73—87).

⁴ Выписка из путешественных записок Василия Зуева, касающихся до полуострова Крыма 1782 года. — Месяцеслов исторический и географический на 1783 год. СПб. 1782; [К. И. Габлиц]. Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы. СПб. 1785; Ж. Ромм. Путешествие в Крым в 1786 г. Л. 1941 (перевод с французского К. И. Раткевича); К. Герман. Описание Таврической губернии. — «Статистический журнал», т. I, ч. 2, СПб. 1806; т. II, ч. 1, СПб. 1807; Герсиванов. Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XI, ч. 2, Таврическая губерния. СПб. 1849.

дал, например, что население Крыма до ликвидации Крымского ханства составляло 3 млн. человек⁵. Это, конечно, смехотворная цифра. Гораздо ближе к истине, по-видимому, данные, приведенные в «Камеральном описании Крыма». По подсчетам составителей «Описания», в 1784 г. в Крыму насчитывалось более 55 тыс. душ мужского пола мусульманского и иудейского вероисповедания⁶. Что касается христианского населения, то после «вывода» греков и армян (31 тыс.) из Крыма в 1778 г. его здесь в 80-х годах почти не осталось. Сведения В. Зуева и Ж. Ромма⁷ не очень расходятся с данными «Камерального описания Крыма».

Таким образом, в момент присоединения Крымского ханства к России его население было очень редким и состояло главным образом из татар, частично — из караймов и евреев.

Необходимость заселения Крыма и прилегающих к нему земель Южной Украины диктовалась как экономическими, так и политическими соображениями. Крымские татары в конце XVIII в. находились на сравнительно низкой ступени экономического развития. Главным занятием татарского населения было полукочевое скотоводство и примитивное земледелие. Значительная часть татар враждебно относилась к русским властям и с точки зрения царского правительства была в политическом отношении ненадежной.

Заселение Таврической области (губернии) новыми людьми, в первую очередь русскими и украинскими крестьянами, началось сразу после ликвидации Крымского ханства. В конце XVIII в. Таврия, особенно северная ее часть (Перекопский и Мелитопольский уезды), заселялась отставными солдатами, государственными крестьянами из русских и украинских губерний, беглыми крепостными и крепостными крестьянами, переведенными сюда в принудительном порядке русскими помещиками, а также русскими людьми, приглашенными в новую область из Молдавии и других частей султанской Турции. Уже в 1796 г. в Северной Таврии возникло около 40 сел и деревень, населенных русскими и украинскими государственными и помещичьими крестьянами. Более или менее крупными среди них были Большая Знаменка, Малая Знаменка, Каховка, Водяная, Благовещенская, Рогачик, Князь-Григорьевка, Веселая, Хитровка, Васильевка, Преображенская⁸.

В первой половине XIX в. процесс колонизации Таврии русскими и украинскими крестьянами продолжался. Население многих русских и украинских сел Северной Таврии в начале XIX в. превышало тысячу человек. В Днепровском уезде в 1814 г. в Большой Белозерке проживало 2646 душ, в Верхнем Рогачике — 2244, Рубановке — 1816, Водяном — 1351, Большой Лепатихе — 1340, Большой Знаменке — 1318, Малой Лепатихе — 1199, Збурьевске — 1183, Алешках — 1004⁹. Большие села и местечки встречались и в Мелитопольском уезде. В 1816 г. в Большом Токмаке насчитывалось 2584 жителя, Черниговке — 1990, Андреевке — 1853, Николаевке — 1771, Михайловке — 1756, Тимашевке — 1672, Поповке — 1503, Малом Токмачке — 1423, Петропавловке — 1391¹⁰. Важно отметить, что многие из этих сел даже не встречаются в списке русских поселений, составленном в 1796 г., население же уже существовавших с конца XVIII в. сел и деревень порою возрастает за 20 лет в 10 раз.

Из каких губерний переселялись в Таврию русские и украинские крестьяне? Переписка таврического губернатора с Министерством внутренних дел, прошения самих крестьян и предписания новороссийского губернатора позволяют до некоторой степени ответить на этот вопрос.

Оказывается, что известную часть переселенцев в Таврическую губернию составляли казенные крестьяне Полтавской губернии. Еще в 1812 г. в с. Усть-Азовское Днепровского уезда переселилось 96 крестьян Миргородского уезда¹¹. В 1820 г. предназначенные для поселения в с. Белозерка Днепровского уезда 17 душ крестьян Полтавской губернии остановились в казенном поселении Большой Токмак Мелитопольского уезда «с намерением заработать на хлеб», да так и остались «в этом селении со своими семействами и обзавелись здесь хлебопашеством»¹². В 1821 г. казенные крестьяне с. Ковали Хоровского уезда Полтавской губернии (37 душ) переселились в селение Малая Юзовка¹³. В том же году группа крестьян (51 человек), отпущенных на волю по завещанию умершего помещика командора Темченко, переселилась в с. Серагозы, расположенное в Северной Таврии¹⁴. Переселение крестьян из Полтавской губернии в Таврию можно проследить по источникам и в последующие годы.

⁵ А. Озенбашлы. Роль царского правительства в эмиграции крымских татар. — «Крым», 1926, № 2.

⁶ ИТУАК, 1888, № 6, стр. 39.

⁷ Выписка из путешественных записок Василия Зуева ..., стр. 144; Ж. Ромм. Путешествие в Крым в 1786 г., стр. 33.

⁸ Ф. Ф. Лашков. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. — ИТУАК, 1894, № 24, стр. 56—57.

⁹ ГАКРО, ф. 26, оп. 1, д. 1063, лл. 75—121.

¹⁰ Там же, лл. 25—27.

¹¹ Там же, д. 3421, лл. 1—3.

¹² Там же, д. 5225, лл. 1—4.

¹³ Там же, л. 39.

¹⁴ Там же, л. 28.

Одновременно шло переселение крестьян из Черниговской губернии. В 1816 г. 38 душ крестьян обоего пола проявили желание переселиться из Черниговской губернии в селение Верхний Рогачик Таврической губернии, в 1819 г. 194 души крестьян Нежинского повета обратились к таврическому губернатору с аналогичной просьбой¹⁵. В 1821 г. группа крестьян Городницкого повета (количество неизвестно) пожелала переселиться в Серагозы¹⁶.

Крестьяне переселялись в Таврию не только из украинских губерний. В эти же годы сюда прибыло до 200 крестьян Тимского, Обоянского, Дмитриевского, Белгородского уездов Курской губернии¹⁷. Все они обосновались в материковых уездах Таврической губернии.

Селились в Таврии и крестьяне из Орловской и Пензенской губерний¹⁸. Значительное количество переселенцев в начале 20-х годов прибыло из деревень Тамбовской губернии¹⁹.

Главной причиной, толкавшей крестьян внутренних губерний России к переселению в Таврическую губернию, было малоземелье. Почти во всех прошениях о переселении указывалось, что крестьяне переселяются «по причине крайнего... в земле недостатка», что крестьян побуждает к переселению «недостаток в пахотной и сенокосной земле»²⁰.

Наряду с крестьянами православного вероисповедания в Таврическую губернию преследовало две цели — очистить от сектантов внутренние губернии, где они оказывали «вредное воздействие» на православное население, и заселить русскими и украинскими крестьянами никем не обрабатываемые окраинные земли.

В начале XIX в. в Мелитопольском уезде появляются духоворы, которые к 20-м годам создали здесь ряд новых поселений (Богдановка, Ново-Богдановка, Троицкое, Ново-Павловка, Терпенье, Семеновка). В 30-х годах XIX в. число духоворов превысило здесь 4000 душ²¹. Они переселялись на юг из Тамбовской губернии, из кавказских губерний, из Финляндии, из области войска Донского²². Духоборам было отведено до 15 десятин земли на душу мужского пола, на 5 лет они были освобождены от уплаты податей²³.

Быстро осваивая новые земли, духоворы устраивались здесь надолго. В рапорте таврического губернатора херсонскому военному губернатору отмечалось, что духоворы «весьма трудолюбивы, занимаются обширным земледелием и имеют большое скотоводство, выделывают сукно, ткнут холст, кушаки и прочее для собственного своего употребления нужное... и сверх сего некоторые из них имеют еще собственные весьма знатные конские заводы»²⁴. В хозяйстве наиболее богатых крестьян-духоборов применялся наемный труд крестьян из соседних казенных поселений²⁵.

Однако закрепиться в Таврии духоворам не удалось. Царские администраторы неоднократно обращались в Петербург с жалобами на то, что духоворы «стараясь... внушать нелепые свои правила своим соседям малороссийской породы поселянам», что «... во всех духоворских селениях скрываются беглые помещичьи крестьяне, военные дезертиры и даже бежавшие из крепостей каторжные»²⁶. Херсонский военный губернатор в одном из своих донесений указывал, что эта секта «обольщает простой и непросвещенный народ тем, что освобождает каждого от всех обязанностей, святостью религии внушаемых»²⁷. В начале 40-х годов XIX в. духоворы были насильственно переселены на Кавказ, а их села заняты государственными крестьянами православного вероисповедания²⁸.

В 20-х годах XIX в. в Таврической губернии, на левом берегу р. Молочной, поселяются молокане, которые образуют три большие слободы — Астраханку, Ново-Васильевку и Ново-Спаское²⁹. Молокане были переселены в Северную Таврию главным образом из Тамбовской и Екатеринославской губерний³⁰.

В собственно Крыму русские и украинские поселения возникли еще в конце XVIII в. (Подгорно-Петровское, С.-Петербургские Мазанки, Курцы, Зуя, Бия-Салы, Мангуш, Чистая, или Чистенькая, Владимировка, Изюмовка, Елизаветовка, Ивановка,

¹⁵ ГАКро, ф. 26, оп. 1, д. 1802, лл. 1—9; д. 4030.

¹⁶ Там же, д. 5225, лл. 57—59.

¹⁷ Там же, д. 4904, л. 3; д. 4030, лл. 1, 6, 7; д. 5035, лл. 1, 25—30.

¹⁸ Там же, д. 2798, лл. 92—93; д. 2631, лл. 2—4.

¹⁹ Там же, д. 5225, лл. 36, 37, 41.

²⁰ Там же, д. 3421, л. 1; д. 4030, л. 10; д. 5225, л. 57 и др.

²¹ Памятная книга Таврической губернии. Симферополь 1867, стр. 206—207.

²² ГАКро, ф. 26, оп. 1, д. 2269, лл. 1—2; д. 2143, лл. 111—112, 121, 126; д. 2798, л. 209.

²³ ПСЗ, т. XXVII, № 2023.

²⁴ ГАКро, ф. 26, оп. 1, д. 2143, лл. 147—148.

²⁵ Там же, л. 149.

²⁶ Там же, лл. 5—6.

²⁷ Там же, л. 6.

²⁸ Памятная книга Таврической губернии, 1867, стр. 207.

²⁹ Там же.

³⁰ ГАКро, ф. 26, оп. 1, д. 2798, лл. 114, 140—141.

Стспановка и др.). Однако и в первой половине XIX в. они представляли собой лишь небольшие островки, терявшиеся среди татарских селений, и не могли существенно изменить этнический состав населения Крыма. В Симферопольском уезде, например, в 1816 г. насчитывалось семь русских селений с общим числом дворов 173, в Феодосийском уезде — два русских селения с числом дворов 93³¹.

Совсем иначе обстояло дело в материковых уездах Таврической губернии. Здесь уже в середине XIX в. русские и украинцы составляли преобладающую часть крестьянского населения. В 1845 г. из 548 905 жителей Таврической губернии в материковых уездах проживали 272 962³². Из доносений уездных исправников таврическому губернатору за 1846 г. видно, что большинство крестьян Мелитопольского, Днепровского и Бердянского уездов составляли лица православного вероисповедания, т. е. главным образом русские или украинцы³³.

Как видим, заселение Таврической губернии русскими и украинскими крестьянами осуществлялось прежде всего сверху, по распоряжению царских властей и по инициативе русских помещиков. Еще до конца XVIII в. царское правительство роздало в Таврической губернии до 625 тыс. десятин земли. В числе одаренных земель были графиня Скавронская и принц Нассауский, получившие в Северной Таврии по 12 тыс. десятин, Г. Потемкин, которому досталась огромная территория — 122 тыс. десятин³⁴. В XIX в. этот процесс продолжался. Если еще в 1823 г. на Южном берегу Крыма насчитывалось не более 4—5 русских помещичьих имений, то в 1837 г. их было уже 105³⁵. Некоторые помещики переводили в Крым крепостных крестьян из своих имений. Так, например, М. С. Воронцов насильственно переселил своих крестьян-оброчников из Владимирской губернии в Крым для работы на виноградниках. Крестьян отправляли в Крым пешком, и жили они здесь часто в отрыве от своих семей³⁶. Крепостные крестьяне работали в имении Голицыной, в имении Бороздина (с. Саблы), где помещик завел суконную фабрику, на которой было занято 76 крепостных крестьян³⁷.

Однако заселение Таврической губернии осуществлялось и снизу, путем стихийной колонизации Крыма и Северной Таврии государственными крестьянами и беглыми крепостными. Помещики неоднократно жаловались на это царским властям и требовали принять против беглых самые строжайшие меры. В рапортах земских исправников нередко идет речь о том, что беглые скрывались в селениях духовоборов и молокан³⁸. В 1827 г. был издан указ о беглых Новороссийского края, по которому сельским и городским обществам разрешалось приписывать всех беглых, появившихся в крае до издания указа, владельцы же этих беглых крестьян в течение двух лет после опубликования указа могли получить денежную компенсацию. Все беглые, пришедшие в край после опубликования указа, подлежали немедленному возвращению своим владельцам; за укрывательство полагалось строжайшее наказание³⁹. В дальнейшем было постановлено, что беглые крестьяне подлежат отдаче в рекруты, отправке в арестантские роты или ссылке в Сибирь⁴⁰. К моменту издания указа только на Южном берегу Крыма оказалось свыше 300 беглых, которые работали в имениях русских помещиков. Помещики, посовещавшись, решили, чтобы не подвергаться неприятностям, любыми средствами избавиться от них, и все беглые были сосланы в Сибирь⁴¹.

Юридическое положение русских и украинских переселенцев в Таврической губернии, как и в других губерниях Новороссийского края, было неодинаковым. Правда, крепостными крестьянами была только небольшая часть переселенцев (в 1845 г. в Таврической губернии было 30 400 крепостных крестьян и 310 700 государственных крестьян⁴²), но и положение русских и украинских поселенцев, зачисленных в разряд государственных крестьян, с юридической точки зрения было неустойчивым, а их экономическое благосостояние во многом зависело от произвола царских чиновников. Здесь достаточно напомнить о принудительном выселении из губернии духовоборов. Кроме того, в документах Крымского архива не раз упоминается об отказах губернских властей причислить тех или иных переселенцев к тем селам, где они уже обосновались на жительство; встречаются решения о высылке на прежнее место жительства уже переселившихся крестьян, распродавших на родине все свое имущество, и ничем не оправданные запрещения переселения крестьян из деревни малоземельной в многоземельную,

³¹ ГАКРО, ф. 26, оп. 1, д. 1859, л. 63.

³² Там же, д. 15011, л. 70.

³³ Там же, д. 15086, лл. 22—23, 25, 35, 36.

³⁴ Там же, ф. 799, д. 454, л. 1; д. 120, л. 1; д. 16, лл. 1—3.

³⁵ А. А. Скальковский. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. 2, стр. 129—130.

³⁶ Е. И. Индова. Крепостное хозяйство в начале XIX в., стр. 42—43.

³⁷ ГАКРО, ф. 26, оп. 1, д. 1504, лл. 7—8.

³⁸ Там же, оп. 4, д. 534, лл. 2, 7, 8, 14, 18, 19, 30.

³⁹ ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 661, лл. 17—18.

⁴⁰ II ПСЗ, т. III, № 2237.

⁴¹ П. В. Маслов и др. Крым. — Хрестоматия по истории края, ч. 1. Симферополь 1930, стр. 87.

⁴² ГАКРО, ф. 26, оп. 1, д. 15011, л. 70.

имеются свидетельства о длительной задержке в предоставлении переселенцам удобной для земледелия земли⁴³.

Помимо русских и украинских крестьян, в конце XVIII и первой половине XIX в. в Таврической губернии появляются иностранные колонисты — греки, принимавшие участие на стороне России в войнах с Турцией и вынужденные оставить свою родину под угрозой жестоких репрессий со стороны султанского правительства, болгары, бежавшие из Османской империи по тем же причинам, и, наконец, немецкие колонисты, приглашенные в целях заселения «пустопорожных» земель.

Чем объясняется приглашение иностранных колонистов в Новороссию? Главной причиной, толкнувшей царское правительство на этот шаг, было господство в России крепостного права и, как результат этого, нежелание крепостников-помещиков отпускать своих крестьян в новые области.

Первые новогреческие поселения появились в Крыму (в Керчи и Ени-Кале) после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. Греческие поселенцы были освобождены от податей на 30 лет. В дальнейшем они получили название «албанского войска», которое затем было переименовано в греческий пехотный полк, несший пограничную службу на побережье Крыма. Центром пребывания полка стала Балаклава. Офицеры получили в этом районе по 60 десятин, а рядовые — по 15 десятин земли. Греки заняли 5 деревень в окрестностях Балаклав (Керменчик, Лаки, Карань, Кадыкой, Камару)⁴⁴.

В первой половине XIX в. в Крыму появляются и поселяющиеся на постоянное жительство также другие группы греков. Но в крестьянской колонизации Крыма и Северной Таврии греки не сыграли сколько-нибудь заметной роли. Значительная часть их обосновалась в городах, где греки занялись ремеслом и торговлей.

Первые болгарские переселенцы прибыли в Крым в самом начале XIX в. В Феодосийском уезде в 1802 г. возникла болгарская колония в Старом Крыму, а в 1803 г. — болгарская колония Кишлав. В Симферопольском уезде в 1806 г. была создана болгарская колония Балточекрак⁴⁵. В первой половине XIX в. болгары отдельными семьями и небольшими партиями продолжали переселяться в Тавриду⁴⁶.

Возникновение в Таврической губернии немецких колоний относится к первым годам XIX в. Большинство немецких колоний образовалось до 20-х годов XIX в. В 1804 г. было создано 14 немецких колоний, в 1805 — 17 (в том числе три из четырех колоний Феодосийского уезда и все четыре колонии Симферопольского уезда), в 1806 г. — 1, в 1809 г. — 1, в 1810 г. — 6, в 1811 г. — 2, в 1814 г. — 1, в 1815 г. — 1, в 1816 г. — 1, в 1819 г. — 2, в 1820 г. — 10 колоний; в последующие годы также возникали одна-две-три колонии⁴⁷. Большая часть немецких колонистов принадлежала к секте меннонитов, возникшей еще в XVI в. в период Реформации. Однако среди этих колонистов было также немало лютеран и католиков. Судя по отчету губернатора, в 1845 г. в Таврической губернии насчитывалось 14 306 меннонитов, 9160 лютеран, 4514 католиков⁴⁸.

В отличие от русских, украинских и других переселенцев немецкие колонисты с самого своего появления в России были поставлены в особое положение. Каждый колонист получал на семью земельный надел в 60—65 десятин. Царское правительство предоставляло немецким колонистам всевозможные льготы и привилегии. Они были освобождены на много лет от всяких податей и налогов, навсегда — от воинской повинности и обязанности принимать на постой войска, получили право свободно заниматься промышленной и торговой деятельностью, им выдавались значительные единовременные пособия деньгами, хлебом, скотом, сельскохозяйственными орудиями, лесом, фактически было предоставлено право на самоуправление⁴⁹. Не случайно переселенцы просили о передаче их в управление конторы иностранных колонистов⁵⁰ (эта просьба, разумеется, была отклонена). Как отмечали историки, русский крестьянин не смел даже и мечтать о подобных условиях⁵¹. «На заперекоские немецкие и меннонитские колонии, — писали авторы «Памятной книги Таврической губернии» за 1867 г., — привыкли указывать все как на самые благоустроенные, богатые, образцовые, приписывая все это немецкому трудолюбию, трезвой жизни, необыкновенной аккуратности и прочим добродетелям... Но, превознося похвалами немцев, не следует забывать, что из них каждая семья, кроме множества единовременных пособий деньгами, сельскохозяйственными орудиями, хлебом, скотом и проч., получила в собственность от 60—65 десятин лучшей земли, свободу от

⁴³ ГАКРО, ф. 26, оп. 1, д. 4904, л. 3; д. 5035, л. 1; д. 5332, лл. 1—2; д. 2798, лл. 76, 180.

⁴⁴ С. Сафонов. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклав. — «Записки Одесского общества истории и древностей», т. 1. Одесса 1844, стр. 203—238.

⁴⁵ А. Клаус. Наши колонии. Опыты и материалы по истории иностранной колонизации в России, вып. I. СПб. 1869, прилож. II, стр. 34—42.

⁴⁶ Н. Державин. Болгарские колонии Новороссийского края. — ИТУАК, 1909, № 41, стр. 17—18.

⁴⁷ А. Клаус. Наши колонии, вып. I, прилож. II, стр. 34—42.

⁴⁸ ГАКРО, ф. 26, оп. 1, д. 15011, лл. 75—76.

⁴⁹ Памятная книга Таврической губернии, 1867, стр. 200—201.

⁵⁰ ГАКРО, ф. 26, оп. 1, д. 2798, лл. 131, 134.

⁵¹ Д. И. Багалей. Колонизация Новороссийского края ..., стр. 90.

податей и разных натуральных и денежных повинностей и отдельное управление. Особенно важной была свобода от рекрутской повинности: семья не лишалась или навсегда или на весьма продолжительное время лучших, здоровых рабочих рук»⁵². Все это вместе взятое в значительной степени и обеспечило экономическое преуспевание немецких колонистов в Таврической и других губерниях Новороссии, о котором так много и восторженно писал ряд историков и экономистов XIX в.

Признавая известные успехи немецких колонистов в хозяйственном освоении Таврии, нельзя забывать о другой стороне немецкой колонизации. Немцы заняли лучшие земли Северной Таврии и отчасти Крымского полуострова, лишив, таким образом, русских и украинских переселенцев возможности пользоваться ими. Любопытно отметить, что когда переселенцы из Орловской губернии обратились с просьбой предоставить им в Днепровском уезде участки земли, числившиеся под №№ 58 и 60, то херсонский военный губернатор ответил им отказом, ссылаясь на то, что эти земли «государю императору угодно было предложить для поселения иностранных колонистов»⁵³. Для расселения колонистов было отведено 214 тыс. десятин земли⁵⁴.

Хозяйственный опыт немецких колонистов (в силу огромной разницы между ними и остальной массой населения в социально-экономическом и юридическом положении и большой изолированности их от остального населения) не мог быть в сколько-нибудь заметных масштабах передан другим этническим группам Таврии. Тот же А. Клаус признавал, что, «будь наш крестьянин гениален во всевозможных отношениях; будь он гигант по энергии, настойчивости и силе, но связанный, опутанный по рукам и ногам, он мог бы думать об усвоении иных, более лучших порядков, только порвавши эти путы. Где же тут было время вдумываться в колониистские порядки, какая же могла быть у него возможность перенимать, усваивать эти порядки даже при самом усердном желании с его стороны?»⁵⁵. Судя по описанию Таврической губернии, составленному в 1849 г., большинство крестьянского населения губернии обрабатывало землю сравнительно примитивными методами. В середине XIX в. здесь была распространена переложная система полеводства, поля, как правило, не удобрялись, посев производился иногда не на вспаханную, а только на слегка взрыхленную землю, бороны с железными зубьями встречались редко⁵⁶.

Среди самих немецких колонистов уже в первой половине XIX в. наблюдался процесс классовой дифференциации. К началу 40-х годов XIX в., кроме наделных земель, отдельные колонисты владели на правах полной частной собственности большими участками земли. Так, колонист Мартенс имел 33 691 десятину, Корнис — 5864, Фейн — 3675⁵⁷, Янцен — 3318, Шредер — 3000, Дендер — 3000 десятин и т. д. Наряду с этим из 4183 семейств иностранных колонистов 1704 уже в 1841 г. были безземельными и вынуждены были на кабальных условиях арендовать землю у своих собратьев или наниматься к ним же в качестве батраков⁵⁸.

Еще более разительными социальными контрасты были в Молочанском меннонитском округе, где находилось 44 из 82 немецких колоний Таврической губернии. В 1841 г. здесь на 1033 владельцев полных наделов приходилось 1700 безземельных семейств⁵⁹. Бразды правления в колониях держали в своих руках хозяева полных наделов; участниками сельских сходов имели право быть лишь владельцы 65-десятинного двора, и только такие хозяева могли занимать выборные должности. Безземельным колонистам разрешалось выгонять на общественный выпас не более двух голов скота, да и то по уплате 1 руб. с головы. А между тем они должны были на равных с дворохозяевами основаниях участвовать в душевой ссypке хлеба в общинные амбары, с них взыскивались по уравнительной раскладке казенные и общественные сборы⁶⁰.

Классовая борьба между имущими и неимущими меннонитами облекалась в религиозные формы — она принимала характер борьбы различных толков меннонитского вероучения⁶¹.

В создании материальных ценностей в немецких колониях немалую роль играл труд русских и украинских батраков, как постоянно живших в хозяйствах колонистов, так и приходивших сюда на заработки. До реформы 1861 г. среди постоянных батраков немецких колонистов преобладали немцы; так, в 1851 г. в Молочанском меннонитском округе среди 1374 годичных наемных рабочих русских и украинцев было всего 430 человек. Но постепенно положение менялось и труд русских и украинских батраков приобретал в хозяйствах немецких колонистов все большую и большую роль⁶².

⁵² Памятная книга Таврической губернии, 1867, стр. 200—201.

⁵³ ГАКРО, ф. 26, оп. 1, д. 2798, л. 25.

⁵⁴ А. Клаус. Наши колонии, вып. I, стр. 21.

⁵⁵ Там же, стр. VIII.

⁵⁶ Герсманов. Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XI, ч. 2, Таврическая губерния, стр. 126—127.

⁵⁷ В конце XIX в. Фальц-Фейн имел 200 000 десятин земли (см. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 220).

⁵⁸ А. Клаус. Наши колонии, вып. I, прилож. VII.

⁵⁹ Там же, стр. 167.

⁶⁰ Там же, стр. 167, 181.

⁶¹ Там же, стр. 192—197.

⁶² Там же, стр. 163.

В конце XIX в. В. И. Ленин, перечисляя губернии, относившиеся к главному району прихода земледельческих наемных рабочих, одной из первых назвал в их числе Таврическую губернию⁶³.

Таким образом, хотя иностранные колонисты и были носителями более прогрессивного капиталистического уклада в сельском хозяйстве, их роль в развитии экономики Таврии не следует преувеличивать. Капиталистический уклад в сельском хозяйстве развивался также на землях государственных крестьян и в имениях русских помещиков. Крестьянская колонизация Новороссийского края имела очень большое значение.

За период с 1811 по 1863 г. население всей Новороссии возросло с 1841,5 тыс. до 5117,7 тыс. человек. Население Таврической губернии выросло за это время с 254,9 тыс. до 606,8 тыс. человек⁶⁴. В результате заселения Новороссии, и в частности Таврической губернии, русскими и украинскими крестьянами и иностранными колонистами развитие производительных сил в этом крае, в особенности в области сельского хозяйства, осуществлялось несравненно более быстрыми темпами и на более прогрессивных началах, чем в остальных районах империи. Средний сбор зерновых культур в губернии за период с начала XIX в. по 1860 г. вырос примерно в 4 раза, количество виноградных кустов увеличилось с 1832 по 1848 г. более чем в 6 раз, число мериносовых овец уже в 40-х годах достигло миллиона голов⁶⁵. Но феодально-крепостнический строй, господствовавший в то время в России, являлся серьезным тормозом на пути колонизации южнорусских степей и Крыма.

В. И. Ленин указывал, что в начале пореформенной эпохи «... в 60-х годах южные и восточные окраины Евр. России были в значительной степени незаселенной территорией»⁶⁶. И это положение особенно верно по отношению к Таврической губернии: в первой половине XIX в. здесь на каждые 100 тыс. десятин обрабатывалось лишь 17 060⁶⁷.

Несравненно более мощный поток переселенцев устремился на юг только в 60—70-х годах XIX в.⁶⁸ В. И. Ленин подчеркивал, что «... главным условием, позволившим быструю колонизацию Новороссии, было падение крепостного права в центре России. Только переворот в центре дал возможность быстро, широко, по-американски, заселить юг и индустриализировать его»⁶⁹.

⁶³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 200.

⁶⁴ А. Г. Рашин. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М. 1956, стр. 55.

⁶⁵ С. А. Секиринский. Некоторые черты развития сельского хозяйства Крыма и прилегающих к нему земель Южной Украины в конце XVIII — первой половине XIX в. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1960 г. Киев 1962, стр. 408, 415, 411.

⁶⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 494.

⁶⁷ Очерки экономической истории России первой половины XIX в. Под ред. М. К. Рожковой. М. 1959, стр. 21.

⁶⁸ В 60-х годах в Таврической губернии наблюдалось своеобразное «переселение народов». Колонизация губернии русскими и украинскими крестьянами и отчасти иностранными, главным образом болгарскими, колонистами была в значительной мере связана с выселением из Крыма и Северной Таврии татарского населения. За 1860—1862 гг. выселилось свыше 181 тыс. татар, покинувших 784 деревни, из которых к 1866 г. 330 оставались в развалинах, а остальные были заняты новыми поселенцами — русскими, украинцами, болгарами, молдаванами, немцами, греками (Памятная книга Таврической губернии, 1867, стр. 434—438). За несколько десятилетий этнический состав населения Таврической губернии коренным образом изменился. Если в 1845 г. из 548 905 жителей губернии мусульман (т. е. почти исключительно татар) было 288 690 (ГАКР, ф. 26, оп. 1, д. 15011, л. 70), то в 1866 г. на 613 000 жителей татар, каранмов и евреев осталось только 125 000 человек, русских же, украинцев, болгар, молдаван и греков насчитывалось 418 000 (Памятная книга Таврической губернии, 1867, стр. 195).

⁶⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 64—65.

М. Д. Курмачева

РАССЛОЕНИЕ КРЕСТЬЯН В АРДАТОВСКИХ ВОТЧИНАХ ГОЛИЦЫНЫХ В КОНЦЕ XVIII — СЕРЕДИНЕ XIX В.

Вопрос о социально-экономическом положении помещичьих крестьян в России и, следовательно, о состоянии их земледельческого хозяйства (земельных наделах, размерах посевов, урожаях, количестве рабочего скота), а также о промыслах является одним из наименее разработанных как в русской дореволюционной, так и в советской исторической литературе. Это объясняется главным образом отсутствием достаточного количества источников по вотчинному хозяйству. Отсюда вполне понятен большой интерес исследователей к каждой новой группе документов, проливающих свет на социальные отношения в русской крепостной деревне.

В отделе письменных источников Государственного исторического музея (ГИМ) среди материалов вотчинного архива князей Голицыных сохранились 4 подворные описи крестьянских дворов их ардатовских владений¹. Эти описи (за 1778, 1795, 1814 и 1845 гг.) содержат некоторые данные, позволяющие судить об имущественном неравенстве и социальном расслоении ардатовской деревни в конце XVIII — середине XIX в. Они-то и послужили материалом для данной статьи.

В каждом указанном году описаны одни и те же голицынские села и деревни (села Стеково, Писарево, Пятницкое, деревни Балахониха и Пашутина)². Это обстоятельство увеличивает ценность исследуемой группы документов, так как позволяет проследить динамику развития социально-экономических отношений в среде крепостного ардатовского крестьянства, хотя бы и только лишь во владениях Голицыных. Однако изучение подворных описей затрудняется тем, что они содержат не одни и те же хозяйственные показатели по крестьянским дворам. При этом подворные описи 1778 и 1814 гг. более кратки, чем остальные две описи.

Опись 1778 г. содержит данные о составе семей крестьян, об обеспеченности отдельных крестьянских дворов скотом, о крестьянских промыслах. В описи 1814 г. указано число тяглов, состав семьи, число выбывших по разным причинам по отдельным крестьянским дворам, причем в зависимости от экономического состояния двора крестьян разбиты на три группы. Более разносторонние хозяйственные сведения о крестьянских дворах сообщаются в подворных описях 1795 и 1845 гг. За 1795 г. имеются данные о населении крестьянских дворов, его занятиях и «наличном капитале», о земельных наделах, размерах арендуемой и покупной земли, наличном хлебе, скоте, надворных постройках. Крестьянские дворы разбиты в зависимости от материальной обеспеченности на три группы — «состояния первого», «состояния среднего», «состояния последнего». По тем же показателям составлена и опись 1845 г., за исключением того, что в ней отсутствуют данные о сдаваемой в аренду земле и о размере денежного оброка. Иначе даны в этой описи и сведения о хлебе: в ней говорится не о его наличии в амбарах, а о «снятом урожае».

Таким образом, в общем материалы подворных описей голицынских сел и деревень позволяют изучить крестьянское хозяйство в развитии, а также сравнить степень его дифференциации в последней четверти XVIII и середине XIX в.

Села Стеково, Писарево, Пятницкое и деревни Балахониха и Пашутина в изучаемый период входили в состав Ардатовского уезда Нижегородской губернии³. Во время составления «Экономических примечаний к Генеральному межеванию», в 1784—1797 гг.,

¹ ГИМ, ф. Голицыных (14), д. 2394, 1778 г., лл. 1—34; д. 2395, 1795 г., лл. 1—94; д. 2396, 1814 г., лл. 1—27; д. 2397, 1845 г., лл. 1—45.

² В год первого описания (1778) в них было 235 дворов с 1216 душами обоего пола.

³ «Учреждение по управлению губерний» 1775 г. в Нижегородской губернии было проведено в жизнь в 1780 г., поэтому во время первого описания этих селений, в 1778 г., они находились еще в составе Арзамасской провинции.

эти села и деревни принадлежали княжнам Дарье Алексеевне и Прасковье Степановне Голицыным. В большом селе Стексово, помимо Голицыных, было еще 11 владельцев земель и крестьян.

«Экономические примечания» отмечают в с. Стексове земли «иловые», на которых хлеб и трава по сравнению с другими местами «родится средственно», лес мелкий, используемый на дрова. Стексово было единственным среди названных селений, имевшим свой базар. Каждую неделю по четвергам в селе бывал большой «торг», на который «съезжались из городов Арзамаса и Ардатова с мелочными товарами, а из ближних селений с хлебом». О стексовских крестьянах сказано, что они находятся на оброке и наиболее зажиточные, помимо земледельческого хозяйства, занимаются торговлей. Они «отъезжают в разные города для покупки орехов, маку и на Яик для покупки рыбы, и в Оренбург для покупки овец», а в Петербург и Москву ездят продавать льняное и конопляное масло, изготовлявшееся в селе, а также сало, рыбу. Некоторые из крестьян по торговым дням продавали в селе мясо, иные занимались извозом.

Аналогичные данные о занятиях крестьян сообщают «Экономические примечания» по другим трем селениям — селам Пятницкому, Писареву и дер. Пашутиной. Однако, в отличие от Стексова, в Писареве и Пятницком земля была черноземной, в связи с чем и урожаи хлеба и трав здесь были более высокими. В отношении дер. Балахонихи сказано, что земля там песчаная и «хлеб родится» по сравнению с другими местами хуже, а покосы — «посредственные»⁴. В период составления «Экономических примечаний» на одну душу мужского пола приходилось в данных селениях от 2 до 7 десятин всей земли и от 1,7 до 4 десятин пашни. Самыми крупными размеры земельных участков были в Балахонихе, самыми малыми — в Стексове.

Прежде чем начать анализ социально-экономического положения крестьян арда-товских вотчин Голицыных, посмотрим, какие изменения претерпели общие хозяйственные показатели в течение изучаемого периода (табл. 1).

Начнем с общего количества дворов. Из таблицы 1 видно, что с 1778 по 1845 г. оно несколько сократилось (исключением является дер. Балахониха, где число дворов незначительно увеличилось — с 37 до 39). Несмотря на некоторое сокращение числа дворов, население, как правило, несколько увеличилось, и только в Писареве и Пашутиной оно уменьшилось. Размеры наделных земель за период 1795—1845 гг. заметно сократились, и нельзя сказать, чтобы это сокращение было пропорционально уменьшению населения за эти годы. Например, в с. Писареве население мужского пола уменьшилось с 303 до 272 душ, т. е. на 10%, а наделная земля — с 378 до 316 десятин, т. е. на 19%, так что средний размер надела на 1 крестьянина уменьшился с 1,24 до 1,15 десятины. Общее количество покупной земли к 1845 г. возросло, и появилась купля земли там, где ее не было в 1795 г. (Балахониха, Пашутина). Только в с. Писареве количество покупной земли заметно уменьшилось; так как, помимо подворных описей, по ардазовским владениям Голицыных за эти годы нет других источников, то невозможно объяснить этот факт какими-то конкретными причинами. По сравнению с 1778 г. во всех селениях сократилось количество скота, особенно свиней и овец, хотя в с. Пятницком за это время и увеличилось количество овец, а в дер. Балахонихе — число коров. Итак, в отношении числа дворов, населения, количества наделной земли и скота в большинстве случаев имеет место уменьшение, но по таким показателям, как купля земли, размеры денежных капиталов, видна определенная тенденция в сторону их роста.

Подворная опись, составленная в 1778 г., дает возможность проследить степень обеспеченности крестьянских дворов скотом — рабочим и продуктивным. Во всех селениях, за исключением с. Пятницкого, мы видим группу безлошадных хозяйств, составлявшую от 8,1 до 17,1% крестьянских дворов. Наибольшим процент этой беднейшей группы крестьянских дворов был в с. Стексове, самом крупном, где имелся свой торг и в связи с этим более развиты были товарно-денежные отношения. Не имея лошадей, крестьяне этой группы хозяйств не владели и продуктивным скотом, а если и имели его, то очень незначительное количество. Так, в с. Стексове 13 безлошадных дворов владели 4 коровами (3,7% общего числа), 2 свиньями (1,8%), 29 курами (4,6%). В с. Писареве у 7 безлошадных дворов (11,9% общего количества дворов) была 1 корова (1,2%) и 3 овцы (1,6%); в дер. Пашутиной на 3 беднейших двора (15%) приходилась лишь 1 корова (3,6%). Еще хуже было положение трех безлошадных дворов (8,1%) в дер. Балахонихе: они вообще не имели никакого скота.

Близкими по положению к безлошадным хозяйствам были крестьянские дворы, имевшие одну лошадь. Эта группа дворов была довольно многочисленной и включала от 20,3 до 41,9% общего количества крестьянских дворов. Показательно, что в с. Пятницком, единственном, где в 1778 г. не было безлошадных хозяйств, почти половину хозяйств (41,9%) составляли однолошадные. Дер. Балахониха также дала довольно высокий процент однолошадных хозяйств (37,8%), в то время как процент безлошадных дворов по сравнению с другими селениями в ней был наименьшим. Далеко не все однолошадные дворы имели коров, овец, свиней и даже кур. В с. Стексове на 26 одноло-

⁴ О занятиях и торговле крестьян дер. Балахонихи ничего не говорится (ЦГАДА, ф. 1355, Экономические примечания к Генеральному межеванию по Ардазовскому уезду, 1784—1797 гг., д. 9, л. 21).

Распределение земли, скота, денежного капитала по группам крестьянских хозяйств ардаговской вотчины Голицыных в 1778, 1795 и 1845 гг.

[illegible]

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Село Писарево															
Дворов %	7	12	31	9	59	9	19	25	8	61	12	11	8	12	43
Душ м. п. %	11,9	20,3	52,5	15,3	282	14,8	31,1	41	100	100	27,9	25,6	18,6	27,9	100
Взрослых работников %	21	46	157	58	282	26	77	148	52	303	46	67	51	108	272
Лошадей %	7,4	16,3	55,7	20,6	100	8,6	25,4	48,8	17,2	100	16,9	24,6	18,7	39,8	100
Коров %	7	28	103	34	172	17	46	106	36	205	26	33	27	51	137
Овец %	4	16,3	59,9	19,8	100	8,3	22,4	51,7	17,6	100	19	24,1	19,7	37,2	100
Свиней %	—	12	79	41	132	—	19	62	42	123	—	11	18	59	88
наделной %	—	9,1	59,8	31,1	100	—	15,4	50,4	34,2	100	—	12,5	20,5	67	100
покупной %	1	10	54	21	86	2	21	44	24	91	10	13	15	29	67
сдаваемой в аренду %	1,2	11,6	62,8	24,4	100	2,2	23,1	48,3	26,4	100	14,9	19,4	22,3	43,4	100
Земли (дес.)	3	22	124	44	193	3	25	115	25	168	13	27	33	91	164
Объяснено денежного капитала (руб.) %	1,6	11,4	64,2	22,8	100	1,8	14,9	68,4	14,9	100	7,9	16,5	20,1	55,5	100
Нет данных	—	10	49	25	84	—	—	5	6	11	—	7	9	40	56
Нет данных	—	11,9	58,3	29,9	100	—	—	45,5	54,5	100	—	12,5	16,1	71,4	100
Нет данных						19	83	189	87	378	45	54,5	79,4	136,2	316
Нет данных						5	22	50	23	100	14,5	17,3	25,2	43	100
Нет данных						30,1	56,2	203,4	274	564	80	60	52	123	315
Нет данных						5,4	10	36	48,6	100	25,4	19	16,5	39,1	100
Нет данных						37,1	30	106	190	365,5					
Нет данных						10,1	8,4	29,5	52	100					
Нет данных						150	225	6720	5050	12 145	4270	5000	4900	10 150	24 320
Нет данных						1,2	1,8	55,4	41,6	100	17,6	20,6	20,2	41,6	100
Село Пятницкое															
Дворов %	—	18	16	9	43	10	13	20	7	50	7	13	17	5	42
Душ м. п. %	—	41,9	37,2	20,9	100	20	26	40	14	100	16,6	31	40,5	11,9	100
Взрослых работников %	—	79	92	68	239	36	74	128	58	296	32	51	148	66	297
Лошадей %	—	33	38,5	28,5	100	12,3	25	43,2	19,5	100	10,8	17,2	49,8	22,2	100
Нет данных	—	43	50	37	130	21	42	80	40	183	13	24	61	31	129
Нет данных	—	33,1	38,4	28,5	100	11,5	22,9	43,7	21,9	100	10,1	18,6	47,3	24	100
Нет данных	—	18	38	41	97	—	13	49	31	93	—	13	37	35	85
Нет данных	—	18,5	39,2	42,3	100	—	14	52,7	33,3	100	—	15,3	43,6	41,1	100

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Коров %	—	22 29,8	30 40,4	22 29,8	74	6	19 22,3	38 44,7	22 25,9	f-85 100	10 11,0	19 21,4	41 45,4	20 22,2	90 100
Овец %	—	24 19,5	40 32,2	60 48,3	124 100	5 3,1	18 11,3	89 55,6	48 30	100 100	15 10,1	37 25	49 33	47 31,9	148 100
Свиней %	—	14 18	33 42,3	31 39,7	78 100	2 8,7	2 8,7	11 47,8	8 34,8	23 100	2 5,7	3 8,5	10 28,6	20 57,2	35 100
надельной % (дес.)	—	18	42,3	39,7	100	8,7	66	159	79	333	25 ⁷ / ₈	57 ³ / ₈	128 ¹ / ₈	80	289
покупной % земли (дес.)	—	—	—	—	—	8,7	19,8	47,8	23,7	100	9,0	19	44,3	27,7	100
Объявлено денежного капитала (руб.) %	—	—	—	—	—	—	—	4 ¹ / ₂ 56,2 2425	3 ¹ / ₂ 43,8 2700	8 100 5125	5 ¹ / ₈ 1,3 1700	— 4140	25 60,9 9480	15 ¹ / ₂ 37,8 5150	41 100 20 470
Нет данных															
Дер.															
Балахониха															
Дворов %	3	14 37,8	15 40,6	5 13,5	37	1	3 9,1	26 78,8	3 9,1	33 100	7 17,9	15 38,5	14 35,9	3 7,7	39 100
Душ м. п. %	4	61 32,6	86 46	36 19,3	187 100	5 2,1	13 5,6	185 79,1	31 13,2	234 100	18 8,6	73 35,1	89 42,8	28 13,5	208 100
Взрослых работников %	2,1	28 30,7	44 48,4	19 20,9	91 100	4 2,7	11 7,3	118 78,7	17 11,3	150 100	7 7,3	31 32,3	45 46,9	13 13,5	96 100
Лошадей %	—	14 18,4	35 46,1	27 35,5	76 100	—	3 3,7	61 76,3	16 20	80 100	—	15 22,4	30 44,8	22 32,8	67 100
Коров %	—	18 30	46 50	12 20	60 100	1 1,4	4 5,6	55 77,5	11 15,5	71 100	4 5,5	31 43,1	27 37,5	10 13,9	72 100
Овец %	—	31 19,0	89 54,7	43 26,3	163 100	2 1,2	5,4	129 76,8	28 16,6	168 100	8 7,9	36 35,3	43 42,1	15 14,7	102 100
Свиней %	—	15 21,4	38 54,3	17 24,3	70 100	—	—	9 56,3	7 43,7	16 100	—	9 31	9 31	11 38	29 100
надельной % (дес.)	—	—	—	—	—	—	10 ¹ / ₂	175 ¹ / ₂	45	231	8 ¹ / ₄	74	102	28	212
покупной % земли (дес.)	—	—	—	—	—	—	4,5	76	19,5	100	3,8	35	48	13,2	100
Нет данных															
23,4															
100															

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Объявлено денежного капитала (руб.) %						—	—	600	550	1150	700	7150	7480	2350	17 680
Дер. Пашутина						—	—	52,2	47,8	18	3,9	40,5	42,4	13,2	100
Дворов	3	7	9	1	20	2	9	9	2	22	5	5	7	1	18
% .	15	35	45	5	100	9,1	40,9	40,9	9,1	100	27,8	27,8	38,8	5,6	100
Душ м. п.	9	28	58	18	113	6	38	47	11	102	17	28	50	7	102
%	8,0	24,8	51,3	15,9	100	5,9	37,2	46,1	10,8	100	16,7	27,4	49,0	6,9	100
Взрослых работников	6	18	29	7	60	6	28	29	8	71	9	19	29	2	59
%	10	30	48,3	11,7	100	8,5	39,4	40,8	11,3	100	15,3	32,2	49,1	3,4	100
Лошадей	—	7	21	6	34	—	9	20	10	39	—	5	17	4	26
%	—	20,6	61,8	17,6	100	—	23,1	51,3	25,6	100	—	19,2	65,4	15,4	100
Коров	1	7	17	3	28	2	10	11	4	27	3	5	15	4	27
%	3,6	25	60,7	10,7	100	7,4	37,1	40,7	14,8	100	11,1	18,5	55,6	14,8	100
Овец	—	13	26	12	51	5	20	54	20	99	1	7	20	5	33
%	—	25,5	51	23,5	100	5,1	20,2	54,5	20,2	100	3,0	21,2	60,5	15,3	100
Свиней	—	9	27	10	46	—	1	8	9	18	—	6	12	—	18
%	—	19,6	58,7	21,7	100	—	5,6	44,4	50,0	100	—	33,4	66,6	—	100
Земли (дес.) надельной % покупной %						6 $\frac{3}{4}$	45 $\frac{3}{4}$	45	19 $\frac{1}{2}$	117	4 $\frac{1}{2}$	18	35 $\frac{1}{8}$	3 $\frac{3}{8}$	61
						5,8	39,1	38,4	16,7	100	7,4	29,6	57,5	5,5	100
						—	—	—	—	—	—	2	3 $\frac{1}{4}$	16 $\frac{1}{2}$	22
						—	—	—	—	—	—	9,2	14,8	75	100
Объявлено денежного капитала (руб.) %						—	100	75	150	325	950	2150	4100	850	8050
						—	30,7	23	46,3	100	11,8	26,6	51	10,5	100

Нет данных

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Всего по вотчине Дворов % Душ м. п. % Взрослых работников % Лошадей % Коров % Овец % Свиней % { надельной % покупной % Земли (дес.) славаемой в аренду % }	26	77	99	33	235	27	72	99	35	233	50	58	69	34	211
	11	32,7	42,1	14,2	100	11,5	31	42,3	15,2	100	23,7	27,5	32,6	16,2	100
	66	320	555	262	1 203	91	338	633	318	1 380	184	281	474	334	1 273
	5,4	26,6	46,2	21,8	100	6,6	24,4	46	23	100	14,5	22	37,7	26,2	100
	30	166	319	145	660	61	204	418	210	893	83	134	225	155	597
	4,5	25,1	48,4	22	100	6,9	22,8	46,8	23,5	100	13,8	22,5	37,2	26	100
	—	77	235	173	485	—	72	237	186	495	—	58	154	196	408
	—	15,7	48,5	35,8	100	—	14,5	47,9	37,6	100	—	14,2	37,7	48,1	100
	6	81	182	86	355	11	77	185	107	380	38	83	138	101	360
	1,7	22,8	51,2	24,3	100	2,9	20,2	48,7	28,2	100	10,5	23,1	38,4	28	100
	3	106	354	236	699	15	87	435	216	753	38	125	202	245	610
	0,4	15,2	50,7	93,7	100	2	11,6	57,8	28,6	100	6,3	20,5	33	40,2	100
	2	70	193	126	391	2	3	46	81	132	4	52	100	136	292
	0,5	17,9	49,4	32,2	100	1,5	2,3	34,8	61,4	100	1,4	17,7	34,2	46,7	100
						19 58 20	321 4	731	448 2	1 560	148 5 8	288 1 4	508 7 8	395	1 339
						3,9	20,6	46,8	28,7	100	11,2	21,5	37,8	29,5	100
						30 1 2	66	310	1 359	1 766	173	265	281	1 704	2 423
						1,7	3,8	17,5	77	100	7,2	10,8	11,6	70,4	100
						37 1 2	30	161	1 094	1324 1 2					
						2,8	2,2	12,1	82,9	100					
						150	375	10 830	29 650	41 050	12 785	26 840	38 750	38 200	116 575
						0,4	0,9	26,4	72,3	100	11	23	33,2	32,8	100
Объявлено денежного капитала (руб.) %															
Нет данных															
Нет данных															

шадных дворов (34,2%) приходилось 26 лошадей (17,8% общего числа), 24 коровы (22,4%), 16 овец (9,5%), 22 свиньи (19,5%) и 216 кур (34,3%). В с. Пятницком было 18 дворов однолошадных хозяйств, что составляло, как уже говорилось, 41,9% общего числа дворов. На долю этих дворов приходилось 18 лошадей (18,5%), 22 коровы (29,8%), 24 овцы (19,5%), 14 свиней (18,0%), 140 кур (37,6%).

Безлошадные и однолошадные крестьянские хозяйства по своему социально-экономическому положению были тесно связаны между собой. За счет однолошадных хозяйств в значительной мере пополнялась в разные годы группа безлошадных крестьянских дворов.

Резко отличалась по обеспеченности скотом от безлошадных и однолошадных дворов наиболее богатая группа крестьянских хозяйств. Составляя малочисленную по количеству дворов группу, они сосредоточивали у себя значительное количество скота. В с. Пятницком 9 богатых дворов (20,9% общего числа дворов) владели 42,3% лошадей, 29,8% коров, 48,3% овец, 39,7% свиней, 22% кур. Приблизительно такое же соотношение цифр имело место и по другим селениям. Наиболее богатым крестьянином был в это время Макарь Губанихин (с. Стексово), ведший по разным городам широкую торговлю маслом и рыбой. Семья его состояла из 14 человек, из них 7 взрослых работников. Он имел 11 лошадей, 4 коров, 10 овец, 10 свиней, 30 кур⁵.

Между этими двумя резко различавшимися по своему экономическому положению группами находилась группа крестьян «среднего состояния», в которую включены дворы, имевшие 2—3 лошади. Эта группа была многочисленной, она насчитывала по отдельным селам и деревням от 36,9 до 52,5% от общего числа дворов. Крестьяне «среднего состояния» занимали промежуточное положение, часть их со временем разорялась и переходила в группу бедноты, другая часть пополняла богатую верхушку.

Подворная опись 1778 г. дает, кроме того, характеристику крестьянских дворов голицынских владений по их неземледельческим занятиям (табл. 2). Около 90% всех крестьянских дворов в названных селах занималось, помимо земледелия, промыслами и торговлей, причем в с. Пятницком все крестьянские дворы имели неземледельческие занятия (в среднем по губернии неземледельческие занятия имел меньший процент дворов — 70%⁶). Занятие крестьян торговлей и такими промыслами, как изготовление растительного масла, извоз, встречается во всех селах и деревнях. То же можно сказать о работе по найму. Однако такой промысел, как горшечный, был специфическим для Стексова, а рукавишный — для дер. Пашутиной. В с. Стексове горшечным промыслом вместе с извозом, а в Пашутиной — рукавишным промыслом и извозом было занято около 60% крестьянских дворов, разных по своей состоятельности. Работой по найму в этом селе было занято 11 дворов, или 14,5% общего числа дворов. К сожалению, источник не дает возможности установить, у кого и на каких видах работ использовалась наемная рабочая сила, работали ли наемные работники в отходе или на месте⁷. В с. Писарево наибольшее распространение получил промысел по изготовлению растительного масла (44% крестьянских дворов); вместе с извозом этим промыслом занимались обитатели более чем 70% дворов. В с. Пятницком подавляющее большинство крестьян было занято, с одной стороны, торговлей (около 50%), с другой — работой по найму (41,9%). Широко был распространен извозный промысел среди балахонинских крестьян (35,1%). В дер. Балахонихе, кроме того, наибольшим был процент дворов, для которых дополнительным источником средств существования была работа по найму (46%). Если промыслами, а частично и торговлей занимались крестьяне различных по состоятельности групп, то работа по найму — это занятие в подавляющем своем большинстве бедных, безлошадных и однолошадных, крестьян, для которых работа по найму была основной и носила систематический характер. Случай, когда работают по найму крестьяне 2-лошадных дворов, единичны, и отмечен лишь один случай, когда о крестьянине Якове Губанихине, имевшем трех лошадей, сказано, что он «ездит в наймах под извозами»⁸.

Итак, распределение скота между крестьянскими дворами и характер их неземледельческих занятий по ведомости 1778 г. свидетельствуют о глубоком экономическом неравенстве между отдельными группами крестьянских хозяйств. Определилась зажиточная часть крестьянства. С другой стороны, бедные крестьяне вынуждены были работать по найму у своих односельчан, чтобы прокормить свою семью.

Спустя 17 лет, в 1795 г., те же пять селений, принадлежавших в это время князю Михаилу Михайловичу Голицыну, были описаны вновь. Подворную опись 1795 г. отделяет от первой описи небольшой промежуток времени, тем не менее очевидны некоторые изменения, происшедшие за это время в экономическом положении крестьянства (см. табл. 1). В с. Стексове по сравнению с 1778 г. уменьшился процент безлошадных

⁵ ГИМ, ф. Голицыных, д. 2394, л. 6.

⁶ Что касается других средних цифр (обеспеченности землей, скотом, размеров оброчного обложения крестьянского хозяйства), то они в ардамовской вотчине в целом совпадали с данными по губернии для конца XVIII в. (см. Л. Ф. Захарова. Помещичьи крестьяне Нижегородской губернии и их классовая борьба во второй половине XVIII в. Рукопись канд. дисс. Горький, 1954 г.).

⁷ В источнике лаконично сказано: «живет в работниках», «работает в наймах».

⁸ ГИМ, ф. Голицыных, д. 2394, л. 5 об.

Занятия крестьян ардаатовской вотчины Голицыных в 1778, 1795 и 1845 гг.

Занятия	Село Стековское			Село Писарево			Село Пятницкое			Дер. Балахониха			Дер. Пашутина			Всего		
	1778 г.		1845 г.	1778 г.		1795 г.	1778 г.		1845 г.	1778 г.		1845 г.	1778 г.		1845 г.	1778 г.		1845 г.
	1778 г.	1795 г.	1845 г.	1778 г.	1795 г.	1845 г.	1778 г.	1795 г.	1845 г.	1778 г.	1795 г.	1845 г.	1778 г.	1795 г.	1845 г.	1778 г.	1795 г.	1845 г.
Чисто земледельческих дворов %	9 11,8	6 9,0	7 10,2	7 11,9	10 16,4	4 9,3	—	2 4,0	8 19,1	3 8,1	2 6,1	8 20,5	2 10,0	1 4,5	2 11,1	21 8,9	21 9,0	29 13,7
Торговля, промыслы, связанные с сельск. хоз. — дворов %	10 13,2	5 7,5	15 21,7	26 44,0	9 14,7	19 44,1	3 7,0	11 22,0	13 31	3 8,1	5 15,2	5 12,8	3 15,0	4 18,2	2 11,1	45 19,2	34 14,6	54 25,6
Торговля, промыслы, не связ. с сельск. хоз. — дворов %	43 56,6	22 32,8	13 18,8	17 28,8	4 6,6	2 4,7	5 11,6	8 16,0	—	13 35,1	12 36,3	2 5,1	12 60,0	10 45,5	1 5,6	90 38,3	56 24,0	18 8,5
Торговля, промыслы сме- шан., т. е. связ. и не связ. с сельск. хоз. — дворов %	3 3,9	15 22,3	9 13,0	3 5,1	21 34,4	—	17 39,5	7 14,0	3 7,1	1 2,7	3 9,1	5 12,8	1 5,0	2 9,1	—	25 10,6	48 20,6	17 8,1
Работа по найму — дворов %	11 14,5	13 19,4	23 33,3	6 10,2	15 24,6	17 39,6	18 41,9	19 38,0	15 35,7	17 46,0	11 33,3	14 36,0	2 10,0	5 22,7	12 66,7	54 23,0	63 27,0	81 38,4
в том числе на масля- ных «заводах» — дворов %	—	3 4,5	—	—	8 13,1	—	—	8 16,0	—	—	8 24,2	—	—	4 18,2	—	—	31 13,3	—
в том числе в каче- стве гуртовщиков — дворов %	—	—	20 29,0	—	—	15 34,9	—	—	15 35,7	—	—	14 36,0	—	—	12 66,7	—	—	76 36,0
Нищенство — дворов %	—	6 9,0	—	—	2 3,3	—	—	3 6	—	—	—	—	—	—	—	—	11 4,8	—
Не указаны промыслы — дворов %	—	—	2 3,0	—	—	1 2,3	—	—	3 7,1	—	—	5 12,8	—	—	1 5,5	—	—	12 5,7
Итого дворов	76	67	69	59	61	43	43	50	42	37	33	39	20	22	18	235	233	211

(с 17,1 до 7,5%) и 2—3-лошадных хозяйств (с 36,9 до 28,4%), но увеличился процент однолошадных (с 34,2 до 41,8%) и наиболее зажиточных, 4—8-лошадных хозяйств (с 11,8 до 22,3%). В с. Писареве к 1795 г. уменьшились группы среднестатейных (с 52,5 до 41%) и богатых дворов (с 15,3 до 13,1%), но возросла группа безлошадных (с 11,9 до 14,8%) и однолошадных хозяйств (с 20,3 до 31,1%). Значительные изменения произошли в с. Пятницком. В 1778 г. здесь не было ни одного безлошадного двора, а в 1795 г. процент безлошадных дворов оказался самым высоким: лошадей не имело 10 крестьянских дворов из 50, или 20%. Вместе с однолошадными хозяйствами они составляли 46% всех дворов. За счет уменьшения процента наиболее состоятельных дворов несколько увеличился процент 2—3-лошадных хозяйств. В дер. Пашутиной в 1795 г. группа безлошадных и однолошадных хозяйств, как и в 1778 г., составляла половину всех хозяйств; другая половина состояла из среднестатейных и богатых крестьян. Некоторые изменения произошли лишь внутри этих половин: за счет сокращения процента безлошадных хозяйств выросла группа однолошадных, а за счет сокращения процента 2—3-лошадных хозяйств увеличилась группа богатых дворов. В дер. Балахонихе в отличие от других селений к 1795 г. произошло увеличение, причем довольно значительное, числа среднестатейных дворов за счет сокращения количества бедных и богатых дворов. Мы не располагаем конкретными материалами, которые объясняли бы это необычное для социально-экономического развития России конца XVIII в. явление; можем лишь предположить, что какие-то временные и местные условия (возможно, урожайные годы) помогли подняться ряду крестьянских дворов. Но переход однолошадных хозяйств в группу «среднего состояния» и рост этой группы в целом за счет крайних групп был непрочным. Уже подворное описание 1814 г. показывает резкое увеличение по сравнению с 1795 г. группы «третьего состояния» (до 42,4% тягол) и сокращение группы «среднего состояния» (до 54,4% тягол) (см. табл. 6). В 1845 г. эта тенденция к изменению соотношения различных категорий балахонинских крестьян развивается еще более (см. табл. 1). Надо думать, что прав Г. Н. Бибииков, указывая, что в условиях конкретной действительности размывание средней группы крестьянских хозяйств не происходило по неравномерно нисходящей линии, а временами могло задерживаться или даже сменяться увеличением этой группы хозяйств⁹.

Если сравнить данные о распределении скота между крестьянскими дворами, то к 1795 г. можно наблюдать усиление концентрации скота, особенно рабочего, у богатых крестьянских дворов и, наоборот, снижение количества скота в безлошадных и однолошадных хозяйствах. Особенно это относится к с. Стексову. Если в 1788 г. на богатые крестьянские дворы (11,8%) приходилось 39,7% лошадей, 26,2% коров, 45,9% овец, 38% свиней, то в 1795 г. на их (22,3%) долю приходилось, соответственно, 54,4% лошадей, 43,4% коров, 60,1% овец, 79,7% свиней. Безлошадные стевковские крестьяне в 1795 г. вовсе не имели скота, а увеличившаяся (с 34,2 до 41,8%) группа однолошадных хозяйств владела несколько меньшим по сравнению с 1778 г. количеством лошадей (17,5%) и коров (21,7%).

Подворная опись 1795 г. позволяет установить, как распределялась прежде всего наделная земля между крестьянскими дворами (см. табл. 1 и 3). О разложении крепостной деревни и возникновении новых отношений свидетельствует наблюдаемое в отдельных селениях своеобразное соотношение наделной и покупной земли в крестьянском землепользовании (табл. 4). Такое соотношение — качественно новое явление в феодально-крепостнической системе. Это относится к двум селам — Стексову и Писареву, где размеры купленных крестьянами земель превышали общие размеры наделных земель: в Стексове из всей земли, находившейся во владении крестьян, купленная составляла 70%, в Писареве — 59%¹⁰. Таким образом, в этих селах удельный вес наделных земель был гораздо меньше удельного веса покупной земли. Это говорит о том, что размеры наделов не удовлетворяли крестьянство. Часть крестьян была вынуждена покупать землю из-за ничтожных размеров наделов и невозможности в связи с этим платить денежные сборы и кормить свою семью, наиболее состоятельные же приобретали землю, движимые стремлением к наживе, чтобы получить излишки сельскохозяйственных продуктов для сбыта на рынке, а также иметь возможность эксплуатировать землю путем сдачи ее в аренду.

К сожалению, источник не позволяет установить, что было положено в основу определения размера наделов. Но несомненно, что никакой уравнилельности земельных наделов не существовало. Размеры наделов колебались от 0,5 до 9 десятин на душу мужского пола. Кроме того, были и дворы, вовсе не имевшие наделной пашни; в с. Писареве, например, таких дворов было 5 из 61, или 8,2%. Крестьянские дворы, не имевшие надела или имевшие недостаточный надел (0,5—2 дес.), составляли около 30% всех крестьянских дворов в Писареве. Остальная часть крестьян имела достаточные

⁹ Г. Н. Бибииков. Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII — начале XIX в. — «Исторические записки», т. 4, 1938, стр. 111—112.

¹⁰ Поскольку в других селениях количество покупных земель было ничтожным, в целом по вотчине соотношение было иным — на 1560 десятин наделной земли приходилось 1766 десятин покупной земли, т. е. последней было лишь на несколько процентов больше.

Таблица 3

Землепользование крестьян ардатовской вотчины Голицыных в 1795 и 1845 гг.

Селения и показатели	Годы	Дворы без надела	Дворы с наделом на душу мужского пола							Итого
			от 0,5 до 1 дес.	1—2 дес.	2—3 дес.	3—4 дес.	4—5 дес.	5—6 дес.	свыше 6 дес.	
Стексово										
Дворов	1795	5	8	7	25	9	12	1	—	67
%	1795	7,5	12	10,4	37,3	13,4	17,9	1,5	—	100
Дворов	1845	2	2	16	21	16	12	—	—	69
%	1845	2,9	2,9	23,2	30,4	23,2	17,4	—	—	100
Писарево										
Дворов	1795	5	1	11	18	2	24	—	—	61
%	1795	8,2	1,6	18,1	29,5	3,2	39,4	—	—	100
Дворов	1845	3	1	7	18	10	4	—	—	43
%	1845	7	2,3	16,3	41,8	23,3	9,3	—	—	100
Пятницкое										
Дворов	1795	4	—	10	20	2	12	—	2	50
%	1795	8	—	20	40	4	24	—	4	100
Дворов	1845	3	2	10	16	7	2	2	—	42
%	1845	7,1	4,8	23,8	38,1	16,6	4,8	4,8	—	100
Балахониха										
Дворов	1795	1	1	10	13	6	2	—	—	33
%	1795	3	3	30,3	39,4	18,2	6,1	—	—	100
Дворов	1845	5	—	8	16	8	2	—	—	39
%	1845	12,9	—	20,5	41	20,5	5,1	—	—	100
Пашутина										
Дворов	1795	—	1	5	10	5	1	—	—	22
%	1795	—	4,6	22,7	45,4	22,7	4,6	—	—	100
Дворов	1845	1	6	9	1	1	—	—	—	18
%	1845	5,6	33,4	50	5,6	5,6	—	—	—	100
Всего по вотчине										
Дворов	1795	15	11	43	86	24	51	1	2	233
%	1795	6,5	4,7	18,5	36,9	10,4	21,8	0,4	0,8	100
Дворов	1845	14	11	50	72	42	20	2	—	211
%	1845	6,7	5,3	23,7	34	19,9	9,5	0,9	—	10

наделы, причем в этой группе наиболее распространен был надел в 2—3 и 4—5 десятин на душу мужского пола.

Как же распределялась надельная земля по группам хозяйств? Материалы таблицы 1 показывают, что в зависимости от общей состоятельности и количества рабочего и продуктивного скота крестьяне владели меньшими или большими участками наделных земель. На безлошадные и однолошадные хозяйства, как правило, приходилась и меньшая доля наделных земель, а меньшая по числу дворов группа богатых крестьянских дворов владела долей наделных земель, которая превышала процент этих дворов среди всех крестьянских хозяйств.

Распределение купленных и сдаваемых в аренду земель по группам хозяйств в зависимости от их состоятельности показывает громадную концентрацию этих земель у наиболее богатых дворов¹¹. Из большей части покупной земли крестьяне извлекали доход, сдавая ее в аренду. Меньшая часть купленной земли использовалась ими для нужд своего личного хозяйства. Владельцами больших участков покупных и сдаваемых в аренду земель выступают крестьяне из богатых многолошадных дворов. В с. Стексове наиболее зажиточные хозяйства (22,3%) сосредоточивали в своих руках 90,6% покуп-

¹¹ В. И. Ленин этот факт на основе обширного материала отметил (правда, говоря о второй половине XIX в.) в своей книге «Развитие капитализма в России».

Таблица 4

**Соотношение наделных, покупных и арендных земель в ардатовской вотчине
Голицыных в 1795 и 1845 гг.**

Показатели	Годы	Село Стек- сово	Село Писа- рево	Село Пят- ницкое	Дер. Балахо- ниха	Дер. Па- шутина	Всего
Дворов всего	1795	67	61	50	33	22	233
	1845	69	43	42	39	18	211
Наделной земли (в дес.)	1795	501	378	333	231	117	1560
	1845	460	316	292	212	61	1341
Покупной земли (в дес.)	1795	1194	564	8	—	—	1766
	1845	2023	315	41	24	22	2426
Земли, сдаваемой в аренду (в дес.)	1795	959	365,5	—	—	—	1324,5
Дворов, владеющих наделами	1795	62	56	46	32	22	218
%	1795	91,2	91,8	92	97	100	94,0
Дворов, владеющих наделами	1845	67	40	39	34	17	197
%	1845	97,1	93,0	92,8	87,1	94,4	93,0
Дворов, владеющих покупной землей	1795	22	32	2	—	—	56
%	1795	32,5	52,5	4	—	—	24,0
Дворов, владеющих покупной землей	1845	40	31	15	9	6	101
%	1845	58	72	35,7	23,1	33,3	48,0
Дворов, сдающих землю в аренду	1795	5	10	—	—	—	15
%	1795	7,4	16,4	—	—	—	6,5

ных земель и 94,3% земель, сдаваемых в аренду; в с. Писарево богатые хозяйства (13,1%) владели 48,6% покупной и 52% сдаваемой в аренду земли. Самый богатый в с. Стексове крестьянин Иван Макаров, имея 24 десятины наделной земли на 4 мужчин, владел 666 десятинами купленной земли, из которой 600 десятин отдавал в аренду «своим и сторонним крестьянам»¹², получая за это 3 тыс. руб. в год. Вместе с наделной землей оставшаяся в его личном пользовании земля составляла 90 десятин. Хозяйство Ивана Макарова было хорошо обеспечено скотом — в нем было 7 лошадей, 9 коров. Кроме того, Макаров имел два завода — маслобойный и салотопенный, вел обширную торговлю рыбой, оренбургским скотом, орехами, маслом. В целом его денежный капитал составлял 10 тыс. руб. Имея такое большое хозяйство, Иван Макаров силами одной лишь своей семьи (9 взрослых работников) не мог справиться со всеми работами, поэтому, естественно, должен был использовать и наемный труд. В хозяйстве этого крестьянина прослеживается зарождение предпринимательства в земледелии. Здесь мы видим не только куплю и аренду земли не от нужды, а в целях обогащения, торговые операции, но и вкладывание денежного капитала в производство¹³.

В связи с небольшими размерами наделной земли землю покупали иногда и крестьяне «последнего состояния», чтобы иметь возможность прокормить свою семью и уплатить помещичьи и государственные подати. Семья Ивана Антонова (однолошадный двор) в 7 человек (3 мужчин) имела 6 десятин надела, в дополнение к которым купила 2 десятины земли. Но и этого, видимо, было недостаточно, так как члены семьи Антонова вынуждены были работать «на масляных заводах»¹⁴. Подобные примеры можно продолжить.

В зависимости от количества земли, имевшейся у крестьян, находилось и их обеспечение хлебом. Только о самых зажиточных крестьянских дворах подворная опись 1795 г. сообщала, что они имели достаточно хлеба для прокормления семьи. Из 67 дворов с. Стексово только у 15 было «хлеба до нови достаточно», в с. Пятницком из 50 дворов таких было 6, в с. Писарево из 61 — 7, в дер. Пашутиной из 22 — 2, в дер. Балахониха из 33 — 3. О большей части дворов сказано, что «хлеба до нови недостаточно», «хлеба наличного не имеет, а довольствуется покупным», «хлеба своего по неурожаю не достаёт», «по неурожаю хлеб покупают».

Одни крестьяне, не будучи в состоянии прокормиться сельским хозяйством, другие — в целях накопления денежных средств, помимо земледелия, продолжают обращаться к неземледельческим занятиям. Беднейшие слои крестьянства нанимаются на работу на маслобойные и салотопенные заводы или работают у «богатых крестьян в работах», иногда занимаются промыслами и мелкой торговлей; более зажиточные торгуют и имеют промыслы в более широких размерах, а также организуют небольшие

¹² Конкретных сведений о том, у кого купил он землю и кому сдавал в аренду, нет.

¹³ ГИМ, ф. Голицыных, д. 2395, л. 22.

¹⁴ Там же, л. 56.

промышленные предприятия. Организация производства растительного масла и сала на своих, по выражению источника, «заводах» была новым по сравнению с 1778 г. явлением в экономическом развитии ардаатовской вотчины. К сожалению, описание крестьянских дворов не дает прямых или косвенных сведений об этих заводах, — отмечается лишь сам факт, что ими владели крестьяне. На использование на этих заводах наемных работников указывает то обстоятельство, что относительно некоторых крестьян в графе «занятие» сказано, что они «работают в масленных заводах»; таких дворов в ардаатовской вотчине насчитывалось в 1795 г. 31. Маслобойные и салотопенные «заводы», как об этом свидетельствует перечень строений крестьянских дворов, имели свое помещение. Например, на дворе богатого крестьянина Василия Федорова (с. Стексово) составители описи отметили «строение — избу..., горницу с подклетом, во дворе для скота мшаную избу, конюшню, сеницу, масленный завод»¹⁵.

Значительное распространение среди ардаатовских крестьян в 1795 г. имела торговля. Она велась на территории от Москвы и Петербурга до Оренбурга и Яика. Широкое распространение получила торговля «перекупленным разным хлебом». Голицынские крестьяне начали заниматься и ростовщичеством. В конце 1795 г. отмечена «отдача своего капитала в проценты». Крестьянин с. Писарева Иван Михайлов («первого состояния»), не занимаясь торговлей, наживался на ростовщичестве и объявил наличного капитала 2800 руб.¹⁶ Наконец, в сравнении с 1778 г. во всех селениях заметно уменьшилось число крестьян, занятых извозным промыслом, а в с. Стексове — крестьян-горшечников.

Занимаясь торговлей и промыслами, крестьяне владели денежными капиталами. Размеры объявленных во время описания денежных сумм различны — от 20 до 10 000 руб. Наиболее часто встречающиеся размеры денежного капитала — 50—300 руб. (табл. 5). Неравенство, глубокая дифференциация крестьян особенно резко проявляются в распределении денежных капиталов по группам хозяйств. Зажиточные крестьяне выступают владельцами наибольшей доли объявленных денежных сумм. В с. Стексове в 1795 г. 4—8-лошадные хозяйства владели 95,2% объявленных денег (21 200 руб.), в с. Пятницком 7 богатых крестьянских дворов владели в том же году 52,7% денег (см. табл. 1).

Приведенные выше показатели расслоения ардаатовских крестьян, свидетельствующие о начале формирования новых классов будущего капиталистического общества, возможно сопоставить с аналогичными показателями подворной описи 1845 г.

Переходя к анализу этой описи, отметим прежде всего некоторые ее особенности. Трудно объяснить тот факт, что почти все дворы (за исключением восьми) по всем селениям отнесены ко «второму состоянию», богатых же дворов («первого состояния») авторы описания не констатировали вовсе. Это тем более удивительно, что в 1814 г., если принять группировку тягол, применяемую в самом источнике, картина представляется иной (табл. 6). Что же могло за 30 лет столь радикально измениться в экономическом положении ардаатовских крестьян, чтобы они все стали среднестатейными? Представляется, что единообразие в определении состоятельности крестьянских дворов могло явиться результатом того, что за основу при этом был взят размер земельного надела. Во всяком случае, данные описи по отдельным дворам опровергают предположение о нивелировке крестьянских дворов.

Второе отличие подворной описи 1845 г. от описи 1795 г. заключается в почти полном отсутствии прямых указаний на работу по найму, в частности на маслобойных заводах. Несколько имеющихся прямых указаний на работу по найму, видимо, появилось случайно. Однако на самом деле наем должен был быть распространен весьма широко, если учесть хотя бы то обстоятельство, что количество местных маслобойных предприятий за 50 лет значительно возросло (с 19 до 36). Подтверждение того, что практика работы по найму была весьма распространенной, можно найти в хозяйственной переписи по с. Стексову. Далее, когда Голицыны, обеспокоенные тем, что ардаатовская вотчина уже несколько лет не приносит дохода¹⁷, указывали на необходимость применить самые строгие меры при взимании оброка, они в инструкции служителя А. А. Шорникову от 26 сентября 1842 г. предписывали «менее состоятельных» крестьян («состоятельные легко могут выполнить свою обязанность») «выслать на промышленность, посредством которой приобретали бы они деньги», других, «более безнадежных» в смысле исправного выполнения помещичьих и государственных повинностей, отдавать «в работники своим состоятельным крестьянам или на сторону за выгоднейшую плату и с таким всегда условием, чтобы не было даваемо им в руки денег прежде того, пока не заплачена будет господская и подушная в казну повинность»¹⁸.

Наемные работники использовались в большом числе для «сгона гуртов» из Оренбургской губернии и в Сибирь. Крестьяне более чем из 30% дворов (в дер. Пашутиной — 66,7%) нанимались «гуртоправами», получая за это денежное вознаграждение (в среднем один человек получал 150—300 руб.). В целом по вотчине удельный вес

¹⁵ ГИМ, ф. Голицыных, д. 2395, лл. 13—14.

¹⁶ Там же, л. 41.

¹⁷ За три года, к 1843 г., по вотчине числилось недоимки 52 554 руб. ассигнациями (ежегодно она должна была приносить 16 тыс. руб.).

¹⁸ ГИМ, ф. Голицыных, д. 2531, лл. 18, 119.

Размеры денежных капиталов у крестьян ардатовской

Селения	Всего дворов		В том числе объявивших капитал				Дворы, объявившие											
							1—50 руб.				51—100 руб.				101—300 руб.			
			в 1795 г.		в 1845 г.		в 1795 г.		в 1845 г.		в 1795 г.		в 1845 г.		в 1795 г.		в 1845 г.	
	в 1795 г.	в 1845 г.	дворов	%	дворов	%	дворов	%	дворов	%	дворов	%	дворов	%	дворов	%	дворов	%
Стексово	67	69	19	28,3	66	95,7	2	10,5	1	1,5	5	26,2	1	1,5	7	36,7	20	30,3
Писарево	61	43	25	24,5	42	97,7	3	12,9	—	—	9	36,0	—	—	6	24,0	7	16,6
Пятницкое	50	42	16	31,2	39	93,0	1	6,2	—	—	6	37,5	—	—	4	25,0	11	28,2
Балахониха	33	39	12	36,4	34	87,1	7	58,2	—	—	2	16,7	—	—	2	16,7	3	9
Пашутина	22	18	15	22,7	17	94,5	3	60,0	—	—	2	40,0	—	—	—	—	4	23,5
Всего	233	211	77	32,9	198	97,9	16	20,7	1	0,5	24	31,2	1	0,5	19	24,7	45	22,7

работы по найму среди других занятий крестьян возрос в 1845 г. до 38,4% против 23% в 1778 г. и 27% в 1795 г.

Нами в основу группировки крестьянских хозяйств в 1845 г., как и в предыдущих случаях, положена обеспеченность их лошадьми. Если в конце XVIII в. по сравнению с 1778 г. отмечалось сокращение средней группы крестьянства, то в середине XIX в. совершенно очевиден рост группы однолошадных и особенно безлошадных хозяйств за счет некоторых изменений в соотношении группы средних и группы богатых крестьян, бросается в глаза большая концентрация богатств у наиболее зажиточных слоев крестьянства. В Стексове, Писарево и Пашутиной безлошадные хозяйства в 1845 г. составляли свыше 27% всех дворов, причем в Писарево и Пашутиной безлошадные и однолошадные хозяйства составляли свыше 50%. Но здесь следует оговорить, что безлошадные и однолошадные хозяйства в этот период не абсолютно тождественны беднейшим слоям крестьянства. Хотя и весьма редко, но бывали случаи, когда хозяйство, не имеющее скота, наделной и покупной земли или имеющее минимальное количество их, по характеру промыслов и денежному капиталу выходило за рамки этой группы. Например, в безлошадном дворе Василия Крючкова (с. Стексово) было объявлено 1000 руб. денежного капитала, которые он, видимо, приобрел путем торговли; тот же источник дохода был, вероятно, у Матрены Губанихиной (с. Писарево), у которой, помимо 1000 рублей денег, было 60 десятин покупной земли, которую она отдавала в аренду; в однолошадном хозяйстве Ивана Зюзина был маслобойный завод и капитал в 650 руб.¹⁹ По сельскохозяйственным показателям подобные хозяйства относились к группе беднейших, но по неземледельческим занятиям стояли выше этой группы. В конце XVIII в. подобный разрыв еще не был заметен.

Группа безлошадных хозяйств в с. Стексове, будучи в 1845 г. довольно многочисленной (19 дворов из 69, или 27,6%), имела наиболее низкие показатели по обеспеченности скотом, земель, денежным капиталом. На долю безлошадных хозяйств приходилось 10,5% коров, 0,6% овец, 1,3% свиней, 15,3% кур, гусей и др., 14% наделной и 4,5% покупной земли, 11,0% общей суммы денежного капитала. Группа многолошадных хозяйств (имевших 4 и более лошадей), составляя 18,7% общего числа дворов, владела 53,5% лошадей, 36,6% коров, 53,4% овец, 42,2% свиней, 34% кур, гусей и др., 32,1% наделной и 76,2% покупной земли, 42,9% денежного капитала.

Размеры наделов в 1845 г. приблизительно оставались те же, что и в конце XVIII в. В Балахонихе и Пашутиной несколько увеличилось число хозяйств без надела (см. табл. 3). Кроме того, увеличилась (особенно значительно в Пашутиной — с 27,3 до 83,4%) доля хозяйств, имевших недостаточный земельный надел (до 2 десятин на душу мужского пола). В с. Пятницком доля этих хозяйств увеличилась с 20 до 28,6%.

Процент дворов, имевших по 3—4 десятины на душу мужского пола, по сравнению с 1795 г. увеличился, что могло произойти в связи с распределением тяглов по «состояниям» в зависимости от размеров надела. Увеличилось в 1845 г. также число хозяйств, вынужденных дополнительно к своим наделам покупать небольшие участки земли (см. табл. 4). В то же время вдова стексовского крестьянина-богатея Федора

¹⁹ ГИМ, ф. Голицыных, д. 2397, лл. 3 об. — 4, 20 об. — 21, 18 об. — 19.

Таблица 5

вотчины Голицыных в 1795 и 1845 гг.

капитал в пределах												Сумма объявленных капиталов (руб.)	
301—500 руб.				501—1000 руб.				1001—10 000 руб.					
в 1795 г.		в 1845 г.		в 1795 г.		в 1845 г.		в 1795 г.		в 1845 г.			
дворов	%	дворов	%	дворов	%	дворов	%	дворов	%	дворов	%	в 1795 г.	в 1845 г.
1	5,3	20	30,3	1	5,3	18	27,3	3	15,8	6	9,1	22 260	46 055
1	4,0	8	19,1	1	4,0	26	61,8	5	20,0	1	2,4	12 145	24 320
3	18,8	12	30,7	1	6,2	14	35,8	1	6,2	2	5,1	5 125	20 370
1	8,4	19	55,9	—	—	11	32,2	—	—	1	2,9	1 150	17 680
—	—	8	47	—	—	5	29,5	—	—	—	—	325	8 050
6	7,8	67	33,9	3	3,9	74	37,4	9	11,7	10	5,0	41 005	116 475

Таблица 6

Распределение тягол в ардатовской вотчине Голицыных по описи 1814 г.
(группировка документа)

Селения	Состояния						Итого	
	третьего		второго		первого			
	количе- ство тягол	%	количе- ство тягол	%	количе- ство тягол	%	количе- ство тягол	%
Стексово	55	32,7	57	34	56	33,3	168	100
Писарево	48	37,7	49,5	38,5	29,5	22,8	127	100
Пятницкое	46	44,6	57,5	55,4	—	—	103,5	100
Балахониха	39	42,4	50,5	54,4	3	3,2	92,5	100
Пашутина	14	33,8	22	53	5,5	13,2	41,5	100
Всего по вотчине	202	38,2	236,5	44,1	94	17,7	532,5	100

Грошева Наталья имела 1117 десятин купленной земли, которую она отдавала в аренду, получая 8500 руб. в год²⁰.

Если в конце XVIII в. размеры капиталов у имевших таковые крестьян чаще всего составляли 50—300 руб., то в XIX в. — 300—1000 руб. В конце XVIII в. самый высокий процент дворов, владеющих денежным капиталом, был в дер. Балахонихе и составлял 36,4%, а в середине XIX в. капиталом владело около 98% дворов ардатовских крестьян. Это свидетельствует о товаризации земледельческих и неземледельческих занятий, распространении работы по найму с денежным вознаграждением.

Итоговые данные в целом по вотчине свидетельствуют приблизительно о том же направлении социально-экономического развития — углублении расслоения ардатовского крестьянства, товаризации сельского хозяйства. Эти данные показывают, что к 1845 г. в вотчине увеличилась группа безлошадных хозяйств (с 11 до 23,7%), причем вместе с однолошадными дворами беднейшая часть крестьянства составляла 51,2%. Доля скота, находившегося во владении богатых крестьян, несколько увеличилась. В землепользовании на протяжении изучаемого времени произошли следующие изменения: сократилась доля крестьянских дворов, владевших наибольшими участками наделной земли (свыше 4 десятин на душу мужского пола), одновременно увеличилось число дворов, в которых на душу мужского пола приходилось от 3 до 4 десятин. К 1845 г. несколько снизился процент крестьянских дворов, владевших наделом. В то

²⁰ ГИМ, ф. Голицыных, д. 2397, лл. 8 об. — 9.

же время увеличилось количество дворов, имевших покупную землю. В середине XIX в. денежными капиталами владели не только богатые крестьяне, как в XVIII в., а все группы крестьянских хозяйств, но наибольшая их доля приходилась по-прежнему на наиболее зажиточные дворы.

Что касается сводных данных о занятиях ардатовских крестьян, то на протяжении изучаемого времени наблюдается сокращение роли торговли и неземледельческих промыслов, не связанных с сельским хозяйством, при возрастании роли торговли и промыслов, связанных с сельским хозяйством. Увеличилось за это время количество дворов, занимавшихся работой по найму.

В итоге следует сказать, что происходившие на протяжении изучаемого периода изменения не укладываются в рамки простого имущественного неравенства. Тенденции в развитии социально-экономических отношений свидетельствуют о зарождении качественно новых отношений среди крепостного крестьянства, из которого начинают формироваться новые типы сельского населения, т. е. идет процесс формирования классов будущего буржуазного общества.

С. С. Лукичев

СОСТОЯНИЕ ОСНОВНЫХ ОТРАСЛЕЙ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В АЛТАЙСКОМ ГОРНОМ ОКРУГЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В первой половине XIX в. Алтайский горный округ включал в себя почти всю юго-западную часть Сибири. В него входили территория современного Алтайского края, районы Восточно-Казахстанской области, расположенные по правую сторону Иртыша, большая часть Новосибирской области, Кузбасс и южные районы Томской области. Все это громадное пространство, самое плодородное во всей Сибири, богатое ценнейшими полезными ископаемыми, являлось собственностью первых помещиков России — царей. Управление округом осуществлялось из Петербурга Кабинетом е. и. в., а на месте — горным начальством Алтайских (Колывано-Воскресенских) заводов.

Местное крестьянство было, за небольшим исключением, еще в XVIII в. приписано к заводам и обязано нести барщину, заключающуюся главным образом в перевозке руды, угля, флюсов и заготовке дров. Заводская барщина являлась тяжелой, самой разорительной для крестьян повинностью. Даже по подсчетам горного начальства, заводская работа, приходившаяся в 1841—1850 гг. на одну ревизскую душу приписных крестьян, обходилась им в среднем ежегодно в 7 руб. 60 коп. серебром¹. Хотя Кабинет рассматривал приписанных к заводам крестьян не как «государственных», а как «государевых», относил их, следовательно, в разряд крепостных, они не только выполняли заводские повинности, но и платили, как все государственные крестьяне, оброчную подать.

Развитие сельского хозяйства в Алтайском горном округе сковывалось не только чрезмерной тяжестью повинностей, обременявших крестьян, но и другими факторами, также обусловленными господством в округе крепостничества. В Алтайский горный округ в первой половине XIX в. не притекали переселенцы из Европейской России и других районов Сибири. После массовых приписок местного крестьянства во второй половине XVIII в. к заводам вольная колонизация округа почти совершенно прекратилась. Боязнь оказаться приписанными к заводам заставляла беглых из Европейской России искать для поселения другие места в Сибири. Закрыта была территория округа и для правительственной колонизации, в частности для основания на ней поселений государственных крестьян.

Сельскохозяйственное население Алтайского горного округа в продолжение всей первой половины XIX в. увеличивалось почти исключительно за счет естественного прироста. По данным ревизий, численность приписных крестьян росла следующим образом:

Ревизии	6-я	7-я	8-я	9-я	10-я
Число ревизских душ	84 064	86 955	112 262	137 071	145 565

На территории Алтайского горного округа запрещалось кому-либо возводить предприятия, «требующие огненного действия»², и это являлось, по существу, непреодолимой преградой для развития в округе частной промышленности. Этот момент весьма отрицательно сказывался и на развитии сельского хозяйства, так как суживал внутренний рынок для сбыта сельскохозяйственных продуктов.

¹ ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 19, д. 748, лл. 182—183.

² ПСЗ, т. XXX, № 29124.

Особенно тяжело отражалась на развитии сельского хозяйства существовавшая в округе монополия заводов на покупку продуктов земледелия и скотоводства. Она была введена вскоре же после перехода заводов и рудников в собственность императрицы Елизаветы Петровны. Уже в 1748 г. из канцелярии Колывано-Воскресенских заводов за подписью Бэра вышел указ, которым строго предписывалось приказчикам и старостам объявить всем крестьянам, чтобы «оные провианту в посторонние места, кроме заводов, приезжавшим из других ведомств людям без ведома здешней канцелярии не продавали под опасением за то жестокого наказания»³.

Приписные крестьяне обязывались поставлять хлеб и фураж на заводы и рудники по заранее установленным канцелярией горного начальства ценам. Продажа провианта и скота за пределы округа купцам или комиссионерам губернского и военного ведомств могла производиться только с особого разрешения горного начальства. Разрешение давалось обычно после того, как заводы обеспечивали себя необходимым количеством продуктов. Правда, после ревизии Сперанского указы, прямо запрещающие продажу хлеба и скота за пределы Алтайского горного округа, уже не встречаются. Но фактически прежняя политика запрета свободной торговли сельскохозяйственными продуктами, особенно хлебом, продолжалась. Канцелярия горного начальства всегда могла принять нужные меры, чтобы воспрепятствовать продаже необходимых для заводов продуктов сельского хозяйства за пределы округа.

Приведем один характерный пример. В 1847 г. крестьянин с. Белоярского Яков Чанцов заключил подряд с Омской полевой провиантской комиссией о поставке в Томский магазин 1506 четвертей хлеба. Для отправки хлеба нужно было построить барку, и для этого Чанцов нанял крестьянина того же села Прокопия Азовцева. Земский управитель, узнав, что Чанцов закупает хлеб по 85 и более копеек за пуд, немедленно сообщил об этом горному начальству; в своем сообщении он указал, что скупка хлеба Чанцовым подрывает заготовку его для заводов. Горное начальство распорядилось: скупку хлеба Чанцову разрешить, но постройку барки из заводского леса запретить. Для Чанцова создалось безвыходное положение, так как доставка хлеба в Томск сухопутным путем потребовала бы непосильных для него расходов. В результате срок поставки был им просрочен, все его имущество было описано, и он разорился⁴.

Главными отраслями сельского хозяйства в Алтайском горном округе являлись земледелие, скотоводство и пчеловодство.

Преобладающей формой землепользования, благодаря существовавшему в округе многоземелью, была «захватная», или «вольная». В 1858 г., по данным горного правления, хлебопахотные угодья крестьянских общин составляли 5 898 538 десятин. На одну ревизскую душу приходилось более чем по 40 десятин, не считая земель, находившихся под покосами и выгонами⁵. Однако под посевами находилось менее 1/19 части годных под обработку земель. В первой четверти XIX в. свободных, никем не обрабатываемых земель в округе было еще больше.

Недостаток земель, пригодных для земледелия, в отдельных общинах не приводил еще в первой половине XIX в. к переделам. Крестьяне малоземельных общин переселялись в многоземельные общины или на свободные, не занятые земли, которых в горном округе было немало, и основывали на них новые поселения. В рассматриваемый период в округе возникли десятки новых деревень. Все они, за немногими исключениями, были основаны крестьянами, вышедшими из старых поселений «по малоимению в них хлебопахотных и сенокосных угодий»⁶.

В этой связи никак нельзя согласиться с Л. И. Светличной, относящей господство передельной общины в Западной Сибири уже к первой четверти XIX в.: «Община здесь была передельной (земля перераспределялась в соответствии с количеством душ мужского населения)»⁷. В архивных источниках мне не удалось встретить ни одного указания, которое свидетельствовало бы о существовании переделов хлебопахотных угодий в крестьянских общинах Алтайского горного округа. Даже во второй половине XIX в. не только в горном округе, но и в уездах Томской губернии, не входивших в него, господствовала «захватная» форма землепользования⁸.

Господствующими системами земледелия в Алтайском горном округе являлись переложная (залежная) и залежно-паровая. Однако трудно более или менее точно определить, какое место занимала каждая из них.

³ Государственный архив Томской области (далее — ГАТО), ф. 521, оп. 1, д. 2, л. 417.

⁴ Государственный архив Алтайского края (далее — ГААК), ф. 19, оп. 1, д. 122, лл. 140—205.

⁵ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 838, лл. 543—545.

⁶ Только за Бийской линией в начале века (по 1817 г.) возникло 17 новых поселений (ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 523, лл. 312—313).

⁷ Л. И. Светличная. К вопросу об экономическом развитии Сибири в первой четверти XIX века. — «Ученые записки Тюменского гос. пед. ин-та», т. V, кафедра истории, вып. 2, 1958, стр. 142.

⁸ С. А. Чудновский. Алтайская поземельная община. — «Северный вестник», 1888, № 9—11; В. Г. Бажаев. О системах земледелия в Томской губернии. Томск 1896; Алтай. Историко-статистический сборник, под ред. П. А. Голубева. Томск 1890; А. А. Кауфман. Крестьянская община в Сибири. СПб. 1897.

Переложная система земледелия могла существовать только в общинах, имевших значительный фонд целинных земель. Знаток крестьянского хозяйства на Алтае Мамонтов подсчитал, что при 5-летней непрерывной обработке земли и последующем 15-летнем ее отдыхе необходимо иметь на 1 десятину посева 3,2 десятины целины или хорошо отдохнувшей залежи. При том же сроке обработки, но при увеличении времени отдыха до 20 лет, на 1 десятину посева требуется уже иметь 4,2 десятины целины или хорошо отдохнувшей залежи⁹. Там же, где удобных для пашни целинных земель становилось недостаточно, крестьяне переходили к залежно-паровой системе, при которой обработка чередовалась с паром. При этой системе выпаханые участки забрасывались на отдых, как правило, на более короткие сроки, чем при залежной, потому что недостаток целины заставлял крестьян пускать залежь в обработку, не дожидаясь полного восстановления плодородия почв.

В лесистых районах, где открытых, пригодных для пашни участков не хватало, крестьяне прибегали к подсеке. Но в дальнейшем на освобожденном от леса пространстве вводилась в оборот залежно-паровая система. Очистка лесных участков под пашню требовала значительных трудовых затрат и была под силу только состоятельным, обычно многочисленным по своему составу крестьянским семьям.

Хорошо известно, что в общем процессе развития земледелия переложная система предшествует трехпольной. Однако, как свидетельствуют факты, иногда переход от переложной системы к трехполью мог приостанавливаться и начинался обратный процесс, при котором переложная система вытесняла трехполье и снова становилась господствующей. Именно такой процесс имел место в юго-западной Сибири в XVIII в.

На первых пашнях, заведенных русскими крестьянами в Томском уезде, преобладала переложная система полеводства. Однако уже во второй половине XVII в. стало господствовать трехполье¹⁰. Быстрый переход от переложной системы к трехполью обуславливался двумя причинами. Во-первых, русское земледелие в Томском уезде в XVII в. развивалось в таежной полосе, где пригодных для распашки земель было мало. Во-вторых, из-за частых набегов южных кочевников под пашню могли использоваться только земли, расположенные вблизи от острогов и других укрепленных пунктов. Последнее обстоятельство еще больше ограничивало и без того незначительный фонд удобных для хлебопашества земель.

В XVIII в., однако, положение коренным образом изменилось: границы Российского государства были отодвинуты далеко на юг, угроза набегов была ликвидирована. В сельскохозяйственный оборот поступили обширные лесостепные и степные просторы юго-западной Сибири. В условиях возникшего многоземелья трехпольная система теряла свое преимущество перед переложной, и местное крестьянство стало от нее отказываться. Переложная и залежно-паровая системы позволили обходиться без затрат, связанных с удобрением полей навозом, и получать с единицы обработанной площади более высокий урожай, чем при применении трехполья. К началу XIX в. на всем пространстве Томской губернии, за исключением Нарымского края, где удобных для хлебопашества земель было крайне мало, переложная и залежно-паровая системы полеводства являлись господствующими. Вероятно, происходивший в XVIII в. процесс вытеснения трехполья переложной и залежно-паровой системами не ограничился территориями Томской губернии, но имел место и в некоторых районах Тобольской губернии.

Главными орудиями обработки почвы на этой территории являлись соха и бороны. Соха употреблялась двух видов — бесколесная, называемая крестьянами «рогалюхой», «косулей», «староверкой», и соха с колесным передком, известная под именем «колесухи». Источники не позволяют сказать, насколько широко была распространена «колесуха» в начале XIX в., но, очевидно, к 30-м годам она стала главным орудием пахоты и в некоторых волостях совершенно вытеснила из употребления менее совершенную бесколесную соху. По донесениям Белярской, Тальменской, Чумышского и Верхчумышского волостных правлений, относящимся к 30-м годам, бесколесная соха применялась, но редко, только в Верхчумышской волости, в остальных же крестьяне пользовались исключительно «колесухой»¹¹.

Устройство «колесухи» было несложным, и все ее части, за исключением сошников, изготовлялись самими земледельцами. Корпус сохи — «рассоха» — выделялся из прочной древесины, главным образом березовой. Внизу он оканчивался двумя выступами — «ногами», на которые надевались железные сошники, а в верхнюю его часть врубался «рогаль», с помощью которого пахарь управлял сохой. В нижней же части корпуса сбоку прикреплялся отвал — «шебала». С осью передка соха соединялась деревянным брусом — «стрелой» — и двумя железными цепями (часто — просто иеревками). В «колесуху» впрягали от двух до четырех лошадей, и за день ею вспахивали от 5 до 10 загонов в 200 сажень каждый¹².

Борона употреблялась также двух видов — с железными и деревянными зубьями. Первая была в два раза производительнее второй: если бороной с железными зубьями

⁹ ГАТО, ф. 3, оп. 48, д. 40, л. 68.

¹⁰ З. Я. Бояршинова. Развитие русского земледелия в Томском уезде в XVII в. — Материалы по истории земледелия СССР, сб. I. М. 1952, стр. 277—278.

¹¹ ГААК, ф. 19, оп. 1, д. 24, лл. 21—31.

¹² Там же.

обычно можно было обработать до $\frac{1}{2}$ десятины (6 загонов), то бороной с деревянными зубьями — только до $\frac{1}{4}$ десятины (3 загона).

Замена устаревших сельскохозяйственных орудий новыми, более производительными затруднялась недостатком и дороговизной железа. Крестьяне нередко вынуждены были обращаться в волостные правления с просьбами ходатайствовать перед горнозаводским начальством об отпуске «железных веществ» для изготовления сох, кос, топоров и других орудий труда, так как на местном рынке железо достать было невозможно¹³.

Из полевых культур главное место отводилось зерновым (табл. 1¹⁴). На первом месте по величине посевной площади стояла озимая рожь. Озимая пшеница сеялась в редкие годы и в незначительных размерах. Из яровых хлебов наибольшую посевную площадь занимали яровая рожь (ярица), пшеница, овес, затем ячмень, горох, просо, полба, гречиха. Из других культур сеялись лен, конопля, мак и картофель.

Т а б л и ц а 1

Структура посевных площадей в Алтайском горном округе
(в % к общей посевной площади)

Культуры	1815 г.	1820 г.	1823 г.	1838 г.	1851 г.	1854 г.
Все зерновые	95,3	96,1	95,2	95,1	93,4	93,3
в том числе:						
озимые (оз. рожь)	38,4	29,4	29,4	29,0	27,7	27,1
яровые	56,9	66,7	65,8	66,1	65,7	66,2
из них:						
ярица	22,1	20,1	19,0	17,9	19,8	19,9
пшеница	16,5	23,0	24,7	22,3	19,3	19,7
овес	12,0	15,5	13,9	18,4	17,3	17,5
ячмень	4,4	6,2	6,3	4,6	6,2	5,9
горох	1,1	1,4	1,3	1,8	2,0	2,0
прочие зерновые	0,8	0,5	0,6	1,1	1,1	1,1
Другие культуры	4,7	3,9	4,8	4,9	6,6	6,8
И т о г о	100	100	100	100	100	100

Как видно из таблицы 1, в течение сорокалетнего периода в соотношении сельскохозяйственных культур в Алтайском горном округе не произошло существенных изменений. Посевы проса, полбы и гречихи, которые в таблице включены в «прочие зерновые», несмотря на некоторый рост к концу 30-х годов, оставались крайне незначительными. В 1854 г., например, под просом было занято $3358\frac{3}{4}$ десятины, под полбой — $590\frac{1}{2}$ и под гречихой — 72 десятины.

Картофель стал входить в широкое употребление довольно поздно. В 1815 г. во всем округе его было посеяно... $\frac{1}{4}$ десятины. За 1821—1830 гг. среднегодовой сбор картофеля составлял 82 четверти. Только начиная с 40-х годов посевы этой культуры становятся значительными.

Из огородных культур повсеместное распространение имели капуста, огурцы, лук, морковь, редька, брюква, свекла. Кроме того, некоторые крестьяне, особенно в южных волостях, выращивали бахчевые — тыквы, дыни, арбузы.

В нормах высева по отдельным волостям наблюдались значительные расхождения. По свидетельствам крестьян, на 1 десятину (2400 кв. сажен) высевалось (пудов): озимой ржи в Малышевской и Бурлинской волостях — 10, Усть-Каменогорской, Колыванской, Убинской — 8, Чингинской — 7,5, Кулундинской — 6,5; ярицы в Малышевской и Кулундинской — 12,5, Усть-Каменогорской и Убинской — 12, Бурлинской — 15, Колыванской — 13, Чингинской — 11; яровой пшеницы в Усть-Каменогорской, Колыванской, Убинской — 12, Бурлинской — 18, Малышевской — 15, Кулундинской — 13, Чингинской — 11; овса в Кулундинской и Чингинской — 14, Малышевской и Бурлинской — 12, Колыванской и Убинской — 20, Усть-Каменогорской — 16,5; ячменя в Убинской, Кулундинской, Чингинской, Бурлинской — 10, Колыванской — 20, Усть-Каменогорской — 16,5, Малышевской — $12,5^{14a}$.

¹³ ГААК, ф. 197, оп. 1, д. 12, л. 39.

¹⁴ Таблица составлена на основании данных о посевных площадях (ЦИИАЛ, ф. 468, оп. 19, д. 326, лл. 48, 49; д. 438, лл. 38—39; оп. 20, д. 958, лл. 7, 8; ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 2503, лл. 39—40, 237—238; ГАТО, ф. 3, оп. 19, д. 256, л. 51).

^{14a} ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 1500, лл. 200—205.

Большие трудности возникают при выяснении динамики посевов и сборов сельскохозяйственных культур. Впервые по всему округу сведения о посевах и сборах хлебов Кабинет предписал собирать в 1813 г.¹⁵, но в архивных источниках их удалось обнаружить лишь за период начиная с 1815 г. Собирались эти сведения первоначально в волостных правлениях на основании показаний крестьян и затем доставлялись земским управителям. От последних сведения поступали в канцелярию горного начальства, где составлялись сводные таблицы по всему округу, которые посылались в Кабинет. Сведения эти чрезвычайно приблизительны, и на основании их можно делать выводы лишь самого общего характера (табл. 2¹⁶).

По данным отчетов, в период 1815—1841 гг. земледелие в Алтайском горном округе почти не развивалось. Прирост посевных площадей был незначительным и отставал от прироста народонаселения. Если в 1815—1818 гг. в среднем ежегодно засеивалось 167 591 десятина, то в 1838—1841 гг. среднегодовой посев увеличился до 180 439 десятин. Однако в расчете на душу мужского населения посевная площадь за этот период уменьшилась с 1,93 до 1,62 десятины¹⁷.

Начиная с 1842 г. отчеты показывают резкое увеличение посевных площадей. В сравнении с 1841 г. они увеличились в 1842 г. на 33,6%, в 1843 г. — на 59,3% и в 1844 г. — на 69,4%. Однако увеличение посевных площадей, показанное в отчетах, не было следствием начавшегося подъема земледелия. Такого резкого скачка в развитии в крае сельского хозяйства, конечно, быть не могло. Просто земские управители стали сообщать «более оптимистические» сведения о состоянии посевов¹⁸.

Вступивший в 1841 г. в должность главного начальника Алтайских горных заводов С. П. Татаринов во время объезда обратил внимание на упадок земледелия и рост цен на хлеб. Решив добиться его подъема в кратчайший срок, он в сентябре того же года предписал земским управителям: «...внушив состоящим в заведывании вашем крестьянам о пользе распространения хлебопашества, объявить им, чтобы в следующем 1842 г. посев хлебов против 1841 г. был непременно увеличен одною десятиною на каждую рев. душу, и таким образом распространяя постепенно хлебопашество прибавлением ежегодно по одной засеянной десятине на душу, довести оное до такой степени, чтобы впоследствии причиталось в посевах ржаного и ярового хлеба, как-то: ржи, ярицы, овса и ячменя на каждую рев. душу не менее четырех десятин, кроме пшеницы, картофеля, конопли и прочего»¹⁹. Земские управители, конечно, пользовались почти ничем не ограниченной властью над личностью крестьянина, но заставить однолошадных и безлошадных крестьян распахивать по четыре с лишним десятины и им было не под силу. В то же время необходимо было показать, что воля вышестоящего начальства выполняется, и земские управители обратились к припискам.

Анализ отчетов о посевах и сборах сельскохозяйственных культур за период 1842—1861 гг. заставляет обратить внимание на любопытную особенность: посевы и особенно сборы озимой ржи росли значительно медленнее, чем яровых. Если среднегодовой посев озимой ржи увеличился с 62 813 четвертей в 1837—1841 гг. до 92 820 четвертей в 1856—1861 гг., то среднегодовой посев яровых возрос, соответственно, с 210 707 до 392 451 четверти. Прирост посевов озимой ржи составил 47,8%, а яровых — 86,2%²⁰. В то же время по сравнению с предыдущим периодом резко уменьшилась урожайность озимой ржи: она составляла (в «самах») в 1817—1821 гг. — 6,4, в 1822—1826 гг. — 5,8, в 1827—1831 гг. — 5,4, в 1832—1836 гг. — 7,3, в 1837—1841 гг. — 5,4, в 1850—1851, 1853—1855 гг. (за 1852 г. данных нет) — 4,1, в 1856—1860 гг. — 4,0. В результате снижения урожайности прирост сборов озимой ржи оказался значительно меньшим, чем прирост ее посевов. Среднегодовой сбор озимой ржи вырос с 335 988 четвертей в 1837—1841 гг. до 376 573 четвертей в 1856—1860 гг., т. е. всего на 12%, между тем как среднегодовой сбор яровых увеличился за тот же период с 897 002 до 1 642 777 четвертей, т. е. более чем на 83%. Таким образом, после 1841 г. прирост сбора хлебов, по показаниям отчетов, происходил почти исключительно за счет яровых.

Чем объяснить такую громадную разницу между приростами сбора яровых хлебов и озимых? Здесь можно высказать только предположение. Урожайность озимых,

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 20, д. 964, л. 1.

¹⁶ При составлении таблицы использованы архивные данные (ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 20, д. 958, лл. 7—8; д. 964, лл. 7—8; д. 999, лл. 8—9, и др.; ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 2196, лл. 395—396; д. 2007; ф. 2, оп. 5, д. 1321, лл. 179—180; ф. 9, оп. 1, д. 81, и др.; ГАТО, ф. 3, оп. 19, д. 290, лл. 53—54; д. 311, лл. 41—42; д. 325, лл. 39—40; оп. 4, д. 125, лл. 66, 240, и др.).

¹⁷ Количество мужского населения вычислено на основании среднегодового его прироста между ревизиями.

¹⁸ Н. З о б н и н. Приписные крестьяне на Алтае. — Алтайский сборник, вып. I. Томск 1893, стр. 54.

¹⁹ ГААК, ф. 2, оп. 5, д. 1123, лл. 10—11.

²⁰ В 1837—1841 гг. данные о посевах и сборах яровых включали также данные по картофелю и техническим культурам, но так как посевы и сборы последних были невелики, то включение их в расчет не могло и менее значительной степени повлиять на полученные результаты.

Таблица 2

Посев и сбор сельскохозяйственных культур в Алтайском горном округе
в первой половине и середине XIX в.

Годы	Всего посеяно (дес.)	Посеяно в четвертях		Собрано в четвертях	
		озимых	яровых	озимых	яровых
1815	150 529 $\frac{3}{8}$	64 607	155 442	316 747	482 872
1816	158 042 $\frac{1}{4}$	57 612	143 614	402 966	705 583
1817	178 971	68 074	167 699	420 661	647 075
1818	182 822	64 893	160 081	443 543	586 100
1819	—	63 462	165 119	418 729	603 074
1820	181 123 $\frac{1}{3}$	58 987	175 044	356 932	786 119
1821	175 700 $\frac{1}{4}$	54 187	182 536	343 724	753 810
1822	180 636	52 333	190 493	313 647	651 153
1823	184 298	52 846	184 964	330 209	953 652
1824	—	54 310	190 853	221 384	620 478
1825	166 635 $\frac{1}{2}$	47 378	177 055	305 204	822 894
1826	181 834	41 958	190 654	271 375	969 687
1827	187 062	46 239	204 892	285 347	1 021 627
1828	189 277 $\frac{3}{4}$	41 559	200 895	242 093	830 547
1829	182 148	43 011	195 690	247 878	802 228
1830	171 859	41 860	189 345	157 537	429 791
1831	135 178	44 321	135 195	243 362	454 589
1832	151 743 $\frac{1}{4}$	58 699	131 719	426 403	387 798
1833	164 342	70 170	140 570 $\frac{3}{4}$	524 134	642 164 $\frac{3}{4}$
1834	175 540	70 776	156 499	541 781	837 479
1835	198 520 $\frac{3}{8}$	69 260	197 835	503 833	939 945
1836	207 648 $\frac{1}{4}$	65 833	223 120	436 585	1 396 991
1837	215 334 $\frac{3}{8}$	65 289	238 707	378 889	1 177 034
1838	212 430 $\frac{1}{4}$	60 812	242 859	264 056	745 240
1839	182 799	57 310	195 353	330 194	790 893
1840	187 171	63 634	194 947	390 137	840 476
1841	182 192	67 032	181 668	316 665	1 009 574
1842	243 391 $\frac{3}{8}$	67 208	287 459	435 883	1 761 894
1843	290 320 $\frac{1}{4}$	81 230	340 348	437 572	1 518 490
1844	308 738	87 127	538 040	474 740	1 825 821
1845	318 129 $\frac{3}{8}$	88 995	370 682	422 480	1 307 367
1847	—	90 569	368 113	493 591	1 799 898
1851	344 572 $\frac{3}{4}$	97 127	399 079	370 068	1 965 454
1855*	379 474	98 791	407 176	448 537	1 892 609
1856*	—	96 078	409 874	417 498	1 970 717
1857*	—	92 120	384 304	276 956	1 192 266
1858*	308 864 $\frac{3}{4}$	95 074	381 679	342 273	1 533 813
1859*	327 309	88 636	384 570	387 331	1 515 413
1860*	—	92 144	401 827	461 571	2 001 675
1861*	290 048 $\frac{1}{2}$	84 883	385 413	327 418	1 405 324

* За 1855—1861 гг. посев и сбор в четвертях дается только по хлебам, без картофеля и технических культур.

если верить цифрам тогдашней статистики, снизилась, в то время как урожайность яровых не уменьшалась. По-видимому, население считало поэтому более выгодным расширять посевы яровых хлебов, тем более что среди них более половины приходилось на продовольственные культуры.

Увеличение закупок хлеба заводами вело к росту недоимки его за крестьянами. В 1857 г., когда недоимка по поставкам хлеба накопилась за несколько лет, горное правление, чтобы усилить рвение земских управителей, отдало распоряжение прекратить выдачу им жалования до тех пор, пока в заводские магазины не будет поставлен весь закупленный хлеб²¹. В то же время земским управителям было снова предписано: «Приложить полное усердие и возможное старание к усилению в вверенных им отделениях засева и строго наблюдать, чтобы от засева хлеба крестьяне ни под какими предлогами не уклонялись...»²². Земские управители стали отбирать у крестьян, не имевших посева или имевших, по их мнению, недостаточный посев, подписку о том, что первые будут его непременно иметь, а вторые увеличат посев. Однако главному начальнику заводов этого показалось недостаточно, и 11 апреля 1860 г. он приказал: «Объявить нерадивым, что если они в течение настоящего лета не будут заниматься хлебопашеством без уважительных причин..., то с наступлением осени, по уборке хлеба, будут взяты в заводскую работу на первый раз по несколько человек с каждой волости»²³.

Как свидетельствуют окладные книги и другие документы, основную массу беспосевных составляли безлошадные или малолошадные хозяйства. По сведениям земских управителей, относящимся к 1859 г., в Ильинской волости из 117 крестьян, не имевших посева, 83 не занималось хлебопашеством «по бедному состоянию», в Бочатской волости из 84 беспосевных крестьян почти все «находятся в работниках у зажиточных крестьян»²⁴. В волостях, расположенных вдоль Московского тракта и вблизи от заводов и рудников, процент беспосевных крестьян был значительно больше, чем в волостях, удаленных от этих мест. Для многих крестьян этих волостей, в том числе и зажиточных, основным источником существования и дохода становились извоз и выполнение заводских работ по найму, запашки же они нередко не имели совершенно. О большом удельном весе беспосевных хозяйств в указанных волостях убедительно свидетельствуют соответствующие данные по Белоярской и Ояшинской волостям за 1859 г. (табл. 3²⁵). В этих волостях, особенно в Ояшинской, среди беспосевных хозяйств было немало и таких, которые имели по 20 и более лошадей.

Таблица 3

Беспосевные хозяйства в Белоярской и Ояшинской волостях в 1859 г.

Названия волостей и деревень	Всего хозяйств	Хозяйств, не имевших посева
Белоярская волость	986	313
в том числе в деревнях:		
Чесноковка	97	40
Бобровка	21	10
Кислуха	24	14
Повалиха	72	31
Гоньбина	48	25
Ояшинская волость	899	378
в том числе в деревнях:		
Бибеево	24	15
Дубровино	55	52
Ташеринская	33	25
Чучулинская	19	14
Проскокова	33	16
Варюхина	66	53
Алаева	25	23
Калтайская	18	13
Кондинская	9	7

Урожайность хлебов в Алтайском горном округе была выше, чем в Европейской России. Здесь уже приводились данные об урожайности озимой ржи за длительный период. Урожайность яровых зерновых хлебов, а следовательно, и всех хлебов из-за

²¹ ГАТО, ф. 421, оп. 1, д. 36, лл. 153—154.

²² ГААК, ф. 19, оп. 1, д. 16, лл. 75—76.

²³ Там же, лл. 118—119.

²⁴ Там же, лл. 87—89, 91—92.

²⁵ Там же, д. 171; ф. 13, оп. 1, д. 36.

Урожайность зерновых культур в Алтайском горном округе (в четвертях с десятины)

Культуры	1815 г.	1816 г.	1817 г.	1822 г.	1823 г.	1851 г.
Все зерновые	5,5	7,2	6,2	5,6	7,2	6,8
в том числе:						
озимая рожь	5,5	7,1	6,9	6,2	6,1	3,9
яровые	5,5	7,3	5,7	5,2	7,7	8,0
из них:						
яровая рожь	5,7	7,7	5,6	5,3	6,8	7,3
яровая пшеница	5,0	6,8	5,2	4,9	7,4	7,6
овес	6,0	7,5	6,7	6,1	9,8	10,4
ячмень	5,9	7,8	6,3	5,0	7,4	6,9
горох	3,7	4,8	5,2	3,4	4,5	4,8
просо	3,6	2,1	1,1	4,7	3,1	1,3
полба	9,5	10,0	5,2	3,4	14,8	9,2
гречиха	5,5	6,8	0,18	0,5	—	—

отсутствия данных, к сожалению, удалось определить только за немногие годы (табл. 4²⁶).

Более высокую урожайность в Алтайском горном округе в сравнении с Европейской Россией можно объяснять наличием годных к обработке девственных земель. В то время как в Европейской России при господстве трехпольной системы выпашанные участки давали из года в год низкие урожаи, в юго-западной Сибири крестьяне при снижении урожайности могли забрасывать выпашанное поле и переходить к обработке целины или отдохнувшей залежи. Вместе с тем следует отметить, что урожайность сельскохозяйственных культур в округе, как и в Европейской России, на протяжении всей первой половины XIX в. колебалась в одних и тех же пределах. Этот факт свидетельствует о том, что культура земледелия в округе развивалась чрезвычайно медленно.

Низкий уровень культуры земледелия обуславливал зависимость урожая от погодно-климатических условий. Неурожаи в Алтайском горном округе были нередким явлением. Особенно низким был урожай в 1811—1813 гг., когда цена пуда ржаной муки иногда превышала 3 руб. Долго в памяти алтайских крестьян оставались и неурожайные 1830—1831 годы. Во многих волостях тогда не удалось собрать даже затраченного на посев зерна. Земский управитель доносил, что в Алтайской, Енисейской, Бийской и Барнаульской волостях лишь 3—5 человек из ста питались хлебом, остальные в пищу употребляли лебеду, карлык, березку и другие травы. В царской вотчине в Сибири, несмотря на наличие громадных просторов целины, трудящиеся умирали от голода так же, как и в Европейской России.

Скотоводство в Алтайском горном округе, как и земледелие, носило экстенсивный характер. Скот был беспородным и малопродуктивным. С ранней весны до поздней осени он находился в поле на подножном корму, а в южных волостях лошади паслись в степи и зимой.

В крестьянском хозяйстве скотоводство играло более значительную роль, чем земледелие. В окладных книгах можно часто встретить крестьянские хозяйства, имевшие по 30, 40 и более лошадей и такое же количество крупного рогатого скота и овец, зато хозяйства с запашкой в 30—40 десятин встречались очень редко. Среди отдельных видов скота на первом месте по численности стояли лошади, затем шли овцы и рогатый скот. Кроме того, в некоторых волостях крестьяне занимались свиноводством. В 1819—1838 гг. в среднем на одну душу приписных крестьян мужского пола приходилось: лошадей — 2,4 головы, крупного рогатого скота — 2,0 и овец — 2,2 головы.

Преимущество, которое отдавалось крестьянами скотоводству перед земледелием, по-видимому, объясняется следующими причинами. Прежде всего, затраты труда в скотоводстве были ниже, чем в земледелии; они заключались главным образом лишь в заготовке сена на зиму. Крестьяне притрактовых селений, основным занятием которых был извоз, нередко совершенно переставали заниматься земледелием, но продолжали разводить крупный рогатый скот и овец не только для собственного потребления, но

²⁶ При составлении таблицы использованы архивные данные (ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 20, д. 958, лл. 7—8; д. 964, лл. 7—8; ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 1849, л. 37; д. 2007; д. 2503, лл. 131—132, 237—238; ф. 2, оп. 5, д. 1321, лл. 179—180).

и на продажу. Во-вторых, хотя в торговле скотом также имелись ограничения, но они не были такими строгими, как в торговле хлебом. Потребность заводов в продукции скотоводства была невелика, и основную массу товарной продукции крестьяне могли продавать по рыночным ценам.

Отсутствие данных о поголовье скота в Алтайском горном округе до 1819 г. и в 40-е годы не позволяет воссоздать точную картину развития скотоводства за весь рассматриваемый период. В 20-х и 30-х годах поголовье скота в округе не росло даже в абсолютных размерах (табл. 5²⁷). За период с 1819 по 1841 г. максимальный уровень

Таблица 5

Поголовье скота у приписных крестьян Алтайского
горного округа

Годы	Лошади	Рогатый скот	Овцы	Свиньи
1819	276 443	226 434	227 898	. . .
1820	268 348	229 733	228 067	. . .
1821	283 973	226 116	243 505	. . .
1822	272 681	212 048	228 903	. . .
1823	261 084	200 503	207 140	. . .
1824	256 304	195 587	207 707	. . .
1825	246 251	192 727	212 108	. . .
1826	250 531	200 431	221 045	. . .
1827	260 098	206 893	217 777	. . .
1828	268 965	211 090	209 598	. . .
1829	238 163	192 160	201 708	. . .
1830	234 280	188 211	177 780	. . .
1831	225 751	188 982	190 679	. . .
1832	220 612	184 176	198 986	. . .
1833	211 017	177 158	192 777	. . .
1835	223 098	200 090	235 294	. . .
1836	235 958	219 380	261 232	. . .
1837	250 987	234 189	271 354	. . .
1838	253 692	239 490	272 969	. . .
1839	259 265	244 023	274 354	. . .
1841	259 459	224 409	224 297	. . .
1850	277 521	249 016	. . .	. . .
1851	326 000	277 916	296 412	. . .
1853	. . .	339 898	276 618	. . .
1855	380 038	330 281	317 656	110 693
1858	379 282	323 118	262 836	101 817
1859	405 075	338 135	310 441	128 542
1860	396 429	314 694	302 252	104 880
1861	392 136	250 370	324 082	108 331

поголовья лошадей имел место в 1821 г., по поголовью крупного рогатого скота уровень этого года был превзойден лишь в 1837 г., а по поголовью овец — в 1836 г. В 50-х годах абсолютные размеры стада превзошли наивысший уровень 20—30-х годов, но по количеству скота, приходившемуся на душу мужского пола, уровень 1819—1822 гг. не был достигнут и в эти годы. Вместе с тем следует отметить, что упадок скотоводства, очевидно, не был таким значительным, как это считает Н. Е. Рогозин, который, не приводя никаких конкретных данных и не ссылаясь на источники, утверждает, что «количество скота в округе уменьшилось к концу первой половины XIX в. в два раза по сравнению с 1820 г.»²⁸. Как показывают данные таблицы 5, минимальные размеры стада относятся к 1833 г., но и тогда оно составляло не менее 80,9% от уровня 1820 г. Правда, в таблице отсутствуют сведения о поголовье скота за 1842—1849 гг., но вряд ли за 8 лет оно могло сократиться до указанных Рогозиным размеров и затем в

²⁷ Таблица составлена на основании архивных данных (ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 2314; ф. 2, оп. 5, д. 833, лл. 516, 561; ф. 9, оп. 1, д. 81; ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 19, д. 531, лл. 58, 75; д. 790, лл. 42—43; д. 817, лл. 27—28; д. 846, лл. 56—58).

²⁸ Н. Е. Рогозин. Некоторые вопросы экономического развития Западной Сибири после отмены крепостного права. — «Ученые записки Белорусского гос. ун-та им. В. И. Ленина», 1957, вып. 1 (38), стр. 56.

1850—1851 г.г. превзойти уровень 1820 г. Нужно также иметь в виду малую достоверность тогдашней статистики скота, не дающую возможность делать достаточно обоснованные выводы.

Особенно сильно поголовье скота уменьшалось в неурожайные годы. Кроме того, большой урон скотоводству наносили частые эпизоотии. В отдельные годы они уничтожали десятки тысяч голов скота. Так, в 1829 г. пало 44 316 голов, в 1858 г. — 24 531, в 1860 г. — 39 336 и в 1861 г. — 68 353 головы скота²⁹. Эпизоотии являлись для крестьян не менее страшным бедствием, чем неурожай. Нередко в результате эпизоотий отдельные селения оставались совершенно без скота.

Скот и продукты скотоводства не только удовлетворяли потребности крестьянского хозяйства, но и в значительных размерах шли на продажу. Рогатый скот из горного округа ежегодно отправлялся в Томск, города Восточной Сибири, на золотые прииски. Кожа и сало сбывались на Ирбитской ярмарке. Лошади продавались не только в селения, лежавшие по Московскому тракту, на золотые прииски, но и в ряд губерний Европейской России, главным образом в Пермскую и Казанскую.

В отличие от земледелия и скотоводства пчеловодство в Алтайском горном округе развивалось быстрыми темпами, особенно в первой четверти XIX в.

До 80-х годов XVIII в. Сибирь своего пчеловодства не знала; мед привозился из далекой Европейской России и стоил очень дорого. Один из современников сообщал, что еще в 1800 г. кузнецкие купцы покупали мед на Ирбитской ярмарке³⁰. Начало пчеловодству в Сибири было положено комендантом Усть-Каменогорской крепости полковником Аршеневским. В 1785 или 1786 г.³¹ он выписал несколько ульев пчел из Башкирии и основал вблизи Усть-Каменогорска первую на Алтае и в Сибири пасеку. После того как пасека расширилась, Аршеневский продал часть ульев крестьянам и казакам окрестных деревень и форпостов. Пчеловодство стало быстро распространяться по всей территории Алтая, а затем и за его пределами. В начале XIX в. пасеки существовали уже и в окрестностях Томска³², а вскоре алтайский мед появился на Ирбитской ярмарке. В 1812 г. крестьяне Ульбинского и Феклисского форпостов отправили на Ирбитскую ярмарку около 2 тыс. пудов меда, качество которого было признано высоким. С этого времени сибирский мед стал успешно конкурировать с медом, привозимым из Башкирии и Казанской губернии. По данным Алтайского горного правления, в 1825 г. у приписанных к заводам крестьян насчитывалось более 89 тыс. колодок³³.

Таким образом, на протяжении приблизительно четверти века пчеловодство превратилось в одну из важнейших отраслей сельского хозяйства Алтайского горного округа. В последующие два десятилетия пчеловодство развивалось медленно, и только около 1850 г. темпы его роста снова стали значительными:

	1827 г.	1831 г.	1833 г.	1835 г.	1839 г.	1841 г.	1846 г.	1851 г.
количество колодок	88 696	106 570	109 551	116 454	90 722	98 208	117 706	201 625

Следует оговориться, что размеры пчеловодства в Алтайском горном округе не ограничивались только что приведенными цифрами. Кроме крестьян, пчеловодством занимались также купцы, чиновники и мещане, нередко имевшие очень крупные пасеки. Быстрое и широкое распространение пчеловодства являлось прежде всего следствием высокой товарности и сравнительно низкой себестоимости его продукции. Спрос на мед на сибирском рынке был большим, так как сахар в первой половине XIX в. в Сибири стоил очень дорого. Торговля медом и воском не подвергалась таким ограничениям со стороны заводского начальства, как торговля продуктами земледелия и животноводства. Низкая себестоимость продукции пчеловодства обеспечивалась наличием в округе значительных пространств незапаханных земель с обилием дикорастущих медоносных трав. Центрами пчеловодства на протяжении всей первой половины XIX в. были южные волости. Особенно много пчеловодческих хозяйств имелось в волостях Бийского округа. Здесь в 1825 г. на один крестьянский двор приходилось колодок с пче-

²⁹ ГААК, ф. 2, оп. 5, д. 833, лл. 28, 58, 537; д. 1321, л. 182.

³⁰ Рукопись «Памятная историческая записка или летопись о городе Кузнецке», л. 20 (Библиотека Томского гос. университета, № 783).

³¹ И. Овсянник, автор главы «Колонизация и переселенческое дело» в сборнике «Алтай», допускает ошибку, утверждая (стр. 329), что Паллас еще в 1771 г. видел пасеки у раскольников Бухтарминского края. Паллас писал лишь о желании местных жителей завести пасеки (см. П. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, т. II, кн. 2. СПб. 1786, стр. 218).

³² ПСЗ, т. XXVII, № 20976.

³³ В этом году в округе насчитывалось 30 146 дворов приписных крестьян.

лами³⁴: в Крутоберезовской волости — 33,0, Бухтарминской — 21,3, Усть-Каменогорской — 14,2, Алтайской — 13,3. Основная масса меда и воска производилась в крупных пчеловодческих хозяйствах, носивших ярко выраженный товарный характер. Путешественники, побывавшие в южных волостях Алтайского горного округа в первой половине XIX в., отмечали, что некоторые крестьяне имели пасеки, насчитывавшие 1000 и более колодок³⁵. В окладных книгах, наиболее точно фиксирующих состояние крестьянских хозяйств, нам не встречались упоминания о таких огромных пасеках, но нередко отмечаются пасеки, имевшие 300, 400 и даже 500 колодок.

Крупные пасеки держали зажиточные крестьяне некоторых волостей Кузнецкого округа. В то же время были волости, где пчеловодство так и не получило развития.

³⁴ ГААК, ф. 9, оп. 1, д. 81.

³⁵ К. Риттер. Землеведение Азии, т. III. СПб. 1860, стр. 106; Ю. А. Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, ч. 2. СПб. 1854, стр. 306; А. Принц. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии. — «Записки Русского географического общества», т. I, 1867, стр. 572.

Б. Г. Плющевский

СОЦИАЛЬНОЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ВЯТСКОЙ ДЕРЕВНИ В 40—50-Х ГОДАХ XIX В.

Зарождение буржуазных отношений в сельском хозяйстве дореформенной России в отдельных районах нашей страны давало о себе знать по-разному. Этот процесс имел отчетливо выраженные особенности там, где помещичье землевладение почти отсутствовало и феодальная эксплуатация выступала в несколько смягченной форме, т. е. в районах, где большинство земледельческого населения составляли государственные крестьяне.

Настоящая статья посвящена характеристике социальных и хозяйственных сдвигов, происходивших в последние предреформенные десятилетия в одном из таких районов — Вятской губернии¹.

На жизнь вятской деревни в 1840—1850-х годах накладывали свой отпечаток два определяющих фактора — абсолютное численное преобладание государственных крестьян над всеми остальными категориями крестьянского населения и большая степень вовлечения крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения, значительный хлебный экспорт по Северной Двине и ее притокам в Архангельский порт и по Камско-Волжскому речному пути в центральные районы страны и далее, вплоть до Петербурга.

Государственные крестьяне составляли в 40—50-х годах немногим более 90% крестьян Вятской губернии. Удельный вес их в отдельные годы несколько колебался, но в общем оставался близким к указанному проценту. В абсолютных цифрах население вятской «казенной деревни» в 1843 г. составляло 598 тыс., а в 1856 г. — 725 тыс. ревизских душ. Помещичье землевладение встречалось в юго-западном углу губернии, в Яранском и изредка в Уржумском и Малмыжском уездах. В хозяйственной жизни края оно было малозаметной величиной. К 1861 г. помещичьи крепостные составляли менее 4% крестьян Вятской губернии, а посев на помещичьих землях равнялся лишь 2,5% всего посева по губернии. Более значительную группу представляли собой крестьяне удельного ведомства, жившие преимущественно в Сарапульском уезде, где находились также две волости (Завьяловская и Юськинская), крестьяне которых еще в 1807 г. были перечислены в разряд «непрерывных работников» Ижевского завода. Вот и все «островки», выделявшиеся среди моря «казенных» волостей.

Основная масса вятского крестьянства в 40—50-х годах была подведомственна Министерству государственных имуществ и испытывала на себе последствия системы «казенного попечительства», осуществлявшейся в эти годы. Нет надобности повторять здесь общую оценку реформы П. Д. Киселева, которую дал и убедительно аргументировал в своей монографии Н. М. Дружинин². О последствиях практики «казенного попечительства» в условиях Вятской губернии будет сказано далее. Пока же следует отметить, что, несмотря на тяжесть денежных и трудовых повинностей, возложенных на его плечи казной, на притеснения и беззакония со стороны чиновничества, вятский крестьянин все же обладал некоторой, разумеется ограниченной, свободой распоряжаться своей рабочей силой и имуществом и являлся почти единственным поставщиком товарного хлеба на территории губернии.

По свидетельству экономиста В. П. Безобразова, писавшего, правда, в 60-х годах, но зафиксировавшего явления, характерные и для предыдущих десятилетий, Вятская

¹ В работе использованы материалы следующих архивов: Государственного архива Кировской области — ГАКиО (ф. 575 — Губернская палата госимуществ, ф. 574 — канцелярия губернатора, ф. 386 — Губернский статистический комитет), Центрального государственного исторического архива в Ленинграде — ЦГИАЛ (ф. 1281 — Совет министров, отчеты губернаторов) и Государственного архива Удмуртской АССР — ГАУдм (ф. 1840 — фонд Ижевского завода).

² Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. II. М. 1958.

губерния играла в хлебной торговле северо-востока России выдающуюся роль. «В производстве ржи и в отношении собственно к этому хлебу, а отчасти также и к овсу и к заграничному вывозу их — Вятский край играет первостепенную роль, не уступающую своей важностью никаким другим краям России... Вся деятельность Архангельского порта по хлебной торговле обеспечена преимущественно производительностью Вятского края», — утверждал Безобразов³. Следует учесть, что вывоз через Архангельск в 1840—1850-х годах колебался в пределах 3,6—6% всего хлебного экспорта России⁴.

Степень товарности хозяйства вятских крестьян в конце 1850-х годов можно определить довольно точно.

На основании обработки цифрового материала, приводимого в отчетах губернаторов, средний годовой сбор хлебов (озимых и яровых) по Вятской губернии определяется в 7,8 млн. четвертей для десятилетия с 1841 по 1850 г. и в 8,4 млн. четвертей — для 1851—1860 гг.⁵ Основная масса товарного хлеба, вывозившегося за пределы губернии, скупалась крупными купцами-оптовиками у более мелких гуртовщиков на главных ярмарках губернии, находившихся в уездных городах или неподалеку от них, причем наибольшие обороты имела Дымковская ярмарка (возле Вятки) и Алексеевская (в гор. Котельниче). По данным губернского статистического комитета, за 1858 г. на этих ярмарках было куплено до 1 млн. 450 тыс. четвертей зерна⁶. Неземледельческого населения в губернии в конце 50-х годов насчитывалось около 120 тыс. человек: в 1859 г. в городах было 72 тыс. жителей (включая расквартированные в губернии воинские команды), а число оторвавшихся в основном от земледелия кадровых рабочих Ижевского, Воткинского заводов и других металлургических предприятий составляло (вместе с семьями) примерно 50 тыс. человек. Если определить душевое потребление в 2 четверти хлеба в год (официальная норма, безусловно минимальная), то количество товарного хлеба, находившего сбыт внутри губернии, для конца 50-х годов составит 240 тыс. четвертей. Учитывая, что какая-то доля вывозившегося за пределы губернии хлеба, пускай незначительная, скупалась и на мелких ярмарках, можно считать, что на продажу шло свыше 1 млн. 700 тыс. четвертей хлеба. Сопоставив эту цифру с цифрой среднегодового сбора хлеба по губернии за 50-е годы (8,4 млн. четвертей), придем к выводу, что товарный хлеб составлял в Вятской губернии в конце 50-х годов примерно 20% всего сбора хлебов. Приблизительную достоверность этого подсчета подтверждает свидетельство хорошо осведомленного современника — агронома Б. Любанского, считавшего, что у вятских крестьян, за вычетом потребляемого хлеба и посевного материала, оставалось до 2 млн. 500 тыс. четвертей хлеба, частично шедшего на бытовое винокурение, но в основном — на продажу в зерне.

Степень товарности земледелия давала заметные колебания по уездам. Приведем данные по Глазовскому уезду за 1857 г.⁷:

	четвертей	%
собранный урожай	1 521 796	100
на продовольствие для населения		
и на корм скоту	557 035	36,8
на засев полей	463 825	30,5
в запасные магазины	2 344	0,1
остаток	498 590	32,6

Хлебные излишки, образовавшиеся в Глазовском уезде, почти целиком поступали на продажу в Вятку, Слободской, Нолинск, на винокуренные и металлургические заводы. Если исходить из приведенных данных, то оказывается, что товарность крестьянского хозяйства в Глазовском уезде была выше, чем по губернии в целом.

Мобилизацию товарного хлеба осуществляли «гуртовщики» — богатые крестьяне-скупщики. Они скупали хлеб у крестьян близлежащих волостей и доставляли его на ярмарки. Здесь хлеб переходил в руки более крупных купцов, комплектовавших караваны барж с хлебными грузами (на Вятке и Каме) или обозы, доставлявшие товар на Ношульскую пристань (на р. Лузе в Вологодской губернии), откуда он шел по течению Северной Двины в Архангельский порт. По свидетельству Безобразова, гуртовщики наживали в год на хлебной торговле до 70% на затраченную сумму. Значительные масштабы этих операций не только создавали основу для возникновения отдельных

³ В. П. Безобразов. Хлебная торговля в Северо-Восточной России (в Камском бассейне и Приуральском крае). СПб. 1870, стр. 21.

⁴ А. Семенов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII в. по 1858 г. СПб. 1859, стр. 64.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 11 и 695 (отчеты вятских губернаторов за соответствующие годы).

⁶ ГАКирО, ф. 386, оп. 17, д. 546.

⁷ В. Шестаков. Глазовский уезд. — «Вестник Русского географического общества», 1859, № 8, стр. 116.

крупных состояний, но и ускоряли процесс расслоения вятской деревни в целом. Сравнительно высокая степень товарности хозяйств вятских государственных крестьян, отсутствие помещика в качестве поставщика хлеба на рынок несомненно содействовали этому процессу.

Не вся масса крестьян в одинаковой мере вовлекалась в товарное земледелие. Хорошо разбиравшийся в экономике Вятского края Б. Любанский утверждал, что наиболее тесно были связаны с ярмарками и торжками богатые домохозяева.

Отдельные свидетельства об имущественном неравенстве среди крестьян вятской деревни и даже факты эксплуатации крестьянского труда в хозяйстве богатого односельчанина можно найти в документах не только начала XIX, но и второй половины XVIII в. Однако обобщенного материала, который относился бы к периоду до начала 1850-х годов, по этому вопросу не сохранилось. Зато для середины XIX в. материалы губернского статистического комитета освещают его достаточно обстоятельно. В 1855 г. труд наемных работников применялся в 32 520 из общего числа 356 212 крестьянских хозяйств губернии, т. е. приблизительно в 9%⁸. Указанную цифру следует сопоставить с данными о распределении конского поголовья, которые, правда, могут быть приведены лишь относительно государственных крестьян губернии. В 1859 г. из 290 тыс. крестьянских хозяйств безлошадных было 15 302, однолошадных — 65 016, двухлошадных — 185 111, с тремя и более лошадьми — 25 000⁹. Таким образом, удельный вес крепких хозяйств с числом лошадей 3 и более составлял в 1859 г. примерно 9%, причем этот процент совпадает с процентом крестьянских хозяйств, применявших наемный труд. То обстоятельство, что в первом случае процент выведен применительно ко всем крестьянским хозяйствам губернии, а во втором — лишь к хозяйствам государственных крестьян, существенной роли не играет, поскольку государственные крестьяне составляли подавляющее большинство крестьянского населения Вятской губернии.

Далеко зашедшее имущественное расслоение определяло и уровень сельскохозяйственной техники, применявшейся различными группами вятского крестьянства. В целом крестьянское хозяйство в 40—50-х годах характеризовалось отсталыми приемами обработки земли и животноводства. Основными сельскохозяйственными культурами были рожь и овес, в меньшей степени — лен. Наряду с сельскохозяйственными орудиями, характерными для крестьянского хозяйства центральных районов страны, у вятских крестьян встречались еще более примитивные. Во многих волостях (как с русским, так и с нерусским населением) употреблялся, например, «сабан» — плуг облегченного типа, которым удобно было пользоваться при наличии плохо расчищенной из-под леса сильно кочковатой или болотистой почвы, но который взрыхлял землю лишь на незначительную глубину. Часто встречались бороны с деревянными зубьями, изготовленные без применения хотя бы единого гвоздя.

Несмотря на то что Министерство государственных имуществ располагало в Вятской губернии значительными земельными резервами (площадь «казенных лесов» в 1850 г. превышала 1400 тыс. десятин), крестьяне страдали от малоземелья, так как разрешение на расчистку «казенного леса» давалось лишь изредка и неохотно. Средняя норма душевого надела по губернии на всем протяжении первой половины XIX в. неуклонно снижалась. В документации Вятской губернской палаты государственных имуществ различался ряд категорий крестьянской земли — «удобная», «малоудобная» и «крайне неудобная». Статистическая обработка отчетов этой палаты за 1851—1859 гг.¹⁰ приводит к выводу, что средняя норма душевого надела для этого десятилетия, считая все категории земель, составляла 7,3 десятины при официально признанном «нормальном» наделе — 15 десятин, тогда как еще в 1820 г. «душевой» надел был близок к 8 десятинам. Если же исключить земли «крайне неудобные», то средний душевой надел для 50-х годов будет составлять около 6 десятин. В 1856 г. наделное землевладение крестьян за вычетом земель этой последней категории равнялось 4 354 222 десятинам, при 725 463 ревизских душах населения, подведомственного губернской палате государственных имуществ. Норма надела государственных крестьян Вятской губернии была выше, чем у государственных крестьян многих других губерний¹¹, однако и она была явно недостаточной, если учесть технический уровень крестьянского хозяйства и низкое качество почв на территории губернии¹². В 1834 г. губернатор Корнилов вынужден был признать в своем отчете, что принятая раньше характеристика Вятской губернии, как «благополучной» в отношении норм крестьянского земледелия, не соответствует действительности.

Норма душевого надела по уездам давала значительные колебания. Сохранились

⁸ ГАКирО, ф. 386, оп. 17, д. 505, л. 50.

⁹ Там же, ф. 575, оп. 21, д. 435, л. 62.

¹⁰ Там же, ф. 575, оп. 21 (отчеты Вятской палаты государственных имуществ за соответствующие годы).

¹¹ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. II, стр. 578.

¹² В большинстве уездов — серый суглинок, и только на юге губернии имелись несколько более плодородные красно-глинистые почвы.

следующие данные, относящиеся к 1839 г. (приводимые средние нормы в десятинах включают все категории земель)¹³:

Вятский уезд	— 8	Глазовский уезд	— 7
Слободской уезд	— $5\frac{1}{2}$	Яранский уезд	— 9
Котельнический уезд	— 6	Сарапульский уезд	— $8\frac{1}{2}$
Орловский уезд	— $6\frac{1}{2}$	Елабужский уезд	— $8\frac{1}{2}$
Нолинский уезд	— 7	Малмыжский уезд	— $9\frac{1}{2}$
Уржумский уезд	— $6\frac{1}{3}$		

Более подробный анализ архивных материалов показывает, что зачастую норма душевого надела давала сильные колебания и в пределах одного уезда. Характеристику отдельных волостей с этой точки зрения можно найти в некоторых отчетах губернской палаты государственных имуществ¹⁴. При этом бросается в глаза, что волости, охарактеризованные в целом как «зажиточные» и «достаточно обеспеченные землей», выделяли в ряде случаев значительное число отходников, в частности бурлаков. Между тем крепкий, преуспевающий хозяин — фигура отнюдь не типичная для части крестьянства, вовлекавшей в отхожие промыслы. Следовательно, и в «благополучных» волостях уровень хозяйства отдельных крестьян давал заметные колебания: по соседству с «крепким» крестьянином жил такой, для которого бурлацкая лямка была единственным средством прокормить себя и свою семью.

На неудовлетворительном уровне находилось и животноводство. Обеспеченность вятских крестьян скотом была несколько выше, чем у крестьян ряда других губерний, но плохие условия содержания скота, отсутствие заготовленных кормов и утепленных зимних помещений приводили к вырождению местных пород. Мясной и молочный скот был малопродуктивным. По свидетельству современников, качество имевшей раньше хорошую репутацию вятской породы лошадей постепенно снижалось. По данным отчетов губернской палаты государственных имуществ, поголовье крестьянского скота по губернии в конце 50-х годов колебалось в пределах 1300—1400 тыс. голов крупного и 1500—1600 тыс. голов мелкого скота, т. е. на ревизскую душу приходилось около 2 голов крупного и несколько более 2 голов мелкого скота¹⁵.

О низком уровне крестьянского хозяйства в Вятской губернии и об отсутствии в нем прогрессивных сдвигов на протяжении 40—50-х годов XIX в. свидетельствуют данные таблицы 1¹⁶.

Т а б л и ц а 1
Урожай в вятской деревне в 40—50-х годах XIX в.

Годы	Зерно на посев (яровое и озимое) в четв.	Собранный урожай	
		в четв.	в «самах»
1841	2 236 072	6 931 823	3,1
1842	2 543 051	7 629 152	3
1843	2 202 966	6 444 625	2,9
1844	2 401 713	7 925 652	3,3
1845	2 651 712	8 485 478	3,2
1846	2 405 290	8 622 345	3,6
1847	2 700 316	8 100 948	3
1848	2 633 019	4 739 434	1,8
1849	2 655 407	8 762 843	3,3
1850	2 833 754	11 335 016	4
1851	3 837 552	10 215 187	3,6
1852	2 810 091	9 161 459	3,3
1853	2 795 041	7 526 114	2,8
1854	2 831 415	8 494 240	3
1855	2 909 589	9 087 823	3,1
1856	2 001 107	6 013 321	3
1857	2 900 712	8 122 003	2,8
1858	2 883 516	9 227 251	3,2
1859	2 751 310	8 250 936	3
1860	2 851 321	8 268 830	2,9

¹³ ГАКиРО, ф. 575, оп. 21, д. 32, л. 56.

¹⁴ Там же, дела 548, 603, 701.

¹⁵ Вильсон считал, что в 1850 г. на 100 крестьян в Вятской губернии приходилось лишь 40 голов крупного рогатого скота (И. И. Вильсон. Объяснение к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. СПб. 1851, стр. 399), но он заблуждался.

¹⁶ Таблица составлена на основании данных отчетов губернской палаты государственных имуществ за соответствующие годы (ГАКиРО, ф. 575, оп. 21).

Средний годовой урожай по десятилетиям равнялся: с 1841 по 1850 г. — сам-3,24, с 1851 по 1860 г. — сам-3,06 и был несколько ниже общероссийского, составлявшего, по данным П. И. Лященко, сам-3,6¹⁷.

Размер годового посева на ревизскую душу в 40—50-е годы не проявлял общей тенденции к повышению, давая колебания по отдельным годам от 3,6 до 4 четвертей на душу.

Если говорить о вятской деревне в целом, возможность существенного хозяйственного прогресса исключалась всей совокупностью условий, в которые был поставлен вятский крестьянин. В обстановке обострявшегося кризиса крепостнической системы даже относительно более легкая форма феодальной эксплуатации, характерная для «казенной деревни», оказывалась несовместимой с прогрессивными нововведениями. Борьба с чересполосицей, переселение крестьян из наиболее малоземельных вездов в сравнительно благополучные, а также за пределы губернии — в Западную Сибирь, попытки распространения новых сельскохозяйственных культур (за исключением только картофеля) — все эти мероприятия администрации осуществлялись в ничтожных размерах и практически не имели значения. Кадастр в губернии так и не был введен. Зато вятский крестьянин вполне реально и каждодневно ощущал тяжесть увеличившихся денежных поборов и трудовых повинностей, в первую очередь наиболее тяжелой — дорожной. Крестьяне отвлекались на ремонт почтовых трактов и других дорог, притом зачастую на участки, отстоявшие на 50—70 и более верст от места их жительства. Откупиться от вызова на такую работу можно было лишь посредством значительной взятки. При сборе подушной и оброчной податей, несмотря на крутые меры властей, из года в год накапливалась недоимка. Практика «казенного попечительства» терпела здесь крах — так же, как и в других районах страны.

На этом фоне, однако, отчетливо выделялась тяга к хозяйственным нововведениям со стороны зажиточной прослойки вятской деревни. Эта часть крестьян старалась использовать программу «казенного попечительства» в своих интересах и не только откликалась на мероприятия властей, но и во многих случаях проявляла собственную инициативу. Делались попытки расширить ассортимент сельскохозяйственных культур. Отчеты губернской палаты и губернаторов упоминают о таких сортах ржи, как «кустовая» и «вазская», о гималайском ячмене, об арабском овсе на землях «рачительных» хозяев. Кустовая рожь в условиях Вятской губернии давала по сравнению с обычным сортом вдвое больший урожай. Значительно расширился у богатых крестьян посев «тимopheевой травы». Наиболее существенным новшеством следует считать распространение картофеля, почти неизвестного в Вятской губернии до конца 30-х годов, причем, в отличие от других новых культур, картофель был освоен не только в хозяйстве зажиточной верхушки. В 1859 г. сбор картофеля составил по губернии 237 587 четвертей¹⁸. Многие из богатых крестьян стали заниматься переработкой картофеля на муку и крахмал. Довольно широко развернулось паточное производство. В документах зафиксированы 9 паточных заводов, принадлежавших крестьянам (возможно, их было больше), на которых применялся наемный труд.

Зажиточные крестьяне стали проявлять интерес и к усовершенствованным типам сельскохозяйственных орудий. В их хозяйствах находили применение одноконный плуг, «брабантская борона», «кочкорез» и особые приспособления для корчевания пней, особые плужки для окучивания картофеля. Для молотбы хлеба у «исправных хозяев» вместо обычных круглых вволились особые четырехполосные молотилки, что значительно сокращало время обмолачивания.

С начала 50-х годов в Вятке проводились губернские сельскохозяйственные выставки¹⁹. На выставке 1854 г. четверо вятских государственных крестьян — Кривошеин, Медведев, Шишкин и Хитрин получили награды за сконструированные ими механизмы: Кривошеин — за модель турбинной мельницы. Хитрин — за модель сенокосной машины. Медведев и Шишкин — за «американский плужок» и пропашиник. В отчетах Вятской губернской палаты государственных имуществ неоднократно отмечалось прилежание вятских крестьян, их «перемчивость» ко всему новому, полезному в хозяйстве. Администрация, ведавшая «казенной деревней», с 1845 г. открыла особые склады для продажи сельскохозяйственных орудий крестьянам. Склады эти находились в Глазове, Слободском, Котельничке, Малмыже, Орлове и Сарапуле. Кроме того, продажа сельскохозяйственного инвентаря через посредство агентов этих складов производилась на крупных ярмарках губернии, в частности на Алексеевской. В 1846 г. в Котельничском уезде было продано 102 усовершенствованных сельскохозяйственных орудий (плужки, бороны), в Глазовском — 91, в Орловском — 46, в Сарапульском — 20²⁰.

Инициаторами технических нововведений иногда были и малоимущие крестьяне, но реализовать их могла только зажиточная верхушка. В 1846 г. вятский государ-

¹⁷ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. М. 1947, стр. 522.

¹⁸ ГАКирО, ф. 386, оп. 105, д. 117, л. 27.

¹⁹ Некоторые из перечисленных здесь хозяйственных нововведений уже отмечались в литературе (см. Н. М. Дружинин. Конфликт между производительными силами и производственными отношениями накануне реформы 1861 г. — «Вопросы истории», 1954, № 7, стр. 62; е го ж е. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. II, стр. 241, 242 и др.).

²⁰ ГАКирО, ф. 386, оп. 105, д. 247, л. 6.

ственный крестьянин Ступицин показывал агроному Старцеву модель придуманной им усовершенствованной молотилки. При этом выяснилось, что сам Ступицин свое изобретение не использовал, а продал его зажиточному крестьянину Севастьянову²¹.

Государственный крестьянин Максимов несколько раз получал награды и похвальные отзывы за экспонированные им на выставках образчики высококачественного ячменя, овса и ржи. Максимов вел хозяйство на 60 десятинах земли, используя их под пашню, сенокос и под большой фруктовый сад. Энергичным пропагандистом хозяйственных улучшений был государственный крестьянин Яранского уезда Д. Санников. Он требовал замены серпа косой, убеждал в необходимости завести молотилки и веялки, сожалел, что плуг и железная борсна еще редко встречаются в вятской деревне. Санников постоянно ссылался на примеры из собственной практики. Его выступления в местной печати («Вятские губернские ведомости») относятся к середине 60-х годов, но наблюдения, которыми он оперировал, несомненно, захватывали и предыдущее десятилетие²².

Зажиточные крестьяне пытались повысить породность своего скота и конского поголовья. Через посредство органов администрации «казенной деревни» они приобретали племенной скот в Вологодской, Архангельской и Воронежской губерниях. Закупки производились на основе заявок, поступавших от крестьян в окружные правления, ведавшие государственными крестьянами в пределах уезда. Приобретался крупный рогатый скот холмогорской породы, овцы романовской породы. Постепенно сложился круг поставщиков-контрагентов Вятской палаты государственных имуществ в операциях по покупке скота. Так, например, помещик Борисоглебского уезда Воронежской губернии Гаврилов в начале и середине 50-х годов ежегодно поставлял в Вятскую губернию гурты в несколько десятков овец романовской породы²³. Обобщенных цифровых данных об этих сделках в масштабе губернии документы не дают. Во всяком случае количество закупаемого скота было, по-видимому, недостаточно для того, чтобы сколько-нибудь заметно повысить уровень животноводства по губернии в целом.

В южных уездах, главным образом в Елабужском и Сарапульском, отчасти — Уржумском, в 40—50-х годах заметную роль начинает играть плодородное садоводство, ранее здесь почти неизвестное²⁴. В Уржумском уезде большими плодовыми садами владели крестьяне Максимов, Бушков и Шамин. В саду крестьянина Сарапульского уезда Мошкина было 160 яблонь и 40 вишневых деревьев. В Елабужском уезде разведением яблонь занимались крестьяне Котловки, Свиных Гор и Костенева. Жители каждого из названных сел выручали от плодового садоводства более 300 рублей серебром в год. Среди крестьян пригородных волостей широко распространилось огородничество, причем некоторые из них поставляли свой товар на городские рынки в таком количестве, что старались обзавестись там собственными лавками. Следует предположить, что крестьяне этой категории прибегали к найму работников, так как силами крестьянской семьи вести хозяйство подобного масштаба едва ли было возможно.

Существенной статьей в хозяйстве крестьян некоторых уездов было пчеловодство, как пасечное, так и «дикое», лесное. Последний вид преобладал в хозяйстве удмуртов и марийцев. В 1850-е годы объем пчеловодства несколько сократился, так как увеличение числа пачочных и сахарных заводов привело к падению в губернии цен на мед и воск. Однако во многих волостях пчеловодство все же играло в середине века заметную роль. В отчете Вятской палаты государственных имуществ за 1859 г. перечислены государственные крестьяне, занимавшиеся пчеловодством в особенно крупных размерах. Отчет упоминает в этой связи 15 фамилий, отмечая, что указанные крестьяне получают от своих пасек значительные доходы, превышающие сотню рублей в год²⁵.

С начала 1840 г. Министерство государственных имуществ приступило к организации так наз. «образцовых ферм». Крестьянин, желавший создать такую ферму, получал надел казенной земли сверх обычной нормы и освобождался от оброчной подати. Взамен этого он обязан был наладить «образцовое хозяйство», способное стать примером для окрестных крестьян, и подготовить некоторое число крестьянских юношей — учеников. Подобной фермой, находившейся в Уржумском уезде, на протяжении 17 лет владел упомянутый выше крестьянин Максимов. Богатые крестьяне охотно отдавали своих сыновей в ученики на «образцовую ферму» и проявляли интерес к нововведениям Максимова.

Все сказанное свидетельствует об определенном контакте, установившемся между администрацией вятской казенной деревни и зажиточным слоем крестьянства, стремившимся использовать программу «казенного попечительства» в своих интересах. То же следует сказать и в отношении сдачи с торгов в аренду «казенных оброчных статей».

К торгам допускались все желающие, в том числе и государственные крестьяне, но зажиточная верхушка «казенной деревни» оттесняла от торгов массу своих односельчан. Так, например, в 1851 г. крестьяне Кичминской волости Уржумского уезда

²¹ «Вятские губернские ведомости», 1847, № 6.

²² Н. Н. Латышев. Удмурты накануне реформы 1861 г. Ижевск 1939, стр. 110.

²³ ГАКиРО, ф. 386, оп. 105, д. 401, л. 82.

²⁴ Там же, ф. 575, оп. 21.

²⁵ Там же, д. 472, л. 15.

заявляли в своей жалобе, что при отдаче с торгов водяных мельниц были собраны лишь такие «сельские обыватели», которые ни в чем не могли прекословить сельским головам и писарю, вследствие чего все лучшие мельницы остались за этими последними и за их друзьями из числа богатых крестьян²⁶. В отчете управляющего Вятской палатой государственных имуществ за 1852 г. отмечено, что местные власти имели инструкции при сдаче в аренду «казенных оброчных статей» отдавать предпочтение зажиточным крестьянам, как более надежным съемщикам²⁷.

«Собственно закупка лесов из казны производится малым числом лиц, так называемых лесопромышленников, из купцов, местных помещиков, богатых мещан, а равно и крестьян государственных и удельных. Масса же крестьян нанимается к этим лицам в работники для вырубki леса, на грузки его и сплава», — сообщал отчет палаты государственных имуществ за 1859 г.²⁸ Государственные и удельные крестьяне упомянуты здесь в числе предпринимателей, эксплуатировавших вольнонаемный труд крестьян-сплавщиков. В 40—50-х годах встречаются многочисленные факты перечисления вятских государственных крестьян в мещанское сословие. Мещанами становились зажиточные крестьяне, в основном оторвавшиеся уже от сельского хозяйства, занявшиеся торговлей или организацией лесных промыслов. Из этой группы выходили хлеботорговцы, гуртовщики.

Следует отметить, что в это время в Вятской губернии получает некоторое распространение новый вид земельной собственности государственных крестьян, ранее здесь совершенно отсутствовавший, — частновладельческие крестьянские земли. О распределении земель этой категории по уездам свидетельствуют данные таблицы 2, относящиеся к 1858 г.²⁹

Таблица 2

Распределение частновладельческих крестьянских земель в Вятской губернии в 1858 г.

Уезды	Число крестьян-собственников	Земли в их владении (дес.)
Вятский	62	255
Орловский	16	345
Котельнический	140	1 247
Яранский	53	258
Слободской	68	598
Глазовский	2 419	1 037
Нолинский	11	115
Уржумский	221	3 919
Сарапульский	1 285	882
Малмыжский	579	4 277
Елабужский	403	1 872
Итого	5 257	14 811

Таблица 3

Количество и землевладение крестьян-собственников, не пользовавшихся наделной землей

Уезды	Число крестьян-собственников	Земли в их владении (дес.)
Вятский	4	11
Яранский	29	46
Слободской	7	229
Малмыжский	35	347
Итого	75	633

Крестьяне, учтенные в приведенной сводке, кроме своей собственной земли, пользовались также наделной. Исключительно на принадлежавшей им собственной земле вели хозяйство лишь очень немногие крестьяне (табл. 3³⁰).

В конце 50-х годов крестьяне — земельные собственники составляли менее 1% «ревизских душ», проживавших в Вятской губернии. На долю приобретаемой посредством покупки частновладельческой земли приходилась еще весьма незначительная часть всего земельного фонда, находившегося в распоряжении государственных крестьян, но и с такой оговоркой данное явление следует считать симптоматичным.

В Вятской губернии двух последних предреформенных десятилетий распространилось отходничество. Крестьяне занимались бурлачеством, извозом, лесными промыслами, были заняты на различных сезонных работах в городах. Основываясь на данных о числе выданных крестьянам паспортов и отпускных билетов, можно считать, что в 40—50-х годах отходничеством было занято до 15% мужского населения, подведомственного губернской палате государственных имуществ. В документах отражены факты временной передачи земельного надела государственных крестьян-отходников целиком или частично в пользование оставшихся в деревне зажиточных односельчан. Бравший дополнительный надел крестьянин уплачивал за отходника причитающиеся с него подати, в отдельных случаях оказывал поддержку семье отходника.

Имущественное и социальное расслоение отчетливо проявлялось среди «непре-

²⁶ ГАКирО, ф. 574, оп. 13, д. 45, л. 16.

²⁷ Там же, ф. 575, оп. 21, д. 362, л. 11.

²⁸ Там же, д. 472, л. 63.

²⁹ В. Вешняков. Крестьяне-собственники. СПб. 1858, приложение.

³⁰ Там же.

менных работников» Ижевского завода, т. е. крестьян прилежавших к заводу волостей, обязанных с 1807 г. выполнять подсобные работы на заводе. «Непременные работники» не отрывались от сельского хозяйства, причем многие из них продавали хлеб заводской администрации. Сохранившаяся «Книга на записку крепостных актов, как-то: условий, договоров, духовных завещаний и тому подобных, предъявленных непременными работниками» свидетельствует о наличии весьма зажиточной прослойки среди крестьян Завьяловской и Юськинской волостей Сарапульского уезда, перечисленных в разряд «непременных работников»³¹. Некоторые из них занимались торговыми операциями в объеме многих сотен рублей, наряду с этим ссужали бедняков-односельчан деньгами или хлебом, с обязательством отработки долга в хозяйстве заимодавца. Широко практиковалась скупка земельных участков. Полковник Бакунин, проводивший в 1840 г. обследование состояния «непременных работников», с удивлением констатировал в их среде факты продажи и «закладывания» земельных участков, систематическую «утечку» земли из хозяйств бедняков в хозяйства их богатых односельчан. Озабоченное поддержанием среднего хозяйственного уровня, достаточного для исправного выполнения «непременными работниками» их обязательств перед заводом, заводское начальство категорически запретило продажу или «заклад» участков наделной земли «непременных работников». Однако, хотя последние особой подпиской обязались соблюдать это предписание, продажа и заклад практиковались и в последующие годы.

Одной из характерных черт вятской деревни была этническая пестрота ее населения. В 1859 г. русские составляли 79,5% крестьян губернии, удмурты — 10,5%, марийцы — 5%, татары — 3,8%, представители прочих народностей — 1,2%³². Высокая товарность хозяйства, выделение зажиточной верхушки, зачастую эксплуатировавшей наемный труд, — явления, характерные как для русской, так и для нерусской части крестьянского населения губернии.

Интересные сведения относительно удмуртов Глазовского уезда приводит краевед Н. Блинов³³. Правда, свидетельства его относятся к началу 60-х годов, но вряд ли к этому времени могли произойти существенные изменения по сравнению с предыдущим десятилетием. Блинов считал, что из 165 обследованных им хозяйств в 85 (т. е. 52%) домохозяева, чтобы уплатить подать и не умереть с голода, должны были батрачить у богатых односельчан или в близлежащих селениях. Все же мало вероятно, чтобы столь высокий процент систематически продающих свою рабочую силу крестьян был характерен для всей удмуртской части вятской деревни. Цифры Блинова значительно выше процента использования наемного труда в крестьянских хозяйствах по губернии в целом, а считать, что в удмуртских волостях процесс социального расслоения протекал интенсивнее, чем в русских, едва ли возможно, — для этого нет никаких оснований. Однако во всяком случае и в удмуртских деревнях в середине XIX в. мы не застали бы уже имущественно и социально однородной массы домохозяев. Современники-краеведы (Блинов, Верещагин и др.) упоминают о крестьянах-удмуртах, владевших огромными скирдами — так наз. «кабанами»; один хозяин сосредоточивал в своих руках по несколько сот пудов хлеба, предназначенного на продажу, поступавшего на местные базары и торжки. По свидетельству Н. Блинова, крепкие хозяева-удмурты Глазовского уезда поставляли товарный хлеб в свой уездный город, а также на более отдаленные ярмарки — Алексеевскую и Нолинскую. В первой половине XIX в. в удмуртском языке прочно укоренился имевший оттенок осуждения и пренебрежения термин «коштан», обозначавший богатого и прижимистого по отношению к другим крестьянам хозяина-богача. В работе Н. Н. Латышева приведен ряд фактов, свидетельствующих об эксплуатации бедняков-удмуртов в хозяйствах богатых крестьян, принадлежавших к той же народности³⁴. Таким образом, представление о социально однородной удмуртской деревне, жившей в условиях исключительно натурального хозяйства, широко распространенное в литературе 1920-х годов, следует считать не соответствующим действительности. Встречаются отдельные упоминания о применении наемного труда и в хозяйствах крестьян-марийцев. Что касается татарской части вятской деревни, то в ней процессу имущественного и социального расслоения присущи были специфические черты. Сложившаяся здесь зажиточная прослойка переключалась главным образом на торговые операции, на извоз и вскоре отрывалась от земледелия.

В последние предреформенные десятилетия в жизни вятской деревни можно обнаружить признаки обострения противоречий между основной массой крестьянства и зажиточной верхушкой его. Через руки местных властей проходил ряд дел, связанных с поджогами строений в богатых хозяйствах и т. д. Исправник Уржумского уезда Винковский в 1858 г. в своем донесении губернатору отмечал, что «за последние годы наблюдаются несогласия и среди самих государственных крестьян. Во многих случаях малоимущие из них, завидуя достатку соседей, совершают различные против них действия, как-то поджоги и покушения на личную безопасность»³⁵.

³¹ ГАУдм, ф. 1840, св. 1, д. 493.

³² ГАКирО, ф. 575, оп. 21, д. 472, л. 3.

³³ Н. Блинов. Сельскохозяйственный быт пермяков и вотяков Карсавайского прихода Глазовского уезда. — «Вятские губернские ведомости», 1865, № 31, 33—37.

³⁴ Н. Н. Латышев. Удмурты накануне реформы 1861 г., стр. 115—117.

³⁵ ГАКирО, ф. 574, оп. 15, д. 200, л. 62.

Значение этих фактов, если говорить о середине XIX в., не должно быть преувеличено. Классовая борьба в деревне того периода шла в основном по линии протеста всей крестьянской массы против давивших на нее крепостнических порядков, а не по линии социальных конфликтов внутри самого крестьянства. И все же приведенное свидетельство интересно и показательно. Оно говорит о том, что зарождению буржуазных отношений в вятской «казенной деревне» сопутствовало появление новых форм классовой борьбы, по существу уже свойственных капиталистической формации.

К каким же выводам приводят перечисленные факты и сделанные наблюдения?

Почти полное отсутствие помещика-крепостника, замещение его крепостническим государством в качестве непосредственного эксплуататора труда крестьян не было достаточной предпосылкой для развития производительных сил вятской деревни последних предреформенных десятилетий. Если брать крестьянство губернии в целом, нельзя говорить даже о сколько-нибудь отчетливой тенденции хозяйственного подъема. Помимо разведения картофеля, все остальные новшества затронули только сравнительно узкую прослойку зажиточного крестьянства. При этом, что особенно характерно, урожай оставался на стабильном — низком — уровне. Вместе с тем имущественное и социальное расслоение деревни происходило здесь интенсивнее, чем во многих других районах страны. Зажиточная верхушка превращалась в преуспевающих хозяев-товаропроизводителей и эксплуатировала наемный труд односельчан.

И. А. А н ц у п о в

РАЗВИТИЕ ТОРГОВОГО САДОВОДСТВА И ВИНОГРАДАРСТВА В СЕЛЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН И КОЛОНИСТОВ ЮЖНЫХ УЕЗДОВ БЕССАРАБИИ В 30—60-Х ГОДАХ XIX В.

Южные уезды Бессарабии — Аккерманский, Бендерский и Измаильский (Кагульский) — были населены преимущественно государственными крестьянами, колонистами (болгарами, гагаузами, немцами и швейцарцами) и дунайскими казаками. Здесь находился основной массив казенных земель области. Помещики и купцы владели в этих уездах главным образом незаселенными участками, используя их для овцеводства и коневодства или сдавая в аренду.

Освоение почти незаселенного юга Бессарабии — Буджака, занимавшего около 40% всей площади области, шло по линии роста интенсивности хозяйства — от скотоводства и переложной системы в земледелии к торговому зерновому хозяйству, табаководству, шелководству и т. п. Высокая земельная обеспеченность (у государственных крестьян — 30—40 десятин, у колонистов — 50—60-десятинный посемейный надел), льготное положение колонистов, отсутствие помещичьего гнета, близость крупных рынков сбыта (Одесса и придунайские портовые города), благоприятные природно-климатические условия способствовали более быстрому проникновению капиталистических отношений в среду государственных крестьян и колонистов. Одним из показателей этого процесса является развитие торгового садоводства и виноградарства.

Главным стимулом развития торгового садоводства и виноградарства в крестьянских хозяйствах была относительно высокая доходность этих отраслей. В 40—50-х годах, по подсчетам ряда исследователей, на юге области одна десятина пшеницы давала в среднем 16,5% чистого дохода, сада — 20—30%, а виноградника — 70—80% и даже 200% при хорошем урожае¹.

Районами торгового садоводства и виноградарства в округах «задунайских переселенцев» и государственных крестьян были долины Днестра, Прута и Дуная, у немецко-колонистов, поселившихся в степной полосе Аккерманского уезда, — долина р. Кагальника и у швейцарских колонистов — часть побережья Днестровского лимана.

Т а б л и ц а 1

Развитие садоводства и виноградарства в болгарских колониях на юге Бессарабии
в 1832—1842 гг.

Годы	Фруктовые сады		Виноградники			
	число садов	фруктовых деревьев	число виноградников	виноградных кустов	получено вина (ведер)	продано вина (руб. сер.)
1832	621	102 492	4500	1 622 000	101 500	16 318
1842	5334	св. 1 млн.	6858	4 226 568	314 568	72 125

¹ А. З а щ у к. Бессарабская область, ч. I. (Материалы для географии и статистики России.) СПб. 1862, стр. 244, 268; А. С к а л ь к о в с к и й. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. 2. Одесса 1853, стр. 272; С. С. Струков. О состоянии сельского хозяйства в Южной России в 1851 г. — «Журнал Министерства государственных имуществ» (далее — ЖМГИ), ч. XLIV, 1852, стр. 73; ЦГА МССР, ф. 61, оп. 1, д. 86, л. 88; ф. 2, оп. 1, д. 4497, л. 191; ф. 5, оп. 2, д. 866, л. 8; ЦГИАЛ, ф. 398, д. 4829, л. 468.

Особенно быстро развивалось садоводство и виноградарство в болгарских колониях (табл. 1)². За 10 лет количество фруктовых деревьев увеличилось здесь в 10 раз, виноградных кустов — в 2,5 раза, выработка вина — в 3 раза, а доход от продажи вина — в 4,5 раза.

В течение 40-х годов садово-виноградные насаждения в болгарских колониях вследствие стихийных бедствий (заморозки, саранча, градобитие) почти не расширялись. Так, в 1849 г. здесь было 4 276 250 виноградных кустов и около миллиона фруктовых деревьев³. Выработка вина до 1851 г. не поднималась выше 314 тыс. ведер⁴, но уже в 1854 г. она достигла 500 тыс. ведер⁵.

Для получения устойчивых урожаев плодов, винограда и овощей в болгарских колониях широко применялась «напускная полива» с помощью специальных оросительных сооружений — чигирей и норий, приводимых в движение конной или воловьей тягой⁶.

В 40-х годах, как указывало колониистское управление, для многих болгаро-гагаузских селений садоводство и в особенности виноградарство и виноделие начали играть роль главного источника дохода, главного промысла⁷. О степени занятости колонистов в виноградарстве и виноделии можно судить по данным за 1837 г. Во всех 82 колониях насчитывалось 10 060 семей (57 164 души обоего пола), из них 4836, т. е. примерно половина всех семей, являлись владельцами 5078 виноградников (2 092 700 кустов), а выделкой вина занимались 1964 семьи, или около $\frac{1}{5}$ от общего числа семей⁸.

Виноградники не были равномерно распределены по всем колониям. Основной их массив находился в припрутских и придунайских селениях — в Кагуло-Прутском (в 1846 г. — 3350 десятин)⁹ и Измаильском округах. На эти округа, в которых находилось 35 из 83 болгарских селений, по сведениям за 1851 г., приходилось 80% валового сбора вина в болгарских колониях (250 тыс. из 314 тыс. ведер) и около 82% дохода от продажи вина (33 тыс. руб. серебром из 40 тыс.)¹⁰.

Мы располагаем данными об отдельных селениях, в которых к началу 50-х годов находились крупные фруктово-виноградные насаждения (табл. 2)¹¹.

Т а б л и ц а 2

Фруктово-виноградные насаждения в отдельных болгарских селениях около 1850 г.

Селения	Фруктовые сады		Виноградники	
	число садов	фруктовых деревьев	число виноградников	виноградных кустов
Болград	639	23 600	675	302 850
Тараклия	194	8 230	76	112 000
Бабели	110	10 400	44	142 000
Чишмеварунт	88	26 760	50	106 250
Волканешты	152	23 000	195	112 000
Фрикацей	110	8 700	125	103 700
Комрат	190	62 240	224	19 500
Сатунов	114	15 500	130	86 200
Барта	90	7 600	92	83 800
Карагач	133	11 400	143	88 200
Дизгинже	89	20 100	122	38 600
Импущита	82	6 900	82	83 200

² Таблица составлена на основании данных документов (ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4123, лл. 3, 18, 19, 23).

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5363, л. 193; Обзор действий департамента сельского хозяйства за 5 лет, с 1844 по 1849 г. — ЖМГИ, ч. XXXII, 1849, стр. 153. — Площадь под фруктово-виноградными насаждениями достигала примерно 11 тыс. десятин.

⁴ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5624, л. 15; д. 4693, л. 215, и др.

⁵ С. С. Струков. О состоянии сельского хозяйства в Южной России в 1855 г. — ЖМГИ, ч. LX, 1856, стр. 206.

⁶ Хозяйственная эффективность этой системы орошения была настолько очевидной, что в начале 50-х годов по заданию департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ Инспекция сельского хозяйства специально занималась изучением ее для распространения в Южной России (ЦИИАЛ, ф. 398, д. 4815, лл. 5—6).

⁷ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 2, д. 4693, л. 215; д. 4779, л. 476; д. 5366, л. 193; А. А. Скальковский. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса 1848, стр. 57—86.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 383, оп. 29, д. 610, лл. 30, 36.

⁹ А. Клаус. Наши колонии, вып. I. СПб. 1869, стр. 322.

¹⁰ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5624, л. 15; ф. 24, оп. 1, д. 3, лл. 11, 17, 23.

¹¹ Там же.

В селениях Верхне-Буджакского округа, расположенного в степной местности, фруктовые сады преобладали над виноградными. В начале 40-х годов фруктовых насаждений в 20 селениях этого округа было вдвое больше, чем в 19 селениях Кагуло-Прутского округа, а виноградных кустов — более чем вдвое меньше (соответственно, фруктовых деревьев — 287 600 и 134 230, виноградных кустов — 474 693 и 1 118 284)¹².

Неравномерным было и распределение хозяйств, выделявавших вино: в ряде селений они насчитывались лишь единицами, в других концентрировалось большое по тому времени число виноделателей. Так, например, в колонии Комрат в середине 40-х годов их было 150¹³.

Часть получаемых фруктов и вина потреблялась на месте. Товарная продукция сбывалась в многочисленные «питейные заведения» (в 30-х годах их было более 400), на местных базарах и ярмарках — в Болграде, Комрате, Иванове и др. — и скупщикам из внутренних губерний.

Владельцы крупных виноградников имели, как правило, специально оборудованные винохранилища, могли выдерживать вина и продавать их по более высоким ценам. К сожалению, сведения о доходах от садов и виноградников отрывочны и слишком общи, но и они дают возможность судить о неуклонном росте товарности продуктов садоводства и виноградарства. Так, если в 1837 г. во всех колониях было продано вина на 43 930 руб. ассигнациями, то в 1851 г. доход от продажи вина составил уже более 40 тыс. руб. серебром, т. е. при одинаковом сборе вина за эти годы (314 тыс. ведер) доход увеличился более чем в 3 раза¹⁴. Товарность вина по Измаильскому и Кагуло-Прутскому округам составляла в 1851 г. 22% (из 250 тыс. ведер было продано 55 тыс.), при средней цене 60 коп. серебром за ведро¹⁵.

Доход колонистов от продажи фруктов в конце 40-х годов составлял 30 тыс. руб. серебром в год, тогда как в 30-х годах он не превышал нескольких сотен рублей¹⁶. Определенный доход приносила и продажа саженцев из частных питомников; по сведениям 1837 г., их насчитывалось 62, а саженцев было продано на 1200 руб. ассигнациями¹⁷.

Из среды колонистов выделялись крупные садовладельцы: в Болграде — Михаил Малина, в Комрате — Петр Джолтян, Иордан Койчо, Колдран и др. Сад И. Койчо в 40-х годах насчитывал до 100 тыс. фруктовых деревьев, а из урожая двух своих обширных виноградников он выделял по несколько тысяч ведер вина. Сын Иордана, Николай Койчо, имевший хутор на общинной земле, к 1865 г. развел там виноградники на площади в 7,3 десятины; кроме того, в самом селении Комрат он владел пятью виноградниками¹⁸.

В 1856 г. по Парижскому миру юго-западная часть Бессарабии (в том числе весь Кагуло-Прутский и частично Измаильский и Нижне-Буджакский округа) была передана Россией Молдавскому княжеству. На этой территории находилось 40 колоний с площадью земли 287 207 десятин и населением 47 120 душ обоего пола, в том числе большинство селений, в хозяйстве которых садоводство и виноградарство играли исключительно важную роль¹⁹.

В оставшихся в границах России 43 селениях садоводство и виноградарство продолжали успешно развиваться. Произошло как бы перемещение их в степные селения. К 1860 г. в фруктовых садах насчитывалось 666 тыс. плодовых деревьев, а в 1895 виноградниках — 2 млн. 150 тыс. кустов²⁰. К 1871 г. в 4500 фруктово-виноградных садах (на площади в 3340 десятин) находилось уже 3 284 500 виноградных кустов²¹. В ряде селений под садами и виноградниками были заняты большие площади: в Комрате — 400, Кирсове — 300, Гараклии — 300, Чийшии — 255, Твардице — 250, Казаяклии — 304 десятины и т. д. По численности виноградных кустов выделялись Тараклия (150 000), Чийшия (191 000), Чумлекой (288 000), Девлет-Агачь (278 000), Купарены (179 500), Исерлия (155 000), Казаяклия (152 000), Татар-Копчак (144 300 кустов)²².

Однако последствия Крымской войны заметно сказались на виноградарстве.

¹² А. К л а у с. Наши колонии, вып. I, прилож. VII.

¹³ ЦГИАЛ, ф. 398, д. 2209, л. 44.

¹⁴ Там же, ф. 383, оп. 29, д. 610, л. 35; ЦГА МССР, ф. 24, оп. 1, д. 3, лл. 11, 17, 23.

¹⁵ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5624, л. 15; ф. 24, оп. 1, д. 3, лл. 11, 17, 23.

¹⁶ И. Ф. Ш т у к е н б е р г. Статистические труды, т. II. СПб., 1860, стр. 21; ЦГИАЛ, ф. 383, оп. 29, д. 610, л. 35.

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 383, оп. 29, д. 610, л. 35.

¹⁸ Там же, ф. 398, д. 1199, л. 21; ф. 381, д. 20618, лл. 15, 23—24; А. А. С к а л ь к о в с к и й. Болгарские колонии..., стр. 75, 76, 153.

¹⁹ И. И в а н о в. Краткий очерк болгарских колоний в Бессарабии. — «Записки Бессарабского областного статистического комитета», т. I. Кишинев 1864, стр. 40.

²⁰ А. З а щ у к. Бессарабская область, ч. I, стр. 502.

²¹ ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, д. 10, лл. 133—134, 211—212, 248—249; д. 11, лл. 378—379, 412—413.

²² Там же.

В начале 60-х годов в болгарских и немецких колониях ежегодный сбор вина равнялся 450—500 тыс. ведер²³ вместо 800 тыс. — 1 млн. в середине 50-х годов. Соответственно сократилась и товарная часть вина.

* * *

С 1814 г. на юге Бессарабии начали селиться в качестве колонистов немцы из Германии и западных районов Польши. К 30-м годам ими было основано 23 селения. Наряду с развитием земледелия, главной отрасли хозяйства этих колоний, в них наблюдается значительный прогресс в садоводстве и виноградарстве, с 30-х годов начавших приобретать торговое направление.

Как и в болгаро-гагаузских колониях, в немецких селениях быстро расширялись садовые насаждения. В 1824 г. плодовых деревьев здесь было 21,4 тыс., а в 1847 г. — уже около 500 тыс.²⁴ Виноградные насаждения за эти годы увеличились с 252 тыс. до 1,6 млн. кустов, а к концу 60-х годов количество кустов достигло 4 млн.²⁵ Площади под виноградниками в 1851 г. составляли 1264 десятины, в 1871 г. — около 2000 десятин²⁶. Вырабатывалось вина в конце 40-х годов до 200 тыс. ведер, а в середине 50-х годов — 300—500 тыс. ведер²⁷. Распределение фруктовых садов и виноградников по округам в начале 40-х годов показано в таблице 3²⁸.

Т а б л и ц а 3

Фруктово-виноградные насаждения немецких колонистов на юге Бессарабии в начале 40-х годов

Округа	Число селений	Фруктовых деревьев	Виноградных кустов
Малоярославецкий	10	79 228	445 320
Клястицкий	10	30 066	480 673
Саратский	3	23 424	297 880

Как видно из таблицы, больше всего виноградных кустов приходилось на одно селение в Саратском округе (около 100 тыс. кустов), а фруктовых деревьев — в Малоярославском.

В ряде колоний были сосредоточены обширные виноградники. Так, в середине 40-х годов в Гнадентале, Бриене, Теплице и Сарате насчитывалось 1 019 230 кустов. Из них в Сарате находилось

355 200 кустов (старых и молодых), дававших в год от 25 до 33 тыс. ведер вина²⁹.

Что касается доходов, то их доставляло главным образом виноградарство — продажа винограда в свежем виде и вина. Так, в 1837 г. доход от продажи вина равнялся 40 тыс. руб. ассигнациями, а в 1854 г. — 53 900 руб. серебром³⁰. Из вырабатывавшихся в немецких колониях в середине 50-х годов 300—500 тыс. ведер вина, по нашим подсчетам, продавалось до 90 тыс. ведер, т. е. около 1/4 вина являлось товарным. Фруктов продавалось на несколько тысяч рублей в год³¹.

Безусловно, товарное вино поставляли владельцы крупных плантаций. О размерах таких плантаций можно судить по данным, относящимся к 50—60-м годам. В колонии Ново-Арциз четыре виноградника занимали площадь в 32 десятины, а количество кустов в них достигало 68 тыс.³² В колониях Клястиц, Бородино, Малоярославец 1-й, Кульм, Тарутино и Теплиц у отдельных колонистов имелись виноградники, дававшие в год 2,5—7,5 тыс. ведер вина³³.

Управляющий колониями И. Ф. Лагорио отмечал в 60-х годах, что «виноделие в некоторых колониях составляет довольно обширный и самобытный промысел»³⁴. К их числу относилась группа колоний, располагавших обширными виноградниками, — Сарата (400 тыс. кустов), Тарутино (397 тыс.), Лихтенталь (212 тыс.), Малоярославец 1-й

²³ Я. Г р у д з и н о. Сельское хозяйство Бессарабии. — ЖМГИ, ч. LXXXVI, 1864, стр. 384, 386.

²⁴ ЦГА МССР, ф. 305, оп. 1, д. 236, л. 65; ЦГИАЛ, ф. 389, оп. 29, д. 610, лл. 42—43; Х. Х. С т е в е н. О состоянии разных отраслей сельского хозяйства в Южной России в 1847 г. — ЖМГИ, ч. XXVIII, 1848, стр. 131.

²⁵ ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, д. 10, лл. 157—159, 248—249, 273—274 и др.

²⁶ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 5624, л. 9; ф. 151, оп. 1, д. 10, лл. 157—159, 248—249 и др.

²⁷ М. Б а л л а с. Виноделие в России, ч. V. СПб. 1899, стр. 17; С. С. С т р у к о в. О состоянии сельского хозяйства в Южной России в 1855 г., стр. 206.

²⁸ А. К л а у с. Наши колонии, вып. I, прилож. VII.

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 398, д. 2641, лл. 67—68; д. 2205, л. 44.

³⁰ Там же, ф. 383, оп. 29, д. 610, л. 42; ЦГА МССР, ф. 24, оп. 1, д. 26, л. 201.

³¹ ЦГА МССР, ф. 24, оп. 1, д. 26, л. 201.

³² В среднем на 1 десятину сажали 2000 кустов.

³³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5624, л. 10; ф. 151, д. 10, лл. 246—249; Б а з и н е р. О состоянии разных отраслей сельского хозяйства в Южной России в 1850 г. — ЖМГИ, ч. XL, 1851, стр. 81.

³⁴ И. Ф. Лагорио. Статистические сведения о бессарабских немецких колониях. — «Записки Бессарабского областного статистического комитета», т. I, стр. 75.

(290,5 тыс.), Малоярославец 2-й (286 тыс.), Лейпциг (204 тыс.), Гнаденталь (179 тыс. кустов)³⁵.

Как правило, в руках зажиточной колонистской верхушки находились и винодельческие пункты. По сведениям за 1868 г., они имелись в 13 колониях — Клястице (10), Гофнунгстале (7), Бородине (12), Лейпциге (13), Березине (8), Париже (8), Старо-Арцизе (8), Ново-Арцизе (8), Бриене (7), Фриденстале (6), Сарате (6), Гнадентале (3), Лихтентале (2)³⁶.

Сбыт вина и фруктов осуществлялся на базарах и ярмарках в главных экономических и торговых центрах округов — Тарутине и Старо-Арцизе — и «питейных заведениях», которых в 1861 г. числилось 68, а в 1871 г. — 128³⁷.

* *
* *

Одним из крупных очагов торгового виноградарства и садоводства на юге Бессарабии была колония Шабэ, основанная в 1823 г. на берегу Днестровского лимана переселенцами из Швейцарии³⁸.

В середине 40-х годов в Шабэ было 10 230 фруктовых деревьев, половину насаждений составляли абрикосы, плоды которых выгодно сбывались в Одессе (по 15—20 коп. серебром за фунт)³⁹. Но главным занятием колонистов были виноградарство и виноделие. Это была «колония виноградарей»⁴⁰. Хозяйство их носило чисто капиталистический характер.

Следует отметить бурное расширение шабских виноградников: в 1841 г. в них было 200 тыс. кустов, а к 1871 г. — уже 3 млн. кустов⁴¹. Соответственно росло производство вина и его товарность. В 1829 г. было получено 3480 ведер вина, в 1844 г. — 30 тыс., в 1871 г. — 65 тыс., в 1872 г. — 92 тыс. ведер⁴². Продано вина было в 1829 г. на 13 920 руб. ассигнациями, в 1849 г. — 45 000 ведер ценой от 65 коп. до 1 руб. 15 коп. серебром за ведро⁴³; большая часть вина урожая 1871 г. также была продана по средней цене 1 руб. серебром за ведро.

В Шабэ особенно ярко прослеживается концентрация виноградников в руках крупных садовладельцев, которых дореволюционные исследователи рекламировали как «просвещенных виноделов»⁴⁴. В их хозяйствах имелись хорошие погреба, выписанные из-за границы швейцарские прессы, большие дубовые бродильники и другой совершенный инвентарь. Они выписывали из-за границы лозы европейских сортов винограда, широко применяли наемный труд мещан и государственных крестьян.

В 40-х годах на «аккерманских виноградниках», среди которых ведущее положение принадлежало виноградникам шабских колонистов, ежегодно работало до 3 тыс. человек с поденной оплатой 30—40 коп. серебром. В середине 50-х годов поденщикам платили по 50—75 коп. серебром⁴⁵, а к концу 60-х годов в Шабэ платили рабочим при годовом найме — от 85 до 115 руб., при поденном — от 60 коп. до 1 руб. 25 коп. серебром⁴⁶. Обработка десятины виноградника наемными рабочими обходилась в 40—50 руб. серебром. Относительно высокая оплата труда⁴⁷ объясняется тем, что на работу брались не все желающие, а лишь опытные рабочие, специализировавшиеся на обработке фруктовых и виноградных насаждений и переработке их продукции. В част-

³⁵ ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, д. 10, лл. 157—159, 248—249, 273—274 и др.

³⁶ Там же, д. 5, лл. 855—856, 871—872.

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 398, д. 2209, л. 31; ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, д. 10, лл. 166, 255, 278, 335, 408 и др.; И. Ф. Лагорио. Статистические сведения..., стр. 76.

³⁸ Численность колонистов была невелика: в 1829 г. — 22 семьи, в 1859 г. — 63; Шабская дача составляла около 4000 десятин.

³⁹ ЦГИАЛ, ф. 398, д. 2641, л. 49; д. 5222, л. 181.

⁴⁰ Н. Надеждин. Прогулка по Бессарабии. — «Одесский альманах на 1840 г.». Одесса 1840, стр. 344.

⁴¹ А. Клаус. Наши колонии, вып. I, прилож. VII; ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, д. 11, лл. 460—461.

⁴² «Журнал Министерства внутренних дел» (далее — ЖМВД), 1831, кн. 2, стр. 140; ЦГИАЛ, ф. 398, д. 2209, л. 44; ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, д. 11, лл. 460—461; д. 18, л. 90.

⁴³ ЖМВД, 1831, кн. 2, стр. 140; Базинер. О состоянии разных отраслей сельского хозяйства в Южной России в 1850 г., стр. 81.

⁴⁴ М. Баллас. Виноделие в России, ч. V, стр. 39; А. Скалковский. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. 2, стр. 303—304.

⁴⁵ ЦГА МССР, ф. 61, оп. I, д. 86, л. 88; К. И. Тардан. Виноградарство и виноделие. Одесса 1854, стр. 14.

⁴⁶ В. Иверсен. О русских винах и виноделии в России. — «Труды Вольного экономического общества», 1867, т. III, стр. 26; «Кишиневские епархиальные ведомости», 1872, № 20, стр. 809.

⁴⁷ В 1869 г. в Аккерманском уезде на полевых работах поденная оплата пешего рабочего составляла весной — 35, летом — 60 и осенью — 45 коп. серебром (ЦГА МССР, ф. 8, оп. 1, д. 35, л. 18).

ности, опытные рабочие требовались в винодельческих хозяйствах (к началу 70-х годов в Шабе действовало 60 винодельческих пунктов). Здесь рабстали круглый год⁴⁸.

В Шабе культивировались высококачественные десертные и винные сорта винограда — алиготе, рислинг, мускат, каберне и др.

Отдельные шабские колонисты владели крупными садами капиталистического типа площадью по 20—50 десятин.

Одной из ярких фигур среди них был мэр колонии И. Тардан, владевший обширными виноградниками. Кроме того, он арендовал 35 десятин казенных виноградников, получая в свою пользу 50% собранного вина⁴⁹, содержал платное училище садоводства под Аккерманом, взимая с учащихся по 20—40 руб. серебром в год. Его сын Карл Тардан в 1841 г. получил от правительства в собственность 27 десятин земли, которые засадил виноградом и фруктовыми деревьями. В 1856 г. у него уже было вместе с купленной землей 50 десятин. В середине 40-х годов К. Тардан продавал ежегодно по 3 тыс. и более ведер вина, получая прибыль по 1800 руб. серебром. В 1847 г. в его садах уже было 150 тыс. кустов винограда 63 сортов и 8 тыс. фруктовых деревьев, а в 1854 г. — 300 тыс. кустов. В середине 50-х годов К. Тардан получал до 11 тыс. ведер вина и сбывал в Одессу выдержанные белые вина ценой по 1—2 руб. серебром за ведро⁵⁰.

Другой колонист — И. Корре в конце 40-х годов получал со своих виноградников до 8 тыс. ведер вина⁵¹. Его преемник, владея большим участком земли в аккерманском городском фонде, к концу 60-х годов получал до 12 тыс. ведер вина, которое большими партиями сбывал в губернии Южной России, а в Одессе имел в своих погребах до 20 тыс. ведер.

В конце 60-х годов из среды шабских садовладельцев выделился виноторговец Х. А. Бозаджагло, открывший в Одессе собственный магазин для торговли шабскими винами⁵². Часть шабских вин сбывалась крупным одесским виноторговцам и винозаводчикам — Гаже, Л. М. Шанцеру, Г. Е. Савицкому и др.⁵³

Следует отметить, что шабские виноградники отличались от виноградников центральных уездов Бессарабии и по ассортименту винограда (преобладали европейские сорта), и по способу обработки его (короткая обрезка лоз и частая их посадка — от 4 до 5 тыс. на десятине), а шабские белые вина выделялись крепостью, качеством и более высокой ценой. В конце 40-х годов молодые шабские вина стоили 60—75 коп., а выдержанные — 1 руб. 50 коп. — 2 руб. серебром ведро⁵⁴.

Доля всех колоний в садоводстве и виноградарстве области в 50-х годах выражалась в следующих величинах: в 113 колониях насчитывалось 10 300 000 виноградных кустов из 35 млн. кустов по области, добывалось вина до 1 млн. ведер из 3 млн. ведер; на долю колоний приходилась третья часть фруктовых садов — 8 тыс. из 25 тыс. садов в области⁵⁵.

* * *

В селениях государственных крестьян южных уездов Бессарабии⁵⁶ садоводство и виноградарство были распространены неравномерно. В приднестровских селениях Бендерского и Аккерманского уездов и в Измаильском градоначальстве сады существовали издавна, в 19 же селениях, основанных в конце 20-х — начале 30-х годов XIX в. переселенцами из внутренних губерний России в степной полосе Буджака, фруктовые и виноградные сады появились лишь к началу 40-х годов и до 60-х годов не имели торгового значения⁵⁷.

Отмена откупной налоговой системы (1824 г.), возможность приобретения казенных садов в частную собственность или аренды их, наличие крупных земельных наде-

⁴⁸ ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, д. 10, лл. 460—461.

⁴⁹ С 1835 по 1840 г. половинная доля составила 5656 ведер вина (ЦГИАЛ, ф. 398, д. 4784, л. 123).

⁵⁰ М. Баллас. Виноделие в России, ч. V, стр. 18; Одесский областной государственный архив (далее — ООГА), ф. 1, оп. 215, д. 23, лл. 3—4; ф. 22, оп. 1, д. 606, лл. 1, 7, 9, 11; «Записки Общества сельского хозяйства Южной России», Одесса 1852, стр. 243; Одесса 1871, стр. 56—57; ЦГИАЛ, ф. 398, д. 4816, л. 133; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 33313, л. 10; ЖМГИ, ч. XXVII, 1848, стр. 6; К. И. Тардан. Виноградарство и виноделие, стр. 8.

⁵¹ ЦГА МССР, ф. 61, оп. 1, д. 86, л. 88; ф. 2, оп. 1, д. 6758, л. 5; «Записки Общества сельского хозяйства Южной России», Одесса 1871, стр. 52—53, 56—57.

⁵² «Записки Общества сельского хозяйства Южной России», Одесса 1871, стр. 52—53; ЦГИАЛ, ф. 398, д. 2641, л. 71.

⁵³ «Записки Общества сельского хозяйства Южной России», Одесса 1871, стр. 60—61, 369, 562.

⁵⁴ ЖМГИ, ч. XXVII, 1848, стр. 6.

⁵⁵ М. Баллас. Виноделие в России, ч. V, стр. 22; Базинер. О состоянии разных отраслей сельского хозяйства в Южной России в 1850 г., стр. 52; ЖМГИ, ч. LVI, 1855, стр. 45; ч. LX, 1856, стр. 206.

⁵⁶ Из 100 селений государственных крестьян 89 находились в южных уездах и 11 — в Хотинском уезде.

⁵⁷ «Земледельческая газета», 1852, № 63, стр. 500.

лов, поощрение правительством садоводства и виноградарства в Бессарабии (предоставление государственным крестьянам права занимать из общественного и казенного фонда участки земель под сады навсегда или на срок до 50 лет, снабжение саженцами из казенных питомников по льготным ценам, подготовка квалифицированных садоводов и виноделов в специальных училищах и др.), благоприятные природно-климатические условия способствовали росту промышленного садоводства и виноградарства в приднестровских и придунайских селениях.

По характеру рельефа фруктово-виноградные сады делились на плавневые и нагорные. Ассортимент виноградных садов представлен был преимущественно местными, так наз. бессарабскими, сортами — рара нягра, чауш. плавай (плавун), галбина, помофети, мустоса и др.⁵⁸ В отдельных хозяйствах культивировались и европейские сорта. Густота посадки составляла 800—1200 кустов на десятине. Из плодовых деревьев наибольшее распространение имели яблони, сливы, вишни, черешни, абрикосы, груши, персики, айва, волошские орехи. К 50-м годам в садах государственных крестьян насчитывалось 500 тыс. фруктовых деревьев.

В придунайском районе садоводства и виноградарства находилось всего 11 селений государственных крестьян. В 40-х годах здесь числилось около 1 тыс. дворов (они входили в Измаильское градоначальство). Основными отраслями их хозяйства были хлебопашество и скотоводство, но с конца 30-х годов все больший вес в хозяйстве нескольких селений начинают приобретать садоводство и виноградарство, растет их товарность. Наглядную картину роста садов и виноградников и вместе с тем доли товарной продукции показывают данные, относящиеся главным образом к пяти селениям — Кислице, Гаджикурде, Карамахмету, Чимаширу и Муравлевке, где садоводство и виноградарство наряду с хлебопашеством стали ведущими отраслями хозяйства (табл. 4)⁵⁹.

Т а б л и ц а 4

Развитие садоводства и виноградарства в придунайских селениях государственных крестьян

Годы	Фруктовые сады		Виноградники				куда производился сбыт вина
	число садов	в них фруктовых деревьев	число виноградников	в них виноградных кустов	получено вина (ведер)	продано вина (ведер)*	
1837	Нет сведений			31 969	4387	2380	В селения Измаильского градоначальства и города Измаил и Килия
1842	42	17 600	206	60 300	8190	5435	
1851	166	44 000	274	188 800	Около 14 тыс.	9000	

* Вино продавалось в среднем по 50 коп. серебром ведро.

Из таблицы 4 видно, что фруктовые насаждения за 9 лет увеличились в 2,5 раза, а количество виноградных кустов за 15 лет возросло в 6 раз. Сбыт вина за эти годы увеличился в 4 раза; неуклонно росла товарность вина — с 54% в 1837 г. до 66% в 40-х — начале 50-х годов. Этот рост был обусловлен близостью потребляющих центров — Измаила, Килии, Рени, дунайских рыбных промыслов.

Дальнейшее развитие садоводства и виноградарства в казенных селениях этого района было задержано Крымской войной, а по Парижскому миру они отошли от России к Молдавскому княжеству.

С присоединением Бессарабии к России создались благоприятные условия для развития садоводства и виноградарства в Поднестровье. Незначительные сады существовали здесь еще до 1812 г., но они группировались вокруг крепостей и в большинстве своем принадлежали турецкой военно-феодалной верхушке. Население в поднестровских селениях было немногочисленно, а хозяйство развито слабо.

С переходом области в состав России ее южные земли были объявлены казенными, а жившие на них крестьяне — государственными крестьянами. В 20-х годах по генеральному межеванию им были переданы земли в пользование из расчета 30—40 десятин на семью. Край быстро заселялся, расширялись и площади под садами и виноградниками. Уже к 1827 г. здесь в 18 селениях насчитывалось 717 фруктово-виноградных садов (398 в Бендерском и 319 — в Аккерманском уезде) на площади свыше

⁵⁸ А. Скальковский. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. 2, стр. 280—281; П. Н. Унгуриян. Основы виноделия Молдавии. — Труды Молдавского научно-исследовательского института садоводства, виноградарства и виноделия, т. V. Кишинев 1960, стр. 13.

⁵⁹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2819, лл. 14, 31, 44; д. 3843, лл. 348—349; ф. 24, оп. 1, д. 3, лл. 122—123; ООГА, ф. 3, оп. 1, д. 82, л. 98.

1100 десятин⁶⁰. При этом только в приднестровских селениях Аккерманского уезда в фруктовых садах насчитывалось свыше 17 тыс. деревьев и добывалось около 27 тыс. ведер вина⁶¹.

Уже тогда наметилась специализация ряда селений на производстве плодов и винограда. Так, в Олонештах фруктово-виноградные насаждения занимали площадь в 67,5 десятины, Ганкишле — 33,5, Талмазах — 186, Гура-Роше — 83,5, Чобручах — 22,5 десятины⁶². Через 15 лет в Аккерманском уезде уже насчитывалось 874 виноградника на площади 930 десятин и 288 фруктовых садов на 182 десятинах. Вина было получено 53 715 ведер, продано 47 724 ведра (т. е. около 80%) за 23 677 руб. серебром⁶³.

К началу 50-х годов в казенных селениях Аккерманского округа занимались преимущественно садоводством и виноградарством 597 крестьянских хозяйств ($\frac{1}{10}$ всех хозяйств округа), а в Бендерском округе — 1609 хозяйств ($\frac{1}{4}$ всех хозяйств)⁶⁴. По сведениям за 1854 г., в обоих округах числилось 2576 фруктовых садов и 1148 виноградников⁶⁵. В Бендерском округе выделялись селения Копанка, где занимались садоводством и виноградарством 311 крестьян, Кицканы (54)⁶⁶, Фарланы (130), Чимишлия (220), Селемет (129), Ченак (55), Чукур-Менжир (56 крестьян) и т. д.⁶⁷

Основная масса крестьянских садов была небольших размеров — в 1—3 десятины. Однако отдельные крестьяне в 50-х годах имели крупные сады — в 10—15 десятин. Так, в Бендерском округе в селении Копанка у Игната Дони под садами было 15 десятин, в местечке Каушаны у Ивана Голула — 10 десятин, в Кицканах несколько крестьян владели садами площадью в 10—12 десятин⁶⁸. В Аккерманском округе такие сады имелись в Талмазах, Чобручах, Татарбунарах⁶⁹.

О доходности крестьянских фруктовых садов и виноградников площадью в 2—5 десятины в селениях Аккерманского округа можно судить по данным самих владельцев за 1863 и 1868 гг. (табл. 5⁷⁰). Они свидетельствуют о том, что сады таких размеров давали годового дохода от нескольких сотен до тысячи рублей.

Накануне реформы 1869 г. в 69 селениях государственных крестьян Бендерского и Аккерманского округов на 12 400 семей приходилось 5486 фруктовых садов на площади в 1786 десятин, приносящих урожай свыше 24 тыс. пудов и доход на сумму 10—11 тыс. руб. серебром. Виноградников было свыше 2400 на площади 2375 десятин⁷¹; вина добывалось всего от 145 до 170 тыс. ведер, и доход от одного виноградника колебался от 60 до 107 руб. серебром⁷². При существовавшей тогда средней цене в 1 руб. серебром за ведро процент товарности равнялся 48—60.

Сады и виноградники, как уже указывалось, были сосредоточены главным образом в приднестровских селах, отличавшихся промысловым направлением садоводства и виноградарства. Данные об этих отраслях хозяйства на конец 60-х годов по некоторым селениям представлены в таблице 6⁷³.

Выработка вина в отдельных селениях в конце 60-х годов достигала больших размеров: в Талмазах — 62 400 ведер, Чобручах — 38 500, Олонештах — 32 900, Фарландах — 32 140, Варнице — 30 340 ведер и т. д. Больше половины его шло на рынок⁷⁴.

Товарная продукция поступала главным образом из хозяйств зажиточных крестьян. Развитие торгового садоводства и виноградарства, в свою очередь, ускорило процесс выделения зажиточной верхушки на селе.

Крестьянская верхушка скупала казенные сады, находившиеся в 23 селениях Бендерского и Аккерманского округов; в частности, к 1870 г. купленные сады имелись в

⁶⁰ А. О. Корнилович. Статистическое описание Бессарабии. Аккерман 1899, стр. 158, 163, 164—167, 174, 177—180, 317 и др.

⁶¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4141, лл. 76—77.

⁶² А. О. Корнилович. Статистическое описание Бессарабии, стр. 158, 163—165, 177—178, 184.

⁶³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4141, лл. 76—77.

⁶⁴ ООГА, ф. 3, оп. 1, д. 82, лл. 79—82; ЦГА МССР, ф. 24, оп. 1, д. 3, л. 117.

⁶⁵ ЦГИАЛ, ф. 398, д. 6273, лл. 22, 27.

⁶⁶ По сведениям Инспекции сельского хозяйства Южной России за 1842 г., в фруктово-виноградных садах Копанки и Кицкан находилось 18 600 фруктовых деревьев и более 17 000 виноградных кустов; фруктов было получено 6120 пудов (на 7500 руб. ассигнациями) и вина — около 7000 ведер (ЦГИАЛ, ф. 398, д. 1226, лл. 35, 41).

⁶⁷ ООГА, ф. 3, оп. 1, д. 82, л. 78.

⁶⁸ ЦГА МССР, ф. 214, оп. 1, д. 7, лл. 2—7; ф. 2, оп. 1, д. 3374, л. 56; ф. 22, оп. 2, д. 47, лл. 369—370; ф. 134, оп. 1, д. 88, л. 119; ЦГИАЛ, ф. 398, д. 5559, л. 44; д. 4828, л. 121.

⁶⁹ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 385, лл. 2—12.

⁷⁰ Таблица составлена на основании архивных данных (ЦГИАЛ, ф. 398, д. 11045, лл. 14—21; д. 12106, лл. 1—9). Сведения о садах И. Г. Делива, Ф. Н. Бутеско и С. С. Сирдия относятся к 1869 г.

⁷¹ В 1868 г. — 1 млн. 209 тыс. кустов, а в 1871 г. — 1 млн. 650 тыс. кустов.

⁷² ЦГИАЛ, ф. 381, д. 5938, ч. I, лл. 195, 434.

⁷³ Таблица составлена на основании архивных данных (ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, д. 11, лл. 156, 190, 208; д. 10, лл. 300, 361, 503—504).

⁷⁴ ЦГА МССР, ф. 151, оп. 1, д. 5, л. 880; д. 6, лл. 521—522.

Таблица 5

Доходность крестьянских фруктовых садов и виноградников

Крестьяне- садовладельцы	В каком году заложен	Фруктовый сад			Виноградник		
		пло- щадь (дес.)	урожай за год		размеры вино- градника (ко- личество ку- стов или дес.)	получено вина	
			пудов	на сумму (руб. сер.)		ведер	на сумму (руб. сер.)
В. Ф. Крецул (с. Чоб- ручи)	1837	3 $\frac{3}{4}$	1460	438	1630 кустов	570	114
И. П. Смытына (с. Па- ланка)	1842	4	441	202	2100 кустов	502	150
И. А. Куля (с. Тудорово)	1840	4	1089	405	1075 кустов	268	80
И. И. Бурлюк (с. Карк- мазы)	1841	4	245	115	2350 кустов	587	176
Я. А. Диголарь (с. Оло- нешты)	1844	2	121	49	1700 кустов	245	127
В. И. Кириенко (с. Тал- мазы)	1848	2,5	1300	325	—	—	—
Г. В. Плешка (с. Тал- мазы)	1841	1,6	810	550	1,5 дес.	1100	162
В. Г. Чебан (с. Ермок- лия)	1859	—	—	—	4 дес.	1800	524
М. Ф. Гнатенко (с. Диви- зия)	1844	7,5	Нет сведе- ний		2500 кустов	500	500
И. Г. Делив (с. Талма- зы)	1842	3,3	2700	877	2,6 дес.	640	256
Ф. Н. Бутеско (с. Талма- зы)	1856	—	—	—	3,3 дес.	700	700
С. С. Сирдий (с. Талма- зы)	1852	1	160	160	2,3 дес.	210 270	126 270
						пуд. виногр.	

Таблица 6

Развитие садоводства и виноградарства в приднестровских селениях государственных крестьян

Округа и селения	Фруктово-виноградные сады		
	площадь под садами (дес.)	фруктовых деревьев	виноградных кустов
Бендерский округ			
Копанка*	200	50 200	100 000
Кицканы*	160	46 200	84 000
Фарладаны	72	2 520	60 000
Хаджимус	63	2 500	48 300
Варница	60	Нет сведений	184 000
Тараклия	68		54 000
Аккерманский округ**			
Талмазы	152	140 000	150 000
Чобручи	214	25 000	130 000

* До 1862 г. Копанка и Кицканы были казенными селами, а затем были переданы царским правительством Ново-Нямецкому монастырю. Но часть крестьян осталась владельцами садов, площадь которых здесь показана. Общая площадь под садами и виноградниками в этих селениях в 1866 г. составляла 3500 дес. (ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7839; ф. 151, оп. 1, д. 11, л. 156).

** Кроме того, в селениях Аккерманского округа — Паланке, Ганкишле, Гура-Роше, Тудорове, Каркмазах, Олонештах, Капланах — виноградники и фруктовые сады занимали площади по несколько десятков десятин.

Кицканах у 13, в Копанке — у 137 крестьян⁷⁵. Помимо того, зажиточные крестьяне арендовали казенные сады и сады частных владельцев (купцов, дворян, мещан и др.). Так, в 30-х годах в аренде у местных крестьян находились 24 казенных сада при селениях Ганкишле, Гура-Роше и Каркмазы; в 5-летней аренде у 22 кицканских крестьян находились сады площадью в 52 десятины⁷⁶.

Многочисленные факты покупки богатыми садов у односельчан (без права отчуждения земли). Отдельные кулаки имели до 5 садов в своем селении и нередко покупали их в соседних селениях⁷⁷.

Расширение площадей под садами происходило за счет прихвата общинных и казенных земель (в частности, земель лесного ведомства). Это имело место в Талмазах, Чобручах, Кицканах, Варнице и других селениях. Например, в Талмазах к 1851 г. под садами оказалось 136 десятин земли лесного ведомства; четыре крестьянина развели сады по 5 десятин, двое — по 4, пять — по 3 десятины⁷⁸. По положению Государственного совета от 14 февраля 1849 г. в Бессарабии, как и в новороссийских губерниях, государственным крестьянам было предоставлено право отчуждать или брать в долгосрочное пользование общинные земли под фруктовые сады и виноградники. «Положением» воспользовалась зажиточная часть крестьян, ибо только ей были под силу расходы, связанные с закладкой новых садов. Сельские общества выделяли участки в 2—3 десятины и передавали их в пользование на 50 лет, т. е. без права отчуждения земель⁷⁹. В последнем сказывалась скользящая роль сельской общины.

Дети кулаков имели возможность получать профессиональное образование в Бессарабском училище садоводства (открыто в 1844 г.)⁸⁰, школе садоводства при аккерманских казенных садах, частном училище садоводства И. Тардана (в колонии Шабана) и даже Магарачском училище виноделия в Крыму. Эти учебные заведения были доступны только им, так как учеба требовала больших денежных средств (плата за обучение и содержание), отрыва от хозяйства на 2—6 лет, а главное — самим Министерством государственных имуществ предписывалось посылать лишь детей «лучших из хозяев», «чтобы состояние позволяло им впоследствии заняться собственно для себя виноделием» и они могли послужить примером для других⁸¹. Следовательно, такие кулацкие семьи могли культивировать высококачественный посадочный материал, вести более рациональное и товарное хозяйство.

Кулаки пользовались наемным трудом односельчан и крестьян соседних селений, особенно при таких трудоемких работах, как окопка деревьев и кустов, плантаж, изготовление вина⁸².

В руках кулаков сосредоточивались небольшие предприятия по переработке фруктов и винограда — фруктосушильни и винодельческие пункты. В конце 60-х годов такие предприятия имелись в 12 селениях Аккерманского и Бендерского округов: в Талмазах — 26 фруктосушильни и 32 винодельческих пункта, в Чобручах — 17 фруктосушильни и 19 пунктов, в Копанке — 8 фруктосушильни, в остальных селениях — от 3 до 13 винодельческих пунктов. Всего насчитывалось 60 фруктосушильни и 128 винодельческих пунктов. На этих предприятиях применялся вольнонаемный труд — в сезон здесь были заняты по 1—3 рабочих⁸³. Следует отметить, что сколько-нибудь крупные винодельческие и фруктоперерабатывающие предприятия в Бессарабии в ту пору отсутствовали.

Сбыт продуктов садоводства и виноградарства осуществлялся в основном двумя путями — через скупщиков и непосредственно самими садовладельцами.

Мелкие и средние садовладельцы в селениях государственных крестьян в подавляющем большинстве находились в сетях скупщиков. Широкое распространение получила кабальная форма сбыта — продажа урожая по дешевым ценам с весны, а иногда и на несколько лет вперед. В городах и селах выделилась группа торговцев-садооткупщиков, специализировавшихся на закупке и сбыте фруктов, винограда и вина. Так, в 40—60-х годах в Бендерском округе этим занимались бендерские мещане Ткачевы, Гаврило Колонтиров, Лазарь Чеботарь, Минай Соннов, кишиневский торговец Боча-

⁷⁵ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 47, лл. 100—299, 305—400; ф. 214, оп. 1, д. 8, л. 31.

⁷⁶ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 3313, л. 14; ф. 134, оп. 1, д. 88, л. 119.

⁷⁷ Там же, ф. 37, оп. 4, д. 1319, лл. 1—2; оп. 3, д. 329, лл. 37—39; д. 695, лл. 1—16; оп. 6, д. 208, лл. 26—28, 42—44, 46 и др.

⁷⁸ Там же, оп. 4, д. 429, л. 5; ф. 122, оп. 2, д. 30, лл. 190—195.

⁷⁹ ООГА, ф. 1, оп. 215, д. 24, лл. 3—16; ЦГИАЛ, ф. 398, д. 3531, лл. 28—30, 44, 88, 90—91; д. 5559, лл. 118—119; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6977, лл. 118—121; ф. 122, оп. 1, д. 113, лл. 8, 12, 15, 19.

⁸⁰ В 40—50-х годах в Бессарабском училище садоводства в Кишиневе ежегодно обучалось от 6 до 10 учащихся из государственных крестьян Бессарабской области (ЦГИАЛ, ф. 398, д. 4805, л. 239; д. 4829, лл. 295, 457; д. 5222, лл. 379—380; д. 5559, лл. 118—119 и др.).

⁸¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 1270, лл. 37—40; д. 2233, лл. 36—39; д. 7856, л. 540, и др.; ЖМГИ, ч. III, 1841, кн. 5, стр. 21—22; ч. XXVII, 1848, стр. 5—6; ЦГИАЛ, ф. 398, д. 6273, л. 28.

⁸² ЦГА МССР, ф. 37, оп. 5, д. 509, л. 89.

⁸³ Там же, ф. 151, оп. 1, д. 6, лл. 525—526; д. 5, л. 882, и др.

ров и др.⁸⁴ Ткачевы закупали фрукты в Кицканах и Копанке в течение 13 лет. В приднестровских селениях Аккерманского округа часть урожая фруктов и винограда откупали крупные и мелкие торговцы из Аккермана. Свежие фрукты и виноград они «с барышом» сбывали в Аккермане и Одессе или развозили по деревням и местечкам. «К тому же, — отмечал один из современников, — из днестровского винограда они выделывают и вино, которое сбывают в самом Аккермане или оптом или же в мелочной продаже, ибо аккерманские вина весьма в незначительном количестве остаются на месте, а как лучшие в крае вина отправляются в Одессу или внутрь России»⁸⁵.

Кулаки, как правило, сбывали фрукты и вино сами — вывозили на ярмарки и базары, открывали винные лавки. О сочетании торговых операций с производством продуктов садоводства и виноградарства свидетельствуют многие факты. Так, крестьянин селения Петропавловка Аккерманского округа С. Роженко сам сбывал фрукты в центральную станцию Дунайского казачьего войска Волонтировку; крестьянин селения Дивизия М. Гнатенко, имевший фруктово-виноградные сады в Дивизии и Талмазах на площади 7,5 десятины, фрукты и вино сбывал на месте. Часть крестьян вывозила вино в Херсонскую губернию⁸⁶. Чаше кулаки-садовладельцы выступали одновременно и как мелкие торговцы, открывая в своих и соседних селениях винные лавки, погреба и т. п. В Талмазах этим занимались Журавские, Г. Плешка, М. Гнатенко и др., в Ермоклии — В. Чебан, в Паланке — И. Смынтына, в Татарбунарах — А. Шевченко и т. д.⁸⁷ Нередко кулаки-лавочники являлись одновременно и скупщиками вина у односельчан.

Воспользовавшись свободой винной торговли, введенной в 1861 г., «местные влиятельные лица» — кулаки, сельская администрация, церковнослужители — довели сеть «питейных заведений» до огромных размеров⁸⁸. В конце 60-х годов в Бендерском округе на 100 дворов приходилось от 4 до 10 таких «заведений», а в местечке Каушаны действовали два винных подвала, 18 погребов и 20 винных лавок, корчм и т. п.; в ряде приднестровских селений Аккерманского округа насчитывалось по 8—12 таких «заведений»⁸⁹. Через них проходили большие массы товарного вина. Только по приблизительным сведениям Бессарабской палаты государственных имуществ, в 315 «питейных заведениях», действовавших в казенных селениях, за 1866 г. было продано около 65 тыс. ведер вина на 60 тыс. руб. серебром⁹⁰.

Из фруктовых садов на сбыт шли зимние яблоки, которыми славилась Бессарабия. Они были известны под названием «домнешты» и отличались «величиной, вкусом и удобностью сохранения». В Одессе эти яблоки продавались по цене от 1 руб. 60 коп. до 2 руб. серебром за пуд. В большом количестве во внутренние губернии вывозился вяленый чернослив⁹¹. «В урожайные годы, — отмечала Инспекция сельского хозяйства Южной России, — приднестровские сады дают весьма много фруктов, слив наиболее, которые сушат и промышленники развозят по всей почти России»⁹².

Однако вывоз фруктов и вина за пределы Бессарабии был в значительной степени стеснен плохим состоянием транспорта, бездорожьем и дороговизной доставки. К тому же транспортировка свежих фруктов, винограда и вина воловыми упряжками на дальние расстояния приводила к порче их. Общество сельского хозяйства Южной России констатировало в 1865 г., что более половины урожая фруктов в Бессарабии «гниет на месте по неимению перевозочных скорых средств»⁹³. Начавшееся в конце 60-х годов строительство железной дороги, соединившей Бессарабию с внутренними губерниями страны, оказало непосредственное влияние на развитие садоводства, виноградарства и виноделия в области. «Ввиду... соединения Бессарабии с остальной Россией посредством железной дороги многие садовладельцы серьезно принялись за улучшенные способы выделки вина и разведения лучшего качества лоз»⁹⁴.

⁸⁴ ЦГА МССР, ф. 6, оп. 9, д. 1045, лл. 166—167; ООГА, ф. 22, оп. 1, д. 240, л. 21; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4449, лл. 55—57; д. 4829, лл. 84—85 и др.

⁸⁵ И. Енакиев и ч. Аккерманские малороссы (Архив Географического общества СССР, фонд Бессарабская губ., разр. 3, оп. 1, д. 5, лл. 8, 10).

⁸⁶ ЦГИАЛ, ф. 398, д. 11045, лл. 18—20; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6233, л. 8.

⁸⁷ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 391, лл. 7, 10, 11, 26; д. 359, л. 2; д. 357, лл. 14, 23—24; д. 350, лл. 4, 5; д. 425, л. 11; д. 356, л. 19, и др.; ООГА, ф. 3, оп. 1, д. 82, лл. 80—82.

⁸⁸ ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 29, д. 610, л. 35; д. 5221, лл. 38—40; ЦГА МССР, ф. 37, оп. 2, д. 473, лл. 63, 84; ф. 122, оп. 1, д. 415, лл. 7—8, 19—25.

⁸⁹ ЦГА МССР, ф. 8, оп. 1, д. 331, л. 35; ф. 122, оп. 1, д. 355, лл. 33—34; д. 391, лл. 34—35; д. 415, лл. 9, 13, 14, 17.

⁹⁰ ЦГИАЛ, ф. 381, д. 5938, ч. I, л. 62.

⁹¹ ЦГА МССР, ф. 61, оп. 1, д. 86; Я. Сабуров. Земледелие, промышленность и торговля Бессарабии в 1826 г. М. 1830, стр. 15; П. Ломан. Хозяйственное обозрение Бессарабской области. — ЖМГИ, ч. VIII, 1843, стр. 50; А. Скальковский. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. 2, стр. 304.

⁹² ЦГИАЛ, ф. 398, д. 2641, л. 47.

⁹³ В начале 40-х годов доставка 1 ведра вина из Аккермана в Кишинев обходилась в 33,5 коп. ассигнациями (ЦГИАЛ, ф. 398, д. 4784, лл. 83, 122; д. 10875, л. 176).

⁹⁴ «Труды Вольного экономического общества», 1869, т. III, стр. 143.

Сбыт фруктов внутри области задерживался из-за широкого распространения садоводства и виноградарства и отсутствия крупных перерабатывающих центров.

Внутренний рынок оказывал определенное влияние на качественную сторону виноградарства и виноделия. Почвенно-климатические условия Бессарабии благоприятствовали культивированию высокосортного винограда, но условия сбыта — на рынке спрос был на дешевые вина, хотя и некачественные, — не давали основной массе крестьян-виноградарей стимула к улучшению ассортимента винограда и технологии виноделия. Высококачественные, выдержанные вина, как более дорогостоящие, почти не находили сбыта⁹⁵.

За границу бессарабские вина почти не вывозились, так как не выдерживали конкуренции на мировом рынке с французскими, венгерскими и другими винами⁹⁶.

Таким образом, в рассматриваемый период на юге Бессарабии шел процесс интенсификации сельского хозяйства, в частности рост садоводства и виноградарства. Неуклонно увеличивалась товарность этих отраслей хозяйства. Развитие торгового садоводства и виноградарства ускоряло выделение кулацкой верхушки в селениях колонистов и государственных крестьян. Но общинное землепользование, исключавшее возможность отчуждения земель, слабое развитие транспорта, рыночная конъюнктура, отсутствие крупных перерабатывающих центров сдерживали развитие этих отраслей хозяйства, в особенности повышение их товарности.

Изучение развития торгового садоводства и виноградарства в селениях казенной группы крестьянства Бессарабской области позволяет глубже раскрыть процесс втягивания крестьянских хозяйств в капиталистические отношения.

⁹⁵ П. Н. Унгуриян. Основы виноделия Молдавии, стр. 9, 12, 14; ЖМГИ, ч. XXVII, 1848, стр. 7.

⁹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 60, д. 3555, л. 609.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ЧЕТВЕРТОЙ СЕКЦИИ

(вторая половина XIX — начало XX в.)

Г. Т. Р я б к о в

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ ДОРЕФОРМЕННЫХ ПОДВОРНЫХ ОПИСЕЙ ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН И ЗЕМСКИХ ПОДВОРНЫХ ПЕРЕПИСЕЙ

Сравнительный анализ данных дореформенных подворных описей и итогов земских переписей представляет собой одну из попыток найти новые пути в исследовании проблемы расслоения крестьянства. При этом анализе сопоставляется статистическое выражение процессов, происходивших в дореформенном крестьянстве, и процессов пореформенной деревни. Несмотря на то что анализируемые источники хорошо известны историкам-аграрникам, такие сопоставления на материале одних и тех же территориально-хозяйственных единиц еще никем не предпринимались.

Подворные описи помещичьих крестьян дореформенного времени отвечали потребностям феодальных поместий. Они составлялись в вотчинных конторах с целью определения феодальных податей и повинностей, а также внесения изменений в наделное землепользование крестьян. Различия в местных условиях, формах эксплуатации, наконец, узколокальные особенности самих помещичьих имений породили многообразие подворных описей. Наряду с описями, содержащими сведения о населении двора, количестве тяглов, наделном землепользовании, обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим и другим скотом, встречаются описи со сведениями о состоянии хозяйственных построек, запасах хлеба, промыслах крестьян и т. д.¹

Земские подворные переписи отвечали потребностям местного управления в условиях, когда крепостнические отношения были уже

¹ Одни и те же сведения в подворных описях различных хозяйств подаются неодинаково. Население в большинстве случаев учитывается поименно, по семейному состоянию и возрасту, но имеются описи, в которых приводится только количественный состав населения двора по полу и возрасту; тягла показываются суммарно или раздельно — земляные и отлучные, мужские и женские; среди рабочего и крупного рогатого скота в отдельных описях выделен мелодняк. Важное значение имеют пометки на подворных описях. Они отражают трудоспособность крестьян, выделяют вотчинную администрацию (бурмистров, старост и т. д.), показывают движение населения — естественное (рождение, смерть, брак) и насильственное (ссылка на каторгу или поселение, отдача в рекруты) и др.

Сравнительные данные подворных описей и земской статистики

Имена	Число сел и деревень	Форма эксплуатации до реформы 1861 г.	1827 г.													дворов	населения об. пола	лошадей						
			дворов	населения об. пола	лошадей	обеспеченность скотом													коров	бескоровн.	с 1 коровой	с 2 коровами	с 3 и более коровами	безлошадн. и бескоровн.
						распред. по дворам				распред. по дворам														
						безлошадн.	с 1 лошадыю	с 2 лошадыи	с 3 и более лошадыи															
Пески	5	Преобр. оброчн.	Нет сведений													86	715	155						
Подселица	1	Оброчн.	12	98	45	—	—	2	10	41	—	—	1	4	7	—	12	108	37					
Шавеево	7	Баршин.	31	348	133	—	—	3	28	138	—	—	1	4	26	—	34	379	119					
Озерище	6	„	56	492	222	—	—	2	54	133	—	—	10	27	19	—	52	473	197					
Лубница	3	„	34	294	150	—	—	2	32	91	—	—	5	11	18	—	31	331	117					
Кузино	4	„	25	243	111	—	—	1	24	64	—	—	5	11	9	—	34	324	117					
Громово	3	„	22	203	108	—	—	—	22	57	—	—	3	9	10	—	23	223	107					
Алексино	10	„	71	736	325	—	—	4	67	214	—	—	3	27	41	—	74	774	327					

Примечание. Имение Пески находилось в Гжатском уезде, Подселица —

ликвидированы и в стране развивался капитализм. Они диктовались главным образом необходимостью раскладки земских повинностей².

В дореформенных подворных описях и материалах земских переписей содержатся сопоставимые данные по сравнительно большому кругу вопросов. Подворные описи нескольких групп селений, составлявших дореформенные имения помещиков Смоленской губернии Барышниковых, В. В. Долгорукова, Белкина и Нееловых, и земская статистика по этим же группам селений (всего более 100 сел и деревень) позволили получить следующие сопоставимые данные: о численности и возрастном составе крестьянского населения, распределении рабочих рук по отдельным категориям крестьянских хозяйств, отвлечении крестьянского населения в промышленность, обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим и другим скотом и ряд других. Анализ этих данных показывает, что расслоение крестьян дореформенной помещичьей деревни зависело от формы эксплуатации, испытывало сильное влияние владельческого права и что лишь в оброчных деревнях, где имел место значительный отход крестьян в промышленность, еще до ликвидации крепостного права расслоение крестьян начало приобретать черты разложения.

² Кроме практических нужд земств, одной из причин развития земской статистики явилось стремление революционно настроенной и либеральной интеллигенции 70—90-х годов XIX в. изучить жизнь русского крестьянства с целью решить вопрос о путях развития пореформенной России. Земские статистики, принадлежавшие к кругам этой интеллигенции, обрабатывали первичный материал, опираясь на метод средних цифр, и при этом обесценивали богатейшие статистические данные подворных переписей и использовали их для подтверждения своих антинаучных, народнических взглядов. Несмотря на это земская статистика представляет большую научную ценность. В. И. Ленин писал: «Русские земские статистики, особенно «добраго старого», дореволюционного времени, снискали себе право на уважение тем, что относились к предмету своих занятий не рутинно, не с одним фискальным или казенно-административным, а с известным научным интересом», и подчеркивал, что «нельзя себе представить экономиста, изучающего экономическую действительность России, который бы мог обойтись без данных земской статистики...» (В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 47—48; т. 3, стр. 556). В. И. Ленин обрабатывал данные земской статистики на научной основе и во многих своих работах использовал их для изучения социально-экономических явлений в пореформенной России.

Таблица 1

по группе сел и деревень Смоленской губернии

1857 г.										1885—1887 гг.													
обеспеченность скотом										обеспеченность скотом													
распред. по дворам				коров	распред. по дворам				дворов	населения об. пола	лошадей	распред. по дворам				коров	распред. по дворам				безлошадн. и бескоровн.		
безлошадн.	с 1 лошадей	с 2 лошадей	с 3 и более лошадей		с 1 коровой	с 2 коровами	с 3 и более коровами	безлошадн. и бескоровн.				безлошадн.	с 1 лошадей	с 2 лошадей	с 3 и более лошадей		с 1 коровой	с 2 коровами	с 3 и более коровами				
5	38	28	15	175	9	23	30	24	3	161	763	110	72	72	14	3	167	63	47	38	13	61	
—	—	3	9	33	—	3	2	7	—	22	141	47	6	3	3	10	54	6	1	5	10	6	
—	—	2	32	69	—	11	14	9	—	98	573	157	17	25	39	17	137	20	33	33	12	15	
—	—	5	47	95	3	13	26	10	—	106	667	203	17	25	33	31	139	27	45	16	18	11	
—	—	—	31	59	—	11	14	6	—	69	475	156	9	13	24	23	116	13	18	24	14	8	
1	1	5	27	60	1	14	14	5	1	62	418	143	10	8	19	25	140	8	19	8	27	7	
—	—	1	22	53	—	3	12	8	—	50	283	92	8	13	16	13	60	14	18	15	3	7	
—	—	3	71	179	4	10	29	31	—	168	964	293	58	20	43	47	207	62	54	27	25	51	

в Духовщинском, Шавеево и все последующие — в Дорогобужском.

В таблице 1 приведены сопоставимые данные об обеспечении крестьянских хозяйств рабочим скотом и коровами по 8 группам селений с различной формой эксплуатации (всего 39 сел и деревень) за 1827, 1857 и 1885—1887 гг.³ 1857 год условно принят здесь за рубеж двух равно-великих периодов — дореформенного и пореформенного, при этом в первом он является как бы завершающим, во втором — исходным.

В имении Пески помещиков Гжатского уезда Нееловых (5 деревень, 86 дворов) в первой половине XIX в. преобладала оброчная форма эксплуатации и значительная часть крестьян искала заработков на мануфактурах Московской губернии или в Петербурге. Здесь уже к реформе образовался слой безлошадных и однолошадных крестьян (43 двора) и слой крестьян зажиточных, каждый из которых имел в среднем 4 лошади (15 дворов). Большинство зажиточных крестьян занималось скупкой и перепродажей хлеба, ездило в уезды своей и в соседние губернии с трешотками для очистки семян, получая от этого значительный доход, в то время как безлошадные и однолошадные уходили на заработки в города, отрывались от земледелия.

Совершенно другая картина наблюдалась в оброчной деревне Подселице Духовщинского уезда и в барщинных имениях Дорогобужского уезда помещика Барышникова. Здесь в 1827 г. не было ни одного безлошадного или однолошадного, ни одного бескоровного двора. Почти таким же было положение и накануне реформы, в 1857 г. Только подворная опись имения Кузино зафиксировала по одному безлошадному и однолошадному двору. Бескоровных дворов было несколько больше (8), но в общем тоже немного. Такая стабильность обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим скотом достигалась прежде всего с помощью системы дольничества: из зажиточных многосемейных дворов

³ Таблица составлена на основе подворных описей (Государственный архив Смоленской области — ГАСО, ф. 114, 1827 г., дела 134, 201, 203, 204, 206, 208—212; 1857 г., дела 226, 232—238; ф. 598, св. 7, дела 217, 220) и земской статистики (Сборник статистических сведений по Смоленской губернии, т. III, Гжатский у. Смоленск 1887, стр. 336, 366; т. V, Дорогобужский у. Смоленск 1889, стр. 72, 78, 102, 114, 156, 162, 192, 198; т. VI, Духовщинский у. Смоленск 1889, стр. 222).

помещик выводил отдельные семьи с долей хозяйства (отсюда название «дольник») в обедневшие дворы, и в результате такой операции крестьянские хозяйства, оказавшиеся на время на противоположных полюсах, силой владельческого права ставились на уровень среднего достатка.

К 1885—1887 гг. во всех изучаемых селах и деревнях образовался слой крестьян, целиком лишившихся средств производства и являвшихся источником формирования нового класса — пролетариата. В бывших барщинных деревнях, где к моменту реформы не было ни одного такого хозяйства, они составили 25—30% общего числа дворов. Сохранялся и значительный слой крестьян, из которых формировалась сельская буржуазия.

Таким образом, сопоставление сравнительных данных об обеспеченности крестьянских хозяйств группы селений Смоленской губернии рабочим и другим скотом позволяет сделать вывод, что дореформенное развитие деревни во многом отличалось от ее пореформенного развития и что расслоение крестьянства в первой половине XIX в. еще не приняло характера разложения. Однако снижение общего уровня крестьянского хозяйства уже в этот период показывает, что корни процесса разложения крестьянства уходят в дореформенную эпоху. В работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» В. И. Ленин писал: «Основная и главная тенденция капитализма состоит в вытеснении мелкого производства крупным, и в промышленности и в земледелии. Но это вытеснение нельзя понимать *только* в смысле немедленной экспроприации. К вытеснению относится также могущее тянуться годами и десятилетиями разорение, ухудшение условий хозяйства мелких земледельцев... Задача научного исследователя... состоит прежде всего и больше всего в том, чтобы точно определить признаки разорения, которые вовсе не отличаются простотой и однообразием; — затем в том, чтобы вскрыть эти признаки, проследить и по возможности учесть широту их распространения, изменение их во времени»⁴.

На протяжении всей второй четверти XIX в. обеспеченность крестьянского двора рабочим и другим скотом падала. Реформа 1861 г. усилила этот процесс. Соответствующие данные по некоторым изученным нами селениям приводятся в таблице 2.

Таблица 2

Обеспеченность крестьянских хозяйств 7 групп селений Дорогобужского уезда лошадьми и коровами в расчете на 100 душ населения

Группа селений	Приходится на 100 душ населения					
	лошадей			коров		
	1827 г.	1857 г.	1886—1887 гг.	1827 г.	1857 г.	1886—1887 гг.
Алексинская	44,1	42,2	30,4	29,1	23,1	21,5
Громовская	53,2	48,0	32,5	28,1	23,8	21,2
Озерищенская	45,1	41,6	30,4	27,0	20,1	20,8
Лубницкая	51,0	35,3	32,8	31,0	17,8	24,4
Кузинская	45,7	36,1	34,2	26,3	18,5	33,5
Шавеевская	38,2	31,4	27,4	39,7	18,2	23,9
Дер. Подселица	45,9	34,3	33,3	41,8	30,6	38,3

Сокращение обеспеченности лошадьми особенно заметно в Громовской и Лубницкой группах. В имении Громово только в период с 1827 по 1857 г. она уменьшилась на 9,0%, в период с 1857 по 1886—1887 гг. — на 32,3%. Обеспеченность коровами в 1827—1857 гг. падала повсеместно.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 58.

После реформы 1861 г. в некоторых группах селений она несколько поднялась, хотя уровень 1827 г. был достигнут только в одной Кузинской группе.

Ухудшение условий ведения крестьянского хозяйства во второй четверти XIX в. объективно готовило падение крепостного права, создавало предпосылки разложения деревни, начавшегося после реформы 1861 г.

В. И. Ленин указывал, что «... образование противоположных экономических типов — пролетариата и сельской буржуазии...» обуславливалось глубокими изменениями крестьянского хозяйства. «Смешно было бы думать, напр., — писал В. И. Ленин, — что отдельные данные о распределении лошадей в состоянии разъяснить хоть что-нибудь по вопросу о крестьянском разложении. Это распределение ровно еще ничего не показывает, если не взять его в связи со всей совокупностью данных о крестьянском хозяйстве»⁵.

В процессе расслоения крестьянства менялись численный состав дворов, доля рабочего возраста в крестьянском населении и распределение рабочих рук по отдельным категориям хозяйств. В таблице 3, составленной по материалам шести групп селений Дорогобужского уезда (33 деревни), приводятся данные об изменении численного состава крестьянских дворов⁶.

Т а б л и ц а 3

Изменение численного состава крестьянских дворов 6 групп селений Дорогобужского уезда во второй половине XIX в.

Группа селений	1857 г.			1886—1887 гг.			1886—1887 гг. в % к 1857 г.		
	дворов	население		дворов	население		дворов	население	
		всего	в средн. на двор		всего	в средн. на двор		всего	в средн. на двор
Алексинская	69	670	9,7	168	964	5,7	243	144	59
Громовская	23	223	9,7	50	283	5,7	217	127	59
Озерищенская	52	473	9,1	106	667	6,3	204	141	69
Лубницкая	31	331	10,6	69	475	6,9	223	144	65
Кузинская	34	324	9,5	62	418	6,7	182	129	71
Шавеевская	34	379	11,1	98	577	5,9	288	152	53
Всего	243	2400	9,9	553	3384	6,1	277	141	62

В 1857 г. в анализируемых деревнях насчитывалось 243 двора и 2400 душ обоего пола. В среднем на один двор приходилось по 9,9 души. Наименьшей численность населения двора была в имении Озерище (9,1 души), наибольшей — в Шавееве (11,1 души). К 1886—1887 гг. общая численность дворов увеличилась до 553, или на 127% (более чем в два раза). В Озерищенской группе число дворов выросло в два раза (на 104%), в Шавеевской — почти в три раза (на 188%). Население с 1857 по 1886—1887 гг. выросло до 3384 душ обоего пола, или на 41%, но численный состав крестьянского двора за этот период сократился до 6,1 души, или на 38%⁷.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 107, 106.

⁶ Таблица составлена на основе подворных описей за 1857 г. (ГАСО, ф. 114, дела 226, 232—236, 238) и материалов земской статистики (Сборник статистических сведений по Смоленской губернии, т. V, Дорогобужский у., стр. 66—69, 74—75, 98—99, 110—111, 188—189, 194—195).

⁷ Естественный прирост населения привел к некоторому укрупнению сел и деревень. В названных выше группах селений в 1857 г. села и деревни с числом жителей свыше 100 душ обоего пола составляли 18,8%, а в 1886—1887 гг. — 39,4%.

Увеличение количества крестьянских хозяйств при одновременном сокращении численного состава двора (что было связано с массовыми разделами многосемейных дворов в период проведения реформы 1861 г. и в первые десятилетия пореформенного развития) создавало объективные условия для разложения деревни: почти весь прирост числа дворов пошел на увеличение низшей их группы.

Анализ сопоставимых данных дореформенных подворных описей и переписей земской статистики показывает глубокие изменения в возрастном составе крестьянского населения: падает доля рабочего возраста в общей массе населения⁸, постепенно растет число дворов без работников (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Доля рабочего возраста в населении 6 групп селений Дорогобужского уезда во второй половине XIX в.

Группа селений	1857 г.							1886—1887 гг.						
	населения об. пола	населения рабочего возраста			% рабочего населения			населения об. пола	населения рабочего возраста			% рабочего населения		
		всего	в том числе		ко всему населению	в насел. муж. пола	в насел. жен. пола		всего	в том числе		ко всему населен.	в насел. муж. пола	в насел. жен. пола
			муж. пола	жен. пола						муж. пола	жен. пола			
Алексинская	670	377	187	190	56,3	55,5	57,1	964	493	245	248	51,1	52,8	49,6
Громовская	223	123	59	64	55,2	52,7	57,7	283	146	69	77	51,6	49,3	53,8
Озерищен- ская	473	268	129	139	56,7	55,6	57,7	667	321	158	163	48,1	47,0	49,3
Лубницкая	331	176	86	90	53,2	54,1	52,0	475	225	108	117	47,6	43,4	51,8
Кузинская	324	189	95	94	58,3	60,1	56,6	418	215	100	115	51,2	47,6	55,3
Шавеевская	379	199	89	110	52,5	49,2	55,6	577	277	130	147	47,0	45,1	50,9
Всего	2400	1332	645	687	55,5	54,7	56,3	3384	1677	810	867	49,4	48,0	51,1

Из данных таблицы 4 видно, что доля рабочего возраста в общей массе крестьянского населения за период с 1857 по 1886—1887 гг. сократилась с 55,5 до 49,4%, в том числе среди мужского населения — с 54,7 до 48,0% и женского — с 56,3 до 51,1%⁹. В отдельных группах селений этот процесс обозначился еще более резко. Так, в селениях бывшей Озерищенской вотчины в 1857 г. рабочее население составляло 56,7%, а в 1886—1887 гг. — 48,1%.

Распределение рабочих рук (мужского пола) по отдельным категориям хозяйств представлено в таблице 5.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что за период с 1857 по 1886—1887 гг. число дворов без работников мужского пола увеличилось с 0,8 до 9,0%, с одним работником — с 10,3 до 51,2%, а доля дворов с двумя и с тремя и более работниками сократилась: первая — с 41,2 до 26,4%, вторая — с 47,7 до 13,6%. Необходимо отметить, что в 1857 г. в Озерищенской, Лубницкой, Кузинской и Шавеевской группах селений не было ни одного двора без работника, в Громовской и Алексинской группах было по одному такому двору. В 1886—1887 гг. в Алексинской группе насчитывалось 24 двора без работника (14,3%), а в Громовской — 5 дворов (10,0%). Всего переписью 1886—1887 гг. в 6 группах селений дворов

⁸ Земская статистика относилась к рабочему населению тех же лиц, что и помещики, — мужчин в возрасте 18—60 лет и женщин в возрасте 16—55 лет.

⁹ Из числа работников за 1857 г. исключено 72 души обоего пола увечных, 17 душ отставных солдат и 62 души солдаток рабочего возраста, а из числа работников за 1886—1887 гг. — 27 душ увечных и солдат. Данные земской статистики о числе калек и солдат вызывают сомнение.

Таблица 5

Распределение рабочих рук по отдельным категориям хозяйств 6 групп селений
Дорогобужского уезда во второй половине XIX в.

Группы селений	1857 г.					1886—1887 гг.				
	дворов	% дворов				дворов	% дворов			
		без работников	с 1 работником	с 2 работниками	с 3 и более работниками		без работников	с 1 работником	с 2 работниками	с 3 и более работниками
Алексинская	89	1,5	7,2	34,8	56,5	168	14,3	47,0	23,2	15,5
Громовская	23	4,3	4,3	47,9	43,5	50	10,0	52,0	30,0	8,0
Озерищенская	52	—	15,4	38,5	46,1	106	7,5	52,0	25,5	15,0
Лубницкая	31	—	6,4	45,2	48,4	69	8,7	47,8	27,5	16,0
Кузинская	34	—	8,8	44,1	47,1	62	1,6	46,7	35,5	16,1
Шавеевская	34	—	17,6	47,1	35,3	98	6,1	62,2	24,5	7,2
Всего	243	0,8	10,3	41,2	47,7	553	9,0	51,2	26,4	13,6

без работника было учтено 50, с одним работником — 283, с двумя — 146 и с тремя работниками — 74.

Распределение рабочих рук в крестьянских хозяйствах — один из показателей процесса разложения пореформенной деревни.

Параллельно процессу разложения в земледелии происходил процесс разложения в крестьянских промыслах. В. И. Ленин показал его на основе анализа статистических данных подворных переписей кустарей Московской и Пермской губерний. Сопоставление земской статистики и подворных описей дореформенного времени по отдельным деревням Смоленской губернии дает возможность углубленно изучить и этот вопрос.

Интересные наблюдения позволяет сделать анализ данных подворной описи 1846 г. и земской переписи 1885 г. по 42 селам и деревням, составившим до реформы 1861 г. Мокринское имение кн. В. В. Долгорукова в Гжатском уезде (табл. 6¹⁰).

Таблица 6

Распределение дворов Мокринского имения по обеспеченности рабочей силой и заработкам

Показатели	1846 г.		1885 г.	
	всего	в % к целому	всего	в % к целому
Дворов	698		1213	
Душ обоего пола	5285		5751	
в т. ч. муж. пола	2680	50,7	2787	48,4
из них 18—60 лет	1473	55,0*	1549	55,6*
Дворов без работников муж. пола	8	1,2	156	12,8
Дворов с 1 работником муж. пола	185	26,5	708	58,4
Дворов с 2 работниками муж. пола	296	42,4	240	19,8
Дворов с 3 и более работниками муж. пола	209	29,9	109	9,0
Дворов без заработков	172	24,7	125	10,3
Дворов, имевших местные и отхожие заработки	526	75,3	1088	89,7
Лиц, имевших заработки	712	48,3**	1181	76,2**

* От мужского населения.

** От мужского населения рабочих возрастов.

¹⁰ ГАСО, ф. 598, оп. 1, рукописи, св. 3, д. 67; Сборник статистических сведений по Смоленской губернии, т. III, Гжатский у., стр. 152—163.

Из таблицы 6 вытекает, что за период 1846—1885 гг. процент мужского населения в селениях бывшего Мокринского имения несколько сократился, однако доля рабочих возрастов в мужском населении практически не изменилась. Число дворов без работников, а также с одним работником увеличилось во много раз, дворов с двумя и более работниками — уменьшилось. Процент дворов без заработков за рассматриваемый период сократился более чем вдвое, процент дворов, имевших местные и отхожие заработки, — увеличился. Весьма значительно увеличился процент лиц, имевших заработки.

Промышленная деятельность крестьян до реформы 1861 г. зависела прежде всего от формы их эксплуатации. В 1846 г. в Мокринском имении 319 дворов находились на барщине и 379 платили оброк. Оброчные дворы (54,3% всех хозяйств имения) концентрировали 74,4% «кустарей» (530 из 712). Из барщинных дворов в промышленную деятельность было вовлечено 182 крестьянина (29,8% работников мужского пола барщинных дворов), что объяснялось деградацией барщинной деревни: крестьяне, лишившиеся рабочего скота и других средств производства, не могли прокормить себя и свою семью и были вынуждены заниматься промыслами, идти в отход.

В то же время степень развития мелкой промышленности находилась в прямой связи и с состоятельностью крестьянских хозяйств. В подворной описи 1846 г. все крестьянские хозяйства разделены на четыре категории — богатых, достаточных, посредственных и бедных. При установлении степени состоятельности того или иного двора учитывалась не только его обеспеченность средствами производства, но и промышленная деятельность. К категориям богатых и достаточных отнесены дворы ткачей-фабрикантов, т. е. владельцев светелок, прасолов, торгашей, мельничных мастеров, фабричных машинистов, маслобойщиков, извозчиков на 9 лошадях, троечных извозчиков, к категориям бедных и посредственных — дворы безлошадных и однолошадных крестьян, нанимавшихся к «фабрикантам» в качестве ткачей или шпильников, дворы кровельщиков (делавших соломенные крыши), плотников и т. д.

К общему числу хозяйств вотчины богатые дворы составляли 5,3%, достаточные — 15,2%, посредственные — 50,9%, бедные — 28,6%. Но среди дворов, связанных с промыслами, процент богатых увеличивается до 8,0%, а бедных — уменьшается в два раза, до 14,5%. В 1885 г. в названных деревнях было 469 безлошадных и 419 однолошадных дворов, 267 дворов имели по две и 58 — по три и более лошади.

В пределах отдельных категорий хозяйств степень развития мелкой промышленности была весьма различной: среди богатых дворов дворы, связанные с промышленностью, составляли в 1846 г. 89,2% (33 из 37), среди достаточных — 78,3% (83 из 106), среди посредственных — 67,3% (239 из 355) и среди бедных — 30,0% (60 из 200). Примерно такие же соотношения получаем и при сопоставлении богатых, достаточных, посредственных и бедных дворов по числу работников мужского пола, занимавшихся промыслами. Так, в самых состоятельных дворах работники, занимавшиеся промыслами, составляли 68,6% общего числа работников мужского пола данной категории и 74,5% всех работников своих дворов, в группе достаточных дворов — соответственно, 66,5 и 82,8%, посредственных — 50,1 и 71,4% и бедных — 24,4 и 68,1%.

Таким образом, при сопоставлении любых показателей наблюдается примерно одна и та же зависимость: степень связи крестьян с промышленностью возрастает по мере увеличения степени состоятельности их хозяйств. Эта зависимость не нарушается и в том случае, если мы будем рассматривать раздельно барщинные и оброчные хозяйства.

Наиболее многочисленные группы среди работников, занимавшихся промыслами, составляли ткачи (173 человека), плотники (205 человек),

бондари (63 человека), извозчики (38 человек), кузнецы (22 человека). Однако как этими, так и другими промыслами крестьяне разной состоятельности занимались далеко не в одинаковой степени. Среди бедных крестьян нет кузнецов, мельников, извозчиков, а также овчинников, красильщиков и маслобойщиков, среди богатых и достаточных, напротив, почти нет кровельщиков, портных, шерстобоев, каменщиков и печников. В оброчных дворах нет кровельщиков, печников, в барщинных — мельников, маслобойщиков, красильщиков и крайне мало извозчиков и кузнецов, т. е. представителей таких промыслов, которые требовали приобретения соответствующего оборудования, строительства особых помещений и т. п.

Неодинаковым было положение «кустарей» и в пределах одних и тех же промыслов. Ткачей, например, много среди всех групп крестьян, но в богатых оброчных дворах они выделены в особую категорию — «фабрикантов». За названием «фабрикант» здесь скрывается светелочник, экономически подчинявший себе других крестьян. Имея по 10—30 станов, светелочники нанимали соответствующее число ткачей и шпульников из крестьян своих и соседних деревень (преимущественно из бедняков). Среди «кустарей» опись отмечает 6 прасолов и 5 торгашей-лавочников.

Плотники, пильщики, кровельщики и некоторые другие «мастеровые» уходили на заработки в соседние уезды или за пределы губернии.

Отсутствие первичных материалов земской подворной переписи не позволяет нам, к сожалению, сделать аналогичную разработку по 1885 г.

Небезынтересно привести статистические данные о промыслах за 1858 и 1885 гг. по пяти деревням Гжатского уезда, составлявшим до реформы 1861 г. вотчину помещиков Нееловых (табл. 7¹¹).

Таблица 7

Распространение промыслов среди крестьян ряда деревень Гжатского уезда
во второй половине XIX в.

Деревни	1858 г.						1885 г.					
	всего дворов	в том числе				население об. пола	число лиц, уход. на отхожие заработки	всего дворов	в том числе			
		без заработка	имевших местные за-работки	имевших отхожие заработки					без заработка	имевших местные за-работки	имевших отхожие заработки	населения об. пола
Ширякина	20	3	3	15	156	26	29	1	5	21	126	34
Степанцева	19	9	1	9	165	20	43	4	3	37	189	62
Плоская	20	3	4	14	162	29	32	2	4	28	149	50
Наврищи	14	6	7	4	126	5	30	4	6	20	172	42
Мышьяки	13	6	2	7	116	8	27	3	7	19	127	28
Всего	86	27	17	49	725	88	161	14	25	125	763	216

Из данных таблицы 7 видно, что в названных деревнях накануне реформы не имела заработков от промыслов приблизительно третья часть дворов (27 из 86), а лица, уходившие на заработки, составляли 12,1% населения. За 27 лет число дворов без промыслов сократилось до 8,7%, а число отходников выросло почти в три раза и доля их составила 28,3%. Деревни Наврищи и Мышьяки в дореформенные годы почти не имели отходников, а к 1885 г. они составляли здесь $\frac{1}{4}$ всего населения.

¹¹ ГАСО, ф. 598, св. 7, д. 220; Сборник статистических сведений по Смоленской губернии, т. III, Гжатский у., стр. 332—337, 362—367.

Характер отрезков и изменение землепользования крестьян

Деревни	Землепользование в 1858 г.									Землепользование					
	дворов	населения об. пола	земли (дес.)							дворов	населения об. пола	земли			
			всего	в том числе								всего	в том		
				усадеб и огород	пашня	сенокосы	пастбища	лес и кустарник	неудобная				усадеб и огород	пашня	сенокосы
Богданов-щина	7	96	291	7	111	130	15	14	14	21	132	178	6	90	—
Харланово	8	96	249,5	7	108	130	3	10	1,5	16	118	174	4,5	117	21
Плахово	12	161	471	13	198	230	10	15	5	30	188	298	8,5	151	7
Шубино	6	62	212,5	6	93	100	2	6	5,5	17	83	131	5,5	57	10
Юханово	6	74	232	6	108	110	—	4	4	19	98	165	4	80	7
Макарово	4	48	140,5	5	57	65	—	10	3,5	10	71	102	2,5	66	31,5
Гришнево	4	49	157,5	4,5	60	80	—	10	3	12	67	88	2,5	40	12,5
Аксентьево	5	66	215	5	99	90	2	15	4	15	86	116	6	50	21
Ручково	12	121	333	10	150	150	—	15	8	33	166	237	7,5	130	12
Петрово	4	40	141	3	48	75	—	12	3	10	56	75	4	51	4
Лягушкино	3	36	127	3	54	50	2	15	3	13	70	85	3	56,5	20,5
Молошино	15	162	332	15	192	108	3	10	4	36	243	317	14	158	30
Подрезово	4	36	85	3	45	32	—	3	2	8	44	68	4	14,5	8
Усадище	10	113	221	10	138	60	—	6	7	32	204	248	7	142	23,5
Всего	100	1160	3208	97,5	1471	1400	37	145	67,5	272	1626	2282	79	1203	208

Примечание. Знак «+» в графах, где речь идет об отрезках, означает, что в «Прирезано кустарников» означает, что в данном случае площадь под кустарниками во

Анализ сопоставимых данных земской статистики и подворных описей показывает также, что в дореформенное время большинство крестьян-промышленников не было окончательно отделено от земледелия и что процесс этот протекал крайне медленно. В названных выше пяти гжатских деревнях в 1858 г. только 5 дворов не были связаны с земледелием и занимались промыслами или продавали свою рабочую силу, а в 1885 г. таких дворов насчитывалось уже 61. Другими словами, на начальной стадии развития капитализма промышленник и земледелец выступает в одном лице, а в дальнейшем он либо превращается в предпринимателя, либо бросает землю и промысел и становится наемным рабочим.

Сравнительный анализ статистических данных подворных описей и земских переписей может быть использован и для раскрытия характера реформы 1861 г. В частности, он дает конкретное представление об отрезках и изменении землепользования крестьян после реформы. В работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» В. И. Ленин писал, что «...земли, оставленные в надел крестьянам после той экспроприации крестьян в пользу помещиков, которая называется великой реформой 1861 года, несравненно хуже качеством, чем земли помещичьи», и что «...в массе случаев земли крестьянам при «освобождении» их от земли помещиками в 1861 году отмежеваны таким образом, что крестьяне оказались в западне у «своего» помещика... Крестьяне «освобождены» в 1861 году от необходимых для их хозяйств водопоев, выгонов и т. п.»¹². Приведем конкретный пример, наглядно раскрывающий это ленинское положение.

¹² В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 61.

Таблица 8

в имении Богдановщина помещицы Е. И. Белкиной в Вяземском уезде

в 1885 г.			Отрезано в 1861 г. удобной земли (дес.)					Прирезано в 1861 г. кустарников (дес.)	Общая величина отрезков (дес.)	Аренда в 1885 г.							
(дес.)										миром				индивидуально			
числе														пашня и покос (руб.)		пастбища (руб.)	
пастбища	лес и ку-старник	неудобная	усадебной и огородной	пахотной	сенокосной	пастбищной	число дворов, аренд. землю			за деньги	за отгра-ботки	за деньги	за отгра-ботки	под лен	под яров. зернов.		
—	75,5	6	1	21	130	15	61,5	113	17	—	—	—	95	54	1,6	—	
—	25	6	2,5	+9	99	3	15	75,5	15	—	—	—	95	28	1,25	—	
—	121	10,5	4,5	47	223	10	106	173	22	—	63	—	—	35	—	—	
—	56	3	0,5	36	90	2	50	81,5	12	—	—	30	16	20	—	—	
—	70	5	2	28	103	—	66	67	13	—	—	—	32	—	—	—	
—	—	2	2,5	+9	33,5	—	—10	38,5	9	—	—	—	12	12	6	2	
—	28	4	2	20	67,5	—	18	69	9	—	—	—	8	—	—	—	
—	39	—	+1	49	69	2	24	99	11	—	22	—	41	8	0,5	—	
—	86,5	1	2,5	20	138	—	71,5	96	20	—	162	100	40	—	0,5	1	
—	9	7	+1	+3	71	—	—3	66	7	—	90	—	—	30	2,5	—	
—	—	5	—	+2,5	29,5	2	—15	42	9	—	—	—	19	13	1,5	—	
—	115	—	1	34	78	3	105	15	35	60	—	—	840	273	24,75	1,25	
—	42,5	0,5	1	30,5	24	—	39,5	17	7	250	—	—	53	20	—	—	
—	72,5	4	3	+4	36,5	—	66,0	+27	28	—	—	50	—	383	4,7	1,25	
—	740	54	20,5	258	1192	37	595	926	214	310	337	180	1251	876	43,3	5,5	

данном случае имело место увеличение площади крестьянских земель; знак «—» в графе владении крестьян уменьшилась.

Крестьяне 14 сел и деревень имения Богдановщина помещицы Е. И. Белкиной Вяземского уезда (табл. 8¹³) до реформы 1861 г. имели в своем пользовании 3208 десятин надельной земли, в том числе 97,5 десятины усадебной, 1471 десятину пахотной земли, 1400 десятин сенокосов, 37 десятин пастбищной земли, 145 десятин, занятых лесом и кустарниками, и 67,5 десятины неудобной земли (болота, озера, дороги). Отрезки составили 926 десятин, или 28,9% всей надельной земли, и в пользовании крестьян после реформы оказалось усадебной земли 79 десятин (уменьшение на 18,9%), пашни — 1203 десятины (уменьшение на 18,2%), сенокосов — 208 десятин (уменьшение на 85,1%); пастбищ крестьяне лишились полностью, но зато получили в прирезку 595 десятин кустарников. Крестьяне были не только ограблены, но к тому же еще поставлены в тяжелые условия: без кабальной аренды земли у помещиков возможность ведения хозяйства исключалась. В 1885 г. землю (преимущественно сенокосы и пастбища) арендовали 214 хозяйств из 272.

Итак, рассмотрев вкратце приведенные выше данные, мы приходим к выводу, что при соблюдении строго научного подхода к обработке земской статистики и подворных описей анализ сопоставимых данных обоих источников может принести большую пользу в уяснении процессов, происходивших в крестьянском хозяйстве как в дореформенную, так и в пореформенную эпоху.

¹³ ГАСО, ф. 119, д. 625; Сборник статистических сведений по Смоленской губернии, т. I, вып. 1, Вяземский у. Смоленск 1885, стр. 122—133, 146—157.

С. М. Б а й к о в а

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ КРЕСТЬЯН БЕЛОРУССИИ В ВОССТАНИИ 1863 Г.

В послевоенные годы в советской исторической науке восстанию 1863 г. на территории Литвы и Белоруссии уделяется все больше внимания. Такой интерес вполне закономерен, если учесть, что эта яркая страница в истории белорусского и литовского народов долгое время была незаслуженно забыта.

В дворянской и буржуазной исторической науке господствовала антинаучная точка зрения на события 1863 г. в Литве и Белоруссии, которые изображались как чисто польское восстание, активную и руководящую роль в котором играла польская шляхта и католическое духовенство. При этом историки стремились доказать, что события 1863 г. не имели здесь ни социальных, ни экономических корней и потому оказались абсолютно чуждыми местному населению.

Одним из первых и наиболее удачных опытов исследования классовой сущности восстания 1863 г. с марксистских позиций является работа С. Н. Драницына¹. Однако он изучил в основном материал, относящийся к территории Польши, и не остановился отдельно на событиях в Литве и Белоруссии.

В послевоенные годы советскими историками написан целый ряд научных работ, посвященных восстанию 1863 г. в Литве и Белоруссии. Назовем прежде всего книги и статьи Ю. И. Жюгжда², Л. Н. Бичауска-Гентвилы³, А. Ф. Смирнова⁴, а также монографию И. Н. Лушицкого⁵.

Работы всех этих авторов были направлены главным образом против антинаучной концепции дворянско-буржуазных историков о восстании 1863 г. Исследователи сосредоточили внимание прежде всего на выяснении роли белорусских и литовских революционных демократов в этом восстании. Они убедительно доказали, что в Литве и Белоруссии, так же как и в Польше, в рядах партии «красных» имелось революционно-демократическое крыло, которое вело среди широких крестьянских

¹ С. Н. Драницын. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. Л. 1937.

² Ю. И. Жюгжда. Развитие демократического движения в Литве в 60-х годах XIX в. и влияние на него русского революционно-демократического движения. — «Исторические записки», т. 45, 1954; его же. Антанас Мацкявичюс — руководитель борьбы крестьянства Литвы против царизма и помещиков. — «Коммунист» (изд. ЦК КП Литвы), 1951, № 1—2; его же. *Valstiečių sukilimas Lietuvoje 1863 m.* — В кн.: *Lietuvos valstiečiai XIX amž.* Vilnius 1957.

³ L. Bičkauskas-Gentvila. 1863 m. sukilimas Lietuvoje. Vilnius 1958.

⁴ А. Ф. Смирнов. Константин Калиновский. Минск 1950; его же. К. Калиновский — борец и мыслитель. — «Вопросы философии», 1951, № 2; его же. Кастусь Каліноўскі ў паўстанні 1863 г. Мінск 1959; его же. Кастусь Калиновский. М. 1959.

⁵ І. Н. Лушчыцкі. Нарысы па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі ў Беларусі ў другой палавіне XIX веку. Мінск 1958.

масс подготовку к восстанию за землю и волю, что лучшие представители польских, белорусских и литовских революционеров в лице З. Сераковского, А. Мацквичюса, К. Калиновского и др. явились выразителями интересов литовских и белорусских крестьян. Упорная работа революционеров-демократов сказалась во время восстания, когда многие крестьяне присоединились к повстанческим отрядам, помогали восстанию. Сами революционные демократы находились на первой линии борьбы, стремились встать во главе руководства восстанием, с тем чтобы превратить его в аграрную революцию. Уже своими первыми исследованиями о роли революционеров-демократов в восстании 1863 г. советские историки развеяли миф о том, что это восстание не имело в Литве и Белоруссии ни социальных, ни политических корней, что оно оказалось совершенно чуждым коренному населению.

Однако необходимо иметь в виду, что восстание 1863 г. на территории Литвы и Белоруссии было весьма сложным явлением. Здесь в этот период переплелись такие течения, как борьба белорусских крестьян против помещиков и грабительской реформы 1861 г., национальное движение польского населения, проживавшего на территории Литвы и Белоруссии, борьба белорусского народа против национального угнетения. Поэтому выводы названных авторов о характере восстания на территории Литвы и Белоруссии кажутся нам несколько неточными. Совершенно правильно выступая против антимарксистской концепции дворянских и буржуазных историков, они впали в другую крайность. Из факта активного участия революционных демократов в восстании и их стремления превратить его в аграрную революцию, из многочисленных фактов участия литовских и белорусских крестьян в повстанческих отрядах Ю. И. Жюгжда, Л. Н. Бичаускас-Гентвила, А. Ф. Смирнов и И. Н. Луццкий делают вывод, что восстание на этой территории, в отличие от коренной Польши, носило крестьянский, антипомещичий характер.

Определение характера восстания 1863 г. оказывается значительно более сложным делом, чем это представляли себе упомянутые исследователи. Ибо что значит определить характер восстания? В первую очередь необходимо выяснить движущие силы и состав руководителей восстания, исследовать их программу и тактику. По отношению к восстанию 1863 г. все эти вопросы чрезвычайно сложны, и разрешение их требует коллективных усилий историков.

Цель данной статьи — в кратких словах остановиться на тех предварительных выводах, которые можно было сделать при изучении (главным образом в местных архивах Белоруссии и Литвы) документов об участии белорусских крестьян в восстании 1863 г. Из всей массы материалов, послуживших основанием для выводов, приводится лишь незначительная часть их.

Степень участия крестьян во всяком движении и их активность во многом зависят от того, насколько программа, провозглашенная руководителями движения, отвечает основным крестьянским требованиям, и в первую очередь от того, насколько радикально разрешается этой программой аграрный вопрос.

Как известно, официальная программа восстания 1863 г., выраженная в Манифесте и декретах от 22 января (10 января ст. ст.), была сформулирована партией «красных». Как в самой Польше, так и в Литве и Белоруссии «красные» по своему составу были неоднородны. Правое крыло их (умеренные) по своим взглядам тяготело к партии «белых», левое крыло составляли революционные демократы (такие, как Я. Домбровский, З. Сераковский, А. Мацквичюс, К. Калиновский и др.), разделявшие взгляды русских революционеров-демократов как по национальному, так и по аграрному вопросу. Ни в Варшаве, ни в Вильно революционные демократы не составляли в руководящих органах вос-

стания устойчивого большинства. Наряду с Ярославом Домбровским и Брониславом Шварце в Центральном национальном комитете (ЦНК) и Константином Калиновским в Литовском провинциальном комитете, в эти органы входили также умеренные «красные» типа А. Гиллера, О. Авейде и целого ряда других. Таким образом, в период подготовки и во время самого восстания революционные демократы действовали совместно с умеренными в рамках одной организации и вынуждены были выработать одну общую программу.

Наличие двух разных группировок не могло не сказаться на основных положениях программы восстания. Умеренные «красные» боялись крестьянской революции, но в то же время они понимали, что без поддержки крестьян восстание будет обречено на поражение. Поэтому умеренные «красные» не отрицали необходимости определенных аграрных преобразований, для того чтобы привлечь крестьян под повстанческие знамена, но одновременно не хотели допустить ликвидации помещичьего землевладения. Польские же, литовские и белорусские революционные демократы, стоя на позициях великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского, стремились ликвидировать помещичье землевладение путем крестьянской революции и потом, в ходе восстания, превратить шляхетское восстание в крестьянское. Как результат взаимодействия этих двух противоположных точек зрения на аграрный вопрос появилась летом 1862 г. первая официальная программа ЦНК, просуществовавшая без изменений в течение всего периода восстания.

Еще летом 1862 г., перед окончательным формулированием программы ЦНК, его официальный орган «Ruch» на своих страницах убеждал помещиков в необходимости идти на уступки крестьянам, чтобы привлечь их к восстанию. «Ruch» писал, что невозможно будет поднять деревню на восстание, «если паны не перестанут ставить на первый план свой собственный интерес, если они не откажутся от предрассудков и вредных для польского дела способов эксплуатации по отношению к крестьянам», и поэтому призывал помещиков прекратить чудовищную эксплуатацию крестьян. В то же время Центральный национальный комитет на страницах «Ruch» убеждал крестьян забыть о своих обидах и объединиться со всеми слоями общества, в том числе и с помещиками, во имя завоевания национальной независимости. Это стремление объединить все классы польского общества, от помещиков до крестьян, и каким-то образом удовлетворить всех и породило ту программу из 9 пунктов, которая была опубликована в № 5 «Ruch». Ее четвертый пункт касался разрешения аграрного вопроса в ходе восстания: Центральный комитет обещал наделить крестьян той землей, которой они владели, помещики же за уступленные крестьянам земли должны были получить вознаграждение от правительства. Кроме того, крестьяне всех национальностей и вероисповеданий уравнивались в своих правах со всеми другими сословиями.

Эти принципы легли также в основу известного Манифеста ЦНК и двух декретов от 22 января 1863 г. Манифест призывал весь народ Польши к оружию и объявлял равными всех «без различия веры, племени, происхождения и сословия»⁶, а в декретах были сформулированы аграрные преобразования, которые проведет революционное правительство. По одному из декретов, как известно, в собственность крестьян передавались без всякого выкупа лишь те наделы, которыми они пользовались к моменту издания декретов. Помещики за эту землю получали вознаграждение из национальных фондов. Второй декрет касался безземельных крестьян. Надо отметить, что до издания его вопрос о безземельных крестьянах в программе «красных» не поднимался. Но необходимость привлечь к восстанию этот многочисленный слой крестьян

⁶ История Польши, т. II. М. 1955, стр. 126.

заставила ЦНК каким-то образом решить вопрос о наделении безземельных. Согласно декрету, безземельные крестьяне получали участки земли в три морга. Однако и такой нищенский надел можно было получить только при условии службы в повстанческих отрядах и после успешного завершения восстания.

На протяжении всего периода восстания аграрная программа не менялась. Мартовские, июньские и июльские постановления Центрального комитета были лишь повторением январских декретов. Таким образом, ЦНК исходил из признания незыблемости помещичьего землевладения. Это видно прежде всего из того, что за земли, находившиеся в пользовании крестьян, народное правительство должно было уплатить помещикам из народных средств. Крестьянам передавались в собственность только те земли, которыми они уже пользовались за повинности. Никаких прирезок не предусматривалось, упразднялись только эти повинности, что не могло удовлетворить основную массу малоземельных крестьян. Не отвечал народным чаяниям и декрет о безземельных крестьянах. Наделение их 3 моргами земли на двор не разрешало для них земельную проблему.

Следовательно, январские декреты ЦНК не могли до конца и полностью удовлетворить самую многочисленную часть сельского населения — малоземельных и безземельных крестьян. Эту половинчатость аграрной программы повстанцев особенно подчеркивают исследователи. Однако для выяснения степени участия крестьян в восстании надо обращать внимание не только на ограниченность этой программы, но и на ее мобилизующее значение в деле привлечения определенных групп крестьян в повстанческие отряды.

По сравнению с Положениями 19 февраля 1861 г. декреты Центрального комитета были большим шагом вперед. В отличие от царских Положений, декреты отменяли всякие повинности крестьян в пользу помещиков, освобождали их от выкупных платежей, делали свободными и равноправными гражданами. Поэтому аграрная программа «красных» была весьма прогрессивным явлением, и ее осуществление в случае победы восстания явилось бы первым шагом в разрешении аграрного вопроса. В силу указанных причин царское правительство было крайне напугано январскими декретами.

В Белоруссии, так же как в Царстве Польском и Литве, действовали одновременно две группировки — «белые» и «красные», причем левым крылом последних были революционеры-демократы во главе с К. Калиновским⁷. Накануне восстания они организовали издание «Мужицкой правды» — первой газеты для белорусских крестьян; активное участие в ней принимал К. Калиновский. С позиций революционного демократизма газета разоблачала грабительскую сущность крестьянской реформы 1861 г., звала крестьян к восстанию за землю и волю. При этом основное внимание газета уделяла разоблачению царизма, как злейшего врага трудового народа, обличению местных властей, выполнявших волю царя и помещиков. В условиях, когда царистские иллюзии среди крестьян были еще очень сильны, зачастую мешая им подняться на вооруженную борьбу, такая направленность «Мужицкой правды» вполне понятна. Газета, по мысли ее руководителей, должна была развеять веру крестьян в «доброту царя», с тем чтобы их борьба только против своего помещика переросла в восстание против всего существующего строя. Может быть, именно поэтому в газете не было ни одного призыва к уничтожению помещиков, ликвидации помещичьего землевладения. Даже в последнем номере «Мужицкой правды», который вышел в период

⁷ Автор подробно не останавливается на работе и взглядах белорусских революционеров-демократов (см. об этом указанные выше работы А. Ф. Смирнова и И. Н. Лушицкого).

восстания и содержал призыв подняться на вооруженную борьбу по примеру польского народа, как воплощение мечты крестьян о вольности упоминался Манифест от 22 января 1863 г. Авторы статьи писали: «Вышел уже польский манифест. Земля вольно дается всем мужикам, потому что это их земля с дедов и прадедов, за эту землю никто не должен отбавывать панщину и чиншов никаких никому платить, подушного больше не будет, а только подымный..., рекрутов больше не будет, а все мужики и господа и мещане — все отслужат 3 года в своей земле и снова себе вольный»⁸. Здесь особенно ярко отразился тот факт, что, хотя влияние Калиновского в «Мужицкой правде» было большим, он не был единственным ее руководителем. При издании газеты скрещивались и подвергались взаимному влиянию различные точки зрения.

Идеи основных документов восстания нашли полное отражение и в Манифесте Провинциального временного правительства Литвы и Белоруссии от 1 февраля 1863 г. Он повторяет основные положения Манифеста ЦНК и его декретов от 22 января 1863 г. Так, § 2 Манифеста Провинциального комитета гласил: «Национальное польское правительство отдает помещичьим и казенным крестьянам на вечные времена в полное владение без чиншов и выкупов ту землю, какую они имели до этого времени, а все распоряжения Московского правительства отменяет, потому что эта земля польская, а не московская». «За это крестьяне должны, как шляхта, защищать польскую землю, гражданами которой являются с сегодняшнего дня». Помещики должны были получить вознаграждение «за понесенные ими убытки из национальных фондов». Так же как и в декрете от 22 января, в Манифесте получение безземельными крестьянами участка земли в 3 морга рассматривалось как награда тем, кто «пойдет оборонять польскую землю от москалей»⁹.

Эти же идеи повторялись и в различных приказах повстанческой организации, адресованных крестьянам. Так, например, в приказе К. Калиновского от 24 августа 1863 г. «До народа земли литовской и белорусской» говорилось, что теперь «чиншов, оброков и податей в казну московскую, да и панам никаких больше не платите, ибо эта земля уже ваша», и что только от крестьян зависит удержать это завоевание восстания¹⁰.

Таким образом, официальная аграрная программа белорусских повстанцев не отличалась от программы Центрального национального комитета даже тогда, когда в Литовский комитет входил такой революционер-демократ, как Калиновский. Но, в отличие от некоторых документов, исходивших от Центрального комитета в Царстве Польском, ни в «Мужицкой правде», ни в приказах и воззваниях, связанных с именем К. Калиновского, нельзя найти проповеди классового мира, призыва к крестьянам забыть свою ненависть к помещикам. Через все эти документы красной нитью проходит мысль, что крестьяне должны восстать за свою землю и свободу, что «дело наше — не дело панское, а справедливой вольности»¹¹. Тем самым на первое место в восстании ставилось разрешение аграрного вопроса, хотя и в пределах Манифеста 22 января 1863 г.

Может возникнуть вопрос, почему К. Калиновский и его единомышленники, стоя на позициях революционного демократизма, согласились на половинчатую аграрную реформу «красных». Что заставило белорусских последователей Н. Г. Чернышевского пойти на такой шаг?

Мы не имеем прямых указаний на этот счет ни самого К. Калиновского, ни лиц, близких к нему по своим взглядам. Но нам кажется, что

⁸ «Мужицкая правда», № 7.

⁹ Документы и материалы по истории Белоруссии, т. II. Минск 1940, стр. 486.

¹⁰ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1, оп. 31, д. 36, л. 15.

¹¹ Там же.

определенный свет на этот вопрос проливает письмо К. Калиновского в Центральный комитет от середины марта 1863 г., известное нам в изложении О. Авейде. Правда, написано оно было совсем по другому поводу: в нем К. Калиновский говорит о мотивах, заставивших руководителей Литовского провинциального комитета подчиниться приказу ЦНК о его роспуске, хотя сам он был против этого акта, считая передачу руководства восстанием в руки контрреволюционеров «гибелью... революции»¹². В этом письме-протесте он писал, что «провинциальный комитет уступает и слушается главу восстания, потому, во-первых, что не желает начинать пагубных для революции» раздоров, и, «во-вторых, потому что не чувствует себя достаточно сильным, чтобы вырвать руководство делом из рук своих противников»¹³.

Таким образом, революционные демократы в своей тактике исходили из конкретных условий, сложившихся в Белоруссии в ходе восстания. Только эти условия заставили К. Калиновского не выдвигать лозунга о ликвидации помещичьего землевладения. Состав повстанческих отрядов в Белоруссии был крайне пестрым, в восстании, наряду с крестьянами, ремесленниками, шляхтой и др., активное участие принимало и дворянство, и лозунг конфискации помещичьей земли не мог бы встретить его поддержку. Не желая ослаблять силы повстанцев и не сумев поднять все белорусское крестьянство на восстание, революционные демократы не выдвинули этого лозунга. Не оправдались и надежды на крестьянское восстание в России в феврале 1863 г. Революционной ситуации в России в этот период фактически уже не было, и на активную помощь русского революционного движения надеяться не приходилось. Нельзя также забывать, что революционеры-демократы в руководстве восстанием были в меньшинстве и действовали в рамках одной организации с умеренными элементами. К тому же силы их были ослаблены репрессиями царского правительства.

Не имея поэтому возможности выдвинуть в начале 1863 г. свои собственные лозунги, революционные демократы надеялись впоследствии, в ходе восстания, перевести его в аграрную революцию.

Белорусские революционеры стремились ознакомить широкие массы трудящихся с аграрными преобразованиями повстанцев. Считая декреты ЦНК лучшим материалом для агитации, белорусские революционеры не только знакомили крестьян с их содержанием, но и пытались провести их в жизнь, несмотря на сопротивление помещиков. Так, в инструкции Литовского провинциального комитета из 8 пунктов начальникам повстанческих отрядов, между прочим, вменялось в обязанность всюду объявлять Манифест о наделении крестьян землей. Эта инструкция была издана в начале восстания, в тот период, когда в Комитете большое влияние имел К. Калиновский. Именно его влиянием можно объяснить включение в инструкцию пункта, в котором предписывалось казнить помещиков, особенно жестоко истязавших крестьян¹⁴. Но вскоре Литовский провинциальный комитет по воле Варшавского комитета был распущен, как слишком революционный, К. Калиновский был назначен комиссаром в Гродненскую губернию, а в Вильно был образован Отдел, управляющий провинциями Литвы, крайне умеренный по своему составу. Однако и отдел пытался привлечь крестьян к восстанию. В своей инструкции военным, воеводским, уездным и окружным начальникам он предписывал: «Где только можно удержаться некоторое время, там следует немедленно учреждать народные власти, обнародовать Манифест [с призывом] к оружию и декрет о даровании крестьянам в безуслов-

¹² Партархив ЦК КПБ, ф. 4, д. 426 (показания О. Авейде перед следственной комиссией).

¹³ Там же.

¹⁴ ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 19, д. 55, л. 57.

ную собственность земель», которыми они владели доньше, объяснить крестьянам его содержание и «акт в укрепление написать»¹⁵.

В нашем распоряжении имеется достаточное количество фактов, свидетельствующих о том, что повстанческие отряды действительно объявляли Манифест и декреты крестьянам различных губерний Белоруссии. Обычно, придя в деревню, повстанцы собирали крестьян в церкви или на площади и там объявляли о наделении их земель, о чем составлялся акт, который отдавался на хранение крестьянам. Так было, например, в Миловидях Слонимского уезда Гродненской губернии, где Манифест был объявлен в церкви 11 мая 1863 г., в Гавенецком приходе Слонимского уезда, где он был объявлен на другой день¹⁶. В Могилевской губернии манифест зачитывался отрядом Ильдефонса Анцыпо¹⁷, о чтении манифеста крестьянам Сеннинского уезда говорится в телеграмме витебского губернатора могилевскому от 8 мая 1863 г.¹⁸

Большую работу среди крестьян по ознакомлению их с основными положениями Манифеста, по разъяснению им целей восстания и привлечению их в повстанческие отряды проводили волостные писари, служащие имений и другие разночинцы. Еще до восстания революционно настроенная учащаяся молодежь покидала учебные заведения и поступала работать волостными писарями с целью распространения революционных идей в народных массах и подготовки восстания. В условиях белорусской деревни, когда почти все сельское население было неграмотно, значение писаря, единственного грамотного человека на селе, было велико. Об этом говорил, например, в своих показаниях участник восстания помещик Витебской губернии И. Друговино. Он показал, что агитировать среди крестьян за участие в восстании должны были «мелкопоместные шляхтичи, писари, старосты, старшины, имеющие большое влияние» на крестьян¹⁹.

О большой работе революционных демократов среди широких народных масс говорят факты широкого распространения революционной литературы. В одной лишь Гродненской губернии жандармскими офицерами на протяжении 1861—1862 гг. было обнаружено более 20 листовок, которые подбрасывались в деревнях, в расположении воинских частей. Среди листовок мы найдем такие, как «Гуторка двух соседей»²⁰, «Русская правда»²¹, «Мужицкая правда»²², «К русским войскам в Польше»²³ и целый ряд других.

Однако для того чтобы крестьяне поверили в Манифест, необходимо было не только провозгласить его, но и провести его в жизнь, на практике показать крестьянам, во имя чего они должны воевать. Но вот этого-то в Белоруссии не произошло. Повстанческие отряды объявляли крестьянам Манифест, приводили их к присяге на верность революционному правительству, составляли акт — и на этом дело кончалось. От помещиков присяги не требовали. Отряд уходил, оставляя крестьян один на один с помещиком, его администрацией и царскими войсками, которые преследовали повстанцев по пятам. Местные революционные власти в сельских местностях Белоруссии состояли в основном из тех же помещиков: уездные и окружные начальники назначались из их же среды или из послушных им лиц. Своей задачей эти начальники считали только сбор денег, продовольствия, одежды для повстанческих от-

¹⁵ ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 19, д. 53, лл. 10, 17.

¹⁶ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1376, лл. 1—2.

¹⁷ ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 19, д. 331, лл. 11—29.

¹⁸ ЦГИА БССР в Могилеве, ф. 1, оп. 1, д. 889, л. 44.

¹⁹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 19, д. 132, л. 127.

²⁰ ЦГИАМ, ф. 109, 1-я эксл., 1861 г., д. 531, л. 1; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1140, лл. 12—13; д. 1121, л. 164.

²¹ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, л. 158.

²² Там же, д. 173, лл. 223—225.

²³ Там же, лл. 154, 166, 170.

рядов, осуществление связи между повстанческими отрядами и революционными комитетами, но ни один из них не вмешивался во взаимоотношения помещиков и их бывших крепостных. И это вполне понятно, ибо они сами боялись крестьянского восстания. Помещики же в своем подавляющем большинстве игнорировали Манифест. Лучшим тому доказательством служат их жалобы на крестьян и требования присылки в имения воинских команд, для того чтобы заставить крестьян исполнять повинности, от которых те отказались после 1 февраля 1863 г.

Правда, имеются свидетельства о многих случаях, когда помещики, стараясь уговорить своих крестьян присоединиться к повстанцам, обещали в награду за это передать крестьянам землю. Но тем самым помещики пытались представить наделение крестьян землей как свой добровольный дар и уверить крестьян в том, что, как при всяком даре, они могут сами определять размеры и условия дарения. По показанию крестьян, паны говорили, что «свободу для крестьян дал не государь, а помещики, что они, последние, дарят им землю и за это крестьяне должны помогать полякам»²⁴.

Эта агитация помещиков и их стремление в корыстных целях изобразить передачу земли как добровольно даруемую награду за участие крестьян в восстании только настораживали последних. Столетия крепостного гнета воспитали в крестьянине чувство недоверия и ненависти к своему господину. Кроме того, во всех своих беседах помещики подчеркивали польский, национальный характер восстания, а борьба за возрождение Речи Посполитой, включающей также и Белоруссию, не могла найти широкую поддержку среди крестьян. Об этом свидетельствует тот факт, что помещики арестовывались обычно по доносам своих крестьян.

В этот период получила распространение новая форма борьбы крестьян с особенно ненавистными им панами. Пользуясь тем, что в период восстания царские власти пристально следили за помещиками и другими лицами польского происхождения и при первом же подозрении осуждали их за соучастие в восстании, крестьяне сами стали доносить властям на своих помещиков, обвиняя их в сочувствии повстанцам и в подговоре крестьян к восстанию, что каралось особенно жестоко.

Таким образом, мы видим, что на территории Белоруссии дело ограничилось ознакомлением крестьян с Манифестом. Никакие аграрные преобразования здесь не были осуществлены.

Определенную отрицательную роль в отношении крестьян к восстанию сыграла и демагогическая политика царского правительства в Белоруссии, где царизм стремился надеть личину защитника крестьян.

Обычно в этой связи вспоминают мартовский и ноябрьский указы о прекращении обязательных отношений между крестьянами и помещиками, поэтому в данном сообщении мы не будем подробно останавливаться на них. Напомним только, что разговор о необходимости изменения Положений 19 февраля начали те, кто хорошо знал положение в крае. Вспомним письмо генерала Манюкина военному министру²⁵, виленского генерал-губернатора — князю Долгорукову²⁶, министра внутренних дел Валуева — Александру II²⁷. Эти документы ярко вскрывают всю сущность демагогической политики царского правительства, которой оно придерживалось в период восстания. Названные высокопоставленные лица хорошо понимали, что судьба восстания во многом зависела от отношения к нему крестьян. Они подчеркивали, что Манифест

²⁴ ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 19, д. 21, лл. 20—21, 38, 39; д. 12, лл. 4—7; Государственный архив Минской обл., ф. 295, оп. 1, д. 1527, лл. 14—15.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. 15, д. 38, лл. 22—27.

²⁶ ЦГИАМ, ф. 109, 1-я эксп., 1863 г., д. 97, ч. 4.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. 15, д. 38, лл. 1—6.

Центрального национального комитета должен будет оказать на крестьян революционизирующее влияние²⁸ и что удержать их от восстания можно, только противопоставив аграрным декретам повстанцев свои собственные аграрные проекты. Именно в этом заключалась причина появления названных выше указов. Но эти указы — только одна из уступок правительства, вырванная у него восстанием, правда, самая крупная. Прежде всего царское правительство в лице Муравьева вырабатывало целую систему мероприятий, которые должны были способствовать систематическому открытому натравливанию крестьян на повстанцев. Используя многовековую ненависть крестьян к их угнетателям — помещикам-полякам — и разжигая ее, правительство стремилось превратить ее в национальную вражду между белорусами и поляками. Немалую роль в этом сыграло и православное духовенство, натравливавшее православных крестьян на поляков-католиков. Опираясь на царистские иллюзии крестьян и подогревая их, правительство стремилось исподволь внушить крестьянам мысль, что только помещики в своих корыстных интересах мешают царю окончательно освободить крестьян, что поляки восстали с целью вернуть крепостное право. Стремясь вовлечь крестьян в борьбу с повстанцами, Муравьев поставил поместья, шляхетские околицы под контроль крестьянских обществ. Не менее характерен для политики царизма в этот период отказ в посылке войск в имения для экзекуций по требованию помещиков, мировых посредников и полицейских властей.

Восстание вспыхнуло в тот момент, когда белорусские крестьяне продолжали борьбу против грабительской реформы 1861 г. Нет нужды подробно останавливаться на формах и характере этой борьбы, — она приняла те же формы, что и в великорусских губерниях России. Так же как и там, своего апогея волнения достигли в 1861 г., после чего наблюдается постепенный спад борьбы. Об этом лучше всего говорит тот факт, что в Гродненской губернии, например, по данным губернского по крестьянским делам присутствия, в 1861 г. войска были вызваны «для усмирения» крестьян в 71 имение, а в 1862 г. — только в 18²⁹. Волнения в феврале 1863 г. в белорусских губерниях были связаны с истечением двухлетнего срока со дня опубликования Положений 19 февраля, в результате чего крестьяне стали считать себя свободными от всех повинностей в пользу помещиков. Это движение особенно ярко проявилось в Гродненской губернии, где целые волости отказывались исполнять работы на помещика, не принимали уставных грамот, по-прежнему посылали ходоков в Петербург³⁰. Несмотря на то, что крестьяне повсеместно отказывались от всяких соглашений с помещиками, не выходили на работу и не пускали на полевые работы вольнонаемных, эти волнения нигде не переросли в открытое вооруженное восстание, а носили пассивный характер. Убеждения правительственных чиновников и мировых посредников не помогали. Не возымела никакого действия и беседа губернатора с вызванными в Гродно старшинами, старостами и депутатами от крестьян. Некоторые волости даже отказались выслать своих депутатов³¹. Крестьяне упорно стояли на своем. И все же дальше убеждений царские власти в связи с начавшимся восстанием не пошли. Ко всем призывам помещиков и мировых посредников прислать войска для подавления волнений правительство осталось глухо. Губернаторы, со-

²⁸ Валуев писал в своей докладной записке царю: «Нельзя положительно утверждать, чтобы крестьяне воздержались от такого столь обольстительного для них соблазна. Если крестьяне поверят возможности исполнения делаемого им обещания, то правительство будет поставлено в весьма затруднительное положение» (ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. 15, д. 38, лл. 1—6).

²⁹ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 10, оп. 20, д. 88, лл. 3—5.

³⁰ Там же, ф. 1, оп. 6, д. 359; д. 241, л. 47 и об.

³¹ Там же, д. 241, л. 23; д. 359, лл. 96 об. — 97.

гласно предписанию виленского генерал-губернатора, охлаждали пыл наиболее ретивых поклонников экзекуций³².

Совпадение крестьянского движения против реформы в отношении времени и места с началом восстания на территории Белоруссии дало некоторым исследователям возможность утверждать, что восстание носило крестьянский характер. Такое утверждение нельзя не считать ошибочным. Конечно, было бы неправильно совершенно отрицать всякое влияние восстания на повышение активности крестьянской борьбы против грабительской реформы. Однако следует помнить, что это движение нигде не вылилось в восстание.

Но, отрицая крестьянский характер восстания 1863 г., мы далеки от мысли отрицать всякое участие крестьян в нем. Однако отношение крестьян Белоруссии к восстанию было неодинаковым. В этом сыграло свою роль наличие среди них двух различных по своему положению групп — государственных и помещичьих крестьян.

Наибольшее участие в восстании приняли государственные крестьяне. Они прямо не испытывали на себе помещичьего гнета, для них ненавистным феодалом была казна. Реформа Киселева увеличила повинности государственных крестьян, не разрешив земельного вопроса. Контрреформа Муравьева особенно тяжело отразилась на крестьянах западных губерний. Вновь стали сдаваться в аренду частным владельцам фольварки, на 64% были повышены оброки, между тем как крестьянские наделы уменьшились. Государственные крестьяне постоянно испытывали на себе произвол царских властей. Сам Муравьев, вступив в должность министра и знакомясь на местах с состоянием государственных имуществ, вынужден был признать, что «управление государственными имуществами в губерниях есть сбор людей, поставленных, чтоб обирать крестьян со всех сторон и за все»³³. Поэтому основной лозунг восстания — свержение царского самодержавия — мог найти среди государственных крестьян широкий отклик. Участие государственных крестьян в повстанческих отрядах и их сочувствие восстанию отмечал Муравьев, мировой посредник Волковыского уезда Львов и многие другие³⁴. Это же подтверждает в своих показаниях и К. Калиновский. Он писал, что в Гродненской губернии повстанческие отряды состояли «большою частью из крестьян казенных, мелкопоместной шляхты и городских жителей»³⁵.

Несколько иным было отношение к восстанию помещичьих крестьян. Одной из причин слабого участия их в восстании была враждебность белорусского крестьянства к помещикам, которые были в основном поляки. При всей пестроте состава повстанческих отрядов, действовавших на территории Белоруссии, среди повстанцев особенно многочисленны были поляки или ополяченные элементы. В их числе были и мелкопоместные дворяне (главным образом их сыновья). Многовековой гнет помещиков-поляков, их управляющих, также поляков по происхождению, настораживал крестьян и настраивал их против восстания. Определенную роль сыграли в этом и царистские иллюзии, благодаря которым правительству удавалось подогрывать в крестьянах веру в царя и убеждение, что только паны мешают делу освобождения крестьян и потому восстание есть затея панская. Как писал в своих показаниях К. Калиновский, «крестьянин, видя не обрезанные еще когти своих господ, не мог им довериться и стал смотреть на дело польское, как на затею помещичью, органы же правительства понятие такое крестьянина

³² ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1, оп. 6, д. 356, л. 17 и об.

³³ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. II. М. 1958, стр. 543.

³⁴ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1, оп. 6, д. 367, лл. 13—14; ф. 970, оп. 2, д. 12, л. 61.

³⁵ ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 20, д. 280, лл. 4—7.

старались поддерживать»³⁶. Царистские иллюзии мешали помещичьим крестьянам воспринять в полной мере агитацию революционеров-демократов и их призыв к восстанию против царя. Отсутствие открытого и прямого призыва к восстанию против помещиков, половинчатость аграрной программы повстанцев также препятствовали переходу основной массы помещичьих крестьян на сторону восстания. Немалое, хотя и не решающее значение в отношении крестьян к восстанию имело и различие в вероисповедании. Если высшее католическое духовенство отмежевалось от восстания и призывало свою паству прекратить борьбу, то низшее духовенство, происходившее в большинстве своем из обедневшей шляхты и разночинцев, часто вставало на сторону восстания и принимало в нем активное участие. Католическое духовенство оказывало на крестьян-католиков большое влияние, убеждая их помогать повстанцам³⁷. Зато крестьяне-православные в основной массе не поддерживали их.

Все изложенное здесь находит свое убедительное подтверждение в различной степени участия в восстании крестьян восточной и западной частей Белоруссии. Следует отметить, что большинство современных исследователей истории восстания 1863 г. в Литве и Белоруссии, не уделяя внимания различиям в степени и характере участия в нем белорусских и литовских крестьян, а также крестьян западных и восточных губерний Белоруссии, допускает большую ошибку.

В Белоруссии наибольшее сочувствие восстанию встретило у крестьян западных губерний. Здесь среди повстанцев их было много, но они не составляли отдельных отрядов, как это имело место в Литве. Немало крестьян, особенно тех, кто служил в лесной страже, были проводниками в повстанческих отрядах³⁸. В некоторых деревнях повстанцы закупали продовольствие, брали подводы³⁹. Командиры царских отрядов вынуждены были признать, что ряд крестьян Гродненской губернии под различными предлогами отказываются служить проводниками для царских войск, не указывают мест, где скрываются повстанцы⁴⁰.

На отношении к восстанию крестьян западных уездов несомненно сказалась работа революционных демократов, которые именно в этих местах действовали наиболее активно. Здесь зародилась первая, наиболее революционная организация под руководством К. Калиновского, сюда после роспуска Литовского провинциального комитета он был послан в качестве революционного комиссара. В Гродненской губернии больше, чем в какой-либо другой белорусской губернии, распространялась «Мужицкая правда» и другая революционно-демократическая литература. Несомненно также, что более активному включению крестьян этой губернии в восстание способствовало соседство с центром революционного движения — Польшей. Первые отряды повстанцев появились здесь непосредственно из Польши. Кроме того, именно на Гродненскую и Виленскую губернии приходилось наибольшее по сравнению с другими белорусскими губерниями количество казенных крестьян. В Гродненской губернии их было 116 635 душ мужского пола (39,8% мужского крестьянского населения губернии), в Виленской — 105 389 душ (31% мужского крестьянского населения)⁴¹. Сыграла свою роль в этих районах и католическая церковь, которая пользовалась здесь большим влиянием. На названные губернии приходился наибольший в Белоруссии

³⁶ ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 20, д. 280, лл. 4—7.

³⁷ Там же, ф. 378, Политич. отдел, 1863 г., д. 13, л. 1; ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 134, лл. 36—37.

³⁸ ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 19, д. 293, л. 11; д. 275, лл. 48—75.

³⁹ Там же, д. 206, лл. 8—12; д. 368, лл. 39—41.

⁴⁰ ЦГВИА, ф. 484, д. 133, лл. 232—233.

⁴¹ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. II, стр. 296.

процент населения католического вероисповедания. Характерно, что православных среди крестьян — участников восстания было мало, в основном это были католики. Так, в следственной комиссии Волковского уезда состояло под следствием 152 крестьянина, из них православных было только 35.

Иную роль в восстании сыграли крестьяне восточных губерний. Здесь, как и на Украине, они заняли в основном враждебную по отношению к восстанию позицию. Известны многочисленные факты, когда крестьяне вместе с царскими войсками участвовали в стычках с повстанческими отрядами, ловили повстанцев и выдавали их правительству⁴². Упомянем хотя бы столкновение между повстанцами и крестьянами, которое произошло 18 апреля 1863 г. у дер. Новоселки Минской губернии, где 200 невооруженных крестьян напали на группу вооруженных повстанцев. В стычке было убито 3 крестьянина и 8 было ранено⁴³. В Витебской губернии в это время имел место разгром крестьянами помещичьих имений. Ненависть крестьян к помещикам вылилась здесь в ожесточенное преследование повстанцев, в связях с которыми подозревали помещиков. Под предлогом поисков повстанцев и оружия толпы крестьян врываются в поместья, устраивали обыски, при этом громили усадьбы. Помещиков обычно арестовывали и доставляли к губернатору как изменников⁴⁴. За короткий срок было разгромлено около 30 имений⁴⁵.

Характерна в этом отношении позиция правительства. С одной стороны, царизму была выгодна ненависть крестьян к помещикам-полякам: руками темных, забитых белорусских крестьян оно расправлялось с восстанием. Поэтому виновными в происшедшем решено было считать самих помещиков, крестьян же обычно «отечески» журили, нескольких «зачинщиков» для назидания арестовывали, но и их впоследствии отпускали⁴⁶. С другой стороны, царское правительство понимало, хотя и не признавало в этом открыто, что сущность этого движения крестьян — не в ненависти к повстанцам, а в борьбе против помещиков и помещичьего гнета, против всех остатков крепостничества. Ненависть крестьян к помещикам переросла здесь в активную форму — в разгром помещичьих имений, только борьба эта под влиянием ряда обстоятельств приняла форму преследования повстанцев. Правительство, напуганное столь энергичным выступлением крестьян, готово было принять ряд мер предосторожности, чтобы не дать этому движению распространяться дальше.

Благодаря позиции крестьян восточных губерний повстанческие отряды, весьма немногочисленные здесь, были быстро рассеяны.

Отношение крестьян восточной части Белоруссии к восстанию нельзя, однако, объяснить только ненавистью их к помещикам-полякам и половинчатостью аграрной программы повстанцев. На поведение крестьян оказал влияние и тот факт, что здесь было меньше, чем на западе Белоруссии, казенных крестьян (в Минской губернии они составляли лишь 18,8% всех крестьян, Могилевской — 11,7%, а в Витебской — 22,8%)⁴⁷. Кроме того, на этой территории преобладало крестьянское население православного вероисповедания, в то время как помещики и шляхта были католики. Например, зачинщиками погромов помещичьих

⁴² ЦГИА БССР в Могилеве, ф. 1, оп. 1, д. 888, лл. 18—20; ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 19, д. 416, лл. 9—10.

⁴³ ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 19, д. 230, лл. 7—8.

⁴⁴ ЦГИА БССР в Могилеве, ф. 1430, оп. 1, д. 52183, лл. 181—182; ф. 2545, оп. 1, д. 1, л. 82; ф. 1614, оп. 1, д. 301, лл. 5—6, 14—15.

⁴⁵ ЦГИА Лит. ССР, ф. 438, оп. 1, д. 106, л. 651.

⁴⁶ См. ЦГИА БССР в Могилеве, ф. 1430, оп. 1, д. 31225, л. 18.

⁴⁷ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. II, стр. 296.

иймений в Витебской губернии были старообрядцы, которых было много среди государственных крестьян; к ним с готовностью присоединились помещичьи крестьяне. Православное духовенство, которое в силу своего численного превосходства над католическим и относительной слабости повстанческого движения чувствовало себя здесь более уверенно, активно включилось в борьбу с восстанием. Сказалась и удаленность восточных губерний от центра повстанческого движения и деятельности революционеров-демократов.

Таким образом, отношение белорусских крестьян к восстанию 1863 г. и роль их в нем были неодинаковыми. Если в западных губерниях были распространены случаи, когда крестьяне, особенно казенные, участвовали в повстанческих отрядах, сочувствовали восстанию, то в восточных губерниях крестьяне заняли прямо противоположную позицию и зачастую выступали против повстанцев. Но даже широкое участие крестьян западных уездов Гродненской губернии в той или иной форме в восстании не изменило его характера в Белоруссии, и оно, так же как и в Польше, не переросло в аграрную революцию.

К. И. Ш а б у н я

О РАЗВИТИИ КАПИТАЛИЗМА В ПОМЕЩИЧЬЕМ ХОЗЯЙСТВЕ БЕЛОРУССИИ В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX В.

Изучение развития капитализма в сельском хозяйстве является одной из актуальных задач историков-аграрников. Между тем относительно территории Белоруссии в этом смысле сделано еще очень мало.

В белорусской историографии проблема развития капитализма, в частности в помещичьем хозяйстве, подвергалась в 20-х — начале 30-х годов краткому рассмотрению в работах М. В. Довнар-Запольского, В. И. Пичеты, Д. А. Дудкова. К настоящему времени историки располагают более обширным кругом источников, в свете которых многие положения названных авторов представляются или устаревшими, или ошибочными.

Не может быть признана марксистской точка зрения М. В. Довнар-Запольского, отрицавшего даже наличие элементов капитализма в помещичьем хозяйстве вплоть до конца XIX в. По его мнению, хозяйство помещиков в Белоруссии носило почти натуральный характер и базировалось на примитивной рутинной технике. «Во всяком случае, — писал Довнар-Запольский, — крестьянское хозяйство стояло технически выше помещичьего»¹.

В. И. Пичета, в противоположность М. В. Довнар-Запольскому, преувеличивал степень развития капитализма в помещичьем хозяйстве. «Помещичье хозяйство, — писал он, — в конце XIX и начале XX в. носило капиталистический характер»². Это утверждение В. И. Пичеты находится в противоречии с историческими фактами, не учитывая наличие в экономике помещичьего хозяйства весьма значительных пережитков крепостничества.

Большой вклад в изучение истории аграрного капитализма в Белоруссии внес Д. А. Дудков. Он опроверг немарксистские взгляды Довнар-Запольского и впервые дал краткий марксистский очерк развития капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии. Однако он не обратил должного внимания на указания В. И. Ленина о том, что западные губернии являлись одним из важнейших районов земледельческого капитализма с торгово-молочным направлением хозяйства. Поэтому в работе Д. А. Дудкова вопрос о специализации помещичьего хозяйства в Белоруссии не получил удовлетворительного освещения³.

¹ М. В. Довнар-Запольский. Народное хозяйство Белоруссии в 1861—1914 гг. Минск 1926, стр. 65.

² В. И. Пичета. Крестьянское и рабочее движение в Белоруссии в эпоху 1905 г. — Працы Белар. дзярж. універсітэта ў Мінску, 1926, стр. 119.

³ Д. А. Дудкоў. Аб развіцці капіталізма ў Беларусі ў другой палове XIX і пачатку XX стагоддзя. Мінск 1932.

В настоящем докладе автор ставит целью кратко осветить некоторые важнейшие черты развития капитализма в помещичьем хозяйстве Белоруссии в конце XIX — начале XX в., в период непосредственного назревания предпосылок первой русской революции.

Как известно, экономический строй помещичьего хозяйства второй половины XIX в. В. И. Ленин характеризовал как переходный от барщинной системы к капиталистической. «При всем бесконечном разнообразии форм, свойственном переходной эпохе, — писал В. И. Ленин, — экономическая организация современного помещичьего хозяйства сводится к двум основным системам в самых различных сочетаниях, а именно к системе *отработочной* и *капиталистической*»⁴. Выясняя вопрос о сравнительной распространенности обеих систем, В. И. Ленин относил Витебскую и Могилевскую губернии к группе губерний с преобладанием смешанной системы, а Минскую, Виленскую и Гродненскую — к группе с преобладанием капиталистического найма рабочей силы. Применительно к современным границам БССР, т. е. к национальной территории Белоруссии, 19 уездов центральной и западной частей Белоруссии по этому определению В. И. Ленина относятся к району преобладания капиталистической системы, а 16 уездов восточной Белоруссии — к району смешанной системы. Отсюда следует, что в целом по Белоруссии преобладающей в помещичьих хозяйствах являлась капиталистическая система.

В начале XX в. помещики Витебской и Могилевской губерний в основной массе, как и ранее, вели хозяйство с применением капиталистической и отработочной системы, однако применение капиталистической системы получило более широкое распространение. В обеих губерниях было немало имений, хозяйство которых велось капиталистическими методами, обслуживалось в основном трудом постоянных батраков и поденщиков. Но наиболее часто встречались хозяйства, в которых отработочная система играла не меньшую, а иногда и большую роль, чем капиталистический найм. Часть имений вовсе не имела никакого инвентаря, и поля их целиком сдавались издельно «на вспашку» окрестным крестьянам. Так, в 1902 г. в Полоцком уезде Витебской губернии из 650 имений и фольварков 24 сдавались издельно и под отработки и целиком обрабатывались крестьянским инвентарем и тягловой силой⁵. О широком распространении в этих губерниях отработочной системы сообщали и корреспонденты Вольного экономического общества в связи с крестьянским движением в 1905—1906 гг. Здесь в помещичьих хозяйствах были широко распространены отработки первого вида, при которых использовались крестьянский инвентарь и тягловая сила.

В Минской, Гродненской и Виленской губерниях уже в конце 80-х годов в помещичьих хозяйствах преобладала капиталистическая система. Помещичьи имения нанимали необходимое количество постоянных сельских рабочих, выполнявших основные работы в хозяйстве. В дополнение к постоянным батракам, особенно на уборочные работы, в большом количестве нанимались поденщики «из круглых бедняков и бобылей». К началу XX в. капиталистическая система в помещичьих имениях получила дальнейшее распространение. На заседаниях местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности помещики Минской, Гродненской и Виленской губерний подчеркивали, что в их хозяйстве «необходимо держать круглый год работников в том числе, в котором они необходимы для летних работ», что «состав рабочих пополняется за счет пролетариата, рабочие нанимаются семьями за небольшое жалованье, а остальное содержание получают хлебом, землей для

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 160.

⁵ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, вып. V, Витебская губ. СПб. 1903, стр. 315.

посева» и т. д.⁶ Вместе с тем помещики названных губерний часто сдавали под отработки различные угодья, главным образом пастбища и сенокосы. Здесь были распространены преимущественно отработки второго вида, не требовавшие применения крестьянского инвентаря и тяловой силы.

Различия в распространении первого или второго вида отработок имели важное значение в определении уровня развития капитализма. «Обыкновенно в нашей литературе, — писал В. И. Ленин, — говорят об отработках вообще, не делая этого различия. Между тем в процессе вытеснения отработок капитализмом перенесение центра тяжести с отработок первого вида на отработки второго вида имеет громадное значение». Как подчеркивал В. И. Ленин, отработки второго вида «... составляют прямой переход к капитализму, сливаясь с ним рядом совершенно неуловимых переходов»⁷.

Таким образом, за сорокалетний период пореформенного развития помещичье хозяйство в Белоруссии сделало большие успехи в переходе от барщинно-отрабочной системы к капиталистической. Однако переход этот далеко еще не был завершен, хотя уже к концу XIX в. капиталистическая система в помещичьем хозяйстве преобладала над отрабочной.

К началу XX в. в Белоруссии уже сложились довольно значительные кадры сельскохозяйственных рабочих. Переписью населения 1897 г. на территории пяти западных губерний было зарегистрировано 187,5 тыс. постоянных сельских рабочих, подавляющее большинство которых работало в помещичьих имениях. Среди сельскохозяйственных рабочих 12,5% составляли дети до 15 лет.

Важно отметить то обстоятельство, что отношение числа наемных рабочих к посевной площади на востоке и на западе Белоруссии было разным. В Могилевской губернии на одного постоянного сельскохозяйственного рабочего приходилось 11 десятин посева на частновладельческих землях, в Гродненской — 8, в Виленской — 7, в среднем по Белоруссии — 9 десятин. Эти данные еще раз свидетельствуют о том, что уровень развития капитализма на западе Белоруссии был выше, чем на востоке. В крупных помещичьих имениях западных губерний было занято по несколько десятков постоянных рабочих. Например, в имении Щорсы Новогрудского уезда Минской губернии работало 75—80 постоянных рабочих, в имении Бытень Слонимского уезда Гродненской губернии — 50—60 рабочих, в имении Светляны Ошмянского уезда Виленской губернии — 25 рабочих⁸ и т. д.

Сельскохозяйственные рабочие были наиболее эксплуатируемой и бесправной прослойкой рабочего класса. Степень эксплуатации батраков в Белоруссии, сравнительно с другими районами России, была более высокой. По уровню заработной платы сельских рабочих Белоруссия уступала большинству районов России и стояла в этом отношении едва ли не на последнем месте, несмотря на то что развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии было более быстрым, чем во многих других районах России. Так, например, поденному рабочему на своем продовольствии во время уборки в пяти западных белорусских губерниях платили в среднем в 1891—1895 гг. 45,8 коп., в 1896—1900 гг. — 49,2 коп., между тем как в центрально-промышленных губерниях — соответственно, 61 и 70 коп., в нечерноземной полосе — 56 и 63 коп., в 50 губерниях Европейской России — 63 и 65 коп.⁹ Следует отметить и то

⁶ Труды местных комитетов..., вып. XI, Гродненская губ. СПб. 1903, стр. 143; вып. XXI, Минская губ. СПб. 1903, стр. 32; вып. IV, Виленская губ. СПб. 1903, стр. 196.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 170.

⁸ ЦГИА БССР, ф. 509, д. 2076, л. 8; д. 2632, л. 71; д. 2672, л. 14.

⁹ Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в., вып. II. СПб. 1903, стр. 110—113.

обстоятельство, что в капиталистически более развитых западных губерниях заработная плата была ниже, чем в восточных, где уровень развития аграрного капитализма был ниже.

Чем объяснить это противоречие? В. И. Ленин в своей книге «Развитие капитализма в России» дважды отмечал особенности в уровне заработной платы и в передвижении рабочих в западных, белорусских губерниях и указал на причины, обусловившие эти особенности. Рассматривая экономику помещичьего хозяйства в районе распространения торгового молочного хозяйства, В. И. Ленин сделал весьма интересное наблюдение, что с развитием молочного скотоводства спрос на рабочих не только усиливается, но и распределяется равномернее по всему году и по отдельным годам. Это находило свое отражение в меньших колебаниях заработной платы по периодам года. Однако в западных губерниях, которые также входили в район торгового молочного скотоводства, наблюдались отклонения от этой закономерности. «Западные губернии, — писал В. И. Ленин, — мы оставляем в стороне ввиду бытовых особенностей и искусственного скопления населения (черта еврейской оседлости) . . .»¹⁰. В другом месте, рассматривая вопрос о внутреннем рынке на рабочую силу, В. И. Ленин определил главнейшие направления передвижения рабочих. Группируя губернии по районам выхода и прихода рабочих в зависимости от уровня заработной платы, В. И. Ленин снова оставляет западные губернии в стороне, отмечая, что они отличаются этнографическими и административно-юридическими особенностями¹¹. Из этих ленинских указаний вытекает, что при объяснении причин несоответствия между высотой заработной платы сельскохозяйственных рабочих и уровнем развития аграрного капитализма в Белоруссии прежде всего следует обратить внимание на слабое промышленное развитие края и существование черты еврейской оседлости.

Отвлечение крестьянского населения в белорусские города на постоянные и сезонные работы было затруднено, ибо фабричная индустрия развивалась здесь сравнительно медленно. В 1900 г. на территории Белоруссии в фабрично-заводской промышленности и в мастерских с годовой продукцией стоимостью свыше 2 тыс. рублей было занято только 23 тыс. рабочих, на железнодорожном транспорте — 25 тыс. Замедленное промышленное развитие отрицательно сказывалось на росте городов: города в Белоруссии росли более медленно, чем во многих других районах страны и по России в целом. Если с 1863 по 1897 г. удельный вес городского населения по всей стране вырос с 9,94 до 12,76%, в столичных и промышленных губерниях — с 14,1 до 21,1%, а в прибалтийских губерниях — с 11,5 до 25,3%, то в западных губерниях — только с 10,9 до 11,8%¹². Наряду со слабым развитием промышленности отливу населения из деревни в города Белоруссии в значительной степени препятствовало существование так наз. «черты оседлости», обуславливавшее искусственное скопление населения в этих городах. Вполне естественно поэтому, что удельный вес жителей белорусских городов — выходцев из крестьян был сравнительно невелик. Например, по данным переписи 1897 г., в Минске выходцы из крестьян составляли лишь 18% населения, в Гомеле — 25,1%, в Гродно — 26,8%, тогда как в Москве выходцы из крестьян уже в 1871 г. составляли 43%, а в Петербурге в 1910 г. — около 50% населения¹³.

В многочисленных местечках скученное там еврейское население вынуждено было заниматься мелкой торговлей и ремеслами. Например, в 1905 г. в Гродненской губернии насчитывалось около 47 тыс. ре-

¹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 231.

¹¹ См. там же, стр. 515.

¹² См. там же, стр. 495.

¹³ А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. М. 1958, стр. 417, 438.

месленников. Примерно такое же количество их имелось в Минской губернии¹⁴. В результате искусственного переполнения мелких местечек ремесленным людом сельское ремесло и мелкая крестьянская промышленность (обычно именуемая кустарной промышленностью) не получили сколько-нибудь широкого развития. Это хорошо видно на примере Минской губернии. По данным губернаторских отчетов, в начале XX в. в губернии насчитывалось всего до 50 тыс. ремесленников, при этом, согласно данным местного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в деревнях различными ремеслами и промыслами занималось 3,4 тыс. крестьян, т. е. сельские ремесленники составляли менее 7% общего числа ремесленников в губернии¹⁵. Согласно данным переписи 1897 г., по доле сельского населения, имевшего побочные промысловые занятия, белорусские губернии занимали среди 50 губерний Европейской России следующие места: Могилевская — 32-е (5,8%), Витебская — 37-е (5,2%), Минская — 40-е (4,9%), Гродненская — 48-е (3,6%), Виленская — 50-е (2,9%)¹⁶.

Далее следует принять во внимание, что отходничество из Белоруссии хотя и было значительным, но все же сравнительно с другими районами оно было менее развито, особенно на западе Белоруссии. Если население Белоруссии составляло в конце XIX в. около 7% всего населения Европейской России, то процент отходников не превышал 5—5½% общего числа отходников. По числу выбранных паспортов из расчета на 1000 человек сельского населения западные белорусские губернии занимали последние места: в 1906—1910 гг. среди 50 губерний Европейской России Виленская губерния занимала 37-е место (55 человек на 1000), Гродненская — 41-е (50 человек), Минская — 45-е (41 человек). Восточные губернии давали больше отходников: Витебская губерния занимала 19-е место (109 человек на 1000), Могилевская — 27-е (91 человек)¹⁷. В общем отходничество из восточных губерний было настолько значительным, что оно серьезно влияло на уровень заработной платы местных рабочих, способствуя его повышению. Этим и следует объяснить более высокий уровень заработной платы в восточных губерниях Белоруссии, хотя по уровню развития капитализма они стояли ниже западных губерний.

На снижение уровня заработной платы сельских рабочих в немалой степени влияло то обстоятельство, что капиталистическая эксплуатация постоянных сельскохозяйственных рабочих и поденщиков переплеталась с пережитками крепостничества — с кабалой и личной зависимостью от помещика-нанимателя. Постоянные рабочие не менее половины заработной платы получали в натуральной форме (огород, хата или угол, продукты питания и др.), часть же батраков вовсе не получала платы и работала за хату, огород (кутники, халупники). Семьи постоянных рабочих обязаны были работать за пониженную плату или определенное число дней — бесплатно. Эти традиционные в западных губерниях формы найма привязывали батраков к помещичьим экономиям и давали помещикам возможность снижать заработную плату сельских рабочих.

С расширением капиталистического найма в помещичьих хозяйствах увеличивалось применение сельскохозяйственных машин и усовершенствованных орудий. Еще в 70-х годах подавляющее большинство помещичьих имений Белоруссии вело хозяйство по трехпольной системе и обрабатывало землю при помощи примитивных орудий — сохи и деревянной бороны. Техника сельского хозяйства еще не успела выйти из рутинного состояния, в котором она находилась при крепостном праве.

¹⁴ Документы и материалы по истории Белоруссии, т. III. Минск 1958, стр. 213, 214.

¹⁵ Труды местных комитетов..., вып. XXI, Минская губ., стр. 108.

¹⁶ А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России, стр. 342—343.

¹⁷ Там же, стр. 328.

Например, по сведениям губернского статистического комитета, в Минской губернии в 1878 г. 82% помещичьих имений вели хозяйство по трехпольной системе, а 85% обрабатывали почву сохами и деревянными бороными¹⁸. По сообщениям из ряда уездов Гродненской губернии, основными орудиями обработки земли в помещичьих хозяйствах в 70-х годах также были сохи и деревянные бороны, а многопольная система встречалась лишь в немногих имениях. К началу XX в. в техническом оснащении помещичьих хозяйств произошли крупные перемены. По сообщениям корреспондентов департамента земледелия, в Минской и Гродненской губерниях уже во второй половине 90-х годов в помещичьих хозяйствах были широко распространены различные усовершенствованные орудия для обработки почвы — плуги, бороны, скоропашники, экстирпаторы, культиваторы и т. д.¹⁹ К началу XX в. в имениях этих губерний повсеместно применялись железные плуги и бороны, молотилки, веялки, а в более передовых крупных имениях — жатки, сенокосилки, сеялки и различные специальные орудия для обработки почвы — экстирпаторы, окучники и др. Меньшее распространение машины и улучшенные сельскохозяйственные орудия получили в 90-х годах в восточной части Виленской губернии, где еще довольно часто встречались сохи и деревянные бороны²⁰. Однако уже в начале XX в. и здесь во многих помещичьих хозяйствах появились жатвенные машины, а также различные улучшенные орудия²¹. В Витебской и Могилевской губерниях, где крепостнические пережитки были более сильными, чем в названных западных губерниях, в 90-х годах сохи и деревянные бороны были еще в большом ходу. Но, как отмечали корреспонденты департамента земледелия, эти первобытные орудия вытеснялись усовершенствованными орудиями, в частности плугами различных конструкций²². В начале XX в. в большинстве имений почва уже обрабатывалась железными плугами. В крупных капиталистических имениях употреблялись также сеялки, жатки, молотилки и веялки²³.

По распространенности улучшенных сельскохозяйственных орудий в помещичьих хозяйствах Белоруссия занимала одно из первых мест в России. В середине 90-х годов в Белоруссии, по показаниям корреспондентов, распространенность улучшенных сельскохозяйственных орудий у помещиков составляла от 54 до 86%. Из главнейших земледельческих районов Европейской России впереди Белоруссии в этом отношении шли только Новороссийский район и Прибалтика²⁴.

С распространением машин в помещичьих хозяйствах Белоруссии расширялось употребление искусственного и особенно зеленого удобрения. Зеленое удобрение в белорусских губерниях начало применяться с конца 1880-х годов²⁵. С тех пор употребление его быстро росло и к началу XX в. достигло крупных размеров. Департамент земледелия в 1890-х годах неоднократно отмечал в своих ежегодных сельскохозяйственных обзорах, что в белорусских и литовских губерниях зеленое удобрение пользуется вниманием помещиков²⁶. Корреспонденты же де-

¹⁸ Государственный архив Минской области, ф. 295, д. 8753, лл. 53—54.

¹⁹ Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев, вып. XI. СПб. 1903, стр. 246—247, 320.

²⁰ Там же, стр. 253—254.

²¹ 1902 год в сельскохозяйственном отношении, вып. VI. СПб. 1903, стр. 254, 262.

²² Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев, вып. XI, стр. 223, 224, 227, 241.

²³ Россия, т. IX, Верхнее Поднепровье и Белоруссия. СПб. 1905, стр. 243; Труды местных комитетов..., вып. V, Витебская губ., стр. 461.

²⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 72.

²⁵ Аграрный вопрос. Сборник статей, т. II. СПб. 1907, стр. 558; 1893 год в сельскохозяйственном отношении, вып. II. СПб. 1893, стр. 159.

²⁶ 1893 год в сельскохозяйственном отношении, вып. II, стр. 158; 1898 год..., вып. VI. СПб. 1899, стр. 242; 1899 год..., вып. VI. СПб. 1900, стр. 244.

партамента из Минской, Гродненской и Виленской губерний на протяжении 90-х и 900-х годов непрерывно сообщали о возрастающем распространении посевов люпина в паровом поле на удобрение²⁷. В имениях Витебской и Могилевской губерний зеленое удобрение не получило столь широкого распространения.

В связи с расширением посевов трав и картофеля традиционное «чистое» трехполье в помещичьих хозяйствах Белоруссии к началу XX в. отживало свое время. Оно заменялось улучшенным трехпольем с посевами трав и корнеплодов, а в передовых крупных имениях — многопольными севооборотами. В Могилевской и Витебской губерниях большинство помещичьих имений практиковало улучшенное трехполье, многопольные же севообороты были распространены лишь в крупных, по-капиталистически организованных хозяйствах. В Минской, Гродненской и Виленской губерниях многопольные системы получили гораздо большее распространение. Как правило, они практиковались в хозяйствах, имевших сыроваренные и маслодельные или винокуренные заводы²⁸.

Помещичье хозяйство постепенно подчинялось влиянию рынка, приспособлялось к его запросам и по мере подчинения рынку специализировалось на наиболее доходных культурах и отраслях, продукция которых шла на продажу. Наличие сети железных дорог и водных путей, связывающих Белоруссию с балтийскими портами, а также с крупными городами западной окраины России, в которых постоянно располагались значительные гарнизоны войск, с одной стороны, и наличие дешевой рабочей силы — с другой, стимулировали развитие торгового предпринимательского земледелия в помещичьих имениях западных губерний.

В 60-х и 70-х годах главным видом товарной продукции в помещичьих имениях Белоруссии был хлеб (рожь, овес, ячмень). В 1874 г., например, вывоз зерновых грузов из пяти западных губерний превышал их ввоз на 3,7 млн. пудов (вывоз — 10,7 млн., привоз — 7,0 млн. пудов)²⁹. Важнейшим рыночным продуктом был также спирт, на производство которого шел картофель и в значительной мере — рожь. В период 1862—1866 гг. в пяти западных губерниях в среднем ежегодно перекуривалось 4,4 млн. пудов картофеля. В 1874—1878 гг. количество перекуреного в год картофеля возросло до 5,1 млн. пудов³⁰.

Сельскохозяйственный кризис конца 70-х и 80-х годов и рост спроса на сельскохозяйственные продукты содействовали дальнейшему развитию рыночных связей помещичьего хозяйства Белоруссии и усилению его специализации. Роль зернового хлеба как важнейшего рыночного продукта падает. В 90-х годах этот процесс продолжает развиваться: отправление хлеба сокращается, намного увеличивается получение хлебных грузов. Так, в 1895 г. из пяти западных губерний было отправлено 9,8 млн. пудов хлеба (рожь, пшеница, мука ржаная и пшеничная, овес и ячмень) и в то же время получено тех же хлебов 18,1 млн. пудов, так что привоз превысил отправление на 8,3 млн. пудов³¹. Из семи белорусско-литовских губерний в 1884 г. было отправлено 14,6 млн. пудов хлеба, а в 1895 г. — только 10,5 млн., привоз же его соответственно увеличился с 13,6 до 22,1 млн. пудов³². Важнейшими рыночными продуктами становятся спирт и особенно молочные продукты. Молочное ското-

²⁷ 1893 год в сельскохозяйственном отношении, вып. II, стр. 159; 1897 год..., вып. VI. СПб. 1898, стр. 196; 1898 год..., вып. VI, стр. 242; 1899 год..., вып. VI, стр. 244; 1903 год..., вып. VI. СПб. 1903, стр. 231; 1904 год..., вып. VI. СПб. 1905, стр. 219.

²⁸ См. Аграрный вопрос. Сборник статей, т. II, таблица к статье А. Кауфмана.

²⁹ Статистический временник Российской империи, сер. II, вып. XVI. СПб. 1875, стр. 122—123.

³⁰ Возделывание картофеля в России. СПб. 1897, стр. 142—149.

³¹ А. Д. Билимович. Товарное движение на русских железных дорогах. Киев 1902, табл. 11.

³² Там же, табл. 12.

водство превращается к началу XX в. в ведущую торговую отрасль помещичьего хозяйства Белоруссии.

О росте значения молочного скотоводства в Белоруссии свидетельствует движение посевных площадей. С 1881 по 1904 г. на частновладельческих землях Белоруссии посевные площади выросли с 978,5 тыс. до 1565,7 тыс. десятин, или в 1,6 раза³³. При этом особенно быстро увеличивались они со второй половины 90-х годов, когда в основном был изжит сельскохозяйственный кризис. Рост посевных площадей по отдельным культурам происходил неравномерно. Наиболее быстро расширялись посевы технических культур, среди которых первое место занимал картофель. За период 1881—1904 гг. площадь под картофелем увеличилась с 51,8 тыс. до 173,7 тыс. десятин, т. е. в 3,4 раза. Вместе с тем вырос удельный вес посевов картофеля в общей посевной площади: если в 1881 г. посевы его составляли в Белоруссии 5,3%, то в 1904 г. — 11,1% (здесь из расчета исключена Витебская губерния, где доля картофеля составляла только 6,3%)³⁴. По удельному весу посевов картофеля Белоруссия занимала второе место в России после Прибалтики. Модным становилось увлечение травосеянием, которое тогда считали обязательным признаком передовой агротехники. С 1881 по 1901 г. посевы кормовых трав во всех хозяйствах пяти западных губерний увеличились с 24,1 тыс. до 170,3 тыс. десятин, т. е. в 7,1 раза. Посевы кормовых трав на владельческих землях составляли в 1901 г. 127,9 тыс. десятин, или 6,5% общей посевной площади. По темпу роста посевных площадей кормовых трав западные губернии занимали первое место в России³⁵.

Сравнительно быстро росли и посевы льна. С 1881 по 1904 г. площадь под льном на владельческих землях увеличилась с 16,6 тыс. до 31,8 тыс. десятин (в 1,9 раза), а удельный вес посевов льна в общей посевной площади за этот же период поднялся с 1,7 до 2,0%. Наиболее льноводческой была Витебская губерния. В пяти ее белорусских уездах сосредоточивалось около $\frac{1}{3}$ посевов льна всей Белоруссии, причем лен занимал около 6% посевной площади этих уездов³⁶. Надо отметить, что размеры посевов льна по отдельным периодам и годам сильно колебались в зависимости от уровня цен на лен.

Что касается зерновых культур, то хотя площадь под ними в абсолютных цифрах росла, но удельный вес их в общей посевной площади постепенно снижался. Посевы четырех главных зерновых культур (ржи, пшеницы, ячменя и овса) с 1881 по 1904 г. выросли в 1,5 раза, но в то же время их удельный вес в общей посевной площади снизился с 84,1 до 79,2%³⁷.

Таким образом, с 1881 по 1904 г. общая посевная площадь по частновладельческим землям Белоруссии выросла в 1,6 раза, площадь под главными зерновыми культурами — в 1,5, под картофелем — в 3,4, под льном — в 1,9, под кормовыми травами — в 7,1 раза. Из этих данных следует, что посевы картофеля, кормовых трав и льна росли относительно быстрее общей посевной площади за счет снижения удельного веса зерновых культур. Значительно расширяя посевные площади и подчиняясь требованиям рынка, помещичье хозяйство все больше и больше специализировалось на возделывании картофеля и кормовых культур. Такое движение посевных площадей вызывалось быстрым развитием

³³ «Временник ЦСК», № 48, 1901; Урожай 1904 года в Европейской и Азиатской России, вып. I. Озимые хлеба и сено. СПб. 1904; вып. II. Яровые хлеба и картофель. СПб. 1905.

³⁴ Там же.

³⁵ Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев, вып. XII. СПб 1905, стр. 2—5.

³⁶ «Временник ЦСК», № 48, 1901; Урожай 1904 года..., вып. I, II.

³⁷ Там же.

винокурения и молочного скотоводства. Последнее с конца XIX в., как уже отмечалось, стало главной. ведущей отраслью помещичьего хозяйства Белоруссии.

В последнее двадцатилетие XIX и в первые годы XX в. количество винокуренных заводов и перекуренного на них картофеля стремительно увеличивалось. Если в 1881/82 г. в пяти западных губерниях действовал 351 винокуренный завод и было перекурено 8651 тыс. пудов картофеля, то в 1904/05 г. действовало уже 536 заводов, переработавших 25 020 тыс. пудов картофеля, т. е. количество заводов за указанный период возросло в 1,5 раза, а количество перекуренного картофеля — почти в 3 раза³⁸. В начале XX в. в пяти западных губерниях перекуривалось примерно 20% картофеля, поступавшего на винокуренные заводы Европейской России. Наиболее развито было винокурение в Минской губернии, где в 1904 г. действовало 196 заводов, переработавших 10 млн. пудов картофеля, что составляло около половины чистого сбора картофеля с частновладельческих земель. «Винокуренное дело достигло у нас полного развития. Заводы строятся без конца и чуть ли не во всяком имении», — отмечалось на заседаниях Слуцкого уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности (Минская губ.)³⁹. Широко развивалось винокурение также в Гродненской, Виленской и Могилевской губерниях. Серьезно отставала в этом отношении лишь Витебская губерния, в которой в 1894—1904 гг. количество переработанного картофеля выросло только на 17,7% (рост на 4 завода и на 220 тыс. пудов перекуренного картофеля). Помимо картофеля, который являлся главным видом сырья, на спирт перерабатывалось также значительное количество ржи. В первые годы XX в. на винокуренных заводах пяти западных губерний в среднем ежегодно перерабатывалось 2,2—2,5 млн. пудов хлеба.

Как отмечал В. И. Ленин, винокуренные заводы принадлежали почти исключительно помещикам, и, представляя собой крупные капиталистические предприятия, они придавали капиталистический характер всем тем помещичьим хозяйствам, в которых они были устроены⁴⁰.

Развитие винокурения в помещичьих хозяйствах было тесно связано с ростом молочного скотоводства. Большое количество барды, получаемое с заводов, шло на корм скоту. Быстрый рост посевов кормовых культур также служил целям развития торгового скотоводства. «Продуктивность скота, — писал В. И. Ленин, — получает здесь молочно-хозяйственное направление, и весь характер земледелия приспособляется к тому, чтобы получать возможно большее количество возможно более ценных рыночных продуктов этого рода»⁴¹.

Толчком к быстрому развитию молочного скотоводства послужило резкое падение цен на зерновые продукты в связи с наступлением сельскохозяйственного кризиса⁴². В то время как на другие продукты сельского хозяйства, и в частности на хлеб, спрос был небольшим, уровень цен на молочные продукты почти всегда был высоким. В Минской губернии, по словам корреспондента-помещика, «вследствие низких цен на хлеба хозяева... обратили особое внимание на молочное хозяйство, число сыроварен и маслоделен значительно увеличилось»⁴³. В то же

³⁸ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. СПб. 1908, Винокурение; Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев, вып. VII. СПб. 1897, стр. 142—145, 148—149.

³⁹ Труды местных комитетов..., вып. XXI, Минская губ., стр. 406.

⁴⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 247.

⁴¹ Там же, стр. 222.

⁴² 1889 год в сельскохозяйственном отношении, вып. III. СПб. 1890, стр. 373, 374; 1885 год..., вып. III. СПб. 1886, стр. 431, 446; 1887 год..., вып. III. СПб. 1888, стр. 410.

⁴³ 1889 год в сельскохозяйственном отношении, вып. VI. СПб. 1890, стр. 338.

время из Витебской губернии в департамент земледелия писали: «Цены на хлеб стоят настолько низкие, что гораздо выгоднее хлеб скормить скоту и извлекать доход из молочного хозяйства»⁴⁴. Автор обзора «1893 год в сельскохозяйственном отношении» писал, что в белорусских губерниях молочными продуктами торговали бойко и спрос превышал предложение, и попутно отмечал, что «в сфере маслоделания в описываемом районе замечается стремление к введению усовершенствованных способов обработки молока». В 1899 г. из Витебской губернии сообщали: «Молочное дело быстро развивается, так как благодаря хорошим ценам на масло хозяева стали относиться к этой отрасли хозяйства с большим вниманием»⁴⁵. В 1904 г., по сообщениям корреспондентов, коровье масло в Минской, Виленской и Гродненской губерниях пользовалось хорошим спросом.

Помещики увеличивали и улучшали стадо молочного скота, организовывали в своих имениях маслодельные и сыроваренные заводы.

В последнее двадцатилетие XIX в. количество крупного рогатого скота в помещичьих имениях пяти западных губерний выросло не менее чем в два раза и в 1900 г. составляло почти 1 млн. голов, в то время как во всех 24 губерниях нечерноземной полосы Европейской России насчитывалось 2,3 млн. голов. Следовательно, на пять западных губерний приходилось свыше 40% поголовья крупного рогатого скота помещичьих имений нечерноземной полосы⁴⁶. Наряду с увеличением поголовья молочного скота помещики принимали меры к улучшению его породных качеств. Во многих имениях в начале XX в. разводился скот улучшенных пород — симментальской, холмогорской и т. д.

В крупных по-капиталистически организованных имениях создавались предприятия по производству масла и сыров. В 1901 г. относительно Минской губернии отмечалось, что «помещики, содержащие скот лучшей породы, в большинстве случаев сами ведут молочное хозяйство, выделявая на устроенных для того сыроварнях голландские и швейцарские сыры и масло, которые сбывают частью в своей губернии, частью высылают в другие губернии»⁴⁷. Нередко молочные предприятия помещиков скупали молоко у окрестных крестьян. Так, на заседаниях Дриссенского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности (Витебская губ.) отмечалось, что «во многих имениях находятся молочные заведения, в которых с помощью сепаратора и других машин делается хорошее масло. Молочные заведения в имениях почти все охотно покупают [у крестьян] молоко по 35 коп. за ведро»⁴⁸.

Сколько-нибудь полного учета предприятий по переработке молока не производилось. Все же данные о числе этих промышленных заведений по отдельным уездам и губерниям показывают, что маслодельные и сыроваренные заводы были широко распространены в западных белорусских губерниях, особенно в Минской и Виленской. В 1895 г. в Ошмянском и Вилейском уездах Виленской губернии губернским статистическим комитетом было учтено 30 молочных предприятий, которые выработали 4154 пуда сыра, 1042 пуда масла и 374 пуда творога на общую сумму свыше 40 тыс. рублей. Наиболее крупным среди них был молочный завод в имении Вишнево Ошмянского уезда, принадлежавший помещику Хрептович-Бутеневу. Завод производил 1200 пудов сыра и 150 пудов масла, перерабатывая в год до 70 тыс. гарнцев (230 000 литров) молока⁴⁹. В Могилевской губернии в 1901 г. действовало 10 срав-

⁴⁴ 1889 год в сельскохозяйственном отношении, вып. VI, стр. 373.

⁴⁵ 1899 год в сельскохозяйственном отношении, вып. III. СПб. 1903, стр. 374.

⁴⁶ Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в., вып. II, стр. 4—5.

⁴⁷ Обзор Минской губернии за 1901 г. Минск 1902, стр. 6.

⁴⁸ Труды местных комитетов..., вып. V, Витебская губ., стр. 317.

⁴⁹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 388, оп. 1, д. 1027, лл. 11—17.

нительно крупных сыроваренных заводов, которые давали в год продукции на сумму 33,7 тыс. рублей⁵⁰. Судя по суммам выручки, в каждой из белорусских губерний насчитывалось несколько десятков сыроваренных заводов и маслоделен. В основном это были мелкие предприятия, производившие в год по несколько десятков или сотен пудов масла или сыра. В большинстве же имений масло вырабатывалось домашним способом без специальных заведений или же, что имело место чаще, молочное стадо сдавалось в аренду покупателю молока за плату от головы или от количества молока, причем уход за скотом и его содержание оставались обязанностью имения. Сдача молочного скота в аренду («на пахт») была широко распространена во всех губерниях Белоруссии⁵¹. Пахторы-арендаторы поставляли молоко на сборные молочные заводы или же в города потребителю. Так наз. сборные молочные заводы, которые скупали молоко как у помещиков, так и у крестьян, возникали наряду с помещичьими предприятиями⁵².

Молочное скотоводство становилось в начале XX в. главной доходной статьей помещичьих имений. Так, Слуцкий комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности отмечал в своем журнале, что «скотоводство в настоящее время — одна из самых доходных отраслей сельского хозяйства», которая «почти всюду поставлена хорошо»⁵³. По сообщению корреспондента из Дисненского уезда, помещики стараются «в последнее время совершенствовать скотоводство, как единственную, дающую доход отрасль сельского хозяйства»⁵⁴. Помещики Гродненской губернии, как видно из журнала заседания губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности, возлагали много надежд на молочное скотоводство «ввиду падения цен на хлеб»⁵⁵. «Молочное хозяйство приносит хороший доход», — сообщал в департамент земледелия корреспондент из Могилевской губернии⁵⁶. Полоцкий комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности в своем обзоре уезда признавал, что главную опору помещичьего хозяйства составляет молочное скотоводство, «так как теперь только те имения и держатся еще, где развито молочное хозяйство»⁵⁷. В 1901 г. в Минском уезде от продажи молочных продуктов помещиками было выручено 58 тыс. рублей, в Борисовском — 10 тыс., в Пинском — 33 тыс., в Слуцком — 25 тыс. рублей и т. д.⁵⁸ Масло и сыры доставлялись на местные рынки и в значительном количестве вывозились в Петербург, Москву, Одессу, Киев, Варшаву, Ригу и Либау (Либаву)⁵⁹.

К началу XX в. в западных губерниях России сложилась местная высокопродуктивная порода скота — литовско-белорусская. В Минской губернии в 1904 г. был создан специальный «Союз для разведения литовско-белорусской породы крупного рогатого скота», в который вошли крупнейшие помещики-скотоводы. Председателем союза был избран помещик Игуменского уезда В. Ельский⁶⁰. В Гродненском обществе сельского хозяйства в 1902 г. был учрежден специальный комитет скотовод-

⁵⁰ Обзор Могилевской губернии за 1901 г. Могилев 1902, табл. 11.

⁵¹ Труды местных комитетов..., вып. XXI, Минская губ., стр. 262; вып. XXII, Могилевская губ. СПб. 1903, стр. 146; вып. IV, Виленская губ., стр. 128; вып. V, Витебская губ., стр. 222.

⁵² ЦГИА Лит. ССР, ф. 388, оп. 1, д. 1027, л. 11.

⁵³ Труды местных комитетов..., вып. XXI, Минская губ., стр. 407, 429.

⁵⁴ 1903 год в сельскохозяйственном отношении, вып. VI, стр. 300.

⁵⁵ Труды местных комитетов..., вып. IX, Гродненская губ., стр. 110, 489.

⁵⁶ 1904 год в сельскохозяйственном отношении, вып. VI, стр. 332.

⁵⁷ Труды местных комитетов..., вып. V, Витебская губ., стр. 396.

⁵⁸ Обзор Минской губернии за 1901 г., стр. 7.

⁵⁹ Производительные силы России. СПб. 1896, стр. 25; 1887 год в сельскохозяйственном отношении, вып. III, стр. 410.

⁶⁰ Журн. «Молочное хозяйство», 1904, № 45.

ства, в задачу которого входило изучение и совершенствование организации молочного хозяйства и способов увеличения его доходности⁶¹.

В заключение обзора главных форм торгового капиталистического земледелия в Белоруссии укажем еще на тонкорунное овцеводство, которым занимались некоторые помещичьи хозяйства Гродненской и отчасти Виленской губерний. Близкий и выгодный рынок сбыта шерсти на фабриках Белостока, Варшавы, Лодзи вызвал широкое развитие этой торговой отрасли хозяйства в названных губерниях еще в середине XIX в. Однако поступление в Польшу более дешевой шерсти из степных губерний России и из-за границы привело к тому, что к началу XX в. поголовье тонкорунных овец в Гродненской и Виленской губерниях сократилось. В Виленской губернии в первые годы XX в. тонкорунные овцы разводились только в некоторых крупных помещичьих имениях; в 1902 г. в губернии насчитывалось всего 5,1 тыс. голов тонкорунных овец, с которых было получено 512 пудов шерсти. В Гродненской губернии в 1904 г. насчитывалось 45,1 тыс. тонкорунных овец. Между тем еще в 1897 г. в этой губернии было учтено 80,3 тыс. тонкорунных овец⁶². Об упадке тонкорунного овцеводства в западных губерниях свидетельствует и тот факт, что в местных комитетах о нуждах сельскохозяйственной промышленности вопросы овцеводства не обсуждались. Все внимание помещиков было сосредоточено на нуждах молочного хозяйства, как самой главной отрасли торгового земледелия.

Таким образом, к началу XX в. Белоруссия представляла собой один из важнейших в России районов земледельческого капитализма, в котором быстро развивались тесно связанные между собой винокурение и молочное хозяйство. Эти рыночные отрасли определяли собой главные направления специализации земледелия. В центральной части Белоруссии помещичье хозяйство специализировалось главным образом именно на этих рыночных отраслях. В северной части Белоруссии, кроме того, большое место занимало льноводство. На юге — в Полесье хозяйство помещиков отличалось высоким удельным весом посевных площадей картофеля и также специализировалось на винокурении и отчасти — на молочном скотоводстве.

Белоруссия представляла собой типичный район развития земледельческого капитализма по прусскому образцу. Крупное помещичье землевладение занимало тут доминирующее положение. Помещичье хозяйство сравнительно быстро эволюционировало от отработочной системы к капиталистической организации. Широкие связи с рынком, капиталистическая конкуренция толкали помещиков не только к сокращению отработков, но и к рациональному и наиболее выгодному использованию всех земель своих имений. Капитализм не мог мириться с такими пережитками средневековья в земледелии, как сервитуты, чересполосица и прочее. Поэтому чем больше помещичье хозяйство работало на рынок, тем сильнее помещики повышали арендные цены на землю и сокращали натуральную аренду не только пашни, но и других угодий. Помещики все настойчивее стремились лишить крестьян сервитуты и «округлить» свои имения за счет крестьянских земель при размежеваниях, «обходах» границ, при снятии планов и т. д. Все это подрывало положение малоземельного крестьянина как «самостоятельного хозяина», и ему не оставалось другого выхода, кроме как идти на работу в помещичьи имения в качестве «свободного» батрака или поденщика. Разоренные, обнищавшие массы крестьян, за исключением кулацкой верхушки, и сельские рабочие были задавлены жестокой полукрепостнической и капиталистической эксплуатацией.

⁶¹ «Молочное хозяйство», 1906, № 34.

⁶² Обзор Гродненской губернии за 1897 год. Гродно 1898, стр. 17.

Развитие капитализма в условиях сохранения помещичьего землевладения и отработков обостряло противоречия между крестьянством в целом и помещичьим классом, а также создавало экономическую основу для развития классовых противоречий и классовой борьбы между сельскими рабочими — батраками и поденщиками — и предпринимателями-помещиками. К началу XX в. первая линия классовых противоречий в белорусской деревне приобрела весьма напряженный характер. Вторая линия также получила значительное развитие. Это обусловило большой размах крестьянского движения при широком распространении сельскохозяйственных забастовок в Белоруссии в период революции 1905—1907 гг.

Н. Н. Лещенко

ФОРМИРОВАНИЕ СОЮЗА РАБОЧЕГО КЛАССА И КРЕСТЬЯНСТВА НА УКРАИНЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Среди многих вопросов марксистско-ленинской теории наиболее важным является учение о диктатуре пролетариата, особой формой и высшим принципом которой является союз рабочего класса и крестьянства, в котором руководящая роль принадлежит рабочему классу. Революционный союз пролетариата и крестьянства составляет могучую общественную силу, способную свергнуть власть царизма и буржуазии, сломить экономическую базу старой, капиталистической системы и ее надстройку — буржуазно-помещичье государство, преодолеть буржуазную идеологию, осуществить коренной переворот в труде, условиях жизни и культуре трудящихся масс.

В силу этого великий учитель и вождь трудящихся В. И. Ленин, разрабатывая программу, стратегию и тактику пролетариата в новую эпоху мировой истории — эпоху империализма, уделил вопросу о союзниках рабочего класса в его борьбе за власть исключительное внимание. Решительно разоблачая различные антинаучные взгляды в этом вопросе, В. И. Ленин всесторонне обосновал положение, что ближайшим союзником пролетариата в его героической борьбе за революционное преобразование общества является трудовое крестьянство.

Созданное великим Лениным учение о союзе рабочего класса и крестьянства при руководящей роли пролетариата, которое было положено в основу стратегии и тактики Коммунистической партии, основывается на революционной теории марксизма и на гениальных предвидениях К. Маркса и его указаниях о необходимости привлечения крестьянства на сторону пролетариата.

Глубоко и всесторонне исследуя пореформенное развитие России, В. И. Ленин в своих произведениях «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Развитие капитализма в России», «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» и во многих других ярко показал, что в России, наряду с быстрым развитием капитализма, существовали еще весьма сильные пережитки крепостничества. Самодержавие, сословность, бюрократия, средневековое надельное крестьянское землевладение и особенно помещичьи латифундии, находясь в непримиримом противоречии с потребностями всего общественного развития, тормозили дальнейшее развитие страны, усиливали зависимость России от иностранного капитала, задерживали рост политического сознания трудящихся. Многочисленные пережитки крепостничества были главной причиной разорения и хронического голодания крестьянства, усиливали невыносимую эксплуатацию и тяжелое, бесправное положение рабочего класса страны. Коренные потребности общественного развития страны, насущные интересы народов России настойчиво требовали ломки суще-

ствовавшего строя, и прежде всего уничтожения помещичьего землевладения и свержения царского самодержавия. Эта задача могла быть решена лишь общими усилиями рабочего класса и крестьянства при руководящей роли пролетариата и изоляции буржуазии от масс, лишении ее возможности оказывать влияние на массы, руководить ими.

В. И. Ленин показал, что в осуществлении буржуазно-демократических преобразований наиболее заинтересован был пролетариат, ибо только таким путем он мог добиться необходимых демократических свобод, укрепить свои организации, приобрести опыт руководства трудящимися массами и повести борьбу за завоевание политической власти. В этой борьбе естественным союзником пролетариата могло быть многомиллионное крестьянство, крайне заинтересованное в уничтожении помещичьего землевладения и других пережитков крепостничества. Подчеркивая аграрно-крестьянский характер буржуазно-демократической революции, назревавшей в стране, В. И. Ленин указывал, что объективные условия поставили во всю ширь вопрос о ломке средневекового землевладения, о «расчистке» почвы для капитализма, выдвинув, таким образом, крестьянские массы на арену более или менее самостоятельных исторических действий.

Однако в силу своей двойственной природы, разрозненности и неорганизованности крестьянство нуждается в политическом руководстве. «Крестьянин, — говорил В. И. Ленин на первом Всероссийском съезде по внешкольному образованию, — своим экономическим положением в буржуазном обществе неизбежно поставлен так, что он либо идет за рабочим, либо за буржуазией. *Середины нет*»¹. Поэтому задача пролетариата, его партии состояла в том, чтобы обеспечить руководство массами трудового крестьянства и повести их на штурм царизма и крепостничества. Общность интересов и стремлений в борьбе за уничтожение самодержавно-крепостнического строя была объективной предпосылкой для создания и укрепления союза рабочего класса и крестьянства.

В решении задачи превращения крестьянства из резерва буржуазии, каким оно было на Западе, в резерв пролетариата, в его ближайшего союзника — важную роль должна была сыграть аграрная программа Российской социал-демократической рабочей партии, к разработке которой В. И. Ленин приступил еще задолго до начала первой русской революции. В противовес кадетам, октябристам и другим буржуазным и помещичьим партиям, которые стремились всеми средствами сохранить помещичье землевладение и отстаивали юнкерский путь буржуазного развития сельского хозяйства, В. И. Ленин всесторонне обосновал крайнюю необходимость революционного уничтожения помещичьих латифундий, а также общинного наделного крестьянского землевладения — основных источников неимоверного угнетения крестьян помещиками.

Главным средством уничтожения пережитков крепостничества в земледелии В. И. Ленин считал проведение победившим пролетариатом в союзе с крестьянством национализации земли. Первым же шагом в осуществлении этой задачи В. И. Ленин считал немедленную отмену всех выкупных и оброчных платежей и возвращение крестьянам тех земель, которые были отрезаны от их наделов помещиками во время проведения реформы 1861 г. «Мы выдвинем требование, — писал В. И. Ленин в статье «Рабочая партия и крестьянство», — немедленной и полной отмены выкупных платежей и оброчных сборов, требование вернуть народу те сотни миллионов, которые годами выколачивало царское правительство для удовлетворения appetитов рабовладельцев... Мы выдвинем требование вернуть крестьянам те отрезки, посредством кото-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 340.

рых продолжает держаться подневольный, кабальный, барщинный, т. е. на деле тот же крепостной труд»².

Руководящие принципы ленинской аграрной программы сводились, во-первых, к уничтожению всех докапиталистических, крепостнических учреждений и отношений в деревне и, во-вторых, к приданию классовой борьбе в деревне более открытого и сознательного характера. Эти ленинские положения были одобрены II съездом РСДРП и включены в программу партии. Вместе с известным трудом В. И. Ленина «К деревенской бедноте», изданным в 1903 г., они сыграли большую положительную роль в объединении крестьянских масс вокруг рабочего класса, в усилении революционной борьбы крестьянства против помещичье-капиталистического гнета.

Еще в 90-х годах XIX в. в ряде районов России, в том числе и на Украине, наблюдается заметный рост крестьянского движения, направленного против многочисленных пережитков крепостничества и тяжелой помещичье-капиталистической эксплуатации. Так, по неполным данным, почерпнутым нами в материалах департамента полиции в Центральном государственном историческом архиве СССР в Москве, с 1890 по 1900 г. в украинских губерниях произошло не менее 152 крестьянских волнений, в том числе в Киевской губернии — 33, Подольской — 23, Волынской — 18, Харьковской — 16, Полтавской и Херсонской — по 15, в Таврической — 12, Екатеринославской — 11 и в Черниговской — 9 волнений³.

В начале XX в. борьба крестьянских масс на Украине значительно усиливается. Особенно широкий размах и остроту она получает весной 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях. По неполным данным, в период с 28 марта по 3 апреля 1902 г., т. е. в течение 6—7 дней, здесь было разгромлено 105 помещичьих экономий, в том числе в Полтавском уезде — 41, Константиноградском — 38, Валковском — 24 и Богодуховском — 24. По свидетельству газеты «Искра», подобные волнения имели место в России в Саратовской, Киевской, Черниговской, Воронежской, Тамбовской, Тульской, Московской губерниях⁴.

Наряду с разгромом помещичьих имений, массовыми потравами экономических посевов, порубкой лесов, требованием снижения арендных цен, отмены выкупных платежей, возвращения «отрезков» все большее распространение получает такая форма борьбы крестьян с помещиками, как захват помещичьих земель. Особенно широкое развитие эта форма движения получает уже в первые месяцы революции 1905—1907 гг.

Учитывая это обстоятельство, В. И. Ленин приходит в это время к выводу, что требование возвращения отрезков является недостаточным и не может удовлетворить крестьянство. В письме к III съезду партии В. И. Ленин выдвинул, как практический и более действенный способ борьбы с помещиками, требование создания революционных крестьянских комитетов, на которые должна была быть возложена задача неуклонного проведения под руководством пролетариата конфискации помещичьих земель, хлеба, скота и других продуктов и имущества, ликвидации всех пережитков крепостничества, последовательного осуществления демократических преобразований в деревне, привлечения многомиллионного крестьянства к революционной борьбе за создание демократической республики, за установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства⁵.

² В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 398.

³ См. М. Н. Лещенко. Селянський рух на Україні в роки першої російської революції. Київ 1956, стор. 45.

⁴ Там же, стор. 53.

⁵ «Искра», № 21, 1 июня 1902 г.

⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 222.

На основе глубокого изучения социально-экономического развития России в пореформенный период В. И. Ленин вскрыл процесс расслоения крестьянства, показал наличие в его среде трех основных прослоек — 1) сельского полупролетариата, бедноты, 2) среднего крестьянства и 3) деревенской буржуазии, кулачества. Всесторонне анализируя революционное движение народных масс, которое неуклонно усиливалось, В. И. Ленин указал на наличие двух разнородных социальных войн. Одна война шла в недрах буржуазно-капиталистических производственных отношений — между буржуазией и пролетариатом, поддерживаемым деревенской беднотой, а другая война — между классом помещиков и всем крестьянством. Такие же две социальные войны развивались и в тогдашней деревне. Отмечая это, В. И. Ленин в статье «Рабочая партия и крестьянство» писал: «... В современной русской деревне совмещаются двоякого рода классовые противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом. Первая противоположность развивается и растет, вторая — постепенно ослабевает. Первая — вся еще в будущем, вторая — в значительной степени уже в прошлом. И, несмотря на это, для современных русских социал-демократов именно вторая противоположность имеет наиболее существенное и наиболее практически важное значение»⁷. В другом месте В. И. Ленин подчеркивал, что в период капитализма крестьянство перестает быть единым классом. В этой связи Ленин писал: «Поскольку в нашей деревне крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, постольку крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). Поскольку сохраняются еще крепостные отношения, — постольку «крестьянство» продолжает еще быть классом, т. е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества»⁸.

Учитывая это обстоятельство, В. И. Ленин определил и обосновал стратегические лозунги российской социал-демократии в крестьянском вопросе на различных этапах революции. В своем историческом труде «Две тактики социал-демократии в демократической революции» В. И. Ленин указывал, что вначале рабочий класс в союзе со всем крестьянством при нейтрализации буржуазии должен осуществить буржуазно-демократическую революцию, целью которой является свержение царизма и установление демократической республики, введение восьмичасового рабочего дня, уничтожение помещичьего землевладения, а потом в союзе с крестьянской беднотой перейти к революции социалистической. «Пролетариат, — писал В. И. Ленин, — должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии»⁹. В связи с этим В. И. Ленин придавал огромное значение вопросу самостоятельной организации сельского пролетариата, объединению его с рабочим классом городов, оказанию ему всесторонней помощи в осознании им его классовых задач.

Учение В. И. Ленина по аграрному вопросу было положено в основу решений III съезда партии и стало боевой программой работы большевистских организаций на селе. Революционные социал-демократические организации направили свои усилия на разоблачение контрреволюцион-

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 397.

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 97.

⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 81.

ной роли буржуазных и помещичьих партий, на освобождение крестьянства от влияния буржуазии и объединение его вокруг рабочего класса — неумолимого борца за свободу и счастье трудящихся.

Центральный Комитет партии, а также многие местные социал-демократические комитеты, в том числе Полтавский, Черниговский, Екатеринославский, Луганский, Одесский, выпустили специальные листовки к крестьянам. В них большевики призывали трудящееся крестьянство к объединению с рабочим классом для совместной борьбы против самодержавного строя.

Так, Одесский комитет РСДРП в листовке от 19 февраля 1905 г., решительно разоблачая грабительский характер реформы 1861 г., обрешей крестьян на неимоверную нищету и страдания, писал: «Встаньте все, рабочие и крестьяне, мужчины и женщины, юноши и девушки... Собирайтесь в один общий союз, в единую рабочую партию. Вставайте под наше красное знамя революции... Будем бороться за демократическую республику. Потребуем немедленного созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайной подаче голосов... Потребуем свободы слова, совести, печати, собраний, союзов и стачек. Потребуем немедленного прекращения войны. Будем добиваться возвращения крестьянам отрезанных у них дворянами земель..., выкупных платежей. Рабочие и крестьяне! Готовьте оружие против врагов своих, готовьтесь уничтожить самодержавное правительство. Пусть гибнет ненавистный строй произвола и насилия. Пусть загорится звезда новой жизни свободного народа в свободной демократической республике!»¹⁰ Екатеринославский комитет «большинства» в листовке, изданной в апреле 1905 г., писал: «Крестьяне! Оказывайте помощь рабочим, которые ведут борьбу в городах. Когда вы узнаете, что рабочие восстали..., поднимайтесь и вы, чтобы вместе победить общего врага. Собирайтесь в большом количестве, избирайте свое управление, отказывайтесь подчиняться полиции и... царской власти, не платите налогов, вооружайтесь!»¹¹

К решительной поддержке выступлений рабочего класса, к нерушиму союзу с ним призывала крестьян и листовка Сумской группы РСДРП, которая широко распространялась во многих селах Харьковской, Полтавской и Черниговской губерний. В ней указывалось: «Крестьяне! Вы должны словом и делом поддержать городских рабочих... Собирайте мирские сходки и присоединяйтесь к требованию петербургских рабочих. Постановляйте на сходках, что вы отказываетесь платить царскому правительству налоги и исполнять натуральные повинности. Посылайте своих людей из села в село, договаривайтесь целыми уездами, губерниями. Ни копейки царскому правительству... Сообщайте о всех ваших действиях во все соседние города вашим братьям-рабочим. Они поддержат вас и советом, и делом. Договаривайтесь с ними, выступайте совместно... Необходимо, чтобы революционный пожар разгорался одновременно по всей России, и тогда не погасит его никакая сила... Ваш союз означает победу революции. А победа революции означает свободу и лучшую судьбу... народа»¹². Подобные листовки издавались и распространялись многими большевистскими социал-демократическими комитетами и группами.

О размахе агитационной работы социал-демократических организаций в селах Украины достаточно ярко свидетельствует, в частности, тот факт, что только в течение 1905 г. жандармскими и полицейскими чиновниками Киевской губернии было зарегистрировано свыше 140 случаев распространения среди крестьян листовок и различной социал-де-

¹⁰ ЦГИА УССР в Киеве, коллекция листовок, инвентарный № 12280.

¹¹ Днепропетровский областной государственный архив, ф. 670, д. 8, л. 218.

¹² Сумской областной государственный архив, ф. 741, оп. 1, д. 3, лл. 2—4.

мократической литературы¹³. В числе других распространялись листовка «Первое Мая», написанная В. И. Лениным и изданная Бюро комитетов большинства и редакцией газеты «Вперед», работа В. И. Ленина «К деревенской бедноте» и ряд других. В частности, труд Ленина «К деревенской бедноте» в селах Золотой Колодец, Полковая Никитовка и в ряде других населенных пунктов Украины читался многими крестьянами, переходя из рук в руки.

Наряду с распространением листовок, прокламаций и другой литературы, революционные социал-демократические организации посылали в села своих агитаторов, которые вели массово-политическую работу, направленную на вовлечение крестьянства в борьбу против ненавистного самодержавного строя.

Агитационная работа большевистских организаций, так же как и усиливавшееся рабочее движение, оказывала на трудящееся крестьянство значительное влияние. Измученные малоземельем и тяжелой помещичье-кулацкой эксплуатацией, крестьяне решительно поднимались на борьбу против своих угнетателей. Уже в первые месяцы революции крестьянское движение охватило 85 уездов Европейской части России. Начавшись в феврале 1905 г. в селах Орловской и Курской губерний, оно перебралось в Черниговскую, Харьковскую, Полтавскую, Екатеринославскую и другие губернии Украины, охватив более половины ее уездов. По нашим подсчетам, только в губерниях Правобережной Украины в течение всего периода революции произошло 2635 крестьянских волнений, которыми было охвачено около 3000 деревень и сел с населением свыше 2 000 000 человек. За то же время крестьяне Украины разгромили более 350 помещичьих имений, разделили между собой сотни тысяч пудов помещичьего хлеба, картофеля, сахара и других продуктов.

Борьба крестьян против помещиков и капиталистической эксплуатации развивалась волнообразно. Она прошла примерно четыре основных этапа (весна и лето 1905 г., осень и зима 1905 г., весна и лето 1906 г. и, наконец, весна и лето 1907 г.). По своему содержанию и формам борьбы крестьянское движение на Украине являлось органической составной частью общей антипомещичьей борьбы крестьянства всей России. Это обусловливалось взаимосвязью экономического развития Украины и России, общностью судеб, интересов и стремлений всего трудящегося крестьянства страны.

Вместе с тем крестьянские волнения в отдельных районах Украины имели и свои особенности, обусловленные некоторой спецификой социально-экономического развития этих районов. В частности, на Левобережье Украины, где пережитки крепостничества были наиболее распространены и в ряде уездов преобладала отработочная система, значительный размах получили крестьянские выступления, сопровождавшиеся разгромом помещичьих имений и разделом между крестьянами имущества и продуктов, захваченных в экономиках.

Наиболее характерным в этом отношении был разгром сахарного завода в Хуторе-Михайловском (Глуховский уезд Черниговской губернии), в котором наряду с местными украинскими крестьянами приняли участие жители ряда русских сел Севского уезда Орловской губернии. Причиной выступления крестьян было их чрезвычайно тяжелое экономическое положение, достаточно ярко охарактеризованное ими на судебном процессе. Крестьяне говорили, что половина из них совершенно не имеет земли, другие в большинстве своем имеют участки размером от 0,2 до 0,5 десятины. «Нас в семье восемь рабочих, — говорил один из крестьян, — а земли на всех — две с половиной десятины. Луга и выгона

¹³ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 336, д. 942, л. 1; д. 943, лл. 1—2.

нет, леса тоже... Обкопали мы наше село канавой, а то хотя на веревке держи поросят и кур. Лишь с одной стороны имеется выход на свою землю, а с трех — все терещенское (сахарозаводчика Терещенко. — *Н. Л.*). На заводе платят по 6 рублей в месяц... Весь день работаешь, а дома семья голодная. Разве можно на двугривенный семье прожить». Доведенные до отчаяния невыносимыми условиями жизни, свыше 3000 крестьян Севского, Глуховского и Новгород-Северского уездов прибыли в ночь на 23 февраля 1905 г. на тысяче подвод в Хутор-Михайловский и, разгромив сахарный завод, разобрали десятки тысяч пудов сахара, муки и других продуктов и часть имущества. На вопрос одного из служащих завода, зачем они уничтожают завод, крестьяне ответили: «Завод нам не нужен, ибо мы не умеем варить сахара, а нам нужна земля». С помощью войск выступление крестьян было подавлено, а его участники подвергнуты жестокому наказанию. Достаточно сказать, что лишь к судебной ответственности было привлечено 167 человек. Однако крестьяне продолжали борьбу с ненавистными эксплуататорами и в последующие годы революции.

На Правобережье и Юге Украины, т. е. в районах, где в сельском хозяйстве преобладали капиталистические отношения, наиболее распространенной формой движения были стачки крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Только на Правобережье Украины их произошло в период революции не менее 1490, в том числе в Киевской губернии — 713, Подольской — 579 и Волынской — 198 стачек¹⁴. Из других форм борьбы наибольшее распространение получили выступления, сопровождавшиеся захватом помещичьих земель, требованием облегчения условий аренды, порубками лесов и потравами посевов, т. е. непосредственная борьба крестьян за землю и репрессивные меры крестьян против помещиков. Борьба крестьян за землю явилась, например, на Правобережной Украине содержанием 437 выступлений, репрессии против помещиков — 423 выступлений. Столкновений крестьян с полицией и войсками было 109, митинги, манифестации и другие политические формы борьбы отмечены в 176 случаях.

Как свидетельствуют многочисленные документы, хранящиеся в центральных и местных архивах, в авангарде крестьянского движения шли сельские пролетарии и полупролетарии, которые под руководством социал-демократов, воспринимая формы и методы борьбы промышленного пролетариата, решительно боролись против помещичье-капиталистической эксплуатации, за ликвидацию многочисленных пережитков крепостничества. Их активно поддерживали деревенская беднота и среднее крестьянство. Крестьянская буржуазия, хотя она и была заинтересована в уничтожении помещичьего землевладения, действовала все же крайне нерешительно, часто занимала нейтральную позицию, а в целом ряде случаев переходила на сторону царизма, оказывая ему активную помощь в подавлении крестьянского движения. Достаточно вспомнить события, имевшие место в 1905 г. в селах Сорочинцы и Выхвостово.

В ходе борьбы с царизмом, помещиками и буржуазией рос и укреплялся союз рабочего класса и трудящегося крестьянства. Об этом свидетельствуют как приведенные выше факты развития крестьянского движения в 1905—1907 гг., так и совместные выступления рабочих и крестьян. Весьма интересно в этом отношении совместное заявление рабочих и крестьян города Горловки и окрестных сел о своей готовности выступить на решительную борьбу против царского самодержавия. 9 декабря 1905 г. в телеграмме на имя Екатеринославского боевого стачечного ко-

¹⁴ См. М. Н. Лещенко. Селянський рух на Правобережній Україні в період революції 1905—1907 рр. Київ 1955, стор. 95.

митета горловские рабочие и крестьяне писали: «Сегодня... в 9 часов вечера по общему согласию станционных служащих, заводских, рудничных рабочих, мастеров, всех крестьян Горловского района, в количестве свыше 5 тысяч человек решили провести всеобщую стачку, чтобы поддержать наших передовых борцов за свободу всего народа, поклявшись погнать или выйти победителями. Просим товарищей железнодорожников, заводских, рудничных... подняться всем дружно и объединиться с нами, стать вместе для борьбы с правительством. Да здравствует полная гражданская свобода! Да здравствует народное правительство! Долой правительство произвола и насилия!»¹⁵

Рабочие Донбасса мужественно боролись с царскими войсками, отстаивая интересы трудящихся. В их героической борьбе принимали участие и крестьяне ряда окрестных сел. В бюллетене боевого стачечного комитета от 17 декабря 1905 г. отмечалось, что крестьяне с. Александровка в количестве 400 человек, присоединившись к рабочим Юзовки, заявили о своей полной готовности, не жалея жизни, принять участие в борьбе за свободу.

Как отмечалось в обвинительном акте по поводу вооруженного выступления в городе Александровске, в нем принимали участие как местные рабочие, так и крестьяне окрестных сел. Крестьяне сел Подлипное, Пановка, Батурино и Загребелье Конотопского уезда Черниговской губернии принимали активное участие в митингах и собраниях рабочих города Конотопа, а когда для подавления выступления рабочих в город прибыли казаки, крестьяне названных сел, собравшись на митинг, приняли решение об оказании помощи рабочим. Крестьяне с. Веселые Терны Верхнеднепровского уезда совместно с рабочими-рудокопами в октябре 1905 г. разгромили 18 магазинов и совершили нападение на помещичье имение. В с. Старое Полтавской губернии рабочие и крестьяне требовали введения трехсменной работы и повышения заработной платы. В с. Бельное Изюмского уезда, на станции Сватово, в с. Камянское и многих других происходили митинги, на которых обсуждались общие задачи рабочих и крестьян в борьбе против самодержавия и помещичье-капиталистической эксплуатации.

Приведенные здесь факты показывают, что в ходе революции 1905—1907 гг. на Украине, как и во всей России, складывался боевой союз рабочего класса и трудящегося крестьянства. Подчеркивая это, В. И. Ленин в статье «Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам» писал в январе 1909 г.: «Союз сил пролетариата и крестьянства не «в идее существовал» и не «едва начал воплощаться в жизни», а характеризовал весь первый период русской революции, все крупные события 1905—1907 годов. Октябрьская стачка и декабрьское восстание, с одной стороны, крестьянские восстания на местах и восстания солдат и матросов были именно «союзом сил» пролетариата и крестьянства. Этот союз был стихийен, неоформлен, часто неосознан. Эти силы были неорганизованы достаточно, были раздроблены, были лишены действительно руководящего центрального руководства и т. д., но факт «союза сил» пролетариата и крестьянства, как главных сил, проломивших брешь в старом самодержавии, бесспорен. Не поняв этого факта, нельзя ничего понять в «итогах» русской революции»¹⁶.

Союз рабочего класса и крестьянства продолжал развиваться в последующие годы — в период столыпинской реакции, нового революционного подъема и первой мировой империалистической войны. Этому в зна-

¹⁵ «Исторический архив», 1955, № 1, стр. 142—143.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 305.

чительной мере содействовала героическая борьба русского рабочего класса и предметный урок III и IV Государственных дум, работа которых окончательно убедила крестьян в контрреволюционной роли русской буржуазии. Крестьянство решительно и бесповоротно стало на путь рабочего класса, на путь нерушимого союза с ним.

Обеспечив победу Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма, братский союз рабочего класса и крестьянства является ныне могучей общественно-политической силой, которая обеспечивает успешное строительство коммунизма в нашей стране.

А. В. П о л о н с к и й

ОТНОШЕНИЕ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К ВОПРОСУ О ПАСТБИЩНЫХ СЕРВИТУТАХ В БЕЛОРУССИИ

Пастбищные и лесные сервитуты как специфические и весьма существенные остатки феодальных отношений сохранялись преимущественно в пореформенной деревне Белоруссии, Литвы и Правобережной Украины. Причины этого явления коренились в особых исторических условиях социально-экономического развития этих районов. Сервитуты являлись важнейшей частью аграрного вопроса и предметом острой классовой борьбы крестьян с помещиками вплоть до социалистической революции.

В советской исторической литературе нет специальных исследований, посвященных сервитутам. Однако почти все историки, занимавшиеся изучением аграрных отношений и крестьянских движений в Белоруссии, Литве и Правобережной Украине, в той или иной степени затрагивают проблему пастбищных, лесных и других сервитутов как важнейшую часть аграрного вопроса эпохи капитализма¹.

Дореволюционная дворянская и буржуазная историография изучала сервитутный вопрос в отрыве от уцелевших после реформы 19 февраля 1861 г. крепостнических пережитков в сельском хозяйстве Белоруссии, Литвы и Правобережной Украины и не учитывала особенностей политики, которую проводило царское правительство в крестьянском вопросе в этих районах. Сервитутная проблема рассматривалась преимущественно как частноправовая, относящаяся к юриспруденции. В лучшем случае она изучалась в плане необходимости поднятия агрикультуры сельского хозяйства при сохранении помещичьего землевладения.

Возникновение в сельском хозяйстве сервитутных угодий относится к эпохе феодализма. Экономические интересы крепостников требовали, чтобы часть земель, «на которые они имели лишь феодальное право»², была отдана в пользование крестьянам. Крестьяне пользовались не только пахотными наделами, но и пастбищными, лесными и другими угодьями (сервитутами), ибо, как говорил В. И. Ленин, хозяйство крестьянина было условием существования помещичьего хозяйства³. Таким образом, в эпоху феодализма существовало право крестьян не только на полевой надел, но и на дополнительные угодья, причем в Белоруссии, Литве и на Правобережной Украине оно даже фиксировалось в инвентарях⁴.

В. И. Ленин видел причину сохранения в пореформенной России сервитутов в кре-

¹ Д. А. Дудкоў. Аб развіцці капіталізма ў Беларусі ў 2-й палове XIX і пачатку XX ст. Мінск 1932, стар. 41—43; П. А. Зайончковскі. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М. 1958, стр. 375, 378—381, 396; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, изд. 2. М. 1952, стр. 491; Н. Н. Лещенко. Крестьянское движение на Украине в связи с проведением реформы 1861 г. Киев 1959, стр. 301—302, 484; П. М. Першин. Нариси аграрной революції в Росії. Київ 1959, стор. 25—26, 39; У. Пічэта. Сялянскі рух на Беларусі пасля аграрнае рэформы 1861 г. — «Полымя», 1929, № 8—9, стар. 126, 152; № 11—12, стар. 210; М. Б. Фридман. Отмена крепостного права в Белоруссии. Минск 1958, стр. 163; В. В. Чепко. Сялянскі рух ў Беларусі ў 1905—1907 гг. — «Весці АН БССР», серыя грамадскіх навук, 1956, № 1, стар. 41—42; К. Шабуня. Аграрнае пытанне і барацьба сялян за землею ў Беларусі напярэдадні рэвалюцыі 1905—1907 гг. — «Бальшэвік Беларусі», 1951, № 6, стар. 48—52; История СССР, т. II. Под ред. М. В. Нечкиной. М. 1954, стр. 414; История СССР. Изд. ВПШ и АОН при ЦК КПСС, М. 1960, стр. 243, 359; История Украинской ССР, т. I. Киев 1953, стр. 615; История БССР, т. I. Минск 1954, стр. 292—293, 308, 309, 440.

² К. Маркс. Капитал, т. I. М. 1949, стр. 727.

³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 158.

⁴ См. А. В. Полонский. Пашавыя сервитуты ў парэформенай беларускай вёсцы. — «Весці АН БССР», серыя грамадскіх навук, 1959, № 4, стар. 72—76.

постническом характере реформы 19 февраля 1861 г., в способах ее проведения. С отменой крепостного права крестьянское хозяйство не было вполне размежевано и отделено от помещичьего. В руках помещиков оставались весьма существенные части крестьянских наделов — «отрезные земли», лес, луга, водопой, выгоны и пр. Без этих земель (или сервитутов) крестьяне не в состоянии были вести самостоятельное хозяйство⁵.

При сложившихся с 1861 г. аграрных отношениях ни царское правительство сверху, в законодательном порядке, ни помещики на местах по собственному желанию не могли полностью лишить крестьян прав на пастбищные и другого рода сервитуты. Однако следует отметить, что с введением уставных грамот многие имения в Белоруссии и Литве «освободились» от сервитутов по-крепостнически, так что значительная часть крестьян была лишена прежде всего пастбищ. Начавшаяся в связи с этим острая борьба крестьян с помещиками, а затем польское восстание 1863 г. вынудили царские власти признать за крестьянами право на прежние пастбища и лесные угодья на время до утверждения выкупных актов и разверстания земель⁶. Сохраняя временно это право за крестьянами, царское правительство рассчитывало как на создание «нормальных условий» для реализации «Положений» 19 февраля, так и на укрепление среди местного крестьянства царистских настроений. После подавления восстания 1863—1864 гг. и упадка демократического движения в России в целом власти, по признанию министра внутренних дел Валуева, немедленно занялись обсуждением «вопроса об урегулировании сервитутных правоотношений, разделе общих пастбищ и разверстаний угодий». Они были «забочены упразднением поземельных отношений в губерниях Северо-Западного и Юго-Западного края», сложившихся «при проведении в жизнь местной крестьянской реформы» в обстановке «политических замешательств того времени», вызвавших «поспешный ход аграрного дела в крае»⁷. Царские власти шли навстречу местным помещикам, которые со второй половины 60-х годов повсеместно стали добиваться полного уничтожения всех видов сервитутов. Такое отношение царизма к требованиям помещиков объясняется тем, что сервитутами были «обременены» прежде всего крупные землевладельцы, настроенные весьма реакционно.

К концу 1864 г. даже виленский генерал-губернатор Муравьев признал «существование в Северо-Западном крае сервитутов вредным для сельского хозяйства»⁸ и высказался за их отмену на основе окончательного ограничения крестьянских наделных земель от помещичьих и «полного» уничтожения всех видов чересполосицы. Муравьев настаивал на решении этих вопросов в законодательном порядке⁹. Сменивший в 1865 г. Муравьева Кауфман продолжал настаивать на неотложном ограничении крестьянских земель от помещичьих и упразднении сервитутов. Валуев, соглашаясь с необходимостью «скорейшего разрешения» сервитутной проблемы, считал, что немедленное осуществление этих мероприятий немыслимо, ибо связано с общей ломкой аграрных отношений и вредными политическими последствиями¹⁰. Об этом было сообщено новому виленскому генерал-губернатору Баранову. Созванная им в 1867 г. в Вильно Особая комиссия признала необходимым: повсеместно уничтожить сервитуты, «не допуская их сохранения даже по воле обеих сторон»; уничтожить без вознаграждения право крестьян пасти скот на паровых полях и лугах помещика; заменить право пастбы скота крестьян в лесах помещика выделом в их собственность части леса или части неудобной и переложной земли. Этот проект Баранова (так же как и следующий, 1868 г.) содержал «обширную программу удовлетворения помещичьих чаяний»¹¹. Баранов заявлял, что в Северо-Западном крае утвержденные выкупные акты обжалованы поме-

⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 160; т. 4, стр. 224; т. 6, стр. 16—17 и 109.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1181, д. 30, л. 48; ф. 1291, оп. 33, д. 529, ч. 1, л. 160. — О размерах пастбищных сервитутов, сохранявшихся в Белоруссии после реформы 19 февраля, см. А. В. Палонский. Пашавия сервитуты..., стар. 77—83. В конце 80-х годов Государственным советом были собраны следующие статистические данные о сервитутах в Белоруссии, Литве и Правобережной Украине: из числа 7895 имений Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и четырех уездов Витебской губернии «обременены» сервитутами 2446, из них на 1 января 1890 г. в 438 имениях между помещиками и крестьянами были достигнуты «добровольные» соглашения о замене сервитутов. При этом по трем губерниям — Виленской, Гродненской и Ковенской из 1167 имений (в которых выкупными актами крестьянам было предоставлено право на пастбищные сервитуты) соглашение о замене сервитутов было «достигнуто» в 120 имениях. В губерниях Киевской, Подольской и Волынской из 5711 крестьянских обществ право пастбы скота на помещичьих землях было предоставлено 2769 обществам, или 49%; к началу 1890 г. 1627 обществ «отказалось» от сервитутного права на основании «добровольных» сделок (ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 33, д. 1, ч. IV, лл. 135—137 об.).

⁷ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 33, д. 1, ч. IV, л. 99.

⁸ Там же, л. 101.

⁹ Там же, лл. 100—101, 153—154 об.; д. К 529, лл. 15, 30.

¹⁰ Там же, д. 1, ч. IV, л. 159.

¹¹ П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г., стр. 379.

щиками и в жизнь не проводятся (по данным генерал-губернатора, в 1868 г. не были проведены в жизнь выкупные акты по 1900 имениям¹²).

Проект Баранова, внесенный Валуевым в Главный комитет об устройстве сельского состояния, по указанию Александра II 4 марта 1868 г. был возвращен «на заключение» вновь назначенному виленскому генерал-губернатору Потапову. Последний потребовал «восстановить законные права помещиков» на земли, произведя принудительную ликвидацию сервитутных прав крестьян и т. п. Потапов проявил себя воинствующим защитником наиболее реакционных слоев местных помещиков. Внося его проект в Главный комитет об устройстве сельского состояния, новый министр внутренних дел крайний реакционер Тимашев писал, что в Северо-Западном крае все вопросы — экономические, политические и социальные — «находятся в самой тесной зависимости от крестьянского дела» и «обеспечения... помещичьей собственности» и что решать их нужно как можно скорее¹³. Тем не менее Главный комитет об устройстве сельского состояния по соображениям как финансово-экономическим, так и политическим считал невозможным упразднить сервитуты немедленно, а тем более в законодательном порядке. В решении Главного комитета сказано, что «при подворном владении землею и при небольших наделах крестьяне не смогли бы содержать необходимый для земледелия скот... Обязательная отмена пастбищного сервитута... может быть предпринята не иначе, как с крайнею осмотрительностью»¹⁴. Решение вопроса на ближайшее время было обусловлено «добровольным» соглашением помещиков и крестьян¹⁵. В принятом «Положении», утвержденном Александром II 26 марта 1869 г., узаконивался временный характер прав крестьян на пастбищные и лесные сервитуты, принадлежавшие помещикам¹⁶. Эти права до издания «подробных о сем правил» могли быть прекращены «по добровольному между крестьянами и помещиками соглашениям» и не иначе, «как с соразмерным за оное вознаграждением крестьян», ибо «вся совокупность земель и угодий, коими крестьяне пользуются, служит залогом исправности погашения выкупной ссуды»¹⁷. Но сервитутное право крестьян «бывшего дотоле пользования пастбью на землях и в лесах помещиков должно быть объяснено в данных»¹⁸. Кроме того, устанавливался срок (к 1875 г.) представления с мест проектов уничтожения сервитутов в белорусских и литовских губерниях.

Как видим, царские власти пытались регулировать в Белоруссии и Литве аграрные отношения сверху, сохраняя за феодалами их земельные привилегии. Самодержавие, как говорил В. И. Ленин, старалось представить себя в глазах народных масс стоящим «над классами», охраняющим интересы широкой массы крестьян, оберегающим их от обезземеления и разорения¹⁹.

На упразднение сервитутного права крестьян при вступлении в силу выкупных актов царское правительство не решалось еще и потому, что с конца 60-х — начала 70-х годов в России, в том числе и в белорусских губерниях, снова значительно активизировалось крестьянское движение против помещичьего землевладения²⁰.

После этого начался длительный (затянувшийся до 1917 г.) период сбора сведений о размерах и характере сервитутов, выработки и принятия как на местах, так и в центре всевозможных проектов, планов и предложений, созыва особых совещаний, комиссий и т. д. При этом не обходилось без самых грубых фальсификаций, извращений и подтасовывания фактов, касавшихся поземельных отношений и поземельной собственности. Помещики под разными предлогами стремились лишить деревню сервитутных пастбищ, крестьяне же боролись за право собственности на сервитутные угодья. Учитывая исключительную серьезность создавшегося положения, Министерство внутренних дел требовало от генерал-губернаторов ежемесячной информации о ходе заключения «полюбовных сделок». Однако с мест все время поступали сообщения об отсутствии таких сделок.

В 1875 г. пресловутая «Валуевская комиссия» по изучению сельского хозяйства представила в Комитет министров записку, в которой лесной сервитут в Северо-Западном крае признавался вредным. Комитет министров признал, что «для экономических интересов страны» повсеместная отмена не только лесных, но и полевых сервитутов «на началах... вознаграждения крестьян со стороны помещиков» является делом первоочередной важности. Министру внутренних дел и другим ведомствам было поручено

¹² ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. 15, д. 30, лл. 130—140.

¹³ Там же, ф. 1291, оп. 33, д. 1, ч. IV, лл. 159—160 об.

¹⁴ ЦГИА Лит. ССР, ф. КГГ (Канцеляция генерал-губернатора), оп. 78—79, д. 1565, ч. II, л. 448.

¹⁵ П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г., стр. 378—390.

¹⁶ II ПСЗ, т. XLIV, отд. первое, № 46901.

¹⁷ Там же, ст. IV. — Царское правительство было весьма встревожено ростом крестьянских недоимок. Так, к концу 60-х годов XIX в., по данным Министерства финансов, задолженность крестьян по шести белорусско-литовским губерниям составила 6101 тыс. руб. (ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. 15, д. 61, л. 259).

¹⁸ II ПСЗ, т. XLIV, отд. первое, № 46901, ст. I.

¹⁹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 154.

²⁰ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 53, д. 43, лл. 50—66; оп. 33, д. 1, ч. I, л. 13.

«в ближайшем... времени войти в подробное рассмотрение вопроса об отмене лесных и полевых сервитутов»²¹. В 1875 г. в трех губерниях (Гродненской, Виленской и Ковенской) были образованы специальные комиссии под председательством губернаторов для выработки проектов об упразднении сервитутов. Проблема ликвидации сервитутов остро стояла и на Правобережной Украине.

В 1876—1877 гг. помещики Белоруссии и Литвы в своих проектах опять потребовали скорейшего уничтожения пастбищных сервитутов «сверху»²². В то же время принцип «соразмерного вознаграждения» крестьян признавался ими весьма неохотно. Поэтому в 1878 г. виленским генерал-губернатором была создана Особая комиссия, однако она все же приняла проект об отмене сервитутов при условии «соразмерного вознаграждения крестьян». Это вознаграждение должно было определяться в законодательном порядке и заключаться в прирезке к крестьянским наделам части бывших сервитутов. Но проект генерал-губернатора не получил одобрения в губернских по крестьянским делам присутствиях²³. Разногласия выявились в вопросе о понимании характера и «соразмерности» вознаграждения крестьян за потерю сервитутных прав. Помещики настаивали на немедленной отмене сервитутных прав крестьян при минимальных земельных уступках, Министерство же внутренних дел все еще стояло в это время за ограничение сервитутных прав и «добровольное соглашение» крестьян и помещиков. Таким образом, в комиссии борьба о размерах уступок велась в пределах правящего лагеря, крестьянам же приходилось бороться за свои интересы другими, доступными им средствами.

В период аграрного кризиса 80-х — начала 90-х годов на почве обострения нужды и бедствий народных масс по всей России резко усилилась борьба крестьян за землю. В Белоруссии борьба крестьян за сервитутные пастбища приобрела ярко выраженный аграрный характер. Помещики старались поправить свои экономические и финансовые дела за счет усиления кабальной эксплуатации деревни, что и вызвало обострение классовых противоречий. В 80-х и 90-х годах сервитутная проблема, как важнейшая часть аграрного вопроса, перерастает в вопрос большой государственной важности. Защищая интересы помещиков, министр внутренних дел Д. Толстой в 1883 г. предложил киевскому и виленскому генерал-губернаторам устанавливать размеры пастбищных сервитутов и порядке пользования ими, ибо это «несомненно повлияет на более успешный ход прекращения сервитутов путем добровольных соглашений»²⁴. Составленный затем Министерством внутренних дел «Проект о точном определении прав крестьян на сервитуты и порядке пользования ими» был направлен виленским генерал-губернатором для обсуждения в «крестьянских» присутствиях. При этом снова было обращено внимание на то, что в спорах аграрного характера «наиболее желателен примирительный характер действий»²⁵. Местные «крестьянские» присутствия высказались против проекта, ссылаясь на то, что он, будучи полумерой, может обострить и без того натянутые отношения «заинтересованных сторон». Виленский генерал-губернатор Коханов по поводу требований помещиков о принудительной ликвидации сервитутов писал, что осуществление этой меры «неизбежно поведет к неудовольствиям, предвидеть и предусмотреть которые, по их чрезвычайному разнообразию, нет никакой возможности», на основании же правил 1869 г. «сервитутное право прекратится и без обязательной отмены»²⁶.

Получив отрицательные отзывы помещиков, Министерство внутренних дел отказалось от своего проекта.

В 1885 г. киевский генерал-губернатор Дрентельн представил в правительство доклад с требованием ликвидации пастбищных сервитутов на основе проведения генерального межевания и уничтожения чересполосицы. По указанию Александра III доклад Дрентельна был внесен в Комитет министров. Последним предложение Дрентельна о проведении генерального межевания было отклонено, но в то же время было признано, что «необходимо положить предел проявлению своеволия со стороны местных крестьян, которое порождается существованием общих с помещиками выгонов, а также лесных и полевых крестьянских сервитутов», и что упразднение сервитутов должно проводиться «с установлением соответствующего вознаграждения крестьян». Затем Государственный совет «имел суждение», утвержденное Александром III 9 июня 1886 г., в котором министрам внутренних дел и государственных имуществ предлагалось «внести на обсуждение меры для упразднения вреда от пастбищных сервитутов», учитывая при этом мнения виленского и киевского генерал-губернаторов и губернских по крестьянским делам присутствий²⁷.

Государственный совет в 1889 г. отклонил проект, предусматривавший ликвидацию сервитутов на Правобережной Украине одновременно с проведением «коштного» меже-

²¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 33, д. 1, ч. IV, лл. 104—114.

²² Там же, л. 118; д. 529, лл. 95—118.

²³ Там же, ф. 1181, оп. 15, д. 78, лл. 2—6; ф. 1291, оп. 33, д. 529, ч. I, лл. 161—171; ЦГИА Лит. ССР, ф. КГГ, д. 1565, лл. 377—392.

²⁴ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 33, д. 1, ч. IV, л. 123.

²⁵ Там же, л. 24.

²⁶ Там же, лл. 125—127.

²⁷ Там же, лл. 133—134.

вания, так как «вопрос о сервитутах... имеет столь важное значение в политическом отношении, что к разрешению его следует приступить с особой осторожностью»²⁸.

В то время как в высших правительственных кругах говорилось об «особой осторожности» при решении сервитутного вопроса, начальники губерний и генерал-губернаторы в своих «всеподданнейших отчетах» категорически настаивали на уничтожении сервитутов путем принудительного разверстания угодий²⁹. Вот почему в 1891 г. по «повелению» Александра III было создано Особое совещание под председательством министра внутренних дел Дурново с участием виленского и киевского генерал-губернаторов Коханова и Игнатьева, товарища министра внутренних дел сенатора Плева, министра юстиции и управляющего межевой частью сенатора Шамшина. Совещание, несмотря на ухудшение положения крестьянского хозяйства, вызванное глубоким аграрным кризисом и надвигавшимися на страну голодными годами, признало, что «существование сервитутов не сообразуется с правом собственности помещиков на землю». Но царизм предвидел, что вопрос этот, имеющий «несомненно политическое значение», глубоко захватит «самые жизненные интересы крестьянского сословия в Западном крае», так как «весь хозяйственный строй крестьян зиждется на пользовании означенным правом», и опасался того, что уничтожение сервитутного права может вызвать в среде крестьян самые «нежелательные толки политического свойства и даже брожение, всегда опасное, когда оно происходит на аграрной почве». Особое совещание признало, что «меры, направленные к разрешению сервитутного вопроса в западных губерниях, должны быть принимаемы с величайшей осторожностью и обставлены такими условиями, которые, по возможности, устраняли бы возникновение указанных выше осложнений». Поэтому, утверждало Особое совещание, упразднение сервитутов в Западном крае следует допускать только при «добровольном» соглашении сторон и с «соответствующим вознаграждением» крестьян помещиками на основании специально выработанных правил. Мероприятия эти признавались наиболее целесообразным провести вместе с генеральным межеванием земель, причем, по мнению совещания, начинать эту работу следовало по отдельным местностям (например, по уездам) по той причине, что это облегчит «правительственное воздействие с целью устранения брожений и волнений среди крестьянского населения, ибо надзор администрации и учреждений по крестьянским делам, равно как усилия полиции могли бы быть сосредоточены последовательно в отдельных сравнительно незначительных районах». «Добровольные соглашения» о прекращении сервитутов заключались бы при этом по приговору даже $\frac{2}{3}$ крестьян, имеющих право голоса на сходе (закон был принят 30 марта 1892 г.). В заключение Особое совещание поручило виленскому и киевскому генерал-губернаторам, а также губернским по крестьянским делам присутствиям, руководствуясь изложенными принципами, составить проект правил «об обязательной замене» сервитутов. На журнале Особого совещания Александр III 13 февраля 1891 г. написал: «Читал. Приступайте с богом к этому делу»³⁰.

После этого вопрос о ликвидации сервитутов не снимался с повестки дня как центральных, так и местных органов власти. Снова появляется много новых проектов и предложений. Все они в какой-то степени повторяли прежние предложения царских властей и местных помещиков.

В 1897 г. по распоряжению Николая II Комитет министров слушал отчет волынского губернатора за 1895 г., в котором затрагивались вопросы крестьянских выступлений, сервитутов и размежевания земель. Губернатор сообщал об обострении взаимоотношений между крестьянами и помещиками на почве сервитутных отношений. Борьба между крестьянами и помещиками из-за сервитутов усилилась также и в Белоруссии. В связи с этим было затребовано объяснение министра внутренних дел и министра юстиции для представления императору. Министерство внутренних дел вопрос о ликвидации сервитутных прав крестьян несколько раз пыталось ставить в Государственном совете, но записки министерства в связи с весьма серьезными разногласиями в правящих кругах всякий раз возвращались назад. Так, имели место значительные разногласия по вопросу о принудительной ликвидации сервитутов на базе генерального межевания. Против такой постановки вопроса резко возражали министр финансов Витте и министр юстиции. Витте утверждал, что государство не в состоянии брать на себя колоссальные денежные расходы, связанные с генеральным межеванием частных земель. Генеральное межевание невозможно было проводить и по политическим соображениям, поскольку это мероприятие, даже если оно касалось лишь сравнительно небольшой части России, связано было с пересмотром основных положений реформы 19 февраля 1861 г., что привело бы к самым активным аграрным выступлениям крестьян.

«Изыскивая самостоятельные меры» упразднения сервитутов и разверстания крестьянских и помещичьих земель независимо от межевания, Министерство внутренних дел составило в 1900 г. проект, который после обсуждения его на местах был внесен в Государственный совет для принятия соответствующего закона. Хотя проект 1900 г. не считался окончательным, однако, по мнению царского правительства, он был одной

²⁸ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 33, д. 1, ч. IV, л. 135.

²⁹ Там же, ч. III, лл. 2—4.

³⁰ Там же, ч. IV, лл. 135 об. — 141; ч. III, лл. 71 об. — 76 об.; оп. 62, д. 41, ч. V, лл. 159 об. — 161.

«из многочисленных попыток прийти к удовлетворительному разрешению этого трудного и сложного вопроса»³¹. Этот проект предусматривал ликвидацию чересполосицы и разбросанности крестьянских угодий, ограничение их от земель помещиков, уничтожение общих пастбищ и выгонов и вообще ликвидацию всех видов пастбищных сервитутов. В проекте говорилось, что каждый помещик имеет право требовать отмены сервитута с условием «соразмерного земельного вознаграждения» крестьян. «Вознаграждение» за отмену права пастбы в помещичьих лесах и на других некультивированных землях определялось по количеству крестьянского скота, пасшегося на них ко времени принятия правил. Разверстание и уничтожение пастбищных сервитутов должны были осуществляться мировыми посредниками или неперменными членами уездного при-существа³².

В связи с обсуждением этих правил даже такой реакционер, как бывший министр внутренних дел Дурново, писал, что помещики добиваются ликвидации сервитутов по той простой причине, что существование сервитутов «лишает помещиков крупной статьи дохода за пастбу крестьянского скота на их землях». Дурново ссылаясь в качестве примера на то, что в разверстных имениях Украины, где крестьяне лишились сервитутов, плата за выпас пары волгов (в натуре — отработкой) повысилась за двадцать лет с 50 коп. до 6—10 руб., и предупреждал, что то же произойдет и в Северо-Западном крае. При таком положении, отмечал Дурново, крестьяне будут плохими налогоплательщиками³³.

Из-за боязни крестьянских выступлений в обстановке и без того тяжелого внутри-политического положения царской России начала 900-х годов проект Министерства внутренних дел об упразднении пастбищных и лесных сервитутов и разверстании помещичьих и крестьянских земель так и не рассматривался Государственным советом.

В своей аграрной политике в Белоруссии, Литве и Правобережной Украине царское правительство зашло в тупик. Защищая интересы местных помещиков, оно не могло тем не менее стать на путь безоговорочного лишения крестьян прав на сервитутные пастбища. Царизм продолжал политику лавирования и склонялся к тому, чтобы предложить решение сервитутного вопроса времени и самому ходу экономического развития сельского хозяйства. Однако такая политика далеко не могла смягчить аграрные отношения и остроту классовой борьбы, ибо, как писал В. И. Ленин: «Аграрный вопрос в России есть вопрос о крутой ломке старого, средневекового землевладения, как помещичьего, так и надельного крестьянского, — ломке, которая стала абсолютно необходимой вследствие крайней отсталости этого землевладения, крайнего несоответствия между ним и всей системой народного хозяйства, сделавшегося капиталистическим»³⁴.

В начале XX в., несмотря на дальнейший рост капитализма, сохранявшиеся пережитки феодальных отношений в сельском хозяйстве продолжали медленно отмирать. В Белоруссии крестьяне по-прежнему вели усиленную борьбу с помещиками за пастбищные и лесные угодья. Царское правительство, стремясь ослабить эту борьбу, продолжало придерживаться политики некоторых уступок крестьянству в сервитутном вопросе. Оно, как и раньше, признавало, что наиболее приемлемым решением вопроса является постепенное, «безболезненное» отмирание сервитутов. В этом свете и следует рассматривать ряд мероприятий, осуществлявшихся царизмом в сельском хозяйстве Белоруссии, Литвы и Правобережной Украины как накануне революции 1905—1907 гг., так и после ее поражения.

Учрежденное в 1902 г. под председательством министра финансов Витте Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, а в 1903 г. — аналогичные совещания в губерниях еще раз констатировали исключительную остроту аграрных отношений в России вообще, и в частности сервитутного вопроса в Белоруссии, Литве и на Правобережной Украине. В 1903 г. царское правительство перед лицом усилившегося аграрного движения создало для выработки плана ликвидации сервитутов Особое междуправительственное совещание под председательством министра внутренних дел Ситицкого с участием представителей заинтересованных министерств, губернаторов девяти так наз. северо-западных и юго-западных губерний и наиболее «известных» представителей местных помещиков. Совещание признало, что «в государственных интересах» необходимо «в возможно непродолжительном времени» произвести упразднение пастбищных сервитутов и разверстание земель по требованию одной из сторон с земельным «вознаграждением» помещиками крестьян за потерю ими сервитутных прав. Все работы по разверстанию и отмене сервитутов предполагалось производить силами местных комитетов, земских начальников или межевых мировых посредников, т. е. руками самих помещиков или их уполномоченных.

Вопросы, обсуждавшиеся Особым междуправительственным совещанием 1903 г., вставали уже перед царским правительством не один раз. О них имелись уже определенные мнения не только местной администрации и помещиков, но и самого правительства. Однако настойчивая борьба крестьян за право полной собственности на сервитутные земли и на этот раз вынудила царизм отказаться от законодательного вмешательства в «решение» вопросов о земельных и лесных сервитутах. Выработанный Особым сове-

³¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 33, д. 1, ч. I, л. 446.

³² Там же, ч. IV, лл. 190—200.

³³ Там же, лл. 236—238.

³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 60.

шанием 1903 г. проект правил не был представлен на законодательное утверждение «ввиду наступивших, — как признавало Министерство внутренних дел, — в жизни Российской империи исключительных событий, отвлекших внимание правительства к более важным государственным вопросам»³⁵.

Революция 1905—1907 гг. вынудила царское правительство принять ряд новых законодательных актов, касавшихся аграрных отношений. Под видом «общего упорядочения условий землепользования крестьян»³⁶ царизм совершал массовое насилие над крестьянством в интересах капитализма³⁷.

В 1906 г. (по указу от 4 марта) в губерниях России были образованы землеустроительные комиссии³⁸. Затем был составлен и общий «Проект положения о землеустройстве», действие которого должно было распространяться и на белорусские и литовские губернии. В проекте «получали разрешение» также вопросы о разверстании чересполосных и о разделе общих угодий. На этом основании, по заявлению Министерства внутренних дел, утратило значение решение Особого совещания 1903 г. Сервитутный вопрос «Положением о землеустройстве» был выделен для «отдельного исполнения, дабы не задерживать проведения в жизнь прочих землеустроительных мероприятий»³⁹.

В обстановке реакции помещики более настойчиво лишали крестьян сервитутных угодий.

К вопросу об упразднении сервитутов в законодательном порядке царское правительство возвратилось снова в период реакции в связи с проведением в жизнь столыпинского указа 9 ноября 1906 г. Дело опять началось с созыва широкого междудедаственного совещания, которое работало в феврале — мае 1909 г. под председательством товарища министра внутренних дел А. Лыкошина. Большинство его членов высказалось против обязательной ликвидации сервитутов сверху. Не было также принято постановление об их повсеместной ликвидации. Упразднение пастбищных и лесных сервитутов предполагалось было проводить независимо от разверстания угодий. За потерю пастбищных сервитутов намечалось «вознаграждать» крестьян землей. Отмена сервитутов и исполнение межевых работ должны были возлагаться на землеустроительные комиссии и их землемеров⁴⁰. Принимая такое решение, совещание заявило, что упразднение сервитутов — дело государственной важности, ибо «пастбищные сервитуты во всех их видах служат существенным, а в некоторых случаях и непреодолимым препятствием в охране чужой собственности»⁴¹. С этой точки зрения Столыпин признал лесной сервитут «самым вредным» и подлежащим обязательной ликвидации⁴².

Существование сервитутов шло вразрез со столыпинской аграрной политикой. Поэтому Министерство внутренних дел, руководствуясь решением Особого совещания 1909 г., 6 октября 1910 г. внесло в III Государственную думу законопроект «Об упразднении пастбищных и лесных сервитутов в губерниях западных и белорусских».

В этом законопроекте Министерство внутренних дел признавало в интересах помещиков, что «вознаграждение» крестьян за потерю сервитутов должно определяться в соответствии с объемом сервитутных прав, зафиксированных выкупным документом, а исчисление «вознаграждения» должно производиться с учетом действительного пользования сервитутом ко времени его упразднения; спорными делами о сервитутах должны были заниматься не суды, а землеустроительные комиссии. Однако против этого проекта резко выступили украинские и белорусские помещики. Нормы «вознаграждения» крестьян ими были признаны завышенными⁴³. В связи с «неподготовленностью вопроса» законопроект в апреле 1911 г. был взят обратно⁴⁴. При этом следует иметь в виду и то обстоятельство, что 29 мая 1911 г. царское правительство приняло «Закон о землеустройстве», на основании которого разрешалось производить отграничение наделных земель от помещичьих «по обоюдным или односторонним заявлениям»⁴⁵, т. е. закон давал право проводить разверстание угодий при отсутствии соглашения сторон⁴⁶. Однако царское правительство не решилось распространить эту статью закона на районы, где существовали сервитуты⁴⁷.

³⁵ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 62, д. 41, ч. V, л. 46.

³⁶ Там же, л. 160 об.

³⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 251.

³⁸ Губернские землеустроительные комиссии в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях были созданы только 15 октября 1911 г.

³⁹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 62, д. 41, ч. V, л. 160 об.

⁴⁰ Там же, лл. 4—30, 165—167.

⁴¹ Там же, лл. 46—47.

⁴² Там же, л. 48.

⁴³ А. Д. Билимович. К вопросу об упразднении сервитутов. — «Университетские известия» (Киев), 1911, № 8, стр. 13.

⁴⁴ Государственная дума третьего созыва. Стенографические отчеты. Сессия 4-я, заседания с 15 октября по 17 декабря 1910 г. СПб. 1910, стр. 1066—1069; Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов третьего созыва. СПб. 1911, стр. 431—432.

⁴⁵ Закон о землеустройстве 29 мая 1911 г. и изданный на основании сего закона Наказ землеустроительным комиссиям от 19 июня 1911 г. СПб. 1911, отдел XI Закона.

⁴⁶ Там же, гл. VI Закона, ст. 48.

⁴⁷ Там же, ст. 53.

Самодержавие усиливало полицейскую борьбу против аграрных притязаний крестьян. Но в то же время царское правительство затягивало представление проекта закона о сервитутах. На заседании IV Государственной думы 5 декабря 1912 г. председатель Совета министров Коковцев в своей программной речи заявил, что правительство продолжает разрабатывать законопроект «об обязательном, по требованию одной из сторон, упразднении пастбищных и лесных сервитутов»⁴⁸. Однако депутаты-помещики не считали возможным удовлетвориться этим и требовали, чтобы закон об упразднении сервитутов был принят в самое ближайшее время. Дума, при возражении крайне правых, признала, что «разрешение сервитутных отношений возможно лишь при удовлетворении крестьян соответствующим земельным имуществом взамен ликвидируемых сервитутных прав»⁴⁹. Тем самым черносотенная IV Государственная дума в принципе признала законным требование помещиков и царских властей о лишении крестьян прав на сервитутные земли.

После этого Министерство внутренних дел в конце 1913 г. представило последний в предвоенный период проект «Правил об упразднении пастбищных и лесных сервитутов...» в Белоруссии, Литве и на Правобережной Украине. В проекте было сказано, что по ходатайству одной из сторон обязательно упразднение права пастбы скота по всем владельческим угодьям. Постановление сельского общества об упразднении сервитутов может приниматься простым большинством всех домохозяев, имеющих право голоса на сходе. Этот пункт проекта был рассчитан на использование помещиками кулачества. С отменой сервитутного права, говорилось в правилах, землевладелец возмещает крестьянам «стоимость отменяемого сервитутного пользования» или отводом угодий, или денежным вознаграждением. Последнее допускается не иначе, как по соглашению сторон. Как земельное, так и денежное «вознаграждение» поступает в собственность сельских обществ, которым принадлежали сервитуты. Земельное вознаграждение зачисляется в надел общества. Отвод его производится из зарослей, лугов, травяных болот и только «при невозможности... такого отвода — из пашни и лесных угодий». Лес остается собственностью помещика. Крестьяне лишаются права на возмещение стоимости отменяемого сервитута при условии: 1) если в течение последних пяти лет (до 1 января 1914 г.) они не пользовались правом выпаса скота «на предоставленных им сервитутных угодьях и не представили исков в суде о восстановлении этого права»; 2) если обремененные сервитутом угодья «представлены на выкуп» «различным разрядам лиц сельского состояния» либо проданы с содействием Крестьянского поземельного банка; 3) если при «общей толоке» «стоимость сервитутного пользования крестьян угодьями владельца не превышает стоимости пользования последнего угодьями крестьян». Упразднение сервитутов, как правило, связывалось с разверстанием угодий и должно было включаться в план землеустроительных работ. Общие пастбища крестьян и помещиков следовало разделить на основании особых правил о землеустройстве. Разбор всех споров, которые могли бы возникнуть при упразднении сервитутов, возлагался на землеустроительные комиссии. Размеры вознаграждения крестьян должны были определяться землеустроительными учреждениями на основании выкупных документов и решений «крестьянских» присутствий или судебных установлений. При отсутствии в документах точных данных, необходимых для исчисления вознаграждения, оно должно было устанавливаться землеустроительными комиссиями. «Правила» давали помещикам возможность при упразднении сервитутных прав крестьян и общей толоки чинить над крестьянами полнейший произвол. Это было тем более возможно, что в выкупных документах в свое время тоже проявился помещичий произвол в отношении прав крестьян на сервитутные угодья. Лесные сервитуты должны были упраздняться в обязательном порядке на общих основаниях.

Проект 1913 г. отражал столыпинский курс тогдашней аграрной политики самодержавия, ее буржуазный характер. В проекте сказывалось усиление административного нажима царизма на крестьян при изыскании новых средств для ликвидации сервитутов. В то же время царизм не мог не считаться с классовой борьбой, которая велась между крестьянами и помещиками, главным образом из-за пастбищ. Поэтому черносотенное помещичье правительство, несмотря на подавление крестьянского движения, вызванного революцией 1905—1907 гг., вынуждено было свою аграрную политику в западных районах проводить с весьма большой осмотительностью.

В сентябре 1913 г. проект «Правил» обсуждался в Совете министров и получил одобрение. Тем не менее соответствующего закона так и не последовало. Царская аграрная политика не обеспечила ликвидации в сельском хозяйстве такого остатка феодальных отношений, как сервитуты. Это не только говорит об исключительной хозяйственной и политической остроте аграрных отношений, которые сложились в Белоруссии, Литве и на Правобережной Украине в пореформенный период, но и является свидетельством полного краха аграрной политики царизма, проводившейся им на протяжении всего пореформенного времени.

⁴⁸ Стенографический отчет. Государственная дума. IV созыв. Сессия 1. Ч. 1. СПб. 1913, заседание 7.

⁴⁹ Там же, заседание 8. II 1913 г., стр. 1487. — Буржуазные украинские юристы приветствовали внесенный в Думу законопроект об упразднении сервитутов (см. А. Д. Билимович. К вопросу об упразднении сервитутов).

В период империалистической войны крестьяне не только продолжали пользоваться сервитутными пастбищами, но и вели решительную борьбу за них с помещиками. Царское же правительство до конца своего существования продолжало стремиться «регулировать» обострившиеся взаимоотношения между крестьянами и помещиками. Пастбищные и лесные сервитуты продолжали оставаться узлом острых противоречий между ними.

Сделаем краткие выводы из изложенного здесь. На протяжении всей эпохи капитализма в аграрном строе Белоруссии, Литвы и Правобережной Украины сохранялись пастбищные и лесные сервитуты, ибо проведенная по-крепостнически реформа 19 февраля 1861 г. не могла разрушить поземельных отношений, исторически сложившихся еще при феодализме.

Крестьяне, лишавшиеся в результате реформы угодий, не входивших в инвентарный полевой надел, при подворном землепользовании не в состоянии были создать общие пастбищные выгоны на землях, разбросанных часто весьма мелкими участками по помещичьим полям, лесам, болотам (особенно в полесских районах). Выделить общие пастбища из наделенных участков деревня не могла еще и потому, что крестьянские земли не были отделены от помещичьих. Вот почему пастбищная проблема для крестьян Белоруссии и Литвы оказалась наиболее острой. Поэтому после реформы 1861 г. началась решительная борьба прежде всего из-за пастбищных земель. Она проходит красной нитью через все пореформенное развитие деревни.

Уступки, которые вынуждено было сделать царское правительство в аграрно-крестьянском вопросе в 1863—1864 гг., не устраняли причин, порождавших борьбу из-за пастбищных земель. Царизм не мог пойти на пересмотр поземельных отношений, сложившихся в результате крестьянской реформы, ибо это означало бы изменение основных принципов «Положений» 19 февраля вообще, а такой шаг был связан с большими политическими и экономическими последствиями. А между тем, внутренняя и все обострявшаяся с 60-х годов международная обстановка вынуждала царское правительство обращать особое внимание на прочность своего положения в Белоруссии, Литве и на Правобережной Украине. Эти районы были объектом пристального внимания правительства еще и потому, что в силу ряда исторических причин они во многом были связаны с Польшей, где положение царизма на протяжении всего XIX в. и начала XX в. было шатким. Хотя в отношении белорусов, литовцев, украинцев, так же как и в отношении других нерусских народов, проводилась политика национального угнетения, тем не менее царизм в целях укрепления своего господства в западных районах страны считал возможным и необходимым более широко использовать здесь меры лавирования и демагогии, рассчитывая при этом на консерватизм крестьянских масс. Ввиду этого вопрос о пастбищных и лесных сервитутах и способе их упразднения приобретал общегосударственное и политическое значение.

Однако из такого вывода не следует делать заключения, что правительство не ликвидировало сервитуты в Белоруссии, Литве и на Правобережной Украине по соображениям только политического характера, не считаясь при этом с экономической стороной вопроса. Основной причиной невозможности быстрой ликвидации сервитутов являлось наличие в сельском хозяйстве громадных пережитков крепостничества, отмирание которых при прусском пути развития капитализма происходило медленно.

Царизм, защищая интересы помещиков, настаивал на постепенном упразднении пастбищных сервитутов на основе «добровольного соглашения» сторон и «соразмерного вознаграждения» крестьян, лишенных прав на сервитуты. Помещики неохотно шли на так наз. «соразмерное вознаграждение». Крестьяне боролись за право полной собственности на все сервитутные пастбища.

Решение этой важнейшей в аграрных отношениях проблемы царское правительство пыталось связать с другой, не менее важной задачей — размежеванием и окончательным отграничением помещичьих земель от крестьянских и уничтожением чересполосицы. Но это, в свою очередь, увеличивало препятствия, стоявшие на пути ликвидации сервитутов.

Революция 1905—1907 гг. вскрыла всю остроту аграрного вопроса в России, обнаружила непримиримость интересов помещиков и крестьян. Поэтому, несмотря на поражение революции, царизм провозгласил вторую помещичью «чистку» земель для капитализма⁵⁰. На основе столыпинского землеустройства, по мнению правительства, сервитуты в западных районах России должны были быть, в конечном счете, упразднены. Однако и эти расчеты самодержавия не осуществились. Октябрь 1917 г. навсегда разрешил все аграрные проблемы в интересах трудящегося крестьянства.

⁵⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 251.

Н. Н. К р а в е ц

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В советской историографии нет специальных работ, посвященных крестьянскому движению в Восточной Галиции во второй половине XIX в. Между тем изучение этого вопроса имеет важное значение. Оно позволяет раскрыть причины, размах и характер крестьянского движения, показать солидарность украинских и польских крестьян в общей борьбе. Актуальность данного вопроса объясняется также тем, что украинские и польские буржуазные историки стремились замолчать крестьянские выступления, скрыть их революционное содержание.

Борьба крестьян интересовала революционера-демократа И. Я. Франко, гениального сына украинского народа. Он дал наиболее общую характеристику движения крестьян в Галиции в первые десятилетия после отмены барщины¹. Эту тему затрагивает в своей содержательной работе и известный польский историк-марксист К. Дунин-Вонсович, указывая на необходимость ее изучения².

В настоящем сообщении дается сжатая характеристика борьбы крестьян Восточной Галиции во второй половине XIX в., ее содержания, размаха и форм.

При изучении данной темы серьезной трудностью явилась распыленность наиболее важных документов среди второстепенных материалов Центрального исторического архива УССР в Львове, а также их палеографические особенности.

Крестьянская реформа 1848 г. открыла широкие пути для развития капитализма в сельском хозяйстве Восточной Галиции. Однако непоследовательность и половинчатость этой реформы обусловили сохранение в крае значительных полуфеодальных пережитков, определили развитие капитализма в сельском хозяйстве по «прусскому пути». Средневековые отношения медленно приспосабливались к капитализму. Помещичьи хозяйства соединяли в себе черты капиталистической и феодальной систем.

Положение трудящегося крестьянства Восточной Галиции было исключительно тяжелым. В руках помещиков и кулаков была сосредоточена большая часть земли. Крестьянская беднота была вынуждена работать у них за нищенскую плату. Неотъемлемой чертой восточногалицийской деревни в пореформенный период стала массовая пауперизация крестьянства, его дальнейшее обезземеливание и кабальная зависимость от ростовщиков. Тяжелое экономическое положение дополнялось политическим бесправием и национальным гнетом.

На первом месте в восточногалицийской деревне в рассматриваемый период стояли противоречия между крестьянами и помещиками, которым принадлежала почти неограниченная власть в крае. Именно эти противоречия определили основное направление революционной борьбы крестьянства. Антифеодальный фронт борьбы был главным. Классовые противоречия внутри самого крестьянства играли второстепенную роль, достигнув большого значения только в 90-х годах и в начале XX в., когда усилилась классовая дифференциация крестьянства и развернулось рабочее движение.

Объективным содержанием революционного крестьянского движения была борьба крестьянства за устранение препятствий на пути к наиболее свободному развитию капитализма в сельском хозяйстве. Разрешение этих вопросов было невозможным без подрыва экономической силы помещиков и ликвидации их политических привилегий.

Весь период 50—90-х годов XIX в. в Восточной Галиции заполнен напряженной борьбой крестьян против остатков крепостничества и политического гнета. Разумеется, участие отдельных социальных групп крестьянства в борьбе против пережитков феодализма не было одинаковым. Самой активной силой была крестьянская беднота, наиболее страдавшая от этих пережитков.

¹ И. Франко. Панщина та її скасування в 1848 р. в Галичині. — В его кн.: Твори, т. XIX. Київ 1956, стор. 640—645.

² К. Дунин-Васович. Dzieje Stronnictwa Ludowego w Galicji. Warszawa 1956, str. 21.

В 50—70-х годах центральное место в крестьянском движении в Восточной Галиции занимала проблема сервитутов. Следует отметить, что после захвата у крестьян с санкции австрийского правительства общинных лесов и пастбищ в конце XVIII — первой половине XIX в. помещики стали рассматривать их как свою собственность, запрещая пасти на них крестьянский скот. Утратив право собственности, крестьяне могли вести борьбу легальным путем уже не за возвращение своих бывших лесов и пастбищ, а за сохранение на них сервитутов.

Отметим три основные формы борьбы крестьян за сервитуты — попытки крестьян добиться справедливости перед правительственными комиссиями, административными и судебными властями, которые занимались урегулированием споров между общинами и помещиками; массовые активные выступления крестьян; выступления представителей в галицийском сейме.

Наиболее распространенной из этих трех форм борьбы была первая. Перед крестьянами стояла очень трудная задача: добиться подтверждения права крестьян на сервитуты у представителей класса помещиков, которые, как правило, управляли в государственных комиссиях, не говоря уже о местной администрации. Эта форма борьбы не могла иметь успеха, если учесть, что австрийское правительство с целью улучшения экономического положения помещиков и привлечения их на свою сторону поставило перед собой цель передать им сервитутные владения как дополнительную компенсацию наряду с возмещением ущерба за ликвидированную барщину. Крестьяне могли рассчитывать на частичный успех только в отдельных случаях, когда наличие сервитута было настолько очевидным, что этого не могли опровергнуть даже представители власти. Правда, до 1857 г., как отмечал И. Я. Франко, государственные служащие, преимущественно немцы или чехи, враждебно настроенные против польских помещиков, решали сервитутные дела почти везде в пользу крестьян. Но зато позднее крестьяне, как правило, сервитутные процессы проигрывали³.

С целью дезориентации крестьян, лишенных к тому же юридической помощи, была разработана очень сложная процедура разрешения сервитутных дел. Эту процедуру лишь до некоторой степени упрощал патент императора Франца-Иосифа от 5 июля 1853 г., который, однако, дополнялся новыми законодательными актами, иногда противоречившими ему. О том, в чьих интересах был издан этот патент, лучше всего свидетельствует высказывание о нем органа помещиков Галиции газеты «Czas», которая отмечала, что патент «вполне оправдал наши ожидания и надежды»⁴.

Как краевая, так и локальные сервитутные комиссии, созданные в соответствии с распоряжением австрийского министерства внутренних дел от 29 марта 1858 г., действовали исключительно в интересах помещиков. Они рассмотрели (краевая комиссия рассматривала и утверждала выводы локальных комиссий) свыше 32 тыс. сервитутных дел, из которых свыше 30 тыс. было разрешено не в пользу крестьян⁵. Аргументы представителей крестьян обычно не принимались во внимание, и основой решений локальных комиссий становились показания помещиков.

Считаем здесь уместным отметить, что упомянутые только что 32 тыс. сервитутных процессов нельзя рассматривать, как это делалось до сих пор, только как процессы крестьянских общин со своими помещиками относительно сервитутов. Дело в том, что в числе этих процессов были процессы отдельных крестьян, иногда групп крестьян с администрацией государственных и церковных имений, городов с помещиками, крестьян с крестьянами, помещиков с помещиками и, наконец, духовенства с помещиками. Об этом свидетельствует прежде всего факт наличия во всей Галиции лишь около 6 тыс. крестьянских общин (в Восточной Галиции — 3734). Это подтверждается также изучением имеющихся в архиве сервитутных дел. По нашему мнению, в восточногалицийской деревне имело место около 3 тыс. сервитутных процессов общин с помещиками. Правда, в конце XIX — начале XX в. многие утверждали, что процесс с помещиком имела каждая община, но это явное преувеличение, поскольку такое мнение основывалось на том, что все сервитутные процессы принимались за процессы общин с помещиками.

Теоретически разрешение сервитутных споров легальным путем в соответствии с патентом от 5 июля 1853 г. могло иметь три формы: а) денежный выкуп помещиками сервитутов; б) компенсация крестьянам соответственным эквивалентом леса или пастбища; в) урегулирование сервитутов, что фактически означало их сохранение, чаще всего в ограниченном виде. Конечно, это касалось тех случаев, когда сервитуты были официально признаны. Однако большинство сервитутов власти не признавали, и крестьяне не получили за них никакой компенсации.

Крестьяне требовали, как минимум, сохранения сервитутов, которые они совершенно справедливо считали основанными на праве собственности. Помещикам же наиболее выгоден был денежный выкуп, так как это давало им возможность лишить крестьян сервитутов за очень незначительную денежную компенсацию. Требование крестьян о сохранении их сервитутов категорически отвергалось помещиками, поэтому

³ І. Франко. Панщина та її скасування ..., стор. 642.

⁴ Газ. «Czas» от 27 июля 1856 г.

⁵ І. Франко. Панщина та її скасування ..., стор. 643.

крестьяне настаивали на получении максимального эквивалента. Вокруг этого момента главным образом и разрывалась борьба.

В нашем распоряжении имеется большой фактический материал о сервитутных процессах, тянувшихся зачастую целыми десятилетиями. Для иллюстрации ограничимся одним примером. Общины Гавриловка и Велесница Горная Надворнянского уезда имели пастбище, занимавшее площадь около 800 га. И хотя этого пастбища не хватало крестьянам на их собственные нужды, в 1866 г. решением галицийского наместничества за помещицей Комаровской было признано право пользования им наравне с крестьянами. Не вызвало сомнения, что помещица решила захватить часть общинного пастбища, и в этом ее активно поддержала высшая краевая власть. Крестьяне выступили против этого решения. Локальной сервитутной комиссии, прибывшей в село для расследования, они заявили, что пастбище является их «исключительной и неограниченной собственностью», требуя одновременно отсрочки рассмотрения дела. Представитель помещицы требовал немедленного выделения крестьянам эквивалента. Сервитутная комиссия пошла ему навстречу. Следовательно, пастбище уже рассматривалось как собственность помещицы. В 1869 г. наместничество, являвшееся краевой комиссией, утвердило решение локальной сервитутной комиссии. В ответ крестьяне обратились с апелляцией в министерство внутренних дел, требуя отмены решения наместничества, но это не принесло им желаемого результата. Возмущенные несправедливостью, они пытались не допустить представителей власти к ограничению эквивалента⁶.

Анализ данной формы борьбы убедительно свидетельствует о том, что буржуазное право исключало для крестьян возможность добиться справедливости, поскольку оно полностью отвечало интересам господствующих классов. Сервитутные процессы были фактически издевательством над крестьянами.

Несмотря на неудачу, эта форма борьбы приучала широкие массы деревни к организации, помогала им раскрыть подлинное лицо австрийского буржуазно-помещичьего правительства, выдававшего себя за их «защитника», и, главное, побуждала их прибегать к более решительным выступлениям.

Наиболее важными по своему значению в сравнении с другими формами борьбы были активные выступления украинских и польских крестьян (захват сервитутных лесов и пастбищ, попытки не допустить помещиков пользоваться ими, потравы и др.). Большинство таких выступлений имело место уже после того, как крестьяне терпели неудачу при попытке добиться своих прав легальным путем. Эта форма борьбы наблюдалась еще до рассматриваемого нами периода, но самое большое распространение она получила только в 50—60-х годах. По нашим подсчетам, в 50—80-х годах XIX в. в Восточной Галиции произошло около 300 активных выступлений крестьян, часть которых сопровождалась стычками с войсками и полицией. Очень часто выступления крестьян подавлялись карательными экспедициями. Такой случай отмечен, в частности, в 1864 г. в общинах Новолавец, Нагоряны, Надоланы, Сенькова Воля и Яворова Воля Санокского округа, которые развернули решительную борьбу против лишения их общественного леса площадью около 700 га. Постановлением наместничества крестьяне получали за право выпаса скота и заготовок леса (следовательно, уже не за собственность) эквивалент, который не составлял и половины указанной площади. Вначале общины пытались не допустить ограничения эквивалента, когда же оно было осуществлено сервитутной комиссией под охраной жандармерии и без присутствия представителей крестьян, продолжали пользоваться лесом, считая его своей собственностью. После ожесточенных стычек крестьяне изгнали из леса уездного комиссара, жандармерию и служащих помещика, пытавшихся помешать им. Во время этих событий многие из крестьян были ранены. Борьба общин была подавлена только с помощью военной карательной экспедиции⁷.

Нам кажется, что кратковременность выступлений крестьян можно объяснить только неорганизованностью и стихийностью их движения. При этом острота борьбы была обусловлена до некоторой степени интенсивностью наступления помещиков на крестьян. Безусловно, что те волнения, которые сопровождалась борьбой с карателями, находили особое сочувствие у всех крестьян, служили для них примером. Следует, однако, подчеркнуть, что крестьяне даже при большой активности не могли добиться победы, так как не действовали организованно в масштабах всего края и даже уезда, не имели направляющего руководства со стороны рабочего класса.

Активные выступления крестьян сливались с борьбой крестьянского населения местечек, в частности за сохранение своих сервитутов. Как известно, это население по своему социальному положению мало чем отличалось от крестьян деревень.

Таким образом, массовые активные выступления крестьян не принесли им существенного успеха, хотя кое-где напуганные помещики и пошли на некоторые уступки. Огнем и мечом правительство заставляло крестьян отказываться от своих лесов и пастбищ.

Несмотря на небольшую практическую эффективность этой формы борьбы, она

⁶ Центральный государственный исторический архив УССР во Львове (далее — ЛЦГИА УССР), ф. 146, оп. 646, л. 1072, л. 139.

⁷ Там же, оп. 7, д. 3718, лл. 96, 98, 100, 104—108, 112—113, 115.

сыграла большую роль в росте политического сознания крестьян, воспитывала у них организованность и сплоченность, чувство понимания своих классовых интересов. Об этом ярко свидетельствовали выступления крестьянских представителей в галицийском сейме, которые были, как уже отмечалось, одной из основных форм борьбы крестьян за сервитуты.

Избирая своих представителей в сейм, крестьяне надеялись, что он положительно разрешит для них вопрос о сервитутах. Не случайно уже на первой сессии галицийского сейма сервитутное дело сразу стало в центре внимания. Во время обсуждения этого вопроса солидарно выступали почти все украинские и польские крестьянские представители. В своих выступлениях, преисполненных ненависти к помещикам, они требовали возвращения лесов и пастбищ. Особенно активно выступали в сейме крестьяне Ковбасюк, Загоруйко, Демкив, Сивец и др.⁸ Но крестьяне составляли в сейме меньшинство (например, в первом сейме было 35 крестьянских депутатов из общего числа 151). Польско-шляхетское сеймовое большинство отклоняло все предложения крестьян. И хотя оно поддержало предложение помещика Земляковского о том, чтобы краевому отделу было поручено подготовить проект решения в сервитутном деле и затем представить его в самое ближайшее время сейму⁹, но это постановление не было осуществлено.

Решительная борьба крестьянских представителей за леса и пастбища напугала правящие классы, которые стремились ограничить число крестьян в сейме, а затем и вовсе не допустить их туда. Еще до этого они стремились воспрепятствовать обсуждению сервитутного вопроса в сейме. Последнюю попытку добиться разрешения сервитутного вопроса сделал объединенный сеймовый клуб украинских и польских крестьянских представителей в 1874 г. Группа депутатов внесла предложение, призывавшее правительство провести по желанию одной из сторон ревизию решений в сервитутных делах и в случае необходимости пересмотреть их. Выступивший против этого предложения вице-президент наместничества О. Бартманский расценил выдвинутые тезисы как «бессовестные и подлые»¹⁰.

Следовательно, и в сейме крестьяне не могли защитить своих прав на леса и пастбища. Помещикам и правительству удалось подавить крестьянское движение и окончательно присоединить бывшие крестьянские земли и леса к помещичьим имениям. Крестьяне были лишены почти всех своих лесов и общинных пастбищ. Экономические последствия этого грабежа были губительными: крестьяне еще более страдали от недостатка земли, продавая свою рабочую силу помещикам за нищенскую плату; началась деградация животноводства; цены на скот резко упали.

В 80-х годах, когда почти все сервитутные дела были разрешены, этот вопрос стал играть второстепенную роль. Доминирующую роль в движении крестьян начала играть борьба против дорожных законов. Уже первый дорожный закон, принятый галицийским сеймом в 1866 г., был большой тяготой для крестьян, что приводило к их sporadическим выступлениям. Но еще более обременительным оказался новый закон, принятый сеймом в 1885 г. Крестьяне многих уездов отказывались признавать его, проявляя большую стойкость в борьбе против представителей власти и карателей. В Рудковском уезде в 1887 г. одновременно вели борьбу 19 сел¹¹. Ведущей силой в борьбе против дорожного законодательства, как и в борьбе за сервитуты, была крестьянская беднота. Важным моментом в движении была попытка многих крестьянских общин координировать свои действия. В целом же крестьянские выступления проходили разрозненно, что давало властям возможность сравнительно легко подавлять их.

Классовые противоречия между помещиками и крестьянами в Восточной Галиции во второй половине XIX в. проявлялись также в крестьянском движении за раздел помещичьих земель, в отказе крестьян работать на помещиков, в защите ими своих земель от посягательств помещиков, в их борьбе против охотничьего закона и введения так наз. общинных советов.

Движение за раздел помещичьих земель приняло большой размах в 1885—1886 гг. Крестьяне вооружались, рассчитывая выступить против помещиков. Но движение не переросло в вооруженное восстание¹². Интересно отметить, что о нем писала почти вся европейская пресса того времени.

Что касается отказа крестьян работать в помещичьих имениях, то он имел место и ранее, проявляясь в бойкотах и стачках в 1848—1849 гг., которые, видимо, были первыми сельскохозяйственными стачками в Европе. Такие отказы продолжались и в начале 50-х годов. Важно, что эта форма борьбы имела место во многих уездах¹³.

⁸ Sprawozdanie stenograficzne z posiedzeń Sejmu Krajowego galicyjskiego, odbytych od dnia 15 do 26 kwietnia 1861 г. Lwów 1861. str. 299—300, 354.

⁹ Там же, str. 299—300.

¹⁰ Газ. «Слово» от 24 сентября 1874 г.

¹¹ Газ. «Діло» от 9, 11, 14, 16 июля и 29 сентября 1887 г.

¹² Газ. «Діло» от 3, 10, 12, 17, 24 апреля 1886 г.

¹³ Газ. «Зоря Галицкая» от 7 июля и 21 ноября 1851 г.

В дальнейшие десятилетия она почти не наблюдалась. Только в 90-х годах под влиянием нарастающего рабочего движения она распространилась весьма широко¹⁴.

Борьба крестьян против посягательств помещиков на их земли сопровождалась вооруженными стычками с жандармами и слугами помещиков¹⁵. Не менее напряженную борьбу вели крестьяне против охотничьего закона. Она проявлялась в стремлении крестьян добиться изменения этого закона, с тем чтобы был расширен круг лиц, имевших право на охоту, а также была прекращена помещичья охота на крестьянских землях¹⁶.

Наконец, борьба крестьян против помещиков проявлялась в отказе избирать так наз. общинные советы в соответствии с законом 1866 г. Крестьяне совершенно справедливо расценивали их введение как усиление произвола помещиков и социального гнета вообще. Движение против общинных советов охватило ряд районов края. Для подавления его правительство послало жандармерию и войска¹⁷. Еще в 1868 г. насчитывались 22 общины, которые отказывались избирать советы¹⁸. В движении ясно выступала тенденция к национальному освобождению. Например, в Ходоровском уезде около 500 избранных под принуждением членов советов (радных) и присяжных заявили, что они принесут присягу только украинцу¹⁹.

Вообще национально-освободительное движение в Восточной Галиции достигло во второй половине XIX в. большого размаха. Формы этого движения были различные: крестьяне выступали против насильственной колонизации края, требовали увеличения числа украинских школ, введения в государственных учреждениях украинского языка, украинских общинных печатей и т. п. Эти требования они выдвигали на народных собраниях (вечах), в сейме через своих депутатов и т. д.²⁰ Все это свидетельствовало о тщетности попыток иностранных порабитителей денационализировать украинский народ.

Украинские буржуазные националисты, верные слуги австро-венгерской монархии, стремились отвлечь крестьянские массы от революционного движения и направить их на путь борьбы за мелкие уступки, которые не подрывали бы основ существовавших порядков. Решительная борьба крестьянства против помещиков вызывала у них осуждение. Стремясь подорвать классовую борьбу крестьянства, как народовская, так и москвофильская партии призывали его бороться, по образному выражению революционера-демократа М. Павлыка, «молитвой, трезвостью и сбережениями». Когда же стало ясно, что призывы эти не имеют успеха, буржуазные националисты стали стремиться выдвинуть на первый план национальное движение, которое развивалось бы под их политическим руководством. С украинскими буржуазными националистами солидаризовалось униатское духовенство, верой и правдой служившее господствующим классам.

Единственным революционным течением в Восточной Галиции в то время были радикалы, возглавляемые И. Франко, которые еще в 80-х годах развернули активную работу среди крестьянства. Они пропагандировали социалистические идеи, издавали газеты для крестьян, звали их на революционную борьбу. Особенно энергичную деятельность проявляли радикалы после выделения в 1890 г. из общедемократического движения в самостоятельную политическую партию, программа которой провозглашала своей целью построение социалистического общества. Эта программа была оригинальной попыткой применения научного социализма к условиям очень отсталой в экономическом отношении Восточной Галиции. Конечно, программа радикалов была утопичной, поскольку ее реализация возлагалась не на рабочий класс, а на крестьянство, к тому же и проекты аграрных преобразований, выдвигавшиеся ими, фактически не выходили за рамки буржуазно-демократического преобразования восточногалицийской деревни.

Крестьянское движение 90-х годов объективно осуществляло выдвинутые в программе радикалов ближайшие политические и экономические требования. На массовых вечеах (по нашим подсчетам, в 90-х годах в Восточной Галиции состоялось около 100 крестьянских веч, организованных радикалами) крестьяне выдвигали не только экономические, но и политические требования — введения всеобщего избирательного права и др. Первомайские вечеа крестьян проходили одновременно с рабочими митингами и демонстрациями²¹. Это свидетельствовало о складывании союза рабочего класса

¹⁴ Газ. «Хлібороб» от 15 августа 1893 г., 1, 15 февраля 1894 г.; газ. «Батьківщина» от 16 июля 1896 г.; газ. «Громадський голос» от 15 августа 1896 г., 1 августа 1899 г., 1 апреля, 1 и 15 мая 1900 г.; газ. «Діло» от 9 июля 1896 г.

¹⁵ ЛЦГИА УССР, ф. 156, оп. 1, д. 64, лл. 2, 11—12, 16—18; газ. «Діло» от 14 июля 1883 г. и 22 января 1887 г.

¹⁶ Газ. «Діло» от 7 февраля 1881 г. и 11 августа 1884 г.

¹⁷ Газ. «Слово» от 28 июня и 2 августа 1867 г.

¹⁸ Газ. «Слово» от 14 августа 1868 г.

¹⁹ Газ. «Слово» от 15 февраля 1867 г.

²⁰ Газ. «Слово» от 21 августа 1871 г. и 8 августа 1872 г.; газ. «Діло» от 19 мая 1882 г.

²¹ М. М. Кравець. До питання про Русько-українську радикальну партію у Східній Галичині в 90-х роках XIX ст. — З історії західноукраїнських земель, вип. 2. Київ 1957, стор. 136.

и крестьянства в революционно-освободительной борьбе, руководящая роль в которой постепенно начала принадлежать рабочему классу, кровно заинтересованному в ликвидации остатков крепостничества, поскольку это открывало ему возможность ускорить осуществление своих собственных классовых задач в социалистической революции.

Заслуга украинской радикальной партии 90-х годов заключается в борьбе за освобождение широких масс трудового крестьянства из-под влияния буржуазных партий. Появление радикального течения в значительной мере было обусловлено дальнейшей классовой дифференциацией крестьянства, нарастанием противоречий между отдельными социальными группами крестьянства, развертыванием классовой борьбы внутри самого крестьянства. С появлением этой партии в движении крестьян наметились два отдельных течения — борьба бедняцко-крестьянских масс, возглавляемая радикалами, и либерально-кулацкое движение, возглавляемое буржуазными партиями.

Не менее важной заслугой радикальной партии был рост политического сознания трудового крестьянства, его политической активности. Впервые крестьянство Восточной Галиции вышло на широкую дорогу политической борьбы, крестьяне сами стали политическими организаторами. Восточногалицийские крестьяне все более стремились к воссоединению с основной частью украинского народа, находившегося в составе России, и прежде всего к усилению существовавших связей с восточными украинцами. Наиболее ярким проявлением политической активности крестьян Восточной Галиции в 90-х годах были решительные выступления против избирательного шантажа на выборах в рейхсрат в 1897 г.²², отражавшие фактически их стремление добиться реализации своего главного политического требования — отмены антидемократической избирательной системы и введения всеобщего избирательного права.

Подводя итоги, необходимо констатировать, что характерной для Восточной Галиции второй половины XIX в. чертой крестьянского движения в целом было сочетание классовой борьбы с национально-освободительным движением, направленным против господства иностранных поработителей в западноукраинских землях. При этом ликвидация феодальных пережитков содействовала бы разрешению и национального вопроса.

Борьба крестьян развивалась в основном по восходящей линии: в 50—60-х годах она непрерывно нарастала, в 70-х годах шла на убыль, но в последующее десятилетие и особенно в 90-х годах достигла своего высшего подъема. В движении все более увеличивалась роль крестьянской бедноты, особенно в связи с проведением аграрных стачек в конце XIX в. На протяжении 50 лет стихийное и неорганизованное крестьянское движение постепенно все более приобретало черты осознанной и организованной борьбы.

²² Газ. «Діло» от 14, 17, 20, 22 февраля, 1, 3 марта 1897 г.; газ. «Громада», март 1897 г., № 3.

С. Н. З л у н к о

КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ И ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ ГАЛИЦКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Характер и эволюция экономических требований крестьянства во второй половине XIX — начале XX в. является одной из наименее изученных проблем истории Галичины¹. А между тем анализ этих требований имеет важное научное и политическое значение, так как они прежде всего определяют содержание и классовую направленность аграрного движения на разных этапах, позволяют раскрыть практическое значение аграрных программ политических партий Галичины. Исследование экономической идеологии крестьянства будет способствовать более полному освещению социально-экономических процессов, происходивших в крае, а также поможет глубже раскрыть внутренние закономерности развития украинской экономической мысли в Галичине. Наконец, следует подчеркнуть, что указанная проблема всегда была объектом фальсификации со стороны идеологов буржуазного национализма и их эпигонов. Поэтому необходимо с научных позиций раскрыть классовую сущность и проследить эволюцию экономических требований галицкого крестьянства в эпоху капитализма на основе первоисточников. Этому вопросу и посвящена данная работа, не претендующая на всестороннее освещение поставленной проблемы².

Важнейшим этапом на пути капиталистического развития Галичины была аграрная реформа 1848 г., ликвидировавшая крепостную зависимость крестьян. «Год 1848 в Галичине, — писал украинский революционер-демократ И. Франко, — был началом новой эпохи в экономическом быте крестьянства через ликвидацию барщины...»³. Проведенная в разгар революционных событий, эта реформа не была связана с обезземеливанием крестьянства, что имело место раньше в Пруссии и позже в России⁴. Однако аграрная реформа 1848 г. по своей экономической сущности явилась первым открытым массовым насилием над крестьянством в пользу развивающегося капитализма в земледелии. Реформа ликвидировала феодальную зависимость крестьянина от помещика, создав условия для складывания капиталистических производственных отношений в сельском хозяйстве. Но, поскольку реформа не привела к уничтожению латифундий крупных земельных собственников, был очевиден ее половинчато-крепостнический характер, поскольку помещицы латифундии — это главная экономическая основа всех остатков крепостничества. К тому же широкие слои крестьянства потеряли права на лесные и пастбищные сервитуты, игравшие важную роль в их хозяйстве. Лишенное необходимых сельскохозяйственных угодий крестьянское хозяйство попадало в кабальную экономическую зависимость от прежнего помещика-крепостника. Говоря словами К. Маркса, помещики «потеряли власть над личностью крестьянина... Крестьянин попал в экономическую зависимость от своего прежнего помещика»⁵.

¹ Под Галичиной подразумевается исконная украинская земля, составлявшая в период существования Киевского государства основное ядро Галицко-Волынского княжества с центром в Галиче. Под владичеством польских феодалов, в XIV—XVIII вв., эти земли составляли Русское и Белзское воеводства. В условиях господства австрийской монархии (1772—1918 гг.) им было дано искусственное название Восточной Галиции. Материал данной работы географически укладывается в рамки этой территории.

² См. наши работы «Ідейна боротьба навколо аграрно-селянського питання в Галичині (кінець XIX — початок XX століть)» (Львів 1960, стор. 20—27) и «Аграрные программы политических партий Галиции (конец XIX — начало XX столетия)» (автореферат канд. диссертации, Киев 1960, стр. 4—5).

³ І. Ф р а н к о. Нарис історії українсько-руської літератури. Львів 1910, стор. 125.

⁴ Революции 1848—1849 гг. М. 1952, стр. 399.

⁵ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII. М. 1952, стр. 14.

Как свидетельствует официальная статистика, не отличавшаяся точностью, помещики концентрировали в своих руках значительную часть лучших земельных массивов. Так, в 1852—1866 гг. в их руках находилось 44,4%, а в 1902 г. — 40,3% всей территории Галичины⁶. При этом магнатские латифундии, площадью свыше 5 тыс. гектаров каждая, в конце XIX в. занимали 40,3% помещичьих земель, или 16,3% всей площади края⁷. Большая часть сельскохозяйственных угодий также принадлежала помещикам. Так, например, в Станиславском, Скалатском, Залещицком, Тереховельском и Бусском уездах помещики владели 95—100% всего имевшегося там леса⁸. Что касается обеспеченности лесом крестьянского хозяйства, то, по словам революционера-демократа И. Франко, оно имело его так мало, что нельзя было даже сделать гроб для каждого члена семьи⁹.

За приобретенную личную свободу крестьяне заплатили 222,2 млн. ринских выкупа, который являлся капитализацией феодальных повинностей, возросших накануне ликвидации крепостничества до максимума. Помещики, таким образом, не только узурпировали лучшие земли и сервитутные права крестьян на сельскохозяйственные угодья, но и получали ежегодно 5,5 млн. ринских выкупных платежей за счет трудящихся масс¹⁰. Все это отрицательно сказалось на развитии производительных сил Галичины вообще, и в частности сельского хозяйства.

Монополия помещиков-крепостников на владение сельскохозяйственными угодьями тормозила капиталистический прогресс земледелия. Захватив леса и пастбища, помещики обрекали крестьян на мучительную кабалу и разорение, лишая их вещественных элементов расширенного воспроизводства. Одной из важных причин гибели крестьянского хозяйства в условиях капиталистического развития, как указывал К. Маркс, является узурпация крупными землевладельцами общинной собственности, которая «...повсюду образует второе дополнение парцеллярного хозяйства и только и дает ему возможность содержать скот»¹¹. Это усиливало экономическую зависимость крестьян от помещиков: за клочок пастбища или воз дров помещик получал почти даровой крестьянский труд, с помощью которого вел свое хозяйство, не думая о его рационализации.

Таким образом, концентрация сельскохозяйственных угодий в руках кучки земельных магнатов консервировала докапиталистические методы хозяйствования и увековечивала крепостнические формы эксплуатации трудящихся, что нашло свое яркое проявление в широком распространении отработков в Галичине во второй половине XIX в. Отработки же, как известно, — это прямой пережиток барщины, задерживающий развитие капитализма в сельском хозяйстве.

Лишенные экономических условий для того, чтобы сколько-нибудь правильно вести хозяйство, галицкие крестьяне прилагали все усилия к тому, чтобы сохранить за собой сервитутные права на леса и пастбища. Правда, сервитуты не были единственным остатком крепостничества в экономике Галичины. Достаточно вспомнить хотя бы право пропинации (монопольное право помещиков на производство и продажу спиртных напитков), сохранение которого отрицательно влияло на экономический и моральный быт народных масс на протяжении десятилетий. Однако сервитуты являлись концентрированным и самым ярким выражением всех остатков крепостничества, так как они затрагивали экономические интересы не отдельных слоев, а большинства крестьянства Галичины. «Нехватку леса и пастбища, — писал И. Бородайкевич из Товмацкого уезда, — чувствуют все, как бедные, так и зажиточные»¹². Острой нужды в лесах и пастбищах не испытывали только так наз. полнонадельные крестьяне — небольшая прослойка, составлявшая 7—8% крестьянства и получившая после раскрепощения право полной собственности на всю свою землю¹³.

Многолетняя хозяйственная практика показала крестьянину, что без достаточного количества угодий не может быть и речи о ведении хозяйства. Спекулируя на нужде в угодьях, дабы заручиться поддержкой крестьян против сепаратизма польской земельной шляхты, руководители австрийского правительства не скупились на самые лестные обещания, но дальше этих посулов никогда не шли. Они обнадеживали крестьянские массы тем, что с образованием сервитутных комиссий крестьяне снова получат право на пользование лесами и пастбищами. Между тем сервитутные комиссии, как правило, большинство «спорных» вопросов решали в пользу помещиков-крепостников. Это была одна из узаконенных форм ограбления галицкого крестьянства.

В 1861 г. начал работу краевой сейм Галичины. Сервитутная проблема с самого начала стала одним из главных вопросов, занимавших сейм. На призывы помещиков к классовому миру крестьяне отвечали требованиями возврата их законных прав на

⁶ Wiadomości statystyczne, t. XX, zesz. III. Lwów 1905, str. 24.

⁷ Там же, str. 52.

⁸ Stenographische Protokolle des österreichischen Reichsrathes im Jahre 1902, Session XVII, Bd. XVII, S. 15224.

⁹ Газ. «Громадський голос», 1896, № 12.

¹⁰ См. J. Buzek. Administracja gospodarstwa społecznego. Lwów 1913, str. 77.

¹¹ К. Маркс. Капитал, т. III. М. 1949, стр. 820.

¹² Газ. «Хлопська правда», 1903, № 1.

¹³ М. П. Герасименко. Аграрні відносини в Галичині. Київ 1959, стор. 300.

леса и пастбища. Помещики утверждают, говорили крестьянские депутаты, что они навсегда отказались от барщины, за что мы их благодарим; «но это еще не все, ибо где пастбища? Где леса?... Что общинам, то общинам, а что панам, то панам, а тогда вместе будем»¹⁴. Крестьяне прямо говорили, что помещики их ограбили, и требовали права на сервитуты. «Имели мы свои пастбища, луга, горы, — говорили крестьяне, — а по какому случаю они забрали и владеют ими? — отдайте нам земли, ибо кара божья на вас упадет, паны... земли наши...»¹⁵. Помещики отождествляли радикальные высказывания крестьянских депутатов с посягательством на право частной собственности на землю. «Это, — говорил граф А. Потоцкий, — есть ликвидация права собственности, это ликвидация того, что является основой всех обществ»¹⁶.

Когда крестьяне убедились, что защитники эксплуататоров, составлявшие абсолютное большинство депутатов сейма, относятся к экономическим требованиям крестьянства отрицательно и злобно реагируют на них, крестьянские представители начали передавать сервитутные дела в суд, надеясь на положительное их решение. Однако австрийские суды всех инстанций абсолютное большинство сервитутных дел решали в пользу помещиков-крепостников. Конечным результатом было то, что из состоявшихся 32 тыс. судебных дел о сервитутах крестьянские общины и отдельные крестьяне проиграли 30 тыс., заплатив при этом 15 млн. ринских судебных пошлин¹⁷. Напрасно крестьяне посылали холодов и к императору, — добиться в Вене удовлетворения своих экономических требований они, конечно, не могли.

Тогда крестьяне стали все чаще захватывать леса и пастбища силой, но всякий раз им приходилось иметь при этом дело с войсками и полицией. До нас дошло множество архивных документов и сообщений периодической печати, свидетельствующих об упорной борьбе крестьянства за леса и пастбища¹⁸. Стремление вернуть захваченные помещиками леса и пастбища составляло в эпоху капитализма экономическую основу классовой борьбы крестьян против помещиков на протяжении многих десятилетий. Несмотря на жестокие кары, отдельные общины не прекращали этой борьбы вплоть до конца XIX и даже начала XX в.¹⁹ Но особенно острый характер носила борьба крестьян за сервитуты в 50—70-х годах XIX в., что нашло свое яркое отражение даже в буржуазно-либеральной печати. Здесь нет надобности рассматривать эмпирический материал и анализировать отдельные выступления крестьян; для нас важно подчеркнуть, что проблема сервитутов — это главное звено в системе экономических требований галицкого крестьянства во второй половине XIX в. В результате этой борьбы из 4 млн. моргов сельскохозяйственных угодий крестьяне получили менее 9% их — 351 тыс. моргов, а остальную часть сохранили в своих руках захватившие ее помещики-крепостники²⁰. Эта борьба получила художественное воплощение в рассказе И. Франко «Леса и пастбища».

Помимо требования возвращения прав на сервитуты — леса и пастбища, галицкие крестьяне выдвигали во второй половине XIX в. многие другие требования, направленные на ликвидацию остатков крепостничества, на улучшение условий экономической жизни. В этом отношении интересна резолюция крестьянского веча Коломыйского уезда от 5 ноября 1891 г., в которой сформулированы следующие требования: 1) ликвидации шарварков, содержание дорог за счет края; 2) предоставление общинам права охоты; 3) снятие запрета мочить коноплю и лен в реках, приносящего ущерб ткацкому промыслу и увеличивающего нужду народа; 4) ликвидация патроната, как «остатка феодальной зависимости человеческой совести», и передача церковных дел общинам верующих²¹.

Крестьянские веча уездов выдвигали и другие экономические требования, вытекавшие из местных условий. Анализ этих требований свидетельствует, что все они были направлены на ликвидацию самых болезненных остатков крепостничества в экономике края, нашедших свое юридическое закрепление в австрийском полуфеодальном законодательстве. Уничтожение этих остатков способствовало бы подрыву отработочной системы, расширило бы рамки для проникновения товарно-денежных отношений в сельское хозяйство и ускорило бы капиталистическую эволюцию земледелия. Разрешение сервитутной проблемы в пользу крестьянства отвечало бы интересам прогрессивного развития производительных сил и производственных отношений в Галичине.

¹⁴ Sprawozdania stenograficzne z posiedzeń Sejmu Krajowego galicyjskiego... Lwów 1861, str. 354.

¹⁵ Там же, str. 354.

¹⁶ Там же, str. 356.

¹⁷ В. Будзиновський. Хлопська політика в Галичині. — Журн. «Народ», 1894, № 18, стор. 278.

¹⁸ Центральный государственный исторический архив УССР по Львову (далее — ЛЦГИА УССР), ф. 146, оп. 7, дела 3668, 3667, 3669, 3670, 3671 и др.; оп. 4, дела 742, 748, 752 и др.; газ. «Діло», 1887, № 77, 78, 82, 154.

¹⁹ Особенно упорной была борьба за леса и пастбища крестьян дер. Добростаны Городокского уезда, длившаяся несколько десятилетий (см. Адріан. Аграрний процес у Добростанах. Львів 1901).

²⁰ См. Sprawozdania stenograficzne Sejmu Krajowego z 1895/96 г., Posiedzenie 1—26, str. 692.

²¹ Газ. «Хлібороб», 1891, № 8, 9, 10.

Власти считали сервитутный вопрос разрешенным уже к концу XIX в., однако в действительности и в начале XX в. проблема лесов и пастбищ оставалась для крестьянства по-прежнему острой, так как «решена» она была только с формально-юридической, но не с экономической стороны. Дело в том, что за утраченные права на пользование лесами и пастбищами крестьяне получили компенсацию в форме так наз. эквивалентов, которые не могли возместить недостающих элементов, необходимых для воспроизводства в крестьянском хозяйстве. Так, например, крестьяне дер. Добростаны Городокского уезда получили как эквивалент за утрату пастбищных сервитутов 83 морга пастбищ, хотя раньше все 137 хозяйств общины имели возможность пользоваться пастбищем в 2060 моргов. Вместо лесного сервитута крестьяне получили эквивалент из расчета 9 ринских на одну хозяйственную и жилую постройку, хотя фактическая стоимость строительного материала равнялась 42 ринским, т. е. была в 4,5 раза больше²². Таким образом, эквиваленты представляли собой еще одну из форм ограбления крестьянства.

Характерно, что ни в архивных документах, ни в периодической печати первых десятилетий второй половины XIX в. нам не удалось выявить фактов, которые свидетельствовали бы о том, что галицкие крестьяне требовали раздела помещичьих имений. Если когда-нибудь даже и говорилось о помещичьей земле вообще, то и тогда под этим, как правило, подразумевались леса и пастбища. Однако означает ли все это, что крестьянские аграрные требования в то время ограничивались возвратом лесных и пастбищных сервитутов? Отнюдь нет. Крестьяне и тогда стремились увеличить размеры пахотной земли своего хозяйства, но не столько за счет раздела помещичьей земли, сколько за счет возврата земель, захваченных у них помещиками после составления кадастра, имевшего место в 1786 г. по постановлению правительства Иосифа II. В связи с этим следует напомнить, что в ходе антикрестьянской экспансии шляхты, особенно сильной в первой половине XIX в., галицкие крестьяне со времени составления кадастра до 1846 г. потеряли по меньшей мере 207 309 га лучшей земли²³. Это и являлось, по нашему мнению, материальной причиной определенной популярности в народе земельных мероприятий Иосифа II. Между прочим, именно поэтому представители украинской демократической экономической мысли переоценивали реформаторскую деятельность этого императора. К сожалению, на данное обстоятельство почти не обращали внимания исследователи экономической мысли, нередко ограничивавшиеся лишь критикой их ошибочных взглядов. А между тем необходимо помнить, что царистские иллюзии галицкого крестьянства имели определенную экономическую основу, связанную со стремлением вернуть свою землю. Требование земли выдвигалось в форме требования возврата к реализации тех частей патента Иосифа II 1785 г., где были зафиксированы права крестьян на землю. Интересно отметить, что в борьбе против непосильных поборов со стороны церкви крестьяне также ссылались на этот патент²⁴.

Говорить более конкретно о затронутом вопросе пока трудно, но можно утверждать, что углубленное исследование поставленной проблемы даст новые доказательства для подтверждения высказанной мысли, что во второй половине XIX в. галицкие крестьяне наряду с борьбой за леса и пастбища добивались увеличения площади своей пахотной земли за счет земель, отнятых у них помещиками, главным образом в последние десятилетия существования крепостного права. Борьба за возврат земель и за сервитуты многим напоминает борьбу русского крестьянства за «отрезки».

Таким образом, экономические требования галицких крестьян во второй половине XIX в. были однородны в том смысле, что по своей классовой сущности были направлены на подрыв монопольного господства помещиков-крепостников, на ликвидацию остатков феодализма в сельском хозяйстве, без чего невозможно было создать благоприятные условия для более полного действия экономических законов капитализма. Буржуазный прогресс земледелия требовал ликвидации докапиталистических методов хозяйствования и крепостнических приемов эксплуатации. В борьбе за разрешение этих проблем галицкое крестьянство выступало как сословие феодального, а не как класс капиталистического общества, что отразилось на слабой дифференциации его экономической идеологии.

Новорожденный капитализм, не считаясь ни с какими преградами, ломал феодальные формы землевладения, подрывал отработочную систему хозяйства, открывал путь для проникновения в деревню товарно-денежных отношений, способствуя разложению сельского населения на два антагонистических класса — сельский пролетариат и крестьянскую буржуазию.

О капиталистической дифференциации сельскохозяйственного населения Галичины на рубеже XIX и XX вв. свидетельствует перепись сельских хозяйств 1902 г., по которой пролетарские хозяйства (размером до 2 га) составляли 42,7%, полупролетарские (от 2 до 5 га) — 36,2%, середняцкие (от 5 до 10 га) — 14,6%, кулацкие (от 10 до 100 га) — 4,9% и помещичьи (более 100 га каждое) — 0,6% всех хозяйств Галичины²⁵. Отсюда видно, что удельный вес бедняцких хозяйств в крае достигал 80%.

²² А д р і а н. Аграрний процес у Добростанах, стор. 42—43.

²³ М. П. Герасименко. Аграрні відносини в Галичині, стор. 221.

²⁴ ЛЦГИА УССР, ф. 146, оп. 7, л. 4647, лл. 112—113.

²⁵ Österreichische Statistik, Bd. 83, H. 5. Wien 1909, S. 4.

Перепись населения 1900 г. также свидетельствует о большом удельном весе пролетарского слоя на селе. В Львовском и Бродовском торговых округах поденщики и рабочие составляли 28,1% всего населения, занятого в сельском хозяйстве и лесном деле²⁶. Наемная рабочая сила использовалась в 13,8% хозяйств, так что эти хозяйства имели четко буржуазный характер²⁷.

Несмотря на буржуазное расслоение крестьянства и на обострение в связи с этим капиталистических противоречий, на первом плане классовой борьбы в это время продолжала стоять задача уничтожения полуфеодальной собственности земельной шляхты, так как она являлась основой средневекового варварства в земледелии. Самой насущной проблемой было проведение буржуазно-демократических преобразований в экономике и в политическом строе края. Главным препятствием на этом пути было монопольное господство помещиков-крепостников, воля которых австрийским полуфеодальным законодательством возводилась в закон.

Классовая дифференциация и изменения в социально-экономической структуре сельскохозяйственного населения были главными предпосылками возникновения на рубеже XIX и XX вв. новых по сути своей экономических требований крестьянства. В этом и проявляется один из моментов эволюции крестьянских экономических требований. Однако необходимо помнить, что классификация экономических требований не может быть столь же точной, как статистико-экономическая классификация сельского населения.

На рубеже XIX и XX вв., как и прежде, очень важную роль в системе экономических требований галицкого крестьянства играла проблема лесов и пастбищ. Как показывает анализ постановлений комитетов бастующих крестьян (1902 г. и последующие годы начала XX в.), проблеме пастбищ и других сервитутов уделяло много внимания большинство крестьянства. Так, например, крестьяне села Яблунивка Каменского уезда в 1902 г. требовали у помещика пастбища для одной коровы за 3 кроны, подводу хвороста из помещичьего леса за 50 крейцеров, права бесплатного сбора травы, грибов, листьев, ягод, свободного прохода и проезда через панский лес, бесплатного выпаса скота на панских лугах и т. п.²⁸ Крестьяне Бучачского уезда требовали для работающих на панских топях права пасти все лето скот на помещичьих лугах²⁹. Бастующие Борщевского уезда в 1900 г. больше всего говорили о пастбищах³⁰. Подобных фактов можно привести много, и все они свидетельствуют о том, что проблема сервитутов по-прежнему оставалась острой. Как и раньше, крестьяне часто пробовали решить ее путем открытой борьбы. В начале XX в. было много случаев, когда крестьяне прилагали усилия, чтобы не только вернуть право на пользование сельскохозяйственными угодьями, но и вообще ликвидировать помещичью собственность³¹. Борьбу за сервитуты вело большинство крестьян всех частей Галичины. Сервитуты были той экономической основой, которая объединяла крестьян разных слоев в борьбе против класса помещиков-крепостников. Это была одна из характерных черт аграрного движения в Галичине во второй половине XIX — начале XX в.

Вместе с тем на рубеже XIX и XX вв., наряду с традиционными требованиями, формируется новая группа экономических требований крестьянства, направленных на улучшение условий наемного труда, прежде всего в помещичьем хозяйстве. Эти требования нашли свое яркое отражение в решениях крестьянских забастовочных комитетов.

Крестьянские забастовки в 1902 г. охватили в Галичине территорию в 26 466 кв. км, в них приняли участие крестьяне 661 деревни в 26 уездах. Для выяснения причин крестьянских забастовок в 1902 г. был разослан на места правительственный «квестинар», на который было получено 340 ответов, из которых 161 объяснял причины забастовок низкой платой за труд. На эти причины указывали и буржуазные авторы³². Они подтверждаются и архивными материалами. Так, например, крестьяне Бучачского уезда соглашались работать у помещика за восьмой сноп ржи, пшеницы и других культур, девятую меру картошки, кукурузы, требовали дневной платы: мужчине — 80, женщине и девушке — 60, мальчику — 30—50 крейцеров³³. Бастующие села Бабинцев Борщевского уезда в 1900 г. требовали платить погонщику старше 12 лет 35 крейцеров, соглашались жать рожь за 7-й и косить за 8-й сноп, кукурузу убирать за половину урожая, «поскольку мы не крепостные, а свободный народ»³⁴. Крестьяне Рава-Русского уезда добивались от помещика А. Ромера дневной платы для рабочего-мужчины в размере 2 крон, а для женщины — 1,5 кроны в летний период³⁵. Таких фактов можно привести много.

²⁶ Österreichische Statistik, Bd. 66, H. 2. Wien 1904, S. 6, 78—79.

²⁷ Там же, Bd. 83, S. XXXVI.

²⁸ Wiadomości statystyczne, t. XX, zesz. 1. Lwów 1903, str. 31—32.

²⁹ ЛЦГИА УССР, ф. 146, оп. 4, д. 3787, л. 139.

³⁰ Там же, д. 2209, л. 39.

³¹ Революция 1905—1907 гг. на Украине. Сб-к документов, т. I. Киев 1955, стр. 670—671.

³² Wiadomości statystyczne, t. XX, zesz. 1, str. 33.

³³ ЛЦГИА УССР, ф. 146, оп. 4, д. 3787, л. 139.

³⁴ Там же, д. 2209, л. 39.

³⁵ Там же, д. 3790, л. 96.

Вместе с рабочими-поденщиками боролись постоянные рабочие шляхетского фольварка. Речь идет о так наз. рабочих-ординариях, заработки которых в помещицьем хозяйстве составляли не только главный, но и единственный источник их существования. Так, рабочие-ординарии Гусятинского уезда требовали от своих хозяев 100 крон годичной платы деньгами, 14 корцов хлеба, 1 морга (0,57 га) огорода и кормов для двух коров³⁶. Помещичьи слуги протестовали против жестокого обращения с ними. Только среди ответов на правительственный «квestionар»-опросник 50 ответов объясняли причины забастовок жестоким обращением с дворскими слугами и сельскими рабочими со стороны управляющих помещичьих имений³⁷. В частности, дворская служба в помещичьих хозяйствах Городенковского уезда бросила работу из-за плохого питания и жестокого обращения с ней³⁸.

Много конфликтов между сельскохозяйственными рабочими и помещиками возникало на базе рабочего законодательства, носившего на себе черты крепостного права и ограничивавшего не только экономическую, но и юридическую свободу работника.

Однако борьба галицкого крестьянства за окончательное уничтожение помещичьей земельной собственности не нашла отражения в решениях, принятых крестьянскими забастовочными комитетами. По нашему мнению, именно этим объясняется неполное освещение аграрного движения начала XX в. в посвященных этому вопросу работах, в которых отсутствует углубленный анализ экономических требований галицкого крестьянства³⁹. При изучении этих требований нельзя ограничиваться материалами забастовочных комитетов, а необходимо использовать разнообразные архивные источники.

Аграрные требования русского крестьянства были четко выражены в период буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. Полной аналогии с ними в требованиях галицких крестьян видеть, конечно, нельзя. Однако, как подтверждают многие факты, уничтожения помещичьего землевладения в это время добивались и крестьяне Галичины.

Уже при характеристике экономической идеологии крестьянства второй половины XIX в. указывалось на выдвижение требований возврата пахотных земель, захваченных помещиками у крестьян после составления кадастра 1786 г. Это был минимум аграрных требований крестьянства. Но на рубеже XIX и XX вв. оно уже не ограничивалось этим минимумом, а все более решительно настаивало на необходимости полной ликвидации помещичьего хозяйства, что свидетельствует о сравнительно высокой классовой сознательности крестьянства Галичины, хотя это требование и выражалось часто в завуалированной форме.

Эта мысль подтверждается многими фактами, которые можно найти в самых различных источниках, и прежде всего в тайных донесениях полиции. Если верить помещику — корреспонденту прошляхетской газеты «Przegląd», один из помещичьих слуг А. Гураль свое нежелание голосовать за панского эконома при выборах по пятой курии объяснил так: «Зачем мне отдавать ему мой голос, когда нам всем надо быть готовыми, поскольку скоро придет разрешение от цесаря, чтобы мы вырезали всех панов и разобрали их имения»⁴⁰. В этих словах — много наивной крестьянской веры в «доброту» австрийского императора, но наряду с этим в них, по существу, сформулировано требование раздела помещичьей земли и революционного уничтожения помещичьего класса в Галичине.

Осознание необходимости насильственной ликвидации господства помещиков-крепостников еще более ярко проявилось в экономической идеологии крестьянства в начале XX в. В радикализации крестьянской идеологии важную роль сыграл ряд моментов, и прежде всего обострение внутренних антагонизмов капиталистического общества, следствием чего явилась активная революционная борьба мирового пролетариата. Галичина не стояла в стороне от столбового пути общественного развития. Здесь, как и в других странах и землях, где господствовал и развивался капитализм, в начале XX в. происходили бурные классовые бои пролетариата против господства капитала. Так, в 1902 г. забастовали строители Львова, а в 1904 г. выступили рабочие Бориславского нефтяного района. Только за период с 1900 по 1905 г., по официальным данным, число бастующих предприятий увеличилось со 156 до 595, а удельный вес принявших участие в забастовках промышленных рабочих — с 49,3 до 88,9%⁴¹. Стачки как форму классовой борьбы крестьяне заимствовали у пролетариата. «Популярность битв рабочих, — пишет В. Найдус, — восприятие их форм было одним из проявлений руководящей роли пролетариата в общенародном революционно-демократическом движении в Галиции»⁴².

³⁶ ЛЦГИА УССР, ф. 146, оп. 4, д. 3794, л. 123.

³⁷ Там же, д. 3792, лл. 65, 68.

³⁸ См. Wiadomości statystyczne, t. XX, zes. 1, str. 33.

³⁹ См. К. Г. Каковский. Крестьянское движение в Восточной Галиции 1902 г. (канд. диссерт.). М. 1949; П. В. Свежинский. Крестьянское движение в Галичине в 1905—1907 гг. (канд. диссерт.). Львов. 1952—1957.

⁴⁰ Газ. «Przegląd», 1897, № 75.

⁴¹ Podręcznik statystyki Galicyi, t. IX, cz. II. Lwów 1913, str. 239.

⁴² W. Nайдус. Rozwój ruchu strajkowego w Galicyi w latach 1900—1914. — «Przegląd Historyczny», XLVIII, 1957, zes. 3, str. 490.

Особо важную роль в поднятии самосознания трудящегося крестьянства сыграли передовые социальные идеи, и прежде всего экономическое учение марксизма, начинавшее проникать в массы галицкого крестьянства в конце XIX — начале XX в. Уже в это время для галицких трудящихся марксизм являлся не только теорией, но в определенном смысле и практической программой революционного действия. Эта мысль подтверждается хотя бы тем фактом, что в 1906 г. студенты Львовского университета В. Ильків и А. Кошко, призывая крестьян к забастовкам, возили с собой «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса⁴³. В Галичине в то время были широко распространены также другие работы основоположников научного коммунизма. Экономические идеи марксизма имели здесь хорошую почву для распространения в лице пролетаризирующегося крестьянства, которое шло в авангарде аграрного движения.

Указанные моменты необходимо иметь в виду при характеристике экономических требований галицкого крестьянства начала XX в. В это время получают более категорическое оформление требования раздела помещичьей земли и полного уничтожения шляхетских имений. Так, в письме, нелегально распространенном среди крестьян Станиславщины в 1902 г., говорилось: «Почему так тихо около вас, имеете ли так много этой святой земли, что не хотите взяться за дело, не хотите участвовать в собственном благосостоянии»; призывая крестьян к стачечной борьбе, авторы письма подчеркивали, что только таким путем «наши дорогие паны будут обязаны отступить нам землю и выбраться из нашего родимого края»⁴⁴. На крестьянских собраниях (вечах) в селах Яворовского уезда ораторы говорили, указывая на панские ланы: «Видите, люди, эта вся земелька есть для всех нас»⁴⁵. Во многих уездах распространились слухи, что скоро крупные земельные собственники «будут экспропрированы, а их земля разделена между крестьянами по 15 моргов»⁴⁶. В Гусятинском уезде такого раздела ожидали весной 1903 г.⁴⁷

В доносах полиции, сохранившихся в Львовском архиве, такого рода высказывания крестьян объяснялись работой «неизвестных агитаторов». В действительности же они отражали активизацию борьбы крестьянства за землю и волю, а «неизвестным агитатором» был весь многомиллионный трудовой народ. Эволюция экономической идеологии трудящегося крестьянства протекала под сильным влиянием русской революции 1905 г. И потому не случайно в 1906 г. даже буржуазная журналистика отмечала: «Россия не за семью морями, и наш крестьянин узнает, как добывались земли его братья в России»⁴⁸.

Следуя примеру своих братьев по ту сторону Збруча, галицкие крестьяне начали открыто говорить о необходимости раздела помещичьих земель. Крестьянские вече начинались обыкновенно так: выступавший оратор спрашивал крестьян: Хотите земли, хотите пастбищ и лесов? — Хотим! — гремел ответ крестьянской массы⁴⁹. Мало того, крестьяне Воли Якубовой Дрогобычского уезда составили даже детальный план раздела имения графа С. Тарновского между хозяйствами близлежащих деревень⁵⁰. В 1906 г. крестьяне Долинского уезда днем рубили панский лес, запахивали помещичью землю, делали проходы через помещичьи поля, уничтожали всякого рода заграждения, твердо веря, что скоро помещики уберутся, а вся их земля перейдет в собственность народа⁵¹.

Передачи помещичьей земли крестьянству требовали и некоторые депутаты краевого сейма. Земля, говорили они, должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, крестьянин любит землю, поливает ее своим потом и кровью, она его кормилица, и потому он должен владеть ею⁵². С трибуны сейма крестьянский депутат О. Новаковский прямо сказал земельным магнатам: «Отдайте вы свои земли крестьянам»⁵³.

Раздела помещичьей земли добивалась та часть крестьянства, которая хотела укрепить, обновить, расширить и сделать господствующим мелкое производство в земледелии. Увеличение размеров земельной площади собственного хозяйства ассоциировалось для этой группы крестьянства с надеждой на окончательное уничтожение всякой эксплуатации. Крестьяне не понимали того, что в условиях капиталистического товарного производства даже при равном распределении земли (в сознании крестьян эта норма равнялась 15 моргам) один крестьянин превратит другого в своего батрака

⁴³ ЛЦГИА УССР, ф. 146, оп. 4, д. 3797, л. 46.

⁴⁴ Там же, д. 3784, л. 130.

⁴⁵ «Gazeta Narodowa», 1902, № 197.

⁴⁶ ЛЦГИА УССР, ф. 146, оп. 4, д. 3790, л. 6.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Журн. «Економіст», 1906, № 6, стр. 4.

⁴⁹ «Gazeta Narodowa», 1906, № 23.

⁵⁰ ЛЦГИА УССР, ф. 146, оп. 4, л. 5031, лл. 3—4.

⁵¹ Там же, д. 3799, л. 128.

⁵² Stenograficzne sprawozdania Sejmu Krajowego z 1905 r., Posiedzenie 32—61, str. 2539.

⁵³ Stenograficzne sprawozdania Sejmu Krajowego z 1889 r., Posiedzenie 1—19, str. 1032.

просто в силу неодинаковой природной плодородности земельных участков⁵⁴. Но вместе с тем требование раздела помещичьей земельной собственности и уничтожения господства помещиков-крепостников выражает «...интересы капитализма (от которого радикальный крестьянин ограждает себя по наивности крестным знаменем), интересы небольшого развития производительных сил земли при товарном производстве»⁵⁵.

Анализ первоисточников показывает, что в ходе классовой борьбы во второй половине XIX — начале XX в. совершалась эволюция и дифференциация экономической идеологии галицкого крестьянства, отражавшая прежде всего сдвиги в социально-экономической и классовой структуре сельского населения под влиянием развивающегося капитализма. Если в первые десятилетия второй половины XIX в. крестьяне вели борьбу главным образом за леса и пастбища, то на рубеже XIX и XX вв. можно выделить три основные группы экономических требований: во-первых, это все те же требования относительно лесов и пастбищ; во-вторых, требования, направленные на улучшение экономических условий наемного труда в помещичьем хозяйстве; в-третьих, требование раздела магнатской земельной собственности и полного уничтожения имений помещиков-крепостников.

Каждая из этих групп экономических требований в разной степени отражала классовые интересы отдельных слоев крестьянства Галичины. Так, борьба за леса и пастбища объединяла крестьян разных слоев, поскольку без лесов, без пастбищ нельзя создать нормальные экономические условия для сельскохозяйственного производства. Следует, конечно, отметить, что нехватку леса и пастбищ хозяйства разной зажиточности переносили неодинаково — бедняцко-средняцкие слои страдали от этого больше, чем зажиточные крестьяне. Но для большинства крестьян проблема лесов, пастбищ и других сельскохозяйственных угодий была настолько острой, что на ней в течение многих десятилетий было сосредоточено все внимание широких масс народа, так что другие экономические требования отодвигались на второй план. Этим в значительной мере объясняется тот факт, что сразу после аграрной реформы галицкие крестьяне не ставили вопроса о полной ликвидации шляхетского фольварка. Во всяком случае, пока у нас нет данных, которые подтверждали бы, что в системе экономических взглядов галицкого крестьянства требования об уничтожении помещичьих имений выкристаллизовались уже в первые десятилетия второй половины XIX в. Это положение отнюдь не противоречит тому, что в отдельных случаях крестьяне выдвигали такие требования, однако, по нашему мнению, они еще не получили закрепления в экономической идеологии большинства крестьянства.

Борьба за улучшение условий найма приобрела острый характер с возникновением значительного слоя сельскохозяйственного малоземельного и безземельного пролетариата. Однако требования галицкого батрака нельзя полностью отождествлять с требованиями пролетариата передовой капиталистической страны, выступавшего против буржуазных методов и форм эксплуатации. Галицкий батрак боролся против произвола помещика-крепостника, относившегося к своему работнику хуже, чем к скоту. Сельскохозяйственный пролетариат был наиболее радикальной частью галицкого села и наиболее активно выступал против помещичьего класса.

Борьба за революционное уничтожение полуфеодальной земельной собственности шляхты даже в начале XX в. наиболее слабо отражена в документах эпохи, что в значительной мере объясняется, во-первых, малочисленностью прослойки среднего крестьянства, больше всего заинтересованного в укреплении мелкотоварного производства в земледелии, во-вторых, реакционной политикой буржуазно-помещичьих и клерикальных партий, воспитывавших массы в духе неприкосновенности частной земельной собственности. Но тем не менее галицкие крестьяне не только требовали раздела помещичьих земель и передачи их в собственность трудовому народу, но и боролись за это. Однако дальше этого они в начале XX в. не пошли; крестьяне не требовали в то время национализации всей земли, так как слишком сильной была привязанность к своему клочку, что объясняется многими обстоятельствами.

Наконец, следует подчеркнуть, что удовлетворение хотя бы одной из указанных групп экономических требований крестьянства было невозможным при сохранении монопольного господства помещиков-крепостников в экономике и политике, без ликвидации их полуфеодального землевладения и средневековых привилегий. Если иметь в виду, что перечисленные группы экономических требований часто переплетались между собой, то становится понятным, почему капиталистические противоречия внутри крестьянства затухевывались, а на первый план классовой борьбы выдвигалась задача уничтожения помещичьего господства.

На рубеже XIX и XX вв., как и во второй половине XIX в., главным противоречием в деревне Галичины оставался антагонизм между всем крестьянством и классом помещиков-крепостников. На ликвидацию этого антагонизма и были направлены экономические требования крестьянства, удовлетворение которых привело бы в

⁵⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 7.

⁵⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 254.

соответствие производительные силы и производственные отношения в сельском хозяйстве, что способствовало бы быстрейшему развитию капитализма. В Галичине необходимо было революционным путем провести до конца буржуазно-демократические преобразования. Крестьянство составляло величайший резерв революции, но в силу ряда обстоятельств объективного характера этот резерв не мог быть полностью использован, а потому многие важнейшие экономические проблемы оставались нерешенными еще целые десятилетия. При капитализме не была разрешена ни одна проблема, выдвинутая в экономических требованиях галицкого крестьянства. Только благодаря социализму, уничтожившему все формы эксплуатации, галицкое крестьянство обеспечило свое экономическое благосостояние.

И. Р. Грейтъянис

ФОРМЫ ПРОТЕСТА И БОРЬБЫ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРОТИВ ОСТАТКОВ КРЕПОСТНИЧЕСТВА В ЛАТВИИ В 80-Х ГОДАХ XIX В.

В последние годы историки Советской Латвии активно работают над вопросами развития капитализма в сельском хозяйстве во второй половине XIX в. Это понятно, ибо вопрос о социально-экономических отношениях и положении крестьян в латвийской деревне во второй половине XIX в. имеет большое значение не только для изучения причин крестьянского движения в этот период, но и для выяснения предпосылок широкого революционного движения в деревне в период первой русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. и впоследствии, в период борьбы за социалистическую революцию. Особенно плодотворно в этом направлении работают М. И. Козин¹ и А. Ю. Миеринь².

Гораздо меньше сделано в изучении конкретных вопросов крестьянского движения этого периода. Буржуазные историки вообще старались замолчать случаи классовой борьбы крестьян против пережитков феодализма или подменяли ее борьбой буржуазии за свои привилегии, выдавая при этом интересы буржуазии за интересы всего народа. Марксистскую оценку крестьянскому движению дали уже первые революционеры-марксисты³, но им недоступны были архивные материалы, необходимые для доказательств их теоретически правильных положений. Верную в целом картину крестьянской борьбы в Латвии рисуют советские историки⁴, но 80-м годам XIX в. в нашей литературе уделяется пока еще весьма мало внимания.

В настоящем сообщении главное внимание уделено вопросам о формах крестьянской борьбы, о движении безземельных против пережитков феодализма и вообще о характере крестьянского движения в Латвии в данный период. В работе использовались главным образом архивные материалы, так как опубликованных источников по крестьянскому движению этого периода нет⁵.

Во второй половине XIX в. в латвийской деревне продолжал развиваться капиталистический способ производства. Широкое распространение имели уже чисто капиталистические отношения. Однако развитию крестьянского хозяйства на капиталистической основе препятствовали пережитки крепостничества, и прежде всего помещичья собственность на землю, высокие налоги, выкупные платежи и арендные цены, политический и национальный гнет и т. д.

¹ См. М. И. Козин. Капиталистическая эволюция помещичьего хозяйства Лифляндской губернии во второй половине XIX в. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г. М. 1961, стр. 261—274; его же. Разложение крестьянства Видземе и Курземе во второй половине XIX в. — В настоящем сборнике, стр. 39—51.

² См. А. Ю. Миеринь. К вопросу о развитии капитализма в сельском хозяйстве Курляндской губернии во второй половине XIX века. — Против идеализации младолатышского движения. Рига 1960, стр. 179—224; ее же. Par lauku proletariāta veidošanos Kurzemē. — «Latv. PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis», 1958, Nr. 8, 17.—26. lpp.; см. также ее диссертацию «Agrārās attiecības un zemnieku stāvoklis Kurzemē XIX gs. 60.—80. gados» (Rīgā 1960).

³ F. Roziņš. Latviešu zemnieks. Bernē 1904; K. Landers. Latvijas vēsture, III d. Pēterburgā 1909.

⁴ См. История Латвийской ССР, т. II. Рига 1954; Т. Draudiņš. Latvijas bezzemnieki cīņā par zemi un padomju varu 1917. gadā. Rīgā 1957; М. Kozins. Zemnieku kustība Latvijā XIX gs. 60. gados. Rīgā 1958; J. Krastiņš. 1905. gada revolūcija Latvijā. Rīgā 1955; М. Stepermanis. Zemnieku nemieri Vidzemē 1750.—1784. Rīgā 1956; J. Zutis. Latvija klaušu saimniecības sairšanas periodā un Kauguru nemieri 1802. gadā. Rīgā 1953.

⁵ Если не считать нескольких документов, опубликованных в сборнике «Крестьянское движение в России в 80-х годах XIX в.» (М. 1960).

Аграрная политика правительства в отношении латвийской деревни определялась стремлением немецких баронов сохранить свою собственность на землю и расширять размеры мызных земель за счет крестьянских. Это означало развитие капитализма в сельском хозяйстве Латвии по так наз. прусскому пути⁶, выгодному только для помещиков. Упомянутая тенденция продолжала осуществляться и в 80-х годах, влияя на ход приобретения усадеб, условия аренды земли и положение арендаторов и на дальнейшее разложение крестьянства.

Такая политика мешала общему развитию производительных сил и в целом ухудшала положение всех социальных групп сельского населения, принадлежащих к крестьянскому сословию. Поэтому она привела в конце XIX — начале XX в. к острой классовой борьбе между крестьянами, с одной стороны, и помещиками, с другой. Одновременно развитие капитализма породило глубокий классовый антагонизм между сельским пролетариатом и сельской буржуазией, сложившимися в рамках крестьянского сословия. Экономическая основа этого антагонизма показана в публикуемом в настоящем сборнике докладе М. И. Козина.

К Латвии 80-х годов XIX в. прямо можно отнести слова В. И. Ленина: «Аграрный вопрос в России к концу XIX века поставил на разрешение общественным классам задачу: покончить с крепостнической стариной и очистить землевладение, очистить всю дорогу для капитализма, для роста производительных сил, для свободной и открытой борьбы классов. И эта же борьба классов определит, каким образом будет решена эта задача»⁷.

Именно сохранение «крепостнической старины», о которой говорит В. И. Ленин, было фактором, наложившим определенную печать как на характер крестьянского движения, так и на формы его проявления. «Крепостническая старина» препятствовала развитию крестьянского хозяйства и ухудшала положение безземельных, поэтому против нее выступало все крестьянское сельское население. Эта социальная война отодвинула на второй план уже давно наметившуюся борьбу между сельским пролетариатом и сельской буржуазией.

Формы протеста и борьбы крестьян против пережитков крепостничества были обусловлены социально-экономическими и политическими отношениями, сложившимися к 80-м годам.

В этот период, в условиях политической реакции, в Латвии, как и в других частях России, не было вооруженных восстаний крестьян, широкого движения, которое охватило бы большие массы населения. Специфическими для Латвии явлениями были большое число поджогов и актов индивидуального террора, массовый переход крестьян из лютеранства в православие и значительное количество прошений и жалоб, поданных в правительственные учреждения. Во всех этих формах протеста и борьбы ясно выражалось недовольство крестьян существующим аграрным строем, их желание улучшить свое материальное и правовое положение.

Среди крестьянских прошений и жалоб (эти формы выражения протеста стоят в крестьянском движении 80-х годов на первом месте) важное место занимают коллективные, составленные на собраниях крестьян или возникшие в процессе борьбы в разных формах. Крестьяне просили улучшить их положение, в частности наделить безземельных участками из состава государственных земель в собственность или сдавать им такие участки в аренду, жаловались на помещиков и царских чиновников. В этих прошениях особенно ярко проявляется наивная вера крестьян в царя. В борьбе против пережитков крепостничества латышские крестьяне искали поддержки у царского самодержавия, представлявшего собой главный из остатков феодализма. Нечего и говорить, что эти прошения оставались, как правило, гласом вопиющего в пустыне.

Одновременно в деревне было широко распространено сопротивление крестьян произволу со стороны мызных управлений, властей и полиции. Так, крестьяне не принимали отказов удовлетворить их жалобы, отказывались от уплаты арендных платежей, сопротивлялись секвестру и принудительным аукционам, самовольно возвращались в усадьбы после выселения, умышленно нарушали законы об охоте и рыболовстве, самовольно скашивали помещичьи луга, отказывались давать сведения для статистического учета, освобождали арестованных крестьян, не подчинялись распоряжениям полиции, нападали на полицейских чиновников и т. д.

Число случаев «сопротивления правительственным распоряжениям», «неповиновения властям» и других подобных «преступлений» в 80-х годах непрерывно росло. Значительная часть осужденных судом по этим делам (в Курляндской губернии — 371 человек, или 70,3%, в Лифляндской — 1008 человек, или 48,6%) принадлежала к крестьянскому сословию. Эти открытые формы протеста и борьбы указывали на готовность масс сельского населения (в первую очередь безземельных) вступить в активную борьбу против помещиков. Однако такому развитию событий мешала вера крестьян в царя, которая ослабляла силу их активного сопротивления и придавала всему их движению исторически ограниченный характер.

Массовым явлением было сопротивление конфискациям имущества (секвестру), продажам его с аукциона и выселению за неуплату налогов, арендных взносов и т. д.,

⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 216.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 125.

о чем часто говорят материалы волостных и уездных судов и полиции. Волостной суд часто оказывался бессильным справиться с подобными крестьянскими выступлениями.

В исторических архивах Москвы и Ленинграда нами обнаружены интересные материалы о некоторых не отмеченных до сих пор в латвийской исторической литературе формах крестьянской борьбы — решениях волостных сходов, направленных против властей, выборах безземельными самостоятельного волостного правления и суда и некоторых других.

В целом крестьянское «самоуправление» как по составу его органов, так и по характеру их деятельности не защищало интересы крестьянских масс. Голос протеста в известных случаях мог поднять только сход выборных. Так, сходы выборных нередко выступали против назначения на волостные должности ставленников помещиков или требовали их смещения. Главным образом это делалось в отношении волостных писарей, которые в угоду помещикам и при их активной поддержке фактически оттесняли на второй план волостных старшин и сходы выборных. Так, сход выборных Лиелззерской волости в 1887 г. отстранил от должности писаря Лерха, записав при этом в своем решении, что волость «больше не желала держать этого писаря, так как он больше защищает интересы помещичьи, чем крестьянские, враждебно относится к основанию министерской школы, не знает русского языка и всегда был защитником немецкого языка»⁸. Борьба такого рода происходила во многих волостях (Дундагской, Пучургской, Франк-Сесавской, Яункемпинской и др.).

Известны два случая введения волостным сходом нового порядка уплаты государственных налогов сельским обществом. Они имели место в Шенбергской и Кумбельской волостях Илукстского уезда в 1884 г.⁹ В этих волостях с каждым годом росли недоимки по налогам и волостным платежам. Сократить эти недоимки не помогали никакие, даже самые крайние меры, включая распродажу с аукциона имущества должников вплоть до последнего предмета. Тяжесть этой меры ложилась прежде всего на беднейшее население деревни. Возмущенные крестьяне Шенбергской волости, собравшись на сход выборных, постановили ввести новый порядок раскладки платежей, с тем чтобы вся сумма подушной подати уплачивалась дворохозяевами и лишь волостные сборы должны были бы платить все члены общества. В результате в волости осталось весьма незначительное количество налогоплательщиков, что, естественно, вызвало жалобы хозяев в полицию. Организатором схода выборных был арендатор Юрий Зубович, «агитатор» и «подстрекатель», как его называли помещики и полицейские. Зубович призывал собравшихся впредь платить налоги так, как это должно быть «по правде», по своим возможностям, и его поддерживали все выборные. С Зубовичем советовались выборные соседней Кумбельской волости, принявшие такое же решение.

В одном случае (Ницаская волость, 1882 г.) сход выборных потребовал разделить казенные имения на арендные участки для безземельных, о чем в столицу было направлено прошение¹⁰.

Сход выборных Лиелззерской волости в 1887 г. вынес решение отказаться от уплаты денег в пользу лютеранской церкви¹¹. Решение было принято с целью облегчить крестьянам бремя волостных платежей. Требовали этого главным образом безземельные.

Однако такие случаи в 80-х годах XIX в. не были массовым явлением. Особенно редкими были попытки улучшить положение безземельных. Помещики и сельская буржуазия всеми средствами добивались того, чтобы в состав схода выборных попало больше неспособных, трусливых людей, которых можно было бы подчинить своему влиянию. Безземельным стоило большого труда добиться того, чтобы в состав схода попали также активные, смелые люди, готовые бороться за их интересы. Поэтому безземельным обычно приходилось отстаивать свои интересы самостоятельно, объединяясь отдельно от хозяев.

Один из подобных случаев имел место в Аронско-Свентской волости Илукстского уезда¹². Аронско-Свентское мызное управление вызвало на 21 июня 1883 г. в волостной суд своих арендаторов корчм и мельниц и всех батраков, работавших в имении, чтобы объявить им, что их контракты на аренду и работу теряют силу 23 апреля 1884 г. В назначенный день вызванные явились в суд, где писарь Буллов прочел им это решение. Однако дальнейшие события приняли неожиданный и неприятный для властей оборот. Все присутствовавшие члены волостного суда отказались подписать составленный Булловым протокол. На следующий день в волостное правление явились батраки, человек 30—40, и потребовали выдать им составленный накануне протокол. Толпа вела себя угрожающе. Буллов старался уговорить батраков, но без успеха. На их стороне оказался и волостной старшина Рудевич, считавший, что протокол без подписей не имеет законной силы. Батраки силой завладели бумагами и ушли. Весть об отказе батраков подчиниться решению мызного управления распространилась далеко за пределы волости, и к волостному правлению стали стекаться батраки других имений. По

⁸ ЦГИАЛ, ф. 1344, оп. 13, д. 1736, л. 5.

⁹ Там же, ф. 1291, оп. 38, д. 61, лл. 10—11.

¹⁰ Там же, д. 68, л. 18.

¹¹ Там же, ф. 1344, оп. 13, д. 1735, лл. 6—17.

¹² ЦГИАМ, ф. 677, оп. 1, д. 555, л. 76; ЦГИАЛ, ф. 1345, оп. 163, д. 398, лл. 1—59.

доносу Буллова уездная полиция арестовала волостного старшину Рудевича и наложила взыскание на членов волостного суда. Свентские батраки на следствии вели себя стойко и зачинщиков не выдали; полиции так и не удалось выяснить, кто взял бумаги и кто был инициатором их похищения. Волостной старшина и члены суда также не выдали организаторов выступления.

Особое место в крестьянском движении занимает своеобразная попытка образовать отдельные волостные органы управления для безземельных — солдат, числившихся в отставке и запасе¹³. Отставные солдаты жили в столь же тяжелых условиях, как и остальная масса безземельных, ибо волостное правление и волостной суд защищали главным образом интересы нарождающейся сельской буржуазии. Возвращаясь с тяжелой службы, бывшие солдаты надеялись на некоторое внимание и поддержку, но дома их ожидало все то же бесправие, угнетение, корыстные махинации волостного правления и т. д. Оказавшись в тяжелом положении, бывшие солдаты из имений Сеце, Яунмуйжа, Виганте и других имений Яунелгавского уезда в числе 48 человек в 1877 г. решили образовать особое самоуправление, составили об этом акт и избрали себе отдельные волостные органы — сход выборных, волостное правление и волостной суд («Талсиньской волости»). Они поручили своим уполномоченным (крестьянам Зиле, Решевскому и Ласманису) подать составленный акт и протоколы губернатору и в другие соответствующие учреждения и просили утвердить результаты выборов. Документы эти, конечно, были оставлены без внимания. Не дали результатов и обращение в Сенат.

Таким образом, иногда безземельные выступали в движении самостоятельно. Часто и требования их отличались от общекрестьянских. Однако и для безземельных главным оставалось требование земли. Стремление получить землю красной нитью проходит через огромное большинство таких документов, как прошения и жалобы¹⁴. Особенно интересны коллективные прошения, в большом количестве подававшиеся в правительственные учреждения. В 1882 г. безземельные из Калнамуйжской волости Талсинского уезда (59 человек) просили предоставления им земельных участков в аренду и льгот по налогам¹⁵; такие же прошения они писали неоднократно вплоть до 1887 г. Много подобных прошений поступало в 1884—1885 гг. после правительственного указа о праве на аренду свободных государственных земель без общественного залога. В Прибалтике таких земель не было, но местные безземельные толковали указ как признание возможности арендовать земельные участки казенных имений. В волостях происходили многочисленные и шумные собрания безземельных, на которых обсуждалось их положение и возможности получения земли в аренду. Составлялись коллективные заявления с большим числом подписей (в Арлавской волости — 118 подписей, в Борнсмидской — 116, в Валдгальской — более 100, в Пастендской — 52 и т. д.). Эти заявления содержали лишь просьбу дать в аренду государственные земли. Однако не исключено, что на собраниях были высказаны и более радикальные предложения, как это было, например, в Эстонии. Подтверждением такого предположения служит и тот факт, что в начале кампании подачи заявлений волостные правления относились к этому делу благосклонно и даже помогали составлять заявления, но вскоре их отношение изменилось: когда начались репрессии со стороны уездных учреждений, направленные против созыва собраний, составителей заявлений и против уполномоченных из безземельных, в эти гонения включились также волостные правления и дворохозяева¹⁶.

Во всех случаях крестьянского движения в 80-х годах безземельные являлись самой активной силой. Приведем некоторые характерные примеры.

В 1883 г. происходили волнения крестьян в имении Сарканмуйжа Вентспилсского уезда. Причиной их явились нарушения интересов крестьян при межевых работах по разграничению земель казенного имения Сарканмуйжа и местных помещиков. Батраки, участвовавшие в волнениях, не были непосредственно заинтересованы в урегулировании земельных споров между крестьянами и помещиками. Прямо заинтересованные в деле дворохозяева свое недовольство выражали главным образом подачей жалоб, но когда дело дошло до открытого неповиновения полицейским властям, то в первых рядах оказались безземельные. Недовольных хозяев было 26 человек, но активно участвовали в выступлении и были наказаны судом только четверо — Инцен с женой и Целмс с сыном. Инициатором сопротивления властям и нападения на гауптмана Остен-Сакена 19 апреля был Карл Лаше, батрак Инцена, сорвавший с гауптмана форменную фуражку, а также сильно избивший маршкомиссара Альберга. Андрей Григалинник, тоже батрак, работавший на пасторатском хуторе Дампели, бросил в гауптмана палкой и ранил его в голову. Полиция считала Григалиниек главным виновником волнений. Живейшее участие в волнениях приняли и другие безземельные — бобыль

¹³ ЦГИАЛ, ф. 1344, оп. 13, д. 1742, лл. 3—7.

¹⁴ В прошениях, поданных волостными обществами сенатору Манасенну, ревизовавшему в начале 80-х годов прибалтийские губернии, требования безземельных не отразились, так как эти прошения составлялись на собраниях дворохозяев, игнорировавших требования безземельных.

¹⁵ ЦГИА Латв. ССР, ф. 412, оп. 1, д. 17439, лл. 1—26.

¹⁶ Там же, д. 19234, лл. 13, 15, 27; д. 16774, лл. 36—37.

Янис Абелниек, батраки Якоб Дростел, Магоне и др. Очень активно безземельные участвовали в сопротивлении выселению из усадеб. В числе сопротивляющихся были как бывшие арендаторы, так и батраки выселяемых арендаторов, которые с выселением хозяина теряли работу¹⁷.

В 1887 г. происходили волнения в Октеской волости Талсинского уезда, связанные с выселением арендатора Мелленберга. В отсутствие арендатора организатором волнений был его батрак Николай Авотынь, который собрал для противодействия представителям волостного суда около 30 человек. Они вытеснили должностных лиц из поместий, сорвали у волостного старшины его должностной знак и избили судей. Осудить удалось лишь Авотыню, так как все батраки проявили на следствии большую стойкость.

Сотни безземельных участвовали в длительных волнениях в районе Энгурского озера, связанных с отказом помещиков от найма рабочих православного вероисповедания¹⁸. В 1887 г. в выступлении участвовали 300 человек, в 1888 г. — 600, ожидалось участие до 2000 человек.

Итак, безземельные, боровшиеся против новой, капиталистической эксплуатации, были и самыми активными участниками всех выступлений крестьян. Несмотря на острые социальные противоречия среди самих крестьян, они в большинстве случаев выступали единым фронтом. Видимо, этому способствовала наивная вера безземельных в то, что их положение стало бы лучше, если бы была уничтожена зависимость дворохозяев от помещиков.

Но и в совместной борьбе поведение и тактика дворохозяев и сельского пролетариата были различны. Большинство выступлений в 80-х годах было связано с интересами дворохозяев. Иногда они сами были инициаторами выступлений и принимали в них участие (сопротивление выселению в имении Аумейстерис, в деревне Шлопаки в Шенбергской волости, сопротивление статистическому учету имущества и др.), особенно в тех случаях, когда затрагивались их личные интересы. Бывало, что дворохозяева не возражали против требований безземельных, если они не шли вразрез с интересами хозяев (отказ подписать протокол суда в Свентской волости, решение ходатайствовать о разделе земель казенного имения среди безземельных и другие решения сходов выборных). Однако причины такой тактики нельзя искать в желании улучшить положение безземельных — она определялась или боязнью возникновения самостоятельного движения безземельных, которое могло обратиться и против хозяев (Свентская волость), или же общей выгодой (решение уменьшить повинности в пользу церкви и др.). Зато когда дело доходило до решительных действий, дворохозяева оказывались, как правило, на втором плане.

Крестьянское движение 80-х годов в Латвии носило неорганизованный и локальный характер. Революционно настроенные интеллигенты не искали связей с крестьянскими массами, так как надеялись достигнуть своих целей без их помощи. В начале 1882 г. в Риге были найдены прокламации, озаглавленные «Смерть немцам»¹⁹ и «Латыши»²⁰. Первая из них призывала прогнать немцев, под игом которых латышский народ изнывал уже 700 лет. Вторая характеризовала цели социалистического движения, говорила и о крестьянах, указывая, что революционеры хотят отнять землю у помещиков и разделить ее крестьянам, как того требует справедливость. В заключение прокламация призывала народ объединиться в борьбе не только против немецких баронов, но и против всех остальных туенядцев. Однако, хотя лозунг революционеров об уничтожении помещиков и их собственности объективно соответствовал интересам крестьян, без связи с борьбой крестьян он остался только лозунгом и деятельность тогдашних революционеров оказалась безрезультатной.

В деревне, в крестьянской среде, такие прокламации в Латвии найдены не были. Возможно, что подобная агитация там, где действовали революционеры, велась ими устно. Как бы то ни было, материалов, которые доказывали бы влияние революционной агитации на крестьян и крестьянское движение в 80-х годах, обнаружить не удалось. Поэтому нельзя согласиться с распространенным в нашей литературе мнением, что среди крестьян вела агитационную работу группа революционеров, раскрытая в 1882 г. в Цесвайне²¹. Архивные материалы неоспоримо свидетельствуют, что это дело было просто сфабриковано реакционными баронами и полицией²². Захваченная у арестованных книга²³, которая приписывалась «...известному террористу А. Михай-

¹⁷ Точно установить социальное положение участников волнений не всегда возможно, так как источники указывают только на их сословную принадлежность.

¹⁸ См. ЦГИАМ, ф. ДП, 3-е делопр., 1887 г., д. 41, ч. 20, л. 1.

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 684, л. 22.

²⁰ ЦГИАМ, ф. ДП, 3-е делопр., 1882 г., оп. 78, д. 11, ч. 21, лл. 1—3.

²¹ См. воспоминания Я. Кажмера. (J. Kažmers. Māliene 80. gados. — Proletāriska revolūcija Latvijā, I. Maskavā 1924, 707. lpp.), а также История Латвийской ССР, т. II. Рига 1954, стр. 136.

²² См. ЦГИАМ, ф. 677, оп. 1, д. 555, лл. 61—65; ф. ДП, 3-е делопр., 1883 г., оп. 79, д. 315, лл. 1—14; 2-е делопр., 1885 г., оп. 42, д. 92, ч. 1, л. 60.

²³ А. Михайлов в Ассоциации. Черк практического применения принципа кооперации в Германии, в Англии и во Франции. СПб. 1871.

лову»²⁴ (автором ее был демократический писатель Константин Шеллер, писавший под псевдонимом А. Михайлов), вовсе не была революционной, она была издана и распространялась легально, выводы автора были очень умеренными. После разоблачения фальсификации арестованные были освобождены, однако в печати опровержения не появилось.

В результате оторванности от деятельности революционеров крестьянское движение в Латвии в 80-х годах находилось на очень низком уровне политического сознания. Рабочее же движение в Латвии в то время только лишь зарождалось, и пролетариат не мог еще выступать в роли руководителя массового движения в деревне. Поэтому и крестьянское движение не получало должного размаха и не достигало целей. Еще раз подтверждается мысль, высказанная К. Марксом в 1851 г.: «... подтверждено историей всех современных стран, что сельское население никогда не может предпринять успешное самостоятельное движение, в силу своей распыленности на большом пространстве и вследствие трудности добиться согласия среди сколько-нибудь значительной своей части. Крестьянство нуждается в инициативном воздействии со стороны более сплоченного, более просвещенного и более подвижного населения городов»²⁵.

²⁴ A. v. Transehe-Roseneck. Die lettische Revolution, Bd. 2. 2. Aufl. Berlin 1908, S. 46.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 8, стр. 13.

Л. Г. Сухотина

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ И ФОРМАХ КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Характеру и формам крестьянского землепользования в Сибири в конце XIX и начале XX в. посвящен ряд работ дореволюционных исследователей — А. А. Кауфмана, П. А. Голубева, С. П. Швецова, С. Л. Чудновского и др. Работы этих авторов ценны и интересны в связи с тем, что содержат большой фактический материал. Однако в силу своих методологических позиций буржуазные исследователи оказались неспособными научно объяснить причины, обуславливавшие развитие форм сибирского крестьянского землепользования. Кроме того, исходя из отсутствия в Сибири помещичьего землевладения, они фактически отрицали наличие здесь феодальной эксплуатации.

В трудах советских историков данный вопрос еще не стал предметом специального исследования и рассматривается лишь попутно в связи с другими проблемами истории Сибири. Поэтому в ряде работ советских историков роль и влияние крепостнических пережитков преуменьшается¹, а в некоторых недостаточно обоснованно делается вывод о преобладании в Сибири американского пути развития капитализма².

Существовавшие в Сибири в конце XIX и начале XX в. характер и формы крестьянского землепользования были обусловлены, с одной стороны, социально-экономической системой и формой государственной власти в России, с другой — специфическими особенностями Сибири как окраины царской России, заселенной гораздо позднее центра страны.

Сибирские крестьяне были одной из первых и наиболее многочисленных групп русского крестьянства, включенных в сословие «государственных крестьян», юридически оформленное в начале XVIII в. в связи с военными и финансовыми реформами Петра I. Указом 1747 г. часть из них (проживавшая на территории Алтайского округа) была переведена в разряд кабинетских крестьян и вместе с территорией Алтайского округа перешла в собственность царской семьи.

Частновладельческих крестьян во всей Сибири, по ревизии 1858 г., насчитывалось ничтожное количество — всего 3701 душа обоего пола, в том числе 900 человек дворовых³ (приблизительно 0,1% населения Сибири). Таким образом, крестьянское население Сибири состояло в основном из двух больших категорий — государственных и кабинетских крестьян; эти категории соответствовали двум главным видам землевладения в Сибири — собственности казны и собственности императорской семьи.

До реформы 1861 г. государственные крестьяне Сибири, как и в Европейской части России, представляли собой феодально зависимую категорию населения. Они сидели на земле, принадлежавшей самодержавно-помещичьему государству, и платили за пользование ею феодальную ренту. Их положение отличалось от положения государственных крестьян Европейской части страны лишь более высоким экономическим благосостоянием их хозяйств. Отсутствие в Сибири помещичьего землевладения обуславливало лучшую обеспеченность крестьян землей и создавало возможность более свободного хозяйственного развития.

Кабинетские крестьяне, проживавшие на территории Алтайского округа, обязаны были выполнять определенную барщинную повинность на заводах. Юридически каби-

¹ См. М. Ветошкин. Из истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири. Л. 1947.

² А. Храмов. Крестьянство Западной Сибири накануне февраля 1917 г. (По материалам Томской губернии.) Томск 1953 (канд. диссертация); А. К. Захарова. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Западной Сибири. М. 1952 (канд. диссертация).

³ ЦГИАЛ, ф. 1273, оп. 1, д. 357, лл. 413, 414.

нетские крестьяне не считались крепостными, но фактически отличались от них лишь тем, что были прикреплены не к земле, а к заводам — собственности царской семьи.

Крестьянская реформа, отменившая крепостное право в стране, на территории Сибири свелась лишь к ряду преобразований в общественном устройстве и управлении крестьян, сохранив основы феодального землепользования.

Начатая на казенных землях в 1879 г.⁴, а на землях Алтайского округа — в 1862 г.⁵ реформа общественного устройства и управления крестьян Сибири завершилась изданием закона 2 июня 1898 г.⁶, вводившего на территории Сибири институт крестьянских начальников, которые получали почти неограниченную власть над крестьянами. Учреждение в Сибири института крестьянских начальников (последний этап в преобразовании общественного устройства и управления крестьян Сибири), как и введение в 1889 г. института земских начальников в Европейской части страны, было мерой реакционной. Она фактически сводила к нулю объявленное самоуправление крестьян, полностью подчинив их власти чиновников во всех сферах хозяйственной и политической жизни.

Второй этап крестьянской реформы в Сибири — поземельное устройство крестьян, начатое на государственных землях в 1896 г.⁷, а на кабинетских — в 1899 г.⁸, — совершенно не изменил основ крестьянского землепользования. Землеустройство сводилось лишь к определению точных границ крестьянской наделной земли из расчета 25 десятин на наделную мужскую душу и к юридическому закреплению этих границ с помощью земельных планов.

Эта мера диктовалась необходимостью покончить с неурядицами и спорами в крестьянском землепользовании, которые учащались с ростом ценности земли по мере развития капиталистических отношений в условиях почти полного отсутствия земельных планов и четкого определения границ между наделами отдельных обществ. Помимо того, эту меру обусловило также увеличение спроса на переселенческие участки: в конце XIX в. правительство стало переходить от политики ограничения переселений к политике содействия им, пытаясь решить аграрный вопрос в Европейской части России путем заселения окраин.

Проведение землеустройства вызывалось также фискальными интересами казны и Кабинета. Путем ограничения размеров крестьянской наделной земли они стремились увеличить площадь земель, находившихся в непосредственном пользовании казны и Кабинета, с целью образования оброчных статей — предназначенных для сдачи в аренду участков земли, а также охотничьих и рыболовных угодий. Кабинетские крестьяне, освобожденные Положениями 1861 г. от обязательных работ на заводах, законом о землеустройстве 1899 г. передавались вместе с наделной землей казне, причем «вознаграждение», полученное Кабинетом от казны за передаваемые ей земли, должны были возместить казне «освобожденные» крестьяне в форме выкупных платежей за наделную землю, хотя она вовсе не переходила в их собственность⁹. В результате алтайские крестьяне из временнообязанных Кабинета превращались в обязанных казны и сливались с категорией государственных крестьян.

Таким образом, в отличие от Европейской части России, где законом 1886 г. об обязательном выкупе было положено начало ликвидации сословности государственных крестьян, в Сибири сословность этой категории крестьян не была затронута. По-прежнему вся земля, в том числе и наделная, оставалась собственностью самодержавно-помещичьего государства и сохранялась полудушно-оброчная система обложения. Крестьяне, как и раньше, оставались феодально зависимым сословием, пользовавшимся наделной землей только на правах владения при условии уплаты казне оброчной подати.

Таким образом, в Сибири, по сути дела, была сохранена система государственного феодализма.

Развитие товарно-денежных отношений в условиях существования феодального характера земельной собственности обусловило в Сибири во второй половине XIX и начале XX в. многообразие форм крестьянского землепользования. В Томской губернии в разных районах в зависимости от степени их экономического развития, размеров площади удобной земли и густоты населения наблюдались самые различные формы пользования земельными угодьями. Эволюция этих форм происходила в направлении складывания и укрепления поземельной передельной общины, которая начала

⁴ Положение от 21 ноября 1879 г. «О преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири» (II ПСЗ, т. LIV, отд. второе, № 60210).

⁵ Положение от 17 декабря 1862 г. «Об устройстве обществ и общественного управления горнозаводского населения казенных горных заводов..., а также Алтайских и Нерчинских заводов...» (II ПСЗ, т. XXXVII, отд. второе, № 39043).

⁶ III ПСЗ, т. XVIII, отд. первое, № 15503.

⁷ Там же, т. XVI, отд. первое, № 12998.

⁸ Там же, т. XIX, отд. первое, № 16991.

⁹ Алтайским крестьянам пришлось выплачивать выкупные платежи дважды — в первый раз в виде полудушной 6-рублевой подати (которая «возмещала» стоимость работ крестьян на заводах, от которых они освобождались в 1861 г.), второй раз — в виде выкупных платежей за землю.

оформляться в Томской губернии в последней четверти XIX в. (об общине более раннего периода можно говорить лишь как об общности поселения в пределах одной земельной дачи).

Наиболее ранней формой земельного пользования, сохранившейся в Сибири во второй половине XIX в., было заимочно-захватное землепользование. Оно являлось следствием преимущественно вольного заселения Сибири в условиях земельного простора и соответствовало стадии натурального хозяйства.

Сущность заимочно-захватного землепользования заключалась в неограниченном праве каждого крестьянина взять в свое личное пользование такое количество земли, которое соответствовало его хозяйственным возможностям. Владельческие права домохозяина на заимку были почти неограниченными, и, хотя юридически он был лишен права собственности на занимаемую им землю, фактически он мог передавать ее по наследству и даже отчуждать. Следует оговориться, что последнее право на практике не осуществлялось ввиду возможности для каждого крестьянина, если позволяло его хозяйственное положение, обзавестись такой заимкой.

Заимочное право сложилось в Сибири, очевидно, как обычное право и находилось под охраной волостного суда¹⁰, защищавшего интересы зажиточных крестьян, но лишь до тех пор, пока оно не стесняло прав других членов общества на пользование землей, т. е. до того времени, пока увеличивавшаяся в силу ряда причин земельная теснота не создавала в данном сельском обществе известных трудностей в области землепользования и не порождала в этой связи стремления большинства крестьян ликвидировать заимочно-захватное землепользование. Кроме того, заимочное право не только ущемляло земельные интересы остальных членов общины, но и противоречило принципам податных раскладок. Владевшие расположенными вдалеке от села землями заимочники нередко оказывались в привилегированном положении. Они не выполняли натуральных повинностей, что, естественно, вызывало недовольство общинников и способствовало вытеснению этой формы земельного пользования.

Государственные власти до определенного времени не ущемляли владельческих прав заимочников, ибо заимочное землепользование вначале не шло вразрез с интересами казны, а скорее соответствовало им, способствуя колонизации Сибирского края.

Заимочное право, само по себе, было несовместимо с существованием поземельной общины, со всеми присущими ей чертами — уравнительным землепользованием, переделами и т. д. Поэтому в рассматриваемый нами период (конец XIX — начало XX в.) заимочное землепользование сохранилось лишь в тех местах, где община еще не сложилась или еще только находилась в процессе своего зарождения.

На смену заимочно-захватному землепользованию приходит так наз. захватно-вольное пользование землей: каждый крестьянин распахивал участок в любом месте земельной дачи, отведенной селу, но пашня оставалась в его пользовании лишь до тех пор, пока он обрабатывал ее, в противном же случае ее мог захватить другой домохозяин.

В отличие от заимочного, «вольное» землепользование не исключало, а предполагало существование общины. В практике «вольного» пользования проявлялась некоторая регулирующая роль общины, как главного распорядителя земельных угодий внутри сельского общества. Вся земля, находившаяся во владении отдельных общинников, принадлежала обществу, и если сохранялось право прежнего владельца на пустующие земли, то лишь до того времени, пока эта земля не становилась нужной другим членам общества. Заимки еще сохранялись, но каждая была на счету общества, к которому принадлежал основатель заимки, и могла быть отнята или урезана в случае, если бы она понадобилась остальным общинникам.

Зажиточное крестьянство упорно стремилось отстоять заимочное право. Его пережитки сохранились и при существовании «вольного» пользования землей. Они проявлялись в ссылах на захватный принцип как основание на право владения тем или иным земельным участком.

«Захватно-вольное» пользование землей являлось как бы переходной ступенью к появившейся в Сибири позднее форме земельного пользования — душевому пользованию, при котором община уже становилась полновластным хозяином всех угодий, лежащих в пределах ее территории, пашня делилась уже по душам и имели место переделы земли.

В Томской губернии в конце XIX и начале XX в. преобладало «захватно-вольное» пользование землей. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные документы и материалы по исследованию крестьянского хозяйства, изданные Министерством государственных имуществ и управлением Кабинета.

Крестьяне пользовались землей обычно до тех пор, пока продолжали сеять на ней. Земли, оставленные в залежь, сразу же или по истечении определенного срока могли быть захвачены любым общинником. В приговоре крестьян Кийского сельского общества Тюменевской волости Маринского уезда от 15 августа 1898 г., например,

¹⁰ Об этом свидетельствует справка канцелярии Комитета министров (ЦГИАЛ, ф. 1273, оп. 1, д. 357, лл. 1896, 1898).

говорилось: «никакого приговора в раздел земли на участки у нас не было, обрабатывали землю там, где кому было удобно»¹¹.

Такой порядок существовал в 90-х годах и в большинстве волостей Барнаульского уезда¹², в волостях Томского уезда, входивших в состав Алтайского округа, причем в 60 селах этой части Томского уезда (в 10 селах Кайлинской волости, 35 — Тугальской и 15 — Кривошековской) право крестьянина на пользование данным участком сохранялось еще некоторое время после прекращения распашки¹³. У крестьян же некоторых сел Чаусской волости еще живы были воспоминания о том времени, когда пустоши считались наделом того, кто пахал их прежде¹⁴. Очевидно, совсем недалеко были те времена, когда домохозяин сохранял право пользования занятым им участком земли на неограниченный срок, даже если эта земля пускалась в залежь.

Почти во всех селах Бийского уезда в 90-х годах пользование пашней было вольным без каких бы то ни было ограничений в размерах или качестве земли. При этом во многих селах за прежним домохозяином сохранялось право пользования пустошью в течение 3—4 лет или даже всего срока пребывания земли в состоянии залежи¹⁵. Лишь в наиболее населенной Шубенской волости уже во всех селах происходили переделы пашни по душам. Интересно отметить, что порядок, при котором одна община за другой приступали здесь к переделу пашен, находился в полном соответствии с размерами землепользования: чем меньше был земельный надел в данной общине, тем раньше приступала она к переделам пашни (табл. 1)¹⁶.

Т а б л и ц а 1

Периодичность переделов земли в зависимости от размеров земельного обеспечения по некоторым селам Бийского уезда

Названия сел	Удобная земля на душу приписного населения (дес.)	Десятин пашни на переделаемую единицу	Год передела	
			1-го	2-го
Соколова	6,1	12,0	1883	1894
Комарова	6,6	7,3	1885	1894
Фоминская	8,4	8,0	1887	1898
Савинова	10,8	11,0	1887	1898
Шубенка	7,9	11,8	1888	1898
Ново-Чемровка	10,9	16,2	1889	1898
Старо-Чемровка	11,9	15,6	1891	1898
Луговская	13,9	20,8	1892	1898

Таким образом, в сельских обществах, где земельное обеспечение было хуже, переделы начинались раньше. Уравнительно-душевое пользование землей, предполагавшее существование переделной общины, было в Томской губернии в конце XIX в. еще очень редким явлением. Оно только начинало появляться в наиболее развитых экономически и населенных районах (прежде всего, в селах некоторых волостей Алтайского округа).

Правда, переделы сенокосных угодий в сельских обществах Томской губернии были известны еще в середине XIX в. и даже раньше, так как вследствие значительного развития товарного животноводства покосы приобретали здесь особую ценность. Однако отсутствие переделов пахотной земли, наиболее важного в условиях земледелия вида сельскохозяйственных угодий, не дает права говорить о наличии в сельских обществах сложившейся переделной поземельной общины.

Занмочно-захватное землепользование сохранилось в конце XIX в. лишь в северных районах Томской губернии, где земельные просторы велики, а население было очень редким. Так, во всех волостях Нарымского края пользование пахотными угодьями было совершенно свободным и не ограничивалось никакими определенными сроками, а в Кетской волости в начале 90-х годов пашня переходила даже по наследству, т. е. занмочное право сохранялось здесь во всей полноте. В населенных уездах губернии занмочное землепользование оставалось в этот период лишь в местностях с большими площадями удобной земли. Например, в районе восточной части Томского уезда и

¹¹ Государственный архив Томской области, ф. 3, оп. 45, д. 97, л. 216.

¹² Там же, д. 21, лл. 20, 22, 42, 63, 78.

¹³ Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе, т. II, вып. 2 (землевладение и землепользование). Барнаул 1898, стр. 169.

¹⁴ Там же, стр. 167.

¹⁵ Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде, вып. 1. Барнаул 1898, стр. 274—275.

¹⁶ Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде, вып. 2 (Шубенская волость). Барнаул 1899, стр. 28.

северо-западной части Марининского уезда заимочное землевладение сохранилось только в Почитанской волости Марининского уезда, где на мужскую душу приходилось 52 десятины земли¹⁷.

Таким образом, эволюция форм крестьянского землепользования в Томской губернии шла в направлении складывания и укрепления поземельной передельной общины, которая начала оформляться в последней четверти XIX в.

Буржуазные исследователи (А. А. Кауфман, С. Л. Чудновский, П. А. Голубев, С. П. Швецов и др.) объясняли складывание передельной поземельной общины ростом земельной тесноты, обусловленной увеличением населения по мере притока переселенцев. Эти утверждения верны лишь отчасти, так как их авторы отвлекаются от важного явления, которое сопутствовало росту населения в Сибири, а именно — от развития капиталистических отношений.

Бесспорно, быстрый рост населения Сибири в пореформенный период способствовал сокращению свободных земельных площадей. Однако было бы ошибочным считать это главной и единственной причиной, приведшей к определенному земельному утеснению, столь необычному в условиях Сибири. Переселение лишь активизировало те процессы, которые уже происходили в сибирской деревне. Оно усиливало развитие капиталистических отношений и увеличивало растущее имущественное расслоение в среде крестьянства, приводившее к неравномерному распределению земель, что, прежде всего, и имело своим следствием земельное утеснение.

Уже в первой половине XIX в. товарно-денежные отношения достигли в Томской губернии значительного развития. Горные заводы Алтая, прииски, а также Ирбитская ярмарка поглощали значительную часть зерновых и продуктов животноводства, производимых крестьянскими хозяйствами, способствуя росту их товарности.

Во второй половине XIX в. Сибирь, как и Европейская часть России, переживала период становления и развития капиталистических отношений. Особенно интенсивно этот процесс проходил здесь в конце XIX и начале XX в. Реформа 1861 г., освободившая алтайских крестьян от обязательных работ на заводах, рост переселенческого движения, значительно увеличивший количество наемной рабочей силы, и, наконец, строительство Сибирской железной дороги, создавшей широкий рынок для сбыта продукции сибирского крестьянства, способствовали быстрому росту капитализма в сибирской деревне. Элементы новых, капиталистических отношений все сильнее проникали в крестьянские хозяйства, превращая их в хозяйства товарнопроизводящие. Вследствие этого классовое расслоение в Томской губернии в конце XIX — начале XX в. достигло значительных размеров.

Данные, приведенные В. И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России» относительно классового неравенства в Енисейской губернии в конце XIX в.¹⁸, вполне применимы для характеристики общественных отношений в среде крестьянства и Томской губернии. Более того, можно утверждать, что в Томской губернии классовое расслоение в указанный период было даже еще значительнее. Близость Ирбитской ярмарки и относительно тесные экономические связи с Европейской частью России, наличие горных заводов Алтайского округа создавали для крестьян Западной Сибири более широкий рынок сбыта, нежели в Восточной Сибири, а оседание в Томской губернии большей части направлявшихся в Сибирь переселенцев создавало широкое предложение наемной рабочей силы, увеличивая классовое расслоение деревни.

Рост товарности крестьянских хозяйств и связанное с ним углубление классового неравенства среди крестьянства способствовали большим земельным захватам со стороны зажиточных крестьян. В условиях быстрого роста численности населения по мере увеличения притока переселенцев это создавало земельную тесноту, заставляя малосостоятельных крестьян искать новые формы земельного пользования. Эти новые формы малоимущие крестьяне видели в передельной общине с ее уравнильным распределением наделов, поскольку наиболее распространенный в губернии в конце XIX в. «захватно-вольный» способ земельного пользования предоставлял широкие возможности земельных захватов для зажиточных слоев крестьянства.

При захватном принципе пользования большая часть земли оказывалась в руках богатых крестьян, которые были в состоянии обрабатывать большие земельные участки. Нередко богатые крестьяне, пользуясь своим привилегированным положением в сельском обществе, захватывали несколько полей, причем между ними они оставляли свободное пространство и всю площадь, окруженную их пашнями, считали своим наделом, не допуская никого из односельчан к занятию нередко даже не эксплуатировавшихся ими полей. Такие факты в практике сельских обществ имели место весьма часто. Как следует, например, из доклада председателя съезда крестьянских начальников Марининского уезда А. А. Штирена на заседании комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности в январе 1903 г., «более сильные семейства стесняют

¹⁷ А. А. Кауфман. Экономический быт государственных крестьян восточной части Томского округа и северо-западной Марининского округа Томской губернии, т. II. СПб. 1892, стр. 226.

¹⁸ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 96—97.

этим порядком слабые или приселяющиеся позднее, а мир часто не умеет или не желает поправить эту ненормальность»¹⁹.

В деревне Ново-Еловке Бийской волости одноименного уезда в 90-х годах пашни были в вольном пользовании, но среди крестьян уже начали возникать толки о переделах, так как они испытывали большой недостаток в земле, ибо лучшие участки оказались захваченными наиболее богатыми хозяевами²⁰. В деревне Кипешная этой же волости пашня по-прежнему находилась в вольном пользовании, хотя земли было мало (7 десятин на наличную мужскую душу); право пользования залежью здесь сохранялось в течение только одного года, но богатые крестьяне, как правило, пользовались ею неограниченное время, так как, имея достаточно рабочей силы, они ежегодно вспахивали залежную землю, не засевая ее²¹. Подобных примеров можно было бы привести множество.

Естественно, что зажиточное крестьянство, в руках которого сосредоточивались большие по размерам и лучшие по качеству земельные участки, стояло за сохранение захватно-вольного пользования, выступая против введения подушного наделения, вопреки желанию и требованиям средних и малосостоятельных крестьян. Исследователь С. Л. Чудновский, объехавший в 1884—1885 гг. большое число сел Алтайского округа и собравший интересный материал о хозяйстве алтайских крестьян, отмечал, что переделам земли в сельских обществах обычно сопротивлялись богатые крестьяне. Например, многие крестьяне деревни Песчаная Смоленской волости Бийского уезда единодушно утверждали: «Нам житья не будет, пока не переделают землю. Богатые захватили все земли. Они говорят нам: пашите, где хотите — у нас вольно. А явишься ты, везде-то окажется его пашня. Они захватили лучшие пашни, огородили их, лучшие покосы — все ихние»²². Жители села Ново-Чемровка того же уезда рассказывали, что у них уже три года шли толки про передел земли, за который, однако, стоят лишь бедные крестьяне. «Теперь я беден, — говорил один из них, — ничего не пашу, не сею, а оклад с меня требуют. А он богатый и на себя напашет и на работников — а платит столько, сколько и я! Он сильнее меня, — явился и распахал мой залог, а как земля поделена будет по душам, он уже на мой залог не полезет»²³.

Стремление зажиточных групп крестьянства возможно дольше сохранить захватно-вольное пользование задерживало возникновение уравнилительно-душевого пользования. Однако наряду с этим в сибирской деревне происходили и прямо противоположные процессы. Рост переселенческого движения толкал к известному сплочению всего старожильского крестьянства, порождая у него стремление укрепить общину как организацию, препятствующую приселению новоселов.

Как уже сказано, в Сибири переделная община появилась в тот период, когда господствовала еще залежная система земледелия и оно делало лишь первые шаги через двухполье к трехпольному севообороту. Поэтому община тогда еще не была серьезной помехой в деле сельскохозяйственного прогресса. Более того, как и во всяком сложном социально-экономическом явлении, в сибирской общине того времени имели место и положительные элементы — факторы, в известной мере упорядочивавшие и ускорявшие введение и соблюдение новой системы земледелия. Конечно, об этих «прогрессивных» элементах можно говорить лишь до тех пор, пока в хозяйственный оборот вовлекались необрабатываемые части захваченных ранее земель и отрицательные черты общины не проявились еще сколько-нибудь заметно. Однако в условиях быстрого развития капитализма переделная община очень скоро становится тормозом этого развития, так же как и в России в целом. Этому способствовало также то, что и в Сибири, как во всей стране, царизм старался придать общине фискальные и административно-полицейские функции и использовать ее в своих реакционных целях.

Подводя итоги, мы можем сказать, что эволюция крестьянского землепользования в Сибири находилась в непосредственной зависимости от пореформенного развития России, которое сопровождалось усиленной колонизацией Сибири. Русский капитализм втягивал, таким образом, Сибирь в мировое товарное обращение, нивелировал ее местные особенности, создавая рынок для изделий своих фабрик²⁴.

В конце XIX в. землепользование в Сибири складывалось под сильным воздействием товарно-денежных отношений, перераставших в капиталистические через постепенное изживание старых, феодальных форм землепользования.

¹⁹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. 56, Томская губерния. СПб. 1904, стр. 271.

²⁰ Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде, вып. 3 (Бийская волость). Барнаул 1900, стр. 70.

²¹ Там же, стр. 115.

²² С. Л. Чудновский. Алтайская поземельная община. — «Северный вестник», 1888, № 10, стр. 94.

²³ Там же.

²⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 521.

В. В. П р у с с

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ¹ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Развитие капитализма в Южном Зауралье отличалось некоторыми особенностями, связанными с его историческим прошлым и географическим положением. Зауралье представляло собой одну из отдаленных окраин России, расположенную вдалеке от центров экономической жизни страны и не связанную с ними до конца XIX в. железными дорогами. Это обстоятельство затрудняло процесс втягивания Зауралья во всероссийский рынок и во внешнюю торговлю России и обрекало его на экономическую отсталость. Зауралье, как и Сибирь в целом, подобно другим окраинам подвергалось воздействию экономической политики царизма, направленной на задержку их экономического развития, на закрепление за ними роли сырьевого придатка и рынка сбыта товаров промышленного центра страны.

В конце XIX в. Зауралье было чисто аграрным районом. Здесь совершенно отсутствовала крупная промышленность, так что сельское хозяйство дополнялось лишь кустарными промыслами и весьма слабо развитой мелкой промышленностью по переработке продуктов земледелия и животноводства. Но, с другой стороны, почти полное отсутствие дворянского землевладения и связанных с ним пережитков крепостничества создавало благоприятные условия для развития капитализма в зауральской деревне. В Челябинском уезде в 1877 г. в руках частных землевладельцев был только 1% земельной площади, причем дворянам принадлежало лишь 0,7%². В Шадринском уезде в 1887 г. частным землевладельцам принадлежало 0,4% земельной площади³, а в Курганском в 1907 г. — около 2%⁴.

В крепостную эпоху подавляющее большинство населения края составляли государственные крестьяне, которые вели свое хозяйство на казенных землях и несли феодальные повинности в пользу дворянского государства. В. И. Ленин отмечал, что среди «...государственных крестьян меньше царила кабала и быстрее развивалась крестьянская буржуазия»⁵.

После падения крепостного права положение государственных крестьян мало изменилось. Положение 1866 г. о поземельном устройстве государственных крестьян устанавливало, что государство сохраняет право собственности на земли, заселенные государственными крестьянами, но за крестьянами закреплялось право наследственного пользования этими землями, за что они должны были платить в казну оброчную подать. В связи с отменой подушной подати оброчная подать для государственных крестьян Европейской России в 1886 г. была преобразована в выкупные платежи, размер которых на 45% превышал размер оброчной подати. При этом сумма выкупных платежей для каждой губернии и уезда была установлена чисто канцелярским порядком, без всякого соответствия с действительной ценностью земли или с доходностью крестьянского хозяйства. Так, в Шадринском уезде «и прежде податное обложение было для значительной части государственных крестьян непосильным, поэтому новая прибавка имела уже роковое значение». Выкупные платежи по уезду составляли 524 571

¹ Под Южным Зауральем мы понимаем территорию нынешней Курганской области. До Великой Октябрьской социалистической революции на этой территории были расположены Курганский уезд Тобольской губернии, Шадринский уезд Пермской губернии и большая часть Челябинского уезда Оренбургской губернии.

² Статистика землевладения 1905 г., вып. 45, Оренбургская губерния. СПб. 1907, табл. 1, 2.

³ «Сборник Пермского земства», 1903, № 5, стр. 36—37.

⁴ Государственный архив Курганской области (далее — ГАКурО), ф. 166, д. 4, лл. 50—57.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 302.

рубль, а недоимка в 1902 г. достигла колоссальной суммы — 2 291 137 рублей, превысив сумму годовых платежей в четыре раза⁶.

В Курганском уезде, как и во всей Сибири, сохранились те формы податного обложения, которые были установлены еще в крепостную эпоху. Подушная подать продержалась здесь до 1899 г., а оброчная — вплоть до 1917 г. Эти подати взимались с каждой души мужского пола без учета доходности крестьянского хозяйства и были особенно тяжелы для бедноты. Многие крестьяне-бедняки сдавали свои земельные наделы в аренду за одни только причитающиеся с них подати. Кроме государственных податей, составлявших в конце XIX в. 5,5 рубля с души, крестьяне платили волостные и сельские сборы, выполняли различные средневекового типа натуральные повинности, несли волостные и сельские службы. В 1897 г. недоимка по одним только казенным денежным платежам составила в Курганском уезде 1095 тыс. рублей⁷.

Еще в начале XIX в. в Южном Зауралье было много свободных земель, которые постепенно осваивались крестьянами-переселенцами на основе вольного захвата. К концу XIX в. заселение края было в основном завершено, и захватный способ землевладения постепенно был заменен общинно-уравнительным землепользованием. Будучи лишь временным владельцем своего земельного надела, крестьянин не был заинтересован в значительных трудовых и материальных затратах для его улучшения и довольствовался ведением экстенсивного хозяйства. Это отмечали многие корреспонденты Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства. Так, при опросе, предпринятом в 1902 г., один из крестьян Мало-Чаусовской волости писал: «Покося крестьян находятся в плохом состоянии: засоренные, поросшие кустарником, кочкарем по причине частых, ежегодных переделов»⁸.

Периодические переделы приводили к тому, что крестьянские земельные наделы становились все более чересполосными, дробились на отдельные мелкие участки, расположенные на больших расстояниях один от другого и от крестьянского двора. В Шадринском уезде 70% сельских обществ имели земли более чем в 10 участках, а в 94 селениях земля была расположена более чем в 100 отдельных участках; до 60% селений имели самые дальние земли на расстоянии свыше 10 верст и 96% сельских обществ — на расстоянии свыше 5 верст⁹. Усиление чересполосицы вызывало увеличение непроизводительных трудовых затрат на переезды и переходы, затрудняло удобрение полей, делало невозможным правильный севооборот и, в конечном счете, приводило к упадку земледелия.

Кулацкие хозяйства в отношении чересполосицы находились в более благоприятных условиях, чем бедняцкие и середняцкие, так как кулаки, заправляя всеми делами в сельской общине, во время переделов захватывали менее чересполосные участки. Земский агроном Шадринского уезда Ф. Грауздин отмечал, что «наделы более зажиточных, многодушных домохозяев обыкновенно гораздо более сгруппированы вместе, более округлены, чем наделы бедняков, имеющих всего один душевой надел». Учитель Шишкин из Вознесенской волости писал, что «у более зажиточных [земельный надел] находится в 2—3 местах, а у бедных в разбросе — не менее как в 7 местах», а священник с. Кабанского Батуринской волости указывал, что «зажиточные берут в надел обыкновенно близкие земли, бедняки же занимают землю уздаи, которую не могут поэтому сами обрабатывать и должны... сдавать в аренду зажиточным крестьянам за самую ничтожную цену на несколько лет»¹⁰.

Таким образом, общинно-уравнительное землепользование, будучи пережитком крепостничества, в то же время являлось орудием кулацкой кабалы и приводило к усилению дифференциации крестьянства.

Сельское хозяйство Зауралья носило экстенсивный характер и стояло на очень низком уровне. До середины XIX в. здесь преобладала переложная система. Затем на смену перелогу пришло не трехполье, давно уже утвердившееся в центральной России, а весьма примитивная система полеводства с отсутствием правильного севооборота, которую можно определить как «пестрополье». Чиновник Министерства государственных имуществ Н. О. Осипов, проводивший в конце XIX в. обследование сельского хозяйства Курганского уезда, писал: «общественного разделения пашен на 3 поля здесь нет ни в одном селении»¹¹. Удобрение полей во всех трех уездах Южного Зауралья не производилось почти совсем. Крестьяне заботились главным образом о глубокой, своевременной и многократной вспашке. Но даже чиновник Осипов признавал, что «в огромном большинстве случаев это доступно лишь зажиточным хозяевам, имеющим хорошие лошадей», и пояснял, что «на здешней сохе — очень похожей на плуг — нельзя иначе пахать, как на паре сильных лошадей; а если приходится разделять пар..., то надо

⁶ «Сборник Пермского земства», 1904, № 6, стр. 43—44.

⁷ Статистический обзор Тобольской губернии за 1898 г. Тобольск 1900, стр. 16.

⁸ ГАКурО, ф. 267, д. 4, л. 146 об.

⁹ Ф. Грауздин. Чересполосность крестьянских наделов в Шадринском уезде и меры к ее устранению. — «Сборник Пермского земства», 1902, № 5—6, стр. 21—22.

¹⁰ Там же, стр. 26—27.

¹¹ Н. О. Осипов. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии, т. III. СПб. 1898, стр. 55.

запрягать в соху тройку крепких и сытых лошадей. Ясно, что для многих бедняков, имеющих одну-две лошади или даже тройку, но плохо кормленную, хорошая вспашка мало доступна»¹². По данным Осипова, в Курганском уезде безлошадные дворы составляли 11,2%, а однолошадные — 15,1%, так что 26,3% крестьян, по его словам, были «уже не пахари», но если прибавить к ним крестьян, имевших двух рабочих лошадей или даже тройку, но недостаточно сильных, плохо кормленных лошадей, то получится, что добрая половина крестьянских хозяйств была не в состоянии надлежащим образом обработать свои пашни. Нередко крестьяне вынуждены были даже совсем забрасывать уже разделанные пашни, о чем сообщали многие корреспонденты в 1902 г. Так, крестьянин с. Новоазимского Д. Г. Попов писал: «Крестьяне по бедности не могут ее (землю. — В. П.) выработать от кустов очистки. Эта земля была хорошая, давала хлеба и сена. За бедностью крестьяне не могли засеять, и сейчас эта земля лежит»¹³.

Экстенсивная система земледелия приводила к тому, что почва постепенно истощалась, урожайность падала или же становилась в полную зависимость от метеорологических условий. Все чаще повторялись неурожайные годы. Упомянутый Ф. Грауздин отмечал, что Шадринский уезд, который некогда был известен как «житница Пермского края», «стал посещаться все чаще и чаще недородами, а обычные или средние урожаи стали сильно понижаться». За 40 лет, с 1860 г., «недороды в большей или меньшей степени, в том или другом районе уезда, повторялись не менее 25 раз; недороды, например, 1883, 1890—1891, 1892, 1901 годов достигли размеров опустошительных народных бедствий»¹⁴. Такая же картина наблюдалась и в других уездах Южного Зауралья. В Челябинском уезде, например, в 1890 г. сбор всех хлебов за вычетом семенного фонда составил менее двух пудов на душу сельского населения¹⁵, что обрекало крестьянские массы на самый настоящий голод.

Подавляющее большинство крестьянских хозяйств, не имея никаких запасов, было вынуждено в ближайшие после неурожая годы сокращать посевную площадь. Так, в Шадринском уезде после неурожая 1890—1891 гг. посевная площадь сократилась на 25—30%. Неурожай оказывали пагубное влияние и на состояние животноводства, приводя к резкому сокращению поголовья скота. В Шадринском уезде под влиянием неурожая 1890—1891 гг. поголовье скота сократилось почти вдвое, четвертая часть крестьянских дворов стала безлошадной¹⁶.

Наряду с земледелием в экономике Южного Зауралья большое значение имело животноводство. Однако кормовая база животноводства постепенно сужалась, так как пастбища беспрерывно осваивались под пашню. К тому же за пастбищами и покосами не было никакого ухода и они порастали кустарником и кочкарем или заболачивались, а травосеяние и тем более выращивание кормовых корнеплодов не производилось. В этих условиях поголовье скота начало значительно сокращаться. По данным земской статистики, в Шадринском уезде в 1860 г. в среднем на двор лошадей с жеребьями приходилось 6, а в 1902 г. — 3, коров с телятами — соответственно, 4 и 3,4¹⁷.

Все эти данные говорят о том, что экстенсивная система земледелия и животноводства, сложившаяся в Южном Зауралье еще в период земельного простора, по мере заселения края начала себя изживать. С конца XIX в. стали обнаруживаться явные признаки понижения уровня продуктивности сельского хозяйства. Эти признаки были настолько очевидными, что начали осознаваться современниками. В докладе губернской земской управы Чрезвычайному земскому собранию Пермской губернии в 1892 г. отмечалось: «Бедствие, постигшее ныне юго-восточный район Пермской губернии, — не случайное, не неожиданное..., а событие, давно ожидаемое, давно предвиденное... Главная причина заключается в систематическом истощении черноземной почвы этого района, возделываемой без удобрения, в котором нуждается в особенности чернозем сибирского типа». Далее указывалось, что второй причиной упадка земледелия являлась «данная система полевого хозяйства, заключающаяся в односторонней культуре зерновых хлебов», и отмечалось, что для преодоления создавшегося положения необходимым переход к многопольному севообороту с введением культуры трав и корнеплодов¹⁸.

В 1902 г. Шадринская уездная земская управа провела анкетный опрос населения по вопросу о том, улучшается или ухудшается состояние сельского хозяйства уезда за последние 20—30 лет. Из 180 корреспондентов (учителей, священников, волостных писарей, отдельных крестьян) 108, или 60%, отметили ухудшение состояния сельского

¹² Н. О. Осипов. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии, т. III, стр. 54—55.

¹³ ГАКурО, ф. 267, д. 4, л. 108.

¹⁴ Ф. Грауздин. О нуждах крестьянского хозяйства в Шадринском уезде. — «Сборник Пермского земства», 1903, № 1, стр. 1.

¹⁵ Список населенных мест Оренбургской губернии с общими о ней сведениями. Издание Оренбургского статистического комитета, 1892, стр. 144—147.

¹⁶ Эпilog сельскохозяйственных артелей в Зауральских уездах Пермской губернии. — «Сборник Пермского земства», 1904, № 5—6.

¹⁷ Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. — «Сборник Пермского земства», 1903, № 5, стр. 46—47.

¹⁸ Ф. Грауздин. О нуждах крестьянского хозяйства ..., стр. 2—3.

хозяйства и только 30 корреспондентов (16,7%) — улучшение, остальные же дали неопределенный ответ. По мнению большинства корреспондентов, упадок сельского хозяйства выражался в частых неурожаях, в понижении уровня обычных урожаев, в «ничтожной производительности земледельческого производства», отмечался также упадок скотоводства и кустарных промыслов, связанных с сельским хозяйством¹⁹.

Оренбургский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 г. отмечал, что хорошие урожаи «редки и периоды их с каждым годом удлиняются» и что «последние 15 лет характеризуются... общим упадком урожайности»²⁰. Чиновник Переселенческого управления А. А. Кауфман указывал, что «кризис залежно-парового хозяйства в Тобольской губернии в полном разгаре с его необходимыми спутниками: резким общим понижением урожайности и все учащающимися неурожаями». Он подчеркивал, что в связи с недостатком пастбищ и сенокосов «стоит ясная и грозная альтернатива: либо обратиться к искусственному производству кормовых средств, либо идти навстречу уже обозначившемуся местами упадку скотоводства»²¹.

Снижение уровня продуктивности земледелия и животноводства в результате кризиса экстенсивной системы сельского хозяйства особенно резко проявилось в Шадринском уезде, территория которого была раньше освоена переселенцами из Европейской России и в котором раньше стала ощущаться земельная теснота. Это снижение распространилось и на Курганский и северную часть Челябинского уезда, где возможности освоения новых земель становились все более ограниченными. Только в южной части Челябинского уезда, где имелись еще значительные массивы целины, сохранились условия для развития экстенсивного сельского хозяйства.

Крестьянское хозяйство Зауралья во второй половине XIX в. все больше втягивалось в торговлю как на местных рынках, так и на основе включения Зауралья во всероссийский рынок. Центрами торговли были ярмарки — Крестовско-Ивановская близ Шадринска, Курганская и целый ряд сельских ярмарок и торжков, обороты которых быстро росли. Так, например, обороты Крестовско-Ивановской ярмарки с 922 тыс. рублей в 1860 г. увеличились до 8507 тыс. рублей в 1885 г.²²

На основе развития товарно-денежных отношений происходил процесс расслоения зауральского крестьянства. Яркую картину дифференциации крестьянства рисуют материалы, собранные в конце 80-х годов XIX в. Н. О. Осиповым, который детально изучил состояние крестьянского хозяйства в двух волостях Курганского уезда — Падеринской и Елошанской. Падеринская волость была расположена вблизи от Кургана, отличалась значительным развитием кустарных промыслов и высокой степенью товарности крестьянского хозяйства. Здесь расслоение проявлялось особенно отчетливо. Елошанская волость была типичной для большинства волостей Курганского уезда. Она находилась на значительном расстоянии от уездного центра, товарно-денежные отношения были здесь развиты слабее и земледелие являлось почти единственным занятием населения. Но и в этой волости проявлялась та же основная тенденция, хотя расслоение крестьянства было выражено не так резко.

Некоторая обработка статистических данных, собранных Осиповым²³, дает возможность представить картину распределения пахотной земли между крестьянскими хозяйствами. В Падеринской волости 62,7% крестьянских хозяйств имели до 10,5 десятины пашни на двор, но на их долю приходилось только 26,5% всей пашни; с другой стороны, 5,5% хозяйств наиболее зажиточных, имевших каждое свыше 30 десятин пашни, держали в своих руках 23,6% всей пахотной земли. В Елошанской волости до 10,5 десятины пашни имели 35,3% крестьянских хозяйств, которые обрабатывали 12,7% всей пашни; в то же время 11,1% хозяйств, каждое из которых имело свыше 30 десятин пашни, держали в своих руках 28,1% всей пахотной земли. Анализируя эти данные, следует иметь в виду, что В. И. Ленин, говоря о крестьянах Таврической губернии, где, как и в Южном Зауралье, наблюдалось преобладание зерновой системы хозяйства при экстенсивном земледелии, относил хозяйства, имевшие до 10 десятин посева, к малоимущей, бедной группе, которая не может покрыть своих потребностей доходом от земледелия²⁴. При этом следует учесть, что в приведенных данных по Курганскому уезду речь идет не о размерах посева, а о количестве пахотной земли, включающей также землю, остающуюся под паром (около 30%).

Значительные различия в размерах пашни могли иметь место потому, что зажиточные хозяйства обрабатывали не только свою наделную землю, но также землю арендованную и купчую. В хозяйствах Падеринской волости, имевших свыше 30 десятин

¹⁹ «Сборник Пермского земства», 1903, № 1, стр. 3.

²⁰ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, т. 27, Оренбургская губерния. СПб. 1903, стр. 114.

²¹ А. А. Кауфман. Земельный вопрос и переселение. — Сб. «Сибирь и ее современное состояние и нужды». СПб. 1908, стр. 113—114.

²² Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. — «Сборник Пермского земства», 1904, № 6.

²³ Н. О. Осипов. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии, т. I. СПб. 1890, стр. 364, 374, 381, 418, 420.

²⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 48, 49.

пашни, наделенная земля составляла только 36%, в Елошанской волости — 56,4%. Беднейшие хозяйства, имевшие до 6 десятин пашни, сдавали в аренду в Падеринской волости 52,4%, а в Елошанской — 62,4% своей наделенной земли.

Расслоение крестьянства отчетливо проявлялось также в распределении рабочих лошадей. В Падеринской волости безлошадные и однолошадные крестьяне составляли 30,8%, а в Елошанской — 22,5% всех крестьян. Им противостояла группа зажиточных хозяйств, имевших от 5 до 15 лошадей (в Падеринской волости — 14,3%, в Елошанской — 21,8%)²⁵.

Такая же неравномерность наблюдалась и в распределении дойных коров. В Падеринской волости бескоровные и однокоровные хозяйства составляли 47,0%, а в Елошанской — даже 59,7% всех хозяйств. С другой стороны, крестьяне, имевшие 5—12 и более коров, — кулацкая верхушка деревни — составляли в Падеринской волости 11,6%, а в Елошанской — 9,7% всех крестьян²⁶.

Крестьяне-бедняки, которые не могли прожить на доходы от своего хозяйства, нанимались на работу к кулакам, сдавая свои земельные наделы в аренду. Группа чиновников Министерства государственных имуществ, проводившая в конце 80-х — начале 90-х годов XIX в. обследование крестьянского хозяйства Западной Сибири, констатировала широкое применение наемного труда в зажиточных крестьянских хозяйствах южных уездов Тобольской губернии. Что касается условий найма, то отмечалось, что «на юге Тобольской губернии бедный крестьянин не имеет перед собой ничего, кроме наемного земледельческого труда», и потому «бедняку приходится работать за самое жалкое вознаграждение»²⁷. Заработная плата батраков и поденщиков стояла на очень низком уровне и в зависимости от времени года и урожая подвергалась большим колебаниям. Поденщики в зимнее время и весной получали в день от 10 до 20 копеек, а в летнюю страду — от 15 до 70 копеек, в зависимости от урожая. Заработная плата постоянных работников колебалась от 25 до 60 рублей в год. При плохом урожае, когда цены на хлеб повышались, заработная плата резко падала. Широкое распространение получила эксплуатация на основе долговой кабалы.

Таким образом, расслоение крестьянства в Южном Зауралье к концу XIX в.шло уже очень далеко. Это было не простое проявление имущественного неравенства в крестьянской среде, а возникновение классовых различий, образование сельской буржуазии, с одной стороны, и пролетарских и полупролетарских слоев деревни, с другой.

После постройки Сибирской железной дороги Зауралье, как и вся Сибирь, стало неотъемлемой составной частью всероссийского рынка и начало втягиваться в процессы, происходившие на мировом рынке. Быстро рос вывоз сельскохозяйственных продуктов и ввоз промышленных товаров, в том числе сельскохозяйственных машин. Ускоренное развитие товарно-денежных отношений вело к дальнейшему развитию капитализма и связанных с ним противоречий.

Архаические формы торговли в Зауралье разрушались, значение ярмарок падало, так как торговлю забирали в свои руки крупные торговые фирмы, в значительной степени иностранные, которые использовали мелких скупщиков в качестве своих агентов.

Отличительной чертой сибирской торговли был неэквивалентный обмен, так как сельскохозяйственные продукты сбывались сибирским крестьянством по весьма низким ценам, а промышленные товары приобретались крестьянами по очень высоким, вздутым ценам. Громадные прибыли от такой грабительской торговли получали русские купцы, иностранные капиталисты и царская казна.

Когда из-за Уральского хребта хлынули громадные массы хлеба, помещики Европейской России стали опасаться резкого понижения хлебных цен. Царское правительство поспешило ввести так наз. Челябинский тарифный перелом, заключавшийся в том, что хлебные грузы, шедшие на запад от Челябинска, рассматривались как новые, т. е. теряли преимущества, которые были предусмотрены для дальних грузов, и поступали награничный рынок со значительной надбавкой в цене, так как в Европейской России вообще не могли получить сбыта. В результате сибирские крестьяне вынуждены были продавать хлеб по крайне низким ценам, а помещики Европейской России присваивали определенную часть стоимости, созданной трудом сибирских хлеборобов.

Одним из последствий постройки Сибирской железной дороги было исключительно быстрое развитие в Зауралье маслодельной промышленности. Масло шло на экспорт, преимущественно в Англию.

Наряду с частными предпринимателями маслозаводы стали открывать крестьянские кооперативные артели. К 1910 г. в Западной Сибири насчитывалось 1837 таких артелей, объединявших главным образом зажиточную верхушку деревни. В 1907 г. образовался Союз сибирских маслодельных артелей, попавший вскоре в полное подчинение к английской фирме «Лондсдейль», которая получала львиную долю прибыли от реализации масла на лондонском рынке.

Увеличение спроса и повышение цен на сельскохозяйственные продукты после постройки Сибирской железной дороги породили тенденцию к подъему уровня сельского

²⁵ Н. О. Осипов. Экономический быт государственных крестьян..., т. I, стр. 443.

²⁶ Там же.

²⁷ Крестьянское хозяйство и землепользование в Тобольской и Томской губерниях. СПб. 1894, стр. 295.

хозяйства Южного Зауралья, в частности путем применения усовершенствованных сельскохозяйственных орудий. Еще в конце XIX в. применялась тяжелая сибирская соха; с 1903—1904 гг. она заменяется сабаном (пермянкой), а затем и плугом, сначала местного кустарного производства, а потом фабричным. Стали применяться также жатки и молотилки. Но весь этот технический прогресс затронул лишь зажиточные крестьянские хозяйства. Для большинства крестьян усовершенствованные сельскохозяйственные орудия были недоступны, особенно при отсутствии кредита. Один из корреспондентов крестьянин с. Новозаймского Дмитрий Попов писал: «Вокруг нашей окрестности имеются жнитвенные машины малая часть, во всей волости только три машины, которые работают у крестьян. Их работы недостаточно. Крестьяне ходят и просят машин каждой час... Машина работает за десятину три рубля». Отмечая, что машины продаются за наличный расчет, Попов писал: «у крестьян деньги кучею налицо нету, потому и нет развития покупать машины»²⁸. Впоследствии иностранные фирмы, торговавшие сельскохозяйственными машинами, начали предоставлять кредит, но только наиболее зажиточным крестьянам.

У многих крестьян не было средств даже для замены сохи плугом. Священник Преображенский из с. Дубровского указывал, что «стремление заменить соху более прочным и усовершенствованным орудием у крестьянина есть, но для него расход 25—28 руб. на плуг кажется крупным и рассрочка платежа была бы желательна»²⁹. В 1917 г. усовершенствованные сельскохозяйственные орудия имели в Макушинской волости Курганского уезда только 30,8% крестьянских хозяйств, а в Могилевской волости того же уезда — 28,9%. Не имели даже плугов в Макушинской волости 18,9%, в Могилевской — 31,9% хозяйств³⁰.

В связи с развитием маслоделия предпринимались некоторые попытки создания более прочной кормовой базы животноводства путем травосеяния и выращивания кормовых корнеплодов. Но эти меры затронули лишь отдельные кулацкие хозяйства.

Быстрое развитие капиталистических отношений после постройки Сибирской железной дороги приводило к дальнейшему усилению расслоения крестьянства. Об этом ясно говорят материалы земской статистики по Шадринскому уезду за 1900 г.³¹ Если к этим материалам применить ленинский метод обработки статистических данных о развитии капиталистических отношений в крестьянской среде, получим следующую картину: с одной стороны, беднейшие крестьянские хозяйства (50% всех хозяйств) обрабатывали 18,2% посевной площади, имели 22,1% лошадей (в среднем 0,99 лошади на двор), 26,9% дойных коров (в среднем 0,95 коровы на двор); с другой стороны, зажиточные хозяйства (20% всех хозяйств) обрабатывали 49,7% посевной площади, имели 42,8% лошадей (в среднем 4 лошади на двор), 32,5% дойных коров (в среднем 3,5 коровы на двор). Если взять за основу распределение посевных площадей между крестьянскими хозяйствами и сравнить приведенные данные с теми, которые В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» приводит по 21 уезду Европейской России³², то окажется, что Шадринский уезд по степени расслоения крестьянства уступал только Камышинскому уезду Саратовской губернии и Новоузенскому и Николаевскому уездам Самарской губернии, т. е. занимал одно из первых мест по всей России.

Резко увеличилось количество бедняцких хозяйств — безлошадных и однолошадных. В Челябинском уезде в 1913 г. такие хозяйства составляли 47,5% общего числа хозяйств, а в некоторых волостях — еще больше: в Мишкинской — 55,3%, в Воскресенской — 51%, в Кислянской — 40,9% и т. д.³³ В Курганском уезде хозяйства, совершенно не имевшие рабочего скота, в конце XIX в. составляли 11,2%³⁴, а в 1917 г. — 14,5%³⁵ всех хозяйств. В то же время росла и богатела кулацкая верхушка деревни. В Курганском и Челябинском уездах возникло некоторое количество крупных имений капиталистического типа, оснащенных усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями. Эти имения принадлежали купцам и предпринимателям, выдвинувшимся из кулацкой среды. Они возникали как на казенных землях, взятых в аренду, так и на землях, приобретенных в частную собственность. В Курганском уезде в 1907 г. было 24 частных землевладельца, имевших каждый свыше 300 десятин, в том числе 6 земельных собственников владели более чем 1000 десятин каждый³⁶. В последние годы перед революцией предприниматель Ушаков в Падеринской волости брал в аренду из казенных земель 6760 десятин³⁷.

Некоторое представление о развитии крупного землевладения в Челябинском уезде

²⁸ ГАКурО, ф. 267, д. 4, л. 106.

²⁹ Там же.

³⁰ Материалы по истории аграрной революции в России, т. II. М. 1929, стр. 283, 285.

³¹ Материалы по оценке земель Пермской губернии, т. V, вып. 2, Шадринский уезд. Пермь 1905, стр. 390—392.

³² См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 102—105.

³³ Журнал Челябинского уездного земского собрания II сессии 1914 г. Челябинск 1915, стр. 119—122.

³⁴ Н. О. Осипов. Экономический быт государственных крестьян ..., т. III, стр. 54.

³⁵ Материалы по истории аграрной революции в России, т. II, стр. 46.

³⁶ ГАКурО, ф. 166, д. 88, л. 16 и об.; д. 4, лл. 50—57.

³⁷ Там же, ф. 160, д. 15, л. 12 об.

дает протокол совещания представителей 20 волостных земельных комитетов, входивших в район Куртамышского лесничества. 22 марта 1918 г. совещанием было принято решение о конфискации 26 277 десятин у 39 частных землевладельцев, из которых семь земельных собственников; имевших более 1000 десятин каждый, владели 14 145 десятинами. Кроме того, у 18 предпринимателей были отобраны казенные оброчные стагги в количестве 7723 десятин³⁸.

Однако в целом удельный вес крупных имений капиталистического типа в экономике края был невелик. Главную роль по-прежнему играли мелкие крестьянские хозяйства. Они были не в состоянии осуществить подъем земледелия на более высокий агротехнический уровень и продолжали в основном придерживаться все той же экстенсивной системы хозяйствования. Удобрение полей по-прежнему не производилось, все так же не было никакого правильного севооборота. В докладе Челябинской уездной земской управы в 1914 г. отмечалось, что во всем уезде «система хозяйства... характеризуется пестропольем и полной бессистемностью в чередовании хлебов»³⁹.

Правда, в южной части Челябинского уезда, где происходило еще освоение целины, продолжалось экстенсивное развитие сельского хозяйства. Но на большей части территории Южного Зауралья экстенсивная система земледелия и животноводства полностью исчерпала свои возможности. В результате истощения почвы средняя урожайность снижалась. В Курганском уезде сбор яровой пшеницы в среднем за шесть лет, с 1891 по 1896 г., составлял 33,9 пуда с десятины⁴⁰, а с 1909 по 1914 г. — 32,6 пуда⁴¹ (при этом следует учесть, что в 1914 г. был исключительно высокий урожай).

Все чаще повторялись неурожайные годы, приводившие в течение ряда последующих лет к сокращению посевной площади и поголовья скота. После неурожайного 1906 г. посевная площадь под зерновыми в Курганском уезде сократилась на 6,4%, а после страшного неурожая 1910—1911 гг. — на 12,8%. Неурожай 1910—1911 гг. привел также к резкому сокращению поголовья скота. Если в 1910 г. в среднем на крестьянский двор приходилось 9,4 головы всех видов скота, то в 1911 г. — 5,0, а в 1912 г. — 5,8⁴².

Но и высокие урожаи, в связи с резким понижением хлебных цен, превращались для мелких крестьянских хозяйств в стихийное бедствие. В 1914 г., когда урожай был исключительно высоким, Курганский биржевой комитет в докладной записке Министерству торговли и промышленности указывал: «Обнищавшее вследствие неурожайных лет крестьянское население вынуждено спешить с реализацией хлеба... Населению района угрожает бедствие вследствие урожая, базарные цены могут упасть так низко, что полный урожай по коммерческим результатам для производителя не превысит недорода, а крупные барыши останутся в руках скупщиков-капиталистов»⁴³.

Преобладание экстенсивной системы приводило к непрерывному расширению пашни за счет пастбищ и покосов, что постепенно сужало кормовую базу животноводства, и в результате поголовье скота сокращалось. Это подтверждается соответствующими данными по Курганскому уезду (табл. 1)⁴⁴.

Т а б л и ц а 1

Поголовье скота в Курганском уезде с 1897 по 1913 г.

Виды скота	1897 г.	1904 г.	1907 г.	1913 г.
Лошади	117 874	146 267	143 486	127 772
Крупный рогатый скот	189 148	212 931	201 835	158 176
Овцы и козы	199 292	177 592	146 476	92 815
Свиньи	24 998	22 582	21 390	13 796

Данные таблицы 1 свидетельствуют о неуклонном сокращении поголовья крупного рогатого скота, овец, коз и свиней при незначительном увеличении одного лишь поголовья лошадей. Если же определить поголовье скота на 100 душ сельского населения, получатся еще более разительные цифры, свидетельствующие о резком сокращении поголовья по всем видам скота (табл. 2).

Характерно, что, несмотря на то что количество крупного рогатого скота в Курганском уезде сокращалось как относительно, так и абсолютно, наблюдалось увеличение производства масла. В данных условиях это объяснялось ростом товарности кре-

³⁸ ГАКурО, ф. 74, д. 194, л. 44.

³⁹ Журнал Челябинского уездного земского собрания I очередной сессии 1914 г. Челябинск 1915, стр. 159.

⁴⁰ Н. О. О с и п о в. Экономический быт государственных крестьян ..., т. III, прил. 1, стр. 3.

⁴¹ Политико-экономический обзор Курганского округа. Курган 1925, стр. 81—82.

⁴² См. Статистический обзор по Тобольской губернии за 1907 г. и за 1913 г.

⁴³ «Известия Курганского общественного самоуправления», 1914, № 15—16, стр. 233.

⁴⁴ См. Статистический обзор по Тобольской губернии за 1898 г., 1904 г., 1907 г., 1913 г.

Поголовье скота в Курганском уезде на 100 душ сельского населения с 1897 по 1913 г.

Виды скота	1897 г.	1904 г.	1907 г.	1913 г.
Лошади	46,1	52,4	50,6	38,2
Крупный рогатый скот	81,0	76,3	71,3	47,3
Овцы и козы	101,4	61,5	51,7	27,8
Свиньи	8,5	8,1	7,5	4,1

стьянского хозяйства за счет снижения потребления молока в бедняцко-средняцких хозяйствах.

Снижение уровня продуктивности сельского хозяйства приводило к тому, что многие мелкие крестьянские хозяйства не могли осуществлять не только расширенное, но даже простое воспроизводство и разорялись. В докладе Челябинской уездной земской управы в 1914 г. отмечалось, что «участившиеся за последние годы неурожай сильно сказались на благосостоянии населения и стали прямо хроническими. Та земельная площадь, на которой приходится работать крестьянину, не может дать ему нужное количество продуктов для удовлетворения существующих насущных потребностей»⁴⁵.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в., особенно после постройки Сибирской железной дороги, в зауральской деревне быстро развивались капиталистические отношения. По степени классового расслоения крестьянства Южное Зауралье занимало одно из первых мест в масштабе всей России.

Какой из двух основных типов капиталистической эволюции сельского хозяйства, указанных В. И. Лениным, — прусский или американский — имел место в Зауралье, да и во всей Сибири? Говорить о прусском типе, очевидно, не приходится, так как его основная черта состоит в сохранении дворянского землевладения, его господствующего положения в сельском хозяйстве. Однако об американском типе эволюции также говорить нельзя, так как он предполагает «... наиболее быстрое и свободное развитие производительных сил на капиталистической основе при наилучшем, какое только мыслимо вообще в обстановке товарного производства, положении рабочей и крестьянской массы»⁴⁶. Но В. И. Ленин указывал, что возможны «... бесконечно разнообразные сочетания элементов того или иного типа капиталистической эволюции...»⁴⁷. Именно такое своеобразное сочетание черт, присущих двум основным типам капиталистической эволюции, видим мы в Зауралье. Поскольку помещичье землевладение отсутствовало и развитие происходило на основе мелких крестьянских хозяйств, можно говорить о некоторых чертах американского пути развития. Но вместе с тем в Зауралье сохранился и целый ряд пережитков крепостничества, характерных для прусского пути развития: земля, как и при крепостном строе, оставалась собственностью дворянского государства, и крестьяне платили ему феодальную ренту в виде оброчной подати и выполняли различные натуральные повинности средневекового типа. Сохранилась полуфеодалная сельская община, которая тяжелой цепью круговой поруки сковывала крестьян по рукам и ногам и своими уравнилельными переделами тормозила развитие сельского хозяйства. Кроме того, следует помнить, что, будучи составной частью царской России, Зауралье подвергалось воздействию экономической политики царизма, проводившейся в первую очередь в интересах крепостников-помещиков (фискальная политика, Челябинский тарифный перелом и т. д.). Трудящиеся Зауралья, как и всей России, испытывали на себе гнет дворянско-чиновничьей бюрократии и жили в условиях того же полицейского режима. Буржуазные реформы в государственном управлении, проведенные после отмены крепостного права, почти не затронули Зауралье. Сохранилась в основном та система управления и суда, которая существовала во времена крепостничества.

Экстенсивная система сельского хозяйства, сложившаяся еще в период земельного простора, к концу XIX в. на большей части территории Южного Зауралья исчерпала свои возможности. В связи с увеличением спроса и повышением цен на сельскохозяйственные продукты после постройки Сибирской железной дороги, возникла тенденция к повышению агротехнического уровня сельского хозяйства. Однако она затронула лишь немногочисленные крупные имения капиталистического типа и более зажиточные крестьянские хозяйства. Мелкие крестьянские хозяйства, игравшие главную роль в экономике края, переживали состояние застоя и даже упадка, что приводило к снижению средней урожайности, сокращению поголовья скота и все учащавшимся неурожаям, превращавшимся в подлинные народные бедствия.

⁴⁵ Журнал Челябинского уездного земского собрания II сессии 1914 г., стр. 159.

⁴⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 11.

⁴⁷ Там же.

П. А. Шацкий

ПОРЕФОРМЕННАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ И РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА КУБАНИ

Крепостное право в России и продолжавшееся до середины 60-х годов XIX в. завоевание Кавказа задерживали его колонизацию, а следовательно, и экономическое освоение. До самого окончания Кавказской войны территория Кубанской области заселялась почти исключительно в порядке военно-казачьей колонизации. В 1865 г. в составе населения области (455 226 человек) лиц невойскового сословия насчитывалось только 21 641 человек, или 4,7%¹. Чисто феодальные отношения в землевладении и землепользовании казачества, сословная замкнутость и тяготы военной службы ограничивали роль казаков в экономической жизни Кубани.

Земледелием казачье население занималось в весьма ограниченных размерах и примитивных формах. По данным Ставропольского полевого провиантского комиссионерства, за 1838—1839 гг. в Кавказской области и Черномории для войск, расположенных на Кавказской линии, в Черномории, за Кубанью и в укреплениях по берегу Черного моря, предполагалось заготовить только 16,2% потребного количества муки и крупы². В рапорте того же комиссионерства от 7 сентября 1839 г. на имя начальства Кавказской области сообщалось, что фуражики доставили «в Екатеринодар провиант из донских пределов»³. Казаки «весь круг своих действий относительно хлебопашества сосредоточивают в одной цели: только пропитать членов своего семейства... в случае же недостачи хлеб получается в Черномории из Екатеринославской губернии и казачьих войск Донского и Линейного»⁴. Основной причиной слабого развития земледелия в Черномории был недостаток рабочих рук и их дороговизна. Рабочие приходили сюда из разных губерний России в ограниченном количестве, а поэтому они требовали высокой заработной платы — до одного рубля серебром в день⁵.

Подобное состояние земледелия на территории Кубанской области наблюдалось не только в 30—40-х годах, но и позднее, на протяжении 50—60-х годов. Известный исследователь казачьего быта И. Д. Попко в 1858 г. писал: «... хлебопашество Черноморского края... чуждо всякого полеводного порядка и не всегда достаточно для пропитания местного населения. Привоз хлеба из Ставропольской губернии обратился в существенную потребность екатеринодарских рынков и станичных ярмарок. Для продовольствия казаков на линии и в войсковом гарнизоне хлеб закупается за пределами войсковой земли, чаще всего в Воронеже»⁶. Чиновник межевого управления Кубанской области И. Серафинович на основе экономических данных, собранных при проведении таксации, или оценки, земель бывшей Черномории, писал о слабом развитии земледелия на Кубани и в 60-х годах. Причину этого он также видел в недостатке рабочих рук и в высокой оплате труда. Содержание рабочего обходилось в год в 117 рублей, а работницы — в 73 рубля; поденным рабочим платили от 0,75 до 1,5 рубля в день. В связи с этим к найму годовых и срочных рабочих прибегал лишь редкий хозяин⁷.

¹ Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК), ф. 249 (канцелярия наказного атамана Кубанского казачьего войска), оп. 1, д. 2516, лл. 393—395.

² Государственный архив Ставропольского края, ф. 188 (Ставропольское городское полицейское управление), оп. 11, д. 178, л. 10.

³ Там же, оп. 12, д. 117, лл. 53—57.

⁴ Описание Черномории, составленное Якименко и Яриным в 1852 г. — «Кубанский сборник», т. V. Екатеринодар 1899, стр. 21.

⁵ Там же, стр. 19.

⁶ Ив. Д. Попко. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб. 1858, стр. 74.

⁷ И. Серафинович. Обзор производительности бывшей Черномории Кубанской области. — Памятная книжка Кубанской области на 1876 г. Екатеринодар 1876, стр. 35.

Низкому уровню земледелия соответствовал и низкий уровень развития орудий обработки земли. Еще в 1873 г. для обработки земли в Кубанской области применялись исключительно тяжелые старинные орудия — плуг, рало и борона. Для работы таким плугом на залежных и целинных землях требовалось до 5 пар волов. Таким количеством рабочего скота обладали лишь немногие хозяева, а большинству из них приходилось прибегать к помощи соседей, т. е. к спряганию. Все это тормозило расширение посевных площадей. Большая часть казачьих хозяйств, имея по одной паре рабочих волов, могла засеивать озимого и ярового хлеба только по 1,5 десятины на душу. Хозяйства, имевшие целую упряжку плуга, т. е. 4—5 пар волов, могли засеивать около 5 десятин на душу, «но таких, — писал И. Серафинович, — в станицах считалось очень немногих»⁸.

О слабом развитии и низком уровне земледелия на Кубани в 60-х годах свидетельствует также отношение казачьего населения к ежегодным выставкам в Тифлисе, которые устраивались в целях развития промыслов и земледелия. Несмотря на широкое оповещение о предстоящей в августе 1862 г. выставке, из всей области поступили одни-единственные сообщения: «Желающих принять участие в выставке не оказалось»⁹. Только Кавказская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности 1889 г. в Тифлисе официально была названа первой «в смысле ее универсальности для всего края»¹⁰.

Вплоть до 70-х годов XIX в. основным занятием в хозяйстве кубанских казаков было скотоводство и коневодство промыслово-товарного характера. Земельный простор и благоприятные климатические условия создавали для казачьей верхушки широкие возможности разведения тысяч голов лошадей, рогатого скота и десятков тысяч овец. Степное животноводство носило экстенсивный характер, оно велось при минимальных затратах средств и ограниченном количестве рабочих рук. Огромные стада круглый год содержались на подножном корму, редкую зиму гулевой скот приходилось кормить сеном, но и то не более чем на протяжении двух месяцев¹¹. Войска Кавказской армии ремонтировались почти исключительно лошадьми, разводимыми старшей черноморских казаков¹². Рядовое же казачество станиц было стеснено хуторами богатых казаков, не имело достаточных выпасов, а поэтому многие простые казаки совсем не имели скота¹³.

* * *

С отменой крепостного права в России и окончанием в 1864 г. Кавказской войны начинается период бурной колонизации и широкого экономического освоения Северного Кавказа. В. И. Ленин писал, что в «... пореформенную эпоху происходила ... сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно в Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России»¹⁴.

Пореформенное экономическое развитие Северного Кавказа имело свои особенности. Прежде всего, наряду с южными и восточными окраинами Европейской России, Северный Кавказ представлял собой в экономическом смысле колонию центральной России¹⁵.

Более быстрому развитию капитализма в сельском хозяйстве Северного Кавказа способствовало не только наличие огромных земельных просторов и близость морских портов, но и то обстоятельство, что крепостное право здесь фактически отсутствовало. В 1829 г. казачьим офицерам по всему Черноморскому и Кавказскому линейному войску принадлежало всего лишь 920 крепостных, считавшихся дворовыми. По отношению ко всему населению казачьих районов Предкавказья (145 тыс. человек) удельный вес крепостных составлял не более 0,6%¹⁶. Согласно 10-й ревизии (1859 г.), на территории черноморского казачества крепостных-дворовых насчитывалось приблизительно столько же — 1046 душ¹⁷. Следовательно, землевладение крепостников не могло получить здесь

⁸ И. Серафинович. Обзор производительности бывшей Черномории..., стр. 36; его же. О мерах улучшения сельского хозяйства в Кубанской области. — «Кубанские областные ведомости», 1873, № 17, стр. 3.

⁹ ГАКК, ф. 252 (войсковое правление Кубанского войска), оп. 2, д. 479, лл. 1—2, 9, 16, 20, 22, 24.

¹⁰ Описание Кавказской выставки предметов сельского хозяйства и промышленности в г. Тифлисе в 1889 г. Тифлис 1890, стр. 55.

¹¹ И. Серафинович. Обзор производительности бывшей Черномории..., стр. 33.

¹² ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 973, лл. 1—3.

¹³ Ф. А. Щербина. История Кубанского казачьего войска, т. I. Екатеринодар 1910, стр. 264—266.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 520—521.

¹⁵ См. там же, стр. 520.

¹⁶ См. А. В. Фадеев. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М. 1957, стр. 142.

¹⁷ См. В. С. Шамрай. Историческая справка к вопросу об освобождении крепостных в Ставропольской губернии и Черномории. — «Кубанский сборник», т. IX, 1903, док. 39.

развития, а попытки царизма насадить дворянское землевладение после реформы 1861 г. тоже не увенчались успехом. Так, в Кубанской области после окончания Кавказской войны было роздано «за уездную службу» генералам, офицерам и чиновникам 532 тыс. десятин земли, но, по сведениям Кавказского общества сельского хозяйства за 1879 г., в большинстве этих имений не делалось никаких попыток к заведению хозяйства, а к середине 90-х годов из общей площади пожалованных земель было продано 460 тыс. десятин, или 86%¹⁸. Самым распространенным видом земельной собственности на Кубани были казачьи земли, которые к концу 70-х годов составляли 6 162 392 десятины, или 70,5% всей земельной площади области¹⁹.

Характеризуя казачье землевладение, В. И. Ленин в 1907 г. писал: «Казачьи земли сейчас представляют из себя настоящую муниципализацию... На почве этой «муниципализации» развиваются чисто феодальные отношения. Эта, фактически существующая, муниципализация означает сословную и областную замкнутость крестьян, раздробленных различиями в размерах землевладения, в платежах, в условиях средневекового пользования землей за службу и т. д.»²⁰

Конечно, эта сословная и областная замкнутость — принцип неотчуждаемости казачьих земель — существенно задерживала процесс создания буржуазных форм землевладения. До начала 60-х годов XIX в. постоянная оседлость невойскового населения на территории казачьих войск Кавказа не допускалась²¹. Но те экономические и социальные сдвиги, которые произошли в России в результате отмены крепостного права, в значительной степени подорвали сословную замкнутость на этой территории. На окраины России, главным образом в Предкавказье, Новороссию, Заволжье и Южное Приуралье, хлынул огромный поток крестьян центрально-черноземных губерний России и левобережных украинских губерний, обезземеленных реформой 1861 г. Бескрайние степные просторы Предкавказья и большой спрос на рабочие руки являлись мощной притягательной силой для переселенцев. За период с конца 1867 г. по январь 1897 г. численность населения Предкавказья возросла на 172,4%. Ни один район Европейской России, в том числе Новороссия и Заволжье, не имели за этот период столь высоких темпов роста населения. Если же взять только Кубанскую область, то численность ее населения за те же годы возросла с 600 тыс. до 1976,4 тыс. человек, или на 229,4%. На Кубани оседало большинство переселенцев, направлявшихся в Предкавказье; за 30 лет сюда переселилось 946 400 человек²². Это в 36 раз больше числа тех переселенцев, которые прибыли на Кубань за период с 1825 по 1850 г. (26 тыс. человек)²³. По данным переписи 1897 г., среди переселенцев в Кубанской области были представители почти всех губерний и областей России, но главную массу переселенцев составляли прибывшие из Воронежской, Екатеринославской, Курской, Орловской, Полтавской, Харьковской и Черниговской губерний²⁴.

Г. И. Успенский в своем цикле очерков «Письма с дороги» нарисовал яркую картину колонизации Северного Кавказа: «То, что в России надобно изучать по отдельным областям Великороссии, Малороссии, Волыни или Казанской татарщины, — все это можно видеть здесь как бы в образчиках, сгруппированных на незначительных пространствах места, точно в музее»²⁵.

Масса переселившихся крестьян устраивалась на территории Кубанской области на положении инородных. Они не были приписаны к казачьему сословию и жили на войсковой территории либо постоянно в качестве домовладельцев и квартирантов, либо временно в качестве приехавших рабочих. Хотя царское законодательство и в пореформенный период стремилось сохранить сословные привилегии казачества, оно все же вынуждено было в какой-то мере считаться с потребностями объективного экономического развития. Ряд изданных после реформы 1861 г. законодательных актов в области аграрных отношений на землях казачества были не чем иным, как своеобразной «помещичьей «чистой земель» для капитализма»²⁶. Уже 24 июня 1861 г. на имя командующего войсками Кубанской области генерал-адъютанта графа Евдокимова последовал царский рескрипт, в котором указывалось: «Для... развития у казаков торговли и промышленности и для облегчения войску способа к продаже излишних войсковых имуществ и казачьих усадеб, предоставить людям стороннего для войска звания приобретать в собственность: дома, сады, заводы, магазины, лавки и вновь возводить всякие из означенных строений в г. Екатеринодаре, равно в тех станицах, в коих находятся окружные

¹⁸ См. А. В. Фадеев. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России. — «История СССР», 1956, № 6, стр. 48.

¹⁹ Ф. Щербина. Земельная община кубанских казаков. Воронеж 1889, стр. 4.

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 306—307.

²¹ Г. Гаглов. Вопрос об инородных. — «Вестник казачьих войск», 1903, № 11.

²² В. К. Яцунский. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724—1916 гг. — «История СССР», 1957, № 1, стр. 210—213.

²³ А. В. Фадеев. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России, стр. 45.

²⁴ См. Л. В. Македонов. Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. Екатеринодар 1906, стр. 577—578.

²⁵ Г. И. Успенский. Собрание сочинений, т. 7. М. 1957, стр. 327.

²⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 250.

управления...»²⁷. Положение 10 мая 1862 г. о заселении предгорий Западного Кавказа разрешало производить продажу усадебных участков, оставшихся после переселения казаков за Кубань, не только лицам казачьего сословия, но и всем желающим. Лица неказачьего сословия, купившие у казаков усадьбы или свободные участки земли, приобретали право оседлости при уплате ежегодной посаженной платы. Кроме того, разрешалась продажа в частную собственность и отдача в оброчное содержание излишних войсковых и станичных земель лицам всех сословий²⁸. Необходимость экономического освоения огромных казачьих территорий настоятельно требовала расширения прав и возможностей для иногородних переселенцев в области развития сельского хозяйства и промышленности. Царское правительство вынуждено было принять закон от 29 апреля 1868 г. о «дозволении русским подданным невойскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск», «не испрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества»²⁹. Главное управление иррегулярных войск 16 сентября 1868 г. в своем разъяснении окружному штабу Кавказского военного округа сообщало: «...постановление 29 апреля 1868 г. издано в отмену коренного закона, воспрещавшего лицам неказачьего сословия селиться и приобретать какую-либо собственность в землях казачьих войск»³⁰. Таким образом, безраздельному господству сословной замкнутости феодального казачьего землевладения в силу объективного экономического развития пореформенной России приходил конец. Проникновение капитализма в сельское хозяйство подрывало эту сословность и вело к созданию буржуазных форм землевладения и землепользования.

Поток иногороднего населения в Кубанскую область нарастал с неудержимой силой. Официальные данные статистического

обзора о положении казачьих войск (табл. 1)³¹ показывают, как быстро изменялось на территории области соотношение войскового и невойскового населения.

Т а б л и ц а 1
Население Кубанской области в 1878—1903 гг.

Годы	Казачье население		Иногородние	
	чел.	%	чел.	%
1878	516 642	82,1	112 000	17,9
1883	558 124	64,3	310 603	35,7
1888	622 738	46,8	727 307	53,2
1893	702 432	42,6	944 266	57,4
1898	823 411	43,6	1 059 172	56,4
1903	964 820	44,6	1 200 673	55,4

Если в 1878 г. иногороднее население Кубани насчитывало 112 000 душ обоего пола и составляло 17,9%, то через 25 лет — в 1903 г. иногородних было уже 1 200 673 человека и они составляли большую половину населения области (55,4%). Из всех территорий казачьих войск Российской империи в Терской и Кубанской областях динамика роста численности невойскового населения в пореформенный период была самой высокой³².

В начале XX в. в записке на имя царя главноначальствующий гражданской частью на Кавказе отмечал, что до 1900 г. «переселение почти миллиона русских крестьян на Северный Кавказ продолжалось в течение нескольких десятков лет, вне всякого руководства правительственной власти, не возбуждая особого внимания»³³. В связи с этим громадная масса трудового народа, выброшенная нуждой из родных мест, не имела на Кубани никакого права на землю. Главноначальствующий писал по этому поводу: «Кубанская область является из всей Российской империи единственной, где большая половина населения, и населения притом по роду жизни и занятий земледельческого, оказывается безземельной»³⁴. В 1897 г. 40% семей иногородних области не имело собственного жилья. В Ейском отделе бездомные иногородние составляли 56,8%³⁵.

Используя сословные противоречия, царизм и верхи казачества разжигали рознь и вражду между казаками и иногородними. А между тем именно эта бесправная масса пришлого населения сыграла в экономическом освоении природных богатств Кубани первостепенную роль. К началу XX в. в сельском хозяйстве было уже занято около

²⁷ ГАКК, ф. 252, оп. 2, д. 1313, лл. 34—38.

²⁸ Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России (II ПСЗ, т. XXXVII, отд. первое, № 38256, гл. X, § 106—109).

²⁹ II ПСЗ, т. XLIII, отд. первое, № 45785, § 1.

³⁰ ГАКК, ф. 252, оп. 2, д. 2108, лл. 45—47.

³¹ Статистический обзор современного положения казачьих войск. СПб. 1903, стр. 21—27; Б. М. Городецкий. Развитие крестьянского землевладения на Северном Кавказе в связи с деятельностью Крестьянского поземельного банка. — «Кубанский сборник», т. XVIII, 1913, стр. 454.

³² См. Статистический обзор современного положения казачьих войск, стр. 19—20.

³³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 11, д. 40, лл. 24—25.

³⁴ Там же.

³⁵ Л. В. Македонов. Население Кубанской области ..., стр. 549, 558.

80% иногородних области³⁶. Часть из них скупала участки земли, пожалованные дворянству за службу на Кавказе, и участки частных казачьих земель, подавляющее же большинство иногородних Кубани выступало в роли батраков или же арендаторов мелких участков на казачьих землях.

Огромную роль в экономическом освоении Северного Кавказа сыграло железнодорожное строительство и близость морских портов. В 1875 г. была сдана в эксплуатацию Ростово-Владикавказская железная дорога, которая прошла по северо-восточной степной части Кубанской области. В 1888 г. закончилось сооружение Новороссийской ветви, прорезавшей плодородные кубанские степи с юго-запада на северо-восток и соединившей станцию Владикавказской дороги Тихорецкую с первоклассным морским портом. Новороссийску суждено было сыграть большую роль в экономической жизни Кубани, и не случайно его стали называть «морскими воротами Северного Кавказа». В конце XIX и в начале XX в. на территории Кубанской области появился еще ряд железнодорожных линий (в 1897 г. было закончено строительство линии от станции Кавказская до Ставрополя, а в 1901 г. — линии Кавказская — Екатеринодар). В 1899 г. в одной из корреспонденций в газете «Северный Кавказ» указывалось, что железные дороги Кубани явились теми гигантскими насосами, которые вместе с хлебом и другими земледельческими продуктами выкачивали последние остатки натурального хозяйства. По утверждению современника, агронома П. Н. Котова, до постройки Владикавказской железной дороги развитие сельского хозяйства Кубанской области шло чрезвычайно медленно. Главной причиной этого он считал недостаток рабочих рук на месте (пришлых рабочих вследствие отсутствия удобных путей сообщения в то время было очень мало). Бывали случаи, когда посевы гибли необработанными³⁷.

* * *

Высокие темпы колонизации, строительство железных дорог и близость морских портов определили те перемены в аграрном строе Кубани и огромные сдвиги в экономическом развитии области, которые произошли в пореформенный период. Рост спроса на землю со стороны иногородних привел к новому порядку сдачи свободных войсковых земель в оброчное содержание. Если до середины 70-х годов в роли арендаторов выступали крупные овцеводы, арендовавшие большие участки, то с 1875 г. возникает спрос на войсковые земли небольшими участками для земледелия. Это повлекло за собой быстрый рост арендных цен: за 6—7 лет (с 1875 по 1883 г.) арендная плата за десятину земли возросла с 20 коп. до 1 рубля и более³⁸. В марте 1884 г. главноначальствующий гражданской частью на Кавказе отмечал, что при сложившейся системе эксплуатации запасных войсковых земель лица, бравшие эти земли в арендное содержание, стремились обыкновенно заселить их выходцами из малоземельных губерний России, так что пришельцы «во множестве» проживали «на всех запасных землях Кубанского войска в виде подарендаторов оптовых съемщиков этих земель»³⁹. Эти пришельцы арендовали землю под распаху мелкими участками у оптовых арендаторов за плату, в несколько раз превышавшую сумму, которую уплачивали сами эти арендаторы.

Близость железной дороги на Новороссийск способствовала усилению роли земледелия, расширению запашки и значительному росту ценности земли как при аренде, так и при покупке. Если во второй половине 70-х годов офицерские наделы продавались по 10—15 рублей за десятину, то во второй половине 80-х годов — по 40—60 и даже 100 рублей за десятину⁴⁰. При проведении в конце 1892 — начале 1893 г. ревизии станичных и хуторских правлений Темрюкского отдела Кубанской области областное правление на вопрос «Какое влияние оказывают иногородцы на коренное население, чем они преимущественно занимаются?» отвечало следующее: «Пришлое население (иногородцы) занимается ремеслом, но большинство из них — хлебопашеством, арендуя землю у казаков и помещиков. Увеличение числа пришлых людей оказывает влияние на возвышение арендных цен на землю. Десять лет тому назад арендная цена была на десятину 1 рубль, а теперь дошла до 7 руб. и даже до 10 рублей»⁴¹.

Приток иногородних и рост спроса на арендные земли привели к новому порядку землепользования и в казачьих станицах. На основании «Положения 13 мая 1870 г. об общественном управлении в казачьих войсках» казаки по распоряжению начальника Кубанской области с конца 70-х годов приступили к разделу станичных земель на душевые пай. Срок передела устанавливался произвольно — от 5 до 10 лет⁴². Этот порядок давал малоимущему казачеству возможность сдавать свои пай в долгосрочную аренду иногородним. Подобная практика нашла весьма широкое распространение, так что в 1882 г. главноначальствующий гражданской частью на Кавказе князь А. М. Дондуков-

³⁶ Л. В. Македонов. Население Кубанской области..., стр. 579.

³⁷ П. Н. Котов. Описание кубанского имения «Хуторок» барона В. Р. Штейнгель. М. 1900, стр. 17—18.

³⁸ ЦГИАЛ, ф. 932, оп. 1, д. 299, лл. 45, 50, 73—76.

³⁹ ГАКК, ф. 318, оп. 2, д. 1563, лл. 3—7.

⁴⁰ Газ. «Северный Кавказ», 1887, № 62, стр. 3.

⁴¹ ГАКК, ф. 460, оп. 1, д. 188, лл. 167, 171.

⁴² Там же, ф. 318, оп. 2, д. 1588, лл. 19—20.

Корсаков с тревогой сообщал в Военное министерство: «Уже теперь многие казачьи наделы фактически находятся в руках лиц невойскового сословия»⁴³. Кавказское начальство было обеспокоено тем, что обнищание рядового казачества лишило его возможности «исправного снаряжения при выходе на военную службу»⁴⁴. В целях прекращения дальнейшего обезземеливания казаков 2 июля 1888 г. по кавказским казачьим войскам был издан приказ, по которому станичным обществам Кубанского и Терского казачьих войск воспрещалось делить свои станичные наделы на долгосрочные пайи⁴⁵.

Апологеты казачьей самобытности и сословной замкнутости стремились объяснить все беды, которые переживали рядовые казаки, беспрепятственным наплывом иногородних. Отсюда появляется тенденция к прекращению потока переселенцев на Кубань и Терек уже в начале 80-х годов. Выразителем и проводником такой тенденции явился и упомянутый уже князь Дондуков-Корсаков, стоявший во главе управления Кавказом с 1882 по 1890 г. По его просьбе 13 мая 1883 г. царское правительство запретило дальнейшее переселение лиц невойскового сословия в казачьи станицы Кубанского и Терского войск без согласия станичных обществ⁴⁶. Но вскоре сам Дондуков-Корсаков вынужден был признать, что эта мера не привела к желаемым результатам «вследствие относительной легкости водворения пришлого элемента в станицах под различными видами и главным образом благодаря возможности пользоваться казачьей землей, особенно в тех станицах, где земли распределены казаками на долгосрочные пайи»⁴⁷.

Попытка воспрепятствовать отдаче в арендное содержание иногородним паевых земель вызвала сопротивление со стороны самих же казаков. Когда 16 июля 1889 г. на сходе станицы Таманской Темрюкского стдела был принят приговор о строгом запрещении казакам сдавать свои пайи в аренду иногородним⁴⁸, то жители станицы подали жалобу в Сенат. В жалобе подчеркивалось, «мы и другие многие лица казачьего сословия, не занимающиеся хлебопашеством по преклонным летам... и другим уважительным причинам, лишены права свободного распоряжения своими паями, а с сим вместе и главного источника к жизни, так как казак-земледелец, вполне обеспеченный своим паем из 13,5 дес., не имея себе конкурентов, предлагает нам за десятину под распахку от 50 коп. до 2 руб. 50 коп., т. е. цену в семь раз меньше иногороднего лица»⁴⁹.

Процесс обезземеливания казаков убедительно показывал, что под влиянием проникновения капитализма в кубанские станицы начинался глубокий процесс разложения казачества. И никакие меры царского правительства и кавказского начальства не могли оградить казачье сословие от влияния капитализма. Начальник Кубанской области в своем отчете за 1900 г. признавал, что хлебопашество как главная отрасль сельского хозяйства зародилось в области в 70-х годах, когда в результате размежевания войсковых земель казачьи станицы были наделены определенным земельным наделом — станичным юртом и началось «появление на областной территории иногородних поселенцев»⁵⁰. С тех пор земледелие на Кубани стало быстро развиваться. Уже к 1880 г. на территории Кавказского наместничества, а следовательно, и в Кубанской области, хлебопашество достигло такого уровня, при котором как население края, так и расположенные в нем войска могли обеспечиваться хлебом исключительно местного урожая⁵¹.

Огромную преобразующую роль иногородних в экономической жизни Кубани вынуждено было признать и казачье начальство. В обзоре о состоянии области за 1886 г. указано, что иногороднее население и сельскохозяйственные рабочие, прибывавшие ежегодно из центральных губерний России, являлись главными производителями материальных ценностей. «Земли, доселе пустовавшие, несмотря даже на то, что по ним прошла Владикавказская железная дорога, — благодаря притоку иногородних стали приносить высокий доход, так как распахка в районе дороги почти всюду удвоилась, а местами утроилась»⁵². Отмечая последствия массового наплыва иногородних в Кубанскую область, бывший председатель Екатеринодарского окружного суда А. Стрельбицкий в 1895 г. писал, что труд иногородних, «приложенный к девственной почве области, произвел необычайное явление. На пространстве каких-либо 18 лет земля поднялась в цене с 10 до 100 и более рублей за десятину. Земледелие до того развилось, что Кубанская область сделалась важнейшей частью империи по отношению к заграничному экспорту хлеба»⁵³.

⁴³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 16, д. 78, лл. 1—4.

⁴⁴ ГАКК, ф. 318, оп. 2, д. 1588, лл. 19—20.

⁴⁵ Там же, лл. 56, 57.

⁴⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 16, д. 78, лл. 1—4.

⁴⁷ ГАКК, ф. 318, оп. 2, д. 1588, л. 19.

⁴⁸ Во исполнение приказа от 2 июля 1888 г.

⁴⁹ ГАКК, ф. 418, оп. 1, д. 729, лл. 2—3, 11.

⁵⁰ «Кубанский календарь» на 1902 г. Екатеринодар 1901, стр. 75.

⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 932, оп. 1, д. 288 (Краткий очерк результатов правительственной деятельности по Кавказскому наместничеству в 25-летний период (1855—1880)), лл. 22—23.

⁵² См. Л. М. Мельников. Иногородние в Кубанской области. — «Кубанский сборник», т. VI, 1900, стр. 88.

⁵³ Там же, стр. 97.

Развитие земледелия на Кубани носило капиталистический характер, с широким использованием наемных рабочих и сельскохозяйственных машин. В роли предпринимателей в земледелии выступали представители верхушки казачества и состоятельной части инородных, но, по признанию чиновника Кучаева, который в 80-х годах от имени главноначальствующего производил ревизию Кубанской области, «сами казаки только благодаря примеру инородных и их практическим знаниям сделались хлебопашцами»⁵⁴.

Посевные площади на Кубани увеличивались весьма быстро. По данным управляющего Кубанской областной чертежной М. В. Орлова, в 1872 г. под посевами хлебов в области находилось 798,6 тыс. десятин земли, а через 25 лет — к 1897 г. посевная площадь достигла 3264 тыс. десятин, т. е. увеличилась в четыре раза⁵⁵. Начальник Кубанской области Г. М. Малама, посетивший в 1898 г. Екатеринодарский, Темрюкский, Ейский и Кавказский отделы, отметил в своем приказе, что «коренное казачье и пришлое население все свои силы и средства обратило на обработку земли под посевы хлебных злаков; вся обширная площадь степей распахана настолько, что местами сено вовсе вышло из употребления или стало для многих местностей явлением редким»⁵⁶.

С ростом посевных площадей увеличивался ежегодный поток на Кубань сельскохозяйственных рабочих из центрально-черноземных и левобережных украинских губерний. Если в начале 80-х годов ежегодно прибывало до 60 тыс. рабочих⁵⁷, то к 1893 г. приток рабочих составлял приблизительно от 150 до 300 тыс. человек (в зависимости от урожая)⁵⁸.

В 1871 г., по сведениям отчета начальника области, на Кубани появились первые паровые молотилки, но подавляющее большинство жителей станиц еще не имело никакого понятия об усовершенствованных земледельческих орудиях⁵⁹. Подобная картина наблюдалась до конца 70-х годов. В январе 1880 г. в войсковое хозяйственное правление поступило отношение мирового посредника Свенянского уезда Виленской губернии, который, ссылаясь на то, что летом 1879 г. крестьяне Владимирской губернии с жатвенной машиной работали на уборке пшеницы в Кубанской области и «заработали довольно значительные деньги», просил сообщить, сколько потребуется жатвенных и сенокосильных машин для Кубани в предстоящем году, так как виленские крестьяне пожелали последовать примеру владимирцев⁶⁰. В ответ на этот запрос начальник Кавказского уезда сообщил, что «жители уезда не пожелали, чтобы крестьяне Свенянского уезда прибыли с жатвенными и сенокосильными машинами», — главным образом потому, что они не знают, насколько удовлетворительна работа этих машин и насколько применимы они «в здешней местности»⁶¹. Баталпашинский уездный начальник доносил, что жители станиц «предпочитают убирать хлеб собственными средствами (без машин), несмотря на то, что при хорошем урожае за недостатком рабочих рук хлеб остается необрушенным»⁶². Аналогичное донесение поступило в Кубанское областное правление и от закубанского уездного начальника. Из всего Екатеринодарского уезда только жители станиц Брюховецкой запросили одну жатвенную машину. В Майкопский уезд было затребовано 40 жатвенных и 3 сенокосильные машины⁶³.

Однако по мере развития земледелия происходила замена рабочих волов более быстрыми в работе лошадьми, а это вело к замене старых громоздких орудий обработки земли более совершенными⁶⁴. Прошло немного лет, и картина поразительно изменилась. По сведениям отчета наказного атамана за 1883 г., казачьему населению именно Кавказского уезда принадлежал первый почин в замене тяжелых старых земледельческих орудий новыми усовершенствованными. «В настоящее время, — говорилось в отчете, — в Кавказском уезде едва ли найдется станица, где не оказалось бы одной или более паровых молотилок, принадлежащих казачьему населению или инородным лицам». Недостаток и дороговизна рабочих рук во время уборки хлеба способствовали распространению усовершенствованных земледельческих машин и в других уездах Кубанской области. На станциях Владикавказской железной дороги — Кавказская и Армавир — возникают специальные склады сельскохозяйственных машин, принадлежавшие капиталистическим предпринимателям⁶⁵. Таким образом, проникновение капитализма в сельское хозяйство Кубани, рост потребности внутреннего и внешнего рынков

⁵⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 11, д. 209, лл. 74—75.

⁵⁵ М. В. Орлов. Кубанская область в отношениях экономическом, торговом, промышленном, учебном и т. д. теперь и 25 лет тому назад. — «Кубанский сборник», т. VI, 1900, стр. 257.

⁵⁶ Газ. «Кавказ», 1898, № 286, раздел «Кавказские вести».

⁵⁷ Ф. Шербина. Рабочие на Кубани. — «Дело», 1884, № 4, стр. 6.

⁵⁸ ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 6, д. 414, лл. 5—8.

⁵⁹ ГАКК, ф. 318, оп. 2, д. 1242, лл. 50—52.

⁶⁰ Там же, ф. 449, оп. 2, д. 1695, л. 4.

⁶¹ Там же, л. 24.

⁶² Там же, л. 33.

⁶³ Там же, лл. 15, 11, 12.

⁶⁴ А. С. Анохин. Записка об экономическом положении Кубанской области. Тифлис 1913, стр. 21—22.

⁶⁵ Отчет наказного атамана Кубанского казачьего войска за 1883 г., стр. 1, 5.

в хлебе быстро привели к значительным изменениям в рутинном прежде состоянии техники земледельческого производства.

Характерным для Кубанской области является то, что усовершенствованные земледельческие орудия появились вместе с переселенцами, т. е. инородными. В обзоре области за 1886 г. указывалось, что «благодаря именно инородному населению Кубанская область обогатилась громадным количеством усовершенствованных земледельческих орудий. Первое появление их совпадает с началом семидесятых годов, когда в область стали прибывать многочисленные переселенцы из внутренних губерний России; они-то и явились для коренных жителей новаторами земледельческой культуры»⁶⁶. В начале 80-х годов большая часть сельскохозяйственных машин в области была сосредоточена в руках инородных. Так, в 1881 г. из 112 паровых молотилок инородным принадлежало 84⁶⁷. По сведениям отчета наказного атамана за 1883 г., на 100 душ инородного населения, по неполным данным, приходилось 3,70 машины и орудия, а на 100 душ казачьего населения — 2,54. Далее в отчете сообщалось: «Жатвенных и сенокосильных машин, а равно паровых и конных молотилок у инородных более, чем у казачьего населения»; при этом некоторые из инородных, занимавшиеся земледелием, покупали паровые молотилки и другие машины сообща — несколькими семьями. Часть инородных (преимущественно станичные торговцы), не занимаясь лично земледелием, имела паровые молотилки, жатвенные машины и другие орудия для сдачи местным жителям во временное пользование при уборке урожая за известную плату⁶⁸.

Таким образом, уже в начале 80-х годов приобретение молотилок в Кубанской области начинает носить, как отмечал В. И. Ленин, промышленный характер⁶⁹. В начале 90-х годов на Кубани за обмолот хлеба паровой молотилкой отдавали десятую, одиннадцатую и двенадцатую часть обмолоченного хлеба. В урожайном 1891 г. владельцы паровых молотилок зарабатывали до 3000 рублей⁷⁰. Поскольку двенадцатисильная молотилка стоила 7—8 тыс. рублей, за два урожайных года владелец молотилки почти полностью окупал ее стоимость. Отсутствие систематических данных затрудняет более глубокое исследование этого вопроса, но даже те цифры, которыми мы располагаем, дают достаточное представление о той «гигантской революции», которую, по определению В. И. Ленина, произвел капитализм в земледелии⁷¹. О том, как быстро возрастал привоз земледельческих орудий и машин, красноречиво свидетельствуют данные о движении соответствующих грузов (в пудах) по станциям Владикавказской железной дороги в пределах Кубанской области за 12 лет⁷²:

в 1886 г. — 33 016,	в 1892 г. — 358 890,
в 1887 г. — 147 087,	в 1893 г. — 206 365,
в 1888 г. — 196 087,	в 1894 г. — 304 939,
в 1889 г. — 172 242,	в 1895 г. — 444 807,
в 1890 г. — 173 363,	в 1896 г. — 346 831,
в 1891 г. — 276 744,	в 1897 г. — 233 382.

По ежегодным отчетам и обзорам Кубанской области можно составить картину роста общего числа усовершенствованных земледельческих орудий в области в конце XIX — начале XX в. (табл. 2)⁷³. Характерно, что если в начале 80-х годов большая часть сельскохозяйственных машин принадлежала инородным, то уже в 1886 г. у казачьего населения области машин и орудий было больше, чем у инородных (одно усовершенствованное орудие приходилось на 27 душ казаков, но на 40 душ инородных⁷⁴). В дальнейшем этот разрыв еще более увеличился.

За период с 1886 по 1905 г., т. е. за 19 лет, общее число машин и орудий в Кубанской области возросло более чем в 13 раз, причем число машин и орудий, принадлежавших казакам, возросло в 14, а инородным — в 10 раз. Машины и орудия быстро и прочно вошли в хозяйственный обиход казаков, большинство которых за 5—6 лет до

⁶⁶ Обзор Кубанской области за 1886 г., стр. 5—6.

⁶⁷ Статистические сведения о Кубанском казачьем войске; составил Е. Д. Филин. Екатеринодар 1883, стр. 30.

⁶⁸ Отчет наказного атамана Кубанского казачьего войска за 1883 г., стр. 22.

⁶⁹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 190.

⁷⁰ «Кубанские областные ведомости», 1892, № 44, стр. 3.

⁷¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 191.

⁷² А. С. Собринский. Сведения о движении пассажиров и грузов по станциям линии и ветвей Владикавказской железной дороги в пределах Кубанской области за 12 лет с 1886 по 1897 г. — «Кубанский сборник», т. V, 1899, стр. 29.

⁷³ Обзор Кубанской области за 1886 г., стр. 5—6; Статистические сведения о состоянии Кубанской области за 1896 г., стр. 74—76; Статистический обзор современного положения казачьих войск. СПб. 1903, стр. 36; Отчет начальника Кубанской области за 1905 г., стр. 95.

⁷⁴ Обзор Кубанской области за 1886 г., стр. 5—6.

Таблица 2

Сельскохозяйственные машины и усовершенствованные орудия на Кубани

Владельцы машин и орудий	Количество машин и орудий			
	1886 г.	1896 г.	1900 г.	1905 г.
Казачи	19 816	152 289	190 541	282 783
Иногородние	10 103	47 350	72 723	108 180
Всего	29 919	199 639	263 264	390 963

того не имело о них и понятия. Приобретались плуги, сеялки, жатвенные машины, конные и паровые молотилки и др. Быстро возрастало число паровых молотилок: в 1881 г. в Кубанской области их было 112, в 1886 г. — 272, в 1893 г. — 624 штуки⁷⁵, — рост за 12 лет более чем в 5,5 раза. В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» приводил следующие данные о числе паровых молотилок за 1897 г.: в Херсонской губернии их насчитывалось «около 1150, в Кубанской области число паровых молотилок колеблется около этой же цифры»⁷⁶. Достаточно указать на то, что только в 20 станицах, расположенных на плодородных землях по среднему и нижнему течением рек Урупа, Белой и в верховьях Кубани, где проживало менее 10% населения области, в 1898 г. насчитывалось, например, 285 паровых молотилок; в станице Вознесенской было в этом году 89 молотильных машин, в станице Михайловской — 26, в станице Лабинской — 22 молотилки⁷⁷.

Земледелие на Кубани приобретало зерновое направление, и к концу XIX в. область стала крупнейшим районом капиталистического зернового производства России. Вывоз хлеба на внешний и внутренний рынки достиг весьма значительных размеров. Кубанский хлеб вывозился не только по железной дороге, но и гужевым транспортом непосредственно в порты Азовского и Черного морей — в Ейск, Тамань, Анапу и Ахтари. В числе вывозимых зерновых хлебов первое место занимала пшеница, составлявшая от 64% (1891 г.) до 87% (1897 г.) общего количества вывозимого зерна⁷⁸. Данные о вывозе зерновых хлебов из Кубанской области за 12 лет (1886—1897 гг.)⁷⁹ показывают, как быстро росла товарность зернового хозяйства. В среднем за год из области вывозилось:

в 1886—1888 гг. — 27,2 млн. пудов,
в 1889—1891 гг. — 39,8 млн. пудов,
в 1892—1894 гг. — 56,4 млн. пудов,
в 1895—1897 гг. — 38,2 млн. пудов.

Если в трехлетие 1886—1888 гг. в среднем в год ввозилось 27,2 млн. пудов зерна, то в трехлетие 1892—1894 гг. средний годовой вывоз его составил уже 56,4 млн. пудов, т. е. увеличился более чем в два раза. Понижение среднегодового вывоза хлеба в трехлетие 1895—1897 гг. явилось следствием сельскохозяйственного кризиса, который привел в 1894—1895 гг. к заметному сокращению посевных площадей на всем Северном Кавказе⁸⁰. Основным рынком сбыта кубанского хлеба стал Новороссийск, превратившийся в крупнейший русский хлебоэкспортный порт на Черном море. Производство товарного хлеба было сосредоточено главным образом в руках кулаков и крупных капиталистических предпринимателей — владельцев экономий; к концу XIX в. им принадлежало более 60% всех посевов в области⁸¹. Но все эти успехи капиталистического

⁷⁵ Статистические сведения о Кубанском казачьем войске, стр. 30; Обзор Кубанской области за 1886 г., стр. 5—6; Кубанская справочная книжка. Екатеринодар 1894, отд. I, стр. 50—87.

⁷⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 190.

⁷⁷ Статистические данные о пространстве, составе населения, формах землевладения, размерах запашек, урожае, количестве скота и др. в поселениях, расположенных в районах, ограниченных средним и нижним течением рек Урупа и Белой и верхним реки Кубань. — «Кубанский сборник», т. VI, 1900, стр. 141—241.

⁷⁸ А. С. Собринский. Екатеринодарский хлебный рынок и вывоз хлеба из Кубанской области. — «Кубанский сборник», т. V, 1899, стр. 6—7.

⁷⁹ Там же, стр. 10.

⁸⁰ См. «Северный Кавказ», 1894, № 36; «Кубанские областные ведомости», 1895, № 12, стр. 2.

⁸¹ Труды Кубанского пединститута, т. I (IV). Краснодар 1930, стр. 102—104.

зернового хозяйства не изменили экстенсивного характера земледелия: к началу XX в. в полеводстве Кубани преобладала залежная система⁸².

Результаты краткого исследования вопроса о пореформенной колонизации Кубанской области и развитии земледелия на этой территории дают полное основание отнести к Северному Кавказу вывод В. И. Ленина о том, что «главным условием, позволившим быструю колонизацию Новороссии, было падение крепостного права в центре России»⁸³. С другой стороны, это исследование убеждает в том, что высокие темпы колонизации, строительство железных дорог и близость морских портов определили быстрое развитие капиталистического земледелия на Кубани.

⁸² Статистический обзор современного положения казачьих войск, стр. 36.

⁸³ В. И. Л е н и н. Соч., т. 15, стр. 64.

Ф. П. К у н ц е в и ч

К ИСТОРИИ АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА В КРЫМУ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

В дореволюционной буржуазной историографии по вопросу об аграрных отношениях в Крыму на рубеже XIX и XX вв. имеются, по существу, только две работы М. В. Неручева¹. В них содержится фактический материал о поземельных отношениях в Таврической губернии в целом. Признавая остроту аграрно-крестьянского вопроса в губернии, но оставаясь кадетом-буржуа, М. В. Неручев, перепуганный размахом крестьянского движения в период революции 1905—1907 гг., все надежды на урегулирование поземельных отношений возлагал на Государственную думу. Он рекомендовал Думе создать общегосударственный земельный фонд из государственных земель и части отчужденных по «справедливой оценке» земель помещиков, а также регламентировать условия аренды и арендные цены на землю.

В советский период значительным исследованием в области анализа аграрных отношений в Крыму явилась работа С. А. Усова, в которой приведены также материалы по истории сельского хозяйства Крыма, но отсутствует анализ социально-классовых отношений, существовавших в крымской деревне в период капитализма². В ряде вышедших за последние годы книг и брошюр по истории Таврии аграрные отношения в Крыму затрагиваются только в общих чертах.

В данной статье поставлена задача рассмотреть условия землевладения и землепользования в Крыму на рубеже XIX и XX вв. При этом использованы фонды Государственного архива Крымской области — канцелярии таврического губернатора, статистического бюро Таврической губернской земской управы, Таврического губернского по крестьянским делам присутствия и др., а также материалы Партархива Крымского обкома КП Украины. Важными и ценными источниками явились данные статистики.

В конце XIX и начале XX в. Крым входил в состав Таврической губернии. Незначительный по территории, он выгодно отличался от других районов страны по своим природно-климатическим условиям. По разнообразию этих условий и выращиваемых в Крыму сельскохозяйственных культур он делился на три района — степной (уезды Перекопский и Евпаторийский), предгорный (уезды Симферопольский и Феодосийский) и горный (Ялтинский уезд). В степном районе, а также в большей половине Феодосийского и в трети Симферопольского уезда основу производства у крестьян составляло полеводство. На остальной территории Симферопольского и Феодосийского уездов и в Ялтинском уезде наиболее развитыми отраслями сельского хозяйства являлись садоводство, виноградарство и табаководство. Однако в целом по Крыму доминирующую роль играло зерновое хозяйство.

По данным статистики, в 1888 г. под зерновыми в Крыму было занято 37,5% всей удобной земли, а под специальными культурами — 0,7%. В 1917 г. соответствующие цифры составляли 67,3 и 1,5%³. Полеводство поглощало в Крыму почти $\frac{4}{5}$ сельскохозяйственного труда, в то время как специальные культуры — только $\frac{1}{5}$ ⁴.

Крым принадлежал к тем районам страны, которые характеризовались сравнительно быстрым развитием капитализма в сельском хозяйстве, особенно после реформы 1861 г. Ведущие отрасли сельского хозяйства Крыма (зерновое хозяйство, виноградарство, садоводство и табаководство) на рубеже XIX и XX вв. носили ярко выраженный товарный характер. Об уровне товарности зернового хозяйства в Крыму свидетельствуют следующие данные: в начале 900-х годов из Крыма экспортирова-

¹ М. В. Неручев. Земельный вопрос. Симферополь 1906; его же. Очерк поземельных отношений в Таврической губернии. Симферополь 1907.

² С. А. Усов. Историко-экономические очерки Крыма. Симферополь 1925.

³ Государственный архив Крымской области (далее ГАКрымо), ф. 529, оп. 1, д. 72, л. 9.

⁴ М. Е. Бененсон. Экономические очерки Крыма. Симферополь 1925, стр. 20.

лось около 10—12 млн. пудов хлеба, главным образом пшеницы⁵, что составляло около 24 пудов на душу населения Крыма, в то время как по Европейской России в целом вывоз товарного хлеба в среднем составлял только 2,33 пуда на душу населения⁶. Торгово-промышленное значение в Крыму имели виноградарство и виноделие. Крым являлся одним из главных винодельческих районов России. В начале 90-х годов общая площадь виноградников составляла здесь около 6 тыс. десятин; продуктивность их исчислялась в среднем в 2 млн. ведер вина стоимостью до 3 млн. руб.⁷

Торгово-промышленное значение в Крыму имело и овцеводство. Здесь насчитывалось большое количество крупных помещичьих имений, владевших к концу XIX в. большими стадами тонкорунных овец: помещик Люстих в Перекопском уезде имел 28 тыс. мериносовых овец, помещик Дуранте в Феодосийском уезде имел 15 тыс. овец и ежегодно продавал от 3 до 4 тыс. мериносов⁸. Всего к концу XIX в. в Крыму только у помещиков было более 80 тыс. мериносовых овец. Однако в пореформенный период в развитии овцеводства в Крыму произошли значительные изменения. Развитие капитализма привело здесь не к расширению овцеводства, а к его значительному сокращению, вызванному интенсивным увеличением посевов товарного хлеба, главным образом пшеницы.

Крупные помещичьи экономии и кулацкие хозяйства Крыма широко применяли наемный труд батраков, использовали сельскохозяйственные машины. Новороссия, в состав которой входил и Крым, по распространенности усовершенствованных сельскохозяйственных машин и орудий занимала первое место в Европейской России⁹. У помещиков и зажиточных крестьян-кулаков с конца XIX в. получили широкое применение такие сельскохозяйственные машины и орудия, как букера, плуги разных марок, конные молотилки, соломорезки, конные грабли, косилки, жатки и др. О росте спроса на сельскохозяйственные машины свидетельствовал тот факт, что к концу XIX в. в Таврической губернии открылось около 15 больших и малых заводов по производству сельскохозяйственных машин и орудий¹⁰.

Сравнительно быстрое развитие капитализма в сельском хозяйстве Крыма было обусловлено рядом причин. Прежде всего, в Крыму крепостное право не получило в свое время такого развития, как в других районах страны. Накануне крестьянской реформы 1861 г. здесь насчитывалось 5168 душ крепостных мужского пола, что составляло всего лишь 4% сельского населения. Большинство помещиков Крыма совсем не имело крепостных крестьян и еще до реформы 1861 г. вело свое хозяйство при помощи наемной рабочей силы. Не менее важное значение для относительно быстрого развития капитализма в сельском хозяйстве Крыма имело наличие здесь к моменту отмены крепостного права большого количества свободных земель, быстро заселявшихся крестьянами. «... В тех местностях России, — писал В. И. Ленин, — где не было крепостного права, где за земледелие брался всецело или главным образом свободный крестьянин..., развитие производительных сил и развитие капитализма шло несравненно быстрее, чем в обремененном пережитками крепостничества центре»¹¹.

Полуостровное положение Крыма, размещение на его берегах ряда крупных морских портов, постройка Лозово-Севастопольской железной дороги (1875 г.) и дорог Джанкой—Феодосия, Феодосия—Керчь, Сарабуз—Евпатория обеспечивали Крыму вывоз сельскохозяйственной продукции как на внутренний рынок России, так и за границу. Все это способствовало развитию капитализма в сельском хозяйстве края.

Развитие капитализма вносило существенные изменения в систему землевладения и землепользования. Земля все более втягивалась в торговый оборот, сокращалось дворянское землевладение, за счет которого неуклонно росла буржуазная частная собственность на землю. По данным статистики землевладения 1905 г., в Крыму насчитывалось 2 260 825 десятин земли. Эта земля распределялась на три группы: 1 832 692 десятины, или 81%, находились в частной собственности, 287 639 десятин, или 12,8%, принадлежало казне и церкви и 140 494 десятины, или 6,2%, составляла наделная крестьянская земля¹². Распределение земли в Крыму значительно отличалось от распределения ее в других районах страны. Так, например, к началу 80-х годов XIX в. земля в частной собственности в 49 губерниях Европейской России составляла только 23,8% всей земли, а в Крыму — 76,7%, наделная крестьянская — соответственно, 33,6 и 10,1%, казенная и церковная — 40,7 и 13,2%¹³.

Таким образом, в Крыму, в отличие от других районов России, основная масса земли находилась в частной собственности. На долю наделной крестьянской земли

⁵ С. А. Усов. Историко-экономические очерки Крыма, стр. 259.

⁶ П. Н. Надинский. Очерки по истории Крыма, т. I. Симферополь 1951, стр. 311.

⁷ Россия. Полное географическое описание нашего отечества, под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского, т. 14. СПб. 1910, стр. 311.

⁸ Там же, стр. 323.

⁹ Н. А. Егнazarова. Аграрный кризис конца XIX в. в России. М. 1959, стр. 172—173.

¹⁰ ГАКрымО, ф. 27, оп. 13, д. 2425, л. 119.

¹¹ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 217.

¹² Статистика землевладения 1905 г., вып. 42, Таврическая губерния. СПб. 1906.

¹³ С. А. Усов. Историко-экономические очерки Крыма, стр. 69.

здесь приходились сравнительно небольшие площади; то же относится к землям казны и церкви. Поэтому, если в других районах России крестьянское землевладение и землепользование в какой-то мере могло расширяться за счет казенных, церковных и прочих земель, то в Крыму оно могло расширяться в основном только за счет помещичьих земель. Эта особенность Крыма в большой степени определяла особую напряженность поземельных отношений.

В Крыму происходил непрерывный процесс капиталистического перераспределения земли между различными категориями собственников. Особенно этот процесс усилился в конце XIX — начале XX в. Наиболее наглядно он проявляется при сравнении данных статистики частной земельной собственности за 1877 и 1905 гг. В 1877 г. основными обладателями земли являлись дворяне: из 1 702 472 десятин земли, находившейся в руках личных частных собственников, дворянам принадлежали 1 021 643 десятины, или 60%. К 1905 г. дворянское землевладение сократилось на 522 036 десятин и составляло уже только 30,2% личного землевладения. Крестьянское личное землевладение увеличилось за это время более чем в два раза. В 1877 г. в личном владении у крестьян имелось 229 714 десятин земли, что составляло 13,5% личного землевладения, а в 1905 г. — уже 534 426 десятин (32,2%). Кроме того, крестьяне покупали землю целыми обществами и товариществами; всего таких земель у крымских крестьян к 1905 г. было 187 742 десятины. Таким образом, в 1905 г. у крестьян было земли в личной собственности, наделенной и приобретенной товариществами и обществами 862 662 десятины, или 38,2% всей земельной площади Крыма. Купеческое землевладение выросло за рассматриваемое время на 71 012 десятин и составляло в 1905 г. 22,5% всего землевладения против 16,9% в 1877 г. Землевладение духовенства, не превышавшее в 1877 г. 58 десятин, в 1905 г. составляло уже 69 466 десятин, или 3,8% всей площади частной земли¹⁴.

Процесс перераспределения земли в Крыму означал преобразование прежней феодально-дворянской формы собственности в буржуазную форму земельной собственности. Этот процесс проходил в Крыму значительно быстрее, чем в других районах Европейской России. Так, например, если в среднем по Европейской России личное землевладение дворян составляло в 1877 г. 79,9%, а в 1905 г. — 61,9%, то в Крыму, как это было показано выше, оно уменьшилось наполовину. Капиталистический процесс создания новой, буржуазной собственности на землю привел в Крыму к увеличению числа частных владений и сокращению их среднего размера. Это произошло у всех сословий, за исключением крестьян. У последних за рассматриваемое время число личных владений уменьшилось на 122, при увеличении среднего размера владений более чем в два раза (с 30,7 до 72,8 десятины). Это свидетельствовало о том, что в личном крестьянском землевладении происходил процесс поглощения мелкого крестьянского землевладения крупным кулацким.

Все же, несмотря на общее увеличение числа личных земельных собственников и значительное сокращение среднего размера частных хозяйств, мелкая собственность в Крыму занимала в частном личном землевладении ничтожное место. Основная масса земли была сосредоточена в руках крупных земельных собственников. По данным статистики, в 1905 г. в Крыму насчитывалось 18 527 личных земельных собственников, которые владели 1 644 820 десятинами земли, но при этом 14 718 из них (более 79%) владели только 24 424 десятинами земли, так что в среднем на одно их хозяйство приходилось лишь по 1,65 десятины земли. В то же время в руках 756 владельцев латифундий размером более 500 десятин¹⁵ было сосредоточено 1 225 390 десятин земли, причем 24 крупнейших земельных собственника владели 252 585 десятинами земли (в среднем более 10,5 тыс. десятин на одного владельца). У этих 24 крупнейших латифундистов земли было более чем в 10 раз больше, нежели у 14 718 мелких земельных собственников вместе взятых.

Процесс мобилизации земельной собственности в Крыму сопровождался непрерывным ростом цен на землю. Только за 13 лет (с 1899 по 1912 г.) цены на землю в среднем по Крыму (без Ялтинского уезда) выросли примерно в два раза. В Ялтинском уезде они выросли на удобные участки примерно в 10 раз¹⁶.

Личное землевладение крестьян в Крыму было сосредоточено в руках зажиточных крестьян-кулаков. По данным статистики землевладения, в 1905 г. в частном личном владении крестьян Крыма имелось 534 426 десятин земли. Владельцами этой земли были 7337 крестьянских хозяйств¹⁷. Однако более половины личного землевладения крестьян — 349 712 десятин находилось в руках 256 «крестьян», у каждого из которых было от 500 до 10 тыс. десятин земли; ясно, что это были «крестьяне» лишь по сословной принадлежности, по названию. В целом крестьянам-кулакам в Крыму

¹⁴ Подсчеты произведены по данным сборника «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 42, Таврическая губерния.

¹⁵ В числе крупных земельных собственников, обладавших более чем 500 десятинами земли, были 229 дворян, 256 крестьян, 144 купца, 74 мещанина, 37 представителей духовенства и 16 представителей прочих сословий.

¹⁶ ГАКрымО, ф. 26, оп. 3, д. 654, л. 2.

¹⁷ Подсчеты произведены по данным сборника «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 42.

принадлежали 482 933 десятины земли, или более 90% крестьянской земли, находившейся в личном владении¹⁸. Зато 17 770 десятин земли распределялись между 6729 хозяйствами (в среднем около 2,6 десятины на хозяйство).

С развитием капитализма в сельском хозяйстве происходил процесс перераспределения и наделной земли. Наделная земля в Крыму, как и в других районах России, являлась основой хозяйственной жизни крестьянства, ибо большинство крестьян не имело частной или купчей земли. Наделной землей в Крыму владели 14 297 крестьянских дворов¹⁹; в среднем на один крестьянский двор приходилось 9,7 десятины наделной земли. Однако и наделная земля была распределена между крестьянами далеко не равномерно. Из данных той же статистики землевладения 1905 г. вытекает, что менее всего были обеспечены наделной землей бывшие помещики крестьяне, на долю которых в среднем приходилось по 5,8 десятины на двор. В несколько лучшем положении были бывшие колонисты (в среднем 8,7 десятины на двор) и бывшие государственные крестьяне (в среднем 12,2 десятины на двор).

У более чем 50% всех крестьян Крыма, имевших наделную землю, наделы составляли от 1 до 8 десятин земли на двор. До 15 десятин наделной земли имели 84,5% крестьян. Если учесть, что крымские крестьяне в то время распахивали в среднем только около 17% удобной земли, то можно с полным основанием сказать, что крестьяне с наделом до восьми десятин были бедняками. В. И. Ленин относил крестьян, земельные наделы которых не превышали 15 десятин на двор, к группе разоренного крестьянства, задавленного крепостнической эксплуатацией²⁰. Это же самое можно сказать и о крестьянах с такими наделами в Крыму. Редкое исключение здесь могли составлять только отдельные крестьяне Ялтинского уезда, где преобладало интенсивное хозяйство с возделыванием специальных культур и где вовсе не было помещичьих и государственных крестьян, причем бывшие колонисты Ялтинского уезда были наделены землей несколько лучше, чем крестьяне других уездов.

О неравномерности распределения наделной земли в Крыму свидетельствует и тот факт, что небольшая группа зажиточных кулацких хозяйств Ялтинского, Евпаторийского и Перекопского уездов, составлявшая 5,6% хозяйств с наделом, имела в своих руках более 20,8% наделной земли. В среднем на один такой двор приходилось более 35 десятин наделной земли. Некоторые крестьяне в Евпаторийском и Перекопском уездах имели до 100 и даже до 200 десятин наделной земли на двор.

Помимо большого числа малоземельных крестьян, в Крыму к концу 80-х годов XIX в. насчитывалось 17 462 крестьянских хозяйства, вовсе не имевших земли²¹. Наибольшим число безземельных крестьян было в степных уездах Крыма (Евпаторийском и Перекопском), где безземельные крестьяне составляли около 72%. В Симферопольском и Феодосийском уездах безземельные крестьяне составляли в среднем 52,3%, в Ялтинском — 9,7%. К началу 900-х годов общая численность безземельных крестьян в Крыму изменилась очень мало. Если в некоторых местах и произошло относительное уменьшение числа безземельных крестьян, то абсолютное число их не только не уменьшилось, а еще более возросло. Так, например, в Перекопском уезде в 1900 г. из 5834 наличных крестьянских дворов 3720 дворов, т. е. более 63%, было безземельных²². Безземельное население этого уезда за 20 лет с 13 141 человека увеличилось до 20 416 человек. В начале 900-х годов в Крыму насчитывалось более 70 тыс. душ безземельных крестьян²³.

Безземельные и малоземельные крестьяне вынуждены были батрачить у помещиков и кулаков или арендовать у них землю на тяжелых условиях.

Аренда земли в Крыму в конце XIX — начале XX в. получила широкое распространение. Согласно подворной переписи 1884—1887 гг., здесь арендовали землю 17 403 домохозяина, или 47,6% общего числа наличных домохозяев. Размер арендованной земли определялся в 308 926,5 десятины — по 17,7 десятины на двор, участвующий в аренде²⁴. Наибольшее число крестьян, арендующих землю, приходилось на те уезды, где было больше безземельных. В Евпаторийском уезде арендовали землю 73,2% крестьян, в Перекопском — 70,6%, в Симферопольском — 52,6%, в Феодосийском — 49,5%. В Ялтинском уезде землю арендовали 13,6% домохозяев²⁵. Основная часть арендованной земли (91,9% ее) принадлежала помещикам, лишь 2% — крестьянам и 7,1% — казне.

Анализ форм и условий аренды земли наглядно свидетельствует о том, что и в Крыму, несмотря на относительно высокую степень развития капитализма в сельском хозяйстве, в поземельных отношениях существовали еще значительные пере-

¹⁸ Сюда причислены хозяйства, имевшие свыше 50 десятин земли.

¹⁹ Подсчеты произведены по данным сборника «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 42.

²⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 62.

²¹ Памятная книжка Таврической губернии. Симферополь 1889, отд. III, стр. 110.

²² Сборник по основной статистике. Подворная перепись. Перекопский уезд, вып. I. Симферополь 1907, стр. 163.

²³ С. А. Усов. Историко-экономические очерки Крыма, стр. 100.

²⁴ Памятная книжка Таврической губернии, 1889, отд. III, стр. 110.

²⁵ Подсчеты произведены по данным «Памятной книжки Таврической губернии».

житки крепостничества, тормозившие развитие производительных сил, обрекавшие сельское хозяйство на застой и отсталость. Так, по данным переписи 1884—1887 гг., в Крыму в аренду сдавалось 252 165 десятин помещичьей земли, причем 102 089 десятин, или 40,5%, сдавалось на условиях скопщины, 465 (0,2%) — за отработки и 149 611 (59,3%) — за деньги²⁶. Следовательно, денежная аренда охватывала в это время лишь несколько более половины всей арендуемой площади. В Евпаторийском уезде скопщики составляли 44% всех арендаторов, в Феодосийском — 43%, в Перекопском — 37,2%, в Симферопольском — 36,8%, в Ялтинском — 24,4%. Но соотношение денежной аренды и аренды на условиях скопщины и отработок не являлось постоянным. Например, в начале 900-х годов в денежной форме в Крыму уплачивалось 47,1% арендной платы, а в виде отработок и в натуральной форме — 52,9%²⁷.

Аренда земли на условиях скопщины, как правило, производилась за долю собранного урожая, но очень часто сопровождалась рядом других повинностей арендатора в пользу владельца земли. Крестьяне 11 деревень Симферопольского уезда, собравшиеся на свой съезд в Мамут-Султане 21 июня 1906 г., писали об условиях аренды помещичьей земли: «...не имея ни клочка своей земли, мы живем в помещичьей кабале и обременены непосильными налогами за все, кроме лишь одного воздуха: 1) при уборке хлеба в экономию мы даем вымолоченного хлеба одну треть, причем вся обработка и возка хлеба производится нами бесплатно; 2) сено убираем с половины; если посевы хлеба производили на поливной земле, то платим половинную часть; 3) за нанимаемые нами под огород земли платим по 60 рублей за десятину; 4) за наши плетневые или каменные хатки платим от 12 до 25 рублей; 5) за рабочий скот платим по 2 р. 50 к., за мелкий — по 1 р. 25 к., за овец — по 1 р. с головы в год»²⁸.

Подобные условия аренды в помещичьих имениях Крыма были распространены весьма широко. Помещик имел право в любое время прогнать крестьянина-арендатора со своей земли и лишить его тем самым средств к существованию. Договоры на аренду земли чаще всего заключались на один посев. Абсолютное право владельца земли отказаться от возобновления договора держало арендатора в полной зависимости от владельца. Эта зависимость парализовала хозяйственную свободу крестьян и являлась преградой для поднятия экономического уровня их жизни и культуры земледелия.

Исследуя аграрные отношения в России к концу XIX в., В. И. Ленин обратил внимание на наличие в России двух видов аренды — продовольственной, т. е. аренды из нужды, и предпринимательской аренды зажиточных крестьян. Первую В. И. Ленин называл арендой крепостнической, вторую — буржуазной²⁹.

Рассмотрим, в какой мере были распространены эти оба вида аренды среди различных социальных групп крымского крестьянства.

Приведем сводные данные об аренде крестьянами наделной земли и частной земли, принадлежавшей помещикам, по сведениям статистики за 1888 г. (табл. 1³⁰).

Как видно из таблицы 1, зажиточные крестьяне, засевавшие 25 и более десятин и составлявшие 14,7% всех арендующих дворов, арендовали более чем 55% всей арендуемой земли. По количеству дворов, арендующих землю, среди арендаторов преобладали беднота и средние слои крестьянства, а по количеству арендуемой земли — зажиточные крестьяне-кулаки. Данные об аренде владельческой земли показывают, что зажиточные крестьяне, засевавшие 25 и более десятин, 73% земли арендовали за деньги, 26,9% — на условиях скопщины и 0,1% — за отработки, а крестьяне, арендовавшие землю не для посева, а также засевавшие до 25 десятин арендовали за деньги только 39,5%, а 60,5% — на условиях скопщины и за отработки. Таким образом, большинство арендаторов арендовало землю из нужды. Для этого большинства аренда являлась кабалой. И наоборот, зажиточные крестьяне-кулаки, арендовавшие землю преимущественно за деньги, арендовали не от нужды, а от богатства, не для «продовольствия», а для обогащения.

Из таблицы 1 видно также, что аренда земли за деньги для беднейших слоев крестьянства обходилась намного дороже, чем для зажиточных крестьян-кулаков. Для несевшей группы крестьян десятина арендованной помещичьей земли стоила в среднем по Крыму 6 руб. 28 коп., для засевавших до 5 десятин — 6 руб. 35 коп., а для засевавших свыше 25 десятин — 1 руб. 96 коп. Таким образом, бедный крестьянин вынужден был платить за аренду десятины земли в три раза дороже, чем зажиточный.

Аренда земли на условиях скопщины и отработок обходилась крестьянам значительно дороже аренды за деньги. В начале 900-х годов натуральная арендная плата в среднем по Крыму составляла в переводе на деньги 17,9 руб., а денежная — 7 руб.

²⁶ Подсчеты произведены по данным «Памятной книжки Таврической губернии».

²⁷ С. А. Усов. Историко-экономические очерки Крыма, стр. 112.

²⁸ Газ. «Жизнь Крыма», 29 июня 1906 г., № 141.

²⁹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 82.

³⁰ Таблица составлена на основании статистических данных «Памятной книжки Таврической губернии».

Аренда крестьянами Крыма наделной и

Группы домохозяев по размерам посевной площади	наделной, арендуемой у соседей (дес.)	Аренда владель		
		за деньги		
		число семей, арендующих землю	всего десятин	на сумму (руб.)
Не сеявшие	38,9	254	1 602,4	10 071,9
Засевавшие до 5 дес.	705,5	1242	5 314,5	33 766,5
Засевавшие 5—10 дес.	737,5	681	8 970,3	26 963,7
Засевавшие 10—25 дес.	2314,9	1087	37 606,5	83 134,5
Засевавшие 25—50 дес.	1842,2	506	59 904,3	117 943,5
Засевавшие свыше 50 дес.	758	479	62 628,8	122 743,8
Итого	6397	4254	176 026,8	394 523,9

за десятину, т. е. первая была более чем вдвое выше второй, а в Симферопольском, Феодосийском и Ялтинском уездах она была втрое выше³¹.

И, наконец, данные таблицы 1 показывают, что большая часть наделной земли, сдаваемой в аренду, находилась в руках зажиточных крестьян. Группы крестьян, засевавшие от 25 до 50 и свыше 50 десятин, составлявшие 14,7% арендующих дворов, арендовали 40,6% наделной земли, которая сдавалась в аренду. Совершенно очевидно, что беднота, не имея возможности обрабатывать землю, не имея семян, скота, инвентаря, нуждаясь в деньгах, вынуждена была сдавать в аренду наделную землю, которую концентрировали у себя крестьяне-кулаки. В руках зажиточных крестьян концентрировалась также арендуемая крестьянскими обществами казенная земля. Это наглядно подтверждает правильность замечания В. И. Ленина о мирской аренде и купле земли: «Крестьяне делят арендуемые или покупаемые земли не иначе, как «по деньгам»³².

Рассмотренные здесь данные свидетельствуют о том, что с развитием капитализма в хозяйстве кулаков неуклонно возрастал удельный вес и значение купчей и арендованной земли, в то время как роль наделной земли уменьшалась. Но уменьшение роли наделной земли происходило и у беднейших групп крестьянства. Растущая нужда заставляла бедноту сдавать наделную землю в аренду кулакам, сокращать размеры своего хозяйства или вовсе бросать его.

Для более полного выяснения вопроса о положении крестьян необходимо также рассмотреть обеспеченность хозяйств скотом, прежде всего рабочим скотом. По данным статистики, в 80-х годах XIX в. наличный скот у крестьян Крыма распределялся так, как это показано в таблице 2³³.

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что 22,5% беднейших крестьянских хозяйств (не сеявших вовсе и засевавших до 10 десятин) совсем не имели скота, 35,5% хозяйств не имели рабочего скота. Если к этим безлошадным крестьянским хозяйствам прибавить крестьянские хозяйства тех же групп, имевшие по 1 голове рабочего скота, то получится, что 12 371 крестьянское хозяйство, или 44,4% их, не имело необходимого для обработки своих наделов рабочего скота. В условиях тяжелых и плотных почв Крыма наличие в хозяйстве 2 и даже 3 голов рабочего скота не давало еще возможности обрабатывать землю без посторонней помощи. Полная упряжка для плуга или многолемешного буккера составляла две или даже три пары волов или лошадей. Это заставляло малолощадных крестьян Крыма прибегать к супряге, т. е. обрабатывать свои поля по очереди объединенной упряжкой, или нанимать скот.

Совершенно иное положение с рабочим скотом было у зажиточных крестьян. У засевавших от 25 до 50 десятин на 1 двор приходилось в среднем по 16,7 головы скота в переводе на крупный, а у засевавших свыше 50 десятин — по 31,5 головы.

Из всего сказанного следует, что в конце XIX — начале XX в. дифференциация крестьянства в крымской деревне была весьма глубокой. Кулаки, составлявшие 10,3%

³¹ ГАКрымО, ф. 26, оп. 3, д. 654, л. 21.

³² В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 86.

³³ Таблица составлена по данным статистических таблиц («Памятная книжка Таврической губернии», приложение).

Таблица 1

владельческой земли (данные 1888 г.)

земли				Число всех домохозяев, арендующих землю	Ими арендовано десятин	
ческой					всего	на наличный двор
за отработки		из доли продукта				
число семей, арендующих землю	число десятин	число семей, арендующих землю	число десятин			
2	1,0	53	79,2	309	1 721,5	5,57
53	90,3	5 816	15 035	7 111	21 145,3	2,97
11	60,6	3 129	22 132,3	3 821	31 900,7	8,35
17	185	3 136	44 160,6	4 240	84 267	19,87
2	71,6	1 268	31 628,6	1 776	93 446,7	52,61
1	56	429	13 556,5	909	76 999,3	84,70
86	464,5	13 831	126 042,6	18 171	309 480,5	17,03

Таблица 2

Обеспеченность крымских крестьян скотом в 80-х годах XIX в.

Группы домохозяев по размерам посевной площади	Число дворов	Без всякого скота		Без рабочего скота		С 1 головой раб. скота	С 2 и 3 головами раб. скота	С 4 и более головами раб. скота	Приходилось на двор голов скота в переводе на крупный
		число дворов	% дворов	число дворов	% дворов				
Не сеявшие	12 372	5102	41,2	7 533	60,8	1242	3 213	384	1,7
Засеявшие до 5 дес.	10 719	961	8,9	1 979	18,4	1011	5 409	2 320	4,2
Засеявшие 5—10 дес.	4 739	191	4,3	368	7,7	238	1 305	2 828	7,2
Засеявшие 10—25 дес.	5 043	137	2,7	274	5,4	227	614	3 928	11,0
Засеявшие 25—50 дес.	2 461	45	1,8	95	3,8	153	122	2 091	16,7
Засеявшие свыше 50 дес.	1 263	18	1,4	48	3,8	93	53	1 069	31,5
Итого	36 597	6454	17,6	10 297	28,1	2964	10 716	12 620	7,3

крестьянских дворов, сосредоточивали в своих руках более 90% всей крестьянской земли, находившейся в частном владении, более 20% наделной земли, 55% арендованной земли. Они были обеспечены лучшим инвентарем и тягловой силой. Среднее крестьянство составляло 13,7% всех дворов. Беднейшие крестьяне — 76% дворов — были лишены хозяйственной самостоятельности; у них или вовсе не было земли, или ее было так мало, что в том и другом случае они вынуждены были арендовать землю у помещиков и кулаков на кабальных условиях или батрачить.

Сельскохозяйственный пролетариат и беднейшие слои крестьянства Крыма, как и всей России, в конце XIX и начале XX в. испытывали на себе «все «прелести» чисто-капиталистической эксплуатации в самом развитом, американском, виде... наряду с чисто средневековыми, давным-давно исчезнувшими в передовых странах, приемами отработочного и барщинного хозяйства»³⁴.

Как уже отмечалось выше, к концу XIX в. Крым принадлежал к району наиболее развитого капитализма в сельском хозяйстве, к району торгового зернового хозяйства, где в этот период в земледелии сложились довольно крупные капиталистические предприятия. В этом районе наиболее широко было развито применение в сельском хозяйстве наемной рабочей силы местных и пришлых рабочих. Заработная плата наемных сельскохозяйственных рабочих в Крыму была выше, чем во внутренних губерниях³⁵. Поэтому сюда ежегодно прибывали десятки тысяч наемных рабочих со всех концов России. Они тысячами скапливались на рынках найма рабочей силы Тавриче-

³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 104.

³⁵ См. там же, стр. 102.

ской губернии — в Каховке, Джанкое, Бердянске, Симферополе и др., куда в определенное время прибывали и наниматели.

Положение этих пришлых рабочих очень ярко описано в газете «Красавица Таврида». В газете рассказывается о нечеловеческих условиях путешествия этих людей из центральных губерний России до крымских степей: они шли пешком, ехали в «скотских» вагонах, а некоторые пробирались сюда по Днепру в сколоченных на скорую руку «галерах» и «дубах». Многие из них гибли в пути и умирали от болезней и истощения. Газета писала, что «рабочих приходит всегда гораздо больше, чем нужно, и многие возвращаются обратно домой, истратив только свои последние гроши. Многие идут пешком, питаются подающим, и только через месяц или два голодные, оборванные приходят домой». Те же, которым удавалось наняться на работу, работали с восхода и до захода солнца, а у немцев-колонистов в страдную пору — и в лунные ночи. За пять месяцев работы, на хозяйских харчах, мужчины получали от 45 до 65 руб., женщины — от 30 до 40 руб.³⁶

Таким образом, капитализм принес трудовому крестьянству, как и всем трудящимся, новые и по-своему жестокие формы эксплуатации.

К концу XIX и началу XX в. классовые противоречия в крымской деревне, как и во всей стране, обострились до предела. Эти противоречия вылились в ожесточенную классовую борьбу в период революции 1905—1907 гг. Анализ содержания и форм крестьянской борьбы в Крыму в период революции свидетельствует о том, что в авангарде этой борьбы были малоземельные крестьяне-скопщики и безземельный сельскохозяйственный пролетариат.

Документы о революционном движении крестьянства, извлеченные нами из фондов Государственного архива Крымской области и Партийного архива Крымского обкома КП Украины, а также опубликованные документы³⁷ дают основание считать, что в период революции 1905—1907 гг. в Крыму имело место 12 значительных революционных выступлений крестьянства, происходивших примерно в 30—40 пунктах.

Приведем наиболее типичные примеры этих выступлений.

Весной 1905 г. происходили крупные забастовки сельскохозяйственных рабочих в экономике Тархан (в районе Керчи), а также в экономике Насыпкой Богемской волости Перекопского уезда. Рабочие требовали улучшения условий труда и повышения заработной платы³⁸. 27 мая 1906 г. сельскохозяйственные рабочие, собравшиеся для найма на работу к помещикам и кулакам в Евпатории, разгромили мельницу помещика Дувана в знак протеста против увольнения им 50 рабочих экономики. Вице-губернатора, прибывшего в Евпаторию с отрядом полиции «для наведения порядка», рабочие забросали камнями³⁹. Рабочие имений Массандра, Ай-Даниль и Никита Ялтинского уезда организовали союз сельскохозяйственных рабочих, на собрании которого было вынесено решение, что рабочие могут быть увольняемы с работы только с согласия союза. Последний предъявил администрации требования об улучшении материального положения рабочих, об учреждении больницы и школы для рабочих и их детей⁴⁰.

Летом 1906 г. в Симферополе скопилось несколько тысяч пришлых сельскохозяйственных рабочих, не находивших себе работы. Пользуясь этим, помещики и кулаки отбирали себе людей за ничтожную плату. В ответ на это безработные рабочие под руководством Симферопольского комитета РСДРП организовали нелегальный комитет, который установил определенную таксу оплаты труда, ниже которой запрещалось нанимать рабочих. На попытки нанимателей договариваться с рабочими о найме на работу в обход комитета рабочие отвечали применением силы⁴¹.

Значительное место в выступлениях сельскохозяйственных рабочих занимали забастовки в разгар полевых работ, особенно во время уборки хлеба. В июне 1905 г. бастовали рабочие имения Ильиных в дер. Салын Феодосийского уезда. Ильины жаловались губернатору, что из-за этого в них погибло на корню 2000 десятин хлеба, и просили для уборки прислать войска⁴². В ноябре 1905 г. в трех имениях Феодосийского уезда (Чегел, Шепетеевка и Кенегез) бастовавшие сельскохозяйственные рабочие требовали сокращения рабочего дня до 8 часов и повышения заработной платы в зимнее время до 75 коп. и в летнее — до 3 руб. в день⁴³. В июле 1906 г. бастовали сельскохозяйственные рабочие в с. Булганак Феодосийского уезда. Они требовали сокращения рабочего дня и вместе с тем протестовали против размещения их на ночлег в конюшни⁴⁴. Летом 1907 г. сельскохозяйственные рабочие, нанятые немцами-колонистами в районе Джанкоя, в знак протеста против тяжелых условий труда и низкой за-

³⁶ Партархив Крымского обкома КПУ, ф. 150, д. 12, лл. 49—51.

³⁷ Революционное движение в Таврической губернии в 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов. Симферополь 1955.

³⁸ Партархив Крымского обкома КПУ, ф. 150, д. 34, лл. 58—59.

³⁹ Там же, лл. 39—40.

⁴⁰ ГАКрымО, ф. 26, оп. 3, д. 437, л. 216.

⁴¹ Партархив Крымского обкома КПУ, ф. 150, д. 12, лл. 129—130.

⁴² ГАКрымО, ф. 26, оп. 3, д. 426, л. 404.

⁴³ Партархив Крымского обкома КПУ, ф. 150, д. 197, л. 113.

⁴⁴ Газ. «Южный голос», 7 июля 1906 г., № 4.

рабочной платы (50 коп. в день) разбили косилки, бричку и другое имущество кулаков⁴⁵.

Таковы были основные формы выступлений сельскохозяйственного пролетариата в Крыму в 1905—1907 гг.

К наиболее значительным выступлениям безземельных и малоземельных крестьян-скопщиков в Крыму следует отнести приговор, составленный упоминавшимся выше крестьянским съездом в дер. Мамут-Султан с участием представителей от 11 деревень, посланный затем в трудовую группу I Государственной думы. В этом приговоре крестьяне требовали уменьшить арендную плату (скопщину) до $\frac{1}{10}$ части урожая и значительно сократить все другие платежи за пользование арендованной у помещиков земель⁴⁶.

В ряде мест крестьяне или вовсе отказывались от уплаты скопщины, или самолично сокращали ее размеры. Например, крестьяне имения Донузлав Евпаторийского уезда в июле 1906 г. совсем отказались от внесения арендной платы (скопщины) и самовольно увозили хлеб по домам⁴⁷. В июле—августе 1906 г. крестьяне нескольких сел Феодосийского уезда вынесли решение отдавать помещикам имений Каперликой — Ширинскому и Танагельды — Бишлеру пятую часть коп (копен), а не третью, как это было предусмотрено в договоре. На усмирении крестьян была послана из Симферополя конная полицейская стража⁴⁸.

Организованное и упорное выступление безземельных и малоземельных крестьян-арендаторов (скопщиков) произошло в апреле 1905 г. в дер. Саблы Симферопольского уезда. В результате этого выступления был разгромлен дом управляющего экономией помещика Давыдова⁴⁹.

Из других форм борьбы крестьян следует отметить имевшее место в мае 1905 г. выступление жителей дер. Кунан Евпаторийского уезда, самовольно захвативших часть земель графа Воронцова-Дашкова и помещика Попова⁵⁰, массовую самовольную порубку крестьянами сел Уркуста, Бача и Саватка Ялтинского уезда леса, принадлежавшего графу Мордвинову⁵¹, и, наконец, отдельные случаи поджога помещичьих скирд соломы и половы в экономии Мурзаккой Феодосийского уезда и некоторых других местах⁵².

Таким образом, сравнительно высокий уровень развития капитализма в сельском хозяйстве в Крыму на рубеже XIX и XX вв., глубокое расслоение крестьянства имели здесь прямое влияние на содержание и формы классовой борьбы в деревне. В крымской деревне, как и во всей России, в ходе революции 1905—1907 гг. происходили две социальные войны — война крестьянства против помещиков и помещичьего землевладения за ликвидацию всех пережитков крепостничества в поземельных отношениях и война между сельскохозяйственным пролетариатом и сельской буржуазией. Однако приведенные выше примеры революционной борьбы в крымской деревне свидетельствуют о том, что вторая война — война сельскохозяйственного пролетариата против сельской буржуазии — играла здесь значительно большую роль, чем во многих других районах страны, где в большей степени сохранялись пережитки крепостничества.

⁴⁵ Революционное движение в Таврической губернии в 1905—1907 гг., стр. 180.

⁴⁶ Газ. «Жизнь Крыма», 29 июня 1906 г., № 141.

⁴⁷ ГАКрымО, ф. 26, оп. 3, д. 507, л. 148.

⁴⁸ Революционное движение в Таврической губернии в 1905—1907 гг., стр. 171—172.

⁴⁹ Партархив Крымского обкома КПУ, ф. 150, д. 22, лл. 87—89.

⁵⁰ Газ. «Южный курьер», 8 мая 1905 г., № 115.

⁵¹ Газ. «Крым», 20 ноября 1905 г., № 206.

⁵² Партархив Крымского обкома КПУ, ф. 150, д. 197, л. 113.

Д. Е. Шемяков

К ВОПРОСУ О ТОВАРНОСТИ ЗЕРНОВОГО ХОЗЯЙСТВА БЕССАРАБИИ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА (КОНЕЦ XIX В. — 1917 Г.)

Изучение товарности сельского хозяйства и отдельных его отраслей составляет необходимую и очень важную часть исследования аграрных отношений. Между тем, этой стороне дела в нашей исторической литературе уделяется крайне мало внимания. Товарность сельского хозяйства пореформенной России остается почти не изученной. Бессарабия в этом отношении также не является исключением. Поэтому предлагаемая работа, будучи первой попыткой в своей области, не претендует на полное решение поставленной задачи.

Документальной базой статьи послужили официальные статистические сборники и отчеты. Использованы также отдельные архивные фонды Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (фонды Государственного банка, отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики ведомства земледелия и Русско-Дунайского пароходства) и Центрального государственного архива Молдавской ССР (фонды земства и Кишиневского отделения Госбанка и др.).

Дореволюционная литература по исследуемому вопросу невелика. Здесь следует упомянуть лишь работы Н. К. Могилянского «Производство хлебов, хлебооборот и сбыт крестьянского хлеба в Бессарабии» (Кишинев 1916) и «Из итогов сельскохозяйственной переписи 1916 г.» (Кишинев 1918). Обе работы содержат обширный материал по производству хлебов и товарообороту хлебной торговли, причем большего внимания заслуживает первая из них. Значительным недостатком работ Могилянского является то, что он оставил за пределами исследования роль коммерческих банков в сбыте зерна, не показал связи между посредниками-скупщиками и крупными фирмами. Будучи земским статистиком, Н. К. Могилянский располагал обширными материалами анкетных данных обследования крестьянской хлебной торговли в Бессарабии, проведенного губернским земством в 1912 г. Пользуясь этими данными, он приводит многочисленные факты ограбления крестьянских масс посредниками при реализации урожая, но не показывает, что за спиной этой многочисленной паразитической челяди стояли банки и крупные экспортеры и что посредники были по существу их агентурой. Кроме того, Н. К. Могилянский недооценил, по нашему мнению, роль Аккерманского порта в хлебной торговле Бессарабии¹.

Товарная продукция сельского хозяйства Бессарабии в той части, которая вывозилась из губернии, нами подсчитана на основании обзоров внешней торговли России и железнодорожной статистики грузовых перевозок. Для железнодорожной статистики вообще характерна довольно высокая точность. Сравнительно полно учитывались и перевозки по водным путям. Однако вообще при исчислении товарности данных этой статистики недостаточно, так как некоторая часть продукции могла поступать в губернию и вывозиться из нее гужевым транспортом, статистика которого в России практически отсутствовала, и из-за этого при исчислении товарности неизбежны неточности. Но для Бессарабии неточность этого рода будет крайне незначительной в силу особенностей географического положения губернии. В пограничных районах северной части Бессарабии железные дороги отсутствовали, на юге она омывалась Черным морем, а на западе граничила с Румынией; восточная граница проходила по Днестру, на котором почти не имелось мостов и переправ. К тому же железные дороги прорезали край только в направлении с востока на запад и пересекали Днестр всего лишь в трех местах, где на обоих берегах имелись станции. В этих условиях не было никакой необходимости привозить гужем грузы из других губерний на территорию Бессарабии. Тем более это справедливо в отношении гужевого вывоза из губернии.

¹ Н. К. Могилянский. Производство хлебов, хлебооборот и сбыт крестьянского хлеба в Бессарабии, стр. 129—147.

Чтобы избежать исключения хлебных грузов других губерний в состав товарной продукции Бессарабии, мы не учитывали при расчетах данные по Новоселицкой таможне и Новоселицкой таможенной заставе. Вывоз через эти пункты учтен лишь по данным железнодорожных поступлений зерна со станций Бессарабии, транзитные грузы исключены, и не учтены грузы, поступавшие сюда гужом из близлежащих районов губернии. На остальные таможенные пункты Бессарабии хлебные грузы из других губерний не поступали.

Экономические связи Бессарабии с внутренними промышленными районами страны, близость ее к Одесскому порту и к западноевропейскому рынку создавали благоприятные условия для роста товарности зернового хозяйства. Большое влияние на развитие товарного производства зерна в губернии оказало железнодорожное строительство. Железнодорожный транспорт расширил сферу сбыта зерна, ускорил товарное обращение, способствовал снижению расходов по реализации товара.

Будучи областью торгового зернового земледелия, Бессарабия занимала немаловажное место по производству зерна в масштабе всей России. По данным Центрального статистического комитета, средний ежегодный сбор всех зерновых хлебов в стране за 18 лет (1895—1912 гг.) составлял 3953 млн. пудов, из этого количества на Бессарабию приходилось 108 млн. пудов², или 2,7%. Среди других 92 губерний и областей России она занимала по сбору хлебов 11-е место.

В начале XX в. в связи с увеличением спроса на русское зерно на главных европейских рынках и ростом хлебных цен в Бессарабии происходит расширение посевных площадей под зерновыми. Если в 1900 г. посевная площадь пяти главных зерновых культур (пшеница, кукуруза, ячмень, рожь, овес) составляла 1867 тыс. десятин³, то в среднем за 1901—1910 гг. она равнялась 2096 тыс. десятин⁴, или увеличилась на 12,2%. В предвоенные годы, отличавшиеся хорошими урожаями, бессарабские помещики использовали выгодную рыночную конъюнктуру для расширения капиталистического хозяйства. За 1911—1915 гг. посевные площади пяти главных зерновых культур в целом по губернии достигли 2297 тыс. десятин⁵.

На основе роста посевных площадей возрастал в Бессарабии и валовой сбор зерна. Если за 1901—1910 гг. средний сбор пяти главных хлебов составлял 119 млн. пудов в год, то за 1911—1915 гг. он достиг 145 млн. пудов⁶, т. е. увеличился на 21,8%. В 1913 г. Бессарабия занимала уже шестое место среди других губерний и областей России по валовому сбору зерна и четвертое место по его производству на душу сельского населения⁷. Более подробные данные по шести крупнейшим хлебопроизводящим губерниям приведены в таблице 1⁸.

Т а б л и ц а 1

Производство зерна в шести губерниях России в 1913 г.

Губернии и области	Население в тыс. душ			Территория в тыс. дес.	Посевная площадь зерновых культур (включая овес) в тыс. дес.	Валовой сбор зерна в млн. пудов	Приходилось зерна на душу сельского населения (пудов)
	сельское	городское	всего				
Кубанская	2 593	...	...	...	3258	265	102,1
Херсонская	2 626	1 118	3 744	6 480	3896	247	94,0
Донская	3 458	417	3 875	15 061	5313	299	86,7
Бессарабская	2 246	411	2 657	4 063	2314	159	70,7
Самарская	3 558	242	3 800	18 825	4641	244	68,5
Екатеринославская	2 939	516	3 455	5 803	3206	176	59,8

Как видно из данных таблицы, в Бессарабии территория была освоена под земледелие в значительно большей мере, чем в ряде других крупных хлебопроизводящих губерний, особенно таких, как Самарская губерния и Донская область. Характерно также, что при меньшем валовом сборе зерна душевое производство его в Бессарабии было выше, чем в Самарской и Екатеринославской губерниях.

² Сельскохозяйственный промысел в России. Пгр. 1914, стр. 112.

³ Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века, вып. III. СПб. 1903, стр. 50.

⁴ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пгр. 1917, стр. 16—17.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ «Ежегодник Министерства финансов», 1915 г., стр. 662—663.

⁸ Сельскохозяйственный промысел в России, стр. 112, 200; «Ежегодник Министерства финансов», 1915 г., стр. 662—663.

Таким образом, статистическими данными устанавливается, что развитие земледелия в Бессарабской губернии шло быстрее, чем во многих внутренних губерниях России. Этому нельзя найти никакого другого объяснения, кроме того, что в Бессарабии быстрее развивался аграрный капитализм.

Обращаясь к вопросу о развитии капитализма в сельском хозяйстве Бессарабии, прежде всего отметим, что основными поставщиками товарной продукции зерновых культур являлись помещики и кулаки. Они же концентрировали в своих руках и главное средство производства — землю.

О распределении земли частных владельцев по семи земским уездам Бессарабии (без Измаильского) к началу первой мировой войны можно судить по следующим данным. Из общей площади в 3 330 046 десятин земли⁹ на долю 1392 помещиков, имевших каждый более 100 десятин, приходилось 913 929 десятин¹⁰, что составляло 27,4% всех

Т а б л и ц а 2

Производство, потребление и остатки пяти главных зерновых хлебов в Бессарабии за 1902—1913 гг. (в тыс. пудов)

Годы	Численность населения в губернии	Общий сбор зерновых хлебов	В том числе израсходовано				Осталось для сбыта	
			на семена		на продовольствие населению			
			в абс. цифрах	в % к общему сбору	в абс. цифрах	в % к общему сбору	в абс. цифрах	в % к общему сбору
1902	2 169 500	121 494,3	12 216,6	10,1	43 389,6	35,7	65 888,0	54,3
1903	2 211 200	139 819,9	12 754,7	9,0	44 224,6	31,7	82 840,6	59,3
1904	2 253 000	54 824,8	12 991,5	23,9	45 060,1	82,01	—	—
1905	2 262 400	106 647,9	12 958,0	12,1	45 567,0	42,7	48 122,9	45,2
1906	2 302 100	158 844,7	12 700,4	8,0	46 356,1	29,1	99 788,2	62,9
1907	2 344 800	104 825,2	13 467,2	12,8	47 300,7	45,1	44 057,3	42,1
1908	2 393 100	94 131,7	13 214,7	14,0	48 103,4	51,1	32 813,6	34,9
1909	2 441 200	98 996,6	13 136,2	13,3	48 967,1	49,4	36 893,3	37,3
1910	2 490 200	160 990,8	13 910,0	8,7	49 450,8	30,7	97 630,0	60,6
1911	2 538 900	160 309,9	14 000,2	8,8	49 926,3	31,1	96 383,4	60,1
1912	2 588 400	139 050,0	15 001,6	10,8	51 768,0	37,2	72 280,4	51,9
1913	2 657 300	159 358,6	14 154,5	9,3	63 146,0	33,3	71 841,7	45,2

Вывоз пяти главных хлебов из Бессарабии за границу в сравнении

Культуры	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.
Пшеница	24 396	30 396	13 177	15 997	31 420
Рожь	10 677	7 081	2 848	7 567	17 576
Ячмень	9 991	14 649	7 468	11 361	21 557
Овес	1 047	1 286	1 421	894	988
Кукуруза	42 912	26 120	13 915	5 486	11 509
Итого вывезено из Бессарабии	89 023	79 532	38 829	41 305	83 050
Вывезено в целом из России	620 226	581 616	575 730	630 530	518 200
Вывоз хлебов из Бессарабии в % к общему вывозу из России { всех хлебов кукурузы	14,3 62,7	13,7 66,4	6,8 48,1	6,5 48,0	16,0 75,0

земельных угодий. По данным сельскохозяйственной переписи 1916 г., 1319 помещиков этих уездов имели посева 287,8 тыс. десятин, т. е. в среднем по 218 десятин на хозяйство. Помещичьи посевы составляли 15,4% всей посевной площади губернии (без Измаильского уезда), равнявшейся 1873 тыс. десятин¹¹.

⁹ Обзор Бессарабской губернии за 1913 г. Кишинев 1914, стр. 2.

¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 395, оп. 2, д. 3577 ж, л. 22.

¹¹ Н. К. Могилянскій. Из итогов сельскохозяйственной переписи 1916 г., стр. 7, 12, 13.

Об экономической мощи помещиков Бессарабии можно судить и по найму ими рабочей силы, а также по наличию у них рабочего скота. В 1916 г. у 1639 помещиков имелось 33 312 голов лошадей рабочего возраста и 20 307 волов¹². Это значит, что на каждое имение в среднем приходилось по 33 головы рабочего скота. В помещичьих имениях насчитывалось 36 449 душ населения¹³. Если исключить из расчета по 5 человек состава семьи ($1639 \times 5 = 8195$ человек), то число постоянных наемных рабочих и членов их семей составит 28 254 человека, или по 17 человек на каждое помещичье хозяйство.

В крупных капиталистических хозяйствах Бессарабии широко применялись улучшенные сельскохозяйственные орудия и машины. Применение машин сопровождалось расширением посевных площадей, увеличением валовой и товарной продукции зерна, сокращением издержек производства. В начале XX в. большинство крупных помещиков Бессарабии имело паровые молотилки. В 1915 г. в сельском хозяйстве губернии насчитывалось 1200 паровых котлов. В 1910 г. в частновладельческих хозяйствах Бессарабии имелись 18 171 плуг, 2254 сеялки, 2488 жатвенных машин, 423 сенокосилки и 848 конных граблей¹⁴. Экономист-современник писал о южном степном районе, куда входила и Бессарабия: «Технический прогресс в земледелии коснулся главным образом способов уборки урожая. Почти весь хлеб скашивается и обмолачивается машинами. Железные плуги и сеялки тоже в значительной степени вытеснили старые методы обработки»¹⁵.

Развитие зернового товарного хозяйства в Бессарабии, как и в других районах страны, сопровождалось концентрацией производства в руках помещиков и кулачества и разорением трудового крестьянства. Наиболее характерной чертой пореформенного периода является интенсивный процесс «раскрестьянивания». В 1917 г. из 450 тыс. крестьянских хозяйств Бессарабии безземельные составляли 98 тыс. хозяйств (21,6%), батраки с наделом до $\frac{1}{2}$ десятины — 90 тыс. хозяйств (20%), малоземельные с наделом до 5,5 десятины — 190,3 тыс. хозяйств (42,2%)¹⁶. Итак, безземельные и имевшие карликовые наделы размером до $\frac{1}{2}$ десятины составляли две пятых всего крестьянского населения губернии, образуя огромную армию людей, всегда готовых продать свою рабочую силу. Правда, незначительная часть крестьян этой группы прибегала к кабальной аренде, но она носила продовольственный характер. Столь же большая категория крестьян с наделом до 5,5 десятины вела в основном полунатуральное хозяйство и лишь часть своего хлеба вынуждена была продавать под давлением нужды. Нищета в бессарабской деревне была явлением обычным и непрерывно увеличивалась. Даже буржуазные деятели признавали, что успехи торгового земледелия Юга, как и всей страны, куплены были «ценой разоряющегося деревенского населения, ценой растущей бедноты»¹⁷.

Таблица 3

с вывозом из России в целом в 1902—1913 гг. (в тыс. пудов)

1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
13 068	4 904	5 633	15 634	8 291	7 639	9 861
5 483	2 684	2 410	7 452	7 658	3 535	3 764
18 903	10 147	18 822	22 207	32 512	16 858	31 695
981	660	551	520	735	488	602
37 261	27 216	24 710	16 506	51 946	31 816	22 375
75 696	45 611	52 126	62 319	101 142	60 336	68 297
405 700	342 000	484 975	771 248	724 001	459 091	554 549
18,6	13,3	10,7	8,1	13,1	13,1	12,3
62,2	74,5	60,3	60,6	63,4	67,7	63,0

¹² Н. К. Могиланский. Из итогов сельскохозяйственной переписи 1916 г., стр. 7, 12, 13.

¹³ Там же, стр. 7.

¹⁴ Крестьянское движение в Молдавии эпохи империализма. Документы и материалы. Кишинев 1961, стр. 479.

¹⁵ Статистико-экономические очерки областей, губерний и городов России, под ред. Л. Яснопольского. Киев 1913, стр. 333.

¹⁶ ЦГА МССР, ф. 110, оп. 1, д. 491, л. 59; журн. «Foia plugarilor», 1921, № 4, р. 68—69.

¹⁷ Труды I Всероссийского сельскохозяйственного съезда в Киеве 1—10 сентября 1913 г., вып. 1. Киев 1913, стр. 296.

Помещики и кулаки Бессарабии, располагая большими капиталами, орудиями и средствами производства, вели устойчивое денежное зерновое хозяйство и выступали в роли основных поставщиков товарного зерна на рынок. Их хозяйства, тесно связанные с рынком, были своеобразными фабриками зерна. При этом многие помещики сбывали огромные количества хлеба. Помещик Споонер, например, за один год продал 663 572 пуда зерна, в том числе пшеницы — 229 200 пудов, кукурузы — 204 400, ржи — 85 100, ячменя — 55 986 пудов, рапса — 60 400 и овса — 18 486 пудов¹⁸. Помещик Платаниоти имел в 1895 г. посев на площади 7127 десятин. Это было крупнейшее хозяйство. Только доход от полеводства составил 437 701 рубль¹⁹. Братья Атанасиу даже в период империалистической войны (1915 г.) в своих восьми имениях засеивали 8 тыс. десятин. Помещик Оганович продавал ежегодно зерна свыше 150 тыс. пудов, Кассо — свыше 130 тыс.²⁰, Вишневский — 126 тыс.²¹, Гижицкий — около 200 тыс.²², Леонард — свыше 120 тыс. пудов²³.

В 1912 г. оценочно-статистическим бюро губернского земства был подвергнут анализу 481 ответ на разосланную ранее анкету, причем корреспондентами были главным образом зажиточные крестьяне. Оказалось, что они продавали хлеба в среднем в год по 552 пуда на хозяйство²⁴.

Некоторое представление о степени товарности бессарабского земледелия могут дать приводимые в таблице 2 данные о производстве, потреблении и остатках пяти главных зерновых хлебов, являющиеся результатом обработки Н. К. Могилянским материалов официальной статистики²⁵. При этом следует отметить, что точными эти данные, конечно, считать нельзя.

Следует особо оговорить тот факт, что графа «Израсходовано на продовольствие населению» в таблице 2 заключает в себе произведение количества населения на среднюю норму потребления. Следовательно, выведенные цифры товарных остатков представляют собой весьма условные величины, которые имели бы реальное значение лишь в том случае, если бы все население действительно питалось по «норме». И все же эти цифры свидетельствуют о весьма высоком проценте товарности — товарное зерно составляло 45—60% валового сбора хлебов.

Такой же вывод следует из исчисленных нами данных о вывозе пяти главных хлебов из Бессарабии за границу (табл. 3)²⁶.

Как видно из таблицы 3, в общем экспорте зерна из России, за исключением неурожайных лет, на долю Бессарабии приходилось от 12,3 до 18,6%. Ей принадлежало ведущее место по экспорту кукурузы — от 48% в неурожайном 1905 г. до 60—75% в средние и урожайные годы. Уменьшение вывоза из губернии пшеницы, на наш взгляд, частично можно объяснить ростом мукомольной промышленности и увеличением вывоза муки на внутренние рынки страны. В 1901 г. внутрь страны из Бессарабии было вывезено 1,7 млн. пудов пшеничной муки, в 1902 г. — 2,2 млн., в 1903 г. — 2,1 млн., в 1908 г. — 2,4 млн. пудов²⁷. За 1909—1913 гг. среднегодовой вывоз муки из губернии составил 3934 тыс. пудов, причем в 1913 г. было вывезено 4,2 млн. пудов²⁸.

Зерно из Бессарабии шло преимущественно на zahraniчный рынок — через Одессу, порт Аккерман, Новоселицу, дунайские и прутские порты (Кагул, Леово, Рени, Вилково, Измаил). При этом главная масса экспортируемого из губернии хлеба поступала в Одессу со станций железных дорог, а также малым каботажем из Аккермана и дунайских портов. Данные о том, сколько вывозилось за границу хлеба из Одессы и какая часть его поступала в Одессу из Бессарабии, приводятся в таблице 4²⁹.

¹⁸ ЦГА МССР, ф. 142, оп. 1. д. 662, лл. 2—7.

¹⁹ Там же, д. 39, л. 72.

²⁰ Там же, д. 622, л. 11.

²¹ Там же, д. 191, лл. 3, 12.

²² Там же, д. 676, лл. 14—18; д. 470, лл. 2—8.

²³ Там же, д. 650, лл. 3—7.

²⁴ Н. К. Могилянский. Производство хлебов, хлебооборот и сбыт крестьянского хлеба в Бессарабии, стр. 135.

²⁵ Там же, стр. 81.

²⁶ Там же, стр. 100—106; «Обзор внешней торговли России по Европейской и Азиатской границам» за 1900—1913 гг. (табл. 6; табл. 14, Б; табл. 17; табл. 17, Б; приложение к табл. 6); Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам с распределением по губерниям и областям за 1912, 1913 и 1914 гг. Пгр. 1916, стр. 2—125.

²⁷ Н. К. Могилянский. Производство хлебов, хлебооборот и сбыт крестьянского хлеба в Бессарабии, стр. 83.

²⁸ Труды Центрального статистического управления, т. VII, вып. 2: Статистический сборник за 1913—1917 гг. М. 1922, стр. 171—200.

²⁹ Н. К. Могилянский. Производство хлебов, хлебооборот и сбыт крестьянского хлеба в Бессарабии, стр. 110—117; Юго-западные железные дороги. Обзор коммерческой деятельности юго-западных железных дорог за 1895—1904 гг. Киев 1906, стр. 98—104; «Обзор внешней торговли России по Европейской и Азиатской границам» за 1900—1913 гг. (за 1900 г. — табл. 17, Б, стр. 18—19; за 1901 г. — табл. 17, Б, стр. 824—825; за 1902 г. — табл. 17, Б, стр. 830—831; за 1903 г. — табл. 17, Б, стр. 832—833;

Они свидетельствуют о том, что на долю бессарабского хлеба в хлебном экспорте из Одессы приходилась добрая половина, причем удельный вес его возрастал, хотя и с заметными колебаниями.

Мы должны помнить, что данные о вывозе хлеба за пределы губернии не дают полного представления о степени товарности земледелия. Дело в том, что в нашем распоряжении нет сведений о внутренней хлебной торговле, т. е. о потреблении местного хлеба городами, армейскими частями и теми отраслями промышленности, которые связаны с переработкой зерна. Однако, поскольку главная масса хлеба отправлялась из Бессарабии за границу, то и сведения об одном только экспорте дают достаточно правильное представление о том, насколько значительным было товарное производство хлеба в губернии.

Важно было бы определить, как велика была товарность хозяйства отдельных категорий производителей, однако состояние источников не позволяет сделать этого. Выше мы указывали, что основными поставщиками товарного хлеба были помещики и кулаки. Но все же, по нашему мнению, значительной была и роль хлебной продукции середнячко-бедняцких хозяйств. Несмотря на то, что эти хозяйства имели очень ограниченные излишки хлеба или совсем не имели их, они вынуждены были продавать хлеб. Главная причина этого состояла в исключительно тяжелом экономическом положении бессарабского трудового крестьянства. Другая причина, хотя и не главная, но сильно влиявшая на вовлечение больших масс крестьянского хлеба в рыночный оборот, заключалась в характере местной хлебной торговли.

Беднота и середняки обычно продавали хлеб тотчас же после уборки урожая или осенью, когда цены на него были самые низкие, а нужда в деньгах, прежде всего для уплаты тяжелых налогов, а также долгов, — наиболее острой. Весной те же крестьяне появлялись на рынке уже в качестве покупателей хлеба, но уже по более высокой цене. В официальных материалах Министерства торговли и промышленности по итогам обследования состояния торговли в Бессарабии, предпринятого в 1910 г., говорилось: «Крестьяне стараются возможно скорее продать полученный урожай. Этим моментом пользуются мелкие скупщики, которые стараются в это время скупить у крестьян возможно большее количество хлеба с тем расчетом, чтобы через некоторое время продать хотя часть его с выгодой для себя тем же крестьянам, у которых он куплен. Действительно, гужевые подвозы прекращаются приблизительно в декабре за истощением крестьянских запасов, а через 2—3 месяца в некоторых местностях многие крестьяне сами начинают предъявлять спрос на зерновые продукты на местных рынках как для продовольственных, так и для кормовых нужд и посева»³⁰.

В отдельные неурожайные годы крестьянство Бессарабии не собирало и половины потребного ему хлеба. Так, в 1904 г. в среднем по губернии на душу крестьянского населения чистого сбора хлебов приходилось лишь 9,9 пуда, т. е. менее 50% минимальной потребительской нормы³¹. Но и в этом году из Бессарабии было вывезено, как мы видели выше, до 39 млн. пудов зерна. Таким образом, несмотря на то, что трудовое крестьянство голодало, бессарабский хлеб шел за границу.

Рынок сбыта зерна в Бессарабии монополизировали крупные товарные фирмы, русские и иностранные, коммерческие банки России и зарубежных государств. Пользуясь своим безраздельным господством на местном рынке, находясь в блоке с крупными помещиками, они устанавливали низкие цены, диктовали крайне невыгодные для мелких производителей условия реализации зерна. Министерство торговли и промышленности признавало, что скупщики зерна в Бессарабии оказывали давление на цены и «монополюю их устанавливают»³².

Т а б л и ц а 4
Доля бессарабского хлеба в экспорте
хлеба из Одессы за 1900—1911 гг.
(млн. пудов)

Годы	Вывоз хлеба из Одессы	Поступление хлеба в Одессу из Бессарабии	
		в абс. цифрах	в %
1900	45,3	19,3	43
1901	73,6	40,2	55
1902	126,4	49,7	40
1903	139,4	44,5	32
1904	93,4	18,0	19
1905	73,4	21,9	30
1906	97,2	45,9	47
1907	83,5	42,4	50
1908	43,3	23,6	56
1909	51,8	29,0	56
1910	67,7	35,5	51
1911	93,1	50,6	55

за 1904 г. — табл. 17, Б, стр. 834—835; за 1905 г. — табл. 17, Б, стр. 852—853; за 1906 г. — табл. 17, Б, стр. 1142—1143; за 1907 г. — табл. 17, Б, стр. 1122—1123; за 1908 г. — табл. 17, Б, стр. 1156—1157; за 1909 г. — табл. 14, Б, стр. 534—535; за 1910 г. — табл. 14, Б, стр. 540—541; за 1911 г. — табл. 14, Б, стр. 544—545; за 1912 г. — табл. 14, Б, стр. 552—553; за 1913 г. — табл. 14, Б, стр. 156—157).

³⁰ Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Изд. Отдела торговли Министерства торговли и промышленности, СПб. 1912, стр. 89.

³¹ Обзор Бессарабской губернии за 1904 год. Кишинев 1906, ведомость № 16.

³² Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России, стр. 89.

Между крупными торговыми фирмами и крестьянином—продавцом хлеба обычно стояла разветвленная сеть комиссионеров — посредников и мелких скупщиков, каждый из которых брал себе долю цены товара, часть труда крестьянина. На II съезде представителей учреждений мелкого кредита Бессарабской губернии, состоявшемся в августе 1911 г., чиновник Русско-Дунайского пароходства Безвеконный говорил: «Крестьянин, вымолотив хлеб, немедленно сплавляет его на рынок или продает засевавшему в деревне видоизмененному ростовщику — лавочнику или заезжему купцу по первой предложенной цене. Цена эта часто устанавливается при содействии вина из собственных, покупателя, виноградных садов, часто при содействии соблазнительной мануфактуры, бакалеи или увещания высланных за пределы базара краснобаев-приказчиков, тянущих продавца каждый к своему амбару, где действуют часто нелегальным путем, обмеривая и обвешивая»³³. Старший инспектор Госбанка Лерхе в марте 1906 г. писал: «Крестьянский хлеб скупается мелкими скупщиками, выдающими иногда весной авансы, или комиссионерами одесских фирм (на западе — комиссионерами из Рени). Еще весной вечно нуждающийся в деньгах крестьянин удаленного от города села запродает будущий урожай мелкому скупщику-спекулянту обыкновенно за бесценок и получает лишь задаток, остальную же часть платы получает при сдаче хлеба, во время которой происходит новое уменьшение цены под разными предлогами. Иногда крестьянин продает свой хлеб своевременно и за наличные деньги, но и при этом случае в силу установившейся посреднической эксплуатации он принужден не менее 30—40% получать меньше против курсовой цены хлеба»³⁴. В октябре 1915 г. крестьянский хлеб в селах Бессарабии продавался на 30—40 коп. дешевле, чем он стоил в Кишиневе и других крупных торговых центрах губернии³⁵. На специальном заседании Одесской конторы Госбанка, где обсуждался вопрос о сбыте хлебов в южной Бессарабии в 1916 г., выявилась та же зависимость мелкого производителя от скупщика-посредника. Участники заседания признавали: «Значительная часть крестьянского хлеба прошла через руки скупщиков, и за услуги пришлось заплатить немало: скупщики платили от 30 до 60 коп. за пуд ячменя, когда за пуд можно было выручить от 80 до 90 коп.»³⁶.

Особенно важны для нас свидетельства самих крестьян, известные нам из материалов обследования крестьянской хлебной торговли Бессарабии, проведенного оценочно-статистическим отделением губернского земства в 1912 г. Эти материалы содержат сведения о самой разнузданной спекуляции и засилии комиссионеров и скупщиков. Так, из Липканской волости крестьяне сообщали: «Скупщики под будущий урожай вперед деньги выдают... почти наполовину меньше номинальной цены. Деньги выдают весной»³⁷.

В рамках данного сообщения мы не имеем возможности останавливаться на тех социально-экономических явлениях, которые заставляли крестьянина продавать необходимый ему хлеб по дешевым ценам. Среди них главными, безусловно, были жестокая эксплуатация крестьян помещиками, принимавшая самые различные формы, а также тяжелый податный гнет. Нашей задачей было показать, что, кроме этих и многих других явлений, большую роль играло господство крупного торгового капитала с его бесчисленной агентурой скупщиков, которые, до предела понижая цены, вынуждали крестьян продавать большое количество хлеба. Приведенные выше свидетельства о характере хлебной торговли в Бессарабии вполне подтверждают это соображение.

³³ Труды II съезда представителей учреждений мелкого кредита Бессарабской губернии. Кишинев 1911, приложение, доклад № 4.

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 587, оп. 33, д. 1047, л. 51.

³⁵ ЦГА МССР, ф. 297, оп. 1, д. 312, л. 5.

³⁶ «Вестник мелкого кредита», 1916, № 30, стр. 1198.

³⁷ Н. К. Могилянский. Производство хлебов, хлебооборот и сбыт крестьянского хлеба в Бессарабии, стр. 144.

ОБСУЖДЕНИЕ
ДОКЛАДОВ

ПРЕНИЯ НА ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ

С. М. Дубровский.

Мы уже четвертый раз собираемся на заседание нашего симпозиума. Опыт трех и программа этого четвертого симпозиума говорят за то, что научное общение является чрезвычайно важным. Оно полностью себя оправдало.

Теперь по существу заслушанных докладов. Надо прежде всего остановиться на первом, коллективном докладе, зачитанном тов. А. А. Преображенским, по вопросу о расслоении крестьянства в период развития феодально-крепостнических отношений. Ставится вопрос, что это за расслоение — только ли имущественное или социальное, классовое, расслоение? Конечно, когда происходит расслоение, получается имущественная разница между хозяйствами, расслоение связывается с формированием классов, с развитием определенных классовых отношений. Многие говорят о расслоении, понимая под этим развитие только капиталистических классовых отношений. При этом упускается из виду, что каждая общественная формация характеризуется тем, что происходит расслоение, связанное с воспроизводством классовых отношений данной формации или уклада. Конечно, классовое расслоение бывает связано и с развитием нарождающегося общества, будущей формации, и это, конечно, надо учитывать. Но мне представляется неправильным, когда вопрос о классовом расслоении в феодально-крепостническом обществе в основном сводится только к вопросу о развитии капиталистических отношений. Хотелось бы, чтобы историки, изучающие расслоение в феодально-крепостническом обществе, исследовали прежде всего процесс воспроизводства классовых отношений именно этой формации.

Расслоение при возникновении и развитии феодально-крепостнического общества заключалось в постепенном выделении из общин, с одной стороны, феодально зависимых крестьян, а затем и крепостных и, с другой, феодалов, а затем и крепостников. С постепенным отделением ремесла от земледелия начинался, а затем развивался процесс формирования подмастерьев и мастеров. С первыми этапами развития капитализма начиналось выделение будущих наемных рабочих и капиталистов. По мере развития капитализма и вытеснения им феодально-крепостнических отношений этот капиталистический вид расслоения деревни становился основным. Таким образом, вопросы расслоения в каждом обществе — это сложные вопросы. Нельзя сводить их только к одному капиталистическому расслоению, т. е. выделению, с одной стороны, рабочих, а с другой — капиталистических предпринимателей.

При изучении расслоения в докапиталистических обществах надо большое внимание уделять сохранявшемуся в них патриархальному укладу и патриархальным общинам. В общинах вместе с борьбой против феодалов-крепостников шла и своя групповая борьба. Как в своеобразном котелке, в этих общинах происходило как бы внутреннее бурление и кипение, при этом одни опускались вниз, другие — даже подымались вверх. Все это шло крайне медленно. Одни превращались в бездомных бобылей, которым в определенный период (напомню XVI и XVII вв.) ничего не оставалось, как идти к помещикам, монастырям и т. п. эксплуататорам, писать на себя порядные грамоты и постепенно превращаться в крепостных. Другие выбивались вверх, переходили сначала на более мелкую, а потом — в более крупную по значимости челядь местных феодалов, постепенно превращались даже в служилых людей и в помещиков. Третьи становились работными людьми, ремесленниками-подмастерьями, а то выбивались и в мастера. Очень немногие начинали промышлять торговлей, становясь кабачниками, ростовщиками, купцами и т. п. предпринимателями. Конечно, все названные группы составляли ничтожное меньшинство в среде основной массы феодально зависимых крестьян.

К сожалению, эти особенности расслоения феодально-крепостнического общества часто не учитываются. У нас очень много бьются над проблемами XV и XVI вв. Рассматривая развитие денежных отношений, развитие денежной ренты, говорят уже о развитии наемного труда, связывая это с развитием почти капиталистических отношений. Элементы капиталистических отношений в тот период, конечно, были. Но надо особенно подчеркнуть, что выходившие из общины пауперы, или бобыли, в основном

превращались не в наемных рабочих, а в конце концов, как сказано выше, превращались в крепостных. А как обстояло дело с формированием класса помещиков-крепостников? Когда у нас изучают развитие господствующих классов, то почему-то занимаются только капиталистами. А откуда брались крепостники? Откуда взялась огромная армия помещиков? Они не с неба свалились. В родословных многие из них лживо называли себя Юриковичами, Ярославичами, Гедиминовичами и т. д., но, по существу, большинство их вышло из общинной верхушки, оформилось из псарей, из ямщиков, ямщиковых детей, конюхов, ловчих, из всякого рода людей, которые были в услужении у феодалов. Так в основном шел процесс образования класса помещиков-крепостников. Нужно высказать пожелание, чтобы на одном из следующих симпозиумов был поставлен вопрос: как шло расслоение в феодально-крепостническом обществе, как формировался класс крепостных крестьян, с одной стороны, и как шло формирование класса помещиков-крепостников, с другой. Это основные процессы, которые, мне кажется, в данном случае нужно исследовать.

Теперь о развитии капиталистических отношений в условиях феодально-крепостнического общества.

Действительно, появлялись купцы, ростовщики, росли города, формировалось бургерство, создавались предпосылки для образования мануфактур и т. д., но в XVII в. это была еще тонкая струя. На основе этих буржуазных связей в тот период шло прежде всего укрепление феодально-крепостнического хозяйства. Как отмечали классики марксизма, чем больше своих продуктов имел помещик, возможность вывозить на рынок, тем больше он закабалял крестьян и увеличивал их эксплуатацию. Таким образом, первоначальный процесс создания барщинных отношений, фольварков и т. д. был связан с развитием товарно-денежных отношений. Но стало ли от этого хозяйство товарным? Ничего подобного. Как известно, В. И. Ленин крепостное барщинное хозяйство определял как натуральное. К сожалению, ленинскую характеристику феодального хозяйства, барщинного крепостного хозяйства у нас часто извращают. Например, ленинскую характеристику барщинного хозяйства переносят на весь феодализм в целом, и это в исторической литературе ошибочно фигурирует как якобы ленинское определение феодализма. Договариваются даже до того, что без барщины и крепостничества нет феодализма. Это, конечно, сплошной вздор. В Норвегии, Швеции и в других странах, например во многих странах на Востоке, где был классический феодализм, барщины почти не было. Это специальный вопрос. Я высказываю пожелание, чтобы на одном из симпозиумов был обсужден вопрос, что представляет собой феодализм и какое место занимает в нем барщинное хозяйство.

Исходя из ленинского понимания крепостного барщинного хозяйства, даже при продаже части продукции на рынке это хозяйство никак нельзя считать товарным. Оно было натуральным по самой своей сущности: крепостник, как правило, не платил заработную плату, не покупал семена, скот и инвентарь, не вкладывал своего капитала в хозяйство. В основном он использовал работу крепостного крестьянина, «заработную плату» которого заменял земельный надел. По самому характеру отношений помещика с непосредственным производителем это было натуральное хозяйство, хотя оно и сбывало часть продукции на рынке. Когда у нас исчисляют процент товарности крепостного хозяйства, то обычно делают это неправильно: проданное количество продуктов сравнивают только с той продукцией, которую получил данный крепостник, но не берут хозяйство в целом — не учитывают крестьянского хозяйства.

После меня будет выступать специалист по истории Англии. Маноральное хозяйство не только кормило всю громадную феодальную челядь, но часть продукта продавало на рынке и многое покупало на рынке. Но, поскольку в основе производственных отношений были натуральные отношения, указанная связь с рынком не меняла основного — натурального характера хозяйства. Для развития феодально-крепостного хозяйства очень важно постепенное нарастание денежного хозяйства, увеличение его товарности. Пока товарно-денежные отношения находились на низком уровне, рост товарности даже способствовал развитию крепостного хозяйства, в основном натуральных феодально-крепостнических отношений — закрепощению крестьян. Чем больше денежные хозяйства выбрасывали быблей, тем больше эти быблы шли закабаляться к феодалам-крепостникам, т. е. шло развитие крепостного хозяйства. Наоборот, на последующих этапах развития товарно-денежного хозяйства его рост приводит к постепенному разложению крепостного барщинного хозяйства и его отмене, при сохранении, однако, больших его пережитков, как это было в России после 1861 г.

Среди некоторых научных работников распространено совершенно неправильное представление о смене основных форм ренты. Обычно упускают из виду, что Маркс в «Капитале» (т. III) изложил не всеобщую историю смены форм ренты, а только *генезис капиталистической ренты*. Рента действительно развивалась, начиная с отработочной, затем следовала рента продуктами и денежная. Но Маркс не случайно подчеркнул, что в конкретной истории в развитии форм ренты были всевозможные вариации. Некоторые же, не до конца поняв Маркса, считали, что развитие ренты и в нашей стране, в частности в Киевском государстве, должно было начаться обязательно с отработочной ренты.

В Московском государстве развитие ренты также начиналось отнюдь не с отработочной ренты. Первоначально развивалась рента продуктами и частично — денежная. Отработочная рента появляется на следующем этапе развития.

Надо подчеркнуть, что развитие денежной ренты в XV—XVI вв. отнюдь не являлось переходом к ренте капиталистической, — это был переход в основном к отработочной ренте. Как я уже говорил, тогда происходила не пролетаризация крестьянства, а частичная пауперизация его с развитием не капиталистического, а феодально-крепостного хозяйства. Нужно внести полную ясность в трактовку вопроса о развитии разных форм ренты в различных исторических условиях.

М. А. Барг.

Хотя специалисты по аграрной истории средневековья Западной Европы, за редким исключением, не принимают планомерного и систематического участия в работе симпозиума, они, тем не менее, тщательно следят за его достижениями, которые с каждым годом все больше и больше становятся общим достоянием всех советских историков. Даже один лишь перечень тезисов докладов и сообщений, включенных в повестку дня данного симпозиума, убеждает в огромной научной ценности этого начинания, которое следует признать самой удачной формой координации творческих усилий советских историков-аграрников.

Однако то обстоятельство, что специалисты по всеобщей истории привлекаются к работе симпозиума только от случая к случаю, наносит ущерб не только им, но, мне кажется, и уровню работы самого симпозиума. Ибо в то время, как в других областях знания наблюдается интенсивный процесс кооперирования усилий ученых различных специальностей, историки-аграрники почему-то встали на путь узкой специализации, я бы даже сказал — самоизоляции.

В самом деле, нельзя сколько-нибудь серьезно думать о том, что можно полноценно ставить и решать общенсторические и общеметодологические вопросы, такие, скажем, как генезис капитализма и проблема дифференциации крестьянства, волнующие в данный момент историков-аграрников СССР, не зная и не учитывая того, что накопила советская медиевистика за ряд десятилетий упорных трудов. Не следует забывать, что эти вопросы уже волновали несколько десятилетий тому назад «всеобщих» историков, которые плохо или хорошо, но как-то ответили на них.

Мы сегодня слушали историографический доклад. Говоря о советской историографии за последние десять лет, докладчик не упомянул ни одного имени из множества советских «всеобщих» историков, работавших и работающих по сей день в данной области. Между тем хорошо известен их крупный вклад в разработку тех вопросов, которые волнуют А. А. Преображенского, на которые он пытается «самостоятельно» ответить. Но этот вклад остался за пределами его кругозора. Мне представляется, что такой ничем не оправданный отрыв восточноевропейской проблематики аграрной истории от западноевропейской причиняет всем нам лишь вред, потому что история — единая наука, и поэтому мы все страдаем от того, что вносим неясность и путаницу в те вопросы, которые считаются в кругу «всеобщих» историков уже так или иначе разрешенными.

Как специалист по аграрной истории Англии я хочу обратить ваше внимание на то, что документальный материал страны классического развития капитализма, и прежде всего в земледелии, мог бы оказаться очень полезным с научно-познавательной и общеметодологической точки зрения всем тем, кто интересуется генезисом капитализма в странах Восточной Европы. Ведь недаром же Маркс в знаменитой 24-й главе I тома «Капитала» обратился к этому именно материалу. Одним словом, тот, кто ищет закономерное в прошлом русское крестьянство, должен помнить, что использование опыта аграрно-исторических исследований советских медиевистов, и прежде всего постановки ими ряда методологических проблем, — актуальная задача, которую нельзя обойти, не умалив и не принизив научный уровень исторических работ. Это в высшей степени плодотворный путь, следуя по которому историки СССР могли бы улучшить подготовку и решение многих из тех вопросов, которым был посвящен доклад А. А. Преображенского.

Мы допускаем неоправданную трату собственных сил, когда вторично открываем уже давно открытое, и не только открываем, но нередко закрываем, чтобы спустя 20 лет другому поколению историков пришлось повторять все сначала.

Буржуазные историографы ни к одному из трудящихся и эксплуатируемых классов прошлого и настоящего не подошли с такой предвзятостью и не допустили *такую степень фальсификации его прошлого и настоящего, как это случилось с крестьянством*. Впрочем, причины этого нам ясны, они заключаются прежде всего в «промежуточном положении» крестьянства как класса буржуазного общества, позволяющем буржуазии смотреть на него, как на свой резерв в борьбе с «коммунистической опасностью».

Поэтому советские историки, и прежде всего историки-аграрники, *обязаны создать марксистскую историю крестьянства не только на основе всеобъемлющего фактического материала, но и на базе глубокого теоретического и методологического проникновения в этот материал с целью противопоставить буржуазным историческим фальсификациям подлинно научное построение исторического прошлого крестьянства*.

Советским историкам-аграрникам представляется возможность получить еще одну опытную лабораторию, в которой многие из интересующих их фактов истории русского

крестьянства могут быть проверены в исторических условиях более раннего времени, когда общественное развитие было более однородным и менее затемнялось явлениями, привнесенными позднейшим развитием капитализма. Самая трудная для историков-аграрников СССР задача, заключающаяся в установлении хронологической грани между явлениями феодально-крепостнического характера и фактами, принадлежащими уже к следующему, капиталистическому периоду в истории крестьянства, может быть, по нашему глубокому убеждению, намного облегчена, если внимательно прочесть летопись английской деревни XI—XV вв. Вот пример: многое из того, что А. А. Преображенский и его соавторы относят в русской действительности XVII в. к признакам классовой дифференциации крестьянства, в истории английского крестьянства отмечается уже в XIII в., т. е. по крайней мере за два столетия до начала капиталистической эры. А вы знаете, что Англия — одна из первых стран капиталистического развития.

Как влияет товарно-денежное хозяйство на феодальный строй? Для ответа на этот вопрос следует вспомнить о недавно еще столь загадочном отношении личной свободы непосредственного производителя к феодальной эксплуатации. Как известно, было время, когда историки юридической школы никак не могли совместить с феодализмом крестьянскую свободу; лично свободный земледелец, хотя и обрабатывавший зависимую от господина землю, в их глазах — уже явление не феодального порядка. Точно так же сегодня историки вульгарно-экономического направления никак не могут совместить с феодализмом товарно-денежные отношения и те социально-экономические последствия, которыми они сопровождаются, в частности преобладание денежной ренты. Я мог бы сослаться на английского историка Мориса Добба и чешского историка Ф. Грауса, которые считают торжество денежной ренты концом феодализма. Точно так же они смешивают социальную и имущественную дифференциацию крестьянства.

На самом же деле влияние товарно-денежных отношений на феодальное хозяйство гораздо более противоречиво и сложно.

Возьмем такую небольшую страну, как Англия, однако и в ней мы находим всю гамму противоречий, обусловленных развитием обмена. С одной стороны, в районах с развитой поместной системой хозяйства (или так наз. манориальной системой) мы наблюдаем в XIII в. прежде всего увеличение площади барской запашки и, следовательно, рост отработочных повинностей, стремление лордов распространить отношения личной крепости на полусвободные и свободные слои крестьян, усиление поместной юрисдикции. Одним словом, мы наблюдаем здесь все явления феодальной реакции, весьма напоминающие черты феодальной экономики в районах так наз. второго издания крепостничества. И в то же время почему-то Англия русским историкам (да и некоторым «всеобщим» историкам) известна больше как страна «свободного крестьянства», так наз. фригольда.

Поэтому хотелось подчеркнуть, что Англия в XIII в. была страной, может быть, наиболее классического в рамках средневековой Западной Европы крепостничества. Если искать страну, которая в XIII в., в условиях классического феодализма, более всего приближалась к социальным условиям, отмечающимся в XVI—XVIII вв. в странах к востоку от Эльбы, то праввернее всего обратиться к Англии. Именно в Англии создана была знаменитая теория вилланства. Английский юрист Брактон в своем трактате «О законах и обычаях Англии» посвящает много разделов положению вилланов. То, что он говорит о вилланах, во многом напоминает о русских крепостных. Виллан XIII в., как и вся его движимость и недвижимость, вместе со своим потомством считался собственностью лорда. Лорд имел право захватить имущество своего виллана в любой момент и где бы он ни нашел его. Что бы виллан ни приобретал, он приобретал для своего лорда и «на деньги лорда», так как ничего собственного он не имел. Весь общественно-полезный труд виллана принадлежал лорду, — отсюда и произвольный характер повинностей. Правило гласило: «виллан не знает вечером, какую работу он будет выполнять утром». Если само сельскохозяйственное производство, сама сезонность работы определяли характер барщины и виллан в действительности знал вечером, что будет делать утром, потому что он либо пахал, либо сеял и т. д., то, тем не менее, за лордом оставалось право произвольного назначения работ. Если произвольная барщина и сводилась к трем дням барщины в неделю, то лорд мог требовать от виллана определявшуюся только его, лорда, произволом брачную пошлину, пошлину за уход виллана из деревни и т. д. Одним словом, количество произвольных пошлин было значительным. Виллан не имел права изучать ремесло, принимать церковный сан. Английское крепостничество, как мы видим, весьма напоминает второе издание крепостного права в странах к востоку от Эльбы. Таков был результат оживления товарно-денежных отношений в Англии в XII—XIII вв.

Значит, именно торговый бум, о котором говорят буржуазные историки и экономисты, в XIII в. предопределил расцвет английского крепостничества.

Перед нами одна линия развития. Но возьмем другой район Англии, район северный и восточный. Там не было столь обширной барской запашки, а поэтому там развитие товарных отношений привело к росту и распространению денежной ренты, к распространению свободных элементов среди крестьянства, к таким явлениям экономики, как аренда крестьянами земли и наемная рабочая сила.

Небольшая островная страна дает два примера того, в каких направлениях раз-

витие товарных отношений могло влиять на феодальное крестьянство. И следует подчеркнуть, что из двух тенденций ведущей была крепостническая, а тенденция расцвета денежной ренты была в XIII в. второстепенной, первенствующее место она заняла лишь в XIV и XV вв.

Попытаемся теперь взглянуть на виллана как на «сельского хозяина», как на самостоятельного производителя. Обратимся к тем источникам, которые характеризуют виллана с точки зрения его экономического и хозяйственного облика, показывают, что он представляет собой.

Д. Л. Похилевич вспомнил об Англии, когда говорил о дифференциации свободных крестьян. Свободные крестьяне имели право отчуждать свою землю. Рыночный продукт был целиком в их власти. Поэтому свободные крестьяне, фригольдеры — самостоятельные товаропроизводители. Их дифференциация была, следовательно, результатом воздействия рыночной стихии. Гораздо важнее обратить внимание на имущественную дифференциацию вилланов. Виллан не имел права отчуждать свой надел, хотя он и имел право отчуждать избыточный продукт.

Уже в книге Страшного суда (в конце XI в.) среди английского вилланства отмечается ярко выраженная дифференциация, конечно, имущественная. Но это та самая дифференциация, в которой иные историки усматривают признаки и «доказательство» сельского капитализма.

Я не буду приводить цифры, а скажу, что около 40% всего сельского населения (точнее — крепостных хозяйств) Англии в конце XI в. не имело уже возможности жить в качестве самостоятельных сельских хозяев, так как не имело наделов; эти люди называются коттерами, ибо имели одну усадьбу. А в XIII в., в момент расцвета товарно-денежных отношений и крепостничества, эта дифференциация вилланства еще больше усугубилась.

Процент малоземельных и безземельных крестьян среди вилланов достигал 50—55% (в различных районах — по-разному), т. е. фактически таковыми являлись более половины крестьян. Кем они были? Могло ли феодальное хозяйство их переварить? Одна мысль мне особенно понравилась у С. М. Дубровского. Он говорил, что феодализм воспроизводит свои собственные отношения. Перед нами и в данном случае воспроизводство феодальных отношений. Оказывается, создание малоземельных и безземельных хозяйств — это нередко результат целенаправленной политики самих лордов. Им сплошь и рядом было выгоднее иметь 10 коттеров с участками по три акра, чем одного виллана с тридцатью акрами: чем меньше надел, тем пропорционально выше была рента. Лорды были рачительными хозяевами, они хорошо умели считать и, создавая мелкие держания, могли с небольшой площади получать гораздо более высокие доходы, гораздо большие выгоды, чем от крупных наделов.

А как же добывали эти мелкие хозяева средства к существованию? Каким образом существовала эта огромная масса безнадельных крестьян? Буржуазный историк Гранат ответил на этот вопрос так: это была огромная армия пролетариев в эпоху феодализма, и поэтому английские огораживания XVI в. ничего не внесли нового в процесс обезземеливания крестьян, потому что английские крестьяне были обезземелены еще задолго до огораживаний, т. е. в XIII в. Этот ответ идет по линии отрицания экспроприации крестьянства в XVI в. Гранат написал свою книгу с целью «опровергнуть» Маркса.

По-видимому, в действительности вопрос решается по-другому. Коттер нередко добывал себе средства к существованию наемным трудом. Но какова была природа этого труда? Мы должны ввести понятие «феодальный наемный труд», точно так же как мы оперируем понятием «капиталистический наемный труд», потому что это качественно различные понятия и их нельзя смешивать, хотя историки то и дело их смешивают. Безусловно, феодальный наемный труд легче перерастает в капиталистический наемный труд, чем наделный крестьянин перерастает в рабочего, но это не лишает его качественных отличий.

Эксплуатация коттеров — типично феодальное отношение. Коттер один-два дня отработывает барщину, а на третий день он нанимается за плату. Плата за «наем» состоит главным образом из натуральных выдач, денежных выдач очень мало, и расценки этих выдач определяются не рынком труда, а отношением зависимости.

После «черной смерти», т. е. эпидемии чумы в Англии в XIV в., когда вопрос о рабочей силе встал очень остро, помещикам было предписано не задерживать у себя в поместьях больше рабочих рук, чем их можно использовать. Таким образом, видно, что работных людей задерживали. Однако коттер очень часто принуждается к «добровольной» службе. Он берется во двор, становится скотником, пастухом. Дворовая служба тоже была формой «найма», но очевидно, что она представляла собой феодальную эксплуатацию на основе крепостного права. Чем ниже мы опускаемся по социальной, имущественной лестнице, тем больше стираются грани между крепостными и свободными крестьянами, между свободным и крепостным трудом.

То, что говорилось мною в отношении коттера-виллана — крепостного, можно сказать и в отношении коттера свободного. Я был очень обрадован одним пунктом в докладе Д. Л. Похилевича, где он говорил о том, кто такие «загородники» и «кутники». Эта же проблема решается на базе английского материала. Замечается следующее: в одних манорах мы встречаем 5—6 коттеров, в других же — по 30—40 человек и больше. Чем определяются эти различия? Оказывается, коттеры живут там, где имеется постоянный рынок. Следовательно, это вовсе не земледельцы, а ремесленники.

Об этом свидетельствуют их прозвища: Джон-сапожник, Джон-портной. Конечно, нельзя все прозвища считать профессиональными признаками, но все же обращает на себя внимание факт, что среди коттеров процент ремесленных прозвищ значительно выше, чем у надельных крестьян. Значит, коттеры селятся гнездами, свидетельствующими о том, что перед нами — процесс отделения ремесла от земледелия, а вовсе не процесс разложения крестьянства как класса.

Итак, мне кажется, что на процесс отделения ремесла от земледелия всем историкам феодализма следует обратить большое внимание, потому что он является обратной стороной процесса имущественной дифференциации.

Я не думаю, что английский материал может служить основой для анализа явлений русской действительности, но, тем не менее, явления английские должны наталкивать русских историков на более осторожные пути анализа собственного материала. Феодальный способ производства был и оставался решающим до тех пор, пока решающим выражением эксплуатации оставалась рента. Поэтому именно она определяла классовую природу всякого рода отношений, которые на первый взгляд не являлись феодальными.

Конечно, феодализм гораздо более живуч как система эксплуатации, он гораздо более разносторонен как система хозяйства, чем это нам иногда рисуется.

Я заканчиваю свое выступление тем, чем начал. Я призываю к сотрудничеству между «всеобщими» историками и историками-аграрниками СССР и желаю, чтобы это сотрудничество стало такой же традицией, как этот симпозиум.

Н. А. Мохов.

Товарищи, заседания наших симпозиумов посвящены выяснению сущности «генезиса капитализма». Нужно сказать, что выступления специалистов по всеобщей истории как на прошлых симпозиумах, так и на нашем сегодняшнем симпозиуме, безусловно, очень полезны. Мы еще в Киеве убедились, что некоторые проблемы английской аграрной истории являются проблемами не только Англии. Нам и впредь нужно привлекать специалистов по аграрной истории Западной Европы. Это полезно.

Я хочу, основываясь на истории Молдавии, коснуться некоторых вопросов по докладу А. А. Преображенского.

В докладе, как и на предыдущих симпозиумах, совершенно правильно отмечалось, что нельзя характеризовать появление капитализма только по какому-нибудь одному признаку. В некоторых докладах на предыдущих симпозиумах приводились примеры развития торговли или найма рабочей силы и делались выводы, что это элементы нового общества, — это неправильно. В докладе А. А. Преображенского подчеркнут вопрос о роли социального расслоения. Конечно, этот показатель более глубоко и полно характеризует элементы нового, которые зарождаются еще при господстве феодальных отношений. Но мне хочется сказать, что и этого одного признака тоже недостаточно. Дело в том, что и расслоение, пусть это будет социальное расслоение, как об этом говорили, или имущественное неравенство, существует и в других формах.

Для характеристики периода зарождения капиталистических отношений важно отметить изменения как в социальном строе, так и одновременно с этим и в самом процессе производства, ибо процесс производства также меняется. Меняется экономика и техника, общественные отношения.

Нужно подчеркнуть, что на формирование новых отношений влияют в некоторых случаях и политические факторы, что имело место в истории Молдавии.

Начиная с XVI в., когда Молдавия попала под иго турецких феодалов, здесь, хотя и замедленно, продолжался рост товарного производства, развивалась торговля. В конце XVI и XVII в. на ярмарках продавалось в год 10 тыс. голов крупного рогатого скота, причем этот скот попадал и на прибалтийский рынок, а также в Германию, Венецию. Но это ни в коей мере еще не значит, что в Молдавии развивались капиталистические отношения. Эти продукты земледелия и сельского хозяйства попадали на рынок не в результате капиталистического развития, а наоборот, в результате укрепления в Молдавии феодальных отношений.

Для выяснения генезиса капитализма в истории Молдавии надо учитывать одну чисто политическую особенность. Молдавия платила очень большие суммы дани — главным образом деньгами — турецкому султану. Для уплаты дани государство взysкивало очень большие суммы налогов в виде денег. Эти деньги налогоплательщики собирали главным образом, продавая скот на иностранные рынки. Большое количество скота продавалось и на внутреннем рынке: значительная часть денег, собранная в виде дани, расходовалась турецкими агентами (бейликчи) на покупку скота на месте у крестьян по принудительной цене; скот этот отправлялся в Турцию. Таким образом, дань выплачивалась деньгами, но значительная их часть расходовалась внутри страны. Никаких изменений в общественных отношениях не происходило. Крестьянское хозяйство в своей основе оставалось натуральным, ни техника производства, ни характер отношений феодала с крестьянами не менялись, хотя товарно-денежные отношения получали большое развитие.

Турецкое господство до некоторой степени объясняет вторую особенность в эко-

номическом развитии Молдавии, которая влияла на зарождение капиталистических отношений. На протяжении XVII—XVIII вв. барщина получила в Молдавии слабое развитие, в XVIII в. крестьяне здесь боролись против увеличения ее до 24 дней в году. В конце века были узаконены 12 урочных дней барщины в год (урочный день был равен 2—4 календарным дням и даже больше), еженедельная барщина в Молдавии так и не была введена. Барщинный труд в Молдавии до конца XVIII в. не был главной формой эксплуатации крестьян. Такой формой был оброк продуктами или деньгами. Эта особенность экономической истории Молдавии объясняется в какой-то мере политикой завоевателей. Феодалы Молдавии не были заинтересованы в организации крупного барщинного хозяйства, ибо собранные в крупных хозяйствах продукты легко могли быть забраны бейликами по пониженным ценам. Феодалы предпочитали получать с крестьян ренту деньгами или продуктами и потом продавать собранные продукты на рынке.

Я хотел подчеркнуть ту мысль, что для определения элементов зарождения капиталистических отношений имеет важное значение не один какой-либо показатель, а совокупность нескольких.

Социальное расслоение — это очень важный фактор, но нужно рассматривать и изменения условий и характера производства. В Молдавии быстрый рост товарного производства в XVI — первой половине XVII в. отражал рост турецкой дани. Процесс производства остался старым, натуральным, основа производственных отношений, техника обработки почти не менялись, и, следовательно, нет оснований говорить, что появляются новые общественные отношения.

Таким образом, я хочу подчеркнуть, что для экономической истории Молдавии политические факторы имели важное значение. Так, Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., который ограничивал власть Турции над Молдавией, стал поворотным пунктом и в экономической истории Молдавии. Во многих отраслях экономической жизни именно с этого времени стали отмечаться явления, которые говорят о развитии новых, капиталистических отношений, и мы эту дату считаем важной гранью.

Накопление больших сумм денег, которое происходило в Молдавии в XVI—XVII вв., не послужило основой для первоначального капиталистического накопления. Эти богатства шли главным образом на удовлетворение алчности турецких поработителей, тратились преимущественно не в Молдавии, а в Турции.

И. Г. Рознер.

Мне придется начать с конца, с выступления Н. А. Мохова.

По мнению Мохова (Молдавия), нельзя говорить о социальном расслоении крестьянства и тем более о наличии буржуазных отношений в XVI—XVII вв., т. е. в сравнительно ранний период нашей истории, так как эти явления, мол, относятся к значительно более позднему времени. Я не могу согласиться с тов. Моховым. Правда, необходимо всегда иметь в виду, что буржуазные отношения тоже претерпевают определенную эволюцию в своем развитии, точно так же, как феодальные и рабовладельческие. По отношению к XVI—XVII и даже XVIII в. можно, конечно, говорить лишь о зарождении и развитии раннебуржуазных отношений в крепостнической системе России.

Внимания заслуживает выступление профессора Барга, специалиста по истории Англии. Действительно, полезно привлечь к работе нашего симпозиума специалистов по истории западноевропейских стран. Однако, мне кажется, присоединиться к их мнению и воспользоваться их советами можно только в том случае, если мы вполне уверены, что они действительно разрабатывают аграрную историю той или иной западноевропейской страны в правильном направлении.

Мне кажется, что положения, высказанные проф. Баргом, неправильны сами по себе и не применимы к истории России. Вряд ли кто из историков-аграрников сможет согласиться с его аналогиями.

Проф. Барг настойчиво старается убедить нас, что никаких качественных различий между явлениями в сельском хозяйстве Англии XIII в. и России XVI—XVII вв. усмотреть нельзя, что явления, которые мы наблюдаем в экономике России XVII в., не ушли далее тех, которые были характерны для Англии XIII в. В Англии XIII в., говорит он, происходит развитие манориальной системы, а в России XVII в. — помещичий. Это верно, но проф. Барг забыл упомянуть, на какой основе происходило это развитие — на натуральной или товарно-денежной. Феодальные отношения на Руси начали развиваться с VIII в., но экономическая основа, на которой происходило это развитие, отнюдь не оставалась неизменной, она менялась под воздействием развивавшихся производительных сил. Начиная с XVI в., в результате углубления общественного разделения труда и образования предпосылок складывания всероссийского рынка, феодальные отношения испытывали на себе влияние растущего товарно-денежного хозяйства. Таким образом, в XIII и в XVII вв. мы, очевидно, имеем дело с различными эпохами, и аналогии проф. Барга в данном случае совершенно непригодны.

Далее, проф. Барга удивляет, что такие социально-экономические категории, как например наем, социальное расслоение в деревне, буржуазные отношения, в XVI—XVII вв. то появляются, то исчезают. Он высказывает свое восхищение тем, что

профессор Д. Л. Похилевич очень образно показал это на примере Украины и тем самым будто бы подтвердил мнение об отсутствии каких-либо качественных изменений в экономике России XVI—XVII вв. Необходимо заметить, что местами временное исчезновение новых явлений — найма, буржуазных отношений и т. д. — действительно имеет место. Однако нельзя забывать, что новым отношениям приходится с трудом пробивать себе дорогу сквозь толщу старых отношений, встречая огромные препятствия (экономического и политического характера) на каждом шагу, сталкиваясь с ожесточенным сопротивлением феодальной реакции, которая усиливается именно по мере роста и развития новых отношений, по мере того как они начинают представлять угрозу для феодальной системы. Но окончательно подавить и искоренить зарождающиеся новые, буржуазные отношения феодальная реакция не смогла почти нигде — ни в Западной, ни в Восточной Европе. Более того, феодалы, против своей воли, вынужденные были приспособиться к развивающимся новым отношениям. Другое дело, конечно, что феодальная реакция всюду тормозила развитие новых экономических явлений. Такие противоречивые процессы характерны для любого поступательного развития. «История, — отметил в своем докладе на XXII съезде КПСС Н. С. Хрущев, — развивается не прямолинейно, она делает гигантские изломы, зигзаги и повороты» (Н. С. Хрущев. Отчет ЦК КПСС XXII съезду партии. Госполитиздат, 1961, стр. 6).

Остановимся теперь вкратце на выступлении С. М. Дубровского, которое прозвучало в унисон с выступлением М. А. Барга. В эпоху феодализма, говорит Дубровский, происходит воспроизводство социальных отношений на феодальной основе. Верно, но только формально, поскольку общественно-политический строй страны остается феодальным до самого падения феодальной системы (в России — до реформы 1861 г.). На самом деле одновременно с воспроизводством феодальных отношений на известной ступени развития (приблизительно в XVI—XVII вв.) происходит воспроизводство, пусть в ограниченных размерах, новых, буржуазных отношений.

Я согласен с утверждением С. М. Дубровского, что отдельным элементам из низов удается проникнуть в ряды господствующего класса. Не будет ошибкой сказать и большее: в переломные эпохи, в период резкого обострения классовых антагонизмов (в России — начиная с XVI—XVII вв.), класс феодалов вынужден расширять свою социальную основу и впитывать в себя элементы из низших слоев. Но делал он это, конечно, не из расположения к низшим слоям, а в силу необходимости, стремясь к укреплению, консолидации своих классовых сил, к сохранению крепостнической системы, которая все более разлагается под влиянием развивающихся товарно-денежных, а затем буржуазных отношений. Примером может служить образование целой категории мелких служилых людей в России этого времени.

Я с большим вниманием прослушал доклад Д. Л. Похилевича о малоземельных и безземельных крестьянах в западных областях Украины в XIV—XVI вв. Д. Л. Похилевич очень убедительно продемонстрировал существование малоземельных крестьян в Западной Украине в XIV в., т. е. еще задолго до XVI в. Однако на этой основе он пытался убедить нас, что в XVI в. ни о каком социальном расслоении не может быть и речи, поскольку малоземельные и безземельные крестьяне существовали и в предшествующие столетия.

Да, действительно, идеального экономического равенства не существовало уже со времени разложения первобытнообщинного строя, появления классов. Это вполне понятно. Однако массовое обезземеливание крестьян происходит все же в совершенно определенный период и связано с развитием новых, товарно-денежных связей, втягиванием феодального и крестьянского хозяйства в эти связи, с началом социального расслоения крестьян, наступившего на Украине приблизительно с XVI в. Разве, Дмитрий Леонидович, резкое усиление крепостнического гнета, феодальная реакция в Польше случайно наступили в XVI в., а не раньше? Конечно, нет. Ведь феодальная реакция — результат тех же факторов и отражала стремление господствующего класса феодалов сохранить старые социальные отношения в изменившихся, новых экономических условиях. В своем докладе Д. Л. Похилевич даже не считал нужным упомянуть об этом. Известно, однако, что и феодальная реакция, и крестьянско-казачьи войны в Польше и на Украине происходили не в XII—XV, а именно в XVI—XVII вв. Как раз начиная с этого времени (и это, конечно, не случайно) массы крестьянства, казачества и городского населения настойчиво стремятся уничтожить феодально-крепостнический строй, приобрести свободу от крепостничества и возможность вести самостоятельное хозяйство на основе товарно-денежного хозяйства. А Вы, Дмитрий Леонидович, беретесь утверждать, что в XII—XIV вв. замечаем те же явления, что в XVI—XVII вв. Это по меньшей мере странно.

Д. Л. Похилевич ни слова не сказал об углублении на Украине, начиная с конца XV в., общественного разделения труда, о сравнительно быстром развитии ремесла и промыслов, о городообразовательном процессе, о расширении рыночных связей, развитии внутренней и внешней торговли. Нельзя не согласиться, что все эти и подобные им явления, характерные именно для XVI—XVII вв., мы не имеем возможности наблюдать ни в XIII, ни в XV в. Они свидетельствуют о качественных социально-экономических сдвигах, изменениях в ходе развития феодализма, о начальной стадии разложения крепостнической системы.

Д. Л. Похилевич не согласен с теми, кто склонен считать, что наемный труд — самый яркий показатель наличия зарождения в недрах феодализма ранних буржуаз-

ных отношений, и ссылается на то, что наем, мол, существовал еще в античности. Верно, но ведь дело в том, что речь идет о совершенно разных исторических эпохах. Говоря о применении наемного труда как признаке зарождающихся буржуазных отношений, мы имеем в виду не классический феодализм с его натуральным хозяйством и, конечно, не рабовладельческое общество, а феодализм, который под влиянием развития товарно-денежных связей вступил в начальную стадию своего разложения. Поэтому аналогия между наемным трудом в древнем мире, с одной стороны, и в XVI—XVII вв., с другой, мне тоже кажется неудачной.

Несколько слов о коморниках. Они, наряду с огородниками, гультиями и наймитами, являются продуктом пауперизации, социального расслоения украинского села. Как массовое явление эти социальные категории, выступавшие как единичные случаи в более раннее время, появляются только с конца XV — начала XVI в. Д. Л. Похилевич это тоже отказывается видеть.

Я горячо приветствую доклад товарищей Е. И. Индовой, А. А. Преображенского и Ю. А. Тихонова. Считаю его глубоким по содержанию и вместе с тем стройным и последовательным по форме. Мне кажется, что авторы доклада весьма серьезно, добросовестно отнеслись к своей задаче. Они обнаружили большую эрудицию, обобщили все, что создано советской историографией, и пришли к правильным выводам. Никто из выступавших в прениях по докладу, как вы заметили, не смог поколебать ни одного основного положения докладчиков. Причина этого, надо думать, коренится в том, что заслушанный нами доклад действительно основан на творческом применении теории классиков марксизма-ленинизма для решения вопроса о социальном расслоении крестьянства в странах Западной Европы, в частности в России и Польше.

Вместе с тем мне хотелось бы упрекнуть тов. Преображенского и его коллег в одном пункте. Мне кажется, что они очень уж судорожно цепляются за XVII в. как за грань для начала процесса социального расслоения села и возникновения раннебуржуазных отношений. Они абстрагируются от процесса углубления общественного разделения труда в России, который начался несколько ранее XVII в., игнорируют стремление русского крестьянства, начиная уже с первого десятилетия XVII в., сбросить с себя феодальные путы, что нашло свое выражение в усилении антифеодального движения и в крестьянской войне под руководством Болотникова, а также в образовании беглыми крестьянами вольных казачьих областей на южных окраинах государства — на Дону, Яике, Тереке и т. д. Эти вольные казачьи области и отчасти новоколонизированные крестьянами земли в Сибири, на Севере и т. д. противостояли, по существу, крепостническому государству. Поскольку социальные отношения, как это теперь доказано советскими исследователями, с самого начала развивались тут не на крепостнической основе, эти области образовали известную брешь в крепостнической системе России. Все эти и другие факторы, несомненно свидетельствующие о новых социально-экономических явлениях в жизни страны, никак нельзя сбрасывать со счетов. Само возникновение казачьих областей в России и на Украине, кстати, тоже относится не к XVII, а к XVI в.

В целях более точной формулировки, мне кажется, новые социальные отношения, возникшие в эмбриональной форме в XVI—XVII вв. и основывавшиеся на товарно-денежном хозяйстве и применении наемного труда, можно бы называть не буржуазными, а раннебуржуазными. Мы ведь говорим о раннефеодальных, раннерабовладельческих отношениях, подчеркивая тем самым, что соответствующие отношения находились в начальном периоде своего развития. Это не меняет существа картины и вместе с тем вносит большую точность. Одно дело — буржуазные отношения в XVI—XVII вв., еще в недрах феодализма, другое — в более позднюю эпоху — скажем, в XIX—XX вв.

Приходится сожалеть, что в докладе Е. И. Индовой, А. А. Преображенского и Ю. А. Тихонова не был затронут вопрос о феодальной реакции в Восточной Европе, о том, когда и в связи с чем она наступила и какие имела последствия для социально-экономического, политического и культурного развития восточноевропейских стран, прежде всего России, Украины, Польши.

В заключение хочется отметить, что бурные дебаты по докладам свидетельствуют о том, как полезны наши симпозиумы. Они помогают ставить и коллективными усилиями разрешать многие кардинальные проблемы истории аграрных отношений в странах Восточной Европы.

В. М. Лавровский.

На основании опыта симпозиума 1960 г. как будто было признано, что сотрудничество историков-аграрников — специалистов по истории СССР и западных стран — весьма ценно. Думаю, что руководство симпозиума и теперь стоит на такой же точке зрения: это сотрудничество должно быть не только продолжено, но и углублено и расширено. Почему ограничивать проблематику симпозиумов аграрной историей Восточной Европы? Кстати, напомним, что ряд японских историков весьма интересуется постановкой проблем аграрной истории в трудах советских историков.

Однако если было признано полезным и важным сотрудничество специалистов по истории СССР и Запада, то почему в докладе А. А. Преображенского и др. отсутствуют упоминания о трудах по аграрной истории, принадлежащих советским специалистам по истории Англии, Франции и Восточной Европы? Даже весьма ценная в

теоретическом отношении статья Сергея Даниловича Сказкина о вторичном закреплении в этом докладе не упомянута.

Неясно, каково отношение А. А. Преображенского к концепции, развитой в сборнике «О первоначальном накоплении в России XVII—XVIII вв.» (1954 г.), и к статье венгерского историка П.-Ж. Паха, напечатанной в «Вопросах истории» (№ 2 за 1955 г.) и содержащей ряд неверных положений, от которых он отказался на конгрессе в Стокгольме, заявив, что статья С. Д. Сказкина убедила его в неправильности развитой ранее концепции первоначального накопления в Венгрии.

Еще один вопрос, который мне хотелось бы поставить на обсуждение и который, как мне кажется, имеет большое теоретическое значение для аграрных историков: является ли Англия «типической» или «классической» страной развития капитализма? Марксом на примере этой страны были вскрыты, а В. И. Лениным на примере России и США затем подтверждены законы развития капитализма в земледелии. Постановка и разрешение этого вопроса весьма важны в теоретическом отношении. Историки-аграрники — специалисты по истории стран Запада, СССР и Востока должны подумать над этим вопросом, далеко еще не ясным и дискуссионным. Маркс на примере Англии вскрыл закономерности аграрного исторического развития. Англию он считал, как известно, страной классической, но отнюдь не типической. В нашей исторической литературе до сих пор смешивают эти два понятия — классическое и типическое. Но Маркс отнюдь не стремился к тому, чтобы изучать типические явления. Ленин всегда подчеркивал своеобразие аграрного развития различных стран. И мне кажется, что историки должны очень глубоко и серьезно продумать эту мысль о «классическом» и «типическом».

Задачей историков-аграрников является не констатация «типического», но раскрытие закономерного на классических «образцах» и примерах развития.

Я. Д. Исаевич.

И на предыдущей, Киевской сессии, и на настоящей сессии раздаются справедливые голоса о том, что название этого симпозиума не совсем соответствует его содержанию. Если не считать выступлений, построенных на западноевропейском материале, очень нужных и полезных, все доклады и сообщения нашего симпозиума посвящены аграрным отношениям в СССР и Польше. У нас не представлена аграрная история Чехии, Словакии, Венгрии, остальских провинций Германии, Закарпатской Украины и т. д. Чтобы соответствовать своему названию, наш симпозиум должен ставить те вопросы, которые отличают аграрные отношения Восточной Европы от аграрных отношений в других районах мира, и в первую очередь в Западной Европе. И в этом свете мне кажется, что ведущим вопросом симпозиума мог бы стать вопрос о том, что может дать изучение аграрных отношений для разрешения кардинальной проблемы истории Восточной Европы — вопроса о том, в чем состоит причина ее сравнительной отсталости в эпоху феодализма и капитализма. Были попытки фетишизации барщины, которую считали чуть ли не единственной причиной отсталости во всех областях политической и культурной жизни. Хорошо, что такая тенденция преодолена. Но, безусловно, крепостничество и барщина, с одной стороны, были следствием отставания Восточной Европы еще до их установления, а с другой стороны, содействовали сохранению и углублению этого отставания после их укрепления. Связанные с этим явления, отличающие Восточную Европу от Западной, должны играть важную роль в тематике симпозиума, если он называется симпозиумом по аграрной истории именно Восточной Европы.

Я хотел бы высказаться еще по первому докладу. Тут уже говорили о том, что вопрос о расслоении крестьянства в какой-то мере принял семантический характер. Приводилось множество терминов, которые применяются разными авторами для обозначения одних и тех же или аналогичных явлений. Многие предлагают остановиться только на двух терминах — «имущественное расслоение» и «социальное расслоение», причем социальным они называют только такое расслоение крестьянства, которое связано с генезисом капитализма, с буржуазным развитием общества. Но хотелось бы задать такой вопрос: можно ли все те явления, которые имели место в эпоху классического феодализма, того феодализма, когда еще не было абсолютно никаких капиталистических элементов, можно ли их свести к одному только имущественному расслоению? Д. Л. Похилевич приводил три основные категории крестьян Западной Украины и Польши. Похожие категории можно выделить и в Англии. В эпоху классического феодализма мы почти всегда видим и таких крестьян, которые не могли существовать без найма других крестьян, и таких, которые не могли существовать, не нанимаясь к другим крестьянам. М. А. Барг считает, что такое расслоение не было социальным, так как противоречия внутри класса перекрывались антагонизмом между крестьянством в целом и классом феодалов. Действительно, в отношении всех прослоек крестьянства к средствам производства в этот период больше общего, и это общее является определяющим и обуславливающим принадлежность их к одному крестьянскому классу. Но все же мне кажется, что это были разные социальные прослойки в пределах одного класса, поскольку они отличались одна от другой по своему месту в общественном производстве, по своему отношению к средствам производства. Имущественная диф-

ференциация, имущественное неравенство — это явления только количественного порядка, это — если в пределах одной социальной прослойки речь идет не о различиях в отношении данных лиц к средствам производства, а только о различиях в количестве имеющихся у них средств производства. А если речь идет о таких прослойках, которые занимали разное место в общественном производстве, которые все же отличались одна от другой характером своих отношений к средствам производства, то это явление социальное. По нашему мнению, деление крестьян на прослойки типа кметей, загородников и коморников можно называть социальным расслоением, не считая это социальное расслоение классовым, расслоением буржуазного характера. Поэтому мне кажется, что термин «социальное расслоение» является более общим, а классовое расслоение в отношении крестьян в эпоху феодализма — это частный случай социального расслоения, это тот его этап, который связан с буржуазными тенденциями, с разложением крестьян на классы будущего капиталистического общества.

А. П. Пьянков.

Неясно, почему мы ограничили себя периодом от конца XIV до начала XX в., от митрополита Киприана до Столыпина. Мне такое хронологическое ограничение представляется довольно произвольным. В нем нельзя не видеть недооценки изучения проблем раннего феодализма. Между тем, чтобы правильно понять, как развивалось феодальное общество в более поздние периоды, надо знать, как развивалось оно раньше. В связи с этим я высказываю пожелание, чтобы при подборе тематики для последующих симпозиумов наш Оргкомитет включал в повестку дня и доклады, относящиеся к проблемам ранних стадий развития феодального общества. Необходимость изучения проблем раннего феодализма убедительно показана в докладе Д. Л. Похилевича, где он должен был рассматривать явления XVI в. исходя из отношений более раннего времени.

Я вполне присоединяюсь к пожеланию М. А. Барга о том, что изучаемые на симпозиумах проблемы должны рассматриваться сравнительно-исторически с учетом конкретных материалов по истории стран Западной Европы. Это пожелание следует поддержать, поэтому установившуюся традицию включать в повестку дня доклады и выступления специалистов по истории Запада безусловно следует сохранить и развивать дальше.

Перехожу к проблеме дифференциации крестьянства. Разумеется, это очень важный вопрос. Недаром мы занимаемся им вторично.

Чтобы правильно определить сущность дифференциации крестьянства в период позднего феодализма, необходимо определить, в каких условиях совершался этот процесс, что происходило тогда с натуральным хозяйством? В выступлениях некоторых товарищей по докладу А. А. Преображенского можно заметить тенденцию разделить длительную феодальную эпоху на два этапа и характеризовать поздний феодализм как период, когда типичным было товарно-денежное, а не натуральное хозяйство. Такого рода утверждения нельзя считать правильными, ибо они в корне противоречат нашим общепринятым марксистским представлениям о феодальной формации.

Натуральное хозяйство долгое время господствовало в феодальном обществе, но это не означает, что при феодализме не было товарно-денежных отношений. Задача историка заключается в том, чтобы правильно определить значение товарно-денежных отношений. Эту задачу можно решить только на основе конкретных исследований. Прекрасным показателем степени развития товарно-денежных отношений в феодальную эпоху является распространение в изучаемом районе денежных оброков. Здесь еще раз надо напомнить огромное значение, какое имеет для определения общих тенденций развития феодального общества изучение форм феодальной ренты. Для Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. эта работа проделана, но для последующих столетий в этом направлении сделано пока очень мало. Приходится пожалеть, что в советской историографии еще нет монументального исследования о формах феодальной ренты в период позднего феодализма. Изучение форм феодальной ренты в XVI—XVIII вв. даст возможность правильно решить многие вопросы социально-экономического развития России в период позднего феодализма. Когда эта работа будет выполнена, тогда нельзя уже будет категорически утверждать, что в XVII в. в России имело место только буржуазное расслоение деревни, что феодального расслоения крестьянства тогда не было. Глубокое изучение форм феодальной ренты позволит правильно определить степень разложения натурального хозяйства и действительное значение в рассматриваемое время товарно-денежных отношений. Еще К. Маркс указывал, что некоторые историки XIX в. переоценивали значение торговли в средние века. Такая переоценка торговли вполне понятна для буржуазной историографии, но советские историки, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, по этому пути идти не могут.

Несколько соображений о начале «нового периода русской истории». В решении этого вопроса мы все еще стоим на догматических позициях. Очень часто этот вопрос решается только на основе ссылки на известное высказывание В. И. Ленина о все-российском рынке. Но в этом высказывании нет той категоричности, с какой это высказывание используется. В. И. Ленин писал по этому вопросу очень осторожно: «примерно с 17 в.». От догматического использования цитат пора переходить к глубоким конкретным исследованиям. К сожалению, в этом направлении сделано еще очень

мало. Наши труды все еще страдают догматизмом, и вследствие этого «цитата» все еще выступает в роли главнейшего аргумента. Между тем еще XX съезд КПСС ориентировал нас на борьбу с догматизмом и начетничеством в общественных науках, в том числе и в области исторических исследований. В связи с этим я приветствую выступление И. Г. Рознера, который отметил здесь, что некоторые явления так наз. «нового периода», возможно, имели место уже в XVI в.

Наши историки хорошо исследовали хозяйственное развитие русских земель в XIV—XV вв. Это развитие обусловило укрепление экономических связей между отдельными землями и княжествами. В конечном итоге этот процесс приводил к образованию «всероссийского рынка», которое уходит своими корнями в последние столетия феодальной раздробленности (XIV—XV вв.). Задача историков состоит в том, чтобы показать специфику отдельных этапов в развитии всероссийского рынка. К сожалению, в этом направлении сделано пока мало, хотя изучение этой проблемы имеет непосредственное отношение к истории аграрных отношений народов Восточной Европы.

Вернемся еще к коллективному докладу, с содержанием которого ознакомил нас А. А. Преображенский. Надо признать, что авторы доклада учли те замечания, какие были высказаны в Киеве по докладу И. Д. Ковальченко. Авторы учитывают особенности отдельных районов страны, но некоторые районы Русского государства все же не нашли себе места в их докладе. Авторы много говорили о поморском Севере, меньше — о центральных районах Замосковского края, есть в докладе материал по Сибири, Уралу, Прикамью. К сожалению, приводимые в докладе материалы недостаточно обобщены. Сейчас, как и в прошлом году — в Киеве, участники симпозиума все еще занимаются дефинициями, например определяют, какая разница между имущественным и классовым расслоением, расслоением и разложением. Не слишком ли много мы занимаемся этими вопросами, не слишком ли долго задерживаемся на одном месте, на обсуждении терминологии, вместо того чтобы творчески решать саму проблему?

Если в дальнейшей своей работе мы хронологически расширим сферу своей деятельности, нам, может быть, придется пересмотреть некоторые положения, которые сейчас считаются «незыблемыми», например о том, что восточное славянство в своем развитии миновало стадию рабовладельческого общества.

А. Л. Шапиро.

Авторы доклада о классовом расслоении крестьянства в XVII—XVIII вв. являются высококвалифицированными специалистами по социально-экономической истории и знатоками разнообразного документального материала. Они с полным основанием говорят не только о существовании наемного труда в сельском хозяйстве, но и об очень слабой степени его распространения. Характеризуя различные формы внутриклассовой эксплуатации крестьян, они говорят о «преобладании эксплуатации в форме покупки продукта труда, а не рабочей силы».

Отстаивая свой тезис о раннем зарождении капиталистических элементов в сельском хозяйстве, докладчики в ряде случаев выступают осторожно.

Можно отметить, что и противник тезиса о раннем зарождении капиталистических элементов в сельском хозяйстве России Н. Л. Рубинштейн в последней своей статье также проявляет меньше категоричности, чем прежде, и признает известные зачатки нового в XVII в.

Однако участники дискуссии не проявляют еще достаточного стремления учесть аргументы и материалы оппонентов и слишком часто повторяют свои собственные материалы и аргументы. Нам начинает угрожать опасность превращения плодотворной до сей поры дискуссии в толчение воды в ступе. Нужны углубленные исследования проблемы расслоения.

В докладе, как мне кажется, недооценено место крепостничества в сельском хозяйстве XVII—XVIII вв. Авторы признают, конечно, что крепостничество тормозило развитие капиталистических отношений. Однако им следовало бы сказать, что крепостничество не было в XVII—XVIII вв. простым пережитком прошлого. Крепостное право окончательно оформилось именно в XVII в. и почти до конца XVIII в. распространялось вширь. Крепостничество — это не только крепостное право. Это прежде всего крепостное хозяйство, и оно не только господствует, но и расширяется и углубляется в XVII и XVIII вв. Это расширение и углубление — определяющая черта сельскохозяйственного развития страны.

В конце коллективного доклада была даже такая фраза: «Крестьянство подвергалось жестокой, немилосердной эксплуатации со стороны различных групп буржуазии». Кто же эксплуатировал крестьянство — прежде всего разнообразные нарождавшиеся группы буржуазии или помещики? Против кого боролись крестьяне? Если в XVII—XVIII вв. уже развились буржуазные отношения, почему же прогрессивные силы боролись против крепостничества на протяжении всего XIX в.?

Ошибочным мне кажется положение о том, что уже в XVII в. существует резкий хозяйственный антагонизм между различными группами крестьян внутри крестьянской общины. Действительно, документы позволяют говорить о том, что были конфликты. Но в большинстве случаев борьба идет по вопросу о распределении феодальных повинностей. Часть крестьян берет себе лучшие участки земли и заставляет других

крестьян больше платить. Можно ли назвать сколько-нибудь значительное количество фактов, когда бедные крестьяне и батраки выступали бы против капиталистического типа эксплуатации внутри общины? Нет, нельзя.

Теперь относительно буржуазных элементов. Эти буржуазные элементы, спорадически возникающие в социально-экономической жизни России XVII в., безусловно, есть, но что можно считать буржуазными элементами? В докладе говорится, что формой буржуазных отношений является и кабала. Кабала существовала со времен «Русской Правды». Если всякую кабалу признать формой капиталистической эксплуатации, тогда придется начинать капитализм с Киевской Руси.

Авторы доклада усматривают элементы капитализма в том, что существовал торговый и ростовщический капитал. Но разве наличие торгового и ростовщического капитала позволяет говорить об элементах капитализма? Весь вопрос заключается в том, разлагают ли торговый капитал, ростовщический капитал старый способ производства и ставят ли на его место капиталистический способ производства. В промышленности XVII в. можно проследить, как купец превращал мелкого самостоятельного производителя в работника рассеянной мануфактуры. А в сельском хозяйстве этого не видно. Нужно точно определить, в какой мере о торговом и ростовщическом капитале можно говорить как об элементах складывающихся капиталистических отношений.

Авторы коллективного доклада подходят несколько недифференцированно к проблеме дифференциации. Они считают XVII — первую половину XIX в. единым периодом, хотя на протяжении XVII и большей части XVIII в. крепостничество быстро распространялось, а в первой половине XIX в. процесс распространения крепостничества отсутствовал.

Н. В. Устюгов.

Наш спор по вопросу о социальном расслоении затянулся, и я думаю, что нам пора определить границы спора — не приписывать своим противникам того, чего они не утверждают. Это одно из важных правил.

Нет ни одного историка, который утверждал бы, что в период феодализма существует экономическое равенство крестьян. Я по крайней мере не знаю такого историка. Между тем, третий год нас убеждают, что этого равенства не существует. Но ведь никто не говорит, что такое равенство существует. Спор по этому вопросу идет явно впустую.

Дальше. Никто из нас не утверждает, что в XVII в. существовал капитализм в обычном понимании этого слова. Мы говорим лишь о том, что социально-экономическое развитие XVII в. противоречиво и что наряду с укреплением феодальной формации, чего никто из нас не отрицает, мы отмечаем характерные для позднего феодализма новые явления, которые в своем дальнейшем развитии превращаются в капиталистические. Вот, собственно, границы спора. Давайте в этих рамках и поговорим.

Вы, конечно, товарищи, уже по началу моего выступления представляете, что я целиком и полностью поддерживаю ту точку зрения, которая была изложена вчера в коллективном докладе, представленном нам А. А. Преображенским.

Так вот, нас пытаются убедить, что до первой половины XIX в. в русской деревне не наблюдалось никакого социального или классового расслоения, а вот в этот период оно появляется. Вариантом этого утверждения является опубликованная недавно статья Н. Л. Рубинштейна («Вопросы истории», № 8 за 1961 г., стр. 61—85). Статья напечатана с примечанием от редакции, что она публикуется в связи с предстоящим в сентябре 1961 г. в Риге IV симпозиумом по аграрной истории Восточной Европы. Раз статья опубликована именно с этой целью, давайте окажем ей некоторое внимание.

К сожалению, я не могу согласиться с той оценкой, которую этой статье вчера здесь дал А. Л. Шапиро. Я считаю, что статья Н. Л. Рубинштейна ни на шаг не продвигает вперед решение спорных вопросов. У Н. Л. Рубинштейна социальное расслоение русской деревни также появляется неожиданно, но только не в первой половине XIX в., а во второй половине XVIII в., причем автор совершенно игнорирует существующую литературу, монографические исследования, посвященные этим вопросам в приложении к XVII в., в частности монографии А. Н. Сперанского, А. А. Преображенского, Ю. А. Тихонова и др.¹, а также «Очерки истории СССР. XVII век».

Единственное исключение Николай Леснирович делает для сборника «К вопросу о первоначальном накоплении в России». Сборник опубликован в 1958 г., но, к сожалению, Н. Л. Рубинштейн передает мысли авторов этого сборника далеко не точно, чтобы не сказать больше, и серьезного использования этого сборника в его статье нет. В частности, он предьявляет ряд обвинений А. А. Преображенскому по его статье,

¹ А. Н. Сперанский. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М. 1930; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М. 1956; А. Ц. Мерзон и Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М. 1960, и др.

напечатанной в этом сборнике, специальная же монография А. А. Преображенского, в которой этот вопрос изложен более обстоятельно, обходится. И у меня создалось такое впечатление, что Н. Л. Рубинштейн продолжает оставаться на своей старой, не раз сформулированной им точке зрения, что до второй половины XVIII в. никакого социального расслоения в русской деревне не было.

Как мы себе представляем это дело? Социальное, или классовое, расслоение, точнее — буржуазное расслоение русской деревни представляет собой процесс, притом длительный. Оно не появляется, как грибы после дождя, ни в первой половине XIX, ни во второй половине XVIII в., — корни этого процесса нужно проследить. Мы рассматриваем социальное расслоение русской деревни как одну из сторон генезиса капитализма. Все советские историки признают в соответствии с указанием В. И. Ленина, что примерно с XVII в. начинается процесс складывания всероссийского рынка. Приходится еще раз напомнить, что Владимир Ильич Ленин не мыслил процесс складывания всероссийского рынка в отрыве от генезиса капитализма. В заключительной части первой главы своего исследования о развитии капитализма в России В. И. Ленин прямо писал, что «...вопрос о внутреннем рынке, как отдельный самостоятельный вопрос, не зависящий от вопроса о степени развития капитализма, вовсе не существует». И дальше: «Степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране» (В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 47).

И вот, исходя из этого соображения, наши историки и подходят к новым явлениям (начиная с XVII в.), которые в какой-то мере могут быть рассматриваемы как генезис капиталистических отношений. В частности, с полным основанием мы обращаем внимание не только на развитие производства и обмена, но и на превращение рабочей силы в товар, на проблему складывания рынка рабочей силы. Если вы обратитесь к соответствующей литературе, которую мы иногда забываем, то найдете довольно интересные соображения. И вот в этой связи мне хотелось назвать одну довольно старую, может быть, даже кое-чем и забытую работу. Я имею в виду монографию покойного Александра Николаевича Сперанского, опубликованную в 1930 г., — монографию, которая озаглавлена: «Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства».

Изучая документы Приказа каменных дел, А. Н. Сперанский обратил внимание на организацию каменностроительных работ и производства кирпича. Он показал, что деятельность приказа в этом направлении дает очень яркую картину феодальной организации этого производства. Так было в конце XVI в., так было и в первой половине XVII в. А вот в 60—70-х годах XVII в. Приказ каменных дел отказывается от выработанной схемы использования труда записных каменщиков. Вместо этого он переходит к организации работ подрядным способом. Это свидетельствует о том, что в XVII в. появился рынок рабочей силы, причем те же каменных дел подмастерья и обжигальщики, которые выступали практическими руководителями каменностроительных работ и производства кирпича, выступают в качестве подрядчиков, а в качестве наемной рабочей силы на каменностроительных работах выступают крестьяне — государственные, т. е. черносошные, дворцовые, монастырские, помещичьи.

Имеем ли мы право рассматривать эти явления как новые, характерные для XVII в., — как явления, которые укладываются в понятие начальной стадии генезиса капитализма? Думаю, что имеем.

Я ни одной минуты не хочу вас убеждать, что в XVII в. существует капитализм. В XVII в. сильна феодальная формация. Здесь присутствует А. Г. Маньков, который написал очень хорошую работу, пока еще не опубликованную, которая свидетельствует об этой чисто крепостнической структуре в XVII в. Мы этого не отрицаем.

А. Л. Сидоров.

Буржуазная струя в феодальных отношениях или феодальная струя в буржуазных отношениях?

Н. В. Устюгов.

Буржуазные отношения, начинающие складываться в рамках феодальной формации. Формация феодальная, но внутри нее начинают складываться элементы (будем говорить так, если вы хотите осторожности) новых отношений. И мы никак не можем согласиться, что поздний феодализм — это то же самое, что и ранний или развитый феодализм, что внутри феодальной формации никакого движения нет. Этого мы принять не можем. И мы обращаем внимание на эту сторону. Можем мы на это обращать внимание? Можем. Это законное внимание историка к тем новым явлениям, которые он изучает в социально-экономической жизни. Только об этом мы и говорим. А нам говорят, что это незаконно, что здесь все укладывается в рамки феодальной формации.

Мы не говорим, что здесь не феодальная формация. Это только элементы новых отношений, которые в дальнейшем приводят к разложению феодальной формации. Разумеется, не в XVII в. И занимаемся этими новыми элементами мы имеем право.

Нам говорят: вы оперируете материалами, связанными с государственным крестьянством, вы не имеете перед собой всей картины. Согласен, мы не имеем всей кар-

тины, мы еще должны накапливать факты и изучать их. О Поморье XVII в. был и фактический материал, приведенный мною на Киевской сессии. Нам говорят, что в XVIII в. эти явления исчезают. Это аргументируется тем, что в XVIII в. правительством насаждает в поморской деревне уравнительные переделы и, следовательно, все те явления в области крестьянского землевладения, которые мы наблюдаем в XVII в., в XVIII в. затухают. Детально историей черносошного крестьянства в XVIII в. пока еще никто не занимался. Но те материалы, которые приведены в известных крестьянских наказах в Комиссию 1767 г., не свидетельствуют о той нивелировке, о которой говорят наши противники. Я имел возможность ознакомиться с одной неопубликованной работой покойного провинциального историка Михаила Ивановича Романова, посвященной Устьянским волостям XVII—XVIII вв., т. е. тем районам, которые положил в основу своих исследований Михаил Михайлович Богословский. Я имею в виду наблюдения М. И. Романова над жизнью крестьян в XVIII в. По наблюдениям этого исследователя, социально-экономические процессы в поморской деревне XVIII в. являются продолжением и дальнейшим углублением того, что мы наблюдаем в XVII в.

Мне пришлось заниматься Зауральем XVIII в. В этом веке хозяйственная жизнь зауральской деревни продолжала развиваться и углубляться в определенном направлении — к созданию капиталистической формации. Я мог бы привести некоторые факты и цифры, но стоит ли оглашать эти цифры? В начале XVIII в. производился перепись зауральских слобод по Тоболу и по Миассу. В 13 волостях оказалось 5209 душ мужского пола, из них 594 души, или 11,4% населения, не имели собственных дворов, жили по чужим дворам и занимались черной работой в хозяйствах состоятельных крестьян, т. е. продажей своей рабочей силы. При этом процент отрыва непосредственных производителей от средств производства в этом вновь колонизируемом районе держится примерно на том же уровне (около 11%), какой мною в свое время был установлен к началу XVIII в. для такого старого поморского района, как уезд Соли Камской¹. Если наши противники признают, что феодальная формация... (*Из президиума*: Почему Вы употребляете слово «противники»?) Скажем так: наши товарищи, которые стоят на несколько иной точке зрения. Так вот, если эти товарищи, которые стоят на несколько иной точке зрения, признают, во-первых, что феодальная формация не является чем-то статическим, что внутри феодальной формации есть свое развитие; во-вторых, если товарищи признают, что в период позднего феодализма в рамках феодальной формации складываются новые отношения и эти отношения складываются постепенно и приводят к новой формации — капиталистической, — то, в сущности говоря, никакого спора не будет.

Ю. Ю. Какх.

Разрешите высказать несколько мыслей по поводу коллективного доклада, который здесь был прочитан А. А. Преображенским.

Надо признать, что основное впечатление, которое осталось после прослушивания этого доклада, было то, что авторы и сам докладчик (может быть, у них были другие намерения) фактически на критику своих оппонентов (или, как здесь было сказано, — противников, или людей, придерживающихся других взглядов) затратили много той энергии, которая им понадобилась бы для более глубокого теоретического исследования самой проблемы.

А. А. Преображенский совершенно правильно высказал мысль, что трактовку В. И. Лениным вопроса о буржуазном расслоении крестьянства, или о раскрестьянивании, нужно воспринимать как цельное учение, как цельную теорию этого вопроса. И, по-моему, правильно он сказал, что это учение, хотя оно конкретно говорит о явлениях XIX в., можно применить и к предыстории этого вопроса, к тем временам, когда намечаются элементы этого процесса, которые в дальнейшем приводят к раскрестьяниванию. Но, к сожалению, он тут же нарушил этот принцип и в дальнейшем в своем докладе опирался не на все это учение, а в основном на отдельные высказывания Ленина, относящиеся непосредственно к XVII в., и притом на такие высказывания, в которых Ленин говорит о всем экономическом организме России, а не о крестьянстве. А из того, что новые явления начинают наблюдаться в торговле, в промышленности, в промыслах, может быть, уже с XVII в., — отсюда автоматически не следует, что эти новые явления должны были тут же, сразу появиться в деревенской глуши, в сельской общине, в барщинных районах.

Надо признать, что А. А. Преображенский скрыто полемизировал против того тезиса, который В. И. Ленин выдвинул, правда, в отношении других периодов истории России — а именно, против тезиса, что в смысле развития сельского хозяйства, деревня отстает от промышленности. Докладчик утверждал, что новые явления появляются одновременно в промышленности, в промыслах и в сельском хозяйстве, но для обоснования этого он привел только следующий факт: уже в XVII в. в сельском хозяйстве встречается вольнонаемный труд, встречаются батраки. Очень многие выступавшие уже показали, что такого рода факты в качестве аргументов в пользу утверждения

¹ ЦГАДА, Книги Сибирского приказа, № 1526, лл. 1—351; Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М. 1957, стр. 193—196.

А. А. Преображенского совсем непригодны. О таком расслоении, которое уже прямо подготавливало раскрестьянивание, можно говорить тогда, когда мы имеем уже в среде самого деревенского населения явления поляризации, когда «верхушка» сельских жителей уже эксплуатирует «бедноту». Если из крестьянской среды выбрасываются некоторые элементы в промышленность, это еще о дифференциации в самом крестьянстве ничего определенного не говорит.

По-моему, правильно подходит к данному вопросу в своей статье Н. Л. Рубинштейн (она опубликована недавно в журнале «Вопросы истории»). Он приводит примеры из сельскохозяйственных районов, свидетельствующие о том, что многие богатые крестьяне занимаются уже товарным производством и в то же время выделяется низшая прослойка, которая систематически нанимается к ним на работу. Но надо еще тщательно проверить, каков удельный вес этого явления во второй половине XVIII в.

Слушая доклад, чувствовалось, что все еще не миновала опасность того, что явления, которые, может быть, характерны для еще не оформившегося феодализма, можно истолковывать или воспринимать как явления, которые перекликаются с явлениями развития капитализма в XIX в.

В своем докладе А. А. Преображенский указал, что расслоение крестьянства, которое он показал, явилось источником формирования новых классов. Но подтверждается ли это конкретными исследованиями?

Выступавшие слишком много говорили о литературе вопроса и меньше высказывались по самой проблеме. Я хочу привести любопытный пример. Много лет назад в Германской Демократической Республике историк Нихтвейс опубликовал книгу, в которой он говорит, что то явление, что мекленбургские помещики стали выгонять своих крестьян из их хуторов, уже предвещало капитализм. Другой историк, Гейц, усомнился в правильности этого мнения. Он проследил судьбу буквально всех выгнанных с хуторов крестьян. Через пять лет он опубликовал в журнале статью, где показал, что ни один из этих крестьян не попал ни в разряд сельского, ни в разряд городского пролетариата. Они остались в той же деревне, и помещики продолжали их эксплуатировать и истязать.

Если мы заявляем о какой-то прослойке крестьянства в XVII в., что она является источником появления нового класса, то нужно проследить ее судьбу в следующем веке.

Правда, здесь Н. В. Устюгов, чувствуя опасность такого возражения, постарался отпарировать. Он сказал: да, действительно, нужно проверить, затухают эти явления или нет. Но, к сожалению, он сделал это только по отношению к окраинам России, а о центре государства он ничего не сказал.

Если мы подойдем к вопросу конкретно, мы, пожалуй, найдем истину и продвинем решение этой проблемы дальше на конкретных работах, о чем говорил Н. В. Устюгов.

А. Л. Сидоров.

Два слова о симпозиуме. Я не аграрник, я «переболел» этой болезнью в молодости и от аграрной истории повернулся в сторону промышленности и империализма. Но я внимательно слежу за работой аграрного симпозиума, поскольку можно судить о нем по имеющимся изданиям. Особенно хочется отметить второй выпуск «Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы». Это великолепная книга, которая показывает большую и ценную работу, проделанную аграрным симпозиумом. Но хотелось бы, чтобы работа симпозиума была более продуктивной. Это нужно сделать, чтобы разрешение новых научных вопросов достигалось с наименьшей затратой сил. Такой результат будет достигаться, когда симпозиум будет надлежащим образом готовиться, когда перед каждым симпозиумом будет выдвигаться по крайней мере одна новая задача, которую нужно решить коллективными усилиями. Если будет разрешен хотя бы один вопрос, наука двинется вперед. А если в ста новых докладах будет приведен очень большой фактический материал, должным образом не нацеленный и не объединенный единой мыслью, то это, в конечном итоге, тоже может дать результаты, но значительно меньшие.

Я думаю, что перед коллективом историков-аграрников, занимающихся аграрной историей Восточной Европы, стоит много важных теоретических вопросов, которые следует разрешить. Один из них: в чем своеобразие аграрной истории Восточной Европы? Возьмем период капитализма. Мне кажется, Восточная Европа, с одной стороны, показала пример развития капитализма по «прусскому пути», но конкретная картина этого развития в различных странах отличается большим своеобразием. Вскрыть и показать это своеобразие — одна из задач симпозиума.

Второе своеобразие Восточной Европы и России в том, что это был сырьевой центр, сельскохозяйственный резервуар Европы в XIX в. Надо учесть мировые торговые связи России. Без этого многое нельзя понять. Главным покупателем сельскохозяйственной продукции России являлась Англия. Все занимавшиеся изучением торговли прекрасно отдавали себе отчет, что падение мировых хлебных цен, связанное с выступлением США и Канады на мировом сельскохозяйственном рынке, конкуренция цен имели большое значение и для внутренней политики русского правительства. Это тоже надо учитывать.

Далее. Назрело время, когда работа симпозиумов должна охватывать и советскую аграрную историю, социалистические преобразования в странах Восточной Европы. Историческое развитие этих стран завершилось такими коренными преобразованиями аграрного строя, которые нельзя не изучать. Наконец, общая проблема — генезис капитализма в сельском хозяйстве России — едва ли может быть быстро разрешена, если мы будем ее решать без учета того, что сделано историками, которые занимаются изучением развития мануфактуры в промышленности. Между тем, аграрники заметно изолировались и поэтому целый ряд теоретических вопросов не только не могут разрешить, но и правильно поставить.

В опубликованных тезисах доклада Е. И. Индовой, А. А. Преображенского и Ю. А. Тихонова в основном правильно говорится о развитии аграрного капитализма в России, указано, что оно отставало от развития капитализма в промышленности России. Но разве это помешало А. А. Преображенскому в устном изложении доклада сказать все наоборот? По его мнению, раскрестьянивание в XX в. и раскрестьянивание в XVII столетии — явления одного порядка. Разве это имеет какое-нибудь отношение к научному анализу? Я думаю, что такие широкие обобщения и аналогии едва ли полезны.

Если мы признаем, что капитализм в сельском хозяйстве России отставал в своем развитии от капитализма в промышленности, то давайте этим руководствоваться в процессе исследования.

Мне кажется, общая тенденция наметившегося «пересмотра вопроса» заключается в том, чтобы доказать, что мы «не хуже Европы», что у нас все идет в ногу с Европой, — а то как бы нас не обвинили в излишней отсталости. Ну, а где же своеобразие исторического процесса в России?

Корни капитализма в мануфактуре в некоторых районах России относятся к XVII в. Это доказано. Никто более убедительно не сделал этого, чем Н. В. Устюгов в своей последней работе о соляной промышленности. И должен сказать, что мы недооценивали эту работу. Им собран и проанализирован великолепный материал о мануфактуре в XVII в. Но надо учесть, что это относится к соляной промышленности, к Северу и Приуралью, где крепостническое хозяйство было слабее, а в России в целом, может быть, процесс шел по-другому. Это надо исследовать.

Когда мы ставим вопрос о генезисе капитализма в сельском хозяйстве, требуется большая историографическая и теоретическая работа. А в отношении историографии авторы доклада не проявили должного внимания не только к западным, но и к русским историкам, занимавшимся этим вопросом, и в частности к работе А. М. Панкратовой о роли торгового капитала при переходе от феодализма к капитализму. В докладе даже не упомянуто, как был поставлен вопрос А. М. Панкратовой, какие вопросы ею были разрешены и какие — нет, о чем нужно еще подумать, чтобы правильно решить всю проблему в целом.

Но проблема поставлена, и она требует обсуждения в рамках товарищеского обмена мнениями. Я позволю себе высказать свое впечатление от того, как поставлена и как разрешается эта проблема.

Прежде всего о терминологии. Расслоение, дифференциация, разложение, раскрестьянивание — все эти термины мы находим у В. И. Ленина. Докладчики считают, что термин «классовое расслоение» полнее выражает ленинскую мысль, чем «социальное расслоение». Но тут дело не в терминологии. Расхождения у авторов доклада с другими историками состоят в том, что по-разному представляется весь исторический процесс начиная с XVII в.

Выражение «раскрестьянивание» подразумевает высокий уровень капиталистического развития, когда основа социально-экономической жизни стала капиталистической. Но оно не связано с тем капитализмом, про который говорят докладчики, имея дело с ростками примитивного капитализма в обращении. Такой примитивный капитализм был и до XVII в., и в Киевском государстве было такое примитивное товарное обращение. А в Западной Европе оно было еще раньше.

Когда речь идет о процессе расслоения классов в деревне, нужно принимать во внимание не только отдельные ленинские высказывания, — нужно стараться понять смысл всей ленинской концепции. Логика же доклада такова: если Ленин говорит о расслоении деревни XX в., то почему не говорить о расслоении и в XVII в.?

Важно также правильно понять выражение Ленина «новый период русской истории». Изучаемые вами «новые явления» и «новый период русской истории» — это не одно и то же.

Новые явления, которые имел в виду Ленин, — это буржуазные связи, образование новых национальных торговых связей. Хозяевами этого процесса были торговцы, купцы. Вот с чем связывается появление нового периода в русской деревне. И даже не только это. На основе создания всероссийского рынка начинается новый период в истории России, потому что это привело к концентрации политической власти.

Но развитие торговли и развитие промышленного капитализма — это не одно и то же.

Правда, без торговли капитализм не бывает, но не всякая торговля — капитализм, если под капитализмом понимать то, что понимают марксисты, — процесс производства, промышленный капитализм, когда рабочая сила выступает в качестве

товара. А Н. В. Устюгов убеждает нас, что это не так. Докладчикам нужно убедить общественное мнение, что они правильно передают Ленина.

Мне кажется, что толкование ленинской цитаты, которое дал на Московской сессии симпозиума академик С. Д. Сказкин, верно: он против отождествления классового расслоения с неравенством. Он считает, что тот процесс, о котором говорил Ленин, развивался в XIX в. Вы отодвигаете его назад, в XVII в.

Для проверки наших суждений о расслоении крестьянства у нас, как в химии, есть своего рода «лакмусовая бумажка», а именно — крестьянское движение XVII—XVIII вв.

Отразилось ли как-нибудь классовое расслоение в крестьянской войне XVII в.? Если проанализировать картину массового, многосоттысячного участия крестьянских масс в движении XVII в., на этот вопрос придется ответить отрицательно. Вероятно, на Украине среди казачества было неравенство. Но общая оценка характера крестьянского движения в трудах Ленина мало дает материала для вывода о том, что Ленин обращал особое внимание на это «классовое расслоение» при характеристике крестьянских движений XVII—XVIII вв.

Общее заключение. Ряд формулировок тезисов дает основание считать, что авторы доклада путают торговый капитал с капитализмом, развитие буржуазных торговых связей, развитие капиталистической формации — с поздними стадиями капитализма. Это напоминает взгляд М. Н. Покровского о значении торгового капитала в истории России.

Верно, что капитализм в России существовал при огромном мелком производстве. Ленин не отвергал этого, но показывал, какой массе мелких промыслов присущ уже был мануфактурный характер организации производства. Если такое явление имело место и в XVII в., то это надо доказать на более обширном материале. А мы пока располагаем данными лишь в отношении Поморья.

Далее, выделение из крестьян богатого слоя и переход их в город рассматриваются в докладе как капиталистическая дифференциация. Верно ли это? Сомневаюсь и прошу разъяснений.

Тот факт, что проблемы, поставленные здесь А. А. Преображенским, вновь активно обсуждаются, показывает, что эти проблемы не решены. И они, видимо, не будут решены так скоро, — пока не будет собран более значительный новый материал.

А. Г. Маньков.

Мне хочется обратить внимание на то, что известное различие мнений в понимании характера процессов социально-экономического развития России в XVII в. связано с некоторыми особенностями и состоянием нынешней историографии XVII в.

Несомненно, что в разрезе ленинских высказываний о начале образования всероссийского рынка «примерно с 17 в.» советские историки проделали большую и плодотворную работу по изучению мануфактур, ремесла, промыслов, товарного производства и развития рынка в Русском государстве XVII в. Итоги этой работы подведены в специальной статье А. А. Преображенского и Ю. А. Тихонова «Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка», напечатанной в № 4 «Вопросов истории» за 1961 г.

Однако следует подчеркнуть, что особенностью изучения указанной стороны экономики и социальных отношений является то, что в большинстве случаев авторы подходят к избранным ими вопросам под углом поисков «новых явлений» в экономике России XVII в., под которыми подразумеваются зародыши капиталистических отношений как в сфере производства, так и в сфере обращения. Господствующие же крепостнические отношения учитываются в очень слабой мере. В ряде случаев признается достаточным ограничиться словесным признанием усиления феодально-крепостнических отношений без показа в ходе конкретных исследований их воздействия на базис, на развитие ремесла и торговли и на такие явления, как вольный наем и т. п. В силу этого изучение феодальных производственных отношений, феодальной собственности на землю и крепостного права, за последнее время явно отстает от изучения некоторых сторон социально-экономической действительности России XVII в. Такая диспропорция чревата опасностью создания искаженного, смещенного представления об этом периоде.

Преобладание в историографии интереса к вопросам товарно-рыночных отношений привело, например, к тому, что ряд надстроечных явлений, феодальных в своей основе, объясняется развитием именно этих самых товарно-рыночных отношений. В недавно вышедшем сборнике «Вопросы генезиса капитализма» (Л. 1960) содержится такая трактовка развития крепостного права: «Интенсивный рост барской пашни в России прослежен с XVI века. С этим явлением связано развитие крепостного права. Но если в XVI столетии расширение барской запашки стимулировалось исключительно развитием в стране товарного производства, то в XVII—XVIII вв. на нее оказывали влияние, кроме того, капиталистические отношения» (стр. 60).

Итак, товарное производство и капиталистические отношения через посредство барской запашки определили собой развитие и усиление крепостного права!

А между тем товарное производство и вырастающие из него капиталистические

отношения по своей природе должны ослаблять феодально-крепостнические отношения, а не усиливать их. Если же феодально-крепостнические отношения в XVI—XVIII вв. продолжали расти и крепнуть, несмотря на наличие в стране товарного производства, а с определенного времени — даже зачатков капитализма, то это может говорить лишь о том, насколько еще слабы были эти зачатки нового, — ведь при их наличии феодально-крепостнический строй мог расти и развиваться, не встречая с их стороны серьезного противодействия, и более того — мог подчинить себе товарное производство, используя его в собственных интересах и лишь очень медленно и постепенно меняя свою природу под его воздействием. Только при таком взгляде на вещи мы поймем, почему в России крепостничество и крепостническое поместное сословие было «...гораздо более «крепким», твердым, могучим, всесильным, «чем где бы то ни было в цивилизованном мире» (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 554), и почему оно смогло удерживать в своих руках важные позиции в стране в пореформенный период и даже определять в своих классовых интересах пути развития капитализма в нашей стране (прусский путь развития).

Если мы не отдадим себе отчета в этом, то мы не поймем глубины и значения рассматриваемых событий. Отсюда ясна необходимость сосредоточить усилия на дальнейшем изучении феодальной собственности, крепостнических отношений, внутренней политики феодального государства, и в частности крепостного права периода разложения феодализма. Без этого нельзя понять степень и характер самих «новых явлений» в экономике XVII в.

Мне хочется показать на конкретном материале, как иногда недостаточно понимаются нами некоторые явления.

Вот один аргумент в пользу развития капитализма в XVII в. — вопрос о вольном найме. М. А. Барг, рассматривая в тезисах доклада, подготовленного для данного симпозиума, вольный найм в английской деревне в XIII в., отмечает, что «наемный труд нередко носил феодальный характер, ибо он сопровождался натуральной формой оплаты, а главное — поземельной и личной зависимостью работника». В тех же тезисах высказана еще одна важная мысль: феодальное право регулировало отношения найма, так же как и рентные отношения. Все это с полным основанием можно отнести и к XVII в. в России. В Уложении 1649 г. есть статья, которая допускала найм частновладельческих крестьян и бобылей «по записям и без записей повольно» (XI, 32). Такая законодательная норма была принята исключительно в интересах феодалов, которые также нуждались в найме рабочей силы.

Но застряло ли на этом правовое регулирование явлений найма? Нет, оно двигалось вперед. В этой связи заслуживает внимания обращение самих феодалов к правительству в декабре 1682 г. с челобитной, в которой говорилось, что взыскание четырех наддатовных крестьян за прием беглого крестьянина на практике было мерой наказания за держание беглой крестьянской семьи, а между тем холостые крестьяне или одиночки, бежавшие от своих семей, устраивались в бегах «будто из найму в работе многие годы без кормежных памятей и без поручных записей и в городах без записки». Большой интерес в челобитной 1682 г. представляет перечень категорий лиц, у которых одинокие беглые крестьяне в большинстве своем находили приют. К ним отнесены подьячие, приставы, протопопы, дьяконы, церковный причт, стрельцы, казаки, ямщики, крестьяне дворцовых сел и пр. Вся эта пестрая по социальному составу публика неожиданным образом заслонила помещиков и вотчинников, выступавших в челобитных лет за двадцать до того в роли почти единственных укрывателей беглых крестьян и холопов.

Однако разве можно усматривать в этом признак новых, капиталистических отношений? Отнюдь нет. Феодальное общество, конечно, не стояло на месте, оно двигалось вперед, как любая формация. И перед нами очевидный признак дальнейшего развития и усложнения социальной структуры феодального общества.

Челобитчики обращали внимание на то, что обычной формой укрывательства одиноких беглых крестьян была фикция найма работника. Именно в связи с этим они и обращались к царю за новым законом, имея в виду использовать его против получившей широкое распространение новой формы укрывательства беглых крестьян.

С этой целью правительство в ответ на челобитную и изменяет закон. С 1684 г. принимается ряд законов, которые запрещают держать в Москве в дворах и торговых заведениях дворцовых и помещичьих крестьян и гулящих людей без поручных записей. Если поручных записей «за скудостью взять будет нечем», то таких пришлых людей велено было записывать в Земском приказе, а из приказа брать на руки выписку о регистрации. За нарушение новых установлений полагался штраф: в первый раз — 25 руб., во второй — 50 руб., а в третий — 100 руб. с человека.

На первый взгляд новые указы носили характер чисто полицейских мероприятий, направленных на обеспечение порядка, в действительности же значение их несравненно глубже. Они принадлежали к числу мероприятий, направленных на борьбу с побегами крестьян и холопов. Другая важнейшая особенность этих указов состояла в том, что они вносили в условия феодального найма пришлых людей и крестьян значительно более жесткую регламентацию. Непременным условием найма становилось оформление поручной записи с регистрацией ее в приказе или поартельная запись пришлых людей в том же приказе.

Феодально-крепостническая природа вольного найма в XVII в. убедительно

яскрыта в работах советских историков. Сошлюсь на работы И. В. Степанова, который на основе изучения большого фактического материала о найме «гулящих людей» на промыслах Нижнего Поволжья отметил, что сам характер найма носил многие черты, присущие феодально-крепостническому строю. Это находит выражение прежде всего в том, что форма поручно-порядной записи о найме, определявшая отношения между наймитом и хозяином, весьма сходна с такими типично феодальными записями, какими были наемно-заемные, порядно-ссудные, наемно-жилые и т. д. На срок найма, подписывая поручно-порядную запись, наймит отдавал себя под неограниченную власть хозяина, и положение его в этом отношении ничем не отличалось от положения крепостного.

Феодально-крепостнический характер вольного найма в XVII в. отмечен также А. М. Панкратовой. Подчеркивая усиление феодальных черт найма в связи с общим ростом крепостничества во второй половине XVII в., А. М. Панкратова справедливо замечает, что к «концу XVII века обстановка в стране настолько изменилась, что дальнейшее существование наймита без крепости было весьма затруднительно и в экономическом, и в правовом отношении». Справедлив и общий вывод А. М. Панкратовой о том, что в XVII в. крепостнический жернов сокрушал и перемалывал все те зачатки наемного труда, которые существовали в недрах феодального общества.

За недостатком времени у меня нет возможности развить эту тему подробнее.

А. Н. Чистозвонов.

Будучи специалистом по всеобщей истории, я не беру на себя смелость поучать тот квалифицированный форум историков-аграрников, который собрался на настоящую сессию. Не берусь я и решать сложные вопросы истории аграрного развития России в XVII—XVIII вв. Однако, поскольку доклад, зачитанный А. А. Преображенским от имени трех московских историков, представляет собой (в своей преобладающей по размерам части) экскурс в сферу общетеоретических вопросов и затрагивает проблемы общетеоретического характера, имеющие в равной мере отношение и к истории СССР, и к всеобщей истории, я позволю себе высказать ряд соображений и сомнений, возникших у меня по ознакомлении с этим докладом.

Прежде всего структура доклада носит на себе определенный налет догматизма. Приведенная экономическая аргументация полностью лишена фактической основы и недостаточна даже для иллюстрации отдельных тезисов, выдвигаемых в докладе. Эволюция аграрных отношений рассматривается в отрыве от развития форм поземельной ренты. Аргументация в пользу имевшего якобы место капиталистического расслоения крестьянства в XVII в. выводится априорно-логически, подчас из косвенных факторов — сферы обмена, промыслов, характера политической надстройки, причем государственным формам XVII в. приписывается эволюция в буржуазном направлении, что вовсе не вытекает из содержания приводимой авторами ленинской цитаты, если только ее искусственно не обрывать. Наоборот, В. И. Ленин писал: «Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861—1904 годов» (В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 47).

Известно, какое важнейшее значение в экономической и социальной жизни России имели указы о прикреплении крестьян к земле, а посадских людей — к посадкам, о продлении срока сыска беглых крестьян и др. Это законодательство получило дальнейшее расширение и закрепление в Уложении 1649 г., в котором было четко сформулировано и положение о том, что не только личность, но и все имущество крепостного принадлежит помещику и может быть обращено на уплату долгов последнего. Именно в это время происходило становление крепостничества в России в той его форме, которая дала В. И. Ленину основание говорить, что оно «ничем не отличалось от рабства» (В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 439). Рост барщинной запашки, господство натуральной и рост удельного веса отработочной ренты свидетельствовали в это время о низком уровне развития товарно-денежных отношений, хотя в этом направлении и наблюдался известный прогресс.

Авторы доклада проходят, по существу, мимо этих явлений, упоминая о них лишь вскользь, а аграрное законодательство середины XVII в. рассматривают исключительно как нивелирующий фактор, приводящий к правовому уравниванию различных доголе по своему юридическому статусу групп крестьянства. Достаточно ли этого, учитывая приведенную выше характеристику русского крепостничества, данную В. И. Лениным? Правильно ли и всесторонне ли характеризуется в докладе аграрное законодательство XVII в.? Мне представляется, что нет. Конечно, я говорил об общеизвестных, школьных фактах, но от этого они не перестают оставаться очень важными фактами, которые нельзя обойти с помощью одной подобной фразы, не порождая впечатления односторонности изложения. Ведь так можно дойти и до апологии крепостничества.

Правильно отмечая поглощение безземельных батраков крепостническим хозяйством и возможность лишь для небольшой части пауперизированного населения удержаться на положении свободных вольнонаемных рабочих, авторы доклада не анализируют это явление с должной тщательностью. В итоге не ставится в сколько-нибудь

четкой форме основополагающий для темы доклада вопрос: какие же отношения воспроизводились в крестьянском и боярско-дворянском хозяйстве — натурально-крепостнические или товарные и буржуазные? Не ставится совершенно и другой вопрос, очень важный и связанный с предыдущим: кто был носителем развивающихся товарно-денежных отношений — боярско-дворянское хозяйство или крестьянское? Нет в докладе и материалов, из которых был бы виден удельный вес товарно-денежных и капиталистических форм производства (если последние вообще имели место в русской деревне XVII в.).

Вообще, вся проблема, связанная с установлением места «новых явлений» в экономической и социальной жизни русской деревни, поставлена в докладе в нарочито неясной форме; тогда как нужно прямо сказать, считают ли авторы, что в XVII в. в сфере сельского хозяйства в России уже складывался капиталистический уклад, или же они полагают, что имели место лишь отдельные, спорадические проявления капитализма, не определявшие хода экономического развития. Но вся структура доклада явно говорит о том, что авторы в завуалированной форме ставят вопрос именно о зарождении уклада.

Обойден, по существу, молчанием в докладе и важнейший вопрос о первоначальном накоплении. Как это понимать? Считают ли авторы, что этот процесс в XVII в. в России уже закончился, или они не придают ему никакого значения? Практически это приводит к тому, что в докладе явления, отражающие первоначальное накопление, не отделены от явлений, порождаемых «капиталистическим развитием», и первые выдвигаются за вторые. А это очень скользкий путь решения вопросов.

В этой связи хочется остановиться на таком моменте. В докладе дважды, если не большее число раз, говорится о расслоении крестьянства прямо на предпролетариат и буржуазию. Так ли прямолинеен этот процесс в действительности? Более чем сомнительно. Рассматривая его на материале Англии XVI—XVII вв., где первоначальное накопление и развитие капитализма шли параллельно, Маркс со всей категоричностью отделял их одно от другого и подчеркивал, что первое шло быстрее, чем второе, что владельцы богатств становились сначала лишь потенциальными капиталистами, а экспроприированные мелкие производители в своем большинстве — деклассированными пауперами. «Отцы теперешнего рабочего класса, — писал Маркс, — были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их насильственно превратили в бродяг и пауперов» (К. Маркс. Капитал, т. I. М. 1949, стр. 738). Для России XVII в. смешивание пауперизации с пролетаризацией еще менее обоснованно, если учитывать замедленность всего процесса в целом и свидетельство самих же авторов доклада о том, что большая часть свободных батраков поглощалась крепостническим хозяйством, т. е. превращалась в крепостных. Превращение же владельцев денежных богатств в настоящих капиталистов зависит от общего хода социально-экономического развития страны. В России XVII в., и это весьма хорошо известно, владельцы денежных богатств чаще делались мелкими вотчинниками и служилыми людьми, чем капиталистами в подлинном смысле этого слова.

В этом плане следует рассматривать и предложение докладчика о замене термина «социальное расслоение» термином «классовое расслоение» для XVII—XVIII вв. и термином «разложение крестьянства» для пореформенного периода. С марксистской точки зрения разложение феодальных отношений предшествует генезису капитализма и процессу классовобразования буржуазии и пролетариата¹. Авторы же доклада предлагают перевернуть процесс с ног на голову и говорить не о крестьянстве феодального или буржуазного общества, а о крестьянстве «вообще».

Совершенно неприемлем, с моей точки зрения, центральный тезис доклада, согласно которому процессы, рассматривавшиеся В. И. Лениным на материалах пореформенной русской деревни второй половины XIX в., объявляются равнозначными тем процессам, которые протекали в русской крепостной деревне XVII в., поскольку-де они отличались от последних лишь степенью своей интенсивности. Говорить так — значит ставить знак равенства между свободными мелким товаропроизводителем (каким стал русский крестьянин после реформы, несмотря на сохранение пережитков крепостничества) и крепостным держателем на феодальном праве, каким был русский крестьянин в своей подавляющей части в XVII в. И в докладе хозяйство русского крестьянина в XVII в. действительно именуется «частнособственническим» (стр. 10—11 тезисов).

Но такая точка зрения вовсе не свойственна В. И. Ленину, который, наоборот, даже после совершения Октябрьской социалистической революции самым решительным образом боролся с попытками «унификации» социально-экономической действительности и подчеркивал наличие многоукладности тогдашней советской экономики. Противоречит подобная концепция и формулировке Маркса, который относил рабов и крепостных крестьян «к числу средств производства» (К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 719).

Ясно, что если встать на те позиции, которые предлагают авторы доклада, то мы потеряем сам критерий, при помощи которого определяется отличие феодальной формации от капиталистической.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 720: «Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого».

Теми же категориями авторы мыслят, когда механически переносят ленинскую характеристику кабалы второй половины XIX в. (тогда она уже была актом вольного найма, лишь с некоторыми пережитками крепостничества) на кабалу XVII в., которая неизбежно приводила лично свободного паупера в ряды крепостных. В XVII в. кабала никак еще не может представляться «первоначальным проявлением капитализма в земледелии». Кстати, тезис авторов доклада ничем ими не обоснован, кроме голословного утверждения, что все это — едина суть.

Два слова о характеристике в докладе купеческого и промышленного капитала. По этому вопросу ломаются копыя и среди специалистов по всеобщей истории. Между тем, решение его уже дано Марксом, и оно дано в социально-экономическом, а не технико-экономическом аспекте. На ранней стадии развития капитализма, подчеркивал Маркс, «как в деревне, так и в городе хозяева и рабочие стояли социально близко друг к другу. Подчинение труда капиталу было лишь формальным, т. е. самый способ производства еще не обладал специфически капиталистическим характером. Переменный элемент капитала сильно преобладал над постоянным его элементом» (К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 742). А это значит, что купеческо-ростовщический капитал может существовать самостоятельно веками, паразитируя на теле феодализма или созданная примитивные формы раннекапиталистических отношений, не изменявшие еще способа производства по существу. При этом самостоятельное развитие купеческо-ростовщического капитала обратно пропорционально уровню развития капитализма в стране. Наоборот, развитая капиталистическая мануфактура и фабрика связаны с капиталистическим способом производства как таковым.

Свои замечания я бы подытожил следующим образом.

Доклад, зачитанный А. А. Преображенским, как представляется мне (специалисту по всеобщей истории, занимающемуся аналогичной тематикой на западноевропейском материале), не содержит убедительной аргументации, которая подтверждала бы тезис о расхождении крестьянства на кулацко-капиталистическую верхушку и предпролетариат и о зарождении капиталистического уклада в русской деревне XVII в. Методика же исследования, предложенная авторами доклада, исходит из сознательного или бессознательного стремления втиснуть рассматриваемый исторический процесс в априорную логическую схему, цель которой — доказать, что в России XVII в. и хронологически, и по существу развитие шло по тем же направлениям, как и в экономически передовых странах Западной Европы.

Что касается XVIII в. — это особая проблема, на которой я не могу останавливаться в своем кратком выступлении. Я позволю лишь себе выразить сомнение в целесообразности и оправданности попытки авторов доклада безоговорочно идентифицировать характер социально-экономических процессов в русской деревне XVII и XVIII вв. Против этого говорят многие очевидные факты.

Ю. А. Тихонов.

Инициатива Академии наук Эстонской ССР, предложившей ежегодно созывать сессии по аграрной истории Восточной Европы, не случайно была поддержана всей научной общественностью нашей страны, ибо была предложена хорошая форма коллективной разработки важной научной проблемы. Задача симпозиума, как мне кажется, — изучить на основе общих закономерностей генезиса капитализма особенности аграрной истории стран Восточной Европы. В этих странах многомиллионное крестьянство как революционная общественная сила под руководством рабочего класса встало на путь социалистических преобразований в сельском хозяйстве. Выяснение исторических предпосылок перехода крестьянства под знамена социализма — такова должна быть проблематика симпозиума.

К сожалению, в должной мере такой целенаправленности пока еще нет. К тому же исследованием охвачены не все страны Восточной Европы. Крайне желательно участие в работе симпозиума историков стран народной демократии.

Раздаются голоса о расширении территориальных рамок тематики симпозиума. В выступлениях М. А. Барга, В. М. Лавровского прозвучал призыв к комплексному изучению аграрного строя стран Западной и Восточной Европы. Если это осуществить в разумной мере, то такое предложение, безусловно, можно только приветствовать. Однако пока, на мой взгляд, наблюдается стремление как бы растворить, приглушить проблематику симпозиума. Во-первых, ни один из медиевистов (кроме акад. С. Д. Сказкина) не предложил доклада в плане сравнительного изучения аграрной истории на разных территориях, например на тему об обезземеливании крестьянства в Англии и в странах Восточной Европы. Во-вторых, выступающие в прениях, не считая сегодняшнего выступления А. Н. Чистозвонова, упорно проводят аналогию между процессами в России XVII—XVIII вв. и явлениями в аграрной истории Англии, Франции и других стран Западной Европы X—XIII вв. Однако можно ли забывать, что это несравнимые хронологические периоды? Если проводить сравнительное изучение, то надо брать эпоху не ранее XVI в., когда в Англии начался процесс первоначального накопления, первые шаги которого для России мы относим к XVII в. Итак, я хотел бы повторить, что сотрудничество специалистов по истории Западной и Восточной Европы может и должно быть плодотворным, но надо определить формы такого содружества.

В коллективном докладе, зачитанном А. А. Преображенским, не могла быть оглашена историографическая часть, составляющая более трети всего текста. С большим сожалением мы вынуждены были отказаться от прочтения этой части. Между тем, как раз важно определить основные разногласия по данной проблеме, ибо прения часто развертываются не по нужному руслу.

Имеющиеся точки зрения можно свести к двум направлениям. Сторонники одного из них считают, что генезис капитализма, первоначальное накопление в России можно наблюдать лишь с конца XVIII — начала XIX в. По их мнению, в XVII—XVIII вв. развивающееся товарное хозяйство не превращалось в капиталистическое, а лишь подготавливало зарождение новых отношений. Краеугольным камнем этого направления является мнение о более позднем по времени зарождении новых буржуазных отношений в сельском хозяйстве сравнительно с промышленностью. Исходя из этого, развитие крестьянского земледельческого хозяйства рассматривается изолированно не только от городской, но и от деревенской промышленности. Наконец, не учитывается специфика начального этапа новых социально-экономических явлений, времени их рождения. Наиболее ярко эти тезисы прозвучали в выступлении В. М. Лавровского, который прямо заявил, что в XVII—XVIII вв. в деревне наблюдается лишь имущественное неравенство.

Напротив, авторы доклада полагают, что генезис капитализма в России начинается с XVII в. (подчеркивая, что на это столетие приходится лишь начальная фаза процесса). Но хронологические рамки доклада не ограничиваются только XVII веком, — они захватывают и последующее столетие. Все явления в докладе рассматриваются на протяжении двух веков — XVII и XVIII. Естественно, что в начальный период своего развития новые явления часто слабо выражены, невелики в количественном исчислении, нередко искажены господствующими феодальными отношениями и т. д. Докладчики стремились учесть специфику такой фазы. Напротив, некоторые оппоненты требуют показывать новые явления в отчетливой форме, в форме, свободной от всяких наслоений, забывая, что речь идет не о развитых процессах более позднего времени.

Далее. Мы считаем, что буржуазные отношения в XVII—XVIII вв. возникают не только в области промышленности, но и в области земледелия. Правда, в области промышленности они ярче, несравненно сильнее, чем в сельском хозяйстве. И все же деревня не может оставаться в стороне от генеральной линии развития хозяйства страны. И не случайно у историков, которые абстрагируются при изучении земледелия от промыслов и торговли, развитие капитализма в сельском хозяйстве начинается по существу лишь с 1861 г. Критика таких воззрений с полной силой прозвучала на Московской сессии симпозиума.

Раздаются призывы о необходимости сравнивать явления в России XVII—XVIII вв. с аналогичными процессами в Западной Европе. Однако при сравнительном методе изучения надо исходить из указаний В. И. Ленина по этому вопросу. В. И. Ленин писал, что «сравнение политического и экономического развития разных стран... имеет громадное значение с точки зрения марксизма... Но подобное сравнение надо производить умеючи. Азбучным условием при этом является выяснение вопроса, *сравнимы ли исторические эпохи развития сравниваемых стран*» (В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 377). Критикуя народников за неверные исторические параллели, В. И. Ленин вскрыл глубокую ошибку в их построениях, когда они «...сличали русские порядки с какою-нибудь «английской формой» капитализма, а не с основными его чертами, изменяющими свою физиономию в каждой стране» (В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 472). Эти ленинские мысли должны быть положены в основу при рассмотрении классового расслоения крестьянства в России.

Итак, с XVII в., по нашему мнению, наступает новый период в истории России, период генезиса капитализма в стране. В. И. Ленин указывал, что товарное хозяйство есть капиталистическое хозяйство, т. е. неизбежно перерастает в него на известной стадии развития. Мы в своем докладе считаем, что такая степень развития, когда товарное хозяйство перерастает в капиталистическое, начинается с XVII в. Подчеркивая, только начинается. Недаром В. И. Ленин отмечал, что возникновение капитализма — естественный и необходимый процесс, завершающий вековое развитие товарного хозяйства в России.

Некоторые выступавшие заявляли, что высказывания В. И. Ленина о складывании всероссийского рынка свидетельствуют лишь о том, что в XVII в. качественный сдвиг происходит только в области торговли, обмена. Мне кажется, в наше время можно уже отказаться от такого представления. Советские историки решают проблему рынка как проблему производства. Написана серия монографических исследований, показывающих качественные сдвиги в области промышленного и сельскохозяйственного производства XVII—XVIII вв., которые обусловили скачок в области обмена, положили начало формированию внутреннего рынка в стране.

Критика в наш адрес идет с двух сторон. Некоторые товарищи считают, что новый период русской истории нужно начинать уже с XVI в. Другие же отодвигают начальную грань к середине XVIII в., к началу XIX в. В нашем докладе указаны признаки, по которым начальный этап генезиса капиталистических отношений в России следует начинать с XVII в. В это время резко возрастает объем мелкого товарного производства на поседе и в деревне; в промышленности явно преобладает работа на рынок, происходит падение феодальных категорий ремесла. Возникают крупные ремесленные

мастерские, в которых применяется наемный труд. К XVII в. относится возникновение крупной промышленности в форме мануфактуры. Начинается эксплуатация чужого труда в хозяйствах крестьянской верхушки, связанных с рынком. Характерно массовое переливание средств, накопленных в торговле, в область промышленного производства. В области торговли бросается в глаза увеличение скупщических операций в деревне и городе. Рост товарного обращения, торговый обмен с Сибирью и установление тесных связей с европейским рынком ведут к появлению многих крупных купеческих фамилий, занимавших командное положение в межобластных торговых связях.

Если некоторые из выступавших считают, что мы неправы, тогда им нужно доказать, что перечисленных признаков, по которым мы относим начало генезиса капитализма к XVII в., либо в XVII в. не было, либо их можно увидеть ранее, в XVI в.

Обобщающая характеристика, данная в докладе относительно XVII в., опирается на многочисленные монографии и статьи советских историков. Надо ли пересматривать достижения советской науки? Задача симпозиума заключается в дальнейшей углубленной разработке проблемы генезиса капиталистических отношений в России.

Настало время сблизить точки зрения, понять позиции друг друга. И в этом отношении несколько огорчает выступление А. Л. Шапиро. В историографическом обзоре мы разбираем его статьи и отмечаем, что он в общем правильно, как нам кажется, подходит к решению проблемы. А. Л. Шапиро считает, что социальное расслоение с XVII в. происходит на основе складывания всероссийского рынка, из крепостного крестьянства выделяются элементы буржуазии и промышленные рабочие (правда, процесс этот идет главным образом в промысловой деревне). Вчера же в его выступлении мы услышали менее приятные для нас вещи. XVII и XVIII вв. — время крепостничества или генезиса капитализма? — ставит он перед нами вопрос. Однако разве рождение капиталистических отношений происходит не в период позднего феодализма? А. Л. Шапиро смущает то, что крепостное право оформляется в середине XVII в. и усиливается в XVIII в. Думаю, это не случайно. Принято считать, что дворянство требовало отмены урочных лет, опасаясь ухода крестьян к другим землевладельцам, прежде всего в крупные боярские вотчины. А разве не могло оно в XVII в. опасаться ухода крестьян на работу по найму в промышленность, транспорт и земледелие? Возможности для этого в стране имелись. Характерно, что в главе II Уложения 1649 г., наряду с бессрочным потомственным прикреплением крестьян к земле, имеется статья (в интересах тех же помещиков), запрещающая закабалять крестьян, ищущих заработков по найму. Не случайно В. И. Ленин говорил о двойной эксплуатации крестьян — помещиками по наделу и капиталистами по заработкам.

Разумеется, среди историков нет единой точки зрения по вопросу о складывании рынка рабочей силы в XVII в. Но тогда зачем же при критике доклада опираться на спорные утверждения? А. Г. Маньков напомнил нам вывод А. М. Панкратовой о том, что крепостнический жернов перемалывал и сокрушал ростки новых форм эксплуатации чужого труда. Однако не надо забывать, что не все исследователи, среди них и А. Л. Шапиро, разделяют указанное положение. А. Г. Маньков разделяет выводы статьи И. В. Степанова о работных людях Поволжья, изданной недавно в сборнике Ленинградского университета, а по-моему, в ней сделан шаг назад по сравнению с прежними статьями И. В. Степанова на ту же тему. Осторожность, если она чрезмерна, переходит в другое качество.

Не учитывая общее направление социально-экономического развития России XVII в., А. Л. Шапиро ставит перед нами целый ряд вопросов — скажем, почему в это время заметнее борьба против феодальной эксплуатации, чем борьба против буржуазной эксплуатации? Нужно ли такое противопоставление? Крестьяне боролись против всякой эксплуатации — и феодальной, и буржуазной, и это ярко отражено в советской литературе. В крестьянских и городских восстаниях трудящиеся выступали и против феодалов, и против «своих» богатеев. Другое дело, что для XVII—XVIII вв. более характерными были выступления против феодалов и феодального строя, как отживающей системы. Классовая борьба пронизывала все общественное развитие и проявлялась не только в открытых восстаниях и выступлениях. Социальная рознь проявлялась всюду, где сталкивались противоречия нарождающихся групп, в том числе и при раскладке налогов внутри общины.

Вопрос о кабале. В докладе проводится мысль, что процесс классового расслоения происходил в определенный исторический период — в период генезиса капиталистических отношений. Именно под этим углом зрения и рассмотрены все явления в русской деревне того времени. Кабала бытовала и в Киевской Руси. Но нужно учесть, что там феодал закабалял крестьянина. Когда же в XVII—XVIII вв. богатый крестьянин посредством кабалы угнетал другого крестьянина, это знаменовало зарождение в деревне капиталистических отношений.

Относительно терминологии. В докладе предложены два понятия — имущественное неравенство и классовое расслоение. В. И. Ленин употреблял для пореформенного периода два термина — дифференциация, как имущественное неравенство, и разложение. Для времени до падения крепостного права мы решили ввести дополнительное определение — классовое расслоение, под которым надо понимать предисторию разложения крестьянства.

Наконец, мне хотелось бы остановиться на выступлении С. М. Дубровского, который упрекнул нас в том, что мы забываем о воспроизводстве феодальных отношений.

Мне кажется, мы говорим о разных вещах. Вы правильно говорите, что в период господства феодальных отношений эти феодальные отношения все время воспроизводятся. Но доклад наш посвящен другому процессу — процессу образования в деревне новых классовых групп. И в XVII в. из рядов крестьянства выходили мелкие феодалы, но их было ничтожно мало. Наоборот, к XVII в. относится консолидация дворянства как класса; с помощью крепнувшего абсолютизма дворянство отгораживается от других сословий. В то же время в условиях складывания всероссийского рынка в феодальной деревне начинается новый процесс. Из рядов крестьянства появляются новые слои — предпролетариат и нарождающаяся буржуазия. Этот процесс непрерывно прогрессирует на протяжении XVIII и первой половины XIX в. Суть доклада и сводится к констатации того, что русская деревня, несмотря на усиление крепостничества, участвовала в рождении и развитии новых буржуазных отношений. В России XVII—XVIII вв. в специфической форме пробивали себе дорогу общие закономерности становления капиталистического способа производства.

В. К. Яцунский.

Я останавлиюсь на докладе А. А. Преображенского, Ю. А. Тихонова и Е. И. Индовой, а также, насколько позволит время, коснусь вкратце и некоторых других выступлений.

Задачей рассматриваемого доклада было дать в свете трудов В. И. Ленина, посвященных развитию капитализма в России, анализ классового расслоения крестьянства в XVII в., которым докладчики датируют возникновение названного явления. Вполне естественно, что они уделили очень большое внимание истолкованию взглядов В. И. Ленина по данному вопросу. Однако нельзя согласиться с их методом изложения идей В. И. Ленина.

В своем труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин дает развернутую концепцию процесса капиталистического разложения крестьянства в России. Прежде всего он подчеркивает, что этот процесс протекает при господстве в стране товарного хозяйства, когда «крестьянин вполне подчинен рынку». Сущность процесса состоит в том, что создаются два новых типа сельского населения — сельская буржуазия и сельский пролетариат.

В. И. Ленин отмечает, что разложению крестьянства предшествует наличие имущественного неравенства в его среде. Это имущественное неравенство «есть исходный пункт всего процесса», т. е. в историческом развитии социальной структуры крестьянства на протяжении феодальной и капиталистической эпох В. И. Ленин видел две стадии, а не три, как авторы доклада.

У В. И. Ленина имеется четкое указание и на время, к которому, по его мнению, относится начало разложения крестьянства. Он присоединяется в этом отношении к наблюдениям А. И. Васильчикова и В. Орлова, которые датировали начало этого процесса пореформенной эпохой.

Авторы доклада, казалось бы, должны были исходить в своем понимании ленинских взглядов прежде всего из данной концепции. Но в ней трудно найти подтверждение основного тезиса докладчиков, что классовое расслоение крестьянства, которое, по их словам, «означает формирование в среде основного трудящегося класса-сословия феодальной формации двух классовых групп, слоев будущего капиталистического общества — предпролетариата и нарождающейся буржуазии», ведет свое начало уже с XVII в. Может быть, по этой причине, может быть, по каким-либо иным соображениям авторы доклада пошли иным путем — путем использования отдельных цитат из сочинений В. И. Ленина, цитат, вырванных из контекста и склеенных собственными рассуждениями авторов. В своем комментарии к этим цитатам докладчики не стараются раскрыть мысли В. И. Ленина, выраженные в этих его высказываниях, путем сопоставления цитируемых мест со всем текстом тех произведений В. И. Ленина, из которых эти цитаты ими взяты, а также путем анализа той исторической обстановки, в которой эти произведения возникли, как это, например, сделал С. Д. Сказкин в своем толковании известного высказывания В. И. Ленина о всероссийском рынке. Авторы коллективного доклада стараются вложить в эти цитаты те мысли, которые им нужны для подтверждения их собственных взглядов. Они приписывают В. И. Ленину те мнения, которые им хочется вычитать у него для обоснования своих построений. Я, конечно, далек от обвинения докладчиков в намеренном, сознательном извращении взглядов В. И. Ленина. Речь идет лишь о чрезвычайно субъективном восприятии ими ленинских высказываний.

Если можно так выразиться, становым хребтом в концепции авторов доклада является цитата о всероссийском рынке. Чтобы опереться на эту цитату, они пытаются опровергнуть то ее понимание, которое было предложено С. Д. Сказкиным на Московской сессии нашего симпозиума. Как они это делают?

Стремясь подкрепить свое опровергнутое С. Д. Сказкиным утверждение, что слова «буржуазные связи» употреблены В. И. Лениным в данной цитате в смысле «капиталистические связи», докладчики приводят новую цитату из В. И. Ленина — а именно, то место из работы «К критике экономического романтизма», где В. И. Ленин говорит, что крестьян разных местностей связывает «разделение общественного труда

и товарное хозяйство, заменившее связи феодальные». Но ведь В. И. Ленин говорит здесь о крестьянах капиталистической эпохи, когда феодальные связи отошли в прошлое. Трудно понять, какое отношение имеет эта новая цитата к России XVII в., о которой речь идет в первой основной цитате! Авторы приводят далее еще две цитаты. Они указывают, что В. И. Ленин писал «о буржуазной капиталистической организации» крестьянского хозяйства в пореформенной России и, говоря о разложении крестьянства после 1861 г., употреблял термины «буржуазное разложение» и «капиталистическое разложение». Но из этих цитат также вовсе не вытекает, что, говоря о формировании в России XVII в. общенационального рынка и буржуазных связей, складывавшихся под руководством купцов (а ведь под словом «купцы» В. И. Ленин, конечно, мог в данном случае подразумевать лишь торговцев), В. И. Ленин употребил слова «буржуазные связи» в смысле «капиталистические связи».

В подтверждение своего понимания цитаты о всероссийском рынке докладчики ссылаются также на высказывание В. И. Ленина уже не о хозяйстве, а об эволюции государственного строя России. Они приводят начало и конец этой цитаты. Чтобы показать ошибочное толкование данной цитаты докладчиками, достаточно прочитать ее полностью: «Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—1910 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая *еще один шаг* в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии» (В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 47). Ну разве можно из этих слов вывести заключение, что В. И. Ленин видел какие-либо элементы буржуазной монархии в России уже в XVII в.?

Таким образом, нетрудно видеть, что все нагромождение отдельных цитат из разных мест различных сочинений В. И. Ленина не делает убедительным основное положение авторов доклада, что в своем высказывании о всероссийском рынке В. И. Ленин говорит о возникновении капитализма в России в XVII в. Полезно напомнить, что, излагая свое понимание названной цитаты, С. Д. Сказкин отмечал, что она не означает отрицания В. И. Лениным появления в этом веке ростков капиталистических отношений в России. Мы можем лишь утверждать, что В. И. Ленин, говоря о формировании всероссийского рынка, не касался проблемы о возникновении капитализма в России в XVII в.

В качестве дополнительных аргументов к своему основному тезису, что в своем высказывании о всероссийском рынке В. И. Ленин говорит о возникновении капитализма в России в XVII в., докладчики пытаются использовать еще два места из сочинений В. И. Ленина.

Во-первых, они приводят цитату из труда В. И. Ленина «Развитие капитализма в России»: «Степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране» (В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 47) и делают из нее вывод, что само наличие всероссийского рынка в XVII в. уже показывает существование капиталистических отношений. К этому тезису присоединился и учитель докладчиков, Н. В. Устюгов, подчеркивший, что, по его мнению, В. И. Ленин «не мыслил процесс складывания всероссийского рынка в отрыве от генезиса капитализма». Мы опять имеем здесь дело с неверным толкованием мыслей В. И. Ленина. В. И. Ленин говорил в цитируемом месте своего труда о соответствии в капиталистической стране между степенью развития внутреннего капиталистического рынка и степенью развития капитализма. Он говорил, что внутренний рынок «... для капитализма создается самим развивающимся капитализмом, который углубляет общественное разделение труда и разлагает непосредственных производителей на капиталистов и рабочих». Но В. И. Ленин вовсе не касался здесь рынка при феодальной формации.

Попробуем на минуту пойти за Николаем Владимировичем и его учениками и распространим это положение в глубь веков феодальной формации. Получится, что степень развития рыночных отношений является показателем степени развития капиталистических отношений в стране. До формирования всероссийского рынка были местные рынки, т. е. в стране существовали рыночные отношения. Эти отношения были слабо развитыми, — очевидно, и капиталистические отношения тогда тоже были очень слабо развитыми. Образование всероссийского рынка усилило рыночные связи, — следовательно, капиталистические отношения тоже усилились. Нетрудно видеть, что подобного рода допущения не выдерживают критики. К этому можно добавить, что в западноевропейских странах, например во Франции, история которых хорошо изучена с этой точки зрения, образование общенационального рынка произошло еще в феодальную эпоху и не свидетельствовало о возникновении капитализма.

Вторым вспомогательным аргументом докладчиков является указание В. И. Ленина об использовании кулаками в пореформенную эпоху при капиталистической эксплуатации крестьян докапиталистических форм эксплуатации. Докладчики делают из этого вывод, что огромное распространение в XVII—XVIII вв. кабальных отношений доказывает распространение в эту эпоху капиталистических отношений. Этот вывод может вызвать только удивление. Я могу на нем больше не останавливаться, так как об этом уже говорил А. Л. Шапиро.

Резюмируя утомительный обзор цитат, с большой тщательностью собранных до-

кладчиками, можно прийти лишь к одному выводу: все эти цитаты не дают никаких оснований приписывать В. И. Ленину мнение, что уже в XVII в. в среде основного трудящегося класса-сословия феодальной формации происходило формирование двух классовых слоев будущего капиталистического общества — предпролетариата и нарождающейся буржуазии, как это утверждают авторы коллективного доклада. Это — их мнение, а не мнение В. И. Ленина.

В своей концепции процесса капиталистического расслоения крестьянства в России В. И. Ленин как на необходимую предпосылку этого явления указывает на господство товарного хозяйства в стране и полное подчинение крестьянина рынку. В XVII в. в русской деревне не только существовали, но и развивались, правда не столь быстрыми темпами, как это иногда рисуют некоторые увлекающиеся исследователи, товарно-денежные отношения. Но в стране господствовало натуральное хозяйство, до господства товарного хозяйства было еще очень и очень далеко. Крестьянин был вполне подчинен не рынку, а феодалу. В. И. Ленин датировал развитие капиталистического расслоения крестьянства пореформенной эпохой и подчеркивал быстрые темпы пореформенного развития капитализма в России.

Таким образом, ленинская концепция процесса капиталистического расслоения крестьянства не согласуется с отнесением начала этого процесса в глубь веков.

Теперь перейду к конкретному материалу фактов, выдвигаемому как в докладе, так и в нашей исторической печати в подкрепление тех взглядов, которые отстаивают А. А. Преображенский и его соавторы. Прежде всего во избежание недоразумений приходится, несмотря на то что я об этом уже неоднократно говорил и писал, напомнить, в чем состоит предмет спора. Я вовсе не отрицаю зачаточных элементов капитализма в народном хозяйстве России XVII в. — элементов, проявляющихся преимущественно в последней четверти этого столетия (что обычно избегают подчеркивать специалисты по истории XVII в., предпочитая делать упор на XVII век в целом), хотя я и далек от переоценки этих фактов, свойственной многим специалистам по истории этого столетия. Но эти элементы тогда имели место вне сельского хозяйства, в котором капиталистические отношения в России появились гораздо позже, чем в промышленности. Докладчики же считают, что зачатки капиталистических отношений появились в XVII в. одновременно как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Докладчики видят элементы капитализма в земледелии в наличии в XVII в. в деревне того, что они называют классовым расслоением крестьянства, а также в применении в земледелии наемного труда.

Что показывают приводимые в докладе факты о социальной структуре деревни? Прежде всего это обычно данные статического порядка, и из них нельзя делать выводов о процессе расслоения. Далее, они показывают, что в деревне XVII в. имелись весьма значительные различия в хозяйственном положении отдельных дворов. Были в среде зажиточной верхушки деревни ростовщики и торгующие крестьяне. Среди бедняков были люди, не имевшие собственного хозяйства, жившие на заработную плату как вне земледелия, так отчасти и в земледелии, причем в качестве нанимателей выступают также и зажиточные крестьяне.

Д. Л. Похилевич в своем докладе на нашей сессии привел аналогичный материал по западноукраинской деревне XV—XVI вв. Он не усмотрел в ней никаких зачатков капиталистических отношений. Думаю, что и докладчики в приведенном Д. Л. Похилевичем материале их не увидели. Данные по Прибалтике XV—XVI вв., где батрацкий труд имел широкое применение в крестьянском хозяйстве и где наделы крестьян отличались значительной неравномерностью, также не приводят латвийских и эстонских историков к выводу, что это означает зарождение капиталистических отношений в земледелии в указанное время.

Я в своем докладе на Московской сессии, наши медиэвисты в своих выступлениях и в Киеве, и здесь, в Риге, приводили данные о социальной структуре западноевропейской деревни в эпоху, относительно которой никто из наших историков не говорит ни о каких элементах капитализма в народном хозяйстве тех стран, по которым нами сообщались материалы. Социальная структура западноевропейской деревни задолго до капиталистической эры обладала всеми теми признаками, которые А. А. Преображенский считает признаками возникновения капиталистических отношений в русском земледелии XVII в., обладала этими признаками даже в большей мере, чем русская деревня XVII в. Это совершенно правильно подчеркнул М. А. Барг на нашей теперешней сессии. Спрашивается, почему одна и та же по своей сущности социальная структура земледельческой деревни в Поморье XVII в. должна быть признана имеющей признаки зарождающихся капиталистических отношений, а в других названных мною странах как Западной, так и Восточной Европы — лишенной этих признаков?

Ю. А. Тихонов, возражая против сопоставления русских и западноевропейских данных о социальной структуре крестьянства, сказал, что такого рода сопоставление надо «производить умеючи». Но почему мы делаем сопоставление неумело, он не показал и, конечно, не сможет показать.

Факты, которые, по мнению докладчиков, свидетельствуют о классовом расслоении в русской деревне XVII в., показывают лишь наличие обычного для феодальной эпохи имущественного неравенства среди крестьянства. Зарождения капитализма в русском земледелии они не показывают.

Николай Владимирович Устюгов хотя и заявил, что поддерживает целиком и пол-

ностью точку зрения, изложенную в коллективном докладе, однако в собственном выступлении старался стоять на почве фактов и даже сделал попытку наметить пути преодоления разногласий. Я приветствую это предложение и хочу лишь расширить этот путь, а также попытаться найти формы работы, при помощи которых это можно осуществить на деле.

Н. В. Устюгов, во-первых, предлагает признать, что феодальная формация не является чем-то статическим, что внутри феодальной формации есть свое развитие. Я позволю себе напомнить, Николай Владимирович, что на Киевской сессии я высказывал именно это мнение, утверждая, что приведенные Вами в Вашем докладе факты из жизни поморской деревни полностью объясняются эволюцией феодальной формации и не свидетельствуют о появлении капиталистических отношений.

Во-вторых, Н. В. Устюгов предлагает признать, что в период позднего феодализма в рамках феодальной формации постепенно складываются новые отношения. Я позволю себе уточнить, сказав — капиталистические отношения, — и развитие этих отношений в конце концов приводит к смене феодализма капитализмом. Но это ведь общепризнанное в нашей исторической науке положение. Дело, очевидно, не в признании этого положения, а в умении им пользоваться без нарушения правил методики исторического исследования. Не следует из данных статического порядка делать выводы о динамике изучаемого явления. Надо на основе фактов строить схемы развития исторического прошлого, а не на основе произвольных схем подбирать факты и объяснять их, руководствуясь разного рода произвольными тенденциями. Как известно, в годы культа личности в нашей историографии такие тенденции были. В частности, была тенденция всемерного «удревления» нашего исторического развития, тенденция доказать синхронность нашего и западноевропейского развития, тенденция представить крепостную Россию носителем «приоритетов» в технике, в том числе и в технике сельского хозяйства, и т. д.

Я хочу также напомнить необходимость при изучении любого исторического явления исследовать, чем было это явление до того периода, применительно к которому мы его изучаем, и чем оно стало впоследствии. В этом отношении, Николай Владимирович, Вам и Вашим ученикам можно сделать серьезный упрек. Я не сторонник мнения о возникновении капиталистических отношений в России в XVI в. Но я считаю, что докладчики не имели права ограничиться одним лишь заявлением, что «усматривать явления процесса классового расслоения деревни в России ранее XVII в. нет достаточных оснований». Это надо было доказать. Мы мало знаем о социальной структуре земледельческой деревни XVI в., но то, что мы знаем, не свидетельствует о скачке в этом отношении в XVII в. Я говорил уже об этом на Московской сессии.

Вы сказали, Николай Владимирович, что, по наказам в Комиссию 1767 г., социальная структура поморской деревни не отличалась от той, которая Вам известна по материалам XVII в. Но ведь Вы знаете, что общинное землевладение там вошло в жизнь после 1767 г. Я предлагаю для проверки Вашего киевского доклада организовать изучение социальной структуры поморской деревни в XIX в., заглянуть в данные земской статистики по тем уездам Поморья, где она есть, наконец, подумать, почему В. И. Ленин, говоря о наличии пяти укладов в Советском государстве после победы революции, отнес территорию к северу от Вологды к числу самых отсталых в социальном отношении местностей Европейской России. Может быть, тогда роль Поморья в развитии капиталистических отношений в русском земледелии представится Вам в ином свете.

Я предлагаю вообще ставить так наз. «сквозные темы», когда развитие явления прослеживается за длительный промежуток времени — от феодализма к капитализму. Это важно для многих тем, в частности для изучения проблемы об исторических изменениях в степени эксплуатации и в уровне жизни крестьянства.

Я предлагаю шире и глубже использовать сравнительно-исторический метод, а не открещиваться от него, признавать полезность его не только на словах, как это сделал Ю. А. Тихонов в своем выступлении, но и на деле.

Изучая факты на основе правильной научной методики, в свете правильной теории, мы добьемся создания верной картины исторического прошлого и сможем выявить закономерности исторического развития.

В. В. Дорошенко.

В аграрной истории Латвии XVI—XVII вв. встречаются факты, тоже, на первый взгляд, говорящие в пользу глубокого социального расслоения, раннего зарождения буржуазных связей, элементов капитализма в сельском хозяйстве и т. п. Не говоря уже об огромной разнице в положении отдельных прослоек сельского населения (держатели обычных тяглых наделов, или «хозяева»; малоземельные «пешцы» или «бобыли»; безземельные наймиты-поденщики и др.), бросается в глаза пестрота внутри каждой прослойки. Например, земельные наделы «хозяев» варьировали в пределах от $\frac{1}{8}$ до 3—4 гаков, а в смысле обеспеченности скотом разница тоже была огромной: рядом с имевшими по 5—6 лошадей, 6—8 коров, 8—12 свиней и т. д. встречались такие «хозяева», которые скота вообще не имели. Одни из «хозяев» еле сводили концы с

концами, другие же занимались торговлей (скупали и перепродавали зерно — целыми ластами), ссужали скотом и инвентарем своих менее состоятельных соседей или же богатели, используя свое положение в мызной администрации. Примером весьма зажиточного «хозяина» может быть волостной староста («вардей») по имени Лугас, действовавший в замковом округе Вильянди (Южная Эстония) в 1590—1599 гг. сначала как рядовой держатель, сидящий на $\frac{3}{4}$ гака, а потом — как своего рода «откупщик», получивший от замка право на сбор всей продуктовой и денежной ренты с сотни «подданных» «своей» волости за единовременный взнос — «в виде аренды» — 720 злотых ежегодно. Для оценки указанной суммы необходимо учесть, что ласт (около 2000 кг) ржи в эти годы стоил около 20 злотых. Получая с крестьян — в виде «откупленной» ренты — десятки ластов зерна, Лугас, конечно, реализовал этот хлеб на рынке и, следует думать, с большой выгодой для себя.

Обращаясь к жизни помещичьего имения, мы и там можем отметить такие явления, которые внешне, на первый взгляд, с трудом уместаются в рамках «типичного» феодализма, а лучше сказать — в рамках того феодализма, о котором мы составили себе представление по учебникам. К подобным явлениям относится, например, исключительно высокая товарность ряда крупных дворянских мыз (например, имений Г. Ти-зенхаузена в Южной Лифляндии, откуда в 1578—1593 гг. ежегодно отправлялось на рижский рынок от 35 до 60% всего зернового дохода). К тому же ряду явлений принадлежат довольно частые факты применения наемного труда в сельском хозяйстве XVI—XVII вв. Если в крупных дворянских имениях мызная пашня обрабатывалась в порядке крестьянской барщины, то хозяйства самих крестьян (при существовавшей барщинной норме — 5—6 дней в неделю, с инвентарем и конем, с обычного тяглого надела — «гака») попросту не могли обойтись без дополнительного труда сезонных или постоянных наймитов — «бобылей», «пешцов», «гультьев» и т. п. Что же касается мелких феодальных имений, то многие из них — судя по документам конца XVI в. — совсем не имели своих тяглых крестьян («хозяев») и обрабатывали собственную, владельческую запашку при помощи наемной рабочей силы, чаще всего — «огородников». Между прочим, эта особенность мелкого феодального землевладения, судя по весьма интересной работе А. Вычанского, была характерной также и для Речи Посполитой XVI в.

Но означают ли факты этого рода (их список можно бы и продолжить) нечто принципиально «новое» и, тем более, «буржуазное» или «капиталистическое»? Нет и еще раз нет. Мне, как — надеюсь — и другим прибалтийским историкам, подобная мысль и в голову не приходит. Самое главное — это не вырывать факты из их основного контекста, а оценивать их на фоне той исторической обстановки, в которой они возникли. Зажиточные и даже «торгующие» крестьяне встречались, наверно, и в более древние времена, однако вся обстановка лифляндского крепостничества (одного из самых суровых в тогдашней Европе) лишала эту сельскую верхушку возможности окончательно «выбиться в люди», скажем — стать сельскими буржуа, свободными земельными собственниками и т. п. Богатеи, подобные старосте Лугасу, — это явления если и не весьма редкие в тогдашней действительности, то все же, по сути дела, случайные, не имевшие никаких перспектив успешного роста в дальнейшем. Точно так же многочисленные «бобыли» и «гультия» (в некоторых старостах их было так много и они были столь подвижным элементом, что польская феодальная администрация их вообще не учитывала) не могли превратиться в «сельский пролетариат». Люди, потерявшие землю и работавшие в чужом хозяйстве, стремились вернуться на положение тех же «хозяев», и, если это им удавалось, они немедленно становились тяглыми крепостными. Что же касается тех, которые оставались на положении «бобылей» или «наймитов», то их эксплуатация сочетала в себе элементы договора с внеэкономическим принуждением; это был феодальный наемный труд, который не следует смешивать с капиталистическим наймом. Наконец, и товарность мызных хозяйств в XVI—XVII вв. ничего общего не имела с капитализмом, поскольку денежные доходы феодального собственника, подчас — огромные, не вкладывались в производство, но почти целиком шли на удовлетворение потребительских, точнее — паразитических нужд дворянства. Обеспечивая высокий доход феодалу, связь мызы-фольварка с рынком лишь стимулировала дальнейшее расширение господской пашни (обрабатываемой трудом крепостных барщинников!), иными словами — служила воспроизводству, расширению и углублению именно феодальных, а не каких-либо других отношений.

Вот почему к оценке явлений, подобных отмеченным, необходимо подходить осторожно. Настолько ли уж «новым» было все то, о чем говорилось в коллективном докладе А. А. Преображенского и его коллег? Мне представляется, что огромное большинство явлений и фактов, характеризуемых обычно как «новые» (для XVII—XVIII вв.), вполне укладывается в рамки феодальной общественной формации. Другое дело — что наши представления об этой формации оказываются подчас несколько узкими и догматическими. Конкретная историческая действительность феодального общества была, очевидно, шире, разнообразнее, чем это иногда нам кажется. Одна из главных наших задач — усилить внимание к теоретической стороне наших исследований, к действительно научному обобщению накопленных фактов.

В выступлениях были ссылки на Сибирь. Первый докладчик, некоторые из выступавших говорили о том, что в Сибири социальное расслоение крестьянства началось очень рано. Были высказывания даже о том, что уже в XVII в. началось разложение крестьянства. Между тем, мне кажется, что на основании тех работ, которые имеются, нельзя еще делать вывода о начале развития капиталистических отношений. Дело в том, что Сибирь имеет свои специфические, особые условия. Кроме того, аграрная история Сибири в XVIII в. мало изучена, она еще *terra incognita*, и над ее вопросами нужно много работать.

До настоящего времени некоторые авторы относят Сибирь к территории, где полностью господствовало государственное землевладение. Между тем, в XVIII в. крепостничество начало наступление на Сибирь. Вся южная часть Западной Сибири, где были самые благоприятные для развития сельского хозяйства почвенно-климатические условия, стала поместьем царей, а местное крестьянство было закрепощено. Таким образом, эта часть Сибири была отколота от остальной Сибири, а аграрные отношения здесь во многом отличались от аграрных отношений в других районах Сибири.

Я занимался последнее время историей крестьянства Алтайского горного округа. В архивах сохранилось много окладных книг, которые показывают, что имущественное расслоение крестьянства на Алтае в первой половине XIX в. достигло очень высокой степени.

В Алтайский горный округ не переселяли крестьян, там не было ссыльных, а между тем, процент безлошадных крестьян на его территории был большой, очень много насчитывалось и крестьян, имевших одну-три лошади. А хозяйства, имевшие одну-три лошади, в условиях, сложившихся в Алтайском горном округе, — это бедняцкие хозяйства. Например, в Ояшинской волости на 889 дворов приходился 31 двор безлошадный и 210 имели по одной-три лошади. На все эти хозяйства приходилось всего 204 десятины посева. Такие же примерно данные характерны и для других волостей.

Какие же выводы можно сделать на основании этих данных? Казалось бы, можно было бы говорить о том, что в Алтайском горном округе капитализм в сельском хозяйстве развивался гораздо быстрее, чем в Европейской России. Однако если рассматривать весь материал в совокупности, если не ограничиваться только данными окладных книг, то вырисовывается несколько другая картина.

В Алтайском горном округе собственность крестьян в правовом отношении совершенно не была защищена. Продажа крестьянами сельскохозяйственных продуктов регламентировалась горнозаводским начальством. Крестьяне обязаны были продавать хлеб заводам по заранее установленным ценам. Максимальные размеры запашки крестьян не превышали 20—30 десятин, между тем как некоторые из государственных крестьян Тобольской губернии имели сотни десятин запашки.

Мне кажется, что, когда мы пытаемся определить степень развития капитализма в том или ином районе, необходимо учитывать не только фактор расслоения крестьянства, но и степень несвободы крестьянства, ограничения сферы его хозяйственной деятельности. Значительная степень имущественного расслоения может быть результатом не начавшегося развития капиталистических отношений, а усилившегося феодального гнета.

Х. М. Лиги.

Воспользовавшись любезным приглашением А. А. Преображенского, который выразил желание выслушать по вопросу о расслоении крестьянства мнение историков союзных республик, я позволю себе поделиться некоторыми результатами своих наблюдений над феодальной эстонской деревней.

Эстонская деревня является чисто земледельческой. В отличие от русской деревни, ремесла и особенно промыслы не играли здесь почти никакой роли. Между прочим, на эстонском языке даже нет термина «промысел». Эта своеобразная черта эстонской деревни коренится в далеком прошлом, но особенно она утвердилась в результате интенсивного развития мызно-барщинного хозяйства, которое еще больше подавляло развитие ремесла и промыслов в деревне. Кстати, в эстонской деревне, в отличие от русской, весьма рано, еще в XI—XII вв., прекратились периодические переделы пахотной земли и установилось частное подворное землепользование.

Следует подчеркнуть, что процесс интенсивного развития барщинно-крепостнического хозяйства начался в Эстонии, особенно в северной ее части, очень рано, примерно с середины XV в., и трудно найти другую страну, где барщина доминировала бы столь же абсолютно. Уже с середины XVI в. отработочная рента стала основной формой феодальной ренты. Соотношение мызной и крестьянской запашки в частновладельческих имениях уже тогда было в среднем 1 : 4, а через сто лет, во второй половине XVII в., — 1 : 2,8. На рубеже XVIII и XIX вв. это соотношение было 1 : 1,4, в одном уезде — даже 1 : 1,1. Мызное хозяйство было тесно связано с рынком, поставляя туда в основном зерно.

Спрашивается, как обстояло дело с расслоением крестьянства в этих условиях? Я сопоставлял инвентари ряда имений XVI в. с инвентарями и данным землемер-

ных работ в этих же имениях конца XVII и начала XIX в. В моем распоряжении нет времени, чтобы привести цифровые данные. Но могу сказать, что в тех имениях, где роль отработочной ренты в середине XVI в. была скромной, имущественное неравенство было более глубоким, чем в имениях с явным преобладанием барщины. Бывало, что в пределах одной и той же деревни некоторые сошные крестьянские хозяйства по своим размерам превышали соседние в 8—10 раз (не говоря уже о бобыльских хозяйствах). Имений, в которых отработочная рента еще не доминировала, в середине XVI в. в Эстонии было довольно много. Это прежде всего имения ландесгерров (Ливонского ордена, сааре-ляэнского и тартуского епископов), а также монастырские имения. После Ливонской войны все эти орденские и епископские имения перешли в частновладельческие руки и в них стала быстро повышаться роль отработочной ренты. Это непосредственно сказывалось и на имущественном разделении крестьянства. В конце XVII в. различия в величине сошных крестьянских хозяйств были гораздо меньшими, чем в середине XVI в., а на рубеже XVIII и XIX вв., в свою очередь, еще меньшими, чем в конце XVII в. Значительно меньшими были и различия в обеспечении рабочим и продуктивным скотом, а также в размерах повинностей.

Таким образом, можно сказать, что в эстонской деревне развитие барщинно-крепостнического хозяйства не только сдерживало процесс поляризации крестьянства, а сопровождалось явной нивелировкой его. В условиях высокоразвитого барщинно-крепостнического хозяйства в Эстонии в XVII и XVIII вв. крестьянское хозяйство было только придатком мызного хозяйства, и, пользуясь известной ленинской формулировкой, можно сказать, что оно было лишь средством обеспечения помещиков рабочими руками. Феодалу было выгоднее владеть как можно большим количеством средних крестьянских хозяйств, обеспеченных в достаточной мере рабочей силой и инвентарем для выполнения возросшей барщины.

Можно ли считать разнородность деревни XVI в. признаком развития буржуазных отношений? Думается, что нет. Дело прежде всего в том, что крестьянское хозяйство в XVI в. оставалось сугубо натуральным. Даже самые зажиточные крестьяне были слабо связаны с рынком. Львиная доля феодальной ренты взималась в форме ренты продуктами, удельный вес денежной ренты был ничтожным. Да и жалованье батраки получали натурой. К тому же такие данные о разнородности деревни имеются с XV и даже с XIII в., т. е. с периода формирования феодальных отношений.

Несколько слов о наемном труде в феодальной эстонской деревне. Наемный труд здесь — довольно распространенное явление. Первые прямые сведения о применении батраков встречаются в источниках начала XV в. Но, без всякого сомнения, батрачество существовало еще до того, как о нем начинают говорить источники. Это подтверждается данными лингвистики и фольклора. Материалы середины XVI в. поддаются обработке. Например, в большом орденском имении Руйла (в Северной Эстонии) более $\frac{2}{3}$ крестьянских хозяйств держали батраков, причем каждое четвертое хозяйство имело по два батрака и каждое восьмое — даже по три батрака.

Мы уже характеризовали Эстонию как район исключительного преобладания барщинного хозяйства. Но такие районы, где преобладала барщина, были и в других областях Российского государства. И хотелось бы, чтобы историки не упустили из виду существования таких районов и влияние процесса развития барщинного хозяйства на расслоение крестьянства.

Л. А. Лооие.

Разрешите мне выступить по докладу М. И. Козина и сказать несколько слов по этому поводу.

Прослушав очень интересный доклад М. И. Козина, я хотела бы подчеркнуть, что согласна с его основными положениями. Несомненно, что в Прибалтике, в прибалтийской деревне уже в 60-е годы XIX в. были налицо элементы раскола крестьянства на классы буржуазного общества.

Хочу отметить также, что согласна и с другим очень важным положением М. И. Козина, а именно, что в 90-е годы XIX в. в Прибалтике в отношении дифференциации крестьянства создалось положение, отличное от имевшего место во внутренних губерниях России: здесь существовало сильное кулачество, очень многочисленный сельский пролетариат, слой же среднего крестьянства был сравнительно незначительным. Это свидетельствует о том, что расслоение деревни в Прибалтике зашло значительно дальше, чем по всей России в целом. К таким же выводам на основе эстонского материала приходят эстонские историки, например тартуский экономист А. А. Кёэрна.

Но в докладе М. И. Козина не было достаточно учтено различие между положением в деревне в 60-е и в 90-е годы. Полного знака равенства между степенью дифференциации крестьянства в 60-е и 90-е годы нельзя ставить, — в 60-е годы раскол деревни только начинался. Если составить график процесса расслоения крестьянства в пореформенный период, то мы получим следующую картину: в 60—70-е годы средние слои крестьянства еще сравнительно многочисленны и сокращаются только к концу века. Из года в год растет кулачество, сильно увеличивается количество сельского пролетариата. Только в конце века можно утверждать, что деревня уже раскололась на классы буржуазного общества.

Эту динамику дифференциации крестьянства нельзя забывать при изложении кон-

кретных событий 60-х, 70-х или 80-х годов. Меняющееся соотношение сил различных слоев крестьянства накладывало свой отпечаток на характер общественно-политической и классовой борьбы в прибалтийской деревне, а также и на характер эстонского и латышского национального движения.

М. И. Козин в своем докладе упрекнул генерал-губернатора Альбединского и жан-дармского полковника Андриянова в том, что они не делали различия между крупными дворохозяевами и средним крестьянством, сваливая всех в одну кучу. Но, пожалуй, докладчик и сам не сделал достаточного различия между этими двумя группами. Характеризуя крестьян-хозяев в 60-е годы, Козин на самом деле учитывал только зажиточную верхушку и описывал ее антагонистические отношения с пролетариатом. Но ведь не все дворохозяева были кулаками и «серыми баронами». В 60—70-е годы сельской буржуазией можно считать только очень незначительное количество хозяев, сумевших выкупить свои хутора без долгов, и немногих самых зажиточных арендаторов. В Эстонии в эти годы их было не больше 5—10%, и даже у этого слоя сохранялись еще противоречия с помещиками. Большая часть дворохозяев состояла в 60—70-е годы из зависимых от помещика арендаторов или из обремененных долгами хозяев покупных хуторов. Продажа хуторов в Прибалтике производилась помещиками как феодальный выкуп, цены же на крестьянскую землю были здесь значительно выше цен наделной земли в России. «Хозяин» хутора, у которого было, например, 2000 рублей долга, находился еще в полуфеодальной зависимости от помещика, не говоря уже об арендаторе, который часто нес еще и барщину. Эта группа крестьянства в 60—70-е годы очень близка к крестьянству феодального периода, и для нее характерны антагонистические отношения с помещиками.

В эстонской деревне в 60—70-е годы ясно выделился и сельский пролетариат — батраки (хуторские и мызные) и различные малоземельные группы крестьянства. При несомненно уже существовавшем антагонизме сельского пролетариата и сельской буржуазии главное требование пролетариата в то время — требование земли — носило все же еще буржуазно-демократический характер.

Подчеркиваю, что М. И. Козин правильно отмечает наличие антагонистических противоречий между сельской буржуазией и пролетариатом в 60-е годы. Но не эти противоречия доминировали в деревне, — главная борьба шла по линии всего крестьянства против помещиков. Для эстонской деревни 60—70-х годов характерно, что все слои крестьянства — зажиточная верхушка, среднее крестьянство и сельский пролетариат — выступали против помещиков, но выступали они с различными требованиями и с различной степенью активности.

Рассмотрим для иллюстрации один пример — борьбу крестьян за землю.

Можно согласиться с К. Я. Страздином, что к верхушечному слою крестьянства в 60-е годы принадлежали самые богатые арендаторы, эксплуатировавшие батраков. У этой формирующейся сельской буржуазии в 60-е годы были еще серьезные противоречия с помещиками. В земельном вопросе их самым далеко идущим требованием было безвозмездное получение своих хуторов в полную собственность. Это — по существу революционное требование, хотя и более умеренное, чем требование раздела всех помещичьих земель, которое выдвигало крестьянство в России. В России крестьянский надел был настолько мал, что на его основе не могло возникнуть жизнеспособное крестьянское хозяйство; требование раздела всей помещичьей земли, следовательно, было обосновано экономически. В Прибалтике же крупные хутора были размером в 30 и больше десятин. Ясно, что арендаторы таких хуторов довольствовались требованием получения своего хутора в полную собственность.

Арендаторы средних хуторов требовали не только предоставления им их хутора без выкупа, но и прирезков от помещичьей земли. Это, безусловно, уже более резкое наступление на помещичью собственность, чем требование, выдвинутое крупными дворохозяевами.

Сельский пролетариат (батраки, рабочие с наделом, мелкие арендаторы) требовал раздела помещичьих земель, а также и перераспределения всей крестьянской земли, т. е. раздела больших кулацких хозяйств. Таким образом, требование сельского пролетариата было обращено как против помещиков, так и против сельской буржуазии. Когда борьба пролетариата за землю привела в 1865—1867 гг. к волнениям, участники которых требовали уравнительного наделения всех крестьян «душевым наделом», эстонская сельская буржуазия повернула к прямой реакции. Защищая неприкосновенность владений богатого крестьянина-собственника, идеологи буржуазии объявили священным принцип частной собственности на землю вообще. Из их утверждения, что нельзя требовать раздела кулацких хозяйств, следовало, что нельзя отбирать и помещичьи земли. Так защита частной собственности богатых крестьян привела идеологов буржуазии к защите помещичьей собственности. Следовательно, эстонская сельская буржуазия уже на заре своего существования стала реакционной силой, защищающей помещичье землевладение. Напуганная борьбой батраков за землю, она уже в 60-е годы выдвинула резко антипролетарские требования. Защищая частную собственность, идеологи буржуазии стали отстаивать извечность деления общества на классы и проповедовать среди батраков смирение, отказ от борьбы за лучшую долю. И все же М. И. Козин не совсем прав, когда он, характеризуя крестьянство 60-х годов, говорит только об антагонизме между буржуазией и пролетариатом и опускает противоречия между всем крестьянством и помещиками. Отдельных примеров, иллюстрирующих противоречия между кула-

ками и батраками, можно привести много, но, конечно, еще больше фактов имеется в подтверждение борьбы всех слоев крестьянства против помещиков. К примеру, в эстонской буржуазной газете «Эсти Постимээс» в 1864—1869 гг. было напечатано 5—6 статей, направленных против батраков, но почти каждый номер газеты касался в той или иной мере отношений крестьян и помещиков.

Конечно, буржуазия, говоря об отношениях крестьян и помещиков, призывала смириться с прусским путем развития капитализма и не могла возглавить борьбу широких масс эстонского крестьянства за революционный переход к капитализму. Но борьба эта велась. Антифеодальные же требования в этой борьбе складывались, в первую очередь, на основе интересов средних слоев крестьянства, которые больше всего страдали от пережитков феодализма (от барщины, высоких арендных платежей и пр.). Идеологами средних слоев крестьянства в Эстонии были буржуазные демократы. За антипомещичьи требования, выдвинутыми эстонскими крестьянскими демократами, мог в 60—70-е годы следовать и пролетариат. В отличие от идеологов кулачества, буржуазные демократы не выдвигали еще резко антипролетарских требований.

Следовательно, говоря о расслоении крестьянства, необходимо учитывать все слои крестьянства и их удельный вес в исследуемые промежуток времени. В 60—70-е годы нельзя опускать средние слои, которые составляли в то время большую часть крестьян-дворохозяев. На основе требований этого слоя сложилась буржуазно-демократическая идеология. Буржуазные демократы возглавляли в тот период антипомещичью борьбу за революционный путь развития капитализма. Идеологов пролетариата в 60—70-е годы в Эстонии еще не было, хотя пролетариат уже и выступал со своими специфическими требованиями.

А. З. Барабой.

У меня несколько замечаний. Первое: несколько участников симпозиума, в том числе и я, вполне согласны с предложением А. Л. Сидорова относительно включения в программу дальнейших сессий нашего симпозиума советской тематики. С такой просьбой несколько наших товарищей обратились уже вчера к членам Организационного комитета. Доклад академика Я. П. Крастьяна может рассматриваться как мостик от четырех прошлых наших симпозиумов, не включавших советской тематики, к нашему пятому симпозиуму, часть работы которого будет посвящена советскому периоду нашей истории.

Второе замечание — относительно эксплуатации крестьян крестьянами. Маркс в 47-й главе III тома «Капитала» говорит о том, что натуральная рента создала возможность эксплуатации крестьянина крестьянином. И дальше он говорит: переходу от натуральной ренты к денежной не только сопутствует, но даже предшествует образование класса безземельных поденщиков.

Я приглашаю нашего уважаемого докладчика — А. А. Пресбраженского вспомнить, что натуральная и денежная рента — это есть формы, стадии развития *феодальной* ренты. К тому же Ю. А. Тихонов сказал, что, по мнению авторов доклада, XVII в. — это начало превращения товарного хозяйства в капиталистическое в России в целом, во всех отраслях хозяйства, в том числе и в земледелии. Думаю, что для такого утверждения у докладчиков нет достаточных оснований. Правильнее будет говорить, что XVI, XVII и XVIII вв. были веками развития товарного хозяйства, простого товарного хозяйства в сельском хозяйстве, простого товарного, а затем и капиталистического хозяйства в промышленности.

Я напомним докладчикам, что В. И. Ленин даже к концу XIX в. не считал законченным процесс превращения крестьянина из продуктопроизводителя в товаропроизводителя. Можно ли говорить, что уже в XVII в. в земледелии шел процесс товарно-капиталистический? Простое товарное хозяйство рассматривается Лениным как низшая ступень капиталистического производства.

Замечание относительно терминологии. Верно, что терминологический вопрос — вопрос не первостепенной важности, но все же он имеет бесспорное значение. Думается, что нам нужно было бы договориться по этому вопросу окончательно, ибо это оказало бы некоторое влияние на существо спора. Терминов много — буржуазное разложение крестьянства, капиталистическое разложение, расслоение крестьянства, дифференциация и т. д. Я считаю, что мы можем раз и навсегда договориться, что термин «дифференциация», который перешел к нам из западноевропейских языков, все же уступает по своему качеству чисто русскому термину «расслоение». «Дифференциация» — это значит различие, саморазмещение, «расслоение» говорит о том, что крестьяне расслаивались на несколько слоев. Термин «расслоение», безусловно, лучше термина «дифференциация», и можно надеяться, что Западная Европа сможет создать такое более точное слово, переведя его с русского языка, и заменит им слово «дифференциация». Что же касается терминов «буржуазное разложение», «капиталистическое разложение» или «капиталистическое расслоение», то думается, что эти термины не годятся.

Наш уважаемый докладчик предлагает такую терминологию в последовательном порядке: имущественное неравенство, начиная с XVII в. — классовое или буржуазное расслоение, затем — разложение. При этом термин «разложение» он предлагает при-

менять с 1862 г. Я же предлагаю термин «имущественное неравенство» сохранить для периода до XVI в., для XVI, XVII и XVIII вв. применять термин «феодальное расслоение крестьянства» — не буржуазное, не капиталистическое, а *феодальное* расслоение. Я прошу в связи с этим вспомнить, что Карл Маркс говорил о том, что класс безземельных поденщиков предшествует переходу от натуральной ренты к денежной. Антагонизм между этими слоями крестьянства в XVI—XVIII вв. не дошел еще до предела. Термин «классовое расслоение» предлагаю распространить на период с конца XVIII в. по начало XX в.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

А. А. Преображенский.

Товарищи, по коллективному докладу, посвященному проблеме классового расслоения русской деревни XVII—XVIII вв., было очень много суждений. Несомненно, это не может не порадовать докладчиков. В особенности следует отметить творческий вклад, который был внесен в ходе обсуждения этого вопроса научными работниками из наших братских национальных республик, которые привели интересные, свежие данные, характеризующие особенности изучаемых явлений на территории различных районов нашей страны.

Мнения выступавших, как показало обсуждение вопроса, в значительной степени разошлись. По докладу было высказано много критических замечаний. Некоторые наши положения вызвали сомнение. И вместе с тем целый ряд выводов доклада встретил поддержку.

Прежде всего, чтобы уяснить нашу точку зрения на проблему классового расслоения, необходимо подчеркнуть, что задача нашего доклада — это методологическая постановка вопроса о классовом расслоении деревни в период позднего феодализма. При этом под классовым расслоением мы понимаем расслоение в буржуазном направлении — и никакое иное. Мы совершенно определенно высказываемся за то, что в указанное время, т. е. в XVII—XVIII вв., в России этот процесс имел место. И поэтому во избежание некоторых недоразумений, возникших, к сожалению, в ходе прений, мы должны заявить, что, говоря в докладе о классовом расслоении, мы ведем речь обо всем крестьянстве, а не только о сельскохозяйственном населении сельских местностей и также не специально о новых явлениях в земледелии. Мы считаем невозможным при рассмотрении проблемы классового расслоения в условиях XVII—XVIII вв. отграничивать промыслы, торговлю, мелкую промышленность от сельского хозяйства. Надо учесть, что общественное разделение труда в России XVII—XVIII вв. с аналогичными явлениями конца XIX в. сопоставимо. И если были упреки в наш адрес, что мы позволяем себе смешивать явления разных эпох, то мы это считаем недоразумением.

Для пореформенного периода, конечно, стоит проблема разложения крестьянства, а в предреформенный период, как мы полагали, можно говорить о классовом расслоении крестьянства, т. е. о первичных фазах, которые привели к возникновению на одном полюсе предпролетариата, на другом — нарождающейся буржуазии.

Следующий вопрос, который примыкает к первому, — относительно терминологии. Но мы не будем здесь особенно акцентировать внимание на этом вопросе, признавая, что главное заключается в определении сущности процесса. Если мы найдем общий язык в определении существа процесса, выработать терминологию, естественно, будет гораздо легче. Но мы вновь подчеркиваем, что, с нашей точки зрения, для периода позднего феодализма при характеристике названного процесса может быть применен термин «классовое расслоение». Поэтому мы никоим образом не могли согласиться с теми товарищами, которые упрекали нас в том, что мы будто бы в XVII—XVIII вв. видим разложение крестьянства. Это, разумеется, не так.

Исходя из задачи нашего доклада, мы, естественно, не могли уделить большого внимания вопросам развития в течение XVII—XVIII вв. господствовавшего в стране феодально-крепостнического хозяйства. Вот почему мы считаем, что претензия в наш адрес, когда от нас требовали предъявить «феодальную прописку», чтобы мы имели право говорить о новых явлениях в экономике России, вряд ли может быть принята. Мы не могли $\frac{9}{10}$ или большую долю нашего доклада отвести характеристике явлений, которые определяют феодальный строй, — это задача особая, самостоятельная, и мы ее перед собой не ставили. Но заявляю, — мы не считаем, что период XVII—XVIII вв. в истории России характеризуется только явлениями буржуазного порядка, а феодальные отношения в это время не имеют места или отступают на второй план. Мы исходим из того, что речь идет о периоде позднего феодализма, но в этот период происходит характерный процесс, на который все больше обращают внимание исследователи, — процесс генезиса капитализма. Составной частью этого процесса, необходимой, неотъемлемой его частью было классовое расслоение деревни.

Об историографии. Видимо, товарищи поняли из сказанного, что вопросы историографии тоже не являлись специальной задачей нашего доклада. Мы лишь указали в крайне суммарной, краткой справке фамилии тех авторов и те работы, которые относятся самым непосредственным образом к проблеме классового расслоения. Мы даже не рассчитывали на то, что наш очень краткий историографический перечень вызовет такое внимание.

В письменном тексте нашего доклада историографическая часть имеется, но при зачитании его мы ее опустили, потому что это особый вопрос. Специально разбору историографии проблемы мы посвятили более печатного листа.

Все замечания, которые были здесь высказаны по историографическим вопросам, мы рассмотрим. Но уже сейчас мы должны сказать, что далеко не со всем можем согласиться. Часть этих замечаний, по-моему, была порождена некоторым недопониманием нашей точки зрения, может быть, недостаточно четкой постановкой вопроса в нашем докладе.

По той же причине мы не могли коснуться специально проблем западноевропейской историографии.

В адрес академика Сергея Даниловича Сказкина у нас имеется ряд серьезных критических замечаний. Но во вступительной части мы отметили его участие в разработке проблемы генезиса капитализма, тем самым не умаляя его заслуг в этой области.

Возникает вопрос, который поднимался и на пленуме и был повторен затем на заседании второй секции. Нам говорили, что авторы и редакторы сборника о первоначальном накоплении в России (а среди них и все трое докладчиков) вроде бы сбились с правильного пути венгерского историка П.-Ж. Паха, который, прочитав наш сборник, изменил свою точку зрения, встал на неверные позиции в оценке существа первоначального накопления. Но все дело в том, товарищи, что Пах высказал свою точку зрения до того, как появился сборник статей о первоначальном накоплении в России, так что мы эту высокую честь на себя не можем принять. Как известно, Пах еще в 1954 г. выступал с докладом в Москве, в Институте истории Академии наук, а затем и в нашей печати, а в венгерской печати он выступал еще раньше. Наш же сборник вышел в свет в 1958 г.

Владимир Михайлович Лавровский не впервые высказал критические замечания в адрес этого сборника. Мы считаем, что данный сборник свою положительную роль сыграл, им пользуются, он вводит в оборот новый материал по проблеме, а именно эта задача и стояла перед авторами и редакторами этого издания, о чем совершенно ясно заявлено во введении к сборнику.

Профессор Барг призывал нас к всемирноисторическому диапазону рассмотрения проблемы. Он бросил докладчикам упрек в том, что они сузили свой кругозор рассмотрением русского варианта проблемы.

Изучение аграрной истории, в частности классового расслоения крестьянства, в таком широком историческом плане закономерно, и мы этого не хотим отрицать. Однако М. А. Барг пытался слишком уж категорично утверждать, что те выводы, которые достигнуты советскими исследователями на материалах аграрной истории Англии, должны быть по сути дела просто заимствованы историками СССР.

Но прежде, чем заимствовать, и для того, чтобы заимствовать, необходимо разобратся в материале той страны, которой занимаешься. Это мы и пытаемся делать. К стати, история России с точки зрения аграрного развития представляет чрезвычайно большой интерес и в международном масштабе. Хочу напомнить здесь высказывание Энгельса в предисловии к III тому «Капитала» о замыслах Маркса. Энгельс пишет: «Благодаря разнообразию форм земельной собственности и эксплуатации сельскохозяйственных производителей в России в отделе о земельной ренте Россия должна была играть такую же роль, какую играла Англия в книге I при исследовании промышленного наемного труда» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 25, ч. I, стр. 10). Следовательно, прилагать английские образцы к истории аграрных порядков России нужно весьма и весьма осмотрительно. А нас буквально силой пытаются втиснуть в английский дилижанс и предлагают именно в нем двигаться к намеченной цели.

В. К. Яцунский сделал замечание, что мы игнорировали советскую историографию по XVI в., в частности он упрекнул нас в том, что мы не отразили точки зрения В. А. Голобуцкого. Напомним, что мы сообщили собранию по этому поводу: «сматривать явления процесса классового расслоения деревни в России ранее XVII в. пока нет достаточных оснований», т. е. мы не обошли этого вопроса. Если исследователи, занимающиеся этим временем, сумеют дать соответствующие материалы, тогда мы сможем высказаться более определенно и оценить их точку зрения. Пока, на сегодня, достаточно убедительного материала еще не собрано, не обобщено.

Самое существенное значение, как нам представляется, имеют затронутые во время дискуссии вопросы методологического характера. Именно по ним было высказано большое количество суждений, именно здесь наметились значительные расхождения в точках зрения. Мы с самого начала должны заявить, что проявился разный подход к трактовке принципиального вопроса, касающегося определения ленинской исторической концепции.

В. К. Яцунский, А. Л. Сидоров и некоторые другие ораторы говорили, что наш доклад выдержан в сугубо социологическом плане и основан на неправильном толко-

вании ленинских высказываний, что это своего рода сумма цитат, причем иногда не относящихся к тому периоду, которым мы занимаемся. В том, что доклад носит социологический характер, мы не видим ничего худого. При подготовке доклада мы опирались, разумеется, на ленинские труды, посвященные проблеме развития капитализма в пореформенной России. Но особое внимание было уделено тем высказываниям Ленина, которые касаются первичных, зачаточных, низших форм буржуазного развития. Были учтены также соответствующие исторические экскурсы в прошлое России, имеющиеся в ленинских работах. Изучая эти высказывания в тесной связи с общей ленинской концепцией развития капитализма в России, мы попытались наметить основные черты проблемы. Низшие, «средневековые» формы капиталистических отношений, о которых упоминает В. И. Ленин, не могли родиться только накануне реформы 19 февраля 1861 г. Неужели средние века для В. И. Ленина — канун 1861 г.? Это звучит более чем странно.

Нас пытались уверить в том, что Ленин якобы обращался к истории России XVII в. только два-три раза и то вроде бы мимоходом. Это неправильно. Для Ленина исторические экскурсы представляли органическую составную часть его исследований, и для нас они имеют весьма большое значение в плане восстановления ленинской концепции исторического развития России. Кроме того, прямые высказывания Ленина по истории России XVII в. не исчерпываются приводившимися здесь примерами. Возьмем историю промыслов. Ленин неоднократно обращался к XVII в., отмечая такие центры, как Павлово, Тула и др. Наконец, когда Ленин говорит о формах найма, осложненных кабалой, он указывает покруту и приводит пример с рыболовными промыслами Мурманского берега.

Суммируя все эти ленинские высказывания, мы видим, что Ленин далеко не случайно обращается к историческим явлениям XVII в. Освоение классических формулировок Ленина в сочетании с конкретным изучением эпохи в трудах советских исследователей дает возможность глубже постигнуть ленинскую концепцию развития России по пути капитализма.

Неверно утверждение, что если у Ленина не было специальных исторических трудов, касающихся России XVII в., то мы не вправе опираться на его высказывания. Здесь мы расходимся с В. К. Яцунским в трактовке вопроса. Разве не замечательно, что при изучении произведений В. И. Ленина, в частности его высказываний по вопросам истории, мы убеждаемся, как его гений сумел предвосхитить выводы больших исследований советских историков по проблеме генезиса капитализма?

В этой же связи стоит вопрос о понимании проблемы всероссийского рынка.

Нам было очень странно слышать здесь выступление Аркадия Лавровича Сидорова, который сказал, что проблема всероссийского рынка относится только к сфере торговли, только к сфере обмена. Такая точка зрения, скажем прямо, устарела. Многочисленные монографии советских историков, которые получили одобрение советской печати, говорят, что под проблемой всероссийского рынка В. И. Ленин понимал далеко не только сферу обмена. Достаточно вспомнить подзаголовок труда Ленина «Развитие капитализма в России», который гласит: «Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности». Следовательно, весь комплекс вопросов, рассматриваемых Лениным в этом труде, не может быть уложен только в прокрустово ложе обмена и торговли. Именно такое понимание проблемы и позволило советским историкам достигнуть известных результатов в разработке вопросов позднего феодализма, что было отмечено недавно в журнале «Коммунист» в коллективной статье М. В. Нечкиной, Л. В. Черепнина и Ю. А. Полякова.

Исходя из этого, мы также не можем признать, что буржуазные связи, как полагает Сергей Данилович Сказкин, не идентичны капиталистическим связям. Это различие мы считаем искусственным и неправильным.

Плодом недоразумения является также упрек в воскрешении нами некоторых тезисов М. Н. Покровского. Здесь даже употреблялся термин «покровщина». Мы не видим оснований для подобного упрека.

Теперь, товарищи, разрешите остановиться на том вопросе, который также был поставлен в статье С. Д. Сказкина, — о понятии «новый период русской истории», встречающемся у В. И. Ленина. Мы не согласны, что понятие «новый период» заимствовано Лениным из буржуазной историографии XIX в., в частности у С. М. Соловьева. Прочтите соответствующие страницы «Истории России», и вы убедитесь, что у Соловьева ничего похожего на ленинское понимание «нового периода» нет, как нет и самого термина «новый период».

Нас упрекали в том, что в докладе не хватает фактического материала. Докладчики не ставили специально задачу привести фактический материал, хотя мы с ответственностью говорим, что каждое наше теоретическое положение подкрепляется историческими фактами. Факты свидетельствуют, что в среде крестьянства в XVII—XVIII вв. идет выделение небольшой зажиточной верхушки предпринимателей, эксплуатирующей наемный труд разорявшихся слоев деревни и крестьян-отходников. Все в большей мере регулятором этого процесса становится рынок, развитие товарно-денежных отношений. Имеются многочисленные факты, указывающие на постепенное складывание рынка труда и для земледелия, и для промышленности, и для транспорта.

Поскольку время мое истекает, я не могу огласить эти материалы, почерпнутые как из литературы, так и из неопубликованных источников.

Мы должны вновь подчеркнуть, что существуют две различные точки зрения по проблеме классового расслоения деревни, и называть одну из них, которая представлена нашим докладом, заблуждением было бы неправильно. Пусть нас рассудят время и новые исследования.

В заключение разрешите поблагодарить всех, принявших участие в прениях, за то внимание, которое было уделено нашему докладу, и за целый ряд конкретных, практических предложений. Они будут учтены нами в работе.

В. К. Яцунский.

Наша сессия закончена. Она проходила в знаменательные дни — накануне XXII съезда КПСС и непосредственно после опубликования проекта Программы КПСС. Этот исторический документ позволяет нам правильно оценить научное и общественное значение исследования аграрной истории эпохи феодализма и эпохи капитализма, наметит пути улучшения этой работы. Опубликованные несколько ранее постановления о координации научной работы помогают нам понять ряд важных организационных мероприятий, необходимых для нашей будущей работы.

В Программе партии науке уделено специальное место, и не только науке вообще, но и исторической науке, работниками которой мы являемся.

Исходя из указаний Программы, мы можем оценить степень актуальности той области исторического знания, которой мы занимаемся. Изучение аграрной истории названных эпох нужно для установления закономерностей исторического развития человечества и тем самым — познания закономерности продвижения человечества к социализму и через него — к коммунизму. Далее, изучение пути аграрного развития Восточной Европы в прошлом помогает понять пути современного аграрного развития стран Азии. В мае текущего года научным советом по проблеме «генезис капитализма» была организована сессия в связи со столетием со времени падения крепостного права в России, и на этой сессии докладчики — работники Института народов Азии отчетливо показали справедливость такого подхода к изучению аграрного развития Восточной Европы. Наконец, без изучения аграрной истории эпохи капитализма нельзя выявить исторические корни союза рабочего класса и крестьянства. Знание исторического развития человечества, в том числе и его аграрного развития, является необходимой предпосылкой для усвоения марксистско-ленинского мировоззрения широкими кругами советской интеллигенции. Научная разработка аграрной истории утверждает это знание на прочной базе фактов и тем содействует сознательному и прочному усвоению марксизма-ленинизма образованными людьми.

В прошлом, 1960 г. мне пришлось участвовать в составе советской делегации в работе XI международного конгресса историков в Стокгольме. Между историками социалистического лагеря и историками капиталистических стран там развернулась оживленная и порою острая идеологическая борьба. Эта борьба в значительной мере шла по проблемам эпохи феодализма, в том числе и по вопросам аграрной истории. Это наглядно показывает важность для советских историков изучения аграрной истории не только капиталистической, но и феодальной эпохи.

Все сказанное убеждает нас, что в свете Программы КПСС исследование аграрной истории эпохи феодализма и эпохи капитализма входит в число актуальных проблем советской исторической науки. Программа КПСС подчеркивает, что «в руководстве научной работой будет возрастать роль научной общественности. Необходимым условием развития науки являются свободные товарищеские дискуссии, содействующие творческому решению назревших проблем». На сессиях нашего симпозиума, ставших уже традиционными, мы в свободной товарищеской обстановке обсуждаем проблемы аграрной истории. Это вселяет в нас уверенность, что мы не только делаем нужную работу, но и стоим на правильных организационных позициях.

Но, отмечая научную актуальность своей работы и высокую полезность симпозиума как одной из форм этой работы, Организационный комитет далек от самоуспокоенности и отнюдь не считает положение в области аграрной историографии не требующим весьма и весьма значительных улучшений.

Наша аграрная историография имеет серьезные достижения, но и немало узких мест, которые отмечались в резолюциях предыдущих наших сессий. Напомню основные из них.

Прежде всего, это малое внимание к истории производительных сил. На этот недостаток указывалось едва ли не на каждой сессии, но дело не улучшалось. Внимание историков-аграрников продолжало ограничиваться изучением истории производственных отношений и классовой борьбы. На настоящей сессии можно констатировать в этом отношении некоторое улучшение, но, конечно, еще не достаточное.

Нельзя признать благополучным не только состояние издания источников по аграрной истории (здесь положение просто катастрофическое), но и состояние их выявления. В этой области каждый исследователь работает на свой страх и риск. Систематической, плановой работы в этом отношении не ведется.

Как на наших сессиях, так и на местах мы занимаемся почти исключительно отечественной аграрной историей, и очень немногие из наших историков изучают аграрную историю других стран Восточной Европы. В этом отношении характерна степень

участия в работах нашего симпозиума сотрудников Института славяноведения. На Московской сессии их участие было довольно активным. В Киеве их активность резко снизилась, здесь, в Риге, Институт славяноведения совсем не участвует в работе сессии. Вся зарубежная тематика представлена тут славистами из Ленинградского и отчасти Московского университета, причем их доклады посвящены аграрной истории одной лишь Польши. Такое положение затрудняет выявление закономерностей в аграрном развитии стран Восточной Европы.

Внимание наших историков распределяется неравномерно по различным историческим периодам. Об этом уже говорилось на Московской сессии. Особенно отстает изучение аграрной истории пореформенного периода.

У нас имеются серьезные недостатки методического характера. Мне пришлось останавливаться на этой стороне дела на Московской сессии, и эти недостатки отмечены в принятой сессией резолюции. Я не буду больше сейчас о них говорить.

Недостатки нашей аграрной историографии отражались и на тематике наших сессий и на качестве докладов. Участники сессий в своих резолюциях систематически отмечали слабые места в области изучения аграрной истории, но одни резолюции не помогут. Программы наших заседаний составлялись Организационным комитетом на основании заявок с мест. Он старался отбирать лучшие доклады, но лишь в очень небольшой мере имел возможность заказывать доклады. Работа историков-аграрников на местах не координировалась. Исторические документы, названные мною выше, требуют и дают возможность улучшить положение. Настало время начать координацию исследований по аграрному вопросу. Научное общение историков-аграрников, обмен творческим опытом на четырех сессиях — в Таллине, Москве, Киеве и Риге — будут способствовать этому.

Координация для одной группы проблем необходима в масштабе всех союзных республик, историки которых участвуют в симпозиуме, для других групп проблем она нужна только в региональном масштабе, например для Латвии и Эстонии, для Украины, Белоруссии и Литвы и т. д.

Следует координировать усилия по разработке узловых вопросов аграрной истории. Прежде всего это относится к истории производительных сил. Около десяти лет тому назад по поручению покойного академика Б. Д. Грекова, руководившего Комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства (она называлась тогда Комиссией по истории земледелия), мною была составлена программа исследований, необходимых в данной области. Эта программа была опубликована¹, и я не буду на ней сейчас останавливаться. Укажу лишь, что центральной проблемой здесь является история урожайности. Урожайность отражает уровень производительных сил в земледелии. Ее динамика у нас очень плохо изучена.

Чрезвычайно важно сдвинуть с мертвой точки исследование истории цен². Без знания истории цен невозможно научное изучение многих основных вопросов аграрной истории — таких, например, как динамика повинностей и платежей крестьян и ряд других проблем. В других странах, в частности в соседней с нами Польше, в этой области сделано много. У нас единственной монографией является книга А. Г. Манькова, изданная также, кстати сказать, в Париже во французском переводе. Но А. Г. Маньков касается только XVI века. Эту работу надо продолжить.

Производственными отношениями мы занимаемся много, но здесь не хватает системы, не хватает координации исследований. Здесь следует в масштабе всей изучаемой нами территории проследить изменения в положении крестьян, и прежде всего изменения земельных наделов и повинностей.

Для более успешного изучения истории крестьянского движения следует разработать методику его статистического исследования.

Нельзя терпеть дальше отставание в изучении аграрной истории эпохи капитализма, в особенности эпохи империализма. Аграрная история этого времени тесно связана со складыванием предпосылок Октябрьской революции.

Для решения многих спорных вопросов большое значение имеет постановка так наз. «сквозных тем», когда явление изучается на протяжении большого промежутка времени. Об этом говорилось в прениях на пленарных заседаниях данной сессии, и важность этого можно больше не аргументировать.

Координация должна охватить и проблему выявления и изучения (хотелось бы, «мечтая», сказать — и издания) источников. Следует прежде всего развернуть работу по изучению вотчинных архивов, а в них — описей крестьянских хозяйств и повинностей.

Комиссия по истории сельского хозяйства и крестьянства развернула фронтальную работу по исследованию уставных грамот и выкупных актов реформы 1861 г. На Киевской сессии об этом было доложено. По не зависящим от Комиссии причинам финансового порядка эта работа остановилась. Надо добиваться ее возобновления в

¹ Очередные вопросы истории земледелия в СССР. — «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1952, № 3.

² Методике изучения урожайности и цен я посвятил специальную статью в IV выпуске «Проблем источниковедения».

центре и организации на местах. Здесь особенно много могут сделать кафедры истории СССР университетов и педагогических институтов.

Богатейшие материалы земской статистики, когда-то послужившие основным источником для трудов В. И. Ленина по аграрному вопросу, в настоящее время лежат у нас мертвым капиталом. Их почти никто не изучает. Я могу назвать фамилии только двух историков, которые серьезно работают над этим материалом. Невнимание к данному источнику тесно связано с невниманием к той эпохе, которую он отражает. Я уже только что говорил об этом.

А. Л. Сидоров и А. З. Барабой в прениях указали на необходимость научного контакта с историками, изучающими аграрную историю советского общества. Это безусловно очень важное дело. Организационному комитету следует выполнить это пожелание и совместно с лицами, руководящими изучением аграрной истории советского общества, найти формы этого контакта.

Проблемы координации нельзя решать на ходу, без серьезной и длительной подготовки. Организационный комитет обращается ко всем участникам сессии с убедительной просьбой поставить все эти вопросы у себя на местах, в своих организациях, обсудить и о результатах этих обсуждений сообщить Организационному комитету, чтобы создалась возможность на следующих сессиях поставить эти большие и важные проблемы и в более развернутом, и в более конкретном плане.

Я изложил по вопросам об оценке научной актуальности нашей работы и о мерах к ее улучшению в свете Программы КПСС и постановлений о координации научной работы все то, что мне поручил Организационный комитет. Позвольте от имени этого Комитета и, думаю, от имени всех участников сессии выразить горячую благодарность за прекрасную, исключительно четкую организацию сессии, когда, в частности, впервые были напечатаны тезисы докладов, и чрезвычайное радушие и гостеприимство устроителям сессии — нашим латвийским хозяевам. Сердечное спасибо президиуму Академии наук Латвии, Институту истории этой академии и его руководителям — директору Карлу Яновичу Страздиню и заместителю директора Александру Арвидовичу Дризулу. В особенности же мы должны поблагодарить Генриха Петровича Строда, члена Оргкомитета от Латвии. На его плечи легла основная тяжесть работы по подготовке и созыву сессии, и он выполнил эту весьма трудоемкую работу с исключительным умением, с большим вниманием к делу и сердечной заботой о каждом из нас, приехавших в гостеприимную столицу Латвии.

СПИСОК ДОКЛАДЧИКОВ И ВЫСТУПАВШИХ В ПРЕНИЯХ

№№ п/п.	Фамилия, имя, отчество	Ученая степень	Должность, место работы
1	Алексеев Юрий Георгиевич	—	Мл. научн. сотр. Ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР
2	Анфимов Андрей Матвеевич	Канд. ист. наук	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН СССР
3	Анцупов Иван Антонович	„	Мл. научн. сотр. Ин-та истории АН Молдавской ССР
4	Байкова Сусанна Михайловна	„	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН Белорусской ССР
5	Барабой Абрам Зиновьевич	„	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН Украинской ССР
6	Барг Михаил Абрамович	Доктор ист. наук	Профессор Московского пед. ин-та им. В. И. Ленина
7	Бойко Иван Давидович	Канд. ист. наук	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН Украинской ССР
8	Будаев Дмитрий Иванович	„	Доцент Смоленского пед. ин-та
9	Будовниц Исаак Уриельевич	„	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН СССР
10	Воронков Иван Александрович	„	Доцент Московского университета
11	Горская Наталия Александровна	„	Сотрудник редакции журнала «История СССР»
12	Горский Анатолий Дмитриевич	„	Доцент Московского университета
13	Грейтъянис Игорь Робертович	„	Ст. преп. Латвийского университета
14	Грицкевич Анатолий Петрович	„	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН Белорусской ССР
15	Громыко Марина Михайловна	„	Ст. научн. сотр. Сибирского отделения АН СССР
16	Гроссман Юрий Миронович	„	Доцент Львовского университета
17	Дорошенко Василий Васильевич	„	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН Латвийской ССР
18	Драгнев Демир Миронович	„	Мл. научн. сотр. Ин-та истории АН Молдавской ССР
19	Дризул Александр Арвидович	Чл.-корр. АН Латв. ССР	Зам. директора Ин-та истории АН Латвийской ССР
20	Дубровский Сергей Митрофанович	Доктор ист. наук	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН СССР
21	Зейд Теодор Янович	Канд. ист. наук	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН Латвийской ССР
22	Злупко Степан Николаевич	„	Доцент Львовского университета
23	Иванова Ольга Ефимовна	„	Доцент Ленинградского университета
24	Индова Екатерина Иосифовна	„	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН СССР
25	Инкин Василий Фаддеевич	„	Доцент Львовского университета

№ п/п.	Фамилия, имя, отчество	Ученая степень	Должность, место работы
26	Исаевич Ярослав Дмитриевич	Канд. ист. наук	Мл. научн. сотр. Ин-та общественных наук АН УССР (Львов)
27	Қахк Юхан Юханович	„	Зам. директора Ин-та истории АН Эстонской ССР
28	Ковальченко Иван Дмитриевич	„	Доцент Московского университета
29	Козин Михаил Иванович	„	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН Латвийской ССР
30	Козловский Павел Григорьевич	„	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН Белорусской ССР
31	Копылов Алексей Николаевич	„	Мл. научн. сотр. Сибирского отделения АН СССР
32	Корецкий Вадим Иванович	„	Мл. научн. сотр. Ин-та истории АН СССР
33	Кравец Николай Николаевич	„	Ст. научн. сотр. Ин-та общественных наук АН УССР (Львов)
34	Крастынь Ян Петрович	Академик АН Латв. ССР	Зав. сектором Ин-та истории АН Латвийской ССР
35	Круус Ханс Хансович	Академик АН Эст. ССР	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН Эстонской ССР
36	Кунцевич Федор Павлович	Канд. ист. наук	Доцент Крымского пед. ин-та
37	Курмачева Мая Дмитриевна	—	Мл. научн. сотр. Ин-та истории АН СССР
38	Лавровский Владимир Михайлович	Доктор ист. наук	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН СССР
39	Лейнасаре Ингрида Альфредовна	Канд. ист. наук	Мл. научн. сотр. Ин-та истории АН Латвийской ССР
40	Лещенко Николай Никифорович	Доктор ист. наук	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН Украинской ССР
41	Линги Херберт Мадисович	Канд. ист. наук	Мл. научн. сотр. Ин-та истории АН Эстонской ССР
42	Литаш Иван Александрович	„	Доцент Крымского пед. ин-та
43	Лооне Лейда Александровна	„	Ст. научн. сотр. Ин-та экономики АН Эстонской ССР
44	Лукичев Степан Семенович	—	Преп. Томского университета
45	Мадиссон Юлиус Карлович	Канд. ист. наук	Доцент Тартуского университета
46	Маньков Аркадий Георгиевич	„	Ст. научн. сотр. Ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР
47	Милов Леонид Васильевич	„	Доцент Московского университета
48	Милованов Василий Андреевич	„	Ст. научн. сотр. Ин-та экономики АН Белорусской ССР
49	Мохов Николай Андреевич	„	Зам. директора Ин-та истории АН Молдавской ССР
50	Мюллер Раиса Борисовна	„	Мл. научн. сотр. Ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР
51	Неупокоев Валентин Иванович	„	Отделение исторических наук АН СССР
52	Паина Эсфирь Самойловна	—	Ст. научн. сотр. ЦГИАЛ
53	Плющевский Борис Григорьевич	Канд. ист. наук	Доцент Удмуртского пед. ин-та
54	Полонский Антон Васильевич	„	Доцент Минского пед. ин-та
55	Похилевич Дмитрий Леонидович	Доктор ист. наук	Профессор Львовского университета
56	Преображенский Александр Александрович	Канд. ист. наук	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН СССР
57	Прусс Владимир Владимирович	„	Доцент Курганского пед. ин-та
58	Пьянков Алексей Петрович	Доктор ист. наук	Профессор Минского пед. ин-та
59	Рознер Ионес Германович	Канд. ист. наук	Мл. научн. сотр. Ин-та истории АН Украинской ССР

№ п/п.	Фамилия, имя, отчество	Ученая степень	Должность, место работы
60	Романовский Виктор Александрович	Доктор ист. наук	Профессор Ставропольского пед. ин-та
61	Рябков Георгий Трофимович	Канд. ист. наук	Доцент Смоленского пед. ин-та
62	Секиринский Сергей Анатольевич	„	Доцент Крымского пед. ин-та
63	Сидоров Аркадий Лаврович	Доктор ист. наук	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН СССР
64	Симонова Марлена Сергеевна	Канд. ист. наук	Мл. научн. сотр. Ин-та истории АН СССР
65	Стеблий Феодосий Иванович	„	Мл. научн. сотр. Ин-та общественных наук АН Украинской ССР (Львов)
66	Степерманис Маргер Кристианович	Доктор ист. наук	Зав. кафедрой Латвийского университета
67	Строд Генрих Петрович	Канд. ист. наук	Зав. сектором Ин-та истории АН Латвийской ССР
68	Сухотина Людмила Григорьевна	—	Преп. Томского университета
69	Тихонов Юрий Александрович	Канд. ист. наук	Мл. научн. сотр. Ин-та истории АН СССР
70	Улащик Николай Николаевич	„	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН СССР
71	Устюгов Николай Владимирович	Доктор ист. наук	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН СССР
72	Фигаровский Василий Андреевич	Канд. ист. наук	Доцент Пензенского пед. ин-та
73	Чернышов Евгений Иванович	„	Ст. научн. сотр. Ин-та истории Казанского филиала АН СССР
74	Чистозвонов Александр Николаевич	„	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН СССР
75	Шабуня Константин Иванович	„	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН Белорусской ССР
76	Шапиро Александр Львович	Доктор ист. наук	Профессор Ленинградского университета
77	Шацкий Петр Александрович	Канд. ист. наук	Доцент Ставропольского пед. ин-та
78	Шемяков Дмитрий Егорович	„	Доцент Кишиневского университета
79	Шмидт Сигурд Оттович	„	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН СССР
80	Эпик Элина Эрнстовна	„	Мл. научн. сотр. Ин-та истории Эстонской ССР
81	Юргинис Иозас Матович	„	Зам. директора Ин-та истории АН Литовской ССР
82	Ючас Мечиславис Адольфасович	„	Мл. научн. сотр. Ин-та истории АН Литовской ССР
83	Якубовский Владимир Александрович	„	Доцент Ленинградского университета
84	Яцунский Виктор Корнельевич	Доктор ист. наук	Ст. научн. сотр. Ин-та истории АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы» за 1961 г.	3
Резолюция IV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в Риге	6
Постановление Бюро Отделения исторических наук АН СССР об итогах IV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы	7

Доклады на пленарных заседаниях

Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Проблема классового расслоения крестьянства периода позднего феодализма в свете трудов В. И. Ленина о развитии капитализма в России	11
Д. Л. Похилевич. Малоземельное и безземельное сельское население в Русском воеводстве Речи Посполитой в XVI в.	25
М. И. Козин. Разложение крестьянства Видземе и Курземе во второй половине XIX в.	39
Я. П. Крастынь. Положение и борьба крестьян Латвии в годы первой мировой войны	52

Доклады и сообщения на секционных заседаниях

Первая секция (до середины XVII в.)

А. Д. Горский. Некоторые итоги изучения земледелия древней Руси (IX—XV вв.) в советской историографии	65
В. А. Якубский. Неимущее сельское население и проблема рабочих рук в Малой Польше в конце XVI—XVII в.	78
Я. Д. Исаевич. Гродские и земские акты — важнейший источник по истории аграрных отношений в Речи Посполитой в XVI—XVIII вв.	90
А. П. Пьянков. Сельская община Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв.	100
Ю. Г. Алексеев. Развитие феодального землевладения в Переяславском уезде в XV — начале XVI в.	108
В. В. Дорошенко. Действие «революции цен» в Восточной Прибалтике в XVI в.	114
Х. М. Лиги. Закрепощение крестьян в Эстонии	126
Ю. М. Гроссман. Фольварки государственных имений Русского и Белзского воеводств во второй половине XVI в.	135
Н. А. Горская. Урожайность зерновых культур в центральной части Русского государства в конце XVI — начале XVII в.	147
И. Д. Бойко. Производительные силы в сельском хозяйстве Украины в XVI — первой половине XVII в.	165
Е. И. Чернышов. Татарская деревня второй половины XVI и XVII в.	174

Вторая секция (середина XVII — конец XVIII в.)

В. А. Романовский. Основные проблемы истории феодализма на Левобережной Украине в XVII—XVIII вв.	184
Э. Э. Эник. Подъем крестьянского движения на территории Эстонии в первую половину Северной войны (1700—1710 гг.)	195
А. Л. Шапиро. Развитие рыночных отношений и крепостничество в русской деревне первой половины XVIII в.	207
П. Г. Козловский. Земельный надел и повинности крестьян в магнатских владениях Белоруссии во второй половине XVIII в.	218
А. Н. Копылов. О характере крестьянской колонизации и проблеме рабочей силы в земледелии Енисейского уезда в XVII в.	232
А. П. Грицкевич. Местный рынок сельскохозяйственных продуктов в Слуцком княжестве в Белоруссии в конце XVII — начале XVIII в.	241
Д. М. Драгнев. Аграрное законодательство К. Маврокордата и изменение правового положения молдавских крестьян в середине XVIII в.	252
М. М. Громыко. Крестьяне церковных вотчин Западной Сибири в 40—60-х годах XVIII в.	262
В. Ф. Инкин. Особенности социальной борьбы королевских крестьян в Галичине в XVIII в.	271
Л. В. Миров. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в.	279
О. Е. Иванова. К вопросу о крестьянском землевладении феодальной Польши (XVI — середина XVIII в.)	289

Третья секция (конец XVIII — первая половина XIX в.)

Г. П. Строд. Начало применения сельскохозяйственных машин в Латвии (конец XVIII — начало 60-х годов XIX в.)	296
Ю. Ю. Кахи. О территориальной распространенности крестьянских волнений в Эстонии в XVIII и первой половине XIX в.	306
А. З. Барабой. Наемный труд в помещичьих имениях Правобережной Украины в первой половине XIX в.	321

В. И. Неупокоев. Перестройка некоторых помещичьих хозяйств Литвы во второй трети XIX в.	331
И. А. Лейнасане. Развитие земледельческих орудий труда в Латвии в период разложения барщинного хозяйства (конец XVIII — первая половина XIX в.)	349
С. А. Секиринский. Из истории крестьянской колонизации Таврической губернии в конце XVIII — первой половине XIX в.	356
М. Д. Курмачева. Социальное расслоение крестьян в ардатовских вотчинах Голлицыных в конце XVIII — середине XIX в.	363
С. С. Лукичев. Состояние основных отраслей сельского хозяйства в Алтайском горном округе в первой половине XIX в.	379
Б. Г. Плющевский. Социальное и хозяйственное развитие вятской деревни в 40—50-х годах XIX в.	390
И. А. Анцупов. Развитие торгового садоводства и виноградарства в селениях государственных крестьян и колонистов южных уездов Бессарабии в 30—60-х годах XIX в.	399

Четвертая секция (вторая половина XIX — начало XX в.)

Г. Т. Рябов. Сравнительный анализ данных дореформенных подворных описей помещичьих крестьян и земских подворных переписей	411
С. М. Байкова. К вопросу об участии крестьян Белоруссии в восстании 1863 г.	422
К. И. Шабуня. О развитии капитализма в помещичьем хозяйстве Белоруссии в конце XIX и начале XX в.	435
Н. Н. Лещенко. Формирование союза рабочего класса и крестьянства на Украине в период первой русской революции	448
А. В. Полонский. Отношение царского правительства к вопросу о пастбищных сервитутах в Белоруссии	457
Н. Н. Кравец. Крестьянское движение в Восточной Галиции во второй половине XIX в.	466
С. Н. Злупко. Классовая сущность и эволюция экономических требований галицкого крестьянства во второй половине XIX — начале XX в.	472
И. Р. Грейтъянис. Формы протеста и борьбы крестьянского населения против остатков крепостничества в Латвии в 80-х годах XIX в.	481
Л. Г. Сухотина. К вопросу о характере и формах крестьянского землепользования в Томской губернии в конце XIX — начале XX в.	487
В. В. Прусс. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Южного Зауралья в конце XIX — начале XX в.	493
П. А. Шацкий. Пореформенная колонизация Кубанской области и развитие земледелия на Кубани	501
Ф. П. Кунцевич. К истории аграрно-крестьянского вопроса в Крыму в конце XIX — начале XX в.	511
Д. Е. Шемяков. К вопросу о товарности зернового хозяйства Бессарабии в эпоху империализма (конец XIX в. — 1917 г.)	520

Обсуждение докладов

Прения на пленарных заседаниях	529
Заключительные выступления	562
Список докладчиков и выступавших в прениях	568

ЕЖЕГОДНИК ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Редактор *С. Леви*. Технический редактор *А. Лемберга*. Корректор *И. Шульц*.

Сдано в набор 18 января 1963 г. Подписано к печати 15 июля 1963 г.
Формат бумаги 70×108/16. 35,75 физ. печ. л.; 39,31 усл. печ. л.; 63,28
уч.-изд. л. Тираж 1200 экз. ЯТ 06505. Цена 3 руб. 95 коп.

Издательство Академии наук Латвийской ССР
г. Рига, ул. Смильшу № 1

Отпечатано в Образцовой типографии Управления полиграфической
промышленности Министерства культуры Латвийской ССР, г. Рига,
ул. Пушкина № 12. Заказ № 78.
9(A4)+9(L)

